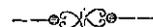

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
АЛЕКСѢЯ СТЕПАНОВИЧА
ХОМЯКОВА.

ТОМЪ IV,

Изданный подъ редакціею

А. О. ГИЛЬФЕРДИНГА.

МОСКВА.

Въ типографіи Бахметова, на Срѣтенскѣ, д. Карлони.
1873.

А. С. ХОМЯКОВА

ЗАПИСКИ

О ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Обзоръ всемирной исторіи.)

МОСКВА.

Въ типографіи Бахметева, на Срѣтенѣ, д. Карлони.

1873.

Предлагаемыя читателямъ «Записки о всемірной Исторіи» А. С. Хомякова были почти совсѣмъ отпечатаны, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ листовъ IV тома, когда внезапно скончался именно тотъ, чьей добросовѣстной и просвѣщенной заботѣ обязаны эти «Записки» своимъ появленіемъ, Александру Ѳедоровичу Гильфердингу не привелось дожить до обнаруженія тѣхъ сочиненій Хомякова, чтимаго имъ какъ учителя, которыми онъ наиболѣе дорожилъ и на изданіе которыхъ онъ положилъ столько упорнаго труда и горячей любви. Для того, чтобы рукопись записокъ стала доступною русскому обществу, понадобилось много работы, не только ученой, требующей обширныхъ знаній и высоты разумѣнія, соответствующей историко-философскому созерцанію автора,—но и работы самой мелочной, кропотливой, почти механической. И ту и другую работу взялъ на себя Гильфердингъ. Онъ привелъ рукопись — почти не обдѣланную и не просмотрѣнную Хомяковымъ — въ порядокъ внѣшній, а содержаніе ея въ стройную систему, выдѣливъ изъ изложенія основной мысли частныя изслѣдованія и разсужденія и обозначивъ этотъ главный ходъ мысли ясными, краткими оглавленіями, напечатанными въ изданіи на поляхъ и значительно облегчающими трудъ читателя. Онъ старался провѣрить каждое историческое положеніе, каждую историческую гипотезу Хомякова по источникамъ и по новѣйшимъ даннымъ науки, для чего не однажды подолгу приходилось ему рыться въ разныхъ библіотекахъ и входить въ сношенія съ разными учеными; онъ по нѣскольку разъ держалъ корректуру, и ему принадлежать всѣ примѣчанія съ отмѣткою: «отъ ред.» и «отъ изд.» Не смотря на множество и разнообразіе своихъ занятій, обязанный службою, отвлека-

II

емый собственными научными изслѣдованіями и путешествіями,—Гильфердингъ, съ высокой добросовѣстностью ученаго и ученика, не позволялъ себѣ сокращать мѣру своей работы надъ «Записками» и посвящалъ имъ каждый мигъ своего рѣдкаго досуга.

Тѣ изъ читателей, которымъ дорога память Хомякова и которые чтутъ подвигъ его мысли, почтутъ конечно искреннею признательностью и А. О. Гильфердинга. Въ могилѣ оба—и учитель и ученикъ, и авторъ и редакторъ: настоящее изданіе служить памятникомъ имъ обоимъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Все бывавшіе у А. С. Хомякова знали, что кромѣ стихотвореній, которыя изрѣдка у него выливались, кромѣ журнальныхъ статей, за которыя заставляли его братья пріятели, кромѣ богословскихъ разсужденій, которыя онъ посылалъ печатать за границу, кромѣ механическихъ изобрѣтеній и лингвистическихъ изысканій, одинаково занимавшихъ его всесторонній умъ, онъ постоянно трудился надъ какимъ-то обширнымъ ученымъ сочиненіемъ; но никому почти не было извѣстно, какая это работа.

Однажды Гоголь, заставъ его за письменнымъ столомъ и заглянувъ въ тетрадку почтовой бумаги, которую другъ его покрывалъ своимъ мельчайшимъ бисернымъ почеркомъ, не оставляя на цѣломъ листѣ ни малѣйшаго мѣстечка неисписаннымъ, — Гоголь прочелъ тутъ имя Семирамиды. «Алексѣй Степановичъ Семирамиду пишетъ!» сказалъ онъ кому-то, и съ того времени это названіе осталось за сочиненіемъ, занимавшимъ Хомякова. «Какъ подвига-

ется Семирамида?» спрашивали его приятели. — «Я нынче все лѣто проработалъ въ деревнѣ надъ своей Семирамидой,» такъ онъ однажды встрѣтилъ пишущаго эти строки, по возвращеніи въ Москву, и видно было, что онъ очень былъ доволенъ такимъ употребленіемъ лѣтняго времени. «Когда вы надѣетесь кончить Семирамиду?» — «Я ея никогда не кончу.» — «Приступите ли вы скоро къ печатанію вашей работы?» — «При жизни моей я и не думаю ее печатать; можетъ быть, послѣ моей смерти кто нибудь издастъ.» Это говорилъ Хомяковъ тому же лицу, и такъ дѣйствительно случилось.

Въ настоящихъ двухъ томахъ читатель найдетъ эту «Семирамиду», которую покойный писалъ болѣе 20 лѣтъ. Заглавіе «Записки о всемірной исторіи» не принадлежитъ автору. Подлинная рукопись не носитъ никакого заглавія. На верху первой страницы выставлены только, рукою автора, четыре буквы:

И. и. и. и.

Не знаемъ, что онъ этимъ хотѣлъ означить.

Рукопись автора осталась въ черновомъ видѣ и состоитъ изъ 21 тетрадки или 284 полулистовъ почтовой бумаги, мельчайшаго, какъ сказано, письма. Помарокъ весьма мало и то лишь такія, которыя дѣлались непосредственно во время писанія; позднѣйшихъ исправленій и передѣлокъ нѣтъ вовсе. По мѣрѣ того какъ работа подвигалась, авторъ отдавалъ свои тетради переписывать съ оставленіемъ поля, такъ что можно предполагать въ немъ намѣреніе впослѣдствіи просмотрѣть имъ написанное и сдѣлать поправки; но онъ не успѣлъ этого исполнить.

Смерть прервала его работу тамъ, гдѣ она начинала получать особенный интересъ, — на половинѣ среднихъ вѣковъ.

Какъ произошло это сочиненіе? какая была его цѣль? какое оно имѣеть значеніе въ ряду трудовъ этого замѣчательнаго человѣка?

Одинъ изъ друзей Хомякова, выдавшій его почти ежедневно именно въ то время, когда онъ начиналъ писать свою «Семирамиду», А. Н. Поповъ, сообщилъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о ея происхожденіи:

«Сочиненіе свое о всемирной исторіи Хомяковъ началъ въ 1838 году или около того. Такимъ образомъ оно по началу предшествуетъ другимъ прозаическимъ сочиненіямъ Хомякова, который сталъ писать статьи для печати только въ сороковыхъ годахъ. До того времени онъ написалъ только, вынужденный случайными обстоятельствами, какъ помѣщикъ, статью о черезполосномъ владѣніи (1835 г.). Но еще будучи далекъ отъ мысли стать ученымъ писателемъ, онъ постоянно читалъ и очень много. Чтобы имѣть возможность изучить вопросы древней исторіи и исторіи религій въ самыхъ источникахъ, онъ выучился языку греческому, а потомъ ознакомился и съ санскритскимъ. Ни одно сколько нибудь важное въ ученomъ отношеніи сочиненіе, въ какой бы изъ европейскихъ литературъ оно ни появилось, не ускользало отъ его вниманія. Изумительная память сохраняла до малѣйшей подробности все прочитанное, а сильный умъ, работая неутомимо, всю эту массу свѣдѣній превращалъ въ стройное, систематическое цѣлое. Но все это не ложилось на бумагу, а передавалось друзьямъ и знако-

мымъ въ ежедневныхъ разговорахъ, часто продолжавшихся далеко за полночь. Иногда бесѣда, даявшаяся цѣлый вечеръ въ его кабинетѣ, выходила съ разбѣжавшимися собесѣдниками въ прихожую и оканчивалась на подъѣздѣ дома. Кто былъ участникомъ этихъ бесѣдъ, тотъ никогда ихъ не забудетъ и пойметъ, почему всѣ его собесѣдники или лучше сказать слушатели, особенно же юные въ то время, неотступно надоѣдали ему просьбами, чтобы онъ писалъ, и упрекали его въ лѣни, въ тратѣ времени на разговоры со всѣми и каждымъ. Составился даже заговоръ между его молодыми друзьями, въ которомъ принимала очень дѣятельное участіе его жена, а главнымъ зачинщикомъ былъ Д. А. Валуевъ, его племянникъ по женѣ, въ то время молодой студентъ московскаго университета, предававшійся ученымъ занятіямъ со всѣмъ жаромъ юнаго увлеченія, которое и свело его въ преждевременную могилу *). Долго Хомяковъ отдѣлялся отъ настояній молодыхъ друзей шутками, которыя бывали такъ остроумны и веселы,

---

*) Нашъ почтенный ориенталистъ К. А. Коссовичъ, въ то время жившій въ Москвѣ и бывавшій у Хомякова какъ другъ дома, обязательно прочитавъ настоящую статью въ рукописи, доставилъ намъ слѣдующую замѣтку, которую мы помѣщаемъ здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ: «Необыкновенно пріятно было мнѣ прочитать тѣ строки, въ которыхъ заключается столь сочувственный отзывъ о Д. А. Валуевѣ. Но по моему мнѣнію сказано о немъ еще мало. Это былъ, если не самый первый въ хронологическомъ порядкѣ, то, заодно разумѣется съ Хомяковымъ, рѣшительно первый подвижникъ и двигатель славянскаго дѣла. Онъ былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Шафарикомъ. Онъ началъ *Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ съ нею*

такъ потѣшали тогдашнее образованное общество Москвы. Но его *гонители* и *мучители*, какъ онъ ихъ называлъ, были слишкомъ юны; чтобы оцѣнить все достоинство этихъ шутокъ и ими удовлетвориться. Напротивъ, они съ негодованіемъ относились къ нимъ и только усиливали свои настоянія.

соплеменныхъ и единовѣрныхъ, который предполагалъ сдѣлать періодическимъ изданіемъ. Уѣзжая за границу, онъ оставилъ второй томъ совершенно приготовленнымъ къ печати. Его широкій, любящій взглядъ единилъ всеславянство съ всеправославіемъ, о чемъ, кажется, теперь никто и не думаетъ. Никогда не забуду я, какъ ему хотѣлось утвердить меня въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ проживавшимъ тогда въ Москвѣ православнымъ сирійскимъ митрополитомъ Неофитомъ. Онъ мечталъ объ Абиссинской церкви и оставилъ послѣ себя подготовительную по этому предмету статью въ первомъ томѣ «Сборника». Вдохновляя Хомякова и, разумѣется, въ то же время получая отъ послѣдняго одобреніе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ подвинулъ Панова къ изданію двухъ «Московскихъ Сборниковъ.» Самъ кромѣ того издалъ «Симбирскій Сборникъ,» въ которомъ находится его прекрасная статья о *мьстничествѣ*. Ни Кирѣевскимъ, ни Языкову, ни г-жѣ Зонтагъ, ни мнѣ, онъ не давалъ покоя, самъ постоянно работалъ и умѣлъ заставлятъ каждого дѣлать свое дѣло. Когда онъ умеръ, помню, что очень мѣтко у Языкова выразился о немъ одинъ изъ его друзей: «Не стало теперь у насъ нашего часовщика, который насъ, все равно что часы, постоянно приводилъ въ дѣйствіе.» Кромѣ сказаннаго, онъ неуспѣшно пекся о воспитаніи русскихъ дѣтей и съ этою цѣлію основалъ *Библиотеку для воспитанія*, выходившую подъ редакціею П. Г. Рѣдина. А частная его жизнь? Она вся была предана добру; онъ только и дѣлалъ, что трудился да благотѣльствовалъ, часто черезъ мои руки, бѣднымъ студентамъ и бѣднымъ чиновникамъ. И о такомъ человѣкѣ никто нынѣ не помнитъ и не вспоминаетъ! Это непростительно особенно славистамъ, забывшимъ объ одномъ изъ своихъ, такъ сказать, родоначальниковъ.»

«Чтобы написать и даже начать писать такое сочинение, какое бы я желалъ, у меня еще не подготовлено матеріаловъ; нѣкоторыя части и отдѣльные вопросы готовы, но еще много другихъ остается впереди.» Такъ говорилъ онъ между прочимъ одному изъ своихъ *конителей* (именно тому, который обязательно сообщилъ намъ эти воспоминаванія)—и побѣдилъ его; но когда онъ передалъ эти слова Валуеву, послѣдній съ негодованіемъ отвѣчалъ: «кто же думаетъ заставлять его писать полное, систематическое сочинение объ исторіи? Пусть записываетъ то, что рассказываетъ, пусть пишетъ вмѣсто того, чтобы болтать.»

«Съ этого времени Валуевъ счелъ уже своею обязанностию приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Набравъ въ книжной лавкѣ кучу сочиненій, которыя по его мнѣнію были нужны Хомякову, онъ вынудилъ его дать честное слово, что одинъ часъ въ день будетъ записывать то, что вчера говорилъ въ обществѣ о вопросахъ историческихъ или что будетъ говорить въ этотъ вечеръ. Для приступа къ дѣлу онъ приготовилъ ему тетрадь, сшилъ ее, припасъ перья и въ шутку заперъ его на ключъ въ его кабинетѣ на условленное время, а ключъ унесъ съ собою. Неразъ потомъ случалось Валуеву, который жилъ въ это время въ верхнемъ этажѣ въ домѣ Хомякова, повторять надъ нимъ эту *douce violence* и постоянно подготовлялъ онъ матеріалы для его работы. Условленный часъ превратился мало по малу въ два и болѣе. Такъ началась «Семирамида» и продолжалась по самую кончину Хомякова. Честное слово, данное юношѣ другу, память о его преждевременной кончинѣ и увле-

ченье трудомъ, развивавшимся все болѣе и болѣе, заставили его постоянно (хотя по временамъ и съ перерывами) продолжать эту работу, которая шла у него параллельно со всѣми другими его сочиненіями.» *)

Таково свидѣтельство очевидца, присутствовавшего при зарожденіи историческаго труда Хомякова. Оно показываетъ, что лица, заставлявшія его приняться за работу, и не требовали и не ожидали отъ него какого либо систематическаго изложенія всемірной исторіи; они хотѣли только, чтобы Хомяковъ сохранилъ на бумагѣ тѣ блестящія мысли, сближенія, догадки, которыми онъ сыпалъ въ разговорѣ и которыя изумляли его слушателей одинаково и острою его ума и громадностью его познаній. Самъ Хомяковъ, какъ видно изъ словъ, которыя приводитъ А. И. Поновъ, считалъ себя не приготовленнымъ къ сочиненію о всемірной исторіи полному и систематическому. Между тѣмъ, когда, запертый на ключъ своимъ племянникомъ, онъ взялъ приготовленную Валудевымъ тетрадь и принялся писать, съ первой же строки стало создаваться подъ перомъ его сочиненіе совершенно стройное и цѣльное, связанное съ начала до конца одною нитью и развѣ только черезъ-чуръ систематическое. Такимъ образомъ видно, что въ то время, когда Хомяковъ приступилъ къ своему труду, въ его умѣ уже выработана была цѣлая историческая система. Иначе было бы совершенно невообразимо, чтобы эта огром-

---

*) Мы должны впрочемъ оговорить, что въ послѣдніе пять-шесть лѣтъ своей жизни Хомяковъ вовсе или почти вовсе не занимался «Семирамидою», хотя постоянно возилъ рукопись съ собою и не повидаль намѣренія опять за нее приняться. А. Г.

VIII

ная масса разнообразнѣйшихъ фактовъ, какую заключаетъ въ себѣ «Семирамида», могла быть съ перваго разу сгруппирована съ такою послѣдовательностію въ сочиненіи, которое, какъ сказано, есть лишь черновой набросокъ, и которое притомъ не представляетъ ни приписокъ, ни поправокъ, ни перестановокъ, ни дѣленія на главы или какія бы то ни было рубрики, **) Нужно прибавить къ этому, что Хомяковъ, усвоивъ себѣ матеріалъ изъ сотенъ прочитанныхъ книгъ, никогда никакихъ выписокъ и замѣтокъ не дѣлалъ, и писалъ полагаясь исключительно на свою память, которая въ самомъ дѣлѣ ему почти никогда не измѣняла, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. При такомъ способѣ писанія, историческія записки Хомякова могутъ быть по истинѣ названы чудомъ человѣческой памяти; но такое чудо памяти произвело бы только безобразную грудю фактовъ, если бы авторъ не обладалъ въ то же время необыкновеннымъ даромъ систематизаціи и если бы его историческая система не была уже, какъ мы замѣтили, готова, когда онъ приступалъ къ работѣ.

**) Подлинная рукопись Хомякова отъ начала до конца писана сплошь, безо всякихъ подраздѣленій, такъ что даже переходъ отъ общихъ, теоретическихъ положеній къ спеціальному, хронологическому обзору и объясненію событій, заставившій насъ разбить это сочиненіе на двѣ части, въ подлинникѣ вовсе не отмѣченъ. При такомъ способѣ изложенія было весьма трудно внести въ книгу Хомякова дѣленіе на главы; потому мы и не рѣшились этого сдѣлать, а, обозначивъ въ печати бѣлою страницю только самые крупные раздѣлы, снабдили затѣмъ поля книги указавіемъ содержанія каждаго параграфа, чтобы дать читателю общую нить изложенія.

Не имѣвъ никогда терпѣнія дѣлать выписки (Хомяковъ часто выражалъ объ этомъ сожалѣніе), онъ не былъ въ состояніи обставить свое сочиненіе цитатами, а также повѣрять справками, во время письма, точность того, что у него хранилось въ памяти. Это составляетъ, разумѣется, капитальный недостатокъ его книги, какъ ученаго сочиненія. При ея изданіи первоначально имѣлось въ виду восполнить по возможности этотъ недостатокъ, снабдивъ книгу необходимыми ссылками и примѣчаніями; но при громадномъ количествѣ сочиненій, историческихъ, философскихъ, богословскихъ и др., послужившихъ Хомякову источниками, такая провѣрка потребовала бы работы, которой лицо, имѣвшее отъ наследниковъ покойнаго порученіе печатать настоящіе томы, не было въ состояніи взять на себя; потому оно ограничилось только небольшимъ числомъ примѣчаній въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ они казались необходимыми.

Другая особенность, которою отличается «Семирамида», прямо истекаетъ изъ самаго характера работы Хомякова и обуславливается его цѣлью. Онъ говорилъ (мы сами это слышали), что пишетъ не всемірную исторію въ полномъ разсказѣ, а только, набрасываетъ систему, въ которой всемірная исторія должна быть изложена. Всѣ книги о всемірной исторіи, говорилъ онъ, кажутся ему совершенно неудовлетворительными; онѣ грѣшатъ тѣмъ, что исторія разсматривается въ нихъ съ чисто внѣшней стороны и притомъ крайне односторонне. Односторонность въ нихъ, во-первыхъ, та, что исторія, хотя и называемая всемірною, сосредоточивается почти исключительно въ народахъ европейскихъ, великая же и ты-

сячелѣтняя историческая жизнь другихъ племенъ земнаго шара отодвигается на задній планъ и притомъ не приводится ни въ какую органическую связь съ судьбами привилегированныхъ, такъ сказать, народовъ Европы. Во-вторыхъ, между народами Европы выводятся на сцену лишь народы классической древности и западнаго міра, громадное же племя Славянское оставляется въ тѣни и роль его также не связывается съ общимъ ходомъ міровой жизни. Виѣшній же, механическій характеръ имѣютъ книги о всемірной исторіи главнѣйшимъ образомъ потому, что онѣ слишкомъ мало понимаютъ и цѣнятъ то начало, которое существеннѣйшимъ образомъ обусловливаетъ строй человѣческаго общества и его внутреннія стремленія, именно религію. Итакъ Хомяковъ поставилъ себѣ задачей изложить схему, какимъ образомъ всемірная исторія должна быть написана, чтобы, во-первыхъ, жизнь всѣхъ племенъ земнаго шара была поставлена въ надлежащее соотношеніе, чтобы, во-вторыхъ, Славянскому племени возвращено было подобающее ему мѣсто и чтобы, въ-третьихъ, видно было дѣйствіе тѣхъ внутреннихъ силъ, которыми обусловливался ходъ историческаго развитія разныхъ народовъ, и въ особенности главнѣйшей изъ этихъ силъ, религіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Хомяковъ составилъ себѣ то убѣжденіе, что какъ внутреннее начало, около котораго, тѣмъ или другимъ способомъ, сосредоточиваются всѣ мысли чело-вѣка, заключается въ категоріяхъ воли—свободѣ и необходимости (въ смыслѣ *necessitas* или *Nothwendigkeit*), такъ всѣ религіи заключаютъ въ себѣ, въ той или другой формѣ, либо принципъ свободы, либо принципъ не-

обходимости, или же разныя степени случайнаго, неорганическаго смѣшенія (синкретизма) этихъ двухъ принциповъ, и что смотря по своему коренному принципу, т. е. господству или преобладанію начала свободы либо необходимости, религія давала тотъ или другой складъ народному уму и народной жизни.

Таково общее значеніе книги Хомякова. Повторяемъ, это не есть всемірная исторія въ разсказѣ, а схема того, какъ всемірная исторія должна быть разсказана. Хотя онъ не совсѣмъ отвергалъ мысль, что его «Семирамида» можетъ быть издана когда нибудь послѣ его смерти, но онъ писалъ, положительно не имѣя въ виду печати, а только для себя. Когда Хомяковъ составлялъ какую нибудь статью, назначенную для печати, онъ тотчасъ спѣшилъ прочитывать ее своимъ друзьямъ, вызывая замѣчанія, и очень охотно сообщалъ ей списки; «Семирамиду» же онъ ревниво охранялъ отъ чужаго взгляда, такъ что были весьма немногіе и притомъ только самые близкіе къ нему люди, которымъ онъ при жизни своей, и то послѣ усиленныхъ просьбъ, позволялъ читать нѣкоторыя тетради. То были въ полномъ смыслѣ *ученыя мемуары*, въ которыхъ Хомяковъ записывалъ для себя, въ систематическомъ порядкѣ, свои соображенія, мысли и выводы объ исторіи человѣчества. Такимъ образомъ тутъ можно найти въ зачаткѣ или въ сыромъ видѣ большую часть того, что онъ потомъ развивалъ въ своихъ статьяхъ по отдѣльнымъ предметамъ; но все это составляетъ лишь незначительную долю того богатства свѣдѣній и наблюденій, какія Хомяковымъ внесены въ эти записки.

Внѣшній видъ «Историческихъ записокъ» соответствуетъ ихъ характеру. Книга эта представляетъ систематическій рядъ положеній, и послѣ каждаго положенія слѣдуетъ его доказательство или развитіе въ подробностяхъ. Хомяковъ строго отличалъ на письмѣ самыя положенія отъ пояснительныхъ къ нимъ статей; въ изданіи, положенія напечатаны *крупнымъ*, пояснительныя статьи *мелкимъ* шрифтомъ.

Просимъ читателей держать въ памяти эту особенность въ способѣ изложенія. Кто ее упуститъ изъ виду, тотъ въ книгѣ Хомякова не найдетъ. Въ пояснительныхъ своихъ статьяхъ авторъ не держался никакой системы, а излагалъ въ нихъ всѣ тѣ данныя и сравненія, которыя привели его къ тому или другому положенію, или мысли, которыя по этому поводу ему приходили въ голову, увлекаясь иногда совершенно въ сторону отъ исходной точки; потому если бы читатель сталъ смѣшивать эти поясненія съ главнымъ текстомъ, то увидѣлъ бы передъ собою только хаосъ. Напротивъ того, главный текстъ, т. е. то что мы назвали положеніями (и что напечатано крупно), излагается въ совершенно послѣдовательномъ порядкѣ.

Положенія эти заключаютъ въ себѣ частію общія начала историческихъ явленій, какъ ихъ понималъ Хомяковъ, его такъ сказать теорію исторіи, частію характеристику историческихъ эпохъ и главныхъ событій въ жизни народовъ въ хронологической послѣдовательности. Общія положенія занимаютъ первый томъ настоящаго изданія; послѣдовательная характеристика эпохъ и событій,—доведенная, какъ сказано, до половины среднихъ вѣковъ,—занимаетъ второй томъ.

Этихъ немногихъ страницъ достаточно, чтобы уяснить читателю, какого рода книгу онъ беретъ въ руки. Критическая ея оцѣнка была бы здѣсь неумѣстна; но для того, чтобы критика отнеслась къ сочиненію Хомякова справедливо, необходимо, чтобы она не только помнила, что имѣетъ дѣло съ черновыми записками, авторомъ даже не просмотрѣнными, но и то, въ какое время записки эти писаны и какими источниками Хомяковъ пользовался. «Семирамида» начата въ концѣ 30-тыхъ и большая часть написана въ 1840-выхъ годахъ, когда сравнительное языкознаніе только что сдѣлало первые шаги, а сравнительная миѳологія вовсе не существовала какъ наука, когда замѣчательнѣйшіе памятники древней религіозной мысли, Веды и Зендавеста, были извѣстны лишь въ искаженномъ видѣ, когда не были сдѣланы замѣчательныя открытія, отодвигающія первобытную жизнь человѣчества въ глубь отдаленныхъ геологическихъ періодовъ. Очевидно, что сочиненіе, въ то время писанное на такую тему, какую задалъ себѣ Хомяковъ, уже во многомъ не можетъ соответствовать современному уровню науки. При этомъ Хомяковъ былъ поставленъ въ особенно невыгодныя условія по отношенію къ тому именно предмету, къ которому онъ обращался съ наибольшею любовью, — къ древностямъ міра Славянскаго. Научная разработка этой области знанія только что начиналась и рядомъ съ строго критическими изслѣдованіями Шафарика пользовались довѣріемъ ученныя фантазіи людей, какъ Венелинъ, Чертковъ, Лелевель, Колларъ, которые, при великихъ своихъ заслугахъ, были въ наукѣ болѣе мечтатели чѣмъ критики, и которые.

руководствуясь случайными созвучіями или чертами сходства, щедрою рукою разсыпали Славянъ по всёмъ угламъ древняго міра. Хомяковъ, который не имѣлъ, да и не могъ имѣть критическаго метода ученаго изслѣдователя, всего менѣе былъ приготовленъ къ отпору такимъ теоріямъ, и самая исходная точка его воззрѣній, весьма впрочѣмъ вѣрная мысль, что въ современной западно-европейской наукѣ несправедливо умалялось историческое значеніе и призваніе Славянъ, — эта мысль невольно располагала его не только принимать на вѣру всё подобныя выводы, но даже итти далѣе писателей, у которыхъ онъ ихъ находилъ. Такъ объясняется то, что составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ книги Хомякова, — чрезмѣрные преувеличенія предѣловъ и роли Славянскаго міра, особенно въ древнія эпохи.

Въ заключеніе пишущій эти строки считалъ бы своею обязанностію прибавить нѣсколько словъ въ личное себѣ извиненіе, что принявъ на себя еще въ 1862 году редакцію Историческихъ Записокъ Хомякова, онъ выпускаетъ ихъ въ свѣтъ лишь черезъ десять лѣтъ. Такая медленность имѣла причиною какъ частыя и продолжительныя его отлучки, такъ и затрудненія, проистекавшія отъ способа печатанія въ одной изъ московскихъ типографій. Но, сознаваясь въ своей винѣ, нижеподписавшійся смѣетъ думать, что она быть можетъ даже послужила къ лучшему для этой книги. Если бы «Семирамида» появилась вскорѣ послѣ кончины автора, когда еще жива была борьба извѣстныхъ литературныхъ партій съ славянофильствомъ, сочиненіе Хомякова едва ли было бы оцѣнено безпристрастно, и заключающіеся въ немъ про-

махи и преувеличенія вѣроятно были бы подхвачены какъ оружіе для полемики. Въ настоящее время, когда основныя мысли славянофильства сдѣлались общимъ достояніемъ мыслящихъ русскихъ людей, а разныя ихъ преувеличенія отпали, — эти черновыя тетради Хомякова будутъ лучше поняты и вѣрнѣе оцѣнены. Теперь никто не станетъ останавливаться на частныхъ ошибкахъ и скорѣе обращено будетъ вниманіе на тѣ блестящія и поразительно-мѣткія мысли и замѣчанія, которыя разсыпаны въ изобиліи въ этомъ сочиненіи, на замѣчательныя по своей правдѣ и своему художественному достоинству характеристики многихъ историческихъ эпохъ. Книга эта не покажется безпристрастному читателю нынѣшняго времени устарѣлою при всемъ томъ, что она принадлежитъ уровню науки 30-тыхъ и 40-выхъ годовъ; ибо въ ней онъ увидитъ нѣчто такое, что навсегда остается поучительнымъ: попытку великаго ума обнять не только внѣшній ходъ, но и внутренній смыслъ развитія всего человѣчества въ его совокупности.

А. Тильфердингъ.

1-го Марта 1872.

Первое появленіе человѣка на землѣ есть историческое начало человѣчества. Съ тѣхъ поръ оно живетъ и дѣйствуетъ: съ тѣхъ поръ уже оно имѣетъ исторію.

Первыя историческія свѣдѣнія о человѣкѣ. Преданія Израиля.

Общій ходъ этой исторіи намъ извѣстенъ по даннымъ нарѣчій, вѣръ и племенъ, но подробности ея и послѣдовательность останутся навсегда неопредѣленными за недостаткомъ современныхъ повѣствователей. Первый періодъ жизни человѣческой, возсозданный разумомъ, а не рассказанный преданіемъ, называемъ мы до-историческимъ.

Собственно же историческій періодъ начинается съ первою повѣстью о жизни и судьбѣ отдѣльныхъ народовъ.

Большая часть племенъ человѣческихъ молчитъ и только весьма немногія оставили намъ рассказъ о своихъ равныхъ судьбахъ. Эти немногія содержатъ въ себѣ начало опредѣлительнаго знанія и свѣта. Въ ихъ лучахъ живутъ и движутся для насъ другіе народы, болѣе или менѣе освѣщенные по мѣрѣ своего большаго или меньшаго разстоянія отъ лучезарныхъ средоточій.

Самый тѣсный, но за то и самый древній свѣтовой кругъ принадлежатъ семьѣ Израиля. Ея сказаніями начинается исторія.

Крохоборная и щепетильная критика нашего времени объявила споръ противъ древности книгъ, приписанныхъ законодателю народа Еврейскаго. Безполезно бы было разбирать, какими тайными страстями руководились Германскіе ученые и до какой степени нападеніе ихъ объясняется и оправдывается направленіемъ, даннымъ протестантству его первыми основателями. Нѣтъ и быть не можетъ неоспоримаго свидѣтельства для грубаго формализма, утратившаго чувство внутрен-

ней истины человеческой, а такова ученость всего современнаго Запада: но для безпристрастнаго и просвѣщеннаго взгляда признаки несомнѣнной древности книгъ Моисеевыхъ ясны и неоспоримы. Определеніе вѣка, въ которомъ онѣ писаны, выходитъ изъ ихъ сравненія съ другими памятниками письменности Еврейской. Такъ напр. онѣ содержатся уже какъ существующій и всему народу извѣстный уставъ вѣры и жизни въ книгахъ царей, а достаточно трехъ свидѣтельствъ (I царс. гл. 8 ст. 8; II царс. гл. 13 ст. 23 и гл. 14 ст. 27), чтобы убѣдиться въ древности сказанія о царяхъ Израиля. Еще древнѣе книги Самуила. Смѣшно разбирать въ нихъ число халдеизмовъ, отыскивать въ нихъ новые обороты слова и новыя слова, указывающія на поздніе вѣка и на измѣненіе чисто-Еврейской рѣчи. Во-первыхъ, сами Евреи раздѣлялись на нѣсколько нарѣчій (это извѣстно изъ свидѣтельствъ о колѣнѣ Ефраимовомъ), и многія разницы въ языкѣ писанія могутъ относиться къ разницѣ частныхъ нарѣчій, по мѣсту рожденія или образованія писателей. Во-вторыхъ, чѣмъ древнѣе памятникъ (если это памятникъ живаго закона и живыхъ преданій), тѣмъ вѣроятнѣе найдутся въ немъ совершенно новыя слова. Языкъ живетъ и измѣняется. Нѣтъ нужды перемѣнять рѣчь, недавно записанную и слѣдовательно еще понятную; но есть явная необходимость замѣнять выраженіями новыми слова глубокой древности, утратившія смыслъ свой и право гражданства. Такова причина пересмотра священныхъ книгъ въ Россіи. Таково же вѣроятное объясненіе многихъ халдизмовъ въ Пятикнижій, замѣченныхъ микроскопомъ учености. Бѣдная ученость! она вооружила глазъ свой стеклами и трубами и забыла, что хотя микроскопъ видитъ цѣлую гору въ пещинкѣ и телескопъ приближаетъ все далекое и невидимое, одинъ только невооруженный глазъ человеческій можетъ обнять вдругъ небо и землю и великолѣпное согласіе Божьяго міра. Въ книгахъ Самуила дышетъ петша старины; въ нихъ слышно бѣненіе сердца, подѣ которое нельзя поддѣлаться. Вся исторія народа Еврейскаго, все его надежды обвилась около дома Давидова. Давидъ и Соломонъ окружили себя лучами величія, передъ которыми исчезаютъ все остальные преданія Израиля, передъ которыми благоговѣть и благоговѣть міръ Восточный. Еще прежде, чѣмъ Коранъ и его поклонники распространили славу двухъ царей колѣна Іудова, уже ходили потицескія сказки про чудеса Іерусалимскаго храма, про его основателя и

про вдохновеннаго вождя, положившаго начало святаму Слову. Книги Самуила, грустныя на реходъ отъ Богоуправленія къ человѣческой государственности, полны скорбныхъ воспоминаній, а не великихъ надеждъ на будущее. Пусть будетъ это поддѣлка жрецовъ или пророковъ, жалующихъ объ утраченной власти. Но то, чего поддѣлать нельзя, чего придумать было нельзя, это глубокая горестъ Самуила, это человѣческое чувство любви, которое привязываетъ слѣдвласаго пророка къ цвѣтущей юности, къ богатырской силѣ, ко всей паружной красотѣ Саула. Исполняя ли высшя велѣнія, повиная ли расчетамъ глубокаго разума, Самуиль призываетъ на царство молодаго Давида. Но Давидъ, это лице, можетъ быть, самое поэтическое и прекрасное во всѣхъ сказаніяхъ человѣческихъ, навсегда остался чужимъ для стараго Самуила. Сердце пророка было съ Сауломъ и короткій разсказъ объ этой любви, короткія слова глубокаго огорченія, содержать въ себѣ свидѣтельство неподдѣльной древности, понятное для всѣхъ людей, кромѣ ученыхъ. А книги Самуила полны отзвуками Пятикнижія. Здрава критика могла бы прослѣдить эти признаки древности еще далѣе и до самыхъ временъ Навина; но начало писанной исторіи у Евреевъ уже явно относится къ первымъ вѣкамъ Богоуправленія Израильскаго и становится безспорно древнѣйшимъ памятникомъ исторической письменности.

Относительно къ намъ или къ нашему лѣтосчисленію, первое явленіе чисто-историческое, лѣтопись дома Израилева, опредѣляется довольно ясно. Оно современно или почти современно появленію Евреевъ въ видѣ народа, живущаго отдѣльно отъ другихъ народовъ подъ однимъ уставомъ духовнымъ и гражданскимъ, т. е. исходу Израила изъ земли Египетской въ XVI-мъ или, по другимъ, въ XVIII-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Но лѣтопись, писанная вскорѣ послѣ переселенія Евреевъ въ южныя предѣлы Палестины, уже получаетъ твердое историческое основаніе съ отдѣленіемъ семьи Авраама отъ всѣхъ прочихъ человѣческихъ семей, т. е. съ XIX-го или XXIII-го вѣка до Р. Хр.

Израильская хронологія.

Замѣтимъ мимоходомъ, что кромѣ сказанія Еврейскаго нѣтъ ни одного въ цѣломъ мірѣ, которое возводило бы народъ до его семейнаго зародыша.

Слѣдуетъ опредѣлить древность этой лѣтописи въ отношеніи къ человѣчеству вообще, или къ ея собственнымъ показаніямъ о младенчествѣ рода человѣческаго. Въ ней описаны двѣ главныя эры до Авраама: первая, твореніе человѣка; вторая, всеобщій потопъ и возобновеніе рода человѣческаго отъ одной избранной семьи. Періодъ между первою эрою и второю, важный въ смыслѣ религіозномъ и философскомъ, не имѣетъ полнаго значенія историческаго. Духовно связанный съ послѣдующимъ періодомъ, вещественно онъ отъ него оторванъ и человѣчество, заключенное снова въ одномъ семействѣ, развивается въ форму племенъ, народовъ и общинъ, не отъ Адама, а отъ Ноевой эры. Въ отношеніи къ ней и должно опредѣлять время Авраама, т. е. начало истинной исторіи. Тутъ представляется великое затрудненіе и несогласіе между лѣтосчислителями.

Для приведенія въ ясность разногласящихъ исчисленій, надобно сперва сравнить показаніе Еврейскаго текста и Вульгаты съ показаніемъ Греческаго перевода, приписаннаго 70-ти толковникамъ.

По тексту Еврейскому *Арфаксадъ* родился послѣ потопа черезъ два года, сынъ его *Салахъ* черезъ 37 лѣтъ; сынъ Салаха, *Эверъ* черезъ 67 лѣтъ; сынъ Эвера, *Фалекъ* черезъ 101 годъ; сынъ Фалека, *Рагавъ* черезъ 131 годъ; сынъ Рагава, *Серухъ* черезъ 163 года; сынъ Серуха, *Нахоръ* черезъ 193 года; сынъ Нахора, *Фарра* черезъ 222 года; старшій сынъ Фарры черезъ 292 года и Авраамъ, второй или третій сынъ Фарры, немного спустя послѣ этого времени или около 300 лѣтъ послѣ потопа или послѣ рожденія Арфаксада, сына Симова и родоначальника дома Израилева. Приводя годы ихъ рожденія и лѣта жизни въ таблицу, выходитъ слѣдующее:

Умеръ послѣ потопа.

Ной	.....	350.
Симъ жилъ послѣ рожденія Арфаксада	500 л., слѣд. . .	502.
<i>Родился послѣ потопа.</i>		
Арфаксадъ	 2	..... жилъ 438 ..... 440.
Салахъ	 37	..... жилъ 433 ..... 470.
Эверъ	 67	..... жилъ 464 ..... 531.

<i>Родился послѣ потопа.</i>		<i>Умеръ послѣ потопа.</i>	
Фалекъ	101	жилъ 239	340.
Рагавъ	134	жилъ 239	370.
Серухъ	163	жилъ 230	393.
Нахоръ	193	жилъ 148	341.
Фарра	222	жилъ 205	427.
Авраамъ	около 300	жилъ 175 ..	около 475

И тагъ Авраамъ видѣлъ всѣхъ своихъ предковъ отъ перваго до послѣдняго, не исключая самого Ноя, и умеръ лѣтъ двадцать семь прежде Сима и около шестидесяти лѣтъ прежде Эвера, а во всемъ жизнеописаніи Авраамовомъ нѣтъ ни слова объ этихъ предкахъ и земля уже раздѣлена точь-въ-точь, какъ въ наше время; народы воюють, люди другъ друга не понимаютъ и цари царствуютъ еще при жизни Сима, сына его, внука и правнука и едва ли не при жизни самого Ноя! Прибавимъ еще, что земля, по словамъ Пророка, была раздѣлена при Фалекѣ, слѣдовательно безспорно при самомъ возобновителѣ рода человѣческаго: ибо Ной пережилъ Фалека 10-ю годами. И это называется лѣтосчисленіемъ!

Гораздо вѣроятнѣе и согласнѣе съ здравымъ смысломъ показаніе Греческаго перевода 70-ти толковниковъ. Таблица, составленная по ихъ лѣтосчисленію, не представляетъ никакихъ явныхъ несообразностей. Годы смерти Авраама и его предковъ распредѣляются въ ней слѣдующимъ порядкомъ:

Ной умираетъ послѣ потопа черезъ	350 лѣтъ.
Симъ	502 —
Арфаксадъ	467 —
Кайнанъ	597 —
Салахъ	727 —
Эверъ	901 —
Фалекъ	870 —
Рагавъ	1000 —
Серухъ	1123 —
Нахоръ	1131 —
Фарра	1207 —
Авраамъ	1247 или около 1250 послѣ пот.

Все это показаніе имѣетъ характеръ чисто-историческій. Включеніе Кайнана въ число прародителей Израиля вполне согласно съ позднѣйшими преданіями Еврейскими, засвидѣтельствованными Евангелистомъ Лукою въ его родословномъ спискѣ. Но нельзя не замѣтить нѣсколькихъ обстоятельствъ, ослабляющихъ вѣроятность Восточнаго лѣтосчисленія. Во-первыхъ, у всѣхъ предковъ Авраама рождаются сыновья при возрастѣ совершенно одинаковомъ, у Арфаксада, когда ему сто тридцать пять лѣтъ; у Кайнана, когда ему сто тридцать; у Салаха тоже, у Эвера, когда ему сто тридцать четыре года; у Фалека, когда ему сто тридцать лѣтъ, у Рагава, когда ему сто тридцать два года, наконецъ у Серуха, когда ему сто тридцать лѣтъ. Такое однообразіе въ началѣ поколѣній не можетъ не казаться весьма подозрительнымъ, особенно когда мы сравнимъ его съ родосчисленіемъ до-потопнымъ. По тексту Еврейскому возрастъ Нахора, когда родится Фара, двадцать девять лѣтъ; возрастъ Арфаксада, когда родится Сала, тридцать пять лѣтъ; прочія поколѣнія начиваются при возрастѣ среднемъ между этими двумя крайними предѣлами. Тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго; и постоянная приставка сотни годовъ къ этимъ числамъ указываетъ на какую-то произвольную догадку ученыхъ переводчиковъ, замѣтившихъ все безобразіе лѣтосчисленія, сохраненнаго въ Вульгатѣ, и предположившихъ, при каждомъ поколѣніи, пропускъ сотеннаго знака. Во вторыхъ, самое долголѣтіе предковъ Авраамовыхъ не совсѣмъ согласно съ показаніемъ книги Бытія (гл. VI ст. 3) о среднемъ возрастѣ человѣческомъ, установленномъ въ сто двадцать лѣтъ, кажется для людей послѣ-потопныхъ. Можно допустить исключеніе для Ноя и Сима, рожденныхъ до потопа, но мы не имѣемъ права исключить остальныхъ родоначальниковъ дома Израилева изъ общаго закона. Это возраженіе падаетъ и на Греческій переводъ и на Вульгату, но въ Греческомъ переводѣ разногласія еще разительнѣе, чѣмъ въ текстѣ Еврейскомъ, ибо самыя поколѣнія начинаются при возрастѣ, превышающемъ установленную долготу средней жизни.

Вульгата, кромѣ неизвѣстнаго пропуска цѣлаго поколѣнія (Кайпана), тутъ явно беретъ преимущество передъ переводомъ 70-ти толковниковъ; но превосходство текста ни сколько не оправдываетъ лѣтосчисленія. Въ глубокомысленномъ законодателѣ народа Еврейскаго здравая критика не имѣетъ права предположить лѣтскую ошибку, которой не позволилъ бы себѣ самый жалкій сборщикъ. Разрѣшенія же загадки должно искать въ объясненіи лѣтъ, приписанныхъ каждому поколѣнію отъ Сима до Авраама.

Во-первыхъ, мы должны замѣтить, что книга Бытія не содержитъ въ себѣ ученой исторіи, но представляетъ характеръ записанныхъ преданій; во-вторыхъ, что существованіе этихъ преданій прежде ихъ письменнаго утвержденія доказывается обстоятельствомъ мало замѣченнымъ до сихъ поръ. Священное названіе народа Еврейскаго, то названіе, подъ которымъ онъ получаетъ обѣщаніе и законъ, есть—*Израиль*. Цѣль Пятикнижія чисто духовная и Моисей не обращаетъ никакого вниманія на дѣла, имѣющія только историческое значеніе. Бытовое же имя народа, то имя, подъ которымъ онъ извѣстенъ былъ иноземцамъ, есть—народъ *Еврейскій*. Моисей упоминаетъ объ *Эверѣ* слегка, не объясняя нисколько его важности для дома Израилева. Только при имени сына его Фалека онъ говоритъ, что ему было дано имя *Фалека* отъ современнаго ему раздѣленія земли. Смыслъ этихъ словъ ясенъ: при отцѣ его Эверѣ произошло смѣшеніе языковъ и раздѣленіе ихъ. Отецъ далъ сыну имя, обозначающее *раздѣлъ* въ память великаго происшествія. Другаго объясненія нельзя предполагать. Эверъ былъ главою семьи во время переворота, разорвавшаго связь Симова племени. Слова Моисея содержатъ намекъ на преданіе, слѣдовательно преданіе это существовало живо въ народѣ, также какъ и многія другія, вѣроятно какъ и всѣ преданія, записанныя въ духовномъ уставѣ ветхаго завѣта. Но отъ преданія должно требовать только того, что возможно преданію: сохраненія памяти о происшествіяхъ, облеченной уже въ формы народныхъ понятій. Понятія Восточныя (какъ всѣмъ извѣстно) сливаются весь родъ

сь родоначальникомъ. Такъ для Библіи Ассирійцы — Ассуръ и Египтяне — Кушъ; такъ Израильтяне — Израиль. Послѣ родоначальника, потомство его дѣлится на колѣна, носящія имя дѣтей его и такъ далѣе; но общность рода, живущаго подъ однимъ уставомъ духовнымъ и гражданскимъ, представляетъ въ себѣ лице неумирающаго родоначальника. Раздѣлъ общины вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ или внѣшняго напора перемѣняетъ отношенія ея къ ея основателю. Отдѣлившееся колѣно уже не имѣетъ права носить великое имя общаго источника всѣхъ братскихъ колѣнъ. Евреи могутъ называться Израилемъ, но не могутъ называться ни Авраамомъ по отдѣленіи Измаилитовъ, ни Исаакомъ, по отдѣленіи поколѣнія Исава. Царство Ровоама по отпаденіи десяти колѣнъ, уже не можетъ назвать себя Израилемъ, но принимаетъ имя колѣна Іудова, поглотившаго въ себя малозначительнаго Вевьямина. Отпавшія колѣна продолжаютъ называть себя Израилемъ или потому, что ни одно колѣно не преобладало въ нихъ, или по злоупотребленію и измѣненію древнихъ обычаевъ. И такъ, можно положить за общее правило, что родоначальникъ считался живымъ до тѣхъ поръ, покуда все его потомство составляло одно гражданское цѣлое и покуда одно изъ колѣнъ не выступало на поприще отдѣльной дѣятельности. Тогда умиралъ родоначальникъ, а сынъ его, давшій имя свое колѣну, начиналъ свою жизнь.

Менѣе доказательствъ положительныхъ, но весьма много вѣроятностей найдемъ мы въ пользу другаго положенія, именно: что глава отдѣлившейся семьи принималъ имя родоначальника не всей общины, но того колѣна, которое начинало особую и самобытную жизнь. Ровоамъ, по этому правилу, долженъ бы былъ, какъ начальникъ дома Іудова, принять имя Іуды, какъ собственное, и сынъ его уже былъ бы не сыномъ Ровоама, но сыномъ Іуды. При второмъ раздѣленіи колѣно отдѣляющееся приняло бы уже не имя Іуды, но имя сына Іуды, Ровоама. Исторія застаётъ уже родъ человѣческій въ эпоху слишкомъ далекую отъ первобытной простоты; но Персія и другія восточныя земли представляютъ много примѣровъ царей, основавшихъ новую династію

и принявших по вошествіи на престолъ имя, прославленное уже основаніемъ династїи древнѣйшей. Это остатокъ забытой старины. Тѣсная же связь родоначальника съ родомъ, происходящимъ отъ него, или колѣноначальника съ своимъ колѣномъ засвидѣтельствована для насъ неоспоримо закономъ Евреевъ о возстановленіи сѣмени бездѣтнаго брата. Мнимый отецъ даетъ имя потомству, а не братъ, принявшій на себя обязанность возстановить угасшее колѣно.

Вотъ тѣ положенія, по которымъ должно возсоздать лѣтосчисленіе отъ потопа до Авраама. Обозначеніе возраста, на которомъ рождаются дѣти, давшіе впоследствии названіе своимъ поколѣніямъ, нужно было только для показанія, что эти новые родоначальники были дѣйствительно потомками прежнихъ, и что обычаи хранились неизмѣнными, какъ и преданія. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что лица, считаемыя предками Авраама отъ самаго потопа, не имѣютъ той рѣшительной личности, которая приписана праотцамъ допотопнымъ. О тѣхъ, которые жили послѣ Ноя, говорится только: «Такой-то, будучи такихъ-то лѣтъ, родилъ такого-то и послѣ того еще жилъ столько-то, и родилъ еще сыновей и дочерей». О допотопныхъ говорится: «Такой-то, будучи такихъ-то лѣтъ, родилъ такого-то и послѣ того жилъ еще столько-то, а всего столько-то и потомъ умеръ». Очевидно первое выраженіе не представляетъ той опредѣленной личности, которая замѣтна во второмъ.

И такъ мы имѣемъ полное право считать имена предковъ Авраамовыхъ отъ Сима до Нахора за имена родовыхъ общинъ; вѣкъ ихъ—за періодъ нераздѣльности, а смерть каждаго изъ нихъ за начало отдѣльной общины, которой старшина, вступая въ свои новыя права, принималъ имя давно умершаго колѣноначальника. Чѣмъ болѣе удаляется родъ человѣческій отъ своего младенчества, невступая еще въ новую эпоху искусственнаго гражданства, тѣмъ короче періоды нераздѣльности и тѣмъ скорѣе распадаются семьи. Такъ напр. отъ Нахора съ каждымъ поколѣніемъ перемѣняется имя рода потому, что съ каждымъ по-

колѣннѣмъ начинается новый раздѣлъ, покуда община не скрѣпилась снова въ Израилѣ общимъ духовнымъ и гражданскимъ уставомъ великаго законодателя. Названіе же Евреевъ или семьи Эверовой, памятникъ о великомъ событіи и грустной эпохѣ, въ которую утратилось чувство человѣческаго братства, имѣетъ значеніе чисто-историческое, не подлежитъ общему закону о родовыхъ названіяхъ и принадлежитъ болѣе иноземцамъ, знавшимъ Евреевъ подъ этимъ именемъ, чѣмъ самимъ Евреямъ.

Таблица, составленная вслѣдствіе этихъ законовъ по показанію ново-Еврейскаго текста со включеніемъ Кайнаана по 70-ти толковникамъ и съ исключеніемъ Ноя, котораго личность опредѣлена согласно формѣ до-потопныхъ праотцевъ, была бы слѣдующая:

Года послѣ потопа

Родъ Сима подъ именемъ <i>Симъ</i> кончается	502.
Колѣно, взявшее имя Арфаксада и котораго первый старшина названъ Арфаксадомъ и имѣлъ сына Кайнаана нераздѣльно 438 лѣтъ, кончается	940.
Колѣно, отдѣлившееся подъ именемъ Кайнаана и котораго первый старшина, принявъ имя Кайнаана, имѣлъ сына Салаха нераздѣльно 460 лѣтъ, кончается	1400.
Колѣно втораго Салаха, котораго первый старшина имѣлъ сына Эвера, живетъ нераздѣльно 433 года и кончается	1833.
Колѣно втораго Эвера, котораго первый старшина имѣлъ сына Фалека нераздѣльно 464 года: въ это время рожденіе Фалека и раздоръ народовъ (Вавилонская башня) 1867. оно кончается	2267.
Колѣно втораго Фалека такимъ же образомъ кончается	2506.

жаты пер- характеръ преданія, мы должны разсмотрѣть вопросъ о томъ,
 выи преда- которому изъ великихъ племенъ человѣческихъ принадлежатъ
 нія чело- преданія, записанныя въ Пятикнижїи.
 въчества.

Законодатель Евреевъ представляетъ пародъ свой одною изъ младшихъ отраслей человѣчества и возводитъ ее до второго, если не младшаго сына Ноева Сема (по Славянскому правописанію *Сима*). Для него начало общины не восходитъ въ глубокую древность: вчера еще вся она заключалась въ одномъ лицѣ Авраама, переселенца съ сѣвера на югъ, изъ родины въ землю чужую, въ землю не пустынную, но уже населенную родомъ Ханаана (таковъ смыслъ гл. XII ст. 6 въ книгѣ Бытія). Въ новыхъ жилищахъ своихъ онъ вступаетъ въ дружественныя сношенія съ туземцами, не чуждаясь ни политическихъ, ни духовныхъ, ни брачныхъ союзовъ съ ними, хотя память о родовой общинѣ и заставляетъ его искать невѣсты для сына въ колыбели рода своего, въ сѣверномъ междурѣчїи, въ странѣ около истоковъ Тигра и Евфрата. Позднѣйшія преданія показываютъ намъ горную преграду между чашею Каспія и системою южно-океанскою во власти племени Иранскаго и не какъ землю завоеванную имъ, но какъ исконное его владѣніе. Тутъ земля святая, первоизданная, благословенный Иранъ (*Эріене, Гиланъ*), къ которой примыкаетъ великій Иранъ Зендскій (*Ма-зэнд-еранъ*), тутъ столица Азовъ (*Азбурзъ, Азбургъ*), тутъ корень Халдеи, которая представляетъ множество точекъ соприкосновенія словеснаго и духовнаго съ странами Иранскими; тутъ наконецъ встрѣча Арамейцевъ съ племенемъ Иранскимъ (*). Книга Пророка не содержитъ въ себѣ явныхъ доказательствъ неизмѣнности языка въ семьѣ Авраамовой. Окруженная чужеземцами (ибо они *Хананиты*, т. е. *Хамиды*, а не *семиты*), со-

(*) Должно помнить, что авторъ подъ именемъ *Ирана*, племени *Иранскаго* разумѣетъ, какъ видно изъ первой части этого сочиненія, землю *Арійскую*, племя *Арійское* или *Индо-Европейское* вообще, а не только то, что въ настоящее время принято называть Иранскимъ племенемъ, т. е. въ частности Персовъ съ ближайшими къ нимъ Азіятскими вѣтвями Арійскаго поколѣнія. (*Примѣч. редакц.*)

хранила ли она свое нарѣчіе? Моисей, не разрѣшая филологическаго вопроса, представляетъ намъ одинъ только намекъ, но намекъ рѣшительный на перемѣну нарѣчія у потомковъ избранныяго родоначальника. Когда Израиль ставилъ холмъ въ память братскаго союза съ родственникомъ своимъ Лабаномъ, холмъ свидѣтельства вѣчнаго для будущихъ поколѣній, онъ называлъ его *Галедъ*, а Лабанъ, никогда не оставившій своей родины, вѣроятно не измѣнявшій языка ихъ общихъ предковъ, называлъ тотъ же холмъ въ томъ же смыслѣ *Егаръ-Сагадува*. Имя, данное Иаковомъ, принадлежитъ явно къ такъ называемымъ нарѣчіямъ Семитическимъ, т. е. Сиро-Аравійскимъ; имя, данное Лабаномъ, въ формахъ своихъ и въ составѣ носитъ характеръ совершенно чуждый имъ. Разложеніе его представляетъ намъ корни чисто-Иранскіе: именно *гаръ* (Слав. *гора*, Зенд. *гайри*, Санск. *гири*), соединительный префиксъ *са, со* (Санскритскій и Славянскій, перешедшій въ Германское *ge*) и корень *гад* (Слав. *впадать*, Санск. *вид*, Гер. *wit*, Грч. *εἶδεναι*), корень чисто-Иранскій, привившій по закону Западно-Иранскихъ нарѣчій придыханіе *г* (*h*) вмѣсто начальной буквы *в*. Такимъ образомъ убѣжденные въ измѣненіи языка Израильскаго, мы имѣемъ полное право предположить въ немъ начало общее съ языками Ирана и самую семью Авраама или Эвера приписать къ великой общинѣ прѣ-Каспійской, къ кореннымъ жителямъ его родины, цѣпи Арарато-Демавендской. Нарѣчіе же нынѣ извѣстное подъ именемъ *Еврейскаго* должно признать за заемное отъ племени Хамидовъ Ханаанскихъ, съ которымъ Моисей отрицаетъ всякое кровное родство, не смотря на тождество словеснаго начала. Этому нарѣчію слѣдуетъ дать имя Израильскаго, а не Еврейскаго.

И такъ сравненіе сказаній, заключенныхъ въ Пятикнижій, съ данными, почерпнутыми изъ преданій и памятниковъ другихъ народовъ, даетъ ясное и удовлетворительное разрѣшеніе загадки, до сихъ поръ не объясненной, сходства между преданіями Еврейскими и мифами Индо-Персидскими и рѣзкаго несходства тѣхъ же преданій съ мифами Египто-Сирійскими. Языкъ семьи Авраама измѣнился и замѣнецъ былъ нарѣчі-

емъ окружныхъ племенъ Палестинскихъ; но духовное ученье и память о прошломъ остались неизмѣннымъ сокровищемъ дома Израилева, не смотря на соблазны вещественнаго богопоклоненія, на долгое рабство въ землѣ чужой и на безпрестанныя сношенія съ великолѣпнымъ міромъ идолопоклонниковъ Кушитовъ. Смѣшно искать въ Индустанѣ первообраза Библейскихъ преданій, или думать, что Израиль занялъ свою вѣру отъ послѣдователей Зенд-Авесты; но не должно, вопреки здравому смыслу, допускать и вліянія Мозаизма на побережье Инда и Ганга или предполагать, съ однимъ изъ лучшихъ историковъ современной Германіи, что ученіе Заратустры (Зороастра) развилось въ послѣдствіе плѣненія Евреевъ царями Вавилонскими. Израиль, мелкая вѣтвь Ирана, пересаженная въ чужую землю, не утратилъ своего кореннаго характера. Онъ хранилъ свято и ненарушимо великія преданія великой семьи, искони поклонявшейся творчеству свободного духа, и передалъ потомству глубокомысленное ученіе общихъ предковъ Ирана. Брахма, творецъ, и Ману, возобновитель рода человѣческаго, спасенный Богомъ отъ общаго потопа, и весь родъ человѣческій, происходящій отъ одного родоначальника суть явные отголоски древняго Иранства въ многосложномъ и пестройномъ синкретизмѣ Индустанской религіи. Змѣй Агримана, рассказы о *Мешіа* и *Мешіане*, память о древнемъ учителѣ *Хаоло* (не *Семъ* ли, по переходѣ *с* въ придыханіе?), весь составъ, вся духовная основа Зендской вѣры еще яснѣе свидѣтельствуютъ объ одномъ началѣ съ боговѣдѣніемъ Еврейскимъ. Одной только близорукой и крохоборвой критикѣ нашего времени можно было сомнѣваться въ глубокой древности Мессіаническаго ожиданія, когда уже искони Индустанъ ждалъ грозно-спасительнаго Калки-Аватара, когда Индо-Бактрія надѣялась на прішествіе святаго Сесіюша и Элины помнили о будущемъ сынѣ *Метэ*, царѣ правды и разума. Одно начало племени Иранскаго, одно начало языка, утраченнаго семейю Авраама одно начало вѣры, ею одною сохраненное въ чистотѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдствіи она заимствовала много символовъ

отъ сосѣдей, что нѣкоторые обряды, съ которыми былъ связанъ смыслъ духовный, перешли къ ней отъ народовъ Палестинскихъ; но въ смыслѣ и духѣ она всегда была Ираномъ, и единственно Ираномъ, съ его духопоклоненіемъ, съ его понятіемъ о творческой свободѣ, съ его прозрачными символами и съ его памятью объ обще-человѣческомъ братствѣ. Ни берега Средиземнаго моря, ни долина Нила не имѣютъ ничего общаго съ сказаніями пророка. Ассирія, граница двухъ племенныхъ областей, помнила еще о потопѣ, о Киссуѣрѣ, спасенномъ властью бога Хона. Это можно заключить не только изъ познаннаго и сомнительнаго Бероза, но изъ нѣсколькихъ изображеній, открытыхъ въ развалинахъ Вавилона: но Вавилонъ и Нинивія, вся Халдея и междурѣчье Тигра и Евфрата были столько же подъ вліяніемъ Сѣверо-Востока, сколько и Юго-Запада. Языкъ ихъ носить и носилъ издревле (вѣроятно еще прежде Авраама) двойной характеръ. Вѣра ихъ колебалась между грубою вещественностію Кушитовъ и духовностію Иранцевъ (особенно въ отношеніи къ идолопоклонству). Явное и окончательное торжество Юго-Западнаго начала не изгладило всѣхъ преданій Восточныхъ, но уничтожило смыслъ ихъ и разорвало связь съ религіею. Египеть, менѣе всѣхъ просвѣщенныхъ странъ подверженный дѣйствию Иранскаго ученія, не имѣетъ совершенно ничего общаго съ Евреями въ преданіяхъ о космогоніи или о братствѣ человѣческомъ или о потопѣ. Уже давно замѣчено, что рассказъ о Оивахъ, которыя одни высились надъ волнами, покрывавшими землю, рассказъ нелѣпый по неизменности ихъ мѣстоположенія, взятъ хвастливыми Египтянами изъ Еврейскаго сказанія, въ которомъ имя ковчега было *Оебахъ*, и включенъ безъ толка и связи въ баснословную исторію царства при-Нильскаго. Палестина также чужда преданіямъ Моисеевымъ, какъ и Египеть. Чѣмъ чище начало Иранское (какъ въ Мидо-Бактріи), тѣмъ ближе духъ вѣры и смыслъ преданій къ вѣрѣ и преданію Израиля. Писанная на языкѣ Семитовъ, книга Бытія, изъ которой истекаетъ древнѣйшій свѣтовой кругъ для исторіи, есть память сохраненная духопоклоннымъ Ираномъ

о первомъ младенчествѣ рода человѣческаго, о первыхъ историческихъ судьбахъ его.

Преданія о расселеніи народовъ. Воды схлынули съ земли. На скатахъ свѣтоваго Арарата ступилъ возобновитель рода человѣческаго на новую сушу и возблагодарилъ Бога.

Мѣстность перваго населенія опредѣлена уже сравненіемъ преданій Ирано-Индстанскихъ и Ирано-Мидійскихъ. Священная гора, свѣтлыя Аль-Борузи принадлежитъ западному берегу Каспійскаго моря.

Жизнь семьи Ноевой была трудовая, хлѣбопашественная (Быт. гл. XI ст. 20).

Очевидно преданія эти принадлежатъ племени осѣдлому и переселеніе Авраама въ страну южныхъ Эламитовъ одно только дало кочевое направленіе быту его потомковъ, хотя нельзя отвергать склонность многихъ отраслей Иранскихъ къ жизни пастушеской (это видно изъ сказаній до-потопныхъ); впрочемъ скотоводство и земледѣльство, первоначально соединенныя, распались вслѣдствіе увеличившагося народонаселенія и вслѣдствіе личнаго характера отдѣлившихся семей.

Не долго продолжалось житье молодой общины въ единствѣ духовнаго братства. Первые поколѣнія еще не кончили земнаго поприща, какъ уже развратъ мысли оторвалъ цѣлое племя отъ святаго союза и бросилъ сѣмена будущихъ раздоровъ. Родоначальникъ и представитель своего рода (по понятіямъ Востока), Хамъ въ наглой насмѣшкѣ выражаетъ признаніе органической необходимости за вѣчное начало всего сущаго; и потомки его воздаютъ грубое поклоненіе обоготворенному ея символу. Эти потомки названы: *Кушъ* (Эіопія) кажется призванный за старшаго, *Мицраимъ* (Египеть), *Путъ* (юго-западная Африка, по многимъ даннымъ и особенно по вѣроятному чтенію надписей Египетскихъ) и *Ханаанъ*. Въ этой отрасли человѣческаго рода преданіе исчезаетъ, ибо преданіе неразрывно связано съ возрѣніемъ на общее начало вѣры, выражающей въ преданіи или, принимаетъ смыслъ совершенно противоположный первоначальному (какъ

въ поклоненіи змѣѣ). Тутъ же развивается односторонность вещественнаго просвѣщенія, убивающая всякое словесное и духовное стремленіе, возможное только для духа, поклоняющагося свободно-творящему духу.

Южныя страны сдѣлались жилищемъ Хамидовъ; великія торжества увѣнчали ихъ первоначальные груды; великая слава была наградою за ихъ страстно-вещественную односторонность; но свѣтлое сознаніе Ирана наложило проклятiе на ихъ условную вѣру и грубые символы; гордое сознаніе духовныхъ силъ Ирана изрекла пророчество рабства на ихъ вещественную силу: и пророчество сбылось.

Смѣшны усилія близорукой науки, когда она стремится объяснить всѣ явленія исторiи изъ законовъ разумной необходимости. Многое въ жизни есть прямое проявленіе произвола и случайности или совокупныхъ дѣйствій свободы человеческой и воли всемірной, которой не разгадалъ и не разгадаетъ человѣкъ. Всякъ логическая философія разбивается о *Zufälligkeit* (случайность), которая не возможна въ саморазвивающихся формулахъ и необходима для проявленія этихъ самыхъ формулъ. Поэтому невозможно сказать утвердительно, какія побужденія управляли первыми переселеніями людей по лицу пустынной земли, но если есть какая-нибудь скрытая гармонія между строемъ мысли человеческой и характеромъ климатовъ, то понятно стремленіе вещественнаго Хамиды къ странамъ буйно-вещественнаго юга, къ его роскошной растительности и знойному небу. Климать и внутреннія страсти человѣка, произвольно избравшаго себѣ жилища, должны были развить племенную особенность и проявить ее въ новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ видахъ. Отдѣльное дѣйствіе климата ничтожно, но оно безконечно-сильно, когда вызываетъ царюшу силы сокровенныя, но живущія уже въ растеніи или животномъ.

Племя Симова осталось въ средней полосѣ, племя Яфетово подвинулось къ сѣверу; но такъ какъ духовный союзъ не былъ расторгнутъ, трудно положить между ними ясныя предѣлы. По всей вѣроятности, многіе потомки Сима жили между Яфетидами и много Яфетидовъ между Семитами, или

по словамъ писаннаго преданія: «Яфетъ вселялся въ селенія Сима.» Впрочемъ эти слова наводятъ на предположеніе о большей осѣдлости Семитовъ.

Свободно и легко расходились племена по простору привѣтливой земли: но сношенія дружбы и братства не были еще забыты. «Одни уста были у всей земли и одинъ языкъ у всѣхъ», по живому и глубоко-поэтическому выраженію Ветхаго Завета. Но сѣмена духовнаго раздора уже были брошены отступничествомъ Хамидовъ отъ общаго преданія. Внутренній союзъ потерялъ свою силу, прибѣгли къ союзу внѣшнему, условному, къ попыткамъ одного государственнаго устройства для всего рода человѣческаго, съ одною правительственною или религіозною столицею. Мѣсто ей было выбрано въ равнинахъ Сеннаарскихъ и общимъ трудомъ положены основанія великолѣпнаго зданія, передъ которымъ долго благоговѣли народы, безсильные подражать ему, и о которомъ рассказы самые несомнѣнные кажутся сказкою для вѣковъ, усовершенствовавшихъ всѣ практическія науки.

Таковъ явный смыслъ преданія о Вавилонской башнѣ. Ее строили люди, чтобы не разсѣяться; и только ученымъ, никогда не выходящимъ изъ своихъ ученыхъ темницъ, могла придти въ голову мысль, принять эту башню за путеуказательный маякъ въ пустынѣ. Спросите у Калмыка или у Американскаго Сіуса, нужны ли маяки тому, кто видитъ солнце днемъ, а звѣзды ночью! Хоть бы съ Русскимъ казакомъ побесѣдовали ученые!

Не благословенъ былъ трудъ строителей въ равнинѣ Сеннаарской. Условный союзъ и условная община невозможны при внутреннемъ разладѣ убѣжденій. Попытка искусственнаго соединенія кончилась, какъ должна была кончиться, — раздоромъ. То, что должно было скрѣпить слабѣющія узы дружбы между племенами, разорвало ихъ навсегда. Давно хладѣющее чувство братства замѣнилось явною и прямою ненавистью; загорѣлась вражда народовъ и перешла въ тяжкое наслѣдство, отъ котораго человѣчество откажется только тогда, когда единство убѣжденія возобновитъ общій внутренний союзъ.

Невозможно опредѣлить прямыхъ поводовъ къ раздору. Много было причинъ къ нему: или въ спорѣ о первенствѣ родовъ или въ разногласіи вѣръ. Какъ бы то ни было, памятникъ, которымъ люди думали прославить имя свое и увѣковѣчить свидѣтельство о древнемъ союзѣ своемъ, остался недоконченнымъ. Мѣсто его теперь обозначено громадными холмами кирпича, которые мало-по-малу исчезаютъ въ глубинѣ при-Евфратскихъ болотъ. Народы разсѣялись по лицу всей земли, забывая другъ про друга, или вспоминая другъ о другѣ только для взаимной ненависти, и каждая семья, преданная своему личному произволу окончательно искажила общее достояніе, единство слова, нѣкогда выражавшее единство мысли.

Эпоха строенія Вавилонскаго опредѣляется въ преданіи рожденіемъ Фалека: слѣд. относится къ половинѣ IV-го тысячелѣтія до Р. Хр. Колѣно, къ которому принадлежала семья Израильская, носило тогда имя Эвера, своего колѣноначальника, имя, сдѣлавшееся впоследствии бытовымъ названіемъ Авраама и его потомковъ.

Кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода; кончились взаимныя сношенія и развитіе просвѣщенія снѣтетическаго и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Мірѣ въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его Золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка Героическіе.

Югъ, какъ мы сказали, принадлежалъ Хамидамъ. Безполезно бы было входить въ разсмотрѣніе всѣхъ семейныхъ именъ, подъ которыми они извѣстны въ Еврейскомъ преданіи. Должно только замѣтить, что къ нимъ принадлежали многіе народы, носящіе имя *Себа* и *Шева*, весьма важное по своему значенію въ исторіи просвѣщенія и мифологіи. Къ Хамидамъ принадлежали а всѣ первоначальные жители Ханаана и Филистимляне и Финикійцы, которыхъ древнѣйшій, городъ по указанію Ветхаго Завѣта, также какъ и по другимъ свидѣтельствамъ, и былъ Сидонъ, и жители нѣкоторыхъ острововъ въ Средиземномъ морѣ (какъ напр. Кипра) и Лудимъ, которыхъ находимъ еще и теперь на южныхъ границахъ Марока и въ оазѣ Гуа-

лата подь именовъ Шелуховъ или Лудая и Лудамаръ. Очевидно, понятіе о родствѣ народовъ основано было не на тождествѣ языковъ; иначе Евреямъ должно бы было приписать себя къ Хамову племени по сродству нарѣчій Израильскаго и Финикійскаго.

Колѣна Семитическія населили страну, ближайшую къ горной системѣ Араратской. Къ нимъ причислены Эламиты сѣверной Аравіи, Арамейцы Сирійскіе, Ассирія и двое племень, которыхъ невозможно опредѣлить, Арфаксадъ, отъ котораго Евреи веди свое начало, и Лудъ, безъ всякой причины принятой за Лидійцевъ. Должно замѣтить, что многія отрасли Семитическія носятъ названія, повторенныя въ родословной Хамидовъ: таковы *Ассуръ*, *Себа*, *Гавила* и *Лудъ*. Это кажется намекъ на смѣсь поколѣній.

Колѣна Яфетическія показаны самыми многочисленными изъ всѣхъ. Объ нихъ въ особенности употреблено выраженіе: «отъ нихъ раздѣлились острова народовъ», которое не повторяется ни о Хамидахъ, ни о Семитахъ. Вѣроятно имъ приписывалось большее расселеніе и, можетъ быть, какой-то особенный почетъ, высказанный въ признаніи ихъ за старшее племя въ родѣ человѣческомъ. Къ нимъ принадлежать многіе народы, живущіе или жившіе на сѣверныхъ скатахъ Арарата и на Кавказскомъ пригорья, какъ *Месехъ* (вѣроятно Мосхи) и *Тубалъ* (кажется Иверцы), многіе, которыхъ жилища были еще далѣе на сѣверъ, какъ *Гомеръ*, *Рифаотъ*, *Тирасъ*, *Оогарма* и *Магогъ*, и наконецъ другіе, которые явно входятъ въ составъ Иранскаго племени, именно *Доданимъ* (быть можетъ Пелазги, во всякомъ случаѣ народъ западный), *Мадаи* (безъ сомнѣнія Мидійцы) и *Яванъ*, которыхъ угодно книжникамъ считать Іонійцами или Элчанами, но которые вѣроятно суть ничто иное, какъ система Сармато-Славинская или Азъ-Ваны (по крайней мѣрѣ въ словесности Санскритской царь Кала-Явана и Яваны вообще явно принадлежатъ Бактріи и Афганистану). Съ именовъ Яванъ соединены, какъ и слѣдовало, имена, напоминающія міръ Эллино-Пелазгическій.

Безполезно бы было слѣдить и разбирать критически на-

званія племень по Библейскому указанію. Всѣ источники, которыми можно бы было пользоваться для сличенія, слишкомъ поздни въ сравненіи съ этими первобытными преданіями: самыя имена слишкомъ неопредѣленны, и разгулявшійся произволь критика можетъ легко впадать въ смѣшныя догадки, основанныя единственно на случайномъ сходствѣ народныхъ прозвищъ. Очевидно только то, что въ этнографіи Моисея черное племя признано за Хамидовъ и сѣверо-восточное жѣлтое отнесено къ Яфетидамъ. Бѣлое, включенное отчасти въ потомство Яфета и отчасти въ потомство Сима, безъ явнаго раздѣленія, слѣдуетъ опредѣлить по другому признаку, именно по общему началу просвѣщенія и оставить ему названіе Иранскаго по странѣ, сохранившей съ наибольшей чистотой достойнѣ мысли и слова.

Первая община, которою начинается исторія—*Вавилонъ*. Первое лицо, которое вводитъ насъ въ вѣка героическіе, *Нимродъ*. Простодушное преданіе сохранило память о первомъ завоевателѣ, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о счастливомъ невѣжествѣ людей, не знавшихъ какъ назвать новое, грустно-великое явленіе. Были убійства частныя и имена для убійцы. Но война и завоеваніе, этотъ итогъ безконечныхъ убійствъ, безстрастныхъ и безкорыстныхъ, это исполнское преступленіе всѣхъ законовъ человѣческихъ, эта мерзость, сопряженная съ очаровательнымъ величіемъ и съ соблазномъ себялюбивой славы, война еще не получила имени у людей: одво только было на нее похоже, ловитва въ большихъ размѣрахъ. Первый завоеватель, Нимродъ, названъ былъ исполнкомъ-ловцемъ, которому судитъ Богъ, а не люди («исполнѣ-ловецъ передъ Богомъ»).

Когда возникъ раздоръ семей и вражда обратилась въ борьбу за первенство, племена, сохранившія простоту семейнаго быта и безыскусственность синтетическаго просвѣщенія, должны были сдѣлаться жертвою переворота, къ которому они не были готовы. Племена, оторвавшіяся отъ древней семейной простоты, развившія односторонность свою въ изученіи вѣщественныхъ силъ природы, въ свободномъ анализѣ,

Первые
Кушитск.
государ-
ства. Вави-
лонъ. Еги-
петъ. Юж-
ная Индія
и Каш-
миръ.

не связанномъ никакимъ преданіемъ и въ условномъ порядкѣ государственности, основанной на общемъ согласіи для частной выгоды каждаго, эти племена должны были одержать верхъ надъ безсильнымъ сопротивленіемъ народовъ, младенчески простодушныхъ. Владычество міра въ его новомъ искаженіи принадлежало Хамидамъ. Столица общечеловѣческая осталась въ рукахъ племени Кушитскаго и подъ властью Кушитскаго просвѣщенія.

Изъ Вавилонскаго средоточія подвинулись непобѣдимыя дружины на сѣверъ: возникли новые города въ области Иранской, вдоль быстрыхъ волнъ Тигра и Евфрата, покоренныхъ искусствомъ Хамидовъ, закованныхъ въ гранитные берега и перехваченныхъ гранитными оплотами. Въ колыбели Симова племени, около предгорій при-Каспійскихъ цѣпей, возстало, по словамъ писанія, воинственное великолѣпіе Нинивіи и Калахъ и Резень и Аккадъ и Кальнъ и другіе, полные роскоши, богатства и силы, полные славы, теперь уже давно позабытой и художественнаго величія, отъ котораго не осталось слѣдовъ.

Черты, отличающія дѣятельность Кушитовъ, въ преданіи Иранскомъ очевидно тѣ же самыя, которыя выводятся изъ другихъ данныхъ. Это все то же племя, легко смыкающееся въ государственныя формы, строящее роскошныя жилища и безмолвно движущее гранитными массами въ какой-то восторженной борьбѣ съ вещественною природою. Молодость человѣческая представляетъ явленія, которыя повторяются въ нашъ вѣкъ подъ вліяніемъ умственнаго направленія, не совсѣмъ чуждаго древнему Кушитству. Условно-разумныя начала очевидно преобладаютъ въ современномъ просвѣщеніи, не смотря на его многосторонность.

Такимъ образомъ развилось въ Месопотаміи могущество Южнаго завоевательнаго племени передъ глазами Иранцевъ, оставившихъ намъ свидѣтельство объ немъ. Между тѣмъ, вдали отъ перваго свѣтоваго круга историческаго, на берегахъ Нила въ Африкѣ и на югъ отъ Нербудды и Маганадди, въ Индійскомъ полуостровѣ возникали сильныя царства, которыхъ существованіе и историческую жизнь мы можемъ только

угадывать изъ памятниковъ зодчества и ваянія, изъ поэтическихъ сказокъ враждебнаго Ирана и изъ бѣдныхъ преданій, сохранныхъ позднѣйшими Элинами. Нѣсколько словъ Ветхаго Завѣта о Фараонахъ Египта въ вѣкъ Авраама, слѣдовательно около 2000 лѣтъ до Р. Хр., указываютъ на давнее существованіе государства въ Нильской долинѣ. Скорое и легкое сообщеніе Евреевъ съ столицею Египта, также какъ и всѣ преданія опредѣляютъ мѣстность этой столицы въ средней трети Египта, по всей вѣроятности въ Мемфисѣ: но Мемфисъ есть безспорно только преемникъ величія древнихъ **Эивъ**. И такъ преданіе, согласно съ геологическимъ изслѣдованіемъ **Эивской** почвы, относитъ эпоху перваго государства въ Египтѣ къ началу третьяго тысячелѣтія до Р. Хр. Самъ же Египетъ, какъ по характеру зодчества и по духу своихъ учреждений, такъ и по самымъ преданіямъ и по двойственности племени, населявшаго Нильскую долину на сѣверъ отъ границъ **Эіюпіи**, является наслѣдникомъ просвѣщенія, рожденнаго на югѣ, на первозданной твердынѣ **Абиссинскихъ** горъ.

Еще темнѣе показанія объ **Индіи**. Дѣйствительная исторія не бросаетъ ни одного свѣтлаго луча на дальній Востокъ.

Поэзія и художества одни остаются намъ свидѣтелями въ существованіи **Кушитскихъ** государствъ между мысомъ **Коморинскимъ** и сѣвернымъ, собственно такъ называемымъ **Индустаномъ**. Свидѣтельства ихъ неоспоримы, но не представляютъ ни точности, ни подробности, ни опредѣлительности исторической. Характеръ строеній, начинающихся **Элорскими** подземными храмами, остаткомъ троглодитства, не свойственнаго **Индустану**, и выдвигающихся мало-по-малу на поверхность земли въ видѣ рукозданныхъ горъ **Элоры** и **Магабалипурама**, не оставляетъ никакого сомнѣнія о чужеземствѣ зодчества въ **Индіи** и объ его западномъ началѣ. Но въ то же время могучій и величественный стиль этихъ строеній показываетъ уже не первый возрастъ художества и ставитъ начала **Южно-Индійской** государственности, основанной **Кушитами**, въ эпоху позднѣйшую **Абиссинскаго** и вѣроятно **Южно-Египетскаго** царства.

Весьма поздняя и темная летопись Кашмира недостаточна бы была для утверждения, что тѣ же самыя племена, которыя владычествовали въ Вавилоніи, Абиссиніи и Деканѣ (*Дакимна-двина*. т. е. правая сторона, южная Индія по Брахманамъ) проникли на сѣверъ по Инду и его притокамъ и основали сильное царство въ нѣдрахъ снѣговаго Гималая. Между тѣмъ многіе доводы подтверждаютъ эту догадку. Пещерное жительство и особенно пещерные храмы довольно обыкновенны на скатахъ и въ долинахъ Инду-кху, хотя всѣ эти памятники принадлежатъ не къ глубокой древности. Шиво-Буддаизмъ, неотъемлемая принадлежность чистыхъ Кушитовъ, есть безспорно первая религія Кашмира; народы его всегда представляются какъ бы подъ особымъ покровительствомъ Шивы и въ войнахъ часто противоборствуютъ Иранскимъ Вишнуитамъ и Брахманамъ. Особенное поклоненіе змѣямъ отличаетъ древнихъ жителей Кашмирской долины, также какъ и южныхъ Деканцевъ. Наконецъ самое имя всего края въ прежней письменности Санскритской—*Кушъ-двина* (земля Куша) и имена ея округовъ *Кашъ-миръ* и *Кашъ-гаръ* (море Куша и гора Куша) весьма понятныя, ибо долина Кашъ-мира была вѣкогда безспорно озеромъ,—имена, въ которыхъ узнается тотъ же звукъ Кушъ съ измѣненіемъ *у* въ глухой *а*, указываютъ на то, что названіе Кушитъ было дано не одними Евреями, но всѣми древними Иранцами ихъ смуглымъ противникамъ, сынамъ Юга и поклонникамъ Шивы. При общемъ началѣ Иранскаго преданія это весьма вѣроятно и вполнѣ согласно съ древнею религіею Кашмира, засвидѣтельствованной памятниками и самою летописью края.

Должно замѣтить, что производство отъ *кас* (блестательный) не можетъ быть допущено, потому что не имѣетъ ничего общаго съ формою *Кушъ-двина*, а производство отъ племени *Кхасъ* невѣроятно по отсутствію придыханія во всѣхъ формахъ.

При весьма сомнительномъ лѣтосчисленіи, замѣтно, что Кашмиръ возводитъ свою древность не далѣе трехъ тысячъ

лѣтъ до Р. Хр. На вѣрность такого показанія нельзя нисколько полагаться: самая простота исторіи и скудность баснословной примѣси указываетъ только на вліяніе Буддизма, враждебнаго по духу своему всякому поэтическому вымыслу. Существованіе Гонарды I-го и большей части его преемниковъ не должно обращать на себя вниманіе историковъ: но самое царство съ своей несомнѣнной древностью, съ своимъ Шиво-Буддгастическимъ началомъ и съ своими преданіями о гидравлическихъ работахъ, обратившихъ озеро въ сушу и даровавшихъ человѣку одно изъ его лучшихъ жилищъ на землѣ, не подвержено никакому сомнѣнію. Оно связывается съ южною системою и показываетъ намъ Кушитовъ владѣльцами Индскаго побережья въ самое время величайшаго развитія Кушитскаго могущества.

Всѣ эти государства погибли безъ слѣдовъ: они не дожили до полнаго проявленія историческаго духа. Одинъ только Египетъ уцѣлѣлъ до пробужденія Греціи и чрезъ него сохранились нѣсколько положительныхъ извѣстія объ Эѳіопіи и о древнемъ Мероѣ. Трудно опредѣлить ихъ истинный характеръ и наука должна довольствоваться догадками, основанными на тѣхъ же данныхъ, посредствомъ которыхъ воссоздала она понятіе о до-историческихъ временахъ.

Древній міръ дѣлится на двѣ общественныя формы: на государства съ кастами и государства безъ кастъ. Въ этомъ отношеніи нельзя положить предѣла между Ираномъ и Кушемъ. Выходцы изъ восточнаго Ирана, Славяне и выходцы изъ западнаго Ирана, Эллино-Пелазги и Германцы, не представляютъ никакого слѣда раздѣленія на касты: но то же самое замѣтно и въ черныхъ племенахъ Кушитскихъ. Даже остатки ихъ, южные Шиванты, въ Индіи, гораздо менѣе склонны къ общественному быту, основанному на понятіи о кастахъ, чѣмъ чистые Брахманы сѣвера. Египетъ представляетъ самое подробное дробленіе на наследственныя сословія и по всѣмъ вѣроятіямъ царство въ Мероѣ было основано на тѣхъ же началахъ. Съ другой стороны Друиды составляютъ отдѣльную касту въ Иранскихъ Кельтахъ, и Брах-

Историческая дѣятельность Кушитовъ Жрецы. Касты.

маны Индустана, переселенцы изъ земли Бактрійской, утвердили на берегахъ Ганга такое строгое, такое безчеловѣчное устройство кастъ, какого мы не видимъ въ самомъ Египтѣ. Очевидно, что у нихъ это устройство не заемное, но коренное, ибо оно соотвѣтствуетъ раздѣленію Мидійскому, съ тою только разницею, что двѣ низшія касты первобытныя соединились въ одну, чтобы не измѣнить священнаго числа четырехъ, при введеніи новой касты, черныхъ покоренныхъ Судрасовъ. Древнее преданіе даже приписывало Египетское раздѣленіе народа желанію подражать восточному Индійскому образцу. Можно бы предположить, что Иранъ былъ настоящею колыбелью общины, раздробленной на касты, но и здѣсь встрѣчается великое затрудненіе.

Память о Кушитахъ сохранилась не въ памятникахъ слова, создаваемыхъ свободою личностью мыслящаго человѣка, но въ памятникахъ зодчества, требующихъ совокупнаго дѣйствія общественныхъ силъ. Памятники эти, кромѣ тѣхъ, которые обращены къ общепольной цѣли, какъ каналы и искусственныя озера въ Египтѣ, гранитныя плотины и водохранилища подлѣ Вавилона, въ Цейлонѣ и южной Индіи, или гидравлическія работы въ Кашмирѣ, представляютъ характеръ религіозный. Они созданы волею народною, но они возможны только подъ властію жреческой касты, сосредоточивавшей народную силу и дававшей ей цѣль и направленіе, освященныя религіозною мыслию. И такъ первобытное существованіе жреческаго сословія, сословія наследственнаго, у Кушитовъ не подвержено никакому сомнѣнію. Государства, основанныя ими, были богоправленіями, въ которыхъ божественная воля изображалась кастою жрецовъ, а народъ—исполнитель этой воли, имѣлъ представителя въ царѣ.

Нѣмецкіе ученые назвали довольно вѣрно первую государственную эпоху—эпохою жреческихъ обществъ, *der Priesterstaaten*. Ее можно прослѣдить отъ скотовъ Абиссинской твердани до Японіи и Мексики.

Чтобы понять вполнѣ характеръ Кушитскихъ царствъ, долж-

но снова обратиться къ самому смыслу вѣры у Хамидовъ. Признаніе органической полярности или ея необходимыхъ проявленій за вѣчное начало вѣчно-сущаго міра разрѣшается для разума въ совершенное безбожіе. Но страсти не повинуются строгому анализу разсудка. Внутренняя жажда богопоклоненія и отголоски прежнихъ религіозныхъ преданій, отверженныхъ, искаженныхъ, но не вполне забытыхъ, облакаютъ съ какою-то простодушною хитростью безутѣшную аналитическую формулу безбожія въ призракъ религіи, во всебожіе. Міръ, обращенный въ Бога, получаетъ повоссозданную сомкнутую личность и, такъ сказать, подобіе чело-вѣка, въ немъ проявляется двойственность мысли и формы или разума и вещества. Въ самыхъ нѣдрахъ божественнаго міра, управляемаго стройными законами необходимости, представляется воображенію новое божество, смыслъ всего міра, связанное съ нимъ неразрывными цѣпями, стройно-разумное, воплощенный законъ, воплощенная гармонія. Этому божеству посвящено служеніе народное и жизнь жрецовъ, повторяющихъ въ частной общинѣ вѣчные законы вселенной. Наука открываетъ тайны вещественнаго міра: жрецы должны быть мудрецами, т. е. учеными, безпрестанными служителями науки. Но только тотъ можетъ проявить законъ въ обществѣ, кто позналъ этотъ законъ. Они должны быть правителями. И такъ древнія государства Кушитовъ были собственно государствами вещественныхъ мудрецовъ. Вотъ объясненіе тѣхъ громаднѣхъ зданій, которыхъ неразрушимая твердыня носмѣялась вѣкамъ и тѣхъ общепользныхъ работъ, которыхъ описанію нельзя вѣрить и слѣдамъ которыхъ нельзя не вѣрить, и тѣхъ торжествъ Куша надъ Ираномъ, которыми начинаются историческіе вѣка.

Это божество, созданное воображеніемъ въ мірѣ чисте-разсудочномъ, этотъ законъ олицетворенный и принявшій положительные очерки, это полное выраженіе вселенной, носило въ себѣ характеръ, наложенный на вселенную первоначальнымъ анализомъ, характеръ вѣщней необходимости и было совершенно чуждо всякой свободы. Религія при та-

комъ воззрѣніи кажется невозможною. Но также какъ чело-
вѣкъ, не смотря на свое заключеніе въ оковахъ, тяготя-
щихся на всей вселенной, можетъ дѣйствовать на видимую
природу, измѣнять ея видъ и ея отношенія, давать рѣкамъ
новое русло и направленіе и создавать или срывать камен-
ныя твердыни, точно также онъ можетъ вещественными или
по крайней мѣрѣ, внѣшними орудіями подвигнуть самый
центръ вселенной и посредствомъ законовъ, подмѣченныхъ
или угаданныхъ имъ, овладѣть божествомъ, работою-владо-
ю міра. Вѣра была трансцендентальною физикою. Вотъ
смыслъ всѣхъ обрядовъ, заклинаній и всей религіи Кушит-
ской и всего великолѣпія ея храмовъ. Безполезно бы было
слѣдить за всѣми чуждыми стихіями, которыя въ теченіи
вѣковъ были примѣшаны страхомъ, надеждою или вообра-
женіемъ къ основъ Кушитской. Начало оставалось всегда одно
и тоже, именно необходимость, выраженная посредствомъ ор-
ганической полярности и представленная въ символъ веще-
ственного рожденія или въ символъ самобытной жизни, змѣи.
Буддаизмъ, безкорыстное поклоненіе невозможной свобо-
дѣ, бесполезное признаніе духа, всегда упадающаго въ
оковы вещества, при всякомъ своемъ проявленіи и всегда
стремящагося къ самоуничтоженію, т. е. къ освобожденію се-
бя отъ своихъ же проявленій, Буддаизмъ оставался тайною,
сокрытою въ самомъ глубокомъ, въ самомъ сокровенномъ
святилищѣ храма. Онъ не существовалъ для толпы и не дви-
галъ судьбами народовъ.

Паденіе
власти
жрецовъ. "Отдѣльное сословіе жрецовъ повлекло за собою составле-
ніе другихъ наследственныхъ кастъ, какъ слѣдствіе необхо-
димое. Весьма легко замѣтить, что онѣ составились не вдругъ,
а постепенно и не имѣли глубокаго значенія государствен-
наго. Одна только каста священнослужителей, аристо-
кратія мудрости земной и небесной, жила жизнью отдѣль-
ною и органическою; сосредоточивая въ себѣ всѣ права и
весь смыслъ государства. Царь, представитель рабствующа-
го и темнаго народа, имѣлъ только власть исполнительную.
Но исполнитель всегда стремится къ верховной, законода-

тельной власти. Технические познанія, пріобрѣтенныя ремесленникомъ, внушаютъ ему гордое довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и уничтожаютъ призракъ святыни, въ который онъ первоначально облакалъ отвлеченную науку и ея служителей.

Это явленіе вѣчно повторяется. Вокансонъ грозилъ Академіи автоматомъ-геометромъ, нашъ вѣкъ готовъ ставить Уатта и Фультона на ряду первоклассныхъ геніевъ, Ньютона или Лейбница.

Наконецъ, человѣкъ дѣйствующій и страдающій, борецъ жизни невольно питаетъ какое-то презрѣніе къ борцу мысли, труженику и затворнику своей тихой кельи. Народъ, представляемый царями, вырвался изъ-подъ власти жрецовъ и низвелъ ихъ на вторую степень въ государствѣ. Никогда не могъ онъ и не хотѣлъ совершенно уничтожить своихъ прежнихъ властителей: онъ продолжалъ уважать въ нихъ посредниковъ между землею и не божь, хранителей тайнъ науки, властвующей надъ веществомъ, и другой науки высшей, властвующей надъ самими богами. Но, сохраняя ихъ отдѣльное существованіе, онъ подчинилъ ихъ себѣ, и обычай Египта, вѣроятно весьма древній, приводилъ ежегодно начальника религіи къ стопамъ начальника народа, увѣковѣчивая такимъ образомъ память о древнемъ владычествѣ жрецовъ и о переворотѣ, сокрушившемъ это владычество.

Освобожденіе народной стихіи произошло, вѣроятно, не одновременно во всѣхъ земляхъ Кушитскихъ. Въ Эѳіопіи, родинѣ и первоначальномъ средоточіи южнаго просвѣщенія, власть касты священнослужителей продолжалась весьма долго и пала уже во времена положительной исторіи; въ Египтѣ этотъ переворотъ относится безспорно къ третьему тысячелѣтію до Р. Х. или къ перенесенію столицы изъ древнихъ Оивъ въ новый Мемфисъ. Невозможно опредѣлить его настоящую эпоху, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ измѣнилъ характеръ самаго египта и сблизилъ его съ системою народовъ Азіатскихъ. Памятники Мемфиса и средняго Египта вообще бѣдны

въ сравненіи съ памятниками прежней эоократической столицы. Слабый кирпичъ замѣнилъ неразрушимую крѣпость гранита и порфира, храмы бѣдны и даже громада пирамидъ, зданія, свидѣтельствующаго о чудномъ единствѣ и напряженности силъ, выказываетъ въ бѣдности своихъ формъ, въ безискусственности очерковъ и въ бессмысленности растроченнаго труда всю ничтожность переходной эпохи, не утратившей техники, но потерявшей значеніе и духъ первоначальнаго просвѣщенія. Мемфисъ совершенно удаленъ отъ характера религіознаго и все величіе его ограничивается великолѣпными предпріятіями для вещественной пользы и для усовершенствованія житейскаго быта. Все болѣе и болѣе притягивалъ онъ стихію Азіатскую на берега Нила; и Египетъ воскресъ во всемъ величіи своемъ только тогда, когда возникло противодѣйствіе изъ стовратыхъ Оивъ и когда XVIII-я династія возвела на престолъ цѣлый рядъ великихъ людей, основавшихъ свое могущество на мѣстныхъ и религіозныхъ стихіяхъ.

На берегахъ Евфрата преобладаніе жрецовъ продолжалось еще мѣе, ибо кромѣ храма Велова, воздвигнутаго соединенными силами всѣхъ семей человѣческихъ, Вавилонъ не славился ни однимъ памятникомъ религіознымъ. По этому мы имѣемъ полное право предполагать, что основаніе этого царственнаго города относится къ эпохѣ довольно поздней, въ сравненіи съ первыми созданіями Кушитскаго художества въ эіопіи и въ южномъ Египтѣ, и что многія развалины и пещерные храмы въ долинѣ верхняго Нила принадлежатъ началу IV-го или даже концу V-го тысячелѣтія до Р. Хр.

Общій смыслъ религій Кушитскихъ извѣстенъ; подробности ихъ въ разныхъ земляхъ не могутъ быть опредѣлены. Письмена символическія (іероглифы), принадлежащія просвѣщенію Африканскому, еще не были открыты. Они принадлежатъ времени позднѣйшему, т. е. полному развитію Египта, и отъ этого ни древне-эіопскіе памятники, ни Индустанъ не представляютъ никакихъ слѣдовъ іероглифическихъ надписей. Сомнительно существованіе письменности

гласовой въ эти отдаленныя времена и сверхъ того, какъ принадлежность Ирана, она ни въ какомъ случаѣ не могла сохраниться въ земляхъ Кушитскихъ и въ періодѣ чисто-Кушитской дѣятельности. Позднѣйшія же эпохи, о которыхъ яснѣе знаетъ исторія, суть уже эпохи смѣшенія. Эѳіопія, отдаленная отъ Иранскихъ вліяній, могла бы болѣе другихъ странъ открыть намъ истину; но, вздревле безмолвная, она уже не можетъ теперь высказать свои древнія тайны. Нѣтъ сомнѣнія, что имя Шева или Сива было общимъ именемъ верховнаго божества во всехъ системахъ Кушитскихъ: оно вездѣ уцѣлѣло въ разныхъ формахъ: то въ именахъ боговъ, какъ въ Индіи и въ Египтѣ, гдѣ Севъ или Севекъ съ главою крокодила былъ признанъ Эллино-Римлянами за Хропоса Сатурна, то въ именахъ мѣстностей, какъ въ Египтѣ, гдѣ главный и древнѣйшій городъ Оавы (Діосполисъ) отъ него получилъ свое названіе, или въ Эѳіопіи, гдѣ Мероэ назывался также Себахъ, и можетъ быть въ Абиссиніи, которой имя *Хабешъ* есть ничто иное, какъ обратное *Шебахъ*, то въ древнѣйшихъ преданіяхъ народа Еврейскаго, давшаго имя *Себа* многимъ колѣнамъ Хамидовъ.

Преданія эти заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія, что они совпадаютъ съ остатками письменности Кушитской въ Египтѣ. Такъ напр. іероглифы намъ представляютъ имя *Путъ* для внутренней Африки, *Куши* для Эѳіопіи и *Хеме* или *Кеме* (Хамъ) для самаго Египта.

Такъ какъ первоначальная религія Африканской системы была ничто иное, какъ пантеистскій ананизмъ, имена боговъ не представляютъ большой важности. Позднѣе онѣ дѣлаются историческимъ свидѣтельствомъ: по спачала идея чисто-философская, еще свѣтлая и прозрачная, принимала, не измѣняясь, всякое выраженіе, смотря по свойству нарѣчій. Общая же форма ея развитія при переходѣ въ религію была триада. Миръ-божество, еще отвлеченный, разлагается на органическую полярность и воспроизводитъ самъ себя въ дѣйствительности. Онъ воплощается разложеніемъ своихъ

двухъ внутреннихъ началъ. Вотъ основа Кушитства въ религіи; формула его слѣдующая:

отвлеченный или безвѣстный богъ

Такъ какъ самая идея дѣйствительности еще носить въ себѣ характеръ отвлеченности, то разложеніе и воспроизведеніе можетъ повторяться безконечно и ограничивается только прихотью, воображеніемъ или системою науки, для насъ уже утраченною. Очевидно, ни система, ни формула не измѣняются, какія бы ни были измѣненія именъ. Религія остается та же при первоначальномъ Велѣ въ Вавилоніи или Кнефѣ въ Египтѣ, какая она была при первоначальномъ Шивѣ. Тріады тѣмъ болѣе дѣлаются земными, чѣмъ далѣе онѣ отходятъ въ этой родословной отъ своего источника. Последнее звено цѣпи представляетъ міръ дѣйствительно вещественный. Въ развитіи же этихъ формулъ всегда встрѣчается одна тріада, съ которой связывается наука человѣческая, посредствомъ божественнаго посредника, Таува или Хона. Въ Индіи, гдѣ Брахманство сѣверное одолѣло южное Кушитство, посредникъ этотъ исчезъ; но, кажется, можно угадывать его въ Ганезѣ.

Тріада представляетъ дробленіе идеи отвлеченной на полярность органическую. Рожденіе было признано символомъ совокупнаго дѣйствія полюсовъ. Этотъ символъ, весьма ясно обозначающій первую мысль, долженъ былъ дать самимъ полюсамъ тѣлесный характеръ мужскаго и женскаго, подъ которыми наука понимала силу и воспріемлемость. Но сила дѣйствующая измѣняется вѣчно; воспріемлемость страдательная и безхарактерная остается неизмѣнною. Отъ того хотя во всякой тріадѣ женское начало носить особое имя, всѣ богини дѣйствительно сливаются въ одну, и у Египтянъ *Буто*, *Бубастисъ*, *Нейезъ* и другія соединяются въ одной *Издѣ*. Такимъ образомъ легко понять, почему подруга Озириса дѣлается подругою Горуса сына своего. Переходъ идеи

философско-религіозной въ обрядъ бытовой, слѣдствіе позднѣйшаго певѣжества, ввелъ у Маговъ Вавилонскихъ нелѣпный и безнравственный обычай кровосмѣшенія, о которомъ свидѣлствуютъ древніе бытописатели.

Божество пантеонство, обоготворенный міръ, имѣеть въ себѣ характеръ гармоніи и блага въ общемъ объемѣ: но въ то же время онъ представляетъ двойственность добра и зла въ частныхъ явленіяхъ. Отъ этого самое божество не имѣеть никакой нравственной опредѣленности: оно соединяетъ въ себѣ качества духа благаго и враждебнаго, Тифона и Озириса. Въ Шивѣ Индустанскомъ этотъ характеръ сохранился неизмѣннымъ; въ Египтѣ лице раздвоилось по своимъ нравственнымъ качествамъ отъ вліянія Иранскаго и ложнаго развитія, пробужденнаго борьбою съ системою религіи Сѣверной.

Вообще весь смыслъ древняго Египта и системъ Кушитскихъ можно узнать отъ ихъ прямыхъ преемниковъ, Гностиковъ, старавшихся возвратить древнюю религію къ ея первобытной философій и замѣнившихъ формулу рожденія формулою эманаций, но въ то же время сохранявшихъ свою коренную вражду противъ Ирана.

Признаніе необходимости за основной законъ всего сущаго и слѣдовательно отсутствіе нравственнаго начала, должно бы вести общество человѣческое къ совершенному упадку духовному; но въ самомъ отсутствіи чистаго закона духовнаго человѣкъ спасается признаніемъ закона гармоніи (какъ въ Китаѣ) и общественныя добродѣтели становятся на мѣсто высшихъ добродѣтелей человѣческихъ. Отъ того осужденіе первобытныхъ Кушитовъ въ отношеніи къ ихъ нравственности было бы опрометчивостью. Далекая Эіопія славилась у Эллановъ землею праведныхъ. Это видно изъ Гомера и отчасти изъ Геродота. Преданіе Фликии называютъ *Садика* (т. е. праведнаго) братомъ *Мизора* (т. е. Еврейскаго Мизраима, Египта) и имя это явно выражаетъ ту же страну, которую Евреи и Египтяне называли Кушъ. Наконецъ самое учрежденіе Эіопскаго завоевателя Сабакона объ отмѣнѣ смертной каз-

ни въ покоренномъ Египтѣ, учрежденіе, внушенное отчасти мудрымъ расчетомъ, указываетъ въ то же время на какую-то кротость нравовъ, чуждую юго-западной Азіи. Начало блага, врожденное въ сердце человеческомъ, сохраняло свое владычество, не смотря на развратъ разума и на ложь мысли. Борьба системъ и племенъ, войны и опьяняющая кровь заглушили въ душѣ человеческой голосъ братолюбія и истребили въ ней всѣ благія стремленія одно за другимъ.

Торжествующіе Кушиты овладѣли мѣстомъ, назначеннымъ для всемірной стѣлцы на берегахъ Евфрата. Первый успѣхъ позвалъ ихъ къ новымъ завоеваніямъ и они двинулась на сѣверъ, основывая новыя государства; но тутъ ожидало ихъ противодѣйствіе Семитовъ и духа Иранскаго. Первая возсталъ въ силѣ и въ общественномъ значеніи семья Семитовъ-Ассирійцевъ. Показаніе Ветхаго Завета, древнѣйшаго памятника Иранскаго, очень ясно представляетъ намъ этотъ историческій переворотъ.

Смѣшеніе племенъ происходило издревле. Народы еще не становились другъ противъ друга въ явной враждѣ. Египетъ въ своемъ названіи *Мисраимъ* или *Мизоръ* (смѣшеніе) представляетъ доказательство этой истины. Въ памятникахъ Еврейскихъ есть, какъ кажется, указаніе на то же въ сходствѣ именъ, приписанныхъ къ потомству Хама и именъ Симовой семьи. Но объ Ассиріи выражается пророкъ иначе. Ассуръ принадлежитъ собственно вѣтви Семитской. Между тѣмъ въ описаніи царства, основаннаго первымъ завоевателемъ Нимродомъ, сказано: оттуда вышелъ Ассуръ и построилъ такіе-то и такіе-то города. Смыслъ показанія очевь простъ. Племенное начало Ассиріи было Семитское; государственное было Кушитское. Вавилонъ принадлежалъ вполне системѣ южной и по основателямъ своимъ, какъ показываетъ Моисей, и по посвященію, какъ видно изъ мѣстнаго преданія объ Оаннесѣ, полу-человѣкъ, полу-рыбъ, приплывавшемъ ежедневно съ Южнаго океана, и по торговлѣ своей, если новѣйшіе путешественники не ошиблись въ остаткахъ балокъ, приписанныхъ имъ за тековое дерево. Ассуръ Семитскій, обращенный въ царство

силою Вавилона, возстаетъ противъ угнетителей и побѣждаетъ ихъ могуществомъ духа, живущаго въ Иранѣ. Ассирія является первымъ Иранскимъ государствомъ и завоевываетъ Вавилонъ, столицу своихъ древнихъ владыкъ. Въ Нинивіи первая встрѣча Библейскаго показанія съ свѣтовымъ кругомъ Эллады, ибо самое древнее извѣстіе Эллиновъ объ Египтѣ относятся ко временамъ Мериса или къ XV-му вѣку до Р. Хр., а сказаніе ихъ объ Нинѣ относится къ XVII-му вѣку.

Въ простомъ и добросовѣтномъ разборѣ словъ Пятикнижія находится объясненіе темнаго вопроса, на который ученые обращали до сихъ поръ мало вниманія. Всѣ преданія Востока, весь міръ поэзіи и всѣ сказанія историческія окружаютъ Вавилонъ баснословнымъ блескомъ, передъ которымъ исчезаютъ всѣ другіе города юго-западной Азіи. Незапамятная, безначальная древность и Вавилонъ однозначительны, а о древнемъ царствѣ Вавилона нѣтъ и помини. Ассирія и Нинивія первыя являются на сценѣ исторіи. Это противорѣчіе объясняется просто; Кушитское царство, покоренное и забытое, исчезло въ бытописаніяхъ перваго царства Иранскаго.

Во время Моисея Нинивія уже была градомъ великимъ; Ассирія составляла царство отдѣльное и очевидно не новое. Основатель же государства, баснословный Нинъ, связанъ именемъ своимъ съ самимъ городомъ, слѣдовательно представляетъ въ себѣ первую ступень государственнаго развитія. Время его безспорно относится къ третьему тысячелѣтію до Р. Хр. Ошибка историковъ, назначившихъ ему гораздо позднѣйшую эпоху, объясняется очень просто. Нинъ въ сказочныхъ преданіяхъ представленъ отцемъ Ниніаса, великимъ завоевателемъ, передавшимъ царство свое слабому преемнику: но между царствованіями отца и сына вставлено владычество чужеземной рабыни, Семирамиды. Власть Нина обнимала всю юго-западную Азію. Оружіе его покорило далекую Бактрію и оттуда возвратилась съ нимъ цѣлница, которой судьба назначала престоль Ассиріи и Вавилона и мѣсто между богами.

Мы уже показали явную связь мифического лица Семирамиды съ чисто Славянскимъ почтеніемъ къ голубю, съ Ванскимъ озеромъ въ Арменіи, съ Ванскою родиною, Бактріею и съ Пріею, богинею Славянъ. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы тогда уже отдѣлилась Славянская семья отъ другихъ. Она составляла часть Ирана, семью Вановъ или Вендовъ, многочисленнѣйшую изъ всѣхъ его семей, мѣтѣ всѣхъ искаженную военными столкновеніями съ завоевательными Хамидами и отъ этого болѣе всѣхъ сохранившую черты первоначальнаго быта. Прежде всѣхъ выслала она колоніи свои на сѣверо-западъ, сильнѣе всѣхъ дѣйствовала она на древнемъ Востокѣ; но въ политическихъ переворотахъ первобытнаго Ирана она еще не жила отдѣльною жизнію, а только какъ членъ великаго семейнаго союза. Отдѣльная жизнь ея проявилась не отъ внутренняго построенія Славянской общины, а отъ искаженія другихъ, подчинившихся чуждому началу и принявшихъ дикій бытъ, воплотившихъ народовъ. Этимъ объясняется параллельное движеніе Вановъ и Азовъ, родныхъ братьевъ и древнихъ союзниковъ, но разрозненныхъ одичаніемъ Мидо-Азской семьи.

Ассирія, побѣдивъ Вавилонъ и поглотивъ въ себѣ старое Кушитское царство, двинула силы свои на востокъ. Развратъ войны и военной славы скоро проникъ въ души, огражденные отъ зла только сохраненіемъ старыхъ обычаевъ, а не глубокимъ сознаніемъ блага и истины. Иранцы Ассирияне обратились войною на своихъ Иранскихъ братьевъ.

Царство Нинивійское составилось возстаніемъ туземцевъ противъ чуждаго ига, которому они долго были покорены. Нравы покоренныхъ уже получили неизгладимую печать, наложенную побѣдителями. Соединеніе людей въ искусственную форму государства, форму чисто-внѣшнюю (покуда она не сознана какъ выраженіе глубокой мысли человѣческой, лежащей искони въ душѣ человѣка, а это время еще не наступило даже въ XIX-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр.), это соединеніе было чуждо Иранскому духу. Оно было принято, какъ необходимость внѣшняя (фактъ часто повторявшійся въ позднѣйшее время въ земляхъ Славянскихъ), какъ средство отпора противъ совокупности силъ Кушитскихъ, и слѣдовательно составилось

въ образахъ чуждыхъ, со всеми признаками рабскаго подражанія. Развращенная владычествомъ Куша, искаженная подражаніемъ формамъ Кушитскимъ, Ассирія утратила все -Иранскія начала, кромѣ памяти о духовной свободѣ божества. Характеръ государства былъ южный, т. е. союзъ, имѣющій цѣлью выгоду каждаго частнаго лица, освященный идеею всеобщей гармоніи. Форма была южная и каста жрецовъ отдѣлилась отъ народа. Эта же форма распространилась далѣе и далѣе, по мѣрѣ возникновенія новыхъ Иранскихъ державъ, но постоянно слабѣла и исчезала, по мѣрѣ удаленія отъ прямаго вліянія Кушитовъ.

Настоящая колыбель Семито-Яфетидовъ, Иранцевъ, была заключена между скатами Гиммалаи и Инду-кху и Индусскою системою съ одной стороны и скатами Арарато-Таврскихъ цѣпей и Евфратомъ съ другой. Главнѣйшія точки прикосновенія съ страной Кушитовъ были на берегахъ Евфрата въ странѣ Ассирійской и на границѣ Кашмира и Бактріи: но въ Ассиріи встрѣча была бурная и воинственная по отсутствію всехъ естественныхъ преградъ, а на границахъ Кашмира мирная и дружная. Иранъ былъ сильнѣе, а Кушъ слабѣе на востокъ, и грозныя скалы средне-Азійской твердыни отдѣляли другъ отъ друга оба враждебныя начала. И такъ строй южной мысли и южнаго ученія съ двухъ сторонъ проникалъ въ міръ сѣверный: но тамъ, гдѣ онъ являлся съ оружіемъ и насильствомъ, гдѣ кипѣли враждебныя страсти, отпоръ Ирана былъ сопровождается ожесточеніемъ его собственнаго направленія. Около Евфрата горѣлъ фанатизмъ религіозный, свирѣпѣли сердца человѣческія и вѣрованія искажались подъ вліяніемъ быта воинственнаго, налагающаго свою печать на обѣ борющіяся системы. Иранъ, презиравшій міръ вещественный, принималъ характеръ кровожадности; Кушъ— поклонникъ вещества—погружался глубже и глубже въ сладострастіе. Когда наступилъ вѣкъ смѣшенія и синкретизма, составилаь эта кровавая грязь Сиро-Финикійскихъ религій постыдныхъ для человѣчества и оправдывающихъ вполнѣ удары судьбы, разразившіеся впоследствии надъ юго-за-

Иранцы.
Борьба
ихъ съ Ку-
шитами.
Нинъ, І
Джемшид,
и Семира-
мида.

падомъ Азіи. Въ то же время тихимъ соблазномъ разума вливалась въ Восточный Иранъ логическая форма необходимости, ученіе объ органической полярности. Безъ боя и сопротивленія была прівітствована чуждая, строгая мысль добродушною довѣренностью Бактрійскихъ семей. Религія принимала твердые очерки и опредѣленные образы, но переходила въ поэтическое сказаніе; полярность органическая облекалась въ форму человѣкообразія; но въ этой формѣ, выбранной невольнымъ внутреннимъ чувствомъ, а не разумомъ, прибирающимъ символъ къ мысли съ полнымъ сознаніемъ символизма, смѣшивались, — также какъ въ самомъ человѣкѣ, — свободная воля и логическая или вещественная необходимость. Наконецъ, вслѣдствіе человѣкообразія, мало-по-малу весь бытъ человѣческій съ его семейнымъ развитіемъ перешелъ въ ученіе о божествѣ. Такъ родилась и составила полная система антропоморфизма, свѣтлаго и кроткаго, но безсмысленнаго, и черезъ цѣпь поселеній Ванно-Славянскихъ перешла въ Европу, гдѣ при разныхъ обстоятельствахъ и съ разными смѣшеніями она образовала всѣ религіи Эллады, Италіи и Скандинавіи.

Но прежде, чѣмъ Восточный Иранъ утратилъ смыслъ своей первобытной духовности, великая миграція Бактрійцевъ, вѣроятно современная ихъ расселенію на западъ, быть можетъ даже древнѣйшая, проникла черезъ ущелія Инду-кху въ междурѣчіе Ганга и Инда. Тамъ начала она новую жизнь, новое развитіе мыслящаго разума; тамъ воздвигла она величественнѣйшіе памятники человѣческаго слова и подверглась, при встрѣчѣ съ южными завоевателями, Кушитами, такому же искаженію, какъ и на Евфратѣ. Но прежде, чѣмъ наступило для нея время борьбы и синкретизма, мысль успѣла уже окрѣпнуть, сознать себя и свое достоинство, сознать всю силу и значеніе слова-хранителя мысли; и никогда уже Индустанъ не могъ визойти до гнуснаго безсмыслія Сирійскихъ областей.

Законы природы органической мало извѣстны. Часть семей Хамитическихъ, подъ вліяніемъ вещественно-страстной

организациі и жгучаго солнца Африки, составила Черное племя, отдѣляясь отъ братьевъ цвѣтомъ кожи и въ то же время свидѣтельствуя о братствѣ характеромъ языка и религіи, какъ напр. Юлофы, у которыхъ божество или добрый духъ носить имя Саг'абахъ, какъ древнее божество Кушитовъ; такъ точно часть Яфетидовъ, отдѣлившаяся отъ общенія центральнаго, составила племя желтое и распространилась по восточной Азіи. Но время для ея исторіи еще не наступило. Разбросанныя семьи безъ общественной связи, безъ духовнаго стремленія, утраченнаго въ пустынной жизни, проникли въ Индустанъ прежде Кушитовъ и бѣлоликихъ Иранцевъ и были загнаны въ горы, гдѣ продолжали влечь свою кочевую жизнь и дичали въ бытѣ бездомныхъ звѣрлововъ. Они ничтожны для исторіи и представляютъ нѣкоторую важность только какъ вспомогательныя войска, служившія сѣвернымъ Брахманамъ въ войнѣ противъ Деканскихъ Шиваитовъ, или какъ племенная стихія, вошедшая въ составъ мѣшанныхъ населеній Индіи, въ землѣ Тамуловъ и въ мѣрѣ океаническихъ острововъ.

Нинъ, великій завоеватель, основавшій державу Ассирійскихъ Иранцевъ, отдѣляется, какъ мы сказали, отъ своего ничтожнаго преемника Ниніаса царствованіемъ чуждой Семирамиды. Лице отдѣльное, безсвязное, онъ носить имя города, въ которомъ властвовалъ, но не представляетъ никакого характера мифологическаго. Мифологія Ассиріи явно пропадаетъ въ значеніи великаго Вавилона, котораго она была колонією, и восходитъ до Бела. Нинъ есть сказочный образъ, данный чисто-исторической династіи туземныхъ царей, династіи прерванной напоромъ съ востока и воскрешенной не въ смыслѣ родовомъ, но въ смыслѣ туземства, Ниніасомъ, основателемъ втораго Ассирійскаго царства. Нинъ, какъ лице, принадлежитъ еще сказкѣ, между тѣмъ какъ онъ принадлежитъ исторіи, какъ воплощеніе въ одинъ образъ цѣлой могучей династіи. При ней происходилъ переворотъ, двинувшій силу Ирана на Кушъ и бросившій Семитовъ и Яфетидовъ на западъ и юго-западъ. Отъ этого-то и замѣтно сходство всѣхъ

миеовъ и сказокъ Ассирійскихъ и Мало-Азійскихъ, перелившихся отчасти въ Эпиду. Тутъ истинное значеніе Ираклова миеа, переходящаго въ сагу. Упрямая, безпощадная борьба длилась цѣлые вѣка на огромномъ пространствѣ между Евфратомъ и моремъ Эгейскимъ, между Тавромъ и Ниломъ. Наступило время утомленія, смѣси и синкретизма, который вездѣ принялъ одинакія формы и одинакій смыслъ, только подъ разными именами.

Для мыслящаго критика *Вааль, Молохъ, Мелехъ, Камосъ, Кейванъ, Колбабъ, Кроносъ* и другіе, *Милитта, Тиргата, Саламбо, Ваальтисъ, Беруоъ, Деркетто, Кивела* и другія совершенно одно и тоже: въ нихъ представляется, какъ мы уже сказали, соединеніе двухъ религіозныхъ системъ несоединимыхъ, но искаженныхъ и слитыхъ невѣжествомъ. Высокое значеніе творческаго духа проявляется во многихъ, особенно въ богахъ, почти никогда въ богиняхъ, въ которыхъ (такъ какъ онѣ совершенно чужды Ирану) Кушитское начало преобладаетъ. Общая черта въ богахъ—кровожадность, требующая уничтоженія жизни вещественной, череповъ, человѣческихъ жертвъ и плача сожигаемыхъ младенцевъ; общая черта въ богиняхъ—сладострастіе, окруженное всею мерзостью разврата и чувственныхъ наслажденій, обращенныхъ въ религіозный обрядъ. Впрочемъ иногда боги принимаютъ характеръ богинь, а богини характеръ боговъ: всякая прихоть воображенія понятна въ религіи, основанной на сдѣлкахъ и взаимныхъ уступкахъ безъ всякаго логическаго начала.

Не только самая религія, но и полу-мифическія, полу-историческія сказанія всей юго-западной Азіи отъ Ассиріи до Лидіи обличаютъ одно и то же начало; можно замѣтить разительныя сходства между Иракломъ, Ниломъ и Кандауломъ. Вездѣ чувствительно присутствіе одинакихъ стихій не только въ вѣрованіи, но и въ преданіи. За всѣмъ тѣмъ коренныя основы племени и его первобытный характеръ нигдѣ не исчезаютъ совершенно. Такъ напр. при кажущемся тождествѣ Діонизоса и Иракла-Сандана развязка миеа указываетъ на ту духовную почву, на которой онъ выросъ. Сладостраст-

ный Діонизосъ торжествуетъ въ своемъ нравственномъ униженіи; Иракль-Санданъ, памятуя свою древнюю духовность, восходитъ на очистительный костеръ. Вообще примѣты Ирана выдаются тѣмъ яснѣе, чѣмъ далѣе народы живутъ отъ прямого вліянія Кушитовъ. При всемъ своемъ искаженіи, Ассирія и Вавилонія долго враждовали противъ кумировъ и священныхъ роцъ Сиро-Финикійскихъ народовъ. Преемники ихъ, Мидо-Персіяне еще сильнѣе продолжали преслѣдованіе идолопоклонства.

Наука не должна терять изъ вида художественную общность системъ религіозныхъ и семей человѣческихъ. Сравненіе отдѣльных мифовъ, обрядовъ и обычаевъ имѣетъ только второстепенную важность. Все живо въ живомъ человѣкѣ. Всякую мысль, всякое направленіе, принятое имъ случайно, измѣняетъ онъ сообразно сокровенному строю своей внутренней жизни. Наука, разбирающая отдѣльныя черты и не соединяющая ихъ въ полныя фізіономіи, наука, обращающаяся съ человѣкомъ, какъ съ ископаемымъ, сама себя осуждаетъ на смерть.

Трудно опредѣлить, какъ далеко на югъ и юго-западъ проникло движеніе Иранцевъ и ихъ торжественное противодѣйствіе Африканскому міру. Ворвались ли они въ Нильскую долину и владѣли ли древнимъ достояніемъ Куша? Имя Мисраимъ указываетъ на смѣсь: но смѣсь племенъ или только вѣтвей одного племени? Наложеніе двухъ слоевъ народонаселенія безспорно. Муміи благородныхъ представляютъ очерки семьи Берберской, что-то среднее между чернолицимъ Африканцемъ и бѣлокожимъ Семитомъ. Низшіе классы, по словамъ умныхъ наблюдателей древности, приближались къ семьямъ Негритянскимъ, по курчавости волосъ и колченогости. Что-то кроткое и спокойное, что-то дѣтское въ несомнѣнныхъ изображеніяхъ царей 18-й династіи, явно южной, Өивской, указываетъ на стихію Нубійскую, и въ то же время нельзя въ общей фізіономіи Египтянъ не узнать многихъ признаковъ полукровнаго мулята; но все это не рѣшаетъ еще вопроса, ибо часть Хамидовъ, Хапаея, Берберы и Фи-

никійцы принадлежать къ племени бѣоликому и не нужно еще предполагать примѣсь Иранскую.

Другія данныя нѣсколько приближаютъ насъ къ истинѣ. Нѣтъ сомнѣнiя, что около начала 2-го тысячелѣтiя до Р. Хр. Египетъ находился подъ властью династiи, оставившей по себѣ тяжкія воспоминанiя. Нельзя сказать, чтобы она была чужеземною по своему происхожденiю, но безспорно она была чужеземною по духу. Всѣ извѣстiя объ пей, объ этихъ загадочныхъ Гиксосахъ, царяхъ-пастыряхъ, такъ сбивчивы и недостаточны, что невозможно вывести никакого твердаго заключенiя изъ прямыхъ словъ древнихъ писателей. Гиксосы были противны жрецамъ, были поклонники Тифона, божества, привитаго духомъ Иранскимъ къ стройному міру Кушитской религiи: это указываетъ на пришествiе съ сѣверо-востока въ Египетъ; но было ли это нашествiе народа или мысли? Поклоненiе духу, презирающему плоть и уничтожающему ее по системѣ Ирана въ эпоху его ожесточенiя, могло проникнуть въ Египетъ и дать отдѣльное миеологическое существованiе Шивѣ-разрушителю, Тифону, въ противоположность Шивѣ-хранителю, Озирису. Мысль о Тифонѣ возбуждена понятiемъ о высококомъ духѣ, которому поклонялся весь Иранъ и память о которомъ сохранена Израилемъ, но плодъ этой мысли могъ родиться и развиваться въ самомъ Египтѣ безъ примѣси виѣшнихъ народныхъ стихiй. Разрушенiе древнихъ памятниковъ, упомянутое Манеономъ, теперь доказано безспорно ученымъ изслѣдованiемъ остатковъ зодчества Египетскаго. На сѣверъ отъ Нубійской границы, кромѣ неразрушимой громады пирамидъ и Гелиополискаго обелиска, вѣроятно низвергнутаго во прахъ и снова воздвигнутаго возстановителями свободы Египетской, ничего не нашли полнаго и цѣлаго, что бы принадлежало къ династiямъ предшествовавшимъ Гиксосамъ, между тѣмъ какъ многіе обломки, вставленные въ сравнительно новыя зданiя, свидѣтельствуютъ о прежнемъ художественномъ богатствѣ. Это стремленiе къ уничтоженiю старой славы народной и ея великихъ памятниковъ указываетъ на чужеплеменниковъ, по-

работившихъ при-Нильскую державу; и нельзя не признать завоеваніе Египта пришельцами съ сѣверо-востока древнѣйшимъ изъ всѣхъ великихъ народныхъ движеній, о которыхъ сохранилось намъ положительное свидѣтельство. Но первые ли Гиксосы нашли путь въ средоточіе Кушитской власти? Это весьма сомнительно. Порывъ Семитовъ, освободившихся отъ ига Вавилонскаго и бросившихся на западъ, и сильное движеніе племень, ворвавшихся въ наследственное жилище Ханаанитовъ и далѣе на югъ до самой оконечности Аравійскаго полуострова, вѣроятно не разъ колебали державу Мисраима. Столица Фараоновъ, выдвинувшись на сѣверъ изъ Эпвъ въ Мемфисъ и скинувъ въ себя иго жрецовъ, вѣроятно приглашала Азіятскую стихію, и народонаселеніе, также какъ и религія, подверглись многимъ примѣсямъ, не теряя однакоже своей коренной основы. Быть можетъ, бѣгство побѣжденных Хамидовъ и торжественное преслѣдованіе Семитовъ-Иранцевъ скрывается подъ мнѳомъ о бѣгствѣ боговъ, побѣжденных Тифономъ и нашедшихъ убѣжище въ болотахъ Нильскаго разлива.

Какъ бы то ни было, начало втораго тысячелѣтія до Р. Хр. представляетъ два великія явленія: владычество Азіатскихъ пришельцевъ въ Египтѣ и Восточно-Иранской династіи на берегахъ Евфрата. Первое было разрушено около 1800 лѣтъ до Р. Хр. и началось почти въ концѣ предшествовавшаго тысячелѣтія; второе кончилось около 1600 лѣтъ до Р. Хр., начало же его неизвѣстно, но кажется должно отпосытись къ половинѣ предшествовавшаго тысячелѣтія, если принять въ соображеніе преданіе о тысячелѣтнемъ владычествѣ Скивовъ (*Скиево*, Сако-Гетовъ) въ Азіи. Конечно, былобы смѣшно основывать лѣтосчисленіе на такомъ шаткомъ показаніи, но во всякомъ случаѣ ничтожность исторіи Ассирійской до Семпраниды (олимпетворенной династіи) и сжатіе всего туземнаго царственнаго рода въ одно лице Нина указываютъ на долгій перерывъ въ свободѣ Ассиро-Вавилонской области и на цѣлые вѣка, изгладившіе въ народѣ ясное воспоминаніе о древней ея исторіи.

Ассирійцы, побѣдители и успешные своею побѣдою, двину-

лись на востокъ и завоевали своихъ Иранскихъ братій до самой снѣговой твердыни Гиммалайской. Но послѣ рабства подъ игомъ торжествующихъ Семитовъ, Восточные Иранцы мало-по-малу приобрѣли черевѣсь въ государствѣ, освободились и наложили ярмо на своихъ побѣдителей. Бактрія повторила въ отношеніи къ Нипивіи то же самое движеніе, которымъ началась самобытная жизнь Ассиріи, освободившейся отъ Вавилона. Это выражено въ сказаніи о рабствѣ Семирамиды, прельстившей и умертвившей Нипа. Въ числѣ ополченія Восточно-Иранскаго стояла многочислѣннѣйшая изъ всѣхъ общинъ, Бактрійскій союзъ Великихъ Вановъ, Саковъ и Гетовъ. Она даетъ имя свое и характеръ всему перевороту и всѣмъ его памяткамъ. Словесныя преданія, весьма поздно утвержденныя письменностью, называютъ эпоху Восточно-Иранской династіи на берегахъ Евфрата временемъ владычества *Скивовъ* (т. е. Сако-Гетовъ); память о Семирамидѣ до сихъ поръ связана съ озеромъ Ванъ (Вановъ); длинныя насыпи и курганы, особенно свойственные семьѣ Славянской, сохранили имя валовъ Семирамиды, и сама сказочная царица представляется подъ чисто-Славянскою эмблемою голубицы, и очевидно тождественна съ богиней Танаисъ (Донская). Прибавимъ къ этому еще темное сказаніе о владычницѣ Саковъ, обворожившей всѣхъ красотою своею и потомъ губившей соблазненныхъ ею юношей. Это сказаніе совершенно совпадаетъ съ преданіями о Семирамидѣ, но имя владычицы Саковъ говоритъ яснымъ языкомъ о своемъ Славянскомъ происхожденіи. Это имя-*Царина*.

Семьи Восточнаго Ирана еще не сомкнулись въ отдѣльныя государства. Азы Мидійскіе и Ваны Бактрійскіе стояли братски за одно дѣло: но горные и крутые Азы болѣе воинственные и сильнѣе дѣйствовавшіе на западные народы, дали имя свое всему Ирану въ преданіяхъ Эллино-Целазговъ; Союзъ Вановъ, Саковъ и Гетовъ (т. е. Бактрія), болѣе многочисленный и просвѣщенный, одинъ сохранился въ памяти восточныхъ народовъ. Горные Азы, отстаившіе свою вольность въ ущеліяхъ Демавендской цѣпи отъ перваго натиска

при Евфратскихъ завоевателей и слишкомъ удаленные отъ Индскаго побережья, чтобы подвергнуться соблазну Кушитовъ Пенджаба (Патирѣчія), сохранили съ большею чистотою, чѣмъ Бактрійцы, религиозное начало Ирана. Но время владычества ихъ еще не наступило. Тогда на первой ступени стояли образованныя общины Востока, сохранившіяся въ сказаніяхъ Персіи подъ именемъ династїи Пишдадіевъ и сятаго царя-землепашца Джемшида. Его эмблемы, золотая чаша обилія и золотой кинжалъ-сошникъ, представляютъ въ немъ кроткое владычество осѣдлаго и мирнаго племени. Побѣжденный Дзогакомъ (олицетвореннымъ племемъ при Евфратскимъ, въ которомъ преобладаетъ типъ Кушита-змѣпоклонника), Джемшидъ бѣжитъ въ Бактрію и гибнетъ подъ совокупными ударами юго-западныхъ и юго-восточныхъ народовъ.

Между тѣмъ какъ Хамидъ, не признававшій никакого другаго закона, кромѣ необходимости, олицетворялъ вѣчное начало всемірной жизни въ формѣ органической полярности, Иранъ, всегда поклонявшійся божеству своихъ предковъ, свободно-творящему духу, облакалъ силы творенія въ два вещественные символа—огня и воды, подчиненные единству божественной воли. Сами символы, не получавшіе никогда отдѣльнаго и независимаго значенія, были издревле предметами глубокаго почтенія. Въ нихъ воплощался для Иранца видимый образъ невидимаго духа. Нераздѣльное поклоненіе обоимъ символамъ отзывается во всѣхъ иносказаніяхъ древней религіи и можетъ быть легко примѣчено въ первоначальныхъ системахъ философіи Эллицкой; по первенство было приписано то одной, то другой стихіи въ частномъ развитіи понятій у разныхъ племенъ. Такъ западные Иранцы, Мидяне, Персіане и братья ихъ Азы поклонялись преимущественно огню; такъ Бактрійцы и семья, вышедшія изъ Бактрїи, Вавы Славянскіе, заселившіе Европу, и Вавы, внесшіе Вишнуизмъ въ Индустанъ, признавали первенство воды. Вслѣдствіе исконнаго преданія, голубь былъ соединенъ съ понятіемъ о стихіи водяной, какъ эмблема воздуха и суши; но воздухъ самый находился въ зависимости у первобытной

воды въ религіи племень. признавшихъ ея первенство въ мірѣ Божьяго творенія. Когда соблазвъ Купитскаго ученія провикъ въ Бактрію и новое ложно-религіозное понятіе челоѣкообразія примѣнялось къ прежнему духо-поклоненію, тогда водопоклонники (водные, *Венды*) стали воздавать божественныя почести воздуху и сушѣ, олицетвореннымъ въ свѣтлой богинѣ *Астартѣ*, дочери водъ, сопровождаемой таинственной голубицею. Новое поклоненіе и его эмблема стали эмблемами владычествующей династїи Вановъ Восточно-Иранскихъ и сохранились въ сказочной исторїи подъ именемъ Семирамиды или Земпрамы (голубицы земной).

Что дѣйствительно восточная Бактрія примѣшала челоѣкообразіе къ первоначальной чистой религіи, въ этомъ явно свидѣтельствуеетъ самая *Зендавеста*, въ которой уже является *Астартѣ*, какъ богиня и именно въ связи съ примѣтами, принадлежащими крайнему Иранскому Востоку. Поклоненіе этой новой богини и ея имя распространились въ Европѣ и всѣ ученые знаютъ свѣтлую *Остарту* (санск. *вастар*, рано), принятую Германцами отъ Славянъ, по собственному признанію критиковъ Германскихъ. Не нужно повторять, что *Остартѣ*, *Лада*, *Лакими*, *Прїя* и пр. суть разныя имена и прозвища одной и той же богини и что онѣ всѣ находятъ въ прямой зависимости отъ великаго божества, преимущественно изображеннаго въ стихїи водяной, хотя не чуждаго всѣмъ другимъ, ибо въ немъ сохранялась мысль о творческомъ всемогуществѣ, при всей примѣси сказочнаго, отчасти художественнаго, но въ смыслѣ философскомъ безсмысленнаго челоѣкообразія.

Власть Восточно-Иранцевъ въ Ассїріи кончилась около 16-ти вѣковъ и по всей вѣроятности началась около 25-ти вѣковъ до Р. Хр. Тысячелѣтнее царствованіе *Джемшида* и тысячелѣтнее владычество *Скиѣовъ* приводятъ къ одинакимъ выводамъ. Поэтому мы съ полвою увѣренностью можемъ отнести первую миграцію *Иранцевъ*, прорвавшихся черезъ горную преграду въ сѣверный *Индустанъ*, къ началу третьяго тысячелѣтія до Р. Хр. или еще ранѣе, когда челоѣко-

образіе, положивши свое клеймо на династію Ваню-Ассирійскую, не проникло еще въ Бактрію. Точно то же можно сказать съ вѣроятностію и о первомъ распространеніи Вендовъ въ западной Европѣ, ибо нѣтъ никакихъ слѣдовъ поклоненія богинямъ въ бѣдныхъ сказаніяхъ объ этихъ погибшихъ семьяхъ.

Индустанъ сохранилъ намъ чудный памятникъ своей древней вѣры въ Ведахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и онъ уже содержитъ ученіе далеко отходящее отъ первобытной простоты и истины; но искаженная старина вездѣ проглядываетъ сквозь безмысленный наплывъ позднѣйшихъ символовъ. Впрочемъ нелѣпо бы было относить самую редакцію Ведъ, въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ достались критикѣ XIX-го вѣка, къ вѣкамъ слишкомъ отдаленнымъ. Самый языкъ, которымъ онѣ писаны, представляетъ свидѣтельство позднѣйшей обработки. Вездѣ замѣтенъ переходъ первоначальныхъ формъ на *л* въ новыя формы на *р*, какъ въ нарѣчійхъ Зендскихъ (Такъ напр: Славянскому *слава*, отъ глагола *слыть*, котораго чистота засвидѣтельствована всеми другими языками Иранскаго корня, соответствуетъ въ Ведахъ *шравас* или *сравас*). Точно также видна безпрестанная замѣна буквы *д* буквою *л*: этотъ законъ соответствуетъ Латинскому измѣненію *Odyssseus* въ *Ulysses*, *devir* въ *levir* и пр.). Языкъ Ведъ носитъ характеръ отдѣльнаго Санскритскаго нарѣчія, менѣе чистаго, чѣмъ главный источникъ, но утвержденного письменностію въ древнѣйшую эпоху, чѣмъ чистое Санскритское слово. Въ немъ замѣтешъ произволь частной семьи человѣческой; но за то онъ еще свободенъ отъ искаженій и развитій, которыя вкрадываются съ вѣками и по этому сохраняетъ болѣе сродства съ другими Иранскими языками, въ особенности съ Славянскимъ, съ которымъ онъ имѣетъ, кажется, общій *л* грубый, означенный знакомъ $\overline{\text{L}}$, по неизвѣстнѣй по звуку своему въ теперешнемъ Индустанѣ.

И такъ, распространеніе Брахмановъ на берегахъ Гауга и первыя борьбы съ Шивантами должны были предшествовать эпохѣ величайшаго развитія Бактрійскаго могущества; а такъ какъ великолѣпныя произведенія искусства въ Деканѣ от-

носятся безспорно къ тому времени, когда еще Вишнуиты не помогали Брахмапамъ въ ихъ борьбѣ съ Хамидами, то мы получаемъ данную хронологическую, опредѣляющую древность пещерныхъ храмовъ въ Сальсеттѣ и Карли и рукозданныхъ горъ Элоры и Магавалипурама. Ни одна изъ этихъ громадъ не можетъ быть моложе четырехъ тысячъ лѣтъ, древнѣйшія принадлежатъ вѣроятно началу третьяго или концу четвертаго тысячелѣтія до Р. Х., а великолѣпнѣйшія, свидѣтельствующія о полномъ цвѣтеніи Южныхъ царствъ, созданы около середины третьяго тысячелѣтія до Р. Хр., когда побѣжденные Брахманы были принуждены прибѣгнуть къ помощи своихъ Бактрійскихъ братьевъ.

Редакція Ведъ далеко не восходитъ въ эту раннюю эпоху. Въ то время, когда изъ нихъ составился религіозный кодексъ, народъ уже поклонялся Вишну и Шивѣ; это видно изъ самыхъ Ведъ; но чистѣйшіе Брахманы были еще не заражены примѣсю чуждыхъ религій, или кодексъ былъ писанъ въ области, сохранившей нѣкоторую духовную независимость.

Восточные Иранцы владѣли Ассиріею и соединяли въ одно могущее цѣлое всѣ страны отъ береговъ Инда до Евфрата и до Малой Азіи. Духъ человѣческій, которому не мѣняла Бактрія, не смотря на религіозное искаженіе, выражался въ ея кроткой и мирной власти. Караваны тянулись отъ Ганга до Средиземнаго моря, размѣнявая товары далекихъ земель; обильныя жатвы золотились надъ безконечнымъ просторомъ полей; эдены садовъ выростали въ глуши пустынь и въ ущеліяхъ горъ. Таково царство Бактрійскаго Джемшида или Ванской Семирамиды. Художество, созданное Хамидами, было охотно принято ихъ побѣдителями, склонными ко всякому усовершенствованію. Земля прорѣзывалась каналами, спасающими земледѣліе отъ палящаго солнца Иранскаго; водопроводы переливали свѣжесть горныхъ высотъ въ нѣдра безводныхъ степей; безчисленные города возникали на берегахъ рѣкъ и на торговыхъ перепутьяхъ; Нинвія и

Вавилонъ, основанные Хамидами, украшенные побѣдителями ихъ Семитами Ассирійскими, росли и красовались подъ властью новыхъ Восточныхъ владыкъ. Громадныя зданія храмовъ и дворцовъ, легкія и смѣлыя, вырвавшіяся изъ оковъ тяжелаго зодчества Кушитовъ, гордо возвышались въ вольную высоту безоблачнаго неба и роскошь царей поднимала тѣнистую прохладу садовъ выше дворцовъ и башенъ на хребтѣ горъ, созданныхъ искусствомъ среди необозримыхъ равнинъ Месопотаміи. Чуденъ былъ блескъ царства и незабвенно его величіе. Оно пало: наступило время дробленія, мелкихъ распрей и мелкой жизни; по слѣды его не могли погибнуть вполне и добросовѣстная критика понимаетъ, какъ въ послѣдствіи дикіе Персіяне еще могли измѣнить теченіе судходныхъ рѣкъ и исполнять съ успѣхомъ такія предприятия, предъ которыми задумалась бы усовершенствованная механика нашихъ современниковъ.

Но не даромъ далось Ирану искусство Кушитовъ. Побѣдительное племя купило духовнымъ развратомъ право на вещественное благоденствіе. Семирамида соединяетъ въ себѣ державное величіе съ паглымъ безстыдствомъ нравовъ. Джемшидъ заслуживаетъ свое паденіе отступничествомъ отъ того свѣтлаго начала, которому поклонялись его предки. Покоренная Месопотамія привлекла къ себѣ своихъ побѣдителей и была истинною главою Бактрійскаго царства.

Кушиты были учителями Ирана въ искусствахъ, они же были его учителями и въ созданіи условныхъ общинъ или государствъ. Примѣръ жреческой касты въ Ассиріи создалъ жреческую касту во всей юго-западной Азіи; но новые народы, призванные къ политической дѣятельности, не могли ограничиться этимъ однимъ учрежденіемъ. Имъ жрецы не были нужны такъ, какъ Кушитами; у нихъ эта каста возникла не изъ внутренней жизни, но изъ подражанія чуждому примѣру. Въ жизни жрецовъ они видѣли трудъ общественный и государственный. Принявъ одну касту, они должны были, вслѣдствіе своей простодушной логики, раздѣлить все поле общественнаго труда и создать другія

касты. Явились воины, ремесленники и земледельцы. Это разделение предшествует Бактро-Ассирийской династии, ибо перенесено Брахманами въ Индустанъ, гдѣ четвертая каста впоследствии соединена съ третьею и замѣнена кастою черныхъ и презрѣнныхъ рабовъ, остатковъ побѣжденныхъ Кушитовъ и желтолицыхъ туземцевъ: но выселеніе Вановъ въ Европу еще древнѣе, ибо нѣтъ ни малѣйшаго слѣда кастъ въ Славянскихъ обычаяхъ. Въ позднѣйшіе вѣка при-Донскія и при-Дунайскія семьи, долго сохранявшія дружескія сношенія и духовное общеніе съ своею Восточною родиною, приняли отъ нея заразу челоукообразной вѣры со всѣмъ ея безуміемъ, но не принимали условно-общиннаго быта и, оставаясь при родовомъ устройствѣ, не могли никогда раздѣляться на касты. Движеніе Пелазговъ изъ Азіи въ южную полосу Европы и Германцевъ, отдѣлившись отъ нихъ къ сѣверу, также предшествуетъ введенію кастъ въ Иранъ; но друидизмъ Кельтовъ и ихъ аристократизмъ доказываетъ, что они еще въ Азіи подверглись вполне вліянію Хамитовъ.

Впрочемъ можетъ быть миграція Пелазговъ и Германцевъ была не ранѣе Кельтской. Горный и одичалый народъ, они могли еще жить въ западномъ Иранѣ и мало подвергнуться измѣненіямъ отъ чуждаго просвѣщенія, точно также, какъ и коренные жители Паретана до ихъ владычества въ Азіи. Этого нельзя предположить на счетъ Вендовъ, во-первыхъ, потому что ихъ пребываніе въ Европѣ относится, какъ мы уже показали, къ эпохѣ ранѣе, чѣмъ миграціи Кельтская и Германская; во-вторыхъ, потому что они были искони народъ образованный, осѣдлый и градостроительный и что колыбель ихъ Бактрія была средоточіемъ просвѣщенія Иранскаго; следовательно они должны бы были принять устройство общины кастами, если бы не выселились прежде введенія этого условнаго начала.

Общественная и уметвенная жизнь Кушитовъ и ихъ вліяніе Государственная форма Ассирийской и Ванно-Ассирийской династии (царствованія Нина и Семирамиды) была основана на раздѣленіи кастъ точно также, какъ и позднѣйшее царство Мидійцевъ; но оно не имѣло нисколько того безчело-

вѣчнаго характера, который развивался естественно въ странахъ Кушитскихъ и который привился къ Брахманамъ Индустанскимъ вслѣдствіе ихъ враждебныхъ отношеній къ туземцамъ. Признаніе одного сословія, въ которомъ достоинство человѣческое было попрано ногами, такого сословія, которое не смѣло бы дыханіемъ или взглядомъ своимъ осквернить своихъ благороднѣйшихъ братьевъ, вносило начало дикости во всѣ части общины и должно было дать раздѣленію всѣхъ кастъ рѣзкость, совершенно чуждую Ирану, заключавшему въ себѣ одно начало племенное. Впрочемъ и въ Индустанѣ это измѣненіе происходило мало-по-малу. Первые сказки историческія еще представляютъ возможность перехода изъ касты въ касту и кромѣ царей, т. е. воиновъ, кажется даже другія сословія могли возвыситься до Брахманства (какъ напр. въ преданіи о Какшивантѣ). Настоящая же колыбель Ирана никогда не подвергалась искаженію. Касты въ ней представляли всегда простодушное раздѣленіе государственныхъ работъ. Каждая имѣла своего представителя, главу или царя, подчиненнаго общему представителю, главѣ государства. Не было ни презрѣнія, ни вражды между сословіями и кожаный передникъ кузнеца *Гава*, усыпанный алмазами, былъ славою Мидо-Персидскихъ и царей предводилъ ихъ завоевательныя дружины.

Просвѣщеніе Хамидовъ проникло, какъ мы уже сказали, въ самое сердце Ирана, внося въ одно время начала усовершенствованія и искаженія. Восточныя области характеромъ своимъ рознились отъ западныхъ, отдѣляясь отъ нихъ, въ смыслѣ религіозномъ, преимущественнымъ поклоненіемъ водѣ. Было ли это отличіе кореннымъ или привитымъ отъ ихъ сосѣдей, Кушитовъ Индусской долины? трудно опредѣлить. Оно могло быть слѣдствіемъ быта земледѣльческаго въ странахъ, бѣдныхъ водами, оно могло быть занято отъ жителей долинъ Гиммалая и Инду-Кху, у которыхъ особенно царствовало поклоненіе рѣкамъ, олицетвореннымъ въ видѣ змѣй, и царь этихъ благодѣтельныхъ змѣй носилъ имя *Нилл*, напоминающее царственную рѣку Африканскихъ Кушитовъ.

не на Иранцевъ. Астрономія. Письмена.

Какъ бы то ни было, Восточный Иранъ представлялъ особенно развитіе улучшеній бытовыхъ, хотя выходцы его, Брахманы, воздвигли въ Индустанѣ безсмертный памятникъ философскаго труда, духовный памятникъ, величіемъ своимъ равняющійся несокрушимымъ громадамъ Кушитскихъ пирамидъ. Иное было вліяніе новаго просвѣщенія на Западный Иранъ. Занятое у Кушитовъ, оно пробудило дремлющія силы разума въ благородномъ племени и получило новый и высшій характеръ. Огопь, которому поклонялись горные Азы и Мидійцы, какъ будто бы очищала ихъ помыслы. Земля, изъ которой пзбранный родоначальникъ Израиля вынесъ свѣтильникъ неугасаемой истины и древнихъ, святыхъ преданій, долго хранила чистоту вѣры и духовнаго богопознанія, переданную ею сынамъ своимъ — Целазгамъ и Германцамъ и возобновленную въ ней самой собирателями или сочинителями позднѣйшей Зендавесты. Умъ, пробужденный южнымъ стремленіемъ къ наукѣ, скоро оторвался отъ изученія земныхъ явленій и обратился къ небесамъ, въ которыхъ невольное, дѣтское чувство видѣть жилище духовнаго творца міровъ. Халдея и побережье Каспія усовершенствовали астрономію. Древніе циклы, разочтенные съ вѣрностію, свидѣтельствующею о наблюденіяхъ постоянныхъ и точныхъ, превосходятъ позднѣйшаго Гиппархова. Свѣтлый, безоблачный, прозрачный воздухъ, смѣлыя и высокія зданія или вершины горъ, съ которыхъ глазъ обнималъ пространные горизонты, и поклоненіе огню, какъ чистѣйшему символу божества, таковы были побудительныя причины и пособія, подвинувшія впередъ науку небознанія. Топографія созвѣздій, которая, какъ уже сказано, приняла живую форму разсказа, вмѣсто мертвой формы описанія, явно указываетъ на Иранскій источникъ: сказка, заключенная въ ней, принадлежитъ народамъ, враждующимъ противъ змѣепоклоненія. Преданія древности, согласно съ выводами науки, приписываютъ Халдеѣ и ея пастырямъ глубочайшія знанія астрономическія. Сосѣди Халдеи, горные Азы, независимые братья Мидійцевъ, изобрѣли около того же времени науку гласовыхъ письменъ. Но пре-

даніямъ Персіи, Тахмураспъ, одинъ изъ Пишдадіевъ, т. е. изъ династіи олицетворенной въ Джемшидъ или Семирамидъ, воевалъ противъ Дэвовъ (прозвище данное Азамъ) и побѣдивъ ихъ, принялъ отъ нихъ мудрость чтенія и письма.

Изъ этого сказанія можно предположить, что въ самомъ Иранѣ были временные раздоры и что жители Мазендерана и Каспійскихъ береговъ хранили свою независимость во время царства Бактро-Ассирійскаго.

Должно однакоже замѣтить, что хотя многіе доводы подтверждаютъ преданія Персіи, но весьма сомнительно, чтобы дѣйствительно существовали уже въ то время враждебныя отношенія между Мидіей и при-Каспійскою страню. Прозвища Тахмураспа, *Дивбендъ* и *Рибавендъ*, указывающія на побѣду надъ Азами и Взами, не могли принадлежать царю Ванской династіи и вѣроятно перенесены на него съ котораго нибудь изъ преемниковъ Феридуна, т. е. изъ позднѣйшихъ царей Мидійскаго поколѣнія. Эллискій алфавитъ, котораго характеръ принадлежитъ къ полной гласовой системѣ, заимствованъ по большей части изъ шаткихъ и полугласовыхъ системъ приморской Сиріи. Средство многихъ буквъ Эллискихъ съ Финикійскими не подвержено сомнѣнію; преданіе о Финикійскомъ началѣ письменности въ Элладѣ, само по себѣ вѣроятное, какъ преданіе древнее, вполне подтверждается сравнительною критикою. Но не должно некать одного начала въ какой бы то ни было отрасли образованности или жизни такой страны, которая все свои стихіи какъ племеннаго состава, такъ и духовнаго развитія получила изъ двухъ разнородныхъ источниковъ. Грамотность и образованность Мало-Азійская, безспорно связанная съ чисто-Иранскими и вѣроятно съ Восточно-Ирацкими первообразами, имѣла сильное вліяніе на Элладу. Вообще горная страна Демавендской цѣпи и ея отроговъ выказывается явнымъ средоточіемъ во многихъ отрасляхъ жизни умственной и религіозной. Между прочимъ должно замѣтить, что побережье Тигра, примыкающее къ области древнихъ Азовъ, представляетъ столкновеніе двухъ формъ письменности гласовой, именно съ права на лѣво и съ лѣва на право. Обѣ формы соединены въ странѣ, получившей всю жизнь свою отъ пашествія Азавановъ, въ Скандинавіи, подъ названіемъ *рунь простыхъ* и *рунь обратныхъ*. Клинообразныя же надписи, принадлежація той же области

при-Тигрской, представляют разительное, но кажется еще незамѣченное сходство съ третьею, самую таинственною формою письменности Скандинавской, съ счетными Рунами (*Паль—рунаръ*). Избраніе этой формы для надписей объясняется легко святостью предмета и особеннымъ удобствомъ ея для насѣчки на камень; а отклоненія отъ простаго закона счетныхъ рунъ принадлежатъ времени и введенію многосложныхъ и искусственныхъ правилъ. Дальнѣйшее искаженіе ихъ и большая искусственность проявляется на берегахъ Евфрата, на кирпичахъ древняго Вавилона.

Небознаніе, новая наука, вещественный плодъ духовнаго стремленія, получило въ одно время характеръ сказки и характеръ таинства. Въ обоихъ видахъ она проникла въ религію и жизнь народовъ. Сказка обратилась въ мифъ, а съ другой стороны тѣ таинственныя значенія, которыя были приписаны ходу небесныхъ свѣтилъ, перешли въ сказку. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ сбивчивости древнихъ мифологій и пустыхъ толковъ позднѣйшей учености, часто находившей и вездѣ искавшей астрономіи въ религіи, тогда какъ уже первая звѣздная сказка носить на себѣ примѣты предшествовавшаго религіознаго раздора между поклоненіемъ жизни—змѣѣ и свободному духу—огню.

Къ роднѣ астрономіи примыкаютъ народы дѣйствительно приносящіе свои моленія звѣздамъ небеснымъ (или водамъ небеснымъ), послѣдователи Цабеизма. Чище и яснѣе всѣхъ держались этого мнѣнія выходцы страны при-Араратской, Семитская семья Геламитовъ, увлеченная торжественнымъ движеніемъ Ирана на югъ въ Кушитскую Аравію, гдѣ она пришла въ соприкосновенія и столкновенія, часто враждебныя, съ Аравитянами,—Хамидами, поклонявшимися Шивѣ—Діонизосу. Впослѣдствіи оба племени смѣшались болѣе или менѣе въ разныхъ округахъ: но типъ Африканскій исчезъ не вездѣ, не смотря на побѣды Геламитовъ. Свѣтопоклоненіе, принимая все болѣе и болѣе характеръ исключительнаго огнепоклонства, стало рѣзче отдѣлять средній Иранъ отъ восточнаго. Распря религіозная вѣроятно усилила бытовыя разли-

чія между Азами и Ванами и дала поводъ къ долгой и жестокой борьбѣ.

Замѣчательно, что въ сумеркахъ боговъ Аза-Торъ противопоставляется *водяной* змѣѣ, а Ванъ Фрейръ *огненному* Суртиру. Давно уже народы разошлись и вѣковыя вражды замѣнили древнее братство. Тысячелѣтіе протекло въ кровавыхъ расиряхъ племень; но жизнь еще не размельчала, семьи не совсѣмъ разрознились и какая-то память стараго, кроваваго союза и старыхъ дружескихъ сношеній еще жила въ униженномъ челоуѣчествѣ. Племена дѣйствовали великими массами и мысль ходила просторно по землѣ. Открытіе, сдѣланное на одной точкѣ земнаго шара, могло легко распространиться во всѣ концы его, и наблюденія, сдѣланныя Халдейскими пастырями, перешли, въ видѣ науки или сказки, ко всѣмъ народамъ, принимая вездѣ особенные образы и характеръ. Хамиды, давшіе первое ученое движеніе Иранскому племени, завяли отъ него новое, таинственное знаніе, измѣняя многіе символы его и присвоивая себѣ несправедливо славу самаго изобрѣтенія. Кажется, собственно Кушитами принадлежитъ новое раздѣленіе года на шесть двухмѣсячій и на три четырехмѣсячья. Оно находится болѣе или менѣе ясно въ Египтѣ, Индустанѣ, Китаѣ и даже Мексикѣ въ связи съ символами Шиво-Буддизма, между тѣмъ какъ собственно Иранскимъ землямъ болѣе свойственно было раздѣленіе года на четыре трехмѣсячныя времени. Впрочемъ нѣкоторыя познанія астрономическія были древнѣе новаго развитія науки. Вѣрная ориентація пирамидъ и другихъ памятниковъ свидѣтельствуетъ о древнихъ наблюденіяхъ, общихъ всѣмъ племенамъ и предшествовавшихъ ихъ раздѣлу, хотя самая форма пирамидъ, безвкусіе ихъ постройки, отсутствіе религіознаго характера и ненависть Египтянъ къ ихъ строителямъ указываютъ уже на вліяніе Ирана, на эпоху смѣшенія и на царственную династію, высвободившуюся изъ-подъ ига односторонняго направленія чисто-Кушитской мысли, хранившейся у касты жрецовъ, представителей вещественной мудрости Хамидовъ.

Наука гласовыхъ письменъ, нѣсколько позднѣйшая астрономіи и менѣе заманчивая для воображенія, распространилась не такъ скоро и не такъ далеко. Сказка астрономическая проникала въ пустыню, переносилась изъ края въ край кочующими народами и радовала созерцательную склонность даже одинокихъ семей. Для письменности нужны были общительность и постоянныя сношенія или стремленіе къ наукѣ: но тамъ, куда проникала новая стихія просвѣщенія, являлся въ слѣдъ за нею цѣлый рядъ великихъ измѣненій. Главнѣйшими изъ нихъ были большая твердость науки, возможность кодификаціи и неизмѣнность языка въ тѣхъ странахъ, гдѣ самый характеръ просвѣщенія и жизни (какъ у Хамидовъ) не служилъ достаточнымъ огражденіемъ для слова. Письменность символическая или іероглифъ мысли въ Египтѣ и Китаѣ, какъ уже сказано, заковывалъ мысль въ данныя системы, но оставлялъ языку полную свободу высказаться. Письменность гласовая оставляла свободу мысли и заковывала слово. Она совершенно самостоятельна, между тѣмъ какъ іероглифъ въ началѣ своемъ есть только бытовое примѣненіе искусства. Іероглифъ мысли перешелъ, какъ извѣстно, въ іероглифъ звука, т. е. въ письменность гласовую, но сохранилъ навсегда слѣдъ своего первобытнаго образованія. Очень вѣроятно, что самый этотъ переходъ произошелъ въ частіи жреческой, но уже подъ вліяніемъ чуждаго просвѣщенія. Дальнѣйшее развитіе письменности гласовой, іератическая и демотическая, суть уже просто займы, сдѣланные Кушитами у Иранцевъ съ разными измѣненіями. Тѣ страны, въ которыхъ побѣда скоро осталась за Ираномъ въ борьбѣ съ его южнымъ противникомъ, не знаютъ іероглифа. Другія, въ которыхъ, какъ въ Индустанѣ, борьба была продолжительна и въ которыхъ однакоже нѣтъ примѣтъ символическаго письма, свидѣтельствуютъ о колонизаціи, предшествовавшей еще изобрѣтенію іероглифа и уже не принявшей письменности Кушитской по явному превосходству системы Иранской. Не въ Египтѣ, но въ колыбели его образованности, въ Эѳіопіи начало Деканскаго населенія и Деканскаго художества. Китай,

болѣе отдаленный и позднѣе колонизированный или по крайней мѣрѣ просвѣщенный, стоитъ въ большей зависимости отъ Египта. Письменность его имѣетъ очевидно одно и то же начало, какъ и іероглифы, символизацию мысли. Большая простота зависитъ вѣроятно отъ первоначальнаго преобладанія Буддаизма, который связанъ неразрывно съ Шиваизмомъ какъ его внутреннее прямое отрицаніе, но въ то же время представляетъ въ сравненіи съ нимъ характеръ совершенной простоты, безыскусственности, такъ сказать, трезвости и положительной пользы.

Отрицаніе прямое никогда не выноситъ мысли человѣческой изъ той области, въ которой оно застаётъ ее. Отрицательное число есть число безконечное, какъ отрицаніе конечнаго, живетъ въ мірѣ конечности, отрицательный полюсъ находится въ прямой зависимости отъ своего положительнаго полюса и протестанство истомляется въ безплодной борьбѣ на почвѣ, созданной Римскимъ католицизмомъ. Таково всегда и вездѣ отношеніе Буддаизма къ Шиваизму. Онъ вѣчно стремится къ освобожденію духа и въ то же время принимаетъ молча начало необходимости во всѣхъ проявленіяхъ, слѣдовательно не можетъ нигдѣ достигнуть свободы. Логическіе законы неумолчны: и раціонализмъ, одинъ разъ овладѣвъ какою бы то ни было областью мысли, не можетъ уже быть изгнанъ изъ нея. Его ничтожество въ смыслѣ жизненномъ узнается по его безплодности, и только тотъ можетъ отъ него освободиться, кто, постигнувъ его односторонность и ставъ внѣ его, нашель для разума своего опору живую и независимую отъ формальности. Впрочемъ раціонализмъ, не смотря на свою внутреннюю слабость, часто напрягалъ духовныя силы человѣка и былъ началомъ великихъ явленій въ жизни разумной общественности и всемірной исторіи.

Порядокъ первой гласовой азбуки вѣроятно останется въ числѣ неразгаданныхъ тайнъ. То же можно сказать и о формѣ буквъ. Деванагари имѣетъ также мало притязаній на первобытность, какъ и Англійскій или Французскій алфавитъ. Древнѣйшій порядокъ могъ бы быть угаданъ по клинообразнымъ надписямъ, въ которыхъ явно счетное начало; но счет-

ная азбука скоро вступаетъ въ общую колею и подвергается тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и простая, а тѣ надписи, которыя сохранились до нашего времени, представляютъ уже азбуку искаженную и распространенную по законамъ совершенно произвольнымъ.

Напр. *a* носовой представляетъ составной знакъ изъ *n* и указанія на гласную; *э* длинное тоже ясно составное изъ знака придыханія и *i* или *e* краткаго; *o* длинное, также. Невозможно отдѣлять первоначальныхъ стихій, но если (какъ вѣроятно) угольникъ означаетъ десятокъ, то можно предположить, что число буквъ не далеко превосходило два десятка и что буква *x* была окончательная. Быть можетъ найдутся еще древнѣйшія надписи и приближать ученыхъ къ разрѣшенію этого вопроса.

Впрочемъ сомнѣнія на счетъ порядка и формы буквъ не относятся къ самой системѣ азбуки. Сличеніе Деванагари, клинообразныхъ письменъ и Славянской азбуки приводятъ къ одному и тому же результату, именно: что каждая согласная заключала въ себѣ краткую гласную неопредѣленнаго звука, *a* краткое, среднее между *a* и *o* въ Индіи, среднее между *o* и *a* у Славянъ и среднее между *a* и *e* у Персіянъ.

Это не подвержено никакому сомнѣнію въ Санскритскомъ, явно въ Славянскомъ по употребленію знака безгласія не только въ концѣ словъ, но и между связными согласными, и едва ли подвержено еще спору въ надписяхъ Персеполитанскихъ.

Такая система основана на самомъ простомъ и безыскусственномъ началѣ, на необходимости краткой гласной при согласной для складовъ, и слѣдъ ея сохранился въ странѣ, которая была колыбелью самой письменности. Всѣ три формы письменъ, прямыхъ, обратныхъ и таинственныхъ счетныхъ встрѣчаются на побережьѣ Тигра. Чистый Иранъ избралъ простыя письмена; Семиты предпочли обратное направление. Мѣшавное письмо или бустрофедонъ составилъ

по всей вѣроятности отъ вліянія южной іероглифической письменности, по своему происхожденію изъ живописи, равнодушной къ направленію знаковъ, а счетная азбука осталась достояніемъ маговъ или жрецовъ, въ позднѣйшіе вѣка перенесшихъ ея тайну, хотя съ другими знаками, до Скандинавскаго сѣвера.

Благодѣянія грамотности уже признаны: отъ нея начинается новая эпоха въ жизни человѣчества. Но вмѣстѣ съ улучшениями бытовыми, съ большею опредѣленностью понятій, съ большею твердостью нарѣчій и съ возможностью кодификацій, вошли большая искусственность въ сношеніяхъ людей между собою, упадокъ обычаевъ въ смыслѣ законовъ, презрѣніе ученаго сословія къ неученому, излишняя важность всего писаннаго, утрата преданія неписаннаго и вслѣдствіе всего этого отдѣльное умствованіе, развитіе чисто логическаго начала и преобладаніе анализа въ нѣдрахъ Ирана, хранившаго до тѣхъ поръ развитіе синтетическое, связанное съ обычаемъ и преданіемъ.

По всеѣмъ вѣроятностямъ, освобожденіе науки отъ вещественной полезности и начало астрономіи принадлежатъ династии Халдео-Ассирійской; посвященіе науки въ служеніе слову, т. е. начало письменности, относится ко времени династии Восточно-Иранской, т. е. Ванно-Ассирійской. Еще позднѣе самое слово сдѣлалось предметомъ науки у Иранцевъ Индустанскихъ, но этотъ новый успѣхъ мысли, спасшій для насъ важнѣйшее свидѣтельство объ общемъ первоначальномъ языкѣ, не распространился никогда далѣе Ганга на востокъ и Инда на западъ.

Много было общаго между племенемъ преобладающимъ на берегахъ Евфрата и туземцами; но много было и различій. Вліяніе Кушитовъ уже потрясло и исказило весь міръ Семитическихъ народовъ; завоеваніе Бактріи Ассирійцами и Ассирии Бактрійцами оставило по себѣ слѣдъ вражды и взаимной ненависти. Часть побѣжденныхъ (таковъ кажется смыслъ преданій Армянскихъ) удалилась въ горы на сѣверо-западъ и продолжала борьбу съ новыми владѣтелями Финиціи. Меж-

Миграція
Семитовъ
и Иран-
цевъ. Дре-
вняя тор-
говля. Фи-
ниція.

ду тѣмъ сами побѣдители, прельщенные роскошью и вещественною красотою страны Месопотамской, оторвались отъ своей родины, утратили свою силу и приготовили свое паденіе глубокимъ развратомъ нравовъ и совершенною утратою всякаго духовнаго значенія. Около XVI-го вѣка до Р. Хр. возмущеніе при-Евфратскихъ Семитовъ и напоръ горцевъ Халдеевъ уничтожили власть Семирамиды, по Ассирійцамъ, или откинули Джемшида въ Бактрію, по преданіямъ Персидскимъ. Возсталъ новая туземная династія *Ниніасъ*, признанная за продолженіе первой династіи (*Нинуса*) и царствовала долго въ силѣ, славѣ и богатствѣ, гремя далеко оружіемъ, созидавая чудные памятники, но уже много уступая во всѣхъ отношеніяхъ своимъ великимъ предшественникамъ.

Еще не упала держава Семирамиды, и народы, жившіе на западъ отъ Евфрата, не скинули съ себя власти Восточной, такъ отдѣльные вѣтви ихъ стали выселяться далѣе и далѣе отъ границы Ванно-Ассирійскаго государства. Къ этому времени принадлежатъ вѣроятно многія миграціи, внесшія Семитическую стихію глубоко въ Малую Азію (между прочимъ Левко-Сиріевъ), точно также, какъ невольное движеніе Пелазговъ и Германцевъ принадлежитъ еще времени преобладанія Кушитскаго, а первая миграція Кельтовъ съ ихъ священною кастою относится къ династіи чисто-Ассирійской. Ходъ Пелазговъ и медленное движеніе Германцевъ направлено было черезъ Гелеспонтъ. Миграція Кельтовъ была обширнѣе и совершалась иными путями. Главное ея направленіе было на сѣверъ, черезъ сѣвѣро-Кавказъ въ междурѣчье Волги и Дона въ разрѣзъ Вендскихъ населеній и оттуда прямо на западъ. Часть Кельтской отрасли, Иберцы были брошены на югъ во время крутой борьбы, уничтожившей преобладаніе Кушитовъ на Евфратѣ, и въ смѣси съ Семитами перекинулись по берегамъ Средиземнаго моря въ дальній за-Пиренейскій полуостровъ, гдѣ ей суждено было встрѣтиться враждебно съ своею сѣвѣрою братьею, Кельтами. Это движеніе Иберцевъ въ соединеніи и въ смѣси съ Семитами открыло торговый путь Финикіи до береговъ океана и до

Зеленаго острова, населеннаго Кельтами въ его сѣверныхъ пучинахъ. Оно олицетворено въ преданіяхъ въ лицѣ Иракла Тирскаго, сѣвернаго господина Карталинскаго (*Мелехъ Кармъ*, сокращенно *Мелькартъ*). На берегахъ Финикіи, которой южную часть древніе называли Эѳіопіей, произошли многія столкновенія племенъ. Хамиды боролись съ Семитами. Древній Тиръ палъ въ борьбѣ съ Сидономъ и снова возстановленъ колоніею побѣдителей. Въ этомъ заключается примиреніе преданія о стародавности Тира и въ то же время объ его довольно позднемъ построеніи Сидономъ. Смѣшанныя племена, слившись въ одно плѣое, боролись снова съ Югомъ и Сѣверомъ, но отстояли свое отдѣльное существованіе или, по мнѣнію Бейрутскимъ, мѣстный богъ Посейдонъ одержалъ конечную побѣду надъ Сѣвернымъ Зевсомъ и Южнымъ Діонизосомъ. Но племенные начала, ожесточенныя взаимной враждою, никогда не утрачивали вполне своего значенія. Сидонъ, Кушитскій въ своей основѣ, представлялъ большую мягкость нрава и безуміе сладострастія. Тиръ, Иранскій въ своемъ началѣ, отличался предприимчивостью, смѣявшеюся надъ бурей невѣдомыхъ океановъ и кровожадностью, проливавшею потоки крови въ обрядахъ одичалой вѣры.

Время величайшихъ народныхъ движеній относится въ вѣкъ глубочайшей древности. Кельты, Пелазги и Германцы, двинувшіеся въ Европу около 30 вѣковъ до Р. Хр., встрѣтили или разрѣзали сѣтъ Вендо-Славянскихъ первожителей; Иберцы примкнули къ ней съ юга. Но время династіи Ванно-Ассирійской представляеть кажется величайшее развитіе торговли и отъ того главное средоточіе міровой жизни. Вавилонъ и Нинивія, въ сказаніяхъ древнихъ народовъ, сверкають золотомъ и дорогими камнями, облакаются въ пурпуръ и цвѣтныя ткани и окружаются облакомъ благоуханныхъ куреній. Паденіе чисто-Ассирійской династіи, двинувшей силу Ирана на землю Кушитовъ и потомъ распавшейся отъ столкновенія съ Восточнымъ Ираномъ, оставило страны между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ въ броженіи, лишенномъ государственнаго единства. Тогда мало-по-малу образовался міръ

народовъ Семитическихъ, смѣсь Семитовъ съ Хамидами, и мѣръ вѣрованій, смѣшанныхъ изъ двухъ враждебныхъ началъ. Въ этой области, гдѣ свирѣствовали самыя частыя и жестокия столкновенія, религія достигла своего крайняго ожесточенія, сохранившагося потомъ въ безмысленномъ и гнусномъ синкретизмѣ, но народы развили въ себѣ энергію, давшую имъ важность несоразмѣрную съ ихъ малочисленностью. Въ эпоху династїи Вановъ-Ассирійской улеглись внутреннія бури юго-западной Азіи и разноначальное приморіе Финикїи соединилось въ одинъ государственный союзъ. Это время обозначается колонизаціею Тира изъ Сидона. Финикїя расцвѣла торговлею. Караваны, проходя широкую область Ассирійскаго царства отъ Инда до Евфрата, передавали свои богатства караванамъ Сирїи и Палестины, и веселый путь народныхъ сношеній кончался въ пристаняхъ Финикїи, изъ которыхъ смѣлые паруса Тира и Сидона летѣли за новыми богатствами на край обитаемой земли.

Древняя торговля представляетъ особенную черту, на которую до сихъ поръ еще не обращали вниманія. Направленіе купеческаго мореплаванія не опредѣляется законами удобства и близости. Финикїйцы охватываютъ Грецію и Италію, оплываютъ сѣверный берегъ Африки и достигаютъ дальнихъ острововъ Атлантическаго океана, между тѣмъ какъ они рѣдко посѣщаютъ глубь Эгейскаго моря и не смѣютъ проникнуть въ Эвксинъ. Безстрашные моряки Венеты не отдаляются отъ сѣверныхъ береговъ Адріатики и, охватывая берега Германїи и Галліи, не спускаются на югъ въ Испанію. Корабли Элады ограничиваютъ кругъ своего плаванія тѣми морями, на которыхъ основались ихъ колонїи, и судоходство Египта, ничтожное въ Средиземномъ морѣ, было развито въ большихъ размѣрахъ на океанѣ Индійскомъ. Таковы показанія древнихъ и свидѣтельства памятниковъ. Взглядъ на эти данныя и сравненіе съ торговлею даже позднѣйшихъ народовъ опредѣляютъ законъ древней морской торговли. Общая его формула слѣдующая: мореплаваніе служило только для сообщеній между родной и колонїями или между кровными братьями, помнящими свое.

родство. Торговые пути определялись тождеством върваний, или сочувствіемъ родовымъ.

Вмѣсто прежняго правила: «въ такой-то странѣ замѣтно языковое или религіозное сходство съ Финикією, потому что къ ней приставали купцы Финикійскіе,»—правила ничего не значащаго и ничего не объясняющаго, должно принять правило; «купцы Финикійскіе приставали къ такой-то странѣ, потому что между ею и Финикією было языковое или религіозное сходство.» Въ позднѣйшее время естественное средство было замѣнено искусственнымъ, основаннымъ на системѣ вооруженныхъ колоній. Это относится въ особенности къ Элладѣ

Въ началѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр. развитіе торговли, одностороннее у каждаго племени, въ общемъ своемъ итогѣ обнимало большую часть обитаемой земли. Система Вендская, охватывая сѣверъ Германіи и Франціи, связывала восточное побережье Балтики съ Атлантическимъ океаномъ. Система Вендовъ Лигурскихъ, Вендовъ Адриатическихъ, Саквовъ Евксинскихъ огибала большую часть сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря и пропикала во всѣ великіе заливы его и въ три моря подчиненныя ему. Система Финикій, по ея Семитической стихіи, т. е. Тирская, заключала въ себѣ все сѣверное поморье Африки, Пиренейскій полуостровъ и часть Атлантическаго океана, соединяя Кельто-Иберскую Ирландію съ восточною оконечностью Средиземнаго моря; та же система, по ея Кушитской стихіи, т. е. Сидонская, захватывала побережье Персидскаго залива, Аравійскій полуостровъ и богатства неизвѣстнаго офира, вѣроятно востокъ Африки. Наконецъ система Египта, въ своихъ братскихъ сношеніяхъ съ восточными колоніями Куша, соединяла долину Нила съ устьями Инда, съ западомъ и югомъ Декана, съ роскошнымъ Цейлономъ и съ торговымъ движеніемъ всей юго-восточной Азіи и острововъ, разсѣянныхъ въ безконечности океана.

Дѣятельность мореходцевъ пополнялась путями караванными. Атлантическое море должно было соединяться съ Среди-

земнымъ цѣлью Вендо-Лигурскихъ поселеній по Лигеру и Родану (*Эриданъ*, ярый *Донъ*). Венды Балтійскіе, собиравшіе янтарь у устьевъ сѣвернаго *Эридана*, мѣняли его на произведенія земли Вендовъ Адриатическихъ, жителей прибрежья *Эриданъ* Италійскаго, направляя путь своихъ конныхъ и людейныхъ каравановъ черезъ страны Славянъ-Ляховъ, Вудиновъ и Дако-Гетовъ. Эпиръ и юго-западная Элада, колонизированная Иверцами и Финикійцами, принимали богатства Сѣвера отъ своихъ Илирійскихъ сосѣдей, Финикія отъ своихъ пристаней высылала караваны къ Черному морю, къ Персидскому заливу, къ границамъ Ассиріи, по странамъ Семитовъ и Хамитовъ. Сухопутное сообщеніе по землямъ Иранскимъ связывало Евфратъ съ Индомъ и Гангомъ, а отъ Инду-кху, отъ подошвы громаднаго Девалагири, отправлялись новые торговые обозы на сѣверъ черезъ Ванскую Бактрію, черезъ земли Гетовъ и Даковъ, охватывая Каспійское море по общинамъ Карновъ и Валовъ, подымаясь вверхъ по Волгѣ и кончая путь свой въ мірѣ *Вендовъ*, Вановъ Европейскихъ. Сверхъ того мелкій, но постоянный торгъ шелъ по всѣмъ границамъ народовъ осѣдлыхъ и мирныхъ, дополняя собою сѣтъ человѣческихъ сношеній; и тѣ же Ваны Бактрійскіе, которые своими выселками и караванами связывали Индустанъ съ Балтикою и Атлантическимъ океаномъ, приучали мало-по-малу своихъ восточныхъ сосѣдей принимать торговыхъ гостей, для которыхъ Китай разводилъ виноградъ (*по-то*) и сѣялъ зерновой хлѣбъ (*мо-со*).

Торговля не создана а ргіогі, она не дѣло расчета и умозрѣнія, но безыскусственный плодъ общительной жизни. Первый купецъ былъ *гость*, весело посѣщающій, радушно принимаемый; первый торгъ былъ подарокъ и отдарокъ, размѣтъ. Исторія торговли теряется въ исторіи ранней общительности. Со временемъ, естественно, гость сдѣлался купцемъ, общительность перешла въ эгоистическій расчетъ; но раздѣлять ихъ искони—значитъ быть слѣпымъ въ смыслѣ простоты человѣческой.

Нажимъ Ассиріи, въ которой средоточилъсь государствен-

ная сила Ирана, выдвигалъ кочевья, горныя и нестройныя семьи изъ ихъ прежнихъ предѣловъ. Такъ остатокъ Кельтскаго племени, вѣроятно около этого времени, перешель, подъ именемъ Кумри, черезъ Кавказъ, занялъ междурѣчье Дона и Волги и разрѣзалъ Славянскія поселенія на восточныя и западныя. Дикіе и малообщительныя Кумри пришли въ непріязненное столкновение съ Вендами и перервали или, по крайней мѣрѣ, весьма стѣснили торговлю Бактро-Европейскую. Большое сродство духовное соединило ихъ съ сѣверными Яфетидами, Финно-Турками, и сообщило нравамъ ихъ и языку сходство съ нравами и языкомъ этой одичалой семьи. Съ юга заняли ихъ мѣсто горныя Мидійцы и на хребтѣ Кавказской стѣны завязалась та вѣковая борьба между Азами, Сарматами и Кимврами-Ютунами, которая наложила свою печать на всю мѣстную Скандинавію.

Кромѣ семей одичалыхъ, безъ сомнѣнія выселялись и лучшія семьи западнаго Ирана, готовыя къ общительности и къ братству человѣческому, но не склонныя къ оковамъ условной гражданственности, или возмущенныя религіознымъ развратомъ, сопровождавшимъ развитіе вѣщественныхъ силъ Ирана. Одна изъ нихъ еще въ концѣ III-го тысячелѣтія до Р. Х., оставивъ родину свою, горныя пажити Арарато-Демавендской цѣпи, перенесла свои подвижныя богатства, куши и стада въ землю Ханаанитовъ и Геламитовъ, въ сосѣдство Финикіи и древняго Египта. Этой семьѣ, заключенной еще въ лицѣ Авраама, была поручена духовная судьба человѣчества и ей обязаны мы первую его лѣтописью.

Миграція
Авраама.
Переселе-
ніе Евре-
евъ въ
Египетъ.
Гиксосы.

Оставляя свою родину и переселяясь въ новую страну, будущее владѣніе его потомковъ—Израиля, Авраамъ слѣдовалъ движенію, данному уже Ирану, со всѣхъ сторонъ надвигавшемуся на Кушитовъ. Онъ нашель землю уже населенную и въ которой природныя Ханааниты еще не потеряли своего первенства. Таковъ смыслъ словъ пророка: «въ то время жили Ханааниты въ той странѣ». Въ послѣдующіе вѣка, особенно во время плѣненія Египетскаго, сѣверныя Семиты—Геламиты и смѣшавшіеся съ ними Измаэлиты и Аммониты,

отрасли рода Авраамова, получили совершенный перевѣсъ надъ туземцами.

Авраамъ поселился, какъ домовитый пастырь, въ странѣ еще слабо населенной землепашцами-градостроителями, ибо частое населеніе еще толпилось только около великихъ средоточій человѣчества. Память о подвижной куцѣ и о свободномъ привольѣ пустыни никогда не покидала выходцевъ изъ западнаго и средняго Ирана. Поселившись добромъ или силою въ области каменосѣцевъ Кушитовъ, они вездѣ учреждали праздникъ *снни* или *Сакей*. Родъ Авраамовъ представляетъ въ этомъ отношеніи сходство съ Ассирією и Мидією.—Движеніе сѣверо-восточныхъ народовъ на юго-западъ усиливалось. При жизни Авраама Спрія высылала воинственные дружины въ Палестину и мирный гость Хаваана, Авраамъ помогалъ своимъ дружескимъ сосѣдямъ противъ враждебнаго нашествія родственниковъ ему Семитовъ. Голодъ заставилъ его искать временнаго убѣжища въ Мисраимѣ (Египтѣ) и тутъ нашелъ уже онъ давно царствующихъ Фараоновъ, давно цвѣтущее государство. Нѣсколько позднѣе и по той же причинѣ потомство его переселилось на берега Нила, гдѣ ему было суждено умножиться, окрѣпнуть и страдать.

Переселеніе Израиля въ Египетъ въ самомъ началѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр. сопровождается первымъ важнымъ происшествіемъ въ жизни государственной, о которомъ исторія сохранила ясную и опредѣленную память, именно переходомъ частной недвижимости въ царскую, т. е. государственную собственность. Совѣтъ, данный Іосифомъ, долженъ былъ во многомъ измѣнить весь бытъ и всѣ отношенія народа къ правительству, обративъ свободныхъ хлѣбопашцевъ въ невольныхъ арендаторовъ, въ бездомниковъ, трудящихся на чужой землѣ.

Дружескій приемъ, сдѣланный семьѣ Авраамовой и послѣдовавшее за тѣмъ угнетеніе при новомъ Фараонѣ навело многихъ на мысль, что Евреи и *Гиксосы* или цари-пастухи, завоевавшіе Египетъ, были одно и то же. Позднѣйшій изъ Еврейскихъ летописцевъ, Іосифъ, оче-

видно, раздѣлялъ это мнѣніе. Зато многіе ученые совершенно отвергали весь разсказъ о Гиксосахъ, какъ пустую сказку. Ни то, ни другое мнѣніе не заслуживаетъ вѣры.

Великое значеніе Израиля въ Египтѣ указываетъ на какое-то братское чувство царствующей династіи къ сѣверо-восточнымъ пришельцамъ. Нелюбовь народа къ пастухамъ основана не на историческомъ началѣ, но на мѣстныхъ требованіяхъ земледѣльства въ узкой долинѣ Нила и на необходимости удалять стада изъ середины области къ краямъ пустыни. Это было слѣдствіемъ условій географическихъ: радушіе Фараоновъ къ чужеземцамъ, Аврааму и его потомству, было слѣдствіемъ духовнаго сочувствія. Перенесеніе столицы съ юга на сѣверъ и основаніе Мемфиса или возвышеніе его въ столицу было сопровождаемо переворотомъ общественнымъ. Власть царей-воиновъ скинула тогда, какъ уже сказано, оковы власти жреческой. Средоточіе Африканскаго просвѣщенія и Африканской системы открыло объятія свои торжествующему началу Ирана. Съ этимъ вмѣстѣ начались скрытная борьба и смѣшенія, а за ними временное преобладаніе Азіи въ самомъ Египтѣ. Семиты, приглашенные гости и союзники царской власти, все болѣе и болѣе усиливались въ царствѣ Мемфискомъ, измѣняя характеръ религіи, обычай и, можетъ быть, наружный видъ высшихъ сословій; ибо мы имѣемъ древнія свидѣтельства въ томъ, что низшія касты отличались отъ высшихъ примѣтами физическими.

Быть можетъ даже, это смѣшеніе продолжалось еще далѣе по сѣверному берегу Африки; эта догадка подтверждается отчасти изученіемъ Сѣверно-Африканскаго племени и многими преданіями о колонизаціи нѣкоторыхъ частей Ливіи изъ Палестины.

Наступило время, когда пришельцы, вкравшіеся во весь государственный составъ и чувствуя свое могущество и слабость туземцевъ, потребовали полной власти въ слишкомъ гостепріимной землѣ. Не должно вполнѣ вѣрять словамъ Ма-

неона, но и́тъ и причины оставлять ихъ безъ всякаго вниманія. Манеонъ знаетъ про кровопролитную борьбу и изгнаніе Гиксосовъ: но Манеонъ ничего не знаетъ о войнѣ, въ которой Гиксосы торжествовали. Она очевидно не были завоевателями въ полномъ смыслѣ слова: они были насильниками туземцевъ, съ которыми давно уже жили и сжились во многомъ.

Это отношеніе варваровъ-союзниковъ къ Риму: поздняя исторія должна насъ учить понимать раннюю.

Выходцы изъ Азіи сдѣлались царями въ Египтѣ до самыхъ границъ Нубіи, не смотря на сопротивленіе стихіи туземной на югѣ. Изъ нихъ составилаь семнадцатая династія, враждебная народной славѣ, народнымъ обычаямъ и народной религіи, но дружественная къ семьямъ Семитскимъ, съ которыми связывало ее кровное, незабытое родство. Отъ того-то разрушеніе памятниковъ, кровавое поклоненіе Тифону (искаженному духу, владыкѣ Ирана), приѣмъ Авраама, власть Юсифа, и отведеніе прекраснаго края въ жплще Израилю. Книги, вошедшія въ Еврейскій канонъ, не содержатъ никакихъ подробностей о пребываніи народа въ землѣ чужой; но въ преданіяхъ жили имена и дѣла великихъ людей, прославившихъ племя Авраамово на берегахъ Нила и вѣроятно продолжавшихъ политическую дѣятельность Юсифа.

Преданія исчезли, но книга царей сохранила намъ нѣсколько именъ, вѣроятно важнѣйшихъ. *Эанъ, Геманъ, Халькаль и Дардахъ*. Хотя въ разныхъ текстахъ эти имена читаются разнo, значеніе ихъ въ памяти народной очень ясно.

Около XVIII-го вѣка до Р. Хр. произошелъ новый переворотъ въ судьбѣ Египта. Гиксосы были побѣждены и изгнаны изъ его предѣловъ династією туземною, южною, возросшею и окрѣпшею въ землѣ древне-Кушитской святыни, въ области стовратыхъ жреческихъ *Эивъ*. Война была упорна

и продолжительна. Побѣжденный народъ удалился неизвѣстно куда, но вѣроятно на свою старую родину, къ сѣверо-востоку. Изгнанная династія носила въ сказаніяхъ Египетскихъ прозвище пастырей; характера же пастушескаго въ ней не обличаютъ ни слова Манеона, ни рассказъ Вѣтхо-Завѣтный. Очень вѣроятно, что это прозвище, очевидно враждебное и ругательное, было дано ей не по ея собственному происхожденію и обычаямъ, а по отличительной примѣтѣ того народа, который пользовался довѣренностью царей и управлялъ внутреннею жизнью государства. *Цари Гиксосы* значить только *Цари Евреи*. Великая власть рода Израилева объясняетъ и ожесточеніе Египтянъ противъ него, и мщеніе царей XVIII-й династїи. Если, сверхъ того, приписывали Евреямъ самое разрушеніе памятниковъ, то понятно, почему именно на нихъ-то и возложена была вся тяжесть возсозданія.

Возстановленіе народности въ Египтѣ началось съ юга. Тамъ, на границахъ Нубїи, въ то время, какъ чужеземцы владѣли всею сѣвѣрною долиною Нила, царствовала туземная династія, лишенная всѣхъ почти своихъ областей, но не вполне побѣжденная. Тамъ крѣпла она въ постоянной борьбѣ, распространяя власть свою въ южныхъ странахъ и собирая новыя силы противъ своихъ угнетителей. Мало-помалу стала она отодвигать Семитовъ къ сѣверу, возвратила себѣ Оивы, столицу святыни и просвѣщенія, и наконецъ, около XVIII-ти вѣковъ до Р. Хр., изгнавъ Азіатскихъ пришельцевъ, возвратила Египту его утраченное значеніе въ мірѣ. Между династіями XVII-й и XVIII-й не видать перерыва: Аменофисъ, I-й царь XVIII-й династїи, кажется, былъ сыномъ Ахмозиса, послѣдняго царя XVII-й. Новая слава царства дала Аменофису и его потомкамъ право считать себя новымъ родомъ, и этотъ родъ назвалъ себя Оивскимъ, чтобы связать свое правленіе и характеръ своей дѣятельности съ началами религіи и преданіями жреческой старины Кушитовъ. Цѣлый рядъ великихъ царей, возстановившихъ народную славу, завоевавшихъ страны сѣверныя и проникнувшихъ едва ли не въ самое сердце Ирана, обозначилъ вѣр-

Реакція
Кушит-
ской сти-
хи въ
Египтѣ.

ность системы, основанной на стилиях туземных. Безсмертные памятники зодчества, согласно съ писанными преданіями, увѣковѣчили имена многихъ преемниковъ Аменофиса; имъ принадлежатъ, за исключеніемъ древнѣйшихъ пирамидъ, почти всѣ громадныя остатки художества, всѣ героическія воспоминанія Египта и окончательное утвержденіе народности въ ея отличительныхъ чертахъ и религіи въ ея спутанномъ синкретизмѣ, на днѣ котораго явно лежитъ чистое начало Кушитской вѣры. Но надъ всѣми этими великими владыками возвышаются колоссальныя размѣры Рамезеса III-го, Сезостриса завоевателя. Мало именъ такъ громко звучать въ исторіи міра, и нѣтъ, безъ сомнѣнія, ни одного царственнаго лица, котораго очерки были бы такъ живо и свѣжо сохранены искусствомъ для позднѣйшаго потомства. Куда ни взглянешь въ Египтѣ, въ Нубіи, въ дворцахъ государей Европейскихъ, на мраморѣ, на базальтѣ и гранитѣ, вездѣ взглядъ останавливается невольно этими чудными чертами, полными дѣтской кротости и силы, думы и жизни. — Время самаго могучаго развитія 18-й династіи около, XVI-го вѣка до Р. Х., совпадаетъ съ изгнаніемъ Ванно-Ассирійской династіи изъ Нинивіи и съ уменьшеніемъ значенія страны при-Евфратской.

Ветхо-завѣтный пророкъ обозначаетъ перемѣну въ владыкахъ Египетскихъ очень коротко: «Возсталъ иной царь, который не зналъ Іосифа.» Это выраженіе вполне согласно со всѣмъ духомъ книгъ Моисея. Ему не важны еще отдѣльныя лица: ему въ его высокой простотѣ видны только роды и жизненные характеры. Для него народъ—лице: не Кумри, не Мосхи, не Ассирійцы; но Гомеръ, Мешехъ, Ассуръ. Для него родъ—лице, какъ видно въ родословной Авраама. Точно такъ одинъ былъ Фараонъ, благопріятствовавшій Израилю, и одинъ Фараонъ новый, врагъ Израиля. Болѣе отъ него требовать нельзя, точно также какъ отъ него требовать смѣшно математической точности въ словахъ: «который не зналъ Іосифа». Довольно того, что перемѣна въ судьбѣ Евреевъ совпадаетъ съ перемѣною династіи въ Египтѣ. Тутъ пяти-

книжіе подтверждаетъ разсказъ Манеона. Но Іосифъ или по крайней мѣрѣ его правительственныя распоряженія не были забыты. Между тѣмъ какъ Египетъ вообще предавалъ проклятію враждебныхъ Гиксосовъ, памятникъ времени Сезостриса упоминаетъ съ похвалою объ Апофисѣ, Гиксосѣ современномъ Іосифу. Не смотря на вражду народную противъ чужеземцевъ и религіозную противъ поклонниковъ Тифона, цари помнили съ благодарностью имя царя, обратившаго частныя земли въ государственную собственность. Они знали Іосифа и, не смотря на кажущееся противорѣчіе, тутъ рукопись іератическая служитъ повѣркою и подтвержденіемъ сказанію Вѣтхо-завѣтному.

Возобновленіе Кушитскаго начала въ Египтѣ принадлежитъ XIX-му вѣку до Р. Хр. Полное развитіе его государственныхъ силъ относится къ XVII-му и XVI-му вѣку до Р. Хр. или къ первому столѣтію послѣ паденія Восточной династіи въ Нинивіи. Но прежде этой эпохи и даже прежде возстанія иноземцевъ, царствовавшихъ подъ именемъ пастырей, держава Мемфисская стояла уже на высокой степени могущества и славы. Имена Озимандіаса (если это имя не искаженное) и Озортазена, строителя Геліополисскаго обелиска, соединены съ преданіями о трудахъ въ пользу просвѣщенія и о побѣдахъ Египтянъ въ странахъ далекихъ. Оба царя принадлежатъ къ концу XV-й или къ XVI-й династіи, т. е. къ тому времени, когда стихіи чуждыя уже принимались гостепрімно, но не присвоили себѣ положительной власти на берегахъ Нила. Процвѣтаніе астрономіи при Озимандіасѣ указываетъ на вліяніе сѣверо-восточное.

Эта истина доказывается не только самыми знаками астрономическими, но убѣжденіемъ самихъ Египтянъ, приписавшихъ (хотя несправедливо) усовершенствованіе гражданскаго года одному изъ Гиксосовъ. Очевидно, что въ мысли народной наука еще была связана съ своею сѣверо-восточною колыбелью.

Еще болѣе замѣтно дѣйствіе мысли Иранской во введеніи

гласовой азбуки въ самую родину письменности символической. Нѣтъ сомнѣнiя, что грамота демотическая по своимъ знакамъ вышла изъ iероглифа: но по системѣ своей она принадлежитъ Ирану.

Опущенiе гласныхъ отдѣляетъ полугласовыя, неполныя азбуки (къ которымъ принадлежитъ и демотическая) отъ гласовыхъ полныхъ. Азбука Семитическая даетъ буквамъ названiя, указывающiя на ихъ iероглифическое начало и въ этомъ отношенiи объясняетъ вполне одну изъ системъ звуковыхъ iероглифовъ, вышедшихъ изъ первоначальной системы iероглифовъ мысли: но въ то же самое время она не поясняетъ опущенiя гласныхъ въ письмѣ. Очевидно, древняя система Иранская, сохранившаяся въ Индустанѣ и на клинообразныхъ надписяхъ, по тому самому могла опускать краткую гласную, что она согласнымъ именъ не давала, а произносила ихъ съ помощью краткой гласной. Слогъ, составленный изъ этихъ двухъ звуковъ, согласной и гласной, служилъ самымъ именемъ буквы и входилъ въ склады безъ измѣненiя. Арабскiй языкъ своимъ знакомъ безгласiя (который впрочемъ не вполне соответствуетъ Санскриту—Славянскому) обличаетъ систему древне-Иранской азбуки и доказываетъ, что имена, данныя въ послѣдствiи буквамъ, были нововведенiемъ и займомъ, сдѣланнымъ Семитами у своихъ же учениковъ Египетскихъ Кушитовъ.

Между тѣмъ преданiя, разказами своимъ о побѣдахъ Фараоновъ надъ Азiатцами, доказываютъ, что все Иранское въ тогдaшнемъ Египтѣ до Гиксосовъ было только произвольнымъ подражанiемъ, а не слѣдствiемъ насилiя. Ясное понятiе о значенiи Семирамиды въ исторiи Ассирiи примиряетъ свидѣтельство древности о войнахъ Озимандiаса и другихъ владыкъ Мемфисскихъ противъ Бактровъ и Сако-Гетовъ (Схето) съ несомнѣннымъ существованiемъ великаго царства Ассирiйскаго. Очевидно, невозможно бы было Фараону побѣждать восточный Иранъ, не завоевавъ Вавилона и Нинивiи: о чемъ однакоже нѣтъ ни малѣйшаго намека у древнихъ писателей: но все затрудненiе исчезаетъ, когда мы знаемъ, что именно во время XVI-й и отчасти XV-й династiи, Вань,

т. е. Бактрійцы, и Сако-Геты были владыками Евфратскаго побережья.

Этимъ самымъ подтверждается догадка о почти тысячелѣтнемъ ихъ державствѣ: ибо возстановленіе чисто-Ассирійскаго царства (Ниньяса) относится къ концу XVIII-го или началу XVII-го вѣка до Р. Хр., а Озортазень и Озимандіасъ принадлежатъ XXIV-му вѣку до Р. Хр. Позднѣйшій Сестострисъ, пользуясь ослабленіемъ Вавилоніи и Ассиріи, могъ временнымъ набѣгомъ проникнуть и въ самую глубь Ирана: но такой фактъ не могъ повторяться часто и былъ совершенно невозможенъ во время полнаго разцвѣта Месопотаміи.

Жизнь Египта въ концѣ III-го и началѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр. состояла въ борьбѣ мѣстнаго начала Кушитскаго съ вліяніемъ чуждаго Ирана и въ окончательномъ торжествѣ южной стихіи, спасенной политическимъ возвышеніемъ южнаго Египта. Въ древней колыбели своего народа почерпали Фараоны силы для отраженія сѣверо-восточнаго нажима. Въ продолженіе той же эпохи жизнь Индустана слѣдовала тѣмъ же законамъ, но въ противоположномъ направленіи. Около середины третьяго тысячелѣтія напоръ народовъ Декана, выраженный въ мифахъ побѣдами Шивы надъ Брахмою и непреодолимымъ могуществомъ Асура *Равана*, преодолѣлъ сопротивленіе Брахмановъ при-Гангесскихъ. Иранская стихія почерпнула новыя силы изъ своего источника и Бактрія выслала воинственные толпы водопоклонниковъ черезъ преграду Гиммалаи. Мало-по-малу Кушиты-завоеватели были вытѣснены изъ сѣверной Индіи и отодвинуты къ ея южной оконечности. Цейлонъ былъ ихъ послѣднимъ убѣжищемъ но и царство островное не на долго сохранило свою независимость. Ланка и царь ея Равана пали подъ ударами Рамы, мпѣической эмблемы всего Вишнуизма. Торжествующая стихія сѣвера наполнила весь югъ своими колоніями. Парасу-Рама отодвинулъ волны морскія, чтобы дать просторъ богоизбранному народу Брахмановъ. Религія Ирана и священный языкъ Кави проникли въ безконечную область океани

Индія.
Внутрен-
нее ея
развитіе.

ческих острововъ. Опустѣли вѣковыя святыни Кушитскихъ Деканцевъ. Заглохли пути къ пещернымъ храмамъ Карли, Элефанты и Сальсетты, первенцамъ Африканскаго зодчества на землѣ Азіійской; прибой океана врѣзались въ покинутый Мавалипурамъ и недовершенныя чудеса Элоры въ своемъ одинокомъ величіи остались, какъ краснорѣчивое свидѣтельство быстрого переворота общественнаго. Проклятыя Иранскихъ побѣдителей легло на памятникахъ побѣжденныхъ Кушитовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что еще прежде торжества Вишнуитовъ религіозный синкретизмъ сталъ вкрадываться въ вѣрованія Юга и Сѣвера. Самые остатки древняго зодчества служатъ тому яснымъ доказательствомъ. Капища были покинуты не какъ святыня враждебной вѣры, но какъ святыня враждебнаго племени, какъ произведенія чуждаго начала и какъ зданія, которыхъ основа не была благословлена богоизбранною кастою Брахмановъ. Сѣверное Брахманство, не смотря на свою строгую исключительность и на соединеніе духовности съ высокимъ развитіемъ философскаго мышленія, точно также, какъ и южный Буддо-Шиваизмъ, не избѣгло смѣшенія. Напоръ съ юга торжествующихъ Деканцевъ, заложившихъ даже въ Индсуганѣ капища своей вещественной вѣры, и прикосновеніе къ сѣверо-западнымъ Шиваитамъ въ Пенджабѣ, ввели въ философско-религіозную систему Индустана многія стихіи религіи необходимости и поклоненіе Шивѣ съ его органическою двойственностью. Вишнуизмъ довершилъ давно начавшееся смѣшеніе. Движеніе новой сѣверной колонизаціи не было налетомъ горнаго потока, прорвавшего свои преграды, но медленнымъ наплывомъ воды, переполнившей свои озерныя берега и выливающейся мало-по-малу въ сосѣднія равнины. Баткрійцы (вѣроятно во время своего державства въ землѣ Иранской) подали помощь своимъ угнетеннымъ братьямъ Брахманамъ противъ южныхъ утѣснителей. Пришлые союзники смѣшались съ туземцами и поселились на роскошныхъ берегахъ Гангеса. Сперва отодвинувъ, потомъ вполне сокрушивъ государство Деканское, Вишнуизмъ началъ

междоусобную брань съ Брахманствомъ и одержалъ побѣду надъ своимъ духовнымъ соперникомъ. Признаки позднѣйшаго нашествія Вишнунтовъ ясны: они замѣтны въ самомъ человѣкообразіи религіи и въ наплывѣ словесныхъ стихій, уже носящихъ клеймо Вано-Славянскаго развитія. Въ то же время можно убѣдиться изъ божественныхъ принадлежностей Вишну, что восточный Иранъ, не смотря на свое водопоклонство, еще не совсѣмъ расторгъ союзъ съ западнымъ Ираномъ огнепоклонникомъ. Поясъ и булава Индустанскаго бога вполне напоминаютъ *Миору (Великій Ора)* и Аза-Тора Сарматскаго. Точно то же видно и изъ самаго лица Вишну въ его первоначальномъ значеніи. Это не то, что Брахма, творецъ или Шива, воплощенная идея вѣчной и необходимой жизни но это посредникъ между видимымъ міромъ и невидимымъ Богомъ, вооруженный и чистый защитникъ частаго творенія отъ нечистой силы враждебныхъ духовъ. Его характеръ, ничтожный въ смыслѣ религіи истинной и въ мірѣ философскихъ отвлеченностей, долженъ былъ своимъ человѣкообразіемъ, своею близостью къ человѣческой природѣ дать Вишнуизму первенство и передъ высоко-духовнымъ Брахмою и передъ грубо-вещественнымъ Шивою. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Всѣ вѣроятности, или лучше сказать, всѣ доводы здравой критики указываютъ на сѣверо-западную колыбель Вишнунтскаго антропоморфизма. Поэтому не безъ удивленія можно замѣтить, что вообще поэмы Индійскія помѣщаютъ на сѣверо-западѣ царей, покровительствуемыхъ *Мага-девою*. Объясненіе этого затрудненія весьма легко. Когда пала Бактрія и остатки одичалыхъ Бактрійцевъ, Сэко-Геты, смѣшанные съ чуждыми началами Финно-Турецкими и Средне-Азійскими, стали въ враждебномъ отношеніи ко всѣмъ окружающимъ племенамъ, память о прежнемъ союзѣ и единствѣ вѣры исчезла. Индустанъ, мало и темно знающій про непріяzensкий Западъ, перенесъ на него вѣрованія своихъ ближайшихъ сѣверо-западныхъ соседей, Шиваитовъ сѣвернаго Пятирѣчья и Кашмира. Ошибка была тѣмъ простительнѣе, что Иранъ уже перешелъ изъ подъ владычества водо-

поклонниковъ въ руки огнеслужителей Азо-Мидійцевъ и что между пятью стихіями, признанными Индустанскою ученостью, огонь былъ въ особенности посвященъ грозному Шиву. Уже сказано, что это похищеніе одной стихіи изъ области Брахмы выражается въ мифахъ усвѣченіемъ одной изъ пяти головъ Брахмы *чаркою* Рудры, въ которой нельзя не узнать священнаго ружія Кушитскихъ боговъ, *гарне* (или *серпъ*).

Синкретизмъ начался уже давно: особенныя свойства Вишнуизма ускорили его ходъ и способствовали совершенному смѣшенію всѣхъ религіозныхъ началъ. Съ одной стороны, принявъ въ челоукообразіи стихію организма вещественнаго и слѣдовательно полярную двойственность, онъ легко соединился и мирился съ религіями необходимости и со всѣми ихъ выводами и символами. Съ другой стороны, будучи утверждёнъ на основѣ Иранской и облекши идею о вѣчной производительности въ образъ волющаго челоука, онъ сохранилъ характеръ свободы и творчества и не расторгъ союза съ чистѣйшимъ вѣрованіемъ племени Иранскаго. Такимъ образомъ въ немъ существовала сила, примиряющая крайности Шиваизма и Брахманства, и слѣдовательно въ немъ были уже всѣ стихіи для окончательнаго искаженія того и другаго. Изъ Вишнуизма развилась вся позднѣйшая безсмыслица Индійско мифологіи со всею ея мнимой и искусственною полнотою.

Отвлеченная религія Брахмы заключалась въ философскомъ словѣ и мысли. Вещественный Шиваизмъ ограничивался стройною и художественною борьбою силы и разума челоуческаго съ буйною силою неразумнаго вещества. Вишнуизмъ, средній между ими, низвелъ мысль и слово изъ области высокихъ отвлеченностей философіи и въ то же время вырвалъ челоука изъ оковъ грубо-чувственнаго міра. Въ нѣдрахъ его родилось и выросло искусство слова и пѣсни. Поэзія Индустана, чудный цвѣтъ при-Гангесской стороны, свѣжій и благоухающій, какъ позднѣйшіе цвѣты поэтической Эллады, вся безъ исключенія заключена въ Виш-

вуизмъ. Секты Шиваитскія, также какъ и строгое Брахманство, подражали ему, но безъ успѣха. Груба, натянута, бессмысленна пѣснь Шиваита; суха и холодна мысль Брахмана, заключенная по неволѣ въ чуждыя ей формы пѣвучаго слова.

Элада, также какъ и Индустанъ, получила свою поэзію вмѣстѣ съ сказочнымъ направленіемъ человѣкообразнаго вѣрованія и изъ одного и того же источника: но это самое сказочное направленіе, давшее въ обѣихъ земляхъ начало высокой поэзіи, никогда не достигало въ своей родинѣ до того всемірнаго значенія, до котораго оно возвысилось на берегахъ Гангеса и эгейскаго моря. Нужно было соединеніе чисто-Иранской, отвлеченной и философствующей мысли съ религіозно-вещественнымъ Кушитствомъ, чтобы мелочность бытовой сказки выросла до великихъ явленій поэзіи. Нужна была почва, глубоко воздѣланная борьбою враждебныхъ силъ, нужны были сердца, прокипѣвшія бурями жизни и мысли, чтобы сѣмя словеснаго искусства принесло богатые плоды свои. Греція, въ которой страсти не разгарались съ своимъ первоначальнымъ ожесточеніемъ и въ которой стихія Ирана и Куша встрѣчались уже отчасти примиренными, дала міру поэтической сказки большую стройность и красоту. Мадъ Эллинской мысли исполненъ гармоніи и спокойствія. Бурная исторія древней Индіи и свирѣпая война двухъ враждебныхъ племенъ и религіи запечатлѣли свои слѣды въ самой поэзіи. Никогда антропоморфизмъ не могъ развиваться, никогда идея спокойной красоты не могла осуществиться вполне. Мысль, вѣчно обуреваемая, вѣчно раздвоенная и страждущая въ самой себѣ, всегда слышна сквозь величавые звуки пѣсни Индустанской. Отдавая справедливость чудному совершенству Гомерическаго искусства, духъ новыхъ поколѣній глубже сочувствуетъ величію и широкимъ размѣрамъ Вальмики и Вясы. Со временемъ, когда Европа короче познакомится съ письменными памятниками Санскритскаго языка, она лучше оцѣнитъ ихъ значеніе въ исторіи просвѣщенія человѣческаго и во многомъ признаетъ ихъ преимущество даже передъ произведеніями Элады. Въ этомъ ручаются *Багаватъ - гита* и нѣсколько отрывковъ изъ Рамааны.

Эпоха введенія и торжества Вишнуизма (т. е. первые вѣка отъ половины третьяго тысячелѣтія до Р. Хр.) есть начало чисто-Индустанской самобытности. Брахманизмъ принадлежалъ вполнѣ Ирану, Шиваизмъ вполнѣ Африканской системѣ. Синкретизмъ, послѣдовавшій за покореніемъ Декана, получилъ совершенно мѣстный характеръ. Брахма и Шива, помирившись новымъ посредникомъ, подчинились ему и утратили ясность своего отдѣльнаго значенія въ безцвѣтности челевѣкообразной религіи; но и Вишну пзмѣнился, принимая поочередно то вещественность Кушитскую, то чистую духовность Брахмы; хотя должно замѣтить, что въ самой духовности своей, онъ никогда не доходитъ до свободнаго творчества, а остается на степени эманационнаго начала. Законъ религіозный остался Брахманскимъ и никогда никакая изъ значительныхъ сектъ не отрицала этого факта. Священные книги изображаются въ рукахъ древняго бога Индустанскаго даже тогда, когда онъ представленъ какъ проявленіе Вишну или какъ цвѣтъ его внутренняго бытія. Веды и уставъ Маву принадлежать кроткому и свѣтлому началу Ирана. Но жизнь и законъ скоро раздвоились. Сказочный Вишнуизмъ сдѣлался вѣрою народа и только по временамъ или мѣстностямъ уступалъ свои права вещественному Шиваизму. Брахма остался божествомъ ученаго сословія духовнаго, и спасенъ отъ совершеннаго забвенія искусственнымъ созданіемъ отвлеченнаго первообраза Пара-Брахмы, безсмысленнаго и безличнаго, но свидѣтельствующаго о древнемъ единодержавіи Иранскаго божества и о тщетныхъ усиліяхъ для сохраненія его первенства.

Форма *Пара-Брахма* напоминаетъ Славянину о формѣ *Пра-Богъ*, до сихъ поръ употребляемой западными Славянами, точно также, какъ и самый Санскритскій языкъ находитъ себѣ параллельное явленіе въ Церковно-Славянскомъ. Видно желаніе оторвать слово духовное отъ случайностей жизни, въ то же время не отчуждая его отъ жизни. Въ послѣднюю крайность впала церковь Римская, избравшая мертвую Латинь для богослуженія, которому слѣдуетъ быть живымъ и животворящимъ.

Вишнуизмъ, являясь посредникомъ между всѣми противоположными вѣрованіями, не долженъ былъ исключать ни одного изъ нихъ. Такимъ образомъ, удѣливъ престолъ Брахмѣ и Мага-Девѣ, онъ протянулъ дружескую руку тайной религіи Шиваитскихъ жрецовъ, Буддаизму. Эта вѣра, внутреннее Кушитское отрицаніе Кушитскаго же поклоненія видимому міру, оставалась заключенною въ самыхъ глубокихъ святилищахъ храмовъ, недоступныхъ черни и открытыхъ только священно-служителямъ. Она не проявлялась въ бытъ народномъ, не объявляла притязанія на преобладаніе, но жила какъ гордая тайна ученаго сословія, презирающаго вещественный міръ, предметъ народнаго поклоненія. Когда пали Деканскія государства, когда отдѣльный Шиваизмъ, низверженный съ своей высоты и потомъ принятый побѣдителями, слился съ вѣрованіями Сѣвера въ одинъ безобразный синкретизмъ, Буддаизмъ продолжалъ свое темное, тихое существованіе, равнодушный къ случайному міру и внутреннимъ своимъ сознаніемъ поставленный высоко надъ нимъ. Покуда кипѣли волны и великія государственныя явленія смѣнялись одно другимъ, онъ не высказывался, ни распространялся, но тихо и неслышимо вкрадывался въ системы ученыхъ и въ чудно-фантастическій пантеизмъ религіозныхъ сектъ. Онъ не могъ соединиться ни съ Брахмою, на челѣ котораго никогда не погасали лучи свободно-творческой славы, онъ не могъ сродниться съ Шиваизмомъ, которому онъ служилъ религіознымъ отрицаніемъ (не смотря на философское тождество), но онъ вливался мало по малу въ эклектическій Вишнуизмъ, съ которымъ легко соединялся безцвѣтною системою эманаций, не полагающихъ и въ то же время не отрицающихъ необходимости. *Багаватъ-гита* уже вся проникнута характеромъ Буддаизма. Когда улеглись народныя волненія и сравнительно мирные вѣка дали большій просторъ духовному развитію, древнее духовное ученіе Куша стало пробиваться въ жизнь и въ бытовыя явленія. Вишнуизмъ принялъ подъ свой покровъ возникающую религію и старался овладѣть ею, признавъ Будду за *аватаръ* Виш-

ву. Но не подъ силу было мелко-сказочному человѣкообразію или бѣдному и безсвязному эклектизму сковать и подчинить великое и самобытное ученіе о необходимости и высокую восторженность духа, предпочитающаго свободу въ ничтожествѣ рабству въ проявленіяхъ. Буддаизмъ продолжалъ выситься и расширяться до конца втораго или начала 1-го тысячелѣтія, т. е. до той эпохи, когда Шакія-Муни или Готама или другіе проповѣдники возстали какъ смѣлые противники всѣхъ Брахманскихъ сектъ и какъ возстановители жреческихъ тайнъ, скрывавшихся въ древнемъ Кушитствѣ. Мнимый же аватаръ Вишну въ Буддѣ, жалкая попытка Вишнуитовъ, остался неразвитымъ и бесплоднымъ. Въ немъ проглядываетъ политическая хитрость, годная для мелочныхъ интересовъ жизни, но безсильная въ столкновеніи съ могуществомъ религіознаго духа и съ его всемірными требованіями. Вишну-Будда былъ ничтоженъ въ области философіи.

Переворотъ въ религіи былъ слѣдствіемъ переворота въ жизни общественной, т. е. окончательнымъ торжествомъ Сѣвернаго племени; но такъ какъ Вишнуизмъ по своему свойству не былъ исключителемъ, а народъ, рѣшившій судьбу Индостана (Вавы Бактрійскіе), не былъ склоненъ къ народнымъ ненавистямъ, самое завоеваніе Декана не было сопряжено съ уничтоженіемъ или совершеннымъ угнетеніемъ побѣжденныхъ. Это было уже дѣло позднѣйшей эпохи. Три главные представителя торжествующаго Вишнуизма носятъ имя *Рама* (*Чандра-Бала-* и *Парасу-Рама*).

Зная единство началъ Ваво-Ассирійской династіи и Бактро-Индскихъ основателей Вишнуизма, можно, не безъ причины, обратить вниманіе на совпаденіе слова *Рама* и второй половины имени *Семирамиды*. Кажется въ обонхъ случаяхъ слышенъ одинъ и тотъ же корень, сохранившійся въ Санскритскомъ *рам* (наслаждаться) и перешедшій своею причастною формою въ Славянское *радъ* (радующійся). Этотъ корень отзывается еще, какъ уже сказано, въ словѣ *Бхрамъ* (бытью радующійся) и искаженномъ изъ него *Брахмъ*.

Древнѣйшій Рама представляетъ весь характеръ чисто историческаго лица, или историческаго событія. Имъ начинается рядъ воплощеній. Вишну въ человѣчествѣ, слѣдовательно рядъ сказаній. Древнѣйшія же воплощенія принадлежатъ мнѣю или идеямъ религіозно-космогоническимъ, хотя съ ними могутъ быть связаны и идеи о борьбахъ народныхъ (напр. въ именахъ *Мадгу* или *Гиранья-Касипу*, отзываются именемъ Мидійцевъ и Ирана). Завоеваніе южной Индіи и Цейлона племенемъ Сѣвернымъ есть явно событіе историческое, относящееся по всѣмъ вѣроятностямъ къ срединѣ III-го тысячелѣтія до Р. Хр. Имя побѣдоноснаго вождя скрылось подъ мифическимъ именемъ Рамы, но существованіе его, какъ лица историческаго, едва ли подлежитъ сомнѣнію. Быть можетъ, священное прозвище, данное народною благодарностью, вытѣснило собственное имя царя: но какое бы ни было его названіе, явны кроткій характеръ его власти и союзъ съ горными туземцами, угнетенными прежнею властью Деканскихъ Кушитовъ. Во всякомъ случаѣ, *Рамаяна*, восхваляющая его славу, должна уже считаться памятникомъ историческимъ, позднимъ по составленію, но весьма древнимъ по предмету своему. Въ немъ отзывается первая эпоха дѣятельности Вишнуитовъ въ Индуставѣ.

Парасу-Рама относится въ порядкѣ мифовъ къ вѣкамъ, предшествовавшимъ Рама-Чандрѣ. Онъ какъ будто составляетъ переходъ отъ космогоническихъ воплощеній къ историческимъ: но едва ли здравая критика можетъ допустить очередь *авашаровъ* (*), утвержденную жреческимъ произволомъ. Завоеваніе южныхъ державъ предполагаетъ совокупное дѣйствіе Сѣвернаго племени и отсутствіе внутреннихъ раздоровъ. Сверхъ того въ *Рамаянѣ* и въ *Мага-Баратѣ* нѣтъ еще никакихъ слѣдовъ борьбы между кастами и совершившагося переворота. Брахманъ и Кшатрія еще идутъ дружно къ общей цѣли съ полнымъ сознаніемъ своего значенія земнаго и небеснаго. Въ *Мага-Баратѣ* уже замѣтно стремленіе воиновъ

(*) Т. е. воплощеній.

Спорить преимущество жреца, уже есть оправданіе убіенія Брахмана и не дружелюбныя вспышки гордости въ обоихъ первенствующихъ кастахъ, но дѣло не дошло до разрыва. Помина вѣтъ еще о бѣгствѣ изгнанныхъ Кшатрій и объ удаленіи ихъ отъ средоточій Индустана въ горныя области или на побережье Пятирѣчія. Когда Карна (въ Мага-Баратѣ) упрекаетъ жителей сѣверо-западной стороны въ нечистотѣ и развратѣ нравовъ, онъ ни однимъ словомъ не указываетъ на ихъ происхожденіе отъ воиновъ и только упоминаетъ о смѣшеніи кастъ; въ этомъ попрекѣ, кажется, можно уже угадать Буддаизмъ, который дѣйствительно, какъ сказано, былъ съ Шиваизмомъ древнею религіею Кушитскихъ колоній (въ *Кушъ-меръ*, *Кушъ-гартъ* и *Кушъ-Двилъ* вообще).

Нельзя вѣрить безусловно древности Мага-Бараты въ ея теперешнемъ видѣ; но безъ нужды не должно предполагать вставокъ и измѣненій. Общее мнѣніе, что слово *Явана* вездѣ указываетъ на позднѣйшую эпоху (именно Эллинскую въ Азіи), основано на ложномъ толкованіи слова, которое болѣе относится къ *Язъ-ванамъ*, чѣмъ къ Іонійцамъ. Изъ этого не слѣдуетъ однако заключать, чтобы имя *Яваны* не означало часто у Индустанцевъ всѣхъ Западныхъ народовъ, т. е. и Эллиновъ и даже иногда Аравитянъ. Астрономическія же знанія, приписанныя Яванамъ въ поэзіи Индіи, могутъ точно также относиться къ древней славѣ Аза-Ванскаго Ирана, какъ и къ позднѣйшей Эллино-Александрійской системѣ.

Кажется, въ лицѣ *Парасу-Рамы*, аватара, которому весьма мало поклоняются, смѣшаны два мифа, или, лучше сказать, мифъ географическій мѣстный (слѣд. не столь древній, какъ космогоническіе или обще-міровые) о сотвореніи южной Индіи съ позднѣйшею сагою о царѣ, отвергшемъ дружбу военной касты и прильпившемся къ жрецамъ Брахманамъ. Эта сага, соединенная уже не съ завоеваніемъ области Деканской, но съ основаніемъ жреческихъ колоній на южномъ приморьѣ, принадлежитъ времени, несравненно позднѣйшему и слита съ споромъ между воинами и Брахманами о правахъ духовныхъ. Мифическое выраженіе духовныхъ

притязаній со стороны Кшатрій (похищеніе священной коровы) находится въ сказаніи о Парасу-Рамѣ, также какъ и въ разсказѣ о Вайснштѣ и Висвамитрѣ. Брахманы, оставшіеся одними хранителями всѣхъ началъ просвѣщенія, для собственныхъ выгодъ приписали глубочайшую древность своему политическому торжеству. Итакъ, если Парасу-Рама можетъ быть признанъ за лице историческое, то онъ относится къ вѣкамъ, протекшимъ между войною, воспѣтою въ Мага-Баратѣ и возстаніемъ Буддаизма при Готамѣ и Шья-Муни. Но, кажется, согласіе было бы съ просвѣщенной критикою отвергнуть вообще историческое содержаніе въ Парасу-Рамѣ и признать его за изобрѣтеніе Брахмановъ, связавшихъ съ древнимъ мѣомъ вымышленное торжество свое надъ Кшатріями. Цѣль выдумки была ясная: надобно было въ самомъ Вишнуизмѣ освятить преимущество Брахмановъ, также какъ оно уже было освящено кореннымъ Брахманствомъ. Истинное же торжество Брахмановъ было не послѣдствіемъ одного какого-нибудь переворота или войны, но медленнаго развитія релігіозныхъ началъ, взявшихъ перевѣсъ надъ государственными и бытовыми.

Желаніе не раздражать войновъ и не слишкомъ глубоко оскорблять ихъ самолюбіе, выражается въ изгнаніи Парасу-Рама тѣмъ же самими Брахманами, которымъ онъ доставилъ торжество.

Историческое содержаніе Кришны, какъ лица, также подвержено сомнѣнію. Поэма, посвященная его прославленію, не приписываетъ ему никакой прямой дѣятельности. Очевидно дѣло идетъ о владычествѣ въ Ипдуставѣ. Царь Кришна при Пандуидахъ не имѣетъ никакого смысла. Онъ окруженъ призракомъ жизни политической: но истинная его дѣятельность ограничивается духовнымъ управленіемъ всѣми явленіями міра. Кришна является часто въ сказаніяхъ кромѣ Мага-Бараты и жизнь его обнимаетъ множество вѣковъ и государственныхъ переворотовъ. Историческаго зерна въ ней нельзя найти. Наконецъ онъ представляетъ всѣ признаки олицетворенія, а не лица, и его должно признать олицетво-

реніемъ самого Индустана въ эпоху его цвѣтенія подѣ духовнымъ руководствомъ Вишнуизма, или, еще лучше, олицетвореніемъ самого Вишнуизма, какъ духовной жизни Индустана. Таковъ онъ въ междоусобіяхъ и въ войнѣхъ противъ Шиваитовъ (Куруидовъ); таковъ же въ разсказѣ о торжествахъ и гибели Кала-Яваны, побѣдившаго Кришну, но спасеннаго гнѣвнымъ взоромъ воскресшаго *Мучукунды*, т. е. въ новомъ нашествіи сѣверо-западныхъ Бахкрійцевъ, завоевавшихъ Индустанъ, но павшихъ передъ воскресшею силою древняго начала духовнаго. Таковъ же онъ въ своей темной и насильственной смерти, указывающей на безславныя междоусобія, прекратившія государственное благоденствіе Индустана.—Болѣе историческими лицами можно считать Бала-Раму и братьевъ Пандуидовъ, особенно же *Юджитиру* и *Арджуну*, съ которыми связано множество историческихъ сказаній во всемъ Индустанѣ и кажется даже на Зундскихъ островахъ. По всей вѣроятности это имена царей, соединившихъ весь полуостровъ въ одну государственную систему и окончившихъ великое дѣло, начатое Чандра-Рамою, т. е. утвержденіе однихъ общественныхъ началъ отъ Гиммалаи до Коморинскаго мыса. Въ самомъ же Кришнѣ нельзя видѣть никакого смысла, кромѣ чисто-религіознаго и можетъ быть еще изображенія духовнаго первенства, присвоеннаго одною изъ областей Индустанскихъ и признаннаго всѣми другими.

Многія историческія подробности, скрывающіяся подѣ полумифическими сказаніями, объяснятся со временемъ. Связь Индустана съ Ираномъ представится яснѣе; но уже теперь можно смѣло утверждать, что время его позднѣйшаго цвѣта началось съ послѣдней половины III-го тысячелѣтія и продолжалось до возстанія Будгаизма въ силѣ около конца II-го или начала I-го тысячелѣтія до Р. Х. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти вѣка, лучшіе въ исторіи Индустана, были свидѣтелями многихъ нашествій съ сѣвера. Неукротимая сила народовъ Иранскихъ и загорныхъ часто врывалась въ области при-Гангесскія и валагала оковы на развитіе туземныхъ государствъ. Кришна и отецъ его Васудева неразъ прекло-

няли главу свою и бѣжали передъ утѣснителями: но главная борьба, борьба съ югомъ уже не возобновлялась. Государства Кушитскія были сокрушены, Деканъ приобщенъ къ системѣ Индустанской, заселенъ Сѣверными кастами, въ особенности Брахманами, доселѣ гордящимися чистотою своего происхожденія, и весь полуостровъ, не смотря на разнообразіе своихъ племенныхъ началъ, принялъ видъ однороднаго цѣлаго. Впрочемъ жизнь государственная никогда не проявлялась въ широкихъ размѣрахъ на югъ отъ Нербудды, точно также какъ жизнь религіозная и поэтическая. Деканъ прозябалъ, раздѣленный на мелкія государства и общины и только изрѣдка (напр. при Пандуидахъ) соединялся въ плотную массу съ Сѣверомъ. Племена и понятія смѣшались, но ничего могущаго и самостоятельнаго не возникало изъ этого безсмысленнаго смѣшенія.

Вишнуизмъ, какъ уже сказано, былъ основою государственной системы и религіознаго синкретизма въ Индіи. Онъ былъ, въ продолженіи болѣе чѣмъ тысячелѣтія, владыкою всего полуострова. Его характеръ бытовой, кроткій и поэтический, былъ чуждъ нетерпимости въ вѣрованіяхъ и ненавистей народныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при немъ самыя касты не были раздѣлены между собою съ тою безчеловѣчною строгостью, которую мы находимъ въ позднѣйшее время, и которая утверждена духовною гордостью Брахмановъ. Вишнуизмъ былъ собственно религіею воиновъ или дворянства. Можно замѣтить въ Индустанѣ, въ эпоху, обозначенную Кришною, существованіе какого-то благороднаго рыцарства, не лишеннаго даровъ духовныхъ и не слишкомъ подчиненнаго власти жреческой. До сихъ поръ праздникъ *Джагарната* (или *Джагарнаута*) соединяетъ въ себѣ всѣ касты, очищаетъ всякое оскверненіе, происходящее отъ нарушенія виѣшнихъ обрядовъ, точно также какъ самъ Вишну Джагарнаитъ соединяетъ все твореніе въ одно святое цѣлое и вмѣщаетъ въ своемъ тройственномъ образѣ всѣ три формы—Вишну, Брахму и Шиву. Жестокія гоненія кастъ начинаются уже послѣ паденія Вишнуизма, снова вытѣснен-

наго или отброшеннаго на низшую степень Брахмаизмомъ и Шиваизмомъ, древними врагами, которыхъ онъ же помирить. Совершенное торжество Вишну утвердило бы, вѣроятно, государственное единство въ Индіи; но онъ не могъ преодолѣть своихъ противниковъ, точно также какъ самая государственная стихія (выражаемая исторіею) не могла сдѣлаться преобладающею въ странѣ, получившей изъ своихъ началъ стремленіе къ отвлеченности духовной и философской. Все бытовое, среднее ничтожно въ глазахъ Индустанца, какъ временная случайность. Онъ пользуется временною жизнью но не преклоняется предъ нею. Великое же видитъ онъ только въ вѣчномъ, будь оно вещественное, какъ въ Шиваизмѣ, или мысленное, какъ въ Брахманствѣ. Возвышенность первоначальныхъ и коренныхъ стремленій уничтожаетъ возможность исторіи въ Индустанѣ.

Торговое благоденствіе было необходимымъ слѣдствіемъ водворенія Бактрійцевъ Вишнуйтовъ на берегахъ Гангеса. Ихъ единоплеменность съ современною династіею Вановъ-Ассирійскою на прирѣчьи Евфрата и съ торговыми Ванами Европы должна была дать просторъ дружескимъ сношеніямъ, на которыхъ основывается возможность размѣновъ.

Изученіе памятниковъ древней Санскритской письменности покажетъ, вѣроятно, всю важность караванныхъ путей сѣверо-западныхъ, т. е. Бактрійскихъ, и даже самые товары, которые перевозились по нимъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что одинъ изъ ученыхъ Германцевъ (кажется Геренъ) удивляется, находя въ числѣ предметовъ, получаемыхъ съ сѣвера, орѣхи подъ названіемъ *арекъ*. Онъ замѣчаетъ весьма остроумно, что *арекъ* принадлежитъ къ произведеніямъ тропическаго юга, и не понимаетъ ошибки Индусовъ только потому, что тутъ ошибка совѣмъ нѣтъ и явно обозначена торговля *орѣхами* простыми или кедровыми, ввозимыми изъ сѣвера въ Индустанъ Ванскими кунцами.

Усиленіе сношеній съ сѣверомъ въ огромномъ размѣрѣ и процвѣтаніе областей между Индомъ и Гангесомъ сопровождалось, безъ сомнѣнія, упадкомъ торговли въ областяхъ юж-

ныхъ. Побѣжденные Кушиты Деканскіе потеряли свое государственное значеніе и этотъ переворотъ долженъ былъ отозваться въ центрахъ Африканскихъ. Отъ того корабли Египта, привыкшіе къ путямъ Южнаго океана, уже не могли приставать къ западному берегу Индіи, какъ желанные гости, и картины, сохраненныя намъ отъ династій царствовавшихъ въ началѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр., представляютъ намъ только свидѣтельство о столкновеніяхъ непріязненныхъ. Морская сила Египта не могла упасть внезапно: но по мѣрѣ усиленія сѣверной стихіи въ странѣ нѣкогда Кушитской, кругъ его торговли стѣснялся болѣе и болѣе. Когда въ позднѣйшее время строгая исключительность Брахманства взяла верхъ надъ Вишнуизмомъ, всѣ сношенія Африки съ старинными ея колоніями должны были прекратиться и бесполезныя суда сгнали въ пристаняхъ, изъ которыхъ некуда уже было имъ отплывать. Таково объясненіе ничтожности Египетской торговли и въ то же время памяти о прежнемъ судоходствѣ и могучихъ флотахъ. Смѣлые Фивійцы, которыхъ характеръ не такъ рѣзко носилъ на себѣ отпечатокъ южнаго начала, замѣнили Египтянъ даже на водахъ океана Индійскаго. Но нѣтъ сомнѣнія, что величайшій блескъ торговли, также какъ и политической жизни, въ настоящемъ Индустанѣ относится къ эпохѣ преобладанія Вишнуитовъ, т. е. къ концу III-го и къ началу или половинѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр.

Въ то же самое время создавалось на дальнемъ Востокѣ обширное царство, котораго долговѣчность изумляетъ историка и содержитъ великіе уроки для государственной науки. Все темно въ Китаѣ до конца III-го тысячелѣтія. Исторія начинается, по собственному признанію его ученыхъ (см. *Шукинъ*) около 23-го вѣка до Р. Хр. Прежде этого слышны только слабыя отзвуки преданій, смѣшанныхъ съ мифами, и *Гоангъ-ти*, также какъ и *Ти-ко*, заслуживаютъ столь же мало вниманія, какъ и *Фо-чи* или его баснословная сестра *Яо* открываетъ рядъ историческихъ сказаній. Нѣтъ конечно достаточныхъ причинъ для признанія его за лице дѣйстви-

Начало
развитія
Китаѣ.

тельно жившее и царствовавшее; нѣтъ вообще ясныхъ свидѣтельствъ о государяхъ, предшествовавшихъ *Ву-вангу*. Смѣшно бы было основывать какую-нибудь систему на мнимыхъ астрономическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ будто бы въ концѣ III-го тысячелѣтія. Критика историческая не можетъ признать отдѣльнаго показанія объ одномъ затмѣніи, разочтенномъ Китайскими учеными, тогда какъ послѣ него всѣ наблюденія прекращаются и возобновляются съ нѣкоторою послѣдовательностью только въ VII-мъ вѣкѣ до Р.Хр. т. е. около астрономической эры Ассирійскаго Набонассара. Но, отвергая *Яо* и его ближайшихъ преемниковъ, какъ лица историческія, здравая критика должна въ общемъ характерѣ сказаній Китайскихъ принять существованіе самаго государства. Имена *Яо*, *Хунъ* и *Ю* могутъ быть вымышленными, точно также какъ и самыя происшествія ихъ царствованій; но безпристрастный и просвѣщенный читатель чувствуетъ въ самомъ началѣ *Шукин-га* атмосферу историческую и государственную почву. Общество уже очевидно сомкнулось и приняло опредѣленный образъ.

Кроткая и созерцательная религія отзывается въ сказаніяхъ о дѣтствѣ Китайской державы. *Фо-ш*, лице, совершенно мифологическое, воплощенный духъ стройности міровой, владыка пятиструнной арфы и повелитель пяти стихій, представляетъ разительное сходство съ Финскимъ богомъ *Вейна-мейна*. Трудно не признать тождества этихъ религіозныхъ началъ; но въ тоже время нельзя въ борьбѣ благой и хранительной богини *Ню-ва* съ *Конгъ-конгомъ* истребителемъ не замѣтить отзвуковъ мифа Ин-доставскаго о войнахъ между богами и Асурами. Въ смѣшеніи стихій еще можно распознать основные и коренные ихъ характеры.

Просвѣщеніе Китая истекало не изъ туземнаго начала; оно шло съ сѣверо-запада, изъ горной твердыни Тибета. Этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію. Хранители просвѣщенія были иноземцы: въ этомъ свидѣлствуетъ самое имя *ста семей*, подъ которымъ являются очевидно не родоначальники племени, но основатели государства. Просвѣтители смѣшались съ народомъ туземнымъ и исчезли въ немъ.

Не было ни войны, ни сопротивленія. Борьба, которую видимъ въ вѣкахъ позднѣйшихъ, относится уже въ непріязненной встрѣчѣ жителей сѣвера, племени средне-Азійскаго съ чернымъ племенемъ южнаго Китая, съ одичавшими потомками прежнихъ владѣтелей всего юга, теперь загнанными въ неприступныя отрасли Гиммалая. Первая колонизація была мирная и распространялась по берегамъ священной рѣки *Гоанго*, оспоривая землю у дикихъ волвъ, у дикихъ звѣрей, у безконечно роскошной растительности, и собирая мало по малу въ единое цѣлое мелкія и кроткія семьи, издавна спустившіяся съ высотъ Тибета въ восточныя равнины. Касты жрецовъ и жреческой эпохи не знала земля Китайская: въ этомъ она отличается отъ государствъ Кушитскихъ, основанныхъ на Шиванзмѣ и отъ царствъ Иранскихъ, принявшихъ форму Кушитскую. Она не знала собственно касты аристократической; ибо эпоха мнимаго феодализма, предшествовавшая Ву-вангу, имѣетъ болѣе характеръ удѣльнаго періода въ Россіи, чѣмъ преобладанія пачала аристократическаго, совершенно чуждаго Китаю. Не слава битвъ, не вѣка дикаго геройства окружаютъ колыбель Восточной державы, но слава мирныхъ изобрѣтеній, побѣдъ надъ непокорными силами природы и нравственной мысли въ безпрестанномъ приложеніи къ быту государственному. Истинно-человѣческое величіе отражается во всѣхъ сказаніяхъ, во всѣхъ отрывкахъ древней поэзіи, во всѣхъ воспоминаніяхъ о младенчествѣ государства, а свирѣпыя страсти людей и безуміе государей, ослѣпленныхъ своимъ самовластіемъ, являются только какъ временныя и случайныя нарушенія признанныхъ законовъ, слившихся съ самою жизнью народа.

Власть свѣтская и власть духовная соединены въ лицѣ правителя; онъ явленіе божества (это выражено въ прозваніи *Ти*). Онъ изображеніе правителя всемірнаго, который отличается отъ земнаго владыки только названіемъ Верховнаго; въ этомъ уже видно несходство съ державами юго-западной Азіи, никогда не соединявшими духовной власти съ свѣтскою. Духъ отшельничества, созерцательной мудро-

сти и отчужденія отъ міра слышанъ въ разказахъ о первыхъ баснословныхъ государяхъ.

Такъ напр. о Шан-копгъ сказано: «міръ давалъ ему всё своя блага, но онъ отъ міра не требовалъ ничего».

Всѣ эти признаки, совершенно соответствующіе характеру Буддаизма, никогда не знавшаго кастъ или раздѣленія власти, подтверждаются многими другими примѣтами. Таково названіе дверей храмовъ (*дверь горы*), свидѣтельствующее о пещерномъ поклоненіи божеству: таковъ непонятный разсказъ о рожденіи *Фо-ли*, котораго мать наступила, по словамъ лѣтописцевъ, на *слѣдъ великаго челоука*, — разсказъ очевидно совпадающій съ позднѣйшимъ поклоненіемъ слѣду Будды; такова же въ особенности самая неопредѣленность лица божественнаго, сжатого въ нравственную отвлеченность, не имѣющую ни образа, ни отдѣльнаго бытія. Самая легкость, съ которою въ позднѣйшее время возобновленный Буддаизмъ распространился на востокъ Азии и стремленіе Китайскихъ ученыхъ посѣщать Индустанъ, его мнимую колыбель, указываютъ, можетъ быть, на древнее духовное сожитіе и на воспоминаніе о колыбели первоначальнаго просвѣщенія. Признаніе основателей державы за колонію Будгаистовъ подъ предводительствомъ первосвященника, объясняетъ самую отвѣтственность государя за всѣ случайныя несчастія государства. Воплощенный Будда, святящій землю своимъ присутствіемъ, онъ долженъ отвѣчать за ея страданія, послѣдствіе его несовершенства. Съ этимъ соединяется и возможность избирательнаго престолонаслѣдія, существовавшего въ началѣ Китайскаго государства, и рѣзко отдѣляющаго его отъ всѣхъ другихъ. Не сынъ наследуетъ отцу и не народъ выбираетъ его преемника, но самъ правитель назначаетъ своего наследника, достойнаго быть владыкою и воплощеніемъ верховнаго начала. Такимъ образомъ всѣ подробности соединяются въ одно цѣлое и убѣдительное доказательство первоначальнаго Буддаизма въ Китаѣ.

Колонія Кушитовъ проникли въ горы на востокъ отъ Бактріи. Кашмиръ и Кашгаръ были ими населены. Напоръ побѣдителей Брахмановъ и Вишнуитовъ долженъ былъ ихъ загнать еще далѣе на сѣверъ. Гранитныя громады снѣжныхъ цѣпей, примыкающихъ къ неприступному Девалагири и Чамуляри, преграждали путь на востокъ. Должно было выходцамъ изъ Кашмира дойти почти до границъ Сибири, чтобы найти отдохновеніе и убѣжище. Берега Голубаго озера (Коконоръ), истоки Гоанго и кроткое народонаселеніе приняло гостеприимно мирныхъ просвѣтителей. Начало исторіи Китайской и основаніе государства по времени своему соответствуютъ торжеству Ирана на югъ и юго-востокъ и это совпаденіе едва ли можетъ считаться случайнымъ.

Буддаисты отдѣлились отъ своего корня, отъ религіи Шиваитской въ ея Индустанской формѣ; но отдѣленіе не могло быть такъ совершенно, чтобы не сохранились въкоторыя признаки прежняго соединенія. Такъ напр. нельзя не узнать мифа о побѣдѣ Дурги надъ великимъ Асуромъ въ разсказѣ объ Ню-вѣ и въ войнѣ Гоанг-ти противъ злаго Чи-іеу.

Тутъ особенно замѣчательно удаленіе Гоанг-ти на священную гору и очевидное свидѣтельство объ отшельничествѣ, давшемъ ему побѣду надъ врагомъ. Это явный остатокъ мифологіи Индустанской.

Впрочемъ, всѣ мифы Шиваизма потеряли совершенно свое значеніе и обращены позднѣйшими лѣтописцами въ историческія сказанія безсмысленныя и безсвязныя. Въ то же самое время Буддаизмъ привился уже къ существующей религіи, темной и безобразной, но основанной на Иранскомъ началѣ поклоненія единому свободному духу. Эта религія въ Средней Азіи уже приняла свои особенныя формы, отъ которыхъ вѣроятно зависитъ сходство между Китайскимъ *Фо-ги* и Финскимъ *Вейна-Мейне*.

Впрочемъ весьма многія причины заставляютъ предполагать, что и Финны не остались совершенно свободными отъ Кушитскаго вліянія и

что Буддаизмъ выслалъ своихъ проповѣдниковъ въ глубочайшій Сѣверъ. Примѣсь его во многомъ замѣтна, но не должно приписывать ей исключительной важности.

Такимъ образомъ изъ смѣшенія разныхъ религіозныхъ стихій составился въ Китаѣ какой-то призракъ вѣры, не имѣющей никакихъ опредѣленныхъ очерковъ, но представляющей блѣдный оттѣнокъ Иранскаго единобожія, смѣшаннаго съ Буддаизмомъ, т. е. поклоненіемъ безсильному духу, вѣчно вырывающемуся изъ оковъ необходимости, но освобождающемуся только посредствомъ самоуничтоженія. Въ этой смѣси не могло быть истиннаго догматизма; его и нѣтъ. Трудно опредѣлить отношеніе отвлеченнаго божества къ дѣйствительному міру: можно только съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что идея о твореніи отзывалась иногда, хотя весьма слабо, идея о рожденіи никогда. Кажется болѣе всего преобладала система эманаций, отъ которой Буддаизмъ никогда не отрывался и оторваться не можетъ: во эманации въ древнемъ Китайскомъ вѣрованіи не носятъ на себѣ рѣзкаго характера и не представляются, какъ паденіе духа въ оковы необходимости, владычицы всѣхъ проявленій.

Религія, составившаяся изъ соединенія Иранскаго начала съ Буддаизмомъ, должна была, въ отсутствіи высокихъ догматовъ, обратить всѣ силы человѣческаго разума на развитіе нравственныхъ законовъ. Такъ и было. Поклоненіе идеѣ добра, таково преобладающее стремленіе всей Китайской мудрости искони. Но вмѣсто любви къ добру, чувства горячаго и плодотворнаго, стройно расширяющаго сердце и волнующаго его вдохновеніемъ дивной поэзіи (какъ въ Іудеѣ и въ чистомъ Иранѣ), подъ мертвящимъ дыханіемъ Буддаизма развилось понятіе о красотѣ холоднаго безстрастія, покоряющаго своимъ мѣрвымъ законамъ страстную природу, но не наслаждающагося самимъ собою. Нѣтъ утѣшенія въ себѣ, холодно взирающемъ на землю; нѣтъ утѣшенія во внутренней жизни, презирающей свою собственную личность (ибо личность облагороживается только понятіемъ о личности въ

самомъ божествѣ): силы духовныя, не умирающія въ душѣ чловѣка, создали въ Китаѣ цѣлый міръ внѣшней дѣятельности ко благу. Тутъ опять представляется жизнь областей Кушитскихъ въ ея лучшемъ проявленіи. Но Шиваизмъ, полный страсти и огня, поклонникъ вещественнаго міра, влюбленный въ образы видимые и видимую красоту, обращалъ всѣ помыслы къ внѣшней и художественной стройности. Трезвый и безстрастный Буддизмъ долженъ былъ (тамъ гдѣ онъ не дичалъ въ пустыняхъ и не падалъ до фетишизма) обратить всѣ совокупныя силы общества къ цѣли полезной и къ устроенію жизни въ математическихъ размѣрахъ взаимной выгоды и всеобщаго покоя. Философія утратила стремленіе къ отвлеченностямъ, вѣчно тревожащимъ, но въ тоже время возвышающимъ разумъ; искусство, потерявъ свое самобытное значеніе и чувство красоты, ограничилось бессмысленнымъ торжествомъ надъ дикими силами природы (таковъ весь смыслъ художества Китайскаго, особенно замѣтный въ прихотливомъ садоводствѣ); всѣ помыслы, все могущество великихъ умовъ, которыми Восточная Азія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ, сосредоточились въ разрѣшеніи одной великой задачи: *основаніе стройнаго государства, развивающагося изъ нравственныхъ началъ*. Условное преобладаетъ въ Китаѣ, какъ во всемъ, что ни создано духомъ Кушитовъ: ибо все свободное и живое возможно только тамъ, гдѣ свободный духъ поклоняется своему свободно-творческому источнику. Но великій трудъ надъ великою задачею остался не безплоднымъ. Китай униженный, окаменѣлый, полумертвый, утратившій свое древнее значеніе замѣпившій приличіемъ великую идею миротворнаго закона, стоитъ еще непоколебимъ послѣ сорокавѣковаго существованія, въ посмѣяніе скоро-преходящихъ державъ и въ великое наставленіе міру.

Скажемъ мимоходомъ, что его мертвенность показываетъ всю нелѣпность формализма, что его стойкость показываетъ все могущество нравственныхъ началъ даже въ ихъ искаженіи. Напрасно считаютъ

Китай патриархальнымъ государствомъ, основаннымъ на' подражаніи семьѣ. Семья въ Китаѣ есть, напротивъ того, учрежденіе чисто-государственное и условное. Оно основано на тождествѣ именъ, на законахъ приличія и полезной подчиненности. Любви и въ поминѣ нѣтъ тамъ, гдѣ право забрасывать дѣтей существуетъ вполне и гдѣ всѣ отношенія внутренняго быта опредѣлены кодексомъ. Буддаизмъ при первомъ взглядѣ кажется неспособнымъ къ развитію государственному и общественному. Въ немъ дѣйствительно преобладаетъ стремленіе къ отшельничеству, но всѣ историческія явленія Буддаизма несогласны съ этимъ выводомъ. Полнѣйшее его изученіе оправдываетъ исторію и объясняетъ мнимое противорѣчіе. Буддаизмъ есть самоумерщвленіе духа, отрывающагося отъ всѣхъ, даже внутреннихъ, проявленій своей дѣятельности. Самоумерщвленіе духа не есть самоубійство тѣлесное и не убійство вещества вообще. Жизнь физическая продолжается силою своею, не зависящею отъ личной воли человѣка. Внутренній человѣкъ погибаетъ въ безумномъ стремленіи къ отвлеченности, къ бытію безъ страстей, воли и проявленій: но внѣшняя жизнь сохраняетъ свои права, основанныя на присущей въ ней необходимости, но въ то же время теряетъ свой характеръ жизни, т. е. свободы, и обращается въ мертвый законъ. По этому очевидно Буддаизмъ, отнимая у общества возможность живаго и сильнаго развитія, въ то же время налагаетъ на него характеръ грубо-государственный, математическую правильность мертваго кристалла.

Законъ, какъ высшее и совершеннѣйшее, какъ единственный предметъ, достойный поклоненія, присутствуетъ при самомъ началѣ Китайскихъ сказаній и составляетъ весь ихъ смыслъ отъ Яо до нашихъ дней. Его всегдашнимъ присутствіемъ великъ и его исключительною формальностію ничтоженъ Китай.

Полнѣйшее его олицетвореніе не въ государяхъ, которыхъ дѣятельность зависитъ болѣе или менѣе отъ случайностей историческихъ, но въ мыслителяхъ, особенно же въ *Менг-цеу* и *Кун-цеу* (или *Конфу-цеу*). *Лао-цеу* имѣлъ болѣе собственной личности, свободной отъ мѣстныхъ стихій и былъ, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ иноземной,

Западной или Индустанской философіи. Но Кунгъ-дсеу (известный под именемъ *Конфуція*), исполнивъ тѣломъ и духомъ, полный дѣтской вѣры во всеильность закона надъ душою человѣка, полный глубокой поэзіи, которую онъ самъ въ себѣ подавлялъ, безкорыстный и безстрастный труженикъ общества, идеаль всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, мыслитель, способный обнять всю полноту человѣческаго знанія и въ то же время добровольнымъ условіемъ убивающій лучшую часть своей души, стремленіе къ своему божественному началу, лицо величавое по преобладанію одной великой идеи и почти смѣшное по своей односторонности, вотъ Китай въ его лучшемъ и совершеннѣйшемъ проявленіи. Едва ли какая-нибудь другая страна имѣла прекраснѣйшаго представителя. Платонъ въ своей республикѣ напоминаетъ Кунгъ-дсеу; но Платонъ мечталъ и наслаждался своею мечтою, Конфуцій жилъ, вѣрилъ и страдалъ. Китаю, при его покорности вѣчному, безосновному закону, недостаетъ сознанія внутренняго закона любви. Благословенна та страна, которой суждено будетъ открыть ему этотъ источникъ всякаго человѣческаго блага! Англія, вмѣсто просвѣщенія, доставляетъ Китайцамъ опиумъ. Честь и слава Англіи! Дай Богъ, чтобы не переполнилась ея уже полная чаша.

Исторія государства начинается, какъ и во всѣхъ областяхъ, принявшихъ Кушитское направленіе и особенно въ тѣхъ, въ которыхъ преобладалъ Буддизмъ, огромными трудами общепольными и работами гидравлическими. Царствованіе *Яо* ознаменовано борьбою противъ губительныхъ разливовъ Желтой Рѣки, точно также, какъ исторія Кашмира открывается осушеніемъ озеръ, какъ Египетъ съ первыхъ вѣковъ своего существованія представляетъ усиліе народа, покоряющаго себѣ благодать Нильскихъ водъ, какъ Цейлонъ издревле покрывается водохранилищами и въ самой Эмладѣ можно узнать присутствіе Египетскихъ колоній по гидравлическимъ работамъ около озера Копаиса. Самая борьба государства съ разрушительною силою Гоанго показываетъ уже и существованіе и могущество его.

Распреденіе Китая на мелкія области, соединенныя въ одно цѣлое

железною волею *Ву-ванга*, заставляет многих критиков сомневаться въ древнемъ единствѣ всей державы. Въ этомъ сомнѣніи, какъ и въ другихъ, замѣтна сухая и кропотливая мелочность современной науки. Легкое соединеніе государства при *Ву-вангѣ*, совершенное единство обычаевъ, общее согласіе всѣхъ преданій, духъ, живущій во всѣхъ твореніяхъ позднѣйшихъ мыслителей и историковъ, память величія и особенный характеръ величія во всѣхъ сказаніяхъ, всѣ эти признаки бесомнѣнные и краснорѣчивые свидѣлствуютъ о глубокомъ и живомъ убѣжденіи народа. Очевидно, что Китай, уже при своемъ началѣ, представлялъ огромные размѣры и что всѣ независимыя области, на которыя онъ долго былъ раздѣленъ, были только остатками раздробленнаго царства, хотя нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что древній Китай занималъ только малую сѣверо-западную часть теперешняго.

Эпоха *Яо*, *Хунъ* и *Ю*, т. е. конецъ 3-го тысячелѣтія до р. Хр., есть эпоха процвѣтанія, за которымъ послѣдовали темныя вѣка паденія. Колыбель просвѣщенія была, какъ уже сказано, на берегахъ *Коко-нора* и на истокахъ Желтой Рѣки. Будущіе путешественники, вѣроятно, отыщутъ въ этой странѣ яснѣйшіе признаки первобытнаго Буддизма; но владычество *Яо* уже было не въ горахъ Тибета, а въ богатыхъ долинахъ Китая.

Имена самыхъ царей сомнительны. Преданія, вѣрныя въ общихъ своихъ чертахъ, не представляютъ ручательства въ истинѣ подробностей. Молитва царя *Ю*, высѣченная на скалѣ, хотя бы и была не произведеніемъ народнаго самолюбія, поддѣлывающаго себѣ небывалую старину (черта общая Китайцамъ съ Ирландскими кельтоманами), не могла бы считаться памятникомъ историческимъ, ибо не содержитъ въ себѣ никакого опредѣлительнаго показанія, утверждающаго хронологію ея или объясняющаго состояніе государства. Точно также и соединеніе именъ первыхъ императоровъ съ огромными работами, которыхъ остатки сохранились до нашего времени, нисколько не доказываетъ, чтобы самыя имена не перешли изъ сказаній мифическихъ въ сказанія историческія.

Индійцы вездѣ помѣщаютъ *Кришну*, *Раму* или *Арджуну*, Магометане—*Сулеймана* или *Юсуфа*, Кельты—*Финна* и *Голя*, Шотландцы—*Михаила Скотъ*. Это доказываетъ только славу имени, но не опредѣляетъ его значенія. Оно равно можетъ быть дѣйствительнымъ и мифическимъ.

Новѣйшія розысканія уже показали, какъ нелѣпо было прежнее мнѣніе о совершенномъ отчужденіи Китая отъ умственного и политическаго сообщества съ остальнымъ свѣтомъ. Западъ былъ извѣстенъ жителямъ этого дальняго Востока; науки астрономическія были воскрешены въ немъ пришельцами изъ Индустана; имперія Римская, прозванная *Та-тинъ* (великимъ Китаемъ) гремѣла славою, не смотря на безконечное разстояніе, отдѣляющее Тибръ отъ Гоанго. Ученые искали на Западѣ мудрости, которая могла бы удовлетворить ихъ высокимъ стремленіямъ, точно также какъ торговцы отправлялись на границу Персіи за товарами (напр. кровавыми лошадьми), которыхъ Китай не могъ производить. Великое міровое движеніе проникало со всѣхъ сторонъ въ нѣдра могучей державы, владычицы Востока. Быть можетъ, и это весьма вѣроятно, самая религія западныхъ народовъ смѣшалась во многомъ съ первоначальными вѣрованіями Буддаистскаго Китая, точно также какъ съ ними смѣшались мифы Индустанскаго Шиваизма. Нѣтъ сомнѣнія, что такое предположеніе основано на догадкѣ: но во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что имена трехъ государей, заключающихъ въ себѣ всю эпоху древняго Китайскаго величія, *Яо*, *Хунъ* и *Ю*, соотвѣтствуютъ именамъ боговъ, Финикійскаго *Яо*, Ассирійскаго *Хонъ* и Финскаго *Ю* (извѣстнаго подъ именемъ *Ю-мала*, т. е. *Ю-свѣтъ*, какъ у Римлянъ *Юпитеръ* значитъ собственно *Ю-отецъ*). Какъ бы то ни было, но утвердительно можно сказать, что процвѣтаніе державы Китайской началось въ концѣ 3-го тысячелѣтія и едва захватило начало 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. Несчастная политика императоровъ, отдававшихъ области въ наследственное управленіе своимъ родственникамъ (полити-

ка, засвидѣтельствованная позднѣйшими лѣтописцами въ разсказѣ о спорѣ книжниковъ съ императоромъ Тсин-ши-гоанг-ти), положила основаніе множеству отдѣльныхъ и независимыхъ царствъ, рѣдко признававшихъ верховную власть императоровъ. Впрочемъ никогда не пропадала память о цѣлости государства и постоянное стремленіе къ новому соединенію продолжало жить въ мелкихъ областяхъ. Въ концѣ 2-го тысячелѣтія *Ву-вангъ* воскресилъ древнюю державу и принялъ титулъ *Ти* (божественный), который его предшественники не смѣли себѣ присвоить, считая себя недостойными такого громкаго прозвища при такой ограниченной власти. — Эпоху государственнаго раздѣленія признавали многіе эпохою феодализма: но называть феодализмомъ дробленіе державы на независимыя княжества безъ всякой примѣси аристократической касты, было бы злоупотребленіемъ слова и Китай скорѣе представляетъ, отъ *Ю* до *Ву-ванга*, нѣчто похожее на времена удѣловъ въ Россіи, съ тою только разницею, что царствующіе дома не принадлежали къ одной и той же династіи и не имѣли никакого притязанія на власть единоправителей всего государства.

Время процвѣтанія кончилось для Китая при самомъ началѣ династіи *Гиа*, которой мнимый родоначальникъ *Ю* послѣдній обозначенъ въ лѣтописяхъ прозвищемъ *Ти*. Съ нимъ вмѣстѣ прекращается и право или обычай избирательнаго престолонаслѣдія. Уже одно это обстоятельство, также какъ и отсутствіе прозвища божественнаго при имени его сына, не смотря на то, что онъ получилъ въ наслѣдство всю полноту государства, указываетъ на неисторическій характеръ предъидущихъ царей, хотя самое царство уже вступило въ историческій возрастъ. Темныя времена до *Ву-ванга* не представляютъ происшествій совершенно достовѣрныхъ: но духъ, создавшій имперію, продолжалъ жить и въ ея разорванныхъ членахъ. Каждое мелкое княжество повторяло въ себѣ явленія всего государства, ни одно не развивало изъ себя ничего самобытнаго и не думало создавать особенную какую-нибудь систему правленія и религіи. Бѣдствія пер-

венствующей области (ибо иначе нельзя назвать область, в которой жили императоры) внушали глубокое участие другим и считались бѣдствіемъ общимъ, которое слѣдовало устранить общими силами. Таковъ характеръ возстанія *Чинг-танга* противъ *Кіе* въ первой половинѣ и возстанія *Ву-ванга* противъ *Шеу-сина* во второй половинѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. Конечно нельзя вполне полагаться ни на рассказы самой лѣтописи Китайской, *Шу-кинга*, о происшествіяхъ, случившихся за пять и за десять столѣтій до ея составленія, ни на самый текстъ этой лѣтописи, которая была уничтожена вмѣстѣ со всѣми другими во время преслѣдованія ученыхъ (лѣтъ за 200 съ небольшимъ до Р. Хр.): но вѣтъ и причинъ сомнѣваться въ общемъ смыслѣ преданій, которыя во многомъ подтверждаются остатками древней поэзіи, легко сохранившейся въ памяти на зло систематическому гоненію, тѣмъ болѣе, что изошреніе памяти составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ Китайскаго воспитанія.

Государство даже во времена *Ву-ванга* не простиралось на югъ далѣе Великой Рѣки (извѣстной подъ именемъ *Кіан-го*). Была безъ сомнѣнія колонизація сѣверная, проникавшая мало по малу далѣе къ югу. Это доказывается бѣгствомъ послѣдняго императора изъ династіи *Гіа* и удаленіемъ нѣсколькихъ князей во время императора *Цу-кя* и старшаго брата *Ву-ванга* за Великую Рѣку: но государственная система еще не обнимала южныхъ областей. Колонизація приготовляла мало по-малу борьбу Сѣвера и Юга и окончательное ихъ соединеніе. За *Кіан-го* жило другое племя, чуждое языку, вѣрованьямъ и просвѣщенію Сѣвера. Напоръ съ сѣвера мало-по-малу откидывалъ туземцевъ въ горныя ущелія и вытѣснялъ ихъ изъ плодородныхъ равнинъ. Исторія не имѣетъ данныхъ для опредѣленія постепенности этого завоеванія; но когда государство переступило черезъ Великую Рѣку, оно нашло уже народъ, готовый подчиниться его законамъ и обычаямъ. *Міао* (таково названіе туземныхъ дикарей у Китайцевъ) были заключены въ горныхъ округахъ и тамъ защищали свою независимость, не совсѣмъ утрачен-

ную до нашего времени. Очевидно завоеваніе всей южной области было дѣломъ частныхъ переселенцевъ, удалявшихся изъ сѣверной родины, переполненной жителями, или взволнованной внутренними раздорами.

Это явленіе повторялось въ меньшихъ размѣрахъ въ Валлійскомъ герцогствѣ, въ Ирландіи и повторяется въ наше время на западномъ берегу Мешасебе и въ Техасѣ.

Китайцы въ своемъ благородномъ презрѣніи къ дикарямъ не позаботились объ описаніи побѣжденнаго племени. Черный цвѣтъ его указываетъ на происхожденіе Кушитское, а обычай нарѣзки на лбу представляетъ черту Шиваитской религии и вѣроятно связывается съ изображеніемъ третьяго глаза у главнаго божества Индійскихъ Деканцевъ. Трудно опредѣлить путь южной колонизаціи, но смѣшно бы было отрицать сильное и никогда не перерывавшееся движеніе народовъ около юго-восточныхъ оконечностей Азіи. По этому пути проникла въ Китай позднѣйшая реформа Буддизма, по немъ же приходили уже въ глубокой древности корабли изъ дальнихъ морей: таково свидѣтельство Китайскихъ лѣтописей.

Изученіе языковъ юго-восточной Азіи подтвердитъ со временемъ эту догадку; но во всякомъ случаѣ наружный видъ южныхъ Міао, ихъ цвѣтъ, складъ, нравы и древній обычай, о которомъ уже говорено, и который былъ, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ религіознаго обряда, связываютъ ихъ съ югомъ Индіи и съ системою Африканской.

Побѣда надъ Міао и ихъ изгнаніе было, безъ сомнѣнія, сопряжено съ смѣшеніемъ двухъ племенъ. Отъ этого смѣшенія зависитъ различіе сѣверныхъ и южныхъ нарѣчій и замѣченная многими путешественниками разница въ тѣло-сложеніи и въ очеркахъ лица.

До владычества династіи *Чей* (начавшейся въ концѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х.) одаѣ только сѣверныя области со-

ставляли державу Китайскую; но и въ этихъ границахъ она уже представляла исполнскую силу по народонаселенію и пространству, силу, превосходящую всё государства юго-западной и южной Азіи и сѣверо-восточной Африки. Китай не былъ запертъ для иноземцевъ. Еще гораздо послѣ они были радушно принимаемы и допускаемы къ правамъ гражданства и даже къ должностямъ государственнымъ. Сношенія съ Западомъ, кромѣ кочевыхъ и воинственныхъ ордъ средне-Азійскихъ (т. е. Финно-Турецкихъ и Монгольскихъ) были основаны на старой памяти братства. Около середины 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. посольства приходили изъ земель Иранскихъ просить у Восточнаго государства защиты и помощи противъ насилія враговъ. Торговцы Бактрійскіе (Ванскіе, изъ земли Великихъ Вановъ, *Та-ванъ*) переходили степь и горныя преграды для размѣна своихъ произведеній на произведенія береговъ Гаонг-го; гостинницы строились по путямъ каравановъ, и виноградъ (*no-mo*) разводился около гостинницъ для Западныхъ гостей, любившихъ, какъ и всё Ванскія племена, дружескую трапезу и разгулъ застольной чаши. Быстрые кони Каспійскихъ береговъ были украшеніемъ и роскошью двора императорскаго, и, кажется, плясуны и скоморохи Индійскіе забавляли праздность, и лѣнь богатей. Китай жилъ въ согласіи со всею внѣшнею жизнію міра.

Трудно опредѣлить, до какой степени онъ участвовалъ въ его внутренней и духовной жизни: но съ полною увѣренностью можно утверждать, что общеніе мысли было сильнѣе общенія торговаго. Много нужно каравановъ, чтобы лѣтописецъ обратилъ вниманіе на торговый путь. Одинъ человекъ мыслящій измѣняетъ или обновляетъ своимъ ученіемъ цѣлый народъ, а Китайцы были жадны къ наукѣ и знанію. Около начала 1-го тысячелѣтія до Р. Хр. царь *Му-ванъ* посвятилъ многіе годы своей жизни странствованію на Западъ для пріобрѣтенія познаній, и трудно предположить, чтобы никто ему не подалъ примѣра или не послѣдовалъ его примѣру. За многіе вѣка до него общеніе понятій было безъ сомнѣнія живѣе, чѣмъ при немъ. Это правило отно-

сится не къ одному Китаю. Миръ не былъ еще тогда такъ раздробленъ, какъ въ послѣдствіи. Средняя Азія не волновалась безумнымъ волненіемъ дикихъ семей и Восточная держава не думала себя ограждать отъ невидимой грозы чужаго ума.

Поставивъ главною задачею своего существованія полнѣйшее развитіе государственности, Китай былъ въ древности способенъ и къ свободному развитію духовной жизни. Государственность поглотила мало-по-малу всѣ прочія части просвѣщенія человѣческаго и довела государство до того мертвеннаго оцѣпленія, въ которомъ оно представляется въ наше время. Великая стѣна, символъ отчужденія, была воздвигнута уже династіею *Тсинъ*, но и тогда еще чужеземцы были допускаемы ко всѣмъ должностямъ государственнымъ. Великая задача—логическое развитіе нравственныхъ началъ общества, — долго жила въ благородномъ Китаѣ и одни только нашествія дикарей, Монголовъ и Манжуровъ, могли ее вполнѣ исказить. Китай былъ, какъ всѣ державы Кушпитскія, основанъ на условныхъ данныхъ; но не такъ какъ другія державы на грубой идеѣ выгоды или художественной идеѣ стройности. Его начала были высшія, какія только человѣкъ могъ положить; условность ихъ была только послѣдствіемъ шаткости, неизбежной тамъ, гдѣ нѣтъ духовнаго преданія, гдѣ нѣтъ живой вѣры, неизбежной вездѣ кромѣ одного христіанства. Не смотря на Буддаическое ученіе просвѣтителей Китая, Иранъ своею человѣческою мудростью, своею свободною духовностью оживлялъ и согрѣвалъ его могучую молодость. Это очевидно изъ всѣхъ отзвуковъ этой дальней старины, любившей и славившей имя неизвѣстнаго Бога, и самое процвѣтаніе державы, совершенно совпадающее съ вѣками торжества Иранскихъ началъ въ Индустанѣ при Вишнуитахъ, въ Иранѣ при Вано-Ассирійцахъ и въ Египтѣ при Гиксосахъ (т. е. около конца 3-го тысячелѣтія до Р. Х.), вѣроятно не должно быть приписано слѣпому случаю. Духъ человѣческій пробудился и бодрствовалъ. Въ половинѣ же 2-го тысячелѣтія эти силы утомились и распадающійся Китай

опять соответствует повсемѣстному паденію Ирана, и съ нимъ человѣческихъ началъ во всемъ мірѣ.

Объ южномъ Китаѣ у насъ слишкомъ мало остается данныхъ. Паденіе Кушитовъ Деканскихъ должно было разорвать связь Кушитскаго міра: въ этомъ заключается важность Вишнуйтскаго завоеванія. Но по всей вѣроятности слѣды сношеній между Египтомъ и побережьемъ Великой Рѣки принадлежатъ южной племенной, а не сѣверной государственной системѣ. Точно то же должны мы сказать о письменности. Нѣтъ видимой связи между письменами Китая, — іероглифами мысли, и письменами Египта, іероглифами слова: но явно, что въ Египтѣ іероглифъ слова вышелъ изъ іероглифа мысли посредствомъ Иранскаго вліянія, и ни одинъ человѣкъ разсудительный не повѣритъ, чтобы іероглифъ Китайскій, котораго ключи имѣютъ теперь форму совершенно произвольную, былъ дѣйствительно основанъ на произволѣ. Его начало, для насъ утраченное, было, безъ всякаго сомнѣнія, простое подражаніе предмету выражаемому. Теперьшній знакъ есть только курсивное упрощеніе знака первоначальнаго, точно также какъ узловыя письмена, общія Китаю и средней Америкѣ, были только приспособленіемъ тѣхъ же знаковъ къ потребностямъ жизни кочевой и къ мореплаванію. Такимъ образомъ Китай своею письменностью, также какъ и началомъ государственнымъ, племеннымъ характеромъ Юга и просвѣщеніемъ Сѣвера, соединяется съ міромъ Африки и съ системою Шиво-Буддаистской. Будущіе изслѣдователи опредѣлятъ съ большею точностію вліяніе областей, лежащихъ за Великой Рѣкою, на весь бытъ Китая. Теперь его можно только угадывать.

Прекратилась на берегахъ Евфрата династія царей Бак-Дальпѣ-
трійскихъ. Изнѣженные роскошью, развращенные упоеніемъ ^{шай исто-}
тысячелѣтняго владычества, утративъ первобытную чистоту ^{рїя Асси-}
нравовъ и наслѣдственные доблести, Ваны были изгнаны ^{рїи земли}
изъ Нинивіи возстаніемъ туземцевъ и напоромъ горной семьи ^{Иранскія.}
Халдеевъ. Новые властители связали права свои на царство ^{Персія.}

съ древнею Ассирійскою исторіею. На языкѣ мѣовъ Ниніасъ, сынъ великаго Нина, свергнулъ съ престола незаконно царствующую Семирамиду. Иранъ раздробился, могучая держава, связывавшая его концы, разрушилась и никогда уже не возстановлялась въ прежней полнотѣ. Бактрія, Индія, Месопотамія, сѣверо-восточная и средняя Европа, соединенныя въ одну торговую систему, въ одно общее братство единствомъ владычествующаго племени Бактрійцевъ, распались навсегда въ мелкую областную жизнь, изъ которой со временемъ возникли совершенное отчужденіе другъ отъ друга и кровавая вражда. Исторія стала яснѣе, но утратила свои широкіе размѣры и великолѣпіе своихъ первыхъ явленій. Позднѣйшіе народы, уже не понимающіе прежней эпохи и всемірнаго значенія племени Иранскаго, накиннули темный покровъ на величавую старину. Преданія утонули въ сказкѣ.

Развратная династія, забывшая свое духовное достоинство въ искушеніяхъ вещественнаго міра и потерявшая права на первенство между народами, была свергнута: но человечество не подвинулось впередъ. Сѣмена порока, посѣянныя вездѣ, продолжали давать ростъ и плодъ: преемники Вановъ, Ассирійцы и Халдеи, вступили въ тотъ же путь, по которому шли ихъ предшественники, и искаженный Иранъ присоединилъ только къ прежнему злу, развратившему нравы, новое зло разъединенія, придавшее имъ новую свирѣность. Вторая династія туземныхъ царей Ассирійскихъ приняла вліяніе Кушитскаго міра, поклоненіе веществу или необходимости въ образахъ органической полярности, безумную гордость личности, презрѣніе къ началамъ духовнымъ и стремленіе къ завоеваніямъ: но она сверхъ того получила отъ горцевъ, основавшихъ ее, характеръ необщительной дикости. Никогда власть ея не распространялась такъ далеко, какъ власть Вановъ-Ассирійцевъ, никогда она не была окружена такимъ блескомъ: Ниніасъ представляетъ лице блѣдное и безцвѣтное въ сравненіи съ Семирамидою и Ниномъ. Бактрійскій Востокъ не былъ ей подчиненъ вполне, хотя страдалъ отъ ея набѣговъ; берега Инда были ей недоступны.

Точно то же можно сказать и о Малой Азии, по крайней мѣрѣ о ея западной оконечности, о горныхъ странахъ, прилегающихъ къ Черному морю и объ областяхъ Финикіи и Палестины. Нѣтъ сомнѣнія, что держава Ванно-Ассирійцевъ также недалеко распространялась на западъ отъ Евфрата, но она связывалась съ поморьемъ торговымъ характеромъ, котораго позднѣйшіе Ассирійцы уже не имѣли. Лѣтопись ихъ первенства въ юго-западной Азии, бесплодная для чело- вѣчества, бесплодная для наукъ историческихъ, представ- ляетъ только темный рядъ царей, дико властвовавшихъ ме- чемъ или бессмысленно утопавшихъ въ наслажденіяхъ без- славной роскоши. Истинное паденіе Ассиріи относится къ VIII-му вѣку до Р. Хр. когда съ одной стороны Азы Мидій- скіе, съ другой богатое низовье Евфрата и Вавилонъ достигли отдѣльной самостоятельности. Въ продолженіи 8-ми или 9-ти вѣковъ отъ изгнанія Бактрійцевъ, до возстанія Мидіи, область Нинивійская подвергалась многимъ измѣненіямъ; но она все еще первенствовала надъ всѣми сосѣдними народами. По преданію Персидскому, южный *Дзогакъ*, поклонникъ злыхъ духовъ, котораго Кушитскій характеръ легко узнается по эмблемѣ змѣи, побѣдилъ и изгналъ нѣкогда святаго, но въ послѣдствіи согрѣшившаго царя землепашца, сына страны Бактрійской *Джемшида*. Побѣжденный не нашель убѣжища въ своей родинѣ: враги преслѣдовали его по пятамъ и убили въ Индуставѣ, куда онъ отъ нихъ бѣжалъ. Итакъ Ассирія не разъ еще завоевывала Востокъ: но по другимъ преданіямъ, относящимся къ тому же времени, также какъ и по молча- нію Зенд-авесты кажется, можно предполагать, что власть ея была не постоянная и не уничтожала свободы Бактрій- скаго племени и странъ, прилегающихъ къ Инду. На юго- западъ отъ Нинивіи мелкія области соединились въ государ- ство Сирійское, не всегда повиновавшееся ей, но никогда не сопротивлявшееся ей съ значительнымъ успѣхомъ.

Вліяніе переворота въ царствѣ Ассирійскомъ сильнѣе по- дѣйствовало на сѣверо-западъ; между тѣмъ какъ, по сказа- Малая
Азія.Троя
и ея бор-

ба съ Гре-вію Персидскому, *Джемшидъ* бѣжалъ на востокъ, другія преданія западныя рассказываютъ о бѣгствѣ Семирамиды (другое названіе той же Ванской династіи) на западъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ темны и неопредѣленны и что удаленіе Семирамиды въ Кипръ можетъ легко относиться къ распространенію поклоненія Бактрійской Венерѣ, но съ другой стороны нельзя не обратить вниманія и на то, что паденіе Ванскаго владычества на берегахъ Тигра и Евфрата по времени своему соотвѣтствуетъ усиленію, если не появленію, Вановъ на западной оконечности Малой Азіи. По крайней мѣрѣ кажется, по всѣмъ хронологическимъ даннымъ, что Ниніасъ, т. е. начало мѣстной династіи въ Нинивіи, принадлежитъ къ XVII-му, а основаніе Трои, торговаго и общественнаго средоточія Ванскихъ семей, относится къ XVI-му столѣтію до Р. Хр. Всѣ историческія данныя для этихъ полубаснословныхъ вѣковъ довольно шатки, но ошибки значительной быть не можетъ. Мы знаемъ, что въ позднѣйшее время Хвалисы (Халибсы Грековъ). Саки или Гуны клинообразныхъ надписей тянулись отъ самой Арменіи по пригорію Тавра и южному берегу Чернаго моря до самой Трояды. Сѣверная Троя (*Пергамъ* или *Прага*) не одна славилась своею силою и богатствомъ. Она первенствовала въ союзѣ Мало-Азійскихъ Вендовъ (*Генеты*); но въ одно время съ нею процвѣтала и пережила ее другая Троя въ *Ликіи* (землѣ *Венедовъ великихъ*). Тамъ же протекала и другая *Ксанъ* (Эллинское имя, значащее свѣтло-желтый, блестящій, пламенный: собственное же имя было *Арна*, *Ярный*, отъ Славянскаго корня *ярый*, имѣющій тоже значеніе, что Эллинское Ксанъ. Замѣчательно имя *Арный*, главной рѣки у Разеновъ въ Этруріи). Связь Ликіи, т. е. южной Трояды съ сѣвѣрною Троядою очень ясна. Одни други и недруги, одни обычаи, одни боги покровители, Аполлонъ и Венера, наконецъ одни имена рѣкъ и городовъ. Ликія, завоеванная, затопленная иноплемениками, утратившая своихъ коренныхъ жителей въ кровавыхъ бояхъ и въ геройскихъ самоубійствахъ цѣлыхъ городовъ (по словамъ Геродота), утратившая языкъ свой въ

смѣшеніи съ другими, чуждыми ей нарѣчіями, Ликія все еще уцѣлѣла въ памятникахъ искусства и въ письменахъ, нарѣзанныхъ на ея каменныхъ гробницахъ. Художество ея самобытно, по крайней мѣрѣ въ зодчествѣ. Оно возникло не изъ Греческаго, оно представляетъ переходныя степени и младенческій возрастъ, которыхъ Эллада не знаетъ (напр. деревяныя, бревенчатые накаты и брусья, деревянные костыли, закрѣпы, высѣченныя изъ мрамора и пр.), такъ что скорѣе можно предположить ея вліяніе на Элладу, чѣмъ обратно. Письменность ея, заимствованная съ востока, самобытна въ отношеніи къ Эллинской, ибо представляетъ буквы, которыя не извѣстны Элливамъ, а встрѣчаются у Разенъ Италійскихъ на берегахъ рѣки одноименной съ Ксанѳомъ Ликійскимъ (*Арний*). Символы ея религіи самобытны и во многихъ подробностяхъ сходны съ украшеніями, найденными въ гробахъ Крымскаго полуострова; обряды ея (по крайней мѣрѣ обычаи высѣкать гробницы въ горахъ) чужды Элладѣ и принадлежать въ одно время Востоку Иранскому (какъ гробницы царей Персидскихъ) и Этруріи съ ея пещерами. Вліяніе Кушитской системы замѣтно; но южное вѣрованіе привилось къ началу Иранскому. Лице челоѣка возвышено до божественности и сказочное челоѣкообразіе въ религіи выразилось въ художествѣ, также какъ въ Греціи, но независимо отъ Греціи.

Должно замѣтить, что главное и самое обыкновенное изъ символическихъ изображеній на памятникахъ Ликійскихъ есть битва льва съ быкомъ. Разсказъ о битвѣ Сарпедона Ликійскаго съ Патрокломъ въ Иліадѣ кончается этимъ сравненіемъ. Едва ли тутъ простой случай.

Надписи Ликійскія свидѣтельствуютъ о Славянскомъ корнѣ народонаселенія. Слова *лада* (въ смыслѣ жены), *тедіе* (въ смыслѣ *чадо*, ибо окончаніе на *ме*, *тедіеме* встрѣчается не всегда), *егове* (въ смыслѣ мѣстоименія притяжательнаго) и многія другія особенности служатъ тому доказательствомъ неоспоримымъ. Отсутствие знака беззвучія въ письменности и слѣдовательно отсутствіе краткой гласной *a*, *o* или *e* во всякой со-

гласной, оскудѣніе грамматическихъ измѣненій въ окончаніи словъ, прибавка слога *ме* къ словамъ, которыя не имѣютъ этого окончанія въ Славянскомъ, и присутствіе звука *ѣ* ничего не доказываютъ. Ликія была рано оторвана отъ своей Вендской братіи и сильно подвержена вліянію чужеземниковъ, особенно южныхъ народовъ: она должна была измѣниться въ нарѣчіи, въ обычаяхъ и въ обрядахъ религіи; но признаки кореннаго ея характера существуютъ еще такъ ясно, что критика ошибаться не можетъ или не должна.

Должно замѣтить, что въ иныхъ случаяхъ (какъ напр. въ имени города *Фегсерд*) кажется есть неписанная краткая гласная. Точно также и въ склоненіяхъ замѣтны слѣды старыхъ формъ, измѣненныхъ новыми прикладами (суффиксами). Такъ напр. слово *тедіе* (чадо), которое по большей части находится въ формѣ *тедіеме*, представляетъ форму множественнаго *тедеса*. Склоненіе произошло въ предпоследнемъ слогѣ и совершенно огласно съ древне-Славянскимъ (*чудо—чудеса, небо—небеса, око—очеса* и т. д.). Кажется окончаніе творительнаго надежа на *м* вообще вытѣснило окончаніе именительнаго.

Чище и неприкосновеннѣе были вѣроятно сѣверныя семьи, хотя и въ нихъ, долго жившихъ среди западнаго Ирана, не могло быть той письменной и словесной чистоты, которая могла принадлежать только выходцамъ изъ Бактріи, заселившимъ пустыни, или по крайней мѣрѣ мало приходившимъ въ соприкосновеніе съ иноплеменниками.

Неволью было движеніе Вендовъ, Саковъ и Гуновъ, заселившихъ поморье Малой Азіи. Оно не слѣдовало общему закону переселенія Вендовъ на западъ. Возстаніе туземнаго начала въ Ассиріи вытѣснило ихъ въ страны, которыя уже были заселены другими семьями, выходцами изъ западнаго Ирана. Они не могли распространяться свободно по лицу пустыни, но были принуждены пробиваться черезъ горы до береговъ морскихъ и повѣрять прихотямъ вѣтра и волнь свою дальнѣйшую колонизацію. Путь морской былъ не страшнѣе Вендскому племени, вездѣ склонному къ судоходству,

и поэтому колоніи ихъ раскинулись далеко и обогнули весь западъ Малой Азіи.

Саки служили на корабляхъ Персидскихъ во времена Ксеркса. Очевидно это Сако-Гуны при-Евксинскіе, а не Бактрійскіе: но во всякомъ случаѣ смѣшно въ нихъ предполагать Финно-Турецкое племя, вѣчно чуждое мореходству.

На самой сѣверо-западной оконечности полуострова, почти у встрѣчи двухъ морей Евксинскаго и Эгейскаго, противъ области своей Фракіійской братьи, основали новые пришельцы государство, которому суждены были недолгое существованіе и долгая память въ поэтическихъ преданіяхъ. Около XVI-го столѣтія до Р. Х. возникла Троя и скоро по своей счастливой мѣстности стала высоко надъ всѣми сосѣдними странами. Трудно сказать, не нашли ли пришельцы съ востока прежнихъ родственныхъ колоній, пришедшихъ изъ Фракіи: на это есть вѣроятности, но нѣтъ твердыхъ свидѣтельствъ. Также трудно сказать, не сохранилось ли въ имени мифическаго Ассарака память объ Ассиріи, откуда изгнаны были Ванскіе властители: этимологія именъ шатка и произвольна; сходство обманчиво кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они безпрестанно повторяются цѣлыми группами (какъ *Донъ*, *Ярый Донъ*, *Венеты*, *Саки*, *Геты* и пр.). Во всякомъ случаѣ понятно скорое величіе Трой, поставленной на перепутіи двухъ материковъ и двухъ морей и опиравшей свою торговую дѣятельность на братскомъ союзѣ со всѣмъ поморьемъ Евксина и отчасти Архипелага и съ многочисленными семьями, населявшими безконечное пространство отъ границъ Фессаліи и цвѣтущихъ береговъ *Струменя* и Фракійскаго *Вепря* (Гебръ) до глубины Донскихъ степей.

Не долго цвѣла и властвовала Троя. Окрѣпившая Элада, смѣсь просвѣщенія Южнаго и Восточнаго, смѣсь племени Западно-Иранскаго (*Пелазговъ*) и Славянскаго, вошедшаго въ составъ Эллинской семьи, Элада свергла съ себя власть южныхъ народовъ (въ сказаніяхъ объ Ираклѣ и

Тезеѣ) и потомъ стала отодвигать безпокойное сосѣдство сѣвернаго племени. Таковъ смыслъ сказокъ о Кентаврахъ, Амазонкахъ, побѣжденныхъ также Иракломъ и Тезеемъ, и о походѣ Аргонавтовъ, въ которомъ участвовала вся Греція. Были уже распри съ Троянами, какъ видно изъ рассказовъ о Лаомедонѣ; были вѣроятно причины къ враждѣ; ибо многіе властители Эллады (напр. домъ Тантала) были вытѣснены изъ Малой Азіи около времени основанія Вендскихъ поселеній. Случайная ссора повлекла за собою многолѣтнюю войну. Одна за одной были разрушены колоніи Троянскія; одинъ за другимъ были побѣждены ея союзники: она должна была пасть. Ея могучія стѣны были выстроены Посейдономъ (эмблемой морской торговли) и Аполлономъ (*Беленомъ великимъ*, покровителемъ Вендскаго племени); богатства ея были неистощимы, войска многочисленны: но область ея была мала, союзники далеки и не соединены въ формахъ государственныхъ, войска составлены изъ наемниковъ. Дружная сила воинственной Эллады восторжествовала.

Замѣчательно, что внутреннія области Малой Азіи остались совершенно равнодушными къ борьбѣ Трои съ Греками. Не было ни кровнаго союза съ иноплемениками, ни торговаго съ дикарями.

Чудное величіе поэзіи окружило паденіе Пергама. Преданія собрали около него и западныхъ Оракійцевъ и сѣверныхъ Амазонокъ и Мемнона, сына восточной Зари. Чудная красота семейной жизни дышетъ во всемъ, что преданіе передало Гомеру, во всемъ, что Гомеръ передалъ вѣкамъ о враждебной Троѣ. Передъ человѣческими лицами Пріама, Гекубы и ихъ дѣтей, Гектора и Андромахи, ничтожны и гнусны всѣ царственные дома Эллады; отвратительны сказанія объ Атреѣ и его потомствѣ, обо всѣхъ этихъ герояхъ, полныхъ силы и воинственнаго огня, но заклеянныхъ дикостью и развратомъ.

Эллада, поклонница красоты, достигла въ послѣдствіи до идеи о

красотѣ духовной; великія, вѣчно-памятныя имена блестятъ въ летописяхъ ея славы: но никогда ничего похожаго на семью не знавала Греція. Пусть назовутъ хоть одну: а Трояне, по мнѣнію великихъ критиковъ, должны быть Грекамъ сродни. О буквенная ученость!

Падающая Троя является въ сумракѣ древности, какъ послѣдній поэтический образъ семейнаго быта, гибнущаго передъ дружиннымъ насилиемъ. Въ ней слышенъ духъ короткаго Восточнаго Ирана.

Въ самомъ Гомерѣ, поюще мѣ торжество Эллады, часто плачетъ сердце, увлеченное невольною любовью. Нѣтъ сомнѣнія, что не даромъ блистала Троя въ сосѣдствѣ съ Іонією. Ея нравы и бытовое просвѣщеніе должны были смягчить суровость Мало-Азійскихъ Эллиновъ. Много въ *Иліадѣ* обличаетъ знакомство съ мифами, принадлежащими Славянскому міру. Свѣтловласый Аполлонъ, стрѣлометатель, благодѣтель міра, никогда не являлся съ такимъ величіемъ у другихъ поэтовъ Греціи. Можно угадать близость Трояды и Ликіи отъ родины Гомера. Даже имя его Белень было извѣстно по темному преданію; но оно приняло форму Эллинскую (придыханіе) и придано вдохновенному жрецу, любимцу Аполлона. Еще разительнѣе мифъ о поясѣ Венеры. Его чудная сила часто воспѣвается въ *Иліадѣ*: но въ описаніи его есть (не смотря на истинную красоту и дѣтское поклоненіе критиковъ) затѣйливость и натянутая иносказательность, совершенно чуждая первобытной поэзіи и еще болѣе первобытной мифологіи. Тутъ явно былъ мифъ, но онъ забытъ и замѣненъ произвольнымъ остроуміемъ. Этотъ поясъ былъ нѣкогда богиней Радугою, живымъ поясомъ великой *Прим-Лаймы* (то же, что *Пріа-Лакими* у Индустанскихъ Вишнуитовъ), богини Сѣвера, о которой и теперь еще помнятъ западные Славяне. Ирида вытѣснила Радугу: но память о чудномъ поясѣ сохранилась и простодушіе древняго мифа скрылось въ затѣяхъ поэтической фантазіи.

Съ паденіемъ Трои около 12-ти вѣковъ до Р. Х. расторгся союзъ Вендовъ Мало-Азійскихъ. Они были истреблены или поглощены мало-по-малу напоромъ другихъ народовъ. Долѣе всѣхъ сопротивлялась Ликія, но и та переполнилась

чуждыми стихіями и мало сохранила характера первобытнаго. Быть можетъ, странный обычай называть сына не по имени отца, а по имени матери (нигдѣ впрочемъ не встрѣчаемый у Славянъ) остался свидѣтельствомъ о важности женщины въ древней Славянской общинѣ и объясняетъ, почему такъ часто другіе народы олицетворяли племя Бактрійское въ видѣ царицы (*Томирисъ, Семирамида, Царица* и др.) или Амазонки.

Мы уже сказали, что одни только Славяне имѣютъ свои преданія о владычествѣ женщинъ. *Власта* и *Любуша* Чешскихъ сказокъ, царь-дѣвица и разъязжая дѣвица Русскихъ сказокъ совершенно самобытны.

Но Ликія въ позднѣйшее время также погибла безъ слѣдовъ, оставивъ только память о себѣ въ рѣзныхъ гробницахъ, да въ Эзопѣ, рабѣ-поэтѣ, полномъ мудрости бытовой и отзвуковъ дальняго Востока. Переселеніе Вановъ Ассирійскихъ имѣло, вѣроятно, большее вліяніе на сѣверъ, гдѣ многіе миѣы, быть можетъ перенесенные ими, срослись съ народною вѣрою, но все еще указываютъ на колыбель свою, междурѣчье Тигра и Евфрата (таково между прочимъ поклоненіе пѣтуху, изображенію бога войны). Величіе Трои отозвалось во всѣхъ семьяхъ западныхъ Славянъ, гордившихся родствомъ съ нею, а паденіе ея перекинуло колонію бѣглецовъ къ берегамъ Тибра, гдѣ они выстроили Бѣлый городъ (*Альба-Лонга*) и зародили будущій Римъ.

Послѣ побѣды надъ Вендскими семьями, Эллинскіе колонисты заняли ихъ прекрасную область, поморье Архипелага, и положили начало новому просвѣщенію, которое добромъ и зломъ отозвалось во всей послѣдующей исторіи человѣчества. Варварскіе народы, одичавшія семьи Западнаго Ирана и колоніи Кушитскія изгладили слѣды Славянскихъ поселеній на южномъ побережьи Евксина: но это завоеванье осталось безплоднымъ и развѣ въ позднѣйшее время нѣкоторое родство племенное отозвалось въ союзѣ при-Донскихъ Скиѣовъ (Славянъ) съ царствомъ Митридата Понтійскаго. Не такова была встрѣча

благородной семьи Эллинской съ представителями восточнаго Ирана, принесшими съ собою начала кроткаго человѣческаго быта и человѣческаго чувства и стремленіе къ просвѣщенію, но принесшими въ то же время и сказочное человѣкообразіе въ вѣрѣ и сѣмена разврата, полученныя ими въ областяхъ при-Евфратскихъ. На той землѣ, гдѣ Эллины встрѣтились съ восточными пришельцами, зачалась будущая Эллада. Уже давно съ юга проникли въ нее начала религія Кушитской, то темной и заклинательной, то буйновещественной, то художественной и строительной; давно съ востока былъ приливъ огнепоклонства и духовности (лицетворенныхъ особенно въ мифахъ о Персеѣ и его темно-свѣтломъ конѣ и о Персеевомъ потомкѣ Ираклѣ); давно отъ Фракіи и пѣвучихъ береговъ Славянскаго Гебра и Стримона звуки поэзіи (въ Орфеѣ и Линѣ) стали пробуждать дремлющую искру словесныхъ искусствъ въ груди воинственныхъ народовъ Греціи: полное ея развитіе, стройное, могучее, плодотворное началось въ новозавоеванныхъ ею странахъ на западномъ берегу Малой Азіи. Подъ вѣчно-яснымъ небомъ Іоніи Гомеръ или Гомериды возвели сказку и преданіе до величія эпоса; въ Милетѣ родилась философія и исторія.

Споръ о Гомерѣ и Гомеридахъ давно уже рѣшенъ внутреннимъ сознаніемъ художниковъ. Для нихъ явно единство духа въ *Иліадѣ*, явно въ *Одиссеѣ*, хотя тождество сочинителей обѣихъ поэмъ весьма и весьма сомнительно. Трудно, даже невозможно, чтобы пѣвецъ *Иліады* не сказалъ въ *Одиссеѣ* хоть слово любви о герояхъ своей бурной молодости; трудно, чтобы онъ не оглянулся на великіе образы, начертанные имъ въ дикомъ Ахиллѣ, типѣ Греціи до ея умственного просвѣтленія, или въ чудномъ сынѣ Пріама, которому въ позднѣйшее время такъ живо сочувствовалъ рыцарскій Западъ Европы. Каждая изъ этихъ поэмъ очевидно создана въ полнотѣ своей однимъ творцемъ. Рапсоды много измѣнили, много исказили: крохоборной критикѣ не удастся, къ несчастію, возстановить древняго подлинника; но онъ живетъ и высется въ душѣ поэтически настроеннаго читателя.

Никто изъ ученыхъ не замѣтилъ обстоятельства, достойнаго замѣчанія: включенія Скиѳа Анахарсиса въ число Греческихъ мудрецовъ. Ни одинъ народъ, кромѣ Скиѳовъ, не далъ представителя своего въ Греческую нравственную науку. Конечно это случайность: точно такая же, какъ основаніе главныхъ святилищъ богу просвѣтителю (Аполлону) Гиперборейцами, какъ Фракійское происхожденіе Орфея, какъ Ликійская родина Эзопа, или путешествіе Скиѳа Абариса на золотой стрѣлѣ данной Аполлономъ, или развитіе Греческаго искусства въ Малой Азіи, въ земляхъ полу-Венедскихъ. Не мѣшаетъ тоже замѣтить, что древнѣйшая Эллинская философія, школа Фалеса, низвела высшій символъ восточнаго Ирана на степенъ перваго космогоническаго начала или главнаго философскаго, полу-мистическаго символа.

Около того времени, какъ падало царство Вано-Ассирійское и вліяніе Ирана на Африку прекращено было возстаніемъ новой династіи, основанной въ древнихъ Фивахъ, пробужденныя силы племень Кушитскихъ стали дѣйствовать на юго-восточную Европу. Почти въ одно время колонія съ береговъ Нила пристала къ Пелопоннесу и выходцы изъ Финикіи принесли въ Беотію и на юго-западные берега свое просвѣщеніе, свою религію и свою полугласовую письменность. Еще прежде отозвалось ихъ вліяніе въ горномъ Критѣ, принадлежащемъ по своему населенію однимъ и тѣмъ же началамъ съ Эладю: но въ скоромъ времени мѣстное племя, принявъ въ себя южное просвѣщеніе, освободилось отъ чужеземнаго ига и распространило свою власть на берега Элады, вступая въ частыя и счастливыя борьбы съ туземцами и съ колоніями Финикіи. Первые шаги Кушитовъ обозначились художественно-строительнымъ направленіемъ, смѣлыми трудами гидравлики, темными обрядами пещерныхъ таинствъ и введеніемъ вещественно-символической религіи. Быть можетъ, еще грознѣе, кровожаднѣе и таинственнѣе была религія Критскихъ выходцевъ: но въ то же время въ ней болѣе было склонности къ человѣкообразію, развившемуся въ позднѣйшее время отъ сказочнаго характера сѣверныхъ религій, и болѣе было стремленія къ началу духовному и просвѣтленію мысли. Финикія во многомъ запечатлѣла слѣдъ свой въ Критѣ; въ преданіи о лабиринтѣ замѣтно нѣкоторое вліяніе Египта; но еще сильнѣе и важнѣе сродство Критянъ съ жителями Малой Азіи, Иранцами, принявшими въ глубокой древности Кушитское искаженіе, но не вполне забывшими духовное начало Ирана, не смотря на свирѣпость вѣры,

Вліяніе
Египта и
Финикіи
на Грецію,
Критъ
и Эвву.

слѣдствіе упорной борьбы, и на вкравшееся поклоненіе органической природѣ. Не въ Критѣ зародилась Элада, но что-то похожее на духъ ея будущаго развитія вылетѣло съ Дедаломъ изъ темнаго плѣна Критскаго лабиринта.

Изъ областей Греческихъ первая выступаетъ на историческое поприще Беотія. Много сказавій передано намъ древними писателями о Пелопоннесѣ, Атикѣ и Фессалии: но средоточіе древней миѣической исторіи было въ Фивахъ, городѣ, получившемъ свое начало и имя отъ чистыхъ Кушитовъ Египта, перешедшемъ въ послѣдствіи въ руки Финикійскихъ колонистовъ и основавшемъ свое раннее значеніе на синкретизмѣ вѣры, на вещественномъ образованіи и на большей строгости государственнаго устройства.

Преданія о Фивахъ соединяють въ себѣ память о великихъ знаніяхъ, о крѣпостяхъ, о стройной жизни, объ искусствахъ въ ихъ низшемъ, вещественномъ значеніи и о царяхъ, носящихъ на себѣ полужреческій характеръ Востока, а не патріархальный характеръ другихъ Греческихъ царей. Лаіи и Эдипъ не то, что Тезей или Кюдръ. Въ нихъ виденъ не *анаксъ*, а *тиранносъ*. Исторія Фивъ до сихъ поръ не совсѣмъ понята въ наукѣ.

Вліяніе Фивъ было весьма сильно; изъ нихъ истекла большая часть чисто Кушитскихъ стремленій въ Эладѣ; около нихъ движется вся лѣтопись ея сказочныхъ временъ отъ Кадма до Тезея, съ которымъ начинается новая эра жизни. Побѣда Тезея надъ Фивами, какъ его же побѣда надъ Минотавромъ, опредѣляетъ освобожденіе Греціи отъ Египто-Финикійскаго міра и отъ перевѣса предприимчивыхъ Критявъ. Имъ открываются историческіе вѣка Эллинской самостоятельности и кончается исключительное преобладаніе южной стихіи, воплотившейся въ Фивахъ.

Колонія Финикійская (*Кадмъ*) не основала Беотійской столицы; но заняла городъ, уже основанный Египтянами и носящій имя Кушитскаго бога (*Шива*, перешедшее въ *т* съ придыханіемъ и соответствующее по самимъ Элинамъ име-

ни Юпитера: *Оивы-Діосполми*); Финикійцы же основали крѣпость, извѣстную подъ именемъ Кадмеиды, основали твердое государство и возвысили политическое значеніе города. Названія городскихъ воротъ указывали даже и въ позднѣйшее время на свое восточное происхожденіе, между прочимъ имя воротъ *Оики* никогда не было измѣнено Эллинами.

Онка, богиня Сирійскаго поморья, едва ли не та самая, которая въ послѣдствіи смѣшалась въ одно цѣлое съ *Нейосъ* Египетскою и названа была Эллинами *Аеиною Трутснійскою*. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ Минервы Этрусской кажется можно разобрать слово *Онка*. Съ другой стороны та же Минерва представляется съ Дельфиномъ на щитѣ и этимъ напоминаетъ *Деркетю* Финикійскую. Очевидно, что многобожіе составилось изъ разнообразныхъ изображеній и символовъ двухъ полярныхъ силъ, мужской и женской; а позднѣйшее невѣжество припаяло всякое изображеніе и имя за нѣчто отдѣльное и божественное. Потомъ эти отдѣльныя божества снова сливались одно съ другимъ въ эпоху устроенія синкретизма и чиноположенія народныхъ пантеоновъ. Безполезно бы было слѣдить за ходомъ Кушитскихъ религій: но должно замѣтить, что вездѣ онѣ сопровождались борьбою между поклонниками силы мужской, живительной и женской, воспріемлющей. Это же самое можно отчасти замѣтить въ мифѣ о Тирезіасѣ, рѣшающемъ споръ между Юпитеромъ и Герою: но Греція склонилась въ пользу болѣе духовнаго, мужскаго начала, и темная казуистика съ Эллинскимъ возрѣніемъ на этотъ вопросъ отзывается въ тяжбѣ между истцемъ—*Эриніями* и отвѣтчикомъ—*Орестомъ*.

Не безлюдную пустыню нашли южные колонисты въ стра- Пелазги и нѣ Беотійской. Главное населеніе Эллады состояло изъ Пе- Элламы. лазговъ, семьи Западно-Иранской: но имена многихъ мѣстностей, преданія о приходѣ сѣверныхъ семей на югъ и рассказы о движеніи племенъ, не принадлежащихъ къ Пелазгамъ и предшествовавшихъ Эллинскому нашествію, заставляютъ думать, что между Пелазгами уже жили колонисты

Фракійскіе, принадлежащіе восточной Иранской вѣтви народовъ.

Съ ними соединяются сказки о *Вакхъ*, сынъ *Семелы* (земли), о Семелѣ Беотійской, богинѣ земли, и другія тому подобныя. Должно замѣтить, что Персефона (иначе Просерпина) принадлежитъ тѣмъ же земледѣльческимъ полу-сказкамъ, полу-загадкамъ и что она представляетъ то пшеницу, (*Просерпина* - прозябающая), то самую землю и въ этомъ смыслѣ называется матерью Вакха Аонискаго. Должно строго отличать сказочнаго Вакха (вино), отъ Вакха Діониса чисто-космогоническаго. Последний принадлежитъ одной и той же системѣ съ Эрміемъ, а первый относится къ системѣ Ареса и Аполлона, враговъ Эрмія. Колонисты Восточно-Иранскіе далеко проникли на югъ Эллады и древнѣйшее до-Эллинское поклоненіе Аполлону Ликію, названіе Геликонъ и пр. относятся къ нимъ.

Сильное броженіе племенъ началось во всѣхъ приморскихъ областяхъ Греческихъ отъ встрѣчи туземцевъ съ ихъ южными просвѣтителями. Нестройная борьба и кочевая жизнь обозначила пробужденіе испуганныхъ Пелазговъ и ихъ мирныхъ сосѣдей, сѣверныхъ переселенцевъ. Впрочемъ Финикійцы и Критяне вообще поступали жесточе, чѣмъ Египтяне и встрѣчали большее сопротивленіе. Аѣны, принявшія имя свое отъ Салеской богини, никогда не поминали зломъ своихъ основателей. По всей вѣроятности земля уже была заселена выходцами изъ Фракіи, водопоклонниками: они, какъ видно изъ спора Посейдона съ Аѣною, мирно уступили первенство просвѣщеннѣйшимъ Кушитамъ, поклонникамъ *Нейосъ* и *Феа* (*Аѣны* и *Ифеста*), и тѣ кротко пользовались мирно пріобрѣтенными правами. Поклоненіе женскому началу преобладало въ Атикѣ. Его первенство выражается уничиженіемъ Ифеста и его грубою, презрѣнною любовью къ Аѣнѣ. Критяне въ послѣдствіи поработили Атику; но недолго продолжалось ихъ свирѣпое владычество. Между тѣмъ начало полного синкретизма религіознаго приготавливалось смѣшеніемъ племенъ. Сѣверный Вакхъ и Эпирскій Ираклъ

завоевали себѣ мѣсто въ Олимпѣ Беотійскомъ. Изгнанныя съ юга семьи выжимали сѣверныя семьи изъ Фессаліи, и сѣверныя снова завоевывали себѣ мѣсто на югѣ: но для гармоніи, для единства и для жизни народной недоставало одного первенствующаго племени.

Около XVI-го столѣтія до Р. Х. поднялась воинственная семья Эллиновъ. Она по всѣмъ сказаніямъ была въ сродствѣ съ сѣверными Фракійскими семьями; съ сѣвера шли они на южную Грецію, были поклонниками Аполлона (отъ этого назывался онъ *Патроосъ*), принадлежали къ племени блѣнокүрому, не имѣли далекихъ и отдѣльныхъ преданій, точно также какъ и особаго характера религіознаго. У нихъ не было искони средоточія, изъ котораго истекали бы ихъ переселенія, или бытоваго единства, которое свидѣтельствовало бы объ единствѣ кореннаго начала. Все въ ихъ первоначальномъ появленіи, въ ихъ завоевательномъ движеніи и въ ихъ почти вездѣ двойственныхъ сказаніяхъ, указываетъ на племя пограничное и мѣшанное. Собственныя жилища, въ которыхъ мы позднѣе находимъ одноименную съ ними семью Гелловъ (или Селловъ), точно также какъ область, изъ которой тронулись завоеватели, по сказаніямъ ихъ же лѣтописцевъ—сѣверная Фессалія, составляли границу, на которой встрѣчалось Восточное Вендское племя съ Западно-Иранскими Пелазгами. Обѣ стихіи соединились въ Эллинской семьѣ. Пограничная жизнь придала имъ воинственность; сильное броженіе южной Греціи пробудило ихъ дѣятельность; вліяніе иноземное и послѣдовавшій за нимъ союзъ доставили имъ повсемѣстное торжество.

Лице Геллена, мнимаго колѣноначальника, исчезаетъ передъ здоровою критикою. Имя народа останется всегда загадочнымъ.

Быть можетъ, въ немъ есть нѣкоторое сродство съ прозвищемъ Аполлона у Славянъ, *Белень*, по Эллинскому придыханію *Гелень*; и тогда *патроосъ* относилось бы къ патронимическому имени, что довольно вѣроятно.

Сильнѣе выдаются лица отца его *Декваліона* и его родоначальника *Прометея*. Это имя рѣшительно обозначаетъ Иранское начало, въ смыслѣ племенномъ и религіозномъ, (по характеру духовному, возстанію противъ законовъ необходимости и мессіаническимъ обѣщаніямъ). Впрочемъ имя Прометея не объясняетъ вполнѣ родины Элиновъ, хотя указываетъ на горныя Западно-Азіійскія страны, и даже, кажется, не имѣетъ никакого прямого отношенія къ ихъ родовому началу. Имя его внука, *Амфиктіона*, имѣетъ большую опредѣлительность историческую, по его значенію въ послѣдовавшемъ союзѣ Элады.

Съ самаго начала семья Элиновъ является раздѣленною на нѣсколько отраслей: но ихъ всѣхъ можно соединить подъ великими именами—западныхъ *Дорійцевъ*, отличавшихся дикою воинственностію и создавшихъ силу *Лакедемона*, и восточныхъ *Іонійцевъ*, принявшихъ уже начала человѣческаго просвѣщенія и основавшихъ всю лучшую, художественную и духовную славу Элады. Другія отрасли представляютъ только большее или меньшее уклоненіе отъ этихъ двухъ рѣзкихъ характеровъ. Прибытіе иноземной дружины, къ которой примкнула Элины, положило основаніе союзу.

Свидѣтельство о томъ, что Амфиктіонъ привелъ съ собою Куретсвъ и Делеговъ, принадлежитъ довольно позднимъ писателямъ: но поздніе весьма часто черпали изъ древнѣйшихъ или изъ сказаній народныхъ, и ихъ показанія не должны быть отвергнуты, когда они согласуются съ общностію историческаго развитія.

Соединенныя силы племени двинулись къ югу. Была мѣстная борьба, былъ въ иныхъ мѣстахъ удачный отпоръ, но вообще торжество было полное. Съ этимъ торжествомъ начинается Элада, но Элада не просвѣтленная, а только готовящаяся къ просвѣтленію.

Союзъ Элинскихъ народовъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ формъ. Взаимныя ихъ обязанности не были ясно обо-

значены; не было общаго суда или собранія ихъ представителей. По крайней мѣрѣ ничего подобнаго не находимъ въ вѣкахъ историческихъ. Союзъ существовалъ только въ сознаніи единства племеннаго, въ тождествѣ вѣры, которая впрочемъ была уже ничто иное, какъ безсмысленный синкретизмъ, и въ единствѣ политическихъ выгодъ. Судъ Амфиктіоновъ, который безспорно имѣлъ въ своемъ основаніи болѣе государственное значеніе, не долго сохранялъ свою важность. Онъ существуетъ болѣе какъ многозначительное преданіе объ условномъ и правильномъ союзѣ, чѣмъ какъ фактъ историческій. Самобытная жизнь отдѣльныхъ областей скоро изгладила всѣ слѣды обще-государственнаго устройства. Элины остались связанными между собою только слабымъ союзомъ кровнаго братства, который встрѣчаемъ мы въ позднѣйшее время у при-Балтійскихъ Славянъ въ ихъ борьбѣ съ Германіей, или у Американскихъ туземцевъ въ ихъ войнахъ противъ Англійскихъ колонистовъ. Такая разъединенность способствовала можетъ быть умственному развитію народовъ Элинскихъ; но не могла дать Эмладѣ долгаго владычества надъ иноземными племенами. Впрочемъ должно признать, что чувство кровнаго родства сильнѣе связываетъ между собою семьи завоевательныя, чѣмъ осѣдлыя и мирныя. Злая страсти въ душѣ человѣческой ведутъ къ мудрости житейской и государственной (въ ея вещественномъ значеніи) скорѣе, чѣмъ добрыя. Побѣдители становятся надъ побѣжденными, какъ существа высшія предъ низшими, и цѣлый народъ принимаетъ характеръ аристократіи, сомкнутой въ одно цѣлое чувствомъ глубокаго презрѣнія ко всему инородному и гордаго поклоненія самой себѣ. Оттого-то Элины признали только въ мірѣ одно раздѣленіе на Элиновъ и Варваровъ; оттого-то они соединялись легко и скоро для отпора чужеземцамъ или для мщенія за общую обиду. Впрочемъ, такое чувство кровнаго и естественнаго превосходства предъ всѣми другими племенами, противное разуму и человѣчеству, даетъ народу чудныя силы для достиженія высокихъ цѣлей и украшаетъ его блескомъ

ложнаго величія, хотя оно въ то же время искажаетъ его внутреннюю природу.

Въ этомъ ходѣ мысли и страсти заключается значеніе Германскихъ племенъ и ихъ историческое всемірное величіе: но простота человѣческая выше всякаго случайнаго напряженія, возбужденнаго гордыми и своекорыстными страстями. Въ ней одной живетъ возможность развитія безконечнаго. Греція, принявшая всецѣльное христіанство, погибла отъ того же начала, которому обязана была своимъ древнимъ величіемъ. Византиецъ не могъ вырваться изъ тѣсныхъ оковъ своей мѣстной гордости и освободиться отъ гибельнаго наслѣдства Элады и Рима. Правый судъ совершился надъ Византією.

Беотія, издавна принявшая государственныя формы, стала мало-по-малу упадать, по мѣрѣ укрѣпленія другихъ Греческихъ областей. Пелопоннесъ получилъ новыя силы и новую жизнь отъ прилива стихіи Мало-Азійской, принесшей съ собою богатства и образованность. Домъ Танталовъ изъ семьи Западно-Иранской, по своему племенному началу не совсѣмъ чуждой Элинамъ и Пелазгамъ, но получившій уже отъ Кушитскаго и Ассирійскаго міра высшее просвѣщеніе, переселился въ Арголиду и далъ ей временный перевѣсъ надъ всѣми сосѣдями. Темная и кровожадная вѣра, возникшая изъ борьбы Кушитовъ и Иранцевъ, положила свою печать на потомковъ Пелопса. Въ нихъ слышны отзвуки Сиріи и Финикіи и горныхъ племенъ Мало-Азійскихъ. Солнце Элады отступало, глядя на ихъ мерзостные пиры. Но съ другой стороны, народы юго-западной Азіи, развращенные вѣковыми войнами и смѣшеніемъ съ Кушитами, далеко превосходили своихъ одичавшихъ Европейскихъ братьевъ во всѣхъ отрасляхъ вещественнаго знанія, въ искусствахъ и въ навыкѣ къ государственному быту. Оивы померкли предъ Аргосомъ: но еще выдержали одну успѣшную борьбу въ войнѣ о наслѣдствѣ Эдипа. Послѣдній ударъ былъ нанесенъ имъ Атическими Іонійцами. Впрочемъ оба нападенія на Оивы носятъ на себѣ характеръ двойкій: суда всего племени надъ

отдѣльною семьею и спора между двумя народными стихіями. По всѣмъ примѣтамъ Беотія была еще не вполне эллинизована, но принята въ союзъ Элиновъ, не осилившихъ ея первоначальнаго сопротивленія.

Тезей въ отрасли Іонійской представляетъ лице почти столько же важное, какъ Иракль въ отрасли Дорійской, но имѣетъ характеръ гораздо болѣе историческій. Мы уже сказали, что его вѣкъ есть вѣкъ освобожденія отъ напора сѣвернаго и отъ преобладанія Фивъ: съ нимъ связываются уже споры Аттики съ Пелопоннесомъ и стремленіе Іонійцевъ къ равенству съ ихъ Дорійскою братьею. Аѣны, мирно принявшія южное просвѣщеніе, приняли безъ сопротивленія Эллинское населеніе, и родъ древнихъ царей (змѣногаго Кекропса) замѣняется новымъ, болѣе воинственнымъ. Впрочемъ вмѣстѣ съ Элинами входятъ въ Аттику и Фракійскія семьи, хлѣбопашественныя, съ которыми отчасти связаны таинства Элевзинскія и, можетъ быть, самый бытъ страны, менѣе дикой, чѣмъ вся остальная Эллада и болѣе склонной принять словесное просвѣщеніе и сказочную поэзію полу-Вендскаго берега Малой Азіи.

Эллада основана дружиною, и вся ея исторія, все ея законодательство запечатлѣны этимъ кореннымъ началомъ. Ея высшее таинство, высшій и чистѣйшій символъ ея единства были не во храмѣ, не въ судѣ, не въ совѣтѣ, но въ воинственныхъ играхъ. Первобытный характеръ Элиновъ обличается весь въ святыни Олимпійскихъ боевъ.

Внутренній характеръ Эллинской жизни. Религія Эллиновъ.

Объ нихъ много писано и археологи не мало рылись въ благородной пыли древняго ристалища, одного не отрыли—значенія самыхъ игръ. Они кажется и не видятъ, что они нигдѣ не существовали кромѣ Эллады, и что это что-нибудь да значить.

Дружинное устройство замѣтно во всѣхъ Эллинскихъ областяхъ: но оно болѣе преобладаетъ въ области Дорійской, чѣмъ въ Іонійцахъ, отъ тоголи что Іонійцы приняли болѣе чистую смѣсь чисто-Славянскихъ, т. е. Фракійскихъ и Мало-

имѣющаго восторжествовать надъ смѣсью необходимости и произвола, олицетвореннаго въ Эллинскомъ Олимпѣ, проявлено весьма слабо въ Элладу. Главная же стихія религіи было уже Иранство искаженное въ сказочное челоуѣкообразіе и принесенное изъ Оракіи и изъ земель Славянскихъ. Изъ его смѣшенія съ искаженнымъ Кушитствомъ составился пантеонъ Греціи, въ которомъ художество пластическое (Куша) и сказочный характеръ Славянскихъ народовъ развилъ начало поэзіи во всѣхъ ея формахъ, словесныхъ и вещественныхъ.

Трудно и почти невозможно отдѣлить первобытные мифы Эллиновъ отъ прививныхъ, полученныхъ ими съ юга. Одно только не подвергается сомнѣнію: это то, что *Эрмій*, *Вулканъ*, *Діонизосъ*, *Ира* и особенно *Афина* (истинная владычица позднѣйшей Эллады) не принадлежали вѣрѣ первыхъ выходцевъ Иліріи и Тессаліи. *Аполлонъ*, *Діана*, *Аресъ*, *Океанъ* были божевами сѣвера и первыми предметами поклоненія воинственныхъ пришельцевъ. Всѣ они были вытѣснены началомъ южнымъ, точно также какъ и грамотность сѣверная была вытѣснена южною, оставивъ только слабыя слѣды въ сходствѣ съ буквами Ликіи и Этруріи и въ направленіи письменъ съ лѣва на право.—*Афродита* и *Зевсъ* принадлежали равно Оракійскому и южному началу, хотя *Афродита* болѣе *Зевса* сохранила свои первоначальныя примѣты. Водопоклоненіе положило печать свою на всѣ стихіи, происходящія отъ сѣвера. Правда, что южный *Посейдонъ* издалъ древнѣйшую форму—*Океана*; но лице *Океана* высится надъ мифами первобытными и обнимаетъ ихъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ. Самъ *Зевсъ* по своему сѣверному началу находится въ какой-то зависимости отъ *Океана*. *Аполлонъ* и *Діана* (солнце и мѣсяцъ, дѣти *Лѣта*, т. е. года) рождаются на островѣ; *Венера* выходитъ изъ морской волны. Мифология первобытная, не воскресимая въ своихъ подробностяхъ, возстаетъ въ своемъ общемъ объемѣ. Это поклоненіе *Дію*, богу всемірному, живущему въ небесахъ, владыкѣ всѣхъ стихій, преобразуемому особенно водою, и

Азійскихъ стихій, или отъ того, что они поселились въ странѣ, уже населенной народами образованными (Аттикѣ и Юніи). Развитіе религіознаго начала, искаженнаго синкретизмомъ въ самой основѣ своей, происходило безсмысленно и беспорядочно. Космогонія не имѣла никакого притязанія на объясненіе міровой загадки. *Ураносъ* и *Кроносъ* (быть можетъ, пространство и время, если только можно дать какой нибудь смыслъ мифамъ, утратившимъ свое первобытное значеніе) уступаютъ свое мѣсто человѣкообразному Зевсу, въ которомъ олицетворяется не воля разумная, но произволъ человѣческій. Впрочемъ самъ Зевесъ, владыка видимаго міра, подчиненъ другому, высшему закону необходимости. Такимъ образомъ Кушитское поклоненіе легло въ основу Элливской религіи и отсутствіе религіозной поэзіи въ поэтической Элладѣ объясняется само по себѣ. Молитва была заклинаніемъ и ничѣмъ инымъ быть не могла.

Это доказывается словами Аякса въ *Иліадѣ*. Онъ говоритъ: «молитесь тихо, чтобы Трояне не подслушали и не переняли вашей молитвы.» Душевнаго голоса, изливающагося въ духовной молитвѣ, Эллада не знала.

По всей вѣроятности, первоначальный союзъ былъ связанъ единствомъ религіознымъ. Амфитіоны, главы его, утратили со временемъ всю свою политическую важность и сохранили значеніе свое только какъ судьи по дѣламъ храмовъ и ихъ собственности. Священные войны, начавшіяся по приговору древняго судилища, обличаютъ первобытную основу, скоро потерявшую важность свою передъ губительнымъ вліяніемъ синкретизма. Но самыя составныя части Элливскаго синкретизма были таковы, что онъ не могъ сохранить мыслительной глубины синкретизма Индустанскаго. Кушитство было уже не чистое, ибо оно распространилось въ Греціи послѣ предварительной борьбы и смѣшенія въ Финикіи, Сиріи и самомъ Египтѣ. Иранство, выражающееся отчасти въ Персеѣ, и рѣзко высказывающееся въ Кавказскомъ Прометее, пророкъ свободы человѣческой и нравственнаго закона,

Дионь-Афродитъ, его дочери-подругѣ поклоненіе *Аполлону*, *Белену* великому, котораго главный символъ солнце, и *Диань* трехцарственной, изображаемой луною, наконецъ *Океану* всеводному, отцу рѣкъ и морей.

Аполлонъ есть очевидно не вѣсшій богъ, но посредникъ и хранитель міра. Онъ соотвѣтствуетъ *Митръ*, *Тору*, второму *Велу* (Ваалу) и несправедливо отдѣленъ отъ *Гелиоса* (отъ корня *велій*, также какъ и Вель), который, какъ солнце, былъ его эмблемою. *Диана* трехцарственная была также божествомъ первостепеннымъ, хотя никогда не оспаривала первенства у бога всемірнаго. Ея значеніе, какъ богини подземной, находится въ самой ея эмблемѣ (лукъ), не только по измѣнчивости свѣтила, но по его двурогой формѣ. Это обстоятельство, до сихъ поръ не понятое ни древними, ни новыми критиками, объясняется вполне памятниками Ликійскими. Гробницы вершатася рогами быка (не мѣсяца, ибо видны уши и клокъ шерсти между роговъ). Съ другой стороны, на храмахъ часто представляется бой льва съ быкомъ. Символъ ясенъ. Левъ, начало небесное, пожираетъ быка, эмблему земнаго. Трофей—рога, оставшіеся отъ побѣжденнаго быка, обозначаетъ побѣду небеснаго и истребленіе земнаго вещества. Вотъ одна изъ причинъ, почему *Диана* должна быть тождественною съ *Гекагою*, и вотъ смыслъ, до сихъ поръ незамѣченный, быка въ религіяхъ Иранскихъ. Въ немъ соединены покорность и безсмысліе всего вещественнаго, чуждо-земнаго, и его смерть есть во всякомъ случаѣ торжество духа. Глубокая мудрость древняго Ирана еще слышится въ искаженныхъ вѣрованіяхъ позднѣйшаго времени; но она уже переплелась съ веселою, дѣтскою сказкою и утратила смыслъ свой для оупѣвшихъ народовъ. Истинная же колыбель сказочнаго міра есть область Славянская и всѣ мифы чисто-Эллинскіе носятъ ея характеръ. Такъ въ *Вакхѣ*, сынѣ *Діа* и *Семелы* (земли) видѣли мы загадку Вендовъ, винодѣлателей; такъ въ разсказѣ о *Ніобѣ* видимъ такую же сказку о небѣ (по произношенію нѣкоторыхъ Славянскихъ семей ніобо) и о множествѣ дѣтей его—звѣздъ: пронзенныя стрѣлами солнца и мѣсяца, т. е. пригвожденныя къ мѣсту, онѣ лишились свободнаго, отдѣльнаго движенія—жизни, и мать, наказанная за гордость, льетъ потоки дождей и слезы росы.

Такова древняя религія сѣверныхъ пришельцевъ Эллиновъ. Она средоточится, въ отношеніи къ мѣсту, около Славяно-Иранскаго Аполлона, Белена прародительскаго (*патроосъ*), великаго (*микіосъ*) или велиаго (*гелиосъ*), бога пѣсенъ и врага змѣи (*пивоіосъ*), а въ отношеніи къ внѣшнему обряду и въ общественному союзу, около древняго храма Аполлона у подножія горы великой (Геликонъ). Вотъ истинный слѣдъ первобытной Элады.

Едва ли слово *Дельфы* не имѣеть одного корня съ словомъ *адельфосъ* и не значить братовщина. Прибавимъ, что, не смотря на сказочность, религія Аполлона чисто-Иранская. Съ нею вѣроятно связывалось въ древности сказаніе и о Персеѣ. По крайней мѣрѣ общая у нихъ принадлежность—крылатый *Пегазъ* (отъ *пльгой*) темно-свѣтлый конь, эмблема видимаго міра, раздѣленнаго между днемъ и ночью, и невидимаго, раздѣленнаго между зломъ и добромъ. Этотъ миосъ принадлежалъ безъ сомнѣнія Вендамъ Ликійскимъ, у которыхъ два города носятъ названіе *Пегаза* (или Педаса), *Фегазгердъ* (Пегазградъ). Какъ принадлежность бога пѣсенъ, не имѣеть ли онъ чего общаго съ общимъ началомъ всѣхъ Русскихъ сказокъ: «начинается сказка отъ сивка отъ бурка и пр.»; «поднимается конь выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго» и т. д. Это введеніе въ сказку весьма загадочно и явно кроетъ свой источникъ въ мірѣ до-христіанскомъ.

Не надолго уцѣлѣло вѣрованіе, принесенное Эллинами изъ своей родины. Критскій *Зевсъ*, переродокъ изъ Шавы Кушитскаго, скоро слился съ высшимъ богомъ *Діемъ*; *Афина* (*Нейосъ* Египетская, *Онка* Сирійская) откинула на вторую степень Аполлона, покровителя предковъ; великая мать, *Кивела* Мало-Азійская, *Ира*, *Эрмій*, *Ифестъ* и другія божества, которыя никогда не имѣли поклонниковъ на сѣверѣ и даже по сказаніямъ о рожденіи принадлежатъ исключительно югу, составили новый безчисленный Олимпъ. Наконецъ Кушитство высказалось вполне въ *Діонизосѣ*, котораго мненъ слились съ чуждыми ему сказками о Фракійскомъ Вакхѣ. Синкретизмъ образовался во всей своей полнотѣ. Космогони-

ческое учение, нравственный и философский миф, астрономическая сказка, предание, затейливая загадка, все смѣшалось и перепуталось. Древнее, кажется, чистое и духовное вѣрованіе Пелазга, глубокомысленное, но вещественное учение Кушитовъ, человѣкообразная, младенческая религія Славянъ слились въ одно. Начало Кушитское торжествовало, ибо оно одно только терпитъ смѣшеніе: строго исключительный характеръ Ирана погибъ. Необходимость, не выраженная уже ясно символомъ органической двойственности, но сокрывшаяся въ бессмысленномъ имени Судьбы (*анан-ке*), проникла собою весь міръ надземный и весь міръ земной. Идея мудрости стройной, гармонической и вещественной въ лицѣ Аѳины, сдѣлалась главнымъ божествомъ,—покровителемъ Греціи, вмѣсто змѣгонителя Аполлона, носившаго на челѣ своемъ свѣтозарный вѣнецъ мудрости духовной и словесной.

Этотъ характеръ Аполлона замѣтенъ еще въ Гомерѣ. Въ немъ даръ пророчества; въ немъ красота почти безтѣлесная и какой-то блескъ нравственной свободы. Отъ того-то и остался онъ всегда богомъ-прорицателемъ по преимуществу.

Но среди побѣды Кушитовъ голосъ Ирана продолжалъ еще будить сердца человѣческія къ высокой и небесной цѣли. Напрасно пророкъ прикованъ къ Кавказу Зевсомъ, Ифестомъ и Эрміемъ: съ своей дальней скалы указываетъ онъ за ихъ будущую гибель и будущее торжество свободы. Древній богъ, котораго главнымъ символомъ для Восточно-Иранскихъ народовъ была вода, пошлетъ свою дочь (*Метэ*) и отъ нея родится освободитель.

Океанъ связаць съ пророчествомъ о паденіи Зевса тѣмъ, что *Метэ* и *Тетидэ*—обѣ океаниды. Уловки Зевса, или, лучше сказать, развязки, придуманныя его жрецами, показываютъ только существованіе и неотвязчивость пророческаго голоса. Явны преданія мессіаническія и темное чувство, что боги, временно властвующие надъ міромъ, не благіе боги.

Очевидно сказаніе о Прометее и его угрозахъ не принадлежали народу; они существовали только для лучшихъ, для избранныхъ людей. Народъ жилъ весело и беззаботно, въ дружбѣ съ ласковою природою и съ сказочнымъ Олимпомъ. Благородная душа Элина не была воспитана какъ душа Индустанца въ великой борьбѣ двухъ чистыхъ, самостоятельныхъ началъ, философскаго умствованія, создавшаго себѣ религію изъ необходимости, и духовнаго преданія, живущаго вѣрою въ свободную волю. Стремленіе чисто мыслительное развилось позднѣе и бѣднѣе въ Элладѣ, чѣмъ въ Индустанѣ: но за то сказочное начало, принятое отъ Ванскаго Сѣвера облеклось въ Элладѣ въ образы болѣе стройные и изящные. Сказка пришла въ органическое соприкосновеніе съ пластическимъ художествомъ на берегахъ Юмны и Маганадди, также какъ и на побережьѣ Эгейскаго моря, но безпокойная мысль, вѣчно возвращающаяся къ собственнымъ тайнамъ, не допустила свободнаго развитія искусствъ въ Индіи. Младенчески безпечная религія, гордость человѣческая Элина завоевателя и полная свобода личности были доступны къ искусству. Отъ свободно-затѣйливой сказки перешла жизнь и движеніе въ художество пластическое; отъ пластическаго художества перешла стройность и красота въ своевольную сказку. Дедалъ стронтель прилетаетъ съ юга, Орфей, Линъ и Музей приносятъ пѣснь свою отъ границъ Фракіи. Аполлонъ-вдохновитель и Афина-хранительница мѣры и уряда—царствуютъ надъ Элладою, и искусство во всѣхъ своихъ отрасляхъ достигаетъ крайней степени образной красоты.

Амфіонъ могъ бы быть представленъ какъ доказательство нѣсколько духовнаго направленія художества даже въ Кушитской стихіи: но это было бы грубою ошибкою. Одна только извѣстная черта его способностей, какъ виртуоза, есть построеніе Оивскихъ стѣнъ. Это только идеаль стройности и лада, перенесенный въ вещественный міръ, что то похожее на Китайскаго Фо-ги и на Египетскаго Таута, но нисколько не похожее на словесное музыкальное искусство. Свободно, безъ цѣли, льются пѣсни Орфея: звѣри сбѣгаются, волны рѣчныя стихаютъ, слезы текутъ изъ холоднаго камня. Это свободный духъ, спѣвающійся

съ живою природою. Такихъ разницъ не должно упускать изъ виду. Купить по своему началу безмолвенъ; даръ слова принадлежитъ одному Ирану, хранителю духовнаго преданія.

Должно еще замѣтить, что свобода личности сильно дѣйствовала на развитіе художествъ: отъ того Дорійцы, болѣе скованный условіями государственной формы, уступалъ Іонійцу во всемъ кромѣ зодчества. Это исключеніе понятно изъ всего предъидущаго.

Гомеръ открываетъ собою истинную жизнь Эллады около 1000 лѣтъ до Р. Х., хотя ея историческіе вѣка начинаются четырьмя вѣками ранѣе, а общая условная эра наступаетъ позже. Отъ Гомера, т. е. отъ его вѣка, развивается идея красоты, которою дышетъ вся Греческая исторія, и которая, переходя мало-по-малу въ идею красоты духовной и согрѣваясь жизнью Востока, создала наконецъ Платона и Аристотеля, эти два прекрасные вѣнца умирающей Эллады.

Безмысленной и младенческой религіи соотвѣтствовала безмысленная и младенческая дѣятельность общественная. Великія проявленія во всемъ, кромѣ искусства, были невозможны, при отсутствіи великихъ двигателей. Глубокомысленныя таинства Ирапа и Куша наследовались на границахъ Эллады, но не пробуждали въ ней жизни разумной. Чудная энергія страстей и воли, восторгъ воинственнаго разгула кипѣли внутри Эллады, но лишеныя постоянного направленія, они не создавали и не могли создать ничего цѣльнаго и полнаго. Область мѣшала развитію другой области, личность останавливала развитіе государственности: не было ни нравственной цѣли, покоряющей душу, ни общаго эгоизма, покоряющаго землю. Частныя ссоры народныхъ семей, частныя предпріятія удалцевъ, выселяющихся изъ родины въ неизвѣстную даль: такова исторія Греціи. Ея колоніями мало-по-малу покрываются всѣ берега Эгейскаго моря и Евксина; Сицилія подпадаетъ ея власти; южная Італія покрывается ея городами; Фракійцы отступаютъ мало-помалу къ сѣверу, единовластіе надъ морями отнимается у Финикійцевъ, Ассирія узнаетъ имя и мужество Греческихъ

пиратовъ; народы, вытѣсненные изъ своихъ жилищъ (Сикулы, Пелазги, Тирренцы и т. д.) переносятъ на западъ новыя стихіи племенные и мысленныя; Африка и даже Галлія принимаютъ сѣмена просвѣщенія: но Эллада, такъ сильно-дѣйствуя на міръ и такъ много дѣлая для его будущихъ судьбъ, не въ силахъ сдѣлать ничего для себя самой.

Внутренняя ея исторія ничтожна. Поочередно упали **Эи** Политич. жизнь Греції. Эра Олимпіадъ. Аргосъ, Микена и другіе города, временно первенствовавшіе. Дорійцы, живѣе понявшіе потребность общественнаго единства, взяли верхъ надъ Іонійцами. Спарта, укрѣпленная Ираклидами, заняла первое мѣсто между Дорійцами. Наконецъ Эллина, никогда не забывавшіе своего кровнаго единства, не смотря на безпрестанныя междоусобицы, приняли въ началѣ VIII столѣтія до Р. Х. общую народную эру, какъ символъ общей народной жизни.

Эта эра, живо выражающая дружинный и воинственный характеръ, эра, о которой почти нельзя говорить безъ смѣха, такъ много въ ней младенчески простодушнаго, относится, кажется, къ 776 году до Р. Х. Въ этотъ достопамятный годъ Хорэбъ Элейскій побилъ, обѣжалъ всячески осрамилъ своихъ соперниковъ на играхъ Олимпійскихъ.

Въ то же время, какъ учреждалась общая эра, или вѣдшій символъ единства племеннаго, отдѣльныя семьи почувствовали потребность внутренняго государственнаго устройства. Начинаясь, особенно въ вѣтви Дорійской, законодательства, подчиняющія свободу частной воли общественной необходимости; области мужаютъ и крѣпнутъ. Но Элладѣ не суждено было предупредить державство Рима. Вражда городовъ уничтожала ихъ силы; къ тому же Эллины любилъ войну удалства, побѣду для славы и самую славу для какого то гордаго чванства. Ему недоставало начало семейное, умиряющее и укрѣпляющее душу, и стремленіе къ положительной пользѣ, на которомъ основывается государственный эгоизмъ.

Что воинственность Грековъ была основана на удалствѣ, а не на

страсти къ завоеванію, доказывается тѣмъ, что они готовы были драться какъ наемники за всѣхъ и за все.

Египетъ послѣ освобожденія отъ Гиксовъ. Эпоха его величія и завоеваній.

Шире и величественнѣе была дѣятельность Египта. Освободивши отечество отъ тяжелаго гнета чужеземныхъ стихій и укрѣпивши его на самобытныхъ началахъ, 18-я династія, Фивская, скоро переступила границы, отдѣлявшія ее отъ Азіи и отъ земель полу-Иранскихъ. Еще предшественники ея (17-я династія), спасавшіе на югъ обычаи и преданія Кушитскія отъ насилія сѣверныхъ Гиксовъ, распространили власть свою въ Нубіи и вѣроятно достигли самаго сердца Африки. Цари-пастыри были изгнаны. Египетъ сталъ болѣе и болѣе возвышаться могуществомъ и силою. Въ Израиль-тянахъ преслѣдовалъ онъ послѣдній остатокъ ненавистныхъ пришельцевъ и присудилъ ихъ пскать спасенія въ пустынь. Первые цари 18-ой династии возвысили славу своей державы и поставили ее на первую степень между государствами современными. Огромныя водохранилища обезпечили Египетъ отъ засухи, также какъ и отъ излишнихъ наводненій. Великолѣпныя дворцы, громадныя храмы замѣнили прежніе памятники, уничтоженныя пришельцами; живопись и ваеніе достигли совершенства, которому уступаетъ только позднѣйшей Эмладѣ. Тутмосисъ, Менефта и первые Рамезесы распространили власть свою далеко на сѣверо-востокъ. Наконецъ Рамезесъ III Сезострисъ проникъ еще далѣе и сосредоточилъ въ себѣ всю славу Египта. Позднѣйшіе историки или сказочники не могли примирить преданій о его побѣдахъ съ современными ему сказаніями другихъ народовъ и выдумали Сезостриса древнѣйшаго; точно также какъ Восточные народы выдумали древняго Александра, покорившаго весь міръ. Здравая наука отвергаетъ одинаково перваго Сезостриса и перваго Александра. Выдумка же сама объясняется славою обоихъ завоевателей, которымъ поэзія приписала небывалыя торжества, смутившія младенческую критику позднѣйшихъ вѣковъ

Нѣтъ сомнѣнія, что Рамезесъ III не завоевалъ ни Ора-

кіи, ни Индіи, хотя эти завоеванія и были ему приписаны тщеславіемъ Египетскихъ лѣтописцевъ; вѣроятно даже, онъ не проникалъ и до Бактріи, хотя и можно предположить такой набѣгъ при временной слабости Превѣратскихъ державъ; но нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что гроза его оружія доходила до береговъ Евксина.

Показаніе Китайскихъ лѣтописей, будто бы около 15-ти вѣковъ до Р. Х. западные государства прислали просить помощи противъ какихъ-то утѣснителей, сочтено было за свидѣтельство о походѣ Сезостриса на Бактрію: такой выводъ похожъ болѣе на шутку, чѣмъ на дѣло. Никто изъ писателей, говорившихъ о Вавилонѣ и Нинивіи, не слыхалъ, чтобы когда-нибудь эти страны были завоеваны Египтянами, а безъ этого трудно понять возможность завоеванія Восточно-Иранскихъ земель. Все, что можно предположить, это мгновенный налетъ, не оставившій по себѣ глубокихъ воспоминаній. Что же касается до Индіи, то должно допустить возможность морскаго похода; но и въ такомъ случаѣ, судя по памятникамъ, кажется, преданіе смѣшало Рамезеса III съ позднѣйшимъ Рамезесомъ Мемнуномъ.

Показаніе Геродота о столбахъ Сезостриса можетъ до нѣкоторой степени еще подвергнуться насмѣшкамъ ученыхъ нашего времени: но въ его сужденіи о жителяхъ Колхиды столько здравого смысла и наблюдательности, что отвергать его значило бы быть совершенно чуждымъ первымъ началамъ исторической науки.—Основаніе колоніи на берегахъ Евксина пришельцами изъ Египта доказано съ совершенною ясностію, и самыя черты нѣкоторыхъ Кавказскихъ племенъ подтверждаютъ вполне показаніе древняго лѣтописателя. Слава Рамезеса III, какъ завоевателя, и его побѣды въ странахъ, населенныхъ народами Семитическими, не подвержены сомнѣнію. Цѣль же колоніи, брошенной имъ такъ далеко отъ предѣловъ государства своего, объясняется долгою борьбою Кушитовъ противъ Сако-Гетовъ. Когда Ассирійцы изгнали своихъ прежнихъ властителей и принудили ихъ удалиться на западъ въ горы Арменіи и къ приморью Евксина,

выселенцы встрѣтились снова съ торжественнымъ шествіемъ Рамезеса. Завоеватель, побѣдивъ древнихъ и упорныхъ враговъ, оставилъ въ Колхидѣ часть своего войска для утверженія новой власти. Его побѣды, его колоніи, и движеніе, данное имъ народамъ южнымъ на сѣверъ и сѣверо-западъ, разрушили навсегда власть Вановъ на юго-восточной оконечности Евксина. Они уже болѣе не возставали въ прежней силѣ. Два вѣка послѣ него погибла великая ихъ колонія, Троя, и всѣ поселенія по берегамъ Эгейскаго моря. Память объ нихъ исчезла, и только имена Хвалисовъ (Халибсъ), Гунна и Сака въ земляхъ Понтійскихъ остались какъ живыя свидѣтельства прежняго забытаго владычества.

Эпоха Рамезеса-Сезостриса, время чудн го цвѣтенія и блеска для державы Принильской, время ея зодческой поэзіи, не могла быть продолжительною. Другія силы властвовали въ мірѣ и мгновенное напряженіе Кушитскаго государства не долго могло оспаривать побѣду у Иранскаго начала.

Истинная побѣда Куша была въ искаженіи Ирана не смотря на торжество вещественное. Страна между Средиземнымъ моремъ и Евфратомъ свергла власть Египта; колоніи сѣверныя были отрѣзаны отъ отечества, и при пятомъ преемникѣ Сезостриса сѣверо-восточный народъ, кажется, снова вторгся въ Нильскую долину. Рамезесъ-Меямунъ, основатель 19-й династіи (хотя прямой потомокъ Рамезеса III), сперва принужденный искать убѣжища на югѣ, потомъ возмужавшій въ древней колыбели Египетской силы, изгналъ пришельцевъ. Достойный преемникъ великаго предка, съ которымъ его смѣшивало преданіе, онъ уже не довольствовался торжествами на сушѣ. Быть можетъ, отпоръ народовъ сѣверныхъ положилъ преграды его завоеваніямъ; быть можетъ, видя усиленіе Финикіи, онъ почувствовалъ важность владычества надъ морями. Какъ бы то ни было, изъ сказаній и отчасти изъ памятниковъ, кажется, видно, что главныя его предпріятія были обращены противъ странъ приморскихъ. Въ рассказѣ Тацита, въ которомъ едва ли не смѣшаны Сезострисъ и Меямунъ, приписывается Рамезесу покореніе обо-

ихъ береговъ Малой Азіи, т. е. сѣвернаго и южнаго, также и Ливіи. Власть надъ Средиземнымъ моремъ и униженіе Финикій, кажется, не удовлетворили еще его властолюбія. Гроза его оружія достигла до дальнихъ береговъ Индустана, нѣкогда дружественнаго Египту, но враждебнаго ему послѣ завоеванія Вишнуитами. Покореніе Индустана было невозможно; владѣніе побережьемъ Средиземнаго моря было не продолжительно. Внутреннія безпокойства потребовали возвращенія Меямуна въ отечество. Преемники его утратили всѣ области, покоренныя имъ; но отъ его царствованія остались глубокіе слѣды на сѣверѣ. По крайней мѣрѣ, сказаніе о переселеніи Даная въ Пелопоннезъ совпадаетъ съ эпохою Меямуна и основаніе колоній въ Элладѣ Египтянами, посланными Рамезесомъ IV или бѣжавшими отъ него по морскимъ путямъ, которые онъ открылъ Египту, весьма вѣроятно.

Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ заключать, что Данай представляетъ древнѣйшую колонію, переселившуюся съ береговъ Нила въ страну Пелазговъ. Очевидно, основаніе Фивъ и даже переселеніе Кекропеа гораздо древнѣе и относится къ эпохѣ, забытой самими Египтянами.

Не долговѣчно было величіе Фивской державы. Усиленіе другихъ племенъ стѣснило ее съ востока. Финикія снова овладѣла моремъ, своимъ давнишнимъ достояніемъ, которое было въ послѣдствіи похищено у нея Элладою и Римомъ. Египетъ началъ склоняться къ паденію. Цари, начальники касты военной, были принуждены уступить престолъ жрецамъ, соединившимъ въ себѣ власть свѣтскую и духовную. Восшествіе на престолъ 22-й династіи и побѣды Шешонка, овладѣвшаго Іерусалимомъ около 950 лѣтъ до Р. Х. (по согласному показанію писанія Израильскаго и памятниковъ Египетскихъ), перенесеніе столицы на сѣверъ въ Таисъ, Саисъ или Себеннитъ, стараніе соединить въ одномъ родѣ первосвященство и царскій вѣнецъ, ничто не могло воскресить силы дряхлѣющаго государства. Народы южные ополчились на своихъ побѣдителей, и Эѳіопія, нѣкогда дав

Паденіе
Египет-
ской дер-
жавы.
Разложе-
ніе Еги-
петской
религіи.

ница Египта, въ свою очередь завоевала его. Первый изъ Фараоновъ Эіюпскихъ, *Сабакоу* и сынъ его *Севъ* или *Северкотеу*, которыхъ имена явно связаны съ священнымъ именемъ Кушитскаго божества (*Шеба* или *Шева*), и внукъ Сабакона *Тахраха*, союзникъ святаго царя Эзекіа противъ Ассирійскаго *Саннахериба*, царствовали со славою. Скромность надписей, оставленныхъ ими на памятникахъ, священный санъ ихъ и человеколюбіе, доказанное отмѣною смертной казни, даютъ намъ темное понятіе о правахъ страны, которой лѣтописи исчезли. Это указаніе совершенно согласно съ прозвищемъ праведныхъ, неразъ даннымъ жителямъ Эіюпіи. Вдали отъ враждебнаго столкновенія съ Ираномъ, родина Кушитовъ оставалась безсильною и неплодотворенною духомъ, но нежесточенною и вѣрною кроткому началу человечества.

Въ позднѣйшіе вѣка борьба съ Аравіей, съ народами внутренней Африки и съ Римомъ придава свирѣпость правамъ, но не пробудила энергіи. Тогда уже наступило время сѣвернаго владычества и торжества Иранскихъ семей.

Гиксосы завоеватели были прокляты: Сабаконъ и его преемники упоминаются съ похвалою. Такова сила племеннаго и духовнаго родства.

Начало 26-ой Саитской династіи замѣчательно по имени перваго Фараона *Стефинатисъ*. Звукъ этотъ такъ живо напоминаетъ Грецію, что вниманіе останавливается на немъ невольно. Такое сходство могло быть совершенно случайнымъ, но исторія династіи доказываетъ противное. Одинъ изъ первыхъ преемниковъ Стефината, *Псамметихъ*, призываетъ Эллиновъ Іонійцевъ, даетъ имъ земли, плату, права и для нихъ утѣсняетъ своихъ подданныхъ, наследственную касту воиновъ, которая отчасти оставляетъ отечество и удаляется къ истокамъ Нила. Предслѣдній царь той же династіи, *Амазисъ*, отдаетъ Грекамъ городъ Навкратисъ, позволяетъ строевіе Эллиніума и самъ вноситъ огромный

вкладъ тысячи талантовъ въ храмъ Аполлона Дельфійскаго. Умиравшій Египетъ отказывается отъ своей народности: онъ чувствуетъ, что время его миновалось. Греція, будущая его владѣтельница, уже внесла свои художественныя начала, свои торговыя стихіи и свое челоѡкообразіе религиозное въ землю Сезостриса Великаго. То, что сдѣлано Псамметихомъ въ большомъ видѣ и съ государственнымъ расчетомъ, началось вѣроятно прежде него безъ расчета и безъ цѣли, отъ силы самыхъ обстоятельствъ. Египетъ давно уже радушно принималъ Грецію съ ея сказками, съ ея веселымъ бытомъ и военною предприимчивостію. Имя Фараона Стефинатисъ едва ли не носитъ на себѣ характеръ эленизаціи самой жизни въ Египтѣ и особенно въ его сѣверныхъ областяхъ.

Вѣроятно уже слава Эллинскаго мужества на сушѣ и на морѣ была велика, вѣроятно оно испытано было Египтянами, также какъ оно было извѣстно Ассирійцамъ, и Псамметихъ надѣялся имѣть въ нихъ не только храбрыхъ наемниковъ, но и надежныхъ союзниковъ противъ враждебныхъ Финикіянъ. Расчетъ казался вѣрнымъ; но введеніе чуждой стихіи ускорило внутреннее дряхлѣніе государства, а надежда на наемныя войска убила всю воинственность народа. Побѣда Нехао надъ царемъ Іудейскимъ, взятіе Іерусалима, завоеваніе Кипра, морскія торжества Априеса надъ Финикією, блаженство Египта при Амазисѣ, ничто не могло спасти умирающую державу. Вавилонъ нанесъ ей предсмертный ударъ въ пораженіи Нехао Навуходонэсоромъ на берегахъ Евфрата; дикая сила Персіи, развившаяся внезапно изъ самыхъ нѣдръ Ирана, сокрушила навсегда Кушитское царство въ концѣ VI столѣтія до Р. Х. Египетъ палъ и болѣе не возставалъ. Рабъ закона вещественнаго, поклонникъ вещественной мудрости, угадавъ издревле многія тайны ея, онъ передъ своимъ окончательнымъ паденіемъ еще разъ блистательною услугою наукъ показалъ, какъ многое могло быть извѣстнымъ, что впоследствии было забыто и воскрешено развѣ черезъ тысячелѣтія. Корабли, посланные Фараономъ

Нехао, обогнули мысь Доброй Надежды и протекли путь, котораго вторичное открытіе увѣнчало вѣчной славой Васко-де-Гама и предпріимчивость королей Португальскихъ.

Лагиды-Эллины и Аравитяне-Фатимиды и Кавказскіе Мамелюки много другихъ основывали впоследствіи самостоятельныя царства въ Египтѣ: но это была только земля Египетская, а царствовали постоянно племя Иранское и Иранская мысль.

Послѣдняя эпоха религіозной исторіи Египетской есть безспорно эпоха сивкретизма; но его зародыши принадлежали глубокой древности, вѣкамъ предшествовавшимъ нашествію или владычеству Гиксосовъ. Самое это владычество было приготовлено радушнымъ приемомъ чуждыхъ стихій въ Египтѣ и основаніемъ на берегахъ Нила, особенно около приморья, колоній Азіятскихъ. По крайней мѣрѣ, сказаніе объ Гиксосахъ даетъ скорѣе понятіе о завладѣніи, чѣмъ о завоеваніи. Во всякомъ случаѣ, можно считать слѣдующія положенія неопровержимыми: что Гиксосы были близки къ семьѣ Эвера по племенному и духовному началу, что они были поклонниками Тифона, т. е. Иранскаго божества, но что это поклоненіе уже было искажено борьбою съ Кушитами и приняло характеръ кровожадности, также какъ во всей Палестинѣ, Финикіи и Сиріи; наконецъ, что это поклоненіе не осталось безъ вліянія на Египеть.

Это доказывается тѣмъ, что три свѣчи продолжали горѣть въ честь Тифона, даже послѣ победы Оливской династіи, вмѣсто трехъ человекъ, ежедневно приносимыхъ въ жертву ему Гиксосами.

Иранское божество было признано какъ враждебное. Оно, какъ свободно-духовное, презирающее жизнь вещественную, было въ прямомъ противорѣчій съ божествомъ Кушитскимъ, соединяющимъ въ себѣ идею жизни и органической полярности. Разница воззрѣнія философскаго и религіознаго, вслѣдствіе вражды племенъ, приняла, какъ уже сказано, харак-

теръ вражды между богами. Введеніе Тифона въ кругъ мифологіи Кушитской измѣнило ея общій смыслъ. Первоначальное божество, олицетворенное понятіе о міровой стройности, не имѣло никакого нравственнаго значенія. Въ немъ содержалась возможность добра и зла случайнаго (феноменальнаго). Шива Индустанскій сохранилъ этотъ характеръ; но въ Египтѣ онъ распался отъ соприкосновенія съ Ираномъ на два проявленія, независимыя другъ отъ друга, на добраго Озириса и злаго Тифона, на живителя и убійцу. Какъ скоро такое раздѣленіе было принято, духъ, враждующій противъ вещества и жизни, утратилъ свой нравственно-духовный смыслъ и сдѣлался представителемъ зла вообще. Вещественный богъ, покровитель жизни, принявъ въ себя характеръ нравственной благодати.

Такое послѣдствіе было необходимо, какъ скоро духъ являлся врагомъ вещества вообще, а не вещества, вѣдь оно было духовно; а мысль Иранская, переходя въ область Кушитскую, не могла сохранить своего высокаго, первоначальнаго смысла о грѣхопадѣніи и возмущеніи жизни міровой противъ творческой воли и нравственнаго закона.

Введеніе нравственнаго начала въ ученіе Кушитское уже было не только зародышемъ синкретизма, но полнымъ синкретизмомъ, требующимъ дальнѣйшаго развитія. Иранскія религіи точно также приняли въ себя начало Кушитское и раздѣлили божество на органическіе полюсы. Таково начало челоукообразія въ вѣрѣ сказочнаго неба Вендовъ и Эллиновъ, Вишнуизма Индустанскаго и другихъ. Не оставалось, по видимому ни Иранскаго ни Кушитскаго ученія, хотя по общему направленію религіи, по характеру молитвъ, по большому или меньшему развитію слова и другимъ признакамъ можно было опредѣлить во всякомъ отдѣльномъ народѣ, какое именно было его первоначальное вѣрованіе. Бой казался равнымъ и оба ученія примирялись въ какой-то средней, духовно-вещественной системѣ; но дѣйствительно торжество-

вало ученіе Кушитское. Иранское, основанное на преданіи, на поклоненіи свободной волѣ и творческому духу, не могло принимать въ себя никакихъ стихій чуждыхъ, не искажаясь въполнѣ, не могло подчиниться ни произволу страстей и воображенія, ни строгому закону логическаго развитія, отпавляющагося отъ аналогіи съ видимымъ міромъ, не теряя мгновенно всего своего значенія. Ученіе Кушитское могло принимать въ себя всё начала, ибо опѣ всё покорялись одному первоначальному, — необходимости, всё основывались на томъ же, на чемъ и первобытное Кушитство, — на произволѣ страсти и развитія логическомъ. Всякій шагъ въ исторіи человѣчества былъ дѣйствительно шагомъ къ торжеству начала Южнаго, принятаго племенемъ Хамидовъ, и видимое торжество племени Иранскаго оставалось постоянно безплоднымъ.

Ученіе Кушитовъ не было въ прямомъ смыслѣ нравственнымъ; но нравственность человѣческая сохраняла свои права, спасаясь въ темномъ понятіи о гармоніи всемірной. Примѣсь Иранства къ нему не очистила, не улучшила его, не дала добру твердой основы, которой въ немъ недоставало; но она по крайней мѣрѣ отдѣлила съ большею рѣзкостью міръ добра отъ міра зла въ ихъ видимомъ проявленіи, т. е. въ отношеніи людей другъ къ другу. Быть можетъ, она удерживала стремленіе человѣчества къ конечному своему искаженію; но, съ другой стороны, она лишала религію, т. е. высшую сферу человѣческой мысли, всякаго опредѣлительнаго начала. Она удаляла равно и строгость логическую и чистоту духовнаго созерцанія и замѣняла ихъ грубымъ произволомъ воображенія. Такъ Египетъ мало-по-малу втягивалъ въ себя стихію сказочнаго человѣкообразія, и эпоха до Персидскаго нашествія носила на себѣ характеръ Эллиевскій, не смотря на то, что смѣшеніе съ Элливами было еще ничтожно.

Въ смыслѣ нравственномъ, чистое Кушитство выше религійъ человѣкообразныхъ. Оно носитъ въ себѣ, высказанное или невысказанное,

начало Буддизма. Пусть міръ управляется математическими законами необходимости. Что мнѣ до него? Я становлюсь противъ міра съ гордымъ сознаниемъ своей духовной свободы и храню ее, и презираю рабствующій міръ и радуюсь своему самоуничтоженію, избавляющему меня отъ оковъ міра, или въ стройности міровой вижу бессознательное подражаніе стройности моей самосознающей воли. Въ религіяхъ челоѣкообразныхъ божество, міръ и челоѣкъ, лишены всякаго закона и преданы своему произволу, утрачиваютъ все свое достоинство; и нравственный законъ унижается до бессмысленнаго произвола. Челоѣкъ лишается той гордости, которая ставила его выше боговъ. За всѣмъ тѣмъ это паденіе неизбежно. Человѣчество не можетъ довольствоваться голымъ философскимъ закономъ: ибо самый этотъ законъ, возведенный до своего источника, исчезаетъ опять въ положеніи произвольномъ о необходимости и въ вопросѣ: что такое необходимость въ самосущемъ? Необходимость имѣетъ дѣйствительно смыслъ отрицательный, и, какъ весьма справедливо сказалъ Гегель, содержитъ въ себѣ необходимость самоотрицанія. Оттого-то никакой синкретизмъ не могъ изъ себя возсоздать чистаго религіознаго начала. Логика не допускаетъ возврата къ ученію необходимости; а возвратъ къ поклоненію творческой свободѣ еще невозможенъ. Оно требуетъ вѣры, а вѣра требуетъ преданія.

Впрочемъ, нельзя предполагать въ синкретизмъ Египта полнаго тождества съ Греческимъ, не только въ подробностяхъ, но и въ общемъ объемѣ. Для народа религія была вещественнѣе и грубѣе, для высшихъ классовъ она была гораздо выше и разумнѣе. Память о символизмѣ и отвлеченныхъ значеніяхъ символовъ не совсѣмъ утратилась; но она затемнилась, и въ этомъ отношеніи вѣкъ Амазиса столько же ниже Рамезеса, сколько вѣкъ Рамезеса былъ ниже эпохи до-Гиксосской. Ко времени нашествія Персіянъ все было перемѣшано: символъ, обратившійся въ фетиша, сказка, вошедшая въ религіозный мифъ, полярность Кушитская, духовность Иранская, челоѣкообразіе, система эманаций, древнее поклоненіе змѣѣ, и привитая вражда противъ змѣи.

Изобрѣтеніе змѣи *Апофиса*, съ которой борются боги и человѣки, есть самое явное доказательство синкритизма и его древности въ Египтѣ.

Египетъ потерялъ вѣру въ своихъ боговъ и въ себя. Онъ кланялся Аполлону и нанималъ Эллинскую дружину. Но за всѣмъ тѣмъ, онъ никогда не могъ истинно ни усвоить чужаго начала, ни утратить вполне свой коренной характеръ. Замѣчательно то, что соединеніе власти жреческой съ царскою произошло во время упадка религіознаго. Жрецы стали помогать престолу тогда только, когда они перестали уважать свой санъ и безусловно вѣрить въ свою мудрость. Внутреннее паденіе духовное совершилось прежде паденія государственнаго; но изъ Египта еще послѣ его поработенія вышло много началъ мысла, много высокихъ духовныхъ явленій, которыя остались незабвенными для человѣчества съ трудомъ высвободившагося отъ ихъ вліянія. Таковы многія изъ эманационныхъ системъ, весь гностицизмъ, рядъ эоновъ, замѣнившихъ лѣстницу тріадъ, пераллелизмъ бога и его силъ неоплатонизмъ.

Противоположеніе божественнаго начала и мудрости явно связано съ двойственностью Шивы и его женской эманации, Озириса и Изиды и пр. Это тѣ же силы, — дѣйствующая и воспринимаящая, которыхъ сочетаніе создаетъ міръ: но философія дала другія названія и другіе образы мыслямъ, нѣкогда облеченнымъ въ простые вещественные символы. Знаніе же дѣйствительно не подвинулось ни на шагъ и подвигнуться не могло, покуда оно ставило міръ въ необходимомъ отношеніи къ Богу, т. е. дѣлала его необходимою для Бога. Нѣмецкая философія въ нашъ вѣкъ часто впадаетъ въ ту же ложную систему.

Финикія. Съ сѣвера примыкала къ Египту по прибрежью Средиземнаго моря другая страна, которой внутренняя исторія до Религіозный ха- вольно ничтожна, но которой вліяніе на судьбу народовъ Фивикія. неисчислимо. Это Финикія: Составъ ея, какъ уже сказано, былъ двойкій: изъ Иранскаго начала, не чуждаго Прикавказ-

ской Иверіи, и Кушитскаго. Смѣшеніе стихій составило собственно Финикійскую характеристику. Униженіе Египта во время порабоженія Гиксосами, преобладаніе Сѣвера и торговая дѣятельность Вану-Ассирійскаго царства способствовали къ распространенію торговой жизни Финикійскаго поморья. Завоеваніе Индустана Сѣвернымъ народомъ и вообще усиленіе Ирана дало Тиру большее значеніе чѣмъ Сидону. Впрочемъ торговля Египта по Индійскому океану должна была естественно перейти въ руки Финикіянь, какъ скоро дружественныя сношенія Индіи съ Африкою были прекращены нашествіемъ Вишвуптовъ на Деканъ. Дѣйствительно, около конца втораго тысячелѣтія, Тиръ и Сидонъ овладѣли южною торговлею съ Офиромъ, точно также какъ и торговлею Средиземною. Побѣды Рамезеса III и временное усиленіе Египта при 18-ой династіи перервали не на долго постоянное усиленіе Финикійцевъ. Морскіе походы Меямуна должны были нанести имъ ударъ гораздо сильнѣйшій, но Египетъ не долго владѣлъ морями. Флоты вооруженные ничтожны безъ торговли, а торговья связи, основанныя союзомъ Финикійскимъ, никогда не могли перейти насиліемъ въ руки Фараоновъ. Для этого нужно было преданіе о старомъ родствѣ или старая привычка, или наконецъ колонія. Всего этого не было у Египтянь и поэтому временное торжество Меямуна не оставило за собою глубокихъ слѣдовъ. Прекращеніе или уменьшеніе торговли Ванскаго племени, изгнаннаго изъ Ассиріи и разрѣзаннаго нашествіемъ Кельто-Кумрійцевъ въ междурѣчье Волги и Дона, должно было еще увеличить значеніе Финикіи, и наконецъ основаніе великой царственной колоніи на сѣверныхъ берегахъ Африки означило полное цвѣтеніе древней морской державы. Картегенъ, будущій соперникъ Рима, перенесъ къ предѣламъ Ливіи вѣру, обычаи и весь бытъ Тира. Скоро поравнялся онъ богатствомъ съ своею родиною и превзошелъ ее государственными силами. Въ религію и духовное развитіе человѣка не принесъ онъ ничего новаго, въ просвѣщеніи и наукѣ остался едва ли не ниже Сирійскаго поморья. Впрочемъ онъ уко-

ренелъ въ племенахъ, его окружающихъ, всю кровожадность и развратъ, принесенные имъ изъ юго-западной Азіи, и долго еще послѣ его паденія желѣзная воля Рима не могла отиѣнить человѣческихъ жертвоприношеній на развалинахъ Карфагена. Вліяніе Сирійскаго богопоклоненія съ его свѣрными обрядами распространилось далеко по западу Европы, и едва ли не ему обязана была Галлія ужаснымъ служеніемъ Тевтатесу, которое не отзывается ни въ одномъ изъ сѣверныхъ Кельтскихъ племенъ. Вообще много великихъ явленіе предприимчивости и силы духа ознаменовали дѣятельность Финикійцевъ, но ни одно отрадное и человѣческое воспоминаніе не связано съ лѣтописью ихъ 10-ти-вѣковой славы. Тайны ихъ знанія погибли съ ними; ихъ смѣлая торговля не бросила никуда благихъ сѣменъ любви и просвѣщенія, и земли, посѣщенныя ими, остались такими же безплодными, какъ волны океановъ, которыя они бороздили отъ самыхъ береговъ Индіи до зеленого Эрина и вѣроятно до самой Америки.

По крайней мѣрѣ, нельзя не замѣтить на памятникахъ новаго матерюка много изображеній, напоминающихъ Семитическіе очерки, и въ мифахъ объ островахъ на озерѣ Мексиканскомъ разительнаго сходства съ мифомъ объ островѣ, на которомъ основанъ Тиръ.

Величайшее развитіе Финикійскаго мореплаванія относится къ концу втораго и къ первой половинѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х. Въ это время вѣроятно возникли хвастливыя сказанія о побѣдахъ Посейдона Беритскаго надъ Зевсомъ Тамирасомъ, отцемъ Мелькарта (или Мелехъ-Карела), очевидно ботомъ Сѣвернымъ, и Діонизосомъ, богомъ Аравіи и Юга вообще. Въ это время основана большая часть великихъ колоній, и Тиръ, всегда сохранявшій память о сѣверномъ своемъ происхожденіи въ противоположность южному Сидону, далъ Карфагену имя, котораго первая половина содержитъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, прозвище Иберскаго бога (Карталинскій).

Писатели, принадлежащіе къ глубокой древности, но жители Африки и пользовавшіеся мѣстными свѣдѣніями, переводятъ имя *Карваго* весью Сатурна. Критики полагали найти слово весь или городъ въ первомъ слогѣ. Какіе бы ни были на это этимологическіе доводы, аналогія со всѣми другими подобными именами заставляетъ искать имя Сатурна въ первомъ, а слово весь во второмъ слогѣ. Что же касается до тождества *Сатурна*, *Геракла*, *Тифона* съ общимъ древнимъ богомъ Иранскимъ, оно уже показано, и слѣдуетъ замѣтить, что *Мелехъ*—*Картль* или *Мелькартъ* или сокращенно *Картль* соответствуетъ имъ вполне.

Но уже въ первой половинѣ 2-го тысячелѣтія явились на средиземныхъ водахъ соперники, которые должны были сперва похитить у Финикіи все морское единодержавіе, а потомъ уничтожить ея самобытное существованіе. Эллины (и особенно ихъ Эолійская вѣтвь) раскинули свои колоніи по всѣмъ островамъ около Греціи и Италіи и доходили до самой Испаніи. Тирренцы-Этруски въ то же время стѣснили торговлю Финикіи съ сѣвера. Послѣ долгой кровавой и безуспѣшной борьбы Финикіяне отказались отъ большей половины Средиземнаго моря и сохранили только владычество надъ его западными и южными берегами. Въ VII столѣтіи великій замыселъ Фараона Нехао, основанный вѣроятно на стародавнихъ преданіяхъ, исполненъ былъ пловцами Финикіи съ успѣхомъ невѣроятнымъ и съ безстрашіемъ, которое едва понятно для новѣйшихъ вѣковъ.

Три года безпрестаннаго плаванія прибережнаго черезъ зной экватора, черезъ вѣчныя бури мыса Доброй Надежды, безъ компаса, въ мелкихъ судахъ, по морямъ незнаемымъ, къ цѣли неизвѣстной и почти баснословной: нельзя повѣрить и смѣшно не вѣрить! Простодушное невѣріе Геродота тому, чтобы кто нибудь могъ видѣть солнце на сѣверѣ и обѣщаніе Сатаспеса Ксерксу повторить тоже самое путешествіе служатъ доказательствами неоспоримыми. Нехао могъ употреблять корабли Финикійскіе вѣроятно потому, что Тиръ видѣлъ въ немъ опору противъ грозы, возникающей для всей Палестины на берегахъ Евфрата. Но Египетъ не спасъ своихъ союзниковъ отъ меча Ассирійскаго

Плаваніе, совершенное по приказанію Фараона, принесло бы вѣроятно неисчетную пользу торговлѣ Финикійской и расширило бы издревле кругъ наукъ и сцену исторіи Европейской, но наступило время паденія для гордаго и свирѣпаго Тира, для роскошнаго и развратнаго Сидона, для всѣхъ городовъ Палестинскаго приморья, утопавшихъ въ золотѣ, владѣвшихъ всѣми морями, посылавшихъ во всѣ концы земли свои безстрашные паруса. Плаваніе около Африки было послѣднимъ, почти баснословнымъ, но совершенно бесплоднымъ проявленіемъ энергіи и упорства Финикіянъ. Кароагенъ въ этомъ отношеніи никогда не равнялся съ Тиромъ. Въ немъ государственное начало преобладало передъ торговымъ и личность частная была подавлена строгостью общественнаго устройства.

Нельзя опредѣлить, до какой степени завоевательныя шествія Рамезесовъ въ половинѣ 2-го тысячелѣтія подѣйствовали на исторію государствъ Сирійскихъ. Власть Египта была непродолжительна; но, по всей вѣроятности, ослабленіе Ассиріи и послѣдовавшее затѣмъ уничтоженіе силы Бактро-Скиевской на юго-восточной оконечности Эвксина должно было дать народамъ южнымъ перевѣсъ, которымъ они воспользовались для распространенія къ сѣверу. Не одна Египетская колонія поселилась въ Колхидѣ. Другія поселенія, пришедшія изъ земель, называемыхъ Семитическими, проникли въ Малую Азію и въ пригорья Арарата и Тавра. Трудно сказать, участвовали ли Финикіянне въ этомъ движеніи: но нѣтъ сомнѣнія, что мысли, возникшія въ области Сирійской и Палестинской отъ враждебнаго столкновенія и послѣдовавшаго за нимъ примиренія Ирана и Куша, должны были распространиться далеко на сѣверъ, по мѣрѣ какъ южная стихія преобладала надъ Симо-Яфетидами. Новое усиленіе Ассиріи въ первой половинѣ 1-го тысячелѣтія до Р. Х. отодвинуло опять къ югу границы Иранскаго племени, но недолжно забывать, что Ассирійцы сами, особенно южные, были уже племя мѣшаемое, и что религіозный ихъ характеръ былъ глубоко искаженъ. За всѣмъ тѣмъ, вражда Вавилона противъ идоловъ, святыхъ

лѣсовъ и символовъ Кушитскихъ (*Ашкера*) показываетъ, что Ассирія еще не утратила всѣхъ своихъ древнихъ началъ.

Вѣроятно многое, изъ того, что намъ извѣстно о Вавилонѣ въ позднѣйшія времена, принадлежитъ постоянно усиливающемуся движенію Кушитской мысли, просвѣщенія и даже письменности отъ запада къ востоку. Города были особенно подвержены этому вліянію по тому, что всякій условный и искусственный бытъ легко усваивается ими. Къ этому должно прибавить большее просвѣщеніе Юга въ смыслѣ знанія вещественнаго и бѣльшую его художественность.

Финикія не имѣла опредѣленнаго характера въ жизни духовной: ея религія была ничто иное, какъ грубый синкретизмъ изъ понятій Иранскаго и Африканскаго, искаженныхъ взаимнымъ ожесточеніемъ, соединенныхъ взаимными уступками. Она была отвратительнымъ бракомъ кровожаднаго Молоха Тирскаго и развратной Деркетю Аскалонской. Къ этимъ богамъ присоединились боги всѣхъ другихъ областей, гостепрѣмно помѣщенные въ Финикійскій пантеонъ, точно также какъ торговые гости принимались радушно въ Финикійскіе города, или поселенные въ храмы сильною рукою чужеземныхъ завоевателей.

Такова *Астартя*, богиня собственно сѣверная, богиня голубица (Семирамида, *Остара* или *Прія*).

Запутанность миѳологіи усиливалась еще множествомъ отдѣльныхъ областей, сперва поклонявшихся однимъ и тѣмъ же богамъ подъ разными названіями, потомъ забывшихъ тождество этихъ боговъ и занявшихъ взаимно другъ у друга свои кумиры и свои миѳы; наконецъ народы мореплавательные, вѣчно обращавшіе свои глаза къ путеводительнымъ звѣздамъ, придали астрономической сказкѣ, полученной съ сѣвера, значеніе чисто религіозное и ввели ее въ пестрое свое многобожіе. При такомъ ходѣ религіи и торговой односторонности жизни, Финикія не могла привести

богатыхъ вкладовъ въ духовное сокровище человѣчества, и вліяніе ея на позднѣйшіе вѣка отзывается только въ системахъ Гностиковъ, въ бредняхъ Кабалы и въ борьбѣ противъ христіанства: но даже и въ этихъ отношеніяхъ Финикіи принадлежитъ только весьма второстепенное мѣсто. Отъ Египта шелъ офитизмъ, двойственность и тріады; система эманационная и зоны шли отъ Ассирійскаго Вавилона. Смѣшеніе всѣхъ этихъ системъ происходило на Палестинскомъ приморіи. Не съ благодарностью, а съ грустнымъ чувствомъ униженнаго достоинства человѣческаго, обращается историческая критика къ древней Сиріи: ни одного свѣтлаго и утѣшительнаго воспоминанія; все свирѣпость и развратъ, все грязь и кровь.

Замѣчательно, что не смотря на всѣ измѣненія народныхъ судебъ, на приливы чуждыхъ племенъ и на новыя начала вѣрованія, даже при власти Рима, при христіанствѣ, при Аравитянахъ и при Средне-Азійскихъ завоевателяхъ Туркахъ, Сирія всегда отличалась передъ другими странами отвратительными суевѣріями и проявленіями безумныхъ и вещественныхъ страстей. Исторія ея сестъ, отъ поклоненія Мелькарта, Камоса и Деркетто до Изамазитовъ и Друзовъ, представляетъ рядъ ужасовъ, едва вообразимыхъ. Индія и Мексика передъ ними святы. Въ одной болѣе величія, глубокомыслія и духовности; въ другой кровожадность сопровождалась до нѣкоторой степени большею чистотою нравовъ. Сверхъ того ни въ той, ни въ другой не побывала ни полное просвѣщеніе науки, ни откровеніе любви христіанской.

Израиль. Его исторія въ эпоху судей и царей. И въ этой-то области, на зло всѣмъ расчетамъ и всѣмъ вѣроятностямъ, на зло всему ходу историческаго развитія, всѣмъ обычаямъ и вѣрѣ окружающихъ народовъ, и коренному искаженію нарѣчій и преданій, должно было проявиться во всей своей чистотѣ древнее Иранство, первобытное наслѣдство Симо-Яфетова племени, съ духовнымъ поклоненіемъ свободно творящему Духу, съ пренебреженіемъ къ веществу, съ враждою противъ символа змѣи и противъ всѣхъ ученій Хамитовъ и съ полнотою Мессіаническихъ обѣщаній.

Нераздѣльная еще семья Израиля (слѣдовательно имѣющая право называться *Израилемъ*), долго процвѣтавшая при Гиксосахъ, долго страдавшая при первыхъ Фараонахъ 18-ой династїи, вырвалась наконецъ изъ плѣна Египетскаго въ концѣ первой половины 2-го тысячелѣтія до Р. Х. и вѣроятно въ послѣдніе годы Рамезеса Великаго. Многочисленъ былъ домъ Іаковлевъ; цѣлыя толпы кліентовъ, приставшихъ къ нему во дни его благоденствія и совоплотившіяся съ нимъ по обычаямъ патриархальнымъ, сопровождали его въ бѣгствѣ. Великій путеводитель своихъ братій Моисей далъ имъ законъ и записалъ ихъ преданія, законъ живущій до нашего времени, преданіе уцѣлѣвшее въ продолженіе 35 вѣковъ.

Въ послѣдніе года глубоко-ученой и сухо-мелочной критики въ землѣ, представляющей высшее просвѣщеніе нашей эпохи, въ Германїи происходилъ любопытный споръ о древности Пятикнижія и особенно книги Бытія. Въ этомъ спорѣ, какъ и во всѣхъ современныхъ трудахъ многотрудящихся Нѣмцевъ, замѣчательно необычайно строгое изученіе всѣхъ вѣдшихъ примѣтъ и совершенная безчувственность ко всему внутреннему, чудная смѣсь врожденнаго остроумія и систематической тупости, тонкости и глубокомыслія въ филологическихъ изслѣдованіяхъ и ограниченности, которая не можетъ понять вліянія вѣковъ и потребностей народныхъ на рукописи древняго закона и священной исторїи. Такъ напр. критики не поняли, что введеніе весьма новаго оборота и новаго слова (халдаизмовъ въ отношеніи къ древне еврейскому) тѣмъ сбыточнѣе; чѣмъ рукопись древнѣе и труднѣе къ понятію, не поняли, что по корню дома Израилева, халдаизмъ могъ точно также быть остаткомъ самыхъ древнихъ формъ, вытѣсненныхъ позднѣйшимъ образцомъ, и снова воскресилъ въ позднѣйшихъ писателяхъ отъ новаго соприкосновенія съ Халдеею; наконецъ не умѣли отдѣлать явныхъ боковыхъ замѣтокъ (Randglossen) отъ самаго текста. Этихъ боковыхъ замѣтокъ можно бы привести десятка. Такова можетъ быть часть 6 стиха XII главы и 7 стиха XIII главы книги Бытія, хотя она можетъ объясниться въ томъ смыслѣ, что земля, въ которой поселился Авраамъ, была не пустынею, но уже населена потомками Хаана; таково безспорно замѣчаніе о древности Царей Эдомскихъ въ

сравненіи съ царями Израиля, таковъ 36 стихъ XVI гл. Исхода; таковъ 13 стихъ X главы Исуса Навина и множество другихъ. Но на этомъ ли должно останавливаться вниманіе критики? Сперва утвердили эпоху сочиненія Пятикнижія во время царя Іосія; потомъ одумавшись, отступили къ царствованію Соломона, потомъ, съ великою вѣроятностью раздѣливъ книгу Бытія на два текста, приписывали древнѣйшій пророку Самуилу, а послѣдующій, дополнительный пророку Навану. Съ другой стороны, защитники древности Пятикнижія всѣми силами стараются доказать, что книга Бытія писана однимъ человѣкомъ и бьются за это какъ будто отъ этого зависятъ жизнь ихъ спасеніе, между тѣмъ какъ имъ слѣдовало, низко поклонившись, благодарить своихъ противниковъ.

Между многими примѣтами, отличающими первый текстъ отъ его дополнителя, всѣхъ разительнѣе постоянное употребленіе въ первомъ имени *Элогимъ*, а во второмъ *Іегова*. Предположеніе одного изъ Германскихъ критиковъ, предположеніе, подтверждаемое текстомъ Исхода, объясняетъ эту разницу тѣмъ, что Элогимъ есть общее имя для Божества міросоздателя, а Іегова имя того же Божества въ его отношеніи къ дому Іакова, т. е. въ его Израильскомъ откровеніи. Должно было прибавить, что это второе имя сопряжено съ эпохою самосознанія народнаго: но ученому Германцу было не въ домекъ.

Мы уже говорили о внутреннемъ доказательствѣ древности книгъ Самуила. Онѣ не могли быть писаны ни въ царствѣ Израильскомъ, потому что содержатъ возвеличеніе дома Давидова, ни въ царствѣ Іуды, ни вообще послѣ Самуила, по выраженьямъ живой и младенческой любви къ Сауду. Большая часть этихъ книгъ очевидно принадлежитъ самому Самуилу, или самымъ первымъ годамъ послѣ его смерти. Между тѣмъ въ нихъ, во-первыхъ, есть явныя ссылки на Пятикнижіе; во-вторыхъ, уже не употребляется слово Элогимъ; слѣдовательно самый дополнительный текстъ въ книгѣ Бытія уже древнѣе Самуила и не моложе книги Судей, на которую ссылается Самуиль. Но человѣкъ съ разумомъ безпристрастно разсмотрѣвшій и понявшій эпоху Судей, эпоху страданій внутренней и внѣшней борьбы и безначалія, не можетъ даже предположить, чтобы въ продолженіе ея было написано Пятикнижіе съ его высоко-поэтическимъ и глубоко-спокойнымъ характеромъ. Не въ это время бурной и мелочной дѣятельности могъ явиться чудный законодатель и

бытописецъ, завѣщавшій вѣкамъ и міру свое неумирающее твореніе. Станьте противъ колосса, созданнаго Микель-Анджеломъ, спросите у этого грозно-безстрастнаго мрамора: онъ вамъ скажетъ; потомъ откройте Пятикнижіе.

Книги, носящія имя Моисея (за исключеніемъ незначительныхъ и явныхъ пополненій и боковыхъ отмѣтокъ, вошедшихъ въ текстъ), не могутъ принадлежать никакому времени, кромѣ времени Моисеева, никому кромѣ Моисея. Вся ихъ редакція заключена въ теченіи 10-лѣтняго пребыванія въ пустынь между Египтомъ и Палестиною. Этой великой эпохѣ, когда Израиль позналъ свое всемірное значеніе, этому герою духовной жизни человѣка, и имъ однимъ, можно присвоить самое выраженіе своего сознанія и своей силы. Богъ былъ *Элогимъ*: отнынѣ онъ *Иегова*.

Но дѣйствительно, книга Бытія обличаетъ двѣ редакціи. Последняя, какъ уже сказано, явно принадлежитъ Моисею. Первая древнѣе. Слѣдовательно она принадлежитъ еще эпохѣ благоденствія Израиля въ Египтѣ, т. е. эпохѣ Гиксосовъ; и неразумное (быть можетъ нѣсколько страстное) желаніе, съ которымъ отыскивали въ Пятикнижіи признаки сравнительной новости, довело только до необходимости приблизить его начало къ эпохѣ послѣдняго изъ прародителей. Наука сама себя очищаетъ отъ примѣси страстей и свѣтлѣетъ въ борьбѣ окончательнымъ торжествомъ истины. До-моисеевская древность Израильскаго преданія придаетъ ему еще высшее значеніе въ исторіи. Мы имѣемъ памятникъ, писанный въ XVIII-мъ или XIX-мъ вѣкѣ до Р. Хр.

Большая часть критиковъ нашего вѣка старались удалить изъ Библии все пророчества о Мессіи. Это вопросъ не богословскій, но историческій. Евреи издавна читали въ своемъ писаніи обѣтованіе будущаго торжества и будущаго царя-жреца-побѣдителя. Спорить о текстахъ дѣло богослововъ. Дѣло историка сказать: «Евреи правы. Въ Библии есть обѣтованіе Мессіи и есть потому, что не можетъ не быть: оно общее всему Ирану.»—Точно также и на мнѣніе ученаго Германца, что въ первомъ текстѣ не было преданія о грѣхопадѣніи, критика должна отвѣчать аргюги: «У Евреевъ было издревле понятіе о личномъ воплощеніи злаго начала: оно должно было явиться у нихъ мнѣомъ или сказаніемъ въ исторіи человечества и племени Еврейскаго; оно не могло не явиться». И дѣйствительно это доказывается 5-ю стихами (2, 3, 4, 5 и 6) третьей главы книги Бытія, которые изъ древняго до-моисеевскаго текста поступили въ дополнительный, моисеевскій.

Ясное понятіе о Библіи необходимо для уразумѣнія всей жизни народа Еврейскаго, изъ котораго такъ пышно и великолѣпно расцвѣла жизнь всего человѣчества до нашего времени.

Семьею немногочисленною вышелъ Израиль изъ Азіи: сильнымъ народомъ возвращается онъ въ нее. Простодушно просить онъ у другихъ народовъ свободнаго прохода на сѣверъ; но обстоятельства и условія жизни перемѣнились во время пребыванія Евреевъ въ Египтѣ. Всѣ пути преграждены и изгнанники осуждены на пребываніе въ безводной и бесплодной пустынѣ, подвергаются нападенію окружающихъ племенъ. Въ семьѣ, сохранившей даже въ Египтѣ чисто семейный бытъ, появилась необходимость семейно-гражданскаго устройства. Явились законы общественные, данные Моисеемъ. Сохраненіе народа въ его будущихъ владѣніяхъ отъ напора вѣшняго и раздора внутренняго зависѣло отъ крѣпости его внутренней духовной жизни. Въ буряхъ войны и общественной жизни долженъ былъ исчезнуть голосъ преданія: нужно было утвердить начало духовной жизни и отдѣлнить его рѣзко отъ всѣхъ другихъ. Нужно было дать преданію вещественную неизмѣнность. Появились законы духовные; данные Моисеемъ; появилось пополненіе краткаго преданія, записаннаго еще во времена Гиксосовъ. Первое содержало только катихизисъ духовной вѣры, высказанной въ формѣ исторической. Пополненіе заключило въ себѣ всѣ историческія воспоминанія, сохранившіяся въ народѣ, насколько они имѣли отношеніе къ судьбѣ избраннаго народа. Сорокалѣтнее странствованіе Израиля въ пустынѣ уже въ видѣ гражданскаго общества, но безъ прямыхъ заботъ государственныхъ, безъ упорной борьбы съ сосѣдними племенами, глазъ на глазъ съ духовнымъ началомъ своего преданія, подъ твердой охраной свсего законодателя, это странствованіе заключаетъ въ себѣ единственную возможность послѣдующей судьбы народа.

Отчищеніе или перегонка мѣровъ Палестинскихъ и другихъ въ пле-

мени Еврейскомъ, возведшемъ ихъ до вѣры чисто духовной, есть такая желѣпость, передъ которою здравый смыслъ ужасается. Объ ней спорить нельзя. Достаточно въ нее взглядѣться. Критикамъ спола-горя взять мнѣе и отыскивать въ немъ его первобытный смыслъ, потому изъ нѣсколькихъ мнѣевъ, подверженныхъ такой фильтровкѣ, составить цѣлую религію. Все это дѣло легкое: но приставить такую систему къ исторіи,—и разсмѣешься по неволѣ. Станьте мыслию въ Іудеѣ: оглянитесь на окрестные народы и въ этомъ кипѣніи религіи Сиро-Палестинскихъ поймите вдохновеніе Давида и пророковъ. Сохраненіе преданія болѣе или менѣе истиннаго возможно (и то не безъ жестокой борьбы) только при слѣдующихъ условіяхъ: что оно было принесено извнѣ; что оно было утверждено письменными памятниками; что оно было поручено охраненію одного рода или колѣна, или сословія. Одно только соединеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ можетъ объяснить Іудею. Критика здравая признаетъ поневолю преданіе Евреевъ преданіемъ не Палестинскимъ, а общимъ достояніемъ племени Иранскаго. Преданіе сохранилось въ одной, строго отдѣленной семьѣ пастуховъ, не смотря на то, что эта семья приняла нарѣчіе племенъ, ее окружающихъ, потому нужно ей было отдѣльное привольное житіе въ области рѣзко отдѣленной отъ нея по языку своему и быту; нужны были вѣка благоденствія, размножившія ее, потому вѣка страданія и глубокаго презрѣнія со стороны своихъ утѣснителей, нужно было воспитаніе пустыни и величественное лице законодателя Моисея. Иначе вся Іудея и вся ея лѣтопись и весь характеръ ея вѣры были бы несбыточною сказкою, явленіемъ невозможнымъ въ исторіи.

Такимъ образомъ, когда чистое Иранство исчезло съ лица земли отъ всемѣстнаго сліянія съ мнѣами Кушитовъ, когда только слабые остатки его кое какъ сохранились въ древней родинѣ своей, въ пригорьѣ Демавенда и въ отрогахъ горъ Парспстана, оно возникло во всей полнотѣ своего духовнаго ученія среди племенъ мѣшанныхъ, утратившихъ всѣ свои преданія, лишенныхъ всякаго правственнаго и религіознаго достоинства, наконецъ на самой границѣ земли, создавшей, воспитавшей и распространившей поклоненіе вещественной необходимости и символамъ ея органической полярности.

Продолжительна была борьба Израиля въ землѣ Хананской. Первые его завоеванія были быстры: но по большей части они ограничивались горными округами, въ которыхъ превосходство туземной конницы было бесполезно. Потомъ наступили времена угнетенія, за которыми слѣдовали новыя торжества, и владѣнія Евреевъ продолжали мало-по-малу распространяться, не смотря на многолѣтнія ихъ несчастія. Лѣтопись ихъ очень ясна въ общемъ смыслѣ, хотя подробности часто затрудняютъ критику. Народъ, связанный общимъ преданіемъ и узами единства духовнаго, но не сомкнувшійся въ формы государственныя, былъ безсиленъ или могущъ только въ слѣдствіе направленія его внутренней жизни. Отклонился ли онъ отъ преданія первоначальнаго и, сливаясь съ племенами сосѣдними, утрачивалъ начало своего общественнаго союза,—онъ поддавалъ власти другихъ племенъ. Являлся ли человекъ, могущій духомъ, волею и вѣрою въ духовное достояніе Израиля? Онъ собиралъ около себя всѣ лучшія стихіи народа и велъ его къ побѣдамъ и завоеваніямъ.

Безполезно бы было слѣдить за однообразною судьбою Евреевъ въ продолженіи пяти вѣковъ отъ великаго преемника Моисеева до временъ Самуила, за преобладаніемъ племенъ Хананейскихъ, Сирійскихъ и Аравійскихъ и за поочередными торжествами Барака, Гидеона, Толаха, Іефай, Самсона и другихъ судей Израиля. Во все это время нѣтъ ни малѣйшаго слѣда государственнаго единства: нѣтъ ни выборовъ народныхъ, ни началъ монархическихъ, ни аристократическаго устройства, ни преобладанія одного колѣна, ни даже видимаго богоправленія (еократіи). Вообще нѣтъ ничего условнаго или искусственнаго. Великій человекъ увлекаетъ за собою братьевъ своихъ и признается ихъ начальникомъ безъ всякихъ положительныхъ обрядовъ, безъ всякаго предварительнаго соглашенія. Кто бы ни былъ онъ, изъ какаго бы ни былъ колѣна, пастухъ, жрецъ, хлѣбопашецъ или даже женщина, признавшая въ себѣ призывъ свыше (какъ Дебора, пророчица Эраима), все равно. Жизнь народа про-

должается во всей безыскусственности обществъ первоначальныхъ, основываясь на простотѣ быта семейнаго и на упорствѣ преданій и стремленія духовнаго, сохранившихся отъ бѣгства Авраама изъ родины, въ которую уже вкрадывалось огнепоклонство или южное служеніе кумирамъ (по преданію Еврейскому и по свидѣтельству книги Исуса Навина, глава 24 ст. 2), до сосредоточенія всей власти судебной въ рукахъ предшественника Самуилова, т. е. въ теченіи 12-ти вѣковъ.

Удаленіе Авраама изъ нѣдръ отечества влѣдствие нашествія иноземной религіи и отторженіе его отъ всего рода своего, сохранившее въ его отдѣльной семьѣ чисто-Иранское начало: вотъ въ чемъ состоитъ его всемірно-историческое значеніе.

Легокъ былъ успѣхъ Евреевъ въ ихъ первыхъ войнахъ. Земля Ханаанская была раздѣлена между множествомъ отдѣльныхъ властителей, не соединенныхъ въ общую систему и безпрестанно враждующихъ другъ съ другомъ; ихъ разрозненные ополченія или временные союзы пали безъ большаго сопротивленія передъ дружнымъ натискомъ завоевателей. Труднѣе и опаснѣе была послѣдовавшая за тѣмъ борьба, когда оставшіяся племена, наученныя прежнимъ опытомъ, стали дѣйствовать совокупными силами, между тѣмъ какъ узлы единства духовнаго у Евреевъ уступали передъ постояннымъ искушеніемъ развратныхъ нравовъ и вещественныхъ религій. Память единства не исчезала вполнѣ, и при возстаніи смѣлаго вождя изъ одного колѣна, часто другія колѣна оскорблялись, если онъ не призывалъ ихъ къ общему ополченію (какъ ясно изъ сказанія о Гидеонѣ и другихъ); но съ другой стороны, послѣ паденія многихъ мелкихъ областей Ханаанскихъ, составился могущественный союзъ Филистимлянъ, противъ котораго едва устояла вся сила Израиля подъ предводительствомъ его лучшихъ вождей.

По мѣрѣ усиленія враговъ и необходимость единства становилась очевиднѣе. Въ этомъ отношеніи эпоха Іефая обо-

значаетъ уже переломъ въ правленіи Евреевъ. Судьи Иефай, Ибтсанъ, Элонъ и Хабдонъ слѣдуютъ одинъ за другимъ безъ промежутка. Послѣ смерти послѣдняго изъ нихъ новыя бѣдствія постигли поклонниковъ Іеговыи сорокалѣтнее подданство Филистимлянамъ было наказаніемъ за раздоръ двѣнадцати колѣнъ. Возстаніе Самсона содержитъ уже начало второй эпохи. Представитель народнаго единства долженъ носить характеръ духовный, ибо самое единство основано на духовномъ началѣ. Первый изъ судей Израилевыхъ посвященный Богу съ дѣтства—Самсонъ Назарей. Въ немъ уже проявляется необходимость соединенія духовнаго таинства съ властью государственною; и послѣ его смерти и непродолжительныхъ бѣдствій, Израиль возрастаетъ снова въ силу подъ сѣнью чистаго богоправленія. Время Гелія и Самуила выражаетъ въ Евреяхъ сознаніе особеннаго ихъ характера, сознаніе до тѣхъ поръ пребывавшее только въ избранныхъ и лучшихъ душахъ, но теперь сдѣлавшееся достояніемъ народнымъ.

Саянъ первосвященника по-видимому не былъ принадлежностью одного колѣна, точно также какъ и право быть вождемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ пророковъ и жрецовъ могли быть Левитами, хотя и считаются принадлежащими другому колѣну по мѣсту своего рожденія (ибо Левиты не имѣли отдѣльной области); но можно смѣло сказать, что по крайней мѣрѣ не всѣ жрецы и, можетъ быть, не всѣ первосвященники были изъ Левитовъ. Особенность же колѣна Левіева состояла въ томъ, что оно все было посвящено богослуженію преимущественно передъ другими, не исключая однако лицъ, которыхъ родители съ дѣтства опредѣляли на то же духовное поприще.

Преимущество Левитовъ передъ прочими выражается довольно часто и особенно въ сказаніи о Михѣ и переселеніи колѣна Данова.

Въ этомъ положеніи колѣна Левіева можно замѣтить сходство съ первоначальными Брахманами въ Индіи, которые

явно не исключали права другихъ сословій на должность жреческую. Построеніе храма и твердое устройство обрядности у Евреевъ въ послѣдствіи времени удалили всѣ прочія колѣна отъ алтарей Іеговы, точно также, какъ въ Индустанѣ усиленіе Брахмановъ позволило имъ унизить всѣ остальные касты и устранить ихъ отъ богослуженія. Впрочемъ сказаніе о преступленіи колѣноначальника Левитовъ доказываетъ, что некогда жрецы Еврейскіе не имѣли ни такого общественнаго значенія какъ Брахманы, ни исключительнаго храненія священныя книгъ.

Вѣроятно и Египетъ представлялъ въ этомъ отношеніи сходство съ Иудеею и древнимъ Индустаномъ, и люди рожденные не въ священной кастѣ могли быть посвящены въ ея таинства и права. Изъ памятниковъ кажется можно заключить, что цари пользовались нѣкоторыми степенями въ Іерархіи духовной, и едва ли это не имѣетъ сношенія съ разницею именъ между таблицами Манетона и надписями іероглифическими. Въ одномъ случаѣ употреблялось, можетъ быть, имя общенародное, въ другомъ священное. Этой разницы почти не замѣтно при царяхъ первосвященникахъ, имѣвшихъ по вѣроятности только одно имя. О двойственности же царскихъ названій можно заключить по многимъ примѣрамъ и особенно по свидѣтельству Манетона о *Рамезесъ-Меллунъ*, иначе *Севось*.

Израиль получалъ болѣе и болѣе сознаніе своего духовнаго значенія, и послѣ Назарея—Самсона судъ надъ колѣномъ Веньямина носить на себѣ характеръ чисто-религіозный, составляя переходъ къ послѣдовавшей еократіи. Наконецъ, пользуясь этимъ просвѣтлѣніемъ мысли народной, Самуиль возвысилъ Израиль и на долго положилъ основаніе его независимости; но познавъ вполне необходимость устройства общественнаго и постояннаго, не измѣняющагося единства, Евреи увлечены были вскорѣ соблазнительнымъ примѣромъ областей сосѣднихъ. Они сперва отказались отъ частной, неограниченной свободы въ пользу закона духовнаго. Выгоды единства заставили ихъ искать еще болѣе твердой опоры

для него, и вслѣдствіе этого убѣжденія Израиль замѣнилъ свободное повиновеніе мысли религіозной, выраженной въ жрецѣ-пророкѣ, принудительною силою условія государственнаго, выраженаго въ царѣ. Съ горестью уступилъ престарѣлый первосвященникъ первенство вождю-воину: но народъ, требовавшій царя, еще не отказался отъ прежней свободы избранія, и Сауль признанный многими, благословенный на державство Самуиломъ, долженъ былъ личнымъ мужествомъ и успѣхомъ въ войнѣ пріобрѣсти покорность своихъ подданныхъ. Это явленіе, напоминающее время воинственныхъ судей, уже болѣе не повторялось. Были крамолы, раздоры и похищеніе престола; но не являлось уже снова право, которое имѣлъ народъ требовать отъ вождя доказательства его личнаго превосходства предъ другими въ совѣтѣ и битвѣ. Царское званіе окружило лице царей таинственнымъ блескомъ, возвышающимъ его надъ судомъ общества, и цари Іуды и Израиля стали въ общую череду всѣхъ владыкъ Востока.

Сауль изъ колѣна Веньяминова продолжалъ дѣло освобожденія, начатое Самуиломъ. Полный силъ воинскихъ, но лишенный глубокаго чувства къ духовному призванію своего народа, онъ посягнулъ на права жрецовъ и возстановилъ противъ себя первосвященника и пророковъ. Бѣдствія, смерть и погибель всего рода были неизбежными послѣдствіями внутренняго разъединенія. Другой царь, другой родъ были призваны на престоль Израиля.

Красота Веньяминита, его удалство въ бояхъ, его побѣды, его бурныя страсти, отеческая любовь стараго пророка къ юному воину, святая дружба Ионаана къ счастливому сопернику, горе Самилла, передающаго противъ воли царское званіе потомку колѣна Іудова, самоубійство царя, утратившаго въ одинъ день всю славу свою, власть и цвѣтушую юность сыновей своихъ, и надгробная пѣснь Давида надъ своимъ гонителемъ, пѣснь исполненная высокой любви и восторга, все сливается въ чудно-трагическую поэму, дышащую всею истиною современности и находящую отголосокъ во всѣхъ вѣкахъ и въ душѣ всѣхъ художниковъ.

Колѣно Іуды не имѣло никакой власти надъ другими; но оно пользовалось очевиднымъ первенствомъ уже во времена судей и часто ополченіе его отдѣляется въ счисленіи общаго ополченія Израилева. Ефраимъ, его соперникъ по силѣ народа и пространству области, много разъ судившій своихъ братьевъ и управлявшій ихъ судьбою, не легко подчинился новому державному роду. Самуилъ Ефраимитъ не охотно помазалъ на царство Іудея Давида, и послѣ смерти Саула десять колѣнъ подъ очевиднымъ предводительствомъ Ефраима долго не покорялись новому царю. Скрытая вражда продолжалась при Давидѣ и его роскошномъ преемникѣ; но она уступала обаянію славы и могучей личности двухъ первыхъ Іудейскихъ царей. Многочисленный Іуда и почти исчезнувшій Веньяминъ одни только всею душою любили царя-пророка и родъ его: другіе покорялись, готовые къ возстанію.

Кромѣ зависти колѣна Ефраимова, вѣроятно дѣйствовало и потемнѣніе преданій Мозаическихъ во всѣхъ о колѣнахъ за исключеніемъ Іуды.

Безспорно, два царствованія Давида и Соломона представляютъ лучшую эпоху народа Израильскаго и въ ихъ личностяхъ заключается столько поэтическихъ стихій, что легко понять, какъ слава ихъ поразила живое воображеніе Аравитянь и распространилась по всему Востоку. Бѣлокурый отрокъ, сынъ Іессея, младшій въ домѣ отца, рабъ старшихъ братьевъ, пастухъ воспитанный въ нѣдрахъ пустыни, глазъ на глазъ съ вдохновительною природою и яснымъ небомъ Палестины, боець спасающій отечество и не умѣющій еще надѣтъ на себя оружіе война (Самуила кн. I гл. 17 ст. 39), пѣвецъ усмиряющій дикія страсти царя чудными звуками арфы, изгнанникъ, любящій своего гонителя и сына его любовью невыразимою (Самуила II гл. 1 ст. 26), царь, возвышающій народъ свой на такую степень величія, на какую онъ не восходилъ ни прежде ни послѣ, пророкъ, сосредоточивающій въ себѣ все глубокое сознаніе превосходства Израиля передъ народами міра, человекъ, соединяющій въ себѣ всѣ крайности нищеты и величія, пламенныхъ страстей и

смирннаго покаянія, дѣятельности общественной и поэтическаго созерцапія, наконецъ величайшій поэтъ всѣхъ вѣковъ по жару и глубокой искренности вдохновенія, — Давидъ есть одно изъ величайшихъ явленій въ исторіи всемірной. Болѣе царственный и великолѣпный, болѣе вещественно мудрый чѣмъ отецъ, но уступающій отцу въ смѣлости предпріятій, въ живой восторженности души, и въ значеніи историческомъ, Соломонъ готовитъ уже паденіе царства. Самое примиреніе древняго преданія Иранскаго съ художествомъ Куша, являющееся сначала какъ видимое торжество вѣры, уже скрываетъ въ себѣ сѣмена искаженія. Тѣсныя оковы мѣстности ложатся на всемірное преданіе. Не смотря на свое безспорное величіе, Соломонъ уступаетъ Давиду, какъ поэзія вещественнаго зодчества уступаетъ поэзіи духовнаго слова.

Въ обоихъ, Давидъ и Соломонъ, также какъ во всей лѣтописи Израіля, отъ Сноа и Сима до Авраама и Іакова, замѣтно какое-то предпочтеніе къ младшему въ родѣ. Довольно замѣчательна та же самая черта въ Русскихъ сказкахъ и въ сказаніяхъ Геродота о Скиолахъ, именно о младшемъ сынѣ Геракла *Скиоесъ* и о Колаксайсѣ и его старшихъ братьяхъ. По обычаю Славянскому отцовскій домъ принадлежитъ меньшому сыну. Не древняя ли черта первобытнаго Ирана, сохранившаяся у Израіля въ смыслѣ духовномъ, у Славянъ, по ихъ бытовому характеру, въ бытовомъ приложеніи?

Давидъ, какъ поэтъ, стоитъ выше всѣхъ по простотѣ и искренности: слова вырываются у него изъ-подъ самаго сердца. Его священныя пѣсни возможны были только въ томъ племени, которое никогда не утрачивало преданія и не подвергалось реформѣ. Иегова, — творецъ міра, также живо является передъ глазами пророка, какъ самый видимый міръ. Это созерцапіе прямое, непосредственное, это отсутствіе умышленія при высочайшей духовности представляетъ ручательство за безконечную древность самой религіи. Весь первобытный Иранъ сохранился въ домѣ Израіля; ученые критики, видящіе все, не видали разницы, явной для неуча, между лирою Евреевъ и поэтическими произведеніями Брахмановъ и другихъ народовъ. Пора одуматься. Страсти богословскія и философскія не должны потемнять исторіи.

Южная Сирія и богатый Дамаскъ платили дань дому Иакова. Идумея повиновалась ему до границъ Египта; Финикияне служили его торговлѣ и просили отъ него лѣсовъ для кораблестроительства. Караваны шли къ нему черезъ пустыню по новымъ путямъ, въ которыхъ росли новые города, суда плыли къ нему съ восточныхъ береговъ Африки и югозападныхъ оконечностей Европы (изъ Офира и Таршиша). Мѣдью, серебромъ и золотомъ, отнятыми у враговъ, блистала новосозданный храмъ Іеговы, чудо міра, великолѣпное созданіе поэтическаго Богопоклоненія; чудныя пѣсни восторженныхъ пророковъ придавали обрядамъ вѣры величіе, котораго не зналъ ни Кушъ, ни Иранъ, ни страны религіознаго синкретизма. Но все измѣнилось мгновенно съ кончиною преемника Давидова, вѣнчаннаго мудреца, слишкомъ довѣрявшаго своей мудрости, пресыщеннаго жизнью и упоеннаго своимъ величіемъ. Зависть десяти колѣнъ, уже зараженныхъ соблазномъ Сиро-Палестинскихъ религій, отторгнула ихъ отъ Ровоама и Мизраимъ (Египетъ), вѣроятно союзникъ Іеровоама, долго жившаго при дворѣ Фараоновъ, нахлынулъ на ослабшее царство; Шешонкъ перенесъ на берега Нила сокровища, собранныя Давидомъ и его преемникомъ для дома Господня.

Упадокъ
Израиля.
Эпоха
пророковъ.

Никогда уже не возставалъ Израиль. Имя это присвоили себѣ отдѣлившіяся колѣна, отпавшія отъ вѣры и обычаевъ предковъ своихъ. Царство Іерусалимское приняло имя своего колѣноначальника, сохраняя еще, въ упадкѣ своемъ, преданіе давноминувшей старины.

Въ послѣдній разъ видимъ мы въ названіи царства Іудейскаго проявленіе того закона, по которому Израиль, называя себя по имени Іакова, не смѣлъ называться ни Авраомомъ ни Исаакомъ, законъ объясняющій все лѣтосчисленіе книги Бытія.

Безполезно бы было слѣдить за упадкомъ и непрерывными бѣдствіями потомковъ Давида. Ихъ четырехвѣковая борьба и временные союзы съ преемниками Іеровоама, съ

Сирію, Египтомъ и грозными ополченіями Нинивіи и Вавилона, ихъ отступленія отъ закона отцевъ и возвратъ къ нему, вся ихъ мелкая судьба и безотрадная жизнь исчезаютъ въ исторіи всемірной. Царство Израіля, исчезнувшее безъ слѣда, заслуживаетъ еще менѣе вниманія.

Отъ него не уцѣлѣло ничего, и если плѣнные Израільтяне имѣли какое-нибудь вліяніе на развитіе синкретическихъ міоовъ на берегахъ Евфрата или далѣе, это вліяніе было вѣроятно также ничтожно, какъ ихъ собственный характеръ, и до сихъ поръ нигдѣ не подмѣчено.

При заслуженномъ паденіи царства Іудейскаго должно однакоже признать нѣкоторое улучшеніе въ нравахъ. Многоженство исчезаетъ или является какъ исключеніе, вражды семейныя и братоубійства становятся рѣже, лѣтопись перестаетъ упоминать о многихъ обычаяхъ свирѣпыхъ или отвратительно грубыхъ, которыми изобилуютъ времена судей, Самуила и даже Давида. Духовное ученіе продолжало дѣйствовать на жизнь народную, не смотря на безпрестанное колебаніе вѣры. Еще замѣчательнѣе умноженіе пророковъ и пророчествъ. Самое званіе пророка было слѣдствіемъ воли отдѣльныхъ лицъ, но въ то же время школы или разсадники пророческіе представляли какое-то устройство общественное, подчиненное извѣстнымъ законамъ. Пророки не принадлежали къ левитамъ, но находились съ ними въ связи. Взаимныя ихъ отношенія, по всей вѣроятности, были похожи на отношенія монаховъ къ бѣлому духовенству въ церквахъ VI и VII столѣтія. Размноженіе пророковъ въ Іудеѣ происходило отъ тѣхъ же причинъ, по которымъ отшельники размножались въ имперіи Византійской. Въ удаленіи отъ общества гражданскаго выражалось отчаяніе лучшихъ и избранныхъ душъ, бесполезно трудившихся надъ перерожденіемъ государства и признавшихъ наконецъ, что его обветшалыя, упрямая и мертвыя формы уже не способны принять въ себя духъ мысли животворящей. Въ этомъ отчаяніи, вредномъ для развитія общества и ускоряющемъ его

разрушеніе, находится свидѣтельство живыхъ силъ мысли, пребывающей въ немъ, и залогъ его будущаго возрожденія.

Послѣднее столѣтіе царства Давидова представляетъ жалкую картину предсмертнаго страданія. Финикійцы съ запада, средне-азійскіе Скиѣы (не Славяно), Сирійцы, и Ассирійцы съ сѣвера, Египетъ и кочевыя племена Аравіи съ юга безпрестанными погромами опустошали его поля, разрушали его города и не разъ врывались въ самую столицу. Наконецъ Фараонъ Нехао, побѣдивъ Іосію, взялъ и разграбилъ Іерусалимъ; его торжественное шествіе достигло береговъ Евфрата; Египетъ видѣлъ возвратъ своей древней славы: но не надолго. Гроза, давно уже поднимавшаяся на востокъ въ ожившемъ Вавилонѣ, разразилась надъ Египтомъ, надъ Сиріей и надъ Финикіей. Нехао побѣжденный бѣжитъ изъ Азіи, берега Нила опустошены Новуходносоромъ завоевателемъ; Сирія покрывается развалинами своихъ цвѣтущихъ городовъ, гордый Тиръ, царь морей, разрушенъ послѣ долгой и отчаянной борьбы, и царство Іуды, и его столица, и его храмы, и его народъ—все исчезаетъ безъ слѣдовъ передъ налетѣвшею бурей.

Такъ должна была погибнуть мелкая область, нѣкогда сильная единствомъ духа, но утратившая его вмѣстѣ съ обрядами и преданіями древности. Ассирія и особенно Вавилонъ вели войну не только политическую, но и религіозную. Съ ожесточеніемъ преслѣдовали они всякую вѣру чужую, но особенно идолослуженіе Финикійское и поклоненіе священнымъ рощамъ. Іерусалимъ, принявшій къ себѣ все безуміе сосѣднихъ областей, навлекъ на себя свою гибель столько же отступничествомъ отъ Мозаисма, сколько и неразумною политикою. Израиль палъ еще прежде Іуды, но, вполнѣ исказившійся, онъ уже не могъ отдѣлиться отъ своихъ побѣдителей. Іуда, не забывшій еще закона Моисеева, очистился и духовно окрѣпъ въ страданіяхъ семидесятилѣтняго плѣна. Когда, въ свою очередь, палъ Вавилонъ, древнѣйшее изъ всѣхъ царствъ, основанныхъ Кушитами въ землѣ Иранской, поклонникъ Іеговы отдѣлился отъ служителей Ваала и воз-

вратился въ свою родину съ обрядами, преданіями и законами своихъ предковъ, съ просвѣтлѣвшимъ разумомъ и очищенною душою. Не суждено было погибнуть первобытному Иранству, общему достоянію Симо-Яфетидовъ.

Не нужно повторять доказательства о современности лѣтописи Іудейской и происшествій рассказанныхъ въ ней. Безпрестанное повтореніе формы «и до нашего времени», и «до сихъ дней», о такихъ вещахъ которыя не могли существовать послѣ паденія Іерусалима, многія мелкія подробности, какъ напр. послѣдніе стихи 2 книги Царствъ и другіе, служатъ явнымъ доказательствомъ тому, что вся лѣтопись составлена изъ современныхъ источниковъ. Другое дѣло — редакція. Критика можетъ сомнѣваться въ ней не безъ причины: но это вопросъ весьма второстепенный и касающійся, какъ уже сказано, только лѣтописи царскихъ временъ, а не сказаній отъ книги Бытія до Самуила включительно.

Движенія народовъ на сѣверѣ: Киммеріи, Скифы, Сарматы — Ази. Западъ, т. е. Европа, отдѣлялась болѣе и болѣе отъ Востока. Паденіе Ванно-Ассирійской династіи, связанной единствомъ племени и сказаній религиозныхъ съ Индустаномъ и берегами Атлантическаго океана, возстаніе новой, болѣе мѣстной и враждебной всѣмъ другимъ племенамъ, династіи Халдео-Ассирійской, образованіе отдѣльных, разностихійныхъ государствъ въ Малой Азіи и усиленіе Эллинскаго дружиннаго общества перервали всѣ сношенія по путямъ южнымъ. Движеніе Кельто-Кумрійцевъ на сѣверъ въ междурѣчье Волги и Дона разрѣзало цѣпь Ванскихъ поселеній за Кавказомъ. Примикая къ глубокому сѣверу и къ пригорью Уральскому, Кимры приняли часть дикаго быта и примѣсь словесныхъ стихій отъ средне-азійскихъ Финно-Турокъ, давно уже обогнувшихъ съ сѣвера область Славянскую и населившихъ всю пустыню отъ Алтая до гранитныхъ утесовъ Скандинавской цѣпи. Удаленіе Кимвровъ за Кавказъ относится ко времени Ванно-Ассирійцевъ; изгнаніе ихъ изъ Приволжья современно паденію Халдео-Ассирійской династіи. Жительство ихъ въ степяхъ Приуральскихъ продолжалось около, если не болѣе, 10

столѣтій. Полчища ихъ прорывались иногда далеко на югъ чрезъ Кавказскія ущелія; колоніи вѣроятно раскинулись далеко на сѣверо-западъ къ берегамъ Балтики (Вендскаго *бланта*) и, можетъ быть, въ сѣверъ Германіи. Но къ концу VIII-го столѣтія до Р. Х. усилившіяся Средне-Азійскія племена съ береговъ Иртыша и Оби спустились къ Волжскимъ берегамъ и вытѣснили Кимвро-Кельтовъ изъ ихъ древнихъ жилищъ. Разгромленные, испуганные дикимъ налетомъ кочеваго народа, Кимвры бѣжали, иные по побережью Чернаго моря въ Малую Азію, гдѣ, послѣ разоренія многихъ городовъ, они погибли отъ соединеннаго напора туземцевъ, иные въ Крымъ, гдѣ они долго еще удерживались въ горахъ, тѣснимые Сармато-Аланами и Славяно-Гетами, иные на сѣверо-западъ въ Германію, въ Галлію и въ Британнію заморскую, гдѣ они основали постоянныя жилища. Въ Германіи разрѣзали они приморскія области Славянъ и Германцевъ и поселились въ Херсонесѣ Кимврскомъ, теперешнемъ Ютландѣ; въ Галліи они основали область Беолговъ (Белгію); въ Британіи утвердились подъ именемъ *Кумри*.

Кимверъ и *Ютунъ* или *Ютв* одно и тоже, какъ уже сказано. *Беолгъ*, по всемъ вѣроятностямъ и по преданіямъ значило *священный* отъ корня *беолъ* или *белъ*. Имя *Волга* (Итиль, Волга или Болга—святая рѣка) дано ей тѣмъ же племенемъ, которое самого себя называло святымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что большая часть сѣверныхъ и восточныхъ семей въ Россіи, также какъ и часть Прибалтійскихъ Эстовъ и Леттовъ состоитъ изъ смѣшенія стихій Кельто-Кумрійскихъ, Средне-Азійскихъ и отчасти Сарматскихъ (въ Черемисахъ и Морявѣ). *Кумри* и *Беолги* или *Фиръ-Болгъ* ворвались и въ Ирландію; но въ области уже болѣе образованной, чѣмъ остальные Кельты, и принявшей много началъ Финикійскихъ, Кумри-Беолги приняты были какъ враги и завоевали себѣ жилища мечемъ. Радужнѣе былъ пріемъ въ полу-пустынной Британніи и въ Галліи, гдѣ пришествіе Белговъ усилило Кельтовъ и помогло имъ мало-по-малу подвигаться къ Средиземному морю, уничтожать Венето-Лигурскія и небольшія Иверскія семьи и наконецъ составить громадную силу, долго угрожавшую всей южной Ев-

ропѣ за Пиренеями, Альпами и въ самой Элладѣ. Возрастаніе Кельтовъ очевидно совпадаетъ съ бѣгствомъ Кимвровъ изъ ихъ восточной области.

Кочевые Средне-Азійцы, завоеватели Приволжья прослыли Скиѣами у Эллиновъ и Иранцевъ по области, въ которой они поселились, ибо самая земля Кумрійцевъ считалась частью великой *Сако-Гетской* (Славянской) стороны. Достигнувъ Кавказа, они скоро прорвались черезъ его восточные скаты по побережью Каспія въ области Иранскія и понеслись на югъ неудержимымъ разрушительнымъ потокомъ. Передъ ними пали ополченія юнаго царства Мидійскаго; Нинивія и Вавилонъ едва спасаются несокрушимую крѣпостью своихъ стѣнъ; Сирія, Финикія, Іудея покрываются развалинами городовъ своихъ и трупами жителей; Египетъ, утраченный, высылаетъ своего фараона Псамметиха съ богатыми дарами на встрѣчу завоевателей и откупается отъ опустошительнаго набѣга. Это нашествіе совершенно похоже на налеты позднѣйшихъ ордъ Средней Азіи, на губительные походы Темуджина или Тимура. Цѣлыхъ двадцать восемь лѣтъ гостили дикари въ землѣ Иранской, сохраняя свои кочевые обычаи и беспощадно угнетая побѣжденныхъ, покуда они не погибли въ одинъ день отъ измѣны и всеобщаго возстанія Мидіи. Уже много столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ Европа и Азія знали имя и могущество Скиѣовъ: но не было ни прежде ни послѣ подобнаго явленія до тѣхъ поръ, покуда не возстали въ силѣ своей народы горной средне-Азійской твердыни. Очевидно, эти Скиѣы не имѣли съ истинными (*Сако-Гетами*) ничего общаго, кромѣ имени, даннаго имъ полу-ученымъ невѣжествомъ южныхъ народовъ.

Большая часть ополченія, прошедшаго черезъ Кавказъ, была уничтожена. Бѣглецы, избѣгнувшіе смерти и часть племени, оставшаяся на сѣверѣ, основали на нѣсколько вѣковъ свое кочевое жительство въ степяхъ Придонскихъ и на берегахъ Чернаго моря. Тутъ сражался съ ними Дарій; тутъ зналъ ихъ Геродотъ, знавшій также, что они не назывались никогда

Скиѳами, и въ то же время смѣшивавшій съ ними подъ однимъ общимъ названіемъ Вендовъ (Вудиновъ) и другія славянскія осѣдлыя семьи (которыхъ онъ называетъ съ большею справедливостью *Скиѳами землепашцами*), и вѣтви семей славянскихъ, принявшихъ, по обычаю племени, кочевой бытъ казаковъ для охраны своихъ мирныхъ и осѣдлыхъ братій; тутъ наконецъ погибли сѣверо-восточные пришельцы отъ дружнаго напора Сарматовъ съ востока и Гетовъ съ юго-запада.

Покуда Приволжье было областью Кимвровъ, выходцы изъ средняго Ирана, сыны горной области Мидійской, Азы или Сарматы (позже извѣстные подъ именемъ Алановъ) отодвинули Кельто-Иверцевъ на сѣверъ и въ ущелія Кавказа и основали свое жилище на его южномъ скатѣ. Долго старались они бесполезно прорваться чрезъ эту горную твердыню и не могли вполне одолѣть сопротивленія Кумрійцевъ. Кавказъ съ своими тѣсными долинами, перехваченными каменною стѣною, прославился въ сказаніяхъ Ирана подъ именемъ желѣзнаго пояса, отдѣляющаго людей отъ злыхъ великановъ. То же самое сказаніе перенесено было Азами въ Скандинавскій полуостровъ, и Эдда сохранила намъ имена двухъ враждебныхъ племенъ въ божественныхъ Азахъ (т. е. Иранцахъ) и Иотунахъ (т. е. Кимврахъ). Новопришлый кочевой народъ первымъ порывомъ своимъ могъ вытѣснить Кимвровъ и опустошить весь югозападъ Азіи: но онъ не имѣлъ той плотной и упорной крѣпости, которая необходима для продолжительной борьбы. Сарматы, не одолѣвши сопротивленія Кумрійцевъ, вскорѣ отодвинули ихъ побѣдителей и заняли берега Волги и Каспія. Можетъ быть, они уже и прежде прорвались въ степь съ восточнаго берега Каспія (изъ земли позднѣйшихъ Парѳявъ) или съ моря; быть можетъ они начали заселять устье Волги еще при Кумрійцахъ: но усилились они уже послѣ побѣды Средне-Азійскихъ Скиѳовъ. Сильнѣе и сильнѣе становился перевѣсъ Сармато-Алановъ, и когда послѣдніе Кумрійцы были принуждены бѣжать изъ Крыма, когда кочевое племя пришельцевъ погибло, когда остались соперниками только кроткія, но все непобѣжденные семьи Вановъ

Славянскихъ, тогда Аланы наполнили весь міръ славою своего оружія и прослыли первымъ изъ народовъ Сѣвера.

Имена Сарматскихъ вождей, ихъ вооруженіе и панцири на коняхъ—остатки языка Азовъ въ Осетіи и вся миеологія Азовъ въ Скандинавіи убѣдительно доказываютъ происхождение главной Сарматской семьи изъ Ирана. Ея вѣтви и народы, составившіеся изъ примѣся къ нему инокровныхъ стихій (какъ *Язъ-зиги*) и народы, принявшіе отъ него имя по тщеславію Аланъ, засвидѣтельствованному древними, весьма многочисленны и не были еще предметомъ дѣльныхъ монографій. Впрочемъ для исторіи достаточно понять движеніе великаго Средне-Иранскаго племени на сѣверъ. Оно началось около 8 вѣковъ до Р. Х. и продолжалось до I или II по Р. Х. Нѣтъ сомнѣнія, что враждебныя отношенія Кимвровъ, мнимыхъ Скивовъ и Сарматовъ къ племенамъ Вендскимъ должно было прекратить или по крайней мѣрѣ сильно ограничить торговлю восточныхъ Вановъ, Саковъ и Гетовъ, живущихъ на востокъ отъ Каспія и Волги, съ ихъ западными братьями. Такимъ образомъ разъединеніе Восточнаго Ирана и Европы произошло почти въ одно время отъ границъ Египта до скатовъ Урала и сообщеніе не возобновлялось до тѣхъ поръ, покуда Заволжское Вендское казачество (Гунны) не прорвало преграды, положенной иноплеменниками въ продолженіи почти 20 вѣковъ.

Уже изъ древнихъ многіе полагали Сарматовъ выходцами изъ области Мидійской (т. е. Средняго Ирана). Истипа этого мнѣнія явна изъ показаннаго уже пути Азовъ отъ горъ Мазендерана до Скандинавіи и изъ прежняго общенія между Ванами и Азами. Слѣды же этого общенія, рѣзко врѣзавшіеся въ миеологію Сѣвера, запечатлѣны на югѣ именемъ *Аза-Вана*, даннымъ Кабулу жителями Индустана. Разсказъ Геродота о происхожденіи Сарматовъ не заслуживаетъ никакого вниманія: но Діодоръ Сицилійскій, не смотря на грубую ошибку, бросаетъ яркій свѣтъ на древнюю исторію Востока. «Скивы, по его словамъ, владѣли нѣсколько времени всеми странами отъ Днѣпра до Индійскаго океана. Великіе государи управляли ими, давая свои имена

многимъ народамъ (какъ-то Сакамъ, Массагетамъ и другимъ) и основывая многія колоніи. Изъ этихъ колоній двѣ самыя замѣчательныя: Сарматы, выселенные Скивами изъ Мидіи, и колонія, посланная ими же изъ Ассиріи въ Пафлагонію Припонтійскую.» Оставивъ въ сторонѣ ошибочное понятіе объ отношеніи и смѣшеніи Скивовъ древнихъ (Сако-Гетовъ) съ мнимыми Скивами (Средне-Азійскими), мы видимъ, что Діодоръ изъ преданій словесныхъ или писанныхъ знаетъ про Мидійское (Средне-Иранское) происхожденіе Сарматовъ (Азовъ), про власть Скивовъ въ Ассиріи и про основаніе колоніи ихъ на берегахъ Чернаго моря. Такимъ образомъ объясняются Саки или Гуны Приевксипскіе, упоминаемые въ клинообразныхъ надписяхъ, а историческій ходъ истиннаго Скивскаго (Сако-Гетскаго) племени, выведенный изъ другихъ источниковъ, подтверждается прямымъ свидѣтельствомъ древняго писателя,

Между тѣмъ какъ народы Европейскіе отрывались мало-помалу отъ своего восточнаго источника и общечеловѣческая жизнь разбивалась болѣе и болѣе на частную жизнь отдѣльныхъ семей, Индустанъ принималъ въ своемъ просвѣщеніи и въ развитіи своей синкретической религіи характеръ мѣстный, отчуждающій его отъ остальнаго міра. Власть была въ рукахъ завоевателей, поклонниковъ Вишну, но внутренніе непрерывные раздоры уничтожали силу властвующаго племени и разрушали всѣ начала государственнаго единства. Борьба о первенствѣ между династіями царей, ведущихъ родъ свой отъ луны, и другихъ, ведущихъ родъ свой отъ солнца, засвидѣтельствована всѣми поэтическими сказаніями древности: она была основана, вѣроятно, не на однихъ страстяхъ мелкаго властолюбія, но на разногласіи въ самомъ характерѣ первоначальной религіи Вишнуитовъ.

Инду-
станъ.
Развитіе
Вишнуиз-
ма. Буд-
дизмъ.

Самое божество, ставши третьимъ членомъ Индійскаго Тримурти, не было, какъ уже сказано, божествомъ самостоятельнымъ. Оно не имѣло въ началѣ своемъ той всеобъемлющей важности, которая принадлежитъ творческому Брахмѣ или органически производящему Шивѣ; но соответствовало лицу бога-посредника, который созданъ былъ мыслию Иранской при ея первомъ сліяніи съ стихіями Кушитскими. Въ немъ

не должно искать ни Вела, ни Агура-Маадао, ни Словянского Прабога; ему соответствуют второй Вель, Митра, Торь Скандинавской и Беленъ или Прій (Фрейръ Скандивовъ): но въ этомъ униженіи идея религіозной и въ переходѣ къ челоѵкообразію должно было повториться и повторилось первоначальное явленіе Иранскаго міра, поклоненіе божеству подъ его двумя символами, огня и воды, и раздвоеніе вѣры по преобладанію одного или другаго символа. Движеніе Вашнуйтовъ въ Индустанъ было съ сѣверо-запада: колыбель ихъ была въ Бактріи, первенствующая стихія въ религіи была вода. Но во время этого движенія раздѣленіе Восточнаго и Средняго Ираша (т. е. Вановъ и Азовъ) не было еще рѣзко, между ними продолжалось общеніе жизни и мысли. Завоеванія были общими (какъ видно изъ названія *Аза-Вана* или *Альфъ-Вана*, Афганъ) и, не смотря на преобладаніе Ванскаго начала, стихія Средне-Иранская (преимущественное поклоненіе огню) должна была перенестись въ Индустанъ вмѣстѣ съ водопоклонствомъ. Раздоръ между родомъ царей лунныхъ (т. е. поклонявшихся Вишну—водѣ, олицетворенному въ *сома*,—мѣсяцѣ) и царей солнечныхъ (т. е. поклонявшихся Вишну—огню, въ *Сурья-солнцѣ*) ведетъ свое начало отъ разницы Средне-и Восточно-Иранскихъ религій. Кажется, можно еще замѣтить въ самомъ поэтическомъ характерѣ двухъ царскихъ династій, Раггуйдовъ, хвалящихся *Вишну—Рамою* и Пандуйдовъ, слѣдовавшихъ ученію *Вишну—Кришны*, разницу начала племеннаго, именно болѣе воинственнаго и завоевательнаго (Средне-Иранскаго) въ Раггуйдахъ, болѣе мирнаго и просвѣтительнаго въ потомкахъ Панду. Парасу-Рама равно чуждъ обоимъ: онъ есть не что иное какъ усвоеніе туземными Брахманами чуждаго божества. Истинные Вашнуиты (кшатріи) не отвергали его, но унижали. Поезія не вдохновлялась имъ и упоминала объ немъ (когда упоминала) съ явнымъ пренебреженіемъ (смотри Раггу-Вансу въ избраніи жениха).

Среди мелкихъ и темныхъ движеній Индустана, искони жившаго дружною жизнію умствующей религіи и философіи, возведенной до вѣровавія, но утратившаго свое высокое значеніе въ поэтическомъ, но безцвѣтномъ сянкретизмѣ, готовилось новое великое явленіе, долженствующее измѣнить

весь востокъ Азіи, проникнуть въ ея ледовитый сѣверъ и найти отзвѣвы въ материкѣ, отдѣленномъ отъ нея безконечною пустынею Тихаго океана.

Вишнуизмъ по своему синкретическому характеру готовъ былъ принимать всякую религіозную стихію и усвоить себѣ всѣ возможные мифы. Онъ примирился съ Шиваизмомъ; онъ принялъ въ себя Буддаизмъ въ видѣ аватара (Вишну-Будда): но не въ духѣ Индіи было оставить неразвѣтую основу ученія Буддаическаго и не въ духѣ Буддаизма было согласиться на такую унижительную сдѣлку. Въ немъ лежало глубокое логическое понятіе о законѣ необходимости въ мірѣ проявленій; въ немъ жило высокое требованіе души чело-вѣческой на свободу вѣдѣнную и достижимую только посредствомъ самоуничтоженія. Мысль эта и чувство могли заснуть на время при размельчаніи религіозной жизни въ Индустанѣ; исчезнуть вполне онѣ не могли: почва Индустанская была слишкомъ плодотворна, слишкомъ глубоко проникнута силами философскаго стремленія. Въ концѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х. въ самомъ центрѣ полуострова возникъ учитель сильный духомъ и внутреннимъ убѣжденіемъ: онъ воскресилъ, пополнилъ и пустилъ въ общій ходъ тайное древнее ученіе жрецовъ Кушитскихъ. Прозваніе его осталось безсмертнымъ и почти однозначачимъ съ именемъ самого Божества; тысячи учениковъ толпились около великаго учителя; чудныя зданія, посвящія на себѣ первобытный характеръ пещернаго поклоненія (напр. огромный храмъ въ Цейлонѣ, пещера Панду-Ленская и др.), засвидѣтельствовали его торжество; Индустанъ жадно принялъ вѣру исполненную духовныхъ страстей и гордаго самоотверженія, и наконецъ, когда послѣ 14-ти вѣковой борьбы Буддаизмъ былъ изгнанъ изъ странъ Пригангесскихъ, онъ завоевалъ почти треть населенія всего земнаго шара.

Невозможно опредѣлять истинное имя Буддаическаго реформатора: оно исчезло или сплослось съ другими, которыхъ нельзя считать собственно именами, но должно принять за прозвища. Его очевидно на-

зываютъ иногда Готама: но самое имя Готама принадлежитъ глубочайшей древности и таинственнымъ ученіямъ первоначальнаго Буддаизма. Въ немъ видно искаженіе формы, прославленной уже у Финикійцевъ и которую можно прослѣдить до самой колыбели Кушитства, до предъ-исторической Эѳіопіи, именно формы *Кадмъ*. Эта форма отзывается въ одномъ изъ вѣдъ-Индустанскихъ названій Буддаистскаго реформатора, *Самано-Кодомъ*. Имя же *Саманъ* или *Шаманъ* (области Эѳіопской) живетъ еще доселѣ какъ имя буддъ и до сихъ поръ въ Абиссиніи дается духамъ пещернымъ. Другое прозвище того же учителя, *Шакья*-или *Сингга-муни* представляетъ весьма много различныхъ измѣненій и столько же различныхъ толкованій. Окончаніе его *муни* ясно: въ немъ заключается идея отшельника-мудреца; въ первой же половинѣ, можетъ быть, скрывается то же самое слово, которымъ обозначена въ Индустанѣ философская школа, весьма близкая къ Буддаизму, — *Санкхья*. Вѣка скрыли имя реформатора и исказили его прозвище. Легенды объ его жизни, исполненныя басенъ и нелѣпостей, не представляютъ никакой опоры для историческихъ изслѣдованій: всѣ онѣ принадлежатъ къ вѣкамъ довольно позднимъ и составлены изъ сброда всѣхъ возможныхъ сказаній. Многія изъ нихъ составлены послѣ Р. Х., слѣдовательно вѣковъ 12 послѣ лица, котораго біографію онѣ заключаютъ. Такъ напр. въ иныхъ соединяются подражанія разсказу о Рамѣ, натягивающемъ лукъ царя Джанаки и подражанія Евангельскому разсказу о Срътеніи.

Сначала, когда еще ученіе Шакья-муни не объявляло притязаній на единовластіе въ Индустанѣ, всѣ другія религіи, впитавшія въ себя духъ терпимости Вишнуитской, жили съ нимъ мирно и позволяли его распространеніе. Уничтоженіе кастъ, основное постановленіе Буддаизма, противное Брахманамъ, находило сочувствіе въ Вишнуитахъ и Шиваитахъ; ибо ясно, что рѣзкое раздѣленіе кастъ, угнетеніе низшихъ и совершенное ихъ униженіе появились уже въ сравнительно позднее время, когда гордыя страсти Брахмановъ, разсвирѣпѣвшія въ борьбѣ, нашли себѣ просторъ послѣ окончательной побѣды. Къ этой эпохѣ мирнаго пребыванія Буддаистовъ въ Индіи относится основаніе секты Яйновъ, враж-

дебной всѣмъ другимъ сектамъ (особенно же чистому Брахманству) и между тѣмъ поклоняющейся почти всѣмъ мнѣшескимъ лицамъ, занятымъ ею у древнѣйшихъ вѣрованій. Связь ея съ Буддаизмомъ обличается въ преимущественномъ почитаніи *Гаутамы* и его слѣда (прабать) и въ пещерномъ богопоклоненіи: но не смотря на временное ея преобладаніе въ Индустанѣ, ея мелкій характеръ (нѣчто похожее на обоготвореніе героевъ), спасшій ее отъ жестокихъ преслѣдованій, не позволилъ ей никогда имѣть сильное вліяніе на судьбу человѣчества и на его умственное развитіе. Поклоненіе же героямъ вытекло изъ кореннаго ученія Буддаистовъ весьма естественнымъ образомъ. Уничтоженіе личности божественной и обращеніе ея въ отвлеченное понятіе о духѣ повело къ мысли, что отвлеченное понятіе принимаетъ существованіе (конкретируется) въ человѣкѣ и не въ человѣкѣ вообще, но въ нѣкоторыхъ людяхъ. Таковъ смыслъ *Яинства*, таково значеніе и позднѣйшаго Ламаизма.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ламаизмъ предполагаетъ постоянное воплощеніе не Будды собственно, но его пророка. Такое понятіе, удаляющее повидному мысль о воплощеніи самого божества, сбиваетъ ученыхъ: они забываютъ, что коренный характеръ Буддаизма есть идея о божествѣ самоуничтожившемся. Оно обратилось въ отвлеченіе, котораго конкретія невозможна. Частныя же проявленія одни только и даютъ существованіе истинно-несуществующему богу: по этому высшіе пророки суть единственныя возможныя его воплощенія. Здравая критика не можетъ не замѣтить многихъ точекъ соприкосновенія, и даже вообще разительнаго сходства, между древнимъ ученіемъ Кушитскихъ жрецовъ и новымъ Гегелизмомъ. Еще недавно въ этой философской школѣ возникло даже, какъ извѣстно, яинство (поклоненіе героямъ). Ходъ человѣческой мысли всегда тотъ же: и смѣшно, и жалко, и все—такъ не совсѣмъ въ ссорѣ съ логикою.

Къ той же исторической эпохѣ относятся, по всей вѣроятности, всѣ или по крайней мѣрѣ большая часть поэмъ или легендъ, въ которыхъ соединяется имя Будды съ именами

другихъ боговъ Индустанскихъ, представленныхъ въ видѣ его служителей. Эти поэмы, въ которыхъ поэтическаго очень мало, имѣютъ значеніе историческое и представляютъ повтореніе одной и той же идеи, именно, что всякая мудрость есть только предвѣріе и слабое начало мудрости Буддаической.

А ргіогі можно угадать, что чаще всего должны были встрѣчаться соединенія Будды съ Шивою. У нихъ одна колыбель (область Кушитовъ Африканскихъ), одна эмблема (*чарка*), одна основа логическая, связанная съ прямою противоположностью духовнаго созерцанія. Дѣйствительно, легенда о Матсеандрѣ (иначе Локесвара) представляетъ совершеннѣйшее слияніе Шиваизма съ ученіемъ Будды.

Къ несчастію, невозможно прослѣдить съ совершенною точностію распространеніе Буддаизма по Индустану и внѣ его предѣловъ. Множество легендъ и желаніе примирить ихъ запутало все лѣтосчисленіе: каждый изъ великихъ учителей Буддаическихъ является по нѣскольку разъ и трудно опредѣлить, которая изъ хронологическихъ данныхъ ближе къ истинѣ.

Такъ напр. нѣсколько Амитабга, нѣсколько Шакья-муни и Авалокитсвара жили будто бы въ разныя времена.

Разборъ этихъ частныхъ принадлежностей принадлежитъ монографіямъ; общій же ходъ человѣческаго развитія въ его отношеніи къ Буддаизму довольно ясенъ. Отъ временъ Шакья-муни до великаго царя Викрамадитья (т. е. отъ XII до I вѣка прежде Р. X.), не смотря на частныя и временныя гоненія, возрожденное ученіе Будды продолжало усиливаться и распространяться не только въ самомъ Индустанѣ, но и далеко за его границами. Кашмиръ и Кабуль приняли проповѣдь Шакья-муни за нѣсколько вѣковъ до Р. X. Въ Цейлонѣ Буддаизмъ сдѣлался первенствующимъ вѣрованіемъ въ IV-мъ столѣтіи и можетъ быть даже ранѣе; наконецъ безконечный просторъ Китая открылся для Буддаистовъ лѣтъ за шестьдесятъ до нашей эры въ царствованіе Минг-ти изъ династіи Ханъ. Политиче-

ская исторія Индустана не представляетъ великихъ потрясеній, подѣйствовавшихъ на мѣръ, но духовная жизнь его разлилась далеко на сѣверъ, востокъ и югъ. Когда наступило время борьбы Буддаизма съ другими религіями, онъ палъ передъ ихъ воинственнымъ напоромъ, но результаты самой борьбы представляютъ два факта весьма замѣчательные. Первый тотъ, что новый Буддаизмъ уцѣлѣлъ или восторжествовалъ именно въ тѣхъ областяхъ, которыя ему искони принадлежали по своему племенному или умственному началу (напр. въ Цейлонѣ, въ Кашмирѣ, въ Китаѣ и Тибетѣ) и погибъ въ области искони Иранской по племени и духу, въ междурѣчьи Ганга и Инда; второй тотъ, что Вишнуизмъ; мелкій, человѣкообразный, потерялъ въ Индустанѣ свое первенство и что Брахманство возвратилось на короткое время къ своему первобытному глубокому значенію.

Безъ сомнѣнія, нѣтъ явленія въ исторіи человѣчества (кромя христіанства), которое бы величіемъ своимъ и вліяніемъ на развитіе человѣческой мысли и всемірнымъ значеніемъ равнялось Буддаизму.

Магометанство исключается изъ этаго сравненія. Все великое въ Коранѣ принадлежитъ началу христіанскому. Величіе Буддаизма принадлежитъ собственно ему самому. Горячій прозелитизмъ, живой плодъ любви къ истинѣ и къ человѣчеству, отличаетъ его послѣдователей и выражается въ таинственномъ поклоненіи слѣду Будды (*прабатъ*); но этотъ прозелитизмъ кротокъ, полонъ самоотверженія и смиренія. Правда, что чувство любви, пробужденное въ душѣ Буддаистовъ, доходитъ до безмыслія, ибо уравниваетъ человѣка съ животнымъ, правда, что самая любовь и самопожертвованіе теряютъ свое высокое достоинство, ибо высшее совершенство признается не въ любви, а въ совершенномъ безстрастіи: по чудная чистота аскетическаго вѣрованія, сопряженная съ пламенною проповѣдію, геройство мученическаго терпѣнія, и наконецъ высокая гордость духа, ищущаго своей свободы въ самоуничтоженіи, все это вмѣстѣ составляетъ цѣлое, которому ни самохвальная Европа ни весь остальной мѣръ не представляютъ ничего подобнаго. Буддаизмъ ожидаетъ и заслуживаетъ монографіи. Мы

уже сказали, что въ мірѣ религіи онъ совершенно соотвѣтствуетъ Гегелизму, въ философіи слѣдовательно стоитъ во столько же выше его, во сколько религія сама выше философіи или полнота вѣрованія и жизни выше отдѣльнаго мышленія. Добросовѣстная и внимательная критика ученія Шакья-муни и его послѣдователей отъ Ламаизма до Яинства найдетъ всѣ отгѣнки Гегелевой школы отъ ея крайняго праваго до крайняго лѣваго фланга, соединяя такимъ образомъ возможность вѣрованія, доведеннаго до самаго нелѣпаго суевѣрія, и явное безвѣріе, не способное къ возврату. Существуетъ ли Будда внѣ своихъ проявленій? Можетъ ли духъ конкретироваться въ своей полнотѣ и конкретируется ли кромѣ міра?

Самое величіе Буддаизма и въ то же время прямое его стремленіе къ безбожію должны были вызвать сильное противоудѣйствіе Брахмановъ. Брахманы призывали на помощь худшія страсти человѣчества, своекорыстныя выгоды высшихъ кастъ, мерзость религіозной аристократіи и всѣ низкія и вещественныя стремленія души къ сладострастію и разврату. Брахманы употребили гнусное насиліе, облили Индустанъ кровью милліоновъ страдальцевъ. Брахманы торжествовали не чистое торжество, ставъ несравненно ниже побѣжденныхъ Буддаистовъ и почти на одинъ рядъ съ Доминиканцами Испаніи или крестоносцами въ Далмаціи и сѣверной Германіи; но въ то же время Брахманы пробудили въ своемъ отечествѣ древне-Иранскую идею, чистое понятіе о существованіи Божества, о его свободномъ творчествѣ и о возможности свободы въ мірѣ проявленій. Этой славы не должно забывать. Самые безчеловѣчныя гонители Буддаизма были въ то же время великими мыслителями и философами: но истина не можетъ торжествовать въ союзѣ съ ложью и зломъ. Побѣда Брахманства была бѣдствіемъ для челоуѣчества. Гнетъ власти легъ тяжелѣе на нижнія касты. Религія, не на долго очищенная, приняла характеръ большей свирѣпости, и вскорѣ утратила свой прозрачный символизмъ. Священныя книги (какъ то законы Ману и даже отчасти Веды), были совершенно искажены примѣсью и вставками. Поэзія потеряла свою веселую и вдохновенную свободу; жизнь заковалась въ формы искусственныя. Кроткая власть Вишнуитовъ замѣнена желѣзнымъ игомъ мѣшанныхъ сектъ, оправданныхъ въ глазахъ Брахмановъ только однимъ, — ненавистію къ Буддаистамъ. Индустанъ, изгнавъ духовную реформу Кушитскую, уни-

живъ чистое Брахманство до грубо-политической религии и въ то же время утративъ художественное вдохновеніе человѣкообразнаго Вишнунизма, сдѣлался неспособнымъ къ новымъ великимъ явленіямъ внѣшней жизни гражданской или внутренней жизни духовной. Словесность никогда уже не являлась въ томъ блескѣ, которымъ она окружила престолъ Викрамадитьи; и во всеобщемъ упадкѣ, въ грязи разврата и безсмыслія, первенство и народное поклоненіе и даже власть достались почти вездѣ самому грязному изо всѣхъ вѣровацій Индустанскихъ, искаженному наслѣдію Кушитовъ, Шиваизму.

Около того времени, когда Шакья-муни реформою Будда-изма приготавливалъ новую духовную эпоху для большей по-Китай. Его пра- цвѣтаніе. Лао-тсеу; Конфуцій. вины Азіи, династія *Чеу* основывала государственное могущество Китая. Ея предшественники (династіи *Гиа* и *Шангъ*), прославленные въ народныхъ преданіяхъ, безъ сомнѣнія уже сильныя и образованныя, владѣли областію менѣе обширною и, по недостатку письменныхъ памятниковъ, принадлежать еще отчасти (особенно династія *Гиа*) временамъ полубаснословнымъ или той эпохѣ исторической, которую скорѣе можно угадывать, чѣмъ описывать послѣдовательно. Первый изъ царей *Чеу*, Ву-вангъ, возстановившій, по словамъ Китайцевъ, а по всей вѣроятности создавшій императорскій титулъ *ти* (божественный), открываетъ своимъ царствованіемъ эпоху чисто-историческую. Почти десять вѣковъ продолжалось владычество его потомковъ, ознаменованное многими подвигами и частыми бѣдствіями. Самая продолжительность непрерывнаго престолонаслѣдія въ одномъ домѣ способствовала исторической опредѣлительности въ преданіяхъ, твердости въ законодательствѣ и сохраненію письменныхъ свидѣтельствъ о жизни государства. Древній обычай, по которому царствующій домъ отдавалъ области имперіи въ наслѣдственное управленіе другимъ родственнымъ семьямъ или родамъ, заслуживавшимъ особенное благоволеніе государя, принесъ свои гибельные плоды. Со всѣхъ сторонъ возникли независимыя государства, едва признающія первенство императоровъ дома *Чеу* и уступающія ему

только почести (напр. право приносить жертвы верховному Божеству), а не власть. Но самое это раздробленіе Китая и ничтожество послѣднихъ преемниковъ Ву-ванга свидѣтельствуютъ о могуществѣ внутренней жизни народной и о единствѣ началъ во всей имперіи. Не было единства видимаго, не было силы принудительной; но въ стремленіи своемъ къ преобладанію надъ другими, ни одна область не подумала отторгнуться и начать собственную единичную жизнь. Всѣ жили однимъ преданіемъ древности, одною гордостью народною, однимъ характеромъ просвѣщенія, во всѣхъ была таже безумная односторонность государственнаго быта, поглощающаго всѣ помыслы и всѣ умственныя силы Китаецъ. Разрѣшеніе задачи государственной во всей полнотѣ пользы и справедливости, — таковъ былъ жизненный вопросъ каждаго изъ мелкихъ царствъ, стремившихся къ первенству. Постоянное внутреннее единство жило въ видимомъ и внѣшнемъ дробленіи.

Воинственнѣе и предприимчивѣе были преемники Чеу, *Тсинь*, завоевавшіе весь югъ Китая и покорившіе часть Загангесской Индіи, великолѣпнѣе и могущественнѣе были *Хань* (1-я династія *Хань*), покорившіе всѣ племена горной Тибетской твердыни, угрожавшіе Персіи, посылавшіе войска свои до далекихъ береговъ Каспія, замышлявшіе войну съ Римомъ и выдвинувшіе изъ средней Азіи часть кочевыхъ Финно-Турецкихъ народовъ, которые смѣшались съ великимъ племенемъ Славянскимъ или ворвались бурнымъ потокомъ въ глубь Европы; но династія Чеу стоитъ выше ихъ всѣхъ въ значеніи историческомъ. При ней выказались явно и утвердились на незыблемыхъ основахъ всѣ особенности Китайскаго характера, особенности до сихъ поръ не измѣненныя и отдѣляющія Восточную имперію отъ всѣхъ другихъ государствъ міра.

Слава этой эпохи принадлежитъ не одному царственному дому и не случайности геніальныхъ государей, но общему стремленію народа, получившаго посредствомъ великихъ мыслителей полное сознаніе своей внутренней жизни. *Лао-тсео*

Кун-фу-тсеу (или *Кун-тсеу*) и *Мин-тсеу* положили начало всему послѣдовавшему развитію Китая: но великое умственное движеніе и горячая любовь въ просвѣщенію выразились еще за 4 вѣка прежде ихъ въ одномъ изъ первыхъ преемниковъ Ву-ванга. *Му-вангъ*, котораго долгое царствование и многолѣтняя жизнь принадлежатъ къ благополучнѣйшимъ эпохамъ государства, оставилъ престолъ и заботы царства, чтобы искать внѣ его предѣловъ мудрость и знаніе западнаго міра. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ его странствованіи, о которомъ сохранились только сказочные и поэтическіе отрывки, но должны по его продолжительности предположить, что *Му-вангъ* посѣтилъ области весьма далекия, видѣлъ великія современныя явленія юго-западной Азіи и принесть съ собою въ отечество сѣмена многихъ наукъ, чуждыхъ предъидущей эпохѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ глубокой древности сношенія между народами были гораздо обыкновеннѣе и свободнѣе, чѣмъ во времена позднѣйшія, что мысли и религіозныя начала легко переносились изъ края въ край міра; но эти вѣка общенія прошли, и во всякомъ случаѣ *Му-вангъ* представляетъ первый примѣръ государя, искавшаго мудрости внѣ своего государства. Одно его путешествіе опровергаетъ достаточно нелѣпыя мнѣнія Европейскихъ писателей, вообразившихъ себѣ Китай искони неприступнымъ для иноземцевъ, и нелѣпое самохвальство Китайцевъ, отрицающихъ всякое вліяніе чужестранныхъ стихій до законнаго введенія Буддизма. Могла ли Россія быть негостепріимною при Петрѣ или Китай при *Му-вангѣ*? и могло ли быть бесплоднымъ сочетаніе государственнаго начала Восточной имперіи съ глубокомысленнымъ движеніемъ ума человѣческаго въ Индустанѣ или въ югозападной Азіи?

Главное сказаніе о путешествіи *Му-ванга* содержитъ въ себѣ его свиданіе съ какимъ-то баснословнымъ лицомъ, — матерью Западнаго царя и ихъ разлуку на границѣ Китая. Невозможно основывать историческую догадку на такой слабой основѣ, но и не должно пропустить безъ вниманія то

обстоятельство, что племена Ванов-Бактрійскія олицетворяются (какъ уже сказано) во всѣхъ преданіяхъ подъ именемъ царицъ. По всей вѣроятности рассказъ Китайскихъ лѣтописцевъ содержитъ темный памятникъ дружественныхъ сношеній между Бактріею а Китаемъ, памятникъ, подтвержденный болѣе ясными свидѣтельствами о Ванскихъ караванахъ и о гостинницахъ, построенныхъ для ихъ угощенія согласно съ ихъ нравами.

Сближеніе отдаленнѣйшаго Востока съ Иранскою областью при несло благодатные плоды. Со времени *Ли-ванга*, внука *Му-вангова* (X-й вѣкъ до Р. Х.) лѣтопись Китайская представляетъ большія подробности не только о цѣломъ государствѣ, но и объ его областяхъ. Отъ царствованія *Ли-ванга* (IX-й вѣкъ до Р. Х.) остались многія произведенія поэтическаго негодования, возбужденнаго его пороками. Отъ царствованія *Пинг-ванга* (VIII-й вѣкъ до Р. Х.) сохранились весьма вѣрныя исчисленія солнечныхъ затменій, продолжавшіяся до V-го вѣка, т. е. эпохи совершеннаго упадка (хотя еще не прекращенія) династіи Чоу.

Нельзя не замѣтить, что постоянныя исчисленія затменій начинаются въ Китаѣ скоро послѣ эры Набонассера. Нѣсколько затменій, будто бы исчисленныхъ до этого времени, принадлежать вѣкамъ баснословнымъ, о которыхъ Китайцы, безумные поклонники древности, выдумывали что хотѣли. Всѣ сказанія о династіяхъ *Гиа* и *Шангъ* представляютъ характеръ преданій. Въ нихъ только то и заслуживаетъ вниманія, что согласно съ этимъ характеромъ. Все то, что имѣетъ притязаніе на строгую документальность, прибавлено тощею изобрѣтательностію Восточныхъ ученыхъ. Изъ этого правила едва ли можно исключить даже послѣднія столѣтія династіи Шангъ. Первое затменіе, предсказанное астрономами Эллады, относится ко времени Кіаксара (въ его войну съ Лидійцами), т. е. къ концу VII вѣка до Р. Х. Современность наблюденій Вавилонскихъ и Китайскихъ, за которыми чрезъ столѣтіе слѣдуютъ Эллинскія, доказываетъ безспорно существованіе одного центра При-евфратскаго, изъ котораго распространилась наука о законахъ планетнаго движенія. Этотъ центръ указанъ былъ

выше: но скорый отзывъ далекаго Китая на открытіе, сдѣланное въ Ассиріи, представляетъ важное и неопровержимое свидѣтельство о мирныхъ сношеніяхъ между Иранскими, Средне-Азійскими и Восточно-Азійскими народами. Мнимое разьединеніе народовъ къ глубокой древности представляется вездѣ какъ нелѣпый вымыселъ позднѣйшихъ, мѣнѣе человѣческихъ и болѣе эгоистическихъ вѣковъ и идетъ подъ пару системѣ туземства (автохтонства).

Нѣтъ сомнѣнія, что наука астрономическая, плодъ соприкосновенія Иранскихъ и Кушитскихъ племенъ, существовала прежде и гораздо прежде Набонассара: но, или законъ затменій былъ въ числѣ тайнъ еще не открытыхъ, или самая наука, временно потемненная бурями военными, вновь просвѣтлѣла въ ново возставшемъ царствѣ стародавняго Вавилона. Въ послѣднемъ случаѣ, довольно вѣроятномъ по совершенству древнихъ цикловъ, не удивительно бы было найти нѣкоторыя наблюденія, предшествовавшія Набонассару; но при всемъ этомъ очевидно, что его царствованіе было важною эпохою для небознанія, эпохою не мѣстнаго, но почти всемірнаго развитія. Не также ли процвѣтало, падало и вновь возставало мореплаваніе, едва достигшее въ XV вѣкѣ послѣ Р. Х. той высокой степени, на которой оно стояло при Фараонѣ Нехао и при безстрашныхъ Финикійцахъ, или въ древность еще глубочайшую? Показаніе Халдеевъ или жрецовъ Вавилонскихъ о мнимомъ уничтоженіи памятниковъ астрономическихъ при Набонассарѣ не заслуживаетъ никакой вѣры. Это простая хитрость людей, хвастающихся безконечно древнимъ знаніемъ и извиняющихъ отсутствіе всѣхъ его памятниковъ. Царь могъ уничтожить историческія записки, свидѣтельствующія о прежнемъ рабствѣ Вавилона при владыкахъ Ассирійскихъ и Ванно-Бактрійскихъ: но мудрость астрономическая не на долго бы утаилась отъ близкихъ Финикійцевъ, вѣчно жившихъ на волнахъ океановъ, точно также какъ она не утаилась отъ далекихъ Китайцевъ и отъ полудняныхъ Эллиновъ.

Вслѣдъ за этими признаками преуспѣвающаго просвѣщенія наступило время, когда Китай, познавшій вполнѣ свое исконное стремленіе, выразилъ себя въ твореніяхъ великихъ своихъ мудрецовъ. Первый изъ нихъ по времени, Лао-тсеу,

представляет болѣе слѣдовъ чужестраннаго вліянія, чѣмъ другіе. Его занимаютъ вопросы отвлеченные и личность человѣческая: государство и общество откинуты на вторую степень. Это преобладаніе чловѣка надъ гражданиномъ отзывается вполне западными ученіями.

Человѣкъ въ Китаѣ, какъ и вездѣ, сохраняетъ свои права на всѣ человѣческіе вопросы, хотя онъ и является со всѣми особенностями мѣстнаго развитія. Поэтому Лао-тсеу могъ бы считаться свободнымъ протестомъ духа человѣческаго противъ сухой односторонности собственно Китайскаго начала; но его появленіе вслѣдъ за явнымъ вліяніемъ Иранскихъ областей, преданія объ его путешествіяхъ, ставяція его въ прямомъ отношеніи къ западу и много подробностей его творенія (напр. намекъ на систему возрожденій — метемпсихозы) заставляютъ здравую критику признать его представителемъ юго-западной Азіи въ Китаѣ.

Философія Лао-тсеу имѣетъ характеръ умозрительной религіи и его послѣдователи дѣйствительно основали религіозную секту, достигшую величайшей силы черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ Р. X. Поклоненіе верховному разуму (ученіе Лао-тсеу) было многими учеными принято за новый видъ Буддаизма. Такое ошибочное мнѣніе происходитъ отъ того, что еще не познали логической основы, общей всѣмъ ученіямъ Кушитскаго міра, и внутренней борьбы между этой основой и стремленіемъ къ свободѣ борьбы, изъ которой возникъ Буддаизмъ. Поклоненіе верховному разуму есть чистое единобожіе, содержащее въ себѣ темное эманационное начало, довольно близкое къ творчеству. Впрочемъ самый верховный разумъ (или божество Тао) объясненъ весьма неопредѣлительно и понятіе о какомъ-то вѣчномъ хаосѣ, перешедшемъ въ стройный міръ отъ всеильнаго дѣйствія Тао, напоминаетъ ученіе Халдеевъ о предсвѣтномъ мракѣ, выраженномъ мифическою Оморкою. Лао-тсеу родился въ странѣ, въ которой древнія преданія Ирана (Симо-Яфетидовъ) уже

были давно вытѣснены просвѣтителями, принесшими изъ Кашмира Кушитскую стихію въ ея Буддаистскомъ развитіи; онъ не находилъ опоры въ прошедшемъ и устранилъ всѣ историческія данныя: по этому самому его религіозная философія, плодъ чистаго умозрѣнія, лишена жизненнаго начала и заклеяена тою сухою ограниченностью, которая замѣтна во всѣхъ произведеніяхъ Китая. Въ немъ соединяются гордое самодовольство и увѣренность въ силахъ человѣка съ дѣтски-педантною формальностью и изумительно высокое понятіе о разумѣ съ совершеннымъ отсутствіемъ чувства. Отъ этого самая жизнь положительная и внутренняя, къ которой онъ стремится, получаетъ неизгладимый характеръ отрицательности и вѣщности; отъ этого мертвая отвлеченность его ученія должна была уступить первенство практической силѣ его соперника, Конг-фу-тсеу.

Единобожіе въ опредѣленной формѣ не было неизвѣстно въ Китаѣ; по крайней мѣрѣ самъ Лао-тсеу называетъ свое ученіе не новостью. Имя данное имъ божеству (Тао), представляетъ разительное сходство съ Иранскимъ названіемъ *Дивъ*, *Дева*, Элл. *Θεός* и кажется совершенно тождественнымъ съ Зендскимъ *дао*, въ имени благаго начала, *Агура Маз-дао*. Съ другой стороны можно замѣтить, что въ основаніи ученія сохраняется и Кушитское понятіе объ органической полярности, въ которой преобладаетъ женское начало. И такъ самая система Китайскаго философа носитъ всѣ признаки ученія синкретическаго и внутренне несвязнаго. Эта внутренняя безсвязность и въ то же время совершенное отсутствіе всякой основы въ прошедшемъ даютъ ученію о верховномъ разумѣ характеръ произвольнаго умствованія, и Конг-фу-тсеу, пораженный недостатками своего предшественника, но отдающій справедливость возвышенности его мыслей, выразилъ свое сужденіе съ безпристрастіемъ и поэтической вѣрностію. «Я не удивляюсь полету птицъ, плаванію рыбъ, бѣгу четвероногихъ. Знаю какъ ловить рыбу бреднями, четвероногихъ сѣтями и какъ стрѣлами бьютъ птицъ; но не знаю какъ драконъ можетъ подниматься до небесъ на крылахъ вѣтра и облаковъ. Я видѣлъ Лао-тсеу: онъ подобенъ дракону.» Святость дракона въ Китаѣ извѣстна.

Иранская мысль должна быть принята во всей своей полнотѣ: она не терпитъ сдѣлокъ съ другими системами; она основывается на преданіи и не возстановляется дѣйствіемъ чисто логическимъ, ибо понятіе о свободномъ творчествѣ не заключается въ логическихъ формулахъ и не выводится изъ нихъ; она можетъ быть угадана только высшимъ созерцаніемъ, перешедшимъ за тѣсныя границы умствованія, или трудами вѣковъ, прошедшихъ всѣ возможныя степени отрицанія.

Такъ напр. Лао-тсеу слѣдовало отрицать возможность дѣйствія вѣчной строящей мысли на вѣчное, чуждое ему и нестройное, вещество; такъ законъ необходимости (въ Спинозѣ) долженъ былъ быть доведенъ (какъ сдѣлалъ Гегель) до самоотрицанія въ законъ свободы; такъ законъ свободы долженъ быть доведенъ до самоотрицанія въ законъ равнодушія и т. д.

Всего этого не возможно требовать отъ Лао-тсеу. Онъ остался реформаторомъ глубокомысленнымъ, но неполнымъ и сухимъ, заключеннымъ въ мелкій формализмъ, исполненнымъ возвышенныхъ мыслей, но не согрѣтымъ внутреннею жизнію любви и отъ этого бессильнымъ для перерожденія отечества. За всѣмъ тѣмъ исторія видитъ въ немъ одно изъ могучихъ своихъ явленій и признаетъ великое достоинство его ученія, сохранившаго въ Китаѣ искру отвлеченнаго богопознанія, которая погибла бы въ грубой вещественности и въ практической односторонности Конфуціевой системы.

Должно замѣтить, что философъ, начальникъ школы въ Китаѣ не то, что въ другихъ странахъ. Его важность несравненно болѣе и его дѣятельность получаетъ значеніе государственное. Философія соединяется въ Китаѣ неразрывно съ религіею и религія не имѣетъ въ немъ другаго выраженія кромѣ философіи. И такъ въ философскихъ школахъ сосредоточивается вся высшая духовная жизнь общества и отчасти весь смыслъ исторіи, развивающей сокровенныя силы народ-

ной мысли въ послѣдовательности полу-случайныхъ, полу-необходимыхъ происшествій. Отъ этого ни Индустанскіе, ни Эллинскіе мыслители не могутъ стать на ряду съ Лао-тсеу и Конг-фу-тсеу.

Еще при жизни Лао-тсеу, но совершенно независимо отъ него, явился другой великій мыслитель, Конфуцій (Конг-фу-тсеу). Въ немъ сосредоточиваются и вполнѣ выражаются всѣ особенности Китайскаго характера. Остальной міръ какъ будто не существуетъ для него. Безусловный поклонникъ старины, онъ требуетъ отъ современниковъ только возврата къ минувшему, и это требованіе было вполнѣ исполнено согласно съ понятіями Китайцевъ о минувшихъ баснословныхъ вѣкахъ своего отечества. По этому Конфуцій представляетъ въ себѣ и зеркало прошедшаго и всѣ зародыши будущаго. По своему историческому значенію онъ стоитъ выше своего предшественника и выше всѣхъ философовъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Династія *Тсинъ*, преслѣдовавшая его ученіе, только утвердила его торжество. Сильною рукою соединивъ весь Китай въ единую державу, она приготовила развитіе народной мысли во всей ея полнотѣ; и народная мысль жила въ Конфуціи.

Понятія его о религіи совершенно неопредѣленны, а неопредѣленность его понятій доказываетъ отсутствіе религіознаго чувства въ народѣ, ибо, строгій блюститель преданія, онъ не могъ оставить безъ вниманія вѣры передавшой прежними вѣками. Обрядамъ религіознымъ онъ былъ не чуждъ и требовалъ ихъ вѣрнаго исполненія; но невозможно сказать, какая мысль скрывалась для него въ этихъ обрядахъ. Въ нихъ проглядываетъ единобожіе и поклоненіе одному верховному Владыкѣ, котораго невидимое величіе выражается въ видимой красотѣ неба и въ стройности міра; но въ то же время нѣтъ ни малѣйшаго слѣда творческой дѣятельности божества, ни малѣйшаго признака Иранскихъ преданій. Вліяніе

западное, ясно высказанное въ лѣтописи Китая отъ начала династїи Чоу до Лао-тсеу, совершенно ничтожно въ Конфуціи. Въ то же время и самая органическая двойственность (*янъ* и *инъ*), о которой онъ упоминаетъ, не имѣетъ въ себѣ ничего религіознаго и не сближаетъ его съ міромъ Кушитскимъ. Плодъ мѣстнаго развитія, созданный духомъ своего народа, Конг-фу-тсеу былъ равнодушенъ къ вопросамъ отвлеченнаго богопознанія и жилъ только для практическаго приложенія нравственныхъ законовъ къ обществу человѣческому. Чудная и возвышенная страсть направляла всѣ думы и поступки великаго мыслителя къ одной великой цѣли, ко благу людей. Задача всего Китая, — логическое развитіе государства изъ законовъ правды и любви, была единственнымъ предметомъ его многолѣтней жизни. Въ немъ рѣзко проявляется односторонняя ограниченность народа; но по глубокому убѣжденію въ мудрости минувшихъ вѣковъ, по теплой вѣрѣ въ возможное совершенство человѣка, по соединенію всѣхъ добродѣтелей человѣческихъ и гражданскихъ, по поэтическому строю мысли, по неутомимой дѣятельности для блага всѣхъ людей, по смѣлой ненависти ко всѣмъ порокамъ и по невыразимой нѣжности многолюбящей души, Конг-фу-тсеу есть безспорно одно изъ величественнѣйшихъ явленій въ исторіи человѣчества. Съ тяжкимъ чувствомъ унынія легъ въ могилу старейшій мудрецъ, трудившійся и страдавшій безъ видимой пользы; но эти труды и страданія остались не безплодными. Китай, получившій въ немъ и въ его ученикѣ Менг-тсеу ясное сознаніе своего кореннаго стремленія, возвысился, окрѣпъ и во многомъ осуществилъ желанія великаго учителя. Государственная стройность, логическое развитіе разумныхъ началъ и возвышенная любовь къ правдѣ и просвѣщенію покорили самихъ покорителей Китая, Монголовъ и Манджуровъ и сохранили неизмѣнно до нашего времени колоссальную державу, основанную за двадцать вѣковъ до Р. Х. Таковы причины и тайна ея величія; но съ другой стороны воспитаніе, данное древне-Буддаистскимъ ученіемъ юности на-

рода, отразилось во всей его исторіи. Буддизмъ, удаляя духовныя начала въ неприступный мракъ свободнаго ничтожества, разорвалъ всѣ связи его съ человѣкомъ и оставилъ для лучшихъ стремленій души одно возможное выраженіе, — приложеніе однообразнаго и безстрастнаго закона къ разнообразному и вѣчно движущемуся обществу людей въ государствахъ. Мысли эту осуществилъ и невольно высказалъ Конгъ-футсеу. Общество, имъ созданное, могло достигнуть вещественнаго величія и логической стройности; но чувство строгой и неизмѣнной законности уничтожаетъ чувство свободы и стѣсняетъ духъ человѣческій. Мысль о Божествѣ есть жизнь и дѣло. Глубокая и неясцѣльная пустота празднои души, лишенной внутренней жизни и содержанія, породила всѣ нецѣльности мелкаго и сухаго формализма, надъ которыми Европеецъ смѣется въ Китаѣ, забывая невольно объ истинномъ и неотъемлемомъ достоинствѣ Восточной державы въ обществѣ народовъ.

Законъ, котораго живой, постоянный и неизсякаемый источникъ забыть, не носить на себѣ характера свободы, хотя въ началѣ былъ выбранъ свободною волею. Таковъ характеръ всего чисто условнаго въ жизни.

Династія Чеу давно клонилась къ упадку. Отдѣльные правители не признавали власть императоровъ и безпрестанныя междоусобицы разрывали государство. Наконецъ князья Тсинъ, правящіе областью менѣе другихъ просвѣщенною, но болѣе воинственною, стали мало-по-малу одолевать своихъ соперниковъ. Родоначальникъ этого княжескаго дома былъ ничто иное, какъ искусный конюхъ, получившій княжесво въ награду за удалое наѣздничество. Область его отличалась отъ прочихъ дикостью правовъ и обычаевъ, занятыхъ у кочевыхъ Средне-Азійцевъ, (таково умерщвленіе женъ и рабовъ надъ гробомъ владыки, точно также какъ и у мнимыхъ Скифовъ); но съ этою дикостью было соединено стремленіе къ за-

воеваніямъ. Вскорѣ имя *Тсинъ* прославилось далеко за границами Китая, и самое имя Китая скрылось для западныхъ народовъ за названіемъ одной изъ его областей (*Сина*). Послѣ долгой борьбы и ужаснаго кровопролитія, послѣ уничтоженія или бѣгства правителей другихъ областей, династія *Тсинъ* свергла царствующій родъ *Чеу* и заняла императорскій престолъ въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. Не долго властвовали похитители, враги прежняго просвѣщенія; но ихъ желѣзной волѣ и геніальному императору *Тсин-ши-гоанг-ти* обязанъ Китай возстановленіемъ своего государственнаго единства и всѣмъ послѣдовавшимъ развитіемъ. Мысль народная, созрѣвшая во время династіи *Чеу* и пришедшая въ полное сознаніе, осуществилась тогда, когда внѣшняя сила разрушила множество независимыхъ княжествъ, на которыя раздроблено было государство при слабыхъ потомкахъ *Ву-ванга*. Оттого-то, не смотря на ничтожность послѣднихъ императоровъ рода *Чеу*, эпоха ихъ царствованія есть важнѣйшая во всей лѣтописи Китая.

По всѣмъ вѣроятностямъ, основаніе государства въ Японіи находится въ связи съ этимъ періодомъ междоусобій: таково преданіе самихъ Китайцевъ, подтвержденное явнымъ сродствомъ просвѣщенія, обычаевъ, письменности и племени въ Японіи и Китаѣ.

Междѣ тѣмъ какъ держава Восточная временно слабѣла въ безперывныхъ раздорахъ, собирались новыя воинственныя силы на сѣверныхъ скатахъ Средне-Азійской твердыни. Тѣсна становилась степь кочевимъ дикарямъ Финно-Турецкаго племени, заманчивы богатства образованныхъ странъ, соблазнительны примѣры военнаго быта; введеннаго враждебнымъ эгоизмомъ государствъ. Наука брани всѣхъ легче перенимается невѣжествомъ, всѣхъ заманчивѣе для его корыстолюбивыхъ страстей и всѣхъ болѣе льститъ его полуживотной гордости. Могучій союзъ Ванскихъ общинъ, опоясывавшихъ съ сѣвера всю свою Иранскую братью, ослабъ. Изгнанный изъ Евфратскаго прирѣчья возстаніемъ мѣстнаго племени и Халдейскими горцами,

втѣсненный въ Бактрію возрастающею силою горцевъ Мидійскихъ, побѣжденный на Евксинѣ движеніемъ южныхъ народовъ, поднятыхъ Рамезесомъ Великимъ, угнетенный въ Малой Азіи возрастающимъ могуществомъ Элады, онъ на крайней своей восточной оконечности въ Средней Азіи былъ задавленъ напоромъ племени Гюнг-ну и Финно-Турецкихъ народовъ. Время его величія миновало; наступало то время, когда ему слѣдовало совершенно исчезнуть изъ Азіи, своей древней колыбели, проявивши въ послѣдній разъ часть своей прежней силы въ успѣшной войнѣ противъ Кира, въ борьбѣ съ Македонскимъ завоевателемъ, въ основаніи полу-Бактрійскаго, полу-Эллинскаго царства на границѣ Индустана, и въ двукратномъ завоеваніи сѣверной Индіи, прежде и послѣ Викрамадитыи. Но въ этотъ періодъ, т. е. въ послѣдніе вѣка до Р. Х., уже Ванскія общины утратили большую часть своего кореннаго характера и приняли множество чуждыхъ стихій отъ окружающихъ народовъ и особенно отъ своихъ сѣверныхъ побѣдителей-дикарей. Существовали старыя имена: Вановъ (*Таванъ, Ванада*), Даковъ (*Да-хія, Сака*), Уновъ (*У-на-о, Гуна*); но нравы, обычаи и языкъ исказились давно. Послѣдняя ихъ борьба съ Гюнг-ну сокрушила ихъ навсегда.

Появленіе сѣверныхъ кочевыхъ полчищъ на границахъ Китая соотвѣтствуетъ довольно близко вторженію мнимыхъ Скифовъ (не славянскихъ) въ Закавказье: оно относится къ VII столѣтію до Р. Х. Лѣтопись Китая упоминаетъ объ нихъ подъ именемъ *Жунъ* еще вѣка два ранѣе: но тогда они были еще незначительны. Очевидно, что могущество Средне-Азійскихъ народовъ возрасло внезапно вѣковъ за семь до Р. Х. и что въ это время произошло на сѣверѣ великое движеніе, отозвавшееся равно на берегахъ Гоанг-го, Дона и Евфрата. Такимъ образомъ политическая исторія Китая связывается съ исторіею Запада, точно также, какъ и исторія просвѣщенія Китайскаго при династіи Чоу во многихъ отношеніяхъ находится въ прямой зависимости отъ умственного движенія Иранскаго племени.

Нѣтъ сомнѣнiя, что не одинъ и тотъ же народъ гналъ передъ собою При-донскихъ Киммерiйцевъ и одерживалъ надъ Кятайцами побѣду, въ которой погибъ императоръ Теу-вангъ: но по всѣмъ вѣроятностямъ около этого времени одинъ какой нибудь сильный союзъ составился на югѣ теперешней Сибири и, возмутьивъ все море кочевыхъ семей, отбросилъ ихъ волны далеко на западъ и на востокъ, на область Нинивiйскую и на столицу потомковъ Ву-ванга.

Давно уже развился эгоизмъ государственный; человѣч-
скій союзъ былъ расторгнутъ и вооруженная рука рѣшала
судьбу народовъ. Но государства имѣли еще другой высшій
смыслъ, религіозный или нравственный. Съ усиливающимся
синкретизмомъ вѣрованій и увеличивающимся разединеніемъ
народовъ, рѣзче и рѣзче стало выказываться преобладаніе
воинственнаго начала. Нравственная и религіозная жизнь
государствъ пачезала съ помраченіемъ самаго смысла рели-
гіознаго; внутренняя связь ихъ слабѣла и стихіи торжества
переходили къ полупросвѣщеннымъ дякарямъ, соединяющимъ
любовь къ славѣ и добычѣ съ восторженнымъ напряженіемъ
личныхъ силъ, умственныхъ и физическихъ.

Паденіе
Ассиріи.
Освобожд-
еніе Ва-
виллона.
Его зна-
ченіе.

Въ VIII столѣтіи до Р. Х. царство Ассирійское распалось
на части. Великолѣнный костеръ принялъ послѣдняго царя
восьмисотлѣтней династіи.

Имя Сарданапала и его исторія, можетъ быть, взяты изъ мифовъ:
они крѣпко напоминаютъ Иракла (Санданъ), представителя силы духов-
ной, впаваго въ искушеніе вещественной жизни и очищающаго себя
огненною смертию. За всѣмъ тѣмъ конецъ династіи ассирійскихъ ца-
рей напоминаетъ конецъ династіи *Шангъ* въ Китаѣ, и нѣтъ ни-
чего невѣроятнаго въ торжественномъ самоубійствѣ царя, наследника
длиннаго ряда царей, не могущаго пережить своей державы и послѣ
безславной жизни напоминающаго въ смерти славу своихъ великихъ
предковъ.

Новая ли династія взошла на престолъ Ниневійскій или
прежняя продолжала править уменьшенной державою, — но
значеніе государства исчезло. Великое средоточіе югозапад-

ной Азии, некогда подчинявшее власти своей всю область Иранскую, упало и уже никогда не возставало. Дѣятельность Ассиріи ограничилась военными подвигами въ странѣ, лежащей между Тигромъ и Средиземнымъ моремъ, и борьбою съ югозападными сосѣдями. Это стремленіе къ распространенію власти своей въ новомъ направленіи объясняется напоромъ Средне-Иранскихъ (Мидо-Персидскихъ) племенъ; но дикость нравовъ, замѣтная въ Ассирійскихъ царяхъ (Саргонъ, Сеннахерибъ, Салманасаръ и другихъ), кажется, указываетъ на новую стихію, измѣнившую прежній бытъ и пришедшую вѣроятно съ приливомъ сѣверныхъ и горныхъ народовъ.

Нѣкоторыя сходства замѣтны между религіями сѣверозападныхъ Славянъ и тѣмъ, что намъ извѣстно о религіи Нинивійской, напр. между поклоненіемъ Нергалю или богу войны въ эмблемѣ пѣтуха и такимъ же поклоненіемъ въ Литвѣ и Славянскомъ приморіи Балтики. Такое же поклоненіе явно отзывается въ отношеніи *Алектора* къ *Аресу*: но эти сходства не доказываютъ нисколько вліянія упавшей Ассиріи на сѣверо-западъ. Они объясняются очень просто изъ распространенія въ Европѣ племени Вановъ, владѣвшихъ Нинивіею въ концѣ 3-го и въ началѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х.

Напоръ Ассирійцевъ уничтожилъ слабѣйшее царство Сирійское и обезсильшее царство Израильское. Иуда, укрѣпленный вѣрою Езекиа и словомъ пророковъ, устоялъ, Египетъ отбилъ отъ себя потокъ сѣверныхъ завоевателей. Эти двѣ неудачи ускорили паденіе Нинивіи. Вскорѣ нахлынули изъ-за Кавказа полчища дикихъ набѣдниковъ (мнимыхъ Скивовъ, Финно-Турецкихъ племенъ). Ихъ опустошительный набѣгъ погромилъ всю юго-западную Азію до самыхъ границъ Египта, откупившагося при Псамметихѣ богатыми дарами, и временно удаливъ отъ Ассиріи опасность, угрожавшую ей со стороны Мидійцевъ, приготовилъ ей окончательное паденіе.

Весьма замѣчательное и загадочное обстоятельство въ разсказѣ о Скиоскомъ нашествіи—основаніе ими поселенія въ Палестинѣ при Бетъ-

Шеанъ (Скиеполись). Трудно его сообразить съ нравами кочевыхъ дикарей и можно бы было усомниться въ существованіи самой колоніи, если бы оно не было вполне доказано сказаніями Эллиновъ и свидѣтельствомъ Евреевъ. Загадка вѣроятно объясняется тѣмъ, что поселеніе основано не самими Скивами, но одною изъ осѣдлыхъ Закавказскихъ общинъ, увлеченныхъ разливомъ кочеваго племени и утратившихъ свое собственное имя. Точно тоже случалось въ позднѣйшее время съ Славянами во время переселенія Гермацевъ и Аваровъ.

Вавилонъ отдѣлился отъ Нинивіи. Его возмущеніе помогло освобожденію Мидійцевъ: но самый Вавилонъ не вдругъ отторгнулся отъ сѣверной столицы: но крайней мѣрѣ кажется, что преемники Набонассара находились еще въ нѣкоторой зависимости отъ царей Ассирійскихъ и только мало по малу получили полную самостоятельность. Цѣлыя тысячелѣтія прошли съ тѣхъ поръ, какъ великолѣпный городъ, основанный Кушитами на берегахъ Евфрата, подпалъ власти своей сѣверной колоніи, перешедшей въ руки Иранскаго народа: съ тѣхъ поръ Вавилонъ не жилъ отдѣльною жизнію и былъ только второю столицею царей, жившихъ преимущественно въ Нинивіи: но въ немъ преобладалъ характеръ южный, характеръ вещественнаго просвѣщенія, водчества, роскоши и разврата. Иранское начало, принесенное въ него завоевателями, не могло остаться безъ вліянія, и это вліяніе явно во враждѣ Вавилонянъ-побѣдителей противъ кумирнаго поклоненія приморской Палестины и Фивіи. Топоръ ихъ уничтожалъ священныя мѣса, капища и сиваическія эмблемы (*ашкера*), точно также какъ мечъ ихъ истреблялъ народы.

Это явно изъ свидѣтельствъ Еврейскихъ, и объясняетъ въ пророкѣ радость священныя рощи Ливана о паденіи Вавилона.

Но никогда Иранство не могло развиваться вполне на почвѣ Кушитской. Маги или жрецы Вавилонскіе не были совершенно идолопоклонниками, ибо существованіе кумировъ очень подвержено сомнѣнію, и безуміе Навуходносоровой гордо-

сти не представляет еще характера религиозного; но самый магизм или халдеизм в его Вавилонской формѣ принадлежалъ вполнѣ системамъ Кушитскимъ и представлялъ поклоненіе необходимости въ цѣломъ рядѣ органически возрождающихся тріадъ. Память о духовности и свободномъ творествѣ Иранскаго божества, первобытнаго Бела (одного и того же, что *Гель*, *Беленъ*, *Гелиосъ* другихъ племенъ того же корня) исчезла подъ примѣсю Кушитскихъ стихій, и Вавилонъ по духу религіи принадлежалъ землямъ полнаго и безобразнаго синкретизма, точно также, какъ Сирія и Финикія, отъ которыхъ отличался только меньшею жестокостью въ обрядахъ. Между тѣмъ самое народонаселеніе принадлежало Ирану болѣе, чѣмъ народы приморскіе, и языкъ носилъ яснѣйшіе признаки своего кореннаго начала.

Кирпичи, открытые въ болотахъ Приевфратскихъ, до сихъ поръ представляютъ неразрѣшенную загадку. Ключъ къ нимъ найдется вѣроятно изъ полнѣйшаго сравненія всѣхъ клинообразныхъ письменъ и тогда явятся болѣе данныя для узнанія древняго нарѣчія Вавилонскаго; но родство его съ нарѣчіями Ирана можетъ быть утверждено смѣло и безошибочно изъ одной формы царскихъ именъ. Преобладающіе въ нихъ звуки или корни *небо* и *царь* явно принадлежатъ Ирану. Стѣсненіе смысла слова *небо* (сдѣлавшагося у Вавилонянъ именемъ одной планеты Меркурія) ничего не значитъ. Тоже самое происходило съ этимъ словомъ и въ языкахъ Западно-Иранскихъ. Характеръ же самыхъ именъ связываетъ въ Вавилонѣ земли восточныя съ землями приморія и доказываетъ близкое родство съ Ираномъ. Точно то же заключеніе можно вывести изъ употребленія клинообразныхъ письменъ и изъ нѣкоторыхъ религиозныхъ преданій, напр. о потоцѣ, спасенія Ксисутра богомъ Хономъ; хотя трудно отличить сказанія мѣстныя отъ тѣхъ, которыя могли быть займомъ отъ Евреевъ.

Издревле торговля цвѣла въ Вавилонѣ: онъ былъ великимъ средоточіемъ каравановъ, соединяющихъ восточную Азію съ побережьемъ Средиземнаго моря, складочнымъ мѣстомъ для товаровъ Финикіи и Индіи. Два тысячелѣтія сряду обога-

щали его жителей, никогда не подвергавши разореніямъ войны вѣроятно съ самаго начала Ванно-Ассирійской династїи. Его безконечныя стѣны во всей своей длинѣ равнялись вышиною съ башнями, которыми гордятся столицы новыхъ вѣковъ. Башни его поднимались выше пирамидъ Египта. Правда, рассказанная объ его сокровищахъ, казалась въ позднѣйшее время вымысломъ горячаго воображенія Востока.

Ясныя свидѣтельства о несмѣтномъ богатствѣ мелкаго Палестинскаго царства при преемникѣ Давида, богатствѣ прибрѣтенномъ въ короткій срокъ двухъ царствованій, могутъ показать, какова должна была быть торговая столица всей Азіи (ибо таковъ былъ Вавилонъ) послѣ двухъ тысячелѣтій благоденствія.

Вмѣстѣ съ торговлею цвѣло и просвѣщеніе. Освобожденіе южно-Ассирійской столицы отъ сѣверной при Набонасарѣ сдѣлалось, какъ мы видѣли, астрономическою эпохою для Китайца и Элина; таинства древнихъ наукъ хранились у могучей касты жрецовъ, славившихся мудростью своею еще долго послѣ паденія царства.

Кромѣ показанія Грековъ мы имѣемъ еще свидѣтельство Евреевъ (Царствъ 4 глава IV ст. 30): мудрость Египтянъ поставлена вмѣстѣ съ мудростію жителей Востока, и по всей вѣроятности Востокъ тутъ значитъ землю Вавилонскую.

Довольно любопытно видѣть, какъ трудно уму человеческому добиться самыхъ простыхъ изобрѣтеній. Надписи на кирпичяхъ Превфратскихъ вытѣснялись, какъ извѣстно изъ новѣйшихъ изслѣдованій, средствомъ весьма похожимъ на стереотипію. Кушныи съ виномъ у Римлянъ обозначались буквами, весьма похожими на буквы, употребляемыя въ книгопечатаніи, а сколько вѣковъ прошло до изобрѣтенія Гуттенберга или Кутногорскаго, кто бы онъ ни былъ, Нѣмецъ или Славянинъ.

Но торговля и просвѣщеніе не могли упрочить власти въ Вавилонѣ. Глубокій развратъ нравовъ и отсутствіе сильнаго духовнаго начала уничтожали всѣ внѣшнія начала его силы

Навуходоносоръ. Паденіе Египта. Паденіе царства Іудейскаго.

Около полутора вѣка прошло послѣ того, какъ южная Ассирія отдѣлилась отъ сѣверной, а новое царство все еще едва замѣтно было въ движеніяхъ всемірной жизни. Очевидно, оно находилось въ зависимости отъ своихъ прежнихъ владыкъ и цари Вавилонскіе были чѣмъ-то похожимъ на наслѣдственныхъ градоправителей. Когда наконецъ Нинивія пала подъ ударами Кіаксара Мидійскаго, тогда только Вавилонъ проявилъ свою отдѣльную дѣятельность; но эта дѣятельность была продолженіемъ исторіи Нинивійской. Тотъ же характеръ въ военныхъ предпріятіяхъ, то же направленіе завоеваній на области юго-западныхъ и на Египетъ.

Возрастающее могущество средняго Ирана отнимало всякую надежду на успѣхъ въ войнѣ съ сѣверомъ; торговое и роскошное приморье Палестины и Финикія обѣщало богатую награду завоевателю. Внезапное усиленіе Вавилона послѣ нашествія Скифовъ и паденія Нинивіи указываетъ на переселеніе изъ сѣверной Ассиріи и на приливъ одноплеменниковъ. Сосредоточеніе государства въ одной столицѣ и замѣчательная личность нѣкоторыхъ государей (каковъ напр. Навуходоносоръ) доставили южнымъ Халдеямъ побѣду въ тѣхъ странахъ, гдѣ сѣверные потерпѣли пораженіе. Египетъ, собравшій новыя силы въ царствованіе Псамметиха, раздѣлъ при его предпріимчивомъ преемникѣ Нехао и не могъ оставаться равнодушнымъ къ увеличенію державы Вавилонской. Плаваніе, совершенное Финикійцами кругомъ Африки по велѣнію фараона, показываетъ дружескія сношенія Финикіи съ Египтомъ. Между тѣмъ Вавилонъ присвоивалъ себѣ власть надъ поморіемъ, какъ наслѣдственное право, пріобрѣтенное Нинивіею; и Навуходоносоръ былъ не тотъ царь, который уступилъ бы часть своихъ истинныхъ или мнимыхъ правъ. Столкновеніе было неизбѣжно. Войска Египетскія первыя ворвались въ Палестину, побѣдили Іудеевъ въ сраженіи, въ которомъ палъ послѣдній изъ великихъ царей дома Давидова, ограбили богатства Іерусалимскія и быстро двинулись къ берегамъ Евфрата. Битва при Каркемишѣ рѣшила споръ двухъ державъ. Нехао потерялъ всѣ плоды

прежнихъ побѣдъ и войска Вавилонскія ворвались неупорно-держимымъ потокомъ въ юго-западную страну. Египетъ, опустошенный, никогда не оправлялся отъ удара, нанесеннаго ему Навуходоносоромъ. Онъ влачилъ еще нѣсколько времени независимое, но безсильное существованіе, ожидая той сѣверо-восточной бури, которая налетомъ своимъ сокрушила вѣковѣчный Вавилонъ и стовраты Оивы. Часть Аравіи была покорена; гордый Тиръ погибъ послѣ упорной защиты; Финикія и земля Филистимлянъ подпали на всегда чужеземному игу и уже никогда не возставали къ самобытной жизни. Они переходили, какъ богатое наслѣдство, отъ Вавилона къ Персамъ, Грекамъ и наконецъ Римлянамъ, исчезая съ поприща всемірной исторіи безъ шума, безъ славы и почти безъ боя. Начатое Нинивіею было кончено Вавилономъ. Сарданпалъ уничтожилъ царство Израильское: Навуходоносоръ сокрушилъ престолъ Давида, оставилъ только груды дымящихся развалинъ въ великолѣпной столицѣ Соломона, и увлекъ въ тяжелый плѣнъ на берега Евфрата весь цвѣтъ народа Іудейскаго; но плѣнъ этотъ былъ не вѣченъ. Іерусалимъ не могъ погибнуть, не принеся своего послѣдняго плода.

Во времена доисторическія началась ожесточенная борьба между преданіемъ о творческой свободѣ и признаніемъ органической необходимости. Племена Иранскія были представителями древняго преданія. Хамиды или Кушиты были поклонниками новаго ученія. Борьба, долго продолжавшаяся съ перемѣнными успѣхами, кончилась повсемѣтнымъ синкретизмомъ, многобожіемъ, и тихою войною искушеній и соблазна. Ученіе Кушитское измѣнилось, отклонившись отъ своей первоначальной, строгой логической чистоты; но, созданное разумомъ, оно всегда могло возвращаться къ своему источнику простымъ путемъ отрицанія случайностей символа и мифа. Вѣрованіе Иранское также исказилось, но оно не могло уже возродиться, ибо возвратъ къ нему, какъ явный плодъ произвола, не могъ носить ни характера чисто-логическаго, ни истиннаго характера безсомнительной вѣры. Побѣда была на сторонѣ Кушитовъ, не смотря на повсемѣст-

ный упадокъ ихъ государственнаго значенія, въ Вавилонѣ, Финикіи, Египтѣ, Индіи и даже Эѳіопіи, куда уже проникли выходцы Аравійскіе.

Въ одной области, въ одномъ народѣ, возникшемъ на исторической памяти изъ семьи, оставившей свою Приаратскую родину, сохранилось вполне Иранское преданіе, великое достоинство младенчества человѣческаго. Это преданіе получило еще высшее значеніе по самой борьбѣ своей съ чуждыми ученіями, съ насиліемъ и соблазномъ. Не измѣняясь въ своей основѣ, оно приняло характеръ вѣры, сознающей себя, чувствующей свое духовное превосходство и презирающей всѣ другія ученія, какъ произведенія умышленнаго произвола или безумныхъ страстей. Могло ли оно исчезнуть? Несказанныя бѣдствія постигли область Іудейскую; народъ ея былъ увлеченъ въ плѣнь, столица и царство стерты съ лица земли: но мысль нашла себѣ спасителей и союзниковъ въ сильномъ и свѣжемъ племени Средняго Ирана,— въ племена, сохранившемъ общее преданіе въ наибольшей чистотѣ послѣ Израіля.

Плѣненіе Вавилонское, грозившее совершеннымъ паденіемъ Евреямъ, было для нихъ тяжелымъ испытаніемъ и огненною банею очищенія.

Едва ли не эта самая мысль высказана въ чудно-поэтическомъ сказаніи о трехъ отрокахъ, сказаніи не каноническомъ и не имѣющемъ собственно историческаго достоинства.

Царству Іудейскому, нѣкогда (при Соломонѣ) сильнѣйшему во всемъ пространствѣ между Евфратомъ и моремъ, уже не суждено было возставать въ такомъ объемѣ и съ такимъ могуществомъ: оно возстало въ большей чистотѣ. Царская власть, роскошь Іерусалима, прелесть временныхъ побѣдъ и завоеваній отняли у общины ея чисто духовный характеръ и свели ее въ низшую сферу общественно-политической дѣятельности, не смотря на увѣщанія пророковъ, возстававшихъ противъ такого упадка даже при боголюбивыхъ царяхъ. Возрожденная община вполне сознала свое истинное

значеніе. Она была уже не созданиемъ силы, власти и царскаго меча, но созданиемъ мысли, вѣры и пророческаго слова.

Въ новѣйшее время ученая Германія, разработывая исторію древнихъ религій, замѣтила наконецъ связь между закономъ Евреевъ и поклоненіемъ Молоху. Замѣчаніе дѣльное: но оно повело систематиковъ къ такимъ смѣшнымъ выводамъ, что на нихъ не нужно бы было и отвѣчать, если-бъ они не были подкрѣплены именами почетными въ наукѣ и громоздкою ученостью, внушающею невольное уваженіе. Молохъ-де, есть древній *Эль* (или *Иегова*), которому ископн поклонялись Евреи, тотъ же и *Тифонъ*, тотъ же и Шива и пр. и пр. Обряды Иеговизма и древнѣйшаго *Элогизма* были тѣ же самыя, которыми всегда славился или обезславливался Молохизмъ, именно человѣческія жертвы, сожженіе дѣтей и пр. Это кровавое богопоклоненіе продолжалось отъ самаго Авраама (который опять едва ли не мисръ Аравійскій или не высшій Богъ вѣтви Геламитской) до Соломона и раздѣленія царствъ и едва ли не до плѣненія Вавилонскаго. Умалченіе поклоненія есть дѣло позднѣйшихъ пророковъ, пересмотрѣвшихъ, передѣлавшихъ древнее преданіе и легкою рукою скравшихъ все слѣды челоукоубійственныхъ обрядовъ. Постигнувъ отличительныя черты двухъ первыхъ всемірныхъ ученій и измѣненія, происшедшія въ нихъ отъ вѣковой борьбы, мы видѣли что Молохъ (какъ Хроносъ, Ираклъ и др.), есть дѣйствительно ничто иное, какъ искаженіе божества Иранскаго, что Тифонъ также есть новая стихія, или раздвоеніе Шивы на Тифона и Озириса, происшедшее отъ прикосновенія Ирана къ ученію Кушитскому, что наконецъ Шива есть чистый богъ Кушитскій (олицетворенная двойственность видимой природы) и, кромѣ ожесточенія обрядовъ, не имѣетъ ничего общаго съ Иранскимъ первобытомъ и съ его позднѣйшими искаженіями. Зерно правды, сбившее съ толка Германскихъ критиковъ, явно, причина ошибки понятна; но ошибка сама такъ груба, что едва вѣроятна. Во-первыхъ, если-бъ преданіе было измѣнено пророками съ цѣлью скрыть прежнія человѣческія жертвоприношенія, повѣсть объ Иефеаѣ была бы или измѣнена или сопровождена какими нибудь порицаніями, во-вторыхъ, Иеговизмъ (будго бы реформа прежней вѣры) отличался бы отъ Элогизма большею кротостію, а на это итъ

ни малѣйшихъ признаковъ: въ-третьихъ, мы имѣемъ (какъ уже видѣли) свидѣтельства подлинныя, безспорныя, подробныя о поклоненіи Евреевъ въ глубочайшей древности; истина этихъ свидѣтельствъ доказывается самымъ сохраненіемъ двухъ именъ Божества, изъ которыхъ одно позднѣе другаго: между тѣмъ какъ о древнѣйшемъ Молохизмѣ мы не имѣемъ никакихъ показаній, кромѣ того, что упоминается мимолетно въ преданіи Еврейскомъ и, слѣдовательно, не можемъ ему приписать глубокой древности въ той формѣ, въ которой онъ намъ извѣстенъ. Наконецъ, Элоизмъ есть чистое еднобожіе, основа всего Иранскаго духовнаго міра; онъ сохранился такъ неприкосновенно, что языкъ Израиля (хотя онъ занятой у другаго племени) не имѣетъ даже слова для идеи «*богиня*»,—между тѣмъ какъ Молохизмъ вездѣ уже является многобожіемъ, т. е. религіею эпохи синкретической, слѣдовательно не можетъ имѣть ни притязаній на чистоту, ни права считаться первобытомъ. Критика нарѣчій могла бы спасти ученыхъ Германцевъ отъ ихъ смѣшной ошибки. *Молохъ* есть ничто иное какъ искаженіе слова *Мелекъ* или *Мелехъ* (господинъ); самое же слово *Мелекъ* есть уже измѣненіе слова *Бель* съ переходомъ *Б* въ носовую звукъ *М*. *Эль* или *Гель* или *Вель* (тоже что словянское *велий*, галлическое *беаль* и пр.) является какъ коренное имя божества, соответствующее именамъ *Творъ*, изъ котораго вышелъ *Тюръ* Скандинавскій, *Вышній*, изъ котораго вышелъ *Вишну* Индустанскій, и *Богъ*, изъ котораго составилось *Бага* клинообразныхъ надписей и *Беграмъ* Зендавесты. *Молохъ*, уже по своей мѣстной, поздней и искаженной формѣ, не можетъ ни подъ какимъ видомъ служить первообразомъ въ сравненіи съ *Элемъ*, почти всемірнымъ. Къ несчастію, страстный систематизмъ потемняетъ разумъ, просвѣщенный даже глубокою ученостію, и привычки кропотливаго книжничества стѣсняютъ умственный горизонтъ человека. Дѣльный выводъ изъ всѣхъ изслѣдованій Германскихъ былъ бы тотъ, что родоначальникъ Израиля принесъ съ собою древнюю вѣру Ирана въ область, въ которой онъ нашель уже языкъ измѣненный, сдѣлавшійся потомъ нарѣчіемъ его потомковъ, но въ которой еще нашель многія семья, хранящія старое преданіе о поклоненіи Единому Богу. Такова была дѣйствительно во время Авраама Палестина, населенная выходцами изъ западнаго Ирана—*Семитами*, выходцами съ юга—*Ханаанитами*, и едва ли не выходцами изъ Прикавказскаго

сѣвера—*Рефайтами*, которыхъ ростъ, обычаи и собственные имена отзываются чѣмъ-то близкимъ къ племенамъ Яфетическимъ. Сочувствіе семьи Еврейской къ жителямъ Ханаана выражается многими чертами сказанія объ Авраамѣ и словомъ, что въ это время мѣра грѣховъ Аморрейскихъ еще не исполнилась. Исторія Палестины и ея духовнаго искаженія въ эпоху, раздѣляющую Авраама отъ Иисуса Навина, была бы тогда ясна и очевидна. Впрочемъ, понятіе о ходѣ древнихъ религій будетъ до тѣхъ поръ темно и сбивчиво, покуда въ основаніи его не положится раздѣленіе на поклоненія: *свободно существующему* и *необходимо-живущему* (*dem frei-seienden und dem nothwendig-lebenden*).

Восточный Иранъ (Ваво-Бактрійцы) былъ искаженъ соблазномъ Индо-Кушитскихъ ученій и создалъ челоѡкообразныя религіи; западный Иранъ былъ искаженъ не только ученіемъ Африканскихъ Кушитовъ, но и племеннымъ смѣшеніемъ. Средній, горный Иранъ, болѣе удаленный отъ соблазна и защищенный горами отъ насилія, сохранилъ чистоту ученія и племени. Ослабленіе Ванскихъ общинъ и распаденіе Ассирійскихъ царствъ дало среднему Ирану возможность выступить самобытно на поприще исторической дѣятельности. Въ восьмомъ столѣтіи до Р. Х. Азы Мидійскіе или Аріи скинули съ себя иго Нинивіи. Расказъ Геродота, темный и, можетъ быть, не со всѣмъ вѣрный въ подробностяхъ, важенъ въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ намъ на истинное состояніе Иранскихъ семей, живущихъ еще въ первобытной простотѣ и не скрѣпившихъ своего родоваго союза условіемъ союза государственнаго. Одинъ ли челоѡкъ, Деіокесъ, или еще прежде его Арбагъ, или самый народъ понялъ необходимость новаго устройства, все равно. Разъединенныя общины соединились въ государственное тѣло. Это окрѣпленіе Азовъ Мидійскихъ совпадаетъ по времени съ успленіемъ братьевъ ихъ Азовъ-Алановъ (Сарматовъ) на Кавказѣ и немногимъ предшествуетъ движенію Алановъ за Кавказъ. Оба происшествія происходятъ изъ одной и той же причины,—изъ накопленія вещественныхъ силъ въ среднемъ Иранѣ.

Прежнія державы, владѣвшія судьбою міра, потеряли свое религіозное значеніе съ ослабленіемъ вѣрованій, перешедшихъ въ безсвязный и бессмысленный синкретизмъ.

Китай составляетъ исключеніе: въ немъ самое государство было предметомъ и единственнымъ предметомъ чувства религіознаго. Китай созданіе гениальнаго полоумія.

Но прежде, чѣмъ наступило торжество обществъ, основанныхъ единственно на обоготвореніи личныхъ силъ, еще разъ возникла и прогремѣла держава, основанная на началѣ религіозномъ. Царство Мидійское оперлось на высокія начала вѣры, исполненной чистыхъ понятій о Божествѣ, о свободѣ духа, о красотѣ нравственнаго добра. Первенство, приобрѣтенное Хамитами, основателями древнѣйшихъ государствъ, перешло отъ нихъ къ племенамъ Иранскимъ, смѣшаннымъ съ Кушитскою стихіею; потомъ къ державѣ чисто Иранской. Таковъ былъ необходимый ходъ исторіи и долгой борьбы между искусственною условностью жизни Кушитской и органическою силою жизни Иранской. Нѣтъ сомнѣнія, что вліянія востока и запада уже подѣйствовали на горныя страны Мидія и Персидстана: преданія исчезли или исказились; чуждыя поклоненія примѣшались къ наслѣдственнымъ вѣрованіямъ; но общій духъ вѣры еще сохранялся съ удивительною чистотою. Была еще возможность сильнаго и живаго возрожденія. Оно наступило. Въ то время, когда ослабла желѣзная рука Нававія, общины Средне-Иранскія, прилегающія съ юга къ Каспійскому морю, соединились въ царство. Явленіе великаго реформатора придало духовную силу новорожденной силѣ вещественной.

Зороастръ или *Зердуштъ*, собственно *Заратмуштро*, принадлежитъ безспорно Мидіи, а не Персидстану, эпохѣ власти Мидійской, а не позднѣйшаго царства Персидскаго. Смѣшно въ имени царя или царька *Гуитаспа* некакъ великаго Дарія; отъ вниманія Эллиновъ не могло бы укрыться происшествіе столь важное, если бы оно случилось

во время частых сношений между ними и Персиянами, а для древнейших писателей Эллинических уже реформаторъ Иранскій является лицомъ полу-миоическимъ. Нѣтъ никакой ясной причины полагать, чтобы было что нибудь общее между Гуштаспомъ Зендскихъ книгъ и Даріемъ, никогда не носившимъ имени Гистаспа, какъ видно изъ клинообразныхъ надписей. Имя это, довольно обыкновенное у Мидо-Персидскихъ народовъ, могло принадлежать многимъ древнѣйшимъ князьямъ и царямъ. Впрочемъ, если (какъ вѣроятно) при великомъ Даріи или незадолго до него въ княжествѣ его отца была оживлена древнѣйшая реформа и составленъ письменный сборникъ духовнаго ученія, то можно бы было объяснить соединеніе именъ Зердуста и Гуштаспа тѣмъ предположеніемъ, что Зердустъ принимается въ Зендавестѣ не за лице еще живущее на землѣ, но за отжившее и уже только духовно присутствующее между своими учениками. Кажется, въ Зендавестѣ нѣтъ ни одного мѣста, противнаго такому толкованію.

Трудно опредѣлять истинную эпоху Зердуста и мѣсто его дѣятельности; впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, можно предполагать, что проповѣдь свою началъ онъ въ сѣверо-восточномъ Иранѣ (Согдіанѣ), въ странѣ, нѣкогда принадлежавшей Вендамъ, мало-по-малу вытѣсненнымъ Азами Мидійскими, и смѣло можно утверждать, что время этой проповѣди соотвѣтствовало началамъ Мидійскаго царства. Въ Зендавестѣ нѣтъ историческихъ данныхъ, но она явно принадлежитъ уже эпохѣ государства, а не общинѣ, но государства еще слабаго, не получившаго всемірнаго значенія, и не внушившаго еще своимъ членамъ той безумной гордости, которою отличались позднѣйшіе Персіяне и Мидійцы.

Споры о подлинности Зендавесты кончены. Просвѣщеннымъ людямъ уже не позволятельно въ ней сомнѣваться, хотя редакція нѣкоторыхъ книгъ явно принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей и хотя самый Вендидагъ представляетъ признаки вставокъ и измѣненій. Реформа Иранскаго ученія началась отъ народа говорящаго на языкѣ Зендскомъ; это опять несомнѣнно по той простой причинѣ, что всѣ священныя имена не только вышли изъ Зендскихъ корней, но и вполнѣ составлены

по законамъ Зендскаго нарѣчія; но еще остается вопросъ: какому народу принадлежало это нарѣчіе? Существованіе великаго, чуть не допотопнаго Зендскаго племени не нужно опровергать. Это схороненная и отпѣтая мечта ученой изобрѣтательности. Священная земля Зендскихъ книгъ очевидно, какъ уже сказано, находится на юго-западѣ Каспія: тамъ была и отчизна народа. Самое нарѣчіе принадлежитъ къ великой семьѣ Индо-Европейскихъ языковъ и обличаетъ ближайшее сходство съ чистѣйшимъ изъ ея нарѣчій, съ Санскритскимъ. Шехлеви и Парси прямо истекаютъ изъ него, но по сокращенію словъ, отсутствію логической послѣдовательности формъ и примѣси чуждыхъ западныхъ стихій, не заслуживаютъ даже сравненія съ нимъ: по этому Зендъ долженъ, по всей справедливости, считаться отцемъ всѣхъ Средне-Иранскихъ, намъ извѣстныхъ, нарѣчій. Онъ не былъ уже придворнымъ языкомъ Персидской монархіи; это явно изъ клинообразныхъ надписей, содержащихъ много не Зендскихъ формъ, не смотря на тождество корней и разительное сходство ихъ развитія; но нарѣчіе надписей, не смотря на нѣкоторыя преимущества, уступаетъ ему въ признакахъ первобытности. Отношеніе его къ Санскриту было предметомъ многихъ споровъ, въ которыхъ обошлось не безъ пристрастія. Большая часть ученыхъ признаетъ теперь между ними отношенія братства, а не послѣдовательнаго преемства. Мнѣніе это волюнѣ справедливо, но оно совсѣмъ бы и не должно считаться мнѣніемъ, если бы убѣдились, какъ слѣдуетъ, что отъ Санскрита собственно не произошло ни одно нарѣчіе кромѣ Индустанскихъ, и что всѣ Европейскіе языки, точно также какъ и всѣ Средне-Иранскіе, происходятъ отъ одного корня, развитившись до утвержденія чистого Индустанскаго характера. Вторичное же его влияніе (послѣ развѣтвленія) на нѣкоторыя нарѣчія Пригиммалайскія или на Вендо-славянскія (особенно сѣверное, а въ томъ числѣ и Литовское) посредствомъ торговыхъ путей, должно быть отнесено къ эпохамъ смѣшенія и сравниваемо съ влияніемъ Семитическихъ языковъ во время преобладанія Аравитянъ или Эллинскаго во время Эллинскаго владычества. Санскритъ стоитъ выше всѣхъ другихъ братій, не по древности, а по особенной, почти невѣроятной, чистотѣ, и въ этомъ отношеніи далеко превосходитъ языкъ Зендавесты. Впрочемъ, для безпристрастной критики три нарѣчія должны считаться представителями первобытнаго языка Иранскаго: *Санскритъ*, *Зендъ* и *Славянское*. Первое мѣсто

принадлежитъ безспорно Санскриту: но трудно опредѣлить сравнительную важность Славянскаго и Зенда, не смотря на отсутствіе древнихъ памятниковъ Славянскаго языка, отсутствіе воцѣль замѣняемое безконечнымъ числомъ его почти чистыхъ нарѣчій. Присутствіе въ Зендѣ нѣкоторыхъ корней и первобытныхъ формъ, уже исчезнувшихъ въ Санскритѣ, еще не даетъ ему права равняться съ древне-Индустанскимъ нарѣчіемъ. Такое же преимущество можно найти иногда и въ Пали и въ Славянскомъ и даже нарѣчійхъ второстепенныхъ, напр. Эллинскомъ или даже Кельтическомъ и Германскомъ (напр. слово *магитъ*, великій, не имѣетъ законнаго корня въ Санскритѣ, между тѣмъ какъ Славянское *могу*, Герм. *tögen* объясняютъ его воцѣль и т. д.). За воцѣль тѣмъ воскрешеніе Зенда должно считаться огромнымъ приобретениемъ для филологіи, по его удивительной чистотѣ и логической стройности. Присутствіе нѣкоторыхъ позднѣйшихъ стихій, такъ называемыхъ Семитическихъ или Арамейскихъ, мало измѣняютъ его достоинство и объясняются отчасти необходимостью замѣнить въ языкѣ богослужебномъ формы уже непонятныя другими новыми, болѣе понятными, хотя и чуждыми. Внимательное изученіе Зенда показываетъ въ немъ уже оскудѣнныя формы и явный переходъ изъ племеннаго языка въ семейное нарѣчіе: то же самое находится и въ Санскритѣ, но въ меньшей степени. Въ самомъ Санскритѣ можно отличать два нарѣчія, происходящія отъ одного и того же корня, нарѣчіе общее всенародной словесности, и нарѣчіе Ведъ. Последнее имѣетъ передъ первымъ преимущество древнѣйшаго писаннаго памятника, но уступаетъ ему въ богатствѣ и представляетъ болѣе признаковъ тѣсной мѣстности. Зендъ отличается отъ всѣхъ своихъ Иранскихъ братій отсутствіемъ буквы *л*, вездѣ замѣненной буквою *р*, и особеннымъ расширеніемъ гласныхъ. Языкъ Ведъ сохраняетъ букву *л*, и даже представляетъ ее въ другой формѣ, которую теперешніе Брахманы произносятъ какъ *лр*, но которая была вѣроятно ничто иное, какъ грубый *л* Славянскій (Англійскій въ концѣ словъ), точно также какъ мнимая гласная *ри*, по воцѣль вѣроятностямъ, была ничто иное, какъ *ы*. Въ обоихъ случаяхъ *р*, сперва принятый какъ знакъ огрубѣнія звука (*л—лр*, *и—ри*) былъ въ послѣдствіи времени, при умигченіи нарѣчія, принятъ за истинный и отдѣльный звукъ. Кромѣ того Ведъ (особенно Ригведа) охотно замѣняютъ букву *д* буквою *л* (также какъ Римляне въ *levir* изъ *дъверъ*,

въ *Уллисъ* изъ *Одиссея* и пр.). За всѣмъ тѣмъ, въ самыхъ Ведахъ замѣтно нѣкоторое преобладаніе буквы *p* и вообще много формъ, чуждыхъ обще-Санскритской письменности и совершенно объясняемыхъ только изъ сличенія съ Зендомъ (таково спряженіе глагола *кри*, употребленіе мѣстоименія *им* и др.). Совершенно противное замѣтно въ восточной отрасли Иранскихъ нарѣчій: она отличается стремленіемъ къ умягченію звуковъ. Славянская семья, уничтожая придыханія, умягчая гласныя, даетъ буквѣ *л* преимущество передъ *p* и, кажется, въ окончаніи словъ производныхъ изъ глагола даже отступаетъ для этой цѣли отъ первоначальной формы, общей всѣмъ другимъ семьямъ. Производное изъ Славянскаго, нарѣчіе Латвиское, сохранило едва ли не древнѣйшее окончаніе на *p* (*imperator*, *arator* и т. д.). По крайней мѣрѣ, то же самое окончаніе осталось въ Славянскихъ словахъ безспорной древности (напр. *пастырь*, *водарь*, *сударь*—(отъ *суда*, ибо *государь* есть составное изъ *сударь* и *го*: *го* означаетъ превосходство или славу, *гой еси* значитъ *прославленъ будь!* толкованіе вѣроятное по санскритскому *го*, небо, лучъ, блескъ).—То же самое окончаніе замѣтно и въ окартавленныхъ *оратай*, *вожатай*, *ходатай* и пр.). Общее содержаніе Санскритской словесности, разившейся изъ Вишнуйскаго сказочнаго и челоѡикообразнаго вѣрованія, распространеннаго міромъ Вановъ и Гетовъ до Пелопоннеза и Рейна съ одной стороны и до мыса Коморинскаго съ другой, преобладаніе символа воды, также какъ и особенности обще-Санскритскаго нарѣчія связываютъ всю систему письменную и религіозную съ отраслью восточно-иранскою. Особенности языка Ведъ, замѣтное преобладаніе огненнаго символа, ничтожность Вишну въ Ведическихъ гимнахъ и упоминаніе въ нихъ божества *Митры*, котораго значеніе понятно только изъ Зендской религіи, указываютъ на тѣснѣйшую связь съ среднимъ Ираномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Ведаы, въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ теперь существуютъ, суть уже сборникъ сравнительно поздняго времени: но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что зерло ихъ или главная основа есть наслѣдство глубокой древности. Не одни Ваны, но и ихъ братья, союзники и соперники, Азы имѣли участіе въ судьбѣ Индустана (соединявшаго ихъ въ названіи сѣверо-восточной страны, Аза-Вана). Ваны, какъ многочисленнѣйшіе и ближайшіе, сильнѣе подѣйствовали на государственную судьбу; какъ способнѣйшіе къ художеству, овладѣли всею

словесностью. Строгие и многомысленные Азы приняли въ себѣ сильнѣе стихію религіозную и философскую сторону богослуженія брахманскаго. Оттого — то сборникъ духовнаго ученія носить признаки того нарѣчія, на которомъ написаны и священныя книги средняго Ирана. Такимъ образомъ объясняется особое срадство Ведъ и Зендавесты. Самый же языкъ Зендъ, котораго напрасно бы стали искать въ маломъ горномъ племени *Зундъ* (ибо нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы имя Зендъ было когда либо именемъ народнымъ), былъ, безъ всякаго сомнѣнія, древнимъ языкомъ Мидіи и Мазендерапа (*Ма-зендъ-иранъ*, великій Зендскій Иранъ) и родоначальникомъ позднѣйшихъ Пехлеви, Парси и особенно, самаго близкаго къ нему, придворнаго нарѣчія Кировыхъ преемниковъ, наконецъ языкомъ великихъ Азовъ или Аріевъ, изобрѣтателей письменности гласовой, по которымъ западные народы назвали Азією весь безконечный восточный материкъ. Впрочемъ Зендъ, оставшійся намъ въ памятникахъ, находился безспорно уже въ состояніи упадка отъ одичанія народа и отъ вліянія западныхъ семей, долго владѣвшихъ Мидією. И то и другое легко замѣтить безпристрастная критика. Религія Зендавесты, такъ же какъ и языкъ, уже подверглась измѣненіямъ. Ученіе Заратустра есть не первобытное вѣрованіе, но реформаторское, слѣдовательно неполное, возвращеніе къ старинѣ. Его собственное свидѣтельство въ этомъ отношеніи ясно. Онъ говоритъ о прежнихъ учителяхъ, особенно о какомъ-то боговдохновенномъ *Гомъ*, но не связываетъ себя ни съ кѣмъ путемъ историческаго преемства: явно, что между прежнимъ свѣтомъ и его проповѣдые былъ промежутокъ мрака, вѣроятно синкретическаго поклоненія многоименнымъ божествамъ, которыхъ онъ проклинаетъ подъ именемъ *Дивъ*. Кромѣ свидѣтельства самого Зердушта, мы имѣемъ внутреннія, еще убѣдительнѣйшія доказательства въ самой критикѣ его ученія. Оно представляетъ неоспоримыя доказательства глубочайшей древности въ общемъ своемъ характерѣ и въ то же время новости во многихъ подробностяхъ. Такими доказательствами можно считать: самое имя божества Агтра-Маз-Дао (господинъ великій богъ), котораго многосложность совершенно противна первобытной простотѣ; двойное употребленіе одного и того же слова—*Дивъ* въ смыслѣ злаго духа и *Дао* въ смыслѣ бога, между тѣмъ какъ *Дао* есть только мѣстное измѣненіе кореннаго *Дивъ* (то же отношеніе, что между нарѣчіями Сербскимъ и Малороссійскимъ въ

спряженія глаголовъ); произвольно-философское введеніе безличнаго *Зерване Акерене*, т. е. олицетворенной вѣчности; не ясное отношеніе злаго начала къ доброму и, особенно, нелогическое нарушеніе духовной свободы въ необходимо-зломъ характерѣ твореній 'злаго *Ангри-Маньюса*, между тѣмъ какъ творенія самого божества способны къ злу и добру. Таковы явные доказательства реформы не вполне удачной. Къ ней еще остались примѣшанными и нѣкоторыя совершенно чуждыя стихіи, изъ которыхъ едва ли не главнѣйшею можно считать какое-то обоготвореніе коровы, или быка. Этотъ весьма важный символъ, неизвѣстный древнему Иранству, но встрѣчаемый почти во всѣхъ синкретическихъ религіяхъ, представляетъ вещественную природу, незлобивую, но зато не имѣющую ни опредѣленнаго характера, ни внутренней энергіи. На Ликійскихъ памятникахъ онъ долженъ считаться изображеніемъ жизни или стихій земныхъ. О введеніи женскаго начала въ нѣкоторыхъ частяхъ Зендавесты говорить нечего. Оно принадлежитъ, какъ и весь *Бундегешъ*, эпохѣ гораздо позднѣйшей, когда Персидское царство стало клониться къ упадку внѣшнему и внутреннему. За отстраненіемъ этихъ явныхъ приростовъ и произвольныхъ прибавокъ реформатора, остается чистое, возвышенное вѣрованіе, далеко превосходящее глубиною мысли и чудною чистотою молитвы всѣ прочія религіи; вѣрованіе столь близкое къ духовному наслѣдію Симо-Яфетидовъ, къ поклоненію *Гелю*, что ихъ необходимо должно считать за совершенно тождественныя въ своемъ началѣ. Тоже понятіе о свободномъ творчествѣ, о свободѣ духовной и о паденіи, тѣ же преданія о прошломъ блаженствѣ, о потопѣ и наконецъ тѣ же мессіянскія обѣщанія о будущемъ Спасителѣ-Сезіюшѣ. Не диво, что ученые, видя связь и не досмотрѣвъ общаго корня, требовали, чтобы Моисей поучился у *Заратустра* или *Заратустро* у Давида.

Преданія самой Персіи не совсѣмъ сходны съ показаніями Эллинскихъ писателей: но вообще преданія позднѣйшія въ Иранѣ, столько разъ потрясенномъ, завоеванномъ, утратившемъ и вѣру и языкъ и даже народъ свой (ибо теперешній Персіанинъ принадлежитъ почти столько же племени Турецкому, сколько Персидскому), не заслуживаютъ большой вѣры. Во всякомъ случаѣ, не у магометанъ, но у огнепоклонниковъ дол-

жнобы искать воспоминаній древности; но кажется, что если эти воспоминанія существуют, то они до сихъ поръ еще неизвѣстны просвѣщенной Европѣ. Династія Кеанидовъ принадлежитъ уже эпохѣ преобладанія Персидскаго. Трудно бы было соединить рассказъ о династіи Пишдадіевъ съ рассказами Эллиновъ; но даже въ темныхъ воспоминаніяхъ, сохраненныхъ поэтами Персіи, замѣтенъ историческій перерывъ и начало новой государственной эпохи съ восшествіемъ на престолъ освободителя *Феридуна*. Если тысячелѣтнее царствованіе *Джемшида*, Бактрійскаго хлѣбопашца, соответствующаго великой Семирамидѣ ассирійской и тысячелѣтнему владычеству Скивовъ, есть ничто иное, какъ олицетвореніе кроткой власти Вановъ восточныхъ, то побѣда *Дзогака*, эмѣпоклонника, представляетъ торжество полу-кушитской Ассиріи и Вавилона (обвиняемаго, какъ извѣстно, въ эмѣпоклонствѣ даже Евреями въ ихъ неканоническихъ, т. е. позднѣйшихъ писаніяхъ). *Феридунъ*, мнимый потомокъ *Джемшида*, уже царствуетъ не въ родинѣ своего предка. Онъ воспитанъ въ горахъ *Демавендской* цѣпи, онъ торжествуетъ силою меча и ставитъ государственное средоточіе въ среднѣмъ Иранѣ. Всѣ эти обстоятельства указываютъ на основаніе царства *Мидійскаго*. Владычество Вановъ не должно считаться эпохою сильнаго и твердо-устроеннаго государства. Это было время свободныхъ общинъ, связанныхъ единствомъ кровнаго братства и процвѣтавшихъ подъ сильною рукою одной преобладающей общины, основанной въ побѣжденной Ассиріи. Это было время для свободы *Аза Мидійскаго*, какъ и для *Вана Бактрійскаго*, и слава эпохи принадлежала не одному уголку земли, не одной семьѣ, но всему пространному Ирану. Мидія и Персія могли себѣ усвоить *Венедскаго Джемшида* съ большимъ правомъ, чѣмъ *Эллинскаго Искандера*.

Не долго могла одряхлѣвшая въ развратѣ и роскоши *Нинивія* противостоять новозданной силѣ *Азовъ Мидійскихъ*, крѣпкихъ простотою горной жизни и вдохновенныхъ всею полнотою духовнаго вѣрованія, перешедшаго изъ изустнаго,

семеинаго преданія въ писанную государственную религію. Побѣдивъ опасныхъ и воинственныхъ сосѣдей Кадузіевъ въ долгой войнѣ, о которой преданія исчезли въ общемъ преданіи о борьбѣ съ Тураномъ, Мидійцы обратили всѣ силы свои противъ прежней владычицы своей, Ассиріи. Не смотря на побѣды Соослухина, они при Кіаксарѣ уже стояли подъ стѣнами Нинивіи. Нашествіе Скивовъ спасло ее, но ненадолго. Освобожденіе Ирана отъ кочевыхъ завоевателей рѣшило судьбу западной Азіи. Первенство Мидійцевъ было не оспоримо. Нинивія пала. Городъ не былъ уничтоженъ, ибо преданія Армянскія (хотя не совсѣмъ достовѣрныя) говорятъ объ архивахъ Нинивійскихъ еще нѣсколько вѣковъ послѣ Р. X.; но Нинивія не имѣла торговаго значенія подобно Вавилону, и власть ея была чисто государственная. Ея важность исчезла съ уничтоженіемъ туземной, воинственной династіи, и остовъ великой столицы истлѣлъ, не замѣченный ни историками, ни поэзіею народныхъ сказаній.

Земля Малодонзійскія.
Лидія.

Побѣда Мидійцевъ сблизила ихъ съ другимъ воинственнымъ народомъ, пытавшимся основать сильное государство на западѣ Малой Азіи, съ Лидійцами.

Этого имени не должно искать по дурному примѣру нѣкоторыхъ ученыхъ, въ семьѣ *Лудъ* Еврейскихъ преданій. *Лудимъ* принадлежали племени Хамидовъ, и географъ находитъ ихъ еще въ наше время въ западныхъ пустыняхъ Африки, въ землѣ *Лудамаръ*, точно также, какъ и родственное съ ними племя *Путъ* или *Фута*, извѣстное по Еврейскимъ писателямъ и Египетскимъ памятникамъ. Имя Лидія связано съ обще-Иранскимъ корнемъ *людъ*, точно также какъ имя *Лити*, *Литурры*, *Ляли* связано съ корнемъ Санскритскимъ *леха* (черта) и Славянскимъ *льха* (черта, граница).

Не возможно опредѣлить съ точностію характеръ народа и царства Лидійскаго, принадлежащаго вполнѣ племенамъ мѣшаннымъ и разносоставнымъ. Когда усилившіеся Элины отодвинули другія Западно-Иранскія племена съ береговъ Эгейскаго моря и опрокинули старыя колоніи Великихъ Вендовъ (Венетовъ и Ликіевъ), началась новая жизнь въ новозданныхъ Элинскихъ городахъ Малой Азіи. Страна

побѣжденной Трои досталась Эолійцамъ, семьѣ явно принадлежащей вѣтви Іонійской. Новые полудикіе поселенцы не вытѣснили просвѣщеннѣйшихъ старожилловъ. Потомки Ассарака и древнихъ царей Пергамскихъ жили и царствовали въ долинахъ тѣнистой Иды, тогда какъ потомки Агамемнона владѣли равниною. Произошло смѣшеніе племенъ, давшее Эолійскому нарѣчію его особенности, Эолійскимъ мореходцамъ ихъ смѣлую предприимчивость и Эолійскимъ пѣвцамъ (или пѣвцу Омиру) великое призваніе пробудителей Эллады.

Здравомыслящая критика не можетъ отрицать Эолійскаго происхожденія Омира: оно явно и изъ нѣкоторыхъ древнихъ свидѣтельствъ и изъ его пристрастія къ Эолійскимъ обычаямъ и особенно изъ выбора его героевъ, принадлежащихъ почти безъ исключенія семьѣ Эолійской. Нарѣчіе Эолійское, кромѣ многихъ важныхъ особенностей, представляетъ характеристическую черту Славянскихъ языковъ, удаленіе отъ звуковъ *θ* (Англійскаго *th*) и *φ*.

Такое же смѣшеніе Эллиновъ съ туземцами, такое же вліяніе Восточно-Иранскихъ семей, такое же пробужденіе дремлющаго духа къ жизни просвѣщенія и искусства происходило, болѣе или менѣе, по всему западному берегу Малой Азіи. Оттуда и исторія и философія и небознаніе (Гекатей, Ксановъ, Гелланикъ, Ксенофанъ, Фалесъ), оттуда восходъ эллинскаго дня.

Лидійцы не были причислены къ Эллинамъ: они не принадлежали къ ихъ племени. Точно также были они чужды выходцамъ изъ восточнаго Ирана. За всѣмъ тѣмъ кажется, можно опредѣлять приблизительно главный источникъ, изъ котораго они получили свое начало.

Древность Ксанова Лидійскаго и частыя сношенія съ Эллинами даютъ особенную достовѣрность показаніямъ Геродота и другихъ Греческихъ писателей.

Первоначальное имя Лидійцевъ, — *Меонійцы*, связано съ корнемъ *мень* или *манъ* (Манесъ былъ родоначальникъ первыхъ царей) и поэтому имѣетъ совершенно одно значеніе съ по-

слѣдующимъ *Лидійцы* (отъ людъ). Переимѣна имени указываетъ, можетъ быть, на измѣненіе нарѣчій, но все въ кругу языковъ Иранскихъ. Первые цари вели родъ свой отъ сына Манеса, *Атиса*, любимца Кивелы. Въ этой горной богинѣ, соединяющей эмблемы природы саможивущей, упряжь изъ львовъ (слѣдовательно эмблему небеснаго огня, пожирающаго земное—какъ явно изъ мифовъ Ликійскихъ и др.), свирѣпыя обряды и ненависть противъ вещественнаго воспроизведенія, легко узнать мысль Иранскую въ ея ожесточеніи и въ послѣдовавшемъ смѣшеніи съ Кушитствомъ. Съ полною увѣренностью можно причислить древнихъ Лидійцевъ къ колоніямъ, вышедшимъ изъ западнаго Ирана или изъ Араратскаго пригорья послѣ эпохи религіознаго синкретизма и послѣ отдѣленія племенъ Германскаго и Пелазгійскаго. Вторая династія—царей Гераклидовъ представляетъ весьма любопытную родословную и явныя указанія на побережье Евфрата. Основатель династии—*Геркулесъ*, сынъ его *Алкей*, внукъ *Велъ* или *Белъ*, правнукъ *Нинъ*. Главное божество При-евфратскихъ и Сирійскихъ народовъ представляется внукомъ Геркулеса, но въ то же время и сыномъ Алкея, который самъ отецъ Иракла (*Алкида*). Тождество обидхъ боговъ, Геркулеса и Бела или Вела выказывается очень явно (какъ уже давно слѣдовало заключать по всему характеру мифовъ), и въ то же время соединеніе Бела съ Ниномъ не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ завоеванія Лидіи выходцами изъ сѣверной Ассиріи, или во время Ванскаго владычества, или (что вѣроятнѣе по лѣтосчисленію) во время вторичнаго усиленія Нинивіи, послѣ изгнанія Бактрійцевъ. Такимъ образомъ народъ Лидійскій могъ и долженъ былъ почерпнуть просвѣщенія изъ богатыхъ источниковъ Сиро-Вавилонскихъ, но просвѣщенія вестройнаго и нетвердаго, скоро исчезающаго въ дикой жизни воинственныхъ горцевъ, каковы были Лидійцы.

Тождество Вела и Геркулеса не подлежитъ сомнѣнію. Прибавимъ, что хотя корень имени Геркулесъ или Гер-куль весьма сомнителенъ и былъ отыскиваемъ въ разныхъ нарѣчійхъ безъ полнаго успѣха, кажетъ-

ся можно смѣло его причислить къ чисто-Иранскимъ. *Геръ* или, по Славянскому умягченію, *яръ* (или по его италійской формѣ, *веръ*) вообще означаетъ свѣтлое, пламенное, или сильное. Вторая часть слова *куль* указываетъ на корень *коло* (кругъ, Греч. *κῶλον* кружу и др.) и тогда имя Гер-куль значило бы свѣтлый кругъ, солнце или самое небо, по смыслу, по которому *коло* составило латынское *coelum*. Понятно, почему слово Гер-куль было принято также и въ смыслѣ круга годоваго. Отыскивая корни, которые случайно сохранились въ Славянскомъ языкѣ, мы не думаемъ отыскивать самое божество въ мифахъ Вано-Бактрійскихъ: оно чуждо имъ, по крайней мѣрѣ подъ этимъ именемъ.

Послѣдняя династія царей Лидійскихъ *Мермидовъ* принадлежитъ уже вполне эпохамъ историческимъ. Въ VIII вѣкѣ до Р. X. основатель ея *Гигесъ* упоминался въ стихахъ современныхъ Эллиновъ (какъ извѣстно, Архилоха Паросскаго) и былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ Дельфійскимъ оракуломъ (также какъ Гордій Фригійскій). Очевидно наступила эпоха, когда Азія стала занимать свѣтъ наукъ отъ своей ученицы Эллады. Ближайшіе и бѣднѣйшіе самобытнымъ просвѣщеніемъ, болѣе другихъ подверглись новому влиянію. Такова была судьба Лидіи. (*) Мермиды со дня на день усиливали свое царство. Киммерійцы или Приволжскіе *Кумри*, гонимые Скивами, бѣжали по берегамъ Чернаго моря. Ворвавшись въ Малую Азію, уже и прежде страдавшую отъ ихъ набѣговъ, они опустошили ее до самыхъ береговъ Эгейскаго моря съ тою же жестокостью, съ которою побѣдители ихъ Скивы, прорвавшись почти въ то же время черезъ Кавказъ по берегамъ Каспія, опустошали Ассирію, Мидію и Палестину до самаго Египта. Началась долгая и кровавая борьба между Лиді-

(*) Пр. За всѣмъ тѣмъ сказки объ Гигесѣ и его кольцо-невидимкѣ доказываютъ еще силу туземной стихіи; онѣ носятъ характеръ сказки восточной а не эллинской, русской шапки—невидимки, германской *тернъ-Канне*, *гелотгельма* и др. у Эллиновъ едва остался слабый слѣдъ ихъ въ Гомеровомъ шлемѣ Аяда. (*Примѣч. автора*).

ею и сѣверными опустошителями. Побѣда осталась туземцамъ. Лидія освободила Малую Азію почти въ то же время, какъ Мидійцы уничтожили Скиѣскія полчища. Киммерійцы погибли въ битвахъ, погибли въ долгомъ бѣгствѣ передъ побѣдителями и немногіе остатки ихъ спаслись, можетъ быть, въ ущеліяхъ Тавра или Кавказа, гдѣ ученая критика не отыскала ихъ слѣдовъ.

Изученіе горныхъ нарѣчій покажетъ вѣроятно остатки погибшаго народа. Въ Таврѣ мало надежды потому, что трудно будетъ ихъ отличить отъ позднѣйшихъ Галатовъ; но въ Кавказѣ успѣхъ вѣроятнѣе. Имя Авзровъ, горцевъ въ Лезгистанѣ, побѣдителей великаго Надиръ-шаха, — имя, принадлежащее также семьѣ Галльской (кажется изъ отрасли Болго-кумрійской), можетъ быть указывать на потерянный слѣдъ.

Мермнады, побѣдители Киммерійцевъ и избавители сосѣднихъ областей, скоро подчинили ихъ своей власти до береговъ Галиса. Передъ многочисленными войсками Лидій пали многія Эллинскія колоніи (Колофонъ, Пріена, Смирна и др.) Устрашенные Юнійцы платили имъ дань: но побѣдители сами покорялись вполнѣ могуществу Эллинскаго духа, и впили въ Элады всѣ духовныя начала, кромѣ того, въ которомъ жила ея сила, любви къ свободѣ и поклоненія высокой личности человѣка.

Борьба Лидій съ Мидійскимъ царствомъ. **Едва** исчезло царство ассирійское, Мидійцы уже пришли во враждебное соприкосновеніе къ Лидіи. *Аліятъ* Лидійскій, побѣдитель Киммеріевъ, нашелъ достойнаго соперника въ *Кіаксарѣ*, освободившемъ Азію отъ кочевыхъ Скиѣовъ.

Трудно узнавать имена восточныя въ ихъ Эллинскомъ искаженіи. *Кіаксаресъ* едва ли не составное слово изъ слова *кай*, сохранившагося въ сказаніяхъ Персидскихъ (Кай-кавусъ, Кай-кобаль и пр.) и означающій, вѣроятно, царское достоинство, въ языкѣ престонародномъ и имени *ассаръ*, которое можно угадать въ имени Ассузръ, данномъ Еврейскими писателями позднѣйшему царю Персидской династіи.

Поводомъ къ войнѣ было, вѣроятно, властолюбіе, предложеномъ— покровительство, оказанное Лидіею бѣглымъ Скиѣамъ изъ вражды къ Мидіи или изъ дружбы къ Скиѣамъ, врагамъ Киммерійцевъ. Рѣшительное сраженіе было прервано полнымъ затмѣніемъ солнца; миръ, заключенный посредничествомъ Сіенезиса, царя Киликійскаго и Лабинета Вавилонскаго, утвержденъ былъ бракомъ дочери Алліатовой и сына Кіаксарова.

Вѣроятно Киликія боялась усиленія Лидійцевъ, а Вавилонъ увеличенія Мидіи. Переговоры, посредничество царей и бракъ царскихъ дѣтей показываютъ, какъ стары и какъ изстари бесполезны политическія хитрости, за которыми и теперь еще гонится дипломатія европейская.

Война Лидіи противъ Мидійцевъ, первая между древнею Азіею и государствомъ, принадлежащимъ уже отчасти новой Европейской жизни, очень важна во всѣхъ отношеніяхъ. Переговоры доказываютъ уже безпрестанныя и расчетливыя сношенія народовъ другъ съ другомъ, затмѣніе солнца, прервавшее битву и предсказанное Фалесомъ Милетскимъ, даетъ исторіи твердую опору хронологическую и вѣрное свидѣтельство о высокомъ состояніи науки астрономической; наконецъ, самое столкновеніе Лидіи и Иранцевъ на берегахъ Галиса пополняетъ наши знанія объ эпохѣ сѣверно-Ассирійскаго царства.

Любопытно сравненіе между Фалесомъ, предсказывающимъ затмѣніе, и геніальнымъ Геродотомъ, рассказывающимъ въ полномъ собраніи Эллады такой вздоръ о ходѣ солнца, что трудно придумать нелѣпѣйшую нелѣпость. Явны и великая ограниченность знаній въ Элладѣ и нетуземность астрономіи.

Огромное разстояніе раздѣляло границы Лидіи не только отъ семейственной столицы Деіока, Экбатаны, но и отъ береговъ Тигра и павшей Нинивіи. Между тѣмъ, исторія не содержитъ ни полъ-слова о завоеваніи всей этой простран-

ной области Кіаксаромъ. Сличеніе этого происшествія съ покореніемъ Палестины и Финикіи Персами послѣ паденія Вавилона и имя Сирійцевъ (*Левко-Сиріевъ* или *Бѣло-Сирійцевъ*), подѣ которымъ извѣстны были Элинямъ жители Загалісской стороны, даетъ полное право утверждать, что Нинивія до самого своего паденія была владычицею всей области отъ береговъ Тигра до береговъ Галиса, и оцѣнить всю силу Ассирійской державы.

Области вообще считали себя не свободными членами государства, но какъ будто собственностью столицы; иногда онѣ составляли союзъ, признающій первенство одной главы, охраняющей ихъ. Въ обоихъ случаяхъ онѣ были равнодушны къ переменамъ политическимъ и готовы были признать надъ собою власть завоевателя, овладѣвшаго столицей, и всякаго новаго народа, присвоившаго себѣ права главы въ союзѣ. Такъ Персія получаетъ какъ бы въ наслѣдство всю страну, признававшую власть Мидіи и всю южную Сирію послѣ Вавилона; такъ Дарій считаетъ себя въ правѣ давать законы даже дальнимъ колоніямъ покоренной Финикіи; такъ Мидійцы являются законными владѣтелями всѣхъ странъ между Тигромъ и Галисомъ, потому только, что онѣ принадлежали побѣжденной Нинивіи.

Преемникъ Аліатта, *Крезъ*, продолжалъ начатое предками. Его оружію покорились всѣ Элины въ Малой Азіи, всѣ остатки древнихъ туземцевъ и въ ихъ числѣ жители богатой Фригіи, — наконецъ всѣ остатки восточно-Иранскихъ колоній, какъ-то Халибсы (*Хвалисы*), Азіятскіе Фракійцы и прочіе, за исключеніемъ храбрыхъ Ливійцевъ. Его богатства были несчетны, какъ отъ плодородія и рудниковъ самой области, такъ и отъ всемірной торговли приморскихъ городовъ, имъ вкоренныхъ; его конница, вооруженная длинными копьями, считалась первою въ Азіи; его союзниками были непобѣдимый Лакедемонъ и древній Египетъ, обѣщавшіе ему войска свои противъ царей востока; его столица (*Сардесъ*) была столицею роскоши, художества и просвѣщенія Элинскаго: въ нее стекались Фалесъ, Віасъ, Питтакъ, Солонъ и

другіе. Все обѣщало блистательную судьбу Лидіи: но ея внѣшняя и вещественная сила была ничтожна въ сравненіи съ внутреннею и духовною силою Ирана.

Не долго властвовала Мидія, и ея короткая лѣтопись такъ неподна, что она скорѣе можетъ быть угадана, чѣмъ разсказана послѣдовательно. Когда великій Кіаксаръ передалъ царство своему свирѣпому сыну Астіагу (или Астіигу по Ктезію), Экбатана предписывала законы всему среднему Ирану отъ Каспія до океана, всей бывшей области Нинивійской отъ Тигра до Галиса и всему восточному Ирану до Инду-кху и Памира. Персистанъ былъ покоренъ еще отцемъ Кіаксара Фраортомъ: но дѣйствительно Персы не были подданными Мидіи (это видно изъ всѣхъ разсказовъ), а только союзнымъ народомъ, признающимъ первенство одноначальнаго съ нимъ племени Мидійскаго и власть религіозно-гражданскихъ законовъ, утвержденныхъ сѣвернымъ реформаторомъ (Заратустро) и магами, его преемниками. Управлялся же Персистанъ своими обычаями, своими князьями и своими старыми родами воиновъ (*Пасаградовъ* и въ особенности *Ахеменидовъ*), заслужившихъ первенство между братьями вѣроятно мужествомъ въ отпорѣ противъ западныхъ завоевателей. Царство Нинивійское было вполнѣ подчинено Мидіи, какъ земля завоеванная; но власть Кіаксара не далеко простиралась на сѣверъ отъ Араратской цѣпи. Отроги Кавказа были наполнены воинственными потомками Иверцевъ (Западно-Иранцевъ, не покорившихся Нинивіи), Кимвровъ, искавшихъ убѣжища отъ Скиесской бури, и въ особенности Средне-Иранскихъ Азовъ (будущихъ Сармато-Алановъ), мало-по-малу отодвигающихъ Скиеское кочевье отъ Каспія и береговъ Волги. Тѣ же воинственные выходцы горъ Мазендеранскихъ занимали всю цѣпь Дагестана и горное приморье, въ которомъ исторія находитъ еще въ гораздо позднѣйшихъ вѣкахъ вольныя общины, управляемыя чисто жреческимъ закономъ. Смѣшеніе племя Кушитскихъ, Кушитскія просвѣщеніе и религія давно уже проникли въ глубокой сѣверъ: это явно доказано колоніею черноволосыхъ и курчавыхъ Колхидцевъ, которыхъ само-

Персія.
Паденіе
Мидіи.

видецъ Геродотъ принимаетъ за остатокъ войскъ Египетскихъ, пещерными строеніями и поклоненіемъ богинямъ Сирійскимъ; но горы, храбрость жителей и непривѣтливая природа остановили оружіе южныхъ завоевателей у подножій Кавказа. Цѣль Дагестанскихъ горъ была населена также свободными племенами, противъ которыхъ Мидо-Персидскіе цари воевали безъ большаго успѣха, какъ видно изъ преданій Персидскихъ объ осадѣ *Азпруза* Кай-кавусомъ, и о подвигахъ Рустама противъ бѣлыхъ Дивовъ, на берегахъ Каспійскаго моря. Восточный Иранъ былъ уже Мидійскимъ прежде, чѣмъ Мидія стала могущимъ государствомъ. Изъ Согдіаны и прилежащихъ къ ней областей возникла реформа огнепоклонства. Послѣ паденія Вано-Бактрійскихъ общинъ Западъ сталъ напирать на Востокъ свѣжими силами племени Азовъ, между тѣмъ какъ великое Ванское племя, утратившее чистоту преданій и замѣнившее старинныя вѣрованія какою-то дѣтски-сказочною религіею (антропоморфизмомъ); не было въ состояніи ни удержать своего первенства, ни даже сохранять равенство съ братьями. Чисто-бытовая жизнь, оторванная отъ своей религіозной опоры, кроткія и человѣческія стремленія, трудъ хлѣбопашца и тишина семейственнаго бычя, всѣ эти добрыя стороны Бактрійскихъ общинъ не составляли еще силы дѣйствительной и способной къ долгой борьбѣ.

Оттого то вездѣ Славяне уступили напору болѣе воинственныхъ племенъ. Въ нихъ была совершенная невозможность собственнаго развитія независимо отъ такого общаго, вполне человѣческаго начала духовнаго, которое бы соответствовало всѣмъ требованіямъ духа человѣческаго; а этого начала не было или оно было утрачено. Общества, основанныя на условности, требуютъ, чтобы люди, составляющіе ихъ, стѣснили свою душу въ мѣрку общественныхъ условій; иначе, за внутреннимъ неудовлетвореніемъ всѣхъ стремленій духа, слѣдуетъ разногласіе между обществомъ и его членами, и общество падаетъ.

Общины Вано-Бактрійскія утратили свою взаимную связь, между тѣмъ какъ средній Иранъ усилился сознаниемъ сво-

его духовнаго стремленія. Земли, принадлежавшія нѣкогда семьѣ восточной, переходили мало-по-малу въ руки ихъ западныхъ братій. Жители удалялись далѣе въ пустыню или мѣшались съ побѣдителями, принимали ихъ вѣру, обычай и языкъ. Великіе Геты, отступая на сѣверъ и подвергаясь безпрестанному столкновенію съ кочующими Финно-Турками, переходили въ состояніе казачества, въ которомъ критика уже не могла угадать ихъ прежняго характера. Меньше одичавшіе Саки и просвѣщенные Бактрійцы охотно признали первенство Мидійцевъ, сохраняя неприкосновенность внутренней свободы и право имѣть своихъ собственныхъ князей, но соглашаясь повиноваться государственной жизни, возникшей изъ чуждаго и болѣе воинственнаго начала.

Эти отношенія Бактріи и Саковъ къ Мидійцамъ очевидны изъ Ктезіева разсказа о войнѣ ихъ противъ Кира.

Вообще, не смотря на важныя различія вѣтвей Азской и Ванской, не смотря на соперничество и частую борьбу, родство духовное и жизненное между ними не исчезало никогда вполне. Оттого они являются въ непрерывной зависимости другъ отъ друга, и Бактріецъ принимаетъ законы отъ Кіаксара и Кира точно также, какъ Азы подчинялись нѣкогда первенству Бактрійскому во время Джемшида или Семирамиды (т. е. торжества Бактріи надъ Ассирією).

Это родство двухъ вѣтвей одного племени и взаимное ихъ дѣйствіе другъ на друга также важны для объясненія позднѣйшихъ происшествій, напр. основанія Русскаго государства, какъ и для знанія первобытной исторіи Ирана.

Покуда Мидійцы были первенствующею семьей, Востокъ еще сохранялъ многія черты своей коренной жизни и вѣроятно многіе остатки своего древняго языка (сохранившагося, какъ сказано, въ Славянскомъ) Но когда, послѣ паденія Мидіи и торжества Персіи, наступило время большаго

единства государственного, когда свободныя княжества обращены были въ сатрапіи и желѣзная рука воинственныхъ правителей налегла на всѣ покоренныя области, тогда исчезли всѣ слѣды Славянства: уплѣвшіе погибли въ позднѣйшемъ потоцѣ Финно-Турецкаго нашествія. (*)

Царство Мидійское соединяло въ себѣ характеръ государства, основаннаго на высоко-нравственной религіи, съ характеромъ племени дикаго и воинственнаго. Но пороки западныхъ царствъ глубоко исказили всю жизнь средняго Ирана: неограниченность царской власти и соблазнъ примѣровъ Ассирійскихъ развратили пышный дворъ Экбатаны и паденіе свирѣпаго Астіага, порабощеніе Мидіи и торжество менѣе испорченныхъ Персовъ были явленіями утѣшительными для челоѣчества.

Надъ жаркими берегами великаго залива, въ который впадаетъ Евфратъ, поднимаются круто скаты свѣжей горной твердыни, пересѣкаемой каменистыми оврагами и тѣсными ущеліями. Въ этой дикой и суровой области, простирающейся на сѣверъ до границъ Мидіи, жилъ вольный и гордый народъ Персовъ, управляемый старыми обычаями и родовыми князьями, поклоняющійся невидимому Богу небесному и признающій его присутствіе и символы въ предметахъ видимаго міра. Удаленный бѣдностью отъ соблазновъ торговли, спасаемый собственнымъ мужествомъ и крутостью горныхъ дебрей отъ насялія иноплеменныхъ завоевателей, онъ хранилъ преданія первобытной вѣры, мало измѣненныя чуждою примѣсью, но затемненныя вѣками и отсутствіемъ образованности. Почти безъ сопротивленія присталъ онъ къ политической системѣ родныхъ Мидійцевъ; охотно, не смотря на вольнолюбивую гордость, призналъ онъ первенство народа, отъ котораго принималъ свое же старое ученіе, но въ реформѣ,

---

(*) Кто узнаетъ теперь Славянскаго Поморьянина въ нѣмецкомъ жителѣ Поммернъ-ланды; кто угадаетъ по Грекамъ Мореи, что тому нѣсколько столѣтій болѣе трехъ четвертей области были населены Славянами. *(Примѣч. автора).*

придавшей ему характеръ яснаго сознанія. Вскорѣ участіе въ политической дѣятельности и столкновеніе съ другими племенами внушили ему властолюбіе, а нравственный упадокъ Мидіи внушилъ ему презрѣніе къ прежнимъ наставникамъ. Побѣда Кира надъ Астіагомъ (въ VI вѣкѣ до Р. Х.) передала царство Мидійское въ руки Персовъ.

Торжество ихъ было полнымъ торжествомъ Ирана. Великій полководецъ и царь достойный во всѣхъ отношеніяхъ своего призванія Киръ распространилъ свою державу силою оружія, укрѣпилъ ее мудростью и кроткимъ владычествомъ надъ побѣжденными. Лидія, надѣясь воспользоваться паденіемъ Астіага и завоевать Загалисскую область, объявила Персамъ войну, неправую даже по мнѣнію Геродота; но ни сила ея, ни богатство, ни союзы, ни блистательныя дарованія ея мудраго государя не могли ее спасти. Она обращена была въ область Персидскую, и побѣжденный Крезъ кончилъ жизнь свою въ почетномъ плѣну у великодушнаго побѣдителя. Персія пришла въ соприкосновеніе съ Элинами, поработила ихъ Мало-азійскія колоніи. Саки и Бактрійцы послѣ небезславной войны покорились Киру, какъ наслѣднику Мидійскихъ царей. Въ западной Азіи одинъ Вавилонъ еще сохранялъ свою независимость. — Давно ненавистный Мидійцамъ, стоявшимъ подъ Ассирійскимъ ягомъ, союзникъ Лидійцевъ въ ихъ войнѣ противъ Персіи, онъ обратилъ на себя оружіе Кира и послѣ долгой борьбы, не смотря на свои неприступныя стѣны, на недостижимую высоту своихъ башенъ, онъ погибъ отъ мужества Персовъ и отъ такихъ смѣлыхъ осадныхъ трудовъ, которые свидѣтельствуютъ не только о многочисленности войскъ Кировыхъ, но и о высокомъ развитіи механическихъ наукъ.

Киръ.
Тор-
жество
Ирана
надъ зем-
лями Ку-
шитски-
ми.

Гиндъ и десятки рѣкъ въ него впадающихъ и наконецъ многоводный Евфратъ, переведенные въ новыя, искусственныя русла! Какое войско европейское взялось бы за такой исполинскій трудъ?

Вавилону не суждено было исчезнуть безъ слѣда, какъ Нинивія. Силы его были не въ воинственномъ народонаселеніи,

не въ пространствѣ подвластной страны, но въ его всемір-ной важности на перепутіи торговли и каравановъ, соединяющихъ Востокъ съ пристанями Средиземнаго моря. Могу-щественнѣйшій изъ преемниковъ Кира, Дарій, предписывавшій законы даже далекому Карфагену, съ трудомъ могъ побѣдить возмущившійся Вавилонъ: небольшая область, составляющая Вавилонскую сатрапію, могла платить безъ изнуренія треть всѣхъ податей въ государствѣ, простирающемся отъ горъ Гим-малайскихъ и пустынь Заоксусскихъ до песковъ Ливіи и Эгейскаго моря, въ государствѣ, которому принадлежали Фи-никія, Египетъ и Малая Азія, богатѣйшія страны древняго міра; наконецъ побѣдитель Персіи, Александръ, думалъ въ сто-лицѣ южной Ассиріи основать свою всемірную столицу, пре-льщаемый ея вѣковою славою, ея зодческими чудесами, тай-нами вещественныхъ наукъ, которыя въ ней хранились, и особенно ея торговыми выгодами, о которыхъ строитель Александріи могъ судить съ полнымъ званіемъ дѣла.

Послѣ паденія столицы, вся область Вавилонская до бе-реговъ Средиземнаго моря, до границъ Евфрата и до пустыни сѣверной Аравіи покорилась Персіи; Финикія, упорно сра-жавшаяся противъ Набуходоносора и Ассирійцевъ, отдалась безъ боя новымъ владыкамъ. Киръ, побѣдитель всѣхъ наро-довъ юго-западной Азіи, наследникъ царствъ Мидійскаго, Бактрійскаго и Ассирійскаго, основалъ державу, превосходя-щую могуществомъ всѣ державы бывшія до него, кромѣ да-лекаго Китая. Соединеніе столь многихъ народовъ подъ одною властію, въ одной системѣ государственной, какъ будто воз-вращало человѣчество къ прежнему его братскому общенію, забытому уже за тысячелѣтіе; но возвратъ этотъ былъ не-возможенъ. Народы слишкомъ одичали другъ противъ дру-га и эгоизмъ отдѣльныхъ общинъ развился слишкомъ враждебно. Война сторожила всѣ границы; внѣ государства со всѣхъ сторонъ были враги, и самое государство носило ха-рактеръ связи чисто внѣшней и случайной, совершенно чуж-дой всякому единенію и человѣческому братству.

Не таковы были отношенія Персовъ къ Мидійцамъ. Соединеніе ихъ было не случайное и не внѣшнее, но внутреннее и основанное на коренныхъ началахъ единоплеменности и единовѣрія. Мидійцы исчезаютъ изъ лѣтописи послѣ утверженія Персидской державы: но въ этомъ преобладаніи семьи Персидской нельзя предполагать порабошенія ея сѣверныхъ братьевъ. Государственные законы называются постоянно и вездѣ *законами Персовъ и Мидійцевъ*, и при осадѣ Вавилона каждый народъ имѣлъ еще безъ сомнѣнія особеннаго государя, хотя имя царя Мидійскаго (кажется Кіаксаръ) нѣсколько подвержено сомнѣнію.

Отъ того-то и преданія народныя связываютъ династію Персидскую *Кеанидовъ* съ Мидійскими Пишдадіями, хотя прямое родство Кира съ Астіягомъ (кромѣ брака Кира съ дочерью Астіяговой по Ктезію) весьма подвержено сомнѣнію. Нельзя не узнать въ Кеанидахъ новый царскій родъ Персидскій, но трудно опредѣлить въ именахъ Кай-кобадъ, Кай-каусъ или Кай-кавусъ и Кай-козру, къ какимъ историческимъ лицамъ они относятся. По всемъ вѣроятностямъ критики филологической должно предполагать, что порядокъ царей перемѣшанъ и что Козру есть ничто иное, какъ великій Киръ, а что Кавусъ и Кобадъ суть одно и то же лице, котораго имя искажено въ двухъ нарѣчіяхъ. По крайней мѣрѣ форма *Кавусъ* кажется соответствуетъ Эллинскому *Камбизесъ*, а Кобадъ представляетъ разительное сходство съ формою, найденною въ надписяхъ Египетскихъ, Кмбадъ или Комбадъ. Быть можетъ въ ихъ преемникѣ *Лагораспъ* скрывается искаженіе имени *Даріавусъ* (съ измѣненіемъ старо-санскритскимъ и латинскимъ *д* въ *л*); впрочемъ это дѣло пустое и не стоящее изслѣдованія. Война Кеанидовъ противъ Азовъ (жителей *Азпруза*) содержитъ или память о борьбѣ Персовъ съ Мидійцами или о войнѣ Персовъ съ дикими горцами Прикаспійскими, еще менѣе склонными повиноваться племени южному, чѣмъ ближайшимъ братьямъ своимъ, Азамъ Мидійскимъ.

Менѣе близки къ Персамъ и не такъ тѣсно съ ними связаны были *Сако-Бактрійцы*, но и ихъ нельзя исключать

изъ духовнаго и племеннаго союза Иранскаго. Заратустра проповѣдывалъ свое ученіе на ихъ границахъ; Саки и Бактрійцы всегда упоминаются въ спискахъ войска, какъ благороднѣйшее изъ всѣхъ племенъ (кромѣ двухъ царствующихъ). Наконецъ они считаютъ себя, по Ктезію, въправѣ судить о законности правъ Кира на Иранскій престолъ и, побѣдивъ его, покоряются ему не какъ завоевателю, но какъ законному преемнику Астіага.

Такое отношеніе Сако-Бактрійцевъ къ Персамъ объясняется родствомъ ихъ съ средне-Иранскими народами, Вановъ съ Азами или Вендовъ съ Сарматами, или Бактрійцевъ-Славянъ (отъ *Вахтри*—говорящій: корень Санскритскій, *вач*, Славянскій *вѣщать*) съ Аріями. Не смотря на рѣзкое отдѣленіе двухъ великихъ отраслей, онѣ, какъ уже сказано, жили въ одной общественной или политической системѣ и часто находились въ состояніи неопредѣленнаго смѣшенія. Такъ напр. мы находимъ *Вудіевъ* въ числѣ семей Мидійскихъ и *Давевъ* (Китайское *Дайя*, Европейское *Даки*, тоже что *Саки*) въ числѣ семей Персидскихъ. Вѣроятно уже въ то время самое нарѣчіе восточное подверглось въ многихъ отношеніяхъ вліянію западнаго и средняго Ирана, и началось то броженіе языковъ, изъ котораго возникло мягкое нарѣчіе *Фарси*, вытѣснившее Паряанское или горное *Пехлеви*, (отъ *пехлевъ*—богатырь или *пехлу*—граница) при царяхъ Сасанидахъ и особенно при Баграмъ-Гуръ. Это нарѣчіе было усовершенствовано именно въ восточныхъ областяхъ при дворѣ Саманевъ и Газневидовъ.

Кстати о *Пехлеви*: нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Мѣсто его рожденія, Пароія совершенно соответствуетъ положенію земли *Уна-о* по Китайскимъ источникамъ. Имя же *пехлевъ* и слово *юнакъ* имѣютъ одно и то же значеніе—богатырь, молодецъ. Изъ этого можно заключить, что Восточно-Иранцы называли своихъ пограничныхъ воиновъ *юными* (*юнаками*, *молодцами*) и тѣмъ бы подтвердилось толкованіе имени Гунновъ, безспорно Славянскихъ, (какъ уже показано) изъ Славянскаго же. Еще другой выводъ. То же самое различіе формъ встрѣчается съ словъ *Парсъ* или *Парѳъ* или Санскритскимъ *Парада* и Эллискимъ *Перса*. Эллины получали свои понятія объ именахъ отъ западнаго Ирана, Индусталь отъ восточнаго.

Полногласіе исчезаетъ отъ востока къ западу. Преобладающій звукъ на востокѣ *a*, на западѣ *e*; у Славянской отрасли восточнаго Ирана *a* рѣшительно клонится къ *o* и отъ этого беззначная гласная, необходимая для произношенія согласныхъ, заключающая въ себѣ темный звукъ между *a*, *o* и *e*, принимаетъ въ Санскритѣ преимущественно характеръ *a*, въ Славянскомъ *o*, въ средне-Иранскомъ *e*. При чтеніи клинообразныхъ надписей не должно оставлять этой разницы безъ вниманія, также какъ и при сличевіи корней въ Славянскихъ (Восточно-Иранскихъ) и Германскихъ (т. е. Западно-Иранскихъ) нарѣчіяхъ.

Внѣ трехъ великихъ семей (Персовъ, Мидійцевъ и Сако-Бактрійцевъ), связанныхъ внутреннимъ родствомъ, всѣ остальные находились только въ сношеніяхъ единства внѣшняго. Персія не соединила съ собою органически своихъ западныхъ областей, начиная отъ Тигра, но поработила ихъ. Закономъ же и нарѣчіями онѣ оставались чуждыми своимъ повелителямъ, прежнимъ врагамъ.

Вѣроятно слѣдъ этой вражды и прежнихъ битвъ сохранился въ древне-Иранскомъ *эремъ* (рабъ), происшедшемъ отъ племеннаго имени *Арамъ*, также какъ *slave* отъ *Славянинъ* и *davus* отъ *Дакъ*.

За Тигромъ смѣсь Кушитскихъ народовъ и Кушитской мысли совершенно отчуждала побѣжденныхъ отъ побѣдителей, внушая послѣднимъ презрѣніе, а первымъ ненависть.

Въ такомъ смыслѣ и должно понимать свидѣтельство Геродота: «Персы уважаютъ другіе народы по мѣрѣ ихъ близости къ Персіи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ презрѣннѣе.»

Царство Персидское было собственно Мидо-персидскимъ. Персія представляла стихію воинственную и правительственную. Мидія религіозную и просвѣтительную. Народъ во время Мидійской эпохи былъ раздѣленъ на четыре сословія, духовныхъ, военныхъ, земледельцевъ и ремесленниковъ или торговцевъ (горожанъ вообще). Этотъ раздѣлъ не содержалъ

Внутренній характеръ Персидской державы.

ничего враждебнаго или унижительнаго. Заимствованный отъ условныхъ обществъ Кушитскихъ племенемъ свѣжимъ и живымъ, ясно помнящимъ братство всѣхъ своихъ членовъ, онъ былъ добродушнымъ и безхитростнымъ раздѣломъ государственныхъ работъ. Всѣ сословія были благородны, всѣ достойны милости Божества.

Есть причины предполагать, что каждое сословіе имѣло своего особеннаго начальника или царя, подчиненнаго общему великому царю всего Ирана. Раздѣлъ кастъ въ Брахманскомъ Индустанѣ былъ тотъ же самый до тѣхъ поръ, покуда южное побѣжденное племя было включено въ число кастъ подъ именемъ *Судра*. По закону нравственнаго зла, всегда воздѣйствующаго на своего виновника, безчеловѣчное угнетеніе одной касты исказило всѣ прочія.

Но первоначальныя отношенія между сословіями должны были измѣняться, какъ скоро самое государство выступало изъ своихъ естественныхъ границъ. Воины, привыкшіе повелѣвать чуждымъ народомъ, возвращались на родину уже съ меньшимъ уваженіемъ къ своимъ согражданамъ и мало-помалу отдѣляясь отъ нихъ въ видѣ властной аристократіи, вносили въ самое сердце государства начало будущихъ раздоровъ и слабости. Мы не можемъ этого утверждать объ эпохѣ Мидійской. Исторія царства Экбатанскаго утрачена: но восшествіе на престолъ Аже-Смердиса (или же Таніоксаркеса) и его паденіе, сопряженное съ гоненіемъ на маговъ и съ уничтоженіемъ Мидійскаго вліянія, доказываютъ, что характеръ Мидійской семьи и слѣдовательно эпохи былъ болѣе религіозный, чѣмъ воинственный, и что преобладающее въ ней сословіе было сословіе жрецовъ. Въ эпоху Персидскую власть перешла къ воинамъ.

Царство Мидо-Персовъ была святою землею, хранящею законъ высшаго Бога. Оно было на землѣ изображеніемъ невидимаго неба. Царь былъ изображеніемъ самого Агура-Маздао. Въ этихъ основныхъ положеніяхъ были уже явныя причины будущаго государственнаго упадка. Страстный че-

ловѣкъ не можетъ быть достойнымъ представителемъ безстрастнаго Божества. Условное сочетаніе религіи и правительства, не поддержанное высокою чистотою временныхъ властителей, ведетъ въ одно время къ лицемерію въ обрядахъ, къ совершенной необузданности въ нравахъ царей и къ униженію самой вѣры. Кромѣ того самое государство распалось въ своемъ двойственномъ направленіи. Усвоивъ себѣ характеръ духовный, оно въ то же время правило народами, не принимающими его духовныхъ основъ, и слѣдовательно находилось къ нимъ въ отношеніи вѣшной случайности, лишенной всякаго нравственнаго достоинства, а эти народы составляли большую часть государства. Орудіями власти надъ покоренными народами были сами Иранцы: но будучи орудіями власти вѣшной и случайной, они теряли къ ней уваженіе и забывали ея мнимо-духовныя основы. Наконецъ самая высота Иранскаго вѣрованія не могла сжиться съ его второстепеннымъ значеніемъ въ государствѣ, и племена, сохранившія древнее преданіе въ своемъ свободномъ быту патріархальномъ, не могли во внутренности своей души признать необходимость государства, какъ хранителя вѣры. Итакъ прививка мысли религіозной къ государству была началомъ постоянной, ежечасной лжи и слѣдовательно скорого и неминуемаго упадка.

Ученіе Симо-Яфетидовъ по своему всемірному характеру, можетъ служить основою государства только тогда, когда оно ставитъ себя выше его, и глядя на него какъ на случайность, объявляетъ ясно свое всемірное требованіе. Тогда оно утверждаетъ общество, признавая его только за случайный, но вполнѣ покорный сосудъ высшей истины; но такой взглядъ былъ невозможенъ для эпохи Персидской.

При преемникахъ Кира государство, подъ личиною духовныхъ законовъ, окаменѣвшихъ въ пустой и мертвый обрядъ, представляло борьбу придворныхъ прихотей съ безначальнымъ буйствомъ цѣлаго племени (собственныхъ Персовъ), перешедшаго въ аристократію или почти въ то состояніе, въ

которомъ была Западная Европа послѣ ея завоеванія Германцами; но при первыхъ государяхъ злыя начала еще не принесли своихъ злыхъ плодовъ и средній Иранъ, проникнутый живою мыслию вѣры, сокрушала всѣ препоны и торжествовала во всѣхъ битвахъ.

Среди обломковъ царства Вавилонскаго, Киръ нашелъ плѣнный народъ, который въ своемъ грустномъ рабствѣ не хотѣлъ преклонить главы передъ законами побѣдителей. Войны Персовъ были столько же религіозныя, сколько политическія; у нихъ была вражда не только съ чуждымъ государствомъ, но и съ чуждыми богами, съ ихъ храмами и жертвоприношеніями.

Это замѣтно еще во времена Ксеркса и очень явно при Камбизѣ и Даріи.

Освобо-
женіе Из-
раиль-
тянъ. Киръ не могъ не подать руки помощи изгнанникамъ, ко-
торыхъ законъ былъ въ основахъ своихъ его же закономъ;
съ грустною радостію возвратился плѣнный Израиль на пе-
пелище своей родины. Иерусалимъ принялъ обратно своихъ
дѣтей, отстрадавшихъ, искушенныхъ, очищенныхъ. Жители
Палестины, переходя безъ спора въ подданство Кира, поко-
рившаго ихъ владыкъ, уступили небольшую область осво-
божденнымъ Іудеямъ. Дарій и его преемники довершили
благодѣяніе великаго своего предшественника.

Безъ блеска, безъ военной славы, незамѣтно для бурно-
волнующаго міра, всталъ Иерусалимъ изъ своихъ развалинъ.
Выгодное торговое положеніе, трудолюбіе и смѣтливость его
жителей, а въ послѣдствіи покровительство Македонскаго
завоевателя снова обогатили Иерусалимъ: но уже храмъ и
городъ и область были только блѣдными отсвѣтами прежней
царственной Іудеи. Эта внѣшняя слабость скрывала внутрен-
нюю, неистощимую силу. Время испытаній миновало; они были
уже не нужны. Народъ получилъ полное сознаніе своего зна-
ченія въ безпредѣльности нравственнаго міра, внѣ мелочей
міра политическаго. Время пророковъ прошло; они были не
нужны: народъ былъ созданіемъ пророковъ.

«О если-бы весь Израиль былъ пророкомъ!» говорилъ первый законодатель. Весь Израиль былъ теперь пророкомъ. Онъ ждалъ.

Не утомилось еще славолубіе Кира: онъ обратилъ оружіе противъ за-Бактрійскаго Востока; тамъ въ битвѣ съ народомъ Дербиковъ и ихъ Индустанскими союзниками погибъ онъ въ безплодной побѣдѣ, не распространившей предѣловъ государства.

Таковъ разсказъ Ктезія; Геродотъ повѣствуетъ о пораженіи и гибели Кира въ войнѣ противъ Массagetской царицы. Видимое несогласіе двухъ писателей ничего не значитъ. Безплодная побѣда не тоже ли самое, что пораженіе. Все племена, окружающія Бактрію, принадлежали къ одной и той же отрасли *Вановъ* или *Саковъ* или *Гетовъ*. За предѣлами просвѣщенія преобладало Гетское имя, въ немъ заключалась и отдѣльная семья *Дербиковъ* (*Древники* отъ корня *древ*). Въ послѣдней войнѣ Кира у Геродота, также какъ и въ борьбѣ его съ Саками по Ктезію, женщина является предводительницей непріятеля. Опять то же безпрестанно повторяющееся олицетвореніе Восточно-Иранскаго (Славянскаго) начала подъ именемъ Царицы, олицетвореніе основанное на особенномъ характерѣ мифологіи и на высокомъ значеніи женщины въ Славянскомъ мірѣ, въ которомъ, какъ извѣстно, въ противоположность міру Германскому и западно-Иранскому, она имѣла полныя права самостоятельной гражданственности и даже въ иныхъ семьяхъ преимущество предъ мужчинами; опять та же кротость нравовъ, которая наказываетъ въ Кирѣ его кровожадныя стремленія къ завоеваніямъ, и опять то же мужество безъ виновности. Союзъ Индустана съ Гетами очень понятенъ изъ исторіи Вишнуитства. Главное же оружіе *Великихъ Гетовъ* (Массагетовъ) *Сагара* явно обличаетъ ихъ происхожденіе. То же самое слово и въ томъ же значеніи *топора* находимъ мы у всехъ Славянъ въ формѣ *съкира*, и у Римлянъ въ формѣ *securis* отъ корня *сек*. (Сл. *съку*. Л. *seco*).

Велико между завоевателями и между царями, владыками міра, имя Кира, основателя царства Персидскаго, полководца Камбизъ.

непобѣдимаго, государя благодушнаго, правдолюбиваго и мудраго. Наслѣднику Камбизу изъ доблестей отца осталась только военная предприимчивость. На югъ, на древній Египетъ, не надолго возстановленный мудростью Амазиса, обратилось оружіе Камбиза. Царство Фараоновъ погибло и владыка Персидскій неистовымъ преслѣдованіемъ всего, что священно было для жителей Нильской долины; выказалъ глубокую вражду Иранца (Симо-Яфетида) противъ святыни Кушита (Хамита).

Геродотъ, записавшій рассказы Египетскихъ жрецовъ, которымъ онъ слѣпо вѣрилъ, самъ не заслуживаетъ вѣры на счетъ характера Кобада (или Камбиза); но релігиозное гоненіе не подлежитъ сомнѣнію и объясняетъ ненависть жрецовъ противъ его памяти.

Пустынная Ливія покорилась побѣдителю. Южная страна Эѳіопія спасена была только истощеніемъ войска Персидскаго и трудностью похода.

Страна, изъ которой вышло первоначальное просвѣщеніе Кушитской системы, обхватившей Египетъ, всѣ берега Аравіи, все приморье Персіи, югъ Индіи и дальній при-океанскій Востокъ, область *Мероэ* или *Меру*, въ древности Шева, давно уже потеряли свое всемірное значеніе. Другія, сильнѣйшія страны правили историческими судьбами; но царство еще существовало и не совсѣмъ утратило свое могущество. Во время первыхъ преемниковъ Давида (въ X вѣкѣ до Р. Х.) при царѣ Асѣ-Іудейскомъ и Серахѣ въ Эѳіопіи, оно могло угрожать Іудеѣ и слѣдовательно владѣло еще нѣкоторыми частями Аравіи. Въ концѣ VIII вѣка оно завоевало Египетъ; въ VII-мъ оно послужило убѣжищемъ военной кастѣ, бѣжавшей изъ Египта по ненависти къ Эллинскимъ наемникамъ, слишкомъ радушно принимаемымъ Фараонами. Это бѣгство должно было увеличить вещественную силу Эѳіопіи, но внутренній организмъ государства былъ уже потрясенъ. Жизнь остальнаго міра подѣйствовала на отдаленную колыбель Кушитства. Раздоръ возникалъ между воинами и прежними правителями—

жрецами. Торжество вопновъ (скоро послѣ основанія Эллинскаго царства въ Египтѣ) разрушило всѣ основы страдавшей державы. При Камбизѣ Эѳіопія уже клонилась къ внутреннему упадку; но ова сохраняла еще внѣшнія примѣты силы и могла быть заманчивою для завоевателя. Пустыни, отдѣляющія ее отъ Египта, спасли ее.

Съ Камбизомъ пресѣкъся родъ Кира. Короткое царствованіе обманщика (Лже-Таніоксаркеса) было временнымъ торжествомъ жреческаго сословія (маговъ) в началѣ Мидійскаго. Возстаніе Персовъ и восшествіе на престолъ Дарія уничтожило надежды Мидіи.

Не одно лице, полное геніальныхъ мыслей и смѣлой воли, Дарій. Его завоеваніе. Походъ противъ Скивовъ. дало побѣду Персамъ. Ихъ торжество было дѣломъ заговора многихъ, благороднѣйшихъ Пасаргадовъ и новый царь не могъ отказать участія во власти тѣмъ, отъ которыхъ получилъ власть. Аристократическое начало стало рядомъ съ единоподержавіемъ и съ началомъ духовнымъ: но аристократія, гордая и въ то же время нестройная, безсвязная, владѣющая не по законнымъ правамъ, не разселенная по всему царству (какъ въ эпоху Германскаго завоеванія западной и южной Европы) не могла придавать силъ и единства жизни государственной. Ея послѣдствіями были крамолы, смуты и безсиліе.

Нѣтъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы при сынѣ Гистаспа произошла новая религіозная реформа. Ничтожное указаніе Зендъ-Авесты не заслуживаетъ вниманія; Эллы молчатъ. За всѣмъ тѣмъ Дарій является царемъ особенно боголюбивымъ. Великолѣпныя развалины Чильмнара (Персеполяса), сохранившія имя основателя «Даріавуса» и представляющія въ высшей степени характеръ религіозный, свидѣлствуютъ объ его стремленіи къ освященію власти свѣтской сочетаніемъ ея съ мыслию духовною. Вражда его къ чуждымъ вѣрованіямъ не похожа на бессмысленную вражду дикаря къ племеннымъ богамъ. Она основана на высокихъ, чисто человѣческихъ началахъ и на ясномъ сознаніи превосходства Иранской духовности передъ нестройнымъ синкретизмомъ

другихъ народовъ, передъ кумиропоклоненіемъ или обоженіемъ стихій и силъ видимой природы. Дарій покровительствовалъ и долженъ былъ покровительствовать Иерусалиму по глубокому сочувствію съ ученіемъ Мозаическимъ. Наконецъ вся чистота магізма и высокая душа царя высказываются вполне въ его требованіи отъ Кароагена, какъ отъ колоніи вышедшей изъ Тира, подвластнаго Персіи, отъмены человѣческихъ жертвъ (*). Другихъ знаковъ покорности онъ не просилъ; и еслибъ ничто не сохранилось намъ отъ славы Дарія, и отъ славы имъ возвеличеннаго государства, кромѣ этого чуднаго поступка, критика должна бы была благоговѣть передъ Иранскою державою и угадывать величіе началъ, создавшихъ ее, но къ несчастію не достигшихъ и не могшихъ достигнуть въ ней своего полнаго развитія.

Отъмена человѣческихъ жертвъ Римлянами въ Африкѣ, или по крайней мѣрѣ ихъ стараніе объ этой отъменѣ, не могутъ быть сравниваемы съ дѣломъ Дарія. Въ одномъ случаѣ высокое служеніе человѣческой истинѣ, въ другомъ стремленіе къ упычтоженію различій между религіозными обрядами внутри самаго государства. Не должно однакоже отказывать въ справедливости и Эллино-Римскому міру и быть слѣпыми къ чувствамъ человѣколюбія, которыми онъ заслужилъ свое торжество надъ Сиро-Кароагенскою системою.

Царствованіе Дарія есть безспорно эпоха полнаго цвѣта Персидской державы. Послѣ него начинается быстрое и ничѣмъ неудержимое паденіе. Любовь народа къ государю,

---

(*). Сообразивъ все эти обстоятельства, сличивъ ихъ съ преданіемъ мѣстнымъ (хотя и несправедливымъ) о томъ, будто Зердуштъ жилъ при сынѣ Гистаспа, можно смѣло быть увѣреннымъ, что при немъ дѣйствительно возобновлена была реформа Заратустрова и что убіеніе маговъ, празднованное въ Персіи (магофонія) еще въ позднѣйшія вѣка, было религіознымъ гоненіемъ на партію жрецовъ, отступившихъ отъ чистоты ученія и прильпившихся къ обрядамъ иноземнымъ, вѣроятно къ поклоненію Астарты-Милитты (*Примъч. автора*).

охота, съ которою другіе народы поступаютъ въ подданство Персіи, свидѣльствуютъ о царственныхъ доблестяхъ Дарія; его побѣды во всѣхъ войнахъ показываютъ еще жизненность въ организмъ государства. Но при Даріи же началась борьба Азіи съ Европою, борьба, въ которой должны были погибнуть и Персія и всѣ начала дотолѣ правившія міромъ.

Первое нападеніе Дарія было обращено на сѣверное побережье Чернаго моря, на южныя области теперешней Россіи. Поводомъ къ войнѣ было мщеніе за прежнее угнетеніе Мидіи Скиѳами.

Очевидно—поводомъ, а не предлогомъ. Чего искать было владѣтелю Вавилона и Египта въ холодныхъ пустыняхъ за-Евксинскихъ. Смѣшно въ Даріи предполагать детскую гордость, оскорбленную славою Скиѳской нецѣлѣбности. Смѣшно предполагать желанія завоеваній въ странѣ, которая по истинѣ и завоеванія не стоила для жителей богатнаго Ирана. Великія приготовленія, присутствіе самого царя въ войскѣ, бесплодность похода даже счастливаго, все доказываетъ войну религіозной мести за оскверненіе священной земли.

Направленіе похода было чрезъ Фракію и Дунай, цѣль—при-Днѣпровскія степи. Тутъ жили враждебныя Скиѳы. Если бы они считались одноплеменниками Массагетовъ (которыхъ древніе также нерѣдко называютъ Скиѳами весьма справедливо), Дарію легко бы было напасть на племя пограничное Персіи. Очевидно, между Скиѳами—Массагетами и Скиѳами, завоевателями Мидіи, не было ничего общаго.

Можно сказать утвердительно, что Массагеты не были племенемъ кочевымъ уже и потому, что ихъ войско состояло отчасти изъ пѣхоты, между тѣмъ какъ всѣ кочующія полчища Средне-Азійскія, также какъ и Скиѳы, съ которыми воевалъ Дарій, были исключительно конниками. Имя Танаиса, данное древними писателями рѣкамъ восточнаго Ирана, также какъ и Дону, показываетъ только, что при Донѣ жили народы, однородные съ жителями Бактріи. Впрочемъ это уже не требуетъ доказательствъ, но нисколько не относится къ новымъ мнимо-Скиѳамъ, побѣдителямъ Кимвровъ и врагамъ Персіи.

Древнее имя Скиѳи, извѣстное еще по Египетскимъ памятникамъ (Скиѳо), было дано по справедливости всей странѣ, охватывающей съ сѣвера системы морей Каспійскаго и Чернаго до твердыни Гиммалайской на востокъ, до Карпатовъ на западъ, ибо вся страна была населена племенемъ Сако-Гетовъ. Дальній Сѣверъ былъ неизвѣстенъ народамъ южнымъ и слылъ подъ общимъ названіемъ Скиѳи. Кумри Кавказскіе, разрѣзавшіе полосу Сако-Гетовъ, не поступили въ число Скиѳовъ потому, что были издавна знакомы своимъ южнымъ сосѣдамъ подъ собственнымъ своимъ именемъ. Новый потокъ кочевыхъ полчищъ, нахлынувшихъ съ сѣверо-востока, изъ области незнаемой, изъ племени безымяннаго, поступилъ въ исторію подъ общимъ именемъ Сѣверной стороны, Скиѳи. Изъ сравненія корней (*Талмеръ-индъ*, *Тамри-тауишъ*, *Талмеръ-тарканъ* и др.) ясно его Финно-Турецкое происхожденіе.

Геродотъ утверждаетъ, что кочевые Скиѳы называли сами себя Сколотами. Корень слова сомнителенъ, также какъ и самое слово. Многие у древнихъ путешественниковъ повѣрялось памяти и слѣдвательно многое перепутывалось. Имена народныхъ подраздѣленій, *Исседоновъ*, *Ирговъ* и др., образно опредѣлительны: они совпадаютъ съ именами рѣкъ въ серединѣ Волжской системы: *Шестъ*, *Иргизъ* и т. д. Происхожденіе кочующихъ завоевателей изъ области Финно-Турецкой (теперешлаго Оренбурга и Западной Сибири) не подвержено сомнію.

Побѣжденные Кимвры оставили свои старыя жилища и удалились на западъ. Опустѣлая область досталась побѣдителямъ Скиѳамъ: но кочевое племя не могло удерживать напора южныхъ Азовъ-Сарматовъ съ тѣмъ успѣхомъ, съ которымъ противились ему осѣдлые Кимвры. Азы перешли Кавказскія тѣснины и, мало-по-малу отодвигая Скиѳовъ, заняли прежнюю страну Кимвровъ (Юттуновъ), устья Волги (на которыхъ городъ *Астрахань* едва ли не сохранило имя Азовъ), степь при-Кавказскую и восточные берега Азовскаго моря. Такимъ образомъ древніе и коренные владыки области, Вендскія или Славянскія общины, были втѣснены въ лѣсистыя

страны при-Днѣпровскія и удалены отъ побережья Евксинскаго. Давно уже насилія Кимвровъ и распространеніе Эллинскихъ торговыхъ колоній отъ Геллеспонта и Босфора Оракійскаго до устій Дуная и далѣе на сѣверъ нанесли смертельный ударъ торговлѣ Вендовъ на южныхъ моряхъ. Усиленіе Элады, напоръ Скивоовъ-Сколотовъ и усиленіе Азовъ-Сарматовъ на долго и долго отняли у Венедовъ-Славянъ владычество надъ Евксинномъ и исключили ихъ изъ числа мореплавателейныхъ народовъ. Въ то же время отъ волненій средней Азіи пресѣкъся ихъ главный торговый путь, соединявшій Индское прирѣчье съ устьями Западной Двины и Вендскимъ *Блатомъ* (Балтикой),—путь, возстановленный въ позднѣйшіе вѣка, но не надолго, движеніемъ восточныхъ Славянъ (Унновъ-Массагетовъ) къ берегамъ Волги.

Таково было состояніе страны при-Евксинской, когда вступили въ нее войска великаго царя. Кочующіе завоеватели волею или неволею присоединили къ своему союзу Сарматовъ и Славянъ (Вудиновъ и др.) и заманили враговъ въ глубину степей и лѣсовъ при-Днѣпровскихъ. Утомленные и обезсиленные Персы едва могли возвратиться къ берегамъ Дуная, утративъ большую часть войска и надежду отомстить за Иранъ. Не имъ, но соединеннымъ силамъ Сарматовъ и одичавшихъ Славянъ (Гетовъ и Вендовъ) предоставлено было откинуть назадъ къ сѣверо-востоку временныхъ утѣснителей Скивоовъ (вѣка за два до Р. Х.). Тогда начались новыя борьбы между старыми братьями, Ванами и Азами, борьба съ новыми утѣснителями Готами, рѣшенная помощью восточныхъ Славянъ (Гунновъ), борьба съ Кавказскими Кимвро-Аварами, съ восточными завоевателями—Уйгурами, съ Кавказскими Финно-Турками—Печенѣгами, съ средне-Азійскими Половцами, съ восточно-Азійскими Монголами, покуда наконецъ совокупившаяся и окрѣпнувшая сила Славянъ, подъ знаменами новаго просвѣщенія, откинула и подавила всѣхъ своихъ противниковъ и утвердилась навсегда въ старыхъ своихъ жилищахъ на берегахъ Синяго моря (Евксина).

У Геродота, по милости пустаго имени Скиоія, такъ перепутаны все народы и миры, что никакого яснаго понятія изъ него почерпнуть нельзя. Впрочемъ, кажется—можно угадать Полянъ въ его Скивахъ, землешцахъ (*Скиое Георги*) и Древянъ въ Неврахъ и Вудинахъ. Все розысканія о направленіи похода Даріева довольно неудовлетворительны, да и пользы отъ нихъ мало.

Столкновенія Персовъ съ Греціей.

Война Персіи съ Греціею была неизбежна. Колоніи Эллинскія въ Малой Азіи были поработены, и безпрестанно призывали на помощь всю вольную Элладу, которая не всегда отказывала имъ во вспомогательныхъ войскахъ и никогда не отказывала въ поощреніяхъ къ возстанію. Съ другой стороны Персы, ставъ твердою ногою во Фракіи и въ нѣсколькихъ островахъ Эгейскаго моря, оскорблялись гордою независимостью маленькихъ государствъ, въ которыхъ они не предполагали силы и не видали доблести.

Лакедемонъ грозилъ войною Киру за поработеніе Лидіи и получилъ въ отвѣтъ горькую и справедливую насмѣшку. Аѣины въ минуту временнаго и неосторожнаго порыва раздули пламя возмущенія въ Іонійскихъ городахъ Малой Азіи, и не могли ихъ спасти отъ гибели; наконецъ прежніе тиранны Аѣинъ, изгнанные согражданами, Пизистратиды искали убѣжища у двора Персидскаго и, обѣщая Дарію легкую побѣду, пригласили его къ завоеванію Эллады.

Характеръ Аѣинской жизни и непостоянство народныхъ страстей выражаются очень рѣзко въ запрещеніи напоминать о несчастіяхъ Милета, неудачно возмущающагося по милости же Аѣинянъ.

Дарій послалъ требовать покорности отъ Эллиновъ. Эллины, вопреки всемъ правамъ народнымъ и всякому нравственному чувству, умертвили посланниковъ.

Спарта загладила свое преступленіе благороднымъ самопожертвованіемъ двухъ гражданъ, отдавшихъ себя во власть Персидскаго царя для казни за убійство пословъ. Керкесъ оцѣнилъ ихъ великодушіе и отпустилъ съ почестію въ Лакедемонъ.

Войско Персидское ополчилось противъ Греціи и, опустошивъ острова Эгейскаго моря, пристало къ берегамъ Аттики. Афиняне, не уstraшенные многочисленностью враговъ, пошли къ нимъ на встрѣчу и стали передъ ними лицомъ къ лицу на равнинахъ Марафона.

Два великіе народа, два просвѣщенія, два общественныя начала вступали въ вѣковую борьбу. Первый взглядъ критики необходимо долженъ быть въ пользу Азии. Благородное древнее, чистое племя Ирана, сохранившее въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій свою тихую жизнь въ границахъ древней родины, свой бытъ простой и семейный и свое высокое человѣческое достоинство, равно свободное отъ иноземнаго ига и отъ заразы неправыхъ завоеваній, далеко превосходитъ мѣшанное народоваселеніе Эллады, не знающее ни семейности, ни святости человѣческаго братства, ни правды народной, ни уваженія къ правамъ иноземцевъ, народоваселеніе издревле бродящее и дружинное, сохранившее даже въ лучшія минуты своего развитія неизгладимый слѣдъ первобытнаго бездомства. Не безъ глубокаго презрѣнія могъ смотрѣть природный Персъ, поклонникъ высокой религіозной мысли, обнимающей въ себѣ почти всѣ нравственныя начала и по крайвей мѣрѣ отчасти согласной съ законами логическаго разума, на безсмысленнаго Эллина, окуривающаго свои мраморныя кумиры дымомъ заклинательныхъ жертвъ.

Ученость можетъ отыскивать символическое начало Эллинскихъ боговъ, угадывать въ нихъ изображеніе силъ природы, видимыхъ проявленій Божества и даже нравственныхъ стремленій духовныхъ: но дѣйствительно въ нестройномъ и безначальномъ синкретизмѣ Эллады, въ безтолковомъ смѣшеніи сѣвернаго челоѣкообразія и южнаго понятія о двойственной полярности, не было и нѣтъ ни малѣйшаго остатка высокаго значенія первобытныхъ религій, не было ни малѣйшаго слѣда нравственнаго достоинства, не было наконецъ ни малѣйшей тѣни такого вѣрованія, которое челоѣкъ могъ бы принять, не отказавшись отъ всѣхъ лучшихъ даровъ своей духовной природы. Агурамаздао и Зевсъ! Зендъ—Авеста и еегонія Геліода! чудныя гимны

Заратуестра и глупыя заклинательныя приговорки Эллинскаго богослуженія! Нечего даже сравнивать. Необычайная тупость Эллиновъ въ мірѣ религіозномъ выражается вполне въ смѣшномъ происшествіи съ лже-Минервою во время Пизистрата и въ разсказахъ историковъ объ иноземныхъ вѣрованіяхъ. Они ничего не видали, ничего не понимали, и Геродоту даже ни на минуту въ голову не пришло, чтобы кто нибудь могъ поклоняться чему нибудь разумному. Просвѣтленіе Эллады заключалось въ мірѣ художества; но онъ еще не принесъ своего высшаго плода: впрочемъ и этотъ плодъ былъ — отрицаніе религіи.

Но судьба войны была сомнительна. Споръ былъ не племенъ съ племенемъ, но государства съ государствомъ и равноначальная Персія, связанная только внѣшнимъ единствомъ, могла, не смотря на свое видимое величіе, пасть передъ Элладою, скрѣпленною внутреннимъ единствомъ духа. Превосходство вооруженія и большій навыкъ къ сраженіямъ могли доставить побѣду Эллинамъ только въ первыхъ схваткахъ, но ничего не значили для долгой борьбы. Важнѣе и рѣшительнѣе было равнодушіе большей половины царства Персидскаго къ войнѣ за чужое дѣло, отдаленность поля битвы отъ живаго средоточія Иранскаго и быстро возрастающій развратъ народа, перешедшаго отъ бѣдной и простой жизни въ горахъ къ роскоши, нѣгѣ и наслажденіямъ. Самая вѣра, долго сохранявшаяся въ чистотѣ первобытной, потомъ помраченная чуждою примѣсью и оторвавшаяся отъ преданія, потомъ возстановленная произвольною реформою, не нашла въ себѣ характера силы неизмѣнной и несокрушимой. Послѣ временнаго порыва, приданнаго ею племенамъ Иранскимъ, она должна была выказать свое внутреннее безсиліе, перейти въ чисто государственную обрядность и потерять все свое духовное значеніе. Явное искаженіе ея произошло уже въ гораздо позднѣйшее время, съ принятіемъ поклоненія Милиттъ Сирійской или Астартѣ Бактрійской, но начала этого искаженія уже лежали въ постепенномъ охлажденіи народа.

На полѣ битвы противъ безчисленныхъ полчищъ, чуждыхъ другъ другу по нравамъ, обычаямъ и выгодамъ, привыкшихъ

переходить отъ одного ига къ другому, безстрастныхъ и исполняющихъ поневолю военную барщину, выступало не многочисленное, но стройное войско Элады, въ которомъ всякій воинъ сражался за свое личное дѣло, за свою личную, исконную свободу, за свою личную славу и за спасеніе своихъ кровныхъ братій. Безсмысленный и сказочный Антропоморфизмъ сѣвера, соединенный съ художественностью Юга, составили хаотическую религію Элады, въ которой преобладало одно божество,—человѣкъ и одно вѣрованіе—въ достоинство человѣческой природы. Гордое сознаніе своего личнаго величія напрягало всѣ мышцы тѣлесныя, всѣ силы духовныя въ Элинѣ, готовомъ встрѣтить вялый и безстрастный напоръ Азіатскихъ войскъ; и благородная смерть малочисленныхъ Вендовъ Ликійскихъ, погибшихъ до единого за свободу родины, могла уже указать Персамъ всю трудность предстоящей борьбы.

Жители *Ксаносса* (собственно *Ярины*) въ Ликии убили женъ, дѣтей и самихъ себя, чтобы не подпасть игу Персидскому.

На равнинахъ Мараѳона сразились Аѳины съ войсками Дарія и побѣда увѣнчала первый подвигъ Элиновъ. Одни только Персы и Саки заслужили въ битвѣ Мараѳонской, какъ и въ Ксерксовомъ походѣ, уваженіе побѣдителей. Всѣ прочія войска бѣжали почти безъ боя. Элада была спасена. Вскорѣ послѣ пораженія въ Атикѣ Персію постигло еще большее бѣдствіе. Великій Дарій умеръ, не оставивъ послѣ себя достойнаго преемника.

Съ возшествіемъ Ксеркса начинается быстрое паденіе Персидской державы. Съ трудомъ подавленное возмущеніе Египта, бѣдственный походъ противъ Элады, пораженіе при Саламинѣ, Платеѣ и Микалѣ, наконецъ смерть самаго царя, убитаго однимъ изъ подданныхъ въ надеждѣ похитить престоль, все для дальновиднаго судіи дѣлъ государственныхъ указывало на недолговѣчность Иранскаго царства. Персы изъ самаго Персидскаго царства еще продолжали сражаться съ прежнимъ мужествомъ за свою старую славу; но безсиліе и болѣзненность всего об-

щественнаго гѣла были очевидны. Безполезно бы было слѣдить за всѣми бѣдствіями и раздорами Персіи, за возмущеніемъ Сатраповъ, побѣждающихъ царское войско и побѣждаемыхъ только посредствомъ измѣны и коварства, за развратомъ двора, за постояннымъ исчезаніемъ мужества въ войскѣ, за постояннымъ усиленіемъ торжествующей Эллады, за освобожденіемъ ея Азійскихъ колоній и наконецъ за позоромъ преемниковъ Ксерксовыхъ, полагавшихъ единственную надежду побѣды въ наемникахъ изъ того самаго народа, который безпрестанно грозилъ ихъ западнымъ границамъ. Историческія подробности важны только для монографій, или въ тѣхъ случаяхъ, когда въ отдаленномъ происшествіи открывается законъ міроваго переворота.

Давно исчезло религиозное направленіе Ирана. Весь его духовный смыслъ былъ забытъ еще прежде, чѣмъ при третьемъ преемникѣ Ксеркса поклоненіе *Милитты* или *Танаиты* (Дунайской, по восточному Дунаю—*Яксарту*) было принято, какъ часть государственнаго вѣрованія. Государственное же устройство не имѣло въ отношеніи къ бѣльшей части Персидскаго царства никакого характера, кромѣ случайнаго преобладанія одного племени надъ другимъ. Средній и горный при-Каспійскій Иранъ содержалъ еще нѣсколько воинственныхъ семей, могущихъ поддержать колеблющуюся державу: (это доказывается ихъ смѣлымъ отпоромъ торжествующему младенцу) но эти семьи сами давно оторвались отъ нея. Онѣ связаны были съ царями случайностью его средне-Иранскаго происхожденія; но цари стали такъ далеко отъ прежнихъ согражданъ, что кровная связь была расторгнута; онѣ связаны были съ царями связью религиознаго символизма, въ которомъ правитель изображалъ самаго владыку небесъ (благаго бога Агурамазь-дао); но религія потеряла весь смыслъ свой и обратилась въ нестройный и безхарактерный синкретизмъ. Изъ горцевъ средне-Иранскихъ, основавшихъ Персидскую державу, часть (знатнѣйшіе и ближайшіе къ царствующей династіи Ахеменидовъ) перешла въ придворную и наследственную Аристокрацію, готовую свергнуть своихъ государей, а большая часть

усвоила себѣ право полной независимости и оставалась совершенно равнодушною ко всей общественной жизни,

Этотъ фактъ очень ясно выдѣляется изъ самой исторіи завоеванія Персіи Македонцами. Мидо-Персидская держава замыкаетъ собою рядъ міро-правительныхъ государствъ древней системы, государствъ, основанныхъ на идеѣ отвлеченной или религіозной, идеѣ, высшей самого государства и отъ того, никогда немогущей съ нимъ совоплотиться вполнѣ. Мидо-Персидское царство, принявшее въ свое основаніе древнѣйшую и чистѣйшую форму вѣрованія, всѣхъ менѣе могло устоять потому, что условныя формы общества гражданскаго не имѣли дѣйствительно ничего общаго съ нравственною духовностью Иранскаго ученія. Наступило время новой системы, основанной на высокомъ значеніи отдѣльныхъ лицъ человѣческихъ, которыхъ совокупность составляетъ государственную общину, системы, управляющей міромъ съ бѣльшими или меньшими измѣненіями до нашего времени. Человѣкъ, исчезавшій вполнѣ въ государствахъ до-Эллинской эпохи, въ Элладѣ выступаетъ торжественно на поприще исторіи.

Очевидно такая система могла возникнуть только въ такой странѣ, въ которой религія никогда не обнимала собою всю жизнь человека: Развитіе Эллинской жизни. Спарта и Афины. такова была Европа. Она должна была проявиться первоначально въ области, въ которой дружинное устройство напрягало всѣ силы отдѣльныхъ лицъ и въ которыхъ человекъ былъ единственнымъ предметомъ религіознаго поклоненія. Такова была Эллада. Она могла торжествовать только въ такую эпоху, когда всѣ древнія ученія, слившись въ одинъ безсмысленный синкретизмъ, утратили свое прежнее величіе. Такова была эпоха послѣднихъ царей Персидскихъ.

Около того времени, когда Эллада признала необходимость видимаго символа своего единства и избрала игры Олимпійскія въ эру общаго лѣтосчисленія, отдѣльныя ея области стали искать утвержденія своего внутренняго единства въ строгихъ и положительныхъ формахъ писаннаго законодательства. Дорійцы и особенно Лакедемонъ, по своему чистодружинному

характеру, чувствуя въ себѣ наименьшую силу жизни органической, первые подчинили себя условности законовъ еще прежде назначенія общей эры. Спарта до Ликурга еще содержала всѣ стихіи, развившіяся вполне послѣ него: но его законодательство, содержащее въ себѣ освященіе этихъ стихій, возвысило ихъ въ степень сознанія и слѣдовательно придало имъ несравненно большую силу. Отъ этого—то истинная исторія Спарты начинается со времени Ликурга.

Вообще принимается за правило, что законы древности возникали совершенно органически изъ самой жизни древнихъ общинъ и книжники по части права готовы всегда признавать превосходство этихъ законовъ передъ законами новѣйшихъ временъ. Въ такомъ взглядѣ есть примѣсь яки къ безспорной истинѣ. Дѣйствительно всякое законодательство древнихъ временъ содержитъ въ себѣ довольно полное отраженіе внутренняго духа той области, для которой оно создано: но съ другой стороны оно не содержитъ простаго утвержденія обычаевъ или перевода обычая въ законъ, (за исключеніемъ можетъ быть Римскаго права, созданнаго не рядомъ а постепенно). Всѣ государства Эллады были основаны бродящими дружинами и сохранили печать своего происхожденія. По этому всѣ носили характеръ условности и допускали въ себѣ перемѣны чисто условныя, требуя только, чтобы эти измѣненія не были противны духу общаго, древняго условія. Изъ этого начала можно понять обычай законодателей, назначать срокъ для опыта надъ ихъ законами.

Спарта Ликургова была осѣдлымъ станомъ воиновъ, вѣчно готовящихся къ войнѣ: раздѣленіе сословій было ничто иное, какъ раздѣленіе войсковыхъ отрядовъ по ихъ опытности и вооруженію. Бракъ имѣлъ одну цѣль,—пополненіе рядовъ, рѣдкихъ старостію и смертію: отъ того непорочность брачнаго ложа могла быть законно и безнаказанно поругана. Новорожденный младенецъ былъ рекрутъ дружины и подлежалъ ея суду на жизнь и смерть. Юноша не принадлежалъ семьѣ, которой существованіе было дѣйствительно только терпимо, а не освящено, но государству, воспитывающему его для буду-

щихъ сраженій. Наконецъ взрослый гражданинъ долженъ былъ чуждаться художества и науки и знать только одно искусство,—гимнастику, одно занятіе—примѣрныя битвы, въ которыхъ не рѣдко проливалась кровь беззащитнаго илота. Такое строгое устройство общества, такое постоянное стремленіе всѣхъ помысловъ къ одной цѣли не могло оставаться безплоднымъ. Спарта заняла безспорно первое мѣсто въ союзѣ Элады и управляла имъ по своему произволу. Желѣзная воля, несокрушимая сила.

Но Спарта не могла достигнуть великаго міроваго значенія. Въ самомъ основаніи ея законовъ была чудовищная безнравственность, дикій эгоизмъ, противъ котораго возстаетъ душа человѣческая. Односторонность военнаго быта была объявленіемъ постоянной войны всѣмъ другимъ народамъ и вызовомъ на ихъ ненависть. Наглая, ничѣмъ не прикрытая гордость была постояннымъ оскорбленіемъ для всѣхъ другихъ племенъ и не искупалась ни нравственною чистотою, ни благородствомъ духовныхъ стремленій; самая политическая дѣятельность Спарты была дѣятельностью войска, а не государства. Она могла поработить, но не могла завоевать, ибо не принимала побѣжденныхъ въ живой организмъ общества и поэтому не пріобрѣтала новыхъ силъ съ пріобрѣтеніемъ новыхъ областей. Восторженность военнаго удалства составляла единственную страсть Лакедемонца, но это удалство было сковано осѣдлою жизнью и не могло развиваться въ полномъ разгулѣ, какъ у народовъ кочевыхъ. Восторженность дружиннаго строя была единственною страстью всего Лакедемона; но міръ требуетъ разума отъ силы, чтобы ей покориться.

За всею ограниченою односторонностью Спартанскаго общества, оно оставалось вполне Эллинскимъ не только по составу своего народонаселенія, но и потому, что повиновалось общему закону Элады, закону красоты и стройности. Гармоническое и музыкальное чувство проникало всю государственную дружину. Размѣренныя и ладныя движенія придавали войску грозную прелесть, увеличивающую его силу и внушающую страхъ врагамъ. Строгий ладъ и, такъ сказать, риѣмъ

жизни придавалъ каждому отдѣльному лицу часть той гармонической красоты, которая запечатлѣлась на произведеніяхъ Эллинскаго художества, и отражался въ самой душѣ Лакедемонца, заключая его помыслы въ строгую согласность закона. Такимъ образомъ чудныя явленія самоотверженія и величія являлись не рѣдко въ исторіи республики, не искупая однако же глубокаго духовнаго безобразія ея началъ. Дорійская Спарта связывалась со всею Элладою; она была возможна только въ Элладѣ, но представляла одну напряженность вещественныхъ силъ. Глава лучшихъ Эллинскихъ общинъ, Іонійскіе Аѳины, представляли напряженность силъ нравственныхъ и духовныхъ.

Политическое значеніе Аѳинъ казалось ничтожнымъ до Персидской войны. Жители ихъ хвалились тѣмъ, что они одни изовсѣхъ Эллиновъ были туземцами, а не пришельцами. Нельзя принимать вполне такого показанія. Признавая себя Эллинами, слѣдовательно выходцами изъ Сѣвера, признавая себя Іонійцами, слѣдовательно отраслью семьи, которой переселеніе было всѣмъ извѣстно, они не могли имѣть законнаго притязанія на туземство. Очевидный смыслъ ихъ разсказовъ о себѣ былъ тотъ, что они первые изъ всей Эллинской братьи основали себѣ постоянное жилище, и что, не завоевавъ, но принявъ въ свой составъ старожиловъ Аттики, они усвоили себѣ права и религіозную святѣню туземства. Дѣйствительно составъ государствъ, измѣненіе династій изъ внутренней войны, медленный переходъ изъ наслѣдственнаго единодержавія (кажется военно-религіознаго) въ избирательную монархію и потомъ въ республику, и раздѣленіе на *фили*, носящія еще въ своихъ именахъ признаки родоваго устройства, все указываетъ на мирное поселеніе и на органическое сліянніе пришельцевъ и туземцевъ.

Критика имѣетъ полное право признавать Іонійскій переходъ древнѣйшимъ изъ всѣхъ Эллинскихъ переселеній уже и потому, что народы Восточные знали всю Элладу подъ названіемъ Іонія.—Трудно угадать истинную этимологию имени, подъ которыми слыли разные

семьи Эллады. Слово *Dorin* можетъ быть связано съ словомъ, означающимъ копье и соответствуетъ ихъ воинственному характеру. Сличая имена многихъ мелкихъ племенъ въ Малой Азии съ корнями обще-Иранскаго нарѣчія, можно предположить, что и имя *Ion*ъ связано съ корнемъ слова *Юнъ*, герм. *Юнгъ*, *L Juvenis* и что оно перешло отъ побѣжденной семьи Восточно-Иранской къ своимъ Эллинскимъ побѣдителямъ, или что оно возникло еще тогда, когда на границахъ Фракіи Славянскія общины сливались мало-по-малу съ Западно-Иранскими, Пелазскими, для составленія Эллинскихъ дружинъ.

Внутренняя жизнь Аѣинъ не сковывалась строгими законами и представляла многіе признаки органической общины, въ которой ничтожность быта семейнаго одна указывала на первоначальное бездомство. Личная свобода находила себѣ просторъ почти неограниченный и часто своими буйными страстями возмущала спокойствіе и безопасность государства. Высшая дѣятельность Аѣинъ проявлялась рѣдко и безъ послѣдовательности; но за то она представляла вспышки благородныхъ и безкорыстныхъ страстей, привлекающихъ невольно сочувствіе другихъ народовъ.

Такъ напр. самые Аѣянцы ничѣмъ не гордились столько, сколько своею полусказочною побѣдою надъ Фивами за трупы Аргивцевъ, погибшихъ въ войнѣ Эдипова наслѣдства. Такъ они первые вызвали Мало-Азійскихъ Эллиновъ на возстаніе противъ Персидскаго населенія и подали имъ руку помощи братской, хотя безсильной.

Понятно, почему Лакедемонъ, не смотря на сравнительную ничтожность Аѣинъ, питалъ къ нимъ глубокую зависть и радовался ихъ бѣдствіямъ и почему древнее предсказаніе, внутренне ясновидѣніемъ народнаго чувства, грозило Спартѣ борьбою съ Атикою.

Аѣины были уже при Пизистратѣ духовною столицею Греціи. Важность ихъ въ этомъ отношеніи возрастала по мѣрѣ уничтоженія пресвѣщеннѣйшихъ за-Эгейскихъ областей Эллады, утратившихъ подъ чужеземнымъ игомъ возможность са-

мобытнаго развитія. Персидское нашествіе поставило Аѣины на неожиданную высоту. Не смотря на то, что побѣда Платейская была приписана желѣзной твердости Лакедемонскихъ *Гоплитовъ* и что Спартанскіе цари были главными начальниками союзныхъ войскъ, память о спасеніи Греціи отъ Восточнаго нашествія неразрывно связывается въ мысли человеческой съ именемъ Аѣинъ, искупившихъ страданіями свободу братій. Чувство поэтическое въ этомъ случаѣ не обманываетъ. Эллада была дѣйствительно спасена порывомъ Аѣинянъ болѣе, чѣмъ силою Спарты. Въ то время, когда Фивы, менѣе всѣхъ другихъ областей пропитанные Элинскимъ духомъ и съ горемъ вспоминающіе свое прежнее владычество, становились въ ряды Ксерксова войска, когда Аргосъ, угнетенный Лакедемономъ, отказывался отъ войны и обѣщаль покорность Восточному царю, когда самый Лакедемонъ трепеталь, безпечное, страстное мужество Аѣинъ давало жизнь всему Элинскому союзу, внушало бодрость всему Элинскому ополченію. Передъ ихъ смиреннымъ геройствомъ укрощались мелкія страсти отдѣльныхъ общинъ, безперестанно готовыхъ возстать противъ гордости Лакедемонской. Войска всѣхъ городовъ толпились съ надеждою около подвижной твердыни Спартанской дружины, но онѣ были увлечены вольнолюбивымъ восторгомъ Аѣинъ, чуждыхъ всякому мѣстному и тѣсному эгоизму, и выражающихъ въ себѣ духовное стремленіе всей Эллады и гордость обще-Элинскаго племени.

Живыя и простодушныя описанія Геродота рѣзко выказываютъ разницу Аѣинянъ и Спартанцевъ. Эти ждутъ нападенія Персовъ, тѣ бѣгутъ ему на встрѣчу.

Побѣды при Саламинѣ и Платеѣ и слабодушіе Ксеркса спасли Грецію. Новая эра величія и поэтической жизни наступила для нея. Разрушенныя и опустошенныя Фивы надолго исчезли съ историческаго поприща; Аргосъ, отказавшійся отъ участія въ священномъ дѣлѣ, утратилъ все свое значеніе.

Геродотъ говоритъ о какомъ-то признанномъ родствѣ между Персией и Аргосомъ, городомъ мифическаго Персея. Принимать всѣ рассказы Греческаго историка за дѣло, смѣшно: но и отвергать ихъ безъ причины не позволительно. Не должно забывать колоніи Фригійской при Танталѣ и можно допустить, что память объ Азійскомъ происхожденіи, хотя затемненная и искаженная, еще не совсѣмъ исчезла въ Аргосѣ. Если вспомнимъ, что Персей также какъ и конь его Пегазъ принадлежалъ еще не къ сказочному челоѣкообразію, но къ свѣтлому символизму Ирана, что Персей неразрывно связанъ съ Иракомъ, что какія-то преданія о *Берзилѣ*, проповѣдникѣ огнепоклонства въ Западномъ Иранѣ, сохранены намъ еще древними писателями, что Берзинъ кажется ни что иное, какъ символъ огня, что по показанію Геродота Персы считали Персея (вѣроятно *Берзина*) Ассирійцемъ, можно прослѣдить одинъ изъ источниковъ просвѣщенія древней Эллады до пригорій Араратскихъ. Для всякаго безпристрастнаго критика явно тройственное начало этого просвѣщенія, въ которомъ слились сѣверное (челоѣкообразное) южное (вещественно-символическое) и восточное или средне-Иранское (духовно-символическое). Последнее отличается отъ двухъ первыхъ отсутствіемъ боговъ и преобладаніемъ героевъ, т. е. формы, въ которой проповѣдникъ сливается съ служебнымъ духомъ, а имя божества остается неизрѣченнымъ. Переговоры Аргоса съ Персией подтверждаютъ то, что уже сказано было о синкретизмѣ Греческой мифологіи, синкретизмъ безспорномъ также, какъ и двойственность племеннаго состава изъ западно-Иранскаго Пелазга и восточно-Иранскаго Фракійца.

Мегара и Эгина, нѣкогда соперницы Аѣинъ, исчезли въ лучахъ славы Мараѣонской и Саламинской; всѣ мелкія области, ставшія въ общемъ ополченіи Греціи, почувствовали свою слабость и утратили свое прежнее честолюбіе и надежду на равенство съ Спартою или Аѣинами; но съ другой стороны возвеличаніе Эллады распространило ея вещественные предѣлы, заставивъ полу-Эллинскія племена принять полнѣе Эллинскую жизнь и примкнуть къ великому народному союзу. Такимъ образомъ Македонія приняла въ себя южное просвѣщеніе, объявила свои права на участіе въ дѣлахъ Греціи и стала при-

Величіе
Аѣинъ и
начало у-
падка.

готовляться къ своему будущему всемірному величію. Жизнь Эллинская закипѣла со всѣхъ сторонъ, торжествуя мало-помалу надъ всѣми соперниками. Въ этой великой эпохѣ духовная сила должна была преобладать надъ вещественною, мыслитель надъ бойцемъ, Аѣина надъ Спартою.

Но самое возвеличеніе Аѣинъ содержало въ себѣ причины паденія. Гордость мѣстная, властолюбіе, стремленіе къ вещественнымъ завоеваніямъ и къ грубой корысти развивались вмѣстѣ съ увеличеніемъ государственной силы. Аѣины вступили въ борьбу съ Лакедемономъ, присвоивая себѣ единовластіе надъ морями, также какъ Лакедемонъ присвоивалъ себѣ власть на землѣ. Послѣ долгой войны Спарта восторжествовала силою своего внутренняго единства и безразсудствомъ Аѣинъ, оскорбившихъ всѣхъ своихъ союзниковъ. Подробности этой кровавой борьбы, поочередное торжество геніальныхъ мужей съ одной стороны и крѣпко устроенныя государства съ другой, торговые союзы, хитрости политики и государственной экономіи принадлежатъ монографіямъ, но не всемірной исторіи. Аѣины получили свое значеніе, какъ представители обще-Эллинскаго духа въ минуту общей опасности, погибли, когда поставили свою гѣсную личность внѣ истинныхъ началъ своей силы; но еще послѣ паденія своего продолжали дѣйствовать на цѣлый міръ свѣтомъ мысли и умственнаго просвѣщенія.

Ими былъ воспитанъ Александръ Македонскій и дикари, его подданныя, ими благородная душа Эпаминонда и Филопемена и великій міръ Рима и отчасти новѣйшая Европа.

Страсть къ свободѣ, восторженное поклоненіе человѣческому достоинству, были принадлежностями всей Эллады; но въ Спартѣ всѣ эти чувства были подавлены грубымъ преобладаніемъ мѣстнаго эгоизма. Спарта изгоняла тиранновъ изъ Греческихъ городовъ; но вездѣ она замѣняла единовластіе Олигархической аристокраціей, противной духу самихъ Лакедемонянъ, противной духу всѣхъ Эллиновъ и уничтожающей всю внутреннюю силу областей, которыя ей покорились. Лакеде-

монъ угадалъ позднѣйшую политику Рима. Торжество Аѳинъ вездѣ изгоняло аристократію и пробуждало жизнь полной гражданской свободы. Послѣ гибели Аѳинскихъ войскъ, послѣ полной побѣды Лакедемона, палъ Лакедемонъ. Аѳины распространили по всей Элладѣ гордое сознаніе ея высокаго достоинства, вражду противъ всякаго неправаго насилія и приготовили тѣхъ враговъ, которые въ позднѣйшее время похитили вѣнцы военной славы у Спартанскихъ Гоплитовъ на поляхъ Мантинейскихъ и наконецъ подчинили своимъ законамъ грозную дружину, созданную Ликургомъ.

Не замѣтная на картахъ земнаго шара, ничтожная по своему народонаселенію, котораго сложность едва равнялась одному Вавилону, Эллада занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества. Такое преимущество ея объясняется свободнымъ развитіемъ, многосторонностью и особенно ясностью духовной жизни. Индостанъ, принявшій древнее и высокое преданіе Ирана и въ то же время глубоко отвлеченное ученіе Кушитовъ, истощилъ силы свои въ бесплодномъ стремленіи къ примиренію двухъ крайностей и къ созданію религіи, соединяющей въ себѣ умствованіе и вѣру. Китай ограничилъ весь разумъ человѣческій разрѣшеніемъ одной государственной задачи; Кушъ погрязъ въ поклоненіи міровой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ и въ молчаливомъ трудѣ надъ веществомъ; Иранъ, сохранившій свое первобытное преданіе, но не уяснившій его, палъ при первой попыткѣ приложить къ государству законы, созданные не для государства; всѣ же, подчиняя вполнѣ человѣка законамъ, грубо-произвольнымъ или не вполнѣ понятнымъ и обращаясь съ нимъ, какъ съ орудіемъ второстепеннымъ и нужнымъ только для разрѣшенія высшей задачи, лишили себя полнаго сочувствія съ остальными племенами человѣчества. Ограниченнѣе и ниже была первобытная жизнь Эллина, но ея безхитрестная простота и совершенная ясность дали ей возможность достигнуть полнѣйшаго развитія и отозваться во всѣхъ послѣдующихъ вѣкахъ и народахъ.

Умственное развитие Эллады. Религія, Искусства, Философія

Безспорно новый міръ созданъ мыслию, явившеюся въ Палестинѣ; но Палестина не идетъ въ сравненіе съ Элладю. Эллада жила и развивалась самобытно. Домъ Израили былъ только сосудомъ древняго преданія. Его призваніе было чуждо случайностямъ его жизни. Для него не было настоящаго, а только прошедшее, которое онъ охранялъ, или будущее, котораго ждалъ.

Сліяніе сказочнаго человѣкообразія съ вещественно-художественныхъ символизмомъ составило основу Греческой религіи. Изъ нихъ возникла безобразная смѣсь, смѣшная въ глазахъ разума, безсильная въ смыслѣ религіозномъ. Но съ другой стороны соединеніе стихіи сказочной, человѣческой и словесной съ пробужденнымъ чувствомъ художественной гармоніи, составило цѣлый новый міръ, въ которомъ сказка возвысилась до поэмы и образъ человѣческій до своего идеала. Такимъ образомъ возникла новая религія, видимое многобожіе, въ которомъ царствовало дѣйствительно одно божество, красота въ ея высшемъ проявленіи, въ красотѣ человѣческой. Элинъ преклонилъ колѣно передъ самимъ собою и передъ своими возможными совершенствами, какія бы онѣ не были, даръ ли случая, какъ случайность членовъ, сила, долговѣчность и разумъ или пріобрѣтеніе воли какъ свобода, власть и богатство. Поставивъ себѣ религію чисто-земную и чуждую всякаго высшаго всемірнаго смысла, онъ самъ сталъ въ отношеніи къ ней, какъ лице дѣйствующее, а не страдательное; ибо все вообще исчезло передъ личностью и силы человѣческія напряглись въ стремленіи къ достиженію человѣческаго идеала. Искусство возникло въ чудной полнотѣ, въ недостижимомъ совершенствѣ и въ неограниченномъ объемѣ, соединяющемъ пластическое начало Кушита съ словеснымъ началомъ Ирана. Въ Эладѣ, и только въ Эладѣ получило оно свою независимость отъ мысли и жизнь образа прилагаемаго ко всякому содержанію, слѣд. свободную отъ всякаго содержанія. Пріобрѣтеніе Элина сдѣлалось достояніемъ цѣлаго человѣчества.

Поклоненіе искусству, какъ искусству, естественное древней Греціи и разогрѣтое въ нашъ вѣкъ учеными Нѣмцами, было бы униженіемъ при теперешнемъ возрастѣ человѣчества; но въ немъ есть истина, до сихъ поръ не совсѣмъ понятная. Искусство есть сотвореніе стройнаго міра изъ одной данной, глубоко заронившейся въ душу человѣка. Стройность не зависима отъ данной: но чѣмъ болѣе было полноты и истины въ его зародышѣ, тѣмъ новосотворенный міръ полнѣе и прекраснѣе, тѣмъ труднѣе подвигъ творца, тѣмъ выше его духовное значеніе въ общинѣ человѣческой.

Безполезно бы было говорить о безконечномъ рядѣ свѣтилъ, блиставшихъ отъ мифическаго Орфея и мифическаго Дедала до совершеннаго паденія Эллады. Многія творенія погибли: но имена творцевъ уцѣлѣли и суетвѣрное поклоненіе новыхъ временъ тѣмъ художникамъ, отъ которыхъ осталось только преданіе, показываетъ, какъ чудно совершенство сохранившихся обломковъ.

Поучительно и важно обстоятельство еще не замѣченное. Пѣвецъ Ореей изъ Фракіи, каменосѣчець Дедалъ изъ Крита. Такъ и слѣдовало быть.

Мысль, просвѣтленная въ мірѣ красоты вещественной не теряетъ правъ своихъ на красоту духовную. Кромѣ просвѣщенія южнаго и сѣвернаго въ Элладу проникали чистѣйшіе лучи восточнаго ученія, искажаясь въ сказочныхъ затѣяхъ поэтовъ, скрываясь въ покровѣхъ полу-Кушитскихъ таинствъ, но никогда не померкая совершенно и зажигаая въ лучшихъ душахъ искру лучшей духовной жизни.

Темныя таинства древнихъ останутся таинствами и для насъ, не смотря на факелы новѣйшихъ книжниковъ: но земледѣльческій характеръ Элевзинскихъ таинствъ, въ которыхъ главныя лица *Деметра* и *Персефона*, изображенная въ видѣ колоса и признанная за мать *Вакха* (слѣд. за одно съ *Смелою-землею*), объясняется Фракій-

скимъ основаніемъ Элевзиса и подтверждаетъ все прочія свидѣтельства о характерѣ Славянскихъ Оракійцевъ.

Въ Элладѣ кипѣла душа человѣческая: всякій органъ ея напрягался и бодрствовалъ. Ни одна высокая мысль не могла упасть въ нее и замереть, не давъ плода.

Вѣра есть крайній предѣлъ человѣческаго знанія, въ какомъ бы видѣ она не являлась: она опредѣляетъ собою всю область мысли. Страны, въ которыхъ развитіе религіозной мысли достигло высшей степени, не могли допускать полной свободы философіи, ибо философія объясняла міръ видимый и невидимый, только въ тѣхъ границахъ, которые были предписаны ей знаніемъ религіознымъ. Въ землѣ чисто-Иранскаго преданія—Иудеѣ и въ области мало искаженнаго преданія, среднемъ Иранѣ, философія должна была оставаться на самой низшей степени. Въ земляхъ кореннаго Кушитства философская вѣра въ необходимость и ея полярную двойственность приняла основу логическую и способную къ логическому развитію; но въ этомъ принятіи законовъ видимаго міра за всеобщій законъ проявлялся уже произволь, положившій сковы на всю будущую умственную жизнь. Преобладаніе чисто-вещественнаго начала, сковавшего все духовное бытіе народовъ Кушитскихъ, должно было навсегда стѣснить развитіе чистой и свободной философіи. Племена, посвятившія все свое существованіе борьбѣ съ веществомъ и поклоненію его законамъ, осудили себя на вѣчное безмолвіе. Въ позднѣйшее время, когда Эллада дала Египту свободу мысли, изъ него могли только возникнуть Гностическія секты, бесполезно трудившіяся надъ прививкою философіи къ кореннымъ основамъ южнаго вѣрованія и терявшіяся въ темной мистикѣ произвольно создаваемыхъ Эманационныхъ системъ. Будгаизмъ, основанный на началѣ неопредѣленномъ, на возмущеніи нравственнаго чувства свободы противъ неоспоримой необходимости, былъ также мало способенъ къ освобожденію человѣческаго разума, какъ и самый Шиваизмъ, съ которымъ онъ находится въ неразрывной связи прямого отрицанія, принимая его же логическія оковы. Много-

мысленный Индостанъ, страна величайшаго умственнаго напряженія, обняла почти всю область философскихъ ученій отъ высочайшей и отвлеченнѣйшей духовности до самой грубой вещественности; нѣтъ ни одной системы, выказанной Элладою или развитой Германіею, которая бы не являлась почти во всей своей полнотѣ въ твореніяхъ великаго племени при-Гангескаго; но также какъ стремленіе искони философствующаго ума не позволило художественному чувству и сказочной словесности слиться въ одинъ цѣльный и стройный міръ искусства, такъ привычки духа жившаго нѣкогда въ свѣтлой области безусловнаго и высокаго вѣрованія, стѣснили полную свободу философіи и подчиняли ее искони принятымъ началамъ, отъ которыхъ она никогда не могла отрѣшиться, даже когда отрицала ихъ. Идея Брахмы жила надъ міромъ философіи Индостанской, въ какой бы формѣ онъ не являлся, свободно-творящаго духа, или всебожественнаго пантеистическаго символа, даже при допущеніи міра, какъ безконечной гармоніи чистовещественныхъ законовъ. Китай, возвысившій государство до значенія божества и не поклонявшійся ничему, кромѣ идеала общества логически развивавшагося изъ нравственныхъ законовъ, долженъ былъ дать философіи область ограниченную, но въ то же время возвысить мыслителей до степени религіозныхъ законодателей, ибо имъ предоставлено было уяснить тотъ идеалъ, который былъ не яснымъ кумиромъ всякаго Китайца. *Конгъ-фу-Тсеу* выразилъ всю сокровенную мысль Китая и его творенія, принадлежащія философіи только по характеру изложенія, по содержанию принадлежатъ вполне міру религіи. Эллины поставяли божествомъ человѣка со всемъ его произволомъ, со всѣми его случайностями. Весь міръ долженъ былъ для него представлять то самое сліяніе случайности и произвола. Такова основа большей части чисто-Эллинскихъ системъ, которыя болѣе или менѣе представляютъ признаки атомистической вещественности. Но голосъ Востока пробуждалъ другіе лучшіе и благороднѣйшіе помыслы: онъ звалъ человѣка къ сознанію его высокой духовности и познанію высшаго духа, свободнаго отъ земныхъ случайностей. Эллада слушала и свѣт-

дѣла мыслию. Она не могла уже возвысится до новой, чистой вѣры, но отрывалась отъ стараго вѣрованія или по крайней мѣрѣ отъ его грубыхъ образовъ. Долго боролся свѣтъ восточнаго ученія съ мракомъ Эллинской души, огрубѣвшей въ бессмысленной своей религіи.

Тупость Грековъ ко всякому ученію религіозному выражается особенно ясно въ рассказѣ Геродота о религіи Славянскихъ Гетовъ, вѣровавшихъ въ загробную жизнь. Эта мысль ему совершенно не доступна и не находитъ отзыва въ его душѣ.

Долго бродили въ нестройномъ хаосѣ пробужденныя стихіи мысли, стремясь къ примиренію въ полномъ разгулѣ ничѣмъ не скованной свободы.

Исторія въ первыхъ философскихъ системахъ Греціи еще не видитъ произведенія самой Эллады; но только воспринятіе чуждыхъ стихій.

Таковъ великій *Пифагоръ*, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и возвышенныхъ умовъ, какими можетъ гордиться человѣчество. Созвучный и почти современный великому *Лао-Тзеу*, онъ принадлежитъ по таинственности своего отвлеченнаго и поэтическаго ученія, по догмату переходенія душъ (*метемпсихозисъ*) и по строгости въ испытаніи учениковъ, исторіи религіозныхъ формъ, а не философіи и носить явные признаки восточнаго міра, еще не вполне разорваннаго до паденія Вавилона. Тѣ же слѣды Востока замѣтны въ математическихъ трудахъ и въ гениальной догадкѣ Пифагора о неподвижности солнца. Не Эллинскими системами должно считать и тѣ философіи, которыя полагали основаніемъ всего сущаго одну изъ чистѣйшихъ стихій, огонь или воду, какъ напр. школа Фалеса, на которой замѣтно вліяніе восточно-Иранскаго поклоненія водяному символу, вліяніе, объясняемое вполне древнимъ Вану-Вахтрійскимъ населеніемъ западнаго приморья Малой Азіи.

Изученіе самаго человѣка и его умственныхъ способностей обозначаетъ уже проявленіе чисто-Эллинской стихіи въ философіи: съ нимъ вмѣстѣ проявилось сомнѣніе во всемъ, что

не вполне доступно разуму человеческому, возведение случайности въ достоинство силы первоначальной (т. е. поклоненіе факту, какъ факту безъ вѣры въ какое бы то ни было объясненіе) и наконецъ безбожіе полное, рѣзкое, грубое и при всемъ томъ имѣющее законныя права не только на оправданіе, но и на сочувствіе всѣхъ мыслителей, ибо содержало отрицаніе религіи безсмысленной и нестерпимой для просвѣщеннаго ума.

Такимъ образомъ первыя чисто-Эллинскія ученія по видимому вырываются изъ области вѣрованія; но это освобожденіе мнимое, а не дѣйствительное. Философія отрицаетъ Зевса и всю Олимпійскую братью; но она отрицаетъ только признаки Эллинскаго божества и продолжаетъ поклоняться истинному божеству Эллады,—человѣку: она признаетъ права случайности, потому что эти права были дѣйствительно освящены преждею религіею; наконецъ она возвышаетъ и напрягаетъ гордость человѣка, перенося ее только изъ области физическаго превосходства въ область умственной силы. Изъ мыслительныхъ школъ выходятъ смѣлые бойцы, удалцы слова, *софисты*, какъ атлеты изъ школъ гимнастическихъ. Какъ атлеты переходятъ они изъ города въ городъ, собирая дань удивленія народнаго, вѣщаясь Олимпійскими вѣнцами, щеголяя новоизобрѣтеннымъ силлогизмомъ, какъ герои пентаэла или борьбы щеголяли новою уловкою или кулачнымъ ударомъ. Стихіи мысли бродили, повинуваясь уже мѣстному закону: въ немъ должны онѣ были найти свое примиреніе.

Человѣкъ былъ, какъ сказано, истиннымъ божествомъ Эллады. Но божественность его состояла во красотѣ, которой онъ былъ высшимъ представителемъ. Въ этомъ-то Эллинскомъ законѣ, въ этомъ характерѣ религіи заключалось разрѣшеніе философской задачи. Съ молода художникъ, насытившійся всеми обаяніями искусства, въ возрастѣ мужества гражданина, служившій обществу на полѣ битвы подъ Эллинскимъ вдохновеніемъ свободы и славы, Сократъ подчинялъ хаосъ философіи закону стройности и гармоніи. Красота явилась царицею міра духовнаго (*τὸ καλόν*), какъ она была божествомъ видимаго

міра. Софисты исчезли. Обрадованная Эллада привѣтствовала мудрость, нисшедшую съ неба.

Жизнь Сократа была борьбою съ прежними обмельчавшими школами. Онъ побѣдилъ ихъ потому, что въ немъ была та Эллинская истина, къ которой стремились они бессознательно и бесплодно: онъ сражался съ ними ихъ же оружіемъ и веселился этимъ боемъ потому, что въ немъ было Эллинское удалство, перенесенное въ область слова. Понятно, какъ Аристофанъ, ослѣпленный пристрастіемъ, могъ принять случайный характеръ его бесѣдъ за существенный духъ его мысли.

Сократъ совершалъ великій подвигъ, котораго путь былъ ему указанъ религіею: но въ то же время онъ уничтожалъ образы этой религіи въ ихъ бессмысленной случайности. Народъ, увѣнчавшій его земное поприще вѣнцемъ мученической смерти, осудилъ его какъ безбожника и былъ правъ въ своемъ судѣ; но правъ по своему невѣжеству, ибо самъ не зналъ, какому божеству поклонялся. Онъ былъ правъ и потому, что просвѣтленіе религіи, отрывая ее отъ преданія, предавало произволу мысли; и судіи, нѣжась въ тупомъ спокойствіи глупыхъ вѣрованій, предчувствовали всѣ духовныя страданія своихъ потомковъ, которыхъ философія лишала вѣры и боговъ.

Величественная трагедія совершилась. Сократъ выпилъ чашу яда и сказалъ, что выздоравливаетъ отъ жизни («Критіасъ, принеси жертву Эскулану»); но боги Олимпа исчезли навсегда, разрѣшившись въ свои отвлеченныя законы.

Начатое Сократомъ продолжается его вдохновеннымъ ученикомъ. Для Платона уже не существуютъ образы, созданныя младевческой фантазіею Эллады. Въ невидимомъ небѣ онъ видитъ уже полное и совершенное отраженіе чудной гармоніи, которую слышитъ въ своей душѣ, и божество открываетъся передъ нимъ, какъ первообразъ духовной красоты. Никогда не подымался выше полетъ ума человѣческаго; никогда не являлось такого великолѣпнаго соединенія самаго роскошнаго воображенія, всепроникающаго разума и художественнаго чувства, просвѣтленнаго нравственными стремленіями. Эллада,

расцвѣтшая въ Гомерѣ, принесла свой зрѣлый плодъ въ Платонѣ.

Но Сократовъ ученикъ черпалъ свое духовное богатство не изъ однихъ наставленій учителя. Не даромъ слышалъ онъ великое имя *Заратустра* и имя чистаго божества, которому онъ поклонялся, не даромъ доходили до него отзвуки ученія свѣтлаго Востока. Часто, отдѣляясь отъ пути философскаго, созидаетъ онъ начала новой религіи, которой произвольныя основы скрываются подъ человѣческою истинною вдохновеннаго искусства; часто угадываетъ онъ лучшее будущее духовнаго развитія и какъ будто оглядывается на весь міръ, прося преданія и исторической опоры для своего ясновидящаго гаданія. Но міръ ему извѣстный не давалъ отвѣта. Въ этомъ слабость его философіи и невозможность вызвать Элладу къ плодотворнѣйшей жизни. Другой вѣкъ, другое просвѣщеніе болѣе сочувствовали Платону, чѣмъ страна, создавшая его гармоническую душу.

Красота и истина неразлучны. Всякій произволь содержитъ уже въ себѣ признаки безсилія и начала безобразія. Истина должна быть необходима и представлять явное доказательство своей необходимости. Аристотель повелъ далѣе философію въ ея разумномъ или разсудочномъ развитіи, утративъ богатство свободныхъ Платоновыхъ гаданій, но не удаляясь отъ служенія красотѣ и подчиняя весь кругъ человѣческихъ наукъ ея торжественнымъ законамъ. Таковъ крайній предѣлъ Эллинской философіи. Дальнѣйшее раздѣленіе школъ, Діогенъ, ищущій человѣка, Эпикуръ, поклоняющійся высшему благу въ видѣ гармоническаго наслажденія бытіемъ, Зенонъ, возвышающій гордость человѣка до восторженнаго поклоненія своему внутреннему совершенству, и всѣ затѣйливыя подробности позднѣйшихъ ученій заключены уже въ геніальной школѣ Сократа и его первыхъ учениковъ. Духовный подвигъ Эллады былъ совершенъ.

Почти въ то же время совершился ея подвигъ историческій.

Эта современность развитія умышленнаго и государственнаго замѣчена болѣе или менѣе во всѣхъ великихъ народахъ: она особенно разви-

тельна въ Греціи. Ничтожность ея вещественныхъ силъ ставила ея судьбу въ прямую зависимость отъ напряженія силъ умственныхъ. Сверхъ того Греція менѣе всѣхъ другихъ земель приняла чистыхъ стихій отъ минувшаго времени. Къ ней дошли всѣ начала уже въ ихъ искаженіи (за исключеніемъ темной памяти о божествѣ, сохранившейся у одичалыхъ Пелазговъ): ея религія, произведеніе ея мѣстности и народа, получила отъ нея самой не только значеніе, но и существованіе. Нигдѣ такъ ясно не выражался законъ развитія. Иранъ, хранитель преданія, міръ Кушитскій, закованный въ цѣпяхъ древняго вещественнаго философізма, не были способны къ полному жизненному движенію. И тотъ и другой находился въ постоянномъ упадкѣ; сказочное же челоѡкообразіе Вендскихъ племенъ оставалось неподвижнымъ, потому что, не будучи согрѣто высокимъ стремленіемъ къ красотѣ, оно не доходило никогда до познанія челоѡческаго идеала. Греція, слабая и ничтожная въ своемъ младенчествѣ, перешла всѣ возрасты жизни, поклоняясь челоѡку и представляя въ своей коллективной жизни всѣ степени его жизни личной. Отъ того-то въ ней такъ явно совпадаетъ эпоха полнаго развитія силъ вещественныхъ съ эпохою высшаго напряженія силъ умственныхъ.

Наденіе
Эллады.
Македо-
нія и
Филиппъ.

Завоеватель Азіи, сокрушитель всѣхъ остатковъ древняго міра, вѣнчанннй полководецъ всей Эллинской дружины, великій Македонецъ, былъ ученикомъ Аристотеля и преемникомъ духовнаго движенія Аѳинъ.

Ослабленіе Лакедемона послѣ его побѣды надъ Аѳинами, недолгое торжество Фивъ подъ путеводствомъ свѣтлой звѣзды Эпаминонда и ихъ скорое паденіе, безпрестанные раздоры, отсутствіе всякаго средоточія, могущаго придать единство обще-Эллинской дѣятельности въ то самое время, когда всѣ стихіи дѣятельности были въ величайшемъ избыткѣ, все призывало на поприще историческое новыхъ дѣйствователей, не чуждыхъ Элладѣ по своему племенному и духовному составу, но чуждыхъ ея прежней исторіи, прежнимъ распрямъ и прежнимъ областнымъ страстямъ,

Воинственное населеніе Македоніи раздѣлялось на мелкія общины, управляемыя родовыми князьями или живущія въ неу-

строенной дикости первобытных завоевательных дружинъ. Безпрестанныя междуусобія, недостатокъ въ просвѣщеніи и въ общемъ государственномъ стремленіи удерживали Македонію, также какъ и прилегающую къ ней съ юга Фессалію, въ совершенномъ ничтожествѣ. Эти двѣ области, безъ сомнѣнія родина Эллиновъ, были еще въ незапамятныя времена завоеваны возвратнымъ движеніемъ Эллискихъ, особенно Дорійскихъ дружинъ и слѣдовательно подчинены правленію чисто аристократическому.

Завоеваніе Фессаліи и Македоніи обратнымъ движеніемъ своихъ же дружинъ совершенно соответствуетъ завоеванію Германіи Франками, выходцами изъ Германіи.

Фессалійское дворянство управлялось самовластно и только изрѣдка выбирало временнаго вождя (*тагосъ*, нѣчто въ родѣ *герцога* нѣмецкаго); Македонское признавало наследственныя права одного дома, *Гераклидовъ*, на достоинство общаго полководца, и полководецъ носилъ званіе царя, съ которымъ было соединено нѣкоторое значеніе религіозное. Народъ въ обѣихъ областяхъ находясь въ состояніи зависимости, сохраняя впрочемъ нѣкоторыя древнія права совѣщательныя и судебныя. Греція презирала свою сѣверную братію, причисляя ее къ полуварварамъ.

Наслѣдственная власть Гераклидовъ въ Македоніи была незначительна; самая область ихъ тѣсна и бессильна. Иллирійцы, Одризы и Фракійцы поочередно опустошали ее или завоевывали; Персы нѣсколько времени управляли ею самовластно. Общее возстаніе Эллады отозвалось на сѣверъ и проникло въ Македонію. Иго Персидское было свергнуто; Иллирійцы и Одризы мало по малу отодвинуты; просвѣщеніе пробуждено усиленіемъ приморскихъ городовъ Эллинскихъ (особенно Оливеа), и царская власть, опираясь на союзъ съ образованными государствами, окрѣпла и дала стройный ходъ жизни общественной. Въ началѣ IV вѣка до Р. Х. Архелай проложилъ новыя дороги, выстроилъ города, въ которыхъ власть

аристократіи нашла естественное противоборство, и положилъ основаніе будущей великой державѣ. Онъ и его преемники покорили или вытѣснили мало-по-малу изъ Македоніи всѣ независимыя общины, не признававшія до тѣхъ поръ царскихъ правъ дома Гераклидовъ и вѣроятно по своему происхожденію чуждыя завоевательной дружинѣ Дорійской.

Еще въ прежнее время были выгнаны многія семьи, болѣе или менѣе извѣстныя по мифамъ или исторіи древней Эллады. Такова была участь *Піеріевъ*, *Эдонянъ*, *Эордовъ*, При-олимпійскихъ *Альмоновъ* и другихъ. Всѣ прочія были побѣждены преемниками Архелая. Вообще критика склонна принимать всѣ мелкія семьи въ Элладѣ, никогда не достигавшія до значенія историческаго, за старожиловъ Пелазговъ. Мнѣніе весьма ошибочное. Греки такъ мало знали, что такое именно Пелазги, что даже на ихъ показанія нельзя полагаться. Это имя дано было очевидно многимъ племенамъ не-Пелазгическимъ и даже Эллинскимъ, оставшимся недоступными развитію Эллинскаго просвѣщенія. Жители Македоніи и Тессалии принадлежали отчасти колену Эолійскому, слѣдов. вѣтви Іонійской; побѣждены они были Дорійцами, составившими рыцарскую аристократію. Дорійцы по своему сродству съ Иракломъ и Персеемъ, кажется, обличаютъ примѣсь съ позднѣйшими выходцами изъ горъ Мало-Азійскихъ, чѣмъ и объясняется ихъ особенно воинственный характеръ. Семьи, изгнанныя изъ Македоніи, принадлежали вѣроятно колену Ахейскому и Эолійскому. Такимъ образомъ самое ихъ бѣгство на сѣверъ распространяло предѣлы Эллады и объясняетъ легкую эллинизацию Фракіи.

Изгнаніе нѣкоторыхъ общинъ придало единство Македоніи. Завоеванія заграничныя дали царямъ силы, независимыя отъ дворянства, сокровища, которыми они могли подкупать его или привязывать къ своему двору, и средства облегчить тяготы низшаго класса, въ которомъ они находили опору для власти почти неограниченной.

Кратковременное преобладаніе Фивъ въ Элладѣ сокрушило навсегда силу Спарты, возвративъ независимость Аркадіи, освободивъ Мессенію и воздвигнувъ стѣны Мегалополиса. Оно

уничтожило правительственное значеніе Спарты и Лакедемона, вызвавъ мелкія области къ жизни независимой и призвавъ ихъ къ участию въ дѣлахъ Эллады; наконецъ своимъ философскимъ направленіемъ подь руководствомъ Энаминонда, соединившаго въ себѣ ученіе Пифагоровой школы съ умственнымъ движеніемъ школы Аѳинской, оно объявило ничтожность древней религіи, оправдавъ похищеніе храмовой собственности. Вскорѣ Фивы утратили свое превосходство, основанное не на внутренней жизни общества, но на случайности великихъ мужей и на временномъ порывѣ народа, оскорбленнаго бездушною наглостью Лакедемонскаго пасимлія. Наступило время бессмысленныхъ смуть, въ которыхъ сокрушались силы Эллады. Похитители Дельфійскихъ сокровищъ, Фокейцы нашли себѣ союзниковъ въ Аѳинахъ и Спартѣ, наемниковъ во всей Греціи и бессильныхъ противниковъ въ Фивскомъ правительствѣ, еще недавно оправдавшемъ такое же преступленіе, совершенное Аркадцама. Послѣ многихъ побѣдъ Фивы, утомленныя безплодною борьбою, призвали союзника изъ Македоніи, не задолго до того времени ими умиреной, и поручили мечу Македонскому судъ въ дѣлахъ Эллады.

Въ то время управлялъ Македонією царь, опытный въ дѣлѣ военномъ, еще опытнѣйшій въ наукѣ государственной, человѣкъ равно хитрый и постоянный въ исполненіи своихъ властолюбивыхъ замысловъ. Еще прежде вмѣшался онъ во внутренніе раздоры Фессаліи и подчинилъ ее своимъ законамъ: долгимъ рядомъ обмановъ или побѣдъ покорилъ онъ южную Фракію, и всѣ области до границъ чисто-Славянской Илиріи и полу-Иверскаго Эпира. Призванный Фивами судить дѣло Эллинское и связанное съ вопросомъ религіознымъ, Филиппъ побѣдилъ Фокейцевъ и, исключивъ ихъ совершенно изъ Эллинскаго союза, получилъ по приговору Амфиктіоновъ оба голоса, которые принадлежали побѣжденной Фокидѣ въ общегреческомъ религіозномъ судницѣ и право предсѣдательствовать на играхъ общегреческаго бога Аполлона Пифійскаго. Вскорѣ проснулась зависть вольныхъ общинъ, испуганныхъ возрастающею властію Македонца. Фивы, недавно призвавшія его, и Аѳины

возбужденныя пламеннымъ краснорѣчіемъ Демосѳена, собрали могучій союзъ, но силы ихъ пали передъ желѣзнымъ строемъ Македонской фаланги, передъ искусствомъ царя-военачальника и передъ неудержимымъ мужествомъ его сына, Александра. Фивы были строго наказаны, Аѳины пощажены, вся Эллада усмирена. Но Филиппъ не могъ, вѣроятно не хотѣлъ, завоевать Эллинскихъ государствъ. Жадно призывая въ свою полудикую Македонію всѣ плоды Эллинскаго просвѣщенія, онъ не могъ быть и не былъ лишенъ сочувствія съ страной, въ которой они выросли и созрѣли. Филиппъ объявилъ себя мечемъ Эллады, ея вещественнымъ орудіемъ противъ міра не-Эллинскихъ варваровъ, стратегомъ ея дотолѣ разъединенныхъ силъ.

Алек-
сандръ.
Его заво-
еванія и
отноше-
ніе къ по-
корен-
нымъ.

Филиппъ понималъ истинное призваніе Македоніи, истинное требованіе современной Эллады. Послѣ его смерти еще разъ возстали Фивы. Александръ уничтожилъ ихъ и получилъ опять отъ невольнаго согласія Эллиновъ званіе все-Эллинскаго стратега. Быстро откинулъ онъ Славянскихъ Илирійцевъ въ ихъ горную область, бурнымъ налетомъ опустошилъ Славянскую землю Гетовъ до самаго Дуная и, сковавъ бесплодную внутреннюю дѣятельность Эллинскихъ общинъ, приступилъ къ исполненію великаго замысла, завѣщаннаго Филиппомъ. Въ 334 году до Р. Х. вступилъ Александръ въ земли, подвластныя послѣднему изъ преемниковъ великаго Кира, изъ потомковъ мудраго Дарія.

Аристотель былъ наставникомъ Александра, Гомеръ его всегдашнимъ спутникомъ, Ахиллъ идеаломъ. Въ этомъ весь Александръ, вождь дружины, а не народа, служитель красоты и гордости человѣческой, питомецъ свободной науки. Онъ долженъ былъ сочувствовать не мнѣческимъ Ираклу или Персею, но сказочному Ахиллу, или, лучше сказать, онъ былъ дѣйствительно самъ Ахиллъ. Ясновидящая фантазія народнаго дѣтства (Гомеръ) облекла въ свои символы, въ богоподобномъ Ахиллѣ, будущаго представителя всей Эллады (Александра). Такъ и въ жизни частныхъ лицъ ребенокъ угадываетъ дѣла своей возмужалости, облекая ихъ въ неясные образы, созданные игривымъ воображеніемъ.

Числительное превосходство Персидскихъ войскъ не могло доставить имъ побѣду въ сраженіи съ Греками. Опытъ доказалъ слабость Азіатскихъ полчищъ во время Дарія и Ксеркса и еще яснѣе во время походовъ Спартанца Агезилая; а войско Македонское было безспорно лучше устроено и болѣе обычно къ битвамъ, чѣмъ всѣ прежнія Греческія ополченія, между тѣмъ какъ Персія утратила послѣднія свои нравственныя силы. Правда, что самое государство оставалось все въ тѣхъ же границахъ, какъ и при Ксерксѣ; правда, что при предшественникѣ Кодомана, Артаксерксѣ III Египетскія низины, около ста лѣтъ сохранявшія независимость подъ правленіемъ своихъ царей (Инара, Амиртея и Нектанеба) покорились вполнѣ Персіи: но слабость государственнаго состава обнаруживалась все болѣе и болѣе. Торжество Македонца во всякомъ сраженіи было легко: но требовалось желѣзное терпѣніе для непрерывнаго завоевательнаго путешествія и для мелкой борьбы съ мелкими препонами, которыя онъ встрѣчалъ не въ средоточіи государства, но въ его отдѣльныхъ областяхъ. Александръ соединилъ въ себѣ всю художественную восторженность Эллина съ постоянствомъ, завѣщаннымъ ему Македонскими царями, его предшественниками. Нѣсколько лѣтъ съ ряду проходилъ онъ изъ конца въ конецъ все царство Персидское, вездѣ побѣждая и нигдѣ не отдыхая отъ побѣдъ. Рѣшительное и упорное сопротивленіе встрѣтилъ онъ только на берегахъ Средиземнаго моря, въ странахъ охотно покорившихся Персіи (ибо не дорожили государственною независимостью), но ненавидящихъ владычество Грековъ, съ которыми онѣ жили въ давней враждѣ за первенство на моряхъ и въ торговлѣ. Тиръ вспомнилъ свою прежнюю славу и осада этого одного города стоила болѣе трудовъ и напряженій, чѣмъ завоеваніе всего Персидскаго царства.

Недаромъ Финикійцы боялись Эллинскаго торжества. Всѣ способности умственныя были развиты въ Грекѣ; всякая предприимчивость была ему близка и доступна. Строеніе Александрія доказало всю разумность геройства Тирскихъ купцовъ.

Три великія сраженія уничтожили войско Персидское. Смерть Дарія и прекращеніе династіи передали Македонскому завоевателю всѣ права Кировыхъ преемниковъ. Далѣе и далѣе стремился побѣдитель. Горы Инду-кху, долины Кашмира, Индское пятирѣчье, гдѣ новое просвѣщеніе Греціи встрѣтилось съ древнимъ просвѣщеніемъ Индустана, пустыни Заяксартскія, гдѣ онъ опять встрѣтилъ Гетовъ, побѣжденныхъ имъ на берегахъ Дуная, все покорилось Александру. Далѣе и далѣе стремился его поэтический порывъ: но утомленное войско потребовало возврата въ Вавилонъ, будущую столицу Европы и Азіи. Тутъ на пепелищѣ древнѣйшаго изъ всѣхъ завоевательныхъ государствъ, среди приготовленій къ новому походу въ глубь пустынь Аравійскихъ, среди пировъ, которыхъ безуміе согласовалось съ безумнымъ восторгомъ, безпрестанно наирягавшимъ его силы, угасъ молодой завоеватель, яркая звѣзда совершившагося Эллинизма. Царство имъ основанное не пережило его. Его пережили крѣпости, воздвигнутыя его свѣтлымъ военнымъ умомъ въ ущеліяхъ Гиммалаи, на берегахъ Инда, въ степяхъ Массagetскихъ, его пережили пробужденная имъ торговля и новая торговая столица, всемірная Александрія, созданная его государственнымъ ясновидѣніемъ; его пережилъ Эллинскій міръ, возвеличенный его могучимъ геніемъ.

Едва ли кто изъ государей показалъ такое ясное понятіе о требованіяхъ торговли, какъ Александръ Великій въ построеніи Александріи и въ назначеніи Вавилона столицею. Такое же ясновидѣніе замѣчательно въ Карлѣ Великомъ, предположившемъ соединеніе Рейна съ Дунаемъ, и въ геніальномъ Петрѣ. Вѣрность торговыхъ взглядовъ во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ зависѣла отъ цѣлостной и гармонической стройности государственнаго ума. Геніальная простота мысли доступна всякой истинѣ и всякому инстинкту истины.

Ничтожные люди раздѣлили между собою наслѣдство Александра: Египетъ достался Птолемямъ Лагидамъ, Азія Селевкидамъ, Македонія и власть надъ Греціей потомкамъ Антигона. Ни одна изъ этихъ династій, ни одинъ изъ ихъ основателей

не представляли великихъ явленій, объясняющихъ покорность народовъ, недавно завоеванныхъ Греціею, или твердость Греческой власти. Древній міръ повиновался потому только, что онъ былъ сокрушенъ въ самыхъ основахъ своего нравственнаго и государственнаго быта. Одна Греція еще жила, потому что еще вѣрила своему божеству,—человѣку.

Это начало было выражено вполне Александромъ. Не безуміе, но глубокое сознаніе Эллинскаго духа научило его назваться сыномъ вышняго, неизвѣстнаго, тайнаго бога (Аммона) и воздвигнуть себѣ храмы и кумиры.

Но въ то же время, какъ Александръ представлялъ собою высшее развитіе Эллинской религіи, онъ, какъ слѣдовало человѣку, постигшему ея смыслъ въ философіи, отрицалъ исключительность ея образовъ и приписывалъ равное достоинство всякой человѣческой мысли, всякому человѣческому вѣрованію, именно потому, что они человѣческія. Оттого его гордые сподвижники роптали на стремленіе царя къ полному синкретизму всѣхъ религій, къ полному сліянію всѣхъ обычаевъ. Преслѣдованія его были обращены только на то, въ чемъ видѣлись слѣды государственной независимости, а не духовной свободы, противъ царей Персидскихъ, ихъ столицы и ихъ исторіи, а не противъ жрецовъ и храмовъ. Къ магамъ онъ былъ ласковъ, ко всѣмъ святынямъ благосклоненъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что покровительство, оказанное Александромъ, относится болѣе къ магамъ Вавилонскимъ, чѣмъ къ Мидійскимъ; но въ первыхъ, въ Мидійскихъ магахъ онъ видѣлъ начало политическаго противоборства, во-вторыхъ введеніе поклоненія Милиттѣ-Астартѣ уже сблизило обѣ религіи, смѣшавшія свои образы, свои понятія и даже имена священныхъ сословій. Это смѣшеніе доказывается многими свидѣтельствами и между прочимъ сказаніемъ о дозволеніи брака матери и сына у Мидо-Персидскихъ маговъ. Такая нелѣпость объясняется только изъ закона *триады*, въ которыхъ женская или воспріимчивая сила носить одно и тоже названіе по своей постоянной страдательности, неспособной имѣть опредѣленный характеръ, слѣдовательно немогущей имѣть опредѣленное имя. Отъ того-то *Горусъ* является мужемъ ма-

тери своей *Изиды*. Безсмысленный обрядъ быть только искаженнымъ изображеніемъ философской мысли, заключенной въ Кушитскихъ ученіяхъ.

Еще благосклоннѣе былъ Македонецъ къ Іудеѣ, не смотря на ея отказъ содѣйствовать осадѣ Тира. Киръ возвратилъ свободу Израилю, узнавъ въ немъ единовѣрца. Александръ, ученикъ школы Сократовой, покровительствовалъ ему, по сочувствію души, просвѣщенной знаніемъ, съ вѣрою въ свободно-творящаго духа и съ высокою нравственнаго закона.

Еще недавно миновала буря Вавилонскаго нашествія, а уже Израиль былъ снова великимъ народомъ и Іерусалимъ богатою столицею; но народъ не смыкался въ государство, столица не стремилась къ политической дѣятельности. Еврейская община, узнавъ свое истинное значеніе, покорялась безъ боя всякой силѣ вещественной, сохраняя свою духовную независимость и свободное правленіе по законамъ, завѣщаннымъ отъ Моисея и пророковъ. Александръ принялъ Іудеевъ въ свое войско и призвалъ Іудейскихъ жрецовъ въ свою Египетскую столицу. Еще благосклоннѣе были его преемники—Лагиды. Александрія стала почти столько же Еврейскимъ, сколько Элинскимъ городомъ. Примѣру Птолемеевъ слѣдовали Селевкиды въ Азіи. Селевкъ Никаторъ переселилъ множество Іудеевъ въ новосозданную имъ Антиохію и далъ имъ права полного гражданства. Антиохъ Великій призвалъ нѣсколько тысячъ семей Еврейскихъ изъ Евфратскаго междурѣчья въ города Лидіи и Фригии. Со всѣхъ сторонъ селились сильныя колоніи предприимчивыхъ и расчетливыхъ торговцевъ, принимающихъ участіе въ умственной жизни Элинскаго міра, распространяющихъ вліяніе своего древне-Иранскаго ученія, но никогда не исчезающихъ въ соблазнѣ идолопоклонства и обращающихъ съ желаніемъ и надеждою взоры свои къ святой родинѣ—храму Сіонскому. Такъ было до временъ Антиоха IV (Эпифана); такъ возрастали богатство и слава Іерусалима. Элинскій міръ, увлеченный необходимостью своего развитія въ чисто-логическую послѣдовательность философіи, не могъ возвратиться ни къ простотѣ преданія, ни къ безусловности вѣры; но сочув-

ствоваѣ и охотно сживался съ духовнымъ стремленіемъ ученія, близкаго къ лучшему свѣтилу Эллады—Платону.

Нео-платонизмъ, котораго задача явно носить характеръ столько же религіозный, сколько и философскій, не могъ нигдѣ образоваться, кромѣ полу-Эллинской, полу-Иудейской Александріи. *Гностицизмъ* возникъ въ томъ же краю, или въ близкой Финикіи. Онъ содержитъ въ себѣ желаніе возвысить древнее ученіе Кушитовъ въ область философіи, болѣе свободной отъ вещественности, и потому замѣняетъ ясное, но грубое отношеніе послѣдовательныхъ рожденій утонченнымъ, но темнымъ закономъ эманаций, и притомъ, вѣрный коренной своей основѣ, сохраняетъ непримиримую вражду къ Иудейству; самъ же, принимая невольное вліяніе Элліяскаго мудрствованія и Еврейскаго преданія, онъ воздѣйствуетъ на Иудеевъ, созидая всѣ нечистоты *кабалы*. Впрочемъ нѣтъ сомнѣній, что хотя намъ извѣстенъ только гностицизмъ, уже подвергнувшійся вліянію Эллады и Иерусалима, издавна существоваѣ въ тѣхъ же странахъ *гностицизмъ* менѣе ученый и опредѣленный, но обличающій уже смѣшеніе мысленныхъ стихій Ирана и Куша. Его отзывъ замѣтенъ въ двойной развязкѣ Проміеова мѣта.

Частная исторія Македоніи и ея царей до Римской эпохи, Пресмн-ки Алек-сандра. Египецъ при Пто-лемахъ. Селевкиды. Индо-Вактрійское царство. бесполезныя усилія Греціи подчинить себя и свою любовь къ полному идеалу человѣческой свободы строгимъ правиламъ общей системы и хранительнымъ преградамъ нравственнаго закона, дикій эгонизмъ Спарты, всегда жертвовавшей Эллагою своимъ частнымъ выгодамъ, борьба союзовъ Ахейскаго и Этолійскаго, мелкія войны и мелкія примиренія исчезаютъ безъ плодовъ и слѣда въ исторіи всемірной. Это предсмертныя содроганія государственной Эллады.

Точно также ничтожны исторія Лагидовъ въ Египтѣ и Селевкидовъ въ Азіи, основаніе мелкихъ Греческихъ царствъ въ Малой Азіи и вѣковыя распри между государствами, носящими въ себѣ общія начала и общій характеръ безсилія. Гораздо важнѣе исторія внутренней жизни народовъ, подчинившихся Элладѣ и отрекающихся мало-по-малу отъ своей отжившей старины, чтобы покориться духовному владычеству человѣкопоклоннаго просвѣщенія. Возникли новые города, но-

вые храмы, открылись новые торговые пути, явились новыя божества и вѣрованія; процвѣтали и старые города, пышно украшались и старые храмы, ибо все человѣческое имѣло права на покровительство отъ Элиновъ: но все древнее, глубоко таинственное обмелѣло въ безцвѣтной эпохѣ окончательнаго синкретизма. Молохъ, древній богъ Ирана, искаженный уже сляніемъ съ Кушитскою мифологіею, утратилъ свои свирѣпыя жертвоприношенія и сдѣлался празднующимся Геркулесомъ, великій Шива — Аммувъ и таинственная Изида, олицетворенія органической полярности (или необходимости въ противоположности положенія и отрицанія), слились съ торжественно-ничтожными образами чернокудраго Зевса и круглолицей Геры; а между тѣмъ философія, возвышая помыслы своими высокими требованіями и очищая разумъ свѣтомъ своихъ строгихъ выводовъ, подкапывала храмы всѣхъ древнихъ боговъ и искала вышняго Бога, но не находила его.

Царства, основанныя Элинами въ Азіи и Африкѣ, не имѣли ничего сходнаго съ государствами древнѣйшей эпохи. Въ нихъ не было одной общей народной мысли, созидающей общество по своимъ самобытнымъ законамъ (какъ въ Китаѣ или Египтѣ), и не было даже (какъ въ Персіи) органическаго и живаго зерна, сомкнувшагося въ общественное цѣлое и предписывающаго свою волю другимъ слабѣйшимъ личностямъ народнымъ. Наглый произволъ отдѣльныхъ лицъ, ставшихъ подъ дружинныя знамена, управлялъ судьбою племенъ, утратившихъ всякое самобытное стремленіе и тупо повинующихся чужеземному игу. Но бессмысленность самой власти искупалась превосходствомъ властвующаго племени. Египетъ и Сирія, утомленные безплоднымъ или одряхлѣвшимъ просвѣщеніемъ, искали новой жизни въ призракъ жизни, принесенной Элинами, и оставались равнодушными къ случайности дружиннаго владычества, котораго сами они не могли бы замѣнить болѣе разумнымъ организмомъ государственнымъ. Человѣческая кротость Элинскихъ стремленій облегчала тягость правительственнаго ига, и давала свободу мелкому существо-

ванію мелкихъ областныхъ обычаевъ. Такимъ образомъ объясняется и рѣдкость возмущеній противъ преемниковъ Александра и полная эленизація завоеваннаго края.

Долѣе всѣхъ царствовали потомки Птолемея въ Египтѣ. Берега Нила уже давно сжились съ Эллагою; ихъ просвѣщеніе не только не было въ прямой противоположности съ ея умственнымъ развитіемъ, какъ съ чисто-Иранскою стихією Персіи, но еще узнавало свои отзвуки въ немъ и духовное родство. Инары и Нектанебы (*) были невозможны. Александрія управляла безъ спора и сопротивленія судьбою всей Нильской долины, обогащая ее новыми великолѣпными зданіями, признавая неприкосновенность ея старинныхъ святынь и исконныя права ея первосвященниковъ. Лагиды, послѣ безплодной борьбы отказались отъ надежды завоеваній въ Палестинѣ и Сиріи и обратили силу своего оружія на югъ. Большая часть древней Эіопіи покорилась имъ, и до сихъ поръ надписи, вѣнзанныя Греческими воинами въ Нубійскомъ гранитѣ, свидѣтельствуютъ о пространствѣ Птолемеева царства. Въ одно время съ войсками Лагидовъ или еще прежде (при самомъ Александрѣ) проникли Евреи въ глубь Абиссинскихъ горныхъ долинъ и мало-по-малу достигли такого политическаго значенія, что въ самой колыбели Кушитскаго міра (Саманѣ) основали независимое государство, распространившее потомъ свою власть далеко не только въ Африкѣ, но и на берегахъ Аравіи (нѣсколько вѣковъ послѣ Р. Х.), успѣшно сопротивлявшееся грозному напору магометанскаго оружія и только недавно исчезнувшее въ духовномъ завоеваніи христіанства.

Хотя нѣтъ ясныхъ доказательствъ на существованіе колоніи Іудейской въ Абиссиніи до Греческой эпохи, многія вѣроятности заставляютъ предполагать ее. Ею объяснилось бы и основаніе государства и отношенія, въ которыхъ находится Эіопія (*Шеба*) къ Іерусалиму во времена Соломона. Торговая колонія съ приливомъ новыхъ военныхъ силъ при Грекахъ обратилась въ царство. Теперешнее имя Абиссиніи (*Хабешъ*) есть ничто иное, какъ прежнее же имя ея (*Шебахъ*),

(*) Вожди, подвигнувшіе Египтянъ къ возстанію противъ владычества Персовъ, срав. выше, стр. 265. (*Примѣч. ред.*).

обратно писанное или произнесенное. Такая перестановка буквъ или слоговъ и выворотъ словъ на изнанку весьма обыкновенны въ жизни нарѣчій. (*медвѣдь* и *ведмѣдь*, *бакалдина* и *колдобина*, *albus* и сл. *бѣлъ*, англ. *raven* сл. *воронъ* и т. д. *timeo* вѣроятно *тымео* и *темо* или правильнѣе *метыо* и пр.). Перестановка была еще легче при перемѣнѣ направленія письменъ или при употребленіи *бустрофедона*, ибо воздѣйствіе письменности на языкъ говоренный не подвержено сомнѣнію. Такъ напр. въ языкѣ *Тагала* часто неписанныя согласныя мало-по-малу исключаются даже изъ устнаго произношенія писанныхъ словъ.

Впрочемъ далекая Эѳіопія, огражденная пустынею и особенностями своей жизни отъ соприкосновенія съ остальнымъ міромъ, уже подпала вліянію сѣвера и измѣнила свои коренныя обычаи. Власть жрецовъ была сокрушена возстаніемъ воиновъ подъ предводительствомъ царя (Эргаменеса) и древнія стихіи уступали новымъ иноземнымъ. Позднѣйшая исторія ея, рядъ смуть и воленій, по ничтожности своей едва заслуживаетъ вниманія и начинается снова только съ появленіемъ христіанства, побѣдившаго и древнее символическое кумиропоклоненіе и уорство Еврейское.

Эпоха Птолемеевъ, не создавшая ничего въ мірѣ политическомъ и не оставившая ни какихъ слѣдовъ славы въ народныхъ бытописаніяхъ, есть безспорно одна изъ важнѣйшихъ эпохъ въ развитіи человѣческой мысли. Эллинскій міръ, перенесенный цѣликомъ въ чуждую область, стремился къ достиженію всечеловѣческаго достоинства; отрекаясь вполне отъ своей мѣстной и племенной гордости, онъ собиралъ всѣ сокровища знанія и всѣ данныя жизни въ надеждѣ создать новое стройное и полное цѣлое, разрѣшающее всѣ задачи и отвѣчающее всѣмъ требованіямъ. Цари Лагиды, не смотря на развратъ, на пороки, на гнусныя страсти, увлечены были силою этого умственнаго движенія и создали для науки великолѣпные храмы, достойные ея высокаго значенія. Эллины Александрійскіе воскрешали забытую вѣру Кушитскихъ жрецовъ, создавшую древнѣйшія царства міра: но не то было вре-

мя, не тотъ возрастъ человѣческой. Задачи сдѣлались не разрѣшимыми, ибо люди не могли уже довольствоваться знаніемъ чисто вещественнымъ, не могли возвратиться къ отжившему вѣку таинственныхъ наукъ и требовали отвѣта на вопросы духовные, пробужденные духовными ученіями Ирана. Съ Александрією спорилъ о первенствѣ Мало-Азійскій Пергамъ; но никогда съ нею не равнялся. Въ немъ, какъ и въ Аѳинахъ, слишкомъ жива была гордость Эллады, почти забытая во всемирной Александріи. Въ ней, и только въ ней, родилась новая плодотворная наука — критика. Въ ней развился духъ просвѣщеннаго анализа: и если за всѣмъ тѣмъ Александрія не разрѣшила вопроса своего, если она не создала ничего для человѣчества, то ей и благородному духу Эллады принадлежитъ слава первыхъ сознательныхъ стремленій чисто-человѣческихъ и всечеловѣческихъ.

Труднѣе было дѣло Селевкидовъ, область огромнѣе и разнообразнѣе въ своемъ составѣ, народы грубѣе и вольнолюбивѣе (какъ въ Понтѣ, Каппадокіи и Арменіи) или болѣе чужды завоевательнымъ Эллинамъ (какъ въ Мидіи и горахъ Персидстана). Отъ того-то государство Сирійское скорѣе Египта погибло и почти въ самомъ началѣ раздѣлилось на части. Столицею Селевкидовъ была Антиохія, но большей части населенная Греками, особенно Аѳинянами, изгнанными изъ родины при основаніи Антипатромъ тимократіи: но страна купцовъ (Финикія) и безсмысленнаго синкретизма (вся Сирія) не могла имѣть на развитіе просвѣщенія такого сильнаго вліянія, какъ издревле ученый Египетъ. Вавилонъ исчезъ или потерялъ всю свою важность въ безпрестанныхъ междуусобіяхъ, перервавшихъ все торговые пути, а наконецъ возстаніе горныхъ Мидійцевъ и ихъ дикіе набѣги разорвали всякую связь между приморскими Эллинами и среднимъ Ираномъ. Эллинизация Сиріи осталась почти безплодною въ сравненіи съ эллинизациею Египта или по крайней мѣрѣ принесла плоды свои гораздо позднѣе. Неподвижный въ своихъ вѣрованіяхъ и неколебимый въ преданіи, Израиль пришелъ наконецъ въ соприкосновеніе съ новымъ и роскошнымъ просвѣщеніемъ, противоста-

вѣщимъ свои человѣческія стремленія, свою жадную ненасытимую дѣятельность тѣсной и, такъ сказать, семейной религіи, въ которую Еврей заключилъ всемірное значеніе древняго закона, и бездѣйственному ожиданію будущаго блага, не зависящаго отъ человѣческихъ усилій. Искушеніе Эллиновъ не могло не проникнуть въ Іерусалимъ. Многіе просвѣщеннѣйшіе и знатнѣйшіе въ общинѣ стали стыдиться Еврейства, отступать отъ обычаевъ и стремиться къ невозможному сліянію Эллинскихъ и Израильскихъ стихій. Глубока была язва: со дня на день возрастали соблазнъ и число отступниковъ, со дня на день рѣдѣлъ сонмъ вѣрныхъ. Храмъ и жрецы и самые первосвященники готовы были къ поклоненію чуждымъ богамъ. Трудно сказать, какая бы была развязка внутренней духовной борьбы: нетерпѣливое насиліе нововводителей спасло Израиль. Побѣжденные Римлянами Селевкиды обязались платить огромную дань побѣдителямъ. Безпрестанныя смуты, возстаніе восточныхъ областей, упадокъ торговли и возрастающая Александрія перехватили источникъ богатствъ въ Сиріи и Финикіи. Похищеніе храмовыхъ сокровищъ должно было пополнить истощенную казну царей. Іерусалимъ еще былъ охраненъ ими невольнымъ уваженіемъ Эллиновъ или свободою предоставленною первыми Селевкидами народу Израильскому. Антиохъ Епифанъ, жившій въ Римѣ, впитавшій въ себя строгія понятія Римской государственности и ненасытимое корыстолюбіе, не былъ склоненъ ни къ уваженію областной свободы, ни къ страху святотатства. Еврей измѣнники пригласили его вмѣшаться во внутреннее управленіе общины Еврейской и воспользоваться богатствами Іерусалимскаго храма. Антиохъ поспѣшилъ на приглашеніе съ жадностію расточителя, никогда ненасытимаго золотомъ, съ злостью деспота, никогда ненасытимаго покорностію. Начались дикія гоненія: пробудилось чудное мужество. Мысль о свободѣ слилась съ мыслию о религіи. Маккавеи и ихъ приверженцы (*хазидимъ*) завѣщали исторіи великія имена и память великихъ подвиговъ. Мало-численный Израиль восторжествовалъ надъ великимъ царствомъ и надъ измѣнившою братіею, утратившею мужество

вмѣстѣ съ началомъ мужества, любовью къ отечеству и къ вѣрѣ. Иерусалимъ вышелъ изъ борьбы свободнѣе прежняго. Его полная независимость была признана Деметріемъ Никаторомъ (около половины 2-го столѣтія до Р. Х.). Неприкосновенность Симо-Яфетидскаго преданія была сохранена; но законъ, спасенный борьбою вещественною и соединившій свое дѣло съ дѣломъ областной свободы, принялъ въ глазахъ Еврея еще глубже характеръ тѣсной и племенной случайности.

Иная была судьба Элиинскаго владычества въ прибрежьѣ Средиземнаго моря, иная въ предѣлахъ самаго Ирана. Его восточныя области, издавна мирныя и просвѣщенныя, издавна проникнутыя религіознымъ синкретизмомъ и склонныя къ челоуѣкообразію въ вѣрованіи (ибо въ нихъ же оно и родилось) могли сочувствовать завоевателямъ и ихъ умственному направленію. Племя было чуждо, но не мысль одушевлявшая его. Такимъ образомъ объясняется основаніе Элино-Бактрійскаго царства, обнявшаго побережье стараго Дуная (*Танаисъ Іаксартъ*) Бактрію и Индское пятирѣчіе и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Индо-Бактрійскаго. Около 225 года до Р. Х., при слабомъ правленіи Антиоха II (*Теосъ*), съ годъ спустя послѣ возстанія горныхъ Азскихъ семей (Пароявъ), полководецъ Діодотъ (или Θεодотъ), родомъ Грекъ обратилъ всѣ восточныя области, до тѣхъ поръ подвластныя Сиріи, въ государство независимое.

Вскорѣ послѣ перваго царя держава распалась на части и подверглась всѣмъ бѣдствіямъ внѣшнихъ нашествій и внутреннихъ междоусобицъ. Элиинское начало долго еще преобладало, какъ видно изъ царскихъ именъ, (Евандемосъ, Евкратидесъ, Деметріосъ, Гермеіосъ, Менандросъ), изъ Греческихъ надписей и изображеній Юпитера, Побѣды, Геркулеса почти на всѣхъ монетахъ. По временамъ счастливый полководецъ, одержавъ верхъ надъ соперниками и подчинивъ своей власти мелкія отдѣльныя царства, принималъ гордое названіе царя царей; иногда весь полу-эллинизованный Востокъ преклонялся передъ оружіемъ западныхъ Пароявъ, и Греческія монеты съ Греческою надписью носили изображеніе Вонона или Ар-

сака. Наконецъ Эллинская стихія стала мало-по-малу уступать напору Восточно-Иранскихъ племенъ, возвращающихся въ свою старую родину, изъ которой они были вытѣснены преобладаніемъ Средняго Ирака въ Персидскую эпоху. Слѣды Греческаго искусства исчезаютъ; являются новыя изображенія изъ неизвѣстныхъ мифовъ и имена, чуждыя Греческому племени (*Азесъ, Азилезесъ, Майесъ, Спалагара, Спалмисъ* и др.). Могучіе *Саки* подвигаются изъ Бактріи къ устьямъ Инда, проникаютъ въ Индустанъ и налагаютъ на него тяжелое иго, которое свергнуто было только великимъ Викрамадितьею около 56 года до Р. X.

Эта эпоха была такъ важна для Индустанцевъ, что они съ нея считаютъ свою эру *Сакабда*.

Внѣшняя судьба Индо-Бактрійскаго царства могла бы остаться неизвѣстною безъ большой потери для наукъ: но любопытно бы было прослѣдить внутреннее броженіе мысли при встрѣчѣ трехъ стихій, Эллинской, Индустанской и Ванно-Бактрійской, уже безспорно измѣненной, но вѣроятно еще не вполне утратившей всѣ свои отличительныя черты. Быть можетъ, будущія изслѣдованія бросятъ новый свѣтъ на эту темную эпоху: но уже теперь можно опредѣлительно принять слѣдующія положенія. Вещественная сила государства состояла въ народахъ Славяно-Бактрійской отрасли и потому оно весьма справедливо называлось *Скиѣскимъ (Сако-Гетскимъ)*: зерно его состояло изъ разныхъ семей Славяно-Бактрійскихъ, и потому оно является то подъ именемъ *Гунскаго* у Козмы Индоплатателя, то *Сакскаго* у писателей Индустанскихъ, то *Гуетскаго (Гетскаго)* или *Та-ванскаго* (великихъ Вановъ) у Китайцевъ.

Это положеніе подтверждается еще прозвищами *Саку-сара* (царь Саковъ) и *Гетуза* (Гетскій) на нѣсколькихъ монетахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что чтеніе надписей еще далеко отъ совершенства, но уже даетъ нѣсколько вѣрныхъ выводовъ. Кажется, оно могло бы еще усо-

вершенствоваться допущеніемъ буквы *а* въ иныхъ случаяхъ въ качествѣ знака безгласія. Этимъ устранилось бы не совсѣмъ вѣроятное повтореніе одного и того же звука. Не должно забывать, что таково точно было употребленіе преобладающаго (доминанты) *о* или *а* краткаго въ письменности Славянской съ прибавленіемъ надъ нимъ маленькаго знака сокращенія или уничтоженія, изъ чего составила буква *ѣ*. Знакъ сокращенія можетъ или быть почти незамѣтнымъ или даже совершенно исчезнуть, и письменность представить странное явленіе: неписаніе гласной *а* или *о*, всегда предполагаемой при согласной (*вѣкъ*, *Бѣ*, *плѣ*) и писаніе гласной тамъ именно, гдѣ она не произносится. Такого рода смѣшеніе неудивительно при дѣтствѣ новой грамотности, возникающей изъ смѣшенія двухъ системъ (напр. Греческой и древне-Славянской или Греческой и древне-Брахманской): отъ того-то мы видимъ правильно *бѣратъ*, а иногда неправильно *пѣлкѣ*, *вѣлкѣ*, могли бы найти правильное — *волкѣ*, *полкѣ* и неправильное *боратѣ*; отъ того можно легко помирить чтеніе *Кадафизъ* и *Кадфизесъ* и понять, почему Греческія, Пароянскія и Сако-Бактрійскія имена *Діонизіосъ*, *Гермеіасъ*, *Никіасъ*, *Арсакосъ*, *Майесъ* пишутся *Діонизаіаса*, *Гермаіаса*, *Никіаса*, *Асакоса*, *Маіаса* и пр.

Власть вещественная переходила мало-по-малу въ руки народовъ сѣверныхъ и горныхъ, болѣе дикихъ и чуждыхъ просвѣщенію.

Точно также, какъ въ позднѣйшую эпоху отъ *Газневидовъ* къ *Гуридамъ* и потомъ къ *Тамуридамъ*.

Новые властители принадлежали къ семьямъ Восточно-Иранскимъ, мѣшаннымъ съ Средне-Иранскими *Азами* или *Пехлеви* (какъ династія *Азеса*, *Азилезеса* и др.) и даже съ Средне-Азійскими. Наконецъ все царство погибло не столько отъ возстанія *Индустана*, которое могло подѣйствовать только на область *Кабула* и *Пятирѣчія* или отъ натиска *Парянъ*, сколько отъ нажима Средне-Азійскихъ племенъ. Этотъ нажимъ возрасталъ безпрестанно и отодвинулъ мало-по-малу Славянскія семьи *Саковъ*, *Вановъ* и *Гетовъ* отъ стараго *Дуная* или *Дона*

Закаспійскаго къ берегамъ Волги, гдѣ они явились, подъ именемъ *Гунновъ* или *Болгаръ*, для спасенія своихъ погибающихъ братьевъ черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ паденія Эллино-Скиѳскаго царства.

Имя царя Саковъ *Азилезесъ* едва ли не то же самое, что имя позднѣйшаго вождя Гунновъ *Аттиль*.

Но Саки уже давно утратили свое древнее просвѣщеніе, сохраняя только бытовой характеръ своихъ предковъ, какъ видно изъ Китайскихъ свидѣтельствъ о мелкихъ Ванскихъ общинахъ. По этому все умственное движеніе, вся грамотность и религія носили на себѣ слѣды Эллинскаго или Индустанскаго развитія; средоточіе просвѣщенія было болѣе на югѣ, въ Аріанѣ и на берегахъ Инда, чѣмъ во владительныхъ областяхъ Сако-Бактрійскихъ и надписи не содержатъ въ себѣ (за исключеніемъ нѣсколькихъ совершенно непонятныхъ словъ, какъ *ооимо*) никакихъ стихій, кромѣ Индустанскихъ и Эллинскихъ. Такъ какъ Эллины покорили не самый Индустанъ, но только сѣверо-западную окраину, нѣкогда Кушитскую (*Кашмиръ*) и берега Инда, населенные уже одичавшими воинами; такъ какъ эта горная страна никогда не была вполне завоевана Вишнуитами (какъ и позднѣйшими завоевателями), стихія религіозная, примѣшанная къ Эллинству въ памятникахъ Индо-Скиѳскаго царства, представляетъ всегда почти эмблемы Шиваитскія, между тѣмъ какъ собственно Бактрійское божество (корень Вишнуизма) совершенно исчезло, слившись съ Геркулесомъ и Зевсомъ.

Кажется, преобладанію Шиваизма можно приписать и употребленіе формъ Пракрита предпочтительно передъ Санскритскими въ надписяхъ монетныхъ. Религія Шивы принадлежатъ болѣе низшимъ кастамъ, чѣмъ высшимъ и ученѣйшимъ: поэтому и Буддаизмъ, искони связанный съ Шиваизмомъ, избралъ своимъ священнымъ языкомъ нарѣчіе Пракритское и Пали, которыхъ начало должно отыскивать около верховьевъ Инда. Преобладаніе Шиваизма и поклоненіе *Дургъ* или *Парвати* въ низшихъ кастахъ зависитъ не столько отъ ихъ сравнительнаго невѣжества, сколько отъ того, что онѣ составились по большей части изъ

покоренныхъ Кушитовъ. Этимъ же объясняется и Шиваизмъ всего юга и Индскаго прирѣчья, сопряженный съ Буддаизмомъ въ Кашмирѣ и совершенно уступившій Буддаизму въ Цейлонѣ. Надписи не представляютъ ни малѣйшаго слѣда Зенда: этимъ доказывается отсутствіе средне-Иранскихъ стихій въ составѣ Индо-Скинскаго государства и опровергается странное предположеніе книжниковъ, вообразившихъ, что Зендъ былъ когда-то нарѣчьемъ горныхъ окраинъ Ирана и Индустаца. Титулъ царскій *раджа-раджаса* или *раджатираджасъ* (въ Эллинскомъ переводѣ βασιλεύς, βασιλέω) явно принадлежитъ языкамъ чисто-Индустанскимъ.

Хотя нашествія дикаго Сѣвера и поочередное владычество горныхъ Паряевъ, Аравитяевъ и Турокъ изгладили всѣ слѣды восточно-Эллинской державы, ея памятниковъ и образованности; но для исторіи равно важны и возможность ея существованія и остатки ея вліянія до позднѣйшихъ временъ. Легкость, съ какою Эллинская стихія принята была въ восточномъ Иранѣ, между тѣмъ какъ она осталась совершенно чуждою его средней и западной полосѣ, не можетъ быть объяснена ничѣмъ инымъ, какъ особенностями племеннаго состава и умственной жизни въ Бактріи и Индустанѣ. Въ этой частной эленизаціи содержится явное свидѣтельство о древнемъ просвѣщеніи, еще цвѣтущемъ за Индомъ, уже почти угасшемъ въ области Ванской, но все еще готовомъ ожить и разцвѣсть, при встрѣчѣ съ просвѣщеніемъ новымъ и живымъ; въ ней видимъ ясно черты обще-человѣческаго быта, отличающаго вѣтвь Ванно-Бактрійскую отъ Азо-Мидійской, точно также какъ и склонность восточнаго племени къ чело-вѣкообразію въ религіи, между тѣмъ какъ средне-Иранскія семьи требовали вѣроятно высшихъ и духовныхъ началъ вѣры, которыхъ не доставало въ Эллинствѣ внѣ его философскаго и не многимъ доступнаго развитія.

То же самое различіе обовначалось и въ позднѣйшія времена и въ другихъ странахъ, между мудрыми *Ванами* и сильными *Азанами*, между Славяниномъ и Германцемъ.

Держава Эллино-Бактрійская миновала, но она оставила свою печать въ области, которая ей была подвластна. Никогда пробужденное художество не погибало совершенно на восточныхъ границахъ Ирана: въ нравахъ, въ бытѣ, въ жизни умственной оставался отсадъ прошедшаго времени, дрожжи будущаго просвѣщенія. Индустанъ получилъ отъ своихъ завоевательныхъ сосѣдей новыя мысли и новыя данныя въ наукахъ. Вѣроятно многое въ философскихъ школахъ ведетъ свое начало отъ соприкосновенія съ Эллинами; небознаніе безспорно подверглось ихъ вліянію, особенно въ своихъ астрономическихъ мечтахъ.

На это есть несомнѣнное свидѣтельство Индустанскаго астронома *Варага-Миширы*, жившаго въ первыхъ столѣтіяхъ послѣ Р. Х. и явное указаніе въ именахъ учителей *Яванессвара*, *Яванакгарджасъ* и др., и особенно въ названіяхъ созвѣздій по комментарию на *Варагу (Вивирана)*. Эти названія чисто-Греческія: *Криджна* (κρίως, овенъ), *Тавура* (ταῦρος телець), *Гутума* (δίδυμοι близнецы), *Кумера*, по другимъ *Карки* (καρκίνος ракъ), *Леля* (λέων левъ), *Партгона* (πάρθενος дѣва), *Гука* (ζούρος вѣсы), *Карнія* (σκόρπιος скорпионъ), *Тауксика* (τοξότης стрѣлецъ), *Акокера* (αἰχμήρος козерогъ), *Гидрогасъ* (ὕδροχόος водолей), *Истгуси* (ἰχθύς рыба). Смѣшно бы было предполагать, что отъ Эллиновъ ведетъ свое начало все небознаніе въ Индустанѣ: оно безъ сомнѣнія много и много древнѣе, но вліяніе безспорно. Критика не можетъ не признать *Явановъ*, о которыхъ упоминаютъ астрономы, за Грековъ, но за всѣмъ тѣмъ мнѣніе, что имя *Яванъ* происходитъ отъ Іонійцевъ, остается весьма сомнительнымъ. Оно могло происходить отъ древняго имени области *Аза Вана* и быть перенесено на ея новыхъ завоевателей. Мы не имѣемъ никакой причины предполагать, чтобы Македонское войско величало себя Іонійскимъ, а торговыхъ сношеній, которыя могла распространить славу Іонія въ Западной Азіи и Иранѣ, бытъ не могло (по крайней мѣрѣ непосредственно) между Индомъ и городами Мало-Азіійскими.

Должно замѣтить, что начало небознанія въ Индустанѣ ведется (по сказанію туземному) отъ *Мая-Асура*. Оба слова содержатъ въ себѣ

смысль *обмана* и *злаго духа*: но нельзя не вспомнить, что главная эпоха астрономическая началась въ Вавилонѣ, что астрономія безспорно процвѣтала искони и едвали не родилась въ Ассиріи (*Ассурь*), и весьма позволительно заключить, при всевозможномъ уваженіи къ Подопклонникамъ Нънцамъ, что въ словѣ Асура (въ этомъ случаѣ) заключается память объ Ассиріи, также какъ въ именахъ злыхъ *Гираньякиса* и *Гиранія-каситу* и *Мадгу* заключается воспоминаніе о враждѣ съ Ираномъ и Мидіею, хотя *ирана* и значить золото, а *мадгу* сладкій. Всякій историческій фактъ обращается въ религіозную сказку поэтическимъ ладомъ народа, и потомъ всякая сказка возводится въ отвлеченно-религіозный мифъ вѣчно мудрствующимъ Брахманомъ. Таковъ характеръ Индустана и пора наукъ понять его.

Самая религія въ своей сказочной и народной жизни подверглась также измѣненію отъ соприкосновенія съ Эллинскимъ мифомъ: это можно утверждать а priori; но бесполезно изслѣдовать, потому что выводы будутъ во всякомъ случаѣ ничтожны.

Земля Бактрійская и Аріана не оставили намъ письменныхъ памятниковъ подобно Индустану; но неписанный памятникъ остался въ позднѣйшемъ просвѣщеніи всей области, въ процвѣтаніи словесности при дворѣ Газневидовъ и Самоновъ въ образованіи мягкаго и поэтическаго нарѣчія *Фарси* или *Цабаке дери*, въ художественномъ великолѣпнѣ Самарканда и Балка и вѣроятно въ распространеніи христіанства въ предѣлахъ Бактріи.

Существованіе христіанской общины можно заключить изъ Китайскихъ разказовъ о землѣ Ванской, въ которой весною народъ плачетъ о смерти своего Бога, ищетъ его, обходя селенія со свѣчами и наконецъ, нашедши его, поетъ радостныя пѣсни: ясно праздникъ Пасхи.

Таково вліяніе Эллинской эпохи на Восточный Иранъ.

Трудно сказать, отозвалось-ли оно далѣе на сѣверо-западъ къ берегамъ Волги и Балтики: предположеніе не совсѣмъ вѣроятное, потому что торжество Македонцевъ совпадаетъ съ эпохою торжества Финно-

Турецкихъ народовъ (*мнимыхъ Скивовъ*) и распространенія Азо-Алановъ (*Сарматовъ*) по При-волжю.

Царство Паряи-ское. Годомъ прежде отдѣленія Индо-Бактрійскаго государства возстали Паряеяне противъ власти Селевкидовъ. Родиною Паряеянь были отроги Демавендской цѣпи на юго-востокѣ Каспій, племеннымъ началомъ Азская вѣтвь Иранскихъ народовъ. Въ ихъ землю не могло проникнуть оружіе Македонцевъ; съ ихъ бытомъ не могло сжиться просвѣщеніе. Во всей своей старой дикости, не преклонившейся передъ величавою властью Персидскихъ царей и не смягчившейся отъ кроткаго ученія Зендскихъ реформаторовъ, возстали воинственные горцы, призванные сокрушить Эллиство на Востокѣ и положить желѣзную преграду Римскому міру, но не создавать и не основывать ничего для будущихъ вѣковъ.

Происхожденіе Паряеянь не подлежитъ никакому сомнѣнію, и мнѣніе, связывающее ихъ съ племенемъ Средне-Азійскимъ, принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ догадокъ. Въ списокѣ областей Персидскихъ, по клинообразнымъ надписямъ, рядомъ стоятъ имена *Парута*, *Асагарта* и *Парюва*, въ которыхъ находимъ древнее названіе всего племени—Азъи названіе семьи—*Парю* (санскр. *Парада*). Добросовѣстная критика признаетъ единство *Асагарта* надписей, *Азбруга* преданій о Кеанидахъ, и *Асгарда* Скандинавскаго. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Азъи восточныя, паряискіе, были тождественны съ *Азами* западными. Тутъ единство племени и различіе семей.

По началу вѣрованія Паряеяне очевидно должны были принадлежать Среднему Ирану. За всѣмъ тѣмъ, при скудныхъ извѣстіяхъ объ ихъ религіи, замѣтны великія отклоненія отъ ученія Заратустрова и даже вражда къ его святынямъ. Дикая, вольнолюбивая семья, вѣчно воюющая противъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ, приняла въ себя всю нелѣпую примѣсь челоуѣкообразныхъ религій безъ ихъ художественнаго и облагораживающаго стремленія. Божество ихъ было божествомъ войны, какъ и жизнь ихъ постоянное сраженіе.

Тотъ же *Миѳра* (или *Михѳра*, великій творецъ) въ его ограниченіи, какъ *Тѳоръ* Скандинавскій.

По языку Парѳяне принадлежали также къ Среднему Ирану, склоняясь болѣе къ западной вѣтви, чѣмъ къ восточной. *Пехлеви* представляетъ смѣшеніе многихъ стихій, точно также какъ и самое племя приняло безъ сомнѣнія многія чуждыя примѣсы, но вообще относится къ Западу, какъ грубое и одичавшее нарѣчіе къ своему стройному и образованному родовому началу. Оно сдѣлалось языкомъ государственнымъ, письменнымъ, отчасти образованнымъ, но никогда не достигало, какъ и самый народъ, высокаго развитія или поэтическаго значенія.

Фирдоуси охотно воскрешаетъ его обветшалыя формы въ замѣнъ иноземныхъ Аравійскихъ, уже принятыхъ мусульманскою Персіею: но чувство самолюбія народнаго совѣмъ независимо отъ достоинства самаго языка, къ которому возвращался величайшій поэтъ Персістана. Названіе *Пехлеви* (какъ уже сказано) не происходило отъ имени народа, но отъ воинственнаго быта народнаго и связано съ корнемъ *пехлевъ* (богатырь), который самъ происходитъ отъ *пехлу* (граница). Положеніе земли Парѳянской и ея близость къ области, названной землею *Уна-о* (по источникамъ Китайскимъ), заставляютъ предполагать существованіе двухъ казачествъ, составившихся—одно изъ отрасли Азской, величавшееся именемъ *Пехлеви* (Граничарь), а другое изъ отрасли Ванской, называвшееся *Юнаками*, *Юными*, или по измѣненію умягченной буквы ю въ звукъ придыхательный—*Гунами*. Санскритская поэзія, смѣшавъ имена народовъ съ именами ополченій, раздѣлила Парѳянъ на два, на *Пахлава* и *Парада*, заключивъ подъ вторымъ именемъ *Персовъ* и *Парѳянъ* я слѣдуя своему общему закону въ преобладаніи звука *а*.

Тождество коренное между Азами—Сарматами, завоевавшими сѣверъ Европы и Азами Парѳянскими, уничтожившими силу Элліно—Сирійской державы, нисколько не показываетъ тождества нарѣчій. Дикость не ограждаетъ чистоты языка, но предаетъ его произволу мѣстнаго развитія. Даже Восточно—Иранское племя (Вано—Бактрійцы), не смотря

на свою живую общительность, раздѣлилось на множество самозданныхъ нарѣчій, не говоря уже о нарѣчійхъ измѣненныхъ примѣсю ино-племенныхъ стихій. Еще больше должно было быть разнообразіе въ языкахъ западно или средне-Иранскихъ; и Пароѣ былъ бы безспорно также не понятенъ Сармату При-волжскому, какъ и Ассирійцу, хотя явно изъ географическаго положенія Ассиріи можно утверждать, что корень ея населенія былъ Азскій и что имя ея значило *Азскал Сирія*, отъ имени народа и слова *суръ*—пустыня. До сихъ поръ восточные народы называютъ Сирію *Сури-станъ*. Изъ постоянного перехода и, такъ сказать, тождества звука *и* и *у* можно кажется заключить, что въ общемъ коренномъ языкѣ существовалъ утратившій звукъ *ы*, перешедшій или въ *у*, какъ у Римлянъ, или въ *v* (франц. *u*) у Грековъ, или *ru* у Индустанцевъ.

Не царство основали Пароѣне, а дружинное владычество подъ наследственнымъ полководцемъ, и не столицу, а богатый и укрѣпленный лагерь въ Ктезифопѣ на берегахъ Тигриса. Имъ было суждено дѣло разрушенія и разъединенія между жизнью Европы и жаждущимъ просвѣщенія востокомъ Ирака; имъ было суждено въ началѣ 3-го вѣка послѣ Р. Хр. исчезнуть съ поприща историческаго безъ слѣдовъ, но положить на берегахъ Тигриса непреодолимую грань разливу Римской державы и совершить во время своего краткаго существованія тотъ же подвигъ, который совершили ихъ Германскіе братья на берегахъ Рейна.

Такова была въ Азіи, послѣ завоеванія Македонскаго, судьба міра Ванно-Бактрійскаго и Азо-Персидскаго. Различіе ихъ проявляется живо въ основаніи Сако-Эллинской и Пароѣнской державъ.

Индія. Ея исторія. Характеристика ея развитія. Ея вліяніе въ человѣчествѣ.

Еще далѣе на востокъ отозвалось вліяніе Эллады. Побѣды великаго Александра на побережьѣ Инда уничтожили на время независимость мелкихъ общинъ сѣверо-западнаго Индустана и подчинили ихъ власти князей, признавшихъ себя данниками Македонца: такимъ образомъ Греческое государство пришло въ ближайшее соприкосновеніе съ царствомъ могущественныхъ Празіевъ, которыхъ столица *Палиботра* была главою

всего сѣвернаго Индустана. Царствованіе *Чандрагупты* (то-есть царя хранимаго мѣсяцемъ) въ концѣ iv вѣка до Р. Х. представляетъ первоначально борьбу, потомъ примиреніе двухъ сильныхъ державъ и первую твердую хронологическую опору для исторіи Индустана.

Сказаніе Діодора о войнѣ Семирамиды противъ Индостанскаго царя *Стабробатеса* (вѣроятно *Ставиратисъ*, міродержецъ) не можетъ нисколько служить историческою данною. Явно лѣтосчисленіе историческое начинается для Индіи сличеніемъ ея преданій съ свѣтовымъ кругомъ Эллинскаго міра. Лѣтописатель Кашмира мало прибавилъ къ положительнымъ свѣдѣніямъ объ ея древнѣйшей судьбѣ.

Раздѣленіе Сирійскаго государства на части не избавило Индустана отъ напора съ запада. Сосредоточенныя и на время ожившія силы Восточнаго Ирана продолжали дѣло завоеванія, начатаго Элинами. Князья При-индскіе, бывшіе сперва данниками Македонцевъ, были изгнаны или совершенно поработены Элино-Бактрійскими царями; наконецъ Саки, взявшіе верхъ надъ Греками, овладѣли всѣмъ Пятирѣчіемъ и пригорьями Гиммалайскими и далеко распространили власть свою до береговъ священныхъ рѣкъ: Ятуны и Ганга. Пали царство Празіевъ и слава ихъ столицы. Освобожденіе Индустана отъ воинственныхъ пришельцевъ было совершено Викрамадитьею, первымъ царемъ *Аюдгійскимъ* (*Oude*) въ Гангесскомъ прирѣчьи. Его побѣды, основавшія новую эру *Сакабда* (Сакскаго изгнанія), пышность его просвѣщеннаго двора, блескъ поэзіи, роскошно разцвѣтшей въ Индустанѣ при царѣ освободителѣ, все окружило его имя вѣнцемъ исторической славы и утвердило на долго первенство области Аюдгійской.

Эра *Сакабда*, начинающаяся за 56 лѣтъ до Р. Хр., опредѣляется изъ преданій мѣстныхъ, но также какъ и царствованіе Чандрагупты не безъ сличенія съ свѣтовымъ кругомъ Эллады. Слава поэтовъ, современныхъ Викрамадитѣ I-му, такъ велика, что они сами поступили, какъ и древнѣйшій Вальмики, въ число лицъ миѣическихъ, и что имъ приписывается множество позднѣйшихъ произведеній, заслужившихъ

такую честь по красотѣ языка или свѣжести воображенія. Это доказано довольно ясно для многихъ сочиненій, посвященныхъ имя *Калидазы* (автора *Сакунталы*) и показываетъ, до какой степени необходима осторожность при обсужденіи историческихъ данныхъ по памятникамъ Индустанскимъ.

Съ торжествомъ Викарамадیتی и пораженіемъ Саковъ не совсѣмъ еще прекратились набѣги сѣверо-западныхъ народовъ. Изъ преданій мѣстныхъ и свидѣтельствъ иноземныхъ можно заключить, что не разъ еще врывались въ Индустанъ дружины Восточнаго Ирана и что по ихъ слѣдамъ шли Паряне и позднѣйшіе Персы; но по крайней мѣрѣ уже Индія не рабствовала иноплеменникамъ до временъ свирѣпаго Газнеvida и внутренняя жизнь ея развивалась свободнѣе и самобытнѣе. Царство Аюдгійское продолжало еще нѣсколько вѣковъ первенствовать въ За-индской странѣ, по временамъ захватывая то большую часть Пятирѣчія (*Пенджаба*), то сѣверныя области Декана.

Къ этимъ вѣкамъ Аюдгійскаго первенства принадлежатъ многія изъ лучшихъ явленій той умственной дѣятельности, въ которой Индустанъ такъ высоко стоитъ надъ всѣми народами, за исключеніемъ Элады. Иныя были вызваны вліяніемъ иноземнаго просвѣщенія, и критическое изученіе Санскритской словесности вѣроятно откроетъ яснѣйшіе слѣды его: но большая часть была плодомъ древнихъ, еще неистощенныхъ силъ, продолжающихъ свое развитіе въ цвѣтахъ поэзіи и въ плодахъ отвлеченнаго мышленія.

Одни и тѣ же начала духовныя слились въ составъ Индійскаго и Эллинскаго міра: символизмъ вещественно-мудраго Кушитства, преданіе Иранское, сказочное человѣкообразіе Ванобактрійское; но иныя были возрасты каждаго начала, иныя условія при сліяніи, иные размѣры и по этому иныя произведенія.

Не говоримъ о разницѣ климатическихъ законовъ, полагая ихъ вліяніе и менѣе опредѣленнымъ и менѣе важнымъ.

Основною Элады была дружина завоевательная, основною Индустанскаго населенія—мирное племя, сдѣлавшееся завоева-

тельнымъ по неволѣ и подкрѣпленное въ послѣдствіи времени новымъ приливомъ родственнаго племени, съ которымъ оно слилось.

Въ этомъ находится причина сильнаго развитія семьи у Индустанцевъ и ничтожества ея у Эллиновъ.

Жизнь Эллады подчинилась закону военному, жизнь Индустана закону религіозному и извергла изъ себя воинственную стихію, выгнавъ касту *кшатрій* на границы Брахманской области. Дружинный строй съ одной стороны и религіозно-общительный съ другой, дали свои плоды въ полномъ развитіи человѣческой свободы у Элина, въ полномъ порабощеніи его величію общества у Индустанца. Одинакова въ обѣихъ земляхъ была примѣсь Восточно-Иранской стихіи, но въ Элладу она пришла въ видѣ пограничныхъ бездомниковъ Славянской земли, въ Индустанъ въ видѣ дружелюбныхъ Бактрійцевъ, пришедшихъ на помощь къ угнетеннымъ братьямъ и переселившимся цѣлымъ родомъ и племенемъ. Наконецъ Кушиты принесли въ Элладу только начала стройнаго художества и вещественнаго символизма, а Индустану дали съ примѣсью племени всю свою вещественную страстность и всю строгость государственнаго устройства.

Пелазгъ, переселенецъ изъ Ирана, одичавшій въ разъединенномъ бытѣ горной страны, сохранилъ темную память о вѣрованіи въ творческую свободу, о безсмертіи человѣческомъ, о духовности и нравственныхъ стремленіяхъ, но, не создавъ никакой лжи, лишилъ истину и преданіе ихъ положительныхъ и опредѣленныхъ образовъ и религію всей ея жизненной силы.

Таковъ характеръ многихъ Сѣверо-Азіатскихъ и Американскихъ народовъ, мало принявшихъ Шаманской примѣси.

Элинъ, завоеватель, поклонникъ сказочныхъ боговъ, не принялъ и не могъ принять ничего отъ побѣжденныхъ Пелазговъ, а отъ южныхъ колонистовъ, побѣжденныхъ имъ въ Беотіи, Целопопцесѣ или въ Аттікѣ, онъ принялъ только ис-

кру художества и чувство стройной красоты, не возвышаясь нисколько до религіознаго созерцанія, и усвоилъ себѣ легко-доступную форму заклинательнаго призванія боговъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что во всякой религіи вѣтъ Иранскаго преданія молитва обращается въ заклинаніе. Таковъ былъ ея характеръ и въ Восточно-Иранскомъ челоѣкообразіи: но этотъ характеръ выступилъ еще янѣе отъ примѣся Кушитской и слова Аякса въ Иліадѣ: «*молитесь тихо, чтобы Трояне не подслушали и не переняли вашихъ молитвъ*», выражаютъ весьма живо понятіе полу-Кушитской вѣры. Впрочемъ религія послѣ Гомера постоянно еще грубѣла и слова, которыя въ немъ еще иногда представляютъ смыслъ отвлеченный (какъ напр. *моѣра* слав. *мѣра*, правда въ послѣдствіи означавшее *Парку* и многія другія), сдѣлались именами нововыдуманныхъ боговъ.

Паденіе духовное въ Элладѣ было полное и совершенное, ибо мысль челоѣка сосредоточилась въ поклоненіи ему самому со всею примѣсю жизненной случайности и неразумнаго произвола. Возстаніе началось просвѣтлѣніемъ чувства красоты, сперва вещественной, потомъ возвысившейся до красоты духовной отъ новаго соприкосновенія съ духовнымъ Востокомъ. Изъ самого себя челоѣкъ почерпалъ свой свободный идеалъ, стройно развитый въ поэтическомъ творчествѣ, величаво облагороженный въ философіи. Эллинъ въ искусствѣ и наукѣ дошелъ почти до крайнихъ предѣловъ возможнаго совершенства, но никогда не могъ создать религіи, а только провидѣлъ ее (какъ вдохновенный Платонъ) въ недосыгаемой дали.

Брахманъ (т. е. первый пришелецъ Средне-Иранскій въ Индустанъ) принесть съ собою полное и опредѣленное преданіе и душу глубоко проникнутую жаждою небеснаго знанія.

Брахмана должно признать выходцемъ изъ Средняго Ирана по характеру касты и отдѣленію жреца отъ народа. Эти черты, совершенно чуждыя Ванно-Бактрійцу, у котораго старшій въ родѣ былъ княземъ или жрецомъ, уже указываютъ на заемъ отъ При-свфратскихъ Кушитовъ, предшествовавшей переселенію.

Многія преданія исчезли, многія вредныя стихіи были приняты при враждебномъ столкновеніи съ Средне-Азійскими первожилами; но главная примѣсь происходила отъ стремленія къ примиренію вѣры, основанной на безусловномъ преданіи, съ соблазнительною строгостію логическаго ученія Кушитскаго. Такимъ образомъ возникла напряженная, вѣчно мудрствующая религія, обнимающая въ себѣ предметы подлежащіе вѣрованію и предметы отвлеченно-философскіе.

Новый приливъ сказочной стихіи, принесенной Восточно-Ирапскими Вишнуитами, расширилъ область мысли, создалъ чудный міръ роскошной поэзіи, но возвысивъ личное значеніе человѣка и въ то же время смѣшавъ всѣ прежнія понятія религіи, не могъ никогда вполнѣ затемнить память о древнихъ высокихъ ученіяхъ или сдѣлать человѣка грубымъ челоѣкопоклонникомъ. Художественная красота осталась подчиненною требованіямъ символизующей мысли, философія челоѣческая подчиненною богомудрствованію. Полная, успокоительная гармонія безнебеснаго Эллина никогда не могла сойти въ душу Брахмана, страдающаго вѣчнымъ разладомъ между своимъ безсиліемъ и неутолимою жаждою своихъ гордыхъ требованій. Элладѣ осталось первенство въ поэзіи и наукѣ.

Но вся та безконечно-творческая сила, которую Эллада обратила на чисто земную дѣятельность и земное знаніе, была обращена въ Индустанѣ на развитіе идеи религіозной: отъ того ни одна страна въ мірѣ не имѣла столь обширнаго вліянія на вѣрованія другихъ народовъ, отъ того ни одна страна не представляла въ самой себѣ такого разнообразія формъ и понятій религіозныхъ, соединяющихъ глубочайшія идеи философскія съ неисчерпаемымъ богатствомъ то величественныхъ поэтическихъ мѣтовъ, то дѣтски-нестройныхъ вымысловъ. Духовная задача Индіи, созданіе вѣры, обнимающей и объясняющей всѣ условія міровой жизни и содержащей въ себѣ законъ своей необходимости, эта задача была не разрѣшена.

Точно та-же задача была истиннымъ предметомъ Неоплатонизма и также осталась неразрѣшеною: но Индустанѣ, отправившейся отъ

данныхъ положительнаго преданія съ одной стороны, и ученія философски-вещественнаго, обратившагося въ положительную религію съ другой (Брахманизмъ и Шиванизмъ), долженъ былъ представить множество мифовъ и характеръ несомнѣннаго вѣрованія, — между тѣмъ какъ Неоплатонизмъ, начавшій, какъ и вся Греческая мудрость, отрицаніемъ религіозныхъ данныхъ, долженъ былъ всегда оставаться скуднымъ въ мифахъ и умствующимъ безъ положительнаго вѣрованія. За всеѣмъ тѣмъ Неоплатонизмъ всегда стремился къ отысканію свойственныхъ ему мифовъ въ числѣ уже существующихъ въ другихъ религіяхъ и охотно примыкалъ къ древнему ученію объ эманацияхъ (*эонахъ*). Задачу Индустана и Неоплатониковъ можно узнать въ нѣкоторыхъ стремленіяхъ ново-Германскихъ школъ философіи, представляющихъ иногда разительное сходство съ Буддаизмомъ, а иногда готовыхъ пристать то къ Яйнамъ, то къ поклонникамъ Тримурти.

Неразрѣшимость жизненной задачи повергла Индустанъ въ тотъ болѣзненный сонъ, въ которомъ прошло его историческое существованіе, въ ту внутреннюю разорванность, въ которой бесплодно истощались его гениальныя силы, не создавъ ничего государственно или человѣчески великаго. Вездѣ проявляется или угнетенное безсиліе, передающее темно-угадываемую истину на искаженіе дѣтски-суевѣрнаго народа, или наглая условность произвола, предписывающаго себѣ вѣру, не приобрѣтенную логическою послѣдовательностью умственнаго труда и просвѣтлившагося чувства. Съ другой стороны, отъ каждой ступени упадка начинается бесплодное стремленіе къ возврату; надъ каждымъ нестройнымъ и нелѣпымъ мифомъ надстроивается цѣлое зданіе философскихъ толкованій, прививающихъ произвольный смыслъ къ его фантастической бессмыслицѣ. Вѣчная реформа съ вѣчнымъ паденіемъ составляетъ всю исторію Индустанской религіи до ея теперешняго совершеннаго огрубѣнія, представляющаго едва ли не самое смиряющее зрѣлище для гордости человѣческаго ума.

Фетишизмъ съ его почти животною глупостью сопровождается совершенною дикостью своихъ поклонниковъ; Эллиество съ своимъ дѣт-

скимъ поклоненіемъ случайности и красотѣ переходитъ въ условную шутку при первомъ появленіи умственнаго просвѣщенія: Брахманство живетъ при высочайшемъ просвѣщеніи, при частномъ развитіи многихъ нравственныхъ достоинствъ, и въ то же время представляетъ, безспорно, характеръ вѣры. Въ этомъ отношеніи оно можетъ равняться только съ Магометанствомъ.

Послѣ долгой борьбы и поочереднаго владычества слились въ одну систему три божества: *Брахма* (или *Бхрама*) Иранскій, *Шива* Кушитскій и *Вишну* (вышній), представитель чело-вѣкообразія, примиренные въ условномъ вѣрованіи, признанные за разнovidныя проявленія одного и того же вѣчнаго начала, совокупленные въ имени *Гари—Гара*, въ безобразномъ кумирѣ *Джаганнатта* и въ изображеніи Тримурти и подчиненные высшему понятію о Всебожіи (пантеизмѣ).

Кажется, это полное сліаніе шло отъ Вишнуитовъ и принято другими сектами только изъ подражанія. Первенство въ дѣлѣ примиренія принадлежало по праву тому вѣрованію, которое менѣе всѣхъ другихъ имѣло внутренняго значенія и слѣдовательно болѣе терпимости.

Когда народы сѣверные (Восточно-Иранскіе), пробужденные къ новой дѣятельности паденіемъ Персіи и основаніемъ отдѣльнаго Бактрійскаго царства, завоевали значительную часть сѣвернаго Индустана, они приняли охотно многія божества отъ побѣжденныхъ народовъ, прельстившихъ ихъ просвѣщеніемъ и богатствомъ чувственной мѣологии. Недоступенъ имъ былъ Брахма, слишкомъ духовный, даже въ своемъ униженіи; мало доступенъ Буддга съ своимъ мирно-созерцательнымъ и строго-отвлеченнымъ характеромъ, но жадно принять былъ вещественный Шива съ его грозными кумирами, съ его буйною силою и буйною страстностью.

Едвали можно найти какіе нибудь слѣды Брахмы въ Европѣ (развѣ въ Карпатскомъ *Ира-богѣ*, который соответствуетъ, кажется, *Пара-Брахмѣ*), но во многоглавыхъ кумирахъ Славянскихъ многія

черты такъ явно напоминаютъ Шиву, что трудно сомнѣваться въ тождествѣ боговъ. Въ средней Азіи, которая въ смыслѣ религіозномъ есть созданіе Индустана и Восточнаго Ирана, можно также замѣтить сліяніе Шивы и Вишну: но оба получили отчасти характеръ злыхъ духовъ, вслѣдствіе враждебнаго столкновенія Средне-Азійцевъ съ Иранцами.

Всѣ усилія синкретизма не могли заключить *Буддгу* въ одну систему съ другими богами. Поклонники Вишну, болѣе всѣхъ склонные къ вѣротерпимости и менѣе пристрастные къ раздѣленію общества на касты (что доказывается смѣшеніемъ всѣхъ кастъ при Джаганнатгѣ и частыми воплощеніями Вишну въ тѣлѣ кшатрій) тщетно старались соединить свои духовныя выгоды съ выгодами Буддаистовъ. Строгое ученіе, возобновленное реформаторомъ Шакія-муни, продолжало развиваться независимо и самобытно. Его полное торжество было въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ оно жило издавна, скрываясь въ Шивантскомъ Куинитствѣ. Исполненскія изображенія въ скалахъ Кашмирской цѣпи и въ Кабулѣ свидѣтельствуютъ о преобладаніи Буддаизма. Цейланъ еще въ IV вѣкѣ до Р. X. обращенъ былъ проповѣдниками, пришедшими изъ При-гангесскихъ странъ, и почти не зналъ уже другой вѣры. Но и въ самомъ средоточіи Брахманства ученіе Будды уже грозило поглотить всѣ другія религіи. Мирное, готовое на всѣ бѣдствія (ибо презирало все случайное), полное сочувствія ко всему человѣчеству (ибо отвергало всѣ наследственныя и условныя раздѣленія сословій), одушевленное теплымъ благоволеніемъ, хотя не доходящее до истинной и живой любви (ибо нельзя смѣшивать человѣка съ природою), оно призывало къ своимъ знаменамъ всѣхъ страдальцевъ Брахманскаго владычества и, не смотря на частыя гоненія, росло ежедневно, почти не замѣченное и охотно терпимое высшими (кромѣ касты брахмановъ), безпрестанно усиливаемое низшими кастами. Эллины въ IV вѣкѣ до Р. X. знали за Индомъ двѣ религіи: Брахмановъ и Саманеевъ.

Обѣ, особенно же Саманси, казались имъ болѣе сектами философскими, чѣмъ религіозными. Иначе и быть не могло. Эллины въ мірѣ

вѣрованія былъ слишкомъ тупо ограниченъ, слишкомъ вѣщественно-обряденъ, чтобы понять какую нибудь вѣру кромѣ дѣтскаго кумиропоклоненія. Все высшее, духовное, казалось ему чистымъ уметвованіемъ, достоинствомъ философской мудрости, но не всечеловѣческаго, наслѣдственнаго богознанія, обнимающаго всю жизнь человѣческую. Его философы были, какъ уже сказано, созданіемъ его же религіи и представителями ея высшаго просвѣтленнаго смысла; но это отношеніе Сократа и Аристотеля къ поэтамъ оеогоническимъ было тайною не только для народа, но и для самихъ философовъ.

Названіе Саманеевъ безспорно относится къ Буддаистамъ. Въ немъ видно свидѣтельство огромнаго вліянія Индустана на умственную жизнь цѣлаго міра. Саманен составляютъ всю духовную власть Средне-Азійскихъ народовъ; въ древне-просвѣщенномъ Китаѣ и въ Японіи Саманен представляютъ духовный идеалъ совершенства, оспаривающій первенство у учениковъ Конфуція и затмившій поклонниковъ *Синъ-тао*; въ дикихъ пустыняхъ Сибири, у племенъ кочующихъ при берегахъ Полярнаго океана или разсѣянныхъ по его льдистымъ островамъ, Шаманы одни сохраняютъ темную память о сверхземныхъ требованіяхъ души человѣческой и мѣстами въ молитвахъ своихъ еще повторяютъ священныя имена Индустанскихъ *Шакія-муни* или *Боддхисатва*.

Европа еще живетъ отчасти въ мірѣ, созданномъ духомъ Эллады. Большая часть Азіи находится теперь еще подъ неоспоримымъ владычествомъ мысли, созрѣвшей въ Индіи.

Для слова *Саманъ* представляется вѣроятный корень въ Санскритѣ. *Самана* или *Шамана* (міръ, тишина внутренняя) очень сходно съ краткимъ ученіемъ Буддаизма, всегда стремившагося къ внутреннему успокоенію волнуемаго духа: но корень самаго ученія, какъ уже сказано, произведенъ другою странною еще древнѣйшаго и чистѣйшаго просвѣщенія, странною, которой древнія имена *Шебашъ* (теперь обратный *Хабешъ*,

Мерое (гора *Меру*) и *Шемель* (*Самель*) обнимаютъ весь кругъ Шиво-Буддаизма.

Священное имя *Гаутама* (иногда соединенное съ прозвищемъ *Нараяна*, морской, и узнаваемое какъ въ Средне-Азійскомъ искаженіи *Гудама*, такъ и въ сложномъ *Самано-Кодомъ*) не принадлежитъ никакому человѣку, когда либо жившему, какъ *Шакія-муни*. Это имя, вызванное словеснымъ просвѣщеніемъ Иранскаго Индустана изъ молчаливыхъ тайниковъ Кушитскаго Декана и связанное съ древнѣйшими формами Кушитскаго священно мудрствованія, съ *Кадмомъ*, *Кадмилломъ* и пр. Отъ человѣка *Гаутамы* нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, кромѣ преданій секты Джайновъ, все исказившихъ и перепутавшихъ, и другихъ столь же ничтожныхъ источниковъ.

Дѣло Шакія-муни было освобожденіе Буддаизма изъ зависимости отъ Шиваизма, въ которомъ онъ заключался до тѣхъ поръ, какъ тайное жреческое ученіе въ народномъ, и утвержденіе его какъ вѣрованія всеобщаго и всеобъемлющаго.

По этому и Шиваизмъ сначала легко мирился съ Буддаизмомъ, какъ видно изъ *Матсиендра* или *Локесвара Падмапати*.

Но такое освобожденіе и возведеніе Буддаизма въ отдѣльную религію не могло не произвести многихъ перемѣнъ въ самомъ характерѣ его и не потребовать новой и общественной организаціи. Всякая душа есть *Будда* (такъ думали древнѣйшіе), во всякомъ человѣкѣ живетъ духъ, во всѣхъ тождественный, окованный необходимыми законами проявленія и стремящійся вырваться изъ нихъ и возвратиться въ міръ непроявляющейся свободы—въ безмятежное ничтожество. Таково было слѣдствіе признанія необходимости, какъ закона всемірнаго, въ дунахъ возвышенныхъ и требующихъ свободы. При отдѣленіи отъ Шиваизма, при медленномъ, но неизбѣжномъ вліяніи народной вѣры въ Вишну и его воплощенія, особенно же при легкомъ смѣшеніи понятій, происходящемъ отъ грамматическихъ формъ Санскрита,—родилось и развилось мнѣніе

о преимущественномъ проявленіи Будды въ одномъ избранномъ лицѣ.

Очень понятно такое смѣшеніе мыслей въ языкахъ, не имѣющихъ члена, какъ Восточно-Иранскіе. Положеніе, что Богъ воплощается въ человѣкѣ, явно двусмысленно и можетъ служить выраженіемъ двухъ совершенно различныхъ мыслей, изъ которыхъ одна требовала бы члена опредѣленнаго и составляла сущность древняго ученія, а другая члена не опредѣленнаго и послужила основаніемъ Буддаитской іерархіи. Кстати должно замѣтить, что выраженіе—членъ опредѣленный довольно невѣрно, ибо онъ всегда требуетъ опредѣленія, и когда остается безъ опредѣленія, то обозначаетъ всю общность цѣлаго рода.

Такимъ образомъ за первымъ учителемъ Буддаизма послѣдовалъ цѣлый рядъ патріарховъ, придавшихъ вѣрѣ постоянство и общинѣ цѣльность, слѣдовательно силу. Эти главы закона не считались воплощеніями самого верховнаго духа, но воплощеніями духовъ второстепенныхъ, продолжающихъ дѣло, начатое воплощеннымъ Буддою, до новаго періодическаго возврата его на землю.

Рядъ Патріарховъ представилъ бы весьма твердую основу для историческаго лѣтосчисления и служатъ отчасти къ опредѣленію вѣка Шакія-муни по Китайскимъ источникамъ: но Буддаизмъ, погруженный въ свою отвлеченную духовность, мало соприкасается исторіи, и кромѣ того соединеніе разномѣстныхъ преданій произвело смѣшеніе въ самыхъ Патріархахъ, удвоивая и утроивая одно и тоже лице. Такъ напр. можно найти два *Шакія-муни* и по нѣскольку *Амитабга* и *Алокишвара*.

Глубокая философская мысль древнихъ Кушитскихъ жрецовъ утратила свою чистоту и приняла видъ религіи, подобной Вишнуизму, но посредствомъ этой самой уступки сдѣлалась заманчивѣе и понятнѣе для народа.

Соперничество Брахманства съ Буддаизмомъ должно было кончиться кровавою борьбою. Она началась, по всѣмъ вѣроятностямъ, вѣка за три до Р. Х., но въ разныхъ мѣстностяхъ и

безъ ожесточенія. Сѣверо-западная бури Элмно-Бактрійцевъ и Саковъ подавила на время внутреннюю дѣятельность Индустана. Торжество Аюдгійскаго царя вмѣстѣ съ волею политическою дало волю и распрямъ религіознымъ: начался бой на смерть между Брахманствомъ и Буддаизмомъ, между высшими и низшими сословіями общества; нѣсколько вѣковъ продолжалась борьба съ большимъ или меньшимъ ожесточеніемъ и съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ около V вѣка послѣ Р. Х. побѣда осталась за брахманами, за прежними властителями народа и за древнимъ ученіемъ Ирапа о свободнотворящемъ духѣ.

Глубокое сознаніе кореннаго различія между ученіемъ Брахманскимъ и Шиво-Буддаистскимъ доказывается философскимъ и нравственнымъ достоинствомъ многихъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей Буддаизма. Они могли мириться со всякою сектою, ибо всякая секта допускала еще существованіе вольнаго и творящаго первобыта—*Пара-Брахма*; слѣдовательно могла считаться только темнымъ и суевѣрнымъ наказаніемъ истины: съ Буддаизмомъ они мириться не могли, ибо при немъ исчезъ самый первобытъ и его свобода.

Рѣзкое раздѣленіе кастъ, противъ котораго вооружался Буддаизмъ, сдѣлалось еще рѣзче: исчезли послѣдніе остатки ихъ древняго братства, сохраненные въ сказаніяхъ о бракахъ между лицами различныхъ сословій, о *кшатріяхъ* и даже о *вайсаяхъ*, достигшихъ святости и совершенства брахманскаго; еще глубже упали *судры*, исключенные совершенно изъ человѣческаго рода; Буддаизмъ, изгнанный изъ всего полуострова отъ Гиммалаевъ до мыса Коморинскаго, выселился въ другія дальнія области, не оставивъ никакихъ живыхъ слѣдовъ въ Индустанѣ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ округовъ въ пригорьѣ или на берегахъ Гангеса, въ которыхъ поклонялись Буддѣ до XII столѣтія по Р. Х., и презрѣнной секты *Джайновъ*, которой безсвязное и бессмысленное ученіе не могло уже внушать страха властолюбивымъ побѣдителямъ.

Впрочемъ и для *Джайновъ* въ позднѣйшіе вѣка наступила эпоха непродолжительнаго торжества: они были сильны во время Гуридскаго владычества, и великіе Бабериды думали даже о примиреніи Джайнства съ Мослемомъ. Основная мысль Джайновъ носитъ на себѣ характеръ второй эпохи Буддаистскаго развитія и предполагаетъ воплощеніе Будды или верховнаго духа въ лицахъ, достигшихъ великаго историческаго значенія. Джайнство есть въ полномъ смыслѣ поклоненіе героямъ: начало Буддаистское, явное изъ пещернаго служенія и особеннаго почтенія къ *Гаутамъ*, утратило всю свою опредѣленность и допустило въ свой мифологическій кругъ людей, принадлежащихъ другимъ преданіямъ и другимъ религіямъ, какъ напр. Арджуну, прочихъ Пандуидовъ и многихъ героевъ народнои поэзіи. Ходъ мысли, перешедшей изъ чистаго и вещественнаго поклоненія необходимости въ отвлеченную духовность Буддаизма и потомъ въ Джайнство, повторился въ наше время въ развитіи школъ философскихъ или вещественнаго Спинозизма въ Спинозизмъ отвлеченно-духовный; и еще недавно послѣдователи полу-буддаистской системы предлагали просвѣщенному міру чисто Джайнское поклоненіе великимъ мужамъ.

Медленно было торжество брахмановъ. Буддаизмъ долго еще держался въ южныхъ областяхъ, опираясь на вспомогательныя силы Цейлонскихъ царей, не разъ покорявшихъ сосѣдственный берегъ Индіи.

Эта послѣдняя борьба Сѣвера съ Югомъ часто смѣшивается въ преданіяхъ съ древними войнами Брахмановъ и Вишнуитовъ съ Шиваитами, и отъ того критики историческіе иногда нерѣдко въ ошибку и предполагали, что Брахманство введено въ южную часть Декана не ранѣе V вѣка послѣ Р. Хр.

На сѣверѣ, въ Кашмирѣ и Кабулѣ, сопротивленіе Буддаизма также было довольно продолжительно: многіе его памятники принадлежатъ безспорно первымъ столѣтіямъ нашей эры. Вытѣсненный изъ долины южнаго ската Гиммалайскаго, отыскалъ онъ себѣ убѣжище на сѣверѣ, въ самой серединѣ надоблач-

ной Азіатской твердыни и побѣжденный въ своемъ отечествѣ сдѣлался завоевателемъ полміра.

Эпоха борьбы между Буддаизмомъ и его соперникомъ была эпохою бѣдственной для жизни Индустапа, бѣдственной для его исторіи и памятниковъ. Побѣдители, угнетая побѣжденных и стремясь къ уничтоженію всего, на чемъ могло бы опереться сопротивленіе секты, нѣкогда терпимой, теперь преслѣдуемой, наложили чуждую печать на созданія древняго зодчества и исказили вставками и пополненіями произведенія древней поэзіи и мысли.

Такимъ образомъ объясняется несогласіе многихъ памятниковъ первобытнаго Кушитства съ Санскритскими надписями, указывающими на сравнительно познюю эпоху и съ изображеніями, принадлежащими вѣкамъ синкретизма. Такое же явленіе представляется критикѣ въ Египтѣ, хотя оно происходило отъ другихъ причинъ; такое же явленіе повторилось въ Европѣ при обращеніи языческихъ храмовъ въ церкви новой вѣры. Искаженіе же письменныхъ и словесныхъ преданій можно наблюдать и въ Западномъ христіанствѣ, когда Римская іерархія хотѣла измененіемъ въ текстахъ древнихъ учителей скрыть свое отклоненіе отъ ихъ ученія, не потрясая по видимому ихъ церковнаго значенія. Но во время междоусобной брани и свободно отъ всякаго противодѣйствія въ Индустанѣ совершалось волюнѣ и въ большемъ объемѣ то, чего не могъ совершить Римскій произволь, по неволѣ удержанный опекою Востока. При всемъ томъ можно еще часто узнать въ Деканскихъ памятникахъ характеръ старины, не смотря на брахманскую хитрость, и часто Вишнуитскія украшенія уличаются во лжи уцѣлѣвшею *дагобою*. Случается, что путешественники приходятъ въ недоумѣніе, не различая Буддаистской *дагобы* отъ Шивантскаго *лингама*, или не понимая присутствія ея при другихъ Шивантскихъ символахъ. Разгадка затрудненія (кромя ошибокъ путешественниковъ) заключается по большей части въ первоначальномъ тождествѣ Буддаизма и Шиваизма и въ томъ, что дагоба относится къ *лингаму*, какъ самая ученія, т. е. какъ символъ жреческій къ символу народному.

За побѣдою религіи, неудержанной твердыми и опредѣленными границами (а таковъ былъ Брахманизмъ, вѣчно колеб-

лющійся между умствованіемъ философіи и формальностью мѣа) всегда послѣдуетъ однообразное стремленіе въ направленіи противоположномъ той религіи, съ которой она боролась. Торжество надъ Буддаизмомъ увлекло побѣдителей въ крайность вещественнаго суевѣрія и погубило всѣ остатки прежняго величія въ вѣрованіи, разбивъ его на мелкія и бессмысленныя секты.

Нѣсколько вѣковъ междуусобной брани не могли создать въ Индустанѣ великой державы: ибо при новомъ торжествѣ и новой власти брахмановъ ни одно сословіе, ни одна политическая мысль не могла вырваться изъ-подъ ихъ опеки; а они сами не имѣли въ себѣ достаточно силъ и внутренняго единства для основанія или возврата чисто-духовной державы. Внутренняя исторія Индустана кончилась. Великое царство Аюдгійское, блистательно расцвѣтшее при Викрамадितъѣ 1-мъ, сильное во II-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. при Викрамадитъѣ 2-мъ и еще нѣсколько вѣковъ сряду во время борьбы религіозной, ослабло мало-по-малу и уже не имѣло преемниковъ. Жизнь умственная и жизнь государственная исчезли въ темныхъ смутахъ, мелкихъ междуусобицахъ и нестройномъ движеніи народовъ.

Едва ли не къ этому времени должно отнести переселеніе сѣвернаго племени Наировъ на югъ. Многіе приписываютъ ему большую древность; но преданія этого воинственнаго колѣна не представляютъ слѣдовъ ея. Во всякомъ случаѣ должно ихъ считать племенемъ Восточно-Иранскихъ Вишнуитовъ. Многомужество, отличающее ихъ отъ всѣхъ другихъ Индустанцевъ, находится также у горныхъ жителей Гиммалайскихъ. Оно вполне сопряжено съ Вишнуизмомъ и со сказаніемъ о любимцахъ Кришны, *Пандуидахъ*: корень же его находится въ особенномъ поклоненіи женскому началу въ человѣкообразной религіи восточныхъ Иранцевъ. Многомужество Гиммалайскихъ горцевъ и Наировъ связывается съ страннымъ порядкомъ наслѣдства въ пригорьѣ Гиндукху, гдѣ ипѣніе переходитъ постоянно по женскому колѣну, съ обычаемъ западнаго приморья въ Малой Азіи, гдѣ сынъ назывался по матери, а не по отцу, и наконецъ съ общимъ характеромъ народовъ Славян-

скихъ (Вано-Бактрійскихъ), въ которыхъ женщина равнялась вѣщи правами съ мужчиною. Такимъ образомъ понятны и преданія объ Амазонкахъ, о царственныхъ правительницахъ Гетскаго племени и особенно преданія семьи Чешской и ея ближайшихъ братій о войнахъ женщины противъ мужчинъ. *Судъ Любуши* представляетъ еще отголосокъ распрей, временнаго преобладанія женщинъ и послѣдовавшихъ ихъ униженій, въ которомъ Славяне подражали своимъ воинственнымъ сосѣдямъ, Германцамъ.

Китай.
Введеніе
Буддизма и дру-
гія запад-
ныя влия-
нія.

Области, въ которыя долженъ былъ перенестись Буддизмъ, середина и востокъ Азіи, кипѣли жизнью и движеніемъ. Бурею пронеслась надъ Китаемъ кратковременная династія *Тсинъ*. Основавъ свою власть на торжество дикой силы и на безопытномъ кровопролитіи, возвративъ единство державъ блистательными побѣдами, оградивъ государство исполнскою стѣною на сѣверѣ и далеко распространивъ его предѣлы на югъ въ Загангесскомъ полуостровѣ, *Ши-лоанг-ти* объявилъ войну всей древней жизни, всѣмъ представителямъ мысли народной. Ученые были обречены смерти, книги преданы огню. Оторвать Китай отъ его единственной вѣры, государственнаго преданія, не замѣнивъ его ничѣмъ, кромѣ своего личнаго прозвона, было дѣло безумной, почти невѣроятной гордости. Она была наказана уже въ первыхъ преемникахъ великаго государя и домъ его исчезъ; но Китай не утратилъ приобрѣтеннаго единства вѣшшаго, а начала единства внутренняго развились въ полномъ блескѣ.

Восшествіе на престолъ династія *Хань* въ концѣ II вѣка до Р. Х. должно безспорно считаться счастливѣйшею эпохою въ исторіи Китайской. Гоненіе на ученыхъ было замѣнено просвѣщеннымъ и великодушнымъ покровительствомъ. Сокровища древней мысли и преданія были тщательно собраны и изучены: государство, совокупившись снова въ единое цѣлое, сознало въ своихъ древнихъ учителяхъ словесное выраженіе той живой силы, которая сохраняла и воспитывала его въ продолженіи двухъ тысячелѣтій. *Конг-фу-тзеу* сдѣлался законодателемъ и царемъ имперіи, созданной воинственнымъ на-

сиіемъ его вѣнчаннаго врага. Съ новымъ блескомъ расцвѣли науки; великіе писатели (какъ напр. *Се-ма-тсѣань*) украсили словесность безсмертными произведеніями. Рука объ руку пошло благоденствіе народа и величіе царей, связанныхъ живою любовію съ подданными. Законодательство проникнуто было глубоко-человѣческимъ характеромъ. *Вен-ти* объявилъ закономъ право народа на свободное обсужденіе правительственныхъ мѣръ; *Ву-ти* искоренилъ обычай маіоратства въ княжескихъ родахъ. Преемники ихъ, болѣе или менѣе достойные престола, продолжали покоряться тѣмъ же высокимъ началамъ и внимали смѣлому голосу правды, говорящему изъ рядовъ народныхъ. Одни художества не процвѣтали и не могли процвѣтати потому что условный строй Китайской мысли поставилъ достоинство разума не въ согласіи съ природою, но въ торжествѣ надъ нею.

Чтобы понять отсутствіе искусства въ Китаѣ, достаточно изученія Китайскаго садоводства.

Китай расширилъ свои предѣлы далеко па югъ и западъ и сталъ на тѣхъ твердыхъ основахъ, которыхъ не поколебали въ послѣдствіи ни раздоры внутренніе, произведенные случайно слабостью государей, ни вѣншіе завоеватели, покорившіе его силою оружія, но покорившіеся силѣ его государственнаго организма.

Такова иноземная династія *Вей* и *Кинъ*, таковы преемники Чингиса или новѣйшіе Манѣжурь.

Распространеніе Китая до самыхъ границъ древней Персидской державы и до истоковъ Инда снова привело въ сопрікосновеніе просвѣщеніе Востока и Запада. Вліяніе Ирана и Индустана осталось не безплоднымъ: но плоды его были смѣсью добра и зла.

Тѣснямый въ своей родинѣ Буддизмъ подвинулся на сѣверо-востокъ. Во время династіи *Ханъ*, при императорѣ *Минг-ти*

(около половины I-го вѣка послѣ Р. Х.) былъ онъ принятъ закономъ въ нѣдра великой державы и вскорѣ проникъ во всѣ сословія общества отъ поденщика до государя. Буддаизмъ сохранилъ всѣ свои основныя формы, но вполнѣ измѣнилъ свой характеръ и отъ того значеніе его въ Китаѣ совершенно противоположно значенію его въ Индустанѣ. На берегахъ Гангеса онъ представлялъ ученіе безбожное въ сравненіи съ опредѣленною мѣологіею Брахманизма; ибо въ самомъ духѣ и въ его высшемъ представителѣ—Божествѣ признавалъ стремленіе къ самоуничтоженію; но Китай былъ воспитанъ Буддаизмомъ древнѣйшимъ,—философіею, въ которой самый духъ былъ ничто иное, какъ понятіе безличное и отвлеченное: а ученіе Шакія-муни уже признавало въ Божествѣ существованіе личное, стремящееся къ своему успокоенію и призывающее другихъ духовъ (свои же проявленія) къ тому же покою въ нѣдрахъ непроявляющейся свободы.

И такъ, для Китая, новый реформированный Буддаизмъ, принявшій оттѣнки ученія Иранскаго (Брахманства и Вишнуизма), являлся религіею уже едино-божескою возстановляющею права человѣка на личное безсмертіе, на общеніе съ Божествомъ и на внутреннія сокровища своего духа. Въ сравненіи съ нимъ школа Конг-фу-тзеу, признавшая всю чистодуховную область недоступною для человѣка и ограничившая дѣятельность его мышленія исполненіемъ внѣшнихъ законовъ правды (ибо самая внутренняя гармонія по этой школѣ имѣетъ характеръ внѣшности), представлялась философіею чистоатеистическою. Введеніе Буддаизма отнимало у общества его всепоглощающее значеніе и вносило начало аскетизма или человѣческой уединенности. Борьба двухъ ученій была иногда (хотя рѣдко) сопровождаема кровопролитіемъ, но вообще представляла явленіе, достойное человѣчества, мирное соперничество между двумя убѣжденіями, несогласными въ своихъ началахъ, но стремящимися съ одинакимъ рвеніемъ къ совершенствованію мысли и жизни. Общественно, полезнѣе было ученіе Конг-фу-тзеу, котораго торжество было въ торжествѣ самого государства. Буддаизмъ, отдѣляя свои выгоды отъ вы-

годъ общества, былъ иногда вреденъ, какъ всякій аскетизмъ, дѣйствующій съ притязаніемъ на власть, и поглощаль часть государственныхъ силъ въ безжизненности своихъ умствованій и въ хитромъ тунеядствѣ своихъ многочисленныхъ монастырей; но съ другой стороны онъ приносилъ великую пользу постояннымъ призывомъ чловѣка къ мысли о высотѣ духовнаго начала и облагороживаніемъ самаго ученія Конг-фу-тзеу, которое безпрестанно стремится къ омертвѣнію въ односторонности государственнаго быта. Борьба была почти равная. Буддаизмъ имѣлъ часто надежды на полное торжество и гордился великими представителями (какъ напр. *Ван-ти* изъ дома *Сунгъ* или *Као-тсу-су-ти* изъ дома *Лянгъ*, или астрономъ *И-хангъ*); но его сила, уже подкопанная нелогическою примѣсью чуждыхъ стихій въ Индустанѣ, не могла преодолѣть строго-практической односторонности собственно Китайскаго ученія. Завоеватели Монголы или Манджуры покорялись величію государственной стройности, а не отвлеченнымъ ученіямъ, и дѣлались въ короткое время самыми жаркими приверженцами Конфуціевой школы. Между тѣмъ въ средней Азіи Буддаизмъ, все болѣе и болѣе измѣняемый разноначальными примѣсями, переходилъ въ нелѣпость Ламаизма и терялъ всякое право на сочувствіе душъ высокихъ или умовъ просвѣщенныхъ. Наконецъ Буддаизмъ, обратившись въ нестройное смѣшеніе мифологій, уступилъ совершенное торжество ученію Конфуція, сдѣлался достояніемъ черни и перешелъ въ Китаѣ (такъ какъ онъ уже прежде перешелъ въ Африкѣ) черезъ всѣ степени паденія, отъ символа къ талисману, отъ талисмана къ амулетѣ и отъ амулеты къ фетишу.

Съ меньшими силами, съ меньшею внутреннею послѣдовательностію ученіе *Лао-тзеу* (или *Лао-киунга*) оспаривало иногда первенство у Шакія-муни и Конг-фу-тзеу, то находя ревностныхъ послѣдователей въ царяхъ (напр. *Юн-ти* изъ дома *Лянгъ* и почти вся династія *Тангъ*), то образуя новыя школы, съ чисто-политическимъ направленіемъ (напр. школу стояческую, извѣстную подъ именемъ *Ву-вей-кiao*), то возбуждая страсти народныя и составляя воору-

женныя общества (какъ напр. желтыхъ шапокъ при *Ли-ти* изъ династїи *Хань*), сохраняя всегда свой государствен- ный характеръ, въ которомъ оно приближалось къ ученію Конг-фу-тзеу, и въ тоже время давая подобно Индустан- скому Буддизму, обширныя права отвлеченной мысли и бо- жеству. Эти три школы религіозныя (ибо, какъ уже сказано, философія составляетъ религію Китая) остались и до нашего времени единственнымъ жизненными началами Китайской дер- жавы, не допускаящими ее никогда до совершеннаго паденія, но и не позволявшими ей никогда достигнуть высокаго умствен- наго развитія; наконецъ всѣ три истощили кругъ своей дѣ- ятельности и, принесши многочисленныя и прекрасныя плоды, одряхлѣли и окаменѣли въ мертвомъ формализмѣ. Впрочемъ, не смотря на свои видимыя противорѣчія, ученія Шакиа- муни, Конг-фу-тзеу, и даже Лао-тзеу возникли на одной и той же Кушитской основѣ и сохранили одинаково во всѣ вѣка свою сухую односторонность и искусственную условность.

Такова причина, почему поэзія или совсѣмъ не существуетъ въ Ки- таѣ или еле живетъ, изуродованная условными законами на подобіе Ки- тайской живописи и Китайскаго садоводства. Поэзія принадлежитъ един- ственно Иранскому началу и для своего духовнаго творчества требуетъ вѣры въ солнце духовной свободы.

Завоеваніе Средне-Азійскихъ областей и прямое сношеніе съ Иранскими областями внесли въ Китай много новыхъ сти- хій вреднѣе Буддизма. Какъ онъ ни далекъ отъ разумной истины, какъ онъ ни низко упалъ, но крайней мѣрѣ при сво- емъ введеніи онъ много послужилъ къ облагороженію мысли, къ умягченію нравовъ. Отмѣна смертной казни при импера- торѣ *Као-тсу-ву-ти* изъ дома *Лянгъ* остается вѣчнымъ па- мятникомъ его славы. Стихїи же, принесенныя изъ искажен- наго Ирана, не дали никакихъ плодовъ благихъ. Онѣ состо- яли не изъ духа, уже улетѣвшаго и мало доступнаго Китай- ской образованности, но изъ нестройныхъ формъ обществен- ной жизни, изъ обрядовъ притворныхъ, изъ дѣтской вѣры въ

тайственныхъ науки и изъ соединенія грязнаго разврата съ тупоумнымъ уваженіемъ къ вещественной чистотѣ. Многое осталось безъ дѣйствія, или промелькнуло въ исторіи (какъ желаніе императора *Янг-кіана* или *Вен-ти* изъ дома *Суи* раздѣлить весь народъ на четыре наслѣдственные сословія по образцу Индіи и Ирана); но многое привилось и такъ крѣпко срослось съ жизнью Китая, что могло быть снова искоренено только вѣковою и кровавою борьбою. Такова власть евнуховъ, о которыхъ древняя исторія никогда не упоминаетъ; ее нельзя приписывать одному придворному разврату и гаремному быту. Начало ея при императорѣ *Го-ти* изъ дома Ханъ въ концѣ I-го вѣка послѣ Р. Х. весьма близко подходитъ къ эпохѣ принятія Буддизма, слѣдовательно явнаго Западнаго вліянія. Продолжается она съ большими или меньшими промежутками до самаго паденія династіи *Мингъ* въ XVII столѣтіи отъ Р. Х., проникаетъ въ самую глубь Средне-Азійскихъ кочевій, является въ постоянной борьбѣ съ ученіемъ Конфуція и въ постоянной связи съ суевѣрнымъ исканіемъ *питія, дающаго бессмертіе*, составляетъ систему стройную и замкнутую, продолжаетъ дѣйствовать при государяхъ мало преданныхъ роскоши и разврату, сосредоточивается по преимуществу въ верховномъ судилищѣ и, наконецъ, не имѣетъ основы ни въ древнихъ преданіяхъ Китая, ни въ новой религіи Будды или въ другихъ ученіяхъ Индустана. Все эти данныя достаточны чтобы признать введеніе евнуховъ за прямой признакъ вліянія Иранской области, а власть ихъ за выраженіе тайной вѣры, никогда не выразившейся въ письменныхъ памятникахъ, но глубоко проникшей въ совѣсть и воображеніе народа. Отечество этой вѣры очевидно въ юго-западной Азіи, на берегахъ Евфрата и Тигра, въ землѣ премудрости и свѣта для всѣхъ тайноучителей Европы. Характеръ ея—смѣсь дикаго аскетизма и глубокаго разврата (подобно религіямъ *Кивелы* и *Митры*): жрецы ея люди, гордящіеся высшею чистотою и вещественно освободившіеся отъ законовъ органическаго вещества.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ ученій Китайскихъ всѣхъ болѣе сдружи-лось съ властью евнуховъ и съ ихъ тайнами ученіе Лао-Тзеу, кото-рое уже въ своемъ началѣ представляетъ признаки мистицизма и слѣдова-тельно юго-западнаго вліянія.

Гибельна была для Китая эта язва, принесенная изъ страны Иранской; неисчислимы бѣдствія, ею произведенныя. Другія, лучшія начала, напр. Магометанство, Магизмъ и Христіанство, безъ сомнѣнія проникшія также въ Китай, остались почти бесплодными; но за всѣмъ тѣмъ изученіе письменныхъ памят-никовъ представитъ явныя доказательства постоянной зависи-мости, въ которой находилось Китайское просвѣщеніе отъ остальнаго міра, и пояснитъ многія подробности его внутренней жизни, представляющія до сихъ поръ неразрѣшенную загадку.

Упорство Синологовъ, еще до сихъ поръ вѣрящихъ совершенной самобытности Китая, давно уже должно было поколебаться существова-ніемъ самаго языка Буддаистическаго, т. е. Санскрито-Китайскаго пись-меннаго нарѣчія: но предразсудки ученые слѣпѣе простонародныхъ. Такъ напр. еще въ наше время, многіе не хотятъ признать за па-мятникъ христіанства извѣстную надпись въ *Си-ган-фу* (прежнемъ *Чанг-мань*), между тѣмъ какъ имена *Со-тань* (сатана), *Мисси-го* (Мессіасъ) и *Та-тсинь* (Римская имперія) удаляютъ всякое равнѣ-ное сомнѣніе, а слово *О-ло-го* (въ смыслѣ Бога) даже явно указы-ваетъ на Эллинскій источникъ христіанства (*о Логосъ*). Китай былъ не-рѣдко въ сношеніи съ *Фу-лингъ* (искаженное *Констанцяно-полисъ*, так-же какъ и *Стамбулъ*).

Народы средней и сѣверной Азии. Ихъ движенія. Азія въ самой срединѣ своей была потрясена волненіями, которыхъ отзывъ на западъ измѣнилъ историческую судьбу Европы. Области Халхи и Джунгаріи отъ Амурской системы до границъ Джагатая были населены вѣтвями Финно-Турецкаго племени. Ихъ разрозненныя семьи, угнетенныя другими сильнѣйшими сосѣдями, стали мало-по-малу смыкаться въ воинственный союзъ *Уйгуровъ* (или *Уиръ*, также какъ позднѣй-шіе *Ойратъ*, т. е. союзники). Этотъ союзъ сначала является

въ исторіи Китайской подъ именемъ *Тхессе* или *Тчешу* (вѣроят- но по главной семьѣ) и, кажется, извѣстенъ былъ Западнымъ писателямъ подъ именемъ *Зизиговъ*. Въ самомъ началѣ I вѣка до Р. Х. уже *Тхессе-Уйуры* въ союзѣ съ другими семьями Турецкаго племени *Гюнгъ-ну* одержали побѣду надъ войскомъ Китайскимъ: потомъ они снова успокоились и исчезли на время съ поприща исторіи. Но Средней Азіи не суждено было уже возвращаться къ своей прежней дремотной жизни. Уси- лившійся Китай, безпрестанно врывается въ ея дикія пустыни и поочередно покоряя ея кочевыхъ дикарей или уступая пе- редъ ихъ вольнолюбивыми возмущеніями, пробуждалъ въ ней невольную дѣятельность и вызывалъ наружу ея сокровенныя силы. вмѣстѣ съ войсками Китая проникали въ пустыню на- чала искусственнаго просвѣщенія, точно также, какъ съ юга пробивались ученія религіозныя Шакіа-муни, а съ запада уче- нія маговъ (какъ видно изъ *Хормузды* Буддаическаго). Вся безконечная область съ ея безконечно-дробными семьями Финно-Турецкаго племени волновалась въ нестройныхъ борь- бахъ вещественной и духовной жизни.

Средне-Азійское племя вообще составляетъ одно цѣлое, которое называемъ Финно-Турецкимъ, по двумъ важнѣйшимъ семьямъ. Все язы- ки его относятся другъ къ другу какъ нарѣчія (также какъ нарѣчія Иранскія), общій же коренной языкъ самъ относится безъ сомнѣнія какъ нарѣчіе къ обще-Иранскому. Критикъ еще угодно въ этомъ сомнѣвать- ся: но просвѣщенный разумъ сомнѣваться не долженъ. Родство ясно (на пр. имя для озеръ и рѣкъ у разныхъ семей *норъ*, *гюль*, (*су*, явно связываются съ Санск. *ниръ* вода, Слав. *ирло* устье рѣки, Слав. *сыръ* и. т. д). Безконечное множество дробныхъ нарѣчій происходятъ отъ разъединяющей силы пустыни: точно также какъ у Русскихъ въ Кам- чаткѣ составилось въ самое короткое время нарѣчіе, созданное про- изволомъ. Массы нарѣчій происходятъ отъ врожденной общительности племени.

Жуанскіе Татары, сѣверные Сянь-бійцы, западные Гюнг- ну, сталкивались, враждовали между собою, напирали другъ

на друга, то побѣждая, то опять уступая побѣду: союзы составлялись, рушились и снова возникали, закаляясь въ бояхъ и готовя грозу всему просвѣщенному міру. Такъ въ началѣ II-го вѣка до Р. Х. Гюнг-ну нашли на своихъ западныхъ сосѣдей, Бактрійскихъ Вановъ, Саковъ, Гетовъ и Гуновъ и принудили ихъ удалиться въ восточный Иранъ, въ которомъ они замѣнили своею властью временную власть Элиновъ; такъ въ продолженіи слѣдующихъ вѣковъ тѣ же Гюнг-ну принудили большую часть Бактрійскихъ семей, живущихъ въ Прикаспійской пустышѣ, передвинуться еще далѣе на западъ, къ берегамъ Волги. Тутъ бѣглецы съ востока явились подъ именемъ Гуновъ и *Приволжцевъ* (*Боларъ*), основали сильные торговые города, сдѣлались скоро племенемъ первенствующимъ между своихъ братьевъ Славянъ и укоренили Индустанскую стихію, принятую ими во время порабощенія сѣвернаго Индустана и восточнаго Ирана. Такъ напоръ Гюнг-ну, Китайцевъ Сяньбійцевъ и Жужаней на западныя Уйгурскія семьи заставилъ ихъ мало-по-малу подаваться все далѣе и далѣе на востокъ, гдѣ они смѣшались съ воинственнымъ Славянскимъ казначествомъ Приволжья и стали извѣстны подъ именами *Сари-Уйгуровъ* (желтыхъ), *Кутригуровъ*, *Онигуровъ* и др.

Къ этому безъ сомнѣнія относится свидѣтельство Китайцевъ о томъ, что *Каотче* или *Каочамъ* взяли великую силу въ землѣ *Ванъ* и *Теоа*; къ этому же вѣроятно и разсказъ о временномъ владычествѣ *Чешу* или *Тче-ссе* въ Заволжьѣ, т. е. въ теперешней Руси.

Такъ наконецъ, когда За-байкальскіе Сяньбійцы (или *Сіан-ти*), завоевавъ сѣверный Китай, воцарились въ немъ подъ именемъ династіи *Вей* и уничтожили царство *Ліангъ*, бѣглецы дома *Ліангъ* напали на Уйгурію и завладѣли ею: вскорѣ на нихъ нахлынули силы могучаго *Тоба-дао* изъ династіи *Вей* и наконецъ *Чуло-Ханъ* изъ Жужанскаго дома, опустошивъ Уйгурію, положилъ конецъ отдѣльному существованію *Тчессо-Уйгуровъ*. Большая часть побѣжденнаго и изстрадавшагося народа переселилась опять на западъ, смѣшалась съ другими воинст-

венными семьями Приволжья и наконецъ, подъ именемъ *Гунно-Уйгуровъ* (*Гуннигуръ, Унгаръ, Венгръ*) или *Мадьяръ* ворвалась въ сердце Европы и опустошивъ ее огнемъ и мечемъ, осѣлась на берегахъ Дуная въ искони Славянской Панноніи.

Очевидно, что хотя имя *Мадьяръ* одно хранится у Венгровъ, какъ имя ихъ воинственной семьи, имя *Унгаръ* не могло быть случайно дано ей всѣми сосѣдами, а имѣло корень историческій и законное основаніе.

Древнѣй-
шая
исторія
Италіи.

Но не на Востокѣ таилась судьба человѣчества. Между тѣмъ какъ географически—незамѣтная и поздно просвѣтившаяся Эллада вызывалась на поприще исторіи паденіемъ древнихъ религіозныхъ вѣрованій и обществъ и становилась законодательницею міра въ силу своего напряженнаго человѣкопоклоненія, другая темная страна на Западѣ росла и крѣпла для всемірнаго владычества, для преемства Элинскаго наслѣдства и для созданія новой политической жизни, не умершей даже до нашихъ временъ. Область, охваченная съ востока, запада и юга морями, съ сѣвера цѣпью неприступныхъ снѣжниковъ, перехваченная во всѣхъ направленіяхъ горами, изъ которыхъ двѣ клочутъ подземнымъ огнемъ, богатая тучными полями и лѣсами непроходимыми, область Италіи и смежной съ ней Сициліи была издревле населена смѣсью племенъ, одичавшихъ въ своемъ одиночествѣ и еще болѣе въ враждебныхъ столкновеніяхъ. Эти темныя племена, отъ которыхъ сохранились только имена, ничего не значація, и памятники, до сихъ поръ не высказавшіе своего сокровеннаго значенія, *Элотрійцы*, *Сиккулы*, *Сикапцы*, *Опикки* (или *Оски*), *Умбры*, *Сабинны* и другія, принадлежали безспорно къ той же Западной Азіійской вѣтви, которая своими отраслями покрыла всю Европу за исключеніемъ средне-Европейскихъ областей, издревле населенныхъ Славянами. Открытая всѣмъ мореплавателямъ, Италія безспорно издревле приняла колоніи отъ всѣхъ народовъ, обитавшихъ въ Эладѣ и по восточному побережію Средиземнаго моря. Въ этомъ свидѣтельствуемъ множество преданій о потомствѣ Элинскихъ и Мало-Азіійскихъ героевъ, переселившихся къ скатамъ

Этня или къ пригорьямъ Апеннинскимъ: но безуспѣшенъ бы былъ трудъ, отыскивающей слѣды этихъ древнихъ колоній, и бесплоденъ бы былъ успѣхъ, если бы онъ былъ возможенъ. Безпрестанныя борьбы воинственныхъ семей стерли съ лица земли всѣ созданія стародавнихъ пришельцевъ, а вліяніе Восточнаго просвѣщенія или Восточныхъ религій скрылось въ органическомъ броженіи мѣстнаго развитія, не оставивъ по себѣ опредѣленныхъ признаковъ. Походы Критскихъ царей въ Сицилію указываютъ на сношенія, предшествовавшія образованію собственно Эллинской народности, а рассказы о посѣщеніи Италіи Иракломъ—на Финикійскую торговлю въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ: но всѣ эти преданія слишкомъ ничтожны для основанія не только исторіи, но даже какой нибудь опредѣленной догадки. Италія выходитъ изъ мрака своего только съ началомъ Эллинскихъ поселеній на ея берегахъ, приходитъ въ соприкосновеніе съ міромъ при усиленіи мореходства Этрурскаго и его соперничествѣ съ Элладою и Карфагеномъ, и дѣлается историческимъ центромъ съ возрастаніемъ Римскаго могущества. Въ рассказахъ о стародавнихъ судьбахъ Италіи проходятъ имена народовъ, не представляющихъ никакихъ особенныхъ примѣтъ и характеровъ. Общая же черта всей этой забытой жизни—воинственная подвижность и отсутствіе просвѣщенія.

Между старожилами Италіи истиннаго вниманія заслуживаютъ только тѣ племена, которыхъ характеръ можетъ быть опредѣленъ съ нѣкоторою достовѣрностію, и которыя потомъ болѣе или менѣе участвовали въ сооруженіи Римскаго Государства или въ созданіи Римской образованности. Самое имя Италіи остается необъясненнымъ, и едва ли не необъяснимымъ. Происходимо ли оно отъ мѣстности, или отъ племени, было ли оно туземное или наложенное прихотью чужестранною, сказать невозможно.

Собственно такъ называемаго народа Италійскаго не было. Не такъ какъ въ Элладѣ, гдѣ имя страны происходитъ явно отъ имени дружины *Эллиновъ*. Самое же названіе Эллиновъ происходитъ отъ несо-

мѣтнаго названія родоваго божества *Аполлонъ-Патроосъ*. Форма *Геллы*, какъ извѣстно, однозначительна съ формою *Селлы* (народа западной Греціи) и находится въ связи съ утраченнымъ *Селеносъ* или *Геленосъ*, котораго женская форма уцѣлѣла въ *Селень* (мѣсяць), какъ *Дианусъ* соответствуетъ *Дианъ* и *Лукусъ—Луль*.

Также невозможно рѣшеніе вопроса о томъ, къ какой отрасли человѣчества принадлежали доисторическіе жители Италіи, *Сиккулы* или *Сикеліоты*. Изгнанные ими изъ Сициліи *Сиканы*, населившіе Сардинію и вѣроятно часть Корсики, были по всей вѣроятности однимъ изъ побѣговъ вѣтви Иверской; но состояли ли побѣжденные и побѣдители въ племенномъ родствѣ между собою (какъ кажется изъ сродства именъ), это задача неразрѣшимая и теряющая всю свою важность отъ послѣдовавшей гибели Сикеліотовъ при нашествіи другихъ сильнѣйшихъ народовъ. Нѣкогда сильные, но въ послѣдствіи исчезнувшіе безъ слѣда—*Умбры* точно также недоступны и бесполезны для критики.

Нѣкоторыя слова и имена мѣстности Умбрійской указываютъ какъ бы на сродство съ *Кельто-Кимрами*; но такія примѣты, слишкомъ слабыя даже для поверхностной догадки, получаютъ значеніе развѣ при открытіи новыхъ данныхъ.

Рѣдко погибаютъ вполне народы не кочевые, побѣжденные или изгнанные другими. Всегда есть темные лѣса, или болотныя топи, или горныя ущелія, куда сокроются слабые остатки старожилловъ, сохраняя свою бѣдную независимость и часто дѣйствуя на послѣдующее образованіе всей страны.

Такова судьба и таково мало-признанное вліяніе Кельтскаго населенія въ Англіи.

Общая связь Иверцевъ съ племенемъ и просвѣщеніемъ Сиро-Финикійскимъ въ Испаніи, въ западной Греціи и въ дальней Ирландіи заставляетъ предполагать, что и Сиканы не были

чужды торговымъ и дружескимъ сношеніямъ съ юго-восточной Азіею. Многіе слѣды пещернаго поклоненія и жертвъ человѣческихъ, сопровождаемыхъ Финикійскими обрядами, особенно въ областяхъ приморскихъ (какъ въ преданіи объ *Эриксъ* и другихъ), указываютъ на продолжительное вліяніе Финикіи. Зависѣло ли оно отъ сродства Сикеліотовъ съ Приливанскими мореплавателями, или отъ отставшихъ семей Сиканскихъ, неизвѣстно, но нѣтъ сомнѣнія, что оно осталось не совсѣмъ бесплоднымъ въ позднѣйшемъ развитіи Италійскаго образованія и въ таинственно созерцательномъ характерѣ Эллино-Италійскихъ школъ, рѣзко отдѣляющихся отъ чисто-Эллинскихъ и живо напоминающихъ всѣ особенности умственной жизни Кушитовъ.

Важнѣе для науки исторической стихіи, слившіяся въ составъ молодаго Рима, стихіи Этрурская, Латинская, Сабинская и Оскская.

Этрурія сама была, безъ всякаго сомнѣнія, не односоставное цѣлое. Множество ея именъ, *Этрурія*, *Тусція*, *Тирренія*, уже свидѣтельствуютъ о сляніи разныхъ племенъ. Имя же народное *Разена*, никогда не бывшее именемъ государства, указываетъ на народонаселеніе или подпавшее чуждой власти, или не наложившее имени своего своей землѣ, слѣдовательно не смыкавшееся самобытно въ государственную форму. Много великолѣпныхъ памятниковъ, много внѣшнихъ свидѣтельствъ, много неразгаданныхъ письменъ осталось отъ древнихъ Этрурцевъ: но языкъ ихъ остается еще не разрѣшенною задачею, и если бы даже критика добилаь смысла въ сохранившихся надписяхъ, возродился бы новый вопросъ о томъ, кому изъ народовъ древней Этрурії принадлежало новооткрытое нарѣчіе. Для безпристрастнаго и добросовѣстнаго изслѣдователя тождество *Разенъ*, нѣкогда владѣвшихъ всею сѣверо-западною Италіею и горныхъ Ретійцевъ, у которыхъ они въ послѣдствіи времени искали спасенія отъ Гальскаго насилія, не подвержено сомнѣнію, точно также какъ и тождество Ретійцевъ (и ихъ братьевъ *Вендовъ Великихъ* или *Винделиковъ*) съ великимъ племенемъ *Орако-Иллірійскимъ*. Такимъ образомъ очевидно, что вся

сѣверная Италія, какъ на западѣ, гдѣ жили *Разены*, такъ и на востокѣ, гдѣ жили *Венды*, принадлежала вполнѣ могучей восточной отрасли Иранскаго племени, отрасли *Вано-Бакрійской*.

Если бы еще нужны были доказательства на такую очевидную истину, можно бы привести самыя имена рѣки По и его водной системы: *Padus* (Слав. Падъ) *Eridanus* (общее имя, Сл. *Ярый Донъ*) *Vodencus* (Сл. *Буй-Донскъ*) *Stura* (Стырь), *Duria Baltea* *Cecis* (*Сеза*) *Ticinus* (*Течень*) *Addua* (*Ядва*), *Sebinus* (*Шибвиъ*) *Mincius* (*Мечь*) и другія. Множество надписей, сохранившихся въ нижней части рѣки По и носящихъ имена боговъ Славянскихъ: *Бела*, *Белена*, *Перуна* и другихъ, показываютъ, что древняя народность сохранилась долѣе на востокѣ, чѣмъ на западѣ, гдѣ Галлы и другіе пришельцы вытѣснили или поглотили Восточно-Иранскую стихію

Письмена Этрурскія рѣзко напоминаютъ своими начертаніями письма Ликій Мало-Азіійской; разница же въ ихъ направленіи (съ права на лѣво) недостаточна, чтобы не только опровергнуть ихъ общее начало, но даже навести сомнѣніе на него. Она только указываетъ на примѣсъ чуждаго просвѣщенія и безъ того несомнѣнную.

Въ темной и неопредѣленной исторіи Этруріи неоспоримъ одинъ фактъ: это фактъ народнаго движенія и усиленія государственнаго съ сѣвера на югъ. Кого нашли *Разены* въ этомъ наступательномъ ходѣ на богатую низменность Тосканы? Кого отодвинули или съ кѣмъ смѣшались? Памятники молчатъ о большей части области, назвавшейся Этруріею; но ясныя слѣды и преданія доказываютъ, что нѣкоторая часть ея была населена Умбрами, которыхъ должно, кажется, причислить къ народамъ Западно-Иранскаго начала; другіе слѣды указываютъ на Пелазговъ, которые принадлежатъ ему безспорно.

Во всякомъ случаѣ, смѣло можно утверждать, что особенное развитіе позднѣйшаго Этрурскаго просвѣщенія не принесено Разенами изъ ихъ древней родины, но уже возникло по заселеніи южной области.

Пригорье Альпійское и сѣверная Италия не представляютъ ни громаднѣхъ строеній, ни пещернаго поклоненія, ни некрополей, ни богатства надписей, ни роскоши образовательныхъ искусствъ.

Болѣе сомнительно и менѣе важно имя *Тусковъ*. Оно не связывается ни съ какимъ значительнымъ племенемъ внѣ Этрурїи и не представляетъ никакихъ намековъ для критическаго изслѣдованія.

По темнымъ признакамъ можно бы было предполагать, что *Туски* были незначительнымъ, но воинственнымъ народомъ, пришедшимъ съ востока, т. е. изъ горныхъ странъ Эрако-Иллирійскихъ, и давшимъ имя свое болѣе мирнымъ, вѣроятно побѣжденнымъ, Разенамъ. Сходство названія *Тускъ* съ древне-Германскимъ божествомъ *Тускономъ* наводитъ на догадку объ отдѣленіи вѣтви Германской во время переселенія съ юго-востока на сѣверо-западъ, но такая догадка слишкомъ похожа на произвольное предположеніе и не заслуживаетъ мѣста въ исторіи. Впрочемъ разница *Тусковъ* и *Разенъ*, кажется, не подвержена сомнѣнію.

Замѣчательнѣе имя *Тирренцевъ*. Оно связываетъ Италію съ сѣверо-восточными берегами и островами Греціи и съ западными берегами Малой Азіи; оно часто находится въ соединеніи съ именемъ Пелазговъ (*Тиррено-Пелазги*), не будучи названіемъ какой нибудь отрасли этого древняго племени; наконецъ, оно принадлежитъ народу очевидно мореплавательному, торговавшему и грабившему на моряхъ, народу кровожадному по правамъ, а еще болѣе по религіи, народу образованному и стоящему далеко выше другихъ жителей не только Италіи, но и старой Эллады. За отсутствіемъ положительныхъ свидѣтельствъ и говорящихъ памятниковъ невозможно опредѣлить истинную связь этой семьи съ какою нибудь другою, болѣе прославленною и извѣстною семьею человѣческою: но по всѣмъ вѣроятностямъ разумная критика должна искать начала Тирренцамъ въ областяхъ Кушитскаго развитія. Туда принадлежать и рассказы о таинственномъ учителѣ Тагесѣ, такъ живо на-

поминающіе разсказъ о Кушитскомъ Оаннессѣ Вавилонскомъ, и преданія объ изгнаніи Тирренцевъ изъ ихъ родины за отказъ пожертвовать богамъ десятую часть младенцевъ. и многія другія обстоятельства. Первыя мѣста, въ которыхъ являются Тирренцы, и сказанія объ ихъ бѣгствѣ изъ Лидіи заставляютъ предполагать въ нихъ колонію южную, уже органически слившуюся съ Западно-Иранскими старожилами западныхъ береговъ Малой Азіи.

Опроверженіе Лидійскаго происхожденія Тирренцевъ, взятое изъ молчанія Ксанова Лидійскаго, не заслуживаетъ ровно никакого вниманія. Это преданіе относится къ такой эпохѣ, которой Ксановъ былъ по всей вѣроятности чуждъ, къ эпохѣ предшествовавшей и Восточно-Иранской колонизаціи береговъ Евксинскихъ и Эгейскихъ, и Нинивно-Ассирійской колонизаціи, положившей начало собственно Лидійскому царству, слѣдовательно Ксановымъ лѣтописямъ. Довольно замѣчательно, что Лидія, принявшая въ древности населеніе съ береговъ Тигриси, была также, въ послѣдствіи хранительницею Средне-Иранскаго ученія и таинственныхъ книгъ чистаго Зороастризма.

И такъ не *Разенамъ*, основателямъ народа, пришельцамъ изъ горной Ретіи и кровнымъ братьямъ Славянскаго племени, но *Тирренцамъ*, выходцамъ юго-западной Азіи, должно приписать большую часть религіозныхъ и художественныхъ направленій древней Этруріи, ея строительность, ея свирѣпыя и темныя вѣрованія, ея мрачныя гаданія и особенно, высокое значеніе ея жреческаго сословія.

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что у другаго великаго Европейскаго племени замѣтны многія особенности, принадлежащія Этрускамъ и между прочимъ правительственное значеніе жрецовъ при религіи кровожадной. Это племя—Кельты. Трудно повѣрить, чтобы такой характеръ Кельтовъ, явныхъ Иранцевъ по языку, былъ ими принятъ отъ сопрякосновенія съ торговыми колоніями Финикіянъ, быть можетъ нѣкогда существовавшими, но безъ сомнѣнія рано погибшими на берегахъ Средиземнаго моря. Движеніе Кельтовъ на югъ

произошло послѣ вѣка или около вѣка Геродотова: ихъ народность была уже обозначена, и такъ крѣпка, что нельзя въ ней предполагать слишкомъ важныхъ измѣненій. Простота исторической истины разрѣшаетъ эту загадку. Первые Кельты, какъ уже сказано, двинулись въ Европу послѣ ея Славянскаго заселенія, черезъ Придонскія степи, и отъ того поселились на сѣверѣ, разрѣзавъ пополамъ область Восточно-Иранскаго племени и откинувъ ея жителей въ южныя горы, въ западныя и сѣверныя приморскія болота, но не одолевъ сопротивленія семей Славянскаго корня, сплотившихся на югѣ. Тотъ же фактъ историческій былъ повторенъ Германцами, пришедшими черезъ Фракію и Дунайскую водную систему, и снова повторенъ Кельто-Кумрійцами, бѣжавшими послѣ побѣды Скивоовъ путемъ, уже начертаннымъ ихъ старшими Европейскими братьями, древними Кельтами. Все племя Кельтовъ, безспорно Иранское, принадлежитъ по своему язычному характеру Западно-Иранской отрасли; самое древнее его переселеніе относится ко временамъ, когда Кушиты, основавъ древнѣйшее Азійское царство, Вавилонъ, пробудили духъ борьбы религіозной и вражды народной, но въ то же время, ожесточивъ религію Западнаго Ирана, наложили на нее свою печать и привили къ ней свой характеръ таинственности и жреческой мудрости. Еще болѣе могли и должны были развиваться эти начала въ Кельто-Кумрійскомъ отдѣленіи, позднѣе оставившемъ свою родину, медленно отступившемъ чрезъ Кавказскую преграду и безъ сомнѣнія долго еще сохранившемъ свою связь съ Сиро-Финикійскими племенами. Когда натискъ Средне-Иранскихъ Азовъ и Средне-Азійскихъ Скивоовъ (мнимыхъ) перекинулъ Кельто-Кумрійцевъ въ Европу, въ нихъ уже характеръ Западно-Иранскій въ его смѣси съ Кушитскимъ ученіемъ развился вполне и никогда не изглаживался. Отъ того-то столько такъ называемыхъ Семитическихъ корней и формъ, т. е. Ирано-Кушитскихъ, примѣшано къ чисто-Иранской основной стихіи во всѣхъ нарѣчіяхъ Кельтскихъ и боги ихъ (*Бааль* ли, или *Тевататесъ*) носятъ на себѣ въ преданіи всѣ признаки *Вааль*,—*Молоха*; отъ того-то Друзидизмъ представляетъ характеръ, разительнo напоминающій тѣ самые народы, отъ которыхъ Кельты получили примѣсь словесную и религіозную. Однѣ и тѣ же начала высказываются подобными явленіями и у Тирренцевъ; но производитъ Тирренцевъ мореходецъ отъ незнавшихъ моря Кельтовъ и Тирренцевъ художественно-

строительныхъ отъ полу-бездомниковъ Кельтовъ запрещаетъ адрвая критика.

Трудно въ памятникахъ Этрусскихъ отдѣлить Эллинское рукодѣліе отъ туземнаго. Очевидно, что Эллада не мало снабжала Этрурію произведеніями образовательныхъ художествъ: но съ другой стороны легко замѣтить, что самый характеръ даже мелкой утвари представляетъ явные признаки поддѣлки подъ вкусъ уже существующій и развившійся прежде и независимо отъ Эллинскаго вліянія. Красота или дешевизна Эллинской работы вытѣснила другую работу не Эллинскую, но не измѣнила первоначальныхъ обычныхъ формъ и Эллинская стихія осталась совершенно незамѣтною въ великихъ произведеніяхъ зодчества, въ которыхъ чисто Кушитскій стиль остался навсегда преобладающимъ.

Точно также безсилно было Эллинское начало измѣнить направленіе письменъ съ права на лѣво: но самыя письмена указываютъ на давнюю письменность, болѣе сходную съ Иранскими, чѣмъ съ Сиро-Финикійскими формами и принявшюю обратное направленіе отъ жреческаго характера Тирренскаго народа, безъ большой перемѣны въ начертаніяхъ. Отношеніе прямыхъ письменъ (т. е. съ лѣва на право) къ обратнымъ, вездѣ было то же самое, какъ и въ Скандинавіи отношеніе *Рунъ* и *Венде-Рунъ*. Одни были простыя, блѣдныя; другія таинственныя. Счетныя же или цифровыя (*Цаль-Рунъ*) вездѣ исчезли, оставивъ, какъ кажется, темный слѣдъ свой въ надписяхъ на Мидо-Персидскихъ и Вавилонскихъ памятникахъ.

Исторія Этруріи для насъ утрачена; должно думать, что и древнему міру она была неизвѣстна, рано смѣшавшись съ полумифическими, съ полу-сказочными преданіями: такова судьба всѣхъ историческихъ сказаній у тѣхъ народовъ, въ которыхъ религіозный смыслъ преобладаетъ надъ государственнымъ, между тѣмъ какъ сама религія оторвалась отъ ранняго преданія и перешла черезъ эпоху синкретическаго броженія. Впрочемъ, изъ всего извѣстнаго можно сказать утвердительно, что го-

сударство не смыкалось никогда въ плотное и цѣльное зданіе. даже въ то время, когда оно завоевывало большую часть Италіи на югъ отъ Рима, владѣло всѣмъ сѣверомъ, кромѣ областей Вендскихъ Приадриатическихъ и Лигурскихъ (также Вендскихъ) Природанскихъ и оспаривало первенство на моряхъ у Фокейскихъ Эллиновъ (Массилійцевъ) и у великой Тирской колоніи (Карфагена). Оно было ничто иное, какъ союзъ нѣсколькихъ городовъ (кажется двѣнадцати), соединенныхъ единствомъ—гражданскаго устройства и вѣры, управляемыхъ своими князьями жрецами (*лукумонами*) и признающихъ временное первенство одного котораго нибудь изъ городовъ союза.

Имена городовъ, составлявшихъ союзъ, подвержены сомнѣнію, ибо не у всѣхъ писателей они означены одинаково; очевидно, что въ каждомъ округѣ (государствѣ отчасти самобытномъ) было болѣе одного города и что первенствовала въ округѣ то одинъ городъ, то другой: но число округовъ оставалось неизмѣннымъ и соответствовало таинственному числу великихъ боговъ. Также и главный городъ всего союза былъ не всегда одинъ и тотъ же. Первенство было временное и едва ли подчиненное какому нибудь общему закону. Даже сомнительно и то, принадлежалъ ли главный городъ къ числу двѣнадцати или считался отдѣльно тринадцатымъ. Последнее предположеніе довольно вѣроятно по характеру мифологіи. *Клузіумъ*, долго пользовавшійся первенствомъ, въ имени своемъ, также какъ и большая часть Этрурскихъ городовъ и главная рѣка (*Арнусъ*) представляетъ довольно явно корень Восточно-Иранскій. Имя города—*ключъ* весьма обыкновенно въ земляхъ Славянскихъ, особенно же въ Иллиріи. По этому можно смѣло утверждать, что строеніе городовъ принадлежало Разенамъ, а не Тускамъ или позднѣйшимъ Тирренцамъ.

Внѣшнія судьбы Этруріи, ея борьбы на морѣ, ея завоеванія на сухомъ пути не оставили слѣдовъ, за исключеніемъ вліянія на развитіе молодаго Рима; гораздо важнѣе намекъ, оставшійся въ преданіяхъ, объ ея внутреннихъ раздорахъ. Сказаніе о *Целесѣ Вибенна* и объ его сподвижникѣ *Мастарни*, поселившемся въ Римѣ и царствовавшемъ подъ именемъ *Сервія Тул-*

ля, указываетъ на борьбу сословій и на возстаніе народа подвластнаго (Разенскаго) противъ угнетавшей инокровной аристократіи. Удаленіе бѣглецовъ въ округъ Римскій показываетъ, что Римъ уже былъ заключенъ въ границахъ Этруріи, но что онъ не вполнѣ былъ слитъ съ сѣвернымъ союзомъ и могъ дать бездомникамъ убѣжище и защиту.

Не нужно даже предполагать полную историческую истину въ сказаніи: пусть царь Сервій и бѣглецъ Мастарна будутъ не одно лице, пусть гора Целіусъ получила свое имя не отъ Вибенны, смыслъ сказанія остается тотъ же. Римъ является при первомъ Тарквиніи убѣжищемъ внѣ-Этрурскимъ, такъ что эпоха Тарквинія втораго получаетъ новое значеніе.

Народъ *Сабинскій* представляетъ явную противоположность съ Этруріей. Имя его не представляетъ никакихъ указаній; но по всѣмъ примѣтамъ оно связывается или съ религіозными обычаями, или съ особенностями быта военнаго и слѣдовательно носитъ характеръ первобытности.

Формы *Сабеллы*, *Самниты* суть очевидныя искаженія коренной формы *Сабинъ*, одна, какъ уменьшительная, другая какъ искаженіе звука *б* въ носовой *м* (*Самнитъ* изъ *Сабинитъ*).

Ту же самую простоту первобытную и безыскусственную можно замѣтить и въ чисто символической религіи Сабиновъ, въ отсутствіи человѣкообразныхъ кумировъ, въ грубой неиспорченности нравовъ, въ отсутствіи градостроительства и государственной организаціи и въ преданіяхъ о строгомъ семейномъ и родовомъ бытѣ. Вообще Сабинны являются на зарѣ исторической, какъ народъ горный, пастушескій, не чуждый хлѣбопашеству, хотя и не славящійся имъ, исполненный мужества и свободолюбія, но не стремящійся къ несправедному завоеванію до тѣхъ поръ, покуда нужда, стѣсненіе отъ иныхъ народовъ и примѣръ сосѣдей заставили его выслать свои молодя дружины на югъ, подъ именемъ Самнитовъ, и основать

союзъ вольныхъ общинъ, отодвинувшій Этрурцевъ отъ береговъ Волтурна и долго противившійся неодолимоу силѣ Римской судьбы.

Языкъ Сабинскій намъ не извѣстенъ: по изъ древнихъ показаній можно угадать, что онъ не много отличался началами своими отъ Оскскаго и вошелъ отчасти въ составъ Латинскаго. Этого довольно, чтобы опредѣлить его Западно-Иранскую основу и причислить его къ разряду тѣхъ болѣе или менѣе нынѣ исчезнувшихъ нарѣчій, которыя явились въ южной Европѣ съ первыми выселенцами изъ Малой Азій.

Впрочемъ на Латинскія этимологіи советѣмъ не должно полагаться. По недостатку критическаго направленія, Римляне готовы были всякое слово, похожее на Латинское, принять за коренное, если только оно встрѣчалось у народа сравнительно дикаго. Такъ слово Самнитское *эмбрадуръ* считаютъ они первобытноу слова Лат. *imperator* между тѣмъ какъ слово Сабинское есть очевидно форма искаженная. Латинское *imperare* сохранило въ чистотѣ корень *perare*, отъ котораго *properare* и др., — корень, который живетъ въ Слав. *прать* (*попирать*, *отпирать*, *упирать* и пр.) и едва ли не въ связи съ Санск. префиксомъ *пра*, означающимъ, движеніе и съ Санск. глаголомъ *пела* (итти). Приняли ли Сабинцы свое *эмбрадуръ* отъ Римлянъ, или у себя составили слово изъ искаженныхъ формъ, не извѣстно, но во всякомъ случаѣ Римская форма первобытнѣе; а въ этимологіяхъ у Римскихъ писателей всегда вѣрно только одно ихъ глубокое сознаніе, что Римъ *colluvies gentium*, — обстоятельство слишкомъ часто забываемое новою ученостью.

Отдѣлить въ Латинскомъ языкѣ стихію Сабинскую отъ Оскской нѣтъ никакой возможности по признанному между ними родству, но въ самомъ развитіи общественной жизни Рима великое мѣсто занимаетъ начало Сабинское по его огромному вліянію на религію. Отъ него очевидно ведется большая часть духовныхъ обрядовъ и вѣрованій, отъ него все символическое, отвлеченное и нравственное; отъ него всѣ тѣ черты, которыми гордый, и не безъ причины Гордый, патрицій отличался отъ

плебей, и наконецъ почти все тѣ, что служило основаніемъ первоначальному устройству государства до Этрусской примѣси при Тарквиніяхъ.

Данныхъ для опредѣленія Сабинской религіи нѣтъ: по преданію объ отысканныхъ книгахъ религіознаго законодателя Ну-мы и о томъ, что Сенатъ предписалъ уничтожить всю необрядную часть ихъ для предотвращенія толковъ и сомнѣній, доказываетъ, что основа этой религіи была слишкомъ духовна для грубо-вещественныхъ Римлянъ, погрязшихъ въ пелѣпость челоѣкообразія Элліпскаго и въ мертвую обрядность. То же самое можно бы было уже заключить изъ самой простоты обрядовъ, изъ безкровныхъ жертвоприношеній и изъ сохранившихся именъ Сабинскихъ боговъ.—Весь видимый міръ былъ обоготворенъ Этрусками; всѣ силы природы и всѣ ея явленія воплощены въ божественныя личности; весь кругъ годовой съ его подраздѣленіями включенъ въ разнообразный и дѣтскій пантеонъ; вся наука обращена въ религію и вся религія въ науку заклятія, т. е. торжества челоѣка надъ богами посредствомъ таинственныхъ обрядовъ. Это характеръ Кушитскій, во всей его чистотѣ.

Должно однакожь замѣтить, что имя главнаго божества *Тина* или *Тинья* представляетъ признаки Восточно-Иранскаго происхожденія, соответствуя или слову *день* (по отсутствію буквы *д* въ Этрускомъ нарѣчій) или слову *чинъ* (начало). Точно также и поклоненіе духамъ умершихъ людей, *манамъ* указываетъ на корень Иранскій, Сл. *мнитъ*, Санск. *ман*. Герм. *теитен* и пр. Очевидно, что мысль Кушитская развилась на почвѣ чисто-Иранской.

Всѣ эти особенности миеологіи Этрусской были приняты Римомъ: но онѣ подчинились другому, древнѣйшему и совершенно противоположному, началу Сабинскому. Между тѣмъ какъ все видимое, чувственное или наукообразное въ вещественномъ мірѣ олицетворялось и обоготворялось въ области Тирренской, все отвлеченное, духовное и нравственное наполняло пантеонъ Сабинскій. Богами назывались и какъ боги че-

ствовались счастье, спасение, вѣра, судьба (*Fortuna, Salus, Fides, Fors*) и т. д. Миръ небесный наполнялся произвольными создателями человеческого умствования. Философское мышление превращалось въ религію, безъ сомнѣнія облагораживая душу, но не созидая истинной и живой вѣры.

Тотъ же ходъ умственный замѣтенъ и въ Элладѣ. У Гомера являются еще какъ чисто-нравственныя идеи слова, которыя въ послѣдствіи, а иногда и въ немъ самомъ являются уже божественными лицами. Такъ напр. *Мойра* (или *Мѣра*), имя Парки мифологической, значитъ у Гомера только правду, согласно съ своимъ Восточно-Иранскимъ корнемъ *мѣра*.

Надъ этими божествами, дѣтьми умствующаго произвола, высился древнѣйшій Олимпъ, котораго начало скрывается въ преданіи; представителями его были верховный богъ, громовержецъ *Семо Санкусъ, Юнона, Соранусъ, Феронія, Мамерсъ* и можетъ быть другіе, забытые Римскими писателями. Основа вѣрованія лежитъ очевидно въ духовномъ поклоненіи Востока, искаженіе носитъ отпечатокъ начинающагося, но не вполне развитаго человѣкообразія, занятаго по всей вѣроятности отъ сосѣдственныхъ племенъ, Эллино-Пелазговъ или Вендовъ.

Кажется можно утверждать безошибочно, что *Семо Санкусъ* носилъ также имя *Юпитеръ*: это очевидно изъ параллелизма съ именемъ *Юно*. Корень въ обоихъ одинъ, какой бы онъ ни былъ, *юнъ* ли или *дию*, согласно съ другою формою *Діес-питеръ*, или *ю*, какъ можно бы было предполагать по другимъ Иранскимъ или полу-Иранскимъ племенамъ, у которыхъ встрѣчается имя *Ю* или *Яхве* или *Ю* (какъ у При-волжскихъ народовъ *Ю-мала*, т. е. *Ю-свѣтъ* или *лучъ*). То же самое слово отдается и далеко, далеко на востокѣ въ первыхъ царяхъ безконечнаго Китая *Ю, Хунъ* и *Яо*. Пары—*Юпитеръ* и *Юно*, *Соранусъ* и *Феронія* суть вѣроятно только повторенія однихъ и тѣхъ же боговъ, носящихъ разныя названія по разнымъ мѣстностямъ: по крайней мѣрѣ *Феронія* и *Юно* часто принимаются за одно божество.

Мамерсъ есть очевидно прозвище бога, убивающаго и составлено посредствомъ удвоенія первыхъ звуковъ кореннаго глагола.

Впрочемъ уже издревле Сабинны едва ли были народомъ одностихійнымъ: по крайней мѣрѣ великое значеніе аристократическаго класса указываетъ на чуждый приливъ, подчинившій себѣ туземную стихію. Съ другой стороны простота нравовъ и обычаевъ, крѣпость и цѣльность общиннаго устройства и почти явное религіозное значеніе аристократіи не представляютъ никакихъ слѣдовъ завоеванія или насилія, но совершенно согласны съ предположеніемъ о давней колоніи иноземныхъ просвѣтителей, принесшихъ съ собою довольно свѣтлое ученіе, мало-по-малу потемнившееся въ позднѣйшихъ умствованіяхъ священной касты, въ воздѣйствіи народнаго невѣжества на духовное ученіе высшаго сословія и во всегубящей тревогѣ бранной жизни.

Такъ нравственныя качества и вишія дѣйствія божества могли олицетвориться и обратиться въ отдѣльныхъ божественныхъ геніевъ или демоновъ, затмившихъ мало-по-малу самое божество.

Невозможно опредѣлить точку, отъ которой истекло просвѣтительное начало. Въ давнія времена, когда вражда народовъ еще не вполне изгладила память первобытнаго братства, когда религіозная мысль переносилась свободно изъ края въ край міра и радушно принимались гости-просвѣтителі, не рѣдкимъ было явленіе такихъ жреческихъ колоній, которыхъ память сохранилась въ мифахъ, а основатели поступили въ ряды боговъ или полубоговъ.

Таково, быть можетъ, начало разсказовъ о Персеѣ.

Теперешняя критика слишкомъ бѣдна данными, чтобы прослѣдить всѣ переселенія первобытныхъ ученій, которыхъ взаимное воздѣйствіе другъ на друга должно было породить множество

подраздѣленій и дробныхъ религій, принадлежащихъ столько же Иранскому преданію, сколько и Кушитскому мудрствованію.

Религія Сабинская въ самыхъ древнихъ сказаніяхъ о ней находится въ явной связи съ философійей. Ея священное число четыре есть золотое число школы Пифагоровой. Ея представитель, царь-жрецъ *Нума Помпилій* многими чертами своей сказочной исторіи напоминаетъ сказочныя преданія о почти современномъ ему Пифагорѣ.

Такова связь съ Нимфою, сказка о таинственномъ младенцѣ и др.

Въ этомъ сходствѣ замѣтно не вліяніе самаго пифагорейства (хотя оно безспорно имѣло сильное вліяніе на умственное развитіе во многихъ областяхъ Италіи), но туземное начало многихъ особенностей школы. Нѣтъ сомнѣнія, что великій Эллино-Италійскій философъ почерпнулъ большую часть своей мудрости изъ сокровенныхъ ученій юго-западной Азіи и Египта. Тамъ вѣроятно научился онъ таинственному значенію *рнѳма* и *гармоніи* и духовно-вещественной силѣ отвлеченнаго числа; тамъ безъ сомнѣнія получилъ онъ начала математическаго знанія и астрономіи, ибо сама Эллада была еще погружена въ глубокомъ мракѣ и въ Пифагорѣ слышны отзвуки высшей, погибшей науки, а не голосъ рождающагося знанія. Но быстрый отзывъ Италіи на его ученіе, никогда не пробудившее сочувствія въ настоящей Эладѣ, доказываетъ, что много туземнаго и древле живущаго въ народной вѣрѣ или въ жреческой тайнѣ вошло въ составъ пифагорейства. Такимъ образомъ объясняется сродство Нумы съ Пифагоромъ и особенная склонность Сабинской мифологіи къ обоготворенію умственныхъ отвлеченностей, а въ Римѣ объясняется отношеніе гордаго патриціанскаго ученія, полного нравственной чистоты и божественнаго предчувствія, къ человѣкообразной, нелѣпо-сказочной и вещественной религіи плебея. Корень Сабинскаго богопоклоненія есть духовное Иранское преданіе, измѣненное вліяніемъ умствованія Кушитскаго и переходящее въ нравственную и мистическую философію.

Можно даже въ священномъ числѣ *четыре* предполагать окончательное развитіе тріады; ибо тріада, примиряющая два органическіе полюса въ поворожденномъ мірѣ, переходитъ съ четырехъ-членный символъ, когда первые два полюса признаются раздвоеніемъ основнаго первобыта:

А таковъ истинный смыслъ Тріады, прообразившей въ видимомъ образѣ ту самую инстинктивную мысль, которая самосознательно высказалась въ позднѣйшихъ философскихъ школахъ и основала науку о необходимости, о полярности и о мнимой свободѣ, развивающейся изъ тождества и нетождества положенія и отрицанія. Тождество бога и богини извѣстно было Египту, Индіи и Сирію.

Оски, Латинцы.

Еще менѣе чѣмъ Сабинцы извѣстны намъ *Оски* (или *Опикки*, то же что *Авзонны*), отдѣлявшіе, какъ кажется, землю древнихъ Эпотрійцевъ отъ Этрусской, т. е. населявшіе значительную часть западнаго берега Италіи и самый *Лаціумъ*. Не блистательно ихъ имя въ исторіи государственной, въ которой они никогда не занимали важнаго мѣста, даже по преданіямъ; еще менѣе блистательно въ лѣтописяхъ просвѣщенія, въ которыхъ они являютя совершенными дикарями.

Таково свидѣтельство Эллиновъ, вѣроятно несправедливыхъ оцѣнщиковъ Оскскаго племени, съ которымъ они были знакомы по наименьшимъ дружинамъ Оскскимъ въ Сициліи и другихъ мѣстностяхъ, и по частымъ, всегда враждебнымъ столкновеніямъ. Впрочемъ и у Римлянъ нѣтъ достаточныхъ свидѣтельствъ для опроверженія Эллинскаго показанія.

Жизнь Оскскаго народа не оставила по себѣ воспоминаній, кромѣ тѣхъ эпохъ, въ которыхъ они подпадаютъ игу Тирренцевъ Этрурскихъ въ сѣверной Кампаніи или вступаютъ въ невольную борьбу съ Сабинцами и покоряются имъ въ области Самнитской. Религія ихъ еще неизвѣстнѣе самой исторіи: но зато языкъ болѣе всѣхъ нарѣчій Италіи извѣстенъ по

надписямъ, представляющимъ мало затрудненіи просвѣщенному языковѣдцу.

Эти надписи, подтверждая истину древнихъ показаній о сродствѣ Оскскаго нарѣчія и Латинскаго, показали важнымъ пособіемъ критикѣ для опредѣленія корней Латинскаго языка. Не отрицая волюнтаризма Германскихъ ученыхъ, замѣтимъ, что оно отправляется отъ ложной данной, будто формы Оскскія относятся къ Латинскимъ, какъ первобытныя къ выводнымъ. Такое предположеніе не выдерживаетъ ни малѣйшаго разбора. Нѣтъ сомнѣнія, что многія слова въ Оскскихъ надписяхъ повторяются въ Латинскомъ языкѣ уже въ видѣ сокращеній: но во-первыхъ это обстоятельство не всегда доказываетъ позднѣйшую форму (какъ напр. Молдавское *милуеити* не корень, а растяженіе Сл. слова *милуй*), во-вторыхъ, нѣсколько формъ первобытныхъ не доказываетъ еще общей первобытности нарѣчія и, наконецъ Латинское сохранило явнo первобытную форму во многихъ словахъ, которыя въ Оскскомъ являются уже искаженными. Таковы всѣ слова заключающія звукъ *k* или *kw* (напр. мѣстоим. *quid*). Нарѣчіе Оскское измѣнило этотъ звукъ въ *n* (мѣстоименіе *pid*). Очевидно, или самыя надписи принадлежатъ къ такому позднему времени, что языкъ уже подвергся сильному искаженію, котораго избѣгнулъ Латинскій, или, что вѣроятнѣе, эти слова въ Латинскомъ имѣютъ не Оскское, а другое чистѣйшее начало. Должно замѣтить, что Молдаво-Валахское нарѣчіе во многихъ формахъ словъ, а въ особенности въ замѣнѣ звука *kw* звукомъ *n*, приближается къ нарѣчію надписей и заставляетъ предполагать собственно Оскскую колонію. Подробнѣйшее сравненіе было бы любопытно.

Языкъ Оскскій представляетъ весьма много сходства съ семьями Восточно-Иранскими, хотя это сходство не такъ значительно, какъ въ Латинскомъ; съ другой стороны отзывы древнихъ писателей указываютъ на сродство Осковъ и Сабиновъ: поэтому должно допустить или переселеніе коренныхъ Итальянскихъ народовъ изъ восточной ихъ родины прежде, чѣмъ семьи Иранскія опредѣлились окончательно (что можно предположить изъ постепеннаго удаленія туземцевъ Ита-

льянскихъ отъ морскаго берега при появленіи древнихъ Пелазгическихъ колоній) или сильное вліяніе Восточно-Иранской семьи на Западно-Иранскихъ старожитовъ Италіи (что подтверждается присутствіемъ въ Италіи Славянскихъ Разенъ и Вендовъ, Энотрійцевъ, которыхъ древніе признавали часто за родню Славянскимъ Илирійцамъ, и колоній Троянскихъ, которыхъ Славянское происхожденіе не подвержено сомнѣнію).

Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе перваго, ибо ничто въ строеніи древне-Италійскихъ нарѣчій (судя по надписямъ) не доказываетъ особенной первобытности.

Ближе всѣхъ къ Риму, всѣхъ важнѣе въ его исторіи и очевидно всѣхъ сильнѣе въ его составѣ (какъ видно изъ самаго названія языка) была стихія *Латинская*; но общій смыслъ всѣхъ преданій безъ исключенія ведетъ къ тому выводу, что Лаціумъ былъ издревле землею смѣшенія и что собственно Латинской стихіи допустить нельзя. Лаціумъ тотъ же Римъ, еще не сосредоточившійся.

Во мракѣ древности мелькаетъ загадочное имя *Туземцевъ* (*Aborigines*), имя народа, не прославленнаго подвигами мужества, но и не омраченнаго кровожадною дикостью, народа, какъ кажется, первобытнаго и безъ сомнѣнія нисколько не отличавшагося отъ жителей соедѣнныхъ областей, ибо преданія объ немъ отзываются въ другихъ формахъ по всѣмъ странамъ Италіи. Но скоро при старожитлахъ являются имена другія. Таковы Пелазги, которые и въ Лаціумѣ занимаютъ морское побережье, также какъ и въ Кампаніи и по Адриатикѣ и по всемъ югѣ Италіи.

Колонія Эвандра, Пелазга, и соединеніе имени Аркадскаго съ Пелазгами не показываютъ собственно точки отправления, но признанное единство семей одного племени.

Вмѣстѣ съ Пелазгами, но съ другой стороны, являются пришельцы Италійскіе, Каски, которыхъ можно, по всѣмъ вѣроятностямъ, причислить къ семьѣ Осекской.

На это есть много признаков, а въ особенности тотъ, что кажется по Каскскому населенію самый Лаціумъ былъ включенъ въ Оскскую область. Къ имени Касковъ древніе часто прибавляютъ прозвище *Приски* и это же самое прозвище иногда связывается съ именемъ Латинцевъ. Изъ такого соединенія весьма умные книжники вывели слѣдующее заключеніе: «*Приски* де одно и то же, что *Каски*, а *Латины* другое, и *Приски Латины* ошибка, а должно говорить *Приски* и *Латины*. Имя же *Прискусъ* изъ народнаго сдѣлалось прилагательнымъ въ смыслѣ древняго, обветшалаго, какъ *gothisch* по-нѣмецки или *gothique* по-французски.» При совершенномъ уваженіи къ ученымъ, которыхъ заслуги останутся незабвенными, нельзя не замѣтить, что эти положенія сбиваются на смѣшное. Тотъ, кто сколько нибудь изучилъ Латинскій языкъ въ его параллелизмѣ съ другими нарѣчіями, не можетъ не узнать весьма древней формы прилагательнаго въ словѣ *priscus* и не узнать въ то же время его корня; еще ясно сохранившася въ нарѣчій *pridem*. Корень же этотъ (быть можетъ уже остатокъ древнѣйшаго существительнаго или глагола) есть предлогъ *прідъ* или *предъ*, сократившійся потомъ въ *пре*, но сохранившій иногда свою окончательную согласную въ составныхъ глаголахъ съ начальною гласною. Это очевидно тотъ-же *предъ*, или *прежъ*, который является во веѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, и прилагательное *приски* составлено по веѣмъ законамъ аналогіи, точно также какъ и Русское *прежній* и нарѣчіе *прежде*, въ которыхъ народный выговоръ даетъ буквѣ *д* звукъ шипящій, и какъ веѣ прилагательныя на *кій* (*вязкій*, *тяжкій* и т. д.) и особенно какъ слово *предокъ*, множ. *предки*. Здравая критика не можетъ ни усомниться въ этой этимологіи, ни вѣрить, чтобы народъ какой нибудь себя самого величалъ *прежними* или *предками* или *присками*. Въ этой ошибкѣ ученыхъ повторяется тоже отсутствіе простоты и человѣческой истины, которая запутала всю исторію произвольными системами, начиная съ одностихійности Индіи до туземства Эллинскаго и до эвмеризма лѣтониса Израильской.

Безспорно послѣ Пелазговъ, и кажется гораздо послѣ Касковъ являются въ Лаціумѣ другія колоніи еще важнѣе и стран-

Троян-
скія коло-
ніи въ
Италіи.
Адѣба.

но брошенные такъ далеко на западъ отъ своей родины. Это колоніи Мало-Азіійской Трои.

Бѣдныя успія отвергнуть, не говоримъ дѣйствительность Троянскаго происхожденія Альбы и Рима, но дѣйствительность самаго преданія; смѣшныя этимологическія хитрости надъ отдѣльными словами и надъ самымъ словомъ *Троя*; вся эта бесплодная кропотливость науки, удаленной отъ простоты, спутала нѣсколько понятія новыхъ историковъ. Должно однакоже похвалить ученые труды, доказавшіе до ясности почти совершенной таинственное значеніе и мифическій корень именъ мнимо-героическихъ, *Діомеда*, *Одиссея* и др., особенно же *Эней* и *Асканія*. Уже выше было указано на тождество *Гелена* жреца и божества *Велена*, т. е. Аполлона Троянскаго и Ликійскаго. Связь Малой Азіи съ Италіей и землею Латинскою выводится безспорно, но только безпристрастное признаніе Восточно-Иранской стихіи содержать въ себѣ возможное разрѣшеніе всѣхъ трудностей. Очевидно, что паденіе Трои совпадаетъ съ удаленіемъ почти всей Эолійской семьи изъ Элады; но предполагать, что одна Эолійская семья участвовала или что она по неволѣ участвовала въ Троянской борьбѣ, значило бы опять не понимать общей художественной истины преданій. Паденіе Трои есть общее освобожденіе Элады отъ первенства сравнительно просвѣщенныхъ и торговыхъ сосѣдей Восточно-Иранскихъ; но этимъ наденіемъ пользуется въ особенности Эолійская семья, стѣсненная въ Эладѣ и охотно разсыпавшаяся на многочисленныя колоніи по слѣдамъ побѣжденнымъ соперниковъ. Кротость нравовъ и вообще духовное преимущество Троянъ выражается очень ясно въ самыхъ преданіяхъ Эллиновъ. За Трою мстятъ боги; и всѣ Трояне, въ особенности же Эней, являются любимцами всѣхъ небожителей и предметомъ уваженія даже для боговъ, враждебныхъ Троѣ. Таковъ ли характеръ *Діомеда*, *Идоменея*, *Аяксовъ* и даже хитреца *Одиссея*? Въ этомъ цѣлая исторія.

Хронологической связи между Троянскою войною и основаніемъ колоній Славянскихъ въ Лаціумѣ искать не должно; ибо преданія хранятъ только общій смыслъ происшествій, а не подробности лѣтосчислительныя. Всѣ колоніи Троянскія воз-

водятся памятью народовъ къ наденію Трои; онѣ могли быть основаны или гораздо послѣ, бѣглецами, нѣсколько разъ перемѣшившимися свои убѣжища, или гораздо прежде, и только усилены позднѣйшимъ приливомъ бѣглецовъ, но все сводились къ одному великому историческому происшествію, перемѣнившему все судьбы южно-Славянскихъ поселеній.

Такъ напр. для здравой критики одновременность колонизаціи Троянской на сѣверномъ прибрежьи Адриатики (*Адрянскаго моря*) Антеноридами и построения Латинской *Альбы* (*Біаль-града* по перестановкѣ звуковъ) Энеадами остается вопросомъ весьма второстепеннымъ, но тождество начала не подвержено сомнѣнію и богато послѣдствіями.

Въ самомъ Лаціумѣ одинъ только городъ *Альба* (напоминающій именемъ своимъ любимое имя городовъ Славянскихъ и даже народное прозвище Москвы и ея средней части, *блѣ-каменная* и *блѣла*) признанъ былъ за чадъ Трои. За всемъ тѣмъ единство обрядовъ, пенатовъ и святилищъ вообще, связываетъ *Альбу* съ *Лавиніумомъ* и другими городами. Свидѣтельствуемъ ли такое единство объ единствѣ основателей или объ единствѣ древне-Латинской стихіи, съ которою въ *Альбѣ* слплась Троянская, трудно сказать.

Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, потому что преданіе никогда не теряетъ изъ вида правъ древняго населенія и потому что двойственность начала въ самихъ городахъ является во всехъ сказаніяхъ отъ самыхъ дѣтей Энея до Ромула и Рема.

Но что *Альба* не была единственнымъ городомъ Славянъ въ Лаціумѣ, въ томъ нельзя сомнѣваться, по преобладанію Славянской стихіи въ языкѣ Римскомъ (т. е. обще-Латинскомъ) и по союзу всехъ городовъ. Очевидно Трояне являются какъ просвѣтители полу-дикой области, градостроители и возбуждающіе туземцевъ къ переходу изъ разброднаго житія къ градостроительству. Съ ними не исчезаетъ древняя вѣра и древнее преданіе, но вносятся новыя стихіи религіозныя и жизненные, равно чуждыя Пелазгу и Каску.

Таково поклоненіе Вестъ, конный строй и др.

Такимъ образомъ составилось многосложное и многостихійное населеніе Лаціума изъ основы Оскской, примѣси Пелазгской и колонизаціи Троянской (т. е. Восточно-Иранской или Славянской). Позднѣе наполнился онъ приливомъ Сабиновъ, мало-по-малу сходящихся съ ихъ дикихъ и лѣсистыхъ пригорій, и подвергся долгому вліянію и временному владычеству просвѣщенной и завоевательной Этрурія.

Лавиніумъ, по всей вѣроятности выстроенный пришельцами Троянскими, и безъ сомнѣнія Троянская *Альба* сохраняли между городами Лаціума и нѣкоторое первенство и рѣзкія особенности быта и языка. Въ нихъ должна была развиться новая эпоха въ лѣтописяхъ человѣчества.

Начало
Рима.

Около начала VIII-го столѣтія до Р. Х. бѣглецы Альбанскіе основали міродержавный Римъ.

Безполезно бы было искать самаго года, въ которомъ положено основаніе великаго города. Первоначальное его лѣтосчисленіе очевидно не представляетъ положительныхъ данныхъ и содержитъ смѣшеніе сказочныхъ преданій съ подлинною исторіею, но смѣшеніе такое сложное и неправильное, что нельзя и думать объ отдѣленіи истины отъ вымысла. Должно только ловить самый характеръ сказанія и отнюдь въ немъ не предполагать мифа, который совсѣмъ не входитъ въ Римскую исторію. Она не всегда вѣрна истинѣ, но всегда движется въ кругѣ чисто человѣческомъ и не представляетъ никакихъ символовъ небесныхъ или чисто-религіозныхъ, какъ ранняя исторія народовъ Востока и даже Эллады.

Самое имя Рима—*Рома* было по всей вѣроятности только названіемъ бытовымъ, подъ которымъ скрывалось названіе таинственное, искаженное съ намѣреніемъ для отвращенія враждебныхъ заклинаній или безъ намѣренія отъ позднѣйшаго смѣшенія племенъ.

Что не отъ царя Ромула прозвался городъ *Рома*, въ томъ свидѣтельствуесть уменьшительная форма царскаго имени показывающая уже существованіе полной и коренной формы. Такъ какъ теперь никому не нужно заклинать боговъ хранителей Рима, критика можетъ остаться довольно равнодушною и къ его настоящему имени и къ настоящему имени его пенатовъ. За всѣмъ тѣмъ достойно замѣчанія, что всѣ Славянскія племена, мало искажающія чужеземныя слова и весьма рано вошедшія (черезъ Вендовъ и Иллирцевъ Приадриатическиххъ) въ сношеніе съ Римомъ, называютъ его одинаково и что переходъ звука *o* въ *u* не можетъ быть объясненъ особеннымъ свойствомъ какого-нибудь варѣчія (какъ напр. Малороссійскаго), ибо южные Славяне Иллирійскіе и другіе и до сихъ поръ мало склонны къ такому переходу, а въ старину еще менѣе были къ нему склонны (какъ видно изъ слова *Озеріатъ*, въ которомъ первая гласная доказываетъ, что старожилы Иллирійскаго берега говорили *озеро*, а не *езеро* какъ теперь). Если сообразить съ этимъ обстоятельствомъ то, что въ сѣверной Элладѣ и въ Придунайской сторонѣ Римскіе колонисты сами себя издревле называли *Румунами*, что братомъ и соперникомъ *Ромуса* (Ромула) названъ *Ремусъ* и что звукъ *o* является въ Латинскомъ языкѣ весьма часто какъ измѣненіе глухаго *y*, кажется должно будетъ признать, что въ имени города *Рома* былъ сначала глухой звукъ, вообще принимаемый за *y*, но который былъ дѣйствительно звукомъ *u*, также какъ мы видѣли во всѣхъ коренныхъ не Эллинскиххъ словахъ Латинскаго языка (*Рымъ*).

Основа города была чисто *Альбанская*, т. е. *Троянская* или *Восточно-Иранская*.

Такимъ образомъ—и только такимъ—объясняется особенный характеръ Латинскаго языка. То что можно было понять изъ преданій и мифовъ, связывающихъ основаніе Альбы и основателей ея съ божествомъ преимущественно Славянскимъ, то самое выходитъ, какъ сказано было выше, съ совершенною ясностью изъ филологическаго изслѣдованія. Латинскій языкъ не въ корняхъ своихъ, но во всемъ развитіи своемъ, кромѣ Эллино-Целазгской стихіи, представляетъ уже эпоху Славянскою языковой личности, какъ фактъ необходимо предшествовавшій. Не го-

воримъ о томъ, что множество словъ Латинскихъ находятъ свой законный корень только въ Славянскомъ: какъ напр. *ensis* мечь отъ *язитъ* или *нъзитъ*); *sancire, sanctus* утверждать (въ смыслѣ договора) отъ *святить* или *свенцить, свейтъ* или *свнтъ*; *vitalus* или *le-talus* и *vitulus* теленокъ отъ корня *телъ* или *телецъ*; *coelum* небо отъ *чело* верхъ; *colere colonus* отъ *селить, селянинъ*; *esto* понокупаю, *емлю*; *columba, голубь* и безконечное множество другихъ; не говоримъ даже о живыхъ формахъ, общихъ Славянскому и Латинскому, какъ окончаніе именъ Слав. на *ель* или *ерь* и *ица* (въ женскомъ) и Латинскихъ на *or, ix, icis*; употребленіе Сл. *co* совершенно одинаковое какъ и употребленіе Латинск. *sunt* и пр. и пр.,—но обратимъ только вниманіе на слова и формы, утраченныя и вкroppенныя въ формы живыя. Таково причастіе прошедшее въ глаголахъ дѣйствительныхъ. Это причастіе не существуетъ въ Латинскомъ нарѣчій: но оно явно сохранилось въ сложныхъ временахъ глагола и именно въ формѣ Малоро сѣйской: *amavi eram*, любивый есмь, *amavi ero*, любивый буду; таковы признаки глагола *быть* въ формѣ *быль* и *буду*: *ama-bam, ama-bo ama-bundus*; таковъ весь утраченный глаголъ *dere* или *duere* (сходнаго съ Гер. *thun* въ смыслѣ *дѣть* или *дѣять*), напр. *induere* надѣвать, *condere* содѣвать, *subdere* поддѣть, подложить или покорить и др.; таково склоненіе мѣстоименія *is, ea, ejus*, въ которомъ слилось мѣстоименіе *сей* съ *его*; таковъ параллелизмъ прилагательныхъ и нарѣчій на *ke* и *m* (напр. *talis, qualis, tandem, quando* и пр.), соответствующій Славянскому параллелизму *m* и *k* (напр. *толикій, коликій, тогда, когда* и пр.), но лишенный оправдательнаго корня въ мѣстоименіи *томъ*; таково присутствіе утраченнаго предлога *do* въ словахъ *quando, tandem* и во многихъ другихъ, и особенно въ *donec*, котораго явный первообразъ Сл. *до—неже*, составленъ по всѣмъ законамъ Славянскаго организма; таково присутствіе въ древне-Латинскомъ средняго звука между *э* и *и* (слѣд. *ъ*), явное въ двойномъ развѣтвленіи семей *vir* (*vir, virtus, vires* и пр.) и *ver* (*verum, vereor* и др.), и звука *ы*, о которомъ уже говорено; таковъ слѣдъ Слав. предлога *въ* въ глаголѣ *venire* (внати); таково все спряженіе, которое, какъ мы показали, основано на трехъ вспомогательныхъ глаголахъ по Славянскому образцу. Множество подобныхъ примѣровъ, явныхъ для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя, составляютъ полное, неопровержимое свидѣтельство. Точно также,

какъ землииспытатель находить слѣды отжившей жизни въ каменныхъ пластахъ, сдавившихъ, но и на вѣкъ сохранившихъ остатки старыхъ организмовъ, такъ и филологъ не можетъ не узнать въ странномъ и беспорядочномъ напластаціи Латинскаго языка, замершее свидѣтельство объ организмѣ нѣкогда живомъ: и въ этомъ организмѣ является ему оторванный членъ отъ безконечнаго колосса Бактро-Славянскаго, охватившаго собою весь Востокъ и всю среднюю Европу и нѣкогда отдѣльными вѣтвями проникшаго во все части Италіи. Но обманчива бы была надежда критика, если бы онъ вздумалъ во всехъ частяхъ Латинскаго языка отрывать слѣды прежняго Троянскаго нарѣчія въ неизмѣненномъ видѣ мертвыхъ ископаемыхъ. Живое сживается съ живымъ. Рѣдко удается найти слова, спасшіяся отъ искаженія посредствомъ вкропленія въ другія и сохранившіяся, какъ неприкосновенный и неразрушаемый камень. Большая часть подверглась измѣненію и получила новую, хотя и неправильную, жизнь въ слѣдствіе прививки къ чужеземнымъ стихіямъ. Весьма многія слова скрылись подъ прихотливою перестановкою буквъ (такковы: *nix*—*съ-ниг* С. *снигъ*; *trix*—*съ-трук* С. *строгъ*; *fax faces*, *съ-фаце* С. *въпча*; *fascis* С. *связка*, и едва ли не самый *urbs*, *с-руб*, С. *срубъ* и пр.), точно также какъ эта перестановка буквъ нѣрѣдко является даже внутри нарѣчіи родоначальныхъ (напр. въ Славянскомъ *длань* или *долонь*—ладонь, *медвьдь*—*ведмьд*, *колдобина*—отъ *коло* и *дпять*,—*бакалдина* и пр.). Многія недоступны для наблюденія, потому что стихіи, пришедшія въ соприкосновеніе съ Славянскою, имѣли съ нею много корней общихъ, слѣд. имѣютъ по видимому равныя права на званіе родоначальниковъ (напр. въ словахъ *domus* домъ, *vicus* весь, *pulvis* пыль и пр.). Чувство живой истины одно можетъ руководить критикомъ и оно должно привязываться болѣе къ общей фізіономіи, чѣмъ къ подробностямъ, болѣе къ слѣдамъ органическаго развитія, чѣмъ къ корнямъ. Результаты будутъ безошибочны. (Такъ напр. *abs* можно смѣло принять за обратное *безъ*, когда *ad* есть явное обращеніе предлога *до*, ибо раннее *donec* сохранило первоначальную форму, а позднѣйшее *ad-huc* уже приняло форму эпохи искаженной). Во всякомъ случаѣ языковая основа Латинскаго нарѣчія принадлежитъ вполне системѣ Славянскою и да-

еть выводы, подтверждающие истину сказанія объ основаніи Альбы и Славянствѣ Трояно-Ликійскихъ народовъ. (*)

Бѣглецы Альбы выстроили себѣ новое убѣжище на берегахъ Тибра и поселились вѣроятно дружиною, а не семьями. Память о такомъ дикомъ состояніи сохранилась въ сказаніяхъ. Самый основатель города, какъ лице историческое, исчезъ; пѣсни и преданія причислили его къ числу лицъ полу-божественныхъ, съ которыми народы древности любили начинать свою родословную.

Очевидно сказка о рожденіи Ромула есть только искаженное повтореніе сказки объ Энеѣ, основатель первыхъ Троянскихъ колоній; но все, что въ преданіи объ Энеѣ носитъ на себѣ характеръ мирный и богоугодный, приняло въ преданіи о Ромулѣ характеръ воинственной дикости. Самая Венера древнихъ Славянъ (*Pría*), измѣнить не много имя свое въ *Rea-(Rhea)*, приняла прозвище лѣсной (*Sylvia*) и суровая волчица должна была вскормить дѣтей кроткой богини.

Но съ баснословнымъ Ромуломъ, представителемъ Альбанской стихіи, связались родовыя сказанія нѣсколькихъ правительственныхъ семей и въ особенности той семьи, которой суждено было измѣнить всю государственную жизнь всемірной державы; съ именемъ Ромула соединены свидѣтельства о смѣшеніи стихій народныхъ при самомъ началѣ Римскаго бытія. Воинственные выходцы Альбы, бездомные удалыцы, похитили женъ другаго племени и вступили сперва въ борьбу, потомъ въ дружескій и общинный союзъ съ своими сосѣдями. Такова эпоха Ромула.

(*) Едва ли не самое поучительное свидѣтельство о томъ, какъ человѣчскій произволь измѣняетъ человѣческое слово, находится въ нарѣчій Русско-Камчатскомъ. Тамъ между прочимъ женскій родъ исчезъ въ прилагательныхъ, *женщинами* величаются *парнями* и *мужи* — *утками*! И это въ землѣ, принадлежащей Россіи и у колонистовъ, пришедшихъ изъ Россіи! Одна только причина искаженія—частное и временное разъединеніе, давшее волю прихоти. Великій урокъ филологамъ и наемѣшка надъ многими системами.

Самое первое появленіе Рима представляет намъ чистую дружину, слѣдственно быть условный, произвольный, а не естественный. Нѣтъ сомнѣнія, что дружина можетъ быть точно также торговая или религіозная, какъ и воинственная; но форма условія и внутренняго государственнаго устройства въ первоначальномъ Римѣ опредѣляется сначала очевидно не высшими идеями, проявившимися въ послѣдствіи, но потребностями военными. Отъ того и эпоха Ромула осталась не въ почетной памяти у патриціанскаго, духовно-образованнаго сословія; она помнилась, какъ время дикости и насилія, время темное и безславное. Патриціанскій характеръ города опредѣлился уже въ позднѣйшую эпоху.

Но этотъ характеръ, еще не разившійся, уже таился въ зародышѣ. Ко временамъ градостроителя возводитъ преданіе раздѣленіе патриціанскихъ трибъ и самую гибель его приписываетъ враждѣ первенствующаго сословія. Для здравой критики сказаніе о смерти Ромула не имѣетъ значенія были исторической, но оно представляетъ свидѣтельство о борьбѣ военно-дружиннаго, полу-демократическаго начала съ началомъ религіознымъ и патриціанскимъ, о торжествѣ втораго и объ уступкѣ, сдѣланной имъ въ пользу перваго принятіемъ въ число боговъ представителя воинской дружины. Раздѣленіе трибъ (было ли ихъ двѣ или три, все равно) согласно съ разказами о двухъ одновременныхъ царяхъ и о сляніи двухъ народовъ. Самыя названія трибовъ соотвѣтствуютъ кореннымъ именамъ этихъ народовъ: *Тиции*—представителю Сабиновъ (вѣроятно названію одного изъ Сабинскихъ поколѣній) *Тицію* или *Тацію*, *Рамны*—самому городу *Рома* или *Рымъ*.

Рамны то же самое, что *Романы* или *Румуны*. Въ языкахъ разностихійныхъ, также какъ въ словахъ, принятыхъ изъ языка чужаго, такое колебаніе безперестанно. Англичане говорятъ *роре*,—*нопъ* и *рараі*—*папалъ* и т. д. *Луцеры* едва ли не позднѣйшаго Этрусскаго происхожденія и напоминаютъ слово *лукумонъ*.

Весь ранній характеръ Рима, независимо отъ Сабинской примѣси, представляется военно-дружиннымъ. Граница—истинная

святыня Рима, граница, обгаренная кровью родного брата, неуступающая даже Юпитеру. Въ этомъ грубо-условномъ, чисто государственномъ характерѣ вся тайна будущаго Римскаго величія. Но была и другая религія, связывающая дружину съ городомъ, отъ котораго она отдѣлилась. Объ этой религіи не осталось свидѣтельствъ положительныхъ и прямыхъ: но косвенныя свидѣтельства ясны. По нѣкоторымъ сказаніямъ еще при Ромулѣ, по другимъ послѣ него, Римъ объявилъ уже притязаніе быть главою союза 30-ти городовъ, одноначальныхъ съ Альбою, и это притязаніе безспорно было религіозное. Оно находилось явно въ связи съ служеніемъ *Весты*, ибо это служеніе, безтолково приписанное иными писателями Нумѣ, не имѣетъ ничего общаго съ системою Сабинскою. Въ лицѣ же Весты, принимая въ соображеніе молчаніе всѣхъ писателей о поклоненіи Венерѣ, и въ то же время сказаніе о Венерѣ какъ матери Энея, и Реѣ (*Пріа*) какъ матери Ромула и *весталки*, мы должны признать ту самую богиню обще-Славянскую, которая составляла отличительный характеръ Славянской мифологіи, женское начало не въ символизмѣ, но въ чело-вѣкообразіи, т. е. *Пріа-Венеру*; а въ имени *Весты* (*знающей*, какъ *невѣста* незнающая) признать высокое значеніе этой богини, униженной въ позднѣйшемъ синкретизмѣ.

Ей же соответствуетъ и *Диана*, какъ *Дианѣ* или *Янусѣ*, Велену.

Таковы наши данныя для перваго періода Римскаго: онѣ всѣ заключены въ области чисто-Славянскаго міра, какъ по языку, такъ и по религіи.

Второй періодъ Рима. Царствованіе *Нумы Помпилія* опредѣляетъ новый періодъ и преобладаніе стихіи уже дѣйствовавшей, но не преобладавшей въ первомъ.

Сабинская стихія. Съ горъ лежащихъ на Востокѣ отъ области Латинской сдвинулись въ равнину Сабинны. Римъ принялъ ихъ поповолѣ въ свои пѣдра, но по своему чисто-условному началу усыновилъ ихъ, не покоряясь имъ и не покоряя, но мирясь. Высшее духовное стремленіе, къ которому были способны Сабинны и ко-

торое, какъ очевидно изъ пифагорейства, получило даже нѣкоторое развитіе у полу-просвѣщенныхъ жрецовъ, дало первенство пришельцамъ надъ дикими дружинниками, основателями общины. *Vesta* помирилась съ богами Сабинскими, религія, нѣкогда не чуждая крови (какъ видно изъ рассказовъ объ Альбѣ), приняла характеръ отвлеченный и безкровный; роды (*gentes*) сдѣлались святынею и патриціатъ сталъ на основѣ твердой и разумной.

О безкровности древне-Римской религіи, т. е. религіи второй эпохи, много свидѣтельствъ. Главное же и неоспоримое то, что одинъ взглядъ на войско уже осквернялъ первосвященника.

Начало Альбанское (Троянское или Восточно-Иранское) было въ высшей степени родовое и семейное: начало Сабинское было также не чуждо семейности. Очевидно, Римъ не могъ развиваться иначе, какъ въ строго семейномъ бытѣ.

Не такъ какъ Элада, въ которой характеръ завоевательной дружины вездѣ уничтожалъ семью, кромѣ мирно-созданныхъ Аѳинъ.

Съ другой стороны, вопиющій бытъ первой Римской эпохи долженъ былъ отозваться униженіемъ женщинъ въ отношеніи правъ гражданскихъ. Такъ и было.

То же самое замѣтно и въ нѣкоторыхъ областяхъ Славянскихъ въ противность общему Славянскому быту, уравнивающему женщинъ и мужчинъ: но такія области заселены казачествомъ.

Между тѣмъ самая основа государства была чисто условная и произвольная, обращенная съ самага начала не на внутреннюю, но на виѣшнюю жизнь: родовое устройство приняло въ себя ту же стихію условности и удалилось совершенно отъ своей первобытной простоты. *Gentes*, т. е. роды, опредѣлялись не кровнымъ родствомъ, но принятіемъ пришельцевъ, безъ сомнѣнія даже чужеземцевъ, въ права родовыя, въ общеніе ро-

довой святыни и въ законы подчиненности, со стороны мнимыхъ родичей, и покровительства со стороны родоначальниковъ. Семья же, не принимая въ себя такой искусственной примѣси, замкнулась въ форму государственнаго положенія и уничтожила личность всѣхъ своихъ членовъ, заключая ихъ въ одномъ лицѣ полнаго гражданина, отца семьи. Нравственная чистота могла развиваться и развилась въ высокой степени подъ вліяніемъ нравственно-отвлеченной религіи (Сабинской), религіи, исполненной духовнаго символизма и философскихъ стремленій (пифагорейскихъ). Такимъ образомъ добро нравственное сдѣлалось главнымъ двигателемъ жизни личной у Римлянина, между тѣмъ какъ у Эллина истиннымъ божествомъ былъ самъ человѣкъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Въ Элладѣ идеалъ человѣческій, облагораживаясь мало-по-малу и въ то же время отвлекаясь отъ всѣхъ случайностей и отыскивая себѣ разумной (т. е. разсудочно-вѣрной) опоры, дошелъ до идеала чистологическаго и сосредоточился въ одномъ, въ красотѣ знанія — истинѣ: въ Римѣ идеалъ сохранилъ свою отвлеченность и остался себѣ вѣрнымъ въ отвлеченной красотѣ воли — добродѣтели. Но вся жизнь общества Римскаго, заключенная въ условіяхъ произвольныхъ и чисто-внѣшнихъ, отозвалась въ самомъ идеалѣ добродѣтели и наложила на него характеръ грубой внѣшности, не имѣющей и не объявляющей притязанія на средоточіе духовной жизни и заключенной единственно въ правдѣ относительной или условной. Дѣятельность внутренняго человѣка ограничилась тѣсными предѣлами односторонности и изъ этой односторонности, убившей лучшія способности духа, развилось въ послѣдствіи право, — великолѣпное Римское право, многообъемлющее, стройное, строго-логическое, но мертвое и умерщвляющее. Между тѣмъ какъ лица, составляющія общину Римскую, подчинились высокому закону правды, самое государство не могло и не думало покорить свою дружинную условность нравственнымъ требованіямъ, обязательнымъ для отдѣльныхъ лицъ. Отъ того Римское право осталось исключительно судебнымъ и не обняло ни государственныхъ положеній, ни даже самыхъ скудныхъ началъ права

народнаго. Таковъ характеръ второй эпохи Римской, опредѣлившей со стороны дѣятельности патриціанской всю послѣдовавшую жизнь міродержавнаго горсда.

Нельзя не замѣтить сходства между отвлеченными началами Рима и далекой восточной державы Китая: но при томъ не должно упускать изъ вида и великаго различія. Въ обоихъ преобладаетъ идея внѣшней правды: но въ одномъ (Китаѣ), поставившемъ себѣ въ первоначальную задачу устроenie логическаго государства на отвлеченно-нравственныхъ началахъ, преобладаетъ право государственное и вся его условность есть плодъ отвлеченнаго умствования, въ которомъ все части приносятся въ жертву цѣлому; въ другомъ (Римѣ) условность полагается случайными потребностями дружины и налагаетъ свою печать, печать грубой безнравственности, на все государство: идея внѣшней правды созидаетъ только право судебное. Въ началахъ Китая выразилось высшее требованіе духа. Съ другой стороны, въ Римѣ самый произволь, основавшій дружину, и позднѣйшее столкнвеніе плебеевъ съ патриціями, развили идею личной свободы, но свободы, подчиненной строгимъ требованіямъ правды, т. е. идею свободы правомѣрной. Въ этомъ отношеніи Римъ не идетъ въ сравненіе ни съ какимъ древнимъ государствомъ. Задача Китая была религіозная и предметомъ религіи было самое государство, точно также какъ стройность, подражающая законамъ міровымъ, была задачей всехъ чисто-Кушитскихъ государствъ. Въ этой религіозной, но односторонней основѣ, должно искать тайну ихъ долгаго существованія. Всеобъемлющее требованіе Иранскаго духа не могло создать себѣ достаточныхъ формъ и безознательно подражало чужимъ, несвойственнымъ ему законамъ, за исключеніемъ двухъ эпохъ Іудей: до Саула и послѣ Вавилонскаго плѣна. Эллада и Римъ принадлежатъ періоду погибшихъ вѣрованій и преобладанія личной свободы. Государственной ихъ заюнъ одинъ: грубая, беззаконная польза; но Римъ нашелъ въ нравственной чистотѣ своихъ гражданъ-патриціевъ силу и святость, которой не доставало Элладѣ; точно также какъ и самую пользу онъ положилъ въ пользу истинной, вещественной, а не въ красотѣ славы и наружнаго блеска, которую Эллина принимали за пользу. Должно замѣтить, что несравненное превосходство нравовъ Римскихъ передъ Эллинскими вполнѣ зависѣло

отъ сохранившагося во всей Итали и утраченнаго въ Элладѣ преданія о безсмертіи душъ и высокомъ ихъ загробномъ значенія. «Лучше быть какой хочешь дрянью на землѣ, чѣмъ царемъ всѣхъ тѣней,» говоритъ Ахиллъ въ Одиссеѣ. Для древняго Грека мертвый—безсильная тѣнь; для древняго Италиота онъ могущій и полубожественный духъ, принимающій достойную славу или достойную казнь.

Патриціи
и плебеи. Римъ, основавшись какъ сбродная дружина, былъ уже по необходимости городомъ-убѣжищемъ. Римъ, обратившись въ мирную святыню, окруженную враждебными или завистливыми сосѣдями, призналъ необходимость новой охранной дружины и эту дружину собиралъ онъ снова въ своемъ прежнемъ значеніи убѣжища. *Asylum* былъ въ обонхъ случаяхъ потребностью неизбѣжною: но характеръ убѣжища измѣнился. Въ первой эпохѣ всякій пришлецъ былъ братомъ Римлянину по удалству, по желанію участвовать въ подвигахъ и выгодахъ дружины. Онъ поступалъ легко въ права гражданина и въ искусственный строй общества, раздѣленнаго на произвольные числительные участки (на десятки, сотни, тысячи и т. д.), ибо таковъ былъ раздѣлъ Ромулова Рима. Во вторую эпоху онъ уже долженъ былъ причислиться къ святынѣ какого нибудь рода и поступить въ число родичей,—разумѣется съ меньшими правами противъ старшихъ и съ меньшею степенью посвященія въ святыню.

Такое отношеніе можно угадать, хотя положительнаго мы не имѣемъ. Низшіе члены искусственнаго рода относились вѣроятно къ старшимъ, какъ во многихъ духовно-военныхъ общинахъ низшіе члены, вносящіе, къ высшимъ, жреческимъ.

Но съ одной стороны не всѣ пришельцы хотѣли подчиниться безусловной опеке родоначальниковъ патриціанскихъ; съ другой не всѣхъ могли или хотѣли духовно-образованные патриціи принять даже младшими членами въ свои роды. Около города патриціанскаго образовался вольный городъ вольной дружины, не имѣющей ни правъ на гражданство, ни правъ на

святыню, но пользующейся некоторыми правами на пользование земельными дачами и собственно городских земель, пользующейся правом охраны отъ ви́шняго преслѣдованія и платящей за свое жительство трудомъ боевымъ во время войны и почтеніемъ къ патрицію—гражданину во время мира. Такъ утвердилась вторая эпоха Римской жизни, эпоха Нумы, кто бы онъ ни былъ, дѣйствительно ли царствовавшее лице или лице сказочное, символъ цѣлаго періода гражданственности.

Весьма вѣроятны историческое существованіе царей и вѣрность преданія, сохранившаго ихъ имена, по самому характеру сказаній. Также вѣроятна в сущность происшествій, хотя подробности явно баснословны.

Царствованія Тулла Гостилія и Анка Марція представляютъ только повтореніе предшествующихъ, поочередное преобладаніе двухъ началъ, Римскаго и Альбанскаго (Рамновъ) и Сабинскаго (Тиціевъ). Бѣлая воинственность отличаетъ первыхъ; большая религіозность вторыхъ. При Гостиліи возобновляется споръ о первенствѣ между Римомъ и Альбою, споръ, принадлежащій собственно Рамнамъ, а не Тиціямъ, и споръ рѣшается паденіемъ Альбы.

Въ самомъ сказаніи о разрѣшеніи вопроса посредствомъ единоборства слышенъ какой-то отзвукъ старины, живо помнившей родство Альбы и Рима и облекшей войну въ образъ, который никогда не повторяется при войнѣ Рима съ инокровными племенами.

Анкъ Марцій соответствуетъ Нумѣ, но уже очевидно чистая духовность философски-религіозныхъ Тиціевъ уступила при немъ вліянію воинственнаго начала.

Это видно какъ изъ преданій (пусть и не совсемъ ясныхъ) о побѣдахъ Анка и изъ духа религіозныхъ обрядовъ, имъ утвержденныхъ

Вслѣдъ за нимъ является новая стихія въ Римѣ, чуждая его прежнимъ началамъ и объяснимая только посредствомъ ви́ш-

Стихія
Этрус-
ская. Тар-
квиній
древній.

няго вліянія Это стихія Этруская въ лицѣ Тарквинія Древняго. Слава, окружающая его имя и благодарная память народа объ его преемникѣ Сервіи не позволяютъ предполагать завоеванія.

Предположеніе о завоеваніи еще болѣе опровергается существованіемъ пригорода *vicus Tuscus*. Такъ не селятся завоеватели. Кажется слово *vicus* соответствуетъ Слав. *весь*, также какъ *urbs* Сл. *срубъ* (крѣпость).

Этруски не силою оружія, но тихимъ завоеваніемъ художествъ и высшей образованности (по крайней мѣрѣ въ вещественномъ отношеніи) заняли въ Римѣ почетное мѣсто. Изъ нихъ по всей вѣроятности образовался третій патриціанскій трибъ—*Луцеровъ*, или по крайней мѣрѣ отъ ихъ вліянія составилъ этотъ новый трибъ, составленный изъ смѣшанныхъ стихій и не имѣющій опредѣленнаго характера, подобно Рамнамъ и Тиціямъ. Восшествіе на престолъ Тарквинія древняго принадлежащаго вѣроятно трибу Луцеровъ, обозначаетъ ослабленіе прежняго исключительнаго строя патриціанской жизни и переменъ нравовъ, а не законовъ. Быть государственный не измѣнялся. Тарквиніево царствованіе представляетъ эпоху блистательную для молодаго Рима. Сосѣдніе города покоряются ему или признаютъ его первенство, область распространяется, городъ растетъ и красится, искусства развиваются; но съ другой стороны крѣпнутъ зародыши будущихъ переменъ государственныхъ. Трибы удваиваются введеніемъ новыхъ родовъ патриціанскихъ (Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ младшихъ); государство (т. е. полныя права гражданскія) остается еще заключеннымъ въ патриціяхъ: но внутренняя жизнь и святость сословія исчезаетъ передъ новымъ приливомъ и исключительность правъ начинаетъ являться чисто условнымъ учрежденіемъ, не имѣющимъ законнаго (т. е. внутренняго) оправданія. Плебеи еще не выступаютъ на поприще общественной жизни, но самый патриціатъ принимаетъ въ себѣ стихію плебейскую въ паденіи религіознаго смысла.

Эпоха Тарквинія соединяетъ въ себѣ признаки двухъ новыхъ стихій, вкрадывающихся въ общество, Этрускской и Эллинской: но эти стихіи, хотя безспорно различныя, не были враждебны другъ другу и стремились къ одной и той же цѣли, къ человѣкообразію въ религіи и къ развитію художественныхъ стремленій.

Сами Этруски, вслѣдствіе торговыхъ сношеній Эллиновъ и превосходства образованія Эллинскаго, уже подверглись его вліянію, сдѣлались отчасти данниками Эллады по предметамъ роскоши и прихоти и стали сливать въ нестройный синкретизмъ свою мифологію съ мифологіею Олимпійскою. Это явно изъ сохранившихся памятниковъ древне-Этрускской жизни.

Сношенія Тарквинія съ Фокейскими Эллинами, явно доказанныя новѣйшею критикою, свидѣтельствуютъ о жизни торговой, которой память утратилась въ позднѣйшія времена, когда Римъ, утративъ свое величіе и стѣсненный со всѣхъ сторонъ, сосредоточилъ всю свою дѣятельность въ жизни воинственной и государственной.

Последнее свидѣтельство о торговомъ развитіи находится въ договорѣ Рима съ Каррагеномъ въ первый годъ республики. Торговцы Римскіе явно посѣщали берега Сициліи и Африки.

Отъ этой эпохи полу-Этрускскихъ царей остались тѣ зародыши эленизаціи, которые наконецъ ввели Римъ въ систему чисто-Эллинскаго образованія; но сильная примѣсь стихій словесной не можетъ объясниться иначе, какъ значительною примѣсью въ народонаселеніи. Эта примѣсь въ языкѣ, явная не только въ корняхъ, но въ словахъ, развитыхъ по законамъ совершенно чуждымъ первому органическому закону Латинскаго нарѣчія, указываетъ на примѣсь Эллино-Пелазгскаго народа, вошедшаго безъ сомнѣнія не въ правительственные ряды патриціевъ, но въ темную общину подвластныхъ плебеевъ. Смѣсь народонаселенія, необходимое слѣдствіе законнаго убѣ-

жища (*asylum*), сопровождалась другимъ важнѣйшимъ и рѣшительнымъ измѣненіемъ въ религіи.

Впрочемъ явно, что самъ патриціатъ принялъ въ себя множество иноземныхъ поколѣній. Таковъ упрекъ, сдѣланный ему не разъ трибунами во время плебейскихъ смутъ: они его называютъ, также какъ и себя (плебеевъ)—*colluvies gentium*. Это обвиненіе оправдывается образованіемъ триба Луцеровъ и всѣхъ младшихъ родовъ (*minores gentes*), которые вѣроятно взяты были изъ середины сбродной общины (*Азилума*).

Вліяніе
Эллин-
ское. Гре-
ки въ Ита-
ліи.

Еще не испытала Эллада силъ своихъ въ побѣдной борьбѣ съ Азією и развитіе свободной личности не доказало еще мѣчемъ правъ своихъ на управленіе міромъ, утратившимъ вѣру въ высшія начала; но давно уже Элліны въ безпокойной своей дѣятельности раскинули сѣть своихъ колоній во всѣ концы Средиземнаго моря. Берега Сициліи и Италіи покрылись городами полу-торговыми, полу-завоевательными, распространившими мало-по-малу власть въ самую глубь земель. Все способствовало торжеству этихъ мелкихъ поселеній, ихъ воинственная восторженность, ихъ славолюбивая гордость, вѣрность торговыхъ расчетовъ, высокая образованность гражданская (въ смыслѣ дружинно-условномъ) и особенно прелесть ихъ художественно-утонченныхъ нравовъ, соблазняющая грубую простоту туземцевъ и склоняющая ихъ къ миру и подражанію.

Такъ напр. Энотрійцы совершенно утратили свою народность и приняли всѣ обычаи и даже языкъ Эллинскій.

Болѣе же всего способствовало усиѣху Эллады то обстоятельство, что въ ней самой во многихъ общинахъ было дѣйствительно не завоеваніе Пелазговъ Эллинами, но претвореніе Пелазговъ въ Эллиновъ.

То самое совершилось сперва внутри Эллады, что совершилось потомъ внѣ ея не только на западѣ, но и на востокѣ при Македонцахъ вълѣдствіе превосходства образовательнаго начала Эллинскаго.

Эти претворенныя общины связывали узами родства духовнаго, преданій и обычаевъ Пелазгическія приморья Сициліи и Италіи съ берегами Эллинскими и приготавливали Грекамъ (ибо такъ называли Элліновъ Италіоты, по малому племени, живущему на горномъ побережьѣ Эпіра) свободный доступъ какъ къ торговлѣ, такъ и къ поселеніямъ въ западной заморской сторонѣ.

Въ числѣ общинъ перерожденныхъ, кажется, должно ставить на первомъ ряду *Аркадцевъ* и такимъ образомъ объяснить мнимо-Аркадское происхожденіе многихъ племенъ въ Италіи, напр. колоніи Эвандра въ Лаціумѣ и названіе Аркадцами Тирреновъ, вѣроятно они принадлежали обще-Пелазгическому началу.

Такъ создавалась мало-по-малу великая Греція: но и самое Эллино-Пелазгское народонаселеніе подверглось значительному измѣненію въ своемъ переселеніи на берега Италіи, особенно въ первыя времена. Нѣтъ сомнѣнія, что въ позднѣйшую эпоху, когда имя Элады сдѣлалось первымъ въ мірѣ, когда Элада приняла въ себя все знанія, разсѣянныя по странѣ Палестинской и Египетской, заморскія колоніи отстранили отъ себя все чуждое, гордясь только именемъ Эллинскимъ и отстраняя отъ себя все не-Эллинскія стихіи. Но не такъ было сначала. Густой мракъ невѣжества покрывалъ еще Аѳины и Пелопоннесъ, за исключеніемъ развитія поэтическаго и художественнаго; свѣтъ наукъ не проникъ еще въ общины, заключенныя между Адриатикой и Эгейскимъ моремъ, а выходцы изъ Элады, пришедшіе въ соприкосновеніе съ другими древнеобразованными странами, уже проложили себѣ путь къ знаніямъ еще недоступнымъ для племенъ, оставшихся въ родной странѣ. Исторія, философія и астрономія возникли въ колоніяхъ Мало-Азійскихъ, отъ вліянія Ассирійскихъ Лидійцевъ, Славянской Ликии и Западно-Иранскихъ жителей приморья; а въ то же время, или еще ранѣе, философія, таинственныя науки, астрономія и математика уже цвѣли и преуспѣвали въ Эллинскихъ колоніяхъ Италіи и Сициліи, гордясь именами Пи-

вагора, Геліодота и другихъ и свидѣтельствуя о частыхъ сношеніяхъ съ просвѣщенными народами племени полу-Кушитскаго, съ смѣлыми мореходцами Финикіи и Карфагена, съ Тирренцами Этрускскими, которые были не чужды математическихъ знаній, и отчасти, можетъ быть съ самимъ Египтомъ.

Въ этомъ раннемъ появленіи наукъ на обружности Эллады при явномъ невѣжествѣ областей среднихъ заключается безспорное доказательство негуземства науки и рѣшительное опроверженіе системы, выдуманной самородностью умственного развитія Эллинскаго наперекоръ всемъ уликамъ историческимъ, свидѣтельству самихъ Грековъ и яснѣйшимъ выводамъ безпристрастной критики. Конечно поздняя Энеида съ своими произвольными вымыслами и анохранизмами не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться доказательствомъ историческимъ; по появленіе Финикійцевъ въ сказаніи объ Энеѣ, точно также какъ Мемнона въ сказаніи о самой Троѣ, вѣроятно основано на искаженныхъ преданіяхъ о торговой дружбѣ Троянскаго Ванда съ другими промышленными народами и особенно съ Сидонскимъ приморьемъ. Точно также и сказаніе объ Эрикеѣ кровожадномъ, сынѣ Венеры, на берегахъ Сицилійскихъ, показываетъ древнее поселеніе кровожадныхъ поклонниковъ *Мелехета* или *Деркетю*. Смѣшеніе богинь Кушитскихъ и Пріи. Астарты Бактро-Славянской, собственно Венеры, произошло въ весьма раннія времена по сходству обрядовъ и частнаго значенія, не смотря на коренную разницу мифологіи. Такова причина, почему колоніи Сидонскія приписываются преданіемъ потомкамъ Венеры.

Смѣшеніе племенъ Этрусскаго, чисто-Альбанскаго и Латинскаго, состоящаго отчасти изъ полу-эллинизированныхъ Пелазговъ, должно было, не смотря на частныя разницы вѣрованій, имѣть одно послѣдствіе, — полное огрубѣніе и бессмысленное человѣкообразіе религіи. Нелѣпый и нестройный синкретизмъ, рожденный въ плебейскомъ азилумѣ, отозвался скоро и въ патриціанской святынѣ, не только отъ введенія Луцеровъ и младшихъ родовъ, но и отъ коренной склонности Рамновъ Альбанскихъ, искони поклонявшихся сказочнымъ богамъ.

Славянский характер их древней мифологии очень явно определяется словами Сервия о птичьем гадании: «не всякому всякая птица прорицаетъ: *колумба* (голубь) *однимъ царямъ*». Ясное указание на исконную святость голубя и слѣд. на первобытную религію Ромуловой эпохи. Той же системѣ принадлежитъ и особенная святость свиньи, посвященной, какъ уже сказано, Велесу-Прію, перешедшему къ восточнымъ Германцамъ подъ именемъ Фрейра.

Человѣкообразное искаженіе вѣры и ея огрубѣніе, указывающія на ослабленіе Сабинской стихіи, принадлежатъ царствованію Гостилія и Анка Марція; полное проявленіе духовной порчи царствованію Тарквинія Древняго. Начало Этрусское, жертвоприношенія кровавыя и пр. допускаются законно. Религіозный смыслъ патриціата исчезаетъ или высказывается только въ видѣ безсильной оппозиціи или крадется кое-какъ во всеобщемъ синкретизмѣ подъ покровомъ пророчествъ Сабино-Пелазгской Сибиллы, нѣкогда вдохновлявшей Пизагора и Нуму Помпиля: но городъ высится и крѣпнетъ. Онъ первенствуетъ въ Лаціумѣ; онъ украшается храмами и разнообразными зданіями; онъ прорѣзываетъ и подземные ходы, которымъ удивляются позднѣйшіе вѣка, онъ принимаетъ заморскихъ гостей (Фокейцевъ) и связывается съ ними узами дружбы и гостепріимства, которые принесли Фокейцамъ и ихъ колоніямъ значительную пользу во время полного Римскаго торжества; онъ, какъ кажется, принимается въ великій союзъ городовъ Этрусскихъ, какъ равный и едва ли не какъ первый, но глубоко и навсегда теряетъ онъ чистоту характера, которою отличается эпоха Нумы и его первыхъ преемниковъ.

Впрочемъ заложеніе зданій и подземныхъ водотоковъ не должно считаться исключительно послѣдствіемъ Эллинскаго и Тирренскаго вліянія: оно могло связываться съ корнемъ Рамновъ—Альбою, которая оставила свидѣтельства своихъ подвиговъ въ общепольномъ строительствѣ каналовъ и отягчалась въ этомъ отношеніи отъ другихъ народовъ Лаціума, средней и южной Италіи, какъ и должно было ожидать отъ ея Троянскаго начала.

Царство-
ваніеСер-
вія. Тар-
квиній
Гордый.

Труды Тарквинія продолжаются Сервіемъ: но съ другой стороны, потому ли что Сервій былъ бѣглецомъ изъ земли Тускской и противникомъ ея правительственной системы, потому ли что онъ хотѣлъ слишкомъ явно первенствовать надъ Этруріей, Римъ становится во враждебныя отношенія къ родитѣ Тарквинія и, кажется, самого Сервія и въ неравную и невыгодную борьбу, утрачиваетъ много своего блеска, политическаго значенія и вѣроятно торговли. Къ послѣднимъ годамъ Тарквинія или къ первымъ Сервія относится въ Римѣ окончательное торжество челоуѣкообразія, допущеннаго наконецъ въ государственную, т. е. патриціанскую религію.

Такимъ образомъ должно понять показаніе древнихъ о ста-семидесятилѣтнемъ безкумирномъ поклоненіи Римлянъ. Всѣ древнѣйшія сказанія оставляютъ плебеевъ безъ вниманія.

Собственно же царствованію Сервія принадлежитъ великая государственная перемѣна, уничтожившая исключительность патриціанскаго правленія и допустившая плебея, т. е. не сына, а слугу общества, къ нѣкоторому участию въ общественныхъ дѣлахъ. Роптали патриціи, которымъ хотѣлось сохранить всю свою власть, между тѣмъ какъ въ духовномъ паденіи они дѣйствительно утратили права на власть; но ропотъ ихъ былъ безсиленъ. Мудрость царя, оставившая по немъ память благодетеля, союзъ его съ городами Лаціума и сила плебейской дружины подавляли всякую попытку къ возстановленію патриціанскаго единовластія. Патриціи для своихъ выгодъ прибѣгли (какъ очевидно изъ древнихъ сказаній) къ помощи Этрускской аристократіи (*лукумоновъ*) и послѣ смерти, кажется насильственной, Сервія, избрали царя изъ Тускской земли для угнетенія и полнаго порабощенія плебеевъ. Вполнѣ исполнилась злая воля. Тарквиній Гордый паложилъ желѣзное иго на вольную общину убѣжища и обратилъ ее въ рабство: онъ ввелъ снова Римъ въ союзъ Этруріи, но не какъ равнаго члена союза, а какъ подчиненнаго, если не въ смыслѣ политическомъ, то въ смыслѣ внутренней жизни, которую онъ ли-

шалъ всѣхъ ея коренныхъ особенностей. Опираясь на силы своей родины, тогда далеко властвующей и первенствующей въ Италиі, онъ покорилъ общины Латинскія и принудилъ ихъ признать во всемъ, даже въ священнодѣйствіи, владычество Римскаго царя; наконецъ онъ возвысилъ болѣе чѣмъ когда нибудь, вышнее значеніе города, уничтоживъ его внутреннюю свободу.

Царствованію Тарквинія Гордаго вѣроятно принадлежатъ многія зданія и учрежденія, приписываемыя или Тарквинію древнему или даже Сервію. Едва ли введеніе гаданія по жертвамъ (*гарустіци*) не принадлежатъ къ этому числу. Въ корнѣ этого слова *гару* нельзя не узнать того же самаго слова, которое служитъ началомъ Славянскому *жер-тва*; но во всякомъ случаѣ корень этотъ указываетъ на языкъ Разенъ, отъ которыхъ взяты *гарустіци* и всѣ ихъ подробности, а не на нарѣчіе Латинцевъ, которому они были чужды. Оба Тарквинія представляютъ много общаго: но при Древнемъ видны собственно синкретизмъ религіозный, радушный пріемъ всѣхъ иноземныхъ стихій просвѣщенія, особенно Эллинскихъ и Тосканскихъ, и вольное вступленіе въ союзъ Этрурскій съ сохраненіемъ самобытнаго Римскаго начала и союза Латинскаго; при Гордомъ видны одностороннее развитіе всего Этрурскаго, угнѣтеніе Лаціума и подчиненіе Рима Этруріи.

Сервій мимо родовъ и наслѣдственныхъ святынь далъ правительственныя права богатству (ибо плебеи раздѣлены были по имуществу). Тарквиній Гордый, уничтоживъ совершенно политическое значеніе плебея и обративъ его въ совершенное рабство, повергъ его въ долгую нищету и далъ на время полное торжество патриціямъ; но не на долго.

Сенатъ послѣ изгнанія царей также правилъ плебеями посредствомъ дележнаго превосходства патриціевъ и совершенной бѣдности плебеевъ. Онъ въ этомъ отношеніи пользовался наслѣдствомъ Тарквинія.

Желѣзное иго, раздавившее безсильную общину убѣжища, Изгнаніе Царей.
налегло наконецъ и на шею родовитыхъ гражданъ, призвав-

шихъ чуждую помощь. Послѣ долгихъ страданій и долгаго униженія подъ правленіемъ безжалостнымъ и безправственнымъ, возсталъ наконецъ городъ, будущій владыка міра. Мщеніе за оскорбленную святыню семейной нравственности пробудило мщеніе за утраченную свободу. Изгнаны были навсегда Тарквиній и его Этрурцы: жизнь его сохранена не изъ уваженія къ его царскому сану, но изъ почтенія къ его первосвященству (ибо онъ былъ царь святынь, *rex sacrorum*). Навѣкъ изгнаны изъ Рима цари.

Высокое нравственное достоинство древняго Рима опредѣляется повѣстями о Лукреціи и объ Виргиніи. Какъ онъ много выше Эллады въ семейномъ бытѣ и какъ много разуміе въ условно-государственномъ! Зато какъ ничтоженъ онъ въ смыслѣ искусства! Точно также мало поэзіи окружаетъ колыбель Рима, какъ мало поэтического стремленія видно въ его послѣдовавшемъ развитіи. Все исчезаетъ въ строгости жизни положительной. Отъ того-то и нельзя признать истинно-критическаго взгляда у новѣйшихъ историковъ, отвергающихъ всю исторію царей. Въ ней очевидно болѣе истины, чѣмъ лжи; въ ней только сбивчивость словеснаго преданія, а не вымыселъ сказки. Были правда и письменные памятники, но мало, а пользы отъ нихъ еще меньше; ибо языкъ царскаго времени былъ совершенно непонятенъ Римлянину позднѣйшихъ вѣковъ. Этимъ отличается Римъ отъ всѣхъ древнихъ государствъ и въ этомъ высказывается характеръ Латинскаго нарѣчія, какъ языка грубой смѣси (*lingua franca*) почти безъ органическаго развитія, въ родѣ Англійскаго или Французскаго. Остатки живаго организма въ немъ принадлежатъ эпохѣ до-Римской.

Въ освобожденіи отъ прежней формы правленія выразилась самоувѣренность государства, знающаго свои внутреннія силы и возможность отвѣта на всѣ будущія требованія жизни: но это освобожденіе не было разрывомъ съ Римскою стариною, и заключало въ себѣ возвратъ къ его первоначальнымъ формамъ, сохранившимся въ преданіяхъ о двухъ единовременныхъ царяхъ. Два сановника, представители прежней царской власти, нѣсколько ограниченной въ отношеніи правъ и времени

властвованія, стали въ главѣ общаго дѣла (республики). Таково начало преторства, потомъ консульства. Въ немъ отразилась первобытная двойственность (Рамновъ и Тиціевъ, или Альбанцевъ и Сабинцевъ) и выразилось низшее значеніе третьяго триба, не основаннаго ни на религіозномъ, ни на племенномъ началѣ. Общія силы Рима изгнали Тарквинія. Въ дѣлѣ освобожденія участвовали и патриціанскіе роды и плебейскія имена (напр. самый Брутъ) и средніе между ими конники. Но плебеи, разоренные и уничтоженные гнетомъ Этрусскаго ига, не могли воспользоваться новою свободою. Охрана ихъ вольности по уставу Сервія была въ ихъ богатствѣ, а они были нищими. Патриціи пожали плодъ общаго подвига и обратили плебеевъ въ своихъ рабовъ.

По многимъ даннымъ можно предполагать, что первые годы по Тарквиніи были для народа нѣсколько легче и что иго патриціанское не вдругъ налегло на него всею своею тяжестью. Во всякомъ случаѣ этихъ годовъ было немного и минутная свобода объясняется отчасти участіемъ плебеевъ въ изгнаніи царя, отчасти тѣмъ, что патриціи не вдругъ могли воспользоваться ихъ нищетою и связать ихъ цѣпями законовъ о долгахъ.

Съ Тарквиніемъ были изгнаны и Этруски, его сподвижники, и Этрусская государственная стихія: государство заключилось опять въ однихъ патриціанскихъ родахъ и примкнуло тѣснѣе къ Латинскому союзу.

Первый годъ свободы Римской обозначенъ торговымъ договоромъ съ Карагеномъ, гдѣ Римъ договаривается за весь Лациумъ. Изгнаніе приверженцевъ Тарквиніевыхъ ослабило мало-по-малу плебейскую общину: эти изгнанники по большей части были или сами плебеи или патриціи, чуждые патриціанскому характеру. Больше же всего ослабилъ плебеевъ разрывъ съ Этруріею и слѣдовательно уничтоженіе торговой промышленности.

Но Римская старина погибла безвозвратно: ибо погибло ея разумное начало, духовный характеръ, нѣкогда приданный всей

общинѣ философскою образованностью и символическою религіею Сабинцевъ. Древнѣе Сабинскихъ были въ Римѣ боги Альбанскіе; благороднѣе Тиціевъ—Рамны, которые носили имя самаго города и Тиціевъ приняли въ братство, какъ меньшихъ братьевъ; выше въ чинѣ богослуженія былъ *Марсъ* Альбанскій, чѣмъ *Квирина* Сабинскій: но смыслъ религіозной общины былъ весь въ племени Тиціевъ и олицетворенъ преданіемъ въ Сабинцахъ Кумѣ и Авкѣ, а не въ Альбанцахъ Ромулѣ и Гостилии. Кроткія и неопредѣленные божества Альбы доволествовались почетными храмами и обрядами, уступивъ богамъ Сабинскимъ право опредѣлять все отвлеченное значеніе произвольной и иносказательной мифологіи. Рамны, духовно обогащенные Тиціями, приняли отъ нихъ жреческій характеръ и философское умствованіе въ дѣлѣ вѣрованія. Такимъ образомъ, въ самую раннюю эпоху исказились или утратились всѣ преданія и приготовилась позднѣйшая шаткость религіи, заключенной дѣйствительно въ самодовольствѣ добродѣтели и въ безграничной любви къ государству. Съ увеличеніемъ города, съ распространеніемъ убѣжища, съ торжествомъ Рима надъ сосѣдями, съ составленіемъ новыхъ патриціанскихъ родовъ (триба Луцеровъ и младшихъ родовъ), болѣе всего съ привятіемъ стихій Эллинскихъ и Этрусскихъ, разомъ разрушилась вся внутренняя святѣня религіи умствующей и произвольной, не основанной на неизмѣнномъ преданіи и слѣдовательно, доступной ко всякому искаженію. Толпы новыхъ боговъ, блескъ новыхъ обрядовъ, принесенныхъ плебеями, соблазнили патриціевъ. Когда же плебеи, не участвующие еще въ городскихъ правахъ, получили при Тарквиніи и Сервіи нѣкоторое значеніе государственное, явилась новая святѣня, чуждая древнему Риму. Боги Альбанскіе (которыхъ капища были, кажется, въ *Regia*) и боги Сабинскіе (которымъ поклонялись на *Квириналѣ*), боги, не знавшіе плебеевъ, стали уже на низшую степень и остались собственно городскими хранителями. Въ срединѣ самаго убѣжища, на дачахъ жреческаго сословія, выросли храмы боговъ Капитолійскихъ, боговъ всего государства, принимающихъ служеніе только отъ патриціевъ, но не отказывающихъ

въ покровительствѣ и плебеямъ. Передъ Юпитеромъ Капитолійскимъ отступили по преданію все боги, кромѣ *Терминуса* (граница) и *Ювентусъ* (молодость); наступило время полного синкретизма; брошены были зародыши будущихъ споровъ и окончательнаго уравниенія сословій.

Въ этомъ преданіи глубокомысленное провидѣнье древнихъ выразило всю позднѣйшую святыню Римской общины: границу—внѣшность государства, молодость,—торжество внѣшнихъ силъ человѣка. Внутренній міръ погибъ навсегда.

Тяжелы были для Рима первые годы новой жизни. Этрурия вооружилась противъ его самобытности и независимости; союзные города Лаціума отстранились отъ опасной борьбы изъ страха передъ силами Этрускскими, или изъ зависти къ гордо первенствовавшему городу Ромула; царь Клузіума, Порсенна, побѣдилъ Римлянъ и наложилъ на нихъ тяжелыя условія мира и покорности.

Борьба
съ Этру-
сками.

Гордость народная украсила войну съ Порсенною многими подвигами частной доблести; общей побѣды она выдумать не смѣла. Сказанія же достовѣрныя (у Тацита и Плинія) свидѣтельствуютъ о томъ, что Римъ сдался, выслалъ къ Порсеннѣ знаки царской власти, т. е. призналъ его владыкою, и отказался даже отъ права собственной защиты, сохранивъ желѣзо только для хлѣбопашества. Таковы точно были отношенія Израіля къ Филистимлянамъ до Саула: но добродушная лѣтопись Израіля признается въ рабствѣ, котораго Римляне признать не хотѣли. Тарквиній не былъ возвращенъ потому, что Порсеннѣ нужно было подданство Рима Этрурія, а не самобытное правленіе, и пріятнѣе было пріобрѣсти новый престоль, чѣмъ отдать его другому роду.

Третья Римской области была отторгнута, городъ разоренъ, свобода уничтожена; но не надолго. Неудачный походъ Порсенны противъ Ариціи и гибель его войска возвратили Риму независимость: тогда наступили новыя борьбы съ изгнаннымъ царемъ и съ его союзниками въ Лаціумѣ.

Этотъ союзъ объясняется отношеніями религіозными. Царь былъ главой жрецовъ и тотъ, кто нѣсколько лѣтъ сряду приносилъ жертвы и моленія за Латинцевъ на Альбанской горѣ, не могъ оставаться безпомощнымъ изгнанникомъ.

Побѣда при озерѣ Регильскомъ рѣшила многолѣтнюю брань. Въ жестокой битвѣ палъ весь родъ Тарквиніевъ и его приверженцы: самъ Тарквиній, престарѣлый и раненный, бѣжалъ въ Эллинскій городъ *Кумэ*, подтверждая такимъ образомъ преданіе о своемъ Эллинскомъ происхожденіи: но пали и герои Римскихъ народныхъ сказаній. Побѣда дорого купленная упрочила новопріобрѣтенную свободу и дала Риму равенство, но уже не прежнее первенство въ союзѣ съ Лаціумомъ.

Торговля Римская погибла на долго. Моря были заперты разрывомъ съ Этруріей; область была стѣснена; Лаціумъ, хотя и примиренный, не представлялъ надежной дружбы. Наступило время постоянныхъ раздоровъ и постоянной войны. Бѣдствія государства падали съ особенною тяжестью на плебеевъ; ибо они, а не патриціи, занимались ремеслами и купеческими оборотами, владѣя, какъ извѣстно, весьма малымъ количествомъ земли, данной имъ въ пользованіе, а не въ собственность, и обложенной значительною податью. Таковы были необходимыя послѣдствія ихъ отношеній къ государству, считавшему ихъ за пришлыхъ и почти наемныхъ слугъ, а не за сыновъ своихъ. Пострадали и патриціи, но въ меньшей степени, и пользуясь нищетою плебеевъ, обремененныхъ долгами и почти закабаленныхъ влѣдствіе строгихъ законовъ о должникахъ, мало помалу отняли у вольной общины, поселенной въ убѣжищѣ, всѣ льготы, всѣ охраны и всѣхъ сановниковъ, установленныхъ во времена царей для ея управленія. Правители Рима поняли свое положеніе.

Это сознаніе было впрочемъ въ нихъ, какъ во всѣхъ историческихъ дѣйствителяхъ, не дѣломъ размышленій и соображеній, но внутренней жизненной силы, стремящейся къ своему истинному развитію и къ своей естественной цѣли, какая бы она ни была.

Городъ, основанный дружиною, окрѣпшій отъ случайной примѣси вслѣдствіе борьбы и договоровъ, лишившійся въ случайностяхъ своей бурной судьбы религіознаго духа, временно даваго ему внутреннее мирное значеніе, могъ жить только условною и внѣшнею жизнію, не находя въ себѣ самомъ никакой достаточной цѣли для бытія.

Таковъ общій характеръ дружинныхъ общинъ: но онъ былъ особенно явенъ въ Римѣ. Въ Элладѣ успокоивался отчасти человѣкъ въ служеніи своему собственному идеалу или художеству; въ другихъ земляхъ—въ религіи и т. д. Римъ не имѣлъ ничего; ибо самая семья при всей своей логической строгости была обращена въ государственное учрежденіе и приняла характеръ внѣшности, охраняющей чистоту правовъ, но не удовлетворяющей требованіямъ человѣческой души.

Торговля была уничтожена и воскресить ее не было возможности. Оставалось поприще войны и завоеваній; но войны разумной, расширяющей шагъ за шагомъ предѣлы республики, завоеваній расчетливыхъ, предпринятыхъ не для пустой славы, но для приобрѣтенія полезныхъ владѣній и вещественныхъ силъ. Это поприще было для потомковъ Альбанскихъ удалцовъ и горныхъ Сабинцевъ болѣе по душѣ, чѣмъ торговля и можетъ быть художества, случайно процвѣтшія при полу-Этрусскихъ царяхъ. Патриціи твердо пошли по новому поприщу и съ такимъ успѣхомъ, что послѣдовавшіе вѣка утратили память о прежнемъ направленіи Рима, о прежней торговлѣ, мореплаваніи и мирной жизни. Новый приливъ Сабинцевъ (родъ Клавдіевъ), состоящій изъ трехъ тысячъ человѣкъ, радушно принятый или приглашенный Римскими правителями, увеличилъ ихъ силу для внутренней борьбы съ плебеями.

Нѣтъ сомнѣнія, что не одни Клавдіи, но многіе другіе точно также и въ то же время (т. е. вскорѣ послѣ изгнанія царей) вошли въ ряды аристократіи и пополнили обезсиленные трибы: преданіе сохранило только имя Клавдіевъ по ихъ историческому значенію. Патриціи охотнѣе принимали къ себѣ иноплеменниковъ единокровныхъ съ ними

и готовыхъ съ ними стать за одно, чѣмъ плебеевъ, которыхъ сочувствіе съ другими плебеями мало-по-малу должно было вести къ смѣшенію сословій. Замѣчательно, что приливъ Сабинскій (Клавдія) отличался особенною гордостью и ненавистью къ народу: явное доказательство того, что характеръ патриціата былъ собственно Сабинскій (отъ Тиціевъ), а не Латинскій (отъ Рамновъ). Въ немъ духовная гордость служила началомъ и опорой гордости родовой. Впрочемъ можно предполагать съ вѣроятностью, что не въ одномъ Римѣ утвердился Сабинская стихія, но что она уже давно проникла во все города Латіума и вездѣ или основала или укрѣпила аристократію.

Борьба плебеевъ съ патриціями. Ея результаты. При царяхъ, особенно со временъ Тарквинія Древняго, государство получило значеніе отвлеченное, въ которомъ лица, племена и сословія подчинены были, какъ части, великой идеѣ цѣлаго, сначала духовнаго, потомъ гражданскаго. Послѣ изгнанія Тарквиніевъ явилось новое стремленіе, обратить государство въ собственность одного сословія. Преторъ Валерій (изъ племени Сабинскаго, т. е. изъ триба Тиціевъ), будучи по своему сану представитель царской власти и государственнаго единства, преклонилъ знаки своего временнаго достоинства передъ собраніемъ патриціевъ (*populus*) и призналъ въ немъ законныя права на безграничную власть. За этотъ подвигъ, за это явное признаніе, выражающее тайную мысль патриціата, получилъ Валерій прозвище Великаго, Народолюбца (*Maximus publicola*, ибо патриціи однихъ себя признавали за народъ), а родъ Валеріевъ получилъ такія отличія, какихъ ни одинъ изъ Римскихъ родовъ и ни одинъ изъ его героевъ. Вслѣдствіе такого начала плебеи должны были сдѣлаться илотами.

Но въ Римѣ еще жилъ духъ высокой и чистой нравственности: въ немъ не умерло и никогда не умерло чувство высшей правды, уважающей всякое право, даже чужое, даже случайно полученное; но съ другой стороны, Риму, по его дружинному и условному составу, была совершенно чужда внутренняя, человѣческая основа права, независимая отъ всякихъ случайностей жизни.

Право являлось Римлянину какъ собственность или лица, или сословія, или общины, собственность, могущая быть отчужденною и перейти въ другія руки, но не нарушаемою безъ воли владѣльца.

Поэтому для порабощенія плебеевъ не было и не могло быть употреблено насиліе. Они лишились своихъ правъ, своихъ законныхъ представителей, своей жизни самобытною, очевидно, съ собственнаго согласія, высказаннаго или безмолвнаго: и согласіе было добыто законнымъ порядкомъ, посредствомъ денежнаго превосходства патриціевъ и нищеты плебеевъ.

Оттого хотя саювники—хранители общины плебейской и существовали издревле, но плебеи не просили объ ихъ возстановленіи, какъ о возстановленіи, что было бы непременно въ случаѣ насилія, но какъ объ учрежденіи новомъ: какъ и должно быть послѣ согласія, уничтожившаго прежнія права.

Наконецъ преисполнилась мѣра угнетенія аристократическаго и терпѣнія народнаго. Плебеи, выпускаемые на драку съ сосѣдями и снова послѣ войны сажаемые въ темницу за долги, отказались отъ этого житія цѣпныхъ собакъ. Притязаній на правленіе городомъ и государствомъ они не объявляли, (ибо городъ и государство были собственностію патриція, давашаго убѣжище плебею); но объявили невозможность жить на землѣ Римской при нестерпимыхъ условіяхъ, вымученныхъ отъ ихъ нищеты или выхитренныхъ отъ ихъ простодушія, и удалились вооруженные и готовые къ бою на холмъ, лежащій внѣ околицы патриціанскихъ жилищъ. Войны они не начинали и не грозили войной, но готовились къ удаленію. Горько было корыстолюбивымъ патриціямъ отказаться отъ взысканія долговъ; еще больнѣе было гордости патриціанской сдѣлать уступки въ правахъ политическихъ.

Обида рождаетъ жажду обиды, угнетеніе жажду угнетенія. Таковъ высокій законъ самосозиданія въ зло или добро. Преступникъ наказыв-

вается внутреннимъ развитіемъ начала, стремящаго его къ преступленію. Эта же казнь падаетъ на неправо завоевывающіе народы и на соловія, забывающія братство человѣческое.

Нѣсколько времени колебались *куруи* (собраніе патриціевъ) и Сенатъ. Многіе предлагали совершенный разрывъ съ плебеями, распространеніе гражданства на Римскія колоніи и полное городское братство съ Латинцами (*исополитію*): но страхъ и необходимость превозмогли. Долги были прощены; утверждены права плебейскихъ собраній для узаконеній по плебейской общинѣ и, что всего важнѣе, учреждена должность трибуновъ, неприкосновенныхъ хранителей вольности общинной и личныхъ правъ каждаго плебея.

Явное доказательство, что и лебей считались не горожанами, поселянами и пахарями, находится въ томъ, что домъ посягнувшаго на жизнь трибуна отдавался сначала въ святию *Церерь*. Слѣдовательно Церера считалась по преимуществу покровительницею *плебса*. Самъ убійца считался внѣ закона.

Такимъ образомъ началась вѣровая борьба двухъ сословій: но патриціи показали свою слабость и зависимость; плебеи узнали свою силу и возможность устранить противниковъ простымъ удаленіемъ изъ города. Побѣда была несомнѣнна. Шагъ за шагомъ подвигалось низшее сословіе къ уравненію съ высшимъ: шагъ за шагомъ уступало высшее; но чувство закона и глубокое сознаніе пользы государственной были такъ сильны, что ни радость плебеевъ при каждой побѣдѣ, ни ропотъ патриціевъ при каждой уступкѣ не доводили ихъ до междуособицъ.

Истинно великое зрѣлище: двухсотлѣтнее вѣче, въ которомъ смѣнялись спорящія поколѣнія и въ которомъ практическій разумъ, укрощая волненіе страстей, созидалъ громаду стройныхъ силъ, которой не было и не будетъ подобной.

Въ 471-мъ году до Р. Х. трибуны Публилій Волеронъ и Леторій приобрѣтають для плебейскихъ трибовъ, т. е. безъ примѣси патриціевъ и кліентовъ (не такъ какъ въ центуріяхъ) право полагать опредѣленія о государственныхъ дѣлахъ (плебисциты); въ 366-мъ упорство трибуновъ Лицінія Столона и Секстія доставляютъ плебеямъ право на высочайшую должность государственную, на консульство; наконецъ въ 337-мъ диктаторъ Публилій Филонъ даетъ рѣшеніямъ народа силу обязательную и законную независимо отъ согласія курій патриціанскихъ. Древняя форма узаконеній сохранилась: онѣ продолжали издаваться отъ Сената и народа; но смыслъ ея измѣнился вполнѣ. Въ древности *народъ* (*populus*) значилъ полное собраніе патриціевъ, которыхъ избранники и старшины составляли Сенатъ. Согласіе Сената и Собранія утверждало законъ. Когда плебеи получили право на положеніе опредѣленій по дѣламъ государственнымъ, собраніе ихъ вступило въ тѣ же отношенія къ Сенату, въ которыхъ издревле находились куріи; когда наконецъ согласіе курій сдѣлалось бесполезнымъ; когда бытъ патриціанскій утратилъ свою исключительность и свои опредѣленные границы, собраніе курій вышло изъ употребленія и одни плебеи въ своихъ трибахъ или плебеи вообще съ патриціями въ собраніяхъ центуріальныхъ остались при Сенатѣ единою законодательною властью и получили имя народа.

Значеніе слова *populus*, какъ патриціанскаго собранія, было уже такъ чуждо позднѣйшимъ Римлянамъ, что они нисколько не могли понять древняго государственнаго механизма. Воскрешеніе его—заслуга новѣйшей и особенно германской критики.

Преимущества патриціевъ какъ гражданъ исчезли: въ то же время должны были исчезнуть преимущества религіозныя, нелѣпыя со временъ Капитолійскихъ боговъ и полнаго синкретизма челоуѣкообразныхъ религій. Въ половинѣ V-го вѣка дозволены были браки между двумя сословіями, и слѣдовательно, полное единство обрядовъ; въ концѣ IV-го по закону Огульнѣву плебеи получили право на священнодѣйство, жречество и Ла-

тино-Сабинское гаданіе (*австипци*). Вскорѣ послѣ того исчезли патриціи и плебеи, слившись въ одинъ великій, властительный народъ

Таковъ былъ конецъ долгой борьбы. Торжество патриціевъ и плотство плебеевъ уничтожили бы всю внутреннюю силу Рима, умертвивъ духовно большую половину его жителей: торжество плебеевъ покорило ему міръ; самая же продолжительность борьбы, постоянно заключенной въ предѣлахъ законности, развила тѣ начала гражданскаго права, которыя лежали уже въ основаніи государства. Первое населеніе Рима было дружинное, но не завоевательное: поэтому оно могло и должно было допустить развитіе права семейнаго и родоваго.

Чего не могли допустить общины Греческія, завоевательныя, за исключеніемъ Аѳинъ.

Принявъ въ себя стихію жреческаго правленія при религіи полуфилософской и отвлеченно нравственной, оно должно было подчиниться закону правды внѣшней (ибо не доставало внутреннихъ основъ) и преобладающую государственную надъ всѣми другими стремленіями человѣка (ибо самое основаніе города было ничто иное, какъ стремленіе къ устройенію произвольной, а не естественной или родовой общины). Споръ общины патриціанской съ общиною плебейскою и ихъ постоянное условное примиреніе не измѣнили перваго изъ всѣхъ патриціанскихъ законовъ: (*Salus Reipublicae prima lex esto*), но сдѣлали его закономъ общимъ для обоихъ сословій, стремящихся волею или неволею къ полному и окончательному сліянію. Между тѣмъ этотъ споръ двухъ общинъ, основанныхъ на различныхъ началахъ, требовалъ необходимо постояннаго опредѣленія границъ не только права и обязанностей каждой общины, но также правъ и обязанностей каждаго лица.

Ибо то, что было ясно и обычно въ одномъ сословіи, должно было получить законную опредѣленность для другаго; что доказывается очень ясно учрежденіемъ децемвировъ и обнародованіемъ свода законовъ по требованію плебеевъ.

Изъ этой необходимости возникали и крѣпли личная свобода законная и одностороннее напряженіе ума, которое обращало каждого Римлянина въ законодателя и законовѣдца, убивая въ тоже время въ душѣ его всѣ стремленія свободы духовной, всѣ высокія желанія мысли и всю существенность внутренней жизни. Такое развитіе личной свободы семейственности, хотя уже искаженной, чувства виѣшней правды и обоготворенія самого Государства, котораго польза была высшимъ изъ всѣхъ законовъ, дало Риму силу неборимую, неутомимое постоянство, гордое сознаніе своего превосходства передъ всѣми другими, менѣе стройными обществами и несомнѣнную побѣду во всѣхъ борьбахъ съ иными племенами и державами: но односторонность развитія чисто виѣшняго готовила Риму гибель въ самомъ его торжествѣ, отнявъ всѣ духовныя основы нравственности, замѣнивъ всѣ начала естественныя начала условными и произвольными и уничтоживъ возможность жизни религіозной и мирной.

Высокое достоинство человека рождаетъ безмолвно на произвольность условій, которымъ онъ подчиняется для достиженія вещественной цѣли. Есть уже тайное возмущеніе въ его покорности, есть тайный развратъ въ его видимо-нравственной жизни. Римъ, еще суровый и чистый, во время своихъ великихъ мужей, Катонъ, Циціонъ и Фабіевъ, уже былъ глубоко испорченъ и развращенъ. Миръ, заключенный съ нимъ, былъ опаснѣе войны; ибо всѣ условія обращались мало-помалу къ гибели доверчиваго соперника хитрымъ крючкотворствомъ государства—законовѣдца, всегда вѣрнаго слову договора и никогда не уважающаго его духа. И въ новыя времена, новая колоссальная держава, охватившая всю землю силою своего практическаго ума, представляетъ то же гражданское величіе, то же сочетаніе свободы и законности и тотъ же безчеловѣчный развратъ въ своихъ сношеніяхъ съ иными народами. Къ счастью есть въ ней другія высшія начала, еще не сознанныя ею, но могущія спасти ее, если она къ нимъ возвратится и взглянетъ въ истинное святѣище своего духа.

Внутреннее развитіе происходило подъ шумомъ безпрестанной бури виѣшней. Почти ни на одинъ мигъ не прекращалась

Война
Рима съ
сосѣдними
племенами
Лациума.

война съ сосѣдями, обыкновенно кончающаяся торжествомъ Рима и всегда освобождающая его внутренность отъ излишка страстной дѣятельности и отъ враждебныхъ столкновѣній, которыя слишкомъ легко могли бы перейти въ кровавыя междоусобицы. Но и Риму не разъ угрожала гибель. Первая война его послѣ изгнанія царей лишила его не только цѣлой трети области, но даже и политической свободы. Послѣ паденія Порсенны и смерти Тарквинія, Римъ, опираясь на союзъ съ Латинцами и Герниками, снова стала распространять свои владѣнія: но вскорѣ встрѣтилъ опасныхъ противниковъ въ воинственныхъ племенахъ *Эквовъ* и *Вольсковъ*.

Эти два народа очевидно принадлежали къ обще-Италійскому корню, хотя многія свидѣтельства древнихъ писателей заставляютъ предполагать въ *Вольскахъ* и *Волькахъ* примѣсь Западно-Иранскаго племени послѣдняго переселенія, т. е. или Германцевъ, или Кельтовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одно сходство въ имени Вольковъ Италійскихъ съ съ Вольками Галльскими (Беолгами), было бы недостаточнымъ для догадки объ ихъ одноплеменности: но эта догадка подтверждается отчасти именами Киммерія и Киммерійцевъ, въ южной Италіи, *Умбровъ*, которыхъ Геродотъ знаетъ на сѣверномъ скатѣ Паннонскихъ горъ, и которые напоминаютъ *Обровъ* или Амбровъ, и *Тусковъ* въ сѣверной Италіи, напоминающихъ корень *тут* или *тіут* (человѣкъ), принадлежащій многимъ Кельтскимъ нарѣчіямъ. Весьма вѣроятно раннее движеніе небольшихъ общинъ Кельто-Кумрійскимъ, отдѣлившись отъ главнаго потока и прорвавшись черезъ широкое расселеніе Славянъ въ страну Италійскую, гдѣ онѣ смѣшались съ старожилами (Осками, Сабинами или даже Целазгами) и сдѣлались властителями жителей сѣверной Италіи, — Славянскихъ Разенъ или Регійцевъ.

Часть Лаціума покорилась новымъ завоевателямъ; Римъ снова утратилъ часть своихъ владѣній и преклонилъ колѣна передъ побѣдителями (въ сказаніи о Коріоланѣ); самая святыня Капитолія была нѣсколько времени въ рукахъ врага, бѣлаго Римлянина (Гердонія). Была година тяжелаго испытанія и униженія. Мудрость народа, искушеннаго въ трудѣ

государственномъ, обратила бѣдствія въ начало будущихъ побѣдъ. Вольски, отдѣлившись отъ Эквовъ, вступили въ союзъ съ Римомъ и городъ Ромула оперся на трехъ союзниковъ (Лаціумъ, Герники, Вольски), готовый пользоваться ихъ помощію и дѣлить съ каждымъ новыя пріобрѣтенія, но готовый также при случаѣ напасть на каждого отдѣльно съ полною увѣренностью въ успѣхъ. Послѣ отдѣленія Вольсковъ, Эквы были усмирены и ослаблены навсегда. Римъ обратилъ оружіе на сѣверный берегъ Тибра, противъ прежнихъ своихъ побѣдителей, Этрусковъ. Упорная борьба началась съ ближайшимъ изъ Этрускскихъ городовъ, *Veii*. Богаче, многочисленнѣе Рима былъ его сѣверный противникъ, почти также силенъ въ искусствѣ военномъ, почти также хитеръ въ государственномъ: но силы Этрурціи были отвлечены другой, грознѣйшею войною (противъ Галловъ); но въ Римѣ были граждане свободные; въ Веіяхъ властители и цлоты. Много лѣтъ длилась война, много разъ бѣжали войска Римскія до самыхъ стѣнъ роднаго города. Торжество осталось мудрости и свободѣ. Имя Камилла побѣдителя окружено было въ преданіи вѣнцемъ поэзіи, рѣдкимъ въ сухой лѣтописи Рима. Покоренная область удвоила силы завоевателей; но гордое упоеніе побѣды привело побѣдителя на край гибели.

Угроза плебеевъ переселиться изъ Рима въ Веію показываетъ, какъ долго и свято признавалось полное право патриціевъ на городъ Ромула и Тація.

Въ VII-мъ вѣкѣ Средне-Азійскіе Скиѣны (мнимые Скиѣны) изгнали Кельто-Кимвровъ изъ При-волжской области. Давно уже, по всей вѣроятности, длился споръ между Западно-Иранскими дикарями и мало-по-малу надвигавшимися на нихъ Фипно-Турками. Новый, сильнѣйшій напоръ рѣшилъ на нѣсколько вѣковъ судьбу При-волжіи. Побѣжденные Кельты бѣжали, кто въ Малую Азію, гдѣ они впоследствии погибли подъ ударами Лидійцевъ, кто въ гористый полуостровъ Тавриды, кто въ близлежащія области Вендо-Славянскія, между Днѣпромъ и

Движеніе
Кельтовъ
на западъ.
Вторженіе
въ
Италію.

Карпатами, гдѣ они погибли или исчезли, смѣшавшись съ старожилами. Сильнѣйшее ополченіе избрало другой безопаснѣйшій путь. Этотъ путь, пройденный ихъ предками (Кельтами) въ давнія времена, можетъ быть извѣстный еще по преданіямъ и обозначенный осадками Кельтскаго потока (ибо таковы, вѣроятно, многія Кельтскія поселенія въ землѣ Ляховъ-Славянъ), охватывалъ съ сѣвера сильно населенную систему водъ Дунайскихъ и прекрасную бласть При-карпатскую, охватывалъ съ юга сильно населенные и торговые берега Вендскаго Блата (Балтики), слѣдовательно разрѣзывалъ цѣпь Славянскихъ общинъ въ ея слабѣйшей части и велъ въ пустынную страну, слабо заселенную малочисленными общинами воинственныхъ Германцевъ.

Причина, почему сильнѣйшіе Венды уступили довольно легко немногочисленнымъ Германцамъ почти всю страну между Эльбою, Карпатами, Рейномъ и системою водъ верхняго Дуная довольно ясна. Напоръ воинственной дружины Западно-Франской (Германцевъ) былъ по всемъ вѣроятностямъ сначала весьма силенъ; а средняя Германія, страна удаленная отъ моря, сама по себѣ довольно бѣдная и отрѣзанная неприступными Альпами отъ лучшихъ Славянскихъ областей на югѣ, не представляла для мирнаго торговца Венда достаточной приманки къ упорной защитѣ. Торговый путь отъ Балтики въ Иллирію оставался неприкосновеннымъ.

Бурнымъ потокомъ прорвались Кельто-Кумрійцы черезъ дикую Германію, отбросили вѣроятно далѣе на сѣверъ, къ самому приморью, остатки Славянскихъ общинъ, уцѣлѣвшихъ отъ перваго Кельтскаго нашествія (Мориновъ, Мессапіевъ и др.) и переправившись черезъ быстрыя воды Рейна, вступили въ землю уже занятую ихъ братьями, Кельто-Галлами. Сходство языка, вѣры и обрядовъ скоро показали старожиламъ братство ихъ съ пришельцами. Враждебная встрѣча кончилась союзомъ. Новые переселенцы заняли берегъ Рейна и часть сѣверной Галліи подъ именемъ Бельговъ (*Белмы*, кажется *святой народъ*). Много прибыло Кельтамъ храбрыхъ воиновъ, много сп-

лы вещественной, еще болѣе воинственной предприимчивости отъ дружины, закаленной въ бояхъ съ Средне-Азійцами на широкой Волгѣ, съ Азами-Аланами на крутомъ Кавказѣ, и съ Славянскими Бактро-Гетами на востокъ за Ураломъ и съ Вендами-Славянами на западѣ по берегамъ Дона и Днѣпра. Тѣсна стала старая область для усиленнаго племени и южная страна манила къ завоеваніямъ.

Таковъ смыслъ преданія о первомъ выселеніи Галловъ изъ своей родины, переполненной жителями, во времена Тарквинія древняго, т. е. съ небольшимъ полвѣка послѣ бѣгства Киммеріевъ съ При-волжя. Напрасно критики въ немъ сомнѣваются. Это преданіе, также какъ и преданіе объ обще-Галльскомъ союзѣ и о первенствѣ народа *Битуріговъ* и царя ихъ *Амбигата*, шло очевидно отъ самихъ Галловъ и заслуживаетъ полную вѣру: но въ сказаніи смѣшаны эпохи перваго движенія завоевательнаго на югъ и полной силы народной, которая выразилась не только завоеваніемъ сѣверной Италіи и странъ При-альпійскихъ, но еще и переселеніемъ въ Германію.

Всею южною Галліею владѣли Восточно-Иранскія (Вендо-Славянскія) племена, т. е. Венеты и Лигурцы, кромѣ ея юго-западной оконечности и При-пиренейскихъ странъ, занятыхъ выходцами съ юга, Иберцами. Впрочемъ и тѣ отступали мало-по-малу передъ превосходствомъ своихъ сосѣдей и по неволѣ возвращали имъ земли, захваченныя въ первомъ нашествіи. Усилившіеся Галлы устремились на Вендовъ (Венетовъ) и Лигурцевъ. Въ скоромъ времени они оттѣснили ихъ къ поморью и горамъ, и для лучшаго упѣха вступили въ дружескій союзъ съ новою Фокейскою колоніею, *Массиліею*, которую неохотно принимали къ себѣ торговые Венды.

Таковъ смыслъ сказанія о покровительствѣ, оказанномъ Галлами Массилійскимъ Грекамъ.

Вскорѣ и Иберцы были откинута за Пиренейскую цѣпь кромѣ немногихъ поколѣній, уцѣлѣвшихъ въ горныхъ ущелі-

яхъ. Первый порывъ Галловъ былъ такъ силенъ, что нѣсколько изъ ихъ дружинъ могли прорваться черезъ Лигурскія поселенія и Альпійскія горы и захватить часть сѣверной Италіи.

Этимъ дружинамъ приписываютъ строеніе *Медиолана*: но не совсѣмъ вѣроятно. Галлы сѣверные не были градостроителями. Кесарь не знаетъ городовъ ни у нихъ, ни у братьи ихъ, Британцевъ. Они, какъ и Германцы и въ послѣдствіи Турки, занимали чужіе города, не скоро привыкали къ порядку городского жительства и всегда сохраняли къ нему презрѣніе. Оттого-то настоящіе города находились всѣ въ южной, Вендо-Лигурской Галліи. По уничтоженіи Галлами окрестныхъ городовъ, уцѣлѣвшій Медиоланъ получилъ бѣольшую важность и имя историческое: вотъ вѣроятный смыслъ преданія.

Но не вдругъ и не совсѣмъ погибли старожилы. Спасенные своимъ мужествомъ, и болотистымъ краемъ на берегахъ Океана, или горами въ системѣ водъ Гиронны (Горунья), Венеты западные сохранили свою независимость и вошли сперва въ торговыя сношенія, потомъ въ союзъ съ своими утѣснителями.

Должно замѣтить, что Венды западные, хотя и принадлежали къ общему Вендскому корню, не представляютъ многихъ особенностей славянскаго племени и его мифологіи. Причина тому очень проста. Расселеніе Вано-Бактрійцевъ въ Европѣ принадлежитъ древнѣйшей эпохѣ человѣческой исторіи, прелшествуя далеко, какъ мы видѣли, расселенію западныхъ Ирапцевъ (Кельтовъ, Германцевъ и др.). Мифологія же Славяно-Бактрійская и ея сказочный, человѣкообразный характеръ развились отъ позднѣйшихъ сношеній съ Припидскими Кушитами и не могли уже охватить всей области, заселенной Вано-Бактрійцами. Оттого, не смотря на тождество Венетовъ западныхъ съ славянами, т. е. Венетами (или Венами) восточными, какъ по языку (что видно изъ названій рѣкъ, урочищъ и икопѣній, изъ имени *Беленъ* и проч.), такъ и по религіи (къ поклоненію *Бѣль-богу*), мы не находимъ слѣдовъ поклоненія *Пріѣ* и другихъ характерическихъ примѣтъ собственно славянскаго братства.

Долго длилась отчаянная борьба и на югѣ. Геродотъ еще не знаетъ Кельтовъ на берегахъ Средиземнаго моря. Скоро побѣжденные и отодвинутые изъ средней Галліи, не скоро еще погибли Лигурцы. Имя ихъ исчезло, поколѣнія покорились или выселились только послѣ двухвѣковаго сопротивленія. Тогда наконецъ, переполненная силы и освобожденная отъ внутреннихъ враговъ, Галлія бросила свои воинственные дружины въ Италію.

По всей вѣроятности завоеваніе нѣкоторыхъ частей Германіи, и особенно областей словянскихъ, Чехіи и сѣверной окраины Винделикіи, предшествовало завоеваніямъ въ Италіи. Безъ сомнѣнія войны съ Иберцами въ Пиренейскомъ полуостровѣ, покореніе нѣсколькихъ округовъ и смѣшеніе двухъ племенъ (*Кельтиберцы*) произошли еще ранѣе и скоро послѣ переселенія Беолговъ: но движеніе Галловъ въ Иберію не было дѣломъ многочисленной дружины или цѣлаго племени, а постепеннымъ выселеніемъ мелкихъ дружинъ, встрѣтившихъ мало сопротивленія въ народахъ, не составлявшихъ крѣпкаго союза. Отъ того-то и исторія и преданія молчатъ объ эпохѣ этого движенія. Иберцы сожмулись во что-то похожее на союзъ только подъ влияніемъ Картагена.

Дружины Галльскія, занявъ всю страну до самыхъ Альпійскихъ скатовъ и проникнувъ въ долины между Альпами и Юрою, между Роною и Рейномъ, гдѣ они поселились подъ именемъ *Гаэльватовъ*, двинулись сильными массами черезъ горную преграду на югъ. Въ концѣ V-го и въ началѣ IV-го вѣка до Р. Х. заняли они всю сѣверную Италію, отодвинувъ Лигурцевъ въ горныя долины, откинувъ часть Разенъ къ сѣверу въ Альпы, гдѣ они снова слились съ своими кровными братьями Ретійцами и Винделиками, и сокрушивъ, впрочемъ не безъ борьбы, силу Этруріи. Неудержимый потокъ подвигался все далѣе и далѣе къ своему родному востоку. Слабые Умбрійцы покорились; сильнѣйшіе Венеты При-адриатическіе отстаили свою независимость, также какъ Венеды Приоксанскіе: но Галлы, обогнувъ ихъ съ сѣвера, завладѣли по-

чти всею Паннонією, частію Иллиріи и Фракіи, въ началѣ III-го вѣка до Р. Х. опустошили Грецію до Пелопоннеса и наконецъ, переправившись черезъ Геллеспонтъ, поселились навсегда въ Малой Азіи, въ той самой странѣ, изъ которой ихъ единоплеменники *Кумри* были изгнаны съ небольшимъ за три столѣтія Лидійскими царями. Эта страна по новымъ жителямъ своимъ получила имя Галатіи.

Таково было завоевательное движеніе Галловъ во время ихъ кратковременнаго могущества. Ихъ побѣды, ихъ завоеванія и слава не оставили по себѣ замѣчательныхъ слѣдовъ. Въ Германіи они погибли отъ натиска усилившихся Германцевъ и потомъ отъ возстанія Славянъ, въ Италіи отъ Римлянъ, въ Панноніи и Иллиріи отъ Славянъ и Римлянъ; въ Малой Азіи отъ Римлянъ и новыхъ Восточныхъ завоевателей. Отодвинутые мало-по-малу отъ Адриатическихъ береговъ и Дуная къ сѣверу, въ область Прикарпатскую, они нѣсколько времени еще сохранили значеніе и отдѣльную жизнь, но и тутъ погибли подъ напоромъ племени Славянскаго. Отъ нихъ остались вездѣ только имена нѣкоторыхъ урочищъ или цѣлыхъ областей (какъ напр. Галичь Прикарпатская), нѣсколько словъ въ языкѣ (особенно въ сѣверной Италіи и можетъ быть въ Эпирѣ, если только критика не принимаетъ ошибочно слѣдовъ древне-Эпирскаго или Иберскаго нарѣчія за признаки Кельтскаго), и нѣсколько обычаевъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени.

Таковы напр., въ восточныхъ горахъ Венгріи и Седмиградскаго княжества, одежда простаго народа, напоминающая клѣтчатый тартанъ Шотландскій, и общая съ Шотландією страсть къ дикимъ звукамъ волюнки: но и тутъ можно усомниться, отъ кого именно эти обычаи ведутъ свое начало, отъ Кельтовъ ли древнихъ, или отъ ихъ Кавказскихъ братьевъ *Аваровъ*.

Уцѣлѣли отчасти Галлы или по крайней мѣрѣ остались важными дѣятелями въ исторіи и въ составленіи новыхъ народовъ только въ своихъ старыхъ жилищахъ, въ Галліи отъ

моря до моря и отъ Океана до Рейна, да въ Британніи и Эри-
нѣ, куда они проникли издревле, живя долго безъ примѣси
или слившись съ Иберцами. Такъ погибли Галлы; но первый
напоръ ихъ едва не погубилъ будущей всемірной державы.

Въ началѣ 4-го вѣка Этруски, тѣснимые Галлами Сеннон-
цами, просили помощи у Римлянъ, своихъ бывшихъ враговъ. Разореніе
Рима Гал-
лами. Вой-
ны и по-
кореніе
Италія .
Покоривъ своихъ опаснѣйшихъ соперниковъ—Велянъ, и упоен-
ный недавнимъ торжествомъ, удвоившимъ его силы, Римъ за-
былъ свою обычную мудрость: онъ принялъ Этрусковъ подъ
свое покровительство, и не только оскорбилъ гордость Гал-
ловъ надменною рѣчью, но въ лицѣ своихъ посланниковъ нару-
шилъ законы народнаго права, священныя даже для дика-
рей. Не надолго отстало наказаніе отъ преступленія. Сѣвер-
ныя дружины явились на берегахъ Тибра, однимъ ударомъ уни-
чтожили Римское войско, ворвались въ городъ безъ боя, раз-
грабили его и сожгли. Жители успѣли по большей части спа-
стись бѣгствомъ; другіе, кажется по преимуществу патриціи,
засѣли на укрѣпленной горѣ Капитолійской, уцѣлѣвшей сре-
ди всеобщей гибели. Слишкомъ шесть мѣсяцевъ пировали Гал-
лы на развалинахъ Рима разоряя всѣ окрестности своими от-
дѣльными отрядами, разрушая города, опустошая Лаціумъ и
область Вольсковъ и Эквовъ, грома даже отдаленный югъ Ита-
ліи, но упорно продолжая осаду Капитолія и мечь за оскор-
бленіе народнаго права. Болѣзни, вѣроятнo голодъ, собствен-
ное непостоянство и мужество Римлянъ одолѣли наконецъ
жажду мщенія въ дикаряхъ. Они взяли богатый выкупъ и
удалились.

Послѣ нихъ оставалось пепелище, нищета и болѣзни: но
оставались неопотрясенными государственное начало, уже со-
здавшее Римъ, крѣпость духа, испытаннаго бѣдствіями, и прак-
тическая мудрость, совершенствуемая каждымъ урокомъ; сверхъ
того, оставалась новопріобрѣтенная Вейская область, источ-
никъ временнаго ослѣпленія и гордости, но также источникъ
постоянной и истинной силы. Многіе сосѣди вооружились про-
тивъ Рима; но они сами были ослаблены Кельтскимъ наше-
ствиемъ и внутри себя не имѣли духа возсоздающаго. Част-

ныя и мелкія пораженія Римскихъ отрядовъ всегда заглаживались новыми побѣдами и всякая война кончалась вѣрно расчитаннымъ миромъ, упрочивающимъ могущество побѣдителей. Безпрерывный рядъ кровопролитныхъ битвъ противъ Сабинскихъ Самнитовъ, противъ Латинцевъ, требовавшихъ въ правленіи Римомъ равныхъ правъ съ Римлянами, снова противъ Самнитовъ, Этрусковъ и Галловъ, противъ южныхъ Эллинскихъ колоній и ихъ Эпирскаго союзника Пирра—покорилъ наконецъ Риму всю среднюю и южную Италію. Хитро разочтеныя условія союзовъ, вѣрно разочтеныя наказанія врагамъ и награжденія союзникамъ, сохраненіе у побѣжденныхъ народовъ всѣхъ правъ гражданскихъ съ убавленіемъ или уничтоженіемъ правъ политическихъ, особенно же запрещеніе семейныхъ и религіозныхъ связей между городами, отличавшимися особеннымъ упорствомъ вражды, таковы были средства, которыми Римъ укрощалъ слишкомъ опасныхъ непріятелей, пріобрѣталъ вѣрныхъ и всегда обманутыхъ друзей, упрочивалъ свои завоеванія и готовился къ своей міродержавной будущности.

Характеръ Кароагена. Борьба его съ Римомъ.

Ему предстояла борьба еще опаснѣе и важнѣе по своимъ послѣдствіямъ.

Кароагенъ, основанный въ IX-мъ вѣкѣ Финикійскими купцами на сѣверномъ берегу Африки, соединилъ въ одномъ средоточіи всю торговлю внутренней Африки, сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря, золотопромышленной Испаніи, дальней Британіи и Азіи. Такое счастливое положеніе должно было дать ему богатство и могущество. За всѣмъ тѣмъ въ значеніи религіозномъ и отчасти государственномъ онъ долго оставался въ зависимости отъ своей родоначальницы Финикіи.

Это весьма ясно изъ притязанія царей Персидскихъ на Кароагенъ послѣ покоренія Тира и Сидона.

Паденіе великихъ торговыхъ городовъ юго-западной Азіи дало еще большую силу и большую свободу ихъ Африканской колоніи.

Очевидно, что ея государственныя дѣйствія выказываются рѣзче и независимѣе вскорѣ послѣ завоеванія Финикіи, сперва Ассирію, потомъ Персію.

Торговые обороты Кареагена должны были пострадать отъ торжества Вавилона, перервавшаго караванные пути южной Азіи, и не могли вполнѣ возстановиться даже во время Персидскаго владычества, не смотря на соединеніе береговъ Инда и Средиземнаго моря подъ одною державою: но съ другой стороны всѣ выгоды этихъ оборотовъ, которыми колонисты до тѣхъ поръ дѣлились съ своею родиною, перешли почти единственно въ ихъ руки. Вѣроятно сама колонія усилилась новымъ переселеніемъ купцовъ изъ Финикіи, ищущихъ свободы отъ чуждаго ига, во всякомъ же случаѣ бѣльшая политическая независимость пробудила новую жизнь въ предприимчивости торговой, а вскорѣ и въ завоевательномъ властолюбіи.

Кареагенъ не содержалъ въ себѣ никакихъ новыхъ стихій, чуждыхъ Тиру или Сидону. Та же односторонность въ стремленіи къ богатству и къ торговлѣ, но, кажется, менѣе безотчетной смѣлости въ разгулѣ по грозѣ водъ океанскихъ, и безспорно, менѣе характера религіознаго, завѣщаннаго незапамятною древностію и религіозными распрями всей области Сирийской и Финикійской.

Таковъ всегда духъ колоній, основанныхъ съ видами купеческими. Односторонность первоначальной цѣли отражается на всей жизни новаго государства: мысленный кругъ стѣсняется и человекъ засыхаетъ въ своемъ несытомъ златолюбіи. Всѣ великія и глубокомысленныя преданія забываются; ученія теряютъ свой отвлеченный смыслъ, уже непостижимый для рабовъ корысти, духъ религіи исчезаетъ и отъ нея остаются только внѣшніе обряды, не имѣющіе или никакого значенія, или только значеніе торговыхъ сдѣлокъ человека съ невидимыми властями міра.

По своимъ вѣрованіямъ и всему своему развитію Финикія принадлежала вполнѣ системѣ Кушитской, не смотря па прирѣкъ Иранства, уже утратившаго весь свой первобытный ха-

рактерь (въ *Ваалъ* или *Бель* и др.). Многобожіе Финикіянъ не имѣло ничего общаго съ человѣкообразнымъ богопоклоненіемъ Грека или сказочнымъ вѣрованіемъ Восточно-Иранца, но выросло изъ философскаго символизма Африканской системы, олицетворившей необходимость въ органической полярности. Иранское божество, свободно-творящій духъ, не благоволящій къ павшему веществу, вошло въ эту систему мифологическую вмѣстѣ съ сѣвернымъ племенемъ, но уже не какъ свободное лице божественное, а какъ олицетвореніе полюса мужскаго, зиждущаго и въ то же время разрушающаго. Оно сохранило характеръ неблаговоленія къ міру, производимому имъ по неволѣ, и этотъ характеръ, доведенный во время борьбы религій до изступленной свирѣпости, выражался любовью къ разрушенію, къ жертвамъ человѣческимъ и къ воплямъ младенцевъ, сожигаемыхъ въ мѣдныхъ объятіяхъ Молохова кумира. Грубая любовь къ веществу, доведенная также до изступленнаго сладострастія, осталась на долю женскаго полюса, богини, принадлежащей вполнѣ племени южному. Такова была религія Финикіи, такова религія Карфагена.

Должно замѣтить, что иногда (вслѣдствіе древняго примиренія между враждовавшими племенами и вѣрами) происходилъ размѣнъ обрядовъ въ поклоненіи богу и богинѣ и тогда Молохъ-Иракль являлся женоподобнымъ и покровителемъ разврата, а Милитта-Кивела свирѣпою и ненавистницею вещественнаго міра: но такой размѣнъ былъ обыченъ на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ области Сирійской. Мы уже сказали, что Молохъ былъ въ своей первобытной сущности ничто иное какъ Богъ обще-Иранскій, тотъ самый, которому поклонялся домъ Израиля подъ именемъ *Элохимъ* или *Іегова́*; но мы должны также помнить, что въ безобразный синкретизмъ Финикіи, также какъ въ многостихійное ея населеніе, очень многія начала вошли въ довольно позднюю эпоху. Довольно любопытный примѣръ этихъ позднѣйшихъ примѣсей находится въ поклоненіи богу времени, *Израиллю*, и въ рассказѣ о принесеніи имъ въ жертву сына своего Іеуды. Такая странная примѣсь вѣрованія свидѣтельствуетъ о вліяніи Евреевъ и вѣроятно о вкрапленіи въ племя Финикійское отдѣльныхъ поколѣ-

ний Израильскихъ, забывшихъ единобожіе и возвысившихъ своего родоначальника до божественныхъ почестей по образцу другихъ народовъ. Мы видимъ нѣчто похожее на такое смѣшеніе въ Гормуздѣ Буддаистовъ, въ разказахъ о молодости Будды, взятыхъ изъ Рамааны и объ его дѣтствѣ, взятыхъ изъ христіанскаго сказанія о Симеонѣ. Одно только безумное ослѣпленіе страстныхъ системъ, забывающихъ про неизбѣжное обличеніе явной лжи, могло выдать Финикійскую сказку, засвидѣтельствованную весьма поздними писателями, за первообразъ стародавняго сказанія Еврейскаго объ Израилѣ, Авраамѣ и Исаакѣ. Господа книжники въ затѣливости своихъ труженническихъ восторговъ не видятъ даже, что самыя имена этихъ мнимо-Финикійскихъ боговъ точно также не клеятся къ истинно-Финикійской мифологій, какъ и разказъ о богѣ, приносящемъ въ жертву сына для прекращенія чумы, не клеится къ здравому смыслу. Перенесеніе повѣсти объ Исаакѣ на Іуду, безсвязность мифа въ Финикійской религій, отсутствіе всѣхъ прочихъ лицъ, сопровождающихъ лицо Іакова въ Еврейскомъ преданіи, отсутствіе родословнаго значенія, каждое обстоятельство порознь и всѣ вмѣстѣ представляютъ такое явное свидѣтельство о чужеземности Израиля и Іуды въ Финикійской сказкѣ, что трудно понять, какъ многоначитанные люди могли съ важностью утверждать противное и какъ земля ученая, стоящая въ челѣ Западнаго просвѣщенія, могла безъ смѣха встрѣтить ихъ дѣтскую догадку и мнимо-ученую смѣсь.

Развратъ и жестокость должны были являться съ тѣмъ же безстыдствомъ въ Африкѣ, какъ и въ юго-западной Азіи; ибо мысль была та же и не приняла никакихъ новыхъ стихій: но кажется Карфагенъ, глубже погруженный въ стремленіе къ пользѣ вещественной, менѣ отличался испорченностью нравовъ, предполагающихъ нѣсколько беззаботную и покойную жизнь, и болѣе ославился своею безпощадною кровожадностью, какъ въ политикѣ и въ судилищѣ, такъ и въ обрядахъ вѣры. Великій Дарій требовалъ отъ него, по праву владыки страны Финикійской, отмѣны человѣческихъ жертвоприношеній; но получилъ только временное удовлетвореніе. Римъ, завоеватель и государь полновластный, въ продолженіи болѣе трехъ вѣ-

ковъ не могъ уничтожить безчеловѣчное поклоненіе древнимъ богамъ Кароагена.

Такое упорство очень понятно. Въ системѣ Кушитской не было молитвы и быть не могло. Были одни заклинанія, вещественно покоряющія невидимый міръ, подчиненный такому же закону, — какъ и видимый, закону необходимости. Кровь была сильнѣйшимъ изъ всѣхъ заклинательныхъ средствъ. Слѣдовательно, чѣмъ безпокойнѣе и алчнѣе была дѣятельность человѣка, чѣмъ болѣе онъ требовалъ отъ жизни и судьбы, тѣмъ чаще онъ долженъ былъ прибѣгать къ заклинанію, тѣмъ болѣе проливать кровь. Къ тому же прибавить должно, что развитіе односторонности торговой изсушаетъ сердце и убиваетъ всякое сочувствіе къ людскимъ страданіямъ. Стоитъ только взглянуть на Голландца въ колоніяхъ и Сѣверо-Американца въ западныхъ областяхъ.

Скудость духовной жизни лишала великую Финикійскую колонію всѣхъ лучшихъ стремленій души, философіи, искусства, поэзіи, всей человѣческой славы мысли, всей внутренней святости государственной. Правленіе было республиканское безъ свободы и аристократическое безъ благородства, ибо очевидно вся власть была основана на богатствѣ.

Таковъ по крайней мѣрѣ Кароагенъ въ послѣднее время; о прежней его эпохѣ ничего опредѣлительнаго сказать нельзя, кромѣ того, что въ ней лежалъ зародышъ позднѣйшей.

Все государство представляло одну огромную торговую факторію, искусно дѣйствовавшую для чисто-внѣшнихъ и грубыхъ цѣлей. Жизнь гражданъ была дорога для немногочисленной колоніи: службу боевую несли наемники, продающіе кровь свою за золото. Самое завоевательное властолюбіе было подчинено торговому расчету, и Кароагенъ искалъ не пространныхъ владѣній, радующихъ народную гордость, не множество подвластныхъ народовъ, усиливающихъ государство своею вещественною силою, но вѣчно новыхъ сбытовъ для своего товара, вѣч-

но новыхъ и нестоимыхъ товаровъ для своего сбыта, новыхъ данниковъ и рудниковъ и новыхъ областей для торговой монополіи. Иго его было легко въ сравненіи съ Римскимъ и рѣдко возмущались противъ него покоренные народы; но оно было унижительно, основывалось на развратѣ и порождало развратъ.

Когда жизнь человѣческая мѣняется на золото, когда человѣкъ продаетъ себя на дѣло безстрастнаго убійства (какъ всѣ кондоттиеры), скоро гибнуть въ немъ всѣ зародыши чистыхъ и человѣческихъ чувствъ, когда дикарь разрабатывается торгашемъ какъ рудникъ, въ немъ развиваются всѣ пороки расчетливымъ соблазномъ вещественнаго просвѣщенія. Новая Европа употребляетъ съ равнымъ успѣхомъ желѣзо, водку и опиумъ.

Римъ былъ не многимъ выше Карфагена въ смыслѣ религіозномъ. Безпорядочный и безпредѣльный синкретизмъ создалъ для него какую то неопредѣленную систему вѣрованія, равно чуждую началу Иранскому и началу Кушитскому. Въ немъ не только, какъ въ Греческой мѣологіи, не было никакого общаго начала, но не было даже постояннаго человѣкообразія. За всѣмъ тѣмъ глубокая вѣра въ нравственное достоинство искупала пороки религіознаго безсмыслія и замѣняла съ избыткомъ отсутствіе идеальной красоты, которой поклонялся Эллинь. Впрочемъ смѣшеніе многихъ разныхъ мѣологій имѣло въ Римѣ то же самое послѣдствіе какъ и вездѣ: торжество Кушитскаго начала необходимости, возвышеніе вещественнаго обряда надъ внутреннимъ, духовнымъ богопоклоненіемъ и обращеніе молитвы въ заклипаніе. Боги побѣжденныхъ народовъ получали право гражданства въ городѣ побѣдителей и должны были утѣшиться новыми почестями въ утратѣ своей прежней самостоятельности.

Нельзя безъ сострадательнаго смѣха читать формулы заклинаній, которыми Римляне вызывали изъ осажденнаго города боговъ, его покоро-

вителей: «Si quis Deus, Sive Dea» и пр. Такъ и глядишь на вора, взымающаго кускомъ мяса сторожевую собаку съ чужаго двора.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Римъ былъ несравненно выше Карфагена. Иго его было тяжело, но не унижительно. Самолюбивыя страсти роптали; но разумъ преклонялся, сознавая торжество общества правомѣрнаго надъ обществами произвольно условными.

Таково очевидно было впечатлѣніе, произведенное Сенатомъ иадъ Эллинскими посланниками непобѣжденнаго Пирра.

Нѣкогда Римъ и Карфагенъ дружелюбно сносились межъ собою, когда Карфагенъ еще не развивалъ всего своего промышленнаго могущества, а младенчеству Римъ не признавалъ ни себя, ни своихъ будущихъ судебъ. Даже въ войнѣ противъ Пирра, опаснаго представителя воинственной Элады, дѣйствовали они заодно (*), но продолженіе дружбы было невозможно. Сицилія, соединяющая, такъ сказать, Италію съ Африкою, населенная Эллинскими колоніями, принадлежащими къ одной системѣ съ Эллинскими городами южной Италіи, уже подчинившимися Римской державѣ, и въ то же время безпрестанно привлекающая завоевательное корыстолюбіе Карфагена, послужила поводомъ къ рѣшительному раздору между двумя первенствующими государствами западнаго міра. Карфагенъ не желалъ войны, но ослѣпленный своимъ собственнымъ блескомъ и безспорнымъ превосходствомъ своимъ на морѣ, не боялся ея. Римъ желалъ войны, предчувствуя несомнѣнную побѣду. Борьба длилась долго съ перемѣннымъ счастіемъ. Карфагенъ и его неистощимыя сокровища и его сотни торговыхъ колоній на сѣверномъ берегу Африки и въ Испаніи долго не уступали желѣзной волѣ и мужеству Рима; области Африки были опустошены, берега Италіи разграблены, народы Италіи

(*) Въ 279 году заключенъ былъ между ними оборонительный и наступательный союзъ.

истощены, Сицилія разорена въ конецъ; Римъ оскудѣлъ жителями, Карфагенъ золотомъ, а судьба битвы казалась сомнительною. Римъ приобрѣлъ на морѣ равенство съ своимъ противникомъ (какъ кажется, съ помощію Элинскихъ кораблестроителей, не уступавшихъ Финикійскимъ), Карфагенъ, котораго невѣжество въ дѣлѣ ратномъ было разительно при началѣ войны и сдѣлалось предметомъ насмѣшекъ Лакедемонянина Ксантиспа, приобрѣлъ къ концу войны (особенно подъ предводительствомъ дома Барка) опытность и искусство равныя Римскимъ. Гордость народная и гражданская доблесть Римлянъ утомили наконецъ Финикійскихъ вунцовъ. Непобѣжденные, они заключили постыдный миръ съ соперниками, болѣе пострадавшими, но не утратившими силы духовной. Сицилія осталась въ Римской власти; Сардинія была похищена наглымъ нарушеніемъ мирнаго договора, за которое Карфагенъ не смѣлъ возобновить войну.

Дерзость Рима и робость Карфагена явно доказываютъ, чья была побѣда, и должны были доказать современникамъ, чье будетъ окончательное торжество при новыхъ столкновеніяхъ.

Едва заключивъ миръ на югѣ, Римъ сталъ распространять владѣнія свои на сѣверѣ новыми войнами противъ Кельтійскихъ Галловъ полу-Славянскихъ Лигурцевъ (смѣшанныхъ кажется съ Иберцами) и Славянскихъ Илирійцевъ, лишившихся своей торговли, но промышлявшихъ морскимъ разбоемъ. Успѣхъ вездѣ вѣнчалъ его оружіе. Торжество надъ виновными Самнитами упрочило его власть въ ея средоточіи, въ самой Италіи.

Въ то же время глубокомысленный расчетъ Гамилькара открылъ новую точку опоры для власти Карфагенской. Испанія, давно обогащавшая восточныхъ мореплавателей своими товарами, не совсѣмъ чуждая Финикійцамъ по племенному средству ихъ съ Иберцами, населенная народами мужественными, но не смыкавшимися никогда въ государственный союзъ, сдѣлалась предметомъ завоевательныхъ замысловъ полководца, уже испытаннаго силы свои съ успѣхомъ противъ

Римлянъ и возмущившихся наемниковъ. На своемъ иждивеніи набралъ Гамилькаръ значительное войско и покорилъ часть Испаніи. Преемникъ его и зять Гасдрубаль продолжалъ начатое дѣло, основалъ новую и скоро разбогатѣвшую колонію (Новый Картагенъ), распространилъ власть свою силою, упрочилъ кротостью, покорившею сердца туземцевъ, и, умирая въ цвѣтъ лѣтъ, передалъ новопріобрѣтенное государство чело-вѣку, въ которомъ сосредоточивается вся слава Картагена, Ганнибалу. Римъ былъ равнодушенъ къ торжествамъ соперника. Призванный на помощь Греческими колоніями въ Испаніи; онъ положилъ властительнымъ словомъ и угрозами предѣлы завоеваній Картагенскимъ и явно показалъ, что ждетъ только предлога для новой борьбы. Ганнибаль понялъ необходимость войны и понялъ, что рѣдко посылаются судьбою люди, ему подобные. Онъ зналъ превосходство Римской силы, и думалъ уравнять это превосходство своимъ личнымъ величіемъ. Снѣга Пиренеевъ и Альповъ, ущелья Аппенниновъ, непроходимыя болота Тосканы, ничто не могло его остановить; народы недавно покоренные Римомъ (Итальянскіе Галлы, Лигурцы и многіе другіе), увлеченные пламеннымъ геніемъ, пристали къ его дружинамъ; Римскія ополченія, уничтоженныя одно за другимъ, уложили слѣдъ его своими костями. Побѣдитель сталъ передъ стѣнами великаго города; но желѣзная воля народа устояла. Началась долгая, незабвенная борьба, въ которой выказалась вся бездушная и безрасчетная слабость Картагена, все испанское величіе его полководца, и все нравственное могущество города, призваннаго къ міродержавству. Наконецъ Картагенъ, равнодушіемъ погубивъ своихъ союзниковъ въ Сициліи, утративъ Испанію, угрожаемый войсками Циціона въ самой Африкѣ, вызвалъ Ганнибала изъ Италіи. Побѣда Римлянъ при Замѣ (въ 202 году до Р. Х.) кончила борьбу, которой рѣшеніе было уже давно несомнѣнно, ибо съ одной стороны было цѣлое государство, съ другой одинъ чело-вѣкъ. Картагенъ палъ, чтобы болѣе уже не вставать. Римъ сталъ въ величіи, которому уже не было равнаго въ современномъ мірѣ.

Ганнибала упрекали въ ошибкахъ стратегическихъ. Здравая критика оправдала его почти во всемъ и опредѣлила ему едва ли не первое мѣсто между всеми полководцами древности. Кажется справедливѣе можно бы его упрекнуть въ томъ, что онъ не давалъ никакой сосредоточенной организаціи народамъ Итальянскимъ. Дѣйствія союзниковъ Рима были все подведены подъ одну систему разумомъ правительственнаго города и отъ того успѣшны. Дѣйствія его многочисленныхъ враговъ были безсвязны и отъ того безплодны. Недостатка въ энергіи не было; это явно изъ войны Рима съ своими Итальянскими союзниками, въ которой онъ едва не погибъ.

Элада и государства, основанныя Эллинами во время ихъ кратковременнаго первенства на Востокъ, должны были прійти во враждебное столкновение съ новымъ властителемъ Запада. Будущую опасность отъ Рима, кажется, предчувствовалъ уже Пирръ; царь Македонскій, Филиппъ, ясно провидѣлъ ее и тайно помогалъ Ганнибалу въ его Итальянской войнѣ.

Онъ не могъ выступить его явнымъ союзникомъ, или потому, что самъ въ то же время занятъ былъ завоеваніемъ Греціи, или потому, что ни онъ, ни Ганнибалъ не могли согласиться на подчиненное мѣсто въ управленіи общимъ дѣломъ.

Сломивъ силу Карфагена, Римъ обратилъ оружіе свое на востокъ. Элада, растерзанная внутренними раздорами, не могла противустать и сама облекла своихъ властолюбивыхъ сосѣдей въ право судій и властителей. Въ ней три государства спорили о первенствѣ: Македонія, сохранившая отчасти воинственную славу Александра, вещественное устройство его дружинъ въ грозной фалангѣ и единство въ дѣйствіяхъ; союзъ, созданный дотолъ ничтожными Ахейскими городами, и другой союзъ, основанный еще болѣе ничтожными Этоліцами. Ахейцы были преемниками мысля, воплотившейся на короткое время въ Оявахъ при Эпаминондѣ и, слѣдовательно, просвѣщенія Ахейскаго. Дикіе Этоліцы были представителями того воинственнаго характера, которымъ нѣкогда жилъ Лакедемонъ: но философскій

Завоеванія Рима на востокъ. Паденіе Македоніи, Греціи, царства Сирійскаго.

и холодный систематизм Ахейскаго союза былъ также далекъ отъ живаго и художественно плодотворнаго просвѣщенія прежней Аттики, какъ разбойничья предприимчивость и развратъ Этолійцевъ были далеки отъ строгой и стройно размѣренной силы Лакедемона. Завсѣмъ тѣмъ нравственное достоинство и чело- вѣчность началъ Ахейскихъ легко бы могли восторжествовать надъ своими противниками и дать южной Греціи временную силу, если бы завистливая Спарта, утратившая все прежнее значеніе и права на власть, но сохранившая еще отблескъ прежняго мужества, не была въ постоянномъ союзѣ съ Этолійцами противъ благороднаго стремленія Ахейцевъ. Сильнѣе обоихъ была Македонія и очевидно готовилась подчинить себѣ всю южную Элладу: но Римъ предупредилъ ея замыслы. Непродолжительная война показала превосходство легкаго и подвижнаго легіона передъ тяжелою фалангою и Рима передъ преемниками Александра. Ничтожная борьба уничтожила послѣдніе остатки Эллинской свободы. Побѣдители сохранили лицемѣрное уваженіе къ прежней вольности городовъ, но разорвали всѣ союзы ихъ и отдали вездѣ власть богатству, зная, что богатство любитъ покой, боится мятежей и охотно продастъ своихъ братьевъ, чтобы не подвергаться личной опасности. Такимъ образомъ Эллада стала рабствовать подъ личиною свободы и перешла незамѣтно въ совершенное и явное рабство.

Впрочемъ напрасно считали многіе единственно за лицемѣріе по- чтеніе, показанное Римлянами побѣжденнымъ Эллинамъ. Государство и государственные люди презирали безсвязную Элладу, но просвѣщеніе Эллинское уже имѣло многихъ поклонниковъ въ Римѣ; и горько было человѣку, впитавшему въ себя философію и поэзію Греціи, попи- рать свободу народа, просвѣтившаго его родину. Фламининъ могъ пла- кать нелицемѣрно и Метеллъ щадилъ Элладу не изъ хитрости, а изъ любви.

Политическое попріище Эллады кончилось, она погибла по- тому, что пережила юношескій возрастъ свой, простодушно

поклонявшійся идеѣ красоты художественной, и не нашла той красоты, къ которой стремилась въ лѣта возмужалости, красоты въ знаніи, т. е. истины. Она утратила силу потому, что утратила вѣру во все то, чѣмъ нѣкогда жила и чему поклонялась, и никогда не могла принести свою любовь къ личной вѣвободѣ челоѣка въ жертву чисто-условной государственности, не имѣющей другаго, высшаго идеала.

Самобытное, древнее имя Эллады исчезаетъ: оно уступаетъ мѣсто чуждавному имени Греціи. Этимологія перваго есть безъ сомнѣнія имя Аполлона Патроса, *Велена* или *Гелена* (по другимъ діалектамъ *Селенъ*); этимологія втораго сомнительна. Оно было дано Италиотами, землѣ Эллинской по названію какого нибудь прибрежнаго племени. Вспомнивъ, что это Адриатическое побережье было во многихъ мѣстахъ полу-Славянское или чисто-Славянское, трудно не предположить, что слово *Грекъ* есть только сокращеніе слова *Горякъ* (горецъ, отъ корня *гора*). Такъ всѣхъ Германцевъ Русскіе Славяне прозвали *Нѣмцами* отъ имени ближайшаго западнаго поколѣнія *Неметовъ*, которому, какъ уже сказано, народная догадка приписала особый смыслъ, точно также какъ слову *Тіуть* (Чудь) и *Азъ-Зигъ* (Языкъ).

Еще менѣе Македонія сопротивлялась Сиріи. Селевкиды, принужденные къ войнѣ наглыми притѣсненіями Рима, ополчились по неволѣ и, побѣжденные въ одномъ сраженіи (въ 190-мъ году до Р. Х.), уже не могли дать отпора побѣдителямъ. Малая Азія была раздѣлена между многими властителями и перешла мало-по-малу подъ власть Римскую. Сирія осталась еще на нѣсколько времени въ рукахъ Селевкидовъ; но царственный домъ угасъ безъ славы, стѣсненный Парянами съ востока и Египтомъ съ юга, постоянно угнетаемый Римлянами, разтерзанный семейными междоусобицами, потрясенный мужественнымъ возстаніемъ Іудей и осужденный на гибель собственнымъ бездушіемъ. Египетъ еще хранилъ жалкую независимость, защищаемую подкупомъ противъ властолюбія Рима.

Въ половинѣ втораго вѣка былъ нанесенъ послѣдній ударъ Каррагену. Городъ, нѣкогда владѣвшій всею юго-западною

Европою и сѣвѣрною Африкою, палъ въ такое политическое ничтожество, что имя его почти не упоминается въ исторіи полустолѣтій. У него не было уже ни вещественныхъ силъ, ни духа, созидающаго силу. Подлѣ него поставлено было новое царство, составленное изъ туземныхъ стихій, Нумидійское, которое мало-по-малу завоевывало оставшіяся ему области. Но Римъ помнилъ его прежнее соперничество и завидовалъ его богатству. При первомъ предлогѣ (или лучше сказать безъ предлога) велѣно было Карфагенянамъ отказаться отъ стародавнихъ и близкихъ владѣній: они повиновались. Потомъ уничтожить всѣ военные корабли. Корабли уничтожены. Потомъ выдать все оружіе. И то было исполнено. Наконецъ разрушить городъ и поселиться тамъ, гдѣ прикажетъ Римъ. Карфагенъ, видя неизбежную гибель, рѣшился погибнуть со славою. Борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ и Карфагенъ исчезъ съ лица земли, увѣнчавъ, подобно своему родоначальнику Тиру, славою воинскаго геройства послѣдніе годы своего торговаго поприща; вскорѣ погибло и Нумидійское царство, послуживъ орудіемъ Римскаго властолюбія.

Не безъ труда покорили Римляне воинственныхъ Славянъ Илирійскихъ. Еще долѣ сопротивлялись сосѣди Илирійцевъ Дарданы, которыхъ происхожденіе неизвѣстно, хотя оно по вѣроятію было одинаково съ Илирією и Фракією, и Пеонійцы, которыхъ Славянство доказано изъ преданій, связывающихъ ихъ съ Троею, изъ ихъ образа жизни и особенно изъ самаго имени столицы *Бълазора* (Бѣлозеро). Полуславянскіе Лигурцы утратили совершенно свободу послѣ многолѣтней и кровавой борьбы. Долѣ же и славнѣе всѣхъ боролись Иберцы въ Испаніи, слишкомъ чуждые государственному быту, чтобы отстоять свою свободу, но заслужившіе великое историческое имя геройскимъ подвигомъ Нуманціи и десятилѣтними побѣдами Виріата.

Во время войны, уничтожившей свободу Испаніи, очень ясно выражается разноплеменность жителей безпрестанными раздорами мелкихъ областей. Кажется вражда старожилонъ Иверцевъ и пришельцевъ Кель-

товъ никогда не исчезали вполне. Многія имена мѣстностей при Пиренеехъ (о которыхъ уже сказано) и племенъ (какъ напр. *Илергетовъ*) доказываютъ, что восточная вѣтвь Иранцевъ проникла за Пиренеи. Точно то же можно предположить и о Корсикѣ и Сардиніи, гдѣ часто слышны въ именахъ звуки, напоминающіе область Славянскую. Впрочемъ иначе и быть не могло. Мореплаватели Лигурцы и Равенны и старожилы Галльскіе, Венеты, не могли не бросать колоній въ близлежащіе острова и въ сосѣднія страны.

Наконецъ Римъ явился въ своемъ міродержавномъ величіи: но Римъ уже измѣнился. Раздѣленіе его на патриціевъ и плебеевъ еще сохранялось, какъ мертвая форма или какъ безмысленный обычай; дѣйствительно же права ихъ были одинаковы и оставалось одно только раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ. Первое основаніе города и государства состояло въ общинѣ патриціанской. Вся городская область была собственностью гражданъ, слѣдовательно патриціевъ, и дѣлилась между ними на равныя доли, по образцу еще сохраненному въ раздѣленіи тягловыхъ земель въ общинахъ Славянскихъ.

Внутренній характеръ Рима послѣ его завоеваній. Гракхи.

Можно даже еще замѣтить полу-тягловыя доли въ Гракховыхъ законахъ.

Только эта собственность освящалась государствомъ и признавалась вполне. Приливъ плебеевъ и смѣсь разнородныхъ стихій ввели по необходимости въ обычай другого рода собственность, также признанную, но признанную только какъ фактъ, а не какъ право, и не освященную святостью государственною. Эта собственность охранялась законами, но въ то же время не носила полного характера законности. Она была не собственностью, а только владѣніемъ.

Таково начало всей этой многосложной и запутанной теоріи о собственности и владѣніи, которою исцещрено Римское законодательство и которую съ такимъ бесплоднымъ трудомъ ученые книжники слятся подвести подъ разумныя начала. Требуютъ разума отъ грубаго услов-

наго факта и ѣщутъ смысла въ безсмыслицѣ! Религіозныя понятія, скоро утраченныя, одни, можетъ быть, составляли основу различія; въ отношеніи къ наукѣ права это различіе сущая нелѣпность. Всего забавнѣе тѣ суевѣрные поклонники Римскаго законодательства, которые желали бы прivity къ законодательствамъ новымъ эту случайность мѣстнаго Римскаго развитія.

Вскорѣ собственность, даруемая государствомъ, сдѣлалась ничтожною въ сравненіи съ собственностью, приобрѣтенною трудами и подвигами личными. Богатство частныхъ людей росло съ нарастаніемъ завоевательной общины и богатства получили значеніе правительственное по уставу Сервія Туллія, и собственность сдѣлалась основою власти. Когда, послѣ долгой борьбы, исчезли всѣ различія правъ родовыхъ (патриціата и плебса), на первомъ ряду остались права, основанныя на богатствахъ, — тѣмъ болѣе, что для достиженія высшихъ должностей, составляющихъ переходъ къ высшимъ, требовалось уже значительное состояніе. Въ первой Пунической войнѣ еще являются консулы и диктаторы, призываемые къ правленію республикою отъ плуга и труда хозяйственнаго (таковы Регуль, Серранъ и друг.), но скорѣ исчезаетъ слѣдъ величественной простоты и вторая Пуническая война, открывъ рядъ всемірныхъ завоеваній и безконечный источникъ богатствъ, рѣшила судьбу Рима.

Война Ганнибала противъ Рима была дѣйствительно междоусобицею Италійскою. Союзники Рима, помогавшіе ему, когда онъ былъ на краю гибели, получили значительныя права отъ благодарности спасеннаго государства и стали желать большихъ; враги, побѣжденные и строго наказанные, сохранили въ душѣ своей ненависть и жажду мщенія. Но большая часть Италіи стала въ рядахъ войска Ганнибалова и слѣдовательно большая часть Италіи послѣ второй Пунической войны была подчинена Риму на условіяхъ гораздо строжайшихъ противъ прежнихъ. Въ то же время новопріобрѣтенныя области внѣ Италійскія поступили въ новое отношеніе къ государству подъ именемъ *Провинцій* (отъ *proventus*, собств. кормежныя) и сдѣ-

лались предметомъ откуповъ, вливавшихъ въ Римъ неистощимыя сокровища и необузданный развратъ. Богатства, безпрестанно накоплявшіяся въ рукахъ нѣсколькихъ патриціанскихъ и чиновныхъ плебейскихъ родовъ, составили новую аристократію золота, не имѣющую опредѣленныхъ и законныхъ правъ, но дѣйствительно представляемую Сенатомъ, — правительственнымъ совѣтомъ государства, нѣкогда бывшимъ совѣтомъ патриціанскимъ, теперь сосредоточившимъ въ себѣ всѣ патриціанскія права послѣ паденія самого патриціата. Такъ послѣ борьбы между родовыми гражданами Рима (патриціями) и его пріемышами (плебеями) готовилась новая борьба между чиновнымъ и богатымъ Сенатомъ и бѣднымъ, угнетеннымъ народомъ, борьба, основанная на грубыхъ вещественныхъ выгодахъ, лишенная всякаго религіознаго значенія, всякаго человѣческаго достоинства, унижительная и гибельная для государства. Едва палъ Карфагенъ и торжествующія рати Рима отдохнули отъ многотрудныхъ войнъ, народъ сражавшійся за отечество и принесшій въ свои бѣдныя хижины бесплодные лавры и тяжелыя раны, взволновался и потребовалъ отъ богатыхъ правителей земли и денегъ для безбѣднаго жительства. Вождями народа выступили пылкіе, краснорѣчивые и славолюбивые Гракхи. Они погибли; но Сенатъ уступилъ и роздалъ новопріобрѣтенныя земли бѣднѣйшимъ гражданамъ. Вражда разгорѣлась еще сильнѣе отъ уступки и побѣды. Народъ понялъ свою силу и необходимость сосредоточиваться около сильныхъ предводителей. Честолюбивые граждане поняли необходимость привязывать къ себѣ народъ соблазномъ милости, заступничества и бесплатныхъ забавъ. Праздники, нѣкогда посвященные богамъ, сдѣлались орудіемъ властолюбиваго расчета; но праздники, развивавшіе въ Элладѣ любовь къ художеству и къ красотѣ, развили въ Римѣ только грубую страсть къ разврату и свирѣпую жажду убійства. Наемникъ-гладіаторъ, занятый отъ безчеловѣчной Этруріи, проливающимъ кровь свою для забавы народной въ бою съ другимъ гладіаторомъ или съ дикимъ звѣремъ, не имѣлъ ничего общаго съ красивымъ бойцомъ, вольнымъ атлетомъ, представлявшимъ иде-

аль человеческой красоты глазамъ художника-Элина. Все болѣе и болѣе исчезали въ Римѣ всѣ нравственныя и чело-вѣческія побужденія.

Сенатъ одолевалъ въ борьбѣ противъ народа; народные вожди искали себѣ союзниковъ въ племенахъ Италійскихъ, покоренныхъ Римомъ и подали имъ надежду на полное право гражданства. Гордый Римъ не исполнилъ обѣщаній, данныхъ его вождями, и вся Италія вспыхнула войною. Немногіе остались вѣрными союзниками Рима и получили право гражданства въ награду за вѣрность. Племена мятежныя получили вскорѣ тѣ же права во время новыхъ междоусобицъ. Такимъ образомъ Римъ сталъ внѣ самаго Рима и городъ сталъ исчезать въ государствѣ. Но граждане, имѣющіе право на правительственное значеніе, были въ то же время удалены отъ средоточія, въ которомъ рѣшалась судьба міра. Имъ нужны были представители въ самомъ царственномъ городѣ и чашныя лица стали необходимымъ выраженіемъ воли государственной. Превжній свободный Римъ не могъ и не долженъ былъ долѣ существовать. Государство требовало равенства съ городомъ; городъ не хотѣлъ уступить своего прежняго владычества: оба соперника должны были исчезнуть въ условномъ единствѣ одного всевластнаго лица.

Опасность могла бы легко быть удалена на время допущеніемъ представленія для гражданъ Римскихъ, живущихъ внѣ предѣловъ городской земли; но тогда исчезло бы значеніе народнаго собранія, и этой уступки гордость народная не могла сдѣлать. Ей было легче передать всю свою власть въ руки избраннаго вождя. Уничтоженіе всей народной власти при сохраненіи призрака власти сенатской доказываетъ явно, что императоръ поглотилъ въ себѣ только права народнаго собранія. Сенатъ въ послѣднія времена республики принадлежалъ не собственно Риму, но всему государству, и отъ этого могъ сохранять свое значеніе, не смотря на поглощеніе города въ государствѣ.

Движеніе
на свѣ-

Между тѣмъ какъ Гракхи поднимали бурю внутренняго раздора, и какъ союзники объявляли требованіе свое на уравне-

ніе съ коренными гражданами, желѣзная сила Рима продолжала распространіе государственныхъ предѣловъ и побѣдоносную борьбу противъ внѣшнихъ враговъ. Въ послѣднихъ годахъ втораго столѣтія до Р. Х. исчезло царство Нумидійское, но нѣсколько лѣтъ спустя побѣдитель Африки, глава народа и врагъ Сената, Марій былъ призванъ спасти отечество отъ опасности, напоминающей о грозномъ Карфагенцѣ и Галлѣ завоевателѣ. Послѣдніе остатки Кельто-Кумрійцевъ, скрывшіеся отъ Скиѣскаго меча (т. е. Скиѣовъ Азіатскихъ) въ горныхъ бережіяхъ Чернаго моря, сохранили свою самостоятельность во время преобладанія кочевыхъ Средне-Азіатцевъ. Но мнимые Скиѣы не могли долго властвовать завоеванною страной. Сильные Сармато-Алапы, перешедшіе Кавказъ послѣ паденія и бѣгства Кумрійскаго народа, врѣзывались все глубже отъ юга на сѣверъ по При-волжью и При-донью, распространяя во всѣ стороны грозу своего оружія и страхъ своего имени. Утѣсненные Сако-Геты (или Вендо-Славянскія племена) смыкались тѣснѣе и требовали назадъ свою исконную область. Кочевые Средне-Азіяцы отступили на сѣверо-востокъ или исчезли въ разливѣ новыхъ побѣдителей. Въ началѣ II-го столѣтія до Р. Х. Сармато-Аланы (иначе Азы) очевидно преобладали во всей странѣ отъ Волги до Днѣпра, покоря своей власти или принимая въ свой союзъ слабѣйшихъ сосѣдей.

Такъ напр. съ ними вмѣстѣ врывались въ Европу Кавказскіе Зиги (Адиге), составившіе съ ними вмѣстѣ мѣшанное ополченіе дикихъ Языговъ (Аз-зигъ.)

Въ жестокой борьбѣ двухъ великихъ племенъ, Восточно-Иранскихъ Вендовъ (Вановъ) и Западно-Иранскихъ Азовъ не могла устоять независимость безсильныхъ Кумрійцевъ. Выгнанные или утѣсненные въ своемъ южномъ убѣжищѣ, они двинулись на западъ по слѣдамъ откочевавшихъ братій. Встрѣченные въ землѣ Чеховъ (древнихъ Зигиновъ) Кельтами завоевателями (Боіями), несклонными дѣлиться плодомъ своихъ побѣдъ, и удержанные съ юга крутыми горами и смѣлыми гор-

ровосто-
къ. По-
ходъ Ким-
вровъ и
Тевтонов.
Марій.

цами Вендскаго племени (Паннонцами и Илирійцами), Кумрійцы повернули къ сѣверу и двинулись черезъ среднюю и сѣверную Германію къ Рейну. Братья ихъ Белогі отказали имъ въ приѣмѣ, также какъ и Боіи въ Чехіи и смѣлымъ отпоромъ отняли у нихъ надежду на успѣхъ въ Галліи. Кумрійцы отступили и осѣли на болотистыхъ берегахъ Германскаго моря и въ тѣсномъ полуостровѣ, отдѣляющемъ его отъ Балтики. Тутъ нашли они остатки прежняго Кельтскаго переселенія, съ которыми смѣшались легко по кровному и духовному сродству. Тутъ основали они временную общину, давшую полуострову имя Херсонеса Кимврическаго (Кумрійскаго), между тѣмъ какъ тотъ же полуостровъ сохранилъ въ памяти и въ словообычаѣ Германскомъ древнѣйшее, хотя однозначительное названіе Ютской земли (Ютландъ). Отдохнувъ отъ долгаго странствованія и помня благословенія страпъ полуденныхъ, Кумрійцы не захотѣли оставаться въ странѣ холодной и безплодной. Собравъ всѣ свои боевыя силы, призвавъ на общее переселеніе воинственныхъ братьевъ своихъ, Кельтовъ За-рейнскихъ (между прочимъ Амброновъ), увлекаая вѣроятно на пути своемъ другія Кельто-Кумрійскія семьи, разсѣяныя въ средней и южной Германіи и можетъ быть нѣкоторыя изъ смѣлѣйшихъ семей Германскихъ, они наконецъ явились грозвою тучею на границахъ Римской державы, подъ именами Кимвровъ и Тевтоновъ.

• Имя *Кимровъ* очевидно тождественно съ именемъ *Кумри* или *Кимри*. Имя Тевтоновъ безспорно имѣетъ сходство съ именемъ Германцевъ (*Deutsch*, которое могло быть въ древнѣйшей, хотя сомнительной формѣ *Teutsch*); но оно еще ближе къ слову *tiutъ* (отъ чего *Чудь*) и къ кельтскому слову *totъ* или *teotъ* (люди). Равносильность же и согласіе Тевтоновъ и Кимвровъ очевидно показываетъ, что они были единоплеменниками. Имена вождей *Боіориксъ* и *Тевтобокъ* безспорно ближе къ именамъ вѣтви Кельтской, чѣмъ семьи Германской. Сверхъ того должно вспомнить, что во время Кимврской войны Германцы уже были извѣстны Римлянамъ, ибо упоминаются въ фастахъ Капитолинскихъ въ прежнее время (въ войнѣ Инсубровъ про-

тивъ Рима); что никто изъ древнихъ не считалъ Кимбровъ Германцами; что Кесарь про побѣды Германцевъ говоритъ какъ про дѣло новое, ибо у нихъ въ старину не было славы военной и они были у Кельтовъ въ загонѣ; наконецъ, что слабые остатки Кимбровъ, не отважившихся на переселеніе, отдѣляли себя стѣною и всякими защитами отъ жителей Германіи. Итакъ они были очевидно не Германцами. Правда, не признавали ихъ древніе за Кельтовъ; но такая недогадка древнихъ очень понятна при дѣтствѣ критической науки и при многовѣковомъ разединеніи семьи Кимврской и Кельто-Кумрійской. Тождество народа побѣжденнаго Маріемъ и народа бѣжавшаго передъ Скивами и народа издревле переселившагося отъ Приволжія къ берегамъ Сѣвернаго океана и на Британскія острова, очевидно; сходство, замѣченное древними между Лигурцами и Кимврами объясняется весьма легко переселеніемъ Кельто-Белгговъ (т. е. тѣхъ же Кимбровъ) въ Альпійскія долины во время Кельтскаго разлива вѣка за три до Кимврской войны. Тѣсная національность и привычка поштучно разбирать историческіе вопросы одни только могли затемнить понятія глубокомысленной критики ученой Германіи и скрыть отъ нея весь смыслъ Кельтскаго, Кумри-Белгскаго и Кимврскаго переселенія.

Неодолимъ былъ первый порывъ сѣверныхъ дикарей. Пали Римскіе орлы и Римскіе легіоны; Италія трепетала. Искусство Марія спасло ее и пришельцы погибли безъ слѣда. Новая опасность угрожала государству съ востока. Любимецъ народа, побѣдитель Юга и Сѣвера, рвался къ побѣдамъ въ Азію: Сенатъ поручилъ начальство на востокъ своему любимцу, полководцу уже прославленному въ войнѣ противъ Италійскихъ союзниковъ, Силлѣ.

Юго-восточное приморье Эвксина было въ глубокой древности населено Восточно-Иранскими семьями, которыхъ многозначительныя имена отзываются въ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ отъ первыхъ цѣснопѣвцевъ сказочнаго Индустана до позднѣйшихъ хроникъ Европы и завоевательной Аравіи, семьями Саковъ (иначе Гуновъ, по свидѣтельству клинообразныхъ надписей). Ихъ независимость погибла въ напорѣ сильныхъ царствъ При-евфратскихъ и Иранскихъ; ихъ народная само-

бытность исчезла вѣроятно безъ слѣда въ напорѣ воинственныхъ народовъ Малой Азіи.

За всѣмъ тѣмъ изученіе мѣстнаго нарѣчія открыло бы, можетъ быть, уцѣлѣвшіе остатки Восточно-Иранскаго нарѣчія въ его Славянскомъ развитіи. Многія имена мѣстностей представляютъ сильный соблазнъ этимологу.

Митри-
даты и
Силла.

При распаденіи державы Македонской, въ числѣ новыхъ царствъ, возникшихъ въ горныхъ областяхъ между морями Чернымъ и Средиземнымъ, земля, нѣкогда бывшая Сако-Гунская составила также государство самостоятельное, подъ именемъ *Понта*. Правимая царями туземными и собственными законами, она уцѣлѣла отъ власти Селевкидовъ и отъ Римскихъ завоеваній. Имена царей ея (по большей части Митридатовъ) свидѣтельствуютъ о преобладаніи Средне-Иранской стихіи, легко принятой во время владычества Персидскаго по коренному сходству племенныхъ началъ и по особенной близости Саковъ ко двору Персидскому, при которомъ они пользовались великимъ почетомъ; дружескія и частыя сношенія съ Элладю показываютъ, что Понтъ не чуждался Эллинской жизни и Эллинскаго просвѣщенія; но стремленія царей Понтскихъ къ соединенію обоихъ береговъ Чернаго моря подъ одну державу и основанію твердыхъ союзовъ съ жителями древней Скиѣи, теперешней Россіи, заставляютъ предполагать уцѣлѣвшую память о прежнемъ племенномъ единствѣ и, можетъ быть, еще остатки этого единства, уцѣлѣвшіе въ обычаяхъ и въ жизни. Въ началѣ перваго столѣтія до Р. Х. былъ на престолѣ Понтскомъ человекъ замѣчательный по необыкновенной силѣ воли и разума, по смѣлости замысловъ и дальновидности политическихъ соображеній. Коварство, не уважавшее никакихъ нравственныхъ законовъ, и свирѣпость, не зевавшая границъ, пятнаютъ имя великое въ исторіи, имя Митридата VI-го. Царь ничтожной области, онъ вступилъ въ борьбу съ государствомъ, которому не было равнаго въ мірѣ, и погибъ только послѣ сорокалѣтняго спора. Къ войнѣ съ Римомъ приготовился онъ

приобрѣтеніемъ союзниковъ или покореніемъ слабѣйшихъ племенъ въ долинахъ и по отрогамъ Кавказа, завоеваніями и союзами въ Скиѣи, приглашеніемъ къ себѣ искусныхъ Эллиновъ, не менѣ Римлянъ знающихъ дѣло военное, но уже неспособныхъ сражаться за собственное дѣло, тайными сношеніями съ Элладою, недоволю Римскимъ игомъ, и наконецъ устройеніемъ войска по Римскому образцу. То покоря сосѣднія царства въ Малой Азіи, не смотря на Римское заступничество, то снова уступая Риму, Митридатъ мало-по-малу распространялъ свои владѣнія и выступилъ на открытый бой тогда только, когда мятежъ Италійскихъ союзниковъ, нерѣдко пробѣждавшихъ Римскіе легіоны, далъ просторъ его замысламъ, а внутреннее междоусобіе въ Римѣ обѣщало ему вѣроятный успѣхъ. Малая Азія покорилась; многіе острова Эгейскаго моря отпали отъ Римлянъ; наконецъ войско Митридата вступило въ Грецію и, дружески принятое Аѣинами и Віотією, стало твердою ногою почти въ виду самой Италіи. Но силы Рима еще не истощились. Союзникамъ Италійскимъ, оставшимся въ союзѣ, и многимъ, скоро покорившимся, дали полное право гражданства. Представитель партіи аристократической, назначенный начальствовать противъ восточнаго царя, Силла, одинъ изъ величайшихъ мужей древняго міра, собралъ многочисленное войско, приобрѣлъ любовь его милостями, взялъ Римъ приступомъ, раздавилъ вооруженною рукою партію народную, заставилъ Марію бѣжать изъ Италіи и быстро двинулся въ Грецію на встрѣчу Митридата. Искусство Силлы и мужество легіоновъ одержали побѣду. Возмутившіеся Греки были наказаны, и Митридатъ, отброшенный назадъ въ Азію, купилъ мѣръ значительными уступками. Побѣдитель иноплеменныхъ враговъ, Силла поспѣшилъ обратно въ Италію, въ которой народная партія и Марій знаменовали жестокостями свое временное торжество. Побѣда Силлы была еще ужаснѣе торжества Маріева, но она водворила порядокъ и что-то похожее на законность. Государство успокоилось въ своемъ средоточіи подъ желѣзною рукою диктатора; но Силла умеръ. Междоусобія вспыхнули не надолго въ Италіи и Корсикѣ, и долго длились

въ Испаніи, гдѣ сподвижникъ Марія, искусный полководецъ Серторій, противился войскамъ, посланнымъ противъ него Сенатомъ, и послѣ частыхъ побѣдъ погибъ только отъ измѣны. Сотни тысячъ рабовъ, утомленныхъ игомъ, приученныхъ къ надеждѣ на свободу во время борьбы Марія съ Силлою, ободренныхъ раздорами государства, опустошали самыя окрестности Рима, одерживали побѣды надъ легіонами, отвлекали силу республики отъ дальняго Востока. Имена Римлянина Серторія и Фракійскаго раба Спартака гремѣли далеко. Снова возсталъ Митридатъ; отовсюду призывалъ онъ союзниковъ, отовсюду звалъ враговъ на Римъ. Дружески сносился онъ съ Серторіемъ, волновалъ Фракію и народы При-дунайскіе, занялъ снова почти всю Малую Азію, боролся долго, упорно, и часто не безъ успѣха. Наконецъ Римъ побѣдилъ. Помпей захватилъ родовыя владѣнія Понтскаго царя, побѣдилъ его союзника, царя Арменіи Тиграна, завоевалъ всю Сирію, проникъ даже въ Аравію, дотолѣ недоступную Римлянамъ, взялъ приступомъ храмъ Іерусалимской, рѣшилъ внутренніе споры владыкъ Іудей и навсегда утвердилъ власть Рима на Востокѣ. Митридатъ бѣжалъ за Кавказъ на берега Азовскаго моря и, брошенный союзниками, проданный роднымъ сыномъ, былъ принужденъ убить себя, чтобы не попасть въ плѣнъ къ Римлянамъ. Онъ умеръ, замысливъ великій замысль, исполненный нѣсколько вѣковъ спустя, замысливъ поднять всѣ сѣверныя народы и двинуть ихъ черезъ Альпы на Италію. Время еще не наступило,

Паденіе . . . . .
республи-
ки. Осно-
ва госу-
дарствен-
ной силы
Рима.

Опасность отъ Кимвровъ и отъ Митридата миновалась. Римъ увѣнчался новыми побѣдами и расширилъ свои владѣнія: иначе и быть не могло. Ни Кимвры, ни Понтъ по вещественнымъ силамъ своихъ ополченій не были въ состояніи съ нимъ бороться. Дикая отвага кочеваго народа и личное величіе одного царя не могли долго сопротивляться стройной и размѣренной дружинѣ легіоновъ и постоянной расчетливости и опытной мудрости государства, воспитаннаго вѣковою борьбою и вѣковыми побѣдами, государства, въ которомъ каждый гражданинъ, какія бы ни были его личныя страсти, еще готовъ былъ принести ихъ въ жертву величію народному, славѣ Римской и

своей Римской гордости. Условныя начала и условная религія Римскаго общества ослабли но еще не исчезли. Вѣра во внѣшнюю добродѣтель еще была жива. Возможны были Метеллы, Цицероны и Катоны. Вѣра въ республику уцѣлѣла, не смотря на кровавыя междоусобія. Силла могъ еще сложить съ себя званіе диктатора, всемірнаго властелина, и поручить кормило правленія Сенату и народу. Старые призраки еще не разлетѣлись; но со дня на день они все болѣе теряли свои права на существованіе.

Религія Рима оставалась тѣмъ же, чѣмъ была съ самаго основанія государства, поклоненіемъ внѣшней правдѣ и правомѣрной жизни; но доблести гражданскія исчезли, и отъ прежняго живаго чувства, обнимающаго собою всѣ подробности человѣческой дѣятельности, осталась только наружная форма грубой и мертвой законности. За всѣмъ тѣмъ въ этой чисто-наружной законности была еще сила, обуздывающая безграничность произвола и дающая видъ строгаго величія и стройности всѣмъ проявленіямъ гражданскаго быта. Совѣсть законовѣдца была мѣриломъ Римской добродѣтели.

Разумѣется, мы говоримъ о нравственности общественной, а не о свѣтлыхъ исключеніяхъ, озаряющихъ лѣтопись послѣднихъ годовъ республики.

Такимъ образомъ религія частныхъ лицъ была въ прямой зависимости отъ общества (ибо внѣ его не имѣла значенія) и была болѣе чисто-государственнымъ учрежденіемъ чѣмъ вѣрованіемъ. Самое государство, сохраняя наружныя формы многобожескаго поклоненія, признавало дѣйствительно только одинъ законъ правды юридической, и эта правда была также мало подчинена идеѣ правды внутренней въ государствѣ, какъ и въ частныхъ лицахъ. Союзъ съ Римомъ, миръ съ Римомъ былъ едва ли не опаснѣе самой войны; ибо въ немъ всегда скрывался зародышъ войны, выжидающій только удобнаго случая, чтобы проявиться. Ябедникъ—юристъ готовилъ и вѣнчалъ побѣду полководца. Но какъ ни были дѣйствитель-

но безправственны такія отношенія къ инымъ державамъ, понятие о правѣ, о святости договора, о законѣ внѣшней правды сохранялось неприкосновеннымъ и придавало государственной жизни характеръ разумности, возвышающій Римъ надъ всѣми современными и надъ всѣми прежними историческими государствами. Этотъ призракъ юридической правды, обманывая иноземцевъ, дѣйствовалъ благотворительно на лучшіе умы и облакалъ въ ихъ глазахъ Римъ какою-то мнимой святостью, оправдывающею его гордость и скрывающею его дикій эгоизмъ.

Историкъ Римскій повторяетъ восторженную рѣчь Эллиновъ объ Римѣ. «Есть народъ, который, безъ корысти, безъ личныхъ цѣлей, не жалѣетъ ни своихъ расходовъ, ни своихъ трудовъ, ни своей крови, не боится ни дальнихъ походовъ, ни бурныхъ морей, когда дѣло идетъ о возстановленіи права и свободы въ предѣлахъ чужихъ, который готовъ на все пожертвованіи для того только, чтобы цѣлый міръ управлялся закономъ правды и разума» Очевидно историкъ самъ почти вѣрнѣе этой похвалѣ. Возможность же похвалы свидѣтельствуетъ о существующемъ идеалѣ.

Высокое развитіе смысла юридическаго покоряло Риму сердца народовъ, уже покоренныхъ мечемъ, и надолго ручалось за силу и величіе государства, не смотря на все безуміе разврата и на уничтоженіе всякой вѣры и всякой добродѣтели. Можно сказать болѣе: оно часто замѣняло собою и вѣру и добродѣтель и питало въ людяхъ память о достоинствѣ человѣческой природы.

Помпей и
Юлій Ке-
сарь.

Римскія междоусобицы продолжались. Власть Сената, возстановленная и расширенная на время непреклонною волею диктатора Силлы, не долго устояла послѣ его смерти. Народъ, не лишившійся всѣхъ правъ своихъ, сталъ требовать возврата своего прежняго значенія. Ужасы и безпорядки народной партіи (Сатурнина и Марія) были забыты или заглажены меньшими злодѣйствами партіи Сенатской во время Силлова торжества. Въ самомъ Сенатѣ многіе, и именно сильнѣйшіе

духомъ и волею, сдѣлались вождями народа, потому что личное превосходство и частное богатство гражданина могли дать ему болѣе власти надъ собраніемъ безразсудной и развратной черни, чѣмъ надъ расчетливою и опытною осторожностью просвѣщеннаго совѣта. Съ другой стороны, права народныя на правительство, при невозможности для всѣхъ иногородцевъ (хотя и гражданъ) участвовать дѣятельно въ правительственныхъ спорахъ, требовали для осуществленія своего сильныхъ представителей, мужей-знаменосцевъ. Того же требовали и выгоды провинцій, могучихъ богатствомъ и промышленностью, но не имѣющихъ правительственнаго значенія. Послѣ короткой борьбы Сенатъ уступилъ требованіямъ народа, возвратилъ права его собраніямъ и власть его трибунамъ. Вслѣдъ за тѣмъ явился человекъ, стяжавшій рядомъ побѣдъ почти едино-властіе въ государствѣ. Послѣ смерти Серторія, Помпей уничтожилъ остатки его войска и покорилъ Испанію, истребилъ послѣднюю шайку возмущившихся рабовъ въ Италиі, очистилъ моря отъ безчисленныхъ разбойниковъ, сокрушилъ Митридата, покорилъ Сирію и часть Аравіи и, возвратясь въ Римъ съ огромными богатствами, со славою перваго изъ современныхъ полководцевъ и съ именемъ человека не враждебнаго ни народу, ни Сенату, сталъ управлять судьбою Рима безъ всякой власти законной, но по общему безмолвному согласію. Вскорѣ на историческое поприще выступилъ ему могучій соперникъ, искуснѣе его въ бояхъ, сильнѣе духомъ предпримчивости и властолюбія, соединяющій Эллинское просвѣщеніе съ Римскою неустранимостью и мудростью въ дѣлѣ государственномъ, вкрадчиво-краснорѣчивый, дальновидный при наружной безопасности, послѣдній и едва ли не величайшій изъ великихъ мужей древняго міра, Юлій Кесарь. Для будущей борьбы съ Помпеемъ видѣлъ онъ необходимость воинской славы и преданнаго войска, и взялъ на себя управленіе Галльской провинціею по обѣимъ сторонамъ Альпійскихъ горъ.

Прошло то время, когда кипѣніе Кельтскихъ народовъ грозило всей Европѣ. Ихъ недолговременный порывъ утихъ. Не утратили они безъ сомнѣнія личной храбрости, какъ видно

За воеваніе Галліи. Походы въ Британнію.
■ Германію.

изъ ихъ частыхъ возмущеній (хотя по пословицѣ двое Галловъ едва стоили одного Лигурца); но они утратили всю связь общинную и силу народную. Римляне и Кароагеняне проходили почти безъ сопротивленія по южной Галліи; Римъ уже основалъ въ ней свои колоніи и свою провинцію; проснувшіеся отъ вѣковаго бездѣйствія, Германцы, нѣкогда трепетавшіе передъ Кельтами стали переходить черезъ Рейнъ цѣлыми полчищами и громить своихъ прежнихъ побѣдителей. Мечъ Римскихъ легионовъ рѣшилъ судьбу Галліи; но она пала не безъ славы. Десять лѣтъ боролись вольнолюбивыя племена противъ неотразимаго превосходства войскъ и полководца, не имѣющихъ равныхъ себѣ въ цѣломъ мірѣ по искусству и мужеству; десять лѣтъ терпѣли они всѣ бѣдствія войны и жестокости расчетливо-неумолимыхъ побѣдителей: наконецъ, утомившись, утративъ отъ меча, болѣзней, голода значительную часть своихъ воиновъ, они покорились, и покорились навсегда. Галлія уже не отрывалась и не пыталась оторваться отъ Рима.

Частныя и мелкія возстанія, о которыхъ лѣтописи упоминають только вскользь, ни разу не угрожали Римскому владычеству. Испанія и даже Лигурія не такъ скоро отказались отъ всѣхъ надеждъ на независимость: очевидно Галлія уже не имѣла никакой внутренней силы, никакого живаго начала общественнаго. Разсказъ Цезаря о своихъ походахъ показываетъ (не смотря на вѣроятное преувеличеніе встрѣченнаго имъ сопротивленія) состояніе Галліи, въ довольно ясномъ видѣ. Она раздѣлена была на многія семьи и эти семьи, вѣроятно по ближайшему средству религіозному или племенному, были способны смыкаться въ временные союзы для совокупной обороны или совокупнаго нападенія; но общій Галльскій союзъ былъ невозможенъ, очевидно по разнородности стихій и быта. Южная, т. е. юго-восточная Галлія была давно покорена не столько Римскою силою, сколько Римскими нравами и общественностію, и такимъ образомъ оторвана отъ остальной страны. Въ средней, сѣверной и юго-западной Галліи племенное начало кажется одинаковымъ, нравы разные. Аквитанія и средняя Галлія не чужды градострои-

тельства и какого-то искусственного государственнаго устройства, между тѣмъ какъ Сѣверъ не представляетъ никакихъ слѣдовъ развившагося просвѣщенія. Съ другой стороны Сѣверъ въ своей дикой и воинственной простотѣ не представляетъ той двойственности въ народномъ составѣ (аристократіи и народа), которая очень рѣзко выдается въ средней полосѣ и отчасти замѣтна въ юго-западной. Кесарь, какъ и всѣ древніе, въ благородномъ своемъ презрѣніи къ людямъ, не умѣвшимъ отстаивать свои гражданскія права, видитъ вездѣ только властвующую касту; властвующая же каста была вездѣ Кельто-Кумрійская. Но разница правовъ, устройства гражданскаго и просвѣщенія указываетъ на существованіе подпочвы, народа покореннаго, древнихъ старожиловъ не Кельтскаго происхожденія, а единокровныхъ Лигурцамъ (въ ихъ прежней чисто-Вендской народности) и Вендамъ При-океанскимъ. Эта подпочва сохранилась отдѣльно въ средней и южной Галліи въ политическомъ раздѣлѣ общества, утративъ вѣроятно большую часть языковыхъ, религіозныхъ и бытовыхъ признаковъ, смѣшалась съ Иберцами и позднѣйшими побѣдителями, Кельтами, въ Аквитаніи, и составляла единственное населеніе приморской Вендіи (Венетіи, теперешней Вандей), отличающейся отъ всей остальной Галліи во всѣхъ отношеніяхъ, а особенно своею торговою и мореплавательною дѣятельностью, о которой Кельты не имѣли нигдѣ ни малѣйшаго понятія. Вѣроятно многовѣковое сосѣдство Кельтовъ не осталось безъ вліянія и на Вендію (особенно въ отношеніи религіозномъ), но имена племень и слова, сохранившіяся изъ Вендскаго нарѣчія (напр. *море, врань, Беленъ*) показываютъ еще замѣчательную чистоту Восточно-Иранскаго начала. Эти старожилы Галліи, не смотря на свою малочисленность и быть очевидно не военный, едва ли не всѣхъ упорнѣе сражались противъ Кесаря и, кажется, всѣхъ жесточе были наказаны. Въ самой стихіи Кельто-Кумрійской по всей вѣроятности Кельтскія семьи, т. е. перваго переселенія, преобладали въ средней Галліи и на сѣверо-западѣ, а Беолго-Кумрійскія, т. е. втораго переселенія, на сѣверо-востокѣ и, можетъ быть, на завоеванномъ югѣ; ибо отъ втораго переселенія зависѣло и отчасти подъ его предводительствомъ должно было совершаться все завоевательное движеніе Кельтскаго племени.

Покоривъ Галлію, Кесарь перенесъ Римскіе орлы въ Британнію, которую въ послѣдствіи Римъ покорилъ, но не вполнѣ, и въ Германію, изъ которой должны были выйти черезъ нѣсколько вѣковъ дружины, сокрушившія Римскую державу. Кесарю нужна была побѣда за Рейпомъ, чтобы устрашить пробуждающуюся Германію и обезпечить новую Римскую правящую, Галлію; нужна была побѣда за Океаномъ, чтобы пріобрѣсти славу почти баснословную и помрачить всѣ подвиги Помпея. Побѣда вездѣ сопровождала его. Германцы отступили отъ Рейна и забыли на время о завоеваніяхъ. Устрашенная Британнія, населенная тѣми же Кельто-Кумрійцами, которыхъ Кесарь покорилъ въ Галліи, стала ожидать новаго нашествія и не могла уже служить надежною опорой для Галловъ, если бы въ нихъ проснулись вольнолюбивые замыслы.

Впрочемъ кромѣ Кельтовъ очевидно были въ южной Британніи и выходцы изъ Испаніи Силуры (таково мнѣніе древнихъ) и, можетъ быть, уже выходцы изъ Германіи, а безъ сомнѣнія, судя по именамъ урочищъ, выходцы отъ устья Рейна колоніи Мориневъ Менапиевъ и Вендовъ, т. е. семьи Восточно-Иранскія. Впрочемъ для историка уже мало занимательности въ народахъ, исчезнувшихъ навсегда и безъ слѣда.

Торжество Кесаря надъ Помпеемъ.

Побѣдитель Сѣвера, завоеватель области обширной, населенной воинственнымъ племенемъ и до него не только недоступной завоевателю, но даже неизвѣстной путешественнику, Кесарь потребовалъ въ своемъ отечествѣ власти равной власти Помпея; но ни гордость Помпея, ни подозрѣнія Сената, предвидѣвшаго торжество народной партіи, не могли уступить требованіямъ Кесаря. Загорѣлась междоусобная война, и цѣлый рядъ побѣдъ въ Италіи, въ Испаніи, въ Греціи, гдѣ погибли слава и войска великаго Помпея, въ Египтѣ, въ Малой Азіи, въ Африкѣ и снова въ Испаніи передали самодержавную власть въ руки неотразимаго полководца. Мнимое великодушіе и уваженіе къ древнимъ формамъ не могли скрыть властолюбія Кесарева: онъ погибъ подъ кинжалами убійцъ; быть

можетъ слишкомъ рано для славы Римской, ибо замышлялъ завоеваніе Паряня, Скніи и Германіи, во всякомъ случаѣ безъ пользы для республики, которой существованіе было невозможно.

Мертвенность правительственнаго состава, еще сомнительная при Кесарѣ (ибо рабство Рима могло объясниться гешемъ поработителя) выказалась послѣ его смерти во всей своей паготѣ. Едва освобожденные, Римляне снова подпали подъ власть, не оправданную даже славою. Грязный и свирѣпый тріумвиратъ раздѣлялъ между собою все государство. Войско республики, подъ предводительствомъ двухъ Кесаревыхъ убійць, изъ которыхъ одинъ (Брутъ) былъ достоинъ лучшихъ временъ Рима, было явпою насмѣшкою надъ самою республикою, ибо состояло по большей части изъ восточныхъ народовъ, чуждыхъ истинно-Римскому вопросу и республиканскому чувству. Торжество такого войска было безплодно; его пораженіе было рѣшительно. вмѣстѣ съ войскомъ, защищавшимъ свободу, казалось, погибло самое государство. Оно раздѣлялось на три, потомъ на двѣ части, независимыя ни другъ отъ друга, ни отъ одного какого нибудь центра, и подчиненныя чисто военной власти. Новая борьба была неизбѣжна. Побѣда Октавія (прозваннаго Августомъ), сына Кесарева по усыновленію, рѣшила надолго судьбу міра. Держава Римская снова окрѣпла въ единство, управляемое уже не Римомъ, но по крайней мѣрѣ изъ Рима, съ Римскими формами, Римскимъ вождемъ-императоромъ. Недаромъ полміра благословляло Августа: онъ возвратилъ ему миръ и законный порядокъ. Недаромъ благословлялъ его Римъ, онъ возвратилъ ему государственное значеніе, которое совершенно утратилось во время тріумвирата. Онъ дѣйствительно возсталовилъ Римъ.

Октаві-
анъ-Ав-
густъ.
Начало
имперіи.

Но тріумвиратъ, хотя и не долговременный, выказалъ уже вопліи тайну дотолѣ незамѣченную, то, что правительственный городъ уже не существовалъ, что онъ пещезъ въ государствѣ. Призракъ власти, возвращенный ему Августомъ, могъ еще обманывать народы современные, но долженъ былъ на-

конецъ уступить мѣсто дѣйствительности и едва заслуживаетъ вниманія здравой и критической исторіи.

Съ Августомъ, усыновленнымъ наслѣдникомъ Юліевъ, возшло на престолъ и утвердилось въ повѣрїи народовъ преданіе Альбанское. На первый рядъ между богами стала богиня, о которой мало говорятъ прежніе историки—Венера; въ началѣ лѣтописи Римской стала древняя, давно исчезнувшая безъ слѣда, но не забытая народами, великая колонія Восточно-Иранскаго племени—Троя. Многіе критики новой Германіи отвергали связь между Троею и Римомъ и древность преданій, связывая слово Троя съ древнимъ именемъ священнаго Римскаго животнаго, свиньи, и приписывая рассказъ объ Энеѣ изобрѣтательной лести Эллиновъ. Святыня родовыхъ обрядовъ и боговъ опровергаетъ ихъ. Еще болѣе опровергаетъ ихъ параллелизмъ Реи и Венеры (т. е. повтореніе въ сказкѣ о Ромулѣ сказки объ Энеѣ) и скрытая важность Венеры въ народномъ поклоненіи: ибо она была богинею трехъ міровъ (даже подземнаго, чего не было у Эллиновъ). У Эллиновъ рассказъ объ Энеѣ безспорно принялъ особый характеръ; но въ Лаціумѣ онъ связанъ съ преданіемъ мѣстнымъ, а отъ мѣстнаго преданія уцѣлѣли обломки вовсе не Эллинскаго характера, особенно по важности и символизму животныхъ (напр. лисицы, волка, орла и др). Многое затемнено раздѣленіемъ Венеры на Весту и Венеру, когда онѣ очевидно были въ началѣ одна и та же богиня; но достаточно уцѣлѣло, чтобы явно связать Альбу съ Троею по преданіямъ, также какъ онѣ безспорно связываются и по языковому началу.

Это языковое начало есть (какъ уже сказано) ничто иное, какъ начало Восточно-Иранское, т. е. Вендо-Санскритское. Не единство корней, которое явно во всѣхъ Иранскихъ нарѣчіяхъ и въ скоромъ времени будетъ явно во всѣхъ нарѣчіяхъ юго-западной и восточной Азіи и вѣроятно всего міра, но единство развитія словъ свидѣтельствуетъ о тождествѣ трехъ нарѣчій: Санскритскаго, Славянскаго и Римскаго. Радостное удивленіе, съ которымъ Нѣмецкіе критики узнали формы священнаго языка При-гангесскаго въ Мезо-

Готскомъ объяняется сильною примѣсю Сарматскаго и Вендскаго начала въ Готской вѣтви Германскаго языка. Эта примѣсь теперь замѣтна въ Шведскомъ нарѣчїи, въ которомъ явны чисто Славянскія формы (напр. *sark*—сорочка отъ корня *трочить*, выводныя *оторочить*, *строчить* и друг., *log* — отъ *торить*, выводныя *торный* и древне-Иллирійское *тергъ*, *Tergestum* и пр). Мезо-Готское же слово еще болѣе Шведскаго должно было принять Славянской примѣси отъ покоренныхъ Славянъ, данниковъ Эрманарика, между тѣмъ какъ остатки другихъ древне-Германскихъ нарѣчїй нисколько не обличаютъ близкаго родства съ Восточно-Иранскою семьею. Но ошибка Нѣмецкихъ ученыхъ особенно обличаетъ ихъ совершенное и не совсѣмъ простительное незнаніе языковъ и нарѣчїй Славянскихъ. Уже прежде показано изумительное единство языковъ Санскритскаго и Славянскаго, также какъ Славянскаго съ Латинскимъ. Между многими любопытными примѣрами этого единства въ развитїяхъ замѣчательны древнее простонародное *grabatus*—*кровать* (отъ крыть), *indoles удалъ*, и особенно *flamma*, *fulmen*, *flavis*—*пламя*, *пыльма*, *плавый* (полная форма *половой* отъ корня *пыль*).

Поклоненіе Венерѣ, т. е. женскому началу, перешедшее изъ чистаго символизма Кушитскаго въ сказочный міръ Славянской и Бактрійской (Санс: *вахтри* говорящей, Слав. *бахарь*), принявшее формы человѣкообразныя и соединившееся съ древне-Иранскимъ преданіемъ въ символѣ яблока, является съ многоразличными измѣненїями отъ дальняго Востока, т. е. отъ крайнихъ границъ Ферганы (*берегъ Прага*) и пересѣченїя Гиммалая и Куень-луньской твердыни гребнемъ Белурскаго подъема (скорѣе отъ Слав. корня *бъль* чѣмъ Санскр: *видура*), до средней Германїи, до горъ Скандинавіи и до западнаго приморїя Италійскаго: оно вездѣ указываетъ или на колонизацію или на сильное вліяніе Славянъ.

Оттого-то мы и не находимъ слѣдовъ его въ древностяхъ западной Германїи. Должно однако-же замѣтить, что ожесточеніе нравовъ у самихъ Славянъ и постоянная война противъ сосѣднихъ на-

родовъ скрыли даже въ семьяхъ Славянскихъ древнѣйшую форму мѣологии и затемнили Венеру въ народномъ поклоненіи болѣе воинственными богами (*).

Это самое поклоненіе, первобытная религія Альбы, по какому-то странному закону возникло снова въ эпоху полнаго развитія Римскаго, когда хитрый и невоинственный наследникъ Кесаря возвратилъ единство и силу разорванной державѣ и значеніе всемірной столицы городу, упавшему во время триумвиратства на уровень Александріи и чуть-чуть не Утики. Но какъ ни важно для исторической критики, т. е. для изслѣдованія о народныхъ родословіяхъ, явленіе формъ религіи уже отжившей, оно не имѣло никакого вліянія на самую жизнь государства и на духовное развитіе Римскаго міра при Августѣ. Боги народнаго пантеона были уже въ то время ничто иное какъ мертвые образы, лишены всякаго внутренняго содержанія, образы болѣе изящныя, но нисколько не болѣе разумныя негритаискаго фетиша, о которомъ нашъ просвѣщенный вѣкъ говоритъ съ излишнимъ презрѣніемъ, точно также какъ онъ говоритъ о богахъ Олимпійскихъ съ излишнею важностью.

Можетъ быть даже, фетишизмъ менѣе далекъ отъ философскаго мистицизма Кушитовъ, т. е. отъ системы вещественно-религіозной, съ которой онъ связывается посредствомъ амулета и символа, чѣмъ бессмысленный синкретизмъ Рима и Греціи отъ многозначительныхъ и глубокомысленныхъ ученій первобытнаго міра.

Религіозное состояніе Рима. Значеніе права. Религія въ смыслѣ богопознанія или вѣрованія рѣшительно не существовала въ Римѣ при Августѣ; едва ли, судя по

(*) Впрочемъ она не была забыта, хотя и утратила значеніе первенствующаго божества. Такъ напр. Аввилелъ, выстроенная въ землѣ Славянской и особенно поклонявшаяся Белену и Перуну, выстроила храмъ Венерѣ въ память освобожденія отъ осады. (*Прим. автора*).

отрывкамъ древнихъ поэтовъ, существовала она и въ цвѣтуція времена республики. Для Цицерона, точно также какъ и для Кесаря, или для Сцеволы, Варрона, или для позднѣйшаго Сенеки, религія есть обрядъ государственный, полезный, по вполнѣ условный, обязательный для гражданъ, но не имѣющій никакихъ внутреннихъ данныхъ для самобытнаго существованія или правъ на безусловное вѣрованіе. И такъ она зависитъ вполнѣ отъ государства и слѣдовательно признаетъ надъ собою другую религію, самое государство, которымъ обуславливается. «Вѣрованіе въ Боговъ есть мнѣніе полезное, ибо утверждаетъ клятвы, укрѣпляетъ договоры, пугаетъ преступниковъ, хранитъ неприкосновенность гражданскаго общества.» — «Вся сія мудрець сохранилъ не какъ угодныя Богу, но какъ предписанныя закономъ.» — «Поклоняясь неблагородной сволочи боговъ, созданной суевѣріемъ, не забудемъ, что это поклоненіе основано на обычаяхъ, а не на разумѣ.» — «Трудно сказать, не лучше ли совершенное безвѣріе, чѣмъ теперешняя вѣра, постыдная и исполненная обмановъ.» — «Есть три рода богознаній: сказочное, государственное и природное.» — «Истины въ религіи объявлять народу нельзя: она остается при философахъ,» — и такъ далѣе. Таковъ голосъ Рима, явно смѣющагося надъ своими богами и не признающаго даже возможности положительной истины религіозной.

Не справедливо бы было отдѣлять мнѣніе народное отъ мнѣнія людей просвѣщенныхъ. Эти самые писатели были въ одно время наставниками, всенародно преподающими свое ученіе, и жрецами, усердно исполняющими религіозные обряды; при всемъ томъ они были славою своего вѣка не по уму только, но и по благородству душевному. Въ нихъ выговаривалось общее убѣжденіе, и ни одинъ голосъ не осуждалъ ихъ, ни одинъ даже не противорѣчилъ. Вообще мало разницы между такъ называемою чернію и такъ называемыми мыслителями. Въ невѣжественномъ безстрастнѣи землешца безсознательно скрывается столько же безвѣрія, сколько его высказывается въ красноглаголаніи книжника. Во всякомъ случаѣ то, что всѣми пишется, всѣми непишущими думается, если не нынче, то завтра. Смѣш-

ны рассказы о религиозности народа во Франціи до революціи. Конвентъ ближе чѣмъ дворъ Людовика XV-го къ новымъ возстановителямъ католицизма даже въ томъ предположеніи, что эти возстановители дѣйствительно выражаютъ какую-нибудь вѣру.

Римъ далъ западному міру новую религію, религію общественнаго договора, возведеннаго въ степень безусловной святости, не требующей никакого утвержденія извнѣ, религію права: и передъ этою новою святынею, лишенною всякихъ высокихъ требованій, но обезпечивающею вещественный бытъ во всѣхъ его развитіяхъ, смирился міръ, утратившій всякую другую, благороднѣйшую или лучшую вѣру. Умирающіе цари завѣщали Риму свои родовыя владѣнія и покорность народовъ доказывала, что не одинъ страхъ или своекорыстный расчетъ управлялъ волею умершихъ владыкъ. Вѣка прошли; власть ослабла во всѣхъ оконечностяхъ государства, изсякла въ его средоточіи; но народы, покоренные мечемъ, завѣщанные своими царями или преобрѣтенные хитростью договоровъ, не думали отрываться отъ великой державы. Они забывали свое народное имя и съ гордостію называли себя именемъ Рима; они иногда возмущались въ пользу того или другаго лица, какъ нѣкогда въ пользу Силлы или Кесаря: но это лице стремилось, также какъ Кесарь и Силла, быть владѣтелемъ или представителемъ всего Римскаго міра и никогда не думало основывать особую, независимую державу. Они покорялись и поклонялись не городу, не мѣстному имени, не мѣстной славѣ, ибо (какъ видно уже изъ триумварата) Римъ не имѣлъ въ глазахъ народовъ того великаго значенія, которое ему приписывается суевѣріемъ ученыхъ. Они поклонялись вѣрѣ, данной Римомъ всему покоренному міру, вѣрѣ стройно-условнаго общества; они поклонялись цѣлой жизненной системѣ права, признавая въ душѣ своей и въ глубинѣ своей совѣсти, что ничего лучшаго или даже равнаго они не могли создать своими собственными силами или въ своемъ духовномъ безсиліи.

Даже когда въ позднѣйшее время возобновились съ большою

рѣзкостью и продолжительностью явленія подобнаго триумвирату, т. е. одновременное правленіе многихъ *августовъ*, коренное единство системы признавалось не какъ отвлеченное понятіе, но какъ святѣннѣя единовѣрія или какъ единство отчизны. Родина была, такъ сказать, въ законѣ. Лице же самаго города имѣло болѣе важности въ глазахъ варваровъ, чѣмъ въ глазахъ самихъ гражданъ. Въ этомъ убѣждаетъ вся исторія, не смотря на ложное убѣжденіе всѣхъ историковъ, наслѣдовавшихъ болѣе Готскія и Франкскія, чѣмъ Римскія мнѣнія. Римская держава не разъ переносила свои временныя столицы изъ города въ городъ, была иногда безъ дѣйствительной столицы; но она всегда оставалась Римскою, т. е. вѣрною божеству права, созданнаго въ Римѣ и Римомъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить ея великаго сходства съ Китаемъ, сходства выраженнаго по всей вѣроятности случайно въ названіи *Та-Тсинъ* (великій Китай), подъ которымъ Римъ былъ извѣстенъ Китайцамъ; но не должно забывать и великую разницу. Религіею обѣихъ державъ было самое государство, но въ Китаѣ идея государства была выше: она основывала себя на безусловной святѣннѣ вѣншней человѣческой правды, проявленной въ обществѣ, и на согласіи общества съ мировыми законами, слѣдовательно предполагала, хотя въ то же время и отстраняла, другую первобытную религію. Въ Римѣ идея государства заключалась въ безусловной святости условнаго договора; но въ то же время она признавала (какъ и слѣдовало въ державѣ основанной дружиною) свободную и сильную личность гражданъ, слѣдовательно полагала начало полной системѣ права, основаннаго на обычаяхъ, но стремящагося къ безкопечному развитію по строгимъ логическимъ законамъ.

Таково было духовное состояніе Рима въ послѣдніе вѣка республики: богопочтеніе обычное, отрицающее самыхъ боговъ, предположеніе неизвѣстныхъ духовныхъ существъ, хранителей вѣншней правды и права, и вѣра въ заклинательную силу стародавнихъ обрядовъ, покоряющихъ невѣдомыя силы, правящія міромъ. Безсвязный синкретизмъ въ своихъ общихъ выводахъ совпадалъ съ первоначальнымъ ученіемъ Купитовъ, не представляя впрочемъ ни ясности, ни строгой обдуман-

ности, ни глубокаго убѣжденія, которыхъ нельзя не признавать въ первобытной системѣ южной религіи. Но религія Римская была чисто-государственною; она слабо отражалась въ частныхъ лицахъ и давала полную свободу сомнѣнію и умствовапію.

Римъ-побѣдитель палагалъ свою печать и характеръ общественнымъ массамъ. Покоренная Эллада управляла частною дѣятельностію умовъ, точно также какъ ея языкъ (по словамъ самихъ Римлянъ) выражалъ всю полноту современнаго просвѣщенія. Римская мысль подчинилась высшей мысли Эллической.

Напр. Августъ былъ гораздо болѣе Грекомъ чѣмъ Римляниномъ.

Религиозное состояние Эллады. Философскія школы.

Эллада прожила всѣ степенн человѣческаго развитія; она наконецъ признала, что всѣ онѣ находятся въ прямой зависимости отъ начала разумнаго. Начало разумное, отыскивая свою внутреннюю основу, остановилось на незыблемой крепости логическаго знанія. Аристотель, умъ твердый, ясный и воздержный, положилъ крайніе предѣлы и неизмѣнныя правила философскаго мышленія, отстранивъ отъ него все личное и произвольное, всѣ гаданія поэтической фантазіи, которыхъ великій Платонъ, не смотря на свое неоспоримое диалектическое превосходство, принималъ еще въ область философіи и обращалъ въ полу-религіозный синтезъ. Миръ Элликой не покорился вполне Аристотелю; но, принявъ отъ него строгій урокъ, онъ уже болѣе не могъ довольствоваться ни однимъ изъ прежнихъ выводовъ своего умственнаго развитія. Возникло множество философскихъ сектъ, или совершенно новыхъ, или старыхъ, переродившихся подъ вліяніемъ новаго ученія; но всѣ стремились къ одной недостижимой цѣли, къ примиренію всеразлагающаго анализа съ внутренними требованіями духа человѣческаго, стремящагося къ истинѣ несомнѣнной и неразлагаемой.

Древніе софисты суже поняли силу и необходимость анализа; но

ихъ частныя и безсильныя попытки обратились въ безплодную игру. Они исчезли передъ Сократовскою школою въ ея окончательномъ развитіи, давшемъ наукообразную строгость и всеобъемность началу, ими темно угаданную.

Весь міръ Эллады раздѣлился на философскія ученія; но всѣ они, не смотря на свое разнообразіе, вели къ скепсису, т. е. къ неистѣльному сомнѣнію, не смотря на временныя прихотливыя утвержденія, или на вѣрованія, которыми каждая секта хотѣла себя оградить отъ безутѣшнаго признанія въ собственномъ безсиліи и которымъ ни одна дѣйствительно не вѣрила вполнѣ. Коренное безвѣріе лежало въ основаніи всѣхъ ученій, и отъ этого самаго каждое изъ нихъ старалось создать себѣ новую вѣру, на которой оно могло бы успокоиться. Не находя ея въ мірѣ знанія, оно переносило ее въ міръ волн и нравственно-практическихъ началъ. Гордый стоикъ создавалъ себѣ буддаистскій идеализмъ и призракъ отрицательнаго добра, которымъ поклонялся съ какимъ-то произвольнымъ восторгомъ; болѣе кроткій и человѣколюбивый эпикуреецъ искалъ богоподобной радости въ гармоническомъ наслажденіи міромъ и въ сообщеніи этого наслажденія другимъ людямъ. Платонизмъ, созданный въ своемъ началѣ вліяніемъ Востока, возвращался безсознательно къ своему источнику, даже въ географическомъ отношеніи, и старался привиться къ положительнымъ преданіямъ, сохраненнымъ въ народахъ первобытныхъ или въ областяхъ древняго просвѣщенія, избѣгая посредствомъ діалектическихъ тонкостей неизбѣжныхъ требованій Аристотелевой логической философіи.

Школа Шеллинга въ нашъ вѣкъ повторяетъ тотъ же фактъ въ отношеніи къ философіи Гегелевой.

Такимъ образомъ создавался Нео-платонизмъ, прихотливое сочетаніе философіи и религіи, произвольно принимающее первобытное духовное начало, по развивающее его по законамъ внутренней необходимости, олицетворяющее развитіе мысли

въ видѣ божественныхъ изліяній или эоновъ, и въ то же время явно не удовлетворяющее ни требованіямъ вѣры, ни требованіямъ разума. Не смотря на духовное движеніе, полученное древнею Элладю отъ духовнаго міра Иранскаго, всѣ секты или ученія философскія очевидно подчинялись Кушитскому началу необходимости логической, принимали все сущее за необходимо-сущее, и въ то же время обращали все сущее въ призракъ лишенный всякаго внутренняго основанія. Вѣкъ Августа былъ вѣкомъ полнаго безвѣрія.

Религиозное состояние Израиля. Мессіаниззмъ.

Древнее ученіе Ирана сохранялось въ одномъ Израилѣ въ формѣ твердаго преданія, не отвергающаго требованій разума, но не требующаго себѣ основаній добытыхъ логическимъ анализомъ. Побѣдная борьба противъ притязаній Эллинскихъ во время великихъ Маккавеевъ внушила Евреямъ глубокую ненависть противъ иноплеменнаго просвѣщенія и усилила въ нихъ гордость мѣстнаго и племеннаго начала, естественное послѣдствіе Моисеева закона и явнаго превосходства религіознаго передъ всѣми другими народами. Но мало-по-малу память о борьбѣ стала изглаживаться. Чувство внутренней духовной силы, обѣщанія мессіаническія, очевидная слабость всѣхъ Эллинскихъ (грубо-синкретическихъ) вѣрованій, и преданія о скоромъ приходѣ Вождя—Спасителя открыли для Евреевъ новый кругъ дѣятельности и надежды. Историческая судьба Іудеи, перевороты внутренніе и завоеванія Эллино-Римскаго міра разсѣяли потомковъ Іакова по всему земному шару. Греція и Римъ, Африка, Малая Азія, Сирія и даже страны Заевфратскія были наполнены Іудеями, торговцами или плѣнными, получившими осѣдлость. Ихъ многочисленныя колоніи были охотно приняты и уважены въ Египтѣ; Александрія была въ продолженіи долгаго времени городомъ болѣе Іудейскимъ, чѣмъ Египетскимъ или даже Эллинскимъ. Религія Еврейская была почти вездѣ терпима; она пользовалась особеннымъ почтеніемъ на берегахъ Нила, сильнымъ покровительствомъ въ Римѣ подъ правленіемъ великаго Кесаря, вѣроятно понявшаго, также какъ и питомецъ Аристотеля, достоинство духовной вѣры, завѣщанной первобытнымъ міромъ Иранскимъ и скрѣпленной Моисе-

емъ въ неизмѣнный обрядъ. Евреи познакомились съ мыслию Элина, съ его образованностью, съ трудами ума человѣческаго, смѣло отыскивавшаго истину посредствомъ собственныхъ силъ; они узнали съ уваженіемъ вѣковой подвигъ философіи, ея разнообразныя ученія и, особенно, высокія гаданія Платона, отзывающагося роднымъ Востокомъ. Душа ихъ расширилась и стала доступна любви къ человѣчеству. Но окружающій міръ былъ духовно слабъ, а въ себѣ чувствовали они неистощимую силу и свѣжесть вѣчно-молодаго убѣжденія. Они поняли возможность мысленнаго завоеванія, темно обозначеннаго въ писаніяхъ Пророковъ, и стали проповѣдывать язычникамъ. Проповѣдь была не безуспѣшна, многіе язычники, утомленные тщетнымъ исканіемъ истины, презирающіе заклинательные обряды религій, не соединенныхъ съ вѣрою, и увлеченные величіемъ духовнаго ученія, приняли законъ Моисеевъ, иные вполнѣ, какъ ученики правды, т. е. послѣдователи строгаго закона, большая часть какъ ученики привратные, т. е. какъ послѣдователи закона Ноева или мозаизма безъ его обрядовъ. Такія обращенія были нерѣдки вездѣ, особенно же кажется сильны въ Аравіи, гдѣ племя Гомеритовъ въ I-мъ вѣкѣ прежде Р. Х. приняло законъ Евреевъ и гдѣ этотъ законъ долженъ былъ со временемъ положить начало новому ученію. Примѣру Гомеритовъ послѣдовалъ вскорѣ послѣ Р. Х. Ицатъ, царь Адіабены. Женщины, въ которыхъ кроткое и домашнее житіе, удаленіе отъ тревоженій и страстей жизни мужской, отъ мужской гордости разума и смѣлой надежды на собственную силу часто сохраняютъ чистоту и внутреннюю стройность души и бессознательную любовь къ духовному міру, принимали охотнѣе мужчинъ ученіе Бога Израильскаго.

Такъ напр. въ Дамаскѣ большинство женщинъ принадлежали закону Моисея.

Но ученіе Ирана содержало въ себѣ обѣщаніе будущаго Мессіи, находило въ немъ свою главную силу и черезъ него пробуждало сочувствія во всѣхъ народахъ, болѣе или менѣе

сохранившихъ или помнящихъ это общее преданіе первобытнаго племени. Покуда обѣщаніе признавалось еще неисполненнымъ, самый кругъ ученія содержалъ въ себѣ признанную неполноту и неудовлетворительность. Мірѣ не могъ покориться.

Состоя-
ніе міра
при Ав-
густѣ.

Римская держава сомкнулась въ одно цѣлое подѣ правленіемъ Августа. Торжество грубо-политическаго начала означило окончаніе мысленнаго подвига, совершеннаго всеобъемлющимъ умомъ Иранскаго племени въ его полномъ развитіи, и этотъ подвигъ вѣнчался совершеннымъ сокрушеніемъ всѣхъ древнихъ религій. Пылливость Эллинскаго знанія нанесла смертельный ударъ безусловному поклоненію внѣшней правдѣ, въ которомъ дѣйствительно состояло все вѣрованіе Рима. Анализъ требовалъ отчета отъ всякаго мнѣнія, оправданія для всякой вѣры. Идеаль добродѣтели внѣшней, воли самосоздающей себѣ законъ, исчезалъ передъ логическимъ требованіемъ. Упорный Римлянинъ потребовалъ ему оправданія отъ самой жизни, отъ своей вооруженной руки. Судьба въ холмахъ Филиппійскихъ отвѣчала также отрицательно какъ разумъ въ философскомъ уединеніи. Гордость воли пала. Мірѣ Римскій сказалъ устами Брута: «Добродѣтель, ты пустое слово.» Но и пылливое знаніе уже утратило свои надежды. Эллада спросила устами Пилата: «Что такое истина?» и не стала дожидаться отвѣта, зная по опыту вѣковъ, что отвѣта нѣтъ. Горькое отчаяніе слышно въ словѣ Римлянина, утратившаго вѣру въ добродѣтель; какая-то самодовольная гордость слышна въ словѣ Эллина, пріобрѣтшаго разумомъ право не вѣрить знанію и добродушно презирающаго тѣхъ, которые еще могутъ вѣрить: но оба сошлись въ одномъ выводѣ. Нѣтъ ни красоты воли—добродѣтели, ни красоты знанія—истины. Мірѣ остался безъ Божества.

Явленіе
Мессіи.

Въ это время явился въ Іудеѣ человекъ именемъ Иисусъ, говорящій про себя, что онъ обѣщанный Мессія сынъ Божій, возвѣщающій совершеніе древняго закона, призывающій къ покаянію, къ жизни духовной чистоты, ставящій новый законъ совершенства; законъ всеобщей любви, пренебрегающій благами земными и властію земною, обѣщающій своимъ послѣ-

дователямъ наслѣдство безконечнаго блаженства, проповѣдующій новое ученіе объ единствѣ Божества въ трехъ образахъ Отца, Сына и Духа и возможность для человѣка вступить въ это единство посредствомъ отверженія своей злой и случайной личности и пріобрѣтенія новой, высшей личности въ Божествѣ. Первую проповѣдь обращалъ онъ къ Евреямъ, какъ къ хранителямъ истины и какъ къ единому народу, знающему Бога: но въ то же время порицалъ ихъ родовую гордость, ихъ упованіе на свое достоинство сыновъ Авраама, ихъ тѣсную и небратолюбивую народность и униженіе вѣры до безмысленнаго обряда. Онъ грозилъ имъ отверженіемъ за упорство, и перенесеніемъ благословенія на другіе народы и, говоря постоянно въ притчахъ, нерѣдко выбиралъ иноплеменниковъ, и особенно ненавистныхъ Евреямъ Самарянъ, въ примѣръ добродѣтелей угодныхъ Богу. Многіе ему повѣрили, особенно изъ низшаго сословія. Богатые, ученые, жрецы и вожди народа, любящіе блескъ и славу и власть земную, сперва глядѣли на него съ презрѣніемъ, потомъ съ ненавистію, когда увидѣли успѣхъ его проповѣди, и наконецъ предали позорной казни креста. Послѣ его смерти ученики его, изъ которыхъ главные были малограмотные рыбаки, продолжали распространять его ученіе, сперва въ Иудеѣ и въ колоніяхъ Еврейскихъ, потомъ въ народахъ иновѣрческихъ и вездѣ, гдѣ находили охотныхъ слушателей. Много страдали они, много терпѣли презрѣнія и преслѣдованій; но не слабѣли духомъ и ревностью, проповѣдуя слово о пришедшемъ Мессіи-Спасителѣ. Новая вѣра окрѣпла, новые законы стали управлять судьбою міра, и народы, принявшіе проповѣдь Иудейскихъ рыбаковъ, сдѣлались властителями всего земнаго шара и вождями человѣчества въ путяхъ мысли и просвѣщенія.

Исторія не судитъ объ отвлеченномъ достоинствѣ ученія, но рассматриваетъ всякое ученіе въ отношеніи къ его необходимому или разумному развитію. По этому она должна признать въ христіанствѣ не только торжество ученія древне-Иранскаго (основаннаго на преданіи), но еще и окончательное его развитіе. Христіанство, замыкая собою міръ поклоненія

Мѣсто
принад-
лежащее
христіан-
ству въ
истори-
ческомъ
развитіи
міра.

свободно творящему духу и мессіаническихъ обѣщаній, разрѣшило всѣ надежды человѣчества единымъ разумнымъ разрѣшеніемъ, отвлекая ихъ отъ всего случайнаго и не необходимаго. Таковъ смыслъ ученія и самой жизни Іисуса: они вполнѣ независимы отъ случайностей историческихъ и отъ личнаго произвола.

Рожденіе въ Іудеѣ или Вилеємѣ, тридцатилѣтній срокъ жизни, смерть на крестѣ и т. д. являются безспорно какъ случайности; по онѣ не имѣютъ никакого вліянія ни на развитіе ученія, ни на жизнь Іисуса. Ученіе его сомкнуто само въ себѣ и не носитъ никакой печати наложенной извнѣ; его жизнь есть только необходимая земная обложка его ученія, безъ блеска и славы, безъ великолѣпной борьбы или великолѣпнаго торжества. Самая смерть его на крестѣ, вдали отъ учениковъ, бѣжавшихъ отъ страха, и между двухъ разбойниковъ, представляетъ какой-то характеръ равнодушія историческаго къ добру и злу: она имѣетъ высокое значеніе для судьбы народа-палача, и не имѣетъ никакого возвратнаго вліянія на внутреннее значеніе христіанства. Все это просто и какъ будто ежедневно.

Завѣтъ Іудейскаго, теперь всемірнаго, учителя немногословенъ: онъ заключается въ нѣсколькихъ положеніяхъ, не связанныхъ ни съ какою мѣстностью; ни съ какими вышними условіями. Человѣкъ такъ подобенъ Богу въ смыслѣ духовномъ, что Богъ могъ быть человѣкомъ. Такимъ образомъ высшій духъ имѣетъ въ себѣ внутреннее оправданіе своего величія, и человѣкъ получаетъ внутреннюю возможность безконечнаго совершенства. Человѣчество освобождается отъ рабства міровыхъ случайностей и отъ жизненной тягости собственной силою олицетвореннаго совершенства человѣческаго, и человѣкъ вступаетъ въ нѣдра Божества посредствомъ добровольнаго соединенія любви съ человѣкомъ духовно-совершеннымъ, т. е. посредствомъ преданія своей частной воли въ волю человѣко-божественную. Въ этомъ все его освобожденіе, вся его высота, вся его награда.

Міръ ученія Кушитскаго остался неприкосновеннымъ; но онъ заключился въ логику философскихъ школъ. Міръ ученія Иранскаго получилъ свой вѣнецъ въ христіанствѣ и уже внѣ его не имѣетъ никакого смысла. Онъ весь связанъ съ идеею единого разумнаго Мессіи. Іудеи, ожидающіе другаго, полнаго блеска и силы, облеченнаго въ пышность власти, знанія, безсмертія и всей торжествующей случайности, отрицаютъ бессознательно самую идею мессіанскаго преданія и по этому уже не имѣютъ никакого значенія въ историческомъ мірѣ.

Іудеи послѣ Христа есть живая безмыслица, не имѣющая разумнаго существованія. Отъ того-то въ нашъ вѣкъ нѣтъ просвѣщенныхъ Жидовъ. Они переходятъ немедленно въ философскую школу и дѣлаются явными противниками своего народнаго значенія и своихъ религіозныхъ преданій.

Другой народъ, по преданіямъ Еврейскимъ и отчасти своимъ, братъ Израиля по крови, но менѣе чистый въ смыслѣ семейномъ или въ началѣ духовномъ, Измаэлиты и Есавляне, народъ безспорно сохранявшій память объ общемъ ученіи и потомъ много принявшій духовныхъ началъ отъ Евреевъ, представилъ своего Мессію нѣсколько вѣковъ послѣ народа Израильскаго. Явленіе Магомета есть безспорно одно изъ самыхъ важныхъ происшествій историческихъ, но воинственный проповѣдникъ Аравіи погружаетъ снова человѣчество во все безсмысліе случайности и эта случайность безъисходна, ибо она обнимаетъ всю загробную будущность. Магометанство исчезаетъ; народы, ему послѣдующіе, сходятъ съ историческаго поприща, и одно только христіанство продолжаетъ управлять міромъ силою своей внутренней и логической полноты.

Связь христианской эпохи съ прежнею. Съ эпохою новорожденнаго христіанства начинается новая эпоха исторіи, ясная, всёмъ знакомая, обработанная безконечнымъ множествомъ писателей; но она связана съ исторіею до-христіанскою связью неразрывною, ибо слѣды прошедшаго не легко изглаживаются и жизнь прожитая долго обуславливаетъ будущую. Новѣйшая критика, измѣнивъ взглядъ на древній міръ, измѣняетъ также до нѣкоторой степени понятія о мірѣ новѣйшемъ.

Явленіе Іисуса и его законъ содержатъ въ себѣ начало всей позднѣйшей жизни міра; но это начало развилось только черезъ нѣсколько вѣковъ, такъ что первыя столѣтія принадлежатъ еще исключительно древней исторіи. Даже и тогда, когда знамя поднятое Константиномъ возвѣстало торжество Еврейскаго учителя, когда новые народы, выступивъ изъ глубины сѣверныхъ пустынь, уничтожили въ своемъ дикомъ налетѣ прежнія государства Европы и, покорившись преемникамъ апостоловъ, создали новыя державы, донинѣ правящія судьбою человѣчества, — сѣмена добра и зла, просвѣщенія и заблужденій, брошенные прежнимъ развитіемъ человѣческой мысли, не погибли и не остались безплодными. Римъ и Эллада, воинственная дикость Германца и тѣсный бытъ Славянской семейности имѣли столько же вліянія на исторію новѣйшую, сколько и христіанство. Поэтому мнѣніе, высказанное ревнителями закона Іисусова въ похвалу, или его врагами въ укоръ, будто бы все развитіе Европы послѣ Константина есть ничто иное какъ жизнь и развитіе Церкви, не имѣетъ никакого основанія. Какъ укоръ оно несправедливо, ибо мерзости разврата и кровопролитія, наполняющія всю лѣтопись христіанскихъ народовъ, не находятся въ логической связи съ ученіемъ, завѣщаннымъ отъ Еврейскихъ проповѣдниковъ; какъ

похвала оно нелѣпо, ибо самая похвала была бы укоромъ. Основатели Церкви ужаснулись бы своего созданія, если бы на нихъ легла отвѣтственность Европейской исторіи. Одно только можетъ и должно быть сказано объ отношеніяхъ христіанства къ народамъ, которые его исповѣдуютъ, именно то, что оно до сихъ поръ обусловливало крайніе предѣлы ихъ развитія. Таковъ смыслъ всякой религіи: она есть граница всего духовнаго и умственнаго міра для человѣка. Народъ, выступившій изъ границъ своего вѣрованія, создаетъ себѣ вѣрованіе новое; отрицаніе же, еще не создавшее новаго положенія, находится въ прямой зависимости отъ положенія отвергаемаго. Поэтому до нашихъ временъ христіанство (принимаемое или отрицаемое) есть законъ всего просвѣщеннаго міра, но одно только невѣжество можетъ смѣшивать Церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго, съ обществами, признающими, но не воплощающими его.

Августъ соединилъ весь Римскій міръ въ одно цѣлое подъ своею державою и далъ ему стройное движеніе подъ однимъ закономъ; но въ этомъ единствѣ внѣшнемъ и чисто-политическомъ сохранилось различіе двухъ міровъ, созданныхъ разными началами. Міръ Греціи, Востока и Африки былъ древнѣе Рима, богатъ собственною мыслию, свѣтелъ собственнымъ просвѣщеніемъ. Онъ покорился Риму какъ силѣ и какъ полнѣйшей идеѣ политической; но въ то же время сохранялъ духовную самобытность, умственное превосходство надъ Римомъ и тайное къ нему презрѣніе. Міръ Италіи, Галліи, Испаніи и позднѣе Британіи былъ Римскимъ созданіемъ. Его бѣдная и безплодная самобытность исчезла вскорѣ. Вся жизнь и мысль Запада были даны Римомъ, а не выработаны собственною силою народовъ. При Августѣ и еще долго послѣ это различіе не выражалось, потому что было подавлено желѣзною силою Римскаго закона; позднѣе оно опредѣлило весь ходъ историческихъ событій.

Держава
Августа.
Его заво-
еванія;
борьба съ
Герман-
цами.

Огромна была область державнаго Рима. Даже далекій и незапамятно-древній Китай, притча гордости народной, назы-

валъ его великимъ въ сравненіи съ собою (великимъ Китаемъ, *Та-тсинъ*). Августъ не наследовалъ воинственному славолюбию великаго Кесаря; онъ не осмѣлился искать распространенія имперіи, но, усмиривъ нѣкоторыя полу-свободныя племена внутри ея предѣловъ (напр. горцевъ Испанскихъ), онъ старался только обезопасить ея границы, особенно со стороны Альповъ и Рейна. Альпы и южная Германія были населены Ретійцами и Винделиками (Вендами-великими), народами Славянскими, принявшими вѣроятно уже значительную примѣсь окрестныхъ народовъ, Кельтскихъ и Германскихъ. Война была упорна, но Римляне побѣдили и, захвативъ оба ската Альпійскихъ горъ до самаго Дуная, мало-по-малу наполнили новопріобрѣтенную страну военными колоніями (*agri decumates*), обязанными охранять границу Италіи. Мудрая предусмотрительность Августа была оправдана послѣдствіями. Еще долго послѣ него, когда Римъ ослабъ и дикари Германскіе стали порываться изъ своихъ лѣсовъ, земля Винделиковъ и ущелія Альпійскія, замкнутыя крѣпостями, удерживали напоръ сѣверныхъ племенъ; долго (до самыхъ временъ Іуліана) Римскіе легіоны могли по водамъ Дуная быстро переноситься отъ предѣловъ Галліи до равнинъ Венгріи, громя въ теченіи немногихъ недѣль свирѣпыхъ Алеманновъ и Франковъ При-рейнскихъ и завоевательныхъ Готовъ въ страпѣ При-евксинской. Область Славянскихъ народовъ наполнилась войнолюбивыми выходцами изъ Галліи и изъ всѣхъ краевъ имперіи. Языкъ утратился, обычаи измѣнились; старожилы сохранились только въ небольшихъ оазисахъ, разсѣянныхъ далеко въ южной Германіи, уцѣлѣли бѣдные остатки стараго быта въ нравахъ, нѣсколько именъ мѣстностей, свидѣтельствующихъ о прежнемъ славянствѣ края.

Таковы напр: оазисы въ Швабіи и Франконіи (около Бамберга), въ которыхъ Славяне жили со всѣми особенностями своего племени на удивленіе и заботу нѣмецкихъ критиковъ; таковы рѣзные коньки крышъ съ фигурою коня въ пригорьяхъ Альпійскихъ; таково имя Лехрайнъ, явно Краины При-лешской, какъ и самое имя рѣки

Леса значить «пограничная». Впрочемъ безпристрастные наблюдатели не могутъ не замѣтить множества другихъ признаковъ славянства въ описаніи южной Германіи, не смотря на ея полное объѣмеченіе, которое несравненно древнѣе объѣмеченія сѣверо-восточныхъ областей.

Покореніе Винделикской области повлекло за собою войну съ Славянами Паннонскими, т. е. Венгро-Далматскими. Легионы встрѣтились съ врагами, уже получившими или не утратившими начала жизни просвѣщенной. Народъ Паннонскій былъ образованъ и грамотенъ, любилъ свою грамотность и образованность, не чуждался иноземнаго знанія и науки. Таково свидѣтельство Римлянъ.

Позднѣе Тацитъ узнавалъ въ Германіи народъ Озовъ за Паннонскій, потому, что онъ охотно покорялся законамъ и порядку общественному (*).

Жители Панноніи были, за исключеніемъ Персіи и Эллинскаго міра, единственнымъ образованнымъ народомъ, съ которымъ воевалъ Римъ. Они подражали Римлянамъ въ искусствѣ военномъ, въ строѣ и вооруженіи войска, пользовались выгодами своей горной страны и отстаивали свою свободу съ мужествомъ, заслужившимъ похвалу отъ непріятелей. Италія трепетала. Императоръ не считалъ себя безопаснымъ въ самомъ Римѣ; но многочисленность легионовъ и ихъ боевая опытность, искусство Римскихъ полководцевъ и особенно будущаго тирана имперіи Тиверія восторжествовали. Паннонія была покорена и обращена въ провинцію; жители подчинились законамъ побѣдителей, приняли ихъ обычаи и вѣроятно ихъ языкъ и долго были твердымъ оплотомъ имперіи; но многіе, вѣроятно самые мужественные и вольнолюбивые, ушли далеко за Дунай въ пустыни, лѣса и горы Сѣвера, завѣщая потомкамъ преданія о томъ, какъ предки нѣкогда жили въ благо-

(*) Ср. 1-ю часть стр. 402-й.

словенной странѣ При-дунайской, и строя города съ именами, напоминающими имена древнихъ городовъ своей южной родины, и питая вѣроятно надежду на возвратъ.

Преданіе о Придунайской отчизнѣ перешло отъ выходцевъ послѣ просвѣщенныхъ къ Славянскимъ старожиламъ Сѣвера и сдѣлалось общимъ, утративъ свой истинный смыслъ. Изъ бѣглецовъ же, удалившихся на сѣверъ, многіе (Сербы и Хорваты) вѣроятно возвратились изъ Карпатскихъ горъ въ южную Паннонію по приглашенію Византійскихъ императоровъ, надѣявшихся найти въ нихъ вѣрныхъ союзниковъ противъ другихъ сѣверныхъ дикарей. Впрочемъ переселеніе Славянское на сѣверъ началось безспорно гораздо прежде Августа, именно во время Эллинскаго разлива и продолжалось гораздо послѣ, особенно при Траянѣ. Отъ того и имена сѣверныхъ городовъ напоминаютъ не одну Паннонскую область, но и Фракію и Мизію и даже города извѣстные внутри самой Эллады. Не должно однако же забывать, что тождество корней во всей Славянской землѣ могло дать начало тождеству именъ даже безъ переселенія.

Граница Рейнская, положенная Кесаремъ, требовала обезпеченія. Рейнъ казался защитой недостаточной для предѣловъ государства и легіоны проникли въ глубь лѣсовъ Германскихъ до самой Эльбы, покоря волниственныя но разрозненныя семьи дикарей. Покореніе Германіи было возможно; оно было даже легко. Въ этомъ явно свидѣлствуютъ побѣды Друза и счастливый походъ Домиція отъ Дуная къ берегамъ Эльбы; но Августъ не желалъ завоеваній и не понималъ потребности своей имперіи; быть можетъ, онъ и не могъ ее понять по недостаточнымъ свѣдѣніямъ въ географіи. Покореніе Германіи до Эльбы и Славянскихъ племенъ до Вислы дало бы государству на востокѣ короткую и легко охраняемую границу отъ Балтики до устьевъ Дуная, сосѣдей мирныхъ и не порывающихся къ завоеваніямъ, Славянъ, или степныхъ жителей Сармато-Аланъ, способныхъ къ коннымъ палатамъ, но мало способныхъ къ постоянной наступательной войнѣ. Сѣверная же граница была бы охранена моремъ, превосходною

морскою силою и ничтожествомъ населенія въ Скандинавскомъ полуостровѣ. Ошибка Августа и безпечность его преемника оставили государство при безконечно длинной границѣ отъ устьевъ Рейна до устьевъ Дуная и при сосѣдяхъ хищныхъ, бѣдныхъ, жадныхъ къ добычѣ и къ завоеваніямъ и безпрестанно возрастающихъ въ воинской силѣ посредствомъ безпрестаннаго воинскаго опыта.

Вообще народъ дикій, какъ бы онъ ни былъ мужественъ, легче побѣждается въ первое время столкновенія съ народомъ просвѣщеннымъ и воинственнымъ, чѣмъ въ позднѣйшее время. Тутъ искусство, лучшій строй и вооруженіе войска, а особенно минутный испугъ, сильно дѣйствующій на дикарей, ручаются за успѣхъ. Позднѣ отношенія перемѣняются. Испугъ, страсть мгновенная, такъ сказать, нервическая, обезсиливаетъ дикаря (точно также какъ она убиваетъ медвѣдя), минуется скоро. Скоро перенимается военное искусство, менѣе всѣхъ требующее развитія духовнаго и умственныхъ способностей въ народѣ, хотя нельзя того же сказать о частныхъ лицахъ. Наконецъ семьи, нѣкогда враждовавшія между собою и разьединенныя, привыкаютъ къ союзамъ и къ дѣйствию совокупному, сплачиваются въ твердыя и многочисленныя массы и приобрѣтаютъ почти непобѣдимую силу, какъ для обороны, такъ и для завоеваній.

То что было легко въ первые года Августа, сдѣлалось труднѣе въ концѣ его царствованія и при Тиверіи, было почти невозможнымъ при ихъ наслѣдникахъ. Слишкомъ рано умеръ Друзъ, завоеватель Германіи до Эльбы, слишкомъ рано успокоились Римскіе легіоны, повѣривъ покорности побѣжденныхъ племенъ и безпечно занимавшіеся введеніемъ обычаевъ и законовъ Римскихъ въ пустыни издавна свободной и вольнолюбивой. Глуность Вара и измѣна Арминія возвратили временно свободу Германцамъ.

Имя Арминія трудно возстановить въ его настоящемъ звукѣ. Быть можетъ онъ звался Арминомъ, быть можетъ, какъ иные думаютъ, Ирминъ, но конечно не Германомъ, именемъ, которое бы перешло

въ Латинское *Германусъ*, а не *Арминіусъ*. Вѣроятно же всего то, что Римлянамъ было извѣстно его патронимическое названіе, кончающееся на *ингъ* съ мягкимъ *гъ*. Измѣна его извинительна по обстоятельствамъ и тогдашнему духу народа; но нельзя ее превозносить до небесъ какъ подвигъ чистый, святой. Такой неумѣренный восторгъ позволенъ только горячему патриотизму и дико-воинственному духу нѣмецкихъ профессоровъ.

Арминій соединялъ хитрость и дальновидный умъ съ мужествомъ и доблестью воинскою. Онъ искусно и храбро сражался съ Римлянами, часто побѣждалъ, никогда не былъ вполне побѣжденъ и всѣми силами стремился къ соединенію всѣхъ Германцевъ въ одинъ союзъ. Нельзя сказать, собственно ли его гордый и строптивый нравъ или вражды племенъ Нѣмецкихъ помѣшали успѣху: но безспорно то, что усилія его были безуспѣшны. Достойный сынъ Друза, Германикъ снова проникъ въ глубь странъ Приэльбскихъ и могъ бы торжественно кончить подвигъ отца. Тиверій не далъ ему достаточныхъ войскъ, не поддержалъ его нападеніемъ съ юга и вскорѣ отозвалъ его подъ пустымъ предлогомъ въ Сирію. Зависть императора снова спасла свободу Германіи. Позднѣе уже завоеваніе ея было едва-ли по силамъ распадающейся имперіи. Въ ней самой росли внутреннія причины разрушенія, въ лѣсахъ Германіи стали крѣпчать внѣшнія причины міроваго переворота. Востокъ Германіи остался свободнымъ; весь западъ, страна прилегающая къ Рейну, никогда не былъ уже вполне свободнымъ, никогда вполне покореннымъ. Его жители то платили дань Риму, то считались его союзниками, пополняли ряды легіоновъ или составляли отдѣльные отряды въ войскѣ, по волѣ, какъ наемники, или по неволѣ, какъ побѣжденные, составляли охранную стражу императоровъ въ Римѣ или дружину тѣлохранителей у правителей-тиранновъ областныхъ, во всякомъ случаѣ принимали отъ народовъ просвѣщенныхъ только ихъ пороки, корыстолюбіе, бездушное лукавство, безграничный развратъ и жажду къ вещественной пользѣ и наслажденію, не принимая ни ихъ добродѣтелей ни

ихъ просвѣщенія. Они утратили всѣ добрыя качества Германскихъ дикарей, честность, простоту нравовъ, вѣрность данному слову, цѣломудріе, братолюбіе, и сохранили только дикую храбрость, вѣчно алчущую добычи, и любовь къ войнѣ, усиленную еще новопріобрѣтеннымъ искусствомъ.

То, что произошло въ западной Германіи, повторялось весьма часто на окраинахъ государствъ образованныхъ и повторяется въ нашъ вѣкъ въ племенахъ называемыхъ замириными по границамъ Россіи.

Такимъ образомъ трех-вѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ При-рейнской ту грозу Франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества.

Августъ умирилъ имперію и далъ ей твердыя формы. Въ себѣ соединилъ онъ всѣ права народа (хотя собранія народные или тѣмъ ихъ были отмѣнены только его преемникомъ) и всю силу войска, которое непосредственно себѣ подчинилъ. Въ то же время возстановилъ онъ значеніе столичнаго города, давно упавшее и почти совершенно забытое во время триумвирата. Самъ Августъ, за исключеніемъ весьма недолгихъ походовъ, которыми онъ платилъ дань воинственному духу народа и воинскому титулу императора, жилъ постоянно въ Римѣ или около него. Преемники его слѣдовали его примѣру въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія. Уже древніе писатели замѣтили различіе между первыми наслѣдниками Августа и государями позднѣйшаго времени. Императоры до Нервы получили названіе двѣнадцати Кесарей. Новые историки повторяютъ выраженіе древнее и не понимаютъ характера, который былъ замѣченъ безсознательною наблюдательностью историковъ Римскихъ. Первый рядъ открывается великимъ Кесаремъ,

Первые преемники Августа. Маркоманы. Покореніе Британніи.

второй рядъ не менѣе великимъ Траяномъ и продолжается до дробленія государства; но преемники Кесаря, властвовавшіе въ системѣ Августа, рѣзко отдѣлены отъ преемниковъ Траяна. Много было тиранновъ и послѣ Траяна, а имена Августа, Веспасіана и Тита блестятъ въ числѣ Кесарей; но позднѣйшіе вѣка не представляютъ такого отвратительнаго ряда государей, какъ Тиверій, Калигула, Клавдій и Неронъ, которыхъ имена обратились въ народную притчу. Разница рѣзка и очевидна. Причина еще не замѣчена, но не менѣе очевидна. Кесари были собственно императорами одного города. Преемники Траяна были государями всей имперіи. Первые были воспитаны и погружены въ безконечномъ развратѣ Рима, готоваго терпѣть и любить всякаго царя-изверга, только бы онъ тѣшилъ праздныхъ горожанъ безстыдными празднествами и кормилъ ихъ даровымъ хлѣбомъ; позднѣйшіе были подъ опекою всѣхъ провинцій, требующихъ охраны и правосудія. Послѣдніе Кесари были уже назначены не городомъ, а государствомъ и должны бы были начать новый рядъ правителей; но Веспасіанъ и его сыновья не поняли совершившагося переворота или подчинились невольно обычаю предшественниковъ. Они заключились въ столицѣ своей, также какъ и прямые наследники Августа, и освобожденіе государства отъ столицы, начавшееся дѣйствительно послѣ Нерона, совершилось только при Траянѣ и его преемникахъ.

Безумный походъ Калигулы, короткій походъ Клавдія или театральное путешествіе Нерона не заслуживаютъ никакого вниманія. Перемѣна системы послѣ Домиціана очень ясна. Какъ не замѣтили ея историки просвѣщенной Европы и ученой Германіи? Очень понятно. Они получили въ наследство отъ своихъ предковъ — дикарей слѣпое поклоненіе городу Риму и не поняли внутренняго раздора государства и столицы. Они Римскую державу считали державою одного города и не догадались, что это была только держава Римской мысли, воплощенной въ области завоеванной Римскимъ оружіемъ. Ошибка, полученная въ наследство отъ Франговъ, Алемановъ и Галловъ, была поддержана позднѣйшими духовными вождями Римской

общины; а Западъ, не смотря на свою самодовольную увѣренность, еще далеко не освободился отъ заблужденій, завѣщанныхъ ему временами темнаго варварства или пробудившагося просвѣщенія. Его исторія, точно также какъ искусство, философія, религія и гражданственность, не оторвались отъ почвы, на которой выросли, да и быть иначе не могло.

Внутренняя исторія Рима при Кесаряхъ не имѣетъ никакой міровой важности. Сѣмена зла, посѣянные прежнимъ временемъ, приносили свои губельные плоды; но и начала силы, устроивающей гражданскій порядокъ, не совсѣмъ изсякли. Юриспруденція обогащалась новыми выводами и новыми законами, сохранившими свое достоинство и въ послѣдующія эпохи. Между тѣмъ новая жизнь христіанской общины начинала охватывать всѣ концы имперіи и даже земли, лежація за ея границами. Ея строгая важность, ея чистота и высокая проповѣдь давно уже нажили враговъ въ развратномъ мірѣ; но самыми ожесточенными врагами были Евреи, понимающіе безсознательно, что вѣра въ Мессію духовнаго, провозглашеннаго новыми учителями, уничтожала возможность того вещественно-великаго и исключительно-народнаго Мессіи, котораго ждала грубая Іудея. Явились доносы, слѣдовательно предлоги къ казнямъ, увеселеніямъ императорскимъ. Неронъ и Домиціанъ увѣнчали вѣнцемъ кроваваго мученичества послѣдователей Иисуса, пострадавшаго на крестѣ, и новая сила развилась въ общинѣ страдавшей, но не ослабѣвшей въ страданіи.

Внѣшняя дѣятельность имперіи продолжала являться съ прежнимъ величіемъ, за исключеніемъ немногихъ промежутокъ слабости, происходящей отъ безумныхъ распоряженій безумныхъ императоровъ. Легіоны проникали въ сѣверную Аравію, покоряя ея власти Римской или обращая жителей въ полупокорныхъ союзниковъ, вривались въ глубь степей на югъ отъ Египта и въ давно забытую Эіопію, устрашали Паревянь, сляшкомъ возгордившихся случайною побѣдою надъ Крассомъ, подчиняли законамъ императорскимъ Арменію и Кавказское пригорье, вездѣ расширяли и укрѣпляли предѣлы им-

періи. Война въ Германіи и послѣдовавшее за нею броженіе народовъ, стремящихся къ составленію союзовъ, имѣла важное послѣдствіе. Соперникомъ Арминія былъ Марободъ, человѣкъ смѣлый, властолюбивый и не совсѣмъ чуждый Римскому просвѣщенію. Побѣжденный Арминіемъ, онъ просилъ убѣжища у Римлянъ, и получилъ область на сѣверныхъ окраинахъ Панноніи, въ странѣ Славянской. Тамъ поселился онъ съ многочисленною дружиною и положилъ основаніе новой общинѣ, независимой и опасной для Рима. Дружина Маробода была составлена изъ всѣхъ народовъ враждебныхъ имперіи, но по большей частн изъ его же соотечественниковъ, Германцевъ; самое же устройство и характеръ государства, имъ созданнаго, во многомъ отличались отъ древняго строя и быта Германскихъ народовъ. Римскіе историки намъ не оставили подробностей о внутренней жизни царства Марободова; но они ему приписываютъ не власть полководца, какова была временная власть Арминія, и не власть царя-жреца, какова была у родовыхъ начальниковъ Германскихъ общинъ, но власть вполне царскую, какъ и слѣдовало быть тамъ, гдѣ государство создается не самобытнымъ движеніемъ народа, а волею одного человѣка. Имя его подданныхъ неизвѣстно до него въ Германіи; оно и не повторяется нигдѣ въ ея лѣтописяхъ. Это имя «*Маркоманны*» есть прямой переводъ имени весьма обыкновеннаго въ Славянскихъ областяхъ и особенно принадлежащаго той области, въ которую переселилась Германская дружина при Августѣ, имени *Крайны* или *Украины*. Наконецъ способность этихъ подданныхъ подражать Римскимъ обычаямъ, подчиняться строгому строю воинскому и кажется общественному и характеръ ихъ борьбы съ Римлянами, въ которой болѣе замѣтны постоянство и расчетливая осторожность, чѣмъ воинственная отвага, все указываетъ на отношенія подобныя тѣмъ, которыя повторялись не разъ въ исторіи Славянскихъ народовъ и между прочимъ въ Россіи. *Маркоманны* были тою Германскою дружиною, которая переселилась вмѣстѣ съ любимымъ и счастливымъ вождемъ и составила военное и скорѣе правительственное сословіе въ землѣ Славянъ, принявшихъ

ее волею или неволею. Права народа были, можетъ быть, и не вполне сохранены; но такъ какъ по ходу распространения Маркоманской власти явно, что многія племена изъ Славянъ, непокоренныхъ Риму, приняли Маркоманновъ какъ покровителей, то самая жизнь всего союзнаго народа должна была носить, и очевидно носила, сильный отпечатокъ характера Славянскаго. Сильно было ополченіе; сильны союзники, ибо въ его дружинѣ сражались и Сенноны Богемскіе (вѣроятно вытѣсненные Кельтскихъ Боевъ) и сѣверные Сवेвы и многія другія племена Придунайскія; но Римъ восторжествовалъ. Маркоманны покорились и отодвинулись на сѣверъ. Позднѣе возстали они новою грозою; но отношенія ихъ къ землѣ, въ которой они властвовали, не измѣнились. Народъ оставался попрежнему Славянскимъ, а дружина мало-по-малу слилась съ нимъ, или была вытѣснена проснувшеюся сплюю Славянскихъ общинъ.

Во всякомъ случаѣ трудъ Германскихъ ученыхъ, отыскивающихъ народъ *Маркоманновъ*, т. е. Краинцевъ, совершенно бесполезенъ. Они принимаютъ за народъ дружину, принявшую стародавнее имя земли, въ которой она никогда не составляла главнаго населенія, и; проглядѣвъ самый народъ, очень удивляются, когда въ послѣдствіи находятъ, что вся область Маркоманновъ вдругъ наполнилась Славянами.

Другое завоеваніе Кесарской эпохи имѣло менѣе вліянія на усиленіе государства, но зато болѣе историческихъ послѣдствій. Британія, только указанная Риму первымъ Кесаремъ, была мало-по-малу завоевана преемниками Августа. Борьба туземцевъ была не безславна; но ихъ малочисленность и неопытность не могли долго оспаривать побѣду. При послѣднемъ Кесарѣ (Домиціанѣ) теперешняя Англія и большая часть Шотландіи покорились, флоты Римскія обогнули ея сѣверныя оконечности и дикіе острова сѣверныхъ морей, и Кельты, древніе старожилы, едва сохранили сомнительную независимость въ горныхъ округахъ Шотландіи, отъ которыхъ Римляне от-

дѣлили свои владѣнія длиннымъ крѣпостнымъ валомъ и рядомъ твердыхъ башенъ. Нравы и бытъ Римскій укоренились также легко въ Британніи, какъ и въ одноплеменной Галліи. Болѣе воинственныя семьи (напр. полу-Иберскіе Силуры) погибли во время борьбы за независимость, другія полюбили Римское просвѣщеніе, или по крайней мѣрѣ его вещественныя выгоды. Исчезли вѣковые лѣса; выросли богатые и благоустроенные города въ пустынной области; торговля, издавна существовавшая между Вендами Галльскими и южными берегами острова, на которыхъ нѣкоторыя мѣстности съ Славянскими именами (напр: Виндонуиъ и др.) обличаютъ уже древнія торговыя колоніи, развилась въ большемъ размѣрѣ; но вещественное и поверхностное просвѣщеніе Рима не создало новыхъ силъ въ Британніи, также какъ и въ Галліи и въ Испаніи. Первый налетъ варваровъ долженъ былъ уничтожить и дѣйствительно уничтожилъ провинцію, когда имперія по неволѣ перестала ее охранять. Тогда исчезла и торговля и строй Римской жизни и большая часть ново-построенныхъ городовъ. За всѣмъ тѣмъ кое-что уцѣлѣло, особенно въ населеніи городовъ, избѣгнувшихъ разрушенія; осталась Римская закваска, слишкомъ мало замѣченная повѣйшими историками и вѣроятно слившаяся въ позднѣйшее время съ полу-Романскимъ вліяніемъ Норманновъ, остались память о торговомъ сношеніи съ остальнымъ міромъ и преданіе, легко подавшее поводъ къ новому развитію торговли при Саксонскомъ владычествѣ, осталось наконецъ просвѣщеніе и особенно христіанство въ формахъ чуждыхъ позднѣйшему западному міру и имѣвшихъ сильное вліяніе на духовную жизнь въ среднихъ вѣкахъ. Ученики апостоловъ проникли въ далекій сѣверъ. Общины, слѣдующія новому ученію, наполнили мало-по-малу всю Англію и, не ограничиваясь предѣлами Римской державы, завоевали кроткимъ оружіемъ слова большую часть Ирландіи. На Зеленомъ Островѣ, среди грозныхъ волнъ океана, развилась странная и во многихъ отношеніяхъ прекрасная жизнь для духа чело-вѣческаго. Не Римъ, чисто-гражданственный и общественно-образованный, но страна высоко-развитая просвѣщеніемъ лич-

нымъ, Эллада, была центромъ разливающагося христіанства; не по путямъ покорнымъ новой власти Рима, но по древнимъ путямъ, проложеннымъ въ незапамятные вѣка Финикійскою торговлею и родствомъ Кельто-Иберскихъ племенъ проникло христіанство въ Ирландію. Эти пути черезъ пустыню океана укрылись отъ наблюдательности Римской, это распространеніе христіанства осталось незамѣченнымъ для остальнаго міра; но множество Греческихъ словъ въ церковно-Ирландскомъ нарѣчій, но форма въ Ирландскомъ письмѣ, обряды Ирландской церкви, независимость ея отъ Рима и стремленіе ея еще въ VI-мъ и VII-мъ вѣкѣ къ единству съ церковью восточною отличаютъ для всякаго безпристрастнаго наблюдателя Восточное начало христіанской жизни въ Ирландіи. Отъ этой прямой связи съ центромъ личнаго просвѣщенія происходила та живая теплота просвѣщенія, которою отличается крайній уголь сѣверо-западной Европы въ вѣка темнаго варварства; этимъ сохраненіемъ преданія о смѣлости древняго мореплаванія объясняется и преданіе о за океаническихъ путешествіяхъ вождей Кельтскихъ и Кельто-иберскихъ и несомнѣнная смѣлость мореплавателей Ирландскихъ, предупредившихъ позднѣйшее безстрашіе Норманновъ въ Ирландіи и въ сѣверной Америкѣ.

Свидѣтельство самихъ Норманновъ явно доказываетъ существованіе Ирландскихъ колоній на западномъ берегу Атлантики и даже существованіе области, носившей названіе великой Ирландіи въ X вѣкѣ послѣ Р. Х. и вѣроятно ранѣе.

Время послѣднихъ Кесарей было временемъ окончательнаго паденія Іудей. Плененіе Вавилонское составило великій переломъ въ лѣтописи народа Еврейскаго. Прекративъ его политическую самобытность и дѣятельность, оно уничтожило для него всю важность времени настоящаго и сосредоточило всѣ его надежды въ будущемъ. Весь народъ сталъ ждать Мессіи, ожиданія однихъ только духовныхъ учителей (пророковъ) въ прежнее время. Іудея, отказавшись отъ полной государственной независимости, покорялась всякой власти,

Паденіе
Іудей.

преобладающей въ областяхъ сосѣднихъ, но въ ней не изсякла сила внутренней жизни. Когда Эллинская образованность: посягнула на внутреннее святилище народа Іудейскаго, онъ возсталъ за свое древнее ученіе, за свою надежду. Маккавеи за вѣщали исторіи геройское имя и геройскіе подвиги, народу своему дали они независимость почти полную, утвержденную въ послѣдствіи взаимною враждою двухъ сосѣднихъ почти равно-сильныхъ державъ, Селевкидовъ и Птолемеевъ, т. е. эллинизованной Сиріи и эллинизованнаго Египта. Отстоявъ ученіе и надежды своихъ братій, Маккавеи купили кровью своею возможность будущаго Мессіи. Внутренніе раздоры разрушили силу Іудей. Ея независимость не могла устоять передъ желѣзною властью міродержавнаго Рима. Евреи покорились, сохранивъ только свой законъ и тѣнь независимости, но подчинивъ область свою верховному правленію, сперва республики, потомъ имперіи и припавъ иноплеменнаго царя, Идумейца Ирода, едва связаннаго съ ними дальнимъ кровнымъ родствомъ. За всѣмъ тѣмъ торговый духъ, счастливое положеніе на пути каравановъ, расчетливая бережливость и нѣкоторая чистота нравовъ увеличивали со дня на день богатство народа. Его столица и особенно храмъ удивляли путешественниковъ своимъ величіемъ, его колоніи распространялись во всѣ стороны, и пользовались огромными правами въ Египтѣ; его число возрастало быстро и могло составить стотысячныя ополченія. Съ усиленіемъ вещественнымъ возрастали его надежды; но эти надежды были также вещественны и стремились къ государственной власти, къ тѣсно-народному торжеству. Ожиданія Мессіи подкрѣплялись темными догадками о лѣтосчисленіи пророковъ; желаніе обрацалось въ нетерпѣніе. Многіе обманщики или люди, обманутые собственнымъ духомъ воинственнымъ и властолюбивымъ, выдавали себя за обѣщаннаго освободителя и увлекали за собою толпы послѣдователей. Вещественныя надежды не были исполнены Іисусомъ, и Іудея отвергла его: но прежнее нетерпѣніе было подстрекаемо успѣхомъ его учениковъ. Завистливая гордость разжигала народныя страсти. Отверженіе Мессіи духовнаго вызывало болѣе

и болѣе явленіе воинственно-торжествующаго Мессіи. Такимъ образомъ христіанство сдѣлалось косвенною причиною паденія Іудей. Безпрестанно возставали новые вожди, называющіе себя или мессіями или его предтечами; безпрестанно вспыхивали бунты, подавляемые не безъ труда; безпрестанно власть Римская была или оскорбляема или вполне отвергаема въ Іерусалимѣ. Гордое ослѣпленіе народа вызвало наконецъ Римскую грозу. Послѣ незначительныхъ и кратковременныхъ побѣдъ, Евреи были стѣснены легіонами въ городахъ своихъ, наконецъ въ своей столицѣ. Войну началъ Веспасіанъ; продолжалъ Титъ, когда Веспасіанъ, рѣшившись исторгнуть имперію изъ рукъ недостойнаго Вителлія, переправился въ Италію и взошелъ на престолъ Кесарей. Борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ. Два императора, славные въ лѣтописяхъ міра (Веспасіанъ и Титъ), многочисленные легіоны и ежедневныя кровавыя битвы едва могли сокрушить упорную защиту Евреевъ. Едва-ли были въ исторіи бѣдствія подобныя осадѣ Іерусалима; не было, по мнѣнію самихъ Римлянъ, ни одного народа изъ побѣжденныхъ Римомъ, который бы такъ мужественно защищалъ свою свободу. (*) Погибающій Израиль не посрамилъ своей прежней славы и двадцативѣковой исторіи. Наконецъ Іерусалимъ палъ. Кроткій Титъ не могъ спасти ни города, нѣкогда столь многолюднаго, ни величественнаго храма, гремѣвшаго красотою своею во всей имперіи. Свершилась судьба одной изъ великихъ семей человѣчества. Ея политическое существованіе кончилось при Веспасіанѣ, также какъ духовное кончилось при Тиверіи, когда она отвергла значеніе всечеловѣческое и избрала значеніе тѣсно-народное. Іудея была обращена въ провинцію, жители ея проданы въ рабство или разсѣяны по всей Римской области. Не разъ еще возставали они съ неистовымъ мужествомъ; не разъ еще боролись противъ неотразимой силы своихъ побѣдителей: но всѣ эти кровавыя возмущенія, въ одномъ изъ которыхъ погибло

(*) *Obstinatio viris feminisque pari: ac, si transferre sedis cogerentur, major vitae metus quam mortis* (Tac. Hist.).

до трех-сотъ тысячъ Эллиновъ и Римлянъ въ Африкѣ и на островахъ Средиземнаго моря, оставались безплодными. Они только показывали невѣроятную энергію, скрывавшуюся въ народѣ Еврейскомъ, но уже не могли возсоздать погибшаго народа или вернуть ему на вѣкъ утраченную отчизну. Израиль, долговременный хранитель древне-Иранскаго ученія, весь перешелъ по своему значенію въ общину христіанскую.

Характеристика эпохи первыхъ Кесарей.

Таковъ былъ послѣдній блистательный подвигъ Кесарской эпохи. Кровожадное тиранство Титова преемника призвало на престолъ новыхъ владыкъ и съ ними новую систему правленія: но должно признать, что, не смотря на безуміе или на свирѣпство большей части изъ Кесарей, время ихъ царствованія было временемъ полного развитія Римской власти. Самое сосредоточеніе всей имперіи въ городѣ Римѣ, предавая ее на произволъ дикихъ страстей и безпредѣльнаго разврата столичной черни, было за всеѣмъ тѣмъ не безъ полезныхъ послѣдствій. Тѣсная и тяжкая зависимость провинціи отъ столицы, ускорила сращеніе разнородныхъ стихій. Области, пользовавшіяся особыми, мѣстными правами и узаконеніями, поступили подъ общій Римскій законъ; частные владѣтели, наслѣдственно правившіе своими мелкими государствами, лишились престола и власти. Обычай, нравы и языкъ Італіи сдѣлались общими для всѣхъ новоокоренныхъ странъ. Не задолго до перваго императора Цицеронъ говорилъ, что весь міръ зналъ по-Гречески и никто по-Латыни. Во время послѣднихъ Кесарей латинскій языкъ вытѣснилъ изъ всѣхъ западныхъ провинцій ихъ древнія нарѣчія и положилъ основаніе будущему Романскому, посредствомъ котораго древняя образованность перешла къ новымъ народамъ съ своими добрыми и злыми плодами. Наконецъ самое имя Рима, какъ источника силы и просвѣщенія, облеклось въ мнѣніи народовъ тѣмъ чуднымъ и полу-божественнымъ блескомъ, который далъ особый характеръ всей исторіи Европейскаго запада, даже послѣ совершеннаго паденія всемірной столицы въ ея политическомъ значеніи.

Міръ Римскій не былъ подобно Эллинскому міромъ обого-

творенной красоты; онъ не имѣлъ также и высокаго смысла духовнаго. Онъ не могъ слѣдовательно первенствовать ни въ художествахъ, ни въ искусствѣ слова; но онъ воспользовался твореніями Элады. Подражанія его, въ сравненіи съ подлинникомъ, холодны и нестройны, заклеяены педантизмомъ и напыщенностью; но въ нихъ слышно какое-то величіе, обличающее величіе духа, создавшаго или отражающаго въ себѣ Имперію. Римскіе поэты доходятъ до истиннаго вдохновенія, когда передъ ихъ воображеніемъ носится образъ Рима. Вѣра въ добродѣтель погибла: Брутъ произнесъ надъ нею приговоръ; но отголоски ея слышались еще въ лучшихъ душахъ и давали часто поэзи тотъ сердечно-правственный характеръ, который сближаетъ ее съ позднѣйшею эпохою и съ высшимъ правственнымъ смысломъ христіанскихъ народовъ. Художества пластическія утратили Эллинскую чистоту; но зодчество, болѣе другихъ зависящее отъ пространственныхъ размѣровъ, нашло отголосокъ въ душѣ народа, воздвигнувшаго имперію почти безпредѣльную. Явились громадныя зданія, передъ которыми до сихъ поръ благоговѣтъ потомство. Особенный строй души и сводъ, новоизобрѣтенное усовершенствованіе, дали зодчеству Римскому характеръ, отличающій его отъ прежнихъ. Въ немъ нѣтъ ни гармонической красоты, во всемъ доступной одному Эллину, ни таинственной религіозности Египта; но огромность и смѣлость массъ, вѣрный расчетъ удобства и пользы, роскошь украшеній и какой-то гордо-торжественный стиль скрываютъ отъ наблюдателя недостатокъ стройности и отсутствіе художнической мысли въ большей части Римскихъ памятниковъ. Непросвѣщенный вкусъ Римлянина наполнялъ свои бани, дворцы и площади мраморнымъ и мѣднымъ народомъ боговъ, нѣкогда созданнымъ религіознымъ чувствомъ Элады, но громадность этихъ бань, дворцевъ и площадей заставляла забывать про униженіе ваянія, обращеннаго въ бессмысленную декорацию. Зритель чувствуетъ религіозное вдохновеніе въ зданіяхъ, по-видимому не посвященныхъ религіи, и не ошибается. Римъ кесарскій поклонялся самому себѣ. Было что-то религіозное въ театрахъ, созданныхъ для

безчеловѣчныхъ забавъ народа-царя, точно также какъ въ непонятномъ до нашего времени обоготвореніи государей, временныхъ представителей народа, въ свободномъ и безстыдномъ разгулѣ безнравственности и кровожадности, въ требованіи праздности, какъ права, и въ опьяненіи гордости, ничѣмъ уже неоправдываемой, но завѣщанной древнимъ Римомъ Риму кесарскому, а Римомъ кесарскимъ новѣйшему, даже до нашего времени. Впрочемъ такая религія, не чуждая даже лучшимъ Римлянамъ, была удовлетворительна только для худшихъ. Души опустѣли и безпрестанныя самоубійства выражали мщеніе духа человѣческаго за свое униженіе.

Весьма трудно доказать, чтобы одинъ изъ первыхъ послѣдователей Христа называлъ Римъ Вавилономъ: но тотъ, кто вспомнитъ сказаніе о Вавилонѣ, характеръ его жизни и зодчества, и чудную поѣсть или притчу объ истуканѣ на полѣ Деирскомъ, легко пойметъ глубоко-художественную возможность такого названія, относя его къ Риму кесарскому, а не къ древнему, и слѣдовательно не къ державѣ, имъ созданной.

Художества унаши вскорѣ послѣ Кесарей, гораздо прежде самой имперіи. Такъ и должно было быть. Они не были созданіемъ духа Римскаго, но плодомъ праздности, гонящейся за изящнымъ, какъ за наслажденіемъ, плодомъ барства города передъ государствомъ; они исчезли, когда государство освободилось отъ города и отняло у него его временное царское значеніе.

Основатель императорской власти, Августъ, не учредилъ никакого порядка для престолонаслѣдія. Характеръ самаго императорскаго званія былъ очевидно избирательный въ своемъ основаніи и никогда дѣйствительно не измѣнялся ни закономъ, ни обычаемъ: но такъ какъ все собраніе народа и войска представляемо было государемъ, то государямъ же было предоставлено и право назначать, при чисто-формальномъ согласіи Сената, своихъ преемниковъ. Покорность провинцій утверждала сомнительное право, но не была обязатель-

на. Въ позднѣйшее время войско одно сосредоточило въ себѣ право народнаго собранія (какъ видно изъ избранія послѣ смерти Авреліана); но вооруженный протестъ провинціи или войсковаго отряда не былъ дѣйствительно ни мятежемъ ни преступленіемъ. Побѣдитель наказывалъ побѣжденных; но никогда совѣсть ихъ не признавала своей вины, ибо они не нарушали ни положительнаго (т. е. писаннаго), ни обычнаго закона. Попытки нѣкоторыхъ императоровъ для утвержденія семейнаго престолонаслѣдія не имѣли никакого успѣха, или успѣхъ только временной, потому что онѣ не были основаны на коренныхъ законахъ Римской державы. Этотъ взглядъ на престолонаслѣдіе перешелъ въ позднѣйшіе вѣка и управлялъ Римскимъ міромъ и его обломкомъ, Византією, до ихъ конечнаго разрушенія. Люди, отличнѣйшіе по добродѣтели и по безпорочности жизни, возставали противъ государей новоизбранныхъ въ Римѣ, и судъ потомства надъ ними долженъ быть свободнымъ отъ невольнаго вліянія новыхъ мыслей и новыхъ законовъ, управляющихъ государствами другой эпохи или основанныхъ на другихъ началахъ.

Побѣжденные притязатели на престолъ были убиваемы, но не судимы; милости, оказанныя Тетрику строгимъ Авреліаномъ, показываютъ глубокое убѣжденіе въ правѣ избранія императоровъ каждою отдѣльною провинцією. Историки часто забываютъ про это основное правило, особенно когда доходитъ дѣло до Византіи, къ которой Западные писатели постоянно неблаговолятъ.

Внутренніе раздоры были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ избирательнаго престолонаслѣдія, не охраненнаго никакимъ формами законнаго порядка. Права Сената на утвержденіе выбора мало уважались и мало заслуживали уваженія; право провинцій на выборъ государя не могло быть ограниченнымъ ничѣмъ, кромѣ превосходной силы другихъ провинцій, и междоусобная война должна была рѣшать вѣчно-возникающій вопросъ: ибо Римскій міръ требовалъ единства.

Царствованіе первыхъ Кесарей было свободно отъ подобныхъ смуть. Августъ, послѣ побѣды падъ другими триумви-

рами, возстановивъ правительственное значеніе Рима, удалилъ на время развитіе начала, уже давно существовавшаго. Его преемники, государи избранные (какъ видно изъ предпочтенія Калигулы ближайшему Клавдію), были утверждаемы одною только столицею, а столица покорялась вооруженной силѣ преторіанской стражи. Родство первыхъ Кесарей съ основателемъ престола было обстоятельствомъ второстепеннымъ, облегчающимъ, но не опредѣляющимъ избранія. Равнодушіе развратнаго Рима и покорность государства возстановленному значенію столичнаго города обезпечивали власть новоизбранныхъ правителей. Наконецъ безуміе кровожаднаго скомороха утомило всеобщее долготерпѣніе. Его свергли съ престола. Провинціи избрали и возвели на престолъ новыхъ государей. Величіе города, упадавшее со временъ Силлы, исчезнувшее во время триумvirата, возобновленное Августомъ, исчезло навсегда. Новые владыки не поняли совершившагося переворота, до Траяна, перваго Всеримскаго владыки; но онъ былъ понятъ бессознательно прозорливостью народовъ. Съ Нерономъ погибъ Римъ, въ послѣдній разъ воплощенный въ Неронѣ. Исчезъ величественный кумиръ, которому такъ долго покорялись побѣжденные племена. Въ этой внутренней связи Рима и Нерона, и въ суевѣрномъ поклоненіи поэтическому образу міродержавнаго города, а не въ мнимыхъ достоинствахъ безумца и не въ ничтожномъ родствѣ его съ Кесарями, скрывается причина появленія столь многихъ самозванцевъ, охотно принимавшихъ имя, которое въ послѣдствіи было обращено въ клеймо для недостойныхъ царей.

Странное явленіе самозванцевъ-Нероновъ упоминается всѣми, не объясняется никѣмъ: такова ослѣпляющая сила стародавней ошибки. Послѣ Домиціана, послѣдняго изъ Кесарей, не было самозванцевъ. Завоеваніе столицы государствомъ совершилось послѣ Нерона; а эпоха Траяна представляетъ только всеобщее сознаніе совершившагося дѣла и расширенія государственнаго круга.

Движеніе народовъ въ сѣве-
Послѣдніе вѣка республики и вѣкъ Кесарей опредѣлили
превосходство западной Европы надъ всѣми другими областя-

ми земнаго шара. Зародившееся христіанство приготовило будущее величіе Европейскихъ народовъ; но въ то же время начало будущихъ переворотовъ и всемірной брани развивалось незамѣтно въ сѣверныхъ пустыняхъ.

Въ степяхъ теперешней Россіи, отъ крутой твердыни Кавказа до верховьевъ Волги, давно происходила кровавая борьба между двумя племенами, изгнавшими Средне-Азійскихъ пришельцевъ, мнимыхъ Скивовъ, — между воинственными Средне-Иранскими пришельцами, Азами (Сармато-Алавами) и Восточно-Иранскими старожиллами, Ванамъ (Вендо-Гетами). Темные слухи о борьбѣ и поочередномъ первенствѣ двухъ племенъ доходили до далекаго Китая и до писателей южной Европы; темная память объ нихъ сохранилась въ мифологическихъ преданіяхъ Скандинавіи. Кочевые и воинственные Сарматы часто побѣждали своихъ сосѣдей, подчиняли ихъ временно своей власти или принимали ихъ въ свой союзъ (напр. Зиговъ Кавказскихъ, изъ которыхъ составилась позднѣйшая дружина Язь-Зиговъ); далеко проникли они на западъ, угрожая Германіи и даже границамъ Имперіи, подъ именами Аланъ или Язиговъ, Сарматовъ Метанастовъ и другими: но неистощимая сила многочисленныхъ Славянъ всегда возставала снова, отодвигая или разрывая побѣдителей. Вскорѣ послѣ Р. Х. Славянскіе народы стали смыкаться въ союзы и первенствовать на берегахъ Дуная; но уже прежде объ враждебныя семьи, свыкшіе другъ съ другомъ и утомившіе въ безплодной борьбѣ, стали дѣйствовать заодно, точно также какъ въ глубокой древности, когда оба жили въ своей первоначальной родинѣ на востокъ и юго-востокъ Каспія. Предпримчивость Азовъ увлекала за собою Вендовъ; многочисленность и сравнительно высшая образованность Вендовъ подкрѣпляла и возвышала Азовъ. Слѣдствіемъ такого союза (выраженного въ мифологіи примиреніемъ сильныхъ Азовъ и мудрыхъ Вановъ и разбѣномъ заложниковъ *Генера* и *Кваира*) было совокупное движеніе обоихъ народовъ на сѣверъ. Море, нѣкогда называвшееся *Вендскимъ блатомъ* (Балтика) стало иногда называться моремъ Сарматскимъ, и Скандинавія приняла по неволѣ новыхъ владѣльцевъ.

Преданіе о пришествіи Одипа на сѣверъ относится очевидно къ этому времени; догадка же о переселеніи съ юга народа, бѣжавшаго, во время Митридатовой войны съ Римлянами, была только тогда позволительна, когда единство Азовъ съ Сармато-Аланами было еще неизвѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что вожди, увлекающіе за собою переселенцевъ, были по большей части изъ воинственныхъ Сарматовъ: но численное превосходство и большая образованность Вендовъ объясняютъ происхождение первыхъ царей изъ рода Вановъ (отъ Фрейра,—Прія) и безконечное множество словъ въ Шведскомъ языкѣ съ корнями чисто-Славянскими.

Въ числѣ переселенцевъ было отдѣленіе народа, призваннаго на великую историческую славу. Это имя гремѣло въ позднѣйшихъ вѣкахъ въ палатахъ Сѣверныхъ мореходцевъ на берега магометанской Испаніи, извѣстно было Готамъ во время ихъ побѣдъ на сѣверо-востокѣ Европы и встрѣчается безпрестанно во всѣхъ разсказахъ о воинскихъ подвигахъ Сарматскихъ и Гетскихъ племенъ. Имя *Роксолановъ* или *Роксалановъ* представляетъ такой же составъ, какъ и имя Язиговъ, и объясняется тѣмъ же тщеславіемъ Сарматской семьи, которое уже замѣчено древними писателями и которое требовало отъ побѣжденныхъ или союзныхъ народовъ, чтобы они къ своему родовому прозвищу прибавляли въ видѣ придомка прозвище Азовъ или Алановъ. Вторая часть имени Роксалановъ есть слово *Аланъ*, а первое слово *Роксъ*—тоже что *Русь*, употребляемое иногда отдѣльно и обозначающее по всей вѣроятности одно изъ отдѣленій великой Славянской семьи. Корень имени *Русь* или *Руссы* утратился въ Славянскихъ нарѣчіяхъ или измѣнился такъ, что его нельзя узнать съ достовѣрностью; но выводныя изъ этого корня *ручей* и *русло* приводятъ къ Санскритскому *ру* (двигаться, течь) и даютъ слову Русь значеніе кочеваго, передвижнаго, смыслъ близко подходящій къ казачеству.

Русло составлено весьма правильно, какъ и *жерло* (отъ жерть) *сѣдло* (отъ сѣдѣть), и обозначаетъ мѣсто, по которому вода *руеть*.

(течь); *ручей* (рующій) тоже что текущій. Корень, Санскрит. *ру* сохранился въ Саксонскомъ *run* (бѣжать).

Имя Руссовъ является только изрѣдка въ мгновенныхъ проблескахъ. Трудно сказать, относится ли къ нимъ свидѣтельство Еврейскихъ писателей о сѣверномъ народѣ *Росъ*: пбо семья немногочисленная могла сохранять долго свое имя и за всѣмъ тѣмъ рѣдко обращать на себя вниманіе исторіи. Если бы магометанскія свидѣтельства не обличали имени Руссовъ въ древней Скандинавіи, критика отвергла бы безъ всякаго сомнѣнія его существованіе. Какъ бы то ни было, по отношенію, въ которомъ находимъ *Руссовъ* къ Славянамъ, доказываетъ ясно ихъ близкое родство или тождество. Иорнандъ ставитъ *Рокасъ* вмѣстѣ съ *Нового* (Русь и Новгородъ); Гунны мстятъ Готамъ за умерщвленіе князя Роксаланскаго Бога (Бой). Племя Славянъ и земля Славянская на берегахъ Балтики носятъ имя Рувъ или Ругіевъ (по-Славянски безспорно земля Руская или Ружская). Наконецъ Славяне Карпатскіе и теперь и въ X-мъ столѣтіи называли себя Руссами. Такимъ образомъ понятно появленіе Руси въ Скандинавіи. Они вошли въ составъ ополченія Ванскаго (Вендскаго), которое завоевало ее вмѣстѣ съ Азами-Сарматами; и судя по Руссамъ Карпатскимъ, жителямъ древней Аптской земли, можно смѣло утверждать тождество Руссовъ и Антовъ, одной семьи, носившей два названія (*). Съ тѣхъ поръ исторія сѣверо-восточной Европы составляетъ нѣчто цѣлое. Славяне Приволховскіе и области Скандинавскія двигались въ одной системѣ, помогая другъ другу въ битвахъ противъ сосѣднихъ Финновъ, обогащаясь взаимною торговлею покоряя другъ друга во временныхъ раздорахъ, но не утрачивая никогда вполне своего стародавняго братства. Таковъ смыслъ Саксона Грамматика, Исламскихъ сагъ и всѣхъ сѣверныхъ памятниковъ.

(*) Не должно смѣшивать этихъ Руссовъ Славянскихъ (Роксалановъ) съ *Эрсами*, *Эорсами* или *Дорсами* При-волжскими, которыхъ происхожденіе вѣроятно связано съ вѣтвью Кельто-Кумрійскою или Финскою. Корень имени *Дорсъ* едва ли не находится въ словѣ, сохраненномъ древними въ сомнительнаго нарѣчія Скиѣскаго *огоръ* (мужъ, въ оіоръ-пата, мужеубійца, амазонка). *Примѣч. автора.*

Пришельцы-завоеватели со временем смѣшались съ Германскими старожилами Скандинавіи: но сначала это имъ было тяжело войственному и вольнолюбивому народу. Побѣжденные не могли отстоять своей свободы: они стали переселяться на югъ къ своимъ одноплеменникамъ или въ области пустынные, въ которыхъ лѣса и болота могли охранять ихъ независимость. Завоеваніе Скандинавіи народомъ, пришедшимъ съ юго-востока, совпадаетъ съ началомъ движеній изъ Скандинавіи на югъ семей Германскихъ (Готовъ, Саксовъ, Лонгобардовъ и другихъ). Первые переселились Готы. На южномъ берегу Балтики нашли своихъ одноплеменниковъ (также Готовъ), давно уже жившихъ на Поморьѣ между семьями Вендскими и остатками Кимвровъ-Іутовъ, которыхъ имя у древнихъ иногда смѣшивается съ именемъ самихъ Готовъ (*Гуттолны* и *Готиллы*). Память о переселеніи съ сѣвера сохранилась у Готовъ и преданіе это, во всемъ согласное съ ходомъ исторіи вообще, можетъ быть отрицаемо только упрямымъ скептицизмомъ недалководной критики. Точно то же преданіе о переселеніи Гамтовъ изъ Швеціи (по Юрнанду основатель царскаго рода у Готовъ—Гаптѣ) сохранилось на юго-восточномъ приморьѣ Балтики у народовъ, которыхъ Готы скоро покорили своей власти. Усиленные братьями, съ которыми они вѣроятно были въ дружескихъ сношеніяхъ, стѣсненные другими сильнѣйшими племенами или уstraшенные напоромъ Римскихъ легионовъ съ запада, выходцы Скандинавіи перекочевали къ востоку и, счастливыми войнами, смѣлостью и дружнымъ дѣйствіемъ силъ побѣдивъ разбѣдиненныя семьи Славянскія, приготовили ту грозу, которая должна была со временемъ обрушиться на распадающуюся Римскую державу.

Траянъ
Его зна-
ченіе

Восшествіе на престолъ Траяна начинается въ исторіи новую эпоху, продолжавшуюся до Діоклетіана или до Константина, т. е. до того времени, когда государство раздѣлилось на два по внутреннему различію жизненныхъ началъ.

Никогда нельзя опредѣлить съ точностью математическою начало и конецъ эпохи, созданной развитіемъ духа народнаго. Въ

исторіи, какъ въ природѣ, есть сумерки пробуждающейся или уми-
рающей мысли. Таково время отъ Діоклетіана до совершеннаго раз-
дѣла имперіи; таково царствованіе Флавіевъ, оканчивающее рядъ
Кесарей, но не вполнѣ ему принадлежащее.

Едва ли когда нибудь являлся Римскій міръ въ такомъ вели-
чій какъ при Траянѣ. Паряне, побѣжденные въ самомъ сре-
доточіи ихъ государства, походъ приготовленный для ихъ ко-
нечнаго уничтоженія, флотъ выстроенный на берегахъ Юж-
наго океана для нападенія на Индію, завоеваніе сѣверной
Аравіи, усмиренные за Рейномъ Германцы, навсегда сокру-
шенная сила Гетовъ и новая пространная область за Дуна-
емъ, покоренная Римскимъ законамъ и заселенная Римскими
военными колоніями, внутренній миръ, возрастающее велико-
лѣпіе городовъ, повсюду возникающія зданія для пользы об-
щей или для красоты, колоссальные водопроводы, несокру-
шимые мосты на бурныхъ и непокорныхъ рѣкахъ, дороги
проложенныя черезъ непроходимыя болота, улучшенная поли-
ція, цвѣтущія художества и проснувшаяся снова словесность
съ именами Тацитовъ и Плиніевъ, умягченная строгость зако-
новъ, приносившихъ частную выгоду въ жертву пользѣ казен-
ной, страхъ иноплеменныхъ народовъ, любовь гражданъ,—та-
ковы права великаго Траяна на славу, ничѣмъ не запятнан-
ную, и на ту поэтическую благодарность потомковъ, которая
внушила Римлянамъ позднѣйшаго времени сказку объ иску-
пленіи императора идолопоклонника изъ чистилища молитвами
духовнаго владыки, наслѣдовавшаго часть его державы. Без-
спорно важнѣйшимъ происшествіемъ въ его царствованіи долж-
но считать покореніе Гетовъ. На берегахъ Дуная и на грани-
цахъ утраченной Панноніи и Иллирика Славяне создали новую
державу. Во время безумныхъ Кесарей она окрѣпла, при по-
слѣднемъ изъ нихъ она стала угрожать Риму, побѣдивъ его
войска и принудивъ къ постыдной дани. Усиленіе Сако-Гет-
скихъ общинъ, соединенныхъ въ одно государственное цѣлое,
уничтожило еще при царѣ Буревистѣ (Voerebista), за 50 лѣтъ
до Р. X., Бойевъ и Таврисковъ Штейермаркскихъ и поглотило

всѣ остатки Келтскихъ поселеній, давно уже слабѣющихъ и съ тѣхъ поръ мало упоминаемыхъ въ исторіи. На время оно, кажется, подавило Краинскій союзъ, составленный также по большей части изъ Славянъ, съ примѣсю Сарматовъ, и извѣстный подъ именемъ Германской дружины Маркоманновъ. Но Траянъ не могъ терпѣть ни униженія Рима, ни опаснаго со- сѣдства сильнаго государства. Борьба была продолжительна. Достойный соперникъ императора; владыка Гетовъ Децебалъ (если только можно вѣрить правонисацію Латинскому въ име- нахъ иноязычныхъ) устроилъ свои войска на подобіе леги- оновъ, принялъ многихъ Римлянъ въ свою службу, призвалъ союзниковъ съ сѣвера, мужественно оспаривалъ каждую по- бѣду, каждый шагъ земли и, побѣжденный, не захотѣлъ пере- жить своей славы. Сѣверъ снова принялъ Славянскихъ бѣг- левцовъ съ Дунайскаго берега. Римляне основали новую про- винцію, въ которой до сихъ поръ сохранился языкъ, состав- ленный изъ смѣси Славянскаго и Латинскаго съ произноше- ніемъ Оскскимъ (*n* вмѣсто *kv*) и великолѣпный памятникъ въ столицѣ имперіи увѣковѣчилъ подвиги побѣдителя и чисто Славянскіе очерки побѣжденныхъ.

Самый поверхностный наблюдатель замѣчаетъ невольнo рѣзкое сходство лицъ и одеждъ на столбѣ Траяновомъ съ лицами и одеж- дами племенъ Славянскихъ. Это обстоятельство, весьма важное для исторической критики, придаетъ особенную важность памятнику, ко- торый, не смотря на красоту подробностей, принадлежитъ къ весь- ма дурному стилю отдѣльныхъ колоннъ, чуждыхъ Эллинскому чувству изящнаго. Исторія же самой борьбы Децебала съ Траяномъ, сохра- нившая въ памяти народной имя Траяна (какъ видно изъ пѣсни Игоревои и сказокъ о царѣ Троянѣ), замѣчательна также и потому, что характеръ Славянскій, готовый подчиняться законамъ и по- рядку разумному и перенимать устройство отъ просвѣщенныхъ на- родовъ, замѣченъ писателями Римскими у Гетовъ также какъ у Пан- нонцевъ, также какъ у Озовъ и у Маркоманновъ въ Чехіи и въ Краинѣ. Эта черта чужда всеъмъ другимъ дикимъ народамъ, воевав- шимъ съ Римомъ. Въ числѣ прочихъ примѣтъ славянства у семей

Мезо-Гетскихъ должно полагать всѣ имена рѣкъ, городовъ и урочищъ и такія слова какъ *кѣсты* (чистые) обозначавшее жрецовъ, безбрачныхъ отшельниковъ, и *сарави-тери* (вѣроятно *теди: царевы чада*) обозначавшее царскую стражу и благородныхъ воиновъ.

Исторія вообще не совсѣмъ справедлива къ императорамъ Римскимъ, приписывая паденіе государства ихъ порокамъ и неспособностямъ. Точно также пристрастна она къ Германскимъ племенамъ, сокрушившимъ Римскій міръ, когда перевозить ихъ добродѣтели и непобѣдимое мужество. Лѣтопись первыхъ царей Готскихъ, Вандальскихъ, Саксонскихъ, Бургундскихъ и Лангобардскихъ представляетъ рядъ развратныхъ дикарей. Лѣтопись Франковъ отвратительна. Мужество ихъ въ бояхъ неоспоримо: но оно не мѣшало имъ всегда бѣжать передъ несравненно меньшимъ числомъ Римлянъ, какъ скоро Римское войско было подъ предводительствомъ вождей сколько нибудь искусныхъ. Напротивъ того ни одна лѣтопись какого бы то ни было народа не можетъ представить, въ теченіи двухъ вѣковъ съ небольшимъ, столько государей достойныхъ престола, сколько лѣтописи Рима отъ послѣдняго Кесаря до перваго императора христіанскаго.

Преемники Траяна. Вторженія Германцевъ.

Изъ двадцати осьми царствованій тринадцать замѣчательны по доблести владыкъ, вполне достойныхъ престола. Таковы великій Траянъ, Антонинъ, Маркъ Аврелій, строгій Септимій, которому по словамъ Римлянъ слѣдовало или не родиться или не умирать, Александръ, Валеріанъ, Клавдій, крутой Авреліанъ, подобный Септимию, Тацитъ, Пробъ, Каръ, Діоклетіанъ и Константинъ. Къ нимъ должно прибавить другихъ, едва мелькнувшихъ, но оставившихъ по себѣ добрую память (какъ Пертинаксъ и молодой Гордіанъ), или отличавшихся блистательными дарованіями (какъ Адрианъ и слишкомъ униженный историками Галіенъ), или заслужившихъ военную славу (какъ Децій и свирѣпый, но всегда побѣждавшій Максиминъ), или достойныхъ величія императорскаго, но не успѣвшихъ достигнуть его или погибшихъ въ борьбѣ съ другими, болѣе счастливыми соперниками (какъ Оденатъ, Постумій, Альбинъ и др.) Нѣсколько именъ та-

нихъ какъ Геліогабалъ, Каракалла и Коммодъ, не должны бы были въ глазахъ историка безпристрастнаго помрачать славу цѣлой эпохи, обильной великими людьми.

Но самыя доблести и величіе государей при постоянномъ упадкѣ государства указываютъ на внутреннія и неисцѣльныя раны. Первою, по-видимому, было неправильное престолонаслѣдіе, избирательное по сущности, но не опредѣленное никакими законными правилами. Равенство правъ каждой провинціи на избраніе императора влекло за собою неизбѣжныя междоусобія и чѣмъ достойнѣе были соперники, тѣмъ упорнѣе и гибельнѣе была война. Такимъ образомъ истощились силы имперіи и безъ всякой пользы текла кровь, которая могла бы купить для Рима области до Инда и до Волги: но эта язва зависѣла отъ другихъ, болѣе глубокихъ. Опыты порядка наследственнаго были хуже самаго безпорядочнаго избранія. Чадолубіе Марка Аврелія и Септимія возвело на престолъ Коммода и Каракаллу. Выборъ войска или народа рѣдко падалъ на совершенно недостойнаго. Война междоусобная передавала власть по крайней мѣрѣ великому полководцу. Внутренней же жизни, удаляющей опасности естественнаго престолонаслѣдія, давно не было въ Римѣ и отъ этого лучшій порядокъ еще былъ избирательный посредствомъ усыновленія, какъ въ первоначальной лѣтописи Китая. Этотъ порядокъ возвелъ на престолъ Траяна и Антониновъ, возстановителя имперіи Авреліана и позднѣе великаго Θεодосія; но онъ былъ невозможенъ, и даже если бы былъ возможенъ, не могъ отвратить паденіе имперіи.

Государство было составлено изъ частей совершенно разнородныхъ. Не было ничего общаго между давно и самобытно просвѣщеннымъ Востокомъ и повопкореннымъ Западомъ, принявшимъ только наружный образъ просвѣщенія и его вещественные признаки, но не впитавшимъ въ себя ни одной изъ тѣхъ животворныхъ мыслей, которыя носятъ въ себѣ зародышъ развитія и плодовъ. Галлія, Испанія, Британнія, Паннонія утратили жизнь обычая, святыню наследственнаго пре-

данія, вѣру въ своихъ предковъ и въ себя самихъ и, подчинившись охотно новому строго-логическому закону Рима, охраняющему собственность и порядокъ, нашли въ немъ спокойствіе, временное благоденствіе и источникъ богатства, но не нашли въ немъ пищи удовлетворяющей внутреннему требованію духа. Законовѣдніе и законодательство были проявленіемъ религіознаго поклоненія вѣшной правдѣ; они были святынею для прежняго Рима, создателя гражданской науки: они были только сухимъ, мертвымъ усовершенствованіемъ полицейскаго порядка для покоренныхъ народовъ.

Но и въ самомъ Римѣ законодательство, утвердившись въ характерѣ науки, утратило свое нравственное значеніе, между тѣмъ какъ и всѣ другія нравственныя начала изсякли. Не было и общей государственной мысли. Воплощенная нѣкогда въ Сенатъ и народъ, она еще пережила, какъ призракъ, республиканскую свободу и во время Кесарей облекла въ полубожественный блескъ седмихолмный городъ и въ божественныя почести его властителей; но она исчезла съ освобожденіемъ провинцій отъ ига столичнаго (ибо самый апогеозъ позднѣйшихъ императоровъ былъ только безмысленнымъ подражаніемъ), и не была ничѣмъ замѣнена. Италія, естественное средоточіе имперіи, была слабѣ всѣхъ провинцій: она давно опустѣла отъ переселеній, отъ междоусобной войны и особенно отъ бездушнаго корыстолюбія богатыхъ гражданъ, скупившихъ мало-по-малу всѣ земли. Свободное народонаселеніе толпилось и истлѣвало въ городахъ. Просторъ полей и трудъ земледѣльческій были предоставлены рабамъ, чуждымъ всякаго сочувствія съ дѣломъ общимъ и зараженнымъ развратомъ своихъ господъ. Римъ, гордый нищій, требующій безвозмезднаго пропитанія отъ областей, нѣкогда покоренныхъ его свободными дружинами, напоминалъ о себѣ міру только неистовствомъ порока и воспитаніемъ тиранновъ. Исчезла всякая религія для государства, всякая вѣра для частныхъ лицъ, всякое побужденіе къ добру и всякая надежда на будущее. Страхъ поднасть игу дикихъ грабителей, признаніе внутренняго безплодія въ каждой отдѣльной провинціи и привычка были уже

единственными связями, поддерживающими имперію. Такимъ образомъ все государство было внѣшнею случайностью для своихъ составныхъ частей (ибо ихъ нельзя называть членами), случайностью, не основанною ни на какой внутренней необходимости и чуждою всякому началу религіозному, нравственному, общинному или даже дружинному. Никакія усилія правителей не могли воскресить мертвое тѣло.

Борьба государей противъ неизбежной судьбы государства была не безславна и достойна той энергіи, которою оно было нѣкогда создано.

Вскорѣ послѣ паденія царства Гетскаго уцѣлѣвшій союзъ Краинцевъ (*Маркоманновъ*) сдѣлался опять средоточіемъ народовъ враждебныхъ Риму или любящихъ свою свободу.

Въ этомъ союзѣ находимъ мы имена безспорно Германскія, другія Сарматскія и третьи безспорно Славянскія, какъ напр. Певчиновъ (вѣтвь Бастарновъ), названыхъ по своему жилищу, Дунайскому острову *Певче*, т. е. Пущане, отъ *пущи*, весьма извѣстнаго слова Славянскаго.

Маркъ Аврелій побѣдилъ ихъ послѣ войны, нѣсколько разъ угрожавшей гибелью самому Риму. Побѣда была совершенная и современники полагали, что императоръ обратитъ область Краинцевъ въ провинцію Римскую. Смерть его и безсмысленность его свирѣпаго преемника, Коммода, спасли Маркоманновъ отъ Римскаго оружія, но союзъ, составленный изъ слишкомъ разнородныхъ стихій, распался самъ или былъ уничтоженъ новымъ наплывомъ сѣверныхъ, особенно Германскихъ, народовъ, свѣжихъ и не утратившихъ своихъ силъ въ борьбѣ съ легіонами. Усилившіеся Готы скоро покинули свои новыя жилища на берегахъ Балтійскаго моря: стѣпенные съ западной стороны воинственными старожилыми Германіи, стѣпенные съ сѣверо-востока сплывшими семьями Сарматовъ и Славянъ, недавно завоевавшихъ Скандинавію, они стали подаваться на юго-востокъ къ берегамъ Чернаго моря и Дуная, вытѣсняя или покоряя слабыя и разрозненные семьи

Привисленскихъ и Приднѣпровскихъ Славянъ, увлекаая болѣе воинственныхъ своимъ примѣромъ и подавая первый знакъ къ тому великому переселенію, которое должно было переимѣнить всю вещественную и духовную жизнь Европы. Но направленіе Готовъ и всей системы народовъ, увлеченныхъ въ ихъ движеніи, шло прямо на югъ или на юго-востокъ къ благословеннымъ странамъ Элады, въ новопріобрѣтенную Римлянами область Дакии, по пути свободному отъ горныхъ преградъ и менѣе охраненному Римскимъ искусствомъ, чѣмъ ущелія Альповъ Паннонскихъ и Ретійскихъ.

Весьма небольшое число Славянскихъ дружинъ (особенно Лигіевъ-Леховъ) изъ междурѣчья Одера и Вислы, вытѣсненныхъ Готами, бросились на западъ и на берега Рейна, но и тѣ, побѣжденные мужественнымъ императоромъ Пробомъ, были принуждены къ возврату на родину и вѣроятно погибли по большей части въ лѣсахъ Германскихъ.

Почти въ одно время съ именемъ Готовъ явился на Римскихъ границахъ другія имена, принадлежащія семьямъ близкимъ къ Готамъ по происхожденію или дружинамъ, составившимся изъ смѣси народовъ. Таковы были Гепиды, принадлежавшіе явно Готскому племени и тождественные съ Гаптомъ Юрнандовымъ и Гамтами Балтійскихъ преданій; таковы Вандамы, — полу-Германскія, полу-Славянскія дружины, властвовавшія въ земляхъ Вендскихъ.

Очевидно, что составъ дружины Вандальской былъ по большей части Германскій; но сильная примѣсь Славянъ и имя чисто-Славянское побудили ученыхъ Нѣмцевъ въ среднихъ вѣкахъ всегда противопоставлять Вандаловъ Нѣмцамъ.

Вмѣстѣ съ Вандалами двигались и Бургунды (собственно *горуагане*), Германскіе утѣснители сѣверо-западныхъ Славянъ, издревле градостроителей и торговцевъ. За Бургундами шли Герулы, менѣе всѣхъ другихъ носящіе признаки германства

и по всѣмъ вѣроятностямъ родственные позднѣйшимъ Литовцамъ, хотя не безъ примѣси Славянъ и можетъ быть Готовъ.

Особенная свирѣпость, глубокая безнравственность и вообще дикій бытъ Геруловъ отличаютъ ихъ довольно рѣзко отъ всѣхъ другихъ народовъ, двинувшихся отъ Балтики на Дунай.

Много было и другихъ дружинъ, въ то время грозившихъ востоку имперіи; большая часть изъ нихъ вскорѣ исчезла, поглощенная другими сильнѣйшими дружинами, не основавъ отдѣльныхъ государствъ или не давши именъ своихъ завоеваннымъ областямъ. Опасность, угрожавшая Востоку, была временно отстранена силою Римскаго оружія и въ послѣдствіи новая гроза, налетѣвшая съ Приволжія, бросила потокъ взволнованныхъ племенъ далеко на Западъ, о которомъ они и не мечтали.

Измѣненіе во внутренней судьбѣ Скандинавіи подѣйствовало и на западныя области имперіи. Готы удалились изъ своей родины вскорѣ послѣ ея покоренія, т. е. въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. Едва ли не позднѣе всѣхъ другихъ переселились Саксы: кажется, въ послѣдней половинѣ перваго вѣка послѣ Р. Х. Они направились черезъ проливы, соединяющіе Балтику съ Океаномъ, и поселились въ теперешнемъ Югландѣ, землѣ прежнихъ Кельто-Кумрійцевъ или Ютовъ, уже исчезнувшихъ подъ напоромъ Германскаго племени или удалившихся къ своимъ заморскимъ братьямъ въ Британскіе острова.

Имя Саксовъ или Саксонцевъ неизвѣстнаго происхожденія. Быть можетъ (хотя это предположеніе мало имѣетъ за себя доказательствъ) оно и происходитъ, какъ думаютъ многіе ученые, отъ слово *саксъ*, означающаго кривой и короткій ножъ, которымъ были обыкновенно вооружены Саксовцы, и который по формѣ своей напоминаетъ Востоку и завоевателей Скандинавіи, Сарматовъ. Распространеніе же подобной этимологіи на Германскій союзъ Франковъ и выводъ ихъ имени отъ оружія *фрамеи* или *франциски* совершенно нелѣпы. Пожалуй и *Байоннъ* происходитъ отъ *байоннетъ*. Очевидно союзъ

Франковъ значилъ союзъ свободныхъ людей или, лучше сказать, освободившихся отъ Римскаго ига, а *франциска* получила уже прозвище свое отъ народа, владѣвшаго ею. Можно бы тоже подумать и объ мечѣ названномъ *саксъ*, по это слово носить признаки первобытности въ сходствѣ съ словами Слав. *соха*, *сошникъ*, *сохатый* и др.

Малочисленная дружина Саксонцевъ вскорѣ достигла громкаго имени: она распространялась не столько грозою собственнаго оружія, сколько союзомъ другихъ приморскихъ семей, охотно сосредоточившихъ свои силы около предприимчивыхъ пришельцевъ. Общая опасность отъ Римлянъ, общее стремленіе къ добычѣ слили въ одно цѣлое многія племена Германскія и остатки Славянскихъ семей, никогда не исчезавшихъ по болотистому приморью отъ Одера до Рейна. Исторія Саксовъ, также какъ и Готовъ и многихъ другихъ завоевательныхъ народовъ, представляетъ одинъ и тотъ же фактъ, весьма простой, но рѣдко объясненный. Горсть бѣглецовъ оставляетъ свою родину, паводненную непріателемъ, и эта горсть вскорѣ завоевываетъ пространную область и уничтожаетъ народы несравненно мужественнѣе и многочисленнѣе того, передъ которымъ она бѣжала. Причина этого по-видимому страшнаго факта лежитъ въ томъ, что всякій народъ (даже неисключая кочевыхъ), какъ бы онъ ни былъ вопиствененъ, составляетъ всегда общину полу-гражданскую, покуда живетъ на своей родной землѣ. Онъ можетъ, какъ вся древняя Галлія и Германія, безпрестанно вспыхивать дружинами и насылать бѣду и разоренье мирнымъ сосѣдямъ: но временныя дружины осѣдаютъ также безпрестанно въ общину. Народъ, оторванный отъ родины и бѣжавшій въ чужбину, смыкается въ дружину постоянную и обрекается на вѣчную войну. Тогда къ нему сосредоточиваются или ему покоряются разрозненные силы сосѣднихъ племенъ, прежде безсильныхъ отъ непослѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ, теперь непреодолимыхъ отъ постоянного напряженія, получаемого ими изъ новаго, вѣчно напряженнаго центра, и создается грозная держава, въ которой часто исчезаютъ почти безъ слѣда немно-

гочисленные пришельцы, давшие имя свое области или государству. Такимъ образомъ происходило огромное расширеніе Саксонцевъ, вышедшихъ изъ самаго назначительнаго начала. Въ третьемъ вѣкѣ они опустошали уже всѣ берега Галліи и Британіи, сражались часто съ успѣхомъ противъ легионовъ и готовились къ своему будущему великому значенію. Лишній сильный врагъ явился противъ Рима, лишній примѣръ успѣшныхъ грабежей сталъ побуждать Германскихъ старожилевъ къ нападенію на предѣлы имперіи. Сѣверо-Западъ союзу Франковъ, Юго-Западъ въ союзъ Алеманновъ. Вскорѣ къ Алеманпамъ примкнула и часть Бургундцевъ, побѣжденныхъ Геппдами около Карпатовъ и принужденныхъ искать другихъ жилищъ вверхъ по Дунаю. Безпрерывная война загорѣлась на Рейнѣ.

Замѣчательно, что начало мореплаванія у Германцевъ совпадаетъ съ движеніемъ изъ Скандинавіи на югъ, между тѣмъ какъ сама Скандинавія до того времени нисколько не славилась мореплавателями. Въ Германіи же Римляне знаютъ только про весьма незначительное береговое судоходство на берегахъ фризонскихъ. Принявъ въ соображеніе полу-Славянскій составъ дружины, завоевавшей Скандинавію, древность судоходства Славянскаго, свидѣтельство Саксона весьма важное (ибо очевидно основано на мѣстныхъ преданіяхъ) о ничтожествѣ Германцевъ и Скандинавовъ на морѣ передъ Славянами и полу-Славянское просвѣщеніе первыхъ Германскихъ мореходцевъ, Саксонцевъ, поклонниковъ Бѣлбога, Чернобога и Сивы (или Живы),— можно смѣло утверждать, что мореплаваніе сѣверное развилось изъ Славянскій стихіи.

Пробужденіе восточныхъ народовъ Сарацины; царство Пальмирское; Сасаниды.

Въ то же время, когда въ Европѣ кипѣли народы, бушующіе властелины ея судебъ, на поприще исторіи вступили другія племена, до тѣхъ поръ не замѣченныя, но впоследствии долго и часто счастливо оспаривавшія власть и первенство у пришельцевъ сѣвера. На южную Испанію нападали уже во II вѣкѣ Мавры Африканскіе, потомки древнихъ выходцевъ изъ Аравіи; самые Аравитяне, кочевые грабители, опустоша-

ли южную Сирію и знакомили ее съ грознымъ именемъ *Сарациновъ*, будущихъ ея завоевателей. Другіе Аравіяне, уже полу-осѣдлые и союзные съ Римомъ, основывали недолговѣчное, но сильное царство въ Пальмирѣ или Тадморѣ, созданномъ царями древняго Израиля на перепутьѣ каравановъ. Тамъ среди безводной пустыни строилась великолѣпная столица, цвѣли науки, собирались многочисленные полки, сперва страшные врагамъ имперіи, потомъ опасные для нея самой. Оденатъ, царь Пальмирскій, спасалъ восточныя области Рима въ несчастную эпоху Галліена, уничтожалъ разбойническія дружины Готовъ, опустошавшихъ берега Малой Азіи), Элады и Сиріи и острова Эгейскаго моря на корабляхъ отнятыхъ у Элиинскихъ колонистовъ Тавриды и страны Придѣпровской, усмирялъ племена горцевъ, временно возмущавшихся въ Малой Азіи, мстилъ новосозданному царству Персіанъ-Сассанидовъ и великому ихъ царю Шапуру за грабительство Сиріи и за жестокій илѣнь императора Валеріана, разбивалъ ихъ войска, бралъ столицу Ктезифонъ и, въ званіи Августа, полученномъ имъ отъ Галліена, правилъ не только Азіатскими провинціями, но и богатымъ Египтомъ. Въ его царствованіе, слишкомъ кратковременное, племя Аравійское показало уже ту энергію, которая нѣсколько вѣковъ спустя грозила завоеваніемъ всему міру, и Пальмира по-видимому готовилась къ преемству власти Римской, такъ какъ въ послѣдствіи Сарацины получили преемство Элиинскаго просвѣщенія. Умиращая имперія призывала хищниковъ со всѣхъ сторонъ.

Прежде нея пало военное государство дикихъ Парянь, ея всегдашнихъ враговъ. Племя Персіанъ, нѣкогда властвовавшихъ на Востокѣ, но уступившихъ сперва неотразимой силѣ Элиинскаго міра, потомъ дикой храбрости дикихъ Азовъ Прикаспійскихъ—Парянь, возстало наконецъ противъ своихъ угѣснителей. Паряне были побѣждены; новая династія Сассанидовъ возшла на престолъ. Она объявила сомнительное или мнимое происхожденіе отъ прежнихъ царей Кирова рода, возстановила прежнюю религію, Зороастровъ магизмъ, искаженіе древняго Иранскаго преданія, и скоро завоевала всѣ обла-

сти отъ Инда до Евфрата. Но Зороастризмъ въ своемъ возобновленіи впиталъ въ себя еще большую примѣсь чуждыхъ началъ; Персидское государство, освободившись отъ своихъ дикихъ утѣснителей, сохранило отчасти дикость ихъ нравовъ и получило болѣе военное, чѣмъ государственное или религиозное значеніе; языкъ принялъ характеръ нарѣчія далекаго отъ первобытныхъ корней, и просвѣщеніе ожило только въ вещественныхъ формахъ, безъ животворныхъ началъ. Побѣды Сассанидовъ были гибельны для человѣчества, роскошь груба и неотраднa по недостатку художественной красоты, правленіе свирѣпо и чуждо всякому высокому побужденію. За всѣмъ тѣмъ эпоха Сассанидовъ осталась не совсѣмъ бесплодною. Она сохранила нѣсколько темныхъ преданій о прошедшемъ, и нѣсколько искръ прежней духовной жизни, возвысившихъ въ послѣдствіи Турецкихъ завоевателей Ирана надъ ихъ одноплеменниками, властвовавшими въ другихъ странахъ. Отъ возстановленія Персіи Сассанидами до ея паденія послѣ Магомета не переставала на берегахъ Евфрата и Тигра упорная борьба между Востокомъ и Западомъ; но во время общей бѣды отъ Аравіи Римскій міръ, основанный на высшихъ началахъ, устоялъ гораздо долѣе своего противника.

Римское
государ-
ство въ
III вѣкѣ.
Его вну-
треннее
состоя-
ніе. Ха-
рактеръ
философ-
скихъ
школъ

Со временъ Траяна до Константина мужество императоровъ отставало съ успѣхомъ предѣлы имперіи. Мавры были побѣждены Маркомъ Авреліемъ, также какъ и Маркоманны Септимій побѣдилъ Пароянъ, Германцевъ и прошелъ грозой до самой сѣверной оконечности Британіи по горамъ Шотландіи, тогда населенной *Пиктами* (едвали не Пегтъ), остатками древнихъ старожилонъ, и *Скотами*, воинственными выходцами изъ Ирландіи. Александръ Северъ вступаетъ въ борьбу съ новою Персидскою державою, основанною въ 226 году послѣ Р. Х. Арджиромъ Бабеканомъ и принуждаетъ его къ бѣгству за Тигръ. Свирѣпый Максиминъ, родомъ варваръ (сынъ Сарматки и Свева), великанъ ростомъ и силою едва ли не безпримѣрною, отбрасываетъ Франковъ далеко отъ Рейна и прои-

каетъ глубоко въ землю Алеманновъ (*). Легіоны Римскіе при молодомъ Гордіанѣ проникаютъ въ Персію, опустошаютъ ея предѣлы и принуждаютъ воинственнаго Шапура просить мира съ имперією. Готы послѣ гибели Декія, павшаго въ сраженіи съ ними, ворвались далеко въ Элладу и предавали долго мечу и огню беззащитныя области Востока. Императоръ Клавдій изгоняетъ ихъ изъ предѣловъ имперіи, преслѣдуетъ въ ихъ собственную страну, уничтожаетъ ихъ ополченія и до такой степени сокращаетъ ихъ силу и внушаетъ страхъ Римскаго имени, что они съ тѣхъ поръ болѣе являются союзниками и подручниками имперіи, чѣмъ ея врагами, и въ послѣдствіи прося убѣжища отъ Гунновъ, соглашаются вступить въ полное подданство. Менѣе пострадавшіе Готы восточныя, наученныя бѣдою своихъ братій, обратили всѣ свои усилія уже не на югъ, но на восточныя пустыни Приднѣпровскія и Придонскія, вдали отъ грозныхъ легіоновъ Рима. Послѣ долгихъ бѣдствій имперія оживаетъ при строгомъ Авреліанѣ. Пальмира, управляемая послѣ смерти Одената его вдовою Зенобією, падаетъ послѣ кратковременной борьбы. Дружины Алеманновъ уничтожены въ Италіи; Галлія и Британнія, давно уже правимыя отдѣльными императорами, возвращены Тетрикомъ государю, котораго желѣзная сила могла поддержать единство Римскаго міра; своеволие войска укрощено; развратный Римъ наказанъ за крамолы, взбунтовавшійся Египетъ покоренъ. Государство возстаетъ въ прежнемъ величіи. Благодѣтельно было вліяніе неумолимо-строгаго императора. Возстановивъ цѣлость имперіи и уступивъ Германскимъ племенамъ только Задунайскую Дакію, завоеванную Траяномъ, но бесполезную и неспособную къ оборонѣ, онъ въ короткое время своего царствованія (въ 5 лѣтъ) такъ сильно подавлялъ

(*) О происхожденіи Максимина должно замѣтить, что такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Придунайской страны, германство его отца весьма сомнительно. Множество примѣровъ заставляютъ предполагать, что Римляне смѣшивали извѣстное имъ имя *Севез* съ неизвѣстнымъ еще именемъ *Славз* или *Славяципъ*. Такъ напр. явно Славянскихъ Карповъ они называютъ *Севезами*. *Примѣч. автора.*

сѣмена раздора, такъ успѣшно возстановилъ покорность законамъ и законнымъ властямъ, что, послѣ его слишкомъ ранней смерти, войско, единственный представитель народа, и Сенатъ, представитель государства, какъ будто чувствуя всю важность своей эпохи и опасности, окружающія имперію, взаимно уступали другъ другу честь и отвѣтственность императорскаго выбора. Наконецъ избранъ былъ Тацитъ, добродѣтельный и опытный государь, наказавшій Алановъ за ихъ набѣги; за нимъ Пробъ, родомъ Паннонецъ, побѣдитель Германцевъ, достойный преемникъ великаго Авреліана, возстановитель городовъ, разоренныхъ варварами въ Галліи, государь памятный по дѣламъ воинскимъ и по доблестямъ гражданскимъ, соединившій двѣ границы имперіи, Дунай и Рейнъ, непрерывною каменною стѣною, разводившій виноградники въ Галліи и Панноніи, укротившій на время пограничныхъ дикарей отъ Черпаго моря до Сѣвернаго океана, убитый и оплаканный войскомъ, возмущившимся противъ непривычныхъ трудовъ; за Пробомъ Каръ, внесшій Римскіе орлы въ самое сердце Персіи и покорившій ея столицы Ктезифонъ и Селевкію; за Каромъ наконецъ Діоклетіанъ, раздѣлившій имперію, по темному чувству ея внутренняго раздѣленія, на Восточную и Западную и предузнавшій будущую эпоху совершеннаго распада. Царствованія Діоклетіана и его сопрестольника Максиміана и его преемника Галерія были не безславны. Непріятели вездѣ побѣждены, предѣлы имперіи сохранены, Германцы отбиты Максиміаномъ, Британія спасена отъ Кельто-Кумрійцевъ кесаремъ Константіемъ Хлоромъ, Аравитяне и Сарацены укрощены самимъ Діоклетіаномъ, покорившимъ также снова Кавказское пригорье (Лазіку и Иверію), наконецъ новая просторная область завоевана и покорена Риму за Тигромъ, далеко внутри Персидскаго государства. Такъ припалъ имперію великій Константинъ, почти нигдѣ не убавленную и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распространенную, по-видимому еще бѣдную и не потерявшую надежду на побѣды.

Но государство уже не могло долго существовать. Оно обезлюдѣло отъ междоусобныхъ браеней, а еще болѣе отъ

разврата, между тѣмъ какъ волна варварскихъ народовъ безпрестанно нарастала отъ новаго наплыва съ сѣвера и востока и набѣгала съ новою и новою силою на длинныя и пустынные границы. Легіоны набирались изъ наемныхъ дикарей, всегда готовыхъ къ измѣнѣ и къ войнѣ противу самаго Рима, часто возвращающихся на родину съ новыми познаніями въ дѣлѣ ратномъ, слѣдственно съ новыми средствами къ бѣдѣ, и всегда, даже во время своей службы, гибельныхъ для народа своимъ грабительствомъ и угнетеніемъ, а для государства безпрестанно возрастающими налогами. Эти наборы не были ошибкою государей, но слѣдствіемъ необходимости. Рабъ-земледѣлецъ былъ ненадеженъ въ войскѣ, нуженъ для господина, нуженъ для опустѣвшихъ полей. Свободный горожанинъ былъ ослабленъ развратомъ, равнодушенъ къ общему дѣлу, необходимъ для торговли, единственнаго источника богатствъ, покупающихъ защитниковъ государству. Духъ, оживлявшій огромное тѣло, отлетѣлъ.

Постоянно оборонительная война въ огромныхъ размѣрахъ невозможна. Имперія должна была завоевывать или мечемъ,—но время завоеванія военнаго прошло,—или просвѣщеніемъ, создавая на своихъ границахъ новыя государства изъ народовъ осѣдлыхъ и мало-по-малу привыкающихъ къ гражданственности; но просвѣщеніе умирало въ ней самой и никогда не имѣло того животворнаго и чисто человѣческаго характера, который призываетъ всѣхъ людей къ участию и пробуждаетъ въ ихъ душѣ новыя и лучшія потребности.

За всѣмъ тѣмъ виѣшнее просвѣщеніе еще не погибло. Въ художественномъ отношеніи столбъ Траяновъ, конь Марка Аврелія и многія другія произведенія позднѣйшія заслуживаютъ похвалу, хотя уже замѣтна утрата прежняго величія. Искусство слова имѣло представителей замѣчательныхъ, но оно потеряло свою независимость и существовало только какъ слуга науки.

Изъ всѣхъ писателей этой эпохи первое мѣсто принадлежитъ безспорно Тациту. Историкъ неполненный силы и поэтъ, мыслитель

глубокой и практической, но умъ тѣсный, взглядъ, обнимающій только область вещественную и слѣпой къ области духовной, душа благородная и крѣпкая, но черствая и лишенная всякаго сочувствія съ человѣчествомъ внѣ Римскаго государства, — таковъ Тацитъ, вѣрный отголосокъ древняго Рима въ Римѣ упадающемъ и представитель той свирѣпой народности, которую Римъ подавилъ, но не замѣнилъ для человѣчества человѣчность Эллинскаго міра.

Науки положительныя и наблюдательныя процвѣтали. Математика и астрономія подвигались впередъ. Землеописаніе и народовѣдѣніе усовершенствовались. Плиній, Птолемей и многіе другіе расширяли предѣлы извѣстнаго міра.

Изъ нихъ Птолемей особенно замѣчательнъ по довольно подробному и отчасти разумному описанію средней Европы. Впрочемъ изъ Нѣмецкихъ ученыхъ многіе почерпали изъ него смѣшную мечту о градостроительствѣ древнихъ Германцевъ. Были де города, да никто кромѣ Птолемея не замѣчалъ ихъ; даже и тѣ не замѣчали, которые ихъ брали и разрушали, ибо объ нихъ не упоминается въ Римскихъ походахъ. Просвѣщенная критика должна замѣтить, что этихъ городовъ весьма не много въ западной Германіи, не смотря на вліяніе Римскаго примѣра и Римскихъ Прирейнскихъ колоній, населенныхъ Германцами, и весьма много въ восточной Германіи, странѣ болѣе чѣмъ полу-Славянской, какъ видно изъ самого Птолемея, дающаго многимъ мѣстностямъ около Чехіи (напр. *Кроконты* и др.) имена, до сихъ поръ сохраненныя тамошними Славянами и кромѣ ихъ никѣмъ не употребляемыя.

Школы философскія были многочисленны, ученія затѣливы, учителя замѣчательны по остроумію, а иногда по глубинѣ отдѣльныхъ мыслей; но философія утратила чистый характеръ науки. Ея соприкосновеніе съ религіею поколебало всѣ синкретическія вѣрованія древняго міра, съ которыми не могли сжиться ни поэтическая духовность, пробужденная Платономъ, ни искусственная отчетливость Аристотелевой логики. Въ ней самой проявилась потребность возстановить раз-

рушенное и замѣнить анализъ свой синтезомъ, обнимающимъ и возсозидающимъ весь міръ и все сущее, слѣдовательно религиознымъ,—и ученія философскія обратились въ новыя религіи, соединяющія въ нестройное цѣлое положенія, выведенныя изъ необходимаго развитія логическихъ данныхъ, съ положеніями произвольными, созданными жаждою религиознаго синтеза. Безчисленные ученики толпились около учителей, удовлетворяющихъ болѣе или менѣе требованіямъ вѣка; философія достигла повидимому своей новой цѣли,—перехода въ религію. Маркъ Аврелій и въ послѣдствіи Юліанъ выразили ея надежду на государственное значеніе.

Нѣкоторые другіе императоры и между прочимъ Александръ Северъ представляютъ въ этомъ отношеніи сходство съ Юліаномъ и Маркомъ Авреліемъ; но въ нихъ высказалось не столько гордое требованіе философій, сколько смутное желаніе новаго синкретизма, примиреннаго съ нравственными началами. Таковъ смыслъ поклоненія мудрецамъ и великимъ людямъ въ молельнѣ Александра. Оно напоминаетъ Яинство въ Индіи и довольно забавно было предложено въ наше время высоко просвѣщенной Европѣ высоко просвѣщенными учеными Германіи.

Но надежды философовъ были несбыточны. Китай не могъ повториться въ Европѣ. Не одинакія начала и сѣмена лежали въ просвѣщеніи Китая и въ просвѣщеніи Элліно-Римскаго міра. Начало Буддаистское (т. е. Буддаизма въ его древнѣйшей формѣ) было принято Китаемъ искони вмѣстѣ съ первымъ лучемъ жизни государственно-образованной; личность божественнаго духа исчезла изъ самаго основанія религиознаго вѣрованія и замѣнена была отвлеченнымъ понятіемъ о нравственномъ благѣ и безстрастной гармоніи.

Таковъ смыслъ Конг-фу тзеу и Менг-тзеу; Лао-тзеу, не смотря на свою древность, представляетъ уже иноземное, западное вліяніе.

Безусловная вѣра въ отвлеченное понятіе переходила непрерывнымъ наслѣдствіемъ, истиннымъ преданіемъ изъ

вѣка въ вѣкъ черезъ всѣ измѣненія государственной жизни и династическихъ переворотовъ. Не таковъ былъ мѣръ Эллино-Римскій. Въ основѣ его лежало вѣрованіе искаженное, синкретическое, но истекающее изъ Иранскаго поклоненія личному, свободно творящему духу. Въ мысляхъ и совѣстяхъ сохранялось требованіе положительной вѣры, личныхъ боговъ даже тогда, когда исчезла прежняя вѣра и уничтожены прежніе боги. Философія нравственная и логическая была наплывомъ позднѣйшимъ, плодомъ высокаго развитія Эллинской личности; но, какъ дѣло мысли самознающей себя, она требовала постоянно логическаго оправданія, была чужда характеру преданія и не могла создать себѣ произвольныхъ положеній, которымъ повѣрила бы безусловно. Ея постоянно аналитическое стремленіе не способно было къ переходу въ религіозный синтезисъ и всѣ усилія философовъ въ первыхъ столѣтіяхъ послѣ Р. X. оставались безплодными.

Требованіямъ вѣка менѣе соответствовали логическія школы, подпавшія вліянію Аристотеля, чѣмъ школа Платоновская, сохранившая, при великомъ развитіи анализа, тѣмную память о древнемъ преданіи и вѣру въ поэтическія гаданія духа человѣческаго. Эта школа стала первенствовать надъ всѣми другими, но утрачивала все болѣе и болѣе свою логическую основу и переходила въ нестройный мистицизмъ, принимающій начала чисто-произвольныя и въ то же время подчиняющій ихъ развитіе законамъ логической необходимости и логическихъ опредѣленій. Такъ образовался Неплатонизмъ, совершенно безплодный въ отношеніи къ расширенію человѣческой мысли, но важный въ исторіи и вполнѣ обличающій страну, въ которой онъ образовался, страну эллинизованныхъ Кушитовъ.

Средство Неплатонизма съ Гнозисомъ, съ системами эманационными; т. е. мнимыми примирителями Иранской вѣры въ свободу и Кушитскаго ученія о необходимости, со склонностью къ таинствамъ и гадательному символизму, особенно же съ древнимъ ученіемъ о заклинаніяхъ и о власти духа надъ невидимымъ міромъ посред-

ствомъ дѣйствій вещественныхъ, очень явно. Въ Юліанѣ и Маркѣ Авреліѣ оно обличается страстнымъ желаніемъ быть посвященнымъ въ таинства Египетскія, Элевзинскія и другія. Мистицизмъ же не есть собственно вѣра въ невидимое и неизвѣстное, но неразумное желаніе опредѣлять то, что признается неизвѣстнымъ, какъ будто извѣстное, смѣшеніе признаннаго съ сознаннымъ и замѣненіе яснаго выраженія (явно въ этомъ случаѣ невозможнаго) выраженіемъ приблизительнымъ и метафорическимъ, соединенное съ притязаніемъ на логическую строгость. Научнообразная личина на вѣрованіи болѣе или менѣ произвольномъ: таковъ общій характеръ всѣхъ мистиковъ и между прочемъ Неоплатониковъ. Впрочемъ школа Неоплатониковъ весьма замѣчательна по особенному развитію Платоновой идеи о первобытномъ *Словѣ*. Это развитіе важно въ смыслѣ философскомъ, потому что указываетъ на темное понятіе о необходимости предмета для мысли въ ея общемъ значеніи и слѣдовательно совпадаетъ съ позднѣйшими и намъ современными выводами философскихъ школъ въ Германіи; оно важно и въ смыслѣ религіозномъ по вліянію своему на ученія многихъ церковныхъ писателей и на ученія Гностическихъ ересеначальниковъ; особенно же важно потому, что выраженіе, избранное Платономъ и его послѣдователями, получило въ христіанствѣ силу положенія догматическаго, котораго дѣйствіе не истощено до нашего времени. Не должно однако же предполагать (какъ многіе ученые) тождество между мыслию Платоновою и положеніемъ христіанскимъ. Разница ясна для безпристрастной критики и указана не разъ; но внутреннее, хотя и довольно далекое, сродство обличается избраніемъ выраженія уже извѣстнаго и не можетъ быть отвергнуто безъ явной натяжки.

Усилія философіи были бесплодны къ созданію религіи; они были точно также бесплодны въ борьбѣ съ нравственнымъ упадкомъ Элліно-Римскаго міра. Развратъ и буйство страстей находили поощреніе въ искаженномъ эпикурействѣ, нѣкогда проповѣдавшемъ поклоненіе всему гармонически-прекрасному, какъ выраженію гармоніи божественной, но уже давно ограничившемся поклоненіемъ чувственному наслажденію, и въ школѣ полнаго сомнѣнія, вышедшей изъ Аристоте-

левскаго эмпиризма: они не могли уступить ни себялюбивой гордости Стои, чуждой всякой любви и всякому сочувствію съ человѣчествомъ, ни произвольнымъ умствованіямъ шаткаго Нео-платонизма; но продолжали истощать всю духовную и всю вещественную силу имперіи, покоряясь иногда бичу положительнаго закона, часто вызывая его строгость и постоянно избѣгая ея посредствомъ юридическихъ уловокъ. Постыдное царствованіе Геліогабала явило міру полное торжество разврата, забывшаго всякій стыдъ; уменьшеніе самоубійствъ показывало, что энергическое отчаяніе Цезарской эпохи замѣнилось полусонною и неисцѣльною безнадежностью. Общество требовало новыхъ жизненныхъ началъ.

Борьба
Римскаго
государ-
ства съ
христиа-
нствомъ.

Эти начала высказывались въ ученіи Еврейскихъ проповѣдниковъ; по по строгости, и неуклончивости передъ произволомъ страсти, они раздражали свирѣпый развратъ Рима, по всеобъемчivosti они не уживались съ гражданскимъ и общественнымъ порядкомъ, основаннымъ на другихъ, уже умершихъ началахъ, по своей положительности, по требованію безусловной вѣры и по связи съ неизмѣннымъ преданіемъ они возстановляли противъ себя гордость философскаго анализа, а еще болѣе гордость философскаго синтеза, сознающаго свою произвольность, но никогда не признающагося въ ней. Столкновеніе христіанства съ міромъ Эллипо-Римскимъ должно было кончиться войною. Дѣйствительно, война почти непрерывная продолжалась слишкомъ два вѣка, иногда по повелѣнію императоровъ, иногда по произволу областныхъ правителей, иногда по взрыву народныхъ страстей. Безоружные воины христіанства были лишены правъ гражданства, давно уже обшихъ по обычаю, прежде чѣмъ они были обобщены закономъ Карагаллы; заключаемы въ темницы, сожигаемы на кострахъ и чаще всего бросаемы на сѣденіе хищнымъ звѣрямъ при радостныхъ кликахъ кровожадной черни и рукоплесканіяхъ раздраженной философіи. Но мужество возрастало въ гоненіяхъ; высокій примѣръ увлекалъ подражателей; отвращеніе отъ современной жизни, утратившей всѣ свои радости и свое благородство, призывалъ толпы учениковъ къ ученію, спасаю-

щему счастье и достоинство человека общаниемъ свѣтлой и великой будущности. Больше же всего говорило чувство чело-вѣческой любви, новопробужденное въ мертвыхъ и себялю-бивыхъ душахъ. Число христіанъ возрастало со дня на день.

Благоговѣнно поклоняясь передъ доблестію страдальцевъ за святиню духа, признавая величіе людей, которые могли си-лою отразить насиліе и покорялись по глубокой вѣрѣ въ не-сокрушимую и торжествующую силу мысли, критика истори-ческая не должна произносить строгаго приговора и надъ го-нителями, въ числѣ которыхъ встрѣчаются лучшія имена лѣ-тописей Римскихъ. Великій Траянъ не прекращалъ вполнѣ гоненій и въ письмахъ къ Плинію, въ которыхъ видно его безмѣрное превосходство передъ риторомъ-философомъ, толь-ко увѣщевалъ его умѣрить излишнюю строгость преслѣдова-нія. Онъ боялся найти въ христіанахъ общество, готовое со-ставить партіи въ провинціяхъ, а можетъ быть и тайное об-щество, враждебное государству.

Страхъ тайныхъ обществъ или союзовъ, имѣющихъ противозакон-ныя цѣли, выражается очень явно отказомъ Траяна въ утвержденіи общества для прекращенія пожаровъ. Впрочемъ этотъ страхъ отно-сился особенно къ областямъ восточнымъ и оправдывается въ позд-нѣйшую эпоху волненіями областныхъ партій, полуполитическими союзами, носившими знамена, взятые изъ общественныхъ ристалищъ, и еще болѣе смутами монашескихъ общинъ.

Кроткій Маркъ Аврелій преслѣдовалъ христіанъ, какъ импе-раторъ, а еще болѣе какъ философъ: ибо глубоко въ душѣ тогдашнихъ философовъ лежала завистливая досада противъ успѣховъ христіанства и противъ нравственнаго торжества, высказывающаго все безсиліе вѣчно-мудрствующихъ школъ. Еще жесточе были строгій Септимій и дикій Максиминъ. Му-жественный Децій и Діоклетіанъ, бодро отражавшій гибель имперіи и благородно отказавшійся отъ престола, котораго паденіе онъ предвидѣлъ, стали по неистовству гоненій и каз-ней паравнѣ съ самыми гнусными тиранами. вмѣстѣ съ Діо-

клетіаномъ свирѣпствовали его соучастники въ правленіи, — грубый Максиміанъ и бездушный Галерій. Но во всѣхъ гонителяхъ, не смотря на различіе правовъ и причинъ личныхъ, было одно и то же сознаніе непримиримости христіанства съ началами Римскаго государства. Для Рима и его законовъ высшее въ мірѣ было само государство, единственная неоспоримая святыня и начало всякой святыни. Христіане проповѣдывали другую, высшую святыню человѣческаго духа въ его недостижимомъ совершенствѣ и сокрушали прежнюю, подчиняя въ себѣ гражданина человѣку. Можно было не вѣрить Юпитеру или Серапису или Богу Нерону: но тотъ, кто отказывалъ государству въ правѣ на опредѣленіе божественныхъ почестей Нерону или Юпитеру, отвергалъ всемогущество самого государства и его религіозное значеніе. Онъ долженъ былъ погибнуть, какъ преступникъ, и казнь его была справедлива въ глазахъ всякаго Римлянина. Таковы были понятія, необходимо истекающія изъ прежняго Римскаго начала, и мы находимъ ихъ выраженными ясно и безъ гнѣва въ перепискѣ Траяна и Плинія. Орудіями гоненій были власти гражданскія и особенно воинскія. Христіане, чтобы не быть гонителями своихъ братьевъ или клятвopреступниками и въ то же время не покориться обрядамъ идолопоклоннической присяги, стали упорно избѣгать службы государству, уже и безъ того скуднаго защитниками. Ихъ отказъ казался измѣною. Если присоединить къ этимъ законнымъ причинамъ гоненій оскорбленную гордость государей и правителей, негодованіе народа, на презрѣніе христіанъ къ богамъ, и особенно всеобщее понятіе о заклинательномъ значеніи религіозныхъ обрядовъ, которое лежало въ основѣ всѣхъ Кушитскихъ вѣрованій и по которому пренебреженіе вещественнаго обряда влекло за собою вещественное бѣдствіе для общества, — легко понять и трудно осудить глубокую злобу слабѣющей имперіи при Діоклетіанѣ и ея безумныя усилія въ послѣдней борьбѣ съ христіанствомъ. Христіанъ было множество. Они могли бы вооруженною рукою освободиться отъ гонителей: это явно изъ легкаго торжества христіанства при Константинѣ; но они предпочли

страданіе и купили славную побѣду своею, а не чужою кровью. Но торжествующіе христіане не вполне поняли свое торжество и не воспользовались имъ. Долго страдалъ въ борьбѣ съ государствомъ и привыкнувъ видѣть въ немъ учрежденіе чуждое христіанству, они не познали строительной силы, сокрытой въ ученіи апостоловъ, и покорились прежнимъ законамъ, вытребовавъ только почтеніе къ своему обряду, а иногда и гоненія на иныя вѣрованія. Такова причина слабости Римской послѣ Константина; государственной же силѣ христіанства суждено было проявиться въ народахъ новыхъ и дикихъ.

Эпоха Римскаго величія при преемникахъ Августа и Траяна соотвѣтствуетъ величію Китая при домѣ Хановъ. Могущественная держава Востока, покоривъ всю внутреннюю Азію до береговъ Каспійскаго моря, грозила войною Парянамъ, была въ частыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Европою, принимала Римскихъ пословъ (вѣроятно купцевъ съ политическими порученіями), и даже въ началѣ втораго вѣка думала о войнѣ съ Римомъ. Домъ Хановъ и съ нимъ цѣлость государства пали въ Китаѣ прежде раздробленія Римской имперіи въ III-мъ столѣтіи послѣ Р. X; но внутренняя жизнь и односторонность чисто-государственной религіи снова соединили Китай въ одно цѣлое и сохранили его до нашего времени, между тѣмъ какъ имперія Римская уже не могла возстать послѣ своего паденія. Долгіе раздоры, междоусобія и завоеваніе Китая кочевыми дикарями кончились въ началѣ VII вѣка возшествіемъ на престолъ династіи Танъ (или Тангъ) и вся Средняя Азія снова покорилась своимъ прежнимъ владыкамъ; но ея кипѣніе успѣло въ это время отозваться въ Европѣ и измѣнить ея судьбу.

Никогда Китай не былъ такъ могущественъ, какъ при династіи Хановъ, никогда власть его не распространялась такъ далеко и войска не пропикали такъ смѣло въ глубину пустынь: но самыя эти завоеванія, не прочныя въ землѣ населенной народами кочующими и не способными къ полному сращенію съ государственнымъ тѣломъ, увеличивали опасность

Китай и
Средняя
Азія въ
первые
вѣка по
Р. X.

государства, и вліяніе Китая на Среднюю Азію производило дѣйствіе, одинаковое съ вліяніемъ Римскаго міра на Зарейнскія и Задунайскія племена. Уже давно произошло, вѣроятно въ пустыняхъ Приалтайскихъ и Тянь-шанскихъ движеніе народовъ, съ которымъ кажется связаны происхожденіе союза *Тшессе-Уйгуровъ*, преданіе объ *Огузъ-Ханъ* и почти единовременная опасность Нинивіи, Египта и Китая; но это движеніе улеглося. Орды разрознились и обезсилѣли снова. Предпріятія воинственныхъ Тсиновъ и властолюбивыхъ Хановъ снова взволновали успокоившееся море финно-турецкихъ племенъ и подняли долгую грозу, которой удары потрясли весь міръ, а послѣдніе отголоски еще гремѣли въ XVII столѣтіи. Со всѣхъ сторонъ возникли могущественные союзы, признающіе первенство одной какой-нибудь семьи, составленные изъ племенъ болѣе или менѣе едиородныхъ, всегда готовые распастся и снова слиться въ одну массу, но также всегда стремящіеся къ одной цѣли, къ войнѣ противъ государствъ образованныхъ и къ грабежу богатыхъ областей. Въ этомъ стремленіи жажда къ корысти и любовь жизни боевой сливались съ какимъ-то восторгомъ вольнолюбивой гордости и проявлялись въ огромныхъ размѣрахъ и въ энергической напряженности, гибельныхъ для человѣчества, но не унижительныхъ и достойныхъ вниманія исторіи.

Всѣ эти чувства высказываются въ истинномъ или мнимомъ завѣщаніи Чингиса и они по истинѣ мало чѣмъ хуже чувствъ, которыми одушевлялись много прославляемые завоеватели и воители Европы.

Такимъ образомъ составились союзы Тюркскихъ *Гюнг-ну*, Восточно-Сибирскихъ *Сян-па* (или Сан-бійцевъ), Жужанскихъ Татаръ, Тулгасцевъ и другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ. вмѣстѣ съ войсками Китая проникали въ пустыню нѣкоторыя начала образованности, нѣкоторыя потребности роскоши, можетъ быть нѣкоторыя мысли отвлеченныя, плоды другаго высшаго развитія (таковы напр. письменность, усо-

вершенствованныя ремесла, евнухи съ ихъ тайными ученіями и гаремнымъ развратомъ); но вся эта вещественная образованность и отрывки искаженной мысли только раздражали страсть и давали ей новыя, болѣе усовершенствованныя орудія для своего удовлетворенія.

Точно также какъ въ сношеніяхъ Римлянъ съ Германцами, произведшихъ отвратительный союзъ Франковъ.

Кроткій и мирный Буддаизмъ, вытѣсненный изъ Индустана, также вкрадывался мало-по-малу чрезъ Китай и ущелія Гиммалайска въ сѣверную Азію, гдѣ онъ наконецъ или сдѣлался владычествующимъ вѣрованіемъ или слился съ прежними неопредѣленными религіями; но Буддаизмъ съ своимъ ученіемъ о конечномъ ничтожествѣ и о неизбѣжномъ рабствѣ духа въ вещественной жизни не покоряетъ страстей (какъ видно по Японіи) и во всякомъ случаѣ мало еще дѣйствовалъ на взволнованныя племена, исполненные свѣжихъ и воинственныхъ силъ. Отъ него остались въ средней Азій слѣды Санскритскаго языка, Санскритской письменности, измѣненной въ послѣдствіи вліяніемъ письменностей Китайской и Арабской (послѣ распространенія Исламизма) и развитіе фетишизма; но не осталось ни образованности плодотворной, ни слѣдовъ въ жизни исторической.

Буддаизмъ огрубѣлъ въ средней и сѣверной Азій, какъ нѣкогда въ племенахъ Африканскихъ, которыхъ Египетское имя *Путь* представляетъ разительное сходство съ словомъ *Будда*. Всѣ его отвѣченныя и высокія понятія обратились въ грубо-вещественныя суевѣрія: но самыя эти суевѣрія важны для критики, какъ признаки древнихъ сообщеній. Такъ напр. мнѣе объ *самбу-крипа* у Бурятъ скрываетъ въ себѣ понятіе объ области безусловнаго (абсолютнаго) бытія (*сваамбу-дзина*) и, отражаясь въ пѣсняхъ Финскихъ объ утраченномъ сокровищѣ (*самбо*), свидѣтельствуетъ о прежней высотѣ мысли и прежнемъ братствѣ народовъ.

Изъ всѣхъ союзовъ, владычествовавшихъ въ Азій, всѣхъ важнѣе, по вліянію своему на Европу, союзъ Сян-бійцевъ. Со-

ставившись на юго-востокъ Байкала, изъ племень, которыхъ бѣдные остатки кочуютъ теперь въ сѣгахъ земли Русской или на возвышенныхъ степяхъ сѣвернаго Китая, онъ явился съ неотразимою силою въ теченіи первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х. Сян-бійцы ударили съ начала на Тюркскій союзъ Гюнг-ну, дотолѣ первенствовавшій въ пустыняхъ, и отбросили его далеко на западъ; потомъ обратились на сѣверный Китай и, завоевавъ его, основали династію *Вей*, властвовавшую со славою въ продолженіи IV-го, V-го и отчасти VI-го столѣтій послѣ Р. Х.

Правленіе дома Вейскаго или Сян-бійцевъ показываетъ, также какъ и династіи Монгольская и Манчжурская, силу государственнаго начала Китайскаго: впрочемъ многія обстоятельства, предшествовавшія завоеванію, представляютъ Сян-бійцевъ какъ народъ склонный къ просвѣщенію и къ кротости нравовъ, чуждой Монгольскимъ и Тюркскимъ семьямъ.

Гунни;
ихъ Сла-
вянская
стихія.
Ея борьба
съ Гер-
манцами.

Отодвинутые Гюнг-ну, Сян-бійцы и Жужанскіе Татары напали на союзъ разноплеменныхъ Уйгуровъ (принадлежавшій по большей части Финно-Турецкимъ семьямъ, какъ доказано Мирзою Каземъ-бекомъ) и погнали ихъ еще далѣе на западъ, къ берегамъ Иртыша, Оби и Волги. Еще прежде напора Сян-бійцевъ, усиленіе Гюнг-ну и Тшессе-Уйгуровъ и завоеванія Китайскаго дома Хановъ уничтожили мало-по-малу Бактро-Славянскія общины на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Бактрии, отбросивъ ихъ къ югу, гдѣ они основали недоговѣчное царство Индо-Скиѣское и покорили часть Индустанскаго Пенджаба, или къ сѣверо-востоку, гдѣ они сплотились подъ именемъ издавна извѣстномъ Гунновъ и новымъ именемъ Приволжцевъ или Болгарь. Новый напоръ съ востока усилилъ Приволжцевъ наплывомъ Уйгуровъ, которые вошли въ составъ Гунскихъ ополченій, дали ихъ казачеству отчасти Средне-Азійскій характеръ, а потомъ, послѣ паденія Гунновъ, явились въ исторіи съ самостоятельною дѣятельностью.

Мнѣніе критиковъ, смѣшавшихъ *Гюнгу* съ Гуннами Аттилы, давно уже потеряло вѣсъ свой въ мірѣ ученомъ. Оно еле еще только высказывается страстными поклонниками Средней Азіи и Китая и смѣло повторяется только отсталыми полу-учеными, которые не успѣли еще воспользоваться новѣйшими открытіями. Слава догадки о славяствѣ Гунновъ принадлежитъ Венелину, писателю гениальному, но слишкомъ страстному, слишкомъ мало знакомому съ восточными источниками, и слишкомъ мало оцѣненному не совсѣмъ доброжелательною критикою Запада, даже его одноплеменниковъ Славянъ.

Венелинъ уже доказалъ, по свидѣтельству Византійцевъ и Западныхъ писателей, Славянскій характеръ обычаевъ Гунскихъ (особенно замѣчательнъ обычай, сохранившійся въ Россіи—лавокъ пристѣнныхъ), славянство словъ, сохранившихся изъ Гунскаго языка (*страда*—поминки; *камосъ* изъ зерноваго хлѣба, т. е. *квасъ*, а не *кумысъ*, который дѣлается изъ молока, и т. д.). Прибавимъ, что Гунны не имѣли ничего общаго съ Гюнгу (ибо по свидѣтельству Китайцевъ никогда Тюркскіе Гюнгу не проникали такъ далеко на западъ); что народы, жившіе на сѣверо-востокъ и сѣверъ отъ Бактріи и безъ сомнѣнія отчасти выдвинутые изъ родины своей около начала эры христіанской, были по большей части осѣдлые и не совсѣмъ безъ просвѣщенія (таково свидѣтельство Китайцевъ, воспользовавшихся ихъ художествомъ, напр. въ дѣланіи цвѣтныхъ стеколъ) и не принадлежали къ Финно-Турецкимъ семьямъ; что громкое имя Гунскаго завоевателя Аттилы тождественно съ именемъ, встрѣчаемымъ въ исторіи Бактро-Гетскихъ царей *Ацилесъ*; что Гуны совершенно тождественны съ Саками и Славянами по писаннымъ памятникамъ и преданіямъ Германскимъ объ *Хунабъ*, *Хунгарди* и т. д., по древнему свидѣтельству Индустана о *Гунахъ* и *Сакахъ*, подкрѣпленному свидѣтельствомъ Козьмы Индоплавателя и по свидѣтельству надписей клинообразныхъ о Превексинскомъ *Гунастанъ* или *Сакастанъ*; что первое имя царское, при которомъ являются Гунны, чисто Славянское (*Воломиръ*); что вообще имена Гунскія были Славянскія, по свидѣтельству Юрнанда: «Gothi

plerumque mutuuntur nomina Hunnorum» (Славянскихъ именъ у Германцевъ и Готовъ, какъ извѣстно, множество, особенно у Остготовъ, навр. Валамиръ, Чудомиръ, Видимиръ и др. а едвали найдется хотя одно Финно-Турецкое); что Славяне-Венеды составляли главную силу Гунскаго ополченія и что, наконецъ, у Византійцевъ тѣ же Славяне-Венеды являютя какъ бы потомками Гунновъ, «отъ которыхъ они получили честность и добродѣтель»,—и догадка Венелина обращается въ неоспоримый историческій фактъ.

Только не должно забывать, что Гунны,—казачество восточныхъ Славянъ,—уже давно приняли примѣсь Финно-Турецкую (по свидѣтельству Китайцевъ о сильномъ вліяніи *Као-тче* на семьи *Да-га*, *Юэти* и *Та-Ванъ*) и что послѣ ихъ движенія на западъ Приволжье подпало власти Уйгурскихъ переселенцевъ (а все-таки не Гюнг-ну). Таковъ смыслъ показанія Китайскаго объ очередномъ владычествѣ *Алан-ми* (Сарматовъ), *Венна-ши* (Венедовъ и Гунновъ) и *Тше-сзе* (Уйгуровъ, т. е. Венгровъ, Болгаръ позднѣйшихъ, Половцевъ, мѣшаннаго племени Хазаровъ и др.).

Приливъ Славянъ къ Приволжью отъ юго-востока объясняется напоромъ Гюнг-ну и Уйгуровъ. Усиленіе ихъ приливомъ Средне-Азійскимъ было послѣдствіемъ побѣдъ Сянбійцевъ на востокъ, по свидѣтельству Европейскихъ писателей о бѣгствѣ Уйгурцевъ передъ *Сабирами*.

Вмѣсто Сабировъ встрѣчается иногда искаженное имя *Абирь*: но оно не заслуживаетъ вниманія. Имя *Сабиръ* есть безспорно тождественное съ *Сян-бій*, также какъ *Хаза* и *Хазаръ*, *Манджю* и *Манджуръ*, *Гуей-гуе* и *Юйгуръ* или *Уйгуръ*. Вѣроятно съ именемъ *Сянбиръ* связало слово *Сибирь*; кажется иногда произносимое какъ *Силбиръ*. Форма *ь* въ концѣ слова придаетъ ему характеръ собирательный (Леть, Ливь, Ямь, Русь и т. д.)

Движеніе Гунновъ на западъ отъ Волги и ихъ завоеванія объясняются исторіею Готовъ. Побѣжденные, или по крайней

мѣрѣ, отраженные на Дунаѣ, Готы отложили свою вражду Эрманарикъ и Аттила. къ имперіи, вступили съ нею въ союзъ (что впрочемъ не мѣшало временнымъ ссорамъ), приняли нѣкоторыя начала просвѣщенія и даже отчасти христіанство, избравъ въ самомъ христіанствѣ ученіе Арія, или какъ болѣе доступное ихъ разуму, или (что вѣроятнѣе) какъ болѣе угодное Восточному императору. Но дружась съ имперіею, служа въ ея войскахъ, ограждая ея границы, Готы безпрестанными войнами расширялись на сѣверъ и востокъ и во II-мъ вѣкѣ основали обширнѣйшее государство изо всѣхъ дотолѣ признававшихъ власть Германскаго племени. Столѣтній Эрманарикъ, царь Остготовъ (тогда первенствовавшихъ въ Готскомъ союзѣ), властвовалъ надъ берегами Дона и Вислы, Волхова и Дуная. Разрозненные племена Славянъ, Венеды и Анты, Русь и Новгородъ (*Rocas et Novogo*), вкрапленные между ими или пограничные Финны, Меря, Весь и др. платили ему дань и повиновались его законамъ. Таково никѣмъ не оспоренное свидѣтельство Юрнанда. Между тѣмъ Придонскіе Сарматы-Аланы, первенствовавшіе въ Славяно-Сарматскомъ союзѣ, ослабли вслѣдствіе самыхъ своихъ завоеваній, а еще болѣе вслѣдствіе двойнаго напора съ востока отъ независимыхъ Славянъ-Гунновъ и съ запада отъ новыхъ завоевателей, Германскихъ Готовъ. Вскорѣ, побѣжденные Гуннами, они утратили свое значеніе въ степяхъ южной Россіи и были принуждены или покориться и служить побѣдителямъ или подчиниться Готамъ.

Между тѣмъ міръ западныхъ Славянъ казался уже близкимъ къ разрушенію. Союзъ Маркоманновъ и Квадовъ, основанный Германцами въ землѣ Славянской, принялъ по-видимому характеръ Славянскій.

По крайней мѣрѣ имена царей Атгала и Валамира очевидно не принадлежатъ Германскому нарѣчію и извѣстно, что Нѣмцы называли Валиміромъ и Олимаромъ Русскаго Владиміра; впрочемъ происхожденіе самихъ Квадовъ сомнительно.

Но Маркоманны ослабли: новый Германскій наплывъ уничтожилъ самобытность Чешскихъ и Краинскихъ общинъ; об-

щины Ляховъ Привислянскихъ и Вендовъ Приодерскихъ были потоплены тѣмъ же наплывомъ Свевовъ съ запада или Лонгобардовъ и Саксовъ съ Скандинавскаго сѣвера, заступившихъ мѣсто прежнихъ насильниковъ, уже полуославянившихся Вандаловъ, и Германцевъ, привыкшихъ къ городовому быту Славянскаго приморья и получившихъ прозвище *Бургундцевъ* (горожанъ). Общины сѣверной Россіи, Венды и Анты Прикарпатскіе и Приднѣпровскіе уступили силѣ Готовъ и признали ихъ власть или первенство; наконецъ, въ иныхъ мѣстахъ (напр. на берегахъ Вислы) отпрыски великихъ Алановъ-Сарматовъ, или мѣшанныхъ съ ними Кавказскихъ Зиговъ (*Языги-Адиге*), ворвавшіеся въ міръ Славянскій, оспаривали у Германцевъ право угнетать кроткихъ и миролюбивыхъ туземцевъ. Вездѣ Славянская община подпала игу иноплеменной дружины. Готы переполнили мѣру страданій и терпѣнія жестокою казнію князя Прикарпатскихъ Антоу и его бояръ..

Таково свидѣтельство лѣтописцевъ: но по имени Князя *Бокъ* или *Бохъ* можно также предположить оскорбленіе какой нибудь народной святыни и убіеніе жрецовъ.

Кровавое оскорбленіе вызвало жестокихъ мстителей. Гунны, по памяти ли племеннаго братства или по праву, ими усвоенному послѣ паденія Алановъ, считаются главою и покровителями слабыхъ семей Славянскихъ, вступились за угнетенныхъ Антоу и ударили на Готскую державу.

Такое мнѣніе становится еще понятнѣе, если оскорбленіе было нанесено не лицамъ, а вѣрованію, безъ сомнѣнія не чуждому Гуннамъ. Исторія Славянскаго Поморья въ Германіи и Запорожцевъ въ Россіи представляетъ много подобныхъ примѣровъ. Впрочемъ ближайшее сродство Гунновъ и Антоу замѣтно отчасти и въ Санскритскихъ писателяхъ, весьма часто соединяющихъ *Гуновъ* и *Андеровъ*; особенная же воинственность Антоу засвидѣтельствована не только Европейскими лѣтописцами, но и преданіями Кавказскихъ Адиговъ или Кабардинцевъ на верховьяхъ Ухмары, за Кубанью о мирной славѣ

Ванадиговъ (Вендовъ) и мужество *Антово*, которыхъ имя принято за общее названіе богатыря или благороднаго воина.

Новое царство Готовъ не устояло противъ напора восточнаго казачества, вступающагося за угнетенный народъ. Вестготы бѣжали за Дунай, прося убѣжища у Римской имперіи и принимая охотно подданство, чтобы спастись отъ Гунскаго меча. Побѣжденные Остготы покорились; ихъ столѣтній царь Эрманарикъ погибъ прежде своей державы и смерть его, торжество Гунновъ и первыя причины къ раздору, между великими племенами, увѣковѣченныя смутнымъ преданіемъ, слились въ одно поэтическое цѣлое, въ народную эпопею общую всѣмъ народамъ Германскимъ, эпопею вполне Германскую по характеру и развитію, но вполне чуждую Германіи по своему началу.

Такова поэма *Нибелунговъ*, важная въ глазахъ исторической критики, и таковъ выводъ изъ сличенія ея съ Юрнандомъ и преданіями. Во-первыхъ: Зигфридъ представляется не только *Гунномъ* и *сыномъ Гунскимъ* (что можетъ значить *богатырь* и *богатырскій сынъ*) но еще изъ *Гуналандъ* (изъ страны Гунской), а это имя, которымъ въ сагахъ означаетъ Россія, не можетъ безъ натяжки быть принято въ смыслѣ сказочной земли богатырской: оно ясно обозначаетъ землю Русскую, какъ и всегда. Во-вторыхъ: Германарихъ по сагѣ убитъ братьями дочери Зигфрида, а по Юрнанду двумя братьями изъ рода *Росомановъ* или *Росмановъ* (Русовъ) въ отмщеніе за смерть сестры; слѣдовательно отецъ убійць, Зигфридъ является человекомъ Русскимъ (Росманъ) и Германская повѣсть объ немъ совпадаетъ съ началомъ борьбы между племенами Гото-Германскими и Восточнымъ Славянствомъ. Въ этомъ и состоитъ главная завязка Нибелунговъ, хотя оно скрывается во множествѣ сказочныхъ подробностей и выставляетъ главными дѣйствующими слабую семью *Бургундовъ*, или потому что восточные Бургундцы, союзники или подручники Готовъ, были примѣшаны къ первоначальной ссорѣ съ Гуннами, или потому что гибель Бургундцевъ Прирейнскихъ отъ Гунскаго меча смѣшалась въ преданіяхъ съ первыми пораженіями Германцевъ на востокъ.

Аттила (*Этцель* Нибелунговъ) не имѣеть, какъ уже сказано, ни въ преданіяхъ, ни въ поэмѣ того свирѣпаго характера, съ которымъ онъ долженъ былъ бы явиться, если бы былъ начальникомъ Финно-Турецкихъ кочевыхъ полчищъ. Онъ роскошный царь пародовъ осѣдлыхъ и, не будучи самъ Германцемъ, верховный властитель надъ племенами Германскими. Бракъ его со вдовою Зигфрида, смерть князей Бургундскихъ въ отищеніе за смерть Зигфрида или гибель самого Аттилы въ отищеніе за смерть его шурьевъ принадлежитъ бѣдному вымыслу сказочниковъ: но въ выраженіяхъ Юрнанда, называющаго жену Аттилы *mulier vilissima*, видно глубокое почтеніе къ погибшему завоевателю, а въ отношеніяхъ Бургундцевъ къ царю Гунскому по Нибелунгамъ видна невольная покорность побѣжденныхъ вассаловъ, признающихъ права государя на ихъ личную службу и на случайно пріобрѣтенныя сокровища. Цикль Зигфрида и Аттилы, самъ по себѣ полный, связывается въ преданіяхъ съ позднѣйшимъ цикломъ героевъ Готскихъ посредствомъ Дитриха Бернскаго (Феодорика Великаго); но эти два цикла не имѣютъ очевидно ничего общаго между собою и зависимость Дитриха отъ Этцеля указываетъ только на память о временномъ владычествѣ Гунновъ надъ Остготами. Впрочемъ появленіе Дитриха въ сказкѣ опредѣляетъ отдѣленіе міра Германскаго, откинутаго на западъ, отъ міра Славянскаго, получившаго самостоятельность на востокѣ. Это довольно близко къ исторіи.

Тутъ исчезаетъ и грозный завоеватель Аттила и семья Зигфрида и Гунны и Росманны, между тѣмъ какъ Эрманарикъ еще заключенъ въ періодъ борьбы не только по исторіи, но и по преданіямъ, и по пѣснямъ, и по сказаніямъ, сохраненнымъ у Саксона грамматика, рассказывающаго объ его плѣнѣ у Славянскаго царя Исмара. Около царя Остготскаго, вызвавшаго бурю восточнаго казачества, сосредоточиваются *Гунны, Руссы* и *Славяне*, но самъ онъ исчезаетъ передъ высшими лицами позднѣйшей исторіи или передъ поэтическими образами, созданными воображеніемъ сѣверныхъ народовъ. Періодъ борьбы заключается въ двухъ лицахъ—историческаго Аттилы и сказочнаго Зигфрида. Оба сдѣлались достояніемъ всѣхъ Германскихъ племенъ, потому что самая борьба, олицетворенная въ ихъ судьбѣ, измѣнила всю жизнь и направленіе всѣхъ Германцевъ отъ береговъ

Ледовитаго моря до юго-западной оконечности Европы и до развалин древняго Кароагена; но оба чужды Германскому міру. Руссь или Росманъ, Зигфридъ, совершеннѣйшій представитель безстрашнаго, но кроткаго удалства, выступаетъ изъ тумановъ неизвѣстной стороны и примыкаетъ къ Германцамъ, какъ союзникъ готовый подчиниться ихъ первенству. По своему происхожденію онъ принадлежитъ къ народамъ Сѣвера, мирнымъ, осѣдлымъ и сохранившимъ патриархальную семейность. Когда онъ гибнетъ отъ вѣроломства Бургундцевъ, мщение, невозможное для его слабыхъ единоплеменниковъ, предоставляется судьбою Гунну-Аттилѣ. Исторія просвѣчиваетъ сквозь сказку. Но молодость Зигфрида окружена всею роскошью Восточнаго вымысла, отзывающагося и до сихъ поръ въ народахъ Славянскихъ, царь-дѣвицею (*Брунхильда*), змѣемъ-горынычемъ (*Фафниръ*), шапкою-невидимкою (*тарнкатте*), карлами, колдунами, и несмѣтными сокровищами; имя его похоже на переводъ имени Славянскаго, кончающагося на *миръ* (какъ Русскій *Владимиръ* и *Валамиръ* или *Хваламиръ*, первый царь Гунновъ въ Европѣ); мечъ его *вельскъ* (*Völsk*) напоминаетъ столько же *Волгу* (Волжскій), откуда шелъ лучшій булатъ, какъ и *Вельшей* (Кельто-Римлянъ); наконецъ происхожденіе его отъ отца или дѣда *Вальса* указываетъ на *Велеса*, бога сѣверныхъ Славянъ и на преданіе, сохраненное въ Игоревои пѣсни объ Русскихъ князьяхъ, которыхъ поэтъ называетъ внуками *Велеса*. Такова дѣйствительная основа Нибелунговъ: но въ ней очевидно примѣшаны остатки другихъ древнѣйшихъ преданій, принадлежащихъ религіозному міру о враждѣ боговъ—Славянскаго или Ванскаго *Фрейра* (Зигфрида) и Германскаго одноглазаго *Одина* или *Вотана* (*Гагена*). Историческая часть ясна; утраченный же мифъ можно угадать, но возстановить нельзя. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ же понятіямъ, которыя отзываются въ вымыслѣ о наказаніи *Фрея* за то, что онъ посягнулъ на престолъ *Одина*, и свидѣтельствуется о древнемъ соперничествѣ двухъ вѣрованій, изъ котораго проистекло, можетъ быть, и въ Русскомъ языкѣ смѣшеніе «одноглазаго» съ «дукавымъ» въ словѣ *кривой* (какъ и въ поговоркѣ: *кривой не входитъ въ царство небесное*). Отсутствіе сказаній объ Зигфридѣ и Аттилѣ у Славянъ проистекаетъ отъ той же причины, отъ чего происходитъ вообще у нихъ недостатокъ историческихъ сказа-

ній, отъ предпочтенія всего общечеловѣческаго (будь оно въ жизни семьи или лица) всему историческому или случайному.

Освобождение Славянскихъ племенъ. Паденіе Готскаго царства повлекло за собою уничтоженіе всѣхъ Германскихъ княжествъ или аристократическихъ общинъ на востокъ, бѣгство ихъ на западъ и освобожденіе всѣхъ племенъ, давно уже повиновавшихся имъ отъ Днѣпра до самаго сердца Германіи. Такимъ образомъ мгновенно открылася вся Славянская подпочва восточной Европы, освобожденная отъ временнаго наплыва съ запада, и множество Славянскихъ народовъ, до тѣхъ поръ не замѣченныхъ исторіею, выступили на историческое поприще.

Это единственное разумное объясненіе Гунскаго переворота, доказанное вполнѣ, все еще тревожитъ Нѣмецкую критику; ей страшно оторваться отъ прошлыхъ и умершихъ мнѣній и грустно признать старобытность и исконную важность Славянъ въ Европѣ. А все таки другаго объясненія нѣтъ и наука беретъ свое. Старины не пересоздастъ никакое патриотическое пристрастіе и никакая народная вражда. Положеніе Германскихъ ученыхъ довольно смѣшно: имъ не хочется находить Славянъ въ Европѣ; это море народовъ должно съ Гуннами нахлынуть на Европу: даже въ Азіи имъ не хочется видѣть Славянъ. Тамъ все или Финно-Турецкое, или Индо-Персидское. Славяпъ-то уже и не откуда взять. Безпристрастная наука оправдываетъ и слово Кранція объ Гуннахъ: «*ut erubescant qui Asiaticam gentem esse contendunt*», и мнѣніе Полибія объ Венахъ, когда онъ называетъ ихъ въ сравненіи съ Кельтами и Этрусками: «*gens longe vetustissima.*»

Не великій Атила создалъ Гунское царство: онъ нашелъ царство готовое отъ Урала до Эльбы и до лѣсовъ Тюрингіи (*Thüringen*, едва ли не отъ древнихъ жителей *Тверичей*), и это царство не было созданиемъ какой нибудь сильной личности, но плодомъ дружнаго освобожденія цѣлаго племени отъ нестерпимаго насилія иноплеменниковъ. Славолюбивый завоеватель продолжалъ начатое народомъ и обратилъ войну свобо-

ды въ войну мщенія. Таковъ смыслъ его жизни и его похвалбы, когда онъ себя называлъ *Божіимъ бичемъ*. Такова причина, почему его удары были обращены на Германскій и Западный міръ, а не на ближнюю и богатѣйшую Византію. Мгновенный блескъ военной славы озарилъ народы Славянскіе. Все Германство покорилося, за исключеніемъ немногихъ семей, напр. Вестготовъ, бѣжавшихъ въ далекую Галлію и спасенныхъ дальностью, остатками Римской имперіи и мечемъ Аэтія. Западная имперія получила смертельный ударъ, отъ котораго уже не могла оправиться; судьба Европы измѣнилась. Послѣ смерти Аттилы царство его распалось. Союзъ Славянскій утратилъ свою цѣлость; но великое дѣло историческое было совершено.

Побѣды Гунновъ возвратили свободу Славянамъ вездѣ, гдѣ они еще сохраняли свою народность.

На западѣ они уже измѣнились не только въ Галліи, но и въ древней Винделикии и въ западныхъ Альпахъ и въ Тиролѣ; впрочемъ нѣкоторые семьи освобождены были даже на берегахъ Рейна и Мейна и погибли уже въ позднѣйшее время. Отъ нихъ сохранились только нѣкоторые обычаи и ясно-Славянскія имена урочищъ, напр. *Вышница, Седлица, Городица, Радовица, Сырница, Рейница* и др.

Побѣды Аттилы утвердили навсегда самобытность освобожденныхъ народовъ и самобытность Восточно-Иранскаго племени въ Европѣ. Его великимъ подвигомъ утверждена возможность Руси, Польши и всѣхъ историческихъ царствъ Славянскихъ: но направленіе, данное имъ своему народу, имѣло также и дурныя послѣдствія. Обширная земля Славянская была очищена отъ угнетителей. Сэвы, Вандалы, Герулы (вѣроятно предки позднѣйшихъ Литовцевъ), Бургундцы и другіе были выброшены изъ Чехіи, Польши, Венгріи, страны Прикарпатской и поморія Балтійскаго, Готы изъ Россіи, за исключеніемъ Крымскихъ горъ, гдѣ они еще долго сохраняли независимость или по крайней мѣрѣ самобытность; Сарматскіе

Азы-Алане отброшены на западъ, вѣроятно вмѣстѣ съ другими мѣшанными племенами (какъ напр. *Аз-міяне*, *Аз-іоты* и пр.). Сила Яз-зиговъ сокрушена и отъ Сарматовъ уцѣлѣла только та часть, которая, вмѣстѣ съ Вендами завоевавъ Скандинавію, основала на сѣверѣ цѣлую систему народовъ, обнимавшую Норвегію, Швецію, острова Даніи, Сѣверную Россію (т. е. Новгородъ и его союзъ) и отчасти Балтійское поморье. Въ послѣдствіи Германская стихія подавила всѣ другія въ области издревле Германской; Славянская сохранилась въ чистотѣ въ области издревле Славянской: но система народовъ долго не распадалась и распавшись, положила начало великой Руси. Таковы были добрые плоды Гунскаго завоеванія. Зло заключалось въ преобладаніи воинственной стихіи, долго бросавшемъ Славянъ на область Задунайскую и удалявшемъ отъ нихъ возможность просвѣщенія. Это зло было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ долгаго утѣсненія отъ воинственныхъ дикарей, дружиннаго характера Гунновъ-освободителей, сильной примѣси Средне-Азійскихъ Уйгуровъ и особенно направленія, даннаго Аттилою. Можетъ быть еще большее зло заключалось въ ослабленіи Азіатской границы. Побѣдители Германцевъ, удаляясь отъ Волги, оставили ея берега почти безъ защиты, въ добычу Финно-Турецкимъ семьямъ и открыли свободный доступъ восточнымъ завоевателямъ въ Придонскую и Приднѣпровскую степь. Семьи Славянскія, оставшіяся на Волгѣ, скоро сдѣлались добычею Уйгуровъ и другихъ воинственныхъ пришельцевъ. Иныя исчезли безъ слѣдовъ; другія сдѣлались рабами утѣснителей, называвшихся ихъ владыками и пользовавшихся ихъ трудами и промышленностью (такъ напр. ханъ земли Болгарской назывался *владыкою Саклабовъ* и богатился Славянскою торговлею); наконецъ всѣ степи между устьями Дуная и Волги сдѣлались добычею кочевыхъ племенъ, отодвинувшихъ Славянъ далеко на сѣверъ и на сѣверо-западъ, и давнишняя война между кочевьемъ и селомъ продолжалась до полного развитія Русской силы.

Кочевье еще и теперь не исчезло въ южной Россіи: но оно покорилось осѣдлому племени и само мало-по-малу принимаетъ на-

чала осѣдлости или уходить робко въ Азіатскую степь. Кончилась война, которая такъ долго грозила уничтоженіемъ мирнымъ выходцамъ Восточнаго Ирана и которую полу-Эллинскіе художники Превексинскихъ городовъ символизировали, какъ видно изъ множества памятниковъ, борьбою журавля переходяго и пигмеев-землепашца.

Великій переворотъ въ сѣверо-восточной Европѣ рѣшилъ судьбу Римской имперіи: Діоклетіанъ уже чувствовалъ невозможность ея правительственнаго единства и далъ ей видъ Федерациі, довольно нестройной, не связанной никакими опредѣленными условіями, но скрѣпленной неоспоримымъ единствомъ духа и выгодъ. Раздѣлъ ея на Восточную и Западную половину не имѣлъ ничего общаго съ древнимъ обычаемъ двойственности консульской: самый раздѣлъ, также какъ и опредѣленіе границъ между двумя половинами, былъ выраженіемъ тайнаго сознанія о двойственности состава имперіи изъ самобытно-образованной области и области завоеванной образованностью. Царственная роскошь и восточные обычаи Діоклетіанова двора съ одной стороны, воинственный характеръ двора Максиміанова съ другой, свидѣтельствовали о торжествѣ мѣстныхъ началъ и о гибели Римскаго единства; но сила этого стараго единства, невольно совокупающаго разнообразныя стихіи, снова появилась послѣ отреченія Діоклетіана въ борьбѣ между его преемниками, стремившимися къ безусловному и пераздѣльному владѣнію всею имперію. Побѣду одержалъ Константинъ, превосходившій соперниковъ дарованіями, воинскою доблестью и нравственнымъ достоинствомъ. Во время трудной борьбы, по внутреннему ли убѣжденію собственнаго разума, по расчету ли дальновидной политики, онъ принялъ христіанство и приобрѣлъ союзъ всѣхъ христіанъ, составляющихъ едва ли не большую половину народонаселенія имперіи. Побѣдивъ, онъ возвелъ съ собою христіанство на престолъ и началъ новую эпоху для міра. Его царствованіе представляетъ полное отреченіе отъ прежней жизни Рима. Подобно Діоклетіану полюбилъ онъ обычаи и жизнь пышнаго и просвѣщеннаго Востока, блескъ и величанія царскія; бо-

Распаде-
ніе Рим-
ской им-
періи. Діо-
клетіанъ
и Кон-
стантинъ.

лѣе самого Діоклетіана почувствовали онъ превосходство Восточныхъ областей надъ Западными. Римъ одряхлѣлъ и вымеръ. Давно уже кочевали императоры по имперіи, то странствуя съ войсками по вѣчно-угрожаемымъ границамъ, то временно отдыхая во временныхъ столицахъ. Римъ мертвый, развратный и идолослужебный, ничтожный по жителямъ, по просвѣщенію и торговлѣ, былъ противенъ государю исполненному силъ и жизни, политику расчетливому и прозорливому, христіанину повому и ревностному. Подъ благодатнымъ небомъ, въ мѣстоположеніи величественномъ и прекрасномъ, надъ узкимъ проливомъ, соединяющимъ Черное море съ Средиземнымъ, на важнѣйшемъ перепутіи всемірной торговли онъ создалъ новый городъ и новую столицу. Византія, нѣкогда важная и богатая колонія Эллиновъ, почти опустѣлая послѣ двухлѣтней борьбы съ грознымъ Септиміемъ, была избрана мѣстопребываніемъ императора; она забыла свое прежнее имя, и, принявъ имя новаго своего строителя, сохранила его до нашего времени, не смотря на измѣненіе своихъ жителей и историческихъ судебъ.

Выводъ слова Стамбуль изъ *Ис-танъ-полинь* просто недѣль: *Стамбуль* есть только искаженіе слова *Кон-стан-тино-полисъ* съ пропускомъ перваго и двухъ среднихъ слоговъ точно также, какъ имя *Фулинъ*, данное ему и имперіи Византійской Китайцами, есть только полнѣйшее сокращеніе того же слова.

Выборъ Константина какъ градостроителя, оправданъ вѣками; проникательность его, какъ государя, угадавшаго истинную силу государства, свидѣтельствуется долговѣчностью Восточной имперіи, пережившей Западную почти тысячелѣтіемъ; вѣрность его взгляда на духовное состояніе подданныхъ (не говоря уже о достоинствѣ его внутренняго убѣжденія) доказывается бесплодною попыткою позднѣйшаго императора въ пользу древняго идолослуженія и живымъ всеобщимъ участіемъ имперіи въ спорахъ, возмущившихъ спокойствіе церкви вскорѣ послѣ возведенія христіанства на степень не только тер-

нимаго, но и преобладающаго исповѣданія. Царствованіе перваго изъ христіанскихъ государей возвратило имперію временное единство и спокойствіе, и имя Константина, умирившаго ее и прославившаго ее торжествами надъ враждебными народами, остается однимъ изъ величайшихъ именъ историческихъ, не смотря на небрежность въ внутреннемъ управленіи имперіею, на подозрительность и излишнюю жестокость, омрачившія его старость.

Великій подвигъ былъ совершенъ Константиномъ. Духовное начало, способное возвратитъ жизнь государству, было торжественно признано: но христіанство не принесло всѣхъ своихъ плодовъ. Его послѣдователи умножились быстро, но едва ли не быстрѣе еще развратились. Теплая вѣра замѣнилась холодною привычкою, или равнодушнымъ подражаніемъ чужому примѣру: уши, закрытыя для проповѣди евангельской открылись убѣжденію императорскаго голоса, и прежніе христіане-мученики исчезли въ толпѣ новыхъ христіанъ-льстецовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обращеніе Константина продлило на многіе вѣка существованіе Византійской имперіи: но имперія не спаслась отъ гибели, потому что сама (т. е. какъ государство) она не приняла христіанства. Законы и общественная жизнь остались равнодушными къ переменѣ исповѣданія. Слово евангельское просвѣтило совѣсть человѣка, но не коснулось совѣсти гражданина или, не создавъ гражданства поваго и унизивъ прежнее передъ идеею человѣчества, ослабило узы связывающіе государственное тѣло. Безъ христіанства не уцѣлѣла бы такъ долго восточная половина имперіи; но вся имперія распалась бы вѣроятно не такъ скоро. Внутренній переворотъ былъ невозможенъ и Римская держава, созданная древнею жизнію, не могла уже приять той жизни, которую впоследствии создана новѣйшая исторія.

Обращеніе Константина. Свойства онаго.

Оттого-то и Византія прожила средніе вѣка и породила Россію, оставаясь чуждою и среднимъ вѣкамъ и Россіи.

Въ этомъ внутреннемъ разногласіи человѣка христіанскаго и государства сохранившаго все наслѣдство идолопоклонства,

въ этомъ невольномъ отчужденіи духа человѣческаго отъ тѣла общественнаго, а не въ самомъ христіанствѣ, заключается причина слабости, распадѣнія и гибели имперіи. Аскетизмъ былъ не причиною, а послѣдствіемъ общественной болѣзни.

Этого-то, кажется, до сихъ поръ и не поняли историки. Они искали объясненій и, не доискавшись, выдумывали безсмыслицу. Такъ напр. они обвинили христіанство не только въ неблаговоленіи къ военнымъ подвигамъ, но и въ запрещеніи службы военной. Причина, почему христіане избѣгали службы вообще, а военной въ особенности, во время гоненій, объяснена выше; но въ войскѣ государей не-гонителей, напр. Константина до его обращенія, служило множество христіанъ. Въ этомъ порукою преданіе, а еще болѣе здравый смыслъ. По всѣмъ вѣроятностямъ были изъ христіанъ и такіе, которые не понимали причинъ, почему епископы запрещали военную службу при государяхъ-гонителяхъ, и которые считали самую войну преступленіемъ: но такіа исключенія не имѣли послѣдствій и слѣдовательно не имѣютъ значенія историческаго. Слепота критики происходитъ отъ излишняго поклоненія Римской древности и Римскому праву. Западъ получилъ отъ Рима богатое наследіе науки юридической и, воспользовавшись имъ, не могъ его оцѣнить безпристрастно. Онъ назвалъ Римское право писаннымъ разумомъ (*ratio scripta*) и не безъ причины, по строго-логическому развитію его; но не замѣтилъ шаткости и произвольности основъ, взятыхъ изъ грубаго и случайнаго факта, не созданныхъ и не пронянутыхъ духомъ человѣческимъ. Оттого-то въ паденіи имперіи и въ явномъ разногласіи христіанства съ обществомъ, устроеннымъ Римомъ, онъ обвиняетъ христіанство или случайность вещей человѣческихъ. Не утверждаемъ, чтобы христіанство содержало лучшія основы права государственнаго и гражданскаго: но очевидно, оно не могло удовлетворяться прежними и было справедливо въ своихъ притязаніяхъ. Случайность же разрушаетъ только то, что основано на случайности и что носитъ въ себѣ начало своего разрушенія.

Послѣ Константина имперія приняла снова форму федераціи, также какъ при Діоклетіанѣ, но къ федераціи было примѣша-

но начало семейнаго престолонаслѣдія, всегда охотно принимаемаго послѣ великихъ государей. Новыя междуособія кончились вторичнымъ сосредоточеніемъ власти въ одной рукѣ; но единство государя мало прибавило къ его силѣ. Правитель Констанцій былъ недостойнъ своего высокаго званія и дикіе сосѣди стали со всѣхъ сторонъ вторгаться въ Римскіе предѣлы. Внѣшняя слабость была сопряжена съ внутреннимъ раздоромъ; и раздоръ происходилъ отъ той самой церкви, которая могла и должна была умирить государство.

Строгій приговоръ современной науки заклеилъ стыдомъ или осудилъ на посмѣяніе богословскіе споры, такъ долго возмущавшіе спокойствіе и истощавшіе силу Римской имперіи. Ихъ политическія послѣдствія оцѣнены, можетъ быть, справедливо (ибо государство дѣйствительно страдало отъ нихъ); но ихъ необходимость и внутреннее достоинство оставлены безъ вниманія. Вѣра содержитъ въ себѣ два начала, необходимо связанныя другъ съ другомъ: одно, живое и дѣятельное, опредѣляетъ жизнь и дѣятельность человѣка; другое, страдательное и сознующее, опредѣляетъ кругъ и предѣлъ его знанія. Оба требуютъ развитія: одно въ бытѣ частномъ и общественномъ, другое въ формѣ наукообразной. Первое начало выразилось въ отношеніи къ частной жизни съ особенною силою во время борьбы съ идолопоклонствомъ и мученическихъ побѣдъ; но и второе не оставалось безъ развитія, какъ извѣстно изъ споровъ Церкви съ Эбіонитами и Гностиками. Оно ждало внѣшняго мира для развитія полнѣйшаго и развилось съ тѣмъ большею силою, что первое, измѣнивъ и улучшивъ частный бытъ, встрѣтило непреодолимую преграду въ каменной мертвенности быта государственнаго. Борьба христіанскаго знанія при императорахъ Римскихъ и Византійскихъ, какія бы ни были ея политическія послѣдствія, заслуживаетъ уваженіе потомства и свидѣтельствуетъ о высокомъ достоинствѣ духа человѣческаго, облагороженнаго христіанствомъ и потребовавшего ясности и логической опредѣлительности отъ своей новой вѣры. Борцы этаго знанія должны занять высокое мѣсто между историческими дѣятелями въ области человѣческаго духа.

Церковныя распри Арианство. Его послѣдствія.

Особенно разительно, въ сужденіи объ эпохѣ, послѣдовавшей за Константиномъ, мнѣніе Нѣмецкихъ ученыхъ, за весьма немногими исключеніями. Германія, положившая душу свою на трудъ небезплодный, но безспорно слишкомъ односторонній, философскаго мышленія, совсѣмъ не снисходительна въ приговорѣ надъ вѣками, посвятившими силу своей мысли философіи христіанскаго знанія. Между тѣмъ ясно, что иное было развитіе человѣчества подъ условіемъ исповѣданія, утвержденнаго соборами; иное было бы оно подъ условіемъ другихъ исповѣданій; слѣд: труженики Восточной имперіи были во многихъ отношеніяхъ создателями всей новѣйшей исторіи. Глубокій и живой интересъ всего Эллинскаго міра въ дѣлѣ религіознаго спора, также какъ и тонкости самаго спора свидѣтельствуютъ о высокой степени просвѣщенія, недоступной міру, созданному насиліемъ Римскаго меча. Закованный въ чуждое просвѣщеніе, дикарь Галліи и Испаніи оставался постоянно равнодушнымъ къ вопросамъ, волновавшимъ Элладу, Сирію и Египетъ. Чтожъ? долѣ ли уцѣлѣлъ онъ передъ нашествіемъ дикаря Зарейнскаго? Страсть къ вопросамъ духовнаго знанія была признакомъ внутренней силы духа, и Восточная имперія, долго переживъ Западную, доказала, что въ ея вѣчномъ волненіи было болѣе крѣпости, чѣмъ въ тупомъ равнодушіи Запада. Но Западная Европа вообще не благоволила къ Восточной.

Первый и важнѣйшій споръ былъ поднятъ Аріемъ. Краснорѣчивый и хитрый, ученый и вкрадчивый, онъ употребилъ всѣ возможныя орудія для распространенія своего ученія, трудясь неутомимо и страстно, въ одно время угождая суевѣрцію и пугая многобожіемъ; возстановляя тщеславіе придворныхъ и императоровъ противъ власти епископовъ и увлекая народъ прелестью чѣсень и музыки, отзывающихся древнимъ искусствомъ.

Послѣднее средство было въ послѣдствіи употреблено знаменитымъ основателемъ протестантской реформы и его подражателями съ такимъ же успѣхомъ, но, кажется, съ большею чистотою намѣренія.

Успѣхъ Арія оправдалъ вѣрность его расчетовъ и показалъ неопредѣленность христіанскаго знанія. Едва ли не половина народа (особенно на востокѣ) и весь дворъ пристали къ нему. Народы дикіе, ближайшіе сосѣди Восточной имперіи и отчасти ея союзники (напр. Готы), принимая въ себя сѣмена христіанства, обратились въ Аріанство, которое казалось имъ преобладающимъ исповѣданіемъ. Епископы были угнетены, сосланы, заключены въ темницы и принуждены насиліемъ или завлечены хитростью къ согласію съ новымъ ученіемъ. Патріархи Востока и епископъ Римскій, почетнѣйшее лице въ западномъ духовенствѣ, покорились и подписали рѣшеніе собора Медиоланскаго. Торжество казалось полнымъ; но остались еще немногіе страдалцы, сильные духомъ и словомъ, которыхъ не покорилъ страхъ, не увлекли обольщенія. Передъ ихъ твердостью и внутреннею логикою ихъ ученія пало со временемъ Аріанство; но оно оставило многовѣчные и гибельные слѣды въ исторіи человѣчества.

Само по себѣ ученіе Аріево было полнымъ отрицаніемъ христіанства. Въ основѣ своей оно сливалось съ древнимъ ученіемъ Евреевъ, оставляя его безъ дальнѣйшаго развитія въ видѣ неопредѣленнаго единобожія. Въ принятіи догмата объ искупленіи оно необходимо или предполагало искупителя несовершеннымъ и впадало въ грубое ученіе Кушитовъ объ заклинаніи, или, предполагая его совершеннымъ, унижало человѣчество, отрицая возможность вочеловѣченія самого Божества, и унижало Божество, допуская возможность нравственнаго совершенства внѣ Божества. Такимъ образомъ оторванъ былъ человѣкъ отъ Бога и нравственное совершенство (совершенство воли) обращалось въ случайность. Внутренняя логическая связь христіанства разторгалась безъ возврата.

Не разсматривая внутренняго достоинства разпородныхъ учепій, мы считаемъ необходимымъ представить ихъ отношенія къ ученію восторжествовавшему на соборахъ и положившему начало новой исторіи. Этого требуетъ и самый смыслъ исторіи и справедливость къ трудамъ времени прошедшаго, вообще неправедно униженнаго.

Политическія послѣдствія Аріевой смуты отозвались во всей исторіи Европы, въ продолженіи многихъ столѣтій. Раздѣленіе народа на два враждебные стана, и раздоръ между духовенствомъ и дворомъ ослабили имперію, открыли варварамъ свободный доступъ въ ея предѣлы и были одною изъ главныхъ причинъ бѣдствій государственныхъ при Валептѣ. Народы Германскаго племени, вторгшіеся въ область Римскую и откинутые на западъ въ слѣдствіе Гуннскаго напора и устойчивости Византійской, перенесли съ востока въ области Западной имперіи, ими завоеванныя, Аріанство, враждебное новозокоренному народу и его духовенству. Разрозненное духовенство, угнетенное побѣдителями, стало со дня на день болѣе обращаться къ патриаршескому престолу Рима, прося отъ него опоры и защиты и платя ему за покровительство безпрестанно возрастающею покорностью. Римскіе епископы, окруженные племенами Аріанскихъ завоевателей, искали съ своей стороны между завоевателями такого народа, который могъ бы сдѣлаться защитникомъ Никейскаго исповѣданія. Они нашли его въ дружинѣ Клодовига, и постоянный союзъ Римскаго духовенства отдалъ на многіе вѣка всю судьбу западной Европы въ руки Франковъ, племени воинственнаго, но свирѣпаго, развратнаго и лукаваго. Наконецъ, противоѣдствіе Аріанству въ Испаніи подало поводъ къ Толедскому собору и къ рѣшенію, разорвавшему весь міръ христіанскій на двѣ половины, чуждыя и даже враждебныя другъ другу.

Юліанъ. Споры о догматахъ были прерваны временнымъ возстановленіемъ язычества. Его числительная сила выразилась въ быстромъ и безпрепятственномъ торжествѣ; его духовное безсиліе въ мгновенномъ и безвозвратномъ паденіи. Возстановитель язычества, Юліанъ, остроумный софистъ, риторъ не безъ краснорѣчія, достойный ученикъ философскихъ школъ умирающей Эллады, отличался умомъ быстрымъ и предприимчивымъ, блистательными воинскими дарованіями и неутомимымъ славолюбіемъ. Идолопоклонство, имъ возобновляемое, не было тѣмъ случайнымъ, нестройнымъ и бессмысленнымъ синкретизмомъ, который составлялъ религію Эллино Римскаго міра, но симво-

лизаціею новыхъ философскихъ ученій, въ которыхъ произвольный мистицизмъ являлся съ притязаніями на логическую послѣдовательность. Имена древнихъ боговъ сохранялись; смыслъ имъ приписывался новый, далекій отъ народнаго повѣрія и неясный для самыхъ нововодителей. Въ Юліанѣ выражались вражда къ христіанству, общая всѣмъ философскимъ школамъ того времени, и желаніе основать вѣру новую, давнишняя надежда Неоплатониковъ, а не безусловная любовь къ языческой древности и не притязаніе государства быть единственною религіею всѣхъ гражданъ, притязаніе навсегда убитое христіанствомъ. Въ средствахъ, употребленныхъ для восстановления язычества и для угнетенія христіанъ, грубое насиліе прежнихъ императоровъ, уже едва ли возможное, замѣнялось по большей части ядовитою насмѣшкою, полученою критикою христіанскаго ученія и Еврейскаго преданія, лестью гордости народной, великолѣпіемъ обрядовъ идолослуженія, хитрымъ устраненіемъ христіанъ отъ источниковъ просвѣщенія, наконецъ соблазнами и обманами, недостойными ни государя, ни человѣка. За всѣмъ тѣмъ успѣхъ былъ ничтоженъ и это ничтожество зависѣло отчасти отъ характера императора, отчасти отъ его ученія. Явное безвѣріе философа, созидающаго себѣ произвольные, слѣдовательно условные предметы поклоненія и безпрестанно просящаго помощи отъ аналитической науки, рѣзко разногласило съ старушьямъ суевѣріемъ, трепещущимъ передъ нелѣпыми заклинаніями Кушитскаго міра. Въ личномъ характерѣ Юліана мужество болѣе блестящее, чѣмъ благоразумное, умъ болѣе острый, чѣмъ послѣдовательный, доброта неоспоримая, но не всегда соединенная съ правосудіемъ, простота нравовъ, напоминающая не древній Римъ, но Діогену школу, и цѣломудріе, зависящее можетъ быть отъ физическаго организма, но странное въ язычникѣ, были недостаточными вознагражденіями за отсутствіе разумной цѣли, величавой откровенности, политической мудрости и той цѣлости душевной, безъ которой люди могутъ быть знаменитыми, но никогда не бываютъ великими.

Часто сравнивают Юліана съ его предшественникомъ—Константиномъ. Такое сравненіе показываетъ или великое пристрастіе или крайнее тупоуміе. Константинъ понялъ вѣкъ и его потребности; Юліанъ былъ къ нимъ совершенно слѣпъ. Сверхъ того ясно, что основатель Византіи и христіанской имперіи былъ созданъ въ размѣрахъ далеко превосходящихъ мелкіе размѣры софиста, взявшагося за возстановленіе язычества. Нельзя не замѣтить, что крутой, строгій и холодный Константинъ напоминаетъ Англію (тогда еще Британнію), въ которой онъ родился, или провелъ раннюю молодость, и что суетно-тщеславный, самоувѣренный, но любезный въ домашнемъ бытѣ, Юліанъ представляетъ разительное сходство съ любимымъ его Парижемъ (тогдашнюю Лутецію). Впрочемъ первый былъ воспитанникомъ практической жизни, а второй питомцемъ умствующихъ школъ.

Царствованіе Юліана было не безславно. Римскіе легіоны подъ его предводительствомъ врывались въ лѣса Германіи и устрашали Персидскую державу: но все эти подвиги остались безъ плода, и усилія его въ борьбѣ съ христіанствомъ послужили только къ указанію бессилія и къ скорѣйшему паденію язычества. Нельзя безъ улыбки читать рассказъ рѣзнѣ быковъ и овецъ при дворѣ императора-философа или безъ негодованія вспомнить объ его хитрыхъ гоненіяхъ на христіанъ; но нельзя также отказать въ состраданіи ранней смерти молодого полководца, среди его побѣднаго поприща.

Впрочемъ, прозносся приговоръ надъ Юліаномъ, не должно забывать, что исторія въ немъ безусловно порицала много такого, что она же привыкла безусловно хвалить въ Маркѣ Авреліи.

Съ Юліаномъ пресѣкъся родъ Константина Великаго. Неправильное пзбраніе возвело на престолъ новыхъ императоровъ и скрытая двойственность въ составѣ имперіи потребовала снова ея раздѣла па западъ и востокъ. Аріанскіе споры и натискъ дикарей Германскихъ нанесли ей тяжелые удары. Франки и Алеманны безпрестанно прорывались черезъ Рейнскую

границу, Персіяне громили берега Евфрата и Сиріи, Готы, бѣжавшіе передъ мечемъ Гунновъ, сперва дружелюбно принятыя, потомъ нагло обманутые и притѣсненные въ Римскихъ предѣлахъ, опустошали всю область отъ Дуная до южной оконечности Пелопоннеза. Сильная рука Θεодосія возстановила на время падающее государство. При немъ христіанство получило новое значеніе. Константинъ и его преемники вступили въ христіанскую общину, не измѣняя ничего въ прежнемъ порядкѣ государственномъ. Христіанство было еще только личною вѣрою императора и большинства его подданныхъ: Θεодосій призналъ его вѣрою самаго государства.

Первый шагъ былъ сдѣланъ Граціаномъ, отказавшимся отъ званія первосвященника (pontifex maximus), сохраненнаго еще ближайшими преемниками Константина. Отреченіе Граціана отъ этого званія и въ то же время его Римское убѣжденіе въ необходимости первосвященника достаточно объясняютъ законъ того же императора, утвердившій первенство епископа Римскаго передъ другими епископами запада. Это было учрежденіе государственное, а не церковное, и оттого оно сначала не имѣло никакой важности въ смыслѣ религіозномъ.

Признаніе ученія апостольскаго вѣрою государственною имѣ- Θεодосій: христіанство, какъ государственная религія Рима.
ло важныя послѣдствія, мало и даже едва ли замѣченныя историческою критикою. Древній Римъ назначалъ себѣ боговъ, признавая себя дѣйствительно единственнымъ Богомъ для всѣхъ гражданъ.

Такова причина, почему не было возмущенія противъ введенія христіанства императорами и почему множество гражданъ сдѣлались христіанами при Константинѣ. Императоръ, какъ представитель имперіи, имѣлъ законное право назначить новаго и отставить старыхъ боговъ.

Θеодосій пользовался тѣмъ же правомъ и дѣйствовалъ, самъ того не замѣчая, въ томъ же нехристіанскомъ смыслѣ. Вы-

сокое понятіе личной вѣрѣ, свободно образующей святую общину, исчезло въ понятіи государственной религіи обязательной извнѣ. Ревность великаго правителя ввела его въ ошибку, къ несчастію отзывающуюся черезъ 14 вѣковъ даже до нашего времени.

Отъ этой ошибки пролиты были потоки крови, горѣли позорные костры инквизиціи и западная Европа приняла въ общее употребленіе слово *Религія*, какъ замѣну слова *Вѣра*, между тѣмъ какъ для мыслителя въ ихъ значеніи нѣтъ ничего общаго.

Другое послѣдствіе того же закона было не менѣе гибельно, особенно для исторіи. Не то государство есть христіанское, которое признаетъ христіанство, но то, которое признается христіанствомъ; ибо не церковь благословляется государствомъ, но государство церковью.

Мы говоримъ не безусловно, но въ явномъ смыслѣ христіанской догматики.

Имперія, объявляя себя христіанскою, присвоила себѣ право, не принадлежащее ей, и давала себѣ безъ согласія церкви (т. е. не только епископовъ, но и внутренняго смысла церкви) мнимое освященіе церковное. Такимъ образомъ вѣра выступала, какъ видимая порука за весь государственный строй, чуждый вѣрѣ и завѣщанный міромъ языческимъ; такимъ образомъ освящалось извнѣ то, что въ себѣ внутренней святости не имѣло; глубокія требованія христіанина отъ міра гражданскаго были усыплены императорскою властью и идея государства истинно христіанскаго исчезала изъ сознанія, изъ воображенія, изъ надеждъ и, такъ сказать, изъ инстинктовъ человѣческихъ. Имперія, отнявъ лучшую цѣль у лучшихъ и самыхъ энергическихъ душъ, обрекла себя на безсиліе и смерть.

За всѣмъ тѣмъ Θεодосій заслуживаетъ имя великаго государя, часто оспориваемое у него пристрастіемъ новѣйшихъ историковъ. Ошибки его принадлежатъ его вѣку и Римскому

воспитанію: его подвиги и достоинства принадлежатъ ему самому. Послѣдній изъ императоровъ, правившихъ всѣмъ Римскимъ міромъ, онъ окончательно раздѣлилъ его на двѣ половины, которымъ уже суждено было никогда не сростаться и подвергнуться совершенно различнымъ судьбамъ. Имперія Римская кончилась съ Θεодосіемъ; послѣ него уже являються въ исторіи двѣ имперіи: Западная и Восточная, почти совершенно чуждыя другъ другу и только слабо связанныя единствомъ вѣры и необходимостью сражаться противъ общихъ враговъ.

Недоброжелательные историки, судя Θεодосія, ставятъ ему въ величайшій попрекъ жестокое наказаніе Θεссалоники. Мгновенный взрывъ страсти, смѣло уличенный современнымъ епископомъ, осужденный и наказанный самимъ Θεодосіемъ, не можетъ быть вполнѣ оправданъ; но безпристрастіе критики исторической обязано замѣтить, что Аптіохія, болѣе виновная передъ императоромъ, была прощена и что въ преступленіи Θεссалоникійцевъ основою было такое отвратительное нарушеніе всѣхъ нравственныхъ законовъ, которое извиняетъ неумѣренность въ негодованіи императора.

Θеодосій, слишкомъ рано умирая, оставилъ своимъ малолѣтнимъ наслѣдникамъ—сыновьямъ государство съ границами не нарушенными, войско привычное къ побѣдѣ, союзниковъ или наемниковъ, привычныхъ къ покорности, полководцевъ достойныхъ исторической славы. Но имперія ничто уже не могло спасти; гибель ея была ускорена ничтожествомъ правителей.

Истинная причина разрушенія Римскаго міра лежала въ его внутренней разрозненности, какъ общественной, такъ и духовной, въ отсутствіи жизненнаго единства и въ истощеніи всѣхъ государственныхъ стихій. Ближайшимъ поводомъ къ разрушенію былъ натискъ Германскихъ, по преимуществу же Готскихъ семей, сперва направившихся на юговостокъ, а потомъ отброшенныхъ на западъ противоудѣйствіемъ восточно-иранскаго, т. е. Славянскаго міра.

Разрушеніе
Римской им-
періи на за-
падѣ. Гунны
и Готы.

Не долго длилось владычество Гунновъ: основанное на требованіяхъ Славянскихъ общинъ, долго стоявшихъ подъ игомъ чуждыхъ племенъ и жадно ожидавшихъ своего освобожденія, созданное приливомъ воинственныхъ стихій изъ Закаспійской стороны, древней колыбели Славянства, возвеличенное могучею личностью Аттилы, оно разрушилось, какъ скоро умеръ великій вождь, истощилось дѣйствіе казацкаго или дружиннаго прилива съ востока и совершился подвигъ освобожденія. Таково объясненіе мгновеннаго распада Гуннской державы. Оно было плодомъ противоѣдствія почти невольнаго внѣшнему насилію, а не сознанаго стремленія къ государственному единству. Въ самой Азіи движеніе Гунновъ отъ сѣвера къ югу было прямымъ послѣдствіемъ напора Восточныхъ и Средне-Азійскихъ народовъ, Сян-бійцевъ, Гюнгну и союза Уйгурскаго. Восточный Иранъ и Индустанъ подпали ихъ власти, Паряне и преемники Парянь, Персидскіе Сассаниды, трепетали передъ ихъ могуществомъ. Царство ихъ гремѣло подъ разными именами Саковъ и Гетовъ, Андгра, Ванада и Сака, и наконецъ было вообще извѣстно подъ именемъ Гунновъ, какъ видно изъ историческихъ сказаній Пенджаба и особенно Декана и изъ сказаній Персіи объ Гуннахъ Эфталитахъ. Въ Индустанѣ они слились съ туземцами или погибли въ долгой борьбѣ, въ Иранѣ они были побѣждены Персіянами и наконецъ уничтожены почти всемірными побѣдителями — Аравитянами, но многія преданія, мѣстности, памятники и монеты свидѣтельствуютъ о долгомъ ихъ владычествѣ.

Историки дѣлаютъ различіе между разными Гуннами, просто Гуннами, бѣлыми Гуннами и Гуннами Эфталитами и т. п. Все это просто безсмыслица. Была эпоха особенной славы для восточнаго казачества Славянъ и имя его, безспорно происходящее отъ корня *юнъ* и соответствующее южно-Славянскому слову *юнакъ*, сдѣлалось общимъ именемъ многихъ Восточно-Иранскихъ семей, слившихся въ одинъ союзъ. Въ этотъ союзъ входило по разнымъ мѣстамъ болѣе или менѣе инородныхъ стихій, гдѣ Турецкихъ, гдѣ Финскихъ, гдѣ Кавказскихъ, т. е. Иверскихъ и Кельто-Кумрійскихъ; но коренная основа

была вездѣ одинакова. Оттого въ сказаніяхъ Декана (или *Дакшана-двина*) земля Гунновъ называется *Гуна-вара*, точно также какъ у Европейскихъ лѣтописцевъ *Гуниваръ*: оттого деньги Гунновъ-Эфталитовъ и Саковъ Бактрійскихъ представляютъ Славянскую ухватку (рука упертая въ бокъ), чисто-Славянское поличье (въ этомъ согласится всякій безпристрастный наблюдатель) и чисто-Славянскую одежду, шапку окольшемъ (и, кажется, даже въ иныхъ монетахъ широкополую шляпу), охабень, что-то похожее на терлигъ и, что еще важнѣе, широкіе порты и *рубяху сверхъ портовъ* (черта чисто-Славянская). Впрочемъ послѣ всего свода новѣйшихъ открытій смѣшно бы было еще доказывать Восточно-Иранское начало Гунновъ. Оно можетъ казаться сомнительнымъ только тому, кто повѣритъ, что Малая Азія, или ея Приевксинская часть (*Сакастана* или *Гунастана* надписей клинообразныхъ) была искони населена Финнами. Упрямство ошибокъ, основанныхъ на полуучености, сбиваетъ съ толка всѣхъ критиковъ западной Европы, всякій разъ какъ дойдетъ дѣло до племенъ, жившихъ на сѣверо-востокѣ отъ Каспія и Арала. *Турранцы* были де непременно племя Средне-Азійское, а почему? развѣ потому что Иранцы ихъ считаютъ своими родными братьями (ибо *Туръ-братъ Иреджа*), а Индійцы своими единоплеменниками, утратившими чистоту ученія (таково ихъ преданіе объ *Сакахъ*, *Мага-Ванадахъ* или великихъ Вендахъ, *Гунахъ* и *Антахъ* или *Андграхъ*) или потому что *Таджикки* (явные *Дадикки* древнихъ) и *Аеганцы* (Аза-ваны) или *Дураны* (явный *Туранъ*) до сихъ поръ носятъ всѣ признаки Иранскаго народа? Трудно выправить ученый промахъ.

Движеніе Гунновъ въ Европѣ на западъ не было прямымъ послѣдствіемъ движенія восточно-Азійскаго, но находилось съ нимъ въ связи, ибо приливъ бѣглыхъ Уйгурцевъ усилилъ Приволжское казачество и придалъ ему характеръ болѣе кочевой и воинственный. Вообще же одновременныя завоеванія Гунновъ въ Индустанѣ и въ Европѣ, указывающія повидному на усиленіе Славянскаго міра, были дѣйствительно только послѣдствіемъ его уничтоженія въ его древнемъ средоточіи (странѣ Закаспійской) и громаднаго парощенія сплѣтъ въ средней и восточной Азійи. Съ этого времени Славянство Бактрійское и Закаспійское исчезаетъ почти безъ слѣда.

Побѣдитель почти всѣхъ европейскихъ народовъ, Аттила погибъ не въ пылу битвы, но послѣ роскошнаго пира, едва ли не отъ руки женщины изъ побѣжденнаго племени Германскаго. Отъ него и отъ его царства не осталось ничего кромѣ имени.

Самое имя Аттилы, принятое всѣми историками безусловно, едва ли не искажено. Согласіе формы Сако-Гетской *Азилесъ* (на Бактрійскихъ монетахъ) съ Нѣмецкою формою имени Аттилы, *Этцель*, заставляетъ предполагать, что дѣйствительное имя Гуннскаго завоевателя заключало въ себѣ звукъ недоступный Греческой азбукѣ, какъ напр. *Ацель* или *Ачель*. Эллина и Римляне плохіе свидѣтели для именъ иноземныхъ, а полученный Юрнандъ и ему подобные готовы повторить ошибочное правописаніе, чтобы не подпасть подозрѣнію варварства.

Никогда государство не разрушалось такъ быстро, какъ царство Гуннское, никогда народъ не исчезалъ такъ совершенно съ лица земли. Исторія знаетъ только объ одномъ неудачномъ сраженіи сына Аттилова съ Гепидами и все гибнетъ въ слѣдствіе одного незначительнаго пораженія. Исторія рассказываетъ только объ отступленіи побѣжденныхъ на недалекій востокъ, въ область *Гуниваръ*, и область и народъ пропадаютъ безъ остатка. Такова ли участь слабѣйшихъ Аваровъ, позднѣйшихъ Монголовъ, или какого бы то ни было завоевателя и племени? Причина такого различія ясна. Гуннскаго царства никогда не было; былъ только союзъ восточныхъ Славянъ подъ предводительствомъ своихъ восточныхъ казаковъ и ихъ великаго предводителя. Цѣлью союза было освобожденіе отъ давнишнихъ насильниковъ и она была достигнута. Средствомъ была сильная личность одного человѣка и воинственная доблесть дружины, принявшей много воинственныхъ стихій отъ Средне-Азійской примѣся. Личность подверглась судьбѣ всякой человѣческой личности; дружина смѣшалась съ освобожденными ею семьями: союзъ исчезъ; полуопустѣлая страна казаковъ-Гунновъ приняла другое имя (вѣроятно Булгаріи, т. е. Приволжія).

Имя *Гуни-варъ* западныхъ писателей или *Гунавара* Индійцевъ, составлено изъ двухъ словъ: *варъ* или *вара* значить сторона, жилище, округъ. Оно тождественно съ позднѣйшимъ Русскимъ *вира* или *веръ* (округъ, тоже что и Скандинавское) и съ южно-Славянскимъ уменьшительнымъ *варошъ* (городъ), слѣд: *Гуна-варъ* тождественно съ полу-Нѣмецкою, полу-Славянскою формою *Гунгардія*. Самое имя *Гунъ* можетъ, какъ мы уже сказали, имѣть значеніе *Юнъ* или *Юнакъ* по закону тождества двухъ придыханій *г* и *й*. Впрочемъ такое предположеніе имѣетъ свою слабую сторону. *Гунъ* называются *Гуна* у Индійцевъ, имѣющихъ придыханіе краткаго *й*. Верхнее, полевое платье называется у Рускихъ *гуня*, у южныхъ Славянъ *гунь*. Старые холмы могильные называются у Болгаръ Придунайскихъ *гунками*. (этимъ, между прочимъ, доказывается, что должно говорить по-Нѣмецки *Hunengrab* а не *Hünengrab*; по Нѣмцы приписываютъ эти могилы неизвѣстному племени, а Болгары свои предкамъ). Изъ этого слѣдуетъ допустить, что слово *Гунъ* искони начиналось буквою *г*. Смысль его весьма ясенъ. Оно находится въ словахъ: *вологонъ*, *скотогонъ* и др. и отдѣльно въ уменьшительной формѣ *гонецъ*, только съ измѣненіемъ *у* на *о* (какъ въ *ковачъ* и *кузнецъ*). *Гунъ* значить ходокъ, народъ кочевой или переходной и вполне объясняетъ отношенія неосѣдлой дружины казаковъ къ осѣдлымъ семьямъ, изъ которыхъ одна вышла.

Одно только пораженіе потерпѣлъ Аттила, уже далеко за Рейномъ, въ борьбѣ съ силами Германскаго міра и Западной имперіи. Такъ и должно было случиться. Онъ оторвался отъ міра Славянскаго, на который до тѣхъ поръ упирался. Въ Италіи ему служили точкою отправленія Славяне Альпійскіе, въ Германіи его фланги были покрыты съ юга Краинцами и Горушанами, съ сѣвера поморскими Вендами до самаго Рейна. Въ Галліи не было никого, кромѣ враговъ. Все древне-Славянское исчезло подъ долгимъ гнетомъ Галловъ и уровнемъ Римской власти и Римской цивилизаціи. Аттила возвратилъ свободу только тамъ, гдѣ еще жилъ языкъ и народъ.

Кто можетъ возвратитъ славянство поморью Прусскому и Ольденбургу (*Старпладу*)? Мы уже сказали, что отъ Славянъ уцѣлѣли въ

Галлія только имена, какъ Вандея, Антибъ, Перегоръ, Русильонъ и другія, народность исчезла безъ остатковъ. За всѣмъ тѣмъ ея темныя слѣды оставались вѣроятно много и много вѣковъ послѣ гибели свободныхъ общинъ. Такого рода слѣдъ можно отыскать въ Британской или Валлійской сказкѣ о князѣ Венетскомъ (Venetonum) въ Артуровомъ циклѣ. Имя этого князя (первообраза Персеваля) Передуръ. Оно объясняется по Галльски не безъ натяжки—*хранитель чашки*; но Славянское толкованіе *передуръ* (какъ *придуръ* и др.) гораздо ближе къ характеру героя, явнаго простячка, и напоминаетъ всегдашнее пристрастіе Славянъ къ героямъ—дурачкамъ (теперешнему Иванушкѣ). Такое пристрастіе есть глубокое обличеніе всего Славянскаго характера. Дурачекъ, всегдашній побѣдитель своихъ соперниковъ, представляетъ не глупца, но олицетвореніе ума синтетическаго, дружнаго съ природою, такъ сказать тождественнаго съ нею и чуждаго аналитической рефлексіи. Это народное названіе для генія.

Западный міръ Римскій отстоялся отъ Аттилы на поляхъ Каталаунскихъ; но Западная имперія получила ударъ смертельный. Всѣ племена Германскія, нѣкогда тяготѣвшія на Славянскую землю и угрожавшія распространеніемъ на востокъ, были отброшены Гуннами далеко на западъ или по крайней мѣрѣ изгнаны изъ Славянской новоосвобожденной земли. Всѣ эти племена, не смотря на значительныя разницы, составляли по видимому какое-то цѣлое, связанное внутреннимъ началомъ единства и могутъ быть названы Восточно-Германскою вѣтвію или Готскою по пресобладающему колѣну, увлекшему всѣ другія въ своемъ завоевательномъ движеніи.

Подъ именемъ Восточно-Германской или Готской вѣтви должно разумѣть всѣ семьи, владѣвшія Славянскою землею и изгнанныя Гуннами. Въ нихъ Германское начало уже должно было измѣниться отъ вліянія Славянскихъ правовъ и отчасти (напр. въ Вандалахъ) отъ значительной Славянской примѣси. Ихъ духовное единство явно изъ ихъ преданій, изъ почти одновременнаго перехода въ христіанство и единообразнаго предпочтенія Аріанства остальнымъ церков-

нымъ ученіямъ: но не должно забывать, что въ Готское движеніе, т. е. въ общее бѣгство передъ Гуннами, захвачены были и такія семьи, которыя съ Готами или мало имѣли общаго, какъ Свевы, или даже совсѣмъ ничего, какъ Герулы Литовскіе или Сарматскіе Аланы, которые только тѣмъ и были похожи на Готовъ, что одинаково угнетали Славянъ и наконецъ одинаково бѣжали передъ ними.

Войны Аттилы были обращены не противъ имперіи, которую онъ оставлялъ почти постоянно въ покоѣ, довольствуясь временными набѣгами на Дакію, но противъ Германцевъ и другихъ угнетателей Славянскаго міра. Ихъ-то онъ преслѣдовалъ далеко на западъ за Рейнскую границу, требуя покорности и смиренія отъ прежнихъ властителей. Походы его были дѣломъ мщенія, а не корысти, и самъ онъ себя называлъ бичемъ Божиимъ (безъ сомнѣнія въ смыслѣ мщенія). На берегахъ Рейна уничтожилъ онъ Бургундцевъ, вѣроятно тѣхъ, которые образовались изъ жителей Римскихъ пограничныхъ крѣпостей, а не тѣхъ, которые нѣкогда хозяйничали въ Славянскихъ городахъ при Балтикѣ, (ибо очевидно были двѣ разносоставныя дружины, носившія имя Бургундцевъ или горожанъ).

Въ послѣдствіи преданіе смѣшало эту гибель Бургундцевъ съ первымъ мщеніемъ Гунновъ за угнетеніе Антовъ.

Онъ устремился далѣе на Вестготовъ, но тутъ былъ встрѣченъ всею массою бѣглецовъ Германскихъ, сосредоточившихся около военнаго искусства Римскаго и сильной личности Аэтія. Побѣжденный въ великой битвѣ, онъ обратился на Западную имперію, принявшую гостепріимно его враговъ: сѣверная Италія была опустошена, Римскія войска уничтожены, Римъ едва спасенъ заступничествомъ святаго епископа. Вскорѣ кончилось поприще Гуннскаго завоевателя; но отъ Западной имперіи оставались уже одни развалины.

Почтеніе Аттилы къ Римскому епископу и его поклоненіе мирной святынѣ указываетъ на глубокое религиозное чувство въ самомъ Аттилѣ и въ его Славянскихъ дружинахъ.

Не отъ самыхъ Гунновъ, неглубоко проникнувшихъ въ область Римскую, погибла она, но отъ своихъ временныхъ союзниковъ, бѣглецовъ Германскаго племени и отъ Прирейнскихъ семей, давно уже порывавшихся къ завоеваніямъ, но получившихъ окончательное стремленіе въ слѣдствіе Гуннскаго напора. Во главѣ всѣхъ народовъ явились Готы, основатели великаго, хотя недолговѣчнаго царства въ землѣ Славянской и безспорно сильнѣйшіе изъ всѣхъ семей, изгнанныхъ Гуннами. Корень Готовъ, какъ дружины завоевательной, была Скандинавія, изъ которой они были вытѣснены напоромъ Алано-Вендской (Аза-Ванской) силы. Колыбель Готовъ, какъ союза составленнаго изъ многихъ единокровныхъ семей, столпившихся около дружины, пришедшей съ сѣвера, была страна Прибалтійская.

По гордымъ притязаніямъ Гепидовъ, по преданіямъ области Прибалтійской и имени Гаптовъ можно и, кажется, должно признать Гепидовъ за истинную основную дружину, увлекшую всѣ другія и снова по неволѣ отдѣлившуюся отъ нихъ.

Область, въ которой развилась полная сила Готская, была страна Славянская, между Вислою и Дономъ: въ этой области распался союзъ на два союза или двѣ вѣтви, получившія имена Ост-и Вестготовъ. Таковы имена, подъ которыми они продолжали свое завоевательное поприще на западѣ: но въ смыслѣ народознанія важнѣе имена, временно присвоенныя ими въ ихъ восточномъ царствѣ, имена *Грѣутунговъ* и *Тервинговъ*. Готы до своихъ завоеваній въ земляхъ Приднѣпровскихъ не носили этихъ прозвищъ; они снова отказались отъ нихъ, какъ скоро вышли изъ Славянской земли. Самыя же прозвища *Грѣутунгъ* (отъ *grīutъ*, открытое поле) и *Тервингъ* (отъ *trīu*, дерево) соотвѣтствуютъ вполне позднѣйшимъ Славянскимъ на-

званіямъ *Полянъ* и *Древлянъ*. Славяне не заимствовали и не могли заимствовать имени отъ Готовъ, изгнанныхъ безъ остатка изъ области на сѣверъ отъ Дуная (за исключеніемъ небольшого числа, уцѣлѣвшаго въ Крыму) и не оставившихъ своего прозвища не только никакому округу, но даже никакому урочищу. Сходство прозвищъ не могло быть случайнымъ и основаннымъ на характерѣ мѣстности, ибо такой фактъ былъ бы исключеніемъ почти единственнымъ въ исторіи и явленіемъ несогласнымъ съ обычаями Германскаго племени, никогда и нигдѣ не принимавшаго имени отъ мѣстности (какъ напр. отъ словъ *Berg*, *Thal* и т. д.). Явно, что имена были древнія и принадлежали семьямъ Славянскимъ, исконнымъ жителямъ Приднѣпровья.

Славяне, какъ извѣстно, весьма охотно себя называютъ по мѣстностямъ, напр. *Поморяне*, *Лужичи*, *Бережане*, *Горалы*, *Поляне*, *Древляне*, *Краинцы* и т. д.

И такъ временныя имена Вест- и Ост-Готовъ (т. е. Тервинговъ и Гріутунговъ) даютъ неоспоримое свидѣтельство не только существованія Приднѣпровскихъ Славянъ, но и древности именъ, выступающихъ на поприще историческое въ вѣка гораздо позднѣйшіе.

Готы называли себя *Полянскими*, *Древлянскими*, по области въ которой они основали властительную аристократію, точно также какъ дружина Маробода называла себя *Краинцами*, какъ Германцы западные называли *Зеландомъ* старую землю *Мориновъ*, какъ *Королевецъ* сдѣлался *Кенигсбергомъ*, *Добра-гора*—*Гутенбергомъ*, *Староградъ*—*Ольденбургомъ* и т. д.

Изгнанные изъ областей Прикарпатскихъ, Вестготы искали убѣжища на земляхъ Восточной имперіи. Недолговременная дружба между пришельцами дикими и вольполюбивыми воинами, и старожилами, получившими въ наслѣдство всѣ пороки и весь развратъ древняго міра, кончилась жестокою вой-

ною, гибельною для имперіи и для самихъ Готовъ. Вся Эллада и Малая Азія были залиты кровью и покрыты развалинами; но побѣжденные Готы смирились подъ сильною рукою великаго Θεодосія. Смерть его и раздѣленіе государства открыли имъ новое попріще. Тяжкимъ опытомъ узнавъ силу Восточной имперіи, они бросились на Западную, за ними вслѣдъ устремились неудержимымъ потокомъ всѣ семьи, нѣкогда властвовавшія отъ Балтики до Евксина, Вандалы, и Свевы, и Тайфалы, и Аланы, и Бургундцы сѣверные, и Герулы, и всѣ бѣглецы, уцѣлѣвшіе отъ Гуннскаго меча, или не охваченные разливомъ Гуннской силы (какъ напр. Остготы или Гепиды). Вестготы, уже овладѣвшіе послѣ смерти Θεодосія западомъ Эллинскаго полуострова, бросились на ближайшую къ нимъ Италію. Сперва побѣжденные искусствомъ Стилихона и мужествомъ его союзниковъ (и въ томъ числѣ Гунновъ), потомъ собравъ новыя силы и пользуясь истощеніемъ имперіи, они прошли огнемъ и мечемъ по Италиі, не щадя ни жителей, ни жилищъ, ни памятниковъ художества, ни святыни религіи. Владыка полміра, Римъ, не выдавшій враговъ въ стѣнахъ со времени Кельтскихъ завоеваній, сдѣлался добычею Аларика и его Готовъ.

Взятіе Рима Готами и движеніе Забайкальскихъ Тунгузовъ: трудно кажется связать эти два факта, а между тѣмъ завоеванія Сяньбійцевъ рѣшили направленіе всего Германскаго переселенія, изгнавъ остатки Славянскихъ семей изъ-за Каспія и усиливъ ихъ приливомъ Уйгуровъ. Исторія не имѣетъ права не знать дѣла совершившагося въ историческія времена, и по немъ должна судить о доисторическихъ. Пора ей расширить свои предѣлы наравнѣ съ другими науками, какъ напр. филологіей.

Но движеніе побѣдителей не остановилось въ Италиі. Они стремились далѣе и далѣе на западъ. Южная Галлія была завоевана и спустошена. Между тѣмъ другіе бѣглецы, уходя отъ Гунновъ, избрали другой и прямѣйшій путь на западъ. Черезъ лѣса и болота Германіи двинулись Аланы, Вандалы,

Бургундцы и другія менѣ извѣстныя семьи къ берегамъ Рейна. Ихъ не остановили ни преграды дикой природы, ни сопротивление Прирейнскихъ Германцевъ, сплотившихся въ два могучіе союза. Франки, преграждавшіе путь воинственнымъ пришельцамъ съ востока, были прорваны; Рейнская граница, уже лишенная крѣпостей и легионовъ, перейдена безъ труда, сѣверная и средняя Галлія затоплена дикарями. Вскорѣ внутренніе раздоры Римлянъ призвали завоевателей въ Испанію и, наконецъ, въ Африку. Западная имперія лишилась мало-помалу всѣхъ своихъ провинцій. Борьба съ Гуннами истощила ея послѣднія силы, и нигдѣ уже завоеватели не встрѣчали сопротивления. Когда, послѣ смерти Аттилы, Гунны отступили въ свои предѣлы, племена Германскія, дотолѣ еще признававшія господство Рима и сражавшіяся подъ предводительствомъ Римскаго вождя, сдѣлались полными и независимыми владѣлками захваченныхъ областей. Призракъ государства Римскаго еще держался въ Италіи подъ гнетомъ и угрозой Готовъ: но въ концѣ V-го вѣка исчезаетъ самый призракъ и вождь Герульскій основываетъ недолговѣчное царство на развалинахъ имперіи.

Такъ исчезла цѣлая половина Римскаго міра, обширнѣйшая по пространству, сильнѣйшая по физическому превосходству жителей (это доказано было во всѣхъ междоусобныхъ войнахъ), способнѣйшая къ защитѣ, отдаленнѣйшая отъ опасности; такъ исчезла она почти безъ боя и безъ слѣда. Наслѣдство Рима взяли Германцы.

Живучесть
Восточной
имперіи и
безспіе За-
падной; при-
чины этого
различія.

Когда Θεодосій раздѣлилъ государство, обѣ части его, восточная и западная, достались въ руки равно недостойныя власти; но ничтожность Гонорія была поддержана сильными личностями Стилихона и Аэція. При дворѣ Аркадія не явилось ни одного лица, заслужившаго историческую память. Самое положеніе Восточной имперіи было опасно. На нее обрушилась вся тяжесть народовъ Готскихъ и семей изгнанныхъ Гуннами изъ Славянской земли. Аланы, Гепиды, Вандалы, Свевы, Бургундцы, Тайфалы, Герулы испытали поочередно свою силу надъ ея почти беззащитными предѣлами: она уцѣ-

лѣла. На нее должна была обрушиться первая гроза Гунновъ, но удалилась, предпочитая дружбу и дань сомнительной борьбѣ.

Извѣстенъ отвѣтъ Византійскаго императора гордому Аттилѣ: «у меня золото для друзей, желѣзо для враговъ.»

Между тѣмъ и длинная, почти беззащитная граница Привфратская подвергалась сильному напору Персїи, южная набѣгамъ Аравитянъ и сѣверо-восточная погромамъ Кавказскихъ народовъ. За Гуннами вслѣдъ надвинулись всѣ валы моря Славянскаго, возмущенные Аварцами и брошенные на Византію, и этотъ напоръ равнялся силамъ всей Германіи. Послѣ паденія Персїи, въ самое то время, когда имперія едва отстоялась отъ Аваро-Славянскаго союза, осаждавшаго Византію съ запада, и отъ войскъ завоевателя Хозроя, осаждавшаго ее въ то же время съ востока; когда она еще не успѣла собрать силы свои для новой борьбы, поднялась новая гроза, много сильнѣе всѣхъ прежнихъ, поднялась пучина, которая послѣднее, далекою и слабою волною затопила Испанію, южную Италію, значительную часть Галліи, и едва была отбита сосредоточившимися дружинами Франковъ и могучею рукою Карла Мартеля. Таковъ былъ Исламизмъ въ своемъ первомъ періодѣ; но имперія уцѣлѣла и стала мало-по-малу расширять границы свои противъ слабѣющихъ Сарацинъ. Тогда, изъ внутренней Азіи, нахлынулъ потокъ воинственныхъ, неудержимыхъ полчищъ Тюркскихъ, которыхъ сила въ разныя времена сокрушала всѣ царства Азіи и весь востокъ Европы; тогда налетѣли съ запада дружины Германцевъ, привыкшихъ къ боямъ и съ ногъ до головы закованныхъ въ сталь. Столица досталась въ руки непріятелю; имперія какъ будто исчезла; но снова возсталъ она на тяжкую и послѣднюю битву, въ которой ослабѣлая, растерзанная, всѣми брошенная, она наконецъ погибла подъ ударами Средне-азійскихъ завоевателей. Такова была ея много вѣковая борьба, таковъ ея тысячелѣтній подвигъ послѣ Θεодосія, не смотря на беззащитность длинныхъ

границъ отъ Иллиріи до Аравіи, на развратъ народа, на мертвенность правительственныхъ формъ, завѣщанныхъ древнимъ міромъ, на скудость народонаселенія, нѣсколько разъ почти уничтоженнаго моровою язвою или мечемъ непріятеля, и наконецъ на то бѣдственное состояніе, въ которомъ уже засталъ ее Θεодосій послѣ бѣдствій, постигнувшихъ ее во времена Декія и Валента. Но этотъ подвигъ не замѣченъ исторіею.

Не такова была судьба Западной имперіи. Она была почти со всѣхъ сторонъ окружена широкими морями или свободнымъ Океаномъ, не подававшимся никогда Римскому владычеству, но охранявшимъ Римскую область. Сухопутная граница ея была обнесена крутою стѣною Альпійскихъ горъ и одно только недолгое ложе Рейна открывало непріятелю легкій доступъ въ предѣлы Галліи. Провинціи были еще пощажены дикарями, за исключеніемъ сѣверной Італіи, нѣсколько разъ пострадавшей, и Рейнскаго побережья, опустошеннаго Германцами. Ничтожныя набѣги Пиктовъ и Скоттовъ не представляли важной опасности для Британніи. Большая часть Галліи не видала непріятеля; Испанія цвѣла далеко отъ сѣверныхъ враговъ. Морскіе набѣги Саксовъ и Франковъ или Мавровъ Африканскихъ могли испепелить прибрежныя деревни, но не могли не только потрясти государства, но даже и угрожать ему. Таково было положеніе Западной имперіи послѣ Θεодосія. Враги ея были тѣ же самыя Германскія или Сарматскія племена, которыя безуспѣшно падали на Востокъ, и эти племена утратили большую часть своихъ силъ въ борьбѣ съ Византіею или въ налетѣ побѣдоносныхъ Гунновъ. Лишними врагами Риму были только Франки и Алеманны, которыхъ сила едва ли равнялась одной Персіи, была незначительна въ сравненіи съ приливомъ Славяно-Аварскимъ и совершенно ничтожна передъ Исламизмомъ въ его первой цорѣ. И за всѣмъ тѣмъ, внутреннее чувство подвигло варваровъ на Западъ. Оставляя въ покоѣ близкія, беззащитныя, богатыя области Востока, они бросились на Італію, огражденную неприступными горами, на Галлію, защищенную своею отдаленностью, лѣсами, болотами и племенами Германскими, на Испанію, опоясанную мо-

ремъ и Пиренеями, наконецъ на Африку, страну принадлежащую какъ будто чуждому міру, едва доступному для жителей сѣвера. Внутреннее чувство завоевателя было оправдано скоростью завоеванія: не прошло столѣтія послѣ великаго Феодосія, и Римской имперіи не стало. Такова была ея судьба, такова ея гибель, очевидно не отъ внѣшнихъ враговъ, но отъ внутренняго безсилія. Слабость ея высказывается съ особенною яркостью въ участи Испаніи, землѣ почти неприступной извнѣ, а внутри перерѣзанной во всѣхъ направленіяхъ горными преградами, и завоеванной, въ теченіи немногихъ лѣтъ, нѣсколькими десятками тысячъ дикарей, уцѣлѣвшихъ отъ долгаго, неуспѣшнаго странствованія по остальной Европѣ. Причины этой слабости лежатъ въ прежней исторіи Римскаго Запада, въ исторіи не политической, но духовной.

Критика, которая до сихъ поръ не удостоила своего вниманія или не замѣтила великаго вопроса о разницѣ въ судьбахъ Западной и Восточной имперіи, тщетно бы стала искать объясненія въ причинахъ внѣшнихъ, въ разницѣхъ географическихъ и тому под. Географическое положеніе Римской половины было выгоднѣе, чѣмъ Византійской, физическія свойства жителей превосходнѣе, средства къ защитѣ многочисленнѣе и надежнѣе. Правда, что Востокъ былъ торговѣе и богаче; но роскошная Африка, или благословенная страна Запирепейская, или хлѣбородная Британія, или Галлія, отъ Средиземнаго моря до Сѣвернаго, были ли обижены природою, или совершенно лишены торговли, или опустошены непріателемъ? Правда, что положеніе Рима не такъ выгодно, какъ положеніе Византіи: но онъ могъ завоевать міръ и долго управлять имъ; но Римъ былъ уже брошенъ императорами, жившими по большей части въ Равеннѣ (а иногда въ Миланѣ); но и Византія была не случайнымъ явленіемъ, а плодомъ жизни, и такая же жизнь создала бы новую столицу въ средоточіи Западной имперіи, на берегахъ Роны или въ южной Галліи, близко къ Рейну, для отпора непріателямъ, и къ Средиземному морю, для сбора легионовъ. Когда имперія раздѣлилась на двѣ половины, обѣ половины очевидно казались равносильными въ глазахъ Діо-

клетіана и потомъ Θεодосіа; въ борьбахъ междуособныхъ побѣда обыкновенно оставалась за Западомъ: но эта западная половина была неспособна къ жизни самобытной. Разница, доказанная послѣдовавшею исторіею, не могла быть оцѣнена современниками, потому что она была чисто духовная и плодомъ прежней духовной жизни; а человѣкъ узнаетъ тайну духовной силы или духовнаго безсилія только тогда, когда она высказалась явленіемъ историческимъ.

Востокъ былъ искони богатъ умственною, самобытною дѣятельностью. Вѣка завѣщали вѣкамъ сокровище мысли, науки или искусства. Трудъ многихъ столѣтій былъ увѣнчанъ Элладою, принявшею мысль отъ Египта и Финикіи и страны Заевфратской и слившею ее въ одинъ высокій идеалъ человѣческаго совершенства, въ одну побѣдную пѣснь человѣческой личности. Учителя Эллады сдѣлались ея учениками и приняли въ себя новое начало жизни, стремленіе къ развитію всѣхъ способностей души человѣческой, всего его внутренняго существа. На Востокѣ Эллинскомъ, государства были слабы и ничтожны, люди сильны и внутренно богаты. Западъ былъ созданъ грубою и одностороннею государственностью Рима. За то Римъ былъ великъ, какъ государство, а люди, захваченные въ его мертвящія объятія, были внутренно скудны и ничтожны. Душа человѣческая не облагораживалась подъ Римскимъ владычествомъ; умъ не обогащался стремленіемъ къ высшей цѣли и, принимая усовершенствованія жизни вещественной, не впитывалъ въ себя гордой любви къ просвѣщенію. Галль и Британскій Кумри и Кельто-Шверецъ оставались по прежнему дикарями, но дикарями отчасти огражденными Римскою полиціею, отчасти заключенными по неволѣ въ границахъ Римскаго устава. Востокъ, подпавши власти Римской, обогатился новымъ знаніемъ, плодомъ древняго просвѣщенія, знаніемъ права, и принялъ его въ свою умственную сокровищницу не какъ мертвую букву, но какъ мысль живую и требующую еще развитія: безжизненная на Западѣ, наука права продолжала жить на Востокѣ и живить его.

Подрище древняго міра кончилось самоубійствомъ его оску-

дѣвшихъ началъ (знанія въ Элладѣ, внѣшней правды въ Римѣ). Новый свѣтъ блеснулъ для человѣчества, новое животворное начало влилось въ душу человѣка: но великое явленіе имѣло не одинакія послѣдствія на Востокъ и на Западъ. Эллинская половина имперіи быстро наполнилась ревностными христіанами, готовыми на всемірную проповѣдь и страданія за истину и на глубокое изученіе истины, примиряющей знаніе съ жизнью. Христіанство для Эллина было послѣднимъ, божественнымъ подвигомъ его личнаго развитія, ученіемъ принятымъ извнѣ, но принятымъ во внутренніе глубочайшіе тайники его духа. Римская половина имперіи позже и медленнѣе приняла христіанство. Оно имѣло и на Западѣ своихъ, хотя и немногочисленныхъ, мучениковъ, своихъ учителей (изъ коихъ однакожъ лучшіе были или пришельцы съ Востока или ихъ первые ученики); но дѣйствіе его было ограничено; требованія не всеобъемлющи. Христіанство на Западѣ имѣло, какъ и скудное просвѣщеніе Запада, характеръ внѣшности, умиряя и облагораживая жизнь, но не пробуждая спящихъ силъ духа человѣческаго. Самый кругъ дѣйствія его былъ тѣснѣе, чѣмъ на Востокѣ; онъ захватывалъ только города, уже проникнутые Римскимъ началомъ и принявшіе отъ завоевателей не только законы, но и часть своихъ жителей и языкъ. Села долго оставались чуждыми проповѣди христіанской, сохраняя свой языкъ, свои обычаи и свое идолопоклонство.

Это доказывается самымъ именемъ *pagani* (селяне), даннымъ идолопоклонникамъ, и отсутствіемъ памятниковъ христіанскихъ на народныхъ нарѣчіяхъ.

Такимъ образомъ личность человѣка оставалась въ прежнемъ униженіи и вѣра принимала характеръ общественной религіи, утрачивая характеръ мысли и живаго знанія. Когда наконецъ христіанство обняло собою все пространство имперіи, оно стало мало-по-малу проникать и въ отдаленныя села и въ пустыни, и въ общій бытъ. Но оно не нисходило и не могло низойти вполнѣ до селянина. Жизненный процессъ, про-

исходящій по всей Западной имперіи, заключался въ постепенномъ романизованіи отдѣльныхъ провинцій, въ постепенномъ вымираніи мѣстныхъ языковъ и бытовъ и въ постепенномъ расширеніи началъ, истекающихъ изъ Италіи. При такой шаткости и переходномъ состояніи духовенство оставалось поневолѣ при томъ языкѣ, при тѣхъ началахъ, которыя содержали въ себѣ болѣе силы и прочности, т. е. при Римскихъ. Поэтому оно заключалось въ кругѣ правительственномъ и, ускоряя уже начатой процессъ романизованія областей, оно оставалось чуждымъ народу и лицамъ составляющимъ народъ. Христіанство обращалось въ институтъ. Вся заслуга Западнаго духовенства (за немногими исключеніями, принадлежащими къ областямъ древняго просвѣщенія) ограничилась развитіемъ не гражданственности (ибо на нее тяготѣло Римское право), но судопроизводства церковнаго (напр. положенія объ апелляціяхъ и т. под.) и правительственной части въ дѣлахъ церковныхъ. Таковъ подвигъ всѣхъ лучшихъ епископовъ на Западѣ; таково стремленіе Западнаго христіанства, выраженнаго въ эдиктѣ Граціана о первосвященникѣ, въ положеніяхъ многихъ соборовъ и въ постановленіи Θεодосія (мужа западнаго) о католичествѣ и о христіанствѣ въ смыслѣ государственнаго исповѣданія. Но все это стремленіе оставалось безплоднымъ. Высшая область гражданскаго и государственнаго права оставалась неприкосновенною. Она все еще принадлежала міру древнему и завѣту Римскаго образованія. Восточная страна продолжала личное развитіе челоука и въ кругѣ мысли боролась побѣдоносно съ мысленнымъ вліяніемъ прежняго эллинизма. Западная, принявъ и благословивъ наслѣдство Римскаго права, отпяла у себя тотъ кругъ дѣйствія, который одинъ еще былъ для нея доступенъ. Въ ней христіанство было мертво, какъ и самое государство. Таково свидѣтельство всѣхъ современниковъ.

Внутреннее правленіе государствомъ и вся его гражданская жизнь уже давно упали на крайнюю степень безпорядка и униженія. Вся имперія отъ Нильскихъ водопадовъ до предѣловъ горней Камедоніи представляла безконечный рядъ закон-

ныхъ угнетеній, правительственныхъ обмановъ, правомѣрныхъ нарушеній всякаго человѣческаго права, а часто и наглыхъ разбоевъ. Но на Востокѣ областная жизнь была не уничтожена.

Насмѣшки Антиохійцевъ надъ Юліаномъ, частныя возмущенія и другія болѣе или менѣе безпорядочныя проявленія городской или областной силы доказываютъ, что даже государи (не говоримъ уже о мѣстныхъ правителяхъ) были принуждены къ осторожному обхожденію съ народами, не совсѣмъ забывшими свою историческую славу.

Личность не утратила всѣхъ своихъ правъ. Было просвѣщеніе старое и гордое сознаніе просвѣщенія; были обычаи и преданія; была умственная дѣятельность, ввѣщающая уваженіе правителямъ и обуздывающая безграничность своеволія. Страданія народовъ доходили иногда до крайности; но злоупотребленія власти встрѣчали часто опасный отпоръ или строгое наказаніе. Живая кровь еще не застыла въ жилахъ государственнаго тѣла. Не то было на темномъ Западѣ. Тамъ не было ни обычаевъ, ни гордости, ни преданій, ни просвѣщенія личнаго, ни жизни областной. Злоупотребленія мѣстной власти не встрѣчали препонъ, безуміе правительственнаго корыстолюбія, высасывавшаго потъ и кровь подданныхъ для временнаго обогащенія императорской казны, не знало пощады. Народное безсиліе не смѣло сопротивляться; народное тупоуміе не умѣло залѣчивать язвы, нанесенныя слѣпымъ правленіемъ. Богатства природныя оставались неразработанными въ нѣдрахъ земли; богатства, оставленныя въ наслѣдство промышленностью вѣковъ минувшихъ, исчезли безвозвратно. Казнію надобно было удерживать горожанъ отъ бѣгства въ села и пустыни; казнію надобно было удерживать поселянъ отъ бѣгства къ варварамъ. Не было ни духа, ни умѣнія для собственной защиты; не было сокровищъ для найма защитниковъ иноземцевъ. Мертвая имперія была готовою добычею для перваго вооруженнаго пришельца.

Таковы причины различія въ судьбахъ двухъ половинъ Римскаго міра. Онѣ были чисто духовныя и происекали изъ духовной исторіи народовъ. На Западѣ полудикіе подданные имперіи не умѣли и не хотѣли защищаться противъ дикарей, къ которымъ они были близки по собственному невѣжеству; на Востокѣ каждая область билась до послѣдней капли крови; каждый шагъ земли былъ дорого купленъ завоевателемъ; каждый гражданинъ, потомокъ Элиана—просвѣтителя, или міровластителя Римлянина, или даже Сирійца, гордящагося своимъ древнимъ преданіемъ, предпочиталъ смерть игу варвара. Государство было слабо и не могло окрѣпнуть, потому что уже благословило именованія вѣры мертвыя формы, завѣщанныя древностью, и потому что, можетъ быть, невозможно историческимъ народамъ отказаться отъ всей своей исторіи и всей своей славы и обновиться въ жизнь чисто-человѣческую: но люди еще были крѣпки. Они могли, хотѣли и умѣли сражаться за свое просвѣщеніе и свою народную гордость. Зато еще долго горсть Грековъ могла побѣждать полчища непріятелей; и тѣсное приморье Палестины или мелкіе горные округи сохраняли въ продолженіи дѣлѣхъ вѣковъ свою независимость среди разлива мусульманъ-завоевателей; а Испанія (кромѣ южнаго приморья) покорилась почти безъ боя горсти варваровъ, удивленныхъ своею собственною побѣдою. Свобода мѣстная или имя Римское уцѣлѣли на Западѣ только въ странахъ древняго просвѣщенія, какъ напр. въ южной Италіи и Сициліи, или въ областяхъ, не вполне утратившихъ свою народность и свое преданіе, какъ напр. Арморика или дебри Кумрійскаго Валлиса или, можетъ быть, горы Иберской Кантабріи.

Окончательное значеніе переселенія народовъ въ Европѣ во время паденія Римской имперіи есть перенесеніе Германской аристократіи изъ Западно-Славянскихъ областей въ романизованную область Кельтовъ и Иберцевъ. Между тѣмъ какъ Славянскія области, освобожденные своимъ восточнымъ казначествомъ (Гуннами), получили жизнь или по крайнѣй мѣрѣ зачатки жизни самобытной, издавна стѣсненной то Кельтами, то Сармато-Аланами, то Германцами, западная Европа утра-

Германцы- тила на всегда свою древнюю самобытность и осуждена была завоеватели Запада. Феодорикъ. Царство Готовъ и Лангобардовъ въ Ита- лии.

на долгую борьбу, кончившуюся не освобожденіемъ прежнихъ стихій, но органическимъ сращеніемъ туземнаго и пришлаго въ новыя органическія тѣла, общественныя или государственныя. Все движеніе Германцевъ было издавна движеніемъ дружинъ. Въ незапамятной древности эти дружины, селяся въ пустынныхъ земляхъ, часто возвращались къ быту общинному, или къ быту мѣшанному, въ которомъ мнѣгія начала естественной общины сдвигались съ условными началами дружины, отличаясь отъ быта чисто-общиннаго сильнымъ развитіемъ личности и ея себялюбивыхъ правъ. Но вѣковое воспитаніе неправой власти наложило на Германцевъ свою неизгладимую печать. Они были аристократіею правительственною и насильною (какъ всякая аристократія по своему началу) въ земляхъ Славянскихъ. Они не хотѣли и не могли согласиться на утрату своего высокаго значенія и на вступленіе въ жизнь народную и чисто человѣческую. Славяне въ движеніи своемъ послѣ освобожденія являлись часто завоевателями (таково невольное послѣдствіе насилія даже и отраженнаго насиліемъ), побольшей же части они искали земель пустопорожнихъ и, такъ сказать, мертвыхъ, чтобы возвратить ихъ жизни и человѣчеству.

Этимъ объясняется безпрестанный приливъ Славянъ въ земли Восточной имперіи по призыву Византійскихъ императоровъ. Вообще замѣчательно глубокое сочувствіе Славянина съ природою. Онъ ее понимаетъ, онъ съ нею говоритъ; онъ ее признаетъ живою, но неполною въ отсутствіи высшей жизни—человѣческой.

Германцы не хотѣли областей пустопорожнихъ, которыхъ было множество на западѣ Европы, утратившей значительную часть своего народонаселенія. Они искали земель обитаемыхъ, народовъ, надъ которыми можно бы было властвовать, людей, которыхъ можно бы было обратить въ орудіе и рабовъ. Исторія прежнихъ вѣковъ осудила ихъ быть аристократами.

Въ концѣ V столѣтія пала имперія Западная. Завоеватели Италіи, дикіе выходцы изъ лѣсовъ Ляввы, Герулы были вско-

рѣ побѣждены Остготами, основателями государства временно сильнаго, но недолговѣчнаго. Различіе между Вестготами и другими племенами, нахлынувшими на Римскій міръ, очень разительно; еще разительнѣе превосходство Остготовъ. Вождь ихъ Теодорикъ, въ молодости поочередно слуга и врагъ Византійской имперіи, потомъ побѣдитель Геруловъ и Ругіевъ, спаситель Вестготскаго царства въ Галліи отъ напора Франковъ, покровитель и почти владѣтель южной Германіи, представляетъ утѣшительное явленіе въ вѣкѣ глубоко-развратномъ и дикомъ. Кротость нравовъ, любовь къ просвѣщенію и правдѣ, снисходительность къ побѣжденнымъ и уваженіе къ заслугамъ на поприщѣ мысли и знанія, ставятъ его въ рѣзкую противоположность съ бездушнымъ Франкомъ, Хлодовикомъ и съ свирѣпымъ Лонгобардомъ, Альбоиномъ. Побѣда вѣнчала его воинскія предпріятія; современные народы видѣли въ немъ миротворца и праведнаго рѣшителя ихъ судебъ. Гордая Византія почтила по неволѣ его силу именованіемъ и вѣнцемъ царскимъ, лѣтопись назвала его великимъ, и народное преданіе, котораго судъ часто бываетъ вѣрнѣе суда современниковъ и лѣтописцевъ, окружило его память негаснущими лучами поэзіи.

Должно однакоже замѣтить, что восточная, полу-славянская Германія выражаетъ въ своихъ преданіяхъ чувство враждебное Теодоріку (Дитриху Бернскому). Во многихъ мѣстностяхъ она называетъ его именованіемъ полунощнаго страшлища, дикаго ловца, духа бури и разрушенія. Лѣтописецъ Новгородскій, очевидно свободный отъ Византійскаго вліянія и посредникъ Россіи съ Западомъ, также къ нему не благоволитъ. Такое враждебное чувство, кажется, должно приписать Ругіямъ и другимъ полу-славянскимъ семьямъ, или побѣжденнымъ или изгнаннымъ Остготами изъ областей южныхъ.

Таковъ былъ первый царь Остготовъ въ Италіи, и его сподвижники были во многихъ отношеніяхъ достойны своего вождя. Въ нихъ видна готовность принять обычай жизни образованной, подчинить закону свой личный произволь, со-

страдать туземцамъ, отказаться отъ дикости быта военнаго и водворить миръ не только въ своей странѣ, но и въ странахъ сосѣднихъ. Благородная смѣлость, прямотуше и славолубіе являются въ характерѣ многихъ царей слишкомъ краткой династіи Теодорика. Нравственное превосходство Готовъ объясняется довольно раннимъ христіанствомъ и долгимъ пребываніемъ въ странахъ просвѣщеннаго Востока; превосходство ихъ восточной вѣтви не объясняется ничѣмъ, кромѣ долгаго житія въ землѣ народа осѣдлаго, кроткаго и торговаго, Приднѣпровскихъ Полянъ.

Вестготы владѣли дикою областію Древлянскою.

Захваченные Гуннскимъ разливомъ, увлеченные ихъ неодолимою силою и подчиненные внутренней, не надолго проснувшейся жизни Славянскаго міра, Остготы не одичали; они облагородились, возвысились духомъ и мыслию и утратили рѣзкую суровость чисто-Германскаго племени.

Въ самомъ измѣненіи Остготовъ, прежде всѣхъ покорившихся Гуннамъ, долѣе всѣхъ остававшихся въ подчиненности и участвовавшихъ во всей борьбѣ Славянскаго освобожденія, отъ береговъ Днѣпра до береговъ Луары, виденъ характеръ Гуннскаго союза. Не таково было бы вліяніе Средне-азійскихъ дикарей.

Мы имѣемъ свидѣтельство Іорнанда о принятіи Остготами именъ Гуннскихъ; и разумная критика не можетъ предполагать, чтобы заемъ ограничился именами и не отозвался въ обычаяхъ и языкѣ. Дѣйствительно, характеръ Славянскій отзывается въ переводѣ Ульфилы почти столько же, сколько Германскій, и показываетъ въ нарѣчій Готскомъ нарѣчіе переходное между вѣтвями Восточно-и Западно-Иранскою. Но сходство Готскаго языка съ Славянскимъ не можетъ считаться вполне кореннымъ: оно происходило отъ вліянія Славянъ на Готовъ, своихъ побѣдителей, а потомъ подручниковъ. Это явно изъ всѣхъ остальныхъ фактовъ и согласно съ доводами априор-

ристическихми. Такое же влияние было бы по всей вероятности замѣтно и въ нарѣчіяхъ другихъ семей, нѣкогда владѣвшихъ Славянскою землею, если бы у насъ сохранились памятники тогдашняго слова и объясняетъ быстрое распространение Аріанства отъ Готовъ на всю систему восточныхъ, т. е. мѣшанныхъ, Германцевъ, между тѣмъ какъ оно остановилось, какъ скоро дошло до областей чисто-Германскихъ или не ослабившихся племенъ, слѣдовательно говорящихъ другимъ нарѣчіемъ. Точно тоже влияние замѣтно и во многихъ подробностяхъ законодательства и едва ли не въ самомъ свидѣтельствѣ Иорнанда, что древніе законы Готскіе были законами *Гетовъ* и назывались въ старину *VeMagines* (едва ли не Славянское слово *блльъ* т. е. запись).

Не должно забывать вѣчнаго педантства полу-ученаго Иорнанда, не позволяющаго себѣ ни простоты, ни даже правильной передачи словъ и именъ изъ нарѣчій варварскихъ.

Наконецъ то же самое влияние народа пѣвучаго и дорожащаго словомъ видно въ возвышеніи героевъ Остготскихъ до значенія эпическихъ героевъ. Эта слава принадлежитъ только двумъ семьямъ Германскимъ (Остготамъ и Бургундцамъ), жившимъ между лучшими представителями Славянства, въ землѣ Прибалтійскихъ горожанъ и Превексинскихъ землѣпашцевъ. Вожди Бургундцевъ и Готскіе Эрманарихъ и Дитрихъ одни сохранились сладко-звучною пѣснію для памяти народной, давно забывшей всю славу и всѣ имена западно-Германскихъ завоевателей.

Очевидно, что въ этомъ явленіи, при соприкосновеніи двухъ міровъ, Славянскаго и Германскаго, повторился фактъ, уже замѣченный въ духовной исторіи Эллады, которой поэты и поэтическія преданія связаны съ Троею или областью Фракійскою. Вообще должно замѣтить, что наука, принимающая языкъ Готскій за первобытную форму Германскаго, отправляется отъ предположенія совершенно произвольнаго и ложнаго. Чѣмъ далѣе отступаемъ мы къ древ-

ности въ вѣкахъ историческихъ, тѣмъ разнороднѣе являются нарѣчія и тѣмъ рѣзче ихъ зависимость отъ личности отдѣльныхъ семей. Обще-германская форма принадлежитъ къ эпохѣ несравненно древнѣйшей. Нарѣчія Славянскія представляютъ ходъ обратный. Чѣмъ древнѣе, тѣмъ ближе другъ къ другу и къ формамъ, преобладающимъ въ языкѣ Великорусскомъ, менѣе другихъ принявшемъ примѣси чужой.

Блестательно было выступленіе на поприще историческое племени Остготскаго, перваго изъ всѣхъ племенъ Германскихъ, принявшаго начала человѣческой образованности; но непродолжителенъ былъ его подвигъ. Земля Италіи хранила еще слишкомъ много воспоминаній старины, чтобы покориться полу-варварамъ безъ ропота. Аріанство (христіанство, искаженное въ своихъ основахъ) слишкомъ рѣзко отдѣляло пришельца-побѣдителя отъ побѣжденнаго туземца и содержало въ себѣ слишкомъ мало силъ и зародышей логическаго развитія наконецъ слишкомъ близка была Византія, еще не вполне утратившая свои силы и сохранившая свои притязанія на Римское наслѣдство. Не прошло ста лѣтъ и Остготы, также какъ и Вандалы въ Африкѣ, были уничтожены Византійскими ополченіями. Германцы сражались съ мужествомъ, достойнымъ ихъ воинственнаго племени; цари не помрачили славы, завѣщанной основателемъ царства, Теодорикомъ великимъ; но нелюбовь народа къ сѣвернымъ завоевателямъ, искусство Византійцевъ и военныя доблести Велисарія и Нарсеса одержали побѣду. Славное имя Остготовъ и грозные Вандалы исчезли безъ слѣда.

Еще короче было торжество древняго просвѣщенія надъ силою дикихъ народовъ, приливающихъ съ сѣвера. Едва погибли Готы, и сѣверная Италія снова была вырвана изъ рукъ Византіи свирѣпыми Лонгобардами. Новые завоеватели были во всѣхъ отношеніяхъ хуже своихъ предшественниковъ, но они были счастливѣе. Исторія ихъ начинается отвратительною смѣсью убійствъ и разврата, мало чѣмъ уступающею лѣтописямъ Меровингскимъ и не представляеть ни одной блиста-

тельной страпицы; но нравы ихъ вскорѣ покорились благому влиянію земли нѣкогда просвѣщенной, и Византія, ослабѣвшая въ страшныхъ борьбахъ съ Аваро — Славянами, Персією и Исламомъ, уже не могла нанести сильнаго удара новымъ завоевателямъ западнымъ. За всѣмъ тѣмъ внутренняя слабость Аріанства, духовный раздоръ между правителями и подданными, сила папскаго престола, представляющаго ученіе Никейскаго собора, и непокорное упрямство земли Итальянской приготовили паденіе Лонгобардовъ. Прошло съ небольшимъ два вѣка и царство ихъ погибло подъ ударами Франковъ, возведенныхъ на высшую степень могущества умомъ Пипина и мечемъ Карла Великаго. Готская вѣтвь Германцевъ, сломившая западную имперію въ бѣгствѣ своемъ передъ Гуннами и увлекшая за собою все Германское племя, исчезла вездѣ, кромѣ далекаго Пиренейскаго полуострова.

Другому народу была суждено править судьбами Европы. Жители западной Германіи находились долго подъ перемежающимъ игомъ, подъ постоянною зависимостью отъ Рима. Войска Римскія доходили не разъ до Эльбы, съ запада отъ Рейна или съ юга отъ верховьевъ Дуная; Римскія крѣпости стояли на берегахъ Везера. Подвигъ Арминія, устранивъ можетъ быть полное и совершенное завоеваніе западной Германіи, не спасъ ея отъ состоянія подручности. Семьи, ближайшія къ Рейну, были мало-по-малу обращены въ полное подданство и вошли въ общую жизнь имперіи. Онѣ привыкли къ труду, внушавшему отвращеніе ихъ празднымъ предкамъ, къ житію въ большихъ селеніяхъ и наконецъ къ градожителству подъ законами, запятыми у Римскихъ муниципій, но не утратили ни своего языка, ни своей германской физіономіи. Отъ городовъ, въ которыхъ они сперва были заключены по неволѣ Римскою властію и съ которыми они мало-по-малу свыклись, получили они названіе Бургундцевъ, точно также какъ и другіе Германцы получили такое же имя на востокъ Германіи отъ городовъ Славянскихъ. Вліяніе обычаевъ законныхъ и образованности было не безплодно для Бургундцевъ Прирейнскихъ; они впитали въ себя много благихъ началъ, облагораживающихъ душу че-

Бургундцы, Алеманны и Франки.

ловѣка и рано приняли христіанство отъ Галльскихъ проповѣдниковъ. Гибельнѣе было вліяніе Рима на другія воинственныя семьи западной Германіи. Слишкомъ отдаленныя отъ Рейна и слишкомъ сильныя, чтобы подпасть вполне Римскому игу, слишкомъ близкія и разрозненныя, чтобы вполне отъ него освободиться, онѣ въ вѣковой борьбѣ и въ вѣковой службѣ развили всю свирѣпость своего воинственного характера, всѣ буйныя пороки празднаго дикаря и присоединили къ нимъ весь развратъ древней образованности, все грубое себялюбие и жажду къ корысти, которыми заклеименъ былъ Римъ царской и императорской эпохи. Необходимость защиты противъ общаго врага, сознание общихъ выгодъ и отчасти племенное сродство соединили ихъ въ одинъ могучій союзъ. Когда Римъ ослабъ и, уже не мечтая о завоеваніяхъ, едва находилъ въ себѣ довольно силъ для собственной защиты, тогда освободился союзъ Привезерскихъ Германцевъ, нѣкогда полурабовъ; радость новопріобрѣтенной свободы выразилъ онъ, придавъ себѣ названіе людей свободныхъ, *Франковъ*.

Новые критики искали въ потѣ лица своего много различныхъ объясненій для слова *франкъ*. Трудъ напрасный. Препрежнее объясненіе (люди свободные), безусловно истинное, оправдывается не только вѣроятностію историческою, но и здравою филологією. *Фрей*, *фрехъ* и *Франкъ* безусловно выросли изъ одного корня и близки другъ другу по значенію. Разница ихъ есть или слѣдствіе слившихся нарѣчій, или разныхъ отгѣнговъ одной основной мысли. Это подтверждается самою поговоркою *frei und frank*. Критики непременно предполагаютъ коренное различіе между этими двумя словами, боясь плеоназма. Еслибы они вникли въ общій характеръ народныхъ поговорокъ, они понялибы несомнѣнность полу-плеоназма, усиливающего выраженіе основной мысли. Самыйже корень словъ *фрей*, *фрехъ* и *франкъ* кажется исчезъ въ нарѣчіяхъ Германскихъ, но онъ уцѣлѣлъ въ Славянскомъ *пръ* (война, Англ. *pray*). Идея войны должна была перейти въ идею свободы для воинственнаго дикаря, не понимающаго мирной человѣческой свободы.

Устья Рейна и сѣверо-восточная Галлія перешли мало-помалу въ руки Франковъ и наступательное ихъ движеніе продолжалось постепенно далѣе и далѣе на западъ.

Юго-западная Германія, берега верхняго Рейна и верховья Дуная, долго составлявшія часть имперіи, сдѣлались добычею восточнаго Германскаго племени, *Севовъ*. Древняя земля Славянъ (Вендовъ великихъ, Винделикія), покоренная Римомъ при Августѣ, была обращена въ военное поселеніе и наполнена изъ разныхъ областей (особенно изъ Галліи) выходцами, платившими вѣчною службою за земли, дарованныя государствомъ. Новое мѣшанное племя съ преобладающею Кельтскою стихіею вытѣснило Славянъ, которыхъ небольшіе остатки, пощаженные побѣдителемъ или уцѣлѣвшіе въ лѣсныхъ и горныхъ округахъ, еще долго свидѣтельствовали о племени прежнихъ туземцевъ.

Ученость Германская не мало имъ удивлялась, да и удивляться не перестанетъ, покуда не пойметъ общаго заселенія всей средней Европы Восточно-Иранскою вѣтвію, вытѣсненною въ послѣдствіи Иранцами западными.

Военныя колоніи уступили въ свою очередь напору Германцевъ и Севевы побѣдители, принявъ имя Алеманновъ (до сихъ поръ необъясненное) вступили въ безпрестанную борьбу не только съ имперіею, но и съ ея завоевателями.

Такова была купа Германскихъ народовъ, столпившихся на берегахъ Рейнскихъ и оспаривающихъ другъ у друга будущее обладаніе Галліею. Они отличались во многихъ отношеніяхъ отъ переселенцевъ Готскаго отдѣла, языкомъ, обычаями и характеромъ. Они не подверглись ни кроткому вліянію народовъ Славянскихъ, ни облагороживающему вліянію Элянскаго просвѣщенія, ни еще высшему вліянію христіанства (за исключеніемъ Бургундцевъ). Но, уступая Готамъ въ отношеніяхъ духовныхъ, они далеко превосходили ихъ въ условіяхъ вещественной силы и вещественнаго успѣха. Франки и Алеманны сохраняли еще неизмѣнную воинственность, ставящую войну единственною цѣлію жизни; они сохраняли свѣжесть

своей дикости и восторженное напряженіе односторонняго стремленія. Наконецъ всѣ они, не исключая Бургундцевъ, стояли на своей землѣ, близко къ своей братьѣ, почерпая безпрестанновыя силы изъ глубины Зарейнской Германіи и крѣпчая послѣ временныхъ поражений. Готы были бѣглецами, оторванными отъ народовъ единокровныхъ, дружиною безпрестанно таящею въ вѣчномъ странствованіи, слабѣющею даже отъ побѣдъ и гибнущею при пораженіяхъ.

Но не для всѣхъ Прирейнцевъ были равныя вѣроятности успѣха. Бургундцы, болѣе всѣхъ пострадавшіе отъ Гунновъ, уступали своимъ соперникамъ въ числительной силѣ, не смотря на безсомнѣнное присоединеніе къ нимъ Бургундцевъ восточныхъ, которыхъ имя исчезаетъ изъ исторіи и изъ разказа лѣтописцевъ о переходеніи народовъ.

Тоже самое доказывается и слѣдами Аріяства и слѣдами Славянскихъ имецъ. Самое вліяніе объясняется естественнымъ сходствомъ обычаевъ между племенами, привыкшими къ градожителству, тяготящимися странствованіемъ и, можетъ быть, обманутыми случайностью одноименности до вѣрованія въ родство или тождество племенное.

Бургундцы были по своему положенію далѣе отъ источника дружинной силы Германіи; еще далѣе были они отъ сочувствія дикарей по своимъ полуобразованнымъ правамъ и отъ союза съ идолопоклонниками по вѣковому христіанству. Имъ должно было пасть въ борьбѣ, по двойственности направленія и слабости началъ.

Равнѣе были силы Алеманновъ и Франковъ: равныя выгоды мѣстности, равная воинственность, равное отношеніе къ внутренней Германіи; но равенство было только въ смыслѣ отпора, а не завоеванія. Алеманны находились еще вполне въ эпоху народности. Дружина была племенная, слѣдственно непостоянная. Франки уже переходили въ эпоху государственности. Дружина племенная служила только опорой дружинѣ княжеской. Это очевидно изъ сличенія законовъ Салическаго и Але-

манскаго. Другая причина, до сихъ поръ мало замѣченная, еще болѣе давала перевѣсъ Франкамъ. Давно уже ихъ рати переступили границы своей родины. Земля прежнихъ Батавовъ, часть Бельгій, населенной Кельто-Кумрійцами (Беолгами) и приморье Океана, земля Славянскихъ Поморянъ (Мориновъ, теперешній Зеландъ) уже были заняты выходцами изъ области Франкской. Но это завоеваніе не было дѣломъ народа. Смѣлые вожди съ дружиною, выбранною изъ единоплеменниковъ и признающею въ нихъ власть уже не стѣсненную законами общины, сдѣлались владѣтелями обширной страны, нѣкогда богатой и неполнѣ одичавшей. Многочисленные подданные или подручники составляли для новыхъ завоевателей силу отдѣльную отъ Заейнскаго союза.

Значительность Кельтскаго начала доказывается слѣдами Кельтскаго нарѣчія въ примѣчаніяхъ на Салическій законъ. Хотя очевидно, что въ этихъ примѣчаніяхъ многія слова (какъ напр. *баракъ*, *херегъ* и др.) очень близкия кореннымъ Славянскимъ (боровъ, хрякъ и др.); здравая критика не можетъ сомнѣваться въ чисто-Кельтской основѣ нарѣчія Прирейнскаго. Съ другой стороны здравая критика не можетъ также сомнѣваться въ чисто-Славянскомъ (Восточно-Иранскомъ) населеніи Приморья и устьевъ Рейна. Остатки тѣлъ, сожженныхъ по обычаю Славянскому въ древнихъ кладбищахъ, подтверждаютъ истину уже доказанную постоянною связью Менапьевъ и Мориновъ съ Венетами, общностью быта мореплавателя, остатками Славянскаго языка въ нарѣчій Утрехтскомъ, именемъ многихъ рѣкъ и болѣе всего несомнѣннымъ свидѣтельствомъ всѣхъ мѣстныхъ преданій объ Вильцахъ (*Вильшій*—общее прозвище Вендовъ), объ имени Славянъ и ихъ войнахъ съ Римлянами и Саксами и о Богѣ *Бель*, котораго серебряный кумиръ сіялъ необыкновенною бѣлизною (явно Бѣль-богъ). Но уже Славяне, нѣкогда жившіе далеко вверхъ по Рейну и Шельдѣ, давно были отодвинуты къ устью рѣкъ и едва ли имѣли вліяніе на развитіе Франковъ. Ихъ вліяніе выразилось позже въ быстромъ развитіи торговли.

Дружина
Меровин-
говъ.

Изъ князей, овладѣвшихъ Прирейнскою областію, одна семья получила особенное значеніе. Случай, какъ извѣстно, далъ поводъ къ первому морскому подвигу Франковъ; распространеніе ихъ по морскому берегу и по землѣ народа мореплавателяго обратило временно ихъ помыслы къ морскому разбою. Берега Галліи, Британніи и далекой Испаніи были неразъ опустошаемы ихъ жадными дружинами; Римскіе флоты, устроенныя въ гаваняхъ океана, не могли достаточно охранить Римскую область и бесполезно гонялись за легкими челноками Германскихъ разбойниковъ. Но мореплаваніе, случайное занятіе, не было врожденною страстію Франковъ; они скоро уступили морскому превосходству Саксонцевъ и обратили свою силу на завоеванія сухопутныя и на беззащитную Галлію. За всѣмъ тѣмъ богатства, собранныя въ прежнихъ набѣгахъ по берегамъ Океана и вѣроятно торговля, никогда вполнѣ неисчезавшая въ землѣ Поморской, дали князьямъ, владѣющимъ ею, огромный перевѣсъ надъ всѣми другими. Такова безъ сомнѣнія причина быстрого возвышенія Франкскаго рода владѣтелей Поморья, земли *Меруве*, отъ которой они получили родовое прозвище *Меровинговъ* (Поморичей). Въ первый разъ съ ними является цѣлая исторія княжеской династіи у Германцевъ Прирейнскихъ и высказывается та разница въ ходѣ развитія Франковъ и Алеманновъ, которая замѣтна въ памятникахъ ихъ законодательства и объясняетъ разницу ихъ судебъ.

Меровинги вскорѣ поняли свое отношеніе къ другимъ слабѣйшимъ князьямъ, къ союзу Зарейнскому и къ народамъ, владѣющимъ судьбою міра. Князей сдѣлали они своими подручниками, союзу явились какъ его покровители и его передовое войско; признаніе своихъ правъ добыли временною покорностію, то отъ Рима, то отъ Приволжскихъ Славянъ, Гунновъ, тогдашней грозы всей Европы.

Просьбы Меровинговъ къ Гуннскимъ вождямъ объ утвержденіи въ княжеской власти доказываютъ вѣрность, съ которою представлены отношенія всѣхъ Германцевъ къ *Этцелю* (Аттилѣ) въ поэмѣ Нибелунговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дальность Франковъ и естественная

крѣпость ихъ области ставили ихъ въ меньшую зависимость, чѣмъ ихъ южнѣйшихъ единоплеменниковъ. Оттого то, воспользовавшись уничтоженіемъ силы Бургундцевъ Гупнами, они стали на поляхъ Каталаунскихъ въ рядахъ Аэціева войска.

Въ окончательной борьбѣ съ Атилиою является уже не войско Франковъ, а дружина собственно Меровеяская. Вскорѣ послѣ смерти Атилы и совершеннаго распадена западной имперіи власть княжескаго дома Франковъ Поморскихъ развивается еще болѣе и наконецъ достигаетъ всемірнаго значенія при завоевателѣ всей сѣверной Галліи, Хлодовикѣ.

Воинственные и хладнокровно-свирѣлые, безгранично-развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а, по словамъ другаго, любили клятву, чтобы наслаждаться клятвopреступленіемъ, таковы были Франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ. Гостепріимство оставалось у нихъ, какъ единственная добродѣтель, уцѣлѣвшая отъ старины. Таковы были Франки, таковъ былъ ихъ вождь Хлодовикъ, достойный представитель своего народа, душа могучая, исполненная великихъ замысловъ, достойная удивленія по необыкновенной силѣ своей и отвращенія по совершенному отсутствію всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Успѣхи его были приготовлены обстоятельствами; но и онъ умѣлъ пользоваться всѣми обстоятельствами для успѣха.

Хлодо-
викъ.

Движеніе народовъ отодвинуло Бургундцевъ къ югу; Римская имперія уничтожена была въ самой Италіи; Вестготы ограничили свои завоеванія благословенными странами около Пиренеевъ и Средиземнаго моря; опасные соперники Франковъ, Саксы, обратили оружіе свое противъ Британціи; полу-Римская, полу-Кельтская страна въ сѣверной Галліи, малосильная и непривычная вѣрить въ свою силу, ждала завоевателя. На нее обратился первый ударъ Хлодовика, и послѣдняя, еще уцѣлѣвшая, Римская провинція покорилась послѣ недолгаго сопротивленія. Вскорѣ наступила борьба съ Алеманнами, рѣшенная

однимъ счастливымъ сраженіемъ. Побѣдитель почувствовалъ себя безспорнымъ владѣльцемъ Галліи: онъ понялъ необходимость сближенія съ туземцами, онъ понялъ необходимость союза съ единственною еще живою властію народною, духовенствомъ, и принялъ крещеніе. Внѣшнія причины и расчеты, а невнутреннее убѣжденіе, не глубокая потребность духа человѣческаго, стремящагося къ истинѣ, преклонили колѣно Сикамбра передъ христіанскою святыней и вѣра осталась для него внѣшнимъ обрядомъ безъ всякаго духовнаго плода. И Хлодовикъ, и его бездушные сыновья, и ихъ далекіе преемники, и все племя Франковъ оставались долго, долго тѣми же дикими язычниками, которые пришли изъ-за Рейна, чтобы заплатить грабежемъ и убійствомъ Риму за полученный отъ него развратъ. Но духовенство западное и глава его, Римскій епископъ, протянули руку помощи новому союзнику; съ мирною проповѣдью пошли они впереди Франкской дружины, приглашая народъ къ покорности, приготовляя путь къ новымъ завоеваніемъ, торжествуя незаконныя торжества вмѣстѣ съ кровожадною дружиною Меровинга. Побѣжденные Хлодовикомъ, Бургундцы едва могли охранить свою независимость въ юго-западной Галліи; отодвинутые къ морю и Пиренеямъ, Вестготы, не смотря на присоединеніе къ нимъ новыхъ родственныхъ дружинъ съ востока (Гепидовъ и др.), просили мира и спасены были отъ гибели только предстательствомъ великаго вождя Остготскаго; царство Франкское заняло первое мѣсто между всѣми царствами западной Европы. Но грозная дружина, вышедшая изъ лѣсовъ Германіи, была уже сильнѣе своей родины и обратила на нее оружіе привычное къ побѣдѣ. Земля Алеманновъ и ихъ разрозненныя общины не могли противустоять противъ сосредоточенной силы дружины Меровингской. Сѣверная часть покорилась и приняла имя земли Франкской; южная едва сохранила на нѣкоторое время тѣнь независимости подъ сильною рукою Теодорика, царя Остготской Италіи. Цѣлый рядъ обмановъ и злодѣйствъ уничтожилъ княжескіе дома въ области Франковъ При-рейнскихъ. Общины, устрашенныя или прельщенныя воинственнымъ ве-

личіемъ Хлодовика, поступили подъ его верховную волю: Германія, устоявшая противъ Рима, покорена была своими собственными сынами и навсегда утратила возможность свободного развитія. Торжество Хлодовика было торжествомъ дружины личной надъ дружинами народными. Его жизнь отвратительна: но подвигъ его огроменъ.

Христіанство получило на всемъ западѣ, даже въ просвѣщенномъ Римѣ, характеръ внѣшности; этотъ характеръ выступилъ еще яснѣе въ соприкосновеніи съ племенами Германскими. Духовенство грубое, непросвѣщенное, не знающее даже религіи, которой оно служило, сопровождало кочующую дружину, въ томъ же смыслѣ, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ древніе жрецы-заклинатели. Таково свидѣтельство современниковъ. Высшимъ во всѣхъ отношеніяхъ было духовенство туземное, полу-Римское, и особенно епископы, изъ коихъ многіе были рождены или воспитаны въ областяхъ не совсѣмъ одичавшаго юга. Въ этомъ духовенствѣ сохранился почти единственный остатокъ власти и жизни народной. Къ нему пригнули вожди завоевательной дружины, осыпая его милостями и наградами. Но и оно не было неблагодарнымъ. Оно связалось тѣснымъ союзомъ съ вождями, чтобы найти противъ дружины надежную защиту для себя и для своей паствы, побѣжденныхъ Галло-Римлянъ. Оно терпѣло кровавыя измѣны Хлодовика, убійства Хлотара, свирѣпый развратъ Хильдерика, всѣ мерзости, всѣ преступленія Меровинговъ, требуя только внѣшней набожности, только поклоненія святынь и покровительства для служителей церкви, защищая и хваля и возводя почти въ степень святыхъ царственные лица, о которыхъ исторія не можетъ говорить безъ отвращенія. Союзъ духовенства съ царями Франкскими не ограничивался областью Франкскою. Первый епископъ Запада, владѣтель престола, къ которому, какъ къ средоточію вѣры, тяготѣли невольныя всѣ духовныя власти областей завоеванныхъ Германцами, аріянами или идолопоклонниками, папа Римскій видѣлъ въ преемникахъ Хлодовика своихъ надежнѣйшихъ защитниковъ и, приготовляясь къ будущему, еще не развившемуся величію, возвеличивалъ воцѣ-

Внутренній характеръ державы Меровинговъ.

ственную силу, предлагавшую ему свой мечъ и щитъ противъ Гота, Лонгобарда и Сакса. Въ послѣдствіи духовенство отдѣлилось вполнѣ отъ народа: но въ то время оно представляло народъ; и принося присягу вѣрности королю Франкскому вмѣстѣ съ дружиною (присягу службы, *леодесалиумъ*), оно создавало ему власть независимую отъ самой дружины. Такимъ образомъ объясняются огромное значеніе вождя и полная покорность непокорнаго Германца въ первую эпоху Меровинговъ. Отдѣленіе короля отъ войска выражается также и въ томъ, что право на завоеванную Галлію, право пріобрѣтенное Германскимъ мечемъ, требуетъ утвержденія отъ законнаго владыки всего Римскаго міра, отъ императора Византійскаго, и Хлодовикъ, въ званіи патриція, получаетъ значеніе независимое отъ воли своихъ ратныхъ сподвижниковъ. Царь отдѣлился отъ своей дружины: но онъ не создалъ силы внѣ ея и чрезъ нѣсколько вѣковъ наступило время, когда дружина отдѣлилась отъ царя и сверженный Меровингъ уступилъ свой престолъ новоизбранному вождю воиновъ, побѣдоносному основателю Карловингской династіи.

Завоеватели Галліи не были ополченіемъ народнымъ, они были дружиною одного княжескаго рода, служителями, имѣющими право на награду, но и обязанными къ повиновенію. Области, уже завоеванныя другими Германцами или даже отдѣльными отрядами Франковъ, были снова взяты съ меча Хлодовикомъ и поступили подъ общій законъ новаго раздѣла. Но самая дружина состояла изъ двухъ отдѣльныхъ стехій, изъ родовыхъ или наемныхъ служителей князя и ихъ союзниковъ Германцевъ, притекавшихъ подъ его знамена и ввѣрившихъ свою судьбу его боевому счастью. Покоренныя земли раздѣлялись по извѣстному закону между побѣдителями. Князь получалъ свою долю, которою располагалъ какъ хотѣлъ, и эта доля была самая значительная. Ею награждалъ онъ своихъ слугъ, ею покрывалъ расходы своего двора и расходы своихъ частныхъ предпріятій противъ личныхъ враговъ. Другая доля поступала вольной дружинѣ на правахъ наследственныхъ, подъ условіемъ извѣстной службы въ общей войнѣ. Доли между

воинами были неравны, но права равны и владѣлецъ не признавалъ надъ собою никакого суда, кромѣ суда дружиннаго, никакой власти, кромѣ власти князя въ извѣстныхъ предѣлахъ. Таково начало системы аллодіальной. Въ ней были государство—дружина король-вождь, общины не было. Свобода также какъ и зависимость были личныя. Не таково было устройство жизни Германской за Рейномъ. Тамъ была община родовая, хотя безспорно аристократическая, ибо подъ рукою властителя Германца вездѣ еще жили и страдали племена побѣжденные,—Славяне или Кельты, или даже другіе покоренные Германцы. Всѣ права принадлежали роду или общинѣ, и лицамъ только какъ членамъ родовъ и общинъ.

Такъ напр. во многихъ мѣстахъ безъ согласія не только общины, но и всѣхъ членовъ ея безъ исключенія, пришлецъ не могъ ни селиться, ни пріобрѣтать недвижимую собственность. Тамъ была взаимная отвѣтственность сосѣдей другъ за друга, отмѣненная позднѣйшими законами въ областяхъ завоеванныхъ народными ополченіями, какъ мы видимъ у Вестготовъ и другихъ.

Въ этой зависимости была высшая свобода; въ свободѣ Франка, получившаго долю свою изъ княжескаго завоеванія, была уже зависимость, развившаяся въ послѣдствіи до полного подданства. Власть Хлодовика, войны его за Рейномъ, ослабленіе Зарейнскихъ общинъ, высланныхъ большую часть своихъ удалцевъ на службу Меровинга, распространеніе христіанства вмѣстѣ съ новыми понятіями, составленными уже въ Галліи, и наконецъ усиленіе естественное всякому преобладающему началу, уничтожили мало-по-малу весь прежній народный бытъ; волненія послѣдующихъ вѣковъ изгладили даже и слѣды его. Иначе и не могло быть ни у Алеманновъ, побѣжденныхъ Хлодовикомъ, ни у Привезерскихъ Тюрингцевъ, покоренныхъ его преемниками. Сравнительно ничтожная область, родина Франковъ, сдавленная мало-по-малу то Тюрингцами, то Саксами и освобожденная снова королями Меровингами, подверглась общей участи. Дѣло было начато Хло-

довикомъ: онъ принудилъ всѣхъ Франковъ Прирейнскихъ признать его первенство; онъ подчинилъ себѣ обѣ вѣтви великаго союза: сначала ближайшихъ къ себѣ и единокровныхъ Салійцевъ, которыхъ имя происходитъ безспорно отъ *сала* (жилище вольнаго человѣка), слова тождественнаго съ Славянскимъ *село* (отъ *седло*, корень *сидѣть*), потомъ дальнѣйшихъ по племенному началу и слабѣйшихъ *Рипуаріевъ* (т. е. береговыхъ). Начатое Хлодовикомъ было мало-по-малу совершено его преемниками.

Такъ исчезло древнее устройство Германской земли. Бѣдные остатки его сохранялись еще долго, и великій Гогенштауфенъ встрѣтилъ еще въ позднюю эпоху гордаго потомка древнихъ вольныхъ людей, — *ленника Солнца*, который не считалъ себя обязаннымъ никому, кромѣ Бога за свою свободу и свое имущество.

Въ выраженіи *Sonnenlehn* вѣроятно жила еще память языческаго поклоненія.

Эпоха полной свободы (*зонненленства*) была эпохою общины Германской, общины дружинной. Она кончилась съ завоеваніемъ Германіи Франками и уступила мѣсто эпохѣ *аллодіальной*, въ которой земская община исчезала безъ слѣда и оставалась только дружина и ея начальникъ, король. Дальнѣйшее, измѣненіе системы аллодіальной произвело эпоху *феодалную* въ которой идея дружины уступила мѣсто идеѣ личнаго владѣнія и личнаго подданства, эпохѣ, въ которой люди перестали быть людьми, и сдѣлались только представителями владѣемой земли, а идеи государства и короля перешли въ идеи общаго владѣнія и общаго владѣтеля.

Впрочемъ общину Германскую не должно смѣшивать съ общиною Славянскою: между ними безконечное разстояніе. Одна есть община естественнаго братства, другая братства условнаго, дружиннаго. Оттого-то у Германца права женщины ничтожны, а права мужчинъ зависятъ отъ его значенія воинскаго, какъ оруженосца (*werhaft*), отъ

того и слово, обозначающее *народъ*, показываетъ у Славянъ происхожденіе естественное, между тѣмъ какъ у Германцевъ слово *Volk* имѣетъ корень, указывающій на условную дружину. Оно соотвѣтствуетъ Славянскому *полкъ* и связывается съ корнемъ *füllen, voll*, какъ *полкъ* съ корнемъ *полнить*. Это коренное различіе отзывается во всѣхъ подробностяхъ развитія. Въ одномъ начало чисто-человѣческое, въ другомъ аристократическое, завоевательное. Также не должно искать рѣзкаго раздѣленія во времени между эпохою *зонненленства* и *аллодія*. Онѣ сливаются другъ съ другомъ. Эпоха феодальная также сливается съ аллодіальной, но опредѣляется нѣсколько яснѣе, потому что Норманны въ Англіи и Италіи и крестоносцы въ Палестинѣ представили опыты непримѣнной феодальности во всей строгости ея логическаго развитія.

Между тѣмъ какъ Франки становились преобладающею силою на западѣ, другое Германское племя усиливалось на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Германіи и клало основаніе государству, нынѣ державствующему во всѣхъ частяхъ свѣта. Послѣдніе выселенцы изъ Скандинавіи, Саксы, дружина слабая въ своихъ началахъ, также какъ и всѣ дружины, выселившіяся изъ сѣвернаго полуострова, сдѣлались основою великаго союза, въ которомъ сливались стихіи Германская и Славянская. Большинство числительное было безспорно Германское; но начало Славянское имѣло безспорно если не большее, то по крайней мѣрѣ равное участіе въ духовномъ развитіи народа.

Саксы.
Завоеваніе Британніи.
Христианство въ Ирландіи.

Такъ напр. царскія династіи въ Англіи вели себя иногда отъ *Водана* (Одица), иногда же считали его только однимъ изъ своихъ родовыхъ колѣнниковъ: но всегда весь народъ поклонялся Славянскимъ богамъ *Чернобогу* и *Сибь*, а, по позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, въ Германіи онъ поклонялся также *Бьль-богу*. Религиозное же первенство не могло не быть сопряжено съ огромнымъ вліяніемъ на весь бытъ жизни, на строй и ладъ ума. Вліяніе Славянъ на самый языкъ древнихъ Англо-Саксовъ совсѣмъ не оцѣнено; но оно является при самомъ поверхностномъ изученіи во множествѣ

словъ. Таковы напр. *вашъ* въ началѣ слова *wassail*, седло (жилица) въ *settle*, *сей* въ *se*; огромный въ *rimne*; опять въ *est*; *лада* (жена) въ *lady*; *любовь* (любы) въ *lufu* *самый* въ *same*; *вѣкъ*, *вѣчный* въ *ese*, *esan*; *суть*, *сущій* въ *sooth* (*sothan*); *хльбъ* въ *hlaf*; *владыка* (котораго корень находится въ *въ ладить* — удадитель, т. е. миротворецъ, а не въ *воля* и *дьятъ*) въ Саксонскомъ *vledyk*, и т. д. Но одни имена боговъ уже представляютъ свидѣтельство, къ которому нечего и прибавлять.

Союзъ Саксонскій сталъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ многіе прежніе союзы (напр. Готы, Вандалы, Бургундцы и пр.) стали выселяться на юго-востокъ, или подвигаться къ западу, какъ Франки.

Вскорѣ съ ужасомъ узнала про Саксовъ слабѣющая имперія. Иногда дружины ихъ, пробиваясь сухимъ путемъ между сильными племенами Прирейнскими, доходили до границъ Галліи, но гораздо чаще налетали ихъ корабли на незащищенные ея берега. Противъ Саксовъ были безсильны Римскіе флоты; вскорѣ безсильною оказалась и новоучрежденная береговая стража. Новая гроза явилася для западной имперіи изъ пучинъ Океана, доселѣ охранявшаго ея предѣлы. Франки, лишенные своихъ прибыльныхъ разбоевъ морскихъ, видѣли со страхомъ возростающую силу Саксовъ на западѣ. Сѣверный и западный берегъ Галліи уже носилъ имя берега Саксонскаго и завоеватели врѣзались глубже и глубже въ Римскую область, очевидно приготавлиаясь къ основанію сильнаго государства. Общая опасность и общая вражда соединили Римлянъ и Франковъ. Ихъ совокупныя усилія остановили успѣхи Саксонцевъ: но гроза еще не миновалась. Судьба отвела ее на сѣверъ и опредѣлила другое поприще для славы и завоеваній морскихъ витязей.

Британія (т. е. Англія и Шотландія) долго была подчинена Римскимъ законамъ, за исключеніемъ ея сѣверныхъ оконечностей. Немногочисленные туземцы, по большей части Кельты и Кельто-Кумрійцы или Беолги съ примѣсью Иберцевъ на юго-западѣ и Славянъ (Менапьевъ. Мориновъ, а иног-

да и Венетовъ западныхъ) покорились послѣ не безславнаго сопротивленія. Провинція была романизована также какъ Галлія и получила новую жизнь просвѣщенія, градостроительства и законнаго порядка. Но и въ Британніи, какъ и вездѣ, эта жизнь полицейскаго благоустройства и тишины и даже роскоши осталась безплодною. Она создала города, башни и дворцы: она не создала духа и силы. Когда ослабла держава міровластительнаго Рима, наемныя дружины Германскихъ дикарей стали охранять заморскую провинцію, отражая другихъ сѣверныхъ дикарей, угнетая жителей, а иногда возводя на временный престолъ временныхъ императоровъ, которыхъ притязанія распространялись на близлежащую Галлію. Британнія повторяла въ своемъ тѣсномъ просторѣ тѣ жалкія явленія, которыя представлялъ весь современный западъ. Наступило время паденія для Рима. Области его наводнены были племенами Германскими; борьба съ Гуннами нанесла ему смертельный ударъ. Въ то время остатки легионовъ и военныхъ силъ въ Британніи возвели въ чинъ императорскій человека мужественнаго и предприимчиваго. Онъ могъ бы по всей вѣроятности удалить еще на долго гибель провинціи. Безумное желаніе обширнѣйшаго царства, можетъ быть безумная надежда спасти западную имперію, увлекли его на югъ. Всѣ воинскія силы Британніи послѣдовали за нимъ, и уже не возвращались. Далекій островъ былъ предоставленъ собственному безсилію. Не велики были опасности, угрожавшія ему: Франки и Саксы были заняты Галліею; а сѣверные горцы (*Пикты* и *Скоты* или Каледонцы) были такъ ничтожны, что достаточно было одного легиона для ихъ укрощенія. Опасность была одна, неизбѣжная, неотвратимая, — внутренняя безжизненность.

Христіанство давно проникло въ Британнію изъ Галліи; но вѣроятно не изъ одной Галліи: ибо во многихъ отношеніяхъ развитіе его было богаче и плодотворнѣе у Кельтовъ Британскихъ, чѣмъ у Кельтовъ южныхъ. Оно проникло и за предѣлы имперіи въ зеленый островъ, охраняемый Океаномъ отъ Римскаго меча. Тамъ проповѣдь была не въ однихъ городахъ;

народъ былъ цѣльный, говорящій однимъ языкомъ и живущій одною жизнію; духовенство было съ народомъ и отъ народа; оно распространяло не нарѣчіе Римлянъ, а ученіе Евреевъ.

Тамъ христіанство не было связано съ властію и съ гражданскимъ порядкомъ строгаго Римскаго права; оно не было и не могло быть институтомъ; оно шло отъ человѣка къ человѣку, отъ мысли къ мысли и сохраняло свой характеръ вѣры и мысли. Наконецъ оно проповѣдывалось не одними учителями западнаго міра. Римъ не зналъ торговли; но сильное торговое движеніе происходило въ Римскихъ областяхъ мимо начальствъ и властей. Пристани Ирландіи (мы на это имѣемъ свидѣтельство современное) были чаще и болѣе посѣщаемы мореходцами, чѣмъ гавани Британніи и сѣверной Галліи; и нѣтъ сомнѣнія, что много изъ этихъ кораблей шли изъ той дальней области Смѣлыхъ семитовъ, нѣкогда бороздившихъ всѣ волны всѣхъ океановъ и никогда не забывавшихъ своей прежней славы и прежняго достоинства, до окончательнаго паденія своего передъ Средне-Азійскою грозою. Таковы преданія Зеленаго Острова и западной Британніи, состоявшей съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Зато и христіанство получило въ немъ характеръ совершенно чуждый всему западу и вполне подобный восточному; зато жизнь духовная проявилась въ немъ въ своемъ личномъ величіи, а не въ припадительности внѣшней; зато Ирландія озаряла западную половину средней Европы свѣтомъ своей теплой и живой вѣры и заслужила отъ невольнаго удивленія современниковъ высокое прозваніе *Острова святыхъ*. Безпристрастная оцѣнка духовнаго состоянія Ирландіи (еще не вполне обращенной къ новой вѣрѣ, но глубоко проникнутой ею) одно только можетъ объяснить исторію Британніи послѣ удаленія Римской и отчасти провинціальной военной силы. Восточная и юго-восточная Британнія утратила всю самобытность жизни народнои и усвоила себѣ всю внѣшность и всю мертвенность Римскаго міра. Обычаи были Римскіе, нарѣчіе и большая часть населенія городовъ, созданныхъ Римомъ, были Римскія. Когда удалилась защита легионовъ и войско, образованное по общему образцу имперіи,

Британія явилась безсильною противъ ничтожныхъ враговъ своихъ, дикихъ жителей Каледоніи. Запылали села и города, кровь полилась струями съ конца въ копецъ несчастной области. Глубокое отчаяніе пробудило минутную энергію. Дикари были побѣждены и выгнаны: по долгая борьба была не по силамъ народу, привыкшему жить подъ чужимъ щитомъ и чужимъ разумомъ. Онъ призвалъ извнѣ защитниковъ, будущихъ владыкъ. Тогда явилось противодѣйство.

Христіанство обняло не только восточную и южную Британію, вполнѣ подчиненную Римлянамъ; оно захватило также и полу-независимый западъ ея и вполнѣ независимые округа гористаго сѣверо-запада. Но характеръ его былъ разный по различію отношеній туземцевъ къ Риму. Романизованная область походила во всемъ на Галлію, съ тою только разницею, что близость Эрица и независимыхъ округовъ, принявшихъ христіанство, сообщала ученію церковному стремленіе болѣе духовное и внутреннее, жизнь болѣе свободную отъ политическаго вліянія всемірной державы. Въ Ирландіи христіанство, вполнѣ свободное отъ примѣси Римской, развивалось согласно съ характеромъ народа и смѣшивалось часто съ тайными ученіями древней мѣстной религіи, высокой и отвлеченной, но суровой и заклинательной, какъ всѣ религіи, принявшія на себя печать Палестинскихъ или Финикійскихъ Кушитовъ.

Вѣра и развитіе ученія очистили во многомъ христіанство Ирландіи прежде его вторичнаго искаженія; но всѣ свидѣтельства объ *культурахъ*, какъ въ Ирландіи, такъ и въ Шотландіи, объ многихъ святыхъ о самомъ Патрікии указываютъ на переходъ изъ друидизма въ христіанство и на преобладаніе заклинательнаго начала, замѣтнаго иногда, хотя въ меньшей степеніи (по причинѣ соудства съ Иранскою Элладой) въ сказаніяхъ объ жизни отшельниковъ или учителей области Бушитской, т. е. Египта и южной Сиріи.

Вліяніе Ирландіи на Британію было полезно во многомъ: отъ удашло разумѣніе высшее, духовная рѣчь на языкѣ народномъ и желаніе проникнуть въ смыслъ вѣры, подоволь-

стываясь обрядомъ и институтомъ. Британія и земля Ирландскихъ Скотовъ обращали въ продолженіи многихъ вѣковъ вооры свои на Востокъ, какъ на источникъ просвѣщенія, пренебрегая темнымъ Западомъ. Личная мысль, долго подавленная исключительною государственностью Рима, пробуждалась и стремилась къ новымъ путямъ знанія; но пробужденная мысль дала на крайнемъ западѣ, также какъ и на востокѣ, поводъ къ раздорамъ въ мірѣ христіанскомъ. Пелагій и его сотрудники создали ученіе о свободѣ воли, долго волновавшее церковь. Оно было отвергнуто; оно противно основному положенію христіанства о необходимости утраты чело-вѣческой личности для пріобрѣтенія высшей личности въ нѣдрахъ Божества: но оно важно какъ свидѣтельство о превосходной умственной жизни въ Кельтскомъ сѣверѣ передъ романизованнымъ западомъ; оно еще важнѣе какъ свидѣтельство объ юридическомъ направленіи самаго догмата въ мірѣ, болѣе или менѣе получившемъ первые зачатки просвѣщенія изъ чисто-юридическаго Рима. Патріархи Римскіе преслѣдовали пелагианство: они посылали учителей своихъ на словесную войну въ области заокеаническія (напр. Палладія, смѣшаннаго впоследствии съ древнѣйшимъ Патрікіемъ не безъ намѣренія); они побѣдили, изгладивъ повидимому пелагианство, но прошли вѣка и Римскій католицизмъ сталъ проповѣдывать и предписывать постановленія, въ которыхъ отзывается характеръ Пелагіева ученія.

Разбирать, до какой степени правъ Востокъ, когда онъ обвиняетъ Западъ въ полу-пелагианствѣ, дѣло богослововъ, а не историковъ: но историкъ обязанъ замѣтить, что пелагианство представляетъ стремленіе къ опредѣленію взаимныхъ юридическихъ отношеній Бога и чело-вѣка, и что позднѣйшее ученіе Рима стремится къ тому же опредѣленію, строго и постоянно удерживая личность чело-вѣка, какъ дѣйствующую самобытно и получающую права внѣ благодати или, по крайней мѣрѣ, сверхъ милосердія Божіаго (*acta meritoria, merita sanctorum* и т. д.). Историкъ обязанъ это замѣтить, дабы уразумѣть исторію: ибо развитіе судебъ чело-вѣчества темно для того, кто не понимаетъ его духовнаго развитія.

Другое вліяніе Эрина, какъ средоточія независимой жизни кельтской, выразилось въ горныхъ округахъ западной Британніи. Христіанство Валлійцевъ и Скотовъ, занявшихъ уже часть береговъ противоположныхъ Ирландіи, приняло направленіе совершенно чуждое своимъ началамъ. Оно сдѣлалось достояніемъ друидовъ, заклинателей и пѣвцовъ и перешло въ мистическое ученіе, принадлежащее во всѣхъ отношеніяхъ темному и страстному міру древнихъ мифологій. Тутъ ярко пробудилась энергія воли и дѣйствія, тутъ загремѣла могучая пѣснь, которою Кельты могутъ гордиться, какъ древнѣйшимъ памятникомъ сѣверной словесности; тутъ раздались голоса *Аневрина*, *Лливаркъ-гена* и *Таліесина* и созданъ цѣлый сказочный міръ фантазіи, въ которомъ черпала вся Европа; міръ роскошный, дивныя пѣсни, первые листы того поэтического вѣнца, который назпаченъ былъ островамъ Британскимъ. Эта таинственная поэзія съ ея кровожаднымъ восторгомъ, эта дикая сила воли и стремленіе къ жизни боевой были чужды христіанству и чужды романизованному востоку Британніи. Они явились, какъ противодѣйствіе, въ ту эпоху, когда жители провинціи, привыкшей къ нѣгѣ и миру, утомились борьбою съ Каледонскими дикарями и призвали на зацигу другихъ, болѣе опасныхъ дикарей.

Характеръ движенія Кумрійскаго во время нашествія Саксовъ выражается очень ясно въ современныхъ пѣсняхъ, полныхъ символовъ и заклинаній, и въ мифическихъ лицахъ волхва-Мерлипа (или *Мердина*) и особенно Артура, котораго исторія не смѣетъ до сихъ поръ ни принять, ни перекоръ лѣтописцамъ, ни отвергнуть, ни перекоръ поэтамъ и преданіямъ. Безпристрастная критика узнаетъ въ языкѣ пѣсенъ, также какъ въ Мерлинѣ, въ Артурѣ и его кругломъ столѣ (эмблемѣ солнца или міра), въ разсказахъ о святомъ копѣѣ, о чашѣ святаго Грааля, о борьбѣ драконовъ и пр., тотъ языкъ древнихъ таинствъ, въ которомъ ничто не называется, а все облекается въ символъ (какъ напр. *Артуръ* — символъ Кумрійцевъ, *Мердинъ* — символъ самыхъ друидовъ); ту слѣпую мудрость жреческихъ насть, которая вкладываетъ въ ежедневный историческій міръ свой про-

извольный смысл, понятный только для посвященных, и то уродливое сочетание христианства съ друидизмомъ, которое должно было развиться въ отдаленной области, не совсѣмъ утратившей своей народной друидической жизни и оторванной отъ благодѣтельной опеки остального христіанскаго общества. Внимательное изученіе памятниковъ покажетъ вѣроятно въ мифологіи Артурова цикла много примѣси изъ другихъ мифологій, распространившихся по всей имперіи въ первые вѣка христіанства (напр. слѣды таинствъ Присвѣтленнаго *Митры*): но уже и теперь можно видѣть вліяніе Римской власти въ понятіи объ вождѣ, какъ императорѣ, и во многихъ другихъ подробностяхъ. Точно также можно угадать и распространеніе этихъ новыхъ тайныхъ ученій Валлиса Кумрійскаго на Арморикку (какъ видно изъ преданій города Туръ) и сочувствіе съ ними прибрежанской Венетіи, засвидѣтельствованное присутствіемъ князя *Передура* изъ племени Венетовъ (западныхъ Славянъ) въ рыцарскомъ кругѣ мифическаго Валлійскаго героя.

Саксы и
Англы,
завоева-
тели Бри-
танніи.

Саксы, приглашенные на помощь изнѣженными жителями восточной Британніи, выговорили себѣ во владѣніе нѣсколько прибрежныхъ округовъ и мелкихъ острововъ. Они съ усѣхъ служили князьямъ Кельто-Романскимъ противъ Пиктовъ и Скотовъ и освободили область отъ набѣговъ съ сѣвера; но они служили имъ также (это очевидно изъ лѣтописей) въ домашней распрѣ съ независимыми князьями гористаго запада. Употребленные сперва полу-Римлянами, какъ орудіе противъ враговъ внѣшнихъ и противъ чисто-народнаго начала, они скоро узнали свою силу и безсиліе туземцевъ и сдѣлались завоевателями. Корабль за кораблемъ приставалъ къ берегамъ Британніи; дружина за дружиною вступала въ несчастную область и всѣ съ мечемъ и огнемъ и наспіемъ. Опомилась, но слишкомъ поздно, полу-Римскіе туземцы: они вступали въ битву съ Германскими пришельцами и были побѣждены. Тогда возстали въ силѣ своей народности вольполюбивые горцы Валлиса и Корнвалляса и сѣверо-западной Кумріи. Восторженные, безстрашные, гордые народными воспоминаніями и никогда вполне неутраченную вольностію, они начали вѣ-

ковую, печальную, но славную борьбу съ завоевателемъ. Часто бѣжали твердые ряды Саксовъ передъ пылкимъ налетомъ ополченій Кумрійскихъ; часто поэты Валлійскіе пѣли близкое освобожденіе края и надежду скорого торжества; но корабль за кораблемъ приставалъ къ берегамъ Британніи, но дружина за дружиною приплывала изъ Галліи, отъ приморья Саксонскаго и изъ неистощенной Германіи; но въ Кумрійцахъ были раздоры между мелкими владѣльцами, въ вѣрѣ ихъ полу-христіанской, полу-друидической было внутреннее раздвоеніе, а дружины Саксонскія всегда были готовы соединиться противъ общаго врага подъ начальствомъ общаго вождя (*брейтовалла*); но Валлійцы освободители были по причинамъ религіознымъ также ненавистны полу-Римскому населенію Британніи, какъ и завоеватели-Саксонцы. Гибель была неизбѣжна.

Враждебныя отношенія между поэтомъ, послѣдникомъ друидовъ, и духовенствомъ, между Кельто-Кумрійцемъ, сохранившимъ большую часть своей народности, и тѣмъ же Кельтомъ романизованнымъ, выступаютъ очень ярко при сличеніи лѣтописцевъ современныхъ, писавшихъ на языкѣ латинскомъ (напр. *Гильдаса* или *Неннія*) и легендъ о святыхъ съ поэмами *Аливаркъ - гена* или *Талиссина*. Этой вражды не должно смѣшивать съ другою враждою, принадлежащею позднѣйшей эпохѣ. Христіанство мало-по-малу одолѣло (хотя и не совсѣмъ изгладило) начало языческое, а споръ стихій Кельтской и Римской затихъ въ погибели всей романизованной (юго-восточной) области. Тогда началась новая вражда Кельта и его духовенства мѣстнаго противъ ново-пришлаго духовенства, принесшаго новое ученіе, созданное въ Италіи въ продолженіи VI-го и VII-го столѣтій. Но въ Гильдасѣ, во многихъ легендахъ и древнѣйшихъ поэзіяхъ слышится отголосокъ первой борьбы между двумя противоположными началами въ народности и духовномъ развитіи. Конецъ V-го и начало VI-го вѣка, героическая эпоха Валдиса и его системы союзныхъ племенъ, представляютъ возстаніе всего народнаго противу всего прошлаго, и изъ внутренняго несогласія объясняется равнодушіе восточной, полу-Римской, городской, чисто-христіанской (въ смыслѣ западномъ) части Британніи къ благороднымъ усиліямъ западной части, сомкнувшейся

въ систему глановъ и стремящейся равно къ освобожденію отечества отъ Саксовъ и къ уничтоженію всѣхъ Римскихъ стихій, какъ въ языкѣ, такъ и въ бытѣ. Нѣкоторые новые критики видятъ въ преданіяхъ Кумрійскихъ слѣды сочувствія съ Гуннами и смутное ожиданіе свободы отъ побѣдъ Аттилы. Доказательство ихъ слишкомъ слабо, но предположеніе ихъ кажется вѣроятнымъ тому, кто пойметъ анти-Римское значеніе Кумрійскаго движенія въ V-мъ и VI-мъ вѣкѣ, явную враждебность Гунновъ къ Германцамъ и слѣдовательно общность цѣлей между великими завоевателями востока и мелкимъ племенемъ, бодро отстаивавшимъ свою свободу въ горахъ крайняго сѣверо-запада. Явный союзъ Кумрійцевъ съ Венетами западными, засвидѣтельствованный сказочными преданіями и легко понятный изъ присутствія Вендскихъ, Моринскихъ и Менапскихъ торговыхъ колоній не только на западномъ берегѣ Британніи, но и на восточномъ берегѣ Ирландіи, служить также объясненіемъ тайнаго сочувствія Валлиса съ Гуннами.

Тщетны были всѣ усилія мужественныхъ Кельто-Кумрійцевъ противъ безпрестанно возрастающаго напора Саксовъ и противъ равнодушія или вражды своихъ восточныхъ братьевъ. Пришельцы Германскіе стали твердою ногою въ Британніи и втѣснили туземцевъ въ западныя горы; гдѣ они успѣли сохранить свою свободу до времени Норманскихъ, а свою народность отчасти до нашего времени.

Саксы, проникая въ Британнію по всему протяженію восточнаго и юго-восточнаго берега, подвигались впередъ твердымъ шагомъ и никогда не довольствовались набѣгами, но всегда основывали мелкія государства, связанныя между собою только общею обязанностию защиты противъ общаго врага. Каждое государство, основанное дружиною, признавало паслѣдственные права потомковъ перваго ея вождя. Каждое было пезависимо отъ другихъ, по всѣмъ признавали также права котораго набудъ изъ мелкихъ князей на предводительство всенародной дружины въ войнѣ противъ Кумрійцевъ; слѣдовательно вся система носила на себѣ характеръ федераціи или условной общины. Внутреннее устройство княженій и весь складъ жизни, введенный Саксами, различался также весьма много отъ устрой-

ства и быта другихъ государствъ, основанныхъ иными племенами Германскими въ западной Европѣ. Народонаселеніе туземное было немногочисленно; но оно не скоро покорилось. Вездѣ билось оно долго и мужественно противъ своихъ завоевателей. Побѣжденное, оно умирало или бѣжало въ горы еще свободныя или падало подъ иго полного рабства. Такимъ образомъ не осталось въ Британніи народа покореннаго дружинѣ, не осталось тѣхъ двухъ слоевъ, которыхъ борьба отозвалась во всей исторіи Запада. Самые города, взятые приступомъ, опустошенные, расхищенные, лишились большей части своихъ жителей и наполнялись новыми изъ племени завоевателей. За всѣмъ тѣмъ не всѣ жители городовъ погибли. Сохранились въ стѣнахъ древнихъ Римскихъ колоній остатки древняго мѣшаннаго населенія съ полу-Римскимъ нарѣчіемъ и съ памятью прежней полу-образованной жизни. Они участвовали вѣроятно въ позднѣйшемъ развитіи торговли, но мало участвовали въ общей народной жизни, и ихъ равнодушіе объясняетъ отчасти слабое сопротивленіе Саксонской земли во время Норманскаго нашествія и ту силу Римской стихіи въ Англійскомъ языкѣ, которую трудно приписать однимъ, слишкомъ малочисленнымъ Норманнамъ.

Британніа перемѣнила свое имя: она назвалась Англіею по одному изъ завоевательныхъ племенъ.

Трудно сказать, какія семьи въ Саксонскомъ союзѣ принадлежали міру Германскому, какія Славянскому: по всей вѣроятности большая часть состояла изъ семей мѣшанныхъ. Самые Саксы, безспорно немногочисленные пришельцы съ сѣвера, носили имя Германское, взятое отъ оружія. Юты носили грозное имя семьи Кимрской, прославленное въ долгой борьбѣ съ Азами-Сарматами. Имена Англовъ и Вариновъ сомнительны: но частое ихъ соединеніе въ Германіи съ *Тюрингами* (*Thüring* или часто *Düring*) заставляетъ предполагать въ Англахъ и Тюрингахъ начало Славянское, скрытое измѣненіемъ звука *в* въ придыханіе и разложеніемъ буквы *у* въ звукъ носовой *ан*, именно названія нерѣдкія между семьями Славянскими—*Уличей* и *Тверичей*. Впрочемъ имена не указываютъ еще на племенной со-

ставъ народовъ. Побѣдители сплоскъ принимали новое имя отъ завоеванныхъ областей.

Религія Саксовъ представляетъ явные признаки Славянской примѣсы; тѣ же признаки замѣтны въ языкѣ, а еще болѣе въ исторіи и бытѣ. Отъ Славянъ, единственныхъ древнихъ мореходцевъ Сѣвера, быстрое развитіе мореплаванія, отъ Славянъ общинное устройство (хотя и не въ полномъ его развитіи); отъ нихъ же правленіе *вѣчвое* (*виттена*) и судъ присяжныхъ (или цѣловальныхъ или поротниковъ), требующій единогласія, какъ все органическое требуетъ безусловнаго единства.

Суда присяжныхъ искали въ Германцахъ и не нашли, въ Кельтахъ и Бумрійцахъ, также безъ успѣха. Новые ученые наконецъ начали догадываться, что онѣ могъ быть заняты отъ Славянъ. Давно пора было справедливость новыхъ выводовъ, часто удивляющихъ своею неожиданностью самихъ писателей, остается еще сомнительною для просвѣщеннаго міра. Таково слѣдствіе гордаго пренебреженія къ племени теперь обладающему восточною Европою, иѣкогда жителю всей средней Европы. Безъ знанія быта и языка Славянскаго многое должно быть непонятнымъ въ исторіи Саксовъ, начиная съ религіи.

Саксонцы пришли въ Британнію дружинами и признали права тѣхъ родовъ, около которыхъ собирались первыя дружины. Этотъ характеръ остался за ними навсегда. Но въ то же время всѣ вмѣстѣ составляли дружину народную, а не дружину одного князя и поэтому требовали вольности народной. Они пришли изъ страны, въ которой сохранилась простота общиннаго быта: они не приняли еще на себя печати аристократической; они требовали земли для житья, а не народа для порабощенія. Пахарями и тружениками поселились они въ областяхъ взятыхъ съ боя. Земля была общинною: округъ представлялъ собою живое и органическое лице. Таково было ихъ первоначальное устройство. Въ позднѣйшее время, очевидно богатство стало сосредоточиваться въ руки знатныхъ родовъ

и общины стали бѣднѣть; многое чисто-дружинное введено было Датчанами; сперва завоевателями, потомъ побратавшимися съ Саксами; но побѣда Вильгельма Норманскаго не допустила ни полнаго искаженія, ни возврата къ старинѣ. Одно только вѣрно: всё прекрасное, чѣмъ гордится современная Англія, завѣщено ей первыми пришельцами изъ Славяно-Германской земли.

Бурно и кроваво, но не безславно, было почти 6-ти вѣковое владычество Англо-Саксовъ въ Англіи. Твердостью и постояннымъ мужествомъ побѣдили они стремительное нападеніе Кельто-Кумрійцевъ и заключили ихъ въ предѣлы горныхъ областей; долгою и жестокою борьбою приобрѣли они себѣ новое отечество и распространили власть свою за границы Англіи до подошвы горныхъ твердынь Шотландіи; рядомъ блистательныхъ подвиговъ отстояли они свою свободу отъ Датчанъ и Норманцевъ, грозы всей Европы, и наконецъ, сражаясь въ продолженіи цѣлаго дня противъ несравненно-многочисленнѣйшаго ополченія Вильгельма Завоевателя на роковыхъ поляхъ Гастингса, они даже въ паденіи своемъ доказали превосходство свое передъ побѣдителями и дали залогъ будущаго величія и будущихъ торжествъ, добытыхъ для Англіи не мечемъ ея Норманскихъ рыцарей, но желѣзною крѣпостью ея Саксонскихъ стрѣлковъ, *гомановъ*. Цари Англо-Саксонскіе, достойные представители благороднаго народа, неустрашимые въ брани, заслужили и другую, лучшую славу правдолюбіемъ и покровительствомъ наукъ.

Даже свирѣпый старикъ Шенда, кровожадный гонитель христіанства, говорилъ: «я ихъ казню, не потому что они христіане, но потому что, исповѣдуя христіанство, они не исполняютъ его законовъ,» и въ немъ это не было явнымъ лицемеріемъ, но выраженіемъ внутренней, строгой правды.

Имена Альфреда Великаго, побѣдоноснаго Ательстана, воспитателя трехъ государей (Алена, освободителя Бретани, Людвига Заморскаго и Гакона Добраго) блестятъ кроткимъ блес-

комъ человѣческаго величія, неизвѣстнаго въ лѣтописяхъ другихъ современныхъ народовъ. Языкъ Англо-Саксонскій служилъ покорнымъ орудіемъ мысли, выраженіемъ духовнаго созерцанія и голосомъ вдохновенной поэзіи. Жизнь развивалась цѣльна и могущественна, не смотря на смуты внутреннія и на безпрестанныя бѣдствія отъ нашествія иноплеменцевъ.

Медленно развилось христіанство между Англо-Саксами. Они пришли въ Британію ревностными идолопоклонцами, они вступили въ борьбу съ туземцами христіанами и долго питали вражду противъ народа и вѣры его. Но высокій разумъ племени Германскаго не могъ противиться высокому ученію, проповѣдуемому во всей его простотѣ. Учители изъ Ирландіи и даже земель Валлійскихъ обратили значительную часть побѣдителей и приготовили братское сближеніе между ими и побѣжденными. Къ этой проповѣди, медленной, но плодотворной, присоединилась скоро другая, прославившаяся своимъ быстрымъ успѣхомъ и намятная по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ. Римъ, еще не отдѣлившійся отъ Востока и не сомкнувшій церковь западную въ форму единой державы, но уже быстро стремящійся къ цѣли не вполне сознанный, послалъ учителей на дальній и почти забытый островъ. Блескъ и пышность сопровождали новыхъ учителей. Гордое сознаніе силъ и гордое стремленіе къ власти обозначили ихъ первые шаги. Слова мира и любви, принесенныя издалека, были приняты радостно Англо-Саксами: но проповѣдники Римскіе видѣли враговъ въ прежнихъ христіанахъ, не признающихъ власти Римскаго епископа, и стремились также ревностно къ искорененію прежней церкви (по ихъ мнѣнію еретической), какъ и къ обращенію идолопоклонниковъ. Земля Британская была залита кровію христіанъ и духовныхъ лицъ, зарѣзанныхъ по приказанію властолюбивыхъ посланниковъ Рима. Мало-по-малу всѣ Англо-Саксы приняли новое ученіе. Они приняли его не какъ внѣшнее учрежденіе, но какъ внутреннее сокровище мысли. Цари, смиряя гордость свою, вступили въ званіе иноковъ, шли на поклоненіе къ далекимъ святынямъ и чистотою жизни стяжали сами славу добродѣтели и

святости. Съ другой стороны вражда между Саксонъ и Кельтѣмъ, которая исчезла бы вѣроятно подъ вліяніемъ одного общаго духа религіознаго, усиливалась враждою духовенства Римскаго и Кельтскаго, и церковь Саксонская, образуясь подъ нравленіемъ проповѣдниковъ, пришедшихъ изъ Италіи и Галліи характеръ правительственной внѣшности, приняла мало-помалу тотъ же внѣшній характеръ, который былъ общимъ на всемъ западѣ; но она приняла его не вполне.

Христіанство перешло къ Саксамъ не черезъ политическіе расчеты государей, не черезъ подражаніе другимъ соплеменнымъ народамъ или черезъ сожителство съ покоренными христіанами, но какъ живая мысль, высказанная и сознавая человѣческимъ разумомъ. Въ немъ было уже цѣлое просвѣщеніе. Грубой внѣшности Римской проповѣди противодѣйствовало полу-друидическое, но исполненное поэзіи и силы ученіе Скотовъ и сѣверныхъ Кумрійцевъ; еще болѣе противодѣйствовало ему почти первобытное ученіе церкви Ирландской и церквей, основанныхъ Ирландцами въ землѣ Саксонской. Борьба началъ поддерживала величіе вѣры и не допускала ее замертвѣть въ обрядѣ. Изъ Ирландіи гремѣли голоса, призывающіе всѣхъ христіанъ къ согласію, церковь къ чистотѣ и къ твердости въ преданіи, людей къ размышленію и созерцанію. Ирландскіе проповѣдники возставали противъ притязаній Римскаго епископа и, проходя всю западную Европу до предѣловъ Славянскихъ и Византійскихъ, пробудили духъ человѣческой изъ усыпленія невѣжества и религіозной внѣшности. Новообращенные Англо-Саксы, ревностные и безстрашные, завоевывали для христіанства землю Зарейнскихъ Германцевъ и переносили на свѣжую почву жаръ проповѣди, зачатый у Кельта, и стремленіе къ государственному строенію церкви, занятое у Римлянина. Жизнь духовная кипѣла на сѣверо-западномъ концѣ Европы; по борьба разгоралась со дня на день. Безпрестанно возрастали притязанія Рима, безпрестанно приходили къ Англо-Саксамъ его посланцы съ новыми ученіями и новыми требованіями. Монашество Бенедиктинское вооружилось противъ духовен-

ства туземнаго; государство разрывалось внутренними междоусобіями; слѣдствіемъ разнородныхъ исповѣданій. Кровь лилась въ религиозномъ спорѣ: народъ и правительство враждовали другъ противъ друга. Страстная и свирѣпая дѣятельность епископа Одона, глубокое лицемѣріе Дунстана, бездушнаго орудія бездушнаго Іоанна XII, и одичаніе Ирландіи, затопленной Норманнами, доставили началу Римскому побѣду надъ туземнымъ. Государство ослабло; народная жизнь исказилась; Датчане временно завоевали наслѣдіе Альфреда Великаго, и наконецъ вся свобода, вся слава ослабшихъ Англо-Саксовъ исчезли подъ налетомъ Норманцевъ Французскихъ: но умственная жизнь погибла не безъ слѣдовъ, и нынѣшняя владычица Океановъ получила въ наслѣдіе отъ Славяно-Германскихъ колонистовъ сокровище мысли вмѣстѣ съ сокровищемъ лучшей жизни общественной.

Лонгобарды въ Италіи.

Безплодно для человѣчества было завоеваніе Италіи Лонгобардами, хотя многое въ ихъ законахъ обличаетъ довольно близкое сходство съ Саксонцами. Сначала свирѣпые и развратные какъ Франки, но славолюбивые и мужественные; потомъ (вслѣдствіе вліянія Итальянскихъ и Византійскихъ нравовъ) извѣщенные и хитрые; они не оставили по себѣ ни одного добраго или величественнаго воспоминанія. Формою правленія было дружинное безначаліе, покоряющееся по неволѣ власти королевской для сопротивленія внѣшнимъ врагамъ. Но самая дружина не была ни чисто личною (какъ у Меровинговъ), ни вполне свободною, ибо съ самаго начала являются герцоги какъ правители почти независимые. Внутренняя связь, уже сама по себѣ слабая, была еще ослаблена разницею вѣроисповѣданія; ибо часть Лонгобардовъ, принявшая христіанство до завоеванія Италіи отъ Готскихъ учителей, принадлежала аріанскому, а другая часть, принявшая христіанство въ Италіи, Никейскому исповѣданію. Безсиліе Лонгобардовъ не могло покорить всей Заальпійской области. Югъ принадлежалъ Византіи и потомъ отчасти Сарацинамъ, Римъ и Равенна признавали также надъ собою власть Восточнаго императора, или на дѣлѣ, или въ актахъ правительственныхъ. Дружина Германская находила

враговъ въ подданныхъ угнетенныхъ до крайности (ибо рабы не имѣли даже законнаго брака), въ хитромъ и властолюбивомъ духовенствѣ, въ пропырливой Византіи, всегда старавшейся питать раздоры въ Итали и сохранявшей надежду на будущее ея завоеваніе, въ глубоко-расчетливой политикѣ Римскихъ епископовъ, сознавшихъ свою силу и стремившихся къ ослабленію всякой государственной власти въ своемъ ближайшемъ сосѣдствѣ и къ основанію отдѣльной церковно-политической державы, во всемірной грозѣ Сарациновъ и болѣе всего въ собственномъ стремленіи къ распаденію на разныя княжества (Тосканское, Сиоветское, Беневентское и др.). Безъ славы, безъ поэзіи, безъ языка писаннаго, безъ науки, прошли Лонгобарды, задавленные властію Франковъ и оставивъ по себѣ только сѣмена будущихъ раздоровъ для Итали въ арианствѣ и въ разобщенности жизни. Другое, важнѣйшее послѣдствіе почти трехвѣковаго Лонгобардскаго владычества было отдѣленіе Рима отъ Восточной имперіи и основаніе папскаго княжества, изъ котораго возникла громада Западно-церковнаго государства, полная внѣшней силы и величія, лишенная внутренней стройности и животворнаго организма духовнаго.

Подобно Лонгобардамъ погибли и Вестготы въ Испаніи. Для царства ихъ были эпохи военной славы. Силою оружія побѣдили они соперниковъ своихъ, Сармато-Алаповъ и Свевовъ, изгнали Византійцевъ послѣ кровавой борьбы изъ областей приморскихъ, завоевали часть Мавританіи, нѣсколько разъ на морѣ побѣждали ополченія Аравійскія; но славы лучшей, человеческой она не приобрѣли. Долгое пребываніе между народами кроткоправными или просвѣщенными и христіанство, принятое еще на востокѣ, смягчили отчасти ихъ воинственную дикость и поставили ихъ въ нравственномъ отношеніи далеко выше свирѣпаго Лонгобарда и бездушнаго Франка; по многовѣковое скитаніе по землѣ чужой, служба чужой (Византійской) власти и смѣшеніе съ чуждыми стихіями отвяли у нихъ часть прежняго характера и энергію свѣжаго, молодого народа. Немногочисленна была дружина и завоевателей Испаніи, а земля обширна, богата и полна еще остатковъ

Вестготы въ Испаніи. Измѣненіе символа вѣры.

древней роскоши и вещественнаго просвѣщенія, данаго Римомъ побѣжденному міру. Слабая народность Готская не могла устоять. Забыты были древнія героическія пѣсни, искажился языкъ грубо-механическимъ смѣшеніемъ стихій съ туземнымъ полу-римскимъ нарѣчіемъ, замерло стремленіе къ поэзіи, невозможное для обезьязыченнаго народа, замерла возможность развитія для науки, погибли благороднѣйшіе и лучшіе порывы души человѣческой. Точно также погибла и вся народная жизнь. Завоевательная дружина, раскинутая по лицу обширной и роскошной области, разъединенная, утратившая связь кровную и даже условную связь Германскихъ дружинъ, обратилась въ безсильную аристократію, гордую и богатую, но равнодушную къ своимъ правительственнымъ правамъ и мертвую даже къ народной славѣ. Но искаженіе жизни государственной и народной, развратъ правовъ, въ одно время жестокихъ и изнѣженныхъ, равнодушіе къ отечеству и мертвенность души, всѣ глубокія и неисцѣльныя язвы, приготовившія паденіе Готскаго царства были ничтожны въ сравненіи съ искаженіемъ церковнаго быта и христіанскаго ученія. Отъ первыхъ погибло царство, не первое и не послѣднее изъ погибшихъ зданій человѣческаго произвола: отъ вторыхъ погибло единство христіанской общины и на многіе вѣка заразилась до сердца и мозга вся духовная жизнь Европы и міра.

Первые Готы завоеватели были аріане; побѣжденный народъ принадлежалъ ученію Никейскаго собора. Внутренняя слабость аріанства, невѣжество его духовныхъ старшинъ, многочисленность послѣдователей древне-церковнаго преданія, духовная связь ихъ съ остальнымъ міромъ и внутренняя логическая сила мысли дали въ Испаніи побѣду ученію соборовъ надъ вѣроисповѣданіемъ завоевателей. Мало по-малу вся Готская дружина отстала отъ аріанства: по побѣда была не легка и не безкровна. Аріанство защищалось не словомъ, а мечемъ, и вызвало противъ себя не мысль, а политическую, вооруженную власть. Готы, новообращенные къ соборному символу, связывались тѣснѣе съ народомъ и особенно съ его единственнымъ представителемъ — духовенствомъ. Церкви и мо-

настыри богатѣли; власть епископовъ возрастала со дня на день и въ то же время возрастало значеніе перваго изъ западныхъ епископовъ, епископа Римскаго, къ которому обращались глаза и надежды всѣхъ народовъ, угнетенныхъ игомъ аріанскимъ. Соборъ за соборомъ собирался для рѣшенія дѣлъ церковныхъ и вскорѣ дѣлъ государственныхъ: дружное и цѣльное сословіе лицъ духовныхъ захватывало всякій день болѣе и болѣе права всѣхъ другихъ сословій. Оно искажалось въ ожесточеніи борьбы: оно явилось ужаснымъ въ день торжества. Безнравственная и безсильная аристократія Германскихъ завоевателей утратила равнодушіемъ большую часть своихъ правительственныхъ правъ: эти права перешли къ епископамъ. Они возводили на престолъ и низводили царей, приуждая ихъ къ повиновенію страхомъ меча и мятежей; они издавали законы гражданскіе, смѣшивая ихъ съ законами церковными; они рѣшали судьбу государства: но вся эта жизнь, возникшая изъ древне-Римской, грубо государственной жизни, была жизнью внѣшней, безъ всякаго внутренняго, живаго содержанія. Нигдѣ не была такъ безпредѣльна власть западнаго духовенства. Какіе же были ея плоды? Привычное къ кровавой борьбѣ, оно послѣ побѣды издало кровавые законы противъ иновѣрцевъ, постановленія ужасныя и безнравственныя, не уступающія ни въ чемъ позднѣйшимъ постановленіямъ свирѣпой инквизиціи. Невѣжественное и гордое своимъ политическимъ значеніемъ и силою своихъ безпрестанныхъ соборовъ, оно, забывъ любовь и согласіе и неизмѣнность преданія и неприкосновенность вселенскихъ соборовъ, самовольно и безъ согласія другихъ церквей измѣнило всеобщій символъ вѣроисповѣданія. Не вдругъ согласился папа на такое измѣненіе: но онъ принужденъ былъ уступить угрозамъ гордаго духовенства и допустилъ измѣненный Символъ. Преемники слабаго папы пошли далѣе: они утвердили символъ Толедскаго собора, и христіанскій міръ былъ разорванъ на двѣ, доселѣ непримиримыя, половины и вся исторія человѣчества измѣнилась, получивъ новыя сѣмена раздора и вражды. Таковъ подвигъ духовенства Испанскаго; таковъ подвигъ Готской Испаніи.

Послѣ преступнаго торжества наступилъ день тяжкаго наказанія. На берегахъ Гвадалеады, подъ холмами Хереса де ла Фронтера, сошлось небольшое войско восторженныхъ Аравитянъ, призванное Готскими бѣглецами, съ многочисленнымъ ополченіемъ дряхлаго царства. Восемь дней длился бой, на девятый архіепископъ и дѣти царя Витицы съ ихъ дружинами подняли знамя креста и бросились на христіанъ и единокровныхъ братьевъ. Царство погибло; въ болотной грязи погибъ его послѣдній царь, роскошный и развратный, явившійся на бранное поле въ великолѣпной колесницѣ, въ золотыхъ доспѣхахъ и въ пурпуровой мантии. Почти безъ сопротивленія покорилась законамъ ислама Готская Испанія, какъ за два вѣка съ половиною покорилась Испанія Римская мечу Гота и Вандала. Города отворяли ворота свои побѣдителю, жители безмолвно преклоняли колѣна и впереди завоевательной дружины шелъ епископъ, вѣкогда епископъ, вѣкогда епископъ, теперь проповѣдникъ непобѣдимаго ислама. Такъ сошли Вестготы съ поприща исторіи. Нѣсколько сотенъ храбрыхъ воиновъ ушли въ горы Арагоніи и въ пригорья Пиренейскія, гдѣ крутыя дебри и смуты Мавро-Аравійскаго царства спасли ихъ отъ гибели и отъ совершеннаго рабства.—И снова прошло нѣсколько вѣковъ. Исламъ ослабъ; Христіанская Европа окрѣпла и новое царство, но уже не Готское, а Романское, съ малою примѣсью Гота и Франка, образовалось на Пиренейскомъ полуостровѣ и всё прежнее исчезло безъ слѣда въ бытѣ и государственной жизни. Но сѣмя зла, какъ и сѣмя добра, не гибнетъ. Разрывъ церкви, начавшійся на Толедскомъ соборѣ, совершился вполне, и духъ безнравственнаго гоненія, завѣщанный народу духовенствомъ Готской эпохи, развился во всей своей свирѣпости и зажегъ съ конца въ конецъ западной Европы позорные костры инквизиціи. Но подвигъ Испаніи еще не совершился. Великій Генуэзецъ открылъ для нея Новый Свѣтъ, и она залила этотъ Новый Свѣтъ кровью туземцевъ и озарила его пламенемъ своихъ костровъ. И опять прошло нѣсколько вѣковъ и Испанія, никогда не понимавшая вѣры иначе какъ религію высшую

и христіанство ппаче какъ какой-то новый брахманизмъ съ Кушитскими заклинаніями, бьется въ судорогахъ безсилія, полу-мертвое тѣло, брошенное на позоръ живымъ народамъ Европы.

Единство Мервейской Франціи, основанной дружиною лич-^{Завоеванія Мервинговъ на востокъ.}ною, и всегдашній союзъ съ властію духовною и съ ея главнымъ представителемъ на Западѣ, епископомъ Римскимъ, дали Мервингамъ рѣшительный перевѣсъ передъ всѣми ихъ соперниками. Завоеваніе юго-западной и западной Германіи доставило преемникамъ Хлодовика огромную область и неистощимый источникъ дружинныхъ силъ. Отношенія ихъ къ другимъ, восточнымъ семьямъ Германскимъ открыли имъ въ то же время легкое средство къ большому расширенію предѣловъ государства подъ видомъ покровительства. Освободившіеся Славяне не утратили еще завоевательнаго направленія, даннаго Гуннами. Они налегали съ востока на окраины Германскаго міра и безпрестанно угрожали вторженіемъ. Новый толчекъ былъ данъ имъ чуждымъ племенемъ Аваровъ, угнетателей и въ то же время виѣшнихъ совокупителей Славянскаго міра. Дружины Славянскія затопили Элладу и громили своихъ западныхъ сосѣдей; но этотъ напоръ, достаточный для уничтоженія или поработченія мелкихъ Германскихъ семей, не имѣлъ того могучаго единства, которое при Гуннахъ сокрушило всю Европу, Римскую и Германскую. Авары были пришлецами, иноплеменниками и инокровниками, временно совокупающими силу Славянскую для своихъ личныхъ выгодъ; Гунны были сами Славяне, единокровные и единоплеменные братья. Франки, явившись покровителями слабыхъ Германцевъ восточныхъ, побѣдили и отодвинули или покорили своихъ Славянскихъ противниковъ и расширили государство свое до Паппоніи и Карпатовъ и Альповъ Норійскихъ. Но въ то же время они покорили и братьевъ своихъ, освобожденныхъ Германцевъ (напр. Тюрингію) и замѣнили прежнюю жизнь народныхъ дружинъ Фрапкскою системою дружины королевской, искажая прежній организмъ и его естественное развитіе преобладаніемъ устройства условнаго или государственнаго. Упорнѣе была защита

сѣверной и сѣверо-западной Германіи. Саксонцы продолжали расширять свою область и вѣнчали въ воинственныхъ силахъ. Приморскіе Фризы удерживали свободу своей болотистой и непроходимой стороны до самыхъ устьевъ Рейна. Общинная жизнь народа сохранялась еще въ лѣсахъ и между озеръ Голландіи, у Славянскихъ Вильцевъ (очевидно Венды *вилцы* или *великіе*) и Варновъ, по всей вѣроятности ихъ единокровныхъ братьевъ.

Самые Фризы, не смотря на ихъ безспорное Германское начало, кажется принадлежатъ къ народамъ не чисто Германскимъ и содержать весьма много Славянской примѣси. Таковъ выводъ изъ всего ихъ быта, отчасти изъ ихъ нарѣчія, изъ ихъ союзовъ съ Вильцами и Варнами, изъ склонности къ торговлѣ и устройству торговыхъ городовъ (напр. Ставоры, которой имя, вполнѣ Славянское, окружено сказками и мифами, носящими также Славянской характеръ, какъ-то о казни народной за гордость, богатство и за презрѣніе къ хлѣбу). Земля Фризонская была безспорно Славянскимъ поморьемъ, мало-помалу германизованнымъ отъ безпрестаннаго наплыва сосѣднихъ Германцевъ, можетъ быть завоевателей, но принявшихъ бытъ и характеръ прежняго племени туземнаго. Этимъ объясняется и долгое сопротивленіе Фризовъ противъ Франко-Германскихъ царствъ и глубокая взаимная ненависть между ими и Франко-Германцами и трагическая ихъ судьба во время среднихъ вѣковъ. Вообще нельзя не замѣтить упрямой близорукости въ критикѣ, которая не хочетъ или не можетъ догадаться о тождествѣ народныхъ стихій въ Вильцахъ или Велетабахъ (*Величавый*) и Варнахъ. Жилища ихъ одни и тѣже: жизнь политическая за одно. Самое же имя Варновъ происходитъ отъ *вара*, то же что *вара* въ словѣ *Гунниваръ*, или *вара* т. е. община, согласіе или миръ. Тождество Варновъ и Вильцевъ указываетъ опять на общія Славянскія начала въ Фризахъ и Саксонцахъ. У обоихъ преобладаетъ, какъ у Славянъ, идея домовитости, хозяйства, весьма далекая отъ военной основы общества чисто Германскаго; названіе хлѣба (*hlaihs*, *laib* и т. д.) у этихъ народовъ происходитъ явно отъ Славянскаго *хлѣбъ* (корень *хлѣбать*, параллельное ему въ среднемъ *хлябать*), а отъ этого слова происхо-

дять множество словъ, означающихъ различныя гражданскія отношенія въ обществѣ Фризо-Саксонскомъ. Впрочемъ имя хозяина *Ma-foud*, объясняемое въ смыслѣ хлѣбодателя, кажется нѣсколько сомнительнымъ: едва ли оно не происходитъ отъ слова *лаварь* (корень *лава*). Въ обоихъ же случаяхъ оно одинаково основано на Славянскомъ понятіи и на Славянскомъ словесномъ корнѣ.

За всѣмъ тѣмъ, не смотря на упорное сопротивленіе Фризовъ, на возрастающее могущество Саксовъ, на соперничество Славянъ въ восточной Германіи и на частныя неудачи (какъ напр. пораженіе Славянами союзнаго войска Франковъ, Баварцевъ и Саксовъ въ 630-мъ году) Франкское царство росло и крѣпчало. Оно мало-по-малу заключило въ себѣ почти всѣ силы Германскаго племени отъ Карпатовъ до Атлантики и заключило ихъ въ единство дружины королевской, системы аллодіальной, почти столь же способной къ завоевательной, какъ и оборонительной войнѣ и благопріятной для цѣльности государственной. Дальнѣйшее развитіе Франкскаго царства было остановлено междоусобіями, естественнымъ послѣдствіемъ понятія о равенствѣ правъ всѣхъ потомковъ короля (дружинначальника) на его наслѣдство, какъ въ отношеніи къ его собственной огромной долѣ въ завоеванныхъ областяхъ, такъ и въ отношеніи къ предводительству надъ дружиною. Франція, раздѣленная и разорванная на части; лишилась временно силъ для внѣшняго дѣйствія; но мало-по-малу, послѣ кровавыхъ раздоровъ, послѣ ужасовъ, которымъ мало подобныхъ находится въ исторіи Европы и которыя свидѣтельствуютъ о глубокомъ развратѣ, завѣщанномъ Римомъ своимъ вѣковымъ наемникамъ и рабамъ, идея единства государственнаго и дружиннаго восторжествовала. Королевскій домъ Меровинговъ принялъ новые законы престолонаслѣдія, устранявшіе причину прежняго раздора. Тогда выступило другое начало, дотолѣ еще не имѣвшее значительнаго вліянія на исторію, и до нашего времени не замѣченное критикою историческою, но въ развитіи своемъ сгубившее Меровингскую династію и опредѣлившее отчасти весь ходъ исторіи Французской въ продолженіи многихъ вѣковъ.

Общій ха-
рактёръ
развитія
Франціи
и запад-
ной Ев-
ропы.

Хлодовикъ былъ вождемъ дружины и передалъ это право своему потомству: по въ то же время онъ принялъ званіе патриція (истинное корокованіе по всемъ обрядамъ) и благословеніе церкви. И то и другое относилось не къ дружинѣ, весьма равнодушной къ Римскому титулу и болѣе чѣмъ на половину чуждой христіанству, по къ туземцамъ завоеванной Галліи. И это значеніе короля-патриція и лица полудуховнаго перешло къ царственнымъ потомкамъ Хлодовика и церковь Римская продолжала ихъ называть своими любимыми чадами, покровителями церкви, не смотря на отвратительный развратъ ихъ кровавой жизни. Наступило время умирненія и единства царскаго для Франціи: но тогда ярче и живѣе выразилась двойственность королевскаго сана, соединяющаго въ одномъ лицѣ вождя и царя. Высокая человѣческая истина нравственной идеи превозмогла. Вождь уступилъ царю. Облагороженный потомокъ свирѣпаго и вѣроломнаго Меровинга явился царемъ тишины и духовной правды, промѣнялъ браннаго коня на мирную упряжь бѣлыхъ воловъ и мечъ война на жезлъ патриарха. Его слуги, прикащики его домовитаго хозяйства (*maiores domus*, вѣроятно тоже что *Thimpeinus, mi-
uizъ съ ключами*) повели на бой его воинственные рати и стали править дѣлами дружины полузабытой королемъ. Гордая сила дружины не стерпѣла своего униженія: она вспомнила свое древнее право выбирать себѣ вождя, право принадлежащее собственно дружинамъ народнымъ, но присвоенное дружиною личною по слабости королей. Народъ завоевателей возвратился къ обычаю, засвидѣтельствованному великимъ историкомъ упадающаго Рима, къ обычаю ставить царя по роду, вождя по доблести (*Reges ex nobilitate, duces ex virtute*); меры, избранники дружины, стали противъ короля, представителя завоеваннаго народа и духовенства, свободные и самовластные, но признающіе еще по видимому власть мирныхъ своихъ владыкъ. Франція раздѣлилась на свои двѣ стихіи, на землю завоеванныхъ Римлянъ и завоевательныхъ Германцевъ, на Западъ и Востокъ, Невстрію и Австразію. Каждая половина избирала своего мера и между мерами начались раздоры, какъ

прежде между царями, и слабые короли по неволѣ благословляли побѣдителей, и правдивое лице мирнаго судьи величественно рабствовало передъ торжествующими начальниками дружины. Германская земля была сильнѣе Галло-Римской. Австрія побѣдила. Великій родъ Пипина Геристальскаго получилъ наследственное званіе мера и подавлялъ почти вполнѣ родъ Меровинговъ. Безсильный народъ молчалъ; но духовенство не мирилось съ новою властію: оно проклинало Карла Мартеля, побѣдителя Мавровъ и спасителя Франціи, побѣдителя идолопоклонниковъ Фризовъ и распространителя христіанства. Оно понимало вражду, едва скрытую подъ личною покровительствомъ. Наступило время опасности для епископа Римскаго отъ грозы Лангобардовъ. Онъ просилъ покровительства отъ Франціи; ничтожные короли не могли подать помощи; могущіе меры не хотѣли ее подать безъ видовъ личной выгоды. Глава Западной церкви отступился отъ своихъ любимыхъ чадъ Меровинговъ и новыхъ любимыхъ чада были усыновлены. Короли Меровинги угасли въ монастыряхъ. Потомки Пипина — Карловинги вступили на престолъ, совокупляя въ себѣ и званіе мера и званіе царя.

Такъ въ VIII вѣкѣ кончилась первая династія; но двойственность началъ не исчезла и правдивая идея снова превозмогла. Карловинги немедленно послѣ великаго Карла вступили въ то же поприще, по которому шли ихъ предшественники и также исчезли какъ Меровинги. Новая династія, Капетинги, замѣнили ихъ и продолжали прежнее дѣло, но не утрачивая вполнѣ своего воинственнаго значенія.

Такъ объясняется особенно лице Людвига IX-го и безсознательное выраженіе французскаго писателя: *Le Roy est le grand Juge de paix du royaume de France.*

Быть можетъ, Капетинги подверглись бы той же участи, какъ и ихъ предшественники: по народъ окрѣпъ; по короли поняли, что правдивое значеніе мирнаго судьи недоступно грубымъ понятіямъ безправственнаго племени. Въсто духов-

наго оружія началъ правды человѣческой они взяли оружіе Римскаго права, и Филиппъ Прекрасный и его преемники, бездушные крючкотворцы, стяжали побѣду, которую заслужили ихъ благородные предмѣстники. Таковы значеніе и характеръ первой Французской исторіи, рѣзко отдѣляющіе ее отъ исторіи Германской, основанной на другой почвѣ и подъ другими условіями.

Побѣды оружія, а еще болѣе союзъ съ Римскимъ епископомъ распространили Францію и прославили Меровинговъ. Франки, влѣстители почти всего Запада, располагали его судьбою; но вся эта внѣшняя, мертвая жизнь оставалась безъ плода для человѣчества. Ни слово, ни пѣснь, ни наука не просыпались ни въ области погибшаго Галла, ни въ дикой странѣ Германца За-рейнскаго. Темные вѣка ждали новаго свѣта.

Племя Германское овладѣло западомъ Европы. Иранское ученіе, сохраненное Израилемъ въ продолженіи двадцати вѣковъ и мгновенно развившееся во всемъ своемъ величіи, сдѣлалось ученіемъ и вѣрою свѣжихъ и сильныхъ народовъ, назначенныхъ къ всемірному владычеству. Но ни ученіе, полное жизни и силы, ни народы, одаренные неистощимыхъ богатствомъ разумныхъ способностей, не могли принести плодовъ животворныхъ для человѣчества. Народы Германскіе, искаженные дикостью военной жизни въ своихъ родныхъ лѣсахъ, еще болѣе искаженные или развратнымъ владычествомъ Рима, или своимъ собственнымъ владычествомъ надъ Славяниномъ или Кельтомъ, сомкнулись окончательно въ форму условной дружины, въ форму касты безчеловѣчной и угнетательной, исполненной вражды и презрѣнія къ слабымъ народамъ Романскимъ или Кельто-Кумрійскимъ, поднавшимъ ихъ игу. Ученіе мира, любви и просвѣтленія духовнаго, принесенное съ Востока проповѣдниками-страдальцами, исказилось въ торжествомъ своимъ надъ Римскими пачалами. Въ побѣдѣ надъ религіею государственною и внѣшнею, оно припяло характеръ религіи побѣжденной, характеръ внѣшній и государственный. Оно требовало не любви, а покорности, не вѣры, а обряда. Един-

ство истинное, живое, единство духа, высказывающееся въ единствѣ видимыхъ формъ, замѣнилось единствомъ вещественной нормы, и понятіе объ этой нормѣ перешло мало-по-малу въ понятіе о власти, ставящей норму, въ понятіе о каствѣ; завѣдывающей духовнымъ дѣломъ, о духовенствѣ, признанномъ за церковь по преимуществу, и наконецъ объ одномъ епископѣ, епископѣ древняго Рима, выражающемъ и полное единство ученія и полное единство духовной власти и ея безусловную непогрѣшительность. Идея права лежала въ основѣ Римской жизни, и Римская жизнь, передающая новое начало просвѣщенія Германскимъ завоевателямъ, передала имъ идею строго логического права, не только въ бытѣ государственномъ, условномъ и слѣдовательно невозможномъ безъ подчиненія праву логическому, но и въ жизни духовной и религіозной. Кушитское начало логической необходимости проникло въ ученіе, завѣщающее Иранскою Иудеею, и придало отношеніямъ чловѣка къ Богу значеніе вѣчной тяжбы, молитвѣ и таинству смыслъ заклинанія, любящей вѣрѣ характеръ принудительнаго закона. Жизнь внутренняя и духовная оставалась еще на Западѣ достояніемъ Кельто-Кумрійцевъ Ирландіи и отчасти Саксонцевъ въ Британніи: по имъ суждено было призвать къ просвѣщенію За-рейнскую Германію, а самимъ погибнуть отъ вѣшняго наслія и отъ внутренняго раздора, принесеннаго изъ земель Романскихъ. Сѣмена зла, посѣяныя Римомъ, должны были принести плодъ свой въ искаженіи разума. Сѣмена вражды и ненависти, посѣяныя завоеваніемъ, должны были принести плодъ свой въ искаженіи духа, и Западъ долженъ былъ сомкнуться въ могущее цѣлое, извнѣц необъдимое и живое, внутри же нестройное, слабое и мертвое. Зародыши, брошенные въ первые вѣка христіанства на почвѣ Гермапо-Римской, выросли и созрѣли исторією осьмнадцати вѣковъ

Другія были явленія на Византійскомъ Востокѣ. Тамъ жизнь государственная замерла и только многовѣковая борьба противъ вѣшнихъ напоровъ продолжалась безъ надежды на торжество, безъ надежды на внутреннее обновленіе. Византійцы, заключивъ себя добровольно въ общественныя формы, завѣ-

Ходя дѣль
въ Визан-
тіи. Рели-
гіозные
сперы.

щанная Римомъ, утратили возможность государственнаго развитія; но мертвенность общественная должна была мало-помалу отразиться и на отдѣльныхъ лицахъ и заковать объемъ ихъ помысловъ въ тѣсные предѣлы односторонности. Между тѣмъ великій подвигъ науки религіозной или наукообразнаго опредѣленія христіанскихъ ученій совершался мыслителями, преемниками Элиинскаго просвѣщенія, и совершался не для одной Византіи, но и для всего Европейскаго міра, принимающаго отъ нея свѣтъ разума и норму вѣрованія. Безпрестанно являлись новыя ученія, вступали въ борьбу съ древнимъ преданіемъ и вызывали его къ яснѣйшему выраженію своего еще невысказаннаго смысла. Споры рѣшались на величественныхъ соборахъ, въ которыхъ участвовали духовные представители западныхъ областей и земель покоренныхъ дикими иновѣрцами; но величественнѣе самихъ соборовъ, часто возмущенныхъ безчинствомъ низкихъ страстей (напр. собраніе въ Ефесѣ, извѣстное подъ именемъ Ефесскаго разбоя) была жизнь мысли, безпрестанно и повсемѣстно высказывающаяся въ посланіяхъ, въ проповѣдяхъ, въ письменныхъ или словесныхъ преніяхъ, въ пламенномъ участіи всѣхъ сословій, въ тонкостяхъ діалектики и въ громахъ краснорѣчія. Самые соборы не опредѣляли, но высказывали мысль и вѣрованіе, живущія въ церковной общинѣ: они получали значеніе свое не отъ особенныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но отъ согласія отсутствующихъ христіанъ на исповѣданіе, утвержденное ихъ представителями, епископами или духовными лицами, сидящими на соборѣ. И такъ самое право представительства, также какъ и право приговора, не имѣло ни какой условной или государственной основы, но утверждалось единственно на свободѣ духовнаго единства, не закованной никакими постановленіями формальными. Соборъ былъ не власть, а голосъ, и въ этомъ-то отсутствіи власти формальной исторія должна признать неприкосновенность его власти разумной.

Таково было всегда воззрѣніе Востока; таково было и понятіе Запада, покуда еще не расторглось его общеніе съ Востокомъ. Отъ того-

то ни число присутствующих на соборѣ епископовъ, ни власть или согласіе императоровъ, ни согласіе старшихъ епископовъ и патріарховъ, никакая наконецъ внѣшняя примѣта, ничто не давало собору характера всецельскаго (т. е. обще-церковнаго). Такъ напр. на соборахъ, отвергнутыхъ церковью, часто присутствовало такое число епископовъ, какаго не бывало и на соборахъ, названныхъ Вселенскими; такъ многіе изъ нихъ были утверждены царями, многіе признаны всѣми патріархами, не исключая Римскаго (ибо рѣшеніе собора Миланскаго было подписано Либеріемъ, не выдержавшимъ императорскаго гоненія). Общее мнѣніе было судьей самого собора, а соборъ только выраженіемъ духовнаго и нравственнаго единства. На этомъ основаніи понятно, какъ въ послѣдствіи Флорентинскій соборъ, при всѣхъ внѣшнихъ признакахъ законности (ибо слабодушіе не извѣщаетъ никого), былъ отверженъ Восточною общиною. Таково же было первоначальное понятіе о соборахъ и на Западѣ. Но въ послѣдствіи развитіе внѣшней или государственной религіи подавило прежнее ученіе и учителя Запада приняли внѣшнюю норму для сужденія о законности собора, норму основанную на признакахъ внѣшнихъ, напр. на законности и правѣ лицъ, участвующихъ въ соборѣ, на числѣ ихъ, на согласіи съ Римскимъ епископомъ и т. д. Идея единства условнаго, правительственнаго (авторитета или власти) замѣнила идею единства внутренняго или органическаго (жизненнаго). Ясный взглядъ на этотъ вопросъ есть требованіе не догматики религіозной, но здоровой исторической критики.

Самый ходъ развитія въ религіозной наукѣ представляетъ замѣчательную послѣдовательность и указываетъ на строгія требованія ума въ мірѣ Элліяскаго образованія. Великіе вопросы, волновавшіе Восточную имперію, скрываются теперь отъ поверхностнаго наблюдателя подъ формулами религіозной догматики и не находятъ безстрастныхъ цѣнителей: но формулы догматическія были неизбѣжны, ибо дѣло мышленія во время первыхъ вѣковъ отъ Константина было не созданіе новой науки на свободной силѣ человѣческаго разума, но наукообразное или разумное уясненіе преданія; а преданіе неразрывно связало съ формами и формулами, въ которыхъ оно переходило отъ

поколѣнія къ поколѣнію. Историческій же обзоръ соборной дѣятельности, отстраняя всѣ подробности и случайности споровъ и ихъ внѣшнія формы, открываетъ и глубокій смыслъ ея и великій подвигъ, совершенный духовною жизнію Византіи.

Община, освобожденная отъ гошеія и вызвавшая ученіями Арія, Діоскора и другихъ, выражаетъ свое понятіе о Божествѣ: она не остается при неразвитомъ единобожіи Іудей, содержащемъ въ себѣ необходимо или отрицаніе внутренняго явленія (лица) въ Божествѣ, или признаніе явленія (лица), какъ обнимающаго собою всю сущность Божества. Она признаетъ три явленія, связанные внутреннею живою связью, свободныя отъ всякой случайности, и слѣдовательно совершенно полныя, и въ то же время признаетъ, что одно явленіе не можетъ объять собою всю полноту первобытнаго Духа. Далѣе, она отвергаетъ предположеніе, чтобы нравственное совершенство могло принадлежать какому-нибудь духу, кромѣ первобытнаго, и кладетъ переходъ къ вопросу объ отношеніи духа первобытнаго (Бога) къ созданному (человѣку).

Разумѣется, что вѣрность рѣшеній принадлежитъ анализу философическому; исторія разбираетъ только ходъ науки, а не удовлетворительность ея въ отношеніи къ отвлеченному мышленію.

Споры несторіанства и евтихіанства составляютъ вторую эпоху христіанской науки. Несторій отвергаетъ въ Мессіи-Искупителѣ божественность, обращая ее во внѣшнее вдохновеніе; Евтихій отвергаетъ человѣчество, обращая его въ видимый призракъ человѣчности.

Исторіи собственно нѣтъ дѣла до справедливости обвиненія, во сколько оно касается только до лицъ Несторія и Евтихія и до лица наго ихъ ученія. Она разбираетъ только школу и смыслъ ея.

Не смотря на видимую и прямую противоположность несторіанства и евтихіанства, окончательное значеніе обонхъ одинаково. Оба удерживаютъ и утверждаютъ совершенное раз-

личіе Бога и челоуѣка и несомѣстность этихъ двухъ понятій въ одно.

Та же самая тождественность при прямомъ противорѣчїи или антагонизмѣ видна и въ отношенїяхъ первоначальнаго буддизма къ шиваизму и протестанства къ романизму и вообще во всѣхъ ученїяхъ, отрицающихъ, но не исключаящихъ другъ друга, будь они религіозныя или философскія: ни отрицаніе не освобождаетъ, ни примиреніе въ смыслѣ новѣйшей Германской науки.

Характеръ Несторїевой школы, (точно также какъ и Евтихіевой), опредѣленъ былъ самой почвою, на которой развился. Онъ принадлежалъ по преимуществу Сиро-Палестинской области и представлялъ въ себѣ посомнѣнный отзвукъ еврейства (а можетъ быть и мало извѣстныхъ религій Финикійскихъ), признавая въ Мессїи только челоуѣка. Евтихіанство, возникшее въ Египтѣ, посылало печать древне-Египетскаго ученїя, ибо, отрицая челоуѣчество въ Мессїи, оно ставило самую сущность Божества въ страдательное отношеніе къ случайности и слѣдовательно подчиняло ее законамъ видимаго міра (какъ въ Кушитствѣ). Историческое изслѣдованіе прежнихъ вѣковъ связываетъ еще яснѣе этихъ двухъ мыслителей, такъ сильно волновавшихъ Востокъ, съ прежнею жизнью Палестины и Египта черезъ эбонитовъ съ одной стороны, черезъ гностиковъ и Савеллія съ другой.

Преданіе церкви представляетъ на тотъ же фактъ довольно любопытное указаніе, приписывая Сирии евангеліе, писанное подъ именемъ апостола Луки, а Египту евангеліе апостола Марка, и признавая въ одномъ преобладаніе Мессїи-жреца (обозначеннаго эмблемою быка и слѣдовательно разсмотрѣннаго со стороны челоуѣчества), а въ другомъ преобладаніе Мессїи-царя (обозначеннаго львомъ, символомъ небеснаго, пожирающаго земное, слѣдовательно Мессїи-Бога). Впрочемъ тѣсное соединеніе церкви Египетской и евтихіанства съ древнимъ Египтомъ виднѣе еще въ Оригенѣ, чѣмъ въ Савелліи. Глубокомысленный Александрїецъ, во многомъ учитель всѣхъ послѣдовавшихъ учителей, оче-

видно впадаетъ прямыми своими послѣдствіями въ пантеизмъ и въ ученіе о первоначальной необходимости, обращая самое зло нравственнаго въ призракъ. Таковы въ немъ слѣды аналитическаго язычества, не смотря на его борьбу съ окружающимъ его язычествомъ: точно также какъ лучшая слава Запада (за исключеніемъ Августина, ибо Ирицей принадлежитъ Востоку), Карфагенецъ Тертуліанъ, въ борьбѣ своей противъ языческаго Рима и Африки, сохраняетъ, самъ того не сознавая, характеръ Кушита Палестинскаго въ строгомъ ученіи о кровавомъ искупленіи, какъ заклинательномъ выкупѣ, и Римлянина въ строгомъ понятіи о вѣдѣнныхъ, правомѣрныхъ отношеніяхъ человѣка къ Богу и о крещеніи, какъ дѣлѣ совершенномъ (*opus operatum*). Дальнѣйшія ошибки ихъ учениковъ и осужденія церкви очень понятны.

Аріѳ, отстраняя внутреннія явленія въ Божествѣ, старался сохранить величіе его и въ то же время безсознательно унижалъ его, допуская въ твореніи совершенство нравственное. Точно то же было съ Несторіемъ и Евтихіемъ. Одинъ, приписывая человѣчеству почти исключительное участіе въ дѣлѣ искупленія, хотѣлъ его возвысить, и въ то же время унижалъ человѣка, отвергая въ Богѣ возможность быть человѣкомъ. Другой, предоставляя Божеству дѣло искупленія вполне, унижалъ Божество, подчиняя его законамъ случайности. Каждый впадалъ въ ту самую крайность, которой хотѣлъ избѣгнуть; оба, также какъ и Аріѳ, полагали бездну между человѣкомъ и Богомъ, утверждая ихъ вѣчный разрывъ. Преданіе церкви, уясняясь, положило ихъ сліяніе въ одномъ лицѣ Мессіи Богочеловѣка. Далѣе, въ спорѣ съ полу-евтихіанцами (единовольниками) оно признало нераздѣльность нравственнаго опредѣленія (воли) съ логическимъ опредѣленіемъ (сущности) и утвердило для всѣхъ будущихъ вѣковъ возможность безконечнаго развитія, которое гибло въ признанномъ разрывѣ Божества и человѣка, опредѣленія нравственнаго и опредѣленія логическаго.

Повторимъ, что исторія опредѣляетъ только смыслъ догматическаго разрѣшенія, а не законность его передъ судомъ философскаго анализа.

Соборы отстояли для человѣчества великое ученье, котораго благотворные плоды питали его донынѣ въ продолженіи многихъ вѣковъ, облагороживая и возвышая его помыслы и направляя его къ безконечно высокой цѣли. Объявлено было внутреннее тождество духа, Бога и человѣка въ проявленіи Мессіи. Догматъ былъ утвержденъ и церковь могла успокоиться; но новая страшная буря должна была ее потрясти и съ нею вмѣстѣ потрясти надолго и, можетъ быть, ослабить навсегда Византійскую имперію. Первые вѣка церкви были скудны обрядами и почти чужды всякой внѣшней формѣ поклоненія. Государственное торжество христіанства при Константинѣ дало свободу внѣшней жизни: явились обряды, свободно созданные для выраженія жизни внутренней и внутреннего единства; духъ искусства создалъ новыя молитвенныя пѣсни, новое христіанское зодчество, новую живопись, скудную въ отношеніи къ красотѣ пластической, богатую въ смыслѣ духовнаго выраженія, и это опять было дѣломъ Византійскаго міра. Икона сдѣлалась предметомъ любви, уваженія и почтительнаго поклоненія; въ темномъ народѣ она сдѣлалась предметомъ идолопоклонства. Противъ этого уклоненія отъ христіанства возстали мужи сильные ревностью и духомъ, императоры прославленные побѣдными подвигами противъ иноземцевъ: но вмѣсто убѣжденія и ученія они въ дѣлѣ исправленія духовнаго вооружились властію. Съпротивленіе возбудило гордость; оскорбленная гордость выразилась жестокими гоненіями. Духовенство возстало противъ незаконнаго употребленія свѣтской власти (къ которой оно само часто беззаконно прибѣгало). Оно чувствовало себя униженнымъ и угнетеннымъ и вступилось столько же за свои житейскія выгоды, какъ и за свои церковныя права. Страсти разгорѣлись; внутренній раздоръ погубилъ силы государства; истина затемнилась въ неизбѣжномъ ожесточеніи междоусобицы. Войско, вещественныя силы и едва ли не чистота намѣреній были на сторонѣ гонителей-иконоборцевъ. Но народное убѣжденіе, право и истина были на сторонѣ гонимыхъ защитниковъ иконъ.

Значеніе
соборовъ

Надъ этимъ вѣковымъ споромъ гордо смѣялась новая наука. Смысль его для нея также темень какъ и для невѣжества прежнихъ церковныхъ историковъ. И тѣмъ и другимъ не доставало безпристрастнаго просвѣщенія. Истинное значеніе иконоборческихъ споровъ весьма важно и достойно величія человѣческой исторіи,—болѣе достойно, чѣмъ мелкія войны и мелкія побѣды дикарей надъ дикарями, которыми гордятся западная Европа и ея кровавыя лѣтописи. Иконоборецъ возставалъ противъ злоупотребленія, унижающаго Христіанство до идолопоклонства: но онъ вмѣшивалъ власть и принужденіе въ дѣло высшей человѣческой свободы; по его торжество было бы приговоромъ не надъ одними иконами, а надъ всякимъ обрядомъ. Защитники иконъ защищали въ нихъ право человѣческой свободы, а еще болѣе право каждого человѣка и каждой общины въ ея живомъ единствѣ выражать свою мысль и свое чувство словомъ, звукомъ и образомъ. Они побѣдили и ихъ побѣда спасла неприкосновенность церкви и ея вѣру въ самую себя и въ живую мысль, которая должна устранить идолопоклонство безъ всякаго вѣшняго принужденія, и поэтическую свободу обряда, и будущее искусство. Таково было дѣло втораго собора Никейскаго, послѣдняго изъ великихъ соборовъ.

Этимъ соборомъ кончила Византія свой духовный подвигъ, утвердивъ навсегда догматъ, наукообразное выраженіе мысли, отстоявъ обрядъ, поэтическое выраженіе жизни. Этотъ подвигъ останется незабвеннымъ и будетъ оцѣненъ вполне, когда западная Европа освободится сколько нибудь отъ своей гордой непріязни къ Востоку, а наука отъ своей тупой односторонности.

Юстиніанъ. Жизнь политическая Византіи не соотвѣтствовала величію ея духовной жизни: но и она была не безъ славы и не безъ подвиговъ. Ни одно государство въ мірѣ не выдерживало такихъ безпрестанныхъ, такихъ грозныхъ напоровъ; ни одно такъ долго съ нимъ не боролось. Волна за волной набѣгала съ сѣвера и востока; бѣдствие за бѣдствиемъ обрушивалось на ветхое зданіе Римской государственности и оно держалось

только живущимъ въ немъ духомъ Эллинскаго разума и просвѣщенія. Гроза Германіи и западной Европы, Аттила и его Гунны отступили передъ гордою смѣлостью Маркіана. Опустошительный потокъ обратился на Италію; но Маркіана не стало и его недостойные преемники не умѣли поддержать честь государственную. Обломки Гуннскаго ополченія, Гепиды и Славяне, (Венды и Анты) грабили сѣверную Придунайскую область; Вандамы грабили Целопоннесъ. Своевольные слуги и наемники имперіи, Остготы вели междоусобную войну и наконецъ, соединивъ свои силы подъ предводительствомъ великаго Феодорика, создали новое независимое царство въ Италиі. Кавказскіе горцы и Персіяне опустошали весь востокъ, а будущіе завоеватели полміра, Арабы—Сарацыны врывались съ юга въ Сирію и Палестину. Въ первой половинѣ шестаго вѣка взомель на престолъ Византійскій государь, памятный въ исторіи человѣчества. Безпримѣсный Славянинъ, сынъ Славянскихъ родителей (какъ видно изъ ихъ именъ, а особенно изъ имени матери—Бѣгленицы), Управда былъ призванъ на царство. Имя свое онъ перевелъ на правительственный, латинскій языкъ и назвалъ себя Юстиніаномъ.

Если бы нужно было еще доказывать, что Славяне были исконными жителями Придунайской стороны, и опровергать нелѣпое мнѣніе о движеніи Славянъ, будто бы врѣзавшихся въ Европу вслѣдъ за Гуннами, то имена Управды и его родителей одни уже могли бы достаточно убѣдить самыхъ упорныхъ скептиковъ. Ни Гунны, ни Славяне не врывались въ имперію до половины V-го вѣка, а Юстиніанъ родился отъ Славянскаго отца и Славянской матери въ 482-мъ году и ни одинъ писатель, ни изъ Византійскихъ, ни изъ Западныхъ, не считалъ и не называлъ его варваромъ или иноземцемъ. Не явно ли, что онъ былъ Славянинъ-туземецъ, потомокъ старожиловъ Иллиріи и Фракіи?

Ни воинственныя доблести, ни крѣпость духа не отличали Юстиніана—Управды. Чуждый ратному дѣлу, игралище придворныхъ интригъ и развратной жены, не внушающій ни стра-

ха народу по добросердечію, ни глубокаго уваженія по недостатку твердости и самостоятельности въ дѣлахъ правленія, Славянскій императоръ Византін одною силою любви къ правдѣ и къ просвѣщенію, однимъ истинно-человѣческимъ сочувствіемъ съ человѣчествомъ пробудилъ стихіи мысли и жизни, заснувшія въ государствѣ, но еще уцѣлѣвшія въ членахъ его. Его эпоха была эпохою славы слишкомъ мимоходной, но она останется навсегда замѣчательною по своему вліянію на науку права и на религіозное искусство.

Дѣйствія Юстиніана въ подробностяхъ своихъ представляютъ часто или жестокость или безсиліе: въ общихъ начертаніяхъ и намѣреніяхъ они запечатлѣны величіемъ и глубокимъ чувствомъ христіанства и правды. Безъ уваженія нельзя вспомнить объ государствѣ, требовавшемъ отъ Кавказскихъ дикарей, чтобы они впредь не скопили плѣнниковъ, и рѣшившемся на войну для этой одной цѣли. Требованіе Юстиніана напоминаетъ отмѣненіе человѣческихъ жертвъ въ Карфагенѣ по приказанію великаго сына Гистаспова. Чисто нравственныя побужденія такъ рѣдко являются въ исторіи, что она не имѣетъ права миновать ихъ безъ вниманія.

Африка была снова вырвана у Вандаловъ, Италия у Вестготовъ. Велисарій и Нарсесъ напомнили міру о прежнихъ торжествахъ Римскаго оружія и Германскимъ дикарямъ о ничтожности ихъ нестройнаго мужества передъ образованною силою Рима. Персія была удержана въ своихъ границахъ, не смотря на предприимчивое славолюбіе и воинственность Хозроя. Славянскіе Болгары отодвинуты за Дунай. Земля Византійская расширилась снова отъ Каспія и цѣпи Демавендской до Атланта и Западнаго океана. Зодчество вспомнило свое древнее величіе и своды Софійскаго собора смѣло поднялись къ небу, какъ духовный гимнъ, въ урокъ будущимъ вѣкамъ и въ свидѣтельство неумирающей художественности на землѣ Эллады. Полное и величественное собраніе гражданскихъ законовъ (лучшій памятникъ древняго общественнаго міра), составленное подъ надзоромъ самого императора, спасло для потомства

выраженіе праводатной мудрости Рима, мудрости часто со-
блзнительной и вредной для новѣйшихъ народовъ, но еще чаще
богатой паставленіями для всѣхъ временъ и безъ сомнѣнія пи-
кѣмъ не превзойденной. Таковъ былъ подвигъ Юстиніана; но
онъ не могъ остановить наденія государственнаго.

Слишкомъ силенъ былъ внѣшній напоръ и слишкомъ слабъ
былъ внутренній составъ государства. Право, переданное Ри-
момъ завоеванному Западу, было для него только полицейскимъ Языче-
ская и
христіан-
ская сти-
хія въ Ви-
зантіи.
уставомъ благочія; то же право переданное Элину, было
для него только наукою, которую онъ разработывалъ наравнѣ
съ другими, по которая, обогащая его разумъ, мало отража-
лась въ его жизни. Догматика закона дѣйствовала столь же
слабо на общество, сколько и догматика религіозная; онѣ
процвѣтали одинаково какъ отрасли частнаго знанія для каж-
даго отдѣльнаго лица и одинаково оставались безплодными для
жизни народной. Сверхъ того самое право Римское, чудно-
логическое развитіе условныхъ и произвольныхъ данныхъ, не
имѣло ничего общаго съ началамъ новаго вѣрованія, принята-
го со временъ Константина. Раздѣленіе человѣка на христіа-
нина, аскета, равнодушнаго ко всей внѣшней жизни, и на хри-
стіанина страдательнаго, покоряющагося случайнымъ законамъ
государства, сохранилось. Право гражданское, точно также
какъ и право государственное (да едва-ли они могутъ быть
строго отдѣлены другъ отъ друга) было независимо отъ вѣры.
Цари, наперекоръ христіанству, назывались *божественными*
(*divus*) и величались *нашею вѣчностію* (*perennitas nostra*): за-
коны о бракѣ, о рабахъ, о собственности и пр. сохраняли
неизгладимую печать языческаго равнодушія къ началамъ прав-
ственности. Церковь, сознавая себя совершенною, не прила-
гала и не старалась приложить себя къ вѣчно несовершен-
ному устройству общества, дозволяя ему пользоваться дву-
смысленнымъ правомъ называть себя христіанскимъ по вѣро-
исповѣданію лицъ, составляющихъ оное. Она была права, ибо
черезъ такое равнодушіе ко всему временному сохраняла въ
неприкосновенности внутреннюю чистоту и свободу своего у-
ченія; но съ другой стороны она не питала въ душѣ граж-

данина нравственного стремленія къ согласію между его обязанностями гражданскими и человѣческими, она не внушала ему надежды на лучшее будущее и не напоминала ему великой истины, что внѣшняя форма должна, поздно или рано, сдѣлаться выраженіемъ внутренняго содержанія, и что право должно наконецъ опереться не на условныя и произвольныя, но на вѣчныя и человѣческія начала. Признавалась просвѣтительная сила христіанства; но не сознавалась его строительная сила. Такое раздвоеніе удержалось до конца Византійской имперіи. Правда, христіанство не осталось безъ вліянія на науку гражданскую; многіе частныя законы измѣнились; но не было во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ ни полноты, ни сознанія. Право сохранило свою независимость отъ вѣры и слѣдовательно отъ самой жизни народа или отъ ея лучшей части. Непримиренныя половины остались одинаково безсильными.

Государственное право не подвинулось ни на шагъ. Византія не знала, также какъ и Римъ, законовъ престолонаслѣдія. Народное избраніе было истиннымъ, хотя и непризнаннымъ, основаніемъ права на престолъ, и самое наслѣдство по рожденію сопровождалось дѣйствительно или безмолвнымъ избраніемъ, или вѣнчаніемъ преемника еще при жизни предмѣстника. Точно тоже было и въ Римѣ.

Поэтому строгій судъ историковъ надъ возмутителями и притязателями на престолъ очень нехлѣбъ, когда относится къ исторіи Римской имперіи. Въ немъ высказывается крайнее незначіе коренныхъ началъ государства.

Со временъ Траяна воишь освободились провинціи отъ столицы и утвердили за собою право на избраніе императора. Этотъ періодъ продолжается до окончательнаго раздѣленія имперіи на восточную и западную. Западная пала; восточная должна была въ уменьшенномъ объемѣ повторить и дѣйствительно отчасти повторила явленія великой Римской державы: но новыя случайности жизни измѣнили выраженіе прежняго начала. Провинція, безпрестанно наводненныя, отчасти даже

населенныя варварами, утратили память своего права или возможность имъ пользоваться. Граждане-христиане, раздвоенные въ душѣ своей непримиреннымъ разпогласіемъ жизни частной, христіанской и жизни государственной, языческой и Римской, становились со дня на день болѣе равнодушными къ общегосударственному дѣлу и предоставляли свою судьбу области ближайшей къ средоточію правительства: такимъ образомъ новая столица, Византія, богатая по своему положенію на торговомъ перепутіи, охраненная моремъ и стѣнами почти непреступными отъ нашествія иноплемениковъ, средоточіе науки и просвѣщенія, а еще болѣе средоточіе всѣхъ честолюбій и своекорыстныхъ страстей приобрѣла права, вырванныя силою провинцій у своеволія Римскаго и снова утраченныя ихъ бессиіемъ и равнодушіемъ. Она сдѣлалась не столицей, а вполнѣ правительницею государства.

Ираклій, спаситель имперіи, былъ едва-ли не послѣднимъ императоромъ, даннымъ провинціею всей имперіи. Другіе, пришедшіе также изъ областей, или поднятые на престолъ войскомъ, опирались всегда на партіи, существующія въ столицѣ; вообще же эти примѣры довольно рѣдки.

Жизнь имперіи сосредоточивалась въ столицѣ. Возмущенія провинцій, часто справедливыя и благородныя, ибо возникали изъ потребности правды и доблести въ государѣ, замѣнились возмущеніями развратной столицы и заговорами всегда и вездѣ развратнаго двора. Избраніе народное было также слѣпо, какъ и естественное преемство престола. Но и престолонаслѣдіе родовое было сопряжено въ Византіи съ большими неудобствами, чѣмъ гдѣ-либо. Раздвоеніе челоуѣка и гражданина убило жизнь правовъ гражданскихъ; оно же убило и жизнь правовъ христіанскихъ. Развратъ частный былъ также великъ, какъ и развратъ гражданскій (хотя онъ безспорно былъ менѣе гнусенъ, чѣмъ на Западѣ въ эпоху средневѣковой простоты, хваленой пристрастіемъ и невѣжествомъ, или въ эпоху первыхъ Германскихъ государствъ до Карла Вели-

каго). Молодой государь, зараженный пороками города и двора, при восшествіи своемъ на престолъ не находилъ ни одной точки опоры, ни въ себѣ, ни въ себя; и все его успія, если опъ былъ (какъ часто случалось) одаренъ величіемъ ума и души, сокрушались объ мертвенность общественнаго тѣла, уже неспособнаго принять новый духъ жизни и силы. Иначе и быть не могло: ибо шаткая случайность естественнаго престолонаслѣдія исправляется только постоянствомъ живыхъ обычаевъ и нравовъ общественныхъ.

Такова была судьба государства, скованнаго въ формы, завѣщанныя язычествомъ, скованнаго великими воспоминаніями прошедшаго, скованнаго прежнею славою и своею народною гордостью, принявшаго христіанство, но не освобожденнаго христіанствомъ. Мертвое тѣло Эллино-Римлянна давило христіанина. Жизнь духа и мысли, жаръ поэзіи, всё лучшее и святое бѣжало изъ общества, которому не хотѣло покориться и котораго побѣдить не могло, въ пустынные обители Египта, въ нагорные монастыри Элады и Сиріи, оставляя государство на произволь разврата и корысти, на добычу неизбежнаго и неисклѣимаго гніенія.

Великая эпоха Юстиніана должна была скоро мпновать. Ея величіе принадлежеть кроткой и разумной личности императора, многія изъ ея бѣдствій принадлежать его слабодущію: ея бесплодность для имперіи принадлежеть мертвенности самаго государства. Недостойные преемники слѣдовали за Юстиніаномъ.

Авары и
Болгаре.
Ихъ отно-
шеніе къ
Славя-
намъ.

Между тѣмъ волненіе средней Азіи бросало все болѣе и болѣе народы ея на область племени Иранскаго. Воинственныя жители Алтая, Турки, разрушили царство Гунновъ восточныхъ (Ефталитовъ), основали новую державу въ колыбели Славянскаго племени (Бактрін) и грозили Персіи, которую суждено было имъ въ послѣдствіи завоевать; отряды ихъ проникали по сѣверному берегу Каспійскаго моря до Кавказа и прорывались черезъ его сибѣжную преграду, или, дружась съ Византією, нападали на Славянь и Финно-Турокъ Придонскихъ, или, ссорясь съ нею, опустошали ея владѣнія на сѣ-

верпомъ берегу Чернаго моря и разоряли Босфорскіе города въ Тавридѣ. Движеніе Гунновъ еще не кончилось. Во время великаго Атиллы они, оставляя въ покоѣ Византію, освободили своихъ братьевъ, западныхъ Славянъ, отъ ига иноземцевъ и, поколебавъ Римскую имперію, бросили испуганныхъ Германцевъ на землю Кельтовъ и Рымлянъ и на край Европы. Тѣ же Гунны подъ именемъ Болгаръ (Приволжцевъ, отъ Волги — Волги) стали мало-по-малу переселяться съ Волги на благодатные берега Дуная и набѣгать на область Византійскую. Слабѣе и слабѣе становилось населеніе Славянское на Волгѣ, сильнѣе и сильнѣе становился папоръ Финно-Турецкихъ и Кавказскихъ народовъ. Болгаре, также какъ и Гунны, приняли уже (какъ мы видѣли, и какъ засвидѣтельствовано Китайскими лѣтописями) въ составъ своего казачества Уйгуровъ, бѣглецовъ изъ средней Азіи; но въ нихъ еще преобладала Славянская стихія и, не смотря на враждебныя столкновенія съ Славянами-старожилами Придунайской стороны, они скоро стали жить и воевать съ ними заодно, все болѣе и болѣе очищаясь отъ незначительной чужезарной примѣси. Другое бѣдствіе грозило міру Славянскому и Византіи.

Поверхностная критика нѣсколькихъ нѣмецкихъ писателей утвердила или породила въ ученomъ мѣрѣ мнѣніе о жестокой первоначальной враждѣ Болгаръ, иначе Волаховъ, противъ Славянъ, и о бѣгствѣ Славянъ передъ ними съ Дуная на сѣверъ и т. д. Мнѣніе это почти не стоитъ опроверженія. Можно ли предположить сильное переселеніе семей Славянскихъ на сѣверъ въ то время, когда наиболѣе является ихъ неудержимое стремленіе къ югу? Можно ли думать, что онѣ въ VI-мъ столѣтіи ушли къ истокамъ Эльбы (или Лабы) и къ верховьямъ Дибъра, когда въ концѣ пятаго и во все продолженіе шестаго они нападаютъ на землю Византійскую и на сѣверо-восточную Италію; когда наконецъ онѣ въ концѣ VI-го вѣка составляютъ главную силу ополченій, осаждающихъ Византію, а въ началѣ VII-го переселяются по приглашенію императоровъ цѣлыми, большими племенами въ опустошенную Паннонію и Далматію и мало-по-малу завоевываютъ всю Элладу и самый Пелло-

поинезъ, гдѣ доселѣ живутъ ихъ потомки, получившіе недавно новую жизнь и свободу подъ именемъ Грековъ? Мнѣніе о бѣгствѣ Славянъ съ береговъ Дуная на сѣверъ передъ Болгарами (тѣми же Славянами, отдѣленіемъ древняго Сако-Гунскаго казачества) не выдерживаетъ разбора: оно основано на весьма простой ошибкѣ. Болгаре назывались также и Вологами (вѣроятно Вольгары по двумъ произношеніямъ имени Волги), а имя Вологъ ввело старыхъ лѣтописцевъ въ обманъ. Они смѣшали его съ именемъ Волоховъ или Влаховъ, т. е. Кельтовъ (отъ Гаэль, Гаэлахъ), завоевавшихъ въ древности часть Придунайской стороны, Чехію, гдѣ они оставили свое имя (Бойевъ) и землю Прикарпатскую, (генералій Галичъ и можетъ быть часть Волыни). Имя же Кельтовъ, вѣковыхъ владѣтелей сѣверной Италіи, было перенесено Славянами, также какъ и Германцами, на Итальянцевъ-Римлянъ, и преданіе о бѣгствѣ передъ древними Влахами-Кельтами и особенно Римлянами во дни Траяна и паденія Гетовъ было перенесено полу-ученымъ, полу-забывчивымъ потомствомъ на Болгаръ (Вологовъ), Славянъ, которые никогда своей братьи ни откуда не выгоняли. Кто не узнаетъ Римлянъ по ихъ языку въ переродившихся ихъ потомкахъ, Валахахъ? и кто замѣтилъ что нибудь неславянскаго въ Болгарахъ?

Отъ востока и очевидно отъ юго-востока теперешней Россіи двинулся воинственный народъ, свирѣпый и грабительный, враждебный всѣмъ другимъ народамъ и совершенно чуждый всякому просвѣщенію. Этотъ народъ явился подъ именемъ Аваровъ. По правамъ своимъ онъ могъ бы быть приписанъ и доселѣ приписывается къ вѣтви Финно-Турецкой; но Восточныя лѣтописи не знаютъ его имени. Первое его появленіе на устьяхъ Дона нисколько не указываетъ на Средне-Азійскую колыбель и имепя князей Аварскихъ и многія особенности въ ихъ обычаяхъ также не указываютъ на семью Тюркскую. При теперешнихъ данныхъ трудно и едва ли возможно опредѣлить истинное происхожденіе Аваровъ: одно только безпристрастное и ученое изслѣдованіе особенностей нарѣчія Аварскаго въ горахъ Кавказскихъ представить, можетъ быть, со временемъ данныя для разрѣшенія этого тѣмнаго вопроса.

Разумѣется, надобно будетъ отдалить всю стихію Тюркскую, занятую Аварцами отъ сосѣдей, и опредѣлить стихіи, принадлежащія въ особенности ихъ малой семьѣ.

Движеніе Аваровъ очевидно шло на перерѣзъ направленію, взятому Болгарами на юго-западъ отъ средней Волги къ устью Дуная и само было направлено прямо на западъ или даже на сѣверо-западъ. Страна Прикавказская была точкою отправленія, далѣе которой не возможно прослѣдить ихъ. Возвратнаго движенія Аварскаго народа или отдѣленія отъ него какой нибудь вѣтви исторія не знаетъ, а между тѣмъ имя ихъ сохранилось съ ихъ воинственною славою въ неприступныхъ горахъ сѣверо-восточнаго Дагестана: слѣдовательно нѣтъ никакой разумной причины искать имъ отечества внѣ Кавказской области.

Смѣшно бы было предполагать тождество Аваровъ и мнимыхъ Абировъ Византійскихъ писателей. Абирь, какъ уже сказано, ничего, какъ простое искаженіе слова Сабирь, Сіянь-бий (какъ Манджурь — Манджуй и Татарь — Татань).

По всѣмъ вѣроятностямъ Аваровъ должно считать остаткомъ первожителѣй Кавказскихъ, обломкомъ того великаго и завоевательнаго племени, которое грозою меча и дикаго мужества разгромило всю западную и среднюю Европу и бросило свои колоніи далеко на югъ въ Испанію и Италію и сѣверную Грецію, — племени Кельто-Кумрійскаго. Имя уже извѣстное въ далекой Галліи (напр: въ землѣ Битурнговъ городъ *Аварикумъ*), гремѣвшее въ Италіи и Панноніи подъ другою формою *Омброновъ* и *Амброновъ* появляется снова въ своихъ обихъ формахъ, — Аваровъ у Византійцевъ и Обровъ у Славянъ, и оно является опять со всѣмъ прежнимъ ужасомъ неукротимой воинственности.

Разумѣется, не должно предполагать полнаго сохраненія Кельто-Кумрійской стихіи во всей ея чистотѣ отъ VI-го вѣка прежде Р. Х.

до VI-го послѣ Р. Хр. Это бы было предположеніе безумное, особенно при огромномъ и безпрестанномъ движеніи народовъ на Кавказѣ и при его подножійхъ. Но нельзя не замѣтить, что и теперь въ сѣверномъ Дагестанѣ сосѣди и кажется одноплеменники Аварцевъ, Ингуши, называютъ себя Галами и что въ юго-восточной Венгріи, гдѣ по всѣмъ вѣроятностямъ сохранились еще потомки древнихъ Аварцевъ, горный Шотландецъ узнаетъ еще свой цестрый тартанъ и слышитъ волынку, любимую музыку своихъ родныхъ долинъ. Можетъ быть самое имя волынки, какъ и области Волынской, удержало память о Гальскомъ началѣ.

Отъ Кавказа двинулись Авары въ половинѣ VI-го вѣка на устья Дона, перехватили путь Болгарамъ, побѣдили ихъ, также какъ и ихъ союзниковъ Антовъ, разбили отдѣльныя семьи Уйгурскія, кочевавшія въ то время по всей степной области отъ Волги до Дуная, вѣроятно увлекли ихъ съ собою и, накопляя все новыя и новыя силы, завоевали или разгромили всю область Прикарпатскую, землю Чеховъ и Венедовъ, и проникли въ Турингію и къ границамъ Меровингской державы. Множество народовъ (между прочимъ всѣ Уйгуры) въ то время бѣжали передъ восточными завоевателями изъ Средней Азіи въ Европу и прорывались черезъ Волгу въ древнюю область Славянскую. Безсильные и не связанные между собою постояннымъ союзомъ, они бродили по безпредѣльной землѣ, набѣгая на селенія, грабя ихъ или налагая на нихъ временныя дани. Возставалъ ли какой нибудь вождь смѣлый и предприимчивый или новая семья приходила изъ другой страны, всѣ разрозненныя кочевья сливались волею или неволею въ одну могучую дружину и стремились неудержимо на области сосѣднія для завоеванія и грабежа. Слабѣла семья или орда, правившая всѣмъ союзомъ: части распадалась и ожидали новаго средоточія для новой совокупной дѣятельности. Такова почти вся лѣтопись Средней Азіи, таковы явленія степей Приволжскихъ и Приднѣпровскихъ. Авары были по всѣмъ признакамъ народомъ непогочисленнымъ, по мужественнымъ и привычнымъ къ боевой жизни и, побѣдивъ разбѣянныхъ Уйгуровъ, они у-

крѣпили себя частью побѣжденныхъ дружинъ; побѣдивъ Славянъ, они стали въ ихъ главѣ для новыхъ завоеваній, обѣщая имъ охрану отъ другихъ непріятелей, Франковъ, Тюрковъ или Византійцевъ, и повья пространныя владѣнія въ богатыхъ странахъ юга. Они дѣлались средоточіемъ Славянскаго казачества, постояннымъ войскомъ, около котораго стекались бездомные удалыцы, предпочитавшіе разгулъ боевой жизни мирному быту въ своей родной сельской общинѣ; они вскорѣ сдѣлались владѣльцами и угнетателями края и двинули цѣлыя племена Славянскія къ стѣнамъ Византіи и въ самую внутренность Элады. Нестерпимы были оскорбленія, наносимыя Аварами Славянамъ, несносны ихъ поборы и грабительства, (подъ видомъ зимняго поста, продовольствія и т. д., по словамъ западныхъ лѣтописцевъ). Оскорбленія и грабежъ вызвали наконецъ сопротивленіе и возстаніе. Авары погнали, задавленные превосходною силою Славянскою: но во время своего полутравѣковаго владычества они дали міру Славянскому завоевательное движеніе, не разъ угрожавшее царству Франковъ на западѣ и Лонгобардовъ въ Италіи, уничтожившее въ Иллиріи Германское населеніе Гепидовъ, обхватившее всю древнюю Грецію, потрясшее Византійскую имперію, но въ то же время влившее свѣжую и здоровую кровь въ ея ослабшія и истощенныя жилы. Первое направленіе Аваровъ, также какъ и ихъ предшественниковъ, Кельто-Кимвровъ и Кавказскихъ Яз-Зиговъ (Адиге—жители западнаго, Авары—восточнаго Кавказа) было на сѣверо-западъ. Остановленные сильными Вендами Приэльбскими или привлеченные богатствомъ древней Панноніи (теперешней Венгріи), они перенеслись въ роскошныя равнины страны Придунайской и тамъ основали свое главное кочевье, свой царскій или правительственный кругъ. Нѣкоторыя семьи Славянскія, предпочитавшія миръ битвамъ даже за свободу, покорились имъ и признали ихъ правительственную власть; другія, гордясь своею военною славою и давнишнею свободою, вступили въ борьбу и были побѣждены. Такъ погбли сильныя Анты Прикарпатскіе, Сѣверяне (Себирь) и Эфталиты Придонскіе (очевидно тѣже Гунны, которые

извѣстны подѣ именемъ Эфталитовъ въ исторіи Персіи, и очевидно Славяне, по ихъ соединенію съ Сѣверянами); такъ Болгаре послѣ безполезной борьбы прекратили переселеніе свое на Дунай и заключились на время въ области Приволжской. Владычество Аваровъ было непродолжительно. Многія Славянскія семьи освободились еще въ концѣ VI-го столѣтія; Венды и Сербы сѣверо-западные отложились въ началѣ VII-го; ихъ примѣру послѣдовали народы на сѣверъ отъ Карпатовъ. Венды Гоританскіе (Каринтія) и Чехи подѣ предводительствомъ какого-то Франкскаго кунца *Само* (лица очевидно вымышленнаго и едва ли не родившагося отъ слова Славянскаго *сами*) основали не надолго самостоятельное государство, передѣ которымъ бѣжали не только полчища Аварскія, но и дружины Франковъ, Саксовъ и Лангобардовъ, побѣжденныхъ въ 630-мъ году при Востестибургѣ. Болгаре Приевксинскіе вступили въ союзъ съ Византіянами и одинъ изъ ихъ князей въ 619-мъ году уже принялъ христіанство (очевидное доказательство не-тюркскаго происхожденія Болгаръ); Болгаре Паннонскіе (союзники Аваровъ) потребовали уже первенства и назначенія начальника всему союзу изъ ихъ племени: но время еще не наступило. Славяне сѣверо-западныя дѣйствительно освободились, также какъ и западныя, подчинившіеся въ послѣдствіи Аварамъ только по временамъ; по Прикарпатскіе Славяне были побѣждены и освободились уже позднѣе. Болгаре Паннонскіе были почти истреблены, Приевксинскіе снова принуждены къ покорности. Авары устремили всю силу Славянскаго міра на Византію.

Маври- Велика была гроза надѣ Византіею. Царство Сассанидовъ кій, Фока въ Персіи клонилось къ упадку отъ безсвязности государст- иИраклій. веннаго состава изъ одичавшихъ и полупезависимыхъ пародовъ, соединенныхъ только внѣшними узами царской власти, и отъ внутренней слабости государственной религіи, магізма, утратившаго свою чистоту и принявшаго въ себя весь характеръ заклинательнаго Кушитства. Христіанство проникло далеко въ древній Иранъ до самой Бактріи, ея сѣверо-восточной окопечности, гдѣ рассказы Китайскихъ путешественниковъ

указываютъ весьма ясно въ IV-мъ вѣкѣ на пасхальные обряды христіанъ: но древняя вѣра еще не утратила своихъ поклонниковъ. Они возстали мечемъ и муками противъ новаго исповѣданія. Раздраженіе народнаго фанатизма возвратило временную силу умирающей религіи и ослабшему государству. Знакомство съ Эллинскимъ міромъ и занятія отъ него вещественныя усовершенствованія дали Персіи новыя силы для военной дѣятельности. Слабость Византіи, сдавленной напоромъ дунайскихъ Славянъ, управляемой ничтожными государями и потрясенной религіозными спорами, позволили Персидскимъ царямъ воспользоваться счастливыми обстоятельствами для распространенія и укрѣпленія своей власти. Держава Сасанидовъ блеснула передъ своимъ конечнымъ паденіемъ славою, доселѣ не забытою на Востокѣ, и великими царями, которыхъ имена гремятъ еще въ народныхъ пѣсняхъ племенъ Заевфратскихъ. Гунны Эфталиты (очевидная смѣсь Восточно-Иранской стихіи и Тюркскаго наплыва), долго владѣвшіе Персією или разорявшіе ее данями и набѣгами, были побѣждены и почти уничтожены, пригорье Кавказское было завоевано или принято въ союзъ, нашествія Тюрковъ отражены, Сирія и часть Малой Азіи опустошены. Въ это время двинулись Авары черезъ Дунай и дружно двинули съ собою всю силу Придунайскихъ Славянъ. Войска императоровъ бѣжали, крѣпости были обойдены или взяты: потокъ дикарей затопилъ всю Мизію и Фракію, и стѣны Византіи едва могли спасти ее отъ Аваро-Славянской дружины. Въ это время голосъ народа возвелъ на престолъ императора достойнаго и великаго полководца. Государство погибало, области Азіи были завоеваны или опустошены Персами; области Европейскія были въ рукахъ Славянъ и Аваровъ. Онъ купилъ золотомъ временный миръ у сѣверныхъ непріятелей и обратилъ оружіе противъ Персіи. Побѣжденные Персіане просили мира и возвратили отнятыя области; покровительство Маврикія возвело на престолъ Персидскій законнаго наслѣдника, изгнаннаго придворною крамолою. Императоръ, усмиривъ Востокъ, ополчился противъ Аваровъ, нарушившихъ мирные договоры, и снова узнали дикари

превосходство Римскаго оружія при искусномъ вождѣ. Авары побѣжденные бѣжали; Славяне бѣжали или покорились. Цѣлость и честь имперіи были восстановлены: но не надолго. Войско убило великаго государя и возвело на престолъ чловѣка свирѣпаго, безразсуднаго и бездушнаго. Ужасны были бѣдствія государства, отъ вѣшнихъ враговъ и отъ безчеловѣчнаго императора; безпримѣрно униженіе; гибель казалась неизбѣжною. Беззаконный и недостойный правитель, знавшій про народный ропотъ и про ропотъ духовенства, искалъ опоры въ благословеніи епископа Римскаго, перваго изъ западныхъ епископовъ и тогда уже почти получившаго значеніе главы всего западнаго духовенства. Признаніе первенства Римскаго престола передъ всѣми другими, увеличеніе его правъ духовныхъ и утвержденіе за нимъ правительственныхъ правъ въ Римской области, купили дружбу папы. Своєкорыстная благодарность епископа освятла беззаконіе императора, и допавшихъ временъ позорный столбъ въ Римѣ напоминаетъ о дарахъ императора Фоки и представляетъ торжественное свидѣтельство объ нагомъ подкупѣ и о безстыдной подкупности. Но ничто не спасло гнуснаго похитителя и убійцы. Возмущившійся Египетъ выслалъ ополченіе подъ предводительствомъ Ираклія и побѣда вызвала на престолъ достойнаго владыку. Начала его царствованія были несчастны. У него не было ни войска, ни казны, а ему предстояла борьба съ одной стороны противъ Аваро-Славянъ въ полномъ развитіи ихъ силъ и подъ предводительствомъ вождя замѣчательнаго по предпріимчивости, мужеству и лукавству, съ другой стороны противъ величайшаго изъ всѣхъ государей династіи Сассанидовъ, возведеннаго на престолъ Византіею какъ будто на гибель Византіи. Хозрой Парвизъ завоевалъ Сирію, Египетъ и Малую Азію и обложилъ Константинополь съ моря. Авары завоевали всю Мизію, Фракію и обложили Константинополь съ сухаго пути. Императоръ, лишанный государства, отчаялся въ спасеніи столицы: онъ хотѣлъ удалиться въ Африку. Патріархъ и народъ остановили его, и мужество подданныхъ нашло отголосокъ въ душѣ правителя. Неутомимое постоянство, многолѣтняя безпрерывная

война и рядъ подвиговъ почти невѣроятныхъ, въ которыхъ Ираклій показалъ не только искусство полководца, но и мужество единоборца, спасли имперію; Побѣжденный Хозрой погибъ, Персія была сокрушена, все утраченныя области на востокѣ возвращены, Авары снова прогнаны за Дунай; нравственная сила государства выказалась въ полномъ блескѣ. Таково было дѣло Ираклія. Но вещественныя силы имперіи были истощены. Востокъ опустѣлъ отъ грабительства Персовъ, Европейскія области опустѣли подъ бурю Аварскаго нашествія. Мѣра, принятая Иракліемъ, удалила на многіе вѣка паденіе государства.

Онъ понялъ характеръ народовъ, окружающихъ Византійскіе предѣлы; онъ видѣлъ, что при набѣгахъ дикихъ Задунайцевъ, Авары и другія племена имъ подобныя, Германскія (какъ Гепиды) и Финно-Турецкія (какъ Уйгуры) стремились только за грабежемъ и, отягченные добычею, возвращались въ свои пустыни до новаго набѣга, а Славяне оставались охотно въ обезлюдѣвшихъ областяхъ и, осѣдая какъ плодоносный иль послѣ бурнаго наводненія, возвращали жизнь мертвому краю. Остатки древнихъ Эпиротовъ и вѣроятно обломки Кельтскихъ народовъ Придунайскихъ и Альпійскихъ, удаляясь передъ новыми нашествиями, заключались въ горахъ западной Греціи и сохраняли тамъ свою несмягчаемую дикость и свирѣпыя нравы, передаваемые имъ своимъ потомкамъ Албанцамъ. Славяне вливались мало-по-малу въ имперію мирными колоніями, даже тогда, когда приходили какъ вооруженные завоеватели, обхватывали ее сѣтью своихъ семейныхъ общинъ и принимали въ душу и жизнь начала просвѣщенія и разумной законности. Ираклій постигъ глубоко-человѣческую и правдолюбивую пріобрѣтенную Славянами и пригласилъ Славянъ Прикарпатскихъ въ Придунайскую область. Сербы и Хорваты явились на зовъ его и заняли часть древней Панноніи и Иллиріи. Мало-по-малу отдѣленія ихъ, или Болгаръ, которые давно уже жили на нижнемъ Дунаѣ, или новыхъ пришельцевъ Болгаръ, основателей отдѣльнаго государства, проникли далѣе и далѣе на югъ. Македонія и Фессалія наполнились ихъ колоніями. Области, рѣки и урочища приняли Славянскія имена, города приняли Славян-

ское население. Наконец и древній Пеллопоннезъ сдѣлался землею Славянскою и принялъ новое имя земли *морской* или *Морей*, но скоро и самые Славяне покорились высшему развитію Эллиновъ: они приняли отъ нихъ вѣру, просвѣщеніе и языкъ. Эллада ожила новыми жителями; Авары были навсегда заключены въ свою Задунайскую область; сѣверныя границы имперіи были навсегда спасены отъ гибельнаго напора дикарей, ибо позднѣйшая война съ Болгарами была уже борьбою государства съ государствомъ и кончилась завоеваніемъ духовнымъ Мысль Ираклія принесла богатые плоды: слѣды ея никогда не изгладятся, и ея великое значеніе ежедневно будетъ становиться яснѣе и яснѣй для просвѣщеннаго міра.

II.

Ираклій, какъ и многіе другіе изъ Византійскихъ императоровъ, не оцѣненъ европейскими историками. Западъ, влюбленный въ свою собственную славу, остается равнодушнымъ къ великимъ явленіямъ остальнаго міра, и особенно не благоволяетъ къ Византіи и къ Славянамъ, сохраняя безсознательно вражду, завѣщанную Германцами и католицизмомъ. Имя Ираклія и его подвиги для всякаго безпристрастнаго судьи должны стоять по крайней мѣрѣ на ряду съ Брюсомъ Шотландіи, съ основателемъ Габсбургскаго дома и съ Саксонцемъ, спасшимъ Германію отъ Венгровъ. Славяне, переселенцы въ Византійскую область, долго отстаивали ее отъ враговъ и въ Европѣ и въ Азіи, куда они были очевидно приглашены, а не насильно приведены Константиномъ Копронимомъ. Они не спасли Византіи, ибо ей должно было и невозможно было переродиться; но они положили основаніе будущей исторіи юговосточной Европы, исторіи, которой первая заря занялась только въ наше время, а дѣль впереди. Не должно забывать, что самые такъ называемые Греки, недавно освободившіеся отъ ига Турецкаго, происходятъ по большей части отъ Славянскихъ предковъ и что въ нихъ безъ сомнѣнія выразится общечеловѣческое стремленіе племени Славянскаго, облагороженное великою личностью Эллина, но исправляющее ея гордую и излишнюю односторонность. Военныя пѣсни Клефтовъ и Арматовъ представляютъ разумной критикѣ свидѣтельство этого соединенія двухъ началъ въ современномъ Грекѣ. Ихъ первообразъ па-

ходится въ Русской пѣснѣ: ихъ изящно-поэтической очеркъ носить характеръ прекрасной Элады. Пластическое совершенство подробностей (напр. въ спорѣ Олимпа съ Киссавомъ) завѣщено духомъ, создавшимъ Гомера и Пиндара, отрицательныя формы сравненія, признаніе разумной жизни во всей природѣ и весь практической смыслъ принадлежать вполне и неотъемлемо Славянской и по преимуществу Русской пѣснѣ. Если-бы розысканія историческія и Византійскія лѣтописи не доказывали съ совершенною ясностью славянизации всей Элады въ VI, VII и VIII-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х., то одни пѣсни Клефтовъ могли бы служить достаточнымъ и болѣе чѣмъ достаточнымъ доказательствомъ этого историческаго факта. Прибавимъ еще, что есть въ пѣсняхъ Клефтскихъ такіе отрывки, которые не только созданы духомъ Славянеимъ, но должны считаться простымъ обломкомъ старинныхъ пѣсней, предшествовавшихъ эллинизации южныхъ Славянъ въ Морѣ и Фессалии. Такъ напр. конецъ пѣсни, въ которой Клефтъ велитъ сказать своей женѣ, «что женился онъ на другой женѣ, на сырой землѣ» и. т. д. Этимъ самымъ порученіемъ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ кончается извѣстная Русская пѣсня. И такъ мы имѣемъ не только свидѣтельство неоспоримое племеннаго тождества между теперешнимъ Грекомъ и Славянами, но еще свидѣтельство древности нѣкоторыхъ Русскихъ пѣсней, древности, восходящей ко времени, предшествующему Славянской колонизации Элады, т. е. по крайней мѣрѣ къ V-му столѣтію послѣ Р. Х., а вѣроятно и далѣе. Такова важность Клефтскихъ пѣсней въ отношеніи историческомъ; но художнику и философу представляютъ онѣ еще для изученія чудный примѣръ сліянія двухъ народныхъ личностей въ одно органическое цѣлое, сохранившее явные признаки своихъ коренныхъ началъ. Только ясное пониманіе такихъ явленій можетъ объяснять и многія явленія глубочайшей древности, напр. образованіе нарѣчія Латинскаго изъ Славянскаго съ примѣсями Италійскими и Эллино-Пелазгскими.

Аравія. Ея племен- ния и ре- лигіозныя стхія. Во время побѣдъ Аваровъ и Персовъ и окончательнаго тор- жества Византіи падъ ними (т. е. въ началѣ VII-го вѣка послѣ Р. Х.) началось новое движеніе умственное и народное, пер- редъ которымъ суждено было погнубить и Персію и Визан- тію, и всѣмъ остаткамъ Эллискаго міра. Въ это время роди- лось и стало крѣпчать ученіе Магомета; въ это время про- будилась воинственная энергія Аравіи, страны дотолѣ незамѣ- ченной исторіею.

Вообще критика привыкла смотрѣть на Аравію, какъ на землю населенную однимъ племенемъ, раздѣленнымъ на нѣ- сколько вѣтвей. Нѣтъ сомнѣнія, что такое мнѣніе въ отно- шеніи къ Аравіи менѣе неразумно, чѣмъ въ отношеніи къ Индостану, въ которомъ двойственность духовнаго начала и тройственность начала народнаго совершенно ясны: за всѣмъ тѣмъ оно одинаково ложно въ обоихъ случаяхъ. Преданія мѣстныя содержатъ въ себѣ явное свидѣтельство о враждѣ и борьбѣ южной Аравіи съ сѣвѣрною (подобно борьбѣ Индо- стапа и Декапа); преданія Палестины указываютъ на коло- низацію сѣвѣрной Аравіи изъ областей При-араратскихъ, т. е. Ирацскихъ. Исторія Египта и преданія, связанныя съ нею, содержатъ неоспоримое доказательство колонизаціи Африкан- ской или Кушитской съ юга по побережью морей. Иначе и быть не могло. Безконечное расширеніе Кушитской власти, которымъ открываются историческіе вѣка, не могло миговать области ближайшей къ колыбели народовъ Кушитскихъ: по сухая и неплодная степь не привлекала завоевателей или колонистовъ, передъ которыми растлмался еще весь міръ во всей своей роскоши и безпредѣльности. Дѣти Куша и Мит- сранна заняли только часть береговой полосы и плодородныя долины или скаты горъ, прославившіеся издревле подъ име- немъ блаженной страпы. Безъ сомнѣнія, они проникли и далѣе вверхъ по Персидскому заливу, откуда они въ послѣдствіи переселились на берега Средиземнаго моря и основали вели- кія торговыя колоніи Сидона и Берита, города полные богат- ства и разврата, подчинившіеся въ послѣдствіи первенству предприимчиваго Тира, созданнаго воинственными племенами

Прикавказской Иверии. Отдѣльныя вѣтви Кушитовъ разселились и въ самыхъ горахъ сѣверной Аравіи, въ ея дикихъ ущелияхъ и на окраинахъ ея песчаныхъ степей, связывая почти непрерывною цѣпью завоеванные берега Тигра и Евфрата, и роскошь Кушитскихъ столицъ, Вавилона и Нинивіи, съ верховьями и берегами Нила, колыбелью всѣхъ великихъ доисторическихъ царствъ; и вездѣ, гдѣ основался поклонникъ органической необходимости, безмолвный художникъ, побѣдитель вещественной природы, вездѣ врѣзалъ онъ пещерные храмы въ стѣнахъ отвѣсныхъ скалъ, или обращалъ цѣлыя горныя ущелія въ чудные памятники смѣлаго зодчества, или пролагалъ водамъ новые пути въ нѣдрахъ упорнаго гранита, или заключалъ ихъ въ гигантскія храпища, обезпечивающія плодородіе знойнаго и маловоднаго края. Такъ и теперь путешественникъ встрѣчаетъ въ горахъ Аравіи великолѣпныя развалины древнихъ забытыхъ городовъ, въ области уже снова засохшей и неспособной для человѣческаго жительства; такъ преданія Аравіи еще сохраняютъ память объ огромномъ искусственомъ озерѣ и его исполненной плотинѣ и объ рукоздатномъ эдемѣ, разрушенномъ напоромъ водъ и землетрясеніемъ и обратившемся снова въ безплодную пустыню. Но между поселеній Кушитскихъ и по всей ширинѣ степей и по земнымъ островамъ ея кочевали или селились древніе пришельцы съ сѣвера, одноплеменники жителямъ земля Ханаанской, вѣроятно одноплеменники и Кушитовъ, но менѣе развитые въ ихъ художественномъ и ученномъ направленіи, и всѣ эти племена дружились или враждовали между собою, вступали въ одинъ кровный союзъ и сливались въ одну народную семью. Послѣ перваго торжества Кушитовъ возсталъ сила Ирана, вызванная угнетеніемъ, наученная вещественному знанію и государственной мудрости отъ своихъ завоевателей. Восточная Бактрія смотилась въ государство, Приевфратскія столицы Кушитовъ перешли въ руки Иранцевъ; народы Приараратскіе завладѣли Палестиною; власть Египта заключена была въ тѣсные предѣлы; семьи пастырей проникли на самые берега Нила и приобрѣли на время верховную власть въ

царствѣ Фараоновъ: потокъ новопришлыхъ народовъ разлился по всей Аравіи, усиливаясь со дня на день, стѣсняя прежнихъ владѣльцевъ, и смѣшиваясь съ старожилами. Такъ поселились въ степи братья семьи Еврейской, Моавиты и Аммоиты, и весь родъ Измаэлитовъ, и позднѣйшая семья Исавлянь, и многія другія менѣе извѣстныя и вѣроятно древнѣйшія. Общее движеніе Сиро-Аравійское создало вездѣ, изъ смѣшенія однихъ и тѣхъ же стихій, одни и тѣ же племена и языки; но чистые или почти чистые Кушиты держались долѣе на поморьѣ южнаго океана и долѣе сохраняли свои древніе уставы и обычаи. Религіозная борьба и религіозный синкретизмъ отозвались и на югѣ, но съ меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ въ области Прпливанской. Широта стеной и невольная разьединенность отняли у столкновенія его рѣзкость и у борьбы ея свирѣпость. Прошли вѣка, въ міръ Аравійскій, почти отдѣльный отъ остальнаго міра, разлился по своимъ особымъ законамъ, довольно однообразнымъ для всей Аравіи, но нѣсколько различнымъ по различнымъ мѣстностямъ.

Такъ сѣверъ удерживалъ болѣе основную идею еднубожія и характеръ Ирана, югъ идею многобожія и характеръ Кушитскій. Между тѣмъ отдѣльныя части Аравіи подпадали то власти Египта, то власти Эіопіи, часто владѣвшихъ обоими берегами Чермнаго моря и берегами Южнаго океана; сѣверныя области обращались въ подданство или царствомъ Еврейскимъ, или Ассирією, или Персіянами; но временное владычество иноземцевъ мало измѣняло характеръ и обычаи туземцевъ, вольнолюбивыхъ, отчасти кочевыхъ и несклонныхъ къ быту государственному. Нѣтъ сомнѣнія, что незначительное по пространству своему и недолговѣчное царство Іудейское, сильное внутреннимъ духомъ и возвышенностью своего религіознаго ученія, имѣло болѣе всѣхъ другихъ вліянія на родственныя ему племена Аравіи. Много идей религіозныхъ, много преданій и воспоминаній старины было пробуждено Израилемъ въ землѣ Измаэлитовъ и Исавлянь и другихъ семей единокровныхъ съ ними. Паденіе царства Израильскаго бросило колоніи Еврейскія далеко на югъ къ

верховьямъ Нила и тамъ возникло новое царство Еврейское въ одичавшей колыбели Кушитской мудрости. Окончательное паденіе Іерусалима усилило древнюю колонию. Между тѣмъ изъ Египта вверхъ по Нилу проникло христіанство, и въ Абиссиніи возникло, рядомъ съ царствомъ Еврейскимъ, царство христіанское, и обѣ стихіи перенесены были на западные берега Аравіи съ ихъ взаимною борьбою, съ ихъ сильнымъ и духовнымъ ученіемъ. Ослабленіе Римской имперіи и паденіе Паревянъ открыло смѣлымъ племенамъ пустыни путь на Сѣверъ. Низовья Евфрата и Тигра, часть Палестины и Сиріи были ими опустошены. Царство, ими основанное, грозило Персіи и спорило о первенствѣ съ Римомъ во время Авреліана. Общая жизнь человѣчества проникала все болѣе и болѣе въ южный полуостровъ, такъ долго отъ нея отчужденный. Къ концу VI-го столѣтія на берегахъ Чермнаго моря стали лицомъ къ лицу другъ противъ друга самыя разнородныя пачала жизни духовной. Идолопоклонство, введенное или по крайней мѣрѣ усиленное торжествомъ южнаго племени Юктанидовъ, остатки Іудейскаго царства, уже распавшагося послѣ кратковременной воинственной славы, но сохранившаго еще въ нѣсколькихъ неприступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, остатки христіанства, ослабленнаго временною побѣдою Персіи, завоевавшей часть Аравіи вмѣстѣ съ Палестиною и Египтомъ, и остатки древняго звѣздопоклонства, (поэтическаго очищенія многобожія), завѣта Ассирійской и Вавилонской старины. Великое религиозное броженіе происходило въ глубинѣ благородной и созерцательной природы народовъ Аравійскихъ.

Христіанство, униженное въ глазахъ иновѣрцевъ безпрестанными раздорами религиозными и глубокимъ развратомъ христіанскихъ народовъ, не было понято во всей своей простотѣ и строгой послѣдовательности своихъ положеній. Ревность его проповѣдниковъ остыла или была по неволѣ обращена на внутреннія междуусобицы церкви. Оно являлось многосложнымъ сборомъ ученій и обрядовъ случайныхъ и мало связанныхъ между собою. Еврейство, ученіе простое и строгое, связанное съ племенами Аравійскими общимъ преданіемъ и

Мухаммедъ. Характеръ ислама.

распространявшееся нерѣдко посредствомъ проповѣди (какъ видно изъ обращеній къ мозаизму въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. и въ I-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. и особенно изъ обращенія Іемецкаго царя Тобба въ началѣ IV столѣтія), было неудовлетворительно по скудости загробныхъ обѣщаній, по излишеству законныхъ обрядовъ, и особенно по своему характеру религіи ожидающей, а не исполненной, и ожидающей уже не духовнаго совершенства, по вещественнаго торжества. Сабейзмъ и идолопоклонство, еще не погибшія, даже временно торжествующія, были слишкомъ грубы, вещественны и заклеяны неразумнымъ произволомъ для долгой борьбы съ другими высшими началами. Внутреннее броженіе мысли ожидало выраженія. Оно явилось около конца VI-го вѣка въ лицѣ Пзмаэ-лита Мугаммеда. Бѣдный Аравитянинъ, хотя изъ весьма именитаго рода, одаренный рѣдкимъ мужествомъ, умомъ необычайнымъ, восторженнымъ краснорѣчіемъ и высокимъ даромъ поэзіи, онъ былъ совершенно свѣдуецъ во всѣхъ преданіяхъ своего племени, исполнивъ презрѣнія къ многобожію, отчасти знакомъ съ христіанствомъ въ его несторіанскомъ искаженіи и съ ученіемъ Евреевъ. Съ раннихъ лѣтъ почувствовалъ онъ стремленіе къ преобразованію своей родины, къ слитію въ одно цѣлое разнородныхъ началъ, которыхъ борьба волновала всю Аравію. Въ началѣ VII-го вѣка явился онъ проповѣдникомъ новаго ученія, основаннаго, какъ мозаизмъ, на преданіи рода Авраамова и на единобожіи, богатаго надеждами на блаженное безсмертіе, признающаго себя за исполненіе всѣхъ прежнихъ обѣщаній, проникнутаго и облагороженнаго многими уроками, занятыми у христіанства, особенно же глубоко и во всѣхъ своихъ подробностяхъ согласнаго съ жизнію и требованіями племени, изъ котораго оно возникло.

Коранъ, возведенный въ религію быта Аравійскаго въ его простотѣ и Аравійскаго характера со всѣми его отбѣнками, долженъ былъ найти ревностныхъ послѣдователей: онъ долженъ былъ сдѣлаться религіею всего народа и всѣхъ народовъ кочевыхъ, воспитанныхъ подъ условіями жизни, похожей на жизнь Аравитянина. Такимъ об-

разомъ объясняется огромное распространение магометанства между Тюрками, Берберами, Иранцами Заевфратскими и въ самой внутренней Африки.

Дивная прелесть увлекательнаго краснорѣчія, поэтическое слово и поэтическая вѣра въ свое призваніе, смѣлость духа, не слабѣющаго въ опасностяхъ, и дальновидность въ расчетахъ доставили скоро Мугаммеду многочисленныя толпы поклонниковъ. Его ученіе было возвеличеніе жизни народной, его гордость была гордость народная, дотолѣ оскорбленная исключительными притязаніями Израиля, его торжество должно было быть торжествомъ народнымъ. Изъ всѣхъ концовъ Аравіи толпились дружины около новаго вождя и вождь этотъ велъ ихъ къ войнѣ и почти всегда къ побѣдѣ и отдавалъ имъ весь плодъ своихъ побѣдъ, удерживая за собою только славу святости и вдохновенія. Скоро покорилась вся Аравія и престарѣлый учитель передъ смертію своею уже указывалъ вооруженнымъ толпамъ своихъ учениковъ на столицу Персіи и на городъ Константинополь, какъ на цѣль ихъ будущихъ завоеваній.

Исторія судить по дѣлу и ученію въ связи съ судьбами народовъ и съ ходомъ человѣческой мысли: ей нѣтъ дѣла до личностей. Но нельзя не замѣтить, что едва ли когда нибудь былъ произнесенъ безпристрастный судъ надъ Мугаммедомъ. Религія, имъ основанная, боролась со христіанствомъ въ продолженіи двѣнадцати вѣковъ, и теперь еще, уже внутренне умершая, не исчезла съ лица земли передъ торжествующимъ напоромъ государствъ христіанскихъ. По этому отношенію писателей къ христіанству опредѣляли постоянно ихъ взгляды на Аравійскаго учителя. Безпристрастной критикѣ пора выразить свое мнѣніе безъ любви и безъ гнѣва. Многіе поступки Мугаммеда выказываютъ въ немъ человѣка лукаваго, способнаго къ обману, къ преступленію и къ низкому лицемѣрію. Ему нельзя приписывать ни высокой чистоты душевной, ни глубокой любви къ истинѣ, ни безусловной вѣры въ святость нравственнаго закона, ни безукоризненнаго благородства въ побужденіяхъ. Съ другой стороны не должно забывать, что практическая жизнь, кровавая борь-

ба и свирѣпая вражда единокровныхъ часто искажали лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, и что первая эпоха его дѣятельности не заслуживаетъ никакихъ строгихъ упрековъ. Колѣно Измаэлитовъ сохраняло почти одинаковыя преданія съ колѣномъ Исаака. Въ обоихъ жили ожиданія мессіаническія, принесенныя родомъ Авраама изъ Приараратской родины, ископнаго жилища Иранцевъ, ожиданія свѣтлой эпохи лучшаго богознанія и лучшей человѣческой жизни. Поэтическая душа Мугаммеда любила пламенно и преданія народной старины и гордую надежду на возрожденіе человѣческаго рода изъ Измаэльскаго колѣна Авраамидовъ; пламенно ненавидѣлъ онъ многобожіе, принесенное ипокровными побѣдителями и распространившееся посредствомъ насилія и соблазна. Ни христіанство съ его глубокимъ и чисто-человѣческимъ отреченіемъ отъ личности, ни Іудейство, огрубѣвшее отъ разрыва съ христіанствомъ и заклеянное исключительною народностью, не удовлетворяли страстной природы Аравитянина. Мугаммедъ чувствовалъ стремленіе къ осуществленію надеждъ своего народа, сознавалъ съ собою силу для этого подвига и повѣрилъ въ призваніе свыше. Годъ его рожденія былъ эпохою значительною для его роднаго города по пораженію великаго войска христіанскихъ завоевателей южной Аравіи, и извѣстенъ былъ подъ именемъ *годъ слона*. Въ молодости своей самъ Мугаммедъ былъ призванъ жеребьемъ къ возстановленію святилища Каабы. Всѣ эти случайности, воспламеняя его воображеніе, усиливали его вѣру въ самого себя. Но эта вѣра была вѣрою поэтической, а не глубокою, невольнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ какого нибудь нравственнаго или духовнаго начала. Онъ самъ былъ не мыслитель, а поэтъ: оттого происходила и его восторженная эпергія, источникъ его побѣдъ, и его нравственная шаткость, источникъ его явныхъ обмановъ и даже преступленій. Но въ Мугаммедѣ добро и зло одинаково служили къ успѣху, потому что были одинаково связаны съ характеромъ народа, на который онъ дѣйствовалъ. Добро и зло, соединенныя въ его лицѣ, отразились и на его прямыхъ ученикахъ, и на всемъ мусульманскомъ мірѣ: но нѣтъ сомнѣнія, что самъ основатель ислама былъ въ нравственномъ отношеніи далеко ниже многихъ своихъ послѣдователей. Исторія человѣчества можетъ гордиться именемъ Алія и его дѣтей, Омміада Омара II-го и нѣкоторыхъ Аббасидовъ.

Исламъ явился у Измаэлитовъ съ тѣмъ же значеніемъ, какъ христіанство у Израиля: подобно христіанству онъ истекалъ изъ начала Иранскаго, преданія о свободно-творящемъ духѣ И о Мессіи, обѣщаниомъ міру. Въ немъ выражался и братство двухъ колѣвъ Авраамидовъ и ихъ древнее соперничество. Связь его съ преданіемъ казалась даже тѣснѣе, чѣмъ связь христіанства; и по этому самому понятно, отчего Коранъ былъ принятъ безъ исключенія всѣми семьями Аравійскими, а ученіе апостоловъ отвергнуто большинствомъ Евреевъ; но дѣйствительно христіанство содержало въ себѣ окончательное развитіе началъ заключенныхъ въ преданіи, именно возвращеніе свободы духовной посредствомъ отреченія человѣка отъ своей ограниченной личности и приобрѣтенія новой высшей личности въ совершенномъ человѣкѣ—Мессіи, между тѣмъ какъ исламъ былъ ничто иное, какъ произвольная реформа, внесенная въ преданіе безъ всякаго развитія его началъ. Бездна, разделяющая человѣка и Бога (духа созданнаго и его первобыта) удерживалась навсегда; строгость законная (разумная въ еврействѣ, какъ въ религіи ожидающей и признающей себя за несовершенную) каменѣла въ религіи, признающей себя за совершенную и не освобождающей отъ закона; самыя обѣщанія загробнаго блаженства были заклеены безконечною прихотью случайности, и духовная природа человѣка была навсегда заключена въ цѣпи нескончаемаго рабства. Такимъ образомъ возможность развитія человѣческаго, данная ученіемъ, возникшимъ въ Іудеѣ, была уничтожена въ исламизмѣ, и будущая побѣда христіанства обуславливалась уже самыми первыми началами вѣрованій, назначенныхъ на вѣковую борьбу. Съ другой стороны ученіе Мугаммеда содержало въ себѣ принципы временнаго, но блистательнаго торжества. Глубокое значеніе моноѣистическаго преданія соединялось въ немъ съ роскошью воображенія и вещественной поэзіи; высокія нравственныя побужденія мпились съ страстями человѣческими, съ любовью къ чувственному наслажденію и къ воинской славѣ; ученіе было просто и доступнѣе темному невѣжеству, чѣмъ христіанство, котораго полный смыслъ былъ ясенъ только для немно-

гихъ мыслителей (какъ видно изъ хода и развитія ересей); всѣ учрежденія были вполне согласны съ бытомъ и характеромъ народовъ юго-западной Азіи и сѣверной Африки; наконецъ, и это всего важнѣе, въ исламѣ идея религіозная заключала въ себѣ не только освященіе стремленій завоевательныхъ, но и обязанность завоеваній, и весь народъ вѣрующій былъ обращенъ въ постоянную и восторженную дружину. Съ Мугаммедомъ началась религіозная война, одно изъ важнѣйшихъ и едва ли не самыхъ ужасныхъ явленій въ исторіи, отвратительный обманъ, прикрывающій безчеловѣчіе войны личиною высоко-человѣческаго чувства, братолюбія и любви къ божественной истинѣ, обманъ особенно увлекательный для благороднѣйшихъ душъ и между тѣмъ уничтожающій въ самомъ корнѣ сознание различія между нравственнымъ добромъ и зломъ. Исламъ былъ отечествомъ для магометанъ, и это духовное отечество признавало въ себѣ всѣ права государства и право высшее, сдѣлаться государствомъ всемірнымъ. Такое новое, такое грозное явленіе не могло не потрясти всего міра.

Нельзя не удивиться недосмотру историковъ, которые не замѣтили еще прямой связи между Мугаммедомъ, Баркохабою и другими псевдо-мессіями земли Аравіи-Палестинской. Очевидно, ихъ существованіе, также какъ и стремленіе объясняется общностью преданія Авраамидовъ о Мессіи и самообольщеніемъ, происходящимъ отъ потребности осуществить обѣщанное царство. Сильнѣе было преданіе въ домѣ Израиля и онъ ранѣе выступилъ съ своими притязаніями; преданіе въ колѣнѣ Измаила было слабѣе и темнѣе. Оно долго спало, не замирая, и проснулось отъ прикосновенія христіанства и иудейства. Успѣхъ Мугаммеда и неудача псевдо-мессій Еврейскихъ могли бы объясняться случайными обстоятельствами, силою Рима въ его полномъ развитіи и слабостью Византіи, малочисленностью Евреевъ и многочисленностью всѣхъ Аравійскихъ племенъ и т. д., но истинная причина лежитъ гораздо глубже, а именно въ большей человѣчности ислама и въ исключительной гордости Іудеевъ. Еще страннѣе то, что историки до сихъ поръ не обратили вниманія на исламъ, какъ на явленіе совершенно новое для міра, т. е. явленіе

религіозной войны. Были во многихъ странахъ раздоры и войны, причиненныя разницею вѣрованій (напр. въ Индіи), но это еще не религіозная война въ ея полномъ значеніи. Израиль при вступленіи въ землю Ханаанскую и Иранъ при домѣ Кеанидовъ въ своихъ военныхъ подвигахъ признаютъ себя народами святыми: но Израиль ищетъ простора для поселенія, Иранъ отбивается отъ непріятеля или завоевываетъ въ качествѣ государства, а не вѣры. Это все еще не религіозныя войны. Въ одномъ исламѣ религія проявилась какъ отвлеченное государство, съ правомъ и потребностью всемірнаго завоеванія. На Западѣ христіанство, принявъ наслѣдство Рима, стремилось къ тому же значенію; но всякій безпристрастный критикъ признаетъ, что папская церковь получила свое окончательное опредѣленіе (около времени крестовыхъ походовъ) только отъ противоудѣствія исполинской силѣ мусульманскаго халифата. Въ этомъ смыслѣ христіанство западное было отчасти созданіемъ ислама и получило отъ него новый завоевательный характеръ: но, принимая чуждое начало, оно осталось ниже своего восточнаго соперника. Аравитянинъ завоеватель ставитъ побѣжденнаго наравнѣ съ собою подъ условіемъ единовѣрства, крестоносецъ требуетъ покорности кресту и рабства гражданскаго. Аравійская природа очевидно стоитъ выше Германской и исламъ выше папства. На попріищѣ борьбы военной Сарацены восторжествовали: такъ и должно было быть. Они оставались вѣрными своему началу; христіанство измѣняло самому себѣ. Позднѣе побѣдили христіанскіе народы: таково послѣдствіе высоко-просвѣтительнаго христіанскаго начала, развивающаго человѣческую личность; но побѣда, возможная христіанскимъ народамъ, была невозможна ложному христіанству воюющему. Въ нашъ вѣкъ просвѣщеніе неудержимо завоевываетъ міръ для христіанства и исламъ исчезаетъ. Оружіемъ мессіи Аравійскаго былъ мечъ, оружіемъ мессіи Еврейскаго, замкнувшаго навсегда все Иранское преданіе, было и будетъ слово.

Персія.
Манихей-
ство.
Хозрой и
Ираклій.

Персія и Византія должны были первыя почувствовать силу ислама и отразить его воинственный напоръ, но ни та, ни другая не были способны къ великимъ напряженіямъ, Персія еще менѣе Византіи. Древнее ученіе Ирана не умирало въ области Индо-Персидской съ самой реформы Зердушта; оно пережило державу Кеанидовъ и Густаспидовъ; оно уцѣлѣло въ народѣ подъ владычествомъ Элиновъ, вступило снова, хотя въ грубыхъ и искаженныхъ формахъ, въ свои государственныйя права при дикихъ потомкахъ Парөппина Арсака и явилось во всемъ своемъ первобытномъ блескѣ, хотя не безъ примѣси полу-Кушитскаго поклоненія Астартѣ Бактрійской, при династїи Персидскихъ Сассанидовъ. Сассаниды не были дикарями, не смотря на свирѣпость многихъ законовъ и на обычность кровавыхъ казней. При нихъ цвѣли искусства; древне-Зендскій языкъ, посвященный (какъ Санкритъ въ Индустанѣ) предметамъ религіознымъ, обогащался новыми произведеніями; языкъ Пехлеви (какъ кажется, Западно-Иранскій, судя по великой примѣси Семитическихъ началъ) создалъ новую словесность поэтическую и историческую, нынѣ погибшую, но оставившую слѣды въ преданіяхъ. Многія начала образованности Элинской были приняты народами Иранскими, многія начала мысли древнѣйшей уцѣлѣли на Бактрійскомъ Востоцѣ, гдѣ они въ послѣдствїи слились съ мыслию и поэзіею Аравіи при Газневидахъ и Саманидахъ; любовь къ наукѣ и отвлеченному мышленію продолжала еще оживлять потомковъ великой Средне-Иранской семьи: по живѣе всѣхъ другихъ стремленій выражалось еще стремленіе къ уясненію религіозныхъ понятій. Такъ въ самомъ началѣ Сассанидской династїи торжественнымъ собраніемъ Маговъ было установлено ученіе о зависимости злаго начала отъ свободнаго творческаго духа, согласно съ древнимъ преданіемъ, и отвержено позднѣйшее, сильно распространенное ученіе о равносильности и равновѣчности началъ добра и зла; но утраченная чистота преданія уже никогда не восстанавливается. Внутренняя слабость Зороастризма (неясное понятіе о свободно-творящемъ духѣ Зеруана-Акерепе, нелогическое отношеніе духа злаго къ его

необходимо-злымъ созданіямъ и слѣд: законъ эманационный, произвольность мнѳовъ и, кажется, отчасти примѣсь женскаго антропоморфизма) осталась. Землѣ Иранской не суждено было развить вполне и увѣичать древнее Иранское ученіе; но возстановленый магизмъ Зердушта еще не былъ уличенъ во лжи: онъ могъ бороться и боролся съ ученіемъ дома Израильскаго, уже обнявшимъ всю южную и западную Европу, всю Сирію и Египеть. Медленны были успѣхи христіанства за Тигромъ, упорны сопротивленія маговъ и древнихъ народныхъ повѣрій. Въ послѣдствіи внутренніе раздоры церкви еще болѣе замедлили ея распространеніе на Востокѣ, а политическое торжество ея въ Римскомъ мірѣ подняло противъ нея политическую вражду и политическія гоненія въ области Мидо-Персидской, очевидно не безъ собственной вѣпы христіанъ, утратившихъ чистоту христіанскаго духа. За всемъ тѣмъ христіанство росло и проникало далѣе и далѣе. Въ пятомъ или шестомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. оно, кажется, уже открывало себѣ пути въ Китай, и основывало мелкія общины въ Индустанѣ, а въ третьемъ уже безъ сомнѣнія считало многихъ послѣдователей, а вскорѣ и мучениковъ, не только въ среднемъ, но и въ восточномъ Иранѣ и въ Бактріи, старой колыбели короткаго Индо-Славянскаго племени. Трудно было завоеваніе міра Восточнаго: въ немъ древняя вѣра еще не умерла, какъ въ мірѣ Эллино-Римскомъ. Разумъ не уяснилъ себѣ внутренняго противорѣчія въ основѣ своихъ ученій и человекъ не требовалъ Бога, ибо еще не лишился его. Учители же церковные, прельщенные видимою своею побѣдою на Западѣ, уже недовольствовались проповѣдью слова, не только лучшимъ, но и единственнымъ своимъ оружіемъ, а искали вышней опоры въ связяхъ съ міромъ Римскимъ и призывали на себя сираведливое гоненіе дерзкою нетерпимостью, разрушающею древніе храмы народовъ еще необращенныхъ, или доброжелательствомъ имперіи, близкимъ къ государственной пзмѣнѣ. Христіанство, торжествующее послѣ Константина, слабѣло отъ соблазна своего политическаго торжества. Правители Персіи послѣдовали примѣру прежившихъ императоровъ и ужасными казнями

стали останавливать распространение враждебнаго ученія: но гонимые христіане уже не были невинными страдальцами Декіевыхъ временъ. Вступивъ въ неразумный союзъ съ вещественною силою и властію, они часто были или по крайней мѣрѣ казались преступниками, и нравственное чувство народа не вступалось за мучениковъ искаженнаго ученія. Вскорѣ раздоры церкви дали новое оружіе противъ нея. Расколы, гонимые въ имперіи, искали убѣжища въ предѣлахъ Персіи и расчетливое гостепріимство Персіи покровительствовало бѣглецамъ, естественнымъ врагамъ своего прежняго отечества. Несторіанство, ученіе, не примиряющее въ себѣ Божества и человѣчества, слѣдовательно логически слабое и неспособное къ безконечному развитію, но возникшее очевидно изъ односторонности древне-Иранскаго взгляда на преданіе, утвердилось въ Иранской сторонѣ и вытѣснило почти совершенно живое и глубокомысленное ученіе соборовъ. Такимъ образомъ распространение христіанства на Востокъ было остановлено на многіе и многіе вѣка; но не безъ слѣдовъ осталось его вліяніе на Персію. Въ ней пробудилось на время живое стремленіе къ вопросамъ духовнаго знанія: прежнія вѣрованія ослабли и возникли новыя, распространившіяся со временемъ далеко на западъ, сильно проявлявшіяся въ имперіи Византійской, сливавшіяся съ политическими смутами южной Европы въ продолженіи среднихъ вѣковъ, и теперь еще не совсѣмъ исчезнувшія, не смотря на временное торжество магометанства и окончательное торжество христіанства. Таково ученіе Манеса. Рожденное въ западномъ Иранѣ и довершенное во время пребыванія Манеса на границахъ Индустана и въ пещерахъ Гиммалаи, оно соединило въ нестройный синкретизмъ христіанство, магизмъ, Ассирійскую и Египто-Палестинскую гнозу съ древнѣйшею гнозою, — буддаизмомъ Индустанскимъ. Въ этомъ смѣшеніи исчезало начало христіанское: отъ него оставались только имена и символы съ утраченнымъ смысломъ. Магизмъ, входящій въ составъ манихейства, былъ уже далекъ отъ древне-Иранскаго преданія (Зердуштова и Израильскаго): онъ содержалъ въ себѣ, по ученію магузеевъ, вѣрованіе въ

безусловное начало зла, слѣдовательно идею вѣчнаго и не-обходимого двойства. Гноза юго-западной Азіи, которой слѣды въ манихействѣ явны во многихъ положеніяхъ, особенно же въ символѣ ладей (общемъ всѣмъ міѣамъ Египта, Ираку Тирскому и какъ кажется Хону Ассирійскому) была уже переходомъ изъ ученія Иранскаго въ ученіе Кушитское. Она замѣнила начало творчества началомъ полу-свободной, пантенистической эманации, содержала скрытое положеніе объ органическихъ, слѣдовательно двойственныхъ, эонахъ и разрѣшалась въ необходимомъ очищеніи и возвратѣ эоновъ къ божественному самопознанію; наконецъ, буддаизмъ, протестантизмъ шиваитское, полное признаніе законовъ необходимости во всякомъ мірѣ явленій, допускалъ возможность свободы только въ ничтожествѣ и слѣдовательно совершенно уничтожалъ мнимо-Иранскую основу новой вѣры. Манихейство принадлежало вполнѣ Кушитскому міру и, повинаясь законамъ этого міра, обращало молитвы, символъ, таинство, и даже всю жизнь со всѣми ея подробностями въ безконечное заклинаніе. Главное же начало манихейства (какъ уже замѣтила ученая Германія) заключалось или, сказать вѣрнѣе, неволью разрѣшалось въ буддаизмѣ. Это древнее, строгое, глубокомысленное и логически твердое ученіе по своей внутренней послѣдовательности способно ко всѣмъ примѣсямъ, потому что оно окончательно перерабатываетъ и подавляетъ всякую чуждую стихію, и манихейство было ничто иное, какъ западный буддаизмъ съ меньшею строгостью логическою (ибо замѣняло внутреннюю необходимость явленія свободнаго духа въ рабскомъ веществѣ вѣншею случайностью явленія вѣчнаго духа въ вѣчномъ веществѣ), но съ большими притязаніями на стремленіе нравственное (ибо признавало въ вещественномъ явленіи не только страданіе, но прямое нравственное зло).

Несокрушимая твердость и всепретворяющая сила древняго ниво-буддаизма обличилась въ манихействѣ, какъ и во всѣхъ религіяхъ, къ которымъ оно примѣшался, какъ и во всѣхъ философскихъ ученіяхъ, которые приняли его въ свой составъ, и особенно какъ

въ новѣйшихъ школахъ философской Германіи, когда они отъ аналитическаго процесса критики рѣшились перейти въ творческій синтезъ. Иначе и быть не могло, ибо шиво-будданзмъ, не смотря на всѣ свои прихотливые символы, есть ничто иное, какъ признаніе наукообразной логики міра. Онъ, и онъ одинъ заслуживаетъ имя науки, точно также какъ одно израиле-христіанское преданіе носить на себѣ истинный характеръ преданія. Всѣ прочія вѣрованія или ученія представляютъ только болѣе или менѣе жалкую и цѣстройную смѣсь науки съ преданіемъ, и ихъ развитіе въ самопознаніи человѣческомъ ведетъ за собою необходимое освобожденіе науки, предоставляемой своимъ собственнымъ силамъ.

Новая религія, основанная Манесомъ, не могла имѣть великаго торжества по явной произвольности своихъ основъ, по недостатку послѣдовательности и по многимъ внутреннимъ противорѣчіямъ, и особенно по явной многосложности своего синкретизма; по многихъ соблазнахъ она таинственность, духовная гордость и затѣйливая символика, и она распространилось быстро не только въ Иранѣ отъ Гиммалаи до Евфрата, но даже въ областяхъ имперіи Византійской. Въ самомъ Иранѣ она сдѣлалась предметомъ гоненія и Манесъ кончилъ жизнь въ жестокихъ казняхъ, какъ мученикъ невольнаго самообольщенія или какъ жертва правосудія, наказывающаго преднамѣренный обманъ. Многие послѣдователи его отступились отъ учителя и возвратились къ прежнимъ вѣрованіямъ или разбились на мелкія секты, почти незамѣченныя историческою критикою, хотя можно бы было прослѣдить ихъ вліяніе въ современныхъ намъ Друзахъ и Курдахъ и въ исторически-важныхъ Измаэлитахъ, грозѣ всего халифата и даже Европейскихъ государей. Скоро прошло волненіе, произведенное манихействомъ; но его явленіе, также какъ многосложность стхій, вошедшихъ въ его составъ, показываютъ, какъ сильно и разнообразно было религіозное движеніе въ Персіи при династіи Сассанидовъ. Это движеніе не успокоилось въ окончательномъ примиреніи и слѣдовательно не могло упрочить государства, но оно было признакомъ великой умственной

дѣтельности и объясняетъ временное усиленіе царства Персидскаго. Съ одной стороны на него тяготѣла уже ослабѣвшая, но еще неистощенная громада Рима, съ другой такъ называемые Гунны или Скивы остатки древняго Бактрійскаго или Индо--Славянскаго міра, временно окрѣпшаго подъ вліаніемъ Эллады, снова упавшаго, и окрѣпшаго въ первыхъ вѣкахъ послѣ Р. Х. отъ примѣси воинственныхъ Финно-Турецкихъ семей, вытѣспенныхъ изъ Средней Азии другими сильнѣйшими семьями того же племени. Долго страдала Персія; долго платила она дань своимъ восточнымъ сосѣдямъ или тратила свои силы въ утомительной и безплодной борьбѣ съ безрестанно нарастающимъ напоромъ Турокъ, будущихъ ея завоевателей; наконецъ, пользуясь раздорами Гунно-Турецкихъ народовъ и паденіемъ собственно-Гунскаго царства (Гунновъ Эфралитовъ), она свергла съ себя ихъ тяжелое иго, освободилась отъ дави, завоевала многія области на востокъ и обратила силы свои на Римскую имперію, уже почти задавленную сѣверными дикарями. Жестока была борьба и съ трудомъ уцѣлѣла Византія. Двое Хозроевъ, блистательнѣйшіе и послѣдніе цари изъ воинственной династіи Сассанидовъ, подняли Персію на давно забытую высоту. Нуширванъ, сокрушивъ на долго сѣверо-восточныя племена Гунно-Турковъ, отнялъ у Византійцевъ много областей при Евфратѣ и Кавказѣ, подчинилъ власти своей или по крайпей мѣрѣ державному союзу многія семьи Аравійскія, дотолѣ признававшія владычество Рима, и едва могъ быть удержанъ отъ дальнѣйшихъ завоеваній силою Византія, окрѣпшей при Юстиніанѣ, и его великими полководцами (изъ которыхъ славнѣйшій, Велисарій,—былъ Славянинъ, также какъ и самъ императоръ). Парвазъ, возведенный на престолъ помощію Маврікія, пользуясь сильнымъ напоромъ Аvaro-Славянскихъ полчищъ при Фокѣ и Ираклія, завоевалъ Арменію, Спрію и Палестину, разгромилъ Египетъ, сокрушилъ христіанскихъ союзниковъ имперіи въ южной Аравіи, овладѣлъ Малою Азіею и нѣсколько лѣтъ сряду держалъ въ осадѣ Царьградъ, обложенный въ то же время съ сѣверной стороны Аварскими дружинами.

Превосходя дѣда своего Нуширвана въ хитрости, въ предприимчивости воинственной и въ честолюбіи, Парвизъ уступалъ ему въ государственной мудрости, въ любви къ просвѣщенію и въ доблестяхъ человѣческихъ. Ужасна была схватка одряхлѣвшей Византіи съ духовно - дряхлою Персіею. Всѣ области имперіи, даже и тѣ, которыя издавна не видали врага (какъ Египеть) были опустошены и разграблены, покрыты развалинами и залты кровію; но когда неустрашимый Ираклій, откупясь на время отъ Аваровъ и связавъ ихъ навсегда цѣпью Славянскихъ поселеній (Хорватовъ, Сербовъ и др.), призванныхъ имъ съ сѣвера отъ Карпатскихъ горъ, обратилъ всѣ силы свои на востокъ, древнее искусство Римскаго воина восторжествовало снова, какъ и всегда и во всѣхъ войнахъ. Вся страна отъ моря до Тигра признала снова власть императора; торжествующія войска Византійскія проникли въ сосѣдственныя области Хозроя и въ его роскошную столицу; старый Парвизъ погибъ безъ славы и Персія купила постыдный миръ уступкою всѣхъ своихъ прежнихъ завоеваній и покорностью всей волѣ побѣдителя.

Завоеваніе Персіи
исламомъ.

Такъ кончилась вѣковая борьба: оба государства были утомлены и обезсилены; но Византія съ своимъ Эллинскимъ просвѣщеніемъ, съ своею Римскою государственностью и съ своимъ животворнымъ христіанствомъ могла еще, не смотря на внутреннее разногласіе духовнаго и государственнаго начала, залѣчить свои раны и собрать новыя силы для отпора новымъ врагамъ; Персія, обезсиленная упорною борьбою и лишенная вѣры въ свое духовное начало, не могла выдержать новой бури. Когда исламъ, возникшій отъ временнаго торжества Персіи, давшей въ Аравіи побѣду древнему народному началу надъ христіанствомъ, потребовалъ покорности отъ всѣхъ народовъ міра, Византія уцѣлѣла, утративъ только Сирію и Месопотамію, Палестину, Египеть и Африку; Персія же послѣ двухъ-трехъ сраженій пала къ стопамъ побѣдителя, и имя ея исчезло на долго изъ исторіи. Большая часть народонаселенія, охладѣвшая къ прежнему вѣрованію, приняла законъ торжествующей Аравіи вслѣдствіе естественнаго стремленія Иранца

къ вѣрованію, основанному на началахъ Ирапскихъ, вслѣдствіе побѣдъ, повидимому оправдывающихъ божественность исламизма и особенно вслѣдствіе согласія Корана съ пастушескимъ бытомъ Ирапа. Немногочисленные послѣдователи древняго ученія искали убѣжища въ неприступныхъ горахъ и погибли послѣ мужественнаго сопротивленія или бѣжали изъ своей родины на юго-востокъ, въ области Индустанскія, куда не скоро еще проникъ мечъ мусульманскій. Исчезла вся прежняя Персія, затопленная разливомъ магометанскаго, какъ нѣкогда разливомъ Эллинскаго міра. Изъ перваго наводненія она возстала не только къ независимости, но и къ самобытности; пзъ втораго она уже къ самобытному существованію не возвращалась, но черезъ нѣсколько вѣковъ получила она снова значеніе государственнаго тѣла, съ правами на полную независимость, и дала исламу характеръ отличный отъ характера исламизма западнаго (*Шитство*, въ протѣвоположность *Суннѣ*). Таковы значеніе и сила древняго міра. Онъ воскресаетъ, измѣненный въ мірѣ новомъ. Дѣленія народовъ и государствъ, которыя являются въ самомъ началѣ человѣческихъ бытописаній и даже въ до историческомъ періодѣ преданія, сохраняется почти неизмѣнными до нашего времени (кроме нѣкоторыхъ примѣровъ полного истребленія), не смотря на всѣ бури человѣческой исторіи. Безпристрастная критика не можетъ приписать этого постоянства въ непрерывномъ волненіи вліянію причинъ вещественныхъ, какъ-то границъ и т. д.: ибо часто граница двухъ жизненныхъ системъ нисколько не соотвѣтствуетъ границамъ, указаннымъ физическою географіею, и, пренебрегая широкія рѣки или горныя цѣпи или даже морскіе проливы, очерчивается какимъ нибудь незначительнымъ потокомъ или почти невидимою чертою на поверхности земли. Духовное начало народовъ не исчезаетъ: оно принимаетъ новое просвѣщеніе и новыя начала мысли, но даетъ особенное значеніе своему мысленному приобрѣтенію и не пропадаетъ въ мертвомъ однообразіи. Всякая подпочва народная соединяется съ наплывомъ (хотя бы и общимъ) посредствомъ особеннаго жизненнаго процесса и про-

является новыми произведениями, отдѣляющимися отъ всѣхъ другихъ въ вѣрованіи, языкѣ, бытѣ и исторической жизни.

Таковъ законъ общій. Межи, отдѣляющія Германца и Галла, Галла и Иверца, Галла и Италинца, уцѣлѣли и называются въ наше время государственными границами. Это всѣми замѣчено, хотя можетъ быть никѣмъ не оцѣнено вполнѣ. Древнихъ Славянъ, уже погибшихъ въ Германіи, Италиі и Галліи, забывшихъ всю свою старину и свой языкъ, еще можно отслѣдить по физиономіи народнои жизни въ Вандеѣ и въ Тиролѣ, и въ цизинахъ Голландіи и Фризій, и въ Балтійскомъ поморьѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, которыя носили въ древности имя земель Венедскихъ. Чувство человѣческой, художественной истины необходимо для историка, а объ немъ-то и не думаетъ весь ученый цехъ, завладѣвшій исторіею въ наше время, и есть еще смѣлые буквоѣды, которые отрицаютъ старожитность Славянъ въ Европѣ потому, что не отыскали подлинныхъ межевыхъ книгъ и плановъ скрѣпленныхъ и засвидѣтельствованныхъ какимъ-нибудь древнимъ земскимъ судомъ.

Завоеваніе исламомъ Сирии, Египта и северной Африки.

Первый налетъ мусульманъ на имперію отнялъ у нея всѣ ея юго-восточныя области. Утомленная борьбою съ Персіею и торжествомъ; купленнымъ многолѣтнею бранію, она не могла противопоставить сильныхъ ополченій свѣжей силѣ восторженнаго ислама; старый императоръ и спаситель государства, Ираклій, занятый церковными спорами (въ которыхъ онъ, бывшій правитель Египта, держался Египетскаго стремленія къ Евтихіанству), не имѣлъ уже достаточной энергіи или надежды на побѣду, чтобы вступить въ упорную борьбу съ новымъ врагомъ. Онъ согласился уступить Аравитянамъ южную Сирію, ожидая, можетъ быть, что порывъ новаго вѣрованія будетъ недолговѣченъ, а отдохнувшая имперія будетъ со временемъ крѣпче для войны, Области, завоеванныя Аравійскимъ мечемъ, были уже отчасти населены племенемъ полу-Аравійскимъ или Аравійскими выходцами; онѣ были опустошены Персіянами, мало привязаны къ слабому организму Византіи, лишены духовной силы и духовнаго единства безпре-

рывыми спорами религиозными, готовы къ покорности всякому побѣдителю, нѣсколько человѣколюбивому, и даже къ принятію всякаго ученія, нѣсколько разумнаго: а воины первыхъ халифовъ, нецѣбные въ сраженіяхъ, были кротки съ побѣжденными, вѣрны въ обѣщаніяхъ и готовы принять въ свое вооруженное братство всякаго новообращенца; ученіе же, проповѣданное ими, было исполнено поэтического восторга и вещественнаго соблазна, оправдано побѣдами и проповѣдано живою и пламенною вѣрою. Аравитяне нашли сначала мало сопротивленія и много союзниковъ. Исламъ приобрѣлъ не только пространныя области, но и множество послѣдователей въ Аравіи.

То же самое было въ послѣдствіи и въ Испаніи.

Такъ погибла для имперіи и для общенія съ христіанскимъ міромъ Сирія, Египетъ и сѣверная Африка. Болѣе другихъ уцѣлѣло ученіе христіанское въ Сиріи: оно уже отчасти слилось съ самою жизнью, не смотря на развратъ городовъ и полуидолопоклоннической бытъ деревень. Вѣроятно оно удержалось бы съ большею силою (ибо разумное пониманіе христіанства было удѣломъ не однихъ Эллискихъ жителей, но и Сиріацъ и природныхъ Палестинцевъ) и, можетъ быть, освободилось бы отъ ига мусульманскаго: но значительная часть народонаселенія погибла въ войнахъ Персидскихъ; многія области были наполнены Аравійцами, чуждыми имперіи и христіанству; раздоры религиозные поставили большую половину народа въ враждебное отношеніе къ государству и въ разединеніе съ остальною церковью, и глубокой развратъ правовъ отнималъ и силу и желаніе сопротивляться чуждому игу. За всѣмъ тѣмъ нѣсколько горныхъ округовъ и приморскихъ городовъ долго сохраняли свою независимость и отбивались мужественно отъ мусульманъ; но эта безплодная борьба не могла быть увѣнчана побѣдою и скудные остатки просвѣщенія погибли, не принеся плода для остальнаго міра. Полнѣе было паденіе Египта. Въ немъ разумное пониманіе

христианства ограничивалось только Эллинскою или эллинизованною частью народонаселенія. Темная религія туземцевъ была ничто иное, какъ древнее идолопоклонство въ христианскихъ формахъ, и даже у просвѣщеннѣйшихъ сословій гораздо менѣе было истинно-христианскихъ вѣрованій, чѣмъ гностической философіи, скрытой подъ оболочкою христианства. Наконецъ въ сѣверной Африкѣ, отъ границъ Египта до дальнихъ береговъ Атлантическаго океана, христианство было очевидно принадлежностью городовъ и Эллино-Римскаго народа. Туземцы покорялись ему, но никогда не принимали его.

Они находились въ томъ же положеніи, въ которомъ теперь находятся въ Россіи Черемисы, Чуваши, Мордва и другія Финно-Турецкія семьи, которыхъ безъ сомнѣнія не трудно бы было обратить къ какому угодно вѣрованію (что не приноситъ, между прочимъ, великой чести апостольской ревности Русскаго народа).

За то христианство и исчезло безъ слѣда со всего южнаго берега Средиземнаго моря. Отъ него не уцѣлѣло ни малѣйшаго слѣда, и отечество Августина и Тертуліана сдѣлалось гнѣздомъ самаго фанатическаго, самаго изступленнаго мусульманства.

Впрочемъ не безъ боя покорилась сѣверная Африка. Ея полукочевые жители, *Амазири*, *Шеллухи* и *Кабайлы*, не разъ отбивали завоевателей или изгоняли ихъ изъ завоеванныхъ областей. Утомленные долгимъ сопротивленіемъ, Аравитяне обратились къ внутреннему сочувствію туземцевъ и къ преданіямъ (безспорно справедливымъ) о племенномъ единствѣ жителей сѣверной Африки съ колѣнами Арабо-Палестинскими.

Свидѣтельства писателей до-магометанскихъ доказываютъ существованіе такихъ преданій. Очевидно, что кромѣ вліянія Картагена и другихъ Палестинскихъ колоній было уже издавна много общаго между Гетулами, Нумидійцами, Маврами и пр. и Палестиною. Добросовѣстное изученіе современныхъ намъ нарѣчій Шелуховъ.

Амазирговъ и др., также какъ ихъ физическихъ очерковъ, подтверждаютъ ту же истину, а самое существованіе многочисленныхъ колоній Палестинскихъ на сѣверномъ берегу Африки совершенно совпадаетъ съ общимъ правиломъ первоначальной торговли, т. е. гостыи у братьевъ единоплеменниковъ.

Законъ и жизнь Аравійцевъ совершили то, чего не могло сдѣлать оружіе. Сѣверная Африка, сохраняя свою самобытность, вошла въ общее движеніе міра мусульманскаго и, слившись съ нимъ неразрывно, сдѣлалась точкою опора и орудіемъ для новыхъ завоеваній. Сила ипоначальнаго Рима подавляла Африку, не покоря себѣ ея внутренней жизни. Сила Ислама покорила ее не только въ смыслѣ вещественномъ и гражданскомъ, но и въ смыслѣ духовномъ. Аравійцы сдѣлались братьями туземцевъ, сохраняя только то неотъемлемое первенство, которое зависѣло отъ ихъ прежней исторической жизни и отъ высшаго умственнаго, особенно же словеснаго развитія. Что было при первыхъ Омміадахъ, то сохранилось неизмѣнно и до нашего времени.

Задача ислама, казалось, разрѣшилась его блистательными успѣхами. Едва родившись, уже обнималъ онъ безконечную область отъ береговъ Инда до береговъ Атлантики; но убіеніе третьяго калифа и междоусобія, возникшія послѣ его смерти, доказывали, что этой задачѣ не суждено было никогда разрѣшиться вполнѣ. Всякій халифъ былъ преемникъ Магомета; но это преемство имѣло по необходимости двойственное значеніе: значеніе власти государственной и духовнаго начальства. Въ обоихъ отношеніяхъ проявилась вскорѣ шаткость, доказывающая внутреннюю слабость началъ. Какъ духовный властитель, халифъ не былъ облеченъ въ святость непогрѣшимости догматической (такъ какъ позднѣйшіе папы) и слѣдовательно не представлялъ ручательства въ неизмѣнности ученія. По этому могли и должны были возникнуть ученія новыя и противоположныя другъ другу, для которыхъ лице халифа не имѣло никакого духовнаго значенія. Какъ власть государственная, халифъ не находилъ твердой опоры въ не-

Халифъ.

измѣнѣнъ закопѣ престолонаслѣдія, будь оно избирательное въ опредѣленномъ порядкѣ, будь оно исключительно наслѣдственное. Сверхъ того, если бы даже нашлась такая опора, то ея характеръ, чисто условный, могъ бы имѣть силу только мѣстнаго, а не всемірнаго учрежденія. Халифату оставалось только одно: быть символомъ и только символомъ единства въ мірѣ ислама. Такимъ онъ и былъ. Весь исламъ по духу Корана представлялъ одну безконечно-многочисленную семью, одушевленную однимъ началомъ вѣрованія въ мессіанство Измаэлитскаго колѣна. Этой семьѣ, по духу патріархальнаго быта Аравійскаго, пужна была глава, живое олицетвореніе родового или духовнаго единства. Главою былъ халифъ. Простыя явленія быта патріархальнаго не могутъ вполне удовлетворять многосложнымъ требованіямъ быта государственнаго, и единство духовное не подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ единство родовое. Внутреннее раздвоеніе духовно-государственнаго міра магометанскаго должно было вскорѣ нарушить главный ходъ его первоначальнаго развитія. Чисто-духовныя стремленія должны были прійти въ враждебное столкновеніе съ чисто-вещественными, исключительно государственными потребностями и расчетами. Они нашли себѣ великаго и достойнаго представителя въ поэтическомъ лицѣ великаго Алія. Хитрый, но сильный духомъ Моавія сталъ представителемъ государства, государства завоевательнаго и дружиннаго. Случайность рѣшила въ пользу Моавія. Али погибъ подъ кинжаломъ убійцы.

Впрочемъ случайность смерти Аліевой представляетъ довольно ясный примѣръ общей случайности исторической въ ея противоположности съ общою историческою необходимостью. Али могъ побѣдить: его неустранимость и воинственное превосходство казались даже залогомъ побѣды; но слабость духовнаго начала и духовнаго значенія въ халифатѣ при его преемникахъ уступили бы необходимо практическимъ и неотразимымъ требованіямъ завоевательнаго государства.

Исламъ, какъ вѣрованіе, былъ побѣжденъ въ лицѣ Алія. Тор-

жество государственного начала выразилось въ побѣдѣ Моавія, челоука невѣрующаго и бездушнаго, котораго отецъ былъ самымъ упорнымъ, самымъ непримиримымъ врагомъ Мухаммеда и его ученія.

Исторія представляетъ множество такихъ аки-символовъ: но, случайно упоминая объ нихъ, мы не видимъ въ нихъ важности. Иное дѣло тѣ символы, по видимому случайные, въ которыхъ безсознательно выражается скрытая или еще неуясненная мысль. Они безконечно важны для исторіи и рѣдко обращали ея вниманіе. Въ возстаніи Моавіи его бездушность не случайна. Высокій духъ покорялся бы великой личности Алія: но происхожденіе Моавіи отъ врага Мухаммедова есть прямая случайность, заманчивая для поэта, ничтожная для историка. Самое же лице Алія и весь родъ его окружены такимъ блескомъ поэтическаго вдохновенія, безкорыстнаго великодушія, пламеннаго и веселаго мужества, глубокой любви къ нравственному совершенству, кроткаго и истинно-человѣческаго величія, что передъ ними темнѣютъ всѣ многопрославленные герои рыцарскихъ вѣковъ въ Европѣ. Они важны для исторіи, потому что въ нихъ выражается вся красота вольной пустыни и Иранскаго преданія, т. е. вся художественная красота Аравіи и вся нравственная чистота Корана. Важны побѣжденные Аліды, еще важнѣе глубокое сочувствіе народа и самихъ побѣдителей Омміядовъ къ побѣжденнымъ. Очевидно любили въ Аліи не зятя Мухаммедова, но поэтическую его личность и нравственное достоинство, и эта любовь народа доказываетъ, что Аліи и родъ его не были исключеніемъ, но истинными представителями Аравійскаго идеала. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подробностяхъ исторіи, явно превосходство Аравійца-мусульманина, опредѣлившаго судьбу Востока, надъ Германцемъ-христіаниномъ, создавшимъ всѣ державы Запада. Различіе въ дальнѣйшемъ развитіи и торжество Европейскихъ народовъ зависятъ отъ внутренняго совершенства, логической стройности и духовной силы начала, принятаго Европою извнѣ. Впрочемъ торжество Омміядовъ и паденіе Алідовъ показываютъ, что народы мусульманскіе были движимы внутреннимъ сознаніемъ двойственности въ религіозно-государственномъ исламѣ, малосилія въ началѣ духовномъ и неизбежнаго первенства начала политическаго.

Моавія починаєть собою блистательнѣйшую эпоху халифата. Безпрестанный рядъ побѣдъ соединилъ въ одно могучее цѣлоє всѣ области отъ береговъ Инда, отъ древней Бактріи, уже затопленной Тюрками, и Кавказскаго пригорія, гдѣ Турки, (будущіе побѣдители Аравитянъ) были сначала покорены первымъ пламеннымъ порывомъ Аравіи,—до Атлантическаго океана и пригорій Пиренейскихъ. Ни древній Иранъ Персидскій, ни Эллада въ мнунту своего блестящаго торжества при Македонцѣ не равнялись съ халифатомъ Омміядовъ. Римская имперія при Траянѣ (явленіе единственное въ исторіи человечества) не многимъ чѣмъ превосходила его.

Италія, Галлія, Британнія и Эллада были лишнія у Рима: лишніи были у халифовъ Аравія и Персія, которыхъ пространство равняется почти половинѣ Европы.

Величественно было царство халифовъ: ихъ отдѣльныя дружины на западѣ сокрушали однимъ ударомъ царство Вестготовъ (около 710-го года), затопляли южную Францію и едва могли быть удержаны отъ дальнѣйшихъ завоеваній всею силою Меровингскаго царства и воинственнымъ гениемъ основателя Карловингской династіи; въ то же время другія дружины на востокѣ проникали въ глубь средней Азіи и грозили войною или предлагали дружбу вѣковѣчной державѣ Китая, окрѣпшаго при династіи *Танговъ*. Но халифатъ не имѣлъ внутренней крѣпости, упрочившей на многіе вѣка велчіе Рима. Въ немъ не было стройнаго механизма, соединяющаго всѣ вещественныя силы государства подъ единствомъ одного логическаго закона (Римскаго начала, вѣншей правды или права). Онъ не имѣлъ также и той полноты духовной жизни, которая могла бы собою замѣнить совершенство условнаго механизма. Исламъ хотѣлъ быть въ одно время и церковью и государствомъ (также какъ нѣкоторыя царства буддистскія и позднѣйшій католицизмъ Запада). Въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ попыткахъ на соединеніе духовнаго начала (совершеннаго по своему опредѣленію) съ государственнымъ (необ-

ходимо несовершеннымъ) заключался внутренній раздоръ. Жизнь практическая должна была подавить жизнь мысленную. Такъ и случилось въ исламъ какъ и вездѣ. Японскій первосвященникъ сдѣлался куклою Японскаго царя. Королевство побѣдило Римскій престолъ и султанство подавило халифатъ. При Омміадахъ еще не наступало время полного разрыва: но онъ уже явился въ лицѣ Моавія, скрытый для современниковъ, явный для потомства. Духовный халифъ былъ уже побѣжденъ государемъ свѣтскимъ; ибо въ исторіи важна не побѣда лица надъ лицомъ, но побѣда начала надъ началомъ, а она можетъ совершиться въ одномъ лицѣ какъ и во многихъ. Халифу, утратившему свою религіозную святость, осталось только значеніе родовой главы въ великомъ мусульманскомъ семействѣ. Этотъ призракъ родоваго единства, святыня взятая изъ жизни Аравитянъ и понятная всѣмъ ихъ кочевымъ братьямъ, долго еще росила и живила міръ мусульманскій и противился напору многихъ бурь и многихъ вѣковъ.

Византія не умѣла или не могла воспользоваться между-
усобіями Аравитянъ. Радуюсь временному отдыху, она не ду-
мала снова завладѣть утраченными областями и довольство-
валась незначительною данью, которою Моавія откупился отъ
войны во время своей борьбы съ Алидами. Окрѣпшій исламъ
скоро отомстилъ за временную уступку. Царьградъ, осажден-
ный Аравитянами, отстоялся; но императоры обязались пла-
тить дань халифамъ. Ничтожные и свирѣпые властители гу-
били Византію. Подавленная съ сѣвера и юга иноземными
врагами, она тратила послѣднія силы въ междуусобіяхъ. Вслѣдъ
за междуусобіями политическими наступили снова раздоры ре-
лигіозные. Великій вопросъ объ иконахъ (дѣйствительно же во-
просъ о правѣ Церкви на свободное выраженіе своего духов-
наго содержанія) взволновалъ государство столько же, сколько
прежніе споры о догматическомъ опредѣленіи вѣрованія. Мы-
сленное движеніе, сходное съ позднѣйшимъ протестантствомъ,
шло съ Востока. Въ этомъ движеніи выражалось требованіе
духа на религію духовную, требованіе вполне христіанское;
но въ то же время отвергалось право духа человѣческаго на

Византія
въ VIII в.
Иконо-
борство.

выраженіе своего религіознаго чувства, право общины, какъ единицы живой, на живое и художественное выраженіе своего единства. Это восточное протестантство заключалось въ такой же скудной односторонности, какъ и позди́йшее иконоборство Запада; но Церковь сама еще не впадала въ односторонность и должна была восторжествовать надъ всякимъ одностороннимъ нападеніемъ. Иконоборство было вызвано и слѣдовательно оправдано мѣстными злоупотребленіями и частнымъ невѣжествомъ, доходившимъ до идолопоклонства; его стремленіе было исполнено разума и благородства. Но Церковь отреклась отъ всякаго участія въ мѣстныхъ или частныхъ ошибкахъ: она выразила свои разумныя требованія и права. Иконоборцы, уже обратившіеся въ секту, упорствовали въ своей односторонности и погибли въ борьбѣ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда, погубивъ много великихъ памятниковъ древности, разорвавъ живую цѣпь художественнаго преданія, но вызвавъ Церковь къ сознанію или къ выраженію своего сознанія въ отношеніи къ иконѣ (т. е. къ образу вообще). Таково значеніе спора объ иконахъ, волновавшаго имперію безъ малаго въ продолженіи двухъ вѣковъ.— Вопросъ былъ поднятъ на Востокѣ, или по крайней мѣрѣ, выходцами съ Востока, призванными на правленіе Византіею. Новѣйшая критика (отчасти оправданная преданіями) связываетъ его съ ученіемъ Мухаммеда, но другое объясненіе (также не чуждое нѣкоторымъ ученнымъ) гораздо вѣроятнѣе. Востокъ не имѣлъ стремленія къ пластикѣ, которымъ отличалась Эллада. Въ немъ слѣдовательно и требованіе выраженія художественнаго (въ смыслѣ пластики) не могло быть слишкомъ сильнымъ и общимъ.

Просвѣщеніе Сиріи и Палестины (за исключеніемъ Іудей) было произведеніемъ борьбы между строительнымъ Кушитствомъ и чистодуховнымъ Ираномъ. Оно должно было ограничиться символомъ. Просвѣщеніе Эллады было по преимуществу произведеніемъ того же Кушитства, встрѣтившагося съ міромъ Восточно-Иранскаго Славянства. Оно должно было создать искусство во всемъ его разнообразіи, въ поэзіи, какъ и въаяніи и въ живописи.

Съ другой стороны, начала эбiонитскія преобладали въ юго-западной Азiи, быть можетъ вслѣдствiе древнихъ погибшихъ религiй и безъ сомнѣнiя вслѣдствiе iудейства, широко распространянаго по всей землѣ отъ Евфрата до моря. То же самое влiянiе, которое уже замѣтно въ несторiапствѣ (отвергавшемъ возможность Божества въ образѣ челоуѣчества), замѣтно и въ отверженiи всякаго поклоненiя образу или изображенiю челоуѣка. Тутъ ясны слѣды iудейства и легко объясняется преданiе о Львѣ Исаврiйцѣ, околдованномъ Жидами. И такъ, эпоха иконоборства въ Византiи была собственно эпохою преобладанiя Восточной стихiи надъ Эллинскою, а торжество соборнаго ученiя (2-го Никейскаго) освобожденiемъ стихiи Эллинской. Большая часть церковныхъ вопросовъ возникали отъ самихъ представителей церковнаго правленiя, отъ лицъ духовныхъ. Вопросъ объ иконахъ былъ поднятъ свѣтскими лицами и властью. Духовные противники иконъ были всѣ или почти всѣ робкими орудiями императоровъ. Убѣжденiе же и выгоды духовенства были противны иконоборческому движенiю.

Быть можетъ это одна изъ причинъ, почему оно погибло безъ слѣда.

Но всякое новое движенiе мысли, стремящейся къ возможному разрѣшенiю, также какъ и всякое пробужденiе духовныхъ потребностей челоуѣка, обозначаетъ скрытую силу жизни и даетъ ей новое напряженiе. Династiя восточныхъ иконоборцевъ на престолѣ Византiйскомъ заслужила благодарность имперiи, не смотря на распри и раздоры религiозные, и пробужденная ими энергiя продолжала еще проявляться нѣскольکو времени послѣ ихъ прекращенiя.

Такова разница между раздорами, проистекающими изъ какого бы то ни было движенiя мысли религiозной нравственной или общественной, и раздорами, возникающими изъ частныхъ выгодъ и требованiй. Споры мелкихъ Итальянскихъ династiй или Нѣмецкихъ кня-

зей губять Италію и Германію, Англійская и Французская революціи возвышаютъ Англію и Францію.

Тяжелъ былъ трудъ Исаврійцевъ. Халифатъ нагнеталъ на нихъ въ полномъ своемъ развитіи. Имъ приходилось бороться со всѣми силами, такъ сказать съ главою чудовища, которое однимъ ударомъ хвоста сокрушило Вестготовъ Испаніи и только что не сокрушило Франковъ Меровингскихъ, и они выдержали эту борьбу не безъ славы. Неразъ побѣждали они могучія ополченія и флоты Омміядовъ, и когда эта династія стала клониться къ упадку, знамена Византійскія явились съ торжествомъ на берегахъ Евфрата. Когда новая династія, Аббасиды, взошла на престолъ халифовъ съ новыми силами и новымъ завоевательнымъ стремленіемъ, когда великіе государи, которыхъ имена заслужили безсмертіе, Аль-Мансуръ, Гарунъ и Аль-Мамунъ окружили Исламъ блескомъ, котораго не имѣли можетъ быть и лучшіе изъ Омміядовъ, Византія оспаривала у нихъ каждую область, каждый шагъ земли и ставила неодолимыя препоны ихъ воинственному властолюбію. Въ свою очередь, ослабли Аббасиды и снова гроза Византійскаго оружія загремѣла на берегахъ Евфрата, вырвала изъ рукъ мусульманъ часть давно покоренной Сиріи и покорила горы Арменіи и Иверское пригорье Кавказа. Въ этой славной борьбѣ болѣе всѣхъ прославился второй изъ владыкъ Исаврійскаго дома, ревностнѣйшій изъ всѣхъ гонителей иконъ, человекъ свирѣлый и развратный, но государь, заслуживающій почетное мѣсто въ исторіи, Константинъ Копронимъ. Его развратный нравъ подалъ поводъ къ сомнѣнію о томъ, сочувствовалъ ли онъ дѣйствительно съ ученіемъ религіознымъ, которое поддерживалъ, и не былъ ли онъ гонителемъ иконопоклонниковъ и духовенства изъ одного властолюбія. Вопросъ не разрѣшимъ. Очевидно зависть власти свѣтской противъ независимости церковной въ смыслѣ ученія и противъ огромнаго вліянія духовенства участвовала въ гоненіяхъ Копронима и его преемниковъ; очевидно, во всемъ движеніи иконоборства выражалось стремленіе императоровъ сдѣлаться судьями церкви и занять

мѣсто, принадлежавшее по праву императорамъ древняго Рима, поставивъ святыню государства выше святыни церкви: но не смотря на политическія побужденія, дѣйствовавшія въ Копронимѣ, не смотря на грубое безстыдство его разврата, пѣтъ еще достаточныхъ данныхъ для обвиненія его въ совершенномъ равнодушіи къ вопросу церковнаго вѣрованія. Многосторонность души человѣческой выражается въ порокахъ также какъ и въ добродѣтелях, и часто ревностнѣйшіе поборники или ревнители религіозныхъ реформъ предавались грубой чувственности, какъ будто уже удовлетворивъ все требованіямъ христіанства своего дѣятельностію на поприщѣ догматики и церковнаго устройства. Таковъ, можетъ быть, былъ и Копронимъ, человѣкъ сильный духомъ, волею и разумомъ, которому бы трудно было не имѣть совершенно никакого сочувствія съ вопросами, волновавшими Византійскій міръ. Какъ бы то ни было, Константинъ Копронимъ былъ безъ сомнѣнія достойнымъ преемникомъ прежнихъ великихъ государей, распространявшихъ имперію и палагавшихъ ея желѣзное иго народамъ иноплемненнымъ. Его царствованіе было безконечною борьбою, его походы — рядомъ побѣдъ. Пользуясь временнымъ ослабленіемъ Аравитянъ, онъ нанесъ ихъ власти тяжелые удары въ Азіи и, возвративъ имперіи нѣсколько областей, поставилъ на ихъ границу, какъ воинственную стражу, вѣрную имперіи и впоследствии долго останавливавшуюся паноръ мусульманъ, колонію изъ двухъ сотъ тысячъ Славянъ а согласившихся на переселеніе изъ Европы въ богатныя долины Сиріи.

Исторія говоритъ весьма мало объ этой колоніи. Погибла-ли она въ неравной борьбѣ или, утомленная, возвратилась къ своей Европейской братѣ? Трудно опредѣлить. Самая причина переселенія (будто бы Копронимъ перевелъ побѣжденныхъ, какъ ильбинскихъ, въ Азію) очевидно вымыслена тщеславіемъ Византійцевъ. Переселеніе было безспорно слѣдствіемъ побѣдъ, одержанныхъ императоромъ: но оно не могло исполниться и Копронимъ не могъ предвидѣть добра отъ него безъ согласія самихъ переселенцевъ, раздѣлявшихъ общее въ то время движеніе Придунайскихъ Славянъ, искавшихъ себѣ

новыхъ привольныхъ жнаницъ. Судьба этой Славянской колоніи въ Азіи представляетъ особенную важность. Съ нею, вѣроятно, связано религиозное движеніе, отозвавшееся въ послѣдствіи далеко въ Западномъ мірѣ раздорами, войнами, ужасами первой инквизиціи и еще болѣе ужасами крестовыхъ походовъ. Болгарія, страна, изъ которой вышли Богомилы, родоначальники Патареновъ, Катаровъ и Альбгойцевъ, была та самая страна, изъ которой Копронимъ выселилъ колонію въ Азію. Границы Сиріи, куда она была переселена, были областью, въ которой долго гнѣздились Манихеи-Павликіяне, вопиавшіе враги Аравитянъ и непокорные слуги имперіи. Не очевидно ли, что эти обстоятельства поясняютъ другъ друга и что выселенцы Славянскіе, завлеченные въ манихейство своими Сирійскими сосѣдями, передали это ученіе своимъ Европейскимъ братьямъ или посредствомъ миссіонеровъ или незамѣтнымъ возвращеніемъ на свою родину Прибалканскую, или во время обратнаго ихъ переселенія во Фракію при Василии. Таково самое вѣроятное объясненіе начала секты богомилъской или патаренской, легко связавшейся съ остатками прежнихъ Манихеевъ въ Италію, долго первенствовавшей и можетъ быть еще не совсѣмъ исчезнувшей въ Боснійской области, и отзывающейся донныѣ въ Россіи въ общинѣ Духоборцевъ, или въ общинахъ связанныхъ съ ними (Не должно забывать, что Манихеи, Патарены, Катары и др. называли себя по преимуществу людьми духовными, а это собственно значеніе слова Духоборцы).

Тѣмъ славнѣе были успѣхи или, по крайней мѣрѣ, подвиги императоровъ икопоборцевъ и особенно Константина противъ могучихъ Аравитянъ, что въ то же время на имперію напирала другіе враги не менѣе сильныя по числу своему и мужеству, но къ счастью еще не соединенныя между собою тѣсными узами политическаго единства или единствомъ мысли религиозной.

Переселеніе Болгаръ. Хавары. Авары, иѣкогда двигатели и угнетатели Славянскаго міра, погибли. Возставшіе Славяне образовали отдѣльныя самобытныя общины на началахъ, которыми они жили съ давнихъ временъ, на началахъ семьи, рода и родовой общины, подчиненной въ иныхъ мѣстахъ одному начальнику, главѣ родовыхъ

общинъ, въ другихъ мѣстахъ совершенно свободной и правильной родовымъ вѣчемъ; но проливъ съ сѣвера-востока еще не прекращался: безпрестанно приходили оттуда новыя колѣна, требующія новыхъ жилищъ и подвигающія старожиловъ далѣе на югъ. Но и это движеніе не было стремленіемъ народа завоевательнаго: оно было простымъ слѣдствіемъ неукротимаго напора съ востока, напора кочевыхъ дикарей изъ внутренней Азіи, слѣдствіемъ бурь поднятыхъ Сянъ-бійцами и Гюнг-ну, перемѣщеніемъ Уйгурскаго союза и особенно разширеніемъ Китая при великихъ государяхъ династій Тангъ. Поднятые Аварцами и раздвинувшіе свои предѣлы далеко на югъ и отчасти на западъ, Славяне стали усиоковаться. Новое сильное переселеніе взволновало ихъ и потрясло Византию. Это было переселеніе Болгаръ, послѣднее изъ всѣхъ Славянскихъ переселеній, послѣдній приливъ изъ Азіи древняго Восточно-Иранскаго племени, тѣснимаго и придавленнаго Средне-Азійскими ордами. Налетъ Гунновъ (сѣверо-восточнаго Приволжскаго казачества) освободилъ міръ Славянскій отъ его Германскихъ насильниковъ и отбросилъ ихъ, какъ извѣстно, далеко на западъ, гдѣ они сокрушили Римскую имперію и образовали новую западную Европу. По совершеніи подвига исчезла сила, совершившая его: пмя Гунновъ провало. Остатки племени, перемѣниваго судьбу міра, удалились на востокъ въ свою родную, въ землю, не извѣтную ни одному географу, Гуннварь.

Очевидно, просто земля или союзъ Гунновъ, также какъ и по Индійскимъ памятникамъ земля Гунновъ есть Гуна-вара, отъ корня *вара* въ смыслѣ союзъ или *варяты* (то же что лат. *готари*, — варяты — предваряты и т. д.).

Родина Гунновъ и ихъ великій городъ Гунабъ (о которомъ гремѣла такая слава у западныхъ лѣтописцевъ) являются подъ иными именами, взятыми уже отъ имени великой рѣки, которая отъ глубочайшей древности до нашего времени была главнымъ торговымъ путемъ всего сѣвера, отъ *Волги* или *Болги*. Съ ея береговъ продолжается къ югу-западу тихое пересе-

леніе (продолженіе Гунскихъ походовъ) и вскорѣ толпы Болгаръ собираются на Дунаѣ, грозя Византіи и ея областямъ. Византіицы дали отпоръ, а вскорѣ воинственныя Авары, превосходствомъ своего чисто-дружиннаго устройства, подавили на время Славянскую самобытность, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ жизни политической. Не долговѣчна была Аварская держава. Отдѣльныя общины Славянскія возставали противъ нея съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и окончательно сокрушили ее (ибо походы Карловинговъ были уже направлены на царство совершенно обезсиленное и утратившее даже свою военную значительность). Изъ первыхъ возстаній противъ Аваровъ особенно замѣчательно возстаніе Болгаръ, поселившихся на югъ отъ Дуная: оно показываетъ отношеніе славянскихъ народовъ къ Аварамъ, очевидно отношеніе союзниковъ, мѣстами угнетенныхъ, но не подданныхъ и не рабовъ; ибо Болгары вооружались не для сверженія ига, а для утверженія за собою права быть старшими въ союзѣ и назначать общаго начальника всѣмъ союзникамъ, не исключая и Аваровъ. Попытка Болгаръ была неудачна, но она показываетъ уже силу ихъ: побѣжденные, они погибли или бѣжали въ разныя стороны; многіе, спасшіеся на землю Баварскую, тогда покорную Франкамъ, были приняты съ притворнымъ радушіемъ и потомъ уничтожены вѣроломствомъ Нѣмцевъ.

Это возстаніе Болгаръ, о которомъ упоминаютъ почти все историки, осталось до сихъ поръ незамѣченнымъ историческою критикою, а между тѣмъ оно вполне разрѣшаетъ споръ, которому давно уже не слѣдовало быть споромъ. Оно относится къ началу VII-го вѣка, слѣдовательно къ такому скорому времени послѣ перваго переселенія, что самому легковѣрному легковѣрію еще нельзя предполагать перерожденія народа; при этомъ оно представляетъ намъ Болгаръ еще не первенствующими въ союзѣ и не грозными завоевателями, которыхъ имя могло бы быть по ошибкѣ перенесено на побѣжденные или подчиненные народы. И такъ Болгары этого возстанія суть и безспорно Болгары и безспорно еще не переродившіеся Болгары.

Какая же была причина ихъ гибели? «Баварцы, говорятъ лѣтописи, принимая Болгаръ по языку, обычаямъ и наружности за Славянъ,» (а кажется Баварцамъ трудно было не знать Славянъ, но тутъ под-разумѣвается за тѣхъ Славянъ, съ которыми они издавна привыкли сражаться) «представили королю Франкскому опасность, которая могла послѣдовать изъ поселенія враговъ на землѣ Франкской и испросили позволенія ихъ перерѣзать»; что и было исполнено во вкусѣ Сицилійскомъ. Трудно повѣрить, чтобы критика, еще сомнѣвающаяся въ славянствѣ Болгаръ, читала лѣтописи; а еще труднѣе повѣрить, чтобы при столькихъ доказательствахъ могла еще такъ долго держаться упорная вѣра въ слова, когда-то сказанныя какимъ-то (положимъ и почетнымъ) ученымъ. Должно еще замѣтить, что при вторичномъ движеніи Болгаръ на юго-западъ отдѣлилось отъ нихъ значительное ополченіе подъ предводительствомъ *Азена* (быть можетъ Слав. *Языкъ*), и двинулось въ Италію, гдѣ оно мирно было принято, мирно поселилось и мирно исчезло, слившись въ общей массѣ Германо-Романскихъ туземцевъ. Похоже ли это на Финно-Турецкое племя? Гдѣ же слѣды этихъ Финно-Турковъ въ сѣверной Италіи? гдѣ языкъ или остатки языка? А Славянскаго языка, жизни, народа, безконечны и всякому, кромѣ слѣпыхъ, бросаются въ глаза Дѣло такъ ясно, что объ немъ почти совѣстно говорить.

Во время паденія Аварскаго владычества земли при Карпатахъ и Дунаѣ, свободныя отъ угнетателей и слабо охраненныя имперією Византійскою, представляли легкую добычу Славянамъ, а усиліе Финно-Турецкаго племени на При-волжѣ пробуждало въ нихъ желаніе удалиться въ страну менѣе подверженную нападеніямъ съ востока. Уже въ первыхъ вѣкахъ послѣ христіанства стихія Средне-Азійская (по свидѣтельству Китайцевъ) вошла значительною примѣсью въ восточныя общины Славянъ. Она дала особенный характеръ союзу Гунновъ и особенную силу ихъ военной дѣятельности. Со дня на день усиливалось вліяніе этой стихія вмѣстѣ съ приливомъ восточныхъ ордъ. Коренное начало (Славянское) слабѣло со дня на день и переходило мало-по-малу на степенъ подчиненности. Уйгуры, съ ихъ разными развѣтвленіями,

Онигурами (или Унигурами), Кутригурами и т. д., нѣкогда полу-невольные союзники Гунновъ, становились все болѣе и болѣе владычествующимъ племенемъ, старые Гунны Приволжскіе (Болгарь) все болѣе и болѣе народомъ поработеннымъ, поработеннымъ можетъ быть безъ войны. Болгарія не мѣняла своего имени; но она измѣнила всю свою внутреннюю жизнь. Турокъ царствовалъ и называлъ себя Болгаромъ: Славянинъ рабствовалъ и называлъ себя также Болгаромъ. Сосѣди, соплеменники рабовъ, не замѣчали своей угнетенной и безъ сомнѣнія переродившейся братіи, признавая собственно народомъ только народъ правящій: но сами властители помнили свое завоеваніе и называли себя владыками Славянъ (Саклабовъ). Таковъ выводъ изъ показаній Нестора и Ибнъ-Фоцлана. Такова исторія Приволжія. Эта безконечная страна, нѣкогда главное торговое перепутье первыхъ Восточно-Иранскихъ поселенцевъ въ ихъ движеніи отъ Бактріи до береговъ Океана и Гальской Вендіи, потомъ вырванная изъ ихъ рукъ Западно-Иранскими Кельто-Кимврами, потомъ затопленная кочевую ордою сѣверо-восточныхъ пришельцевъ, Финно-Турецкихъ Сколотовъ (мнимыхъ Скифовъ), потомъ захваченная Средне-Иранскими Аланъ-Азами (Сарматами), потомъ вырванная снова изъ власти Сарматской новымъ наплывомъ Восточно-Иранскихъ Гунно-Славянъ, перешла окончательно около конца VII-го вѣка по Р. Х. во власть Финно-Турецкихъ Уйгуровъ и народовъ имъ соплеменныхъ, и только уже послѣ многихъ вѣковъ, послѣ многихъ бурь, послѣ утраты всѣхъ слѣдовъ славянства, возвратилась во владѣніе великой Русо-Славянской семьи. Но въ VII-мъ столѣтіи еще не совсѣмъ погибла самостоятельность Славянскихъ Болгаръ на Волгѣ: они составляли отдѣльное государство, котораго широкіе предѣлы обнимали большую часть юго-восточной Россіи. Только средняя часть Волжскаго теченія около Камскаго устья подпала подъ власть Уйгуровъ; но напоръ и насилія иноземцевъ уже становились нестерпимыми, и власть эта, распространяясь далеко на сѣверъ, сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ, подавляя старожилы Финновъ и отчасти

Славянь, давала всей области между средней Волгой, Уральскимъ хребтомъ и лѣсами, окружающими источники Двины имя земли *Уйгурской*, *Угрии*, по-славянски *Югры*. Но подъ этимъ общимъ именемъ сохранялись стародавнія, частныя имена Болгаріи Славянской, Финской Перми или Біарміи и другія, столько же древнія по менѣ извѣстныя.

Пространство области Югорской, по большей части покрытой лѣсами и болотами и весьма мало перехваченной горами, явно показываетъ, что ея названіе происходитъ отъ Уйгуровъ завоевателей, а не отъ Славянскаго корня, Угорской земли.

Слабѣйшая и менѣ воинственная часть народа Болгарскаго осталась на прежнихъ жилищахъ подъ рабствомъ пришельцевъ, вольнолюбивая и воинственная часть народа двинулась на югъ и юго-западъ, захватывая большую часть при-Донья, берега Днѣпра и раскидываясь отдѣльными поселеніями до Дуная и Карпатовъ; по главная сила еще держалась въ привольныхъ областяхъ между Дономъ и Волгою. Нашествіе новаго непріятели двинуло ее впередъ. Этотъ непріятели является въ исторіи подъ именемъ *Хазарь*.

Царство
Хазар-
ское.

Имя *Хазарь* слышится довольно долго въ исторіи (не менѣе 3-хъ вѣковъ, отъ начала VII-го, до начала X-го). Оружіе ихъ грозило въ одно время Славянамъ При-дунайскимъ и Прикарпатскимъ, и державѣ халифовъ въ долинахъ Тигра и Евфрата; мирные договоры связывали ихъ то съ Византіею (съ которою они были довольно постоянно въ дружескихъ сношеніяхъ), то съ послѣдними Сассанидами въ Персіи, то съ торжествующими Аравитянами; держава ихъ обнимала всю теперешнюю южную Россію отъ устьевъ Волги до Буга и среднюю до лѣсовъ Чернигова и едва ли не до истоковъ Дона; столицы ихъ (Атель и Саркелъ) были выстроены и укрѣплены искусствомъ иноземныхъ художниковъ, Персіанъ и Византійцевъ. Княжны изъ ихъ племени сидѣли на престолѣ императоровъ, торговцы, путешественники и проповѣдники изъ разныхъ народовъ, разныхъ исповѣданій и разныхъ государствъ посѣщали ихъ об-

ласть; наконецъ памятникъ ихъ умственной жизни и ихъ обширныхъ сношеній сохранился для потомства въ перепискѣ властителя Хазарскаго съ Евреями Испанскими, а критика не разрѣшила еще вопроса; къ какому именно племени принадлежалъ народъ Хазарскій. Этотъ вопросъ не будетъ никогда разрѣшенъ, покуда критика не освободится отъ дѣтскаго предразсудка, по которому государство и народъ считаются за одно и тоже всегда, когда нѣтъ ясныхъ свидѣтельствъ въ противномъ.

Эта ошибка, вредная для всей исторіи вообще, становится особенно важною, когда дѣло идетъ объ исторіи племени Славянскаго: отъ нея происходитъ вся темнота и запутанность изслѣдованій и постоянная разногласица между учеными.

Первая данная для опредѣленія племени Хазарскаго находится въ его имени. Къ нему относится общее правило о томъ, что сходство отдѣльнаго имени, встрѣчаемаго въ двухъ областяхъ отдаленныхъ другъ отъ друга, ничего не доказываетъ, но что нѣкая купа именъ не можетъ случайно повторяться и слѣдовательно даетъ критикѣ явное указаніе на племенное тождество народовъ. Имя Хазаровъ не представляется какъ имя отдѣльное, но составляетъ часть великой купы именъ, и эта купа извѣстна въ лѣтописяхъ или поэтическихъ преданіяхъ съ отдаленнѣйшей древности, гораздо прежде великой эпохи, положившей начало исторіи новаго міра. Въ воспоминаніяхъ Индустана, не смотря на разногласіе разновременныхъ сказокъ, является одна великая масса народовъ враждебныхъ Индустану, по нечуждыхъ ему по своему происхожденію, вѣчно грозившихъ ему войною и связанныхъ между собою невидимымъ родствомъ. Имена этихъ народовъ болѣе или менѣе извѣстны изъ лѣтописей Армянскихъ, Персидскихъ и Китайскихъ, но нигдѣ не встрѣчаются они во всей полнотѣ своей группировки, кромѣ Индустана. Это *великіе Венды* (Мага-Ванада), *Анты* (Андгру), *Гуины* (Гуна), *Геты и Саки* (Сака) и *Хазары* (Кхаса). Изъ нихъ многіе, именно Венды великіе, Ач-

ты и Саки (или Даки) покрыли своими безконечными колоніями всю пустыню средней Европы еще до переселенія Кельтовъ и братьевъ ихъ Кумріевъ и до вторженія Германцевъ. Они принадлежали безспорно Иранскому племени, составляя его восточный (Славянский) отдѣлъ. Гупны явились поздне; но Персія издавна знала ихъ тождество съ Саками (какъ видно изъ клинообразныхъ надписей) и ихъ первыя колоніи въ Европѣ вѣроятно скрываются подъ именемъ *Хаоновъ* и *Униловъ*, часто сопровождающихъ Вендовъ и Антовъ. Позже всѣхъ явились *Хазары*. Хазары исчезли безъ слѣда въ Европѣ; но потомки ихъ живутъ еще въ ущеліяхъ Гиммалаи, въ землѣ древнихъ Аза-Вановъ (Авганистанѣ), гдѣ еще недавно они вступили въ неравную борьбу съ громами побѣдоносной Англіи. Въ потомкахъ Хазаровъ Англія узнала Иранцевъ; потомки Вендовъ, теперешніе Славяне, принадлежатъ безспорно къ тому же племени и (какъ видно изъ языкованія) составляютъ его главную вѣтвь, самую близкую къ великому общему корню. И такъ свидѣтельство древности, выводы изъ лѣтописей и современные намъ остатки древняго міра согласны въ своихъ показаніяхъ. Вся группа опредѣлена. Это группа народовъ Восточно-Иранскихъ, за исключеніемъ Индустана: это океанъ Славянскихъ народовъ. Тѣмъ самымъ опредѣлены и *Хазары* какъ Славяне, какъ часть Славянской семьи.

Съ другой стороны это опредѣленіе опровергается выводами изъ именъ княжескихъ, изъ именъ городовъ, наконецъ изъ всѣхъ скудныхъ остатковъ, по которымъ можно сколько нибудь судить объ языкѣ Хазарскомъ; и эти выводы приписываютъ Хазаръ безспорно къ племени Финно-Турецкому, и вѣроятно къ одной изъ его среднихъ вѣтвей. Таково дѣйствительно рѣшеніе всѣхъ или почти всѣхъ изслѣдователей, изучившихъ вопросъ о Хазарахъ; но очевидно изслѣдователи были введены въ обманъ односторонностью взгляда и особенно неяснымъ понятіемъ о пространствѣ Славянскаго міра и объ его тѣсной связи съ Востокомъ. Отличительныя черты Хазарскаго царства замѣтны въ характерѣ его завоеваній, въ его бытѣ, въ его религіи. Оно основано и распространено оружіемъ,

емъ какъ и всѣ другія государства того времени, нашествіемъ племени на другое племя, имъ покоренное или сдвинутое съ мѣста: но съ другой стороны завоевательное стремленіе у Хазаровъ весьма слабо и переходитъ очень скоро въ новое стремленіе къ жизни государственной и торговой. Войны ихъ имѣютъ гораздо болѣе характеръ борьбы съ сосѣдями за первенство или за спорныя области, чѣмъ характеръ набѣговъ. Быть градостроительный отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ Финно-Турецкихъ племенъ и желаніе укрѣплять города неприступными твердынями указываетъ на народъ полуосѣдлый, дорожащій своимъ жилищемъ, торговый и готовый къ образованной жизни. Имена городовъ (Атель-Болангіаръ) представляютъ замѣчательную двойственность. Наконецъ въ отношеніи къ религіи Хазарія представляетъ едва ли не единственный въ мірѣ примѣръ народа, принимающаго почти въ одно время три ученія совершенно различныя, христіанство, магометанство, болѣе же всего еврейство. Изъ этихъ особенностей легко можно вывести заключеніе о томъ, что Хазары не были народомъ одностихійнымъ, но сплавомъ изъ двухъ, а можетъ быть и болѣе народныхъ стихій, соединенныхъ въ одно государство перекѣсомъ одного племени надъ другимъ. Съ одной стороны мы видимъ имя, принадлежащее Восточному Ирану или группѣ Славянской, съ другой остатки языка Финно-Турецкаго, и должны слѣдовательно допустить въ Хазаріи одни и тѣ же отношенія, которыя ясно выводятся изъ показаній о Болгаріи При-волжской въ IX-мъ и X-мъ вѣкѣ. Славянская стихія представляется какъ начало подчиненное и Финно-Турецкое какъ начало правящее и властительное. За всѣмъ тѣмъ полная подчиненность Славянской стихіи гораздо сомнительнѣе въ землѣ Хазарской, чѣмъ въ области Приволжской. Двойственность именъ, подъ которыми извѣстны Хазарскія столицы, первая, Приволжская (Атель) и вторая, степная (Саркель), уже замѣчательная сама по себѣ, даетъ выводъ весьма ясный. Второе имя Ателя, *Болангіаръ* довольно сомнительнаго происхожденія и на немъ трудно основать какую бы то ни было догадку. Оно легко можетъ быть искаженное повтореніе слова *Болгаръ* (т. е.

города Приволжскаго), известнаго какъ названіе столицы сѣвернаго Приволжія: точно также оно можетъ содержать въ себѣ корень *блльй*, повторенный въ словѣ *Блльовъжа* и безпрестанно повторяемый въ именахъ Славянскихъ городовъ. Какъ бы то ни было, второе имя города Саркель (*Блльовъжа*), уже безспорно Славянское и понятное всякому Славянину, вполне соотвѣствуетъ общему названію Блльогорода. Его нельзя считать простымъ переводомъ настоящаго Финскаго имени. У Славянъ не было обычая переводить имена городовъ или народовъ сосѣднихъ: по крайней мѣрѣ такому обычаю нѣтъ примѣра ни въ живой Русской рѣчи, ни въ лѣтописяхъ. *Царьградъ* есть не переводъ, а прозвище. ☞ (910)

Самое же слово *Блльовъжа* известно не однимъ русскимъ, но и иноземцамъ. Очевидно, оно было истинное имя города, принадлежащее ему столько же, сколько и *Саркель*, имя, подъ которымъ самъ народъ (т. е. его Славянская, истинно Хазарская часть) зналъ свою столицу, также какъ другая, Финно-Турецкая (вѣроятна Уйгурская) знала ее подъ названіемъ *Саркель*. Точно такое же заключеніе можно вывести и изъ многовѣрія Хазаровъ. Конечно намъ неизвѣстна ни одна Славянская семья, принявшая въ одно время разныя религіи, но сказанія о избраніи вѣры Владиміромъ Русскимъ и Богорисомъ Болгарскимъ, болѣе или менѣе повторяемыя въ другихъ Славянскихъ земляхъ, указываютъ на возможность такого явленія у Славянъ; они показываютъ высокую идею терпимости и понятія о правѣ каждаго лица на отысканье истины религіозной и на пріобрѣтеніе вѣры по крайнему разумѣнію. Эта черта не встрѣчается ни у кого кромѣ Славянъ, по крайней мѣрѣ она ни у кого не перешла въ народное преданіе. Во всякомъ случаѣ сводъ всѣхъ обстоятельствъ приводитъ къ одному положительному выводу, о Славянской подпочвѣ народа Хазарскаго, сложеннаго въ одно цѣлое властительною примѣсью Финно-Турецкихъ пришельцевъ, подчинившихъ себѣ древнюю Восточно-Иранскую (Славянскую) семью, но принявшихъ имя и вещественныя силы отъ подчиненныхъ.

Побѣда Хазаръ на Дову двинула Болгаръ на юго-западъ,

а Хазары побѣдители наложили имъ или дань на всѣ окрестные народы далеко вверхъ по теченію Волги, по Дону и Днѣпру; процвѣтая торговлею и силою, не чуждаясь просвѣщенія, но и не принимая въ себя никакихъ живыхъ началъ, упрочивающихъ государственный бытъ. Побѣжденные Болгары придвинулись къ Карпатамъ и къ Дунаю, бросая отдѣльныя дружины еще далѣе во внутрь Панноніи и даже въ Италію. Скоро погибло въ борьбѣ съ ними уже ослабшее царство Аварское, не выдержавшее почти одновременнаго напора съ запада отъ Франковъ и съ востока отъ Славянъ Болгарскихъ; скоро дружинныя слабѣйшія общины Славянскія (напр. Сѣверяне Придунайскіе) были принуждены либо удалиться, либо слиться съ побѣжденными; скоро наконецъ Византія стала трепетать своихъ новосозданныхъ сосѣдей. Сильнѣе и сильнѣе росло царство Болгарское по своимъ берегамъ Дуная отъ границъ Хазарскихъ до твердыхъ Кемскихъ (Балканскихъ) горъ, прежнія имена Мизіи и Дакии пр. исчезли. Явилось новое имя Болгаріи и утвердилось навсегда.

— о т о н —

Новая Болгарія была названа Черною. Трудно опредѣлить причину такого прозвища, которое впрочемъ столько же принадлежитъ обычаямъ Славянскимъ (напр. Бѣлоруссія, Чермная Русь и т. д.), сколько же и обычаямъ Турецкимъ (напр. Черные Клобуки и Бѣлые и множество другихъ подобныхъ названій); но съ другой стороны нельзя не обратить вниманія на это обстоятельство. По свидѣтельству летописей и по всѣмъ вѣроятностямъ прежней Приволжской земли Болгаръ называлось и должно было называться Великою или Бѣлою Болгаріею. Во-первыхъ, тождество бѣлаго и великаго вообще ясно у Славянъ; оно основано на ихъ первоначальныхъ идеяхъ религіозныхъ, и можетъ быть даже на коренномъ тождествѣ словъ *бѣлый* и *велий*; оно отражается даже и на противоположныя слова *черный* и *малый*, которыхъ значеніе опять тождественно (напр. люди малые и люди черные). Такимъ образомъ въ имени *Болгаріи Черной* мы получаемъ прямой смыслъ *Малой Болгаріи*, названной такимъ образомъ вѣроятно по сравненію съ прежнею, почти безграничною областью Приголжскою. Во-вторыхъ, вѣроятно въ этомъ же проз-

вищѣ находится объясненіе двухъ другихъ географическихъ названій, до сихъ поръ необъясненныхъ, имени *Саклабовъ*, подъ которымъ извѣстны Аравитянамъ *Славяне* Приволжскіе, и *Лебеди* или *Лебедяни*, подъ которыми является земля между среднею Волгою и верхнимъ Дунаемъ. Предположеніе, будто Аравитяне назвали Славянъ Саклабами потому, что неудобно произносили слогъ *сла*, довольно произвольно: кажется, имъ также легко было сказать *Салавы*. Извѣстно, что въ древности имя *Саковъ* слышится на Востока, и тогда окончаніе *лабъ* обращается въ вѣроятное прозвище. Этому прилагательному соответствуетъ, съ измѣненіемъ гласной, имя стороны между Волгою и Дономъ *Лебедянь* (до сихъ поръ сохранившееся, можетъ быть, въ названіи Придонскаго города). Здравая филологія позволяетъ догадку сводящую эти оба слова съ прозвищемъ Болгаріи *бълой*. Тутъ видна только та же перестановка, какъ и въ словѣ *Лебедь*, происходящемъ, по всей вѣроятности, отъ *беледь*, какъ *бакалдина* отъ *калдобина*, *ведмедь* отъ *медвьдь*, *ладонь* отъ *долонь* (длань) и т. д. Понятно тогда что имя *Саковъ* *бълыхъ* (*бълыхъ* *Болгаръ*—Саклабовъ), перваго Славянскаго народа, узнаннаго Аравитянами, сдѣлалось для нихъ общимъ именемъ Славянъ, особенно при сходствѣ звуковъ *Саклабъ* и *Словянинъ*. Въ прозвищѣ *бълый*, можетъ быть также скрывается и причина искаженія имени *Болгаръ* у народовъ восточныхъ, которые называютъ ихъ *Белирами*, словомъ довольно далекомъ отъ слова *Болгаръ*.

Побѣды Болгаръ и преимущество ихъ передъ другими Славянскими семьями въ основаніи государства зависѣли отъ примѣса чуждаго начала, соединившаго ихъ въ твердую дружину и сосредоточившаго ихъ силы какъ для завоеваній, такъ и для устроенія государственнаго порядка. Это чуждое начало было бесспорно то самое, которое уже проявилось въ Гуннахъ (тѣхъ же Болгарахъ) и которое извѣстно изъ свидѣтельствъ Китайскихъ лѣтописей, начало Средне-Азійское. Въ племени Болгарскомъ примѣса не имѣла того значенія, что у Хазаровъ; она не ввела въ народъ новую народную, властительную стихію, но она измѣнила быть общинный, подчинивъ свободную родовую или естественную общину новому услов-

Царство
Болгар-
ское на
Дунаѣ.

ному или военному строю. Такое измѣненіе объясняется легко самымъ положеніемъ Гунно-Болгарь на границѣ кочевыхъ и воинственныхъ ордъ Финно-Турецкихъ и необходимымъ перевѣсомъ казачества надъ общипою; точно также объясняется и то обстоятельство, что всѣ слѣды не-Славянскаго начала встрѣчаются въ высшемъ, правительственномъ кругѣ, въ названіи должностей, въ имени князей и т. д., ибо стихія военная или дружицная должна по превосходству своихъ вещественныхъ силъ захватывать власть и начальство въ мирной общинѣ, неосторожно довѣрившей ей свою безопасность. Понятна ошибка критиковъ, принявшихъ Гунновъ и ихъ потомковъ Болгарь за племя Турецкое: она оправдывается нѣкоторыми показаніями древнихъ писателей, обращавшихъ свое вниманіе единственно на высшее или военное сословіе, въ которомъ преобладала Средне-Азійская стихія, а еще болѣе изъ младенческаго состоянія исторической науки, въ то время когда ошибка эта вкралась въ исторію. Упрямство позднѣйшихъ писателей было необходимымъ послѣдствіемъ суевѣрной покорности ученой Германіи ученымъ авторитетамъ, силы преданія, робости многихъ ученыхъ, и отчасти и вражды просвѣщеннѣйшаго изъ всѣхъ народовъ Европы къ сильнѣйшему изъ всѣхъ Европейскимъ племенъ, у котораго онъ не можетъ отнять современнаго могущества и отнять бы охотно по крайней мѣрѣ все его историческое значеніе.

Средне-Азійское начало было вѣроятно сильнѣе у Болгарь, чѣмъ у самихъ Гунновъ, не только потому, что оно крѣпло отъ времени и отъ безпрестаннаго прилива кочевыхъ народовъ, но и потому, что самые Болгары, несомнѣнные потомки Гунновъ (какъ видно изъ тождества городовъ Болгарь и Хунабъ и изъ самаго сознанія Болгарь, называющихъ *гунками* могилы своихъ предковъ), составляли только часть и именно восточную или Волжскую часть великаго Гунскаго союза.

Отъ того самаго и Германцы не давали никогда названія Болгарія всей Славянской области, между тѣмъ какъ они весьма часто называли ее всю Гуненландъ и даже приморскихъ Славянъ, съ которыми сражались на Балтійскихъ водахъ—*Гунами*.

За всё́мъ тѣмъ чуждая примѣсь была незначительна у самихъ Болгарь. Въ этомъ свидѣтельствуе́тъ чистота ихъ наръчїа, впло́ць Славянскїй бытъ и отсутствїе всѣхъ преданїй, повѣрій или памятниковъ, которые бы могли быть отнесены къ Турецкому началу. Она исчезла мало-по-малу при крѣпчанїи жизни народной, отдѣленной огромнымъ пространствомъ отъ Средне-Азїйскаго центра, при увеличивающемся просвѣщенїи и при неизбѣжномъ превосходствѣ того племени, которое болѣе способно было къ принятїю просвѣщенїя; наконецъ она исчезла совершенно тогда, когда прекратилась или погибла династїя первыхъ дружиноначальниковъ и на ея мѣсто стали цари, избранные уже изъ окрѣпшаго народа, цари чисто-Славянской крови и съ Славянскими именами (напр. *Телець, Громъ* и пр.).

Изъ нихъ только одинъ является опять будто бы не съ Славянскимъ именемъ, но имя это такъ различно пишется (*Мортагонъ, Критогонъ, Омортагъ*), что объ немъ и говорить нельзя.

Страшная поднялась гроза на Византїю, когда вся сила Болгарь нахлынула на берега Дуная. Славянскїя общины, успокоившіяся на привольныхъ равнинахъ древней Мизїи и Дакии, пришли въ новое волненїе. Повинуясь волею или неволею силѣ сѣвернаго потока, онѣ двинулись на югъ. Вся древняя Эллада покрылась сѣтью переселенїй Славянскихъ; ни горы, ни крѣпости, ни слабыя ополченїя опустѣвшихъ Эллинскихъ областей, ничто не могло остановить движенїя безчисленныхъ общинъ, временно обращенныхъ въ мелкія дружины, завоевывающїя мечемъ мѣсто для мирнаго плуга. Македонїя, Фессалїя, древняя Вїотїя обратились въ земли Славянскїя; далекій Пелопоннезъ принялъ новое Славянское имя Морей. Съ тяжелою скорбїю увидѣли Греки свою славную родину въ рукахъ иноземцевъ, христіанскую землю въ рукахъ язычниковъ. Таковы слова и чувства лѣтописцевъ: они не предвидѣли, что эта новая народная стихїя сживется съ древнею, приметъ отъ нея вмѣстѣ съ языкомъ жазнь мысли и просвѣщенїя и что

потомки Славянъ-завоевателей, забывъ своихъ предковъ по крови, будутъ гордиться новыми предками по духу и возвратятъ свободу Элладѣ послѣ долгихъ бурь, тяжкихъ страданій и тяжкаго рабства.

Полная колонизація всей Эллады съ сѣвера, начавшаяся съ V-го вѣка до Р. Х. и совершившаяся около времени нашествія Болгаръ на Дунайскую область, такъ ясно доказана свидѣтельствами современными, что ученая Германія должна была по неволѣ ее признать за фактъ неопровержимый; и въ этомъ случаѣ особенно выражается способность, принадлежащая единственно Славянамъ, отречься отъ своей народнои личности и даже отъ своего языка при встрѣчѣ съ высшимъ просвѣщеніемъ. Упорные и несокрушимые передъ насиліемъ, они всѣмъ существомъ готовы покориться высшей мысли. Скорая и полная эллинизация Славянъ-побѣдителей свидѣтельствуетъ и объ ихъ безконечной воспримчивости и безконечной силѣ Эллинской стихіи. Впрочемъ нашествіе Славянъ на Элладу показываетъ въ нихъ то же стремленіе, которое видно и во всѣхъ ихъ переселеніяхъ и которымъ они рѣзко отличаются отъ Германцевъ. Они просятъ земли; Нѣмцы искали рабовъ. Колонизація Англій Саксами и въ этомъ отношеніи сближается болѣе съ явленіями Славянскаго, чѣмъ Германскаго міра и приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, которыя выведены изъ религіи и языка Англо-Саксовъ.

Славяне заняли новую область не безъ боя. Старожилы не охотно уступали пришельцамъ свою полу пустынную землю. Были мѣстами жестокія сраженія, кровопролитія, истребленіе селъ и городовъ; но не было рѣшительной и постоянной войны. Пришельцы, не имѣя своего собственнаго государственнаго быта, подчинялись охотно государственному быту имперіи и покорялись ея законамъ. Мудрые правители Песаврійскаго дома очевидно были рады новымъ и мужественнымъ подданнымъ; они въ ихъ силѣ видѣли будущую опору имперіи и не ошиблись. Они не думали выгнать ихъ изъ предѣловъ государства (чувствуя вѣроятно невозможность такого предпріятія); но признавали законность самовольныхъ приобрѣтеній,

подчиня только новыхъ владѣльцевъ условіямъ жизни государственной и наказывая силою меча излишнее своеволие или буйство ихъ дружинъ или не успокоившихся общинъ. Таково безъ сомнѣнія значеніе мнимыхъ войнъ и побѣдъ императоровъ надъ Славянами: но и этотъ подвигъ былъ не безтруденъ, и силы имперіи, едва достаточныя для охраненія сѣверной и особенно восточной границы, истощались въ борьбѣ почти междоусобной. Труды Исаврійцевъ увѣнчались усилѣхомъ и непрерывныя побѣды Копронима возвратили внутреннее спокойствіе государству. Славяне, побѣжденные и въ то же время расчетливо принятые въ составъ имперіи, оживили ея опустѣвшія области трудами мирныхъ поселенцевъ, пополнили ея слабыя ополченія мужественными воинами и стали на ея границахъ твердымъ оплотомъ отъ иноземныхъ завоеваній.

Еще труднѣе была борьба съ Болгарами. Ихъ многочисленныя дружины уже соединились въ государственное цѣлое и не могли подчиниться новымъ законамъ и чуждому устройству. Они не только дохщали Придунайскія области у имперіи, но грозили всѣмъ ея остальнымъ областямъ и ея столицѣ и ея существованію. Вѣковая война загорѣлась почти у стѣнъ Царьграда, война жестокая, на жизнь и смерть, поддерживаемая съ равнымъ упорствомъ обоими враждующими народами, ознаменованная многими великими подвигами, обезпеченная многими примѣрами дикой свирѣпости, но не безславная ни для Болгаръ, у которыхъ явились царя заслужившіе имя въ исторіи; какъ Громъ, Симеонъ, Самуилъ и др., ни для имперіи, спасенно и могучею рукою Исаврійцевъ, Льва Армянина, Славянина Василя (извѣстнаго подъ именемъ Македонянина) и Василя II-го. На этомъ поприщѣ, также какъ и вездѣ, явился со славою воинственный Копронимъ и почти первый изъ Византійскихъ Владыкъ нанесъ тяжелые удары повому Славянскому царству. На морѣ и на сушѣ побѣдилъ онъ сѣверныхъ враговъ и наложилъ на нихъ даже временную дань; но они снова распространили власть свою при его преемникахъ, осаждали Царьградъ, владѣли всей Македоніей, часто побѣжденные всегда возставали снова и, погибнувъ наконецъ уже не задолго прежде

паденія самой Византіи, сохранили, если не какъ государство, то по крайнеймѣрѣ какъ самостоятельное племя, предназначенное на будущую историческую жизнь, область Мизійскую, искони Славянскую, изъ которой прежніе жители удалились на югъ въ продолженіи VII-го вѣка и, заселивъ Элладу, положили въ ней корень ея новаго, намъ современнаго населенія.

Добросовѣстное изученіе всѣхъ фактовъ Болгарскаго нашествія опровергаетъ вполнѣ весь рассказъ о бѣгствѣ Славянъ передъ ними на сѣверъ, рассказъ основанный или на двойной формѣ слова Болгарь и Волохъ (въ обоихъ случаяхъ отъ Волги) или на перенесеніи имени Волоховъ Придунайскихъ (племени Романскаго, или Галло-Римскаго) на завоевателей ихъ Болгаръ. Въ обоихъ случаяхъ преданія о Волохахъ; угнетателяхъ Славянъ Придунайскихъ во время нашествія Кельтскаго и позже при Траянѣ, перешли вмѣстѣ съ именемъ на Болгаръ. Выводъ апіорный изъ направленія Болгарскаго прилива указываетъ ясно на то, что удаляясь отъ пришельцевъ, жители Дунайскихъ береговъ (Сѣверяне и другія славянскія семьи) должны были двинуться къ югу. Тотъ же самый выводъ подтверждается неопровержимо а posteriori слѣченіемъ времени Болгарскаго нашествія, переселенія многихъ славянскихъ семей (между прочимъ Сербовъ) въ Македонію и заселенія Славянами всей Эллады даже до южной оконечности Пелопоннеза. Наконецъ самый рассказъ о бѣгствѣ Славянъ на сѣверъ очевидно, по отсутствію всѣхъ подробностей, относится къ эпохѣ весьма древней, а сильное нашествіе Болгаръ предшествуетъ началу Руси не болѣе какъ двумя вѣками. Ошибка такъ ясна, что она почти не требуетъ возраженій. Сверхъ того должно замѣтить, что между тѣмъ какъ на югъ видно огромное движеніе народовъ въ эпоху Болгарскую, на сѣверѣ всѣ племена остаются на своихъ мѣстахъ и не представляютъ никакихъ признаковъ волненія, неизбежнаго при сильномъ приливѣ съ юга. Такъ напр. земли уже извѣстныя Геродоту подъ именемъ польной и лѣсной, населенныя Полянами и Древлянами во время Готѣевъ, находятся и послѣ того въ рукахъ старожиловъ Полянъ и Древлянъ. Сѣверяне (Сабиры) все-таки живутъ какъ и прежде между среднимъ Дономъ и Днѣпромъ, Радимичи на своихъ старыхъ жилищахъ. Сѣверъ неподвиженъ со

времени Юрнанда и т. д. Вообще самый напоръ Болгарскій не представлялъ характера завоевательнаго, но дѣйствовалъ какъ толчекъ на Придунайскихъ Славянъ и подвинулъ ихъ по тому самому направлению, по которому уже давно стремились при Авахъ и еще прежде, все далѣе и далѣе на югъ. Собственно войны и завоеванія не было, еще менѣе было порабощеніе, о которомъ и слѣда нѣтъ. За всѣмъ тѣмъ были мѣстами столкновенія враждебныя, и потому что успокоившіяся общины не желали новаго переселенія, и потому что Византійцы очевидно уговаривали ихъ не уступать земли своей новымъ пришельцамъ, болѣе опаснымъ для имперіи. Такъ объясняется война Болгаръ съ Сѣверянами (Себерены) Придунайскими, и гибель этихъ Сѣверянъ, которыхъ остатки вѣроятно переселились съ другими глубже въ область Византійскую. Самое имя Сѣверянъ, слышное въ одно время на Дунаѣ и на Придоньѣ, показываетъ, что Дунайскіе Сѣверяне были ничто иное какъ выселокъ Сѣверянъ Придонскаго и Приднѣпровскаго центра, о которомъ упоминается во время до Болгарскаго движенія народовъ. Имя же Сѣверянъ соединяется въ рассказахъ объ ихъ пораженіи на берегахъ Дона съ другимъ весьма важнымъ именемъ, съ именемъ Эфталитовъ, такъ долго гремящимъ на Востокъ, гдѣ они налагали иго свое на Персію, и потомъ на сѣверныхъ пригорьяхъ Кавказа, откуда они прорывались въ Грузію и Армению. Тутъ опять видно торжество всей великой Славянской семьи, переносящей имена своихъ вѣтвей съ востока на западъ. Нельзя даже не предположить не только сродства, но почти тождества Сѣверянъ и Эфталитовъ (вѣроятно составлявшихъ только двѣ вѣтви одной семьи) не только потому, что имена ихъ соединены въ рассказахъ о пораженіи на Донскихъ берегахъ, но и потому, что мы встрѣчаемъ тѣхъ же Сѣверянъ (*Сабири*) на сѣверномъ скатѣ Кавказа, вскорѣ послѣ рассказовъ о Прикавказскихъ Эфталитахъ. Впрочемъ не должно кажется смѣшивать этихъ Сабировъ (*Сѣверянъ*) Придонскихъ и братьевъ ихъ около Кавказа и Каспія съ тѣми Сабирями, о которыхъ прошли въ старинѣ темныя слухи, какъ объ народѣ подвинувшемъ всѣ племена Уйгуровъ съ востока на западъ. Вѣроятно тогда молва шла о дальнихъ завоевателяхъ Тунгузахъ Сябійцахъ (которыхъ имя должно было перейти въ *Сибирь*, какъ *Кгаза* въ *Хазаръ*, *Тато* или *Татанъ* въ *Татаръ*, *Манчжу* въ

Манджурь и т. д.) и случайное сходство именъ съ великими завоевателями сѣвернаго Китая и средней Азіи дало небольшому племени Славяпъ лишнюю историческую славу.

Аббасиды. Напоръ Славянъ и особенно Болгаръ спасъ можетъ быть халифатъ, или отнялъ по крайней мѣрѣ у Византіи возможность воспользоваться раздорами мусульманскихъ народовъ для возвратнаго завоеванія всей Сиріи и Палестины. Вскорѣ послѣ этихъ раздоровъ новый рядъ великихъ властителей, Аббасидовъ заступилъ мѣсто одряхлѣвшей династіи Омміядовъ и возвратилъ утраченную славу престолу халифовъ. Пріобрѣтенія Исаврійцевъ въ Азіи были снова отняты Аравитянами, имперія стѣснена; многія области и острова, до тѣхъ поръ принадлежавшіе ей, покорены халифами, Царьградъ осажденъ; Но это возрожденіе халифата продолжалось недолго и имперія устояла; въ самомъ магометанскомъ мірѣ стали развиваться смятѣніе и смятѣніе начала раздора. Религіозныя секты, неизбежныя послѣдствія всякаго ученія, которое стремится объять собою весь духовный міръ человѣка, а не довольствуется, подобно Эллино-Римскому идолопоклонству, требованіемъ внѣшней покорности, разрывали внутреннее единство ислама, распадаясь на два главные отдѣла, изъ которыхъ одинъ строго придерживался буквы и формы закона, а другой искалъ въ немъ только кореннаго и духовнаго смысла, дробясь снова на множество подраздѣленій и свирѣпѣя въ упорной борьбѣ. Единство же государственное или патриархальное ислама, примиряющее разногласіе сектъ въ понятіи о халифѣ, какъ представитель всѣхъ людей признающихъ небесное посланіе Мухаммеда, потеряло все свое значеніе при насильственномъ паденіи дома Омміядовъ. Права ихъ преемниковъ Аббасидовъ очевидно основаны были на чисто-условномъ и произвольномъ признаніи и не носили на себѣ никакого обязательнаго характера. Испанія, самая западная и отдаленная земля въ мусульманскомъ мірѣ, признала надъ собою власть уцѣлѣвшаго остатка изъ дома Омміядовъ, мужественнаго Абдеррахмана и оторвалась отъ державы

Аббасидовъ: вслѣдъ за нею оторвалась западная Африка и признала надъ собою владычество династїи Эдризидовъ; потомъ середина Африканскаго поморья подъ знаменемъ Аглабидовъ, потомъ Египеть подъ дппастією Тхолунидовъ, завоевателей Палестины и Свріи. Государственный міръ ислама распадался на части. Халифатъ, утративъ нравственную власть и желая возобновить свои вещественныя силы, окружилъ себя наемниками изъ воинственныхъ племенъ Сѣверо-Востока, изъ дикихъ выходцевъ средней Азїи, Тюрковъ, недавно еще побѣжденных Аравитянами. Наемники скоро сдѣлались господами и проложили на западъ и на благословенные берега Средиземнаго моря путь своимъ воинственнымъ братьямъ, которымъ суждено было измѣнить всю жизнь юго-восточной Европы. Царство Аббасидовъ клонилось къ упадку: начала просвѣщенїя, ими возрощенные и лелѣяныя, гибли во внутреннихъ смутахъ, и Византія могла бы отдохнуть въ ожиданіи будущей Турецкой грозы: но сама имперія послала уже, какъ сказано, сѣмя своей смерти въ раздвоеніи жизни христіанской и государственности Эллинской. Она не могла воспользоваться слабостью халифата и, будучи еще довольно сильною для отпора, она уже была вовсе неспособна къ прочнымъ завоеваніямъ.

Точно также не могла она воспользоваться и счастливыми Обраще-
ніе Сла-
вянъ въ
христіан-
ство. Ва-
силій Ма-
кедоня-
нинъ. перемѣнами въ самомъ близкомъ своемъ сосѣдствѣ. Славяне, полумврные завоеватели Элады, подчинившись сначала ея общественнымъ законамъ, скоро покорились всѣмъ духовнымъ своимъ существомъ ея духовному превосходству и приняли вмѣстѣ съ полупросвѣщеніемъ и ученіемъ христіанскимъ глубокую и искреннюю любовь къ странѣ и къ государству, въ которомъ взяли насиліемъ право гражданства. Бывшіе враги сдѣлались вѣрными слугами и защитниками. Болѣе воинственные и вольнолюбивые Славяне-Болгаре, завоевавшіе Придунайскую область послѣ продолжительной и упорной борьбы, въ которой они также часто были побѣдителями, какъ и побѣжденными, искали дружбы и мира. Къ нимъ проникло христіанство и было принято съ добросердечнымъ радушіемъ.

Они, также какъ и большая часть Славянъ, не были, (подобно Германцамъ и другимъ народамъ, обращены случайнымъ усердіемъ проповѣдниковъ иноземныхъ; они сами, вѣроятно побужденные глубокимъ и внутреннимъ сознаніемъ ничтожности своихъ вѣрованій, просили обращенія, просили истины высшей и отвѣчающей на всѣ вопросы ихъ души. Еще прежде вступленія ихъ въ землю Византійскую, одинъ изъ ихъ князей приходилъ въ Царьградъ и, принявъ крещеніе, возвратился на родину, гдѣ погибъ въ смутахъ. Наконецъ около половины IX-го вѣка царь Богорисъ пригласилъ къ себѣ учителей изъ Византіи и, принявъ христіанство, скоро передалъ всему народу новое свое исповѣданіе. Очевидно, одни и тѣ же побужденія жили во всѣхъ семьяхъ Славянскихъ. Моравія и Русь, точно также какъ и Болгарія, хотя нѣсколько позже, призвали къ себѣ христіанство и всѣ они одинаково обратились къ имперіи Восточной, вѣроятно потому, что многіе изъ ихъ Славянскихъ братій уже приняты были въ общину церкви Восточной и потому что только тамъ и оттуда могли они слышать проповѣдь на своемъ языкѣ; можетъ быть и потому, что они чувствовали большую крѣпость Восточнаго духовенства и большую общечеловѣчность Восточныхъ обрядовъ, допускающихъ всякую народность и всякій народный языкъ. Разсказъ о Богорисѣ и его обращеніи, быть можетъ, не совсѣмъ достовѣренъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, точно также какъ и разсказъ о нашемъ Владимірѣ: но важность ихъ одинаково велика, будь они основаны на событіи или на вымыслѣ народа, выражающемъ внутреннее событіе духовное. Оба носятъ одинъ и тотъ же характеръ; оба выражаютъ одну и ту же мысль. Неудовлетворенная душа ищетъ высшей истины, допрашиваетъ всѣ народы и всѣ вѣрованія и рѣшается въ выборѣ не по слѣпой случайности, а по сознанію нравственнаго, разумнаго и общечеловѣческаго превосходства одного вѣрованія надъ другими. Народъ, обращенный такими путями, или по крайней мѣрѣ понявшій такимъ образомъ свое обращеніе, былъ очевидно готовъ къ христіанству и способенъ къ быстрому развитію своего нрав-

ственного существа: онъ былъ способенъ къ дружескому и братскому союзу съ единовѣрцами. Къ несчастію Византія, давая Болгаріи добрые уроки въ христіанствѣ, дала ей вредныя уроки въ жизни государственной и посѣяла сѣмена зла, гибельныя для Славянъ При-дунайскихъ и еще гибельнѣйшія можетъ быть для нея самой. Имперія Восточная была страной христіанскою, но государствомъ языческимъ. Элины не оторвались отъ своего прошлаго величія, гордо глядѣль онъ на весь такъ называемый, варварскій міръ, не признавая въ немъ правъ на равенство съ собою. Полнаго и совершеннаго братства онъ еще не понималъ. За всѣмъ тѣмъ была въ Элинскомъ характерѣ истинно-человѣческая черта: онъ признавалъ, облагоуживалъ и возвышалъ всякую народную личность. Таково было отношеніе Элады къ Сиріи, къ Ирану, къ Египту во время ея торжества при Македонцѣ; таково было отчасти ея вліяніе на Славянъ. Это было простымъ и естественнымъ слѣдствіемъ высоко развитаго поклоненія чело-вѣческой личности у древнихъ Элиновъ, и Византіецъ христіанинъ охотно питалъ и развивалъ просвѣщеніе во всякомъ народѣ, но просвѣщеніе личное, а не государственное; ибо самъ, какъ христіанинъ, онъ былъ чуждъ своему государству. Государство было еще Римское, исключительное, себялюбивое и враждебное всякому другому народу или государству. Оно не хотѣло ни союза ни дружбы, но требовало подчиненности и покорности. Слишкомъ слабое для прямаго насилія, для завоеванія вооруженною рукою, оно дѣйствовало хитростію, обманомъ, подкупомъ, прижимками въ торговлѣ и возбужденіемъ внутреннихъ междоусобій. Такъ отвергла безумная Византія дружбу народа еще свѣжаго, еще мало раз-вращеннаго жизнію историческою и готоваго вступить въ братскій союзъ съ тою страной, откуда получилъ онъ новую жизнь духа въ ученіи христіанства; такъ разжигала она вражду, которая должна была сдѣлаться тѣмъ свирѣпѣе, чѣмъ склопнѣ были Болгары къ единенію и братству, по тому же закону, по которому ненависть между братьями и междоусобныя войны отличаются особенною жестокостію. Оскорбитель-

на была Эллинская гордость Византийцевъ, враждебна Римская политика имперіи. За всѣмъ тѣмъ благодарность за просвѣщеніе и особенно за христіанство, благоговѣніе передъ умственною и художественною жизнію Греціи, вліяніе духовенства, соблазнъ усовершенствованной жизни частію и гражданской, и можетъ быть кротость врожденная въ народѣ, дѣйствовали такъ сильно, что въ самой Болгаріи многочисленная партія готова была отступить отъ народности и подчиниться чужой общественной жизни.

Подобный этому фактъ видѣли мы отчасти въ Россіи въ недавнюю эпоху ея борьбы съ міромъ Запада.

Но Византія переполнила мѣру народнаго терпѣнія и Болгаре готовились къ мщенію. Бѣдствія имперіи были удалены на время восшествіемъ на престолъ государя, соединявшаго доблести война съ достоинствами правителя мудраго и дальновиднаго, Василія Македонянина. Родомъ Славянинъ, съ молодости прославленный борецъ (извѣстный особенно по искусству своему въ ударѣ подъ-ножку, что Греческіе лѣтописцы выражаютъ Славянскимъ словомъ *ката подръзанъ*) онъ явился на престолѣ вполне достойнымъ своего неожиданнаго величія. По примѣру Юстиніана обратилъ онъ особое вниманіе на законодательство и пополнилъ прежнія собранія новыми постановленіями, необходимыми по перемѣнамъ происшедшимъ въ обществѣ, менѣе запечатлѣнными прежнимъ Римскимъ характеромъ и отчасти уже обличающими почти невольное и несознанное вліяніе христіанства на гражданскую жизнь. Такимъ образомъ двое Славянъ положили послѣдній вѣнецъ въ зданіи древней юриспруденціи и воздвигли въ Византіи великолѣпнѣйшій памятникъ права, которому ни одинъ народъ не можетъ представить подобнаго.

Разумѣется, что въ этомъ мнѣніи не отвергается нестройность многихъ пополненій Василевыхъ и явная потребность новаго труда, сливающего древнюю логику права съ новыми христіанскими началами:

но этого труда не совершила Византія, да и послѣ нея не совершили новые образованнѣйшіе народы.

Подобный Юстиніану по любви къ законодательству, Василій былъ выше его какъ государь. Воинственный духъ его не покорился вліянію двора и низкимъ страстямъ развращенной столицы. Самъ предводительствовалъ опъ войсками имперіи и предводительствовалъ ими со славою. Правда, онъ не могъ спасти далекую Сицилію отъ Аравитянъ; но полководцы его отразили ихъ нападенія на Италію и нанесли имъ жестокія пораженія, а онъ самъ не только отбилъ ихъ попытки на западный берегъ Греціи, но перенесъ войну за границы имперіи, одерживалъ блистательныя побѣды надъ ослабѣвшимъ халифатомъ въ Сиріи и на берегахъ Евфрата, разбилъ и переселилъ снова въ Европу манихеевъ, бѣжавшихъ въ область мусульманъ и служившихъ имъ съ мужествомъ противъ Византіи, и принудилъ многихъ эмировъ [Сарацинскихъ] подчинить себя и свои владѣнія верховной власти имперіи.

Переселеніе манихеевъ — павликіанъ во Фракію положило вѣроятно начало Болгарскимъ ересямъ. Въ составѣ народа, переведеннаго Василіемъ въ Европу, вѣроятно находились остатки Славянъ, переселенныхъ Копронимомъ въ Азію и потомъ легко распространившихъ это ученіе въ народахъ, съ которыми они были связаны единствомъ крови и языка.

Счастливо было царствованіе Василія. Его мудрое управленіе укрѣпило на время государство, улучшило финансы и удалило взрывъ вражды сосѣднихъ Болгаръ; его подвиги военные сохранили и отчасти распространили предѣлы имперіи; но царствованія Василія и его злаго предшественника Михаила III-го особенно замѣчательны въ исторіи человѣчества по двумъ событіямъ, которыхъ всемірная важность опредѣлила всю жизнь послѣдующихъ вѣковъ.

Давно уже епископы Римскіе изъявили притязаніе на все-
 лепскую власть. Первенство почета имъ было вообще уступ- Раздѣленіе церквей, раз-

рывъ За- лено по обширности ли ихъ епархіи (такъ какъ на всемъ Запа-
пада съ дѣ не было ни одной апостольской церкви), по уваженію ли
Восто- къ городу, который давалъ сперва законы, а потомъ имя всей
комъ. имперіи, по преемству ли апостола Петра (хотя и Антиохія
могла тѣмъ же похвалиться): но первенство власти не было
никогда имъ предоставлено ни другими епископами, ни со-
борами, всегда отвергавшими ихъ притязанія на верховный
судъ въ дѣлахъ правленія церковнаго или въ рѣшеніяхъ во-
просовъ догматическихъ.

Такъ напр. Гонорій былъ преданъ анаемѣ, Либерій признанъ полу-
аріанцемъ за согласіе на символъ Медиоланскій, власть Рима отверг-
нута Мало-Азійскими церквами въ назначеніи Пасхи и т. д.

Но мало-по-малу Западъ отдѣлился отъ Востока своими
историческими судьбами. Византія уцѣлѣла, а Западная им-
перія сдѣлалась добычею Германскихъ дикарей. Борьба угне-
теннаго народа съ побѣдителями и соборнаго исповѣданія съ
аріанствомъ и союзъ Франковъ дали престолу Римскому но-
вое значеніе. Первенство почета обратилось въ прямое пер-
венство власти, не смотря на сопротивленіе многихъ про-
свѣщенныхъ епископовъ, сохранявшихъ преданіе и ученіе
первыхъ вѣковъ о церковной свободѣ. Мнѣшіе народа было
въ пользу Рима; требованіе силы и независимости въ духо-
венствѣ указывало на необходимость отдѣльнаго и независи-
маго средоточія, которое не покорялось бы никакой мѣст-
ной власти и могло бы сопротивляться злоупотребленіямъ и
вещественной силѣ всякаго отдѣльнаго государства; наконецъ
болѣе всего дѣйствовали преданія и духъ древняго Римскаго
просвѣщенія, не развивавшаго ни личности человѣка, ни
нравственнаго ни разумнаго его существа, и заключавшагося
единственно областью правомѣрной и государственной жизни.
Римская государственность опредѣляла неизбѣжно характеръ
церкви въ Римскомъ Западѣ, созданномъ Римскою мыслию.
Единство жизни церковной на Востокъ и Западъ полагало
предѣлы частной ошибкѣ мѣстной церкви, противопоставляя

одному мѣстному направленію другія направленія противоположныя.

Такъ напр. Египеть, Сирія, Эмада и Римъ во время великаго спора соборныхъ опредѣленій отвергали поочередно ученія, происходящія не изъ сущности апостольскаго преданія, но изъ мѣстныхъ толкованій, созданныхъ прежнею исторіею, прежними вѣрованіями и прежнимъ просвѣщеніемъ народовъ міра Кушитскаго, Семитическаго или Эфиопско-Римскаго, и въ этой борьбѣ мѣстныхъ стихій сохранилась неприкосновенность и чистота преданія во всей его первобытной глубинѣ.

Но Римъ отрывался все болѣе и болѣе отъ Византіи и получилъ характеръ самобытный и опредѣленный. Бездушный императоръ Фока купилъ покровительство и дружбу Римскаго епископа признаніемъ его независимости и власти, и даръ ненавистнаго убійцы легъ основаніемъ новаго Римско-церковнаго права. Вскорѣ раздѣленіе, таившееся въ духѣ двухъ общинъ Западной и Восточной и проявлявшееся только въ разницѣ направленій и обрядовъ, выразилось рѣзче и опредѣленнѣе вслѣдствіе прибавленія, сдѣланнаго въ символѣ самовольнымъ толкованіемъ Испанскихъ епископовъ въ соборѣ Толедскомъ. Долго это прибавленіе было не одобрено, но только терпимо епископами Римскими, какъ частное мнѣніе, не противное ученію церковному, но и не облеченное въ значеніе вселенской истины. Наконецъ совершился великій шагъ. Римъ принялъ исповѣданіе Толедское, усвоилъ себѣ новый символъ и облекъ его всею своею властью и своею непогрѣшимостью, разрушая такимъ образомъ равенство правъ между отдѣльными общинами и значеніе единенія духа и любви, на которомъ основаны были всѣ понятія первобытной христіанской общины. Римъ опредѣлялъ себя какъ власть духовно-государственную. Западъ покорился власти, созданной его же внутреннимъ развитіемъ. Востокъ не принялъ ея и остался ей чуждымъ. Раздѣленіе становилось неизбѣжнымъ, ибо ни Римъ не могъ отступить отъ своихъ притязаній, ни Византія покориться имъ.

Слабость Восточной имперіи была главною причиною независимости престола Римскаго отъ императоровъ. Завоеваніе Италіи Лонгобардами-аріанами утвѣрдило эту независимость, принудивъ Римскихъ епископовъ прибѣгнуть къ покровительству завоевателей Галліи. Царская династія Меровинговъ, всегдашнихъ союзниковъ папскихъ, ослабла. Папы продали право на престолъ новой и сильной династіи Карловинговъ, а Карловинги въ свою очередь спасли Римъ отъ Лонгобардовъ и освободили его окончательно отъ власти Византійской. Царство Лонгобардовъ пало. Великій Карль присоединилъ Италію къ своему королевству, кромѣ ея юго-западныхъ областей, которыя еще оставались въ рукахъ Византійцевъ; онъ захотѣлъ къ блеску побѣдъ своихъ прибавить блескъ титула, который казался высочайшимъ изъ всѣхъ титуловъ, какъ въ глазахъ побѣжденныхъ потомковъ древнихъ гражданъ имперіи, такъ и въ глазахъ ихъ побѣдителей, долго трепетавшихъ при имени имперіи или служившихъ наемниками въ ея побѣдоносныхъ легіонахъ. Онъ захотѣлъ быть императоромъ, также какъ основатель Мервейской династіи захотѣлъ быть патриціемъ. Папа Левъ III-й благословилъ его охотно на имперію, понимая, что такимъ благословіемъ возвышалось не столько лице новаго императора, сколько папство, возсоздающее имперію и слѣдовательно содержащее въ себѣ всѣ законныя права древняго Рима. То, что предвидѣлъ Левъ, сбылось. Великій Карль удерживалъ сильною рукою излишнія притязанія епископа Римскаго и сохранялъ надъ нимъ всѣ права императора и верховнаго судіи; но послѣ смерти его имперія Карловинговъ ослабла и стала клониться къ паденію, а папство сохранило и расширило всѣ свои пріобрѣтенія какъ въ области духовной, такъ и въ значеніи политическомъ. Въ первой половинѣ IX-го вѣка появилось собраніе лже-исидоровыхъ декреталій, на которомъ въ продолженіи многихъ вѣковъ основывалъ Римскій престолъ всѣ свои права и которое было составлено если не по повелѣнію папъ, то безъ сомнѣнія въ духѣ и по внушенію ихъ политика; вскорѣ послѣ того выдуманна и обнародована мнимая дарственная

запись, данная будто бы Константиномъ Великимъ епископу Римскому на городъ и область его. Папство окружало себя цѣлою тучею подложныхъ актовъ, изъ которой оно могло бросать громы на всё и на всѣхъ, и Западъ по невѣжеству вѣриль всѣмъ подлогамъ и радовался торжеству начала, которое связано было со всѣмъ его скуднымъ просвѣщеніемъ; Востокъ же, занятый своими ежедневными тревогами, своими тяжкими страданіями внѣшними и внутренними, не зналъ про большую часть этихъ перемѣнъ, происходящихъ на Западѣ, или, зная, пренебрегалъ ими, быть можетъ въ надеждѣ, что духъ церковнаго единенія восторжествуетъ надъ временною и мѣстною ошибкою епархіи Римской, также какъ онъ восторжествовалъ надъ ошибками другихъ мѣстныхъ церквей.

Во второй половинѣ IX-го вѣка взомель на Римскій престолъ человекъ страстный, властолюбивый, смѣлый и лукавый, не робѣющій ни передъ какимъ предпріятіемъ, не стыдящійся ни какихъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей (какъ видно изъ того, что онъ первый сталъ безъ стыда употреблять ложныя декретаціи, зная безъ сомнѣнія ихъ подложность). Папа Николай I-й пожалъ плоды хитрой дѣятельности своихъ предшественниковъ. Онъ сокрушилъ и остатки сопротивленія, таившагося еще въ высшемъ духовенствѣ на Западѣ; онъ положилъ незыблемое основаніе той безмѣрной власти, которой достигли позднѣйшіе папы, и рѣшился однимъ ударомъ покорить себѣ Восточную церковь, сохранявшую до тѣхъ поръ неприкосновенность своей духовной свободы. Этотъ ударъ долженъ былъ пасть на престолъ Цареградскій, издавна соперничествовавшій съ Римомъ и уцѣлѣвшій въ гибели другихъ престоловъ, Антиохійскаго, Іерусалимскаго и Александрійскаго, захваченныхъ разливомъ мусульманской силы. Борьба была неизбѣжна и для Царьграда и для Рима. Причины ея лежали въ разногласіи непримиримыхъ началъ; ближайшимъ поводомъ было обращеніе въ христіанство нѣсколькихъ Славянскихъ семей, а особенно Болгаръ. Богорисъ принялъ крещеніе и ученіе христіанское отъ Византіи; отсюда получилъ онъ и священниковъ, и епископовъ, и обряды, и

слово Писанія: но вражда къ ненавистнымъ сосѣдямъ и страхъ подпасть подъ политическое иго своихъ духовныхъ учителей заставили его обратиться къ Западу. Онъ просилъ новыхъ наставниковъ у церквей земель Францскихъ и у епископа Римскаго, и скоро явились новые учителя, жадные къ легкому завоеванію и готовые пожать плоды чужаго посѣва. Побѣда осталась за Римомъ, но не надолго. Въ это время произошла великая смута въ Царьградѣ. Свѣтой патріархъ Игнатій былъ незаконно сверженъ гнусными страстями двора и на его мѣсто возведенъ былъ Фотій. Между ихъ приверженцами загорѣлся споръ, котораго не могла прекратить ни хитрость новаго патріарха, ни власть жестокаго императора Михаила. Епископъ Римскій былъ приглашенъ въ посредники. Онъ явился судіею: но папа Николай встрѣтилъ страшнаго соперника. Фотій былъ не менѣе его властолюбивъ и лукавъ. Онъ равнялся съ нимъ силою ума, превосходилъ его краснорѣчіемъ и далеко превосходилъ всѣхъ современниковъ своей огромною ученостію и своими заслугами въ наукѣ.

Его номокананъ или собраніе церковныхъ постановленій, его бібліотека, заключающая въ себѣ выписки изъ 280-ти сочиненій, теперь утраченныхъ, и строго ученый отчетъ объ нихъ, его разсужденіе о павликіанахъ и многіе другіе памятники ставятъ его безспорно на первомъ ряду между церковными писателями того вѣка и даютъ ему неоспоримыя права на безсмертіе.

Тяжела была борьба для патріарха, избраннаго безъ сомнѣнія противозаконно и обезчещеннаго союзомъ съ развратомъ и мерзостями Византійскаго двора. Онъ понялъ невозможность сопротивленія въ вопросѣ чисто-личномъ и перенесъ споръ въ область догматики, въ которой его ученость и явное отступленіе Западной церкви отъ преданія могли ему доставить побѣду. Долго длился споръ. Партіи мѣнялись при дворѣ, императоры на престолахъ, папы въ Римѣ; Фотій былъ заключаемъ въ темницу, бросаемъ въ изгнаніе, преслѣдуемъ и мучимъ, снова облачаемъ въ ризы патріарха и че-

ствуемъ всѣмъ Востокомъ; не слабѣя, не утомляясь, продолжалъ онъ борьбу, которой всемірную важность понималъ можетъ быть одинъ изъ всѣхъ епископовъ Греческихъ. Онъ умеръ въ изгнаніи, удрученный скорбями и бѣдствіями, но умеръ побѣдителемъ. Человѣкъ бездушный и презрительный не менѣе самихъ папъ во всемъ, что касалось до его личнаго властолюбія, великій и правый во всемъ, что касалось до общихъ законовъ Церкви, онъ отстаивалъ свободу Востока, вырвалъ снова Болгарію изъ рукъ Западныхъ епископовъ, бросилъ сѣмена христіанства въ безконечную область ново-рожденной Руси и совершилъ безсмертный подвигъ, дѣло, которому пылкость одного изъ его преемниковъ, Михаила Керуларія, дала только окончательную форму.

Много было спорено и писано о борьбѣ патріаршества съ папствомъ, Фотія съ Николаемъ и его преемниками, и многое искажено страстями общинъ, народовъ и лицъ. Иначе и быть не могло, сначала; ибо всѣ писатели принадлежали къ одному изъ ученій, спорившихъ между собою. Казалось, безпристрастная оцѣнка должна была быть предоставлена протестантамъ; но на дѣлѣ оказалось иное. Они вопросъ обошли; они оставили безъ вниманія самую сущность дѣла. Забывая необходимость борьбы, чисто оборонительной со стороны Царьграда и нагло наступательной со стороны Рима, забывая, что патріархъ отстаивалъ свободу церкви и епископовъ, защищалъ безспорное преданіе многихъ вѣковъ, произвольно измѣненное на Западѣ, отвергалъ власть незаконную и право какой бы то ни было мѣстной общины палгать свое мнѣніе какъ обязательный символъ общинъ вселенской, былъ наконецъ поборникомъ единственнаго истинно-разумнаго единенія, единенія духа и любви, они обратили всѣ свои разысканія на самое лицо Фотія и на характеръ двора Византійскаго, какъ будто бы весь вопросъ заключался въ случайныхъ личностяхъ, а не въ великихъ всемірныхъ началахъ, требовавшихъ и требующихъ разрѣшенія. Жалкая личина безпристрастія, прикрывающая скрытую страсть, ненависть Запада къ Востоку, и обличающая взаимную, хотя и несознанную, отвѣтственность протестанта и паписта!

Всякій безпристрастный критикъ долженъ признать, что какъ въ вопросѣ о догмѣ, такъ и въ дѣлѣ о власти Востокъ былъ вѣренъ преданію, и что защитники Рима имѣли на своей сторонѣ только малое число сомнительныхъ текстовъ и множество явныхъ и безстыдныхъ подлоговъ, а Византія почти все писанія, все свидѣтельства св. Отцевъ и рѣшеніе Ефесскаго собора, одобришаго анаѹему Θεодорита на прибавленіе «и отъ сына». Эта истина уже слишкомъ явно доказана Церрикафомъ и Θεοφάνομъ и никогда не была опровергнута сколько нибудь разумно. Подлоговъ Востоку приписывать нельзя. Не было общей власти; списковъ было много, и секты, хранящія ихъ, враждовали другъ противъ друга. Подлоги были возможны только при единствѣ и невѣжествѣ Запада.

Какъ бы то ни было, міръ Эллино-Римскій распался на свои двѣ составныя части: на міръ древняго лично-человѣческаго просвѣщенія и на міръ новѣйшаго просвѣщенія государственнаго. Міръ Римскій опредѣлился въ отношеніи вещественномъ, чисто географическомъ, какъ область города Рима; въ отношеніи государственномъ — какъ епархія или область Папы; наконецъ, въ отношеніи духовномъ — какъ признающій двойственность начала: ибо Духъ (сознаніе) происходитъ по символу Испанскому не отъ первобыта токмо (Отца), но и его проявленія (Сына), и проявленіе не есть уже только подчиненное, хотя необходимое, но и безусловное начало сознанія.

Въ другомъ отношеніи (чисто-богословскомъ) явно-вещественное понятіе Запада обличается тѣмъ, что онъ никогда не могъ различить посланія въ міръ (феномена виѣшняго и, основаннаго на безспорномъ преданіи) отъ происхожденія, феномена внутренняго, которое всегда приписывалось Отцу. Даже въ Августинѣ (хотя мнѣніе лица, и особенно такого ограниченнаго, какъ Августинъ, ничего не значитъ), слово *principaliter a Patre* не значитъ «и особенно же отъ Отца,» но: «по началу своему отъ Отца.» Важнѣйшее свидѣтельство, въ несчастію не замѣченное ни кѣмъ, о преданіи о Духѣ какъ сознанія, находится въ полу-апостольскомъ словѣ Иринея, ученика Поликарпа, ученика Іоанна: «Духъ же полагаетъ вѣнецъ, называя Отца—

Отцемъ и Сына—Сыномъ;» чѣмъ полагается въ одно время тождество и различіе. Глубже ничего сказано не было. Какъ бы то ни было, двойственность начала въ сознаниі, явно принятая Западомъ, объясняетъ все его послѣдующее развитіе.

И пышно разцвѣлъ этотъ Западный міръ, гремя и пламенѣя, подвигая сознание человѣческое словомъ и дѣломъ, кривою и правдою, и развиваясь въ своихъ двухъ формахъ, положительной—Римскаго католицизма (папизма), и протестантства (отрицанія вообще); и тихо осѣлъ по себѣ Востокъ, доломъ волнуемый ересями, съ тѣхъ поръ успокоенный, какъ будто ожидая отъ жизни народовъ полного своего сознаниа. Но неподвижный Востокъ, утративъ единеніе Запада, приобрѣлъ зачатокъ Славянъ, Болгарію, и имя его будущей союзницы Руси явилось въ лѣтописяхъ.

Вообще нельзя не замѣтить (какъ ни равнодушна наука къ случайностямъ лѣтосчисления), что десятилѣтіе отъ 860-го до 870-го года соединяетъ въ себѣ сочетаніе огромнѣйшихъ явленій въ мірѣ человѣческомъ: окончательное торжество церковно-государственнаго начала (отчасти слѣдствіе Римскаго просвѣщенія, отчасти противодѣйствіе халифату) въ спорѣ о бракѣ Лотара II-го, споръ и разрывъ Запада и Востока, утвержденіе (хотя и не изобрѣтеніе) Славянской азбуки и переводъ писанія, явленіе Руси съ Рюрикомъ и первое крещеніе ея съ Аскольдомъ и Диромъ.

Между тѣмъ какъ западъ Азіи и Европа вступали въ новое поприще силы и умственной дѣятельности подъ вліяніемъ ^{Событія въ Китаѣ.} Иранскаго преданія въ его окончательномъ развитіи (христианствѣ) и произвольной реформѣ (исламѣ), востокъ и югъ Азіи коснѣли въ своихъ древнихъ формахъ мышленія, не подаваясь впередъ, но и не обличая еще полного оскудѣнія жизненныхъ началъ. Прошло нѣсколько вѣковъ послѣ прекращенія династіи Ханъ, и Китай страдалъ въ войнахъ междоусобныхъ. Нѣсколько царствъ сильныхъ и великихъ (по нашимъ Европейскимъ понятіямъ) составились изъ разваливъ

прежней колоссальной державы, но всё они признавали тот же внутренний законъ, которымъ жилъ Китай, во время своего величія. Никакое новое начало духовное не возникало, и высшимъ понятіемъ религіознымъ оставалось (какъ и до сихъ поръ остается) понятіе о государствѣ. Анализъ, такъ блистательно развитый на Западѣ и разрушившій всё произвольныя вѣрованія Эллино-Римскаго міра, не проникалъ на Востокъ; или, лучше сказать, просвѣщеніе внѣшнее и поклоненіе этому внѣшнему просвѣщенію (возникшія изъ первоначальнаго возстанія анализа противъ преданія и изъ Шиво — Буддаизма) обратились тамъ въ неколебимое преданіе, не допускавшее новаго анализа. всё династіи, раздѣлявшія наслѣдство *Хановъ*, не исключая иноземныхъ (какъ напр. Сян-бійская династія *Вей*) жили остатками старой жизни и не потрясли кореннаго начала, образовавшаго Китай. Можно даже сказать, что ослабѣвшая и разорванная держава продолжала свои завоеванія въ самомъ своемъ видимомъ униженіи, и продолжала ихъ оружіемъ своихъ побѣдителей. Могущественная Тунгузская династія *Вей*, владѣя всею восточною, южною и отчасти юго-западною Сибирью (которой она вѣроятно оставила свое имя) распространяла далеко тѣ начала государственнаго просвѣщенія, которыя сама получила отъ коренныхъ жителей Китая. Конечно, слѣды ея вліянія изгладилась въ волненіяхъ Тюркской и Монгольской бури: но память объ нихъ сохранилась и часто облегчала Китаю побѣды и завоеванія въ позднѣйшія эпохи, а новый Индустанскій Буддаизмъ, уже тогда сильный въ Китаѣ, расширился и утвердился въ средней и сѣверной Азіи подъ чистою формою ламаизма и мѣшанными формами, въ которыхъ онъ сливался съ древнею полу-фетишскою вѣрою шамановъ. Очевидно, такъ какъ внутренняго разногласія не было, видимое единство должно было возстановиться, и дѣйствительно оно явилось снова въ полномъ блескѣ при великой династіи *Тхангъ* въ началѣ VII-го вѣка.

Три вѣка царствовала эта династія, прославленная въ лѣтописяхъ особенно кротостью своею при восшествіи и безсмертнымъ именемъ Тай-цунга, одного изъ величайшихъ за-

воевателей и царей, когда нибудь основавшихъ государства или правившихъ судьбами народовъ. При Тхангахъ Китай возвратилъ себѣ всю славу, приобрѣтенную династією Хановъ и утраченную въ послѣдовавшихъ междоусобіяхъ: владѣнія его на югъ распространились даже далѣе прежняго, но на западѣ, сколько можно судить по скуднымъ даннымъ, сообщеннымъ изъ Китайскихъ сказаній европейскими учеными, область его была болѣе стѣснена сопротивленіемъ Тюркскихъ семей и особенно завоевательнымъ мечемъ Аравитянъ.

Ихъ называютъ Китайцы *Та-ши*: иные полагаютъ, что такое имя дано имъ по смѣшенію съ прежнимъ жителями Приаральской области, *Таджиками*, которые еще до сихъ поръ сохранили свое названіе подъ властію семей Туркменскихъ и которые суть очевидно остатки народа, извѣстнаго древности подъ именемъ *Дадиковъ*, приписываемыхъ то къ Иранцамъ, то къ Средне-Азійцамъ. Иранское происхожденіе *Дадиковъ*, теперешнихъ *Таджиковъ*, не подвержено никакому сомнѣнію, и извѣстно также, что они упоминаются Китайцами; но именно потому, что они уже были извѣстны издавна, нельзя предпологать, чтобы ихъ смѣшали съ новыми завоевателями. По всей вѣроятности имя, данное Аравитянамъ, *Та-ши*, составлено также какъ и *Та-тсинъ* и *Та-ванъ* и значитъ *великіе шейхи*; ибо званіе шейха Аравійскаго было въ то время извѣстно и громко по всему міру.

Впрочемъ, при величайшемъ изъ государей династіи Тхангъ, Тай-цунгъ, Аравія только еще вступала въ поприще своей исторической дѣятельности. Глухо доходила до дальняго Востока звуки великой грозы, разгоравшейся на юго-западѣ Азіи. Сила Китая не находила еще на истокахъ Сыръ-Дарья равнаго ей сопротивленія и могла угрожать всей Азіи. Вскорѣ разрослась новая держава и пришла въ соприкосновеніе съ древнѣйшимъ изъ всѣхъ государствъ міра. Были между ними вражды и восторженное мужество Аравитянъ торжествовало почти всегда противъ Китая, также какъ и противъ Европейцевъ; были и союзы, и въ VIII-мъ вѣкѣ войска халифовъ спасали пре-

столь Китайскій отъ возмущеній народныхъ и нашествія Средне-Азійскихъ племенъ: но Китай не стремился и не могъ стремиться къ завоеваніямъ въ областяхъ Ирацкихъ, живущихъ пшюю и сильною жизнію; Аравійскіе завоеватели пренебрегали холодными и дикими пустынями, отдѣляющими ихъ отъ богатаго Китая, или, слабѣя мало-по-малу въ роскоши юга, боялись проникать въ область, наполненную кочевьями желѣзныхъ Тюрковъ, будущихъ своихъ побѣдителей. Но міръ Востока знакомился съ Западомъ и міръ Западный чаще сталъ оглашаться слухами о дальнемъ Востоку, откуда онъ долженъ былъ получить много новыхъ открытій и познаній, перемѣнившихъ въ послѣдствіи и характеръ войны и мирныя сношенія народовъ другъ съ другомъ.

Такъ напр. Аравіи передалъ Китай и порохъ и магнитную стрѣлку, уже давно извѣстныя тамъ, но до тѣхъ поръ безполезныя, и получившіе свои великія приложенія отъ практической догадливости Европейцевъ; такъ черезъ Аравію пришли изъ Китая многія другія изобрѣтенія и усовершенствованія въ области торговли.

Нѣтъ сомнѣнія, что и прежде Аравійскаго владычества въ Персіи сношенія довольно частыя соединяли между собою народы живущіе на берегахъ Средиземнаго моря и Тихаго океана. Послы приходили къ Тай-Цунгу отъ императора Ираклія изъ Греціи (по-Китайски *Фу-мень*, слово замѣнившее *Та-тсицъ*, имя Римской Имперіи и происходящее, также какъ Стамбуль или Истамболъ, изъ искаженнаго Константинополисъ. Греція или Грекія называлась, кажется, *Ли-клянъ* въ Китайскихъ географіяхъ). Надъ могилою великаго возстановителя Китая плакали князья покоренныхъ народовъ, пограничныхъ съ Персіею и находившихся въ частыхъ сношеніяхъ съ Европою. Поклонники Будды и Браны, послѣдователи Зердушта и хранители древняго Еврейскаго преданія благословляли терпимость государя кроткаго и просвѣщеннаго; наконецъ христіане строили свободно въ его столицѣ храмъ для вѣры, давно уже проникшей въ глубину Азіи, по которой волненіе народовъ по-

ложило въ послѣдствіи преграды непреодолимая и до нашего времени.

Нельзя сказать утвердительно, какая именно форма христіанства тогда получила временное право гражданства въ Китаѣ, историческое ли или соборное исповѣданіе. Падпись, найденная въ тогдашней столицѣ Китая, носитъ на себѣ все признаки достовѣрности, но слишкомъ темна для опредѣленія догматическаго. Впрочемъ сомнѣнія, выраженныя нѣкоторыми учеными о томъ, дѣйствительно ли относится она къ христіанству, совершенно нелѣпы: слова, употребленныя въ ней *О-ло-г* и *Ми кси-о* не могутъ очевидно имѣть никакого другаго значенія кромѣ *Мессіи* и *О Логосъ* (Слово).

Но за всемъ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что Аравійская эпоха сблизила гораздо болѣе прежняго Китай съ остальнымъ человечествомъ, и дѣйствительно велика была эта эпоха для умственнаго сближенія всѣхъ народовъ. Одинъ и тотъ же крѣпкій міръ ислама обхватывалъ всю землю отъ Атлантическаго океана до крайняго востока Азіи; одинъ и тѣ же знамена вѣяли на берегахъ Луары и Желтой рѣки, и мысль проходила безпрятственно отъ столицы Аравійскаго владыки Испаніи до столицы Китая, спасенной Аравійскимъ мечемъ. Распался въ послѣдствіи этотъ міръ Ислама отъ внутренней слабости и мало оставилъ онъ замѣтныхъ слѣдовъ въ умственной жизни народовъ: но все-таки онъ погибъ не безъ слѣдовъ и въ свое время представлялъ величественное зрѣлище, слишкомъ мало замѣченное и слишкомъ мало изученное гордостью Европейской науки.

Незамѣтность этого сближенія Востока и Запада въ цѣломъ полушаріи и на исторической памяти объясняетъ и тотъ фактъ, какъ могли исчезнуть и память о прежнемъ братствѣ народовъ, и слѣды ихъ мысленнаго общенія и даже преданія о томъ, какъ великъ міръ земной и какъ много на немъ раскинуто человѣческихъ семей, забывшихъ другъ про друга. Если бы грамотность не воскрешала старины уже грамотной, кто бы помнилъ въ Китаѣ про Аравію и

кто бы зналъ, что неразрывная цѣпь одной жизни, вѣры и государства соединяла его предѣлы съ берегами Эбра и Гвадальквивира? А послѣ той эпохи не было же однако вторичнаго полнаго одичанія человѣчества.

Династія Тхангъ также упала, какъ и предъидущія, какъ и многія династіи въ Европѣ и Азіи, вездѣ гдѣ внутренняя жизнь народовъ не развивается постепенно и не поддерживаетъ собою жизни царственныхъ родовъ. Долго пьянѣя на престолахъ, она въ нравственномъ безсиліи свалилась съ него.

Это перерожденіе многихъ царскихъ родовъ, замѣтное также и въ аристократіяхъ, объясняется можетъ быть изъ того же самаго закона, по которому народы цѣлые лишаются наконецъ нѣкоторыхъ способностей, не развивавшихся въ продолженіи многихъ вѣковъ (такъ напр. Евреи, музыканты и литераторы, не показываютъ до сихъ поръ никакого дара къ пластикѣ). Семья, освобожденная отъ необходимости умственнаго напряженія, лишается способности къ умственному напряженію. Къ этому должно однакоже прибавить и порчу, производимую развратомъ.

Однакоже въ продолженіи трехъ столѣтій Тхангскаго владычества много великаго и прекраснаго было совершено и для распространенія государственнаго и для мирной славы народа. Корея и прилегающія къ ней области, долго сопротивлявшіяся силѣ Китая, отразившія покушенія великой Ханской династіи и даже отстоявшія свою свободу противъ Тай-цунга, покорились и вошли въ составъ Китайскаго государства, не смотря на многія самобытныя начала просвѣщенія, которыя заняты были Кореею (сколько можно судить при недостаточныхъ данныхъ) не изъ Китая, а изъ центральной Азіи и областей прилегающихъ къ міру Иранскому.

По вѣрнѣйшимъ вѣроятностямъ даже часть народонаселенія въ Корей жила нѣкогда въ средней Азіи и передвинулась на край Востока довольно поздно.

Эта побѣда была побѣдою не силы, но государственнаго разума и строгой системы, внушавшихъ невольное уваженіе и любовь всѣмъ сосѣдямъ и даже врагамъ Китая, а самому Китаю глубокую и постоянную увѣренность въ мирныя торжества надъ неустроенными народами.

Эта сильная и религіозная увѣренность выражается почти во всѣхъ мыслителяхъ Китайскихъ, особенно въ наиболѣе практическомъ изъ нихъ Менг-тсеу. Дѣйствительно, государство, какъ порядокъ всѣхъ человѣческихъ силъ, было искони единственнымъ божествомъ вѣковѣчнаго царства, начавшагося въ эпоху доисторическую и пережившаго всѣ другія царства міра. Вѣра въ его совершенство и въ его внутреннюю правду, неизбѣжно покоряющую всякій разумъ человѣческой, есть чувство совершенно религіозное для Китайца и соответствуетъ тому живому чувству, которымъ распространились возобновленный буддаизмъ Индійскій и исламъ, и теперь еще распространяется христіанство.

Многое было сдѣлано и для наукъ. Исторія и философія нашли представителей, достойно продолжавшихъ труды прежнихъ вѣковъ. Астрономія и математика двинулись впередъ съ помощію не только Индійскихъ буддаистовъ, сохранившихъ остатки прежняго знанія и знанія, посѣяннаго Элиными въ восточномъ Иранѣ, но и Аравитянъ, недавно ознакомившихся съ наукою Эмады, но вступившихъ въ новое поприще съ энергіею ума и воли, отличающею эту даровитую семью въ человѣческомъ братствѣ. Было кое-что сдѣлано и для искусствъ, если только можно назвать искусствомъ живопись, зодчество и поэзію такого народа, который ставитъ красоту въ затѣливой побѣдѣ воли и ума человѣческаго надъ трудностями и упорствомъ вещественнаго міра.

Это возрѣніе на искусство есть очевидный завѣтъ древняго Кушитства, понимавшаго всю религію въ торжествѣ человѣка надъ грубымъ веществомъ или, лучше сказать, въ устроеніи вещества силою разума человѣческаго.

Но какъ ни гостепріименъ былъ Китай къ иноземцамъ и иноземной мысли, дѣйствительно онъ не припималъ никакого новаго начала и оставался при своихъ коренныхъ и основныхъ вѣрованіяхъ. Его умственная жизнь началась отъ первоначальнаго буддизма и слѣдовательно отъ начала чисто-аналитическаго; но заключившись въ религію общественнаго, т. е. государственнаго устройства, она приняла характеръ чистаго синтеза, основаннаго на несомнѣнномъ вѣрованіи или преданіи. Приливъ чужой мысли не измѣнялъ этого характера: она являлась также въ видѣ синтеза и не колебала прежнихъ основъ, ибо только анализъ можетъ поколебать синтезъ вѣрованія и преданія. Синтезъ же новыхъ вѣрованій, когда онъ принимается народомъ, не утратившимъ своихъ прежнихъ вѣрованій, прилагается къ нимъ въ видѣ подчищеннаго и удерживаетъ за собою только тѣ области, которыя не входили въ кругъ прежней народной мысли. Всѣ понятія о высокомъ нравственномъ значеніи человѣка, по крайней мѣрѣ въ его высшихъ проявленіяхъ и отношеніяхъ къ другимъ людямъ, вошли уже въ составъ синтетической философіи Китайскихъ мыслителей, слѣдовательно самая идея нравственнаго добра въ его высшемъ отвлеченномъ началѣ уже была постигнута и усвоена. Анализъ не обличалъ условности и произвольности этой нравственной философіи и она оставалась непоколебленною ни въ отвлеченномъ своемъ значеніи, ни въ значеніи государственномъ. Всѣ новыя религіозныя ученія предлагались къ ней только какъ пополненія, какъ ученія объ образахъ невидимаго духовнаго міра, котораго внутренній смыслъ былъ уже по-видимому постигнутъ. Очевидно, всѣ они по необходимости лишались своего высокаго значенія и получали характеръ темпаго и произвольнаго мистицизма, переходящаго окончательно въ безсмысленный фетишизмъ. Такая участь постигла возрожденный буддизмъ Индійскій, когда онъ укоренился въ Китаѣ подъ именемъ поклоненія Фэ. Онъ выдержалъ долгую борьбу и тяжелыя гоненія, имѣлъ эпохи блистательнаго торжества, видѣлъ въ числѣ проповѣдниковъ своихъ великихъ государей изъ разныхъ династій, считалъ тысячами свои бо-

таты монастыри и сотнями тысячъ своихъ монаховъ: но никогда не достигалъ онъ той высоты, которую имѣлъ на родинѣ своей при берегахъ Ганга и Инда. Ни одно великое произведеніе не прославило его ни въ эпоху борьбы, ни въ эпоху торжества; онъ не блеснулъ ни поэтической восторженностью, ни тонкостью мистическаго синтеза, уносящаго мысль челоуѣка далеко за предѣлы всякаго возможнаго міра въ область духа, отрѣшающаго себя отъ цѣпей вещественнаго проявленія и завоевывающаго свободу посредствомъ самоуничтоженія; онъ не блеснулъ ни однимъ великимъ подвигомъ практической любви или самоотверженія, не развилъ ни одного сильнаго или плодотворнаго начала, а дряхлѣлъ и ветшалъ, принимая всѣ безсмысленныя примѣсы Персидской и Брахминской мѣлологіи, и даже христіанства, которыми уже наполненъ буддизмъ Средней Азіи, прибавляя новыя, взятыя изъ мѣстнаго суевѣрія, или изъ ученія Лао-тзеу, съ которымъ часто дѣйствовалъ за одно, спускаясь все ниже въ своемъ значеніи духовномъ и общественномъ, переходя отъ высшихъ и просвѣщеннѣйшихъ слоевъ общества къ низшимъ и невѣжественнѣйшимъ и обращаясь наконецъ въ ту нелѣпую вѣру въ колдовство, талисманъ и фетишъ, въ ту жалкую пародію религіи, которую видитъ теперешній путешественникъ въ Китаѣ, и которая вполнѣ соотвѣтствуетъ религіи дикарей средней и южной Африки. Почти то же самое случилось и съ несторіанскимъ христіанствомъ, далеко проникнувшимъ въ Среднюю Азію. Оно распространилось по западному Китаю; было, какъ видно изъ рассказовъ путешественниковъ, сильно числомъ своихъ послѣдователей, сильно богатствомъ, а иногда дружбою съ властями; но оно подверглось внутреннему разрушенію отъ соприкосновенія съ мѣстнымъ отвлеченнымъ вѣрованіемъ, еще не уличеннымъ въ произволъ и односторонности, и пало безъ шума, безъ славы и безъ слѣда, ибо не могло, вслѣдствіе своего первоначальнаго характера, дойти до того униженія, до котораго дошелъ буддизмъ. Наконецъ, то же самое повторилось и съ христіанствомъ Римской церкви, когда оно было принесено иезуитами и доминиканцами при династіи Мингъ и

Манджурахъ. Его успѣхи казались блистательными; число его послѣдователей росло со дня на день: но оно погибло послѣ небольшого преслѣдованія и ничтожной борьбы. Это паденіе было очевидно не послѣдствіемъ самаго гоненія или внѣшняго напора, сокрушившаго христіанскую общину (ибо число христіанъ въ Китаѣ и въ наше время еще не совсѣмъ ничтожно), но послѣдствіемъ внутренней слабости и грубой обрядности христіанства, посѣяннаго въ Китаѣ миссіонерами Римскими. Анализъ сокрушилъ Эллино-Римскія вѣрованія и очистилъ путь христіанству; но синтезъ нравственной философіи въ Китаѣ еще не сокрушенъ анализомъ, и безуспѣшность христіанской проповѣди въ наше время подаеъ намъ въ одно время и примѣръ и объясненіе того неподвижнаго сопротивленія, которымъ Китай сокрушилъ въ продолженіи осьмнадцати вѣковъ всѣ нападенія всякаго иноземнаго религіознаго начала.

Послѣ паденія Тханговъ наступили новые раздоры и междоусобія; но тѣ же самыя причины, которыя до тѣхъ поръ всегда возстановляли единство государственное, возстановили его снова. Въ послѣдней половинѣ X-го вѣка династія *Сунговъ* взошла на престолъ безъ кровопролитія, волею народа, войска и ученыхъ, которые дѣйствительно въ Китаѣ соотвѣтствуютъ духовенству другихъ государствъ. Прежній объемъ Китая былъ возвращенъ не безъ войны и не сполна. Царство Сунговъ не равнялось уже пространствомъ прежнимъ царствамъ Тханговъ и Хановъ, Средняя Азія окрѣпла и не покорялась власти Китая; сильныя орды колыхались въ ней, готовясь къ эпохѣ своихъ всемірныхъ завоеваній. За всѣмъ тѣмъ династія Сунгъ царствовала не безъ блеска, и держава ея, обнимающая Корею и часть восточной Загангесской Индіи, была все еще великою и славною въ мірѣ. Но уже Китай клонился къ упадку. Сила сосѣднихъ племенъ уже становилась слишкомъ грозною для его ветшающаго организма. Послѣ двухвѣковаго владычества Сунги, угрожаемые Ки-тайскими Татарами, призвали на помощь племя восточныхъ Ю-етчи (кажется Тюрко-Монгольское) и, освобожденные отъ прежняго врага, были принуждены уступить новымъ союзникамъ весь сѣверъ

своего государства. Юетчи, подъ именемъ династїи *Кинь*, продолжали свои завоеванія, стѣсняя все болѣе прежнихъ властителей, но въ то же время принимая, также какъ Сян-бійская (Тунгузская) династія *Вей*, все болѣе и болѣе характеръ и обычаи мѣстные, однимъ словомъ покоряясь побѣжденному народу и сливаясь съ его безконечною массою. Прошло еще столѣтіе; новое грозное явленіе, кѣторому подобнаго не представляла исторія міра ни прежде ни послѣ, возникло въ пустыняхъ Средней Азіи. Вошла кровавая звѣзда Темуджиновыхъ Монголовъ, и Сунги, стѣсненные сѣверными своими соперниками, въ безумїи междоусобной вражды прибѣгли къ покровительству ненасытныхъ завоевателей. Династія Кинь погибла, но и династія Сунгъ раздѣлила ту же участь. Послѣ борьбы кровавой и отчасти не безславной для побѣжденныхъ, *Кубилай* истребилъ всѣхъ враговъ своихъ на морѣ и на сушѣ, и въ первый разъ послѣ независимаго существованія, продолжавшагося слишкомъ три тысячи лѣтъ, Китай въ концѣ XV-го вѣка покорился весь съ края въ край иноплеменнымъ завоевателямъ.

Но и завоеваніе, бѣдствіе уничтожающее всякое другое государство, не измѣнило Китая. Монголы какъ и предшественники ихъ Сян-бійцы и Кинь, какъ и позднѣйшіе Манджуры, поддались силѣ мѣстнаго начала, этому неотразимому обаянію государственнаго устройства, возведеннаго въ религіозное значеніе. Если бы даже туземная династія *Мингъ* не свергла вѣга иноплеменнаго, историческая судьба государственной жизни не подверглась бы никакой перемѣнѣ. Потомки Темуджина, олицетвореннаго кочевья въ его дикомъ восторгѣ, переродились бы (и уже начали перерождаться) въ присѣдающую куклу мандарина.

Точно такое же замѣтно стремленіе въ современной намъ Германїи, въ которой философія, окончательное развитіе религіознаго протеста, приводитъ людей путемъ холоднаго *нигилизма* къ идеѣ отвлеченнаго порядка и механическаго государства. Такова особенно Пруссія съ ея гофъ-и штатсъ-ратами. Впрочемъ, разумѣется, это на-

чадо не можетъ воплиѣ окаменить Европейскій народъ, уже глубоко проникнутый христіанствомъ.

Китаю суждено было, вслѣдствіе коренныхъ его началъ и ихъ громаднаго развитія пройти невредимо черезъ длинный рядъ вѣковъ и представить торжество древней односторонности, создавшей колоссъ государственный на дальнемъ Востокѣ также, какъ она создала неразрушимые колоссы зодчества въ Египтѣ, слова въ Индустанѣ и быта въ областяхъ Славянскихъ. Династія Сунгъ повторяла съ незначительными измѣненіями всѣ явленія предшествовавшихъ династій; но въ ея исторіи, какъ и въ исторіи Тханговъ и Хановъ, является фактъ, до сихъ поръ мало замѣченный и совсѣмъ необъясненный историками. Это странное явленіе, безконечная власть евнуховъ, проходитъ черезъ всѣ династіи въ продолженіи почти полуторы тысячи лѣтъ, часто потрясаетъ всѣ основы государства, иногда перерывается на время силою великихъ государей, воскресаетъ снова, борется не безуспѣшно противъ воли царей, ученыхъ и отчасти народа, и доходитъ почти до эпохи современныхъ намъ Манджуровъ, переживая всѣ потрясенія и бѣдствія государства, связываясь какою-то странною связью съ его жизнію и между тѣмъ противорѣча его основнымъ началамъ. Поверхностная критика объясняла мимоходомъ это явленіе развратомъ двора и примѣрами болѣе или менѣе неудачно взятыми изъ исторіи юго-западной Азіи (Персіи и Турціи). Не нужно доказывать неудовлетворительность такого объясненія. Стоять только вспомнить, что эта власть евнуховъ проникала въ самую середину Азіи, въ кочевья полудикихъ и еще неизнѣжившихся племенъ (какъ видно напр. изъ исторіи великаго Сян-бійца *Тоба-дао*), что она боролась противъ власти царей, управляла войсками самовольно, не измѣнялась при государяхъ, отлѣчавшихся великими доблестями, составляла такъ сказать государство въ государствѣ, сопротивлялась государственному ученію *Кон-фу-тсеу*, имѣла свой судъ, выходящій изъ общаго порядка судовъ, и по преимуществу имѣла притязанія на верховно-судебное значеніе; и

можно уже ясно уразумѣть, что евнухи составляли въ Китаѣ сословіе или общество, котораго основу должно искать въ мифіи или идеѣ религиозной, а не въ случайномъ развратѣ двора. Нѣтъ сомнѣнія, что дворъ многоженнаго императора, окруженнаго сотнями и тысячами наложницъ, становился естественною областью, въ которой двигалась и развивалась сила евнуховъ, точно также какъ дворы Персидскихъ Кеанидовъ или Турецкихъ Оттомановъ. Быть можетъ (и это даже вѣроятно), что евнухи явились въ Китаѣ по примѣру юго-западной Азіи и были сначала призваны только для придворной услуги; по изъ сличенія всѣхъ данныхъ, и особенно изъ того, что они считались хранителями таинственнаго знанія и питія безсмертія, должно заключить, что они, пришельцы съ береговъ Евфрата, были на дальнемъ Востокѣ представителями религиознаго начала, которое развилось изъ первоначальной кровавой борьбы между ученіемъ Куша и преданіемъ Ирана, между поклоненіемъ свободному духу и признаніемъ вещественной необходимости въ ея двупольномъ одицетвореніи. Евнухи, жрецы Великой Матери (Кивелы), всегда хвалились своими глубокими знаніями и волшебствомъ, т. е. заклинательной властію надъ природою; по всей вѣроятности тѣ же притязанія были и у ихъ сосѣдей, евнуховъ, правившихъ государственною судьбою Персіи до Македонца; тѣ же самыя притязанія являются въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и въ Китаѣ. Они сопровождаютъ притязанія на святость; они являются какъ естественное послѣдствіе мнимо духовной, дѣйствительно же заклинательной (т. е. чисто-вещественной) побѣды надъ требованіями вещественной природы человѣка. Этимъ объясняется успѣхъ евнуховъ въ Китаѣ, не имѣвшемъ религіи (кромѣ государства и произвольно-правственной философіи) и всегда искавшемъ религіи внѣшней въ формахъ талисмана и фетиша. Этимъ объясняются и частые ихъ союзы съ ученіемъ стоическаго Лаотсеу (иногда соединявшимся на время и съ буддизмомъ) и ихъ вѣковая сила, сокрушенная едва ли не новыми завоевателями Манджурами. Таково значеніе явленія, о которомъ еще письменныхъ данныхъ не имѣетъ Европа и смыслъ котораго ускользнулъ отъ ея исторической критики.

Эта идея святости, достигнутой путем заклинания или жертвы, проникала, какъ известно, и въ христіанство, заражая многихъ и великихъ его учителей. Противъ нея возставали соборы, отказывая въ известныя эпохи евнухамъ въ священствѣ; но она еще не совсѣмъ исчезла изъ христіанскаго міра, сохраняясь въ Россіи въ великомъ расколѣ хлыстовъ.

Начало
Японска-
го цар-
ства.

Въ то же время, какъ династія за династіей мѣнялась на престолѣ Китая безъ всякаго измѣненія его началъ, опредѣленныхъ жизнію за двадцать слишкомъ вѣковъ и наукою за шесть или семь вѣковъ до Р. Х., какъ вѣрованія южной и западной Азіи (буддаизмъ, христіанство и пр.) проникали въ него, подчиняясь кореннымъ и туземнымъ ученіямъ и теряя всю свою жизненную силу; тѣ же самыя начала шли далѣе на востокъ и основывали новое великое царство на островахъ, окруженныхъ волнами Тихаго океана и до нашего времени почти недоступныхъ для благородныхъ усилій Европейской науки и для дикой неасытимиости Европейскаго корыстолюбія. Старожилы Японіи принадлежали по всѣмъ вѣроятностямъ къ тому же племени, которымъ до нашего времени населены острова на сѣверъ отъ нея, къ племени, котораго сродство съ Финскимъ корнемъ не подвержено никакому сомнѣнію. Начало же религіозное имѣло всю неопредѣленность, замѣтную вообще у народовъ сѣверныхъ, не привлеченныхъ въ умственное движеніе Кушитства и въ то же время сохранившихъ только неясные остатки общаго преданія, которое сохранилось по преимуществу въ Иранскомъ центрѣ.

Присутствіе этого преданія въ старину у всѣхъ сѣверныхъ народовъ явно изъ памяти о потоцѣ, изъ разсказовъ о лучшей участи человека въ его младенствѣ, объ антагонизмѣ зла и добра и даже иногда о мессіаническихъ обѣщаніяхъ. Впрочемъ всѣ эти слѣды также слабы, какъ и самое чувство религіозное у кочевыхъ страдальцевъ негостепримнаго сѣвера, всегда занятыхъ тяжелою борьбою съ природою, ихъ окружающею.

За всѣмъ тѣмъ въ остаткахъ древней религіи Японцевъ можно открыть также несомнѣнные признаки Кушитскаго ученія и поклоненія шиваитскому *лингаму*, какъ символу производящей необходимости. Такая примѣсь Шиваитства въ области далекой отъ его Африканской колыбели представляла бы довольно трудную задачу, если бы наука не имѣла уже столько данныхъ для опредѣленія умственной и племенной колонизации Кушитской по всѣмъ южнымъ морямъ отъ южной оконечности Аравіи до самыхъ отдаленныхъ острововъ, затерянныхъ въ безконечности Тихаго океана и до береговъ долго забытаго материка Американскаго. При этихъ данныхъ легко понятны и слѣды шиваитства въ Японіи.

Анализъ историческій, какъ мы видѣли, объясняетъ прекращеніе всемірныхъ сношеній между разсѣянными семьями человѣчества и упадокъ древняго мореплаванія усиленіемъ борьбы народной въ первыхъ центрахъ человѣческаго рода и наступленіемъ героической эпохи, т. е. эпохи военнаго одичанія. Впрочемъ, кромѣ распространенія Кушитскаго ученія по южнымъ поморьямъ, можно еще угадать и другое его распространеніе на сѣверъ черезъ Гиммалайскій хребетъ и среднюю Азію изъ земель Прииндскихъ. Мнѣологія Финскихъ и Летскихъ племенъ въ сѣверной Россіи представляетъ, при явныхъ слѣдахъ Индостанской мысли (напр. въ преданіи о *Самно*), такіе же явные намеренія на Шиво-Озирисское ученіе. Таковъ разсказъ въ *Калевалѣ* о разрубленномъ божествѣ, которое отыскано и оживлено другимъ божествомъ женскимъ (сѣверною *Изидою*), таково поклоненіе змѣѣ даже у полу-Славянской Литвы и пр. Сверхъ того должно замѣтить, что остатки Индустанскаго шиваизма (поклоненіе *лингаму*) сохраняются очень рѣзко до нашего времени у сѣверныхъ Славянъ, особенно по близости великаго торговаго пути Волги, въ праздникахъ Ярила и Костромы.

Усиленная жизнь Китая, его возрастающее народонаселеніе и внутреннія волненія заставляли многихъ Китайцевъ, даже изъ царскихъ родовъ, искать убѣжища на сѣверо-восточныхъ островахъ. Богатая и прекрасная природа Японіи привлекала

бѣглецовъ, тамъ основали они колонію, со дня на день возраставшую въ силѣ и значеніи. Юго-западная часть острова подчинялась мало-по-малу законамъ Китайскаго просвѣщенія; остальные области покорялись послѣ продолжительной борьбы. Весь обширный островъ слился въ одно могучее государство, составленное изъ народной стихіи, совершенно чуждой Китаю, но движимое вполнѣ умственными началами, принесенными оттуда. Таковы показанія Японскихъ ученыхъ и лѣтописцевъ и нѣтъ никакой причины въ нихъ сомнѣваться, ибо они не льстятъ самолюбію народа и существуютъ издавна, не смотря на постоянную вражду съ Китаемъ. Вѣроятно, малоизвѣстная намъ Корея служила посредствующимъ звеномъ между материкомъ Азіи и Японіи какъ въ отношеніи племеннаго начала, которое наука опредѣляетъ со временемъ посредствомъ языкосравненія, такъ и въ отношеніи просвѣщенія. Какъ бы то ни было, въ теченіи VI-го вѣка проникъ и въ Японію буддизмъ, эта глубокая и сильная вѣра, создавшая борьбу духа, требующаго свободы, съ ученіемъ, положившимъ въ начало міра законъ логической (т. е. органической) необходимости, вѣра, которой распространеніе равняется распространенію магометанства и христіанства.

Должно замѣтить, что въ историческія времена только эти три вѣрованія и распространялись далеко за предѣлы областей, въ которыхъ родились. Въ глубокой древности точно также распространялось и шиванство, но завоеванія шиванства относятся къ эпохѣ почти до-исторической и погибли безъ слѣдовъ. Фактъ этотъ довольно понятенъ. Въ христіанствѣ выразилось окончательно Иранское преданіе во всей силѣ своихъ вѣрованій и въ своей логической полнотѣ. То же самое преданіе, хотя искаженное, составляетъ и силу магометанства, въ тиванизмѣ и въ буддизмѣ живетъ первобытное ученіе Куша почти въ полной своей чистотѣ. Въ этой строгости началъ лежитъ возможность мирныхъ завоеваній. Среднія и мѣшанья вѣры почти никогда не переходили границъ области, въ которой были созданы случайными обстоятельствами, ибо разумъ человѣскій покоряется только общечеловѣческимъ, а не мѣстнымъ и произвольнымъ началамъ.

И новоявившійся буддаизмъ овладѣлъ довольно скоро новою областью, не безъ нѣкотораго сопротивленія, (ибо нѣсколько разъ буддаистскіе кумиры были разбиваемы пародомъ и правительствомъ подъ предлогомъ гнѣва прежнихъ боговъ), но какъ кажется безъ жестокихъ гоненій и безъ большого насилія; по крайней мѣрѣ таковъ кажется разумный выводъ изъ извѣстныхъ намъ свидѣтельствъ. Впрочемъ въ Японіи скоро характеръ ламаизма принялъ особенный оттѣнокъ. Священное значеніе государей добуддаистскаго времени отозвалось и по принятіи новой вѣры. Государя (дапріи) сосредоточили въ себѣ всю власть свѣтскую и въ то же время высшее духовное священство. Они повторяли на востокѣ явленіе халифата Магометанскаго; но въ Японіи повторялся также и тотъ раздоръ между непогрѣшимостью духовной власти, предполагающей совершенство въ основѣ своей, и вѣчно измѣняемыми и волнующимися требованіями жизни государственной, который, какъ уже сказано, потрясъ и окончательно разрушилъ халифатъ и который сдѣлалъ невозможнымъ разрѣшеніе папской задачи на Западѣ. Въ концѣ XI-го столѣтія, какъ кажется, утвердилась новая, независимая свѣтская власть, сіюгуновъ, возникшая изъ отношеній похожихъ на отношенія королей Французскихъ къ мерамъ и халифовъ къ визирямъ и эмирамъ *альмуленинъ*. Сіюгуны сдѣлались дѣйствительно единственными государями Японіи. Государство нашло свою божественность въ самомъ себѣ, также какъ въ Китаѣ, и вѣроятно въ самой Японіи до буддаизма, а духовный государь, дапри былъ заключенъ въ золотыя оковы своей духовной и безсильной святости, властвующей только надъ невидимою областью талисмановъ; ибо въ Японіи также какъ въ Китаѣ величіе и смыслъ буддаизма исчезли въ грубой безмысленности поклоненія талисману и фетишу.

Въ это время еще далѣе на востокѣ происходили великія перемѣны; зарождались государства новыя и государственныя преданія, по крайней мѣрѣ такія преданія, которыя въ послѣдствіи времени сдѣлались достояніемъ науки. Въ тропическую область, соединяющую сѣверный и южный материкъ Амери-

Амери-
канскія
государ-
ства.
Тольтеки.

жи и отдѣляющую Тихій океанъ отъ великаго Антильскаго залива, въ область надѣленную отъ природы всѣми дарами богатства и красоты, пришелъ съ сѣвера около VII-го вѣка послѣ Р. Х. народъ Тольтековъ, повидимому кроткій и просвѣщенный и основалъ пространное и могущественное царство. Это царство не дожило до прихода Европейцевъ. Испанскіе джари нашли уже въ Мексикѣ Азтековъ, народъ такой же свирѣпый и кровожадный какъ и самая дружина рыцарей завоевателей, а царство Тольтековъ пало отъ внутреннихъ междоусобій и слабости еще въ концѣ X-го или началѣ XI-го столѣтія и рассказы объ немъ дошли до насъ только черезъ Азтековъ, сохранившихъ скудные воспоминанія о прежнихъ владыкахъ области Мексиканской. По этому трудно опредѣлить характеръ этого исчезнувшаго народа. Изъ рассказовъ можно предполагать, что вѣра Тольтековъ была кроткая и чело-вѣколюбивая и далеко разилась отъ свирѣпой и кровожадной вѣры Азтековъ. Цвѣты и плоды были едвали не единственными жертвами, приносимыми богамъ; кротость вѣрованія выражалась и на нравахъ народа: но самое религіозное учене было, также какъ и учене позднѣйшихъ Азтековъ, чистымъ остаткомъ древняго Кушитства, развитаго въ формѣ двухъ органическихъ полюсовъ. Не безъ слѣда прошли Тольтеки по лицу земли. Великолѣнные памятники, водохранилища, гранатныя плотины, огромныя храмы, полныя таинственнаго мрака и величія, остались какъ свидѣтельства ихъ четырехвѣковой славы и просвѣщенія, носящаго на себѣ весь характеръ древняго царства Фараоновъ. Такова была держава Тольтековъ; таково ихъ умственное и государственное развитіе; но было ли это развитіе созданіемъ самобытной народной мысли, сказать невозможно. Древнѣйшая эпоха Тольтекскаго царства и все ему предшествовавшее были чужды Азтекамъ: самое имя Тольтековъ, быть можетъ, не принадлежало имъ вовсе. На нарѣчій Азтековъ оно имѣло значеніе каменосѣчцевъ и служить только доказательствомъ того, что строительное искусство было уже усовершенствовано въ Мексикѣ и удивило новыхъ пришельцевъ завоевателей. Наука разрѣшить, можетъ быть, многія за-

дачи о древностях Америки; но уже и теперь, хотя не сохранилось никаких преданий о переселении Тольтековъ, хотя у насъ нѣтъ еще никакихъ положительныхъ данныхъ для разрѣшенія вопроса, были ли они завоевателями или пришельцами въ пустыню, гдѣ создали царство, уже и теперь можно по всѣмъ вѣроятностямъ утверждать, что искусство строительное не было ими принесено съ сѣвера, гдѣ или совсѣмъ нѣтъ памятниковъ, или памятники принадлежатъ къ особенному роду (къ насыпямъ похожимъ на наши Русскіе и Сибирскіе курганы и городки), и что оно также не было создано самобытнымъ развитіемъ ихъ мысли, ибо уцѣлѣвшія зданія не представляютъ постепеннаго усовершенствованія зодчества и сверхъ того область памятниковъ далеко переходитъ на югъ границы Тольтекской державы, распространяясь не только по всему Юкатану и Гватималѣ, но и захватывая часть южно-Американскаго материка. Очевидно, что зодчество было принято Тольтеками отъ сосѣдей или отъ старожиловъ Мексиканской земли; ибо вѣроятно, что въ древности одно и то же племя, можетъ быть теперь уже погибшее, занимало всю страну отъ сѣверной части Мексики до теперешней Колумбиди, и точно также можно и должно предполагать, что съ этимъ зодчествомъ было соединено и преданіе наукообразнаго и общественнаго просвѣщенія. Характеръ художества, котораго великолѣпные памятники сохранились до нашего времени и долго еще могутъ сопротивляться разрушительной силѣ климата, указываетъ на развитіе подобное развитію Египта и Индіи. Пирамидальныя формы зодчества, іероглифическое письмо, огромная важность жреческой касты (важность, извѣстная по сказаніямъ Испанцевъ объ Азтекахъ, и несомнѣнно доказанная у Тольтековъ колоссальностью религіозныхъ зданій), все представляетъ намъ область, соединяющую южную и сѣверную Америку, какъ часть великаго Кушитскаго міра, связанную духовнымъ родствомъ съ народами, населявшими берега Нила. Но это родство духовное было ли слѣдствіемъ родства племей, колонизаціи, древнихъ сношеній, или общихъ законовъ въ развитіи ума человѣческаго, опредѣлить невозмож-

но при тѣхъ данныхъ, на которыя теперь можетъ ссылаться наука. За всѣмъ тѣмъ, если вспомнить преданіе Азтековъ (или полученное Азтеками отъ Тольтековъ) о бѣломъ и бородагомъ просвѣтителѣ, пришельцѣ изъ заокеаническаго Востока, если обратить вниманіе на типъ многихъ, хотя и не отчетливо исполненныхъ скульптуръ, на сходство многихъ миссовъ Мексиканскихъ съ миссами Фиппикіа, на безспорное пребываніе бѣлаго племени на Антильскихъ островахъ (ибо Карибъ, названіе властвующаго племени, значило бѣлый) и на разительное сходство многихъ религіозныхъ обрядовъ у Гвапчей Приафриканскихъ и у жителей Антильской островной купы, кажется нельзя будетъ даже подвергать сомнѣнію, что просвѣщеніе Мексики и ближайшихъ къ ней областей было плодомъ прямого сношенія съ великими центрами древняго просвѣщенія или даже прямой колонизаціи изъ юго-западной Азіи или Нильской долины. Впрочемъ эти сношенія или колонизація должны во всякомъ случаѣ относиться къ глубокой, почти до исторической древности, къ тому времени, когда мѣреплаваніе, остатокъ первоначальной эпохи всечеловѣческаго общенія, еще не погибло или не упало отъ успешныхъ распрей народныхъ. Не даромъ хранилась такъ долго память объ Атлантидѣ и не даромъ памятники на Азорскихъ островахъ указывали моряку путь на далекій Западъ.

Сомнѣнія о возможности такой колонизаціи были бы уже смѣшны въ наше время. Давно ли узнали мы, что въ X-мъ вѣкѣ Скандинавскіе Норманны приставали къ берегамъ Лабрадора, Канады и даже теперешнихъ Соединенныхъ Штатовъ, и что Кельты Ирландскіе уже предупредили ихъ въ заокеаническихъ плаваніяхъ? Преданія умолкли, память исчезла, и только письменные памятники, отысканные учеными тружениками, возстановили фактъ, давно заброшенный въ число самыхъ неправдоподобныхъ басень. А моряки Финикійскіе далеко превосходили Норманновъ смѣлостью предпріятій, постоянствомъ въ торговомъ и вѣроятно разбойническомъ ремеслѣ, обширностью морской области, захватывавшей всѣ берега морей отъ Ирландіи до Индіи, огромностью флотовъ (напр. Ганнонъ

бралъ съ собою въ путешествіе около Африки нѣсколько тысячъ колонистовъ) и особенно многовѣковымъ развитіемъ искусства. Но тайны Финикии, строго охраняемая ея торговымъ эгоизмомъ, погибли съ нею. Письменность не сохранила намъ ничего; но безпристрастная критика историческая можетъ и должна возстановлять по признакамъ вѣка отжитые человѣчествомъ и только подъ этимъ условіемъ заслуживаетъ имя науки. Такъ явные слѣды указываютъ на высокое просвѣщеніе и на великія знанія въ первомъ младенствѣ человѣческаго рода. Пифагоръ по преданіямъ зналъ движеніе земли, за которое пострадалъ Галилей, а Греки хотѣли казнить философа, сказавшаго, что мѣсяць больше Пелопоннеза. Древнѣйшіе циклы были вѣриѣ Гиппарховыхъ, и едва послѣ двадцати слишкомъ вѣковъ осмѣлились Португальцы возобновить попытку Финикійцевъ, оплывшихъ Африку при Фараонѣ Нехао; но все это просвѣщеніе, наслѣдіе древняго синтеза, еще не возмущеннаго позднѣйшимъ анализомъ, можетъ быть угадано, должно быть признано, но не можетъ уже быть опредѣлено съ точностію. Таковы же и древности средней Америки. Возстановить ихъ вполнѣ мы уже не можемъ; признать ихъ Шиваитскій характеръ по изображенію боговъ, по обрядамъ и т. д., признать ихъ иноземное начало по темному преданію о просвѣтителяхъ иноземцахъ и по многимъ подробностямъ рисунка въ древнѣйшихъ памятникахъ, наконецъ признать ихъ многовѣковое преемство по великому развитію художества, по смѣлости предпріятій, по громаднымъ размѣрамъ и множеству зданій, невозможному въ короткій срокъ и при безпрестанныхъ войнахъ, мы должны.

Но это просвѣщеніе, принесенное съ востока, встрѣтило безъ сомнѣнія другую стихію, стихію мѣстную. Народъ, паселявшій Мексику, принадлежалъ Американскому материку. И тутъ, какъ почти вездѣ, мысль явилась не какъ уже готовая наука, прививаемая въ школахъ малолѣтнимъ ученикамъ, но какъ заправка мѣстной мысли, пробуждая ее и направляя, но въ то же время сливаясь съ нею въ одно органическое цѣлое.

Это доказывается общимъ типомъ Американской физиономіи, который принадлежитъ Мексикѣ также какъ и всему древне-Американ-

скому племени (разумеется исключая северныхъ позднѣйшихъ пришельцевъ Финскаго корня, Эскимосовъ и другихъ), многими общими преданіями (какъ напр. память о потоцѣ принадлежить всей Америкѣ и гораздо глубже срослась съ ихъ мифами, чѣмъ во всѣхъ народахъ Кушитскаго образованія) и наконецъ преобладающимъ характеромъ туземства во всѣхъ символахъ и преданіяхъ.

Вѣроятно, что кромѣ прилива съ востока (т. е. отъ Европы или береговъ Средиземнаго моря) былъ еще и другой приливъ съ запада (т. е. изъ Азіи). Это мифіе получило уже право гражданства въ наукѣ. Есть неоспоримое сходство въ физономическомъ очеркѣ между племенами такъ называемаго Американскаго корня и многими племенами Полинезіи или Океаніи; есть явное сходство въ мѣдномъ цвѣтѣ тѣла тѣхъ и другихъ, отличномъ отъ всѣхъ другихъ народовъ міра и отличающемъ то же смѣшеніе племенъ, которое замѣтно въ нѣкоторыхъ отрасляхъ великой Малайскаго семьи и основано на соединеніи желтой Средне-Азійскаго крови къ мулатту отъ бѣлаго и чернаго племени; есть опредѣленный и неоспоримый слѣдъ религіознаго зодчества по мелкимъ и разрушеннымъ мораямъ отъ острововъ Сунды до береговъ Америки; есть точно такой же несомнѣнный слѣдъ религіознаго поклоненія разрушительному началу вещественной природы, олицетворенному въ крокодилъ или акулу и символизированному въ ожерелья изъ череповъ, которымъ украшается равно кумирь Мексиканскаго бога и таинственныя изображенія Шивы Индустанскаго; наконецъ есть рѣзкая, и за всѣмъ тѣмъ слишкомъ мало замѣченная черта, опредѣляющая народное и духовное средство между островами южной Азіи и Американскимъ материкомъ, которой одной достаточно для указанія на колонизацію или на цѣлый рядъ миграцій черезъ безконечность океана: это общій обычай людоедства, принадлежащій исключительно народамъ мѣдноцвѣтнымъ, Полинезійскимъ и (однако же въ меньшей степени) такъ называемымъ Малайскимъ.

Лудоедство являлось быть можетъ и у многихъ народовъ дикихъ: въ немъ обвиняли и Германцевъ и (хотя явно несправедливо) Сла-

влять и нѣкоторыхъ дикарей Азіи и Африки; но даже тамъ гдѣ оно доказано (а оно почти нигдѣ не доказано), оно вездѣ является какъ рѣзкое исключеніе, не заслуживающее никакого вниманія. Иногда это слѣдствіе нищеты, иногда страстей, доведенныхъ до ихъ крайняго ожесточенія и т. д.; но въ народахъ мѣдноцвѣтныхъ, кромѣ сѣверной и крайней южной Америки, это обрядъ постоянный, религіозный и неизмѣнный. Онъ принадлежитъ семьямъ кроткимъ точно также какъ и самымъ свирѣпымъ; онъ выражаетъ столько же любовь, сколько ненависть: ибо многіе народы считаютъ обязанностью съѣдать ближайшихъ родственниковъ, тогда какъ другіе съѣдаютъ только побѣжденныхъ непріятелей, другіе только преступниковъ. Во всѣхъ случаяхъ это слѣдствіе вещественнаго пантеизма и желанія — или дать безсмертіе соединеніемъ стихій умершаго человѣка съ стихіями другаго, живаго человѣка, или отнять безсмертіе, подчиняя стихію разрушеннаго организма другому, живому и сильнѣйшему. Начало же этого страннаго и для насъ отвратительнаго обычая ясно въ жертвоприношеніяхъ человѣческихъ Молоху, Тифону или Теутатесу и въ ожесточеніи религій при первоначальной борьбѣ Ирана и Куша.

И такъ въ Америкѣ встрѣчались два прилива просвѣтительнаго начала, отъ востока и запада: различные во многихъ подробностяхъ, сходные въ главныхъ чертахъ и основахъ, они дѣйствовали на туземную стихію народную, по всѣмъ вѣроятностямъ происходящую изъ Азіи. На краяхъ великаго материка вліяніе ихъ отзывалось незначительно. Дикая природа и полная разьединенность мелкихъ семей уничтожали всякій зародышъ умственной жизни; вліяніе племенной примѣси отзывалось нѣсколько болѣе на югѣ, но художественное и религіозное вліяніе проникало также мало въ южныя пампы, какъ и въ сѣверныя саванны. Вся жизнь умственная и общественная, произведенія мысли и началъ, родившихся и созрѣвшихъ на другомъ материкѣ, сосредоточивались въ притропической области и производили великія государственныя явленія, которыхъ исторія погибла для міра безъ славы и звука, но въ свое время не была лишена вѣроятно ни блеска, ни величія.

И въ самомъ историческомъ мірѣ многія явленія (быть можетъ большая часть явленій) также ничтожны, также обречены забвенію и достойны его: но они выносятся изъ бездны прешедшаго, выдвигаются на поприще историческое, получаютъ смыслъ, значеніе и право на безсмертіе отъ тѣхъ центровъ живой мысли и слова, отъ тѣхъ двигателей просвѣщенія, съ которыми находятся въ случайномъ прикосновеніи. Только то имѣетъ право на память человѣческую, что оставило по себѣ слѣды, что подвинуло впередъ родъ человѣческой по путямъ науки или преданія, что не только жило, но и живетъ и будетъ жить. Исторія Монголовъ погибла съ ними и отзывается только въ ея вліяніи на Россію, Персію или Индустанъ; но она входитъ въ исторію человѣчества только какъ разсказъ о бурѣ, разрушившей половину города, входитъ въ исторію города. Правда, взятая отдѣльно, она еще имѣетъ свою высокую занимательность, ибо представляетъ природу человѣческую въ минуту высокой напряженности и односторонней восторженности; но эта занимательность принадлежитъ болѣе къ интересу художественному, чѣмъ къ интересу науки исторической. Такова бы была занимательность и лѣтописи Американской, если бы можно было ее воскресить по древнимъ памятникамъ, ибо бѣдный Индѣецъ, рабъ Европейскихъ завоевателей, будущій христіанинъ, быть можетъ даже будущій народъ, ничѣмъ уже не связанъ съ своими прошедшими вѣками и съ безплодными волненіями своихъ прошедшихъ государствъ.

И въ Мексикѣ и въ Гватемалѣ и вѣроятно въ области Перувианской, и можетъ быть далѣе на берегахъ Ориноко и безконечнаго Мараньона, стройныя государства смѣняли другъ друга и погибали, оставляя по себѣ развалины, теперь уничтоженныя сокрушительною силою тропической природы или поглощенныя буйной роскошью ея растительности. Европейцы застали въ Мексикѣ людоѣдовъ—Ацтековъ; тѣ помнили своихъ предшественниковъ, краткихъ Тольтековъ. Критика памятниковъ обличаетъ существованіе другихъ древнѣйшихъ государствъ; но въ то же время критика узнаетъ и тождество началъ, создавшихъ эти государства, и отсутствіе туземной самобытности въ просвѣщеніи, и явную зависимость его отъ дру-

гихъ, далекихъ, всемірно-историческихъ средоточій Азіи и Африки. Периодически возникали въ Америкѣ явленія государственной жизни въ слѣдствіе вѣроятно периодическаго же прилива иноземныхъ вліяній. Испанцы, дикіе похитители святаго подвига Генуезца Колумба, застали просвѣщеніе Америки уже въ минуту упадка и нанесли ему послѣдній ударъ: оно погибло бы и безъ нихъ, потому что все возникающее на почвѣ Кушитскаго произвольнаго ученія произвольно и обречено гибели. Временипорная сила принадлежитъ міру преданія.

Почти такое же бесплодное волненіе происходило въ то время и въ той области, откуда Шиваитское ученіе съ его художественнымъ развитіемъ проникло въ Америку. Слѣды этого переселенія религіозныхъ ученій можно, какъ уже сказано, отыскать по всей длинной цѣпи океаническихъ острововъ по разнымъ обрядамъ, по разнымъ формамъ поклоненія и особенно по моралямъ. Ближе къ самой Индіи эти слѣды становятся яснѣе и несомнѣннѣе въ священномъ языкѣ *Кави*.

Розысканія Германскихъ ученыхъ объ этомъ почти исчезнувшемъ остаткѣ Санскритскаго языка, нѣкогда посвященнаго религіозному служенію, можно считать однимъ изъ полезнѣйшихъ плодовъ современной науки. Они представили въ ясномъ свѣтѣ фактъ, котораго нельзя бы было доказать, и даже можетъ быть отгадать, никакимъ инымъ путемъ. Впрочемъ *Кави* былъ связанъ не съ Шиваитствомъ, а съ мѣшаннымъ Брахманствомъ; онъ принадлежитъ вѣроятно къ позднѣйшей эпохѣ и только указываетъ на тѣ пути, по которымъ раннее вліяніе и умственная колонизація шли изъ Индіи на востокъ и въ безконечность океанической пустыни. Слѣды же самой ранней эпохи отыщеть безъ сомнѣнія сравнительное языкознание въ сличеніи *Тонга* и другихъ нарѣчій съ Индустанскими нарѣчіями, не принадлежащими къ Иранской семьѣ, ибо никогда не должно упускать изъ вида двойственнаго состава всего Индустанскаго міра какъ въ племенномъ, такъ и въ народномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Розысканія объ языкѣ *Тонга* также принесли безконечную пользу, доказавъ несомнѣнно тождество Полинезійскихъ и Океаническихъ племенъ, слѣдовательно ихъ забытыя миграціи и нѣкогда су-

ществовавшее, но постоянно упадавшее и тому лѣтъ сто совершенно погибшее мореходство. Та же самая истина выходитъ явно и изъ преданій мѣстныхъ и изъ того важнаго, но слишкомъ мало замѣченнаго факта, что племя первыхъ жителей на островѣ Пасхи исчезло и замѣнено другимъ уже послѣ открытія этого острова Европейцами. Непонятно, какъ скудное мореходство дикарей могло отыскать этотъ островъ, точку незамѣтную въ безпредѣльности Тихаго океана и удаленную на огромное разстояніе отъ всякой обитаемой земли: но оно такъ было; и догадливая наука должна понять, что мы, избалованные вещественнымъ просвѣщеніемъ, уже не можемъ себѣ ясно представить ни отважности, ни инстинктивной сметки младенчествующихъ народовъ.

Индуставъ;
вѣка его
паденія.

Въ Индустанѣ всѣ явленія жизни были тѣсно связаны съ идеями религиозными. При распаденіи и разрывѣ міра религиознаго должны были распаться самыя общества и государства, явленія міра политическаго, подчиненнаго высшимъ законамъ вѣрованія и философскаго мышленія, возведеннаго въ вѣру. Индія представляетъ намъ странное и единственное зрѣлище страны, издавна просвѣщенной, издавна богатой литературою во всѣхъ отрасляхъ и художествомъ, но не имѣющей не только исторіи, но даже сколько нибудь связанныхъ историческихъ преданій. Исключеніемъ являются отчасти Цейлонъ и Кашмиръ, двѣ крайнія оконечности Индустанской страны, гдѣ оскудѣніе религиознаго интереса и вѣроятно вліяніе трезваго буддизма произвели что-то похожее на лѣтопись, бросающую слабый свѣтъ на происшествія въ сосѣднихъ областяхъ. За всѣмъ тѣмъ очень трудно, если не совсѣмъ невозможно, возсоздать древнюю усторію Индіи даже въ эпоху послѣ христіанства.

Труды ученыхъ Англичанъ, разбивавшихъ древнія надписи въ южной Индіи, остались впрочемъ не совсѣмъ безплодными. Многое прочтено и наукѣ открылись нѣкоторые просвѣты въ темную гдубину прошедшаго.

Съ помощію тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми уже овладѣла критика, можно только сказать, что лучшія историческія столѣтія для Индіи, именно первыя столѣтія нашего лѣтосчисленія, были сильно подчинены вліянію буддаизма. Этотъ безспорный фактъ можно уже вывести изъ ничтожности границъ, отдѣлявшихъ въ то время касту отъ касты; ибо многія и самыя громкія имена царей, владѣвшихъ всею сѣверною Индіею, принадлежатъ къ низшимъ кастамъ, къ вайсіямъ и даже судрамъ. Не должно однако же искать эпохи, въ которой торжество буддаизма было бы полное.

Въ эту ошибку впадаютъ многіе, если не всѣ, критики и отъ того безпрестанно сбиваются на ложные пути и ложные выводы.

Буддаизмъ въ своей родинѣ Индіи, имѣлъ очевидно такое же значеніе какъ и въ Китаѣ. Онъ всегда стремился къ преобладанію, но никогда не достигалъ цѣли своей вполнѣ. Онъ находился въ противоположности съ брахманствомъ, также какъ съ конфуціанствомъ въ Китаѣ, былъ терпимъ, иногда даже первенствующій, но никогда не торжествовалъ окончательно и не могъ ни вытѣснить ни поборотъ своихъ противниковъ. Впрочемъ его внутреннее противурѣчіе съ брахманствомъ было сильнѣе, чѣмъ съ государственною философіею, замѣняющею религію въ Китаѣ. Противъ него должны были враждовать и враждовали гордость и выгоды высшихъ кастъ, особенно же брахмановъ, и окончательный кровавый разрывъ былъ неизбеженъ. Трудно опредѣлить, когда и по какому поводу онъ произошелъ. Хронологическія вѣроятности относятъ его къ концу четвертаго или къ пятому вѣку послѣ Р. X. По крайней мѣрѣ къ этой эпохѣ принадлежитъ сильное выселеніе буддаистовъ изъ Индіи, указывающее на гоненія, претерпѣнныя ими отъ брахмановъ. Какъ бы то ни было, но прежнее мнѣніе о быстромъ и совершенномъ торжествѣ брахмановъ въ это время уже обличено въ ошибку. Борьба продолжалась долго и гибель буддаизма была не мгновеннымъ паденіемъ, слѣдствіемъ одной какой нибудь войны, но постепен-

нымъ замираніемъ, продолжавшимся въ теченіи многихъ и многихъ вѣковъ. Еще въ X-мъ, XI-мъ и едвали не до XIII-го вѣка видны слѣды буддаизма на востокѣ Индустана, но они слабѣютъ и исчезаютъ постоянно. Это паденіе, бывшее сначала очевидно слѣдствіемъ насилія, связано было въ послѣдствіи съ огрубѣніемъ самаго народа, съ усиленіемъ суевѣрія, любящаго блескъ и обрядную пышность искаженнаго брахманства, и съ внутреннимъ обезсмысленіемъ буддаизма, переходившаго въ Индіи, какъ и въ Китаѣ, изъ высокой своей философской области въ темное и грязное поклоненіе талисману и фетишу. Буддаизмъ удалялся отъ постояннаго папора брахманства и искалъ, какъ видно, убѣжища по оконечностямъ и окраинамъ Индустана. Такъ видимъ мы, что горы Кашмира, южныя Гауты и побережье Гангеса населяются поклонниками Гаутамы. Преслѣдуемые неутомимою враждою торжествующихъ соперниковъ, они наконецъ оставляютъ навсегда свою родину. Сѣверные бѣглецы спасаются въ Тибетъ; южныя удаляются въ Цейлонъ и за моря; долѣе всѣхъ остаются буддаисты Гангесскаго побережья, опираясь вѣроятно на единовѣрцевъ Загангесскаго полуострова. Наконецъ и тѣ удаляются въ область теперешнихъ Бирманцевъ, гдѣ они соединяются съ бѣглецами южной Индіи и кладутъ твердое основаніе тому искаженному буддаизму, который и теперь сохраняетъ еще свою формальную силу, утративъ свое духовное значеніе и обратившись въ нестройное смѣшеніе безсмысленныхъ обрядовъ.

Таковъ былъ ходъ борьбы двухъ вѣрованій въ Индустанѣ, духовнаго брахманства, слившагося вполне съ челоукообразнымъ вишнуизмомъ и съ вещественнымъ шиваизмомъ и буддаизмомъ, который, какъ уже сказано, былъ ничто иное какъ реформа древняго шивантскаго протестанства: брахманство восторжествовало. Побѣжденный буддаизмъ перемѣнилъ во многомъ судьбу средней Азіи и дальняго Востока; но во время самой борьбы внутри Индустана не основалось ни одно могучее царство, которое бы могло достигнуть истинно историческаго значенія. Сколько можно судить по тѣмъ неполнымъ свѣдѣніямъ, которыя наука могла до сихъ поръ почерп-

нута изъ мѣстныхъ преданій, изъ скудныхъ разсказовъ иноземныхъ путешественниковъ и изъ недавно разобранныхъ надписей, Индія дѣлилась на двѣ народныя и государственныя системы съ весьма неопредѣленными границами, по прежнему исконному раздѣленію, на Индустанскую систему (сѣверную) и на Деканскую (южную). Обѣ были опять подраздѣлены на множество мелкихъ и независимыхъ областей, которыя то соединялись непрочными союзами, то вели между собой кровавыя распри. Иногда являлись люди съ сильнымъ духомъ или съ военными способностями и тѣ, взявъ временное первенство надъ сосѣдями или дѣйствительно расширивъ далеко предѣлы своихъ родныхъ владѣній, величались *магараджали* или великими царями или владѣтелями всего Индустана. Но это громкое названіе никогда не было заслужено вполне, и по большей части гордыя притязанія, то переходяція отъ одной области въ другую, то передаваемые по наслѣдству цѣлымъ рядомъ владѣтелей въ одной какой нибудь области, не стремились даже оправдать себя на дѣлѣ. Важнѣе царскихъ лицъ были въ то время проповѣдники религіозныхъ ученій: изъ нихъ многіе достигли истинно историческаго значенія; и хотя трудно опредѣлить ихъ существованіе въ строго хронологическомъ порядкѣ или даже отдѣлить подлинныя разсказы объ ихъ жизни отъ мифическихъ или сказочныхъ прикрасъ, можно однакоже утвердительно сказать, что ихъ слова и воля бросали народы сѣверной Индіи на югъ и южной на сѣверъ для окончательнаго уничтоженія ненавистныхъ буддаистовъ. Впрочемъ вообще замѣтно (хотя есть примѣры и противному), что главная сила брахманства держалась на сѣверѣ и что югъ, опираясь на Цейлонскихъ буддаистовъ, сильныхъ своимъ богатствомъ и неприступностью острова, отстаивался довольно долго отъ напора брахмановъ.

Вѣроятно, большее преобладаніе шиваитства на югѣ и память о прежнемъ братствѣ его съ буддаизмомъ (доселѣ не понятая критикою) помогали также буддаистамъ въ ихъ борьбѣ противъ брахмановъ.

Весь Индустанъ, съ его раздѣленіемъ на системы государственныхъ, съ его независимыми раджами и съ вѣчно продолжавшимися притязаніями котораго нибудь изъ раджей на прозваніе и власть магараджи, представлялъ нѣчто похожее на позднѣйшую Россію въ эпоху ея удѣльныхъ смуть: но ни въ политическихъ, ни въ бытовыхъ, ни въ религіозныхъ ея стихіяхъ не было ничего, что могло бы основать крѣпкое и плодотворное единство, стихія государственная была ничтожна по своей подчиненности высшему значенію жреческой касты. Стихія народная была точно также ничтожна по своей разнотипности, ибо народонаселенія сѣвера, юга и горъ, пересѣкающихъ Индустанъ, различныя еще въ наше время, должны были представлять еще болѣе различія въ древности; наконецъ преобладающая надъ другими и созидаящая нѣчто похожее на единство, стихія религіозная была въ дѣйствительности также ничтожна какъ и всѣ остальные. Брахманство, принявъ въ себя враждебный шиваизмъ и мелкій безсмысленный вишнуизмъ, перешло въ несвязный синкретизмъ ученій, кое-какъ скрытый призракомъ тождества боговъ въ ихъ общей основѣ — непроявленномъ божествѣ. Это насильственное примиреніе непримиримыхъ началъ отнимало у религіи всю ея внутреннюю силу и слѣдовательно всякую возможность развитія. Она должна была постоянно грубѣть и унижаться до безсмысленнаго многобожія, заключеннаго въ обрядахъ и заклинаніяхъ. Съ другой стороны разумъ человѣческій, безспорно богатый въ Индіи и рано развитой наукою и художествомъ, долженъ былъ постоянно освобождаться отъ формы религіозной и созидать системы философскія, въ которыхъ старался онъ осмыслить снова ученія, все болѣе и болѣе терявшія свое первоначальное значеніе. Но многобожіе Индустана лежало на глубоко-разумныхъ (хотя и противоположныхъ другъ другу) основахъ; по этому и философія не могла никогда освободиться отъ религіи, такъ какъ она освободилась отъ мелкаго синкретизма Эллискаго. Сверхъ того наука принадлежала высшимъ сословіямъ, которыхъ вещественныя выгоды были обезпечиваемы и охраняемы религіозными мѣрами: необходимымъ

послѣдствіемъ этихъ отношеній было безсиліе самой философіи, не смотря на безконечную умственную силу, замѣтную въ произведеніяхъ философскихъ школъ Индустана. И въ этомъ тяжкомъ и болѣзненномъ бореніи началъ, равно неспособныхъ на созданіе какого нибудь могущаго цѣлаго, тратилась духовная и общественная жизнь Индустана. Она продолжала волноваться, но она замирала въ этомъ бесплодномъ волненіи. Первая эпоха Индустанской древности была борьба между сѣверомъ и югомъ, между Иранскимъ брахманствомъ и Кушитскимъ шиваизмомъ. На помощь побѣжденному брахманству явился человѣкообразный вишнуизмъ, созданіе Бактро-Славянской семьи, и сѣверъ побѣдилъ; но за побѣдою наступило религиозное смѣшеніе, и брахманство и вишнуизмъ слились съ шиваитствомъ. Паденіе народа было неизбежно: но оно отсрочилось на многіе вѣка. Духовная и въ то же время отрицательная сторона шиваитства, буддаизмъ, не нашла и не могла найти мѣста въ новой синкретистической системѣ: она отдѣлилась и получила самостоятельное значеніе. Ея борьба съ мѣшаннымъ брахманствомъ дала смыслъ и жизнь послѣдующимъ столѣтіямъ. Торжество брахманства было въ то же время его смертнымъ приговоромъ, ибо въ немъ не было ни разумнаго существа, ни силы для созданія новыхъ живыхъ началъ. Дѣйствительная исторія Индіи кончилась. Послѣдующіе вѣка были вѣка постепеннаго паденія и почти безпрестанныхъ бѣдствій. Ничего истинно великаго уже не создала она ни въ мірѣ быта общественнаго, ни въ мірѣ художества. Раздѣленіе кастъ дошло до отвратительныхъ и почти невѣроятныхъ крайностей; наука ограничилась комментаріями надъ прошедшею наукою, художество изысканными и безвкусными подражаніями прошедшему художеству. Самые памятники древности были въ то время безъ сомнѣнія искажены расчетливыми подлогами брахмановъ, старавшихся увѣрить народъ въ древности новыхъ общественныхъ и религиозныхъ формъ, выдуманныхъ ихъ властолюбіемъ.

Отъ того то происходятъ безпрестанныя противорѣчія въ показаніяхъ древней поэзіи объ отношеніи кастъ другъ къ другу и неоп-

ходимость приступить къ разбору памятниковъ съ строгой недобвѣрчивостью.

Съ тѣхъ поръ уже исторія Индіи получаетъ значеніе только по вліянію иноземныхъ народовъ на Индустанъ и по ихъ завоеваніямъ. Мирное христіанство давно уже проникло на берега Гангеса и до южной оконечности полуострова. Когда именно? это трудно опредѣлить, но безспорно въ первыя уже столѣтія христіанскаго лѣтосчисленія. Но христіанство, удерживаясь въ тѣсныхъ предѣлахъ и сохраняясь посредствомъ сношеній съ несторіанцами средней Азіи, Персіи и даже Сиріи, не могло расширить свою область. Несторіанство по внутренней слабости не способно къ могущему развитію, а Индустанъ, еще не переставшій питать вѣру къ своимъ прежнимъ богамъ, представлялъ трудное поприще для мирныхъ завоеваній иноземнаго вѣрованія. Иному ученію было предоставлено измѣнить всю судьбу Индіи и связать ея исторію съ исторією другихъ народовъ. Страшная гроза собралась въ концѣ X-го вѣка на сѣверо-западномъ скатѣ Гинду-кху, въ области магометанъ Газневидовъ.

Абиссинія; борьба въ ней іудейства и христіанства.

Вообще можно сказать, что христіанство еще было недо-
ступно большей части народовъ, до которыхъ доходила его
проповѣдь. Персія, Индія и Средняя Азія не приняли его, не
смотря на многовѣковое существованіе христіанскихъ колоній.
Но даже и тѣ народы, которые приняли христіанское ученіе
въ предѣлахъ Европы, доказали своею послѣдующею исторією,
что новое ученіе оставалось для нихъ чѣмъ-то внѣшнимъ и
случайнымъ, не пропикавшимъ въ глубину ихъ духовной жизни.
Многіе отступились отъ него при напорѣ магометанства: мно-
гіе, сохранявъ его, не умѣли развить его началъ ни въ об-
щественномъ, ни въ духовномъ отношеніяхъ. Такова судьба
страны, нѣкогда имѣвшей такое огромное вліяніе на всю судь-
бу человѣчества, страны бывшей нѣкогда колыбелью анали-
тического просвѣщенія и строительнаго художества, страны
Кушъ при верховьяхъ Нила или его главныхъ притоковъ. Пле-
мена Иранскія или Семитическія проникли, какъ уже сказано,

изъ древнихъ временъ въ долину Нила и составили въ Египтѣ мѣшанное народонаселеніе.

Это видно изъ имени *Мицраимъ* (смѣшеніе) и изъ свидѣтельства Геродотова о томъ, что низшіе классы въ Египтѣ представляли многія особенности Африканскихъ племенъ, между тѣмъ какъ высшіе почти ничѣмъ не разнились отъ сосѣдей своихъ въ юго-западной Азіи.

Точно также проникли издревле, хотя позже чѣмъ въ Египетъ, племена Азійскихъ Семитовъ и въ горную область Абиссиніи, гдѣ они смѣшались съ туземцами, безъ сомнѣнія принадлежавшими къ великой отрасли Кушитовъ, но спасенными строгимъ горнымъ воздухомъ отъ того искаженія наружной организаціи, которымъ опредѣляется Африканское племя. Притокъ народовъ Аравійскихъ и Палестинскихъ въ Абиссинію усиливался все болѣе и болѣе. Прибрежье великаго Нила, Нубія и Эіопія подпали власти всепобѣждающаго Рима и отчасти наслѣдницы его, Византіи; но народонаселеніе измѣнялось въ нихъ весьма незначительно, какъ по малочисленности завоевательныхъ дружинъ, и по кратковременному ихъ пребыванію на югъ отъ Египетскихъ границъ, такъ и по безпрестанному наплыву чистыхъ выходцевъ изъ Африканскихъ пустынь. Горная твердыня Абиссиніи не поддадала чуждой власти; но съ другой стороны она наполнялась все болѣе и болѣе выходцами изъ южной Азіи и ея народонаселеніе и языкъ отклонялись болѣе отъ древнихъ своихъ Африканскихъ первообразовъ. Приливъ Евреевъ былъ такъ значителенъ, что они могли (вѣроятно съ помощью туземцевъ, обращенныхъ въ іудейство) основать независимое государство въ древнемъ Саманѣ. Съ другой стороны черезъ Египетъ проникло въ Абиссинію и христіанство. Оно мало-по-малу вытѣснило древнее язычество (котораго слѣды впрочемъ и теперь еще не вездѣ изгладились) и сдѣлалось преобладающею и почти единственною вѣрою Абиссинцевъ. Имъ окрѣпло царство, существовавшее уже издревле; имъ достигло оно до нѣкоторой значитель-

ности въ исторіи и могло распространить свои завоеванія далеко за предѣлы горной области. Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, вело оно войны вообще довольно успѣшныя съ жителями юго-восточной Аравіи и даже могло на время основать въ ней колоніи и утвердить свою державу посредствомъ прочихъ завоеваній. Завоеванныя области освободились снова при пробужденіи чисто Аравійскаго начала въ магометанствѣ, и въ послѣдствіи Абиссинія съ трудомъ отстоялась отъ напора магометанъ-побѣдителей; но около седьмага вѣка она была сильна внутри, грозна сосѣдямъ и извѣстна даже далекимъ государствамъ, искавшимъ ея союза. Христіанство проникло въ Абиссинію въ самыя первыя времена апостольской проповѣди (иначе и быть не могло по безпрестаннымъ сношеніямъ Абиссиніи съ Іудеею); утвердилось же оно, какъ преобладающее вѣроисповѣданіе, въ началѣ четвертаго вѣка; но духъ народа не былъ, вслѣдствіе прежней заклинательной религіи, приготовленъ къ высокому значенію христіанства. Вѣра осталась дѣломъ внѣшнимъ, не проникла въ глубину мысли народной и не развилась богатыми плодами разумнѣя и жизни. Іудейское царство сражалось безпрестанно и не всегда безъ успѣха противъ христіанскаго. Соперники боролись въ Аравіи также какъ и въ самой Абиссиніи. Побѣда оставалась по большей части на сторонѣ христіанъ, но около X-го вѣка внутреннее ослабленіе христіанскаго царства, потрясеннаго торжествомъ магометанъ, вырвавшихъ всю Африку изъ рукъ христіанъ-Византійцевъ, упадокъ религіознаго духа вслѣдствіе несогласія Абиссиніи на Халкидонскій и послѣдующіе соборы и общественные раздоры дали перевѣсъ Іудеямъ. Побѣжденные цари христіанскіе бѣжали въ Шою, въ продолженіи около 400 лѣтъ Іудеи владѣли почти всею горною областью Абиссиніи. Въ послѣдствіи Иконъ-Амлакъ, изъ древняго царскаго рода, побѣдилъ снова своихъ соперниковъ и побѣжденное іудейство исчезло мало-по-малу изъ области, въ которой оно жило въ продолженіи столькихъ вѣковъ; но народъ, не принявшій вполнѣ духа христіанскаго и далеко оторванный отъ сообщества съ христіан-

скимъ міромъ, стѣсненный мусульманами съ сѣвера и востока, воинственными дикарями съ запада и юга, не достигъ уже и не могъ достигнуть великаго историческаго значенія. Счастливый еще тѣмъ, что отстаивалъ свою независимость, онъ ожидаетъ новой жизни отъ сообщества съ великимъ міромъ Европейской образованности для полнаго развитія своего духа, котораго энергія уже доказана такою тяжкою и многолѣтнею борьбою.

Міръ магометанскій, оторвавшій Абиссинію отъ общенія Мусульманскій міръ: Омйяды и Аббасиды съ остальными христіанскими народами, слабѣлъ повидимому со дня на день. Его первое расширеніе было такъ быстро, его побѣды такъ постоянны, что ему, казалось, предопредѣлено было полное торжество надъ христіанствомъ. Слабость государствъ, основанныхъ Германцами, и необъятная сила ислама доказаны были паденіемъ Готовъ почти безъ боя передъ ничтожною залетною дружиною Аравитянъ, удаленныхъ цѣлою шириною Африканскаго материка отъ своего Аравійскаго центра. Лонгобардская Италія была очевидно также ничтожна какъ и Готская Испанія. Безспорно сильнѣе обѣихъ была держава Франковъ, не смотря на внутренніе раздоры и слабость выродившейся династіи Мервинговъ. Мужество Карла Мартеля и торжество Франковъ надъ Аравитянами на поляхъ Пуатьерскихъ спасли западную Европу; но самое это торжество, стоившее такихъ великихъ усилій и все-таки не вырвавшее всей южной Франціи изъ рукъ мусульманъ, доказывало, какъ мало былъ въ состояніи вещественный Германскій міръ бороться противъ духовнаго могущества ислама. Борьба была возможна только тамъ, гдѣ вся сосредоточенная сила Германскаго Запада встрѣчалась съ отдѣльнымъ и сравнительно ничтожнымъ ополченіемъ Аравитянъ, и указывала на безконечное превосходство Аравіи. Очевидно, Европа и ея будущее величіе были спасены крѣпкимъ отпоромъ Византіи, встрѣтившей всю громаду ислама, весь пламенный натискъ его свѣжихъ, молодыхъ и восторженныхъ силъ. Не способная уже къ завоеваніямъ, Восточная имперія доказала всю несокрушимую крѣпость Эллинскаго просвѣщенія, сплотившагося

въ государственныхъ формахъ, созданныхъ Римомъ; но заслуга Византіи не была никогда признана и до сихъ поръ не признается гордымъ Западомъ, спасеннымъ Византіею и всегда ругавшимся надъ своею спасительницею. Наступило и для ислама время внутренняго разслабленія. Государство въ лицѣ Моавіи восторжествовало надъ общиною духовною. Халифъ утратилъ часть своей первоначальной святости, въ которой заключалась главная опора его случайной власти; правда, что онъ приобрѣлъ можетъ быть бѣольшую власть государственную и далъ державѣ своей болѣе твердую администрацію, но эти чисто вещественныя приобретенія не замѣняли утраты духовнаго значенія. Потомки Алія и его рода, представители первоначальной религіозной мысли, были постояннымъ упрекомъ для властолюбивыхъ Омміядовъ, иногда предметомъ жестокаго гоненія, иногда сочувствія, иногда такого глубокаго уваженія, что Омаръ II-й хотѣлъ имъ отдать престолъ, который онъ полагалъ ихъ законнымъ достояніемъ.

Едва ли какая нибудь царская династія можетъ представить лица столь чистыя въ нравственномъ отношеніи, какъ нѣкоторые изъ первыхъ халифовъ. Такъ напр. этотъ Омаръ, владыка безконечнаго царства отъ береговъ Инда до Атлантики, довольствовался для своего домашняго расхода суммою, которою пренебрегъ бы даже небогатый частный человѣкъ. Все лишнее шло на милостыню. Одна жена была подругою магометанину, которому законъ разрѣшалъ многоженство. Рогожа и подушка, набитая шерстью были единственною роскошью его царской палаты. Отравленный какъ кажется родственниками, онъ отвѣчалъ приближеннымъ, предлагавшимъ ему лечебную помощь: «къ чему мнѣ лѣчиться? развѣ не благъ мой Богъ да поиду къ Нему?» а тѣмъ, которые предлагали ему отыскать отравителей, онъ отвѣчалъ: «я не хочу ихъ знать, чтобы не быть въ необходимости ихъ казнить.» Многіе другіе халифы были подобны этому царственному отшельнику; но самыя ихъ добродѣтели были несовмѣстны съ новымъ государственнымъ значеніемъ халифата.

Въ половинѣ VIII-го вѣка династія Омміядовъ пала: на престолъ взошелъ домъ Аббасидовъ, связанныхъ родствомъ съ основателемъ ислама, но не имѣвшихъ никогда такого духовнаго значенія какъ Алиевы потомки. Новая и крѣпкая династія стала покровительствовать художествамъ и просвѣщенію, раздвигать на востокъ предѣлы государства (ибо торжествующія войска Аравійскія доходили до предѣловъ Азіи и рѣшали судьбу Китая) и стѣснять слабѣющую Византію; но всѣ эти побѣды и слава, принадлежность нѣсколькихъ великихъ государей, Альмансура, Гаруна и др., царствовавшихъ другъ за другомъ, не вносили никакого новаго начала жизни въ слабѣющую державу: за непродолжительнымъ блескомъ (отъ половины VIII-го до половины IX-го столѣтія) наступило время упадка. Изъ прежняго дома Халифовъ, перебитого Аббасидами, спасся молодой Абдеррахманъ, бѣжалъ въ Испанію, и Испанія, оторванная отъ халифата, начала съ половины VIII-го столѣтія подъ правленіемъ Омміада новую государственную жизнь, не скоро побѣжденную всѣми усиліями западной Европы. Около конца того же столѣтія мавританскій потомокъ Алиа основалъ независимое государство на западной оконечности Африки подъ правительствомъ династіи, принявшей отъ родоначальника своего названіе Эдризидовъ. Въ началѣ IX-го столѣтія, рядомъ съ царствомъ Эдризидовъ Фецианскихъ возсталъ въ Каирванѣ царство свирѣпыхъ и воинственныхъ Аглабитовъ, прославленныхъ завоеваніемъ большей части сѣверной Африки, Сициліи, гдѣ они на долго утвердили власть ислама, Сардиніи и многихъ городовъ южной Италіи и счастливыми набѣгами на окрестности Рима и Неаполя, гдѣ они часто находили союзниковъ въ мелкихъ владѣльцахъ свѣтскихъ и даже въ епископахъ, уже забывшихъ духъ и смыслъ христіанства. Въ концѣ IX-го столѣтія богатый Египетъ былъ вырванъ изъ рукъ Аббасидовъ Тулунидами, потомками Турецкаго раба, завоевавшими также Палестину и часть южной Сириіи. Наконецъ въ началѣ IX-го столѣтія возникла знаменитая династія Фатимидовъ. Къ концу того же столѣтія она уже покорила всѣ западныя области магометанскаго міра кромѣ Испаніи, на-

Распаде-
ніе хали-
фата.

несла тяжелые удары христіанамъ, нѣсколько оттѣснившимъ Аглабитовъ въ Италіи и Сициліи, покорила Египетъ и часть Сиріи, уничтожила или подчинила своей верховной власти мелкія династіи въ западной Африкѣ и противопоставила древнему халифату и исламизму Приевфратскому новое ученіе, отличавшееся особенною духовностью и таинственностью, и новый халифатъ, соединявшій въ себѣ притязанія религіозныя съ властію государственною. Въ то же время около столицы халифовъ изъ смѣшенія исламизма и христіанства возникали другія ученія, вестройныя и безумныя, но исполненныя страстнаго восторга (таково напр. ученіе дикнхъ *Карматовъ*, противъ которыхъ халифатъ едва могъ отстоять свое существованіе) На берегахъ Тигра и въ среднемъ Иранѣ Тагериды властвовали въ IX-мъ вѣкѣ независимо, то признавая то отвергая первенство Аббасидовыхъ потомковъ. Еще далѣе на востокъ къ концу IX-го вѣка Саффариды основали сильное царство, захватившее весь восточной Иранъ, сѣверо-западную окраину Индіи и часть пустынь на востокъ отъ Каспія, нѣкогда населенныхъ Славяно-Бактрійскими Саками и Гетами, но въ то время уже наполненныхъ Тюркскими выходцами изъ средней Азіи. Около Каспійскаго моря и на западъ властвовали независимо мелкія династіи Дилеймитовъ и Гамаданидовъ, Вскорѣ Саффаридовъ вытѣснили просвѣщенные и мудрые Саманиды; въ десятомъ же вѣкѣ Буиды, уничтоживъ или подчинивъ себѣ всѣхъ мелкнхъ властителей при Евфратѣ и Тигрѣ, поработили самихъ халифовъ, а въ юго-восточномъ Иранѣ возстала династія Газневидовъ, основанныхъ великимъ Махмудомъ, Родомъ изъ Турокъ, завоевателемъ Индустана и покровителемъ ново-Персидской словесности. Такъ располось все государственное зданіе, воздвигнутое первыми преемниками Мухаммеда.

Противъ-
таніе му-
сульман-
скихъ об-
ластей;
проявле-
ніе въ
нихъ мѣ-
стныхъ
стихій.

За всѣмъ тѣмъ эта эпоха государственнаго паденія не была еще эпохою паденія для самого ислама. Правда, что, оторвавшаяся отъ Востока, Испаніе могла уже предвидѣть окончательное торжество христіанства; ибо мусульмане, сперва изгнанные Карловингами изъ Франціи, потомъ отодвинутые

ими же отъ Пиренеевъ, были принуждены уступать шагъ за шагомъ новымъ княжествамъ, основаннымъ въ сѣверной горной области воинственными туземцами, смѣсью, составленною изъ Готовъ, Франковъ, полу-Римскихъ потомковъ Римскихъ колонистовъ и изъ остатковъ древнихъ Иверскихъ старожиловъ; правда, что въ южной Италиі Аравитяне уступали мало-по-малу завоеванія, сдѣланныя Аглабитами, временному превосходству Византійцевъ и даже были почти совершенно изгнаны изъ Сициліи въ началѣ IX-го вѣка мужественнымъ Маніякомъ; правда, что великіе Византійскіе полководцы, какъ Іоаннъ Куркуасъ, и цари, которыхъ воинственная слава заслуживала бы быть сохраненною въ памяти народовъ не менѣе славы дикихъ Германскихъ завоевателей и ихъ рыцарскихъ потомковъ (какъ напр. Василій, Никифоръ и Цимисхій), вероятно проникали далеко за Евфратъ, вытѣсняли Аравитянъ изъ сѣверо-западной Сиріи и обращали князей и эмировъ Сарацинскихъ въ подданство имперіи; но міръ ислама, утративъ свое единство и слѣдовательно внѣшнюю силу, еще далеко не утрачивалъ своей силы внутренней. Испанія цвѣла богатствомъ, роскошью, художествомъ, наукою и блескомъ рыцарской доблести. Сѣверная Африка и Египетъ, разоренные и погруженные въ нищету и темное невѣжество въ эпоху ближайшую къ нашему времени, тогда цвѣли и благоденствовали при великихъ Фатмидахъ. Богатство Сициліи послѣ ея завоеванія Аглабитами напоминало счастливую эпоху Эллинскаго владычества и свободы Сиракузской и Агригентинской. Вездѣ пустыня наполнялась новыми цвѣтущими городами, покрывалась веселыми садами, красилась великолѣпными дворцами и мечетями; умственная жизнь развивалась съ новымъ блескомъ и силою, передавая часть своихъ богатствъ и своего движенія загрубѣлому и мертвому Западу. Еще сплѣхе и плодотворнѣе быта внутренняя дѣятельность ислама на Востокѣ. Борьба съ Византією, въ которой мусульмане послѣ своихъ первыхъ побѣдъ были такъ часто побѣждаемы, внушила имъ почтеніе къ непріятелю, которымъ они долго пренебрегали за его изнѣженность и роскошь. Воспримчивый духъ Аравитянина понялъ

всю красоту памятниковъ, которыми еще усѣяны были завое-
 ванные имъ области при берегахъ Нила и Средиземнаго моря;
 онъ понялъ всю прелесть искусства, всю возвышенность науки;
 онъ понялъ отчасти даже достоинство христіанства (это за-
 мѣтно изъ многихъ писателей магомметанскихъ и изъ раска-
 зовъ о халифахъ Фатимидахъ); но къ несчастію онъ не могъ
 понять всего его величія, скрытаго въ развратѣ и порокахъ
 христіанъ. Аравитянинъ сдѣлался ученикомъ побѣжденных
 имъ Византійцевъ: онъ сталъ призывать къ себѣ ученыхъ изъ
 Восточной имперіи, оказывать почести тѣмъ, которые еще
 уцѣлѣли въ странахъ уже покоренныхъ имъ, собирать, ску-
 пать, списывать и переводить рукописи; онъ сталъ учиться
 не только у современниковъ, но и у великихъ двигателей древ-
 ней науки. Имена Платона и Аристотеля сдѣлались для него
 предметомъ поклоненія разумнаго, но страстнаго почти до
 суевѣрія, и это поклоненіе спасло много обломковъ древняго
 просвѣщенія для позднѣйшей науки и лучи Эллинскаго зна-
 нія озарили далекій Востокъ, можетъ быть даже тѣ области,
 въ которыя оно еще не проникало даже во время побѣдъ Ма-
 кедонца. Съ наукою вмѣстѣ воскресло и искусство, но разумъ
 народовъ Восточныхъ понялъ рабство науки, связанной пре-
 дѣлами существующаго, в свободу художества, вызывающаго
 несуществующее къ бытію. Довольствуясь ученіемъ и подра-
 жаніемъ въ наукѣ, которой область они не могли или не
 успѣли расширить, они открыли новые пути въ искусствахъ
 доступныхъ мусульману, въ зодчествѣ и поэзіи (ибо ва-
 ніе и живопись были запрещены его закономъ, облачающимъ
 свою вещественность въ робости, съ которой онъ избѣгаетъ
 подражанія вещественной природѣ). Прекрасныя произведенія
 ихъ своеобразнаго и фантастически-затѣливаго зодчества,
 отличающагося легкостью очерковъ, разнообразіемъ и богат-
 ствомъ подробностей, свидѣтельствуютъ и въ наше время о
 живомъ развитіи воображенія и художественнаго вкуса, про-
 бужденныхъ въ Аравитянахъ соприкосновеніемъ ихъ съ Ви-
 зантіею и можетъ быть съ остатками древней Персіи и Инду-
 стана. Въ одно время съ зодчествомъ расцвѣла и поэзія: ге-

роическое настроеніе души, религіозный восторгъ и роскошное стремленіе къ художественной красотѣ вылились въ одѣ и эпосѣ, исполненныхъ какой-то юной силы и величія, напоминающаго первые вѣка поэтической Элады или Индіи. Таково было блистательное развитіе умственное въ мірѣ мусульманскомъ, не смотря на безпрестанныя войны, раздоры, набѣги, на шумъ войны и разгаръ страстей. Еще страннѣе и неожиданнѣе въ этой боевой тревогѣ поражаютъ человѣка, не изучившаго исторію всего человѣчества, современные свидѣтельства о процвѣтаніи промышленности, объ изысканной роскоши жизни, объ усовершенствованіи торговыхъ путей, о частыхъ и быстрыхъ сообщеніяхъ между отдаленнѣйшими странами и о смѣлыхъ и предпріимчивыхъ путешественникахъ; но тотъ, кто вникъ въ смыслъ исторіи, не удивляется этимъ явленіямъ, но видимому рѣзко противурѣчащимъ другъ другу. Тамъ, гдѣ живъ духъ, жизнь кипитъ во всѣхъ его проявленіяхъ и во всемъ многообразіи общественнаго организма. Исламъ еще не совершилъ своихъ путей и не обличилъ себя въ безысходной лжи. Человѣчество еще черпало въ немъ вдохновеніе и надежду: отъ того-то и области его цвѣли богатствомъ вещественнымъ и духовнымъ, не смотря на вѣчную войну, а эти самыя области (Испанія, Персія, Африка, Сицилія и др.) въ наше время въ рукахъ тѣхъ же мусульманъ и христіанъ обратились, не смотря на долгій миръ, въ пустыню для глаза и въ пустыню для души. Безчувственная дремота убійственнѣе меча для народовъ и для человѣчества.

Въ новой жизни, данной міру исламомъ, казалось не было, никакой связи съ прошедшимъ: тѣмъ болѣе замѣчательнъ фактъ, рѣзко выступающій изъ безпристрастнаго изученія магометанскаго просвѣщенія. Первый налетъ Аравійцевъ сломилъ всѣ мѣстныя сопротивленія; первымъ дѣйствіемъ ихъ власти было всеобщее уравненіе и уничтоженіе всѣхъ мѣстныхъ особенностей въ преобладаніи Аравійскаго начала, въ крѣпкомъ единствѣ ислама. Въ скоромъ времени стали освобождаться мѣстныя начала. Великая держава распалась: возникли мелкія государства, проникнутыя ученіемъ Аравіи, но

въ то же время проявляющія въ себѣ особенности прежней мѣстной жизни. Крѣпость и, такъ сказать, не умирающая жизненность историческаго и народнаго преданія выказались вполне. Прежнія границы, сглаженные Римомъ, снова сглаженные Аравійскимъ завоеваніемъ, выступили снова на свѣтъ и въ этихъ границахъ проявились не требованія физической географіи, но слѣды старины давно прошедшей и въ то время давно забытой. Такъ въ Испаніи, на почвѣ нѣкогда славившейся Римскимъ просвѣщеніемъ, погибшимъ почти безъ слѣда въ Готскомъ нашествіи, просвѣщеніе возникло снова гораздо сильнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ областяхъ Африки, искони упорныхъ въ своей кочевой дикости, между тѣмъ какъ въ тѣхъ же областяхъ торговля и мореплаваніе, нѣкогда процвѣтавшія при Финикійскихъ колоннестахъ, возникли снова не безъ блеска.

Наука не чуждалась и Африканскаго приморья во время Римлянъ и Эллиновъ, но она была только скуднымъ достояніемъ городскихъ жителей и никогда не пускала глубокихъ корней. Впрочемъ во время цвѣтенія ислама даже туземные языки, пробужденные истинно-человѣческимъ духомъ Аравіи, возвысились до литературнаго значенія. До насъ дошли остатки письменности Берберовъ или Амазирговъ; эти начала погибли скоро, но и тутъ, какъ почти во всемъ другомъ, видно превосходство Аравитянъна передъ Германцемъ.

Такъ въ Египтѣ науки получили большее развитіе, чѣмъ въ остальной Африкѣ и даже чѣмъ въ Испаніи, представляя тотъ же характеръ таинственности и стремленія къ раскрытію вещественныхъ силъ невидимаго міра, которымъ отличались старый Египетъ Фараоновъ, гноза и нео-платонизмъ Эллинской и Эллино-Римской эпохи, и то же стремленіе къ практическимъ приложеніямъ, которое видно въ древнихъ гидравлическихъ работахъ временъ почти доисторическихъ. Почти такой же характеръ замѣтенъ и въ Сиріи. Но во всѣхъ этихъ областяхъ, болѣе или менѣе получившихъ свои первыя умственные начала отъ Кушитовъ, жила только наука, безъ

сомнѣнія облеченная въ слово, но, только какъ въ необходимую оболочку мысли, и эта наука осталась въ состояніи рабства или подчиненности наукъ древнѣйшей. Нѣсколько болѣе самостоятельности получила только математика и еще болѣе астрономія.

Причина этому явленію довольно ясна, хотя едва была замѣчена до сихъ поръ. Истинною религіею древняго Эллипскаго міра было собственно человѣкопоклоненіе (антрополатрія). При такой религіи человѣкъ и тотъ маленькой шарикъ, на которомъ онъ вертится около солнца, получали слишкомъ великое значеніе, и поднятый къ верху взоръ не хотѣлъ и не могъ понимать тѣхъ безконечныхъ пространствъ, въ которыхъ слишкомъ яснымъ становится ничтожество человѣка и его земли. Олимпъ исключалъ возможность неба и по необходимости ограничивалъ науку, хотя наука давно уже его отвергла. Отъ того погибло высокое знаніе о движеніяхъ земли-планеты около неподвижнаго солнца, полученное Пифагоромъ отъ жрецовъ Востока, и небознаніе оставалось въ состояніи дѣтства сравнительно не только съ другими науками Эллады, но даже съ астрономіею другихъ менѣе просвѣщенныхъ народовъ; это видно изъ превосходства древнихъ Восточныхъ цивилъ передъ Эллипскимъ. Исламизмъ раздвигалъ предѣлы міра и человѣческаго духа. Небеса становились шире и свободнѣе. Астрономія Аравитянъ могла открыть и открыла себѣ новые пути.

На Востокъ жизнь явилась сильнѣе и разнообразнѣе. Тамъ была древняя земля Иранская, древнее преданіе живаго слова. И тутъ развилась наука, и развилась богаче, чѣмъ на Западѣ.

Такъ напр. Авицена (Эбнъ-сина), признаанный въ позднѣйшее время свѣтиломъ мудрости мусульманской на Западѣ, считался далеко не первымъ изъ пяти ученыхъ, которые посланы были шахомъ Ховарезискимъ вмѣсто дани ко двору великаго Махмуда Газнійскаго.

Но кромѣ науки на Востокъ проснулось и художество слова, и проснулось именно въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ издревле шло наследственное просвѣщеніе отъ доисторической Бактріи

черезъ эпоху Зендской реформы и Эллино-Бактрійскаго царства до нашествія Аравійскаго. Давно уже исчезли или выселились или перемѣшались съ другими племенами коренные жители восточнаго Ирана, Бактро-Славяне, во кроткій духъ этого племени, любившаго всякое просвѣщеніе, вѣялъ надъ странюю, въ которой они жили, и надъ народами, въ которыхъ текла еще ихъ кровь и отзывалась ихъ давно забытая жизнь. При дворѣ Сассанидовъ расцвѣла поэзія, уже не связанная съ Аравійскимъ началомъ, но свободная, самостоятельная, говорящая языкомъ народа. При дворѣ Газневидовъ Фердоуси въ своемъ Шахъ-Наме воскресилъ память о древнемъ героическомъ мірѣ Персіи, и языкъ, изъ котораго онъ выгонялъ сколько возможно примѣсь Аравійскаго слова, сдѣлался въ послѣдствіи языкомъ всей Персіи. Такъ древній міръ отзывался въ просвѣщеніи новаго магометанскаго міра: мѣстныя начала оживали съ силою только тамъ, гдѣ они нѣкогда жили крѣпкою, самобытною жизнію.

Въ другихъ областяхъ или совсѣмъ не было поэзіи, или она оставалась чистымъ отзвукомъ завоевательной Аравіи и связанною съ ея языкомъ.

Точно также древній міръ отзывался и въ явленіяхъ государственной исторіи. Испанія отдѣлилась отъ Африки; въ Африкѣ новыя царства охватывались границами весьма близкими къ границамъ старыхъ погибшихъ царствъ. Египетъ получалъ снова свое великое значеніе, Аравія снова впадала въ свое государственное ничтожество. Сирія, бывшая долгое время центромъ халифата, теряла свое случайное первенство и по прежнему обращалась въ черезполосное владѣніе, дробимое между Египтомъ и новыми Заевфратскими государствами. Наконецъ Персія, уничтоженная Аравитянами и стертая съ лица земли, воскресала снова и брала прежнее свое мѣсто между народами Востока. Большая часть новыхъ династій вышли изъ Персидскаго племени; многіе хвалились происхожденіемъ отъ прежней династіи Персидскихъ Сассанидовъ,

которые сами считали себя только продолженіемъ древнихъ Кеанидовъ.

Это видно изъ многихъ свидѣтельствъ и между прочимъ изъ показаній Китайцевъ во время Сассанидовъ, что въ столицѣ Азовъ (*Аланъ-ми*) царствуетъ государь изъ рода *Као-ву*, очевидно *Кай-кавуса* (едва ли не *Камбиза*).

Древній Иранъ Мидо-Персидскій былъ еще разорванъ на части соперничествомъ болѣе или менѣе ничтожныхъ династій (*Дилеймитовъ*, *Гамаданидовъ*, *Буидовъ*, *Саффаридовъ* и др.), но онъ стремился снова слиться въ государственное единство и это единство было даже на время восстановлено кроткою, но слишкомъ недолговѣчною династіею Саманидовъ. Многое еще грознѣйшее должно было пропестись надъ Персіею прежде ея возрожденія.

Персія.
Газневиды; завоеваніе Индіи мусульманами.

Внѣшняя завоевательная дѣятельность ислама должна была ослабнуть послѣ распадѣнія халифата; внутренняя, какъ уже сказано, развивалась съ неожиданнымъ блескомъ, не смотря на смуты и междоусобія; но и внѣшняя была не совсѣмъ убита. Саффариды, а еще болѣе Саманиды распространили власть свою на сѣверо-востокъ за предѣлы древней Персіи и подчинили себѣ многія Турецкія племена. Правда, что въ первые вѣка Аравійской силы еще гораздо далѣе ходили дружины халифовъ (напр. войска Аль-Мансура доходили до столицы Китая); но власть Саманидовъ была положительнѣе и вліяніе ихъ на Турецкое племя сильнѣе.

Свидѣтельство важности державы Саманидовъ и безпрестанныхъ сношеній съ нею народовъ на сѣверо-востокъ, сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Каспія находится уже и въ томъ, что большая часть монетъ, находимыхъ по Волжскому торговому пути и на его крайнихъ предѣлахъ около Казани, Новгорода, на берегахъ Балтійскаго моря, въ Швеціи и Вендскомъ приморьѣ, принадлежатъ Саманидамъ. Есть при нихъ и монеты первыхъ временъ халифата; но изъ того, что монеты Саманидовъ многочисленнѣе всѣхъ другихъ можно заключить,

что главное торговое движеніе по Волгѣ шло отъ востока и отъ Пригиммалайскихъ областей и слѣдовательно должно было усиливаться во время усиленія и новой самостоятельности восточнаго Ирана. Впрочемъ смѣшно бы было предположить, что это торговое движеніе началось съ эпохи Аравійскихъ завоеваній. Въ первые вѣка Аравитяне не думали еще о торговлѣ и могли только вступить въ путь, уже издавна проложенный другими народами. Дѣйствительно, Волжскій торговый путь современенъ самому началу историческихъ вѣговъ, но торговля долго производилась размѣномъ, а не монетою, и не могла оставить по себѣ такихъ несомнѣнныхъ памятниковъ, какъ въ послѣдующіе вѣка.

Еще грознѣе и блистательнѣе было поприще недолговѣчной династіи Газневидовъ. Основанная въ пригорьяхъ Гиммалая Махмудомъ, сыномъ Себектегина, Турецкаго наемника въ войскахъ Саманидовъ, она не долго пережила своего основателя; но при немъ она достигла могущества и славы, которыя даютъ ей почетное мѣсто въ исторіи. Рядомъ побѣдъ и подвиговъ военныхъ покорилъ онъ власти своей всѣ области, принадлежавшія Саманидамъ до западныхъ границъ Персіи, отодвинулъ на сѣверо-востокъ Турецкія орды, уже готовившіяся затопить всю юго-западную Азію, и нанесъ окончательный ударъ самобытности сѣвернаго Индустана. Въ началѣ одиннадцатаго столѣтія пала гроза на Индію, въ продолженіи десяти вѣковъ, т. е. со времени Сако-Бактрійскаго нашествія, избѣгшую иноземнаго ига. Страшенъ былъ ударъ ислама, безсильно, но не безславно сопротивленіе Индустанцевъ. Въ продолженіи слишкомъ 20-ти лѣтъ длилась неравная борьба. Слабое племя Индустанскихъ равнинъ собиралось несмѣтными толпами умирать за родину и за святыню своихъ храмовъ: но войско Махмуда было не много чѣмъ малочисленнѣе этихъ нестройныхъ ополченій, привычно къ войнамъ и къ побѣдамъ, составлено изъ народовъ крѣпкихъ духомъ и тѣломъ (какъ напр. Турки и Афганы), исполнено фанатической ревности къ исламу и страстной ненависти къ идолопоклонству, жадно къ добычѣ и къ славѣ и управляемо желѣзною волею всевластнаго и искуснаго вожда. Побѣда была несомнѣнна. Жестоко

опустошены были всѣ области сѣвернаго Индустана, расхищены всѣ его сокровища, разрушены великолѣпные храмы, перерѣзаны или уведены въ плѣнъ милліоны жителей, и исламизмъ сталъ надолго твердою ногою во всей прекрасной странѣ между Гангомъ и Индомъ. Силы духовныя Индіи были уже истощены. Борьба брахманства и буддизма, кончившаяся побѣдою брахмановъ, была послѣднимъ усиліемъ внутренней жизни, усиліемъ бесплоднымъ и столько же губительнымъ для религіи побѣдителей, сколько и для побѣжденныхъ. Ни одно новое живое начало не возникло, ни одна держава не могла укрѣпиться на безжизненной землѣ; религія, нѣкогда исполненная глубокихъ взглядовъ на міръ и высокихъ стремленій, дошла до своего крайняго развитія и огрубѣла въ бессмысленныхъ обрядахъ заклинанія у народа, въ безстыдныхъ обманахъ у жрецовъ. Исторія Индіи была кончена: она должна была покориться иноземнымъ началамъ и ждать отъ другихъ народовъ рѣшенія судьбы своей. Газневиды основали въ Индустанѣ царство, которое существовало около двухъ столѣтій; ихъ смѣнила Персидская династія Гуридовъ; за нею послѣдовали династіи Хильджитовъ, Афгановъ и другія; наконецъ Бабериды. Южный Деканъ, прежняя земля Кушитовъ, уже давно подчинившаяся превосходству Иранской стихіи, никогда не входитъ вполнѣ въ составъ великихъ государствъ, основанныхъ Турецкими или Монгольскими завоевателями. Его спасали цѣпи горъ, воинственный духъ жителей, частые раздоры внутри сѣверныхъ державъ и особенно расслабляющее вліяніе климата и нѣги Пригангесской стороны на мусульманскихъ владетелей; но ничто не могло спасти его отъ частыхъ набѣговъ отдѣльныхъ дружинъ. Мало-по-малу вторгались съ сѣвера воинственные племена, укрѣпляясь въ горахъ или на берегахъ морскихъ, подчиняя власти своей окрестныхъ туземцевъ, основывая мелкія царства, губя многое, не создавая ничего. Такова была грустная судьба Индустана въ продолженіи осьми вѣковъ. Наконецъ и исламъ утратилъ всѣ силы свои. Христіанскія державы управляютъ судьбами всего міра. Просвѣщенная Англія замѣнила расчетливою властію грубое иго магометанъ. Индустанъ сталъ несчастнѣе прежняго.

Въ землѣ брахмановъ эра ислама началась съ великаго Газневида: ему повиновалась вся Персія; его столица была чудомъ Востока; кругомъ его цвѣли поэзія, художества и науки: но это царство было послѣднимъ усиліемъ Персо-Аравійскаго міра. Держава, основанная Махмудомъ въ Персіи, распалась уже при дѣтяхъ его. Неизвѣстно, кто первый, онъ ли или сынъ его Массудъ принялъ титулъ султана, столь прославленный въ послѣдствіи: но во всякомъ случаѣ этотъ султанатъ былъ весьма непродолжителенъ.

Есть еще другой титулъ, который встрѣчается въ исторіи Востока и особенно въ исторіи Газневидовъ и заслуживаетъ вниманія. Это титулъ князей горняго Гарджестана, *Шаръ*. Онъ стоитъ очевидно какъ посредствующее звено между титуломъ *Царь* и титуломъ *Шахъ* и доказываетъ восточное происхожденіе всѣхъ этихъ названій, которыхъ корень по видимому долженъ находиться въ словѣ *zend. serъ* голова. Трудно рѣшить, не есть ли самое слово *Шейхъ* только дальнѣйшее искаженіе слова *Шахъ*.

Начало
Турецкихъ за-
воеваній.
Сельджуки.

При Массудѣ пала гроза на Персію отъ новаго народа, еще не являвшагося до тѣхъ поръ въ исторіи міра, но призваннаго къ великимъ судьбамъ. Исламизмъ торжествовалъ при Аббасидахъ не одною силою меча: онъ торжествовалъ еще болѣе силою слова и проповѣди. Новое ученіе было занесено далеко въ глубь Азіи. Отвергнутое упорнымъ невѣжествомъ Индустанцевъ, не сомнѣвающихся еще въ своемъ произвольномъ синкретизмѣ, и самодовольнымъ философствованіемъ Китая, не потрясеннаго еще силою аналитическихъ вопросовъ, не принятое Монгольскими племенами, къ которымъ уже проникъ сильный ламаизмъ, оно нашло ревностныхъ послѣдователей въ Тюркскихъ вѣтвяхъ Финно-Турецкаго племени. Рожденное въ народѣ кочевомъ и воинственномъ, оно быстро овладѣло душою кочеваго и воинственнаго народа. Турки, пробужденные Аравією, были призваны принять наслѣдство отъ ослабѣвшихъ Аравитянъ и продолжить жизнь ислама съ меньшимъ блескомъ и достоинствомъ (ибо они всегда оставались чуж-

дыми просвѣщенію, человѣчности и поэтическому восторгу Аравіи), но съ болѣе упорною силою односторонней и желѣзной воли. На востокъ побѣды Аббасидовъ распространили власть ихъ далеко за предѣлы древняго Ирана: многія Тюркскія семьи платили имъ дань и служили въ ихъ войскахъ; но покоренные вскорѣ свергли временное иго. Въ областяхъ за Сыръ-Даріею, гдѣ въ V-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. уже было кочевое средоточіе великой державы, охватывавшей большую часть Средней Азіи и сѣверо-восточные берега Чернаго моря, стали возникать новыя царства съ неопредѣленными границами, съ вѣчно измѣняющимся составомъ, но большей части основанныя единственно на случайномъ преобладаніи одного какого-нибудь рода или лица передъ другими, всегда готовые пасть, но за то и всегда готовые скониться въ огромные союзы или ринуться неудержимымъ потокомъ на страны благодатнаго юга. Въ концѣ X-го вѣка одинъ изъ этихъ полу-вольныхъ, полу-невольныхъ союзовъ достигъ необыкновенной силы и громадныхъ размѣровъ подъ правленіемъ Багратъ-хана (болѣе извѣстнаго подъ именемъ Гаруна) и сына его Илекъ-хана. Ревностные къ исламу, смѣлые и искусные въ дѣлѣ военномъ, они подчинили власти своей почти всѣ другія племена Тюркскія и даже Монгольскія до самыхъ границъ Китая, снова слабѣющаго подъ державою Сунгъ. Столкновеніе съ Аравійскимъ міромъ, борьба и дружба съ народами просвѣщенными (Китаемъ и Персіею) развивали мало-по-малу въ Средней Азіи бѣольшую способность къ устройству государственному и готовили ту грозу, которая должна была позднѣе обрушиться на всю западную Азію и восточную Европу. Гарунъ, кочевой владыка кочевыхъ племенъ, не былъ уже дикаремъ. вмѣстѣ съ религіею пропикли въ пустыню начала просвѣщенія и если не любви къ наукамъ, которая никогда не была доступна Тюркскимъ семьямъ, то по крайней мѣрѣ нѣкотораго уваженія къ трудамъ человѣческой мысли. Гарунъ распространялъ мечемъ не только власть свою, но и вѣру, или по крайней мѣрѣ преобладаніе народовъ, исповѣдующихъ ее, надъ народами, непринимающими ея; его побѣды были тор-

жествомъ исламизма, дѣйствиємъ сая, пробужденныхъ Аравійскою мыслию; но въ то же время онѣ обозначили начало эпохи, въ которую ослабѣвшія Персія и Аравія должны были уступить превосходству Тюркскихъ племенъ. Раздоры восточнаго Ирана призвали Илекъ-хана къ завоеваніямъ на югъ. Нѣсколько разъ рѣшалъ онъ властнымъ словомъ или силою дружинъ споры между слабыми преемниками Саманидовъ, Буидовъ и другихъ Персидскихъ династій. Наконецъ онъ двинулъ свои несмѣтныя полчища съ очевиднымъ намѣреніемъ утвердить уже не чужую, а свою собственную власть надъ восточною Персіею. Военное превосходство и душевная сила Турецкаго племени были уже давно доказаны. Турецкія наемники долго правили судьбою халифовъ. Турокъ Тулунъ основалъ династію, временно правившую Египтомъ; другія мелкія династіи въ Персіи также вели свое начало отъ Турецкихъ выходцевъ. Торжество Илекъ-хана казалось несомнѣннымъ; но паденіе Персіи было отсрочено еще на нѣсколько лѣтъ. Представителемъ ея въ то время былъ великій Махмудъ Газневидъ, родомъ Турокъ, также какъ и Илекъ-ханъ, но уже принявшій въ себя все начала и всю духовную жизнь своего новаго отечества. Сотни тысячъ встрѣчались съ сотнями тысячъ въ равнинахъ восточнаго Ирана. Одно войско шло изъ холодныхъ сѣверо-восточныхъ пустынь, другое изъ знойныхъ равнинъ Индіи и изъ горъ неукротимаго Афганистана. Въ обоихъ сражались воинственные Турки. Вожди ихъ были оба грозные, до тѣхъ поръ непобѣжденные, завоеватели. Махмудъ одолѣлъ; Илекъ-ханъ бѣжалъ за Джигувъ въ свои родныя степи. Персія была спасена, но ненадолго: едва умеръ Махмудъ, и царство его распалось. Восточное пригорье досталось въ руки новой династіи Персидскихъ Гуридовъ, которые въ послѣдствіи разрушили и царство, основанное Газневидомъ въ Индустанѣ. Главная же часть державы Махмудовой, т. е. все владѣнія его въ Персіи, перешла въ руки новыхъ пришельцевъ, Турокъ-Сельджукидовъ. Сельджукъ, давшій имя своему новому царству, былъ выходецъ съ сѣвера и родомъ едва ли не Монголъ. Его семья искала убѣжища отъ преслѣдованія родовыхъ

непріятелей въ области Турокъ на берегахъ Джигуна и скоро составила отдѣльную дружину или орду. Сельджукъ вступилъ въ службу къ Махмуду и толпы Турецкихъ наемниковъ окружили вождя, отличавшагося мужествомъ и искусствомъ. Послѣ смерти перваго Газневиды родъ Сельджуковъ, пользуясь раздорами его сыновей и потомъ удаленіемъ султана Массуда въ Индустанъ, основалъ независимую державу. Массудъ возвратился, но уже слишкомъ поздно. Персія давно уже была покрыта дружинами Тюркскими, служившими во всѣхъ войнахъ и всѣмъ династіямъ. Эти дружины примкнули къ Тогрулю, сыну Сельджукову. Несмѣтное множество новыхъ воиновъ спѣшили изъ-за Джигуна присоединиться къ нимъ на поприщѣ, гдѣ ихъ ожидали власть, слава и особенно корысть. Массудъ былъ побѣжденъ. Побѣдители Сельджукиды покорили всю Персію, часть Сиріи и Малой Азіи, взяли подъ свою опеку дряхлое имя халифовъ, которымъ впрочемъ въ своей простодушной ревности къ исламу они оказывали гораздо болѣе уваженія, чѣмъ ихъ прежніе покровители Буиды или Гамадиды, и основали сильную державу, прославленную блистательными именами Тогруля, Альпъ-арслана, Малекъ-шаха и Санджара. Эта первая Турецкая династія отличалась во многихъ отношеніяхъ отъ всѣхъ послѣдующихъ. Предпримчивая и воинственная какъ позднѣйшіе Оттоманы, она соединяла кротость и какое-то рыцарское благородство съ своими воинскими достоинствами; она покровительствовала наукамъ и искусствамъ; наконецъ она показывала склонность къ просвѣщенію, которой нѣтъ и слѣда въ другихъ Турецкихъ династіяхъ. Это различіе не трудно объяснить. Сельджуки прорвали оплотъ, который сдерживалъ Тюркское племя въ пустыняхъ Заджигунскихъ. Неудержимымъ потокомъ устремились орды одна за другою на давно желанныя, но долго недоступныя страны, тѣсня другъ друга, опустошая и губя, осѣдая на завоеванныхъ областяхъ, но не плодотворя ихъ, всегда готовая къ кочеванію даже послѣ вѣковой осѣлости, удивляя міръ желѣзною крѣпостью и упорствомъ воли, ужасая его своею жестокостью и отсутствіемъ сочувствія съ другими

племенами. За Турками братья ихъ Узы (безъ сомнѣнія наши Половцы), за ними обломки мѣшаныхъ Уйгурскихъ союзовъ, за ними оторванныя семьи Кидапскихъ Татаръ, и за ними наконецъ Монголы, самое страшное явленіе всемірной исторіи. Всѣ эти позднѣйшіе завоеватели юго-западной Азіи приходили изъ безконечной пустыни, гдѣ кочевали ихъ предки, чуждые всякаго просвѣщенія и государственнаго устройства по своему характеру и образу жизни, всегда равнодушные, а по невольнымъ столкновеніямъ почти всегда враждебные ко всему остальному міру: но Сельджуки или ихъ дружины, открывшіе путь завоеваній, давно уже ворвались въ область, нѣкогда принадлежавшую народу кроткому и просвѣщенному (по крайней мѣрѣ въ смыслѣ бытоваго просвѣщенія). Они жили въ продолженіи осьми или девяти вѣковъ въ роднѣхъ восточнаго Славяно-Бактрійскаго племени Саковъ, великихъ Гетовъ и Вендовъ; они безъ сомнѣнія приняли въ свой составъ часть древняго народонаселенія, не истребленнаго войною или не выселившагося далѣе на сѣверо-западъ подъ именами Гунновъ или Болгаръ, и вмѣстѣ съ этой примѣсью народной стихіи они приняли часть ея умственной и духовной жизни. Въ послѣдствіи тѣ же самыя семьи, подвигаемыя впередъ нажимомъ другихъ Средне-Азійскихъ племенъ и пользуясь паденіемъ Персидскихъ и Арабскихъ династій, стали твердою ногою въ между-рѣчьи Аму- и Сыръ-Дарьи, въ древней колыбели всего восточнаго просвѣщенія. Тутъ снова подверглись они по необходимости тому вліянію древняго міра на новый, который замѣтенъ во всѣхъ явленіяхъ и во всѣхъ подробностяхъ явленій историческихъ; и когда паденіе Саманидовъ открыло путь на юго-западъ, Сельджукиды завоеватели (напр. Альпъ-арсланъ и Малекъ-шахъ) явились не совсѣмъ недостойными преемниками своихъ просвѣщенныхъ предшественниковъ. Это вліяніе восточнаго Ирана не могло быть замѣтнымъ въ другихъ племенахъ, проходившихъ черезъ него съ быстротою потока; но оно всегда отзывалось на всѣхъ его постоянныхъ владѣльцахъ отъ Саффаридовъ и Саманидовъ до потомковъ Тимуръ-аксака, изъ которыхъ вышла династія Бабридовъ, быть можетъ са-

мыхъ просвѣщенныхъ властителей, когда либо сплѣвшихся на какомъ нибудь престолѣ.

Разумѣется, это просвѣщеніе царскихъ родовъ должно быть судимо только въ сравненіи къ подданнымъ, а не къ общему просвѣщенію человѣческаго рода. Точно также должно замѣтить, что движеніе къ наукамъ въ правителяхъ Тюркскаго племени нисколько не противорѣчитъ общей характеристикѣ Турокъ, всегда враждебныхъ къ просвѣщенію. Государя въ завоеванной землѣ скоро принимаютъ характеръ всей земли и отдѣляются отъ своей правительственной дружины. Такъ Меровинги принадлежатъ болѣе Галло-Римлянамъ, чѣмъ Франкамъ, и дружина Монголо-Турецкая Тимуридовъ сохраняетъ свою родовую дикость, между тѣмъ какъ государя становятся во главѣ просвѣщенія и окружаютъ себя учеными, вышедшими почти безъ исключенія изъ побѣжденнаго Иранскаго племени.

Не долго властвовали и Сельджуки. Съ небольшимъ черезъ столѣтіе послѣ Тогруля, въ половинѣ XII-го вѣка погибла и держава его потомковъ. Побѣжденные новою династією Ховарезмскою и выгнанные изъ всѣхъ своихъ восточныхъ владѣній, они были заключены въ тѣсныя предѣлы своихъ западныхъ завоеваній, въ горную середину Малой Азіи, вырванную ими у Византійцевъ во время своего краткаго могущества; но явленіе Сельджуковъ составляетъ важную эпоху во всемірной исторіи. Побѣды ихъ нанесли Византіи ударъ, отъ котораго она никогда уже не могла оправиться, дали народамъ мусульманскимъ твердую опору у самыхъ границъ Европы, въ гористой и почти неприступной области, откуда они могли уничтожать и дѣйствительно уничтожали безчисленные полчища крестоносцевъ, наконецъ открыли путь всѣмъ другимъ племенамъ западной Азіи и положили предѣлы преобладанію и почти всей исторической дѣятельности народовъ, которыхъ наука назвала весьма пропзвольно Семитическими, и всего Персо-Аравійскаго міра.

Конечно, послѣ Сельджуковъ еще нѣсколько времени живетъ царство Гуридовъ, изрѣдка проявляется не безъ славы имя Афгановъ

и династія Ховарезмская (едва ли не Персидская по крови) достигла временнаго величія, не уступавшаго ни Сельджукамъ, ни Газневидамъ; но царство Гуридовъ представляетъ только слабый остатокъ умирающей жизни Ирака, Афганы составляютъ незначительный эпизодъ въ исторіи, а Ховарезмійцы, каково бы ни было ихъ происхождение, опираются на дружину безъ сомнѣнія Турецкую. Въ позднѣйшее время Персія возстала снова въ силу законовъ историческихъ, о которыхъ уже сказано; но она въ свѣтъ возрожденія уже не имѣла дѣятельной энергіи прежнихъ эпохъ, едва могла отстоять свое собственное существованіе и осталась до нашего времени землею полу-Турецкою.

Распро-
стране-
ніе исла-
ма между
Хазара-
ми и Бол-
гарами
Волжски-
ми.

Сила Мусульманской проповѣди и средство ученія Аравійскаго съ духомъ племенъ Турецкихъ проявились не въ одной За-каспійской области; Хазары (вѣроятно высшія и правительственныя сословія, которыя были безъ сомнѣнія отдѣленіемъ Финно-Турецкихъ семей) приняли радушно магометанство. Этотъ народъ представляетъ фактъ почти единственный въ исторіи—почти одновременное пріятіе трехъ разныхъ вѣрованій: исламизма, еврейства и христіанства.

Эпоху всѣхъ этихъ обращеній опредѣлить нельзя съ достовѣрностью, но можно усмотрѣть изъ случаевъ, упоминаемыхъ лѣтописцами, что введеніе различныхъ религій у Хазаровъ происходило въ эпохи педалекія другъ отъ друга.

Нѣтъ сомнѣнія, что преобладающее вѣроисповѣданіе у Хазаровъ было еврейское. На это сохранились неоспоримыя доказательства не только въ лѣтописяхъ, но и въ перепискѣ Евреевъ Испанскихъ съ іудействующими царями Хазарскими; но точно также мы имѣемъ неоспоримыя свидѣтельства о Хазарахъ-христіанахъ, подтвержденные и тѣмъ обстоятельствомъ, что императоры Византійскіе вступали въ брачныя союзы съ владѣтелями Хазаріи, а при тогдашней строгости религіозныхъ понятій невозможно предполагать брачный союзъ императора съ еврейкою или могометанкою. Быть можетъ, христіанство

введено было къ Хазарамъ изъ остатковъ Греческихъ колоній, завоеванныхъ ими, быть можетъ оно принадлежало болѣе народу побѣжденному или увлеченному въ невольные походы, кореннымъ Бактрійцамъ или Индо-Славянамъ (*Хаза* или *Хазарахъ*), чѣмъ владѣтельному племени Финно-Турецкому; но нѣтъ никакого сомнѣнія изъ вышесказаннаго факта въ томъ, что и царскій домъ и слѣдовательно высшія сословія не вполне оставались чуждыми этому вѣрованію. Магометанство введено было по видимому нѣсколько поздиѣ и распространилось не сильно; оно вѣроятно сдѣлалось ученіемъ тѣхъ воинственныхъ отдѣловъ народа, которые, сохранивъ болѣе другихъ кочевой бытъ свой и дикіе нравы пустыни, не были захвачены еще ни ученіемъ Моисея, ни вѣрою христіанскою. Какъ бы то ни было, эти особенности народа Хазарскаго указываютъ въ одно время и на многостихійность его и на нѣкоторую кротость нравовъ и на силу религіозныхъ началъ, вышедшихъ изъ Иранскаго корня.

Мельшій успѣхъ христіанства въ сравненіи съ еврействомъ и магометанствомъ въ землѣ Хазарской объясняется вѣроятно болшею видимою многосложностью его и склонностью племенъ Тюркскихъ къ неразвитымъ понятіямъ единобожія, сходнаго съ ихъ древнею вѣрою и преданіемъ.

Еще важнѣе былъ успѣхъ исламизма у другаго народа, который властію, долговѣчнымъ существованіемъ и историческимъ значеніемъ далеко превосходитъ Хазаръ, у Болгаръ Приволжскихъ или великихъ. Въ IX-мъ вѣкѣ приняли они Аравійскихъ проповѣдниковъ и покорились ихъ вдохновенному краснорѣчію. Самый этотъ успѣхъ магометанства доказываетъ (если еще нужны доказательства) Тюркскій составъ народа и соотвѣтствуетъ общему движенію умовъ во всемъ Тюркскомъ племени. Новое ученіе не проникло къ другимъ народамъ или не было ими принято.

Причина такого явленія можетъ заключаться не только въ отвлеченной сущности разныхъ племенъ, или въ нравахъ, исторіи и преж-

ней религии, которыми они были приготовлены къ такой то или другой новой формѣ религии, но и въ самихъ проповѣдникахъ, знакомыхъ только съ нѣкоторыми нарѣчіями ближайшихъ изродовъ. Такъ напр, Аравитяне были безъ сомнѣнія весьма свѣдущи въ языкѣ Турокъ, составлявшихъ охраняющую дружину и значительную часть войскъ у халифовъ, и по всей вѣроятности чужды нарѣчіямъ далекыхъ Финновъ и мѣшаныхъ Финно-Турецкихъ семей. Такая простая причина служить еще лучшимъ объявленіемъ и доказательствомъ историческаго факта, чѣмъ выводъ изъ характеристики народной.

Введеніе исламизма въ Болгарскую землю и записки Аравитянъ объ ней бросаютъ новый свѣтъ на исторію При-волжія. Во первыхъ мы видимъ, что имя Болгарь или Волгарь, котораго истинное произношеніе не подлежитъ сомнѣнію по множеству свидѣтельствъ разноязычныхъ (Франкскихъ, Византійскихъ и Русскихъ) не было именовъ властвующаго племени Турецкаго, ибо оно само не умѣло даже сохранить его въ чистотѣ, называя себя то Белирами, то Булярами, то другимъ названіемъ, болѣе или менѣе искаженнымъ. Во-вторыхъ, выводы о славянствѣ той подпочвы, на которую легъ Турко-Уйгурскій наплывъ, основанные, какъ уже сказано, на сличеніи свидѣтельствъ многихъ народовъ (между прочимъ Китайцевъ) подтверждаются вполне собственнымъ сознаніемъ властвующаго племени и Славянскимъ титуломъ царя. Наконецъ торговое движеніе, которое Аравитяне не создали, но уже нашли на Волгѣ, слава складочнаго мѣста Ладоги на сѣверѣ и всѣ рассказы ученыхъ путешественниковъ представляютъ темную эпоху древней Русской земли въ такомъ свѣтѣ, въ которомъ не привыкла ее разсматривать современная намъ ученость.

Напр, свидѣтельство о томъ, что русскій гость, умершій въ Болгаріи, былъ похороненъ по языческому обычаю своей земли и что на его могилѣ поставленъ былъ столбъ съ надписью, явно свидѣтельствуетъ о существованіи письменъ (безспорно не Кирилловскихъ) въ языческой Руси.

Торговое значеніе и процвѣтаніе Великихъ Болгаръ очевидно совпадаетъ съ преданіями Германцевъ о существованіи на

востокъ (и именно въ той же странѣ, въ которой былъ городъ Болгары) города *Хунабъ*, точно также какъ рассказы о богатой Біарміи подтверждаются остатками нѣкогда процвѣтавшихъ Пермскихъ городовъ, на пепелищѣ которыхъ и теперь еще находятся слѣды промышленности и какой-то роскоши, съ монетами, свидѣтельствующими о сношеніяхъ съ Аравійскими просвѣтителями или завоевателями Каспійскаго приморья. Съ другой стороны приписывать всю эту торговую дѣятельность очевидно нельзя ни Туркамъ, племени кочевому и градоразорительному, которое обращается въ городское и отчасти торговое населеніе только подъ долговременнымъ вліяніемъ другихъ, болѣе мирныхъ и просвѣщенныхъ племенъ, ни Финнамъ, которые во всѣхъ своихъ видахъ отъ воинственнаго Мадыра до кроткаго Карела не представляютъ ни малѣйшей склонности къ жизни промысловъ и расчетливыхъ заботъ. Властвующее сословіе у Болгаръ принадлежитъ безспорно племени Тюркскихъ Уйгуровъ: Финны могли бы составлять только труженническую и мирную подпочву, сохранившую всѣ древнія привычки общенія съ югомъ За-каспійскимъ и сѣверомъ При-балтійскимъ; но во-первыхъ, такое предположеніе, допускающее исключеніе изъ общей характеристики народа, носитъ уже въ себѣ признаки невѣроятности, во-вторыхъ оно опровергается всѣми данными, дошедшими до насъ съ разныхъ сторонъ. Оно опровергается славянствомъ Гупновъ, предшественниковъ Болгаръ на Волгѣ, яснымъ показаніемъ самихъ владѣтелей Болгарскихъ, носившихъ Славянской титулъ и имя владѣтелей Саклабовъ (Славяны); свидѣтельствомъ Китайцевъ о поочередномъ властвованіи Алашъ-ми (Сарматовъ), Веппаша (Сако-Гетовъ Бактрійскихъ) и Чшесе (Уйгуровъ); наконецъ оно опровергается совершенно всѣми показаніями о Болгарахъ Придунайскихъ въ первое ихъ проявленіе (напр. тѣмъ, что ихъ принимаютъ за Славянъ и убиваютъ въ Баваріи, давно знакомой съ Славянами, что они поселяются въ Италіи и никакихъ слѣдовъ, ни Финскихъ ни Турецкихъ, не оставляютъ, но сливаются немедленно съ мѣстною стихією, въ которой,

какъ извѣстно, въ то время и очевидно даже искони славянство было весьма сильно).

О безспорной примѣси Финно-Турецкаго начала даже въ раннюю эпоху Болгаріи можно бы было догадаться даже а priori по движенію Уйгурскихъ семей изъ средней Азіи на Приволжіе, но кромѣ априористическаго доказательства мы уже видѣли свидѣтельство Китайцевъ, которое относится ко всѣмъ восточно-Славянскимъ племенамъ и, очевидно, болѣе всего къ позднѣйшимъ переселенцамъ на западъ—Гуннамъ и ихъ потомкамъ Болгарамъ. Слѣдовательно слѣды именъ Тюркскихъ или Финно-Турецкихъ, и слѣды нѣкоторыхъ не Славянскихъ обычаевъ не только могутъ, но и должны проходить между явными признаками славянства, тѣмъ болѣе что примѣсь иноплеменная была особенно сильна или въ высшемъ сословіи или въ дружинѣ, слѣдовательно должна была рѣзко выдвигаться впередъ при всякомъ соприкосновеніи съ другими народами и при всякой исторической дѣятельности. Этимъ не можетъ смущаться просвѣщенная критика, не довольствующаяся однимъ сводомъ Европейскихъ и одновременныхъ лѣтописей.

Волжская
Болгарія
и Русь.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что принятіе исламизма Болгарамъ должно было дать народу и сильнѣйшую дѣятельность и большее стремленіе къ завоеваніямъ, особенно при общемъ движеніи Тюркскихъ племенъ на западъ; и дѣйствительно, замѣтны нѣкоторыя попытки Болгаръ на распространеніе области своей (напр. при взятіи Муромы); но эта дѣятельность была остановлена учрежденіемъ новаго государства Славянскаго, призваннаго къ великимъ историческимъ судьбамъ.— Учрежденіе этого государства или совокупленіе всѣхъ Славянскихъ семей отъ Балтики до Чернаго моря въ одинъ общественный союзъ подъ именемъ и предводительствомъ князей изъ рода Руссовъ совпадаетъ съ обращеніемъ При волжской Болгаріи къ исламизму. Болгары встрѣтили на западѣ противниковъ, съ которыми долго боролись, но которымъ они должны были окончательнѣ уступить побѣду, и поворожден-

ная Русь удержала въ то время напоръ Тюркскихъ племенъ въ Приволжїи, точно также какъ и послѣ удержала ихъ напоръ съ береговъ Каспія и Чернаго моря (во время Половецкаго нашествія), какъ еще позже она отстоялась отъ другихъ Тюркскихъ семей (во время Татаръ) и какъ наконецъ почти въ наше время уничтожила силу Турокъ дома Османова.

Всѣ эти происшествія, принадлежащія къ ясно-исторической эпохѣ объясняютъ намъ другія происшествія ранней эпохи: именно нашествіе мнимыхъ Скиновъ (Финно-Турецкихъ *Сколотовъ*) на землю дѣйствительныхъ Скиновъ (*Сакъ-Теоа* или *Сако-Гетовъ*), т. е. Славянъ, временное владычество этихъ завоевателей и послѣдовавшее ихъ истребленіе или изгнаніе изъ великой Славянской страны. Точно также объясняется и еще древнѣйшій прорывъ Западно-Иранскихъ Кимзровъ-Іетуновъ съ юга въ область искони Славянскую, и позднѣйшій прорывъ Средне-Иранскихъ Сарматовъ (*Аланъ-Азовъ*, у Кляйцевъ *Аланъ-ми*), помогавшихъ сперва Славянамъ въ изгнаніи Сколотовъ, потомъ первенствовавшихъ въ землѣ Славянской, и наконецъ изгнанныхъ въ свою очередь старожилами и новымъ приливомъ Балтро-Славянскихъ племенъ, Гунновъ Приволжскихъ и Прикавказскихъ Анговъ, Венедовъ и Сѣверянъ, семей удалившихся изъ своей восточной родины передъ напоромъ Тюркскихъ племенъ и передъ грозой далекихъ восточныхъ завоевателей, Тунгузовъ Сянбійцевъ (мнимыхъ *Сабировъ*).

Соперничествомъ Болгаръ съ новою Русью объясняется, иначе необъяснимое, прекращеніе торговыхъ сношеній между пригорьемъ Гиммалайскимъ и Балтійскимъ поморьемъ. Въ одно и то же время возникали въ Болгаріи новая дѣятельность, пробужденная магометанствомъ, а у сосѣднихъ Славянъ новая сила и новое властолюбіе воинственнаго правительства, приводящаго въ единство разрозненные семьи Придонскихъ, Приднѣпровскихъ, Приволжскихъ и Приволховскихъ старожиловъ. Необходимая вражда замѣнила прежнія торговля и полудружескія сношенія, наследство древняго міра, часто возмущаемое нашествиями съ востока, но всегда возстановившееся

до тѣхъ поръ силою привычекъ и преданія въ народахъ, еще не подчинившихся произволу и себялюбію государственнаго устройства. Торговля Приволжія съ Персіей, Бухарою и Индіею не перерывалась: она вѣроятно еще усилилась отъ единства религіознаго; между тѣмъ всѣ слѣды этой торговли исчезаютъ въ областяхъ сѣверо-западныхъ, по берегамъ Волхова и Балтики. Очевидно, преграды возникли не на югѣ, а на сѣверѣ Болгаріи, т. е. на чертѣ, гдѣ она встрѣчалась съ Варяжскою Русью. Нельзя предполагать въ началѣ одиннадцатаго столѣтія открытіе какого нибудь новаго пути, перетянувшаго къ себѣ древнюю Поволжскую торговлю. Кіевъ охваченный съ востока Половцами и другими племенами воинственныхъ дикарей, не могъ подорвать Новгородскаго торга; онъ и не представляетъ слѣдовъ значительныхъ сношеній съ областями Закаспійскимп. Персія и номорье Палестины точно также не представляли никакихъ новыхъ удобствъ въ концѣ X-го, въ XI-мъ и XII-мъ столѣтіяхъ. Напротивъ того всѣ эти страны, безпрестанно опустошаемыя внутренними и свирѣпыми междоусобіями, опустошаемыя еще болѣе дикимъ своеволіемъ крестоносцевъ, сдѣлались менѣе чѣмъ когда либо доступными мирной торговлѣ. И такъ, очевидно, не виѣшнія, но внутреннія причины прекратили или по крайней мѣрѣ значительно убавили торговля сношенія Новгородской области съ Востокомъ. Эти причины находятся безъ сомнѣнія въ новомъ и воинственномъ устройствѣ государства и въ естественномъ неразуміи властвовавшихъ Варяговъ, учредившихъ пограничныя заставы для временныхъ и худо рассчитанныхъ выгодъ. Умъ и расчетъ торговый уступили мѣсто насилию и дикости полувоеннаго государства.

Нѣтъ сомнѣнія, что усиленіе торговли съ Греціею черезъ Кіевъ могло также повредить торговлѣ съ Востокомъ черезъ Болгарію, но оно не могло ни прекратить, ни даже значительно уменьшить ее.

Древняя Славянская подпочва Приволжскаго населенія была уже почти уничтожена многовѣковымъ преобладаніемъ постоянно усиливавшихся Уйгуровъ. Новое вѣроисповѣданіе

(ислаимзмъ), не чуждое многихъ истинно-человѣческихъ началъ, проникло во все слои общества, возвысило просвѣщеніе, умягчило взаимныя отношенія людей и тѣмъ самымъ окончательно уничтоживъ все видимыя признаки племеннаго различія между побѣжденными и побѣдителями, слило ихъ въ одно цѣлое, запечатлѣнное почти исключительно языковымъ и народнымъ характеромъ высшаго Уйгурскаго собова.

Такова простая причина, почему нашъ Песторъ уже рѣшительно не могъ признать ничего общаго между своею Славянскою родиною и землею Приволжскою. Какой Русскій не книжно ученый угадаетъ свою Славянскую братью въ жителяхъ Ольденбурга—Старграда или Бранденбурга-Брашибора? Племенное начало Славянское держалось долго противъ Германскаго насилія въ сѣверо-восточной Германіи. Этому доказательствомъ служатъ пѣсни и проповѣди Славянскія, еще понятныя въ томъ краю тому лѣтъ сто съ небольшимъ. Нѣмецкое просвѣщеніе въ короткое время уничтожило преграду, сопротивляющуюся многовѣковому угнетенію дикихъ рыцарей и ихъ потомковъ. Тоже самое должно было происходить и на Приволжій, ибо магометанство, какъ извѣстно, сливается въ весьма скорое время побѣжденных и побѣдителей, если оно принято и тѣми и другими; а основаніе и сила позднѣйшаго царства Казанскаго доказываетъ, что почва, на которой оно было создано, была уже глубоко проникнута Ислаимзмомъ. Впрочемъ самое начало Уйгуро-Болгарскаго царства было таково, что между властителями и народомъ не могло быть той жестокой вражды, кака была между Турками-Османліями или Германцами и завоеванными ими народами. Тутъ было прямое насиліе и завоеваніе, а на Приволжій болѣе было тихаго наплыва и медленнаго нагнета чѣмъ военнаго насилія.

Такъ послѣ X-го столѣтія стала мало-по-малу исчезать вся историческая дѣятельность міра Аравійскаго: онъ уступилъ мѣсто свое міру народовъ Тюркскихъ, но новыя дѣятельности всемірной исторіи подчинились вполне духовному закону, полученному ими отъ своихъ великихъ предшественниковъ. Иранское преданіе дома Аврамова, колѣна Измаилитскаго, Христіанство и мусальманство. Причины временнаго преобладанія послѣдняго.

измѣненное вліяніемъ христіанства и еврейства, опредѣлило судьбу воинственныхъ ордъ Средне-Азійскихъ.

Еще большія перемѣны происходили на западѣ въ области христіанской; но эти перемѣны были болѣе внутреннія, чѣмъ вѣшнія. Народы дѣйствующіе оставались тѣ же; жизнь ихъ и характеръ дѣятельности измѣнялись.

Христіанство сдѣлалось вѣрою Римскаго міра: но проникнувъ въ совѣсть и сознаніе частныхъ лицъ, очистивъ отъ части и облагородивъ ихъ домашній бытъ, оно не выразилось и не старалось выразиться въ цѣломъ составѣ общества, въ государствѣ. Древнія формы сохранились, не смотря на явную обветшалость и заковали въ жалкое безсиліе новую духовную жизнь. Великая исторія языческаго Рима тяготѣла надъ Римомъ христіанскимъ. Восточная имперія уцѣлѣла, спасенная силою издревле развитаго просвѣщенія и личностей, соединившихъ въ себѣ наслѣдство Эллинской науки съ духовнымъ просвѣщеніемъ христіанства: но и она должна была клониться къ упадку и погибнуть отъ внутренняго раздора между мыслию и совѣстію всѣхъ частныхъ лицъ со смысломъ и духомъ всего общества. Западная имперія, никогда не имѣвшая самобытной жизни умственной, пала съ обветчаніемъ древнихъ государственныхъ формъ, создавшихъ ее. На развалинахъ ея ослѣди завоеватели Германцы, создавая новыя государства, угнетая завоеванныхъ, но въ то же время мало-по-малу смѣшиваясь съ ними, принимая отъ нихъ начала просвѣщенія и въ смѣшеніи своемъ составляя новыя народы для будущей исторіи. Завоеванія народовъ Германскихъ, даже принявшихъ уже христіанство, представляютъ характеръ несравненно болѣе жестокой и безчеловѣчной, чѣмъ завоеванія Аравитянъ и даже Турокъ-магометанъ. Гордая наука Европейская не замѣтила или не смѣла высказать это различіе; но оно несомнѣнно. Великія злодѣянія были конечно совершаемы и завоевателями магометанскими, особенно Турками (ибо Аравитяне гораздо менѣе другихъ подвергаются этому упреку); но эти злодѣянія сопровождали только первый пылъ борьбы или первое оныяненіе побѣды. Съ возстановленіемъ міра они прекращались

и замѣнялись братскимъ отношеніемъ между мусульманскимъ побѣдителемъ и мусульманскимъ побѣжденнымъ. Превосходство народовъ мусульманскихъ, Турокъ и Аравитянъ, передъ Германцами-христіанами объясняется въ эпоху Аравитянъ превосходствомъ самаго племени Аравійскаго передъ племенемъ Германскимъ, въ слѣдствіе очевидно высшаго духовнаго просвѣщенія и лучшаго историческаго воспитанія (ибо Аравитяне не были искони завоевателями, какъ Германцы, почти вездѣ вытѣснявшіе Славянъ или Кельтовъ, а первожилами пустыни и менѣе подверглись развратительному дѣйствию постоянныхъ войнъ и Римскаго владычества); превосходство же всѣхъ мусульманъ передъ христіанами въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они завоевывали землю единовѣрческую, происходитъ отъ разницы самыхъ вѣроисповѣданій и ихъ первоначальнаго проявленія. Христіанство не составляло ни государства, ни общества (въ государственномъ смыслѣ): поэтому христіане воевали и покоряли непріятелей не какъ христіане, но какъ отдѣльные народы, исполненные народнаго эгоизма, и еще болѣе какъ военныя дружины, исполненныя гордой и корыстолюбивой свирѣпости. Исламъ имѣлъ съ самаго начала своего значеніе общественное и государственное, и его побѣды были запечатлѣны кротостію государственнаго разума.

Народъ по своему вещественному значенію не можетъ принимать иннокровцевъ въ свои нѣдра, дружина по своему началу враждуетъ противъ всего міра. Государство принимаетъ въ число гражданъ и слѣдовательно подъ свой покровъ всякаго, кто признаетъ его законы: а исламъ былъ государствомъ.

Кромѣ этого различія должно признать, что вліяніе магометанства на своихъ послѣдователей было слабѣе, чѣмъ вліяніе христіанства. Догматическое богатство и всеобъемлющія требованія соборнаго ученія менѣе доступны темному уму народовъ необразованныхъ, чѣмъ простота и односторонность Корана. Слова логическаго вѣроизложенія да пышныя обряды, созданныя художественнымъ воображеніемъ Эллино-

Римлянина, были повторяемы или переняемы тупыми и дикими выходцами Германіи: высокое ученіе, духовныя требованія христіанства нисколько не были имъ извѣстны. Народы магометанскіе (особенно же Аравитяне) были вполнѣ магометанами, выражая собою все добро и всѣ недостатки своего ученія. Народы христіанскіе, особенно же Германцы, были христіанами только по имени.

Должно замѣтить еще, что самое обращеніе Германцевъ изъ язычества было таково, что оно должно было по необходимости оставить дурныя и нелегко изгладимыя слѣды. За исключеніемъ Англо-Саксовъ почти всѣ приняли свою новую вѣру отъ побѣжденныхъ народовъ, входившихъ въ составъ Римскаго государства, и слѣдовательно вліяніе дурныхъ примѣровъ и развратъ полупросвѣщенія должны были проникнуть въ душу завоевателей вмѣстѣ съ религіею. Германцы не были обращены къ христіанству апостоловъ, но соблазнены христіанствомъ развратнаго Рима. Это явно изъ современныхъ и почти невѣроятныхъ свидѣтельствъ о грубомъ невѣжествѣ, духовномъ униженіи и гнусной жизни большей части духовныхъ людей, сопровождавшихъ походы Франкскихъ и другихъ дружинъ. Англо-Саксы составляютъ исключеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Таковы причины явнаго превосходства первыхъ и отчасти даже поздиѣйшихъ мусульманскихъ завоевателей передъ христіанскими. Зло, посѣянное или допущенное въ началѣ, должно было принести свои плоды; вѣка должны были пройти надъ этими новыми народами, прежде чѣмъ могли изгладиться слѣды перваго и такъ сказать незаконнаго допущенія ихъ въ общину христіанскую, которой они нисколько не принадлежали. Эти слѣды не изглажены и до нашего времени. Но разъ допущенное, хотя и не понятное, христіанство должно было также принести свои плоды, и оно принесло ихъ въ постепенномъ развитіи и облагороженіи западнаго, Германно-Романскаго міра.

Не христіанствомъ и не его человѣческими началами созданы государства западной Европы; но христіанство присут-

ствовало при ихъ основаніи; оно могло дѣйствовать и дѣйствовало сильнѣе и свободнѣе въ общественномъ отношеніи на новыя державы, еще не принявшія положительныхъ и определенныхъ формъ, чѣмъ на имперію Римскую, уже закатывшую и окристаллизовавшуюся въ упорныя и неизмѣняемыя формы, созданныя древнею, языческою исторіею.

Впрочемъ это относится только къ общему государственному или общественному строенію, а не къ подробностямъ внутренняго гражданского быта, гдѣ духовная жизнь отдѣльныхъ лицъ проявляется въ соприкосновеніи съ обществомъ. Тутъ высшее просвѣщеніе Византійца и Эллино-Римлянина очевидно сохраняетъ свои права, и отношенія владѣльца къ рабу, крѣпостному, арендатору или наемнику въ уцѣлѣвшей половинѣ Римской имперіи безспорно чище и ближе къ христіанству, чѣмъ въ первыхъ царствахъ Германо-Римской области.

Союзъ Римскаго епископа, признаваемаго, въ силу обычая ^{Римскій епископъ и Франки} и правъ данныхъ двумя императорами (слабымъ Граціаномъ и ненавистнымъ Фокою), за главу всѣхъ церквей западной имперіи, далъ племени Франковъ рѣшительный перевѣсъ между всѣми Германскими семьями, завоевавшими западную Европу. Причины этого союза ясны: Римскому епископу необходимо было, какъ для собственныхъ выгодъ, такъ и для поддержанія на западѣ ученія соборнаго, опереться на единственную изъ завоевательныхъ дружинъ, свободную отъ аріанскаго вліянія. Франкамъ было полезно опереться на единственного свободного представителя Церкви, и пріобрѣсть такимъ образомъ союзниковъ во всемъ духовенствѣ и въ племенахъ Галло-Римскихъ противъ своихъ аріанскихъ соперниковъ, Готовъ или Лонгобардовъ. Самая дружина Франковъ была сильнѣе всѣхъ остальныхъ Германскихъ дружинъ. Болѣе искусная въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ Лонгобарды, болѣе многочисленная и воинственная, чѣмъ Готы, уже полюбившіе роскошь и нѣгу Римской жизни, она превосходила всѣхъ особенно силою своего внутренняго единства, ибо остальные

были дружинами пародными, а Франки были личною дружиною Меровинговъ.

Это различіе доказывается всѣми обстоятельствами исторіи, болѣе же всего тѣмъ, что власть вождя или царя, безпрестанно переходившая насильственно или законно изъ одного рода въ другой у Лонгобардовъ и Готовъ, оставалась всегда неоспоримымъ правомъ рода Франковъ поморскихъ или дома Меровеякаго.

Готы и Лонгобарды были побѣждены; слабые, хотя мужественные и отчасти даже образованные, Бургундцы поглощены разливомъ Франковъ и вошли въ составъ ихъ державы; Германія, родина завоевателей, была ими же завоевана и обращена въ состояніе подвластной области; Славяне югозападные отражены и отодвинуты, не смотря на бодрое сопротивленіе и на блистательныя побѣды. Имя и государственная система Франковъ сдѣлались преобладающими въ западной Европѣ; и новое великое царство возникло на развалинахъ Римскаго міра. Лонгобарды и Готы приняли ученіе, противъ котораго они такъ долго боролись; но Римскій епископъ не измѣнялъ своимъ прежнимъ союзникамъ. Высвободившись мало-по-малу изъ прямой зависимости отъ ослабѣвшей Восточной имперіи и присвоивъ себѣ нѣкоторую государственную самостоятельность посредствомъ временныхъ союзовъ съ Франками и даже Лонгобардами и постояннаго сочувствія Итальянскихъ старожеловъ съ своею древнею столицею, папа никогда не добротствовалъ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, Лонгобардамъ. Многие изъ нихъ еще оставались вѣрными арианству, многие приняли ученіе Никейское изъ простаго политическаго расчета; всѣ были отчасти подъ вліяніемъ политики Византійской и Восточнаго ученія, никогда не признававшаго законности напскихъ притязаній на независимость въ дѣлахъ гражданскихъ и на управление Церковью въ дѣлахъ духовныхъ. Такіе сосѣди угрожали постоянною опасностью Риму и находились съ нимъ въ постоянной враждѣ. Готы, хотя и припавшіе Никейское исповѣданіе, были слишкомъ слабы, далеки и волнуемы внут-

репными раздорами для сопротивленія напору Лонгобардовъ. Вступая въ Испанію, они имѣли еще отчасти значеніе народа, ищущаго себѣ осѣдлости, и сохраняли общинное устройство. Въ скоромъ времени утратили они всѣ эти остатки народной старины и обратились въ нестройную аристократическую дружину.

Это доказывается отгѣненіемъ старыхъ законныхъ обычаевъ, по которымъ округа или община составляла живое и органическое цѣлое съ правомъ суда надъ своими членами и съ отвѣтственностію за нихъ въ дѣлахъ уголовныхъ.

Но при этой перемѣнѣ они лишались своей прежней силы народной и не приобрѣтали новой, дружинной силы, ибо не были связаны ни неоспоримымъ единствомъ родового дружиноначальника, какъ Франки, ни правильными и вѣрно рассчитанными условіями, которыхъ строгая формальность можетъ отчасти замѣнять живой духъ народнаго единства. Наконецъ, по привычкамъ, почерпнутымъ ими во время долгаго странствованія въ областяхъ Римскихъ, они не имѣли ни той строгой аристократической исключительности, которая въ послѣдствіи придавала силу Германскимъ и Норманскимъ завоевателямъ въ другихъ странахъ (это доказывается процвѣтаніемъ городовъ, сравнительною свободою подвластнаго народа и излишнею властію духовенства въ дѣлахъ правительственныхъ), ни того постояннаго властолюбія и стремленія къ управленію государствомъ, которое могло бы возвысить частныя лица до сознанія своихъ общественныхъ правъ и до безусловной покорности своимъ общественнымъ обязанностямъ. Готская держава истлѣвала и распадалась. Ударъ виѣшней силы долженъ былъ ее разрушить почти безъ сопротивленія. Этотъ подвигъ былъ совершенъ Аравитянами. Но еще слишкомъ за столѣтіе прежде своего окончательнаго паденія, Готы лишились всякаго историческаго значенія и не могли служить опорой епископу Римскому противъ Лонгобардовъ. Папа оставался постоянно вѣрнымъ союзу своему съ Франками и находилъ въ нихъ постоянно вѣрныхъ защитниковъ.

Вся исторія западной Европы, за исключеніемъ островной области Англо-Саксовъ (или Угло-Саксовъ), заключается въ продолженіе слишкомъ пяти вѣковъ единственно въ постепенномъ измѣненіи двухъ властей, Римскихъ епископовъ и Франковъ, давшихъ смыслъ, направленіе и характеръ всей послѣдующей исторіи Европы и міра; ибо область Вестготовъ Испанскихъ, завоеванная Аравитянами, получила вещественныя силы для будущаго освобожденія и большую часть своего характера отъ наплыва изъ свободной и сильной области Франковъ, а Лангобардская Италія и особенно коренные жители Германіи, завоеванные династіями Франкскими, сохранили навсегда, даже въ своей возвращенной самостоятельности, печать, положенную на нихъ временнымъ владычествомъ потомковъ Меровея или Карла.

Епископъ Римскій, какъ духовный владыка и единственный неоспоримый преемникъ апостольскаго престола на Западѣ, а еще болѣе какъ пастырь церковнаго стада въ древней міродержавной столицѣ, считался всегда почетнѣйшимъ изъ христіанскихъ епископовъ и вскорѣ былъ облеченъ общимъ признаніемъ въ званіе верховнаго судьи по дѣламъ церковнымъ во всѣхъ западныхъ епархіяхъ. Впрочемъ эта власть была ограничена рѣшеніями соборовъ частныхъ (какъ видно изъ многихъ спорныхъ случаевъ), вполне подчинена рѣшеніямъ великихъ, такъ называемыхъ вселенскихъ, соборовъ, и никогда не касалась до рѣшенія споровъ догматическихъ, или даже обрядныхъ. Это явствуетъ изъ неуваженія къ подписи папы Либерія подъ символомъ Аріанскаго собора, изъ анафемы, произнесенной противъ папы Говорія, изъ долгихъ споровъ о времени пасхи, и даже изъ собственныхъ показаній властолюбивѣйшаго изъ всѣхъ папъ, Николая I-го, въ письмѣ его къ Фотію. Постепенное ослабленіе Византіи и политическій разрывъ между Восточною имперією, уцѣлѣвшею, и Западною, завоеванною Германцами, возвысили значеніе Римскаго престола. Власть его въ дѣлахъ церковныхъ ставилась болѣе и болѣе неоспоримою, тѣмъ болѣе что онъ служилъ единственнымъ покровителемъ духовенства, угнетеннаго аріа-

нами, и что Меровинги въ своихъ обширныхъ владѣнiяхъ охотно слушались голоса и исполняли приговоръ могущаго союзника, которому они были обязаны многими побѣдами и прiобрѣтенiями. Но за всѣмъ тѣмъ единство ученiя догматическаго и память жизненнаго единства церкви удерживали папъ въ постоянной связи и невольной зависимости отъ цѣлой церковной общины и отъ ея духовныхъ представителей на ослабѣвшемъ, но еще просвѣщенномъ и мыслящемъ Востокѣ. Мысль римская не отрывалась отъ опеки эллинскаго міра.

Иное было понятiе эллина, иное римлянина о вѣрѣ и церкви. Для эллина, развившаго человѣческую личность до крайней степени умственнаго совершенства, доступнаго человѣку, лишенному наслѣдства преданiя, вѣра была принадлежностью лица и лицо основою церкви. Изъ гармоническаго единства и тождества духовныхъ убѣжденiй составлялось всеобщее вѣрованiе церкви, неоспоримое и безошибочное, какъ выраженiе истины переданной богочеловѣкомъ Иисусомъ и постоянно вдыхаемой животворящимъ божественнымъ Духомъ: изъ жизненнаго единства всѣхъ годовѣрующихъ лицъ составлялась внутренняя и внѣшняя жизнь церкви, содержащей полноту земной христіанской общины и отражающей въ себѣ всемірную общину благодатныхъ духовъ. Такимъ образомъ церковь въ глазахъ эллина была явленiемъ міровымъ. Для римлянина, создавшаго самое могущее изъ всѣхъ государствъ и науку права, доведенную до возможнѣйшаго совершенства логической послѣдовательности, вѣра была закономъ, а церковь явленiемъ земнымъ, общественнымъ и государственнымъ, подчиненнымъ высшей волѣ невидимаго міра и главы его Христа, но въ тоже время требующимъ единства условнаго и видимыхъ символовъ этого правительственнаго единства. Символь единства и постоянное выраженiе его законной власти долженъ былъ находиться въ римскомъ епископѣ, какъ пастырѣ всемірной столицы.

Эти притязанiя, непризнанныя церковію, ясно выражены еще въ III-мъ вѣкѣ въ спорѣ между восточными и западными общинами о

времени Пасхи, а доказательство того, что первенство римскаго епископа основывалось на значеніи города, а не на преемствѣ Петра находится во всѣхъ рѣшеніяхъ соборныхъ, ибо Антиохія считалась наравнѣ съ Римомъ—престоломъ Петра.

Характеръ историческаго развитія западной Европы. Церковь западная въ сравненіи съ восточною.

Древній Римъ налагалъ свою печать на новое Христіанство запада. Гордость прежней власти и прежняго утраченнаго величія была наслѣдствомъ, отъ котораго не могли отказаться ни Римляне позднѣйшей эпохи, ни ихъ духовные пастыри: но кромѣ этой, своекорыстной и эгоистической страсти, невольно заражавшей лучшихъ и достойнѣйшихъ владыкъ римскаго престола, должно еще признать другую причину ихъ односторонняго понятія о церкви, менѣе предосудительную въ нравственномъ отношеніи, но еще болѣе гибельную въ своихъ послѣдствіяхъ, ибо она заключалась не въ личныхъ страстяхъ папъ или Римлянъ, или жителей одной Италіи, но въ направленіи всего умственнаго развитія на Западѣ. Эта причина была не что иное какъ односторонность самаго западнаго просвѣщенія. Оно не было произведеніемъ самобытной дѣятельности туземной мысли, пробужденной къ многостороннимъ проявленіямъ дѣйствіемъ собственной исторической судьбы или вліяніемъ чуждаго просвѣщенія. Темный западъ еще не созналъ въ себѣ своей собственной мысли: онъ принялъ просвѣщеніе извнѣ, но не какъ живую силу, пробуждающую внутренній духъ человѣка, а какъ готовый плодъ чуждой жизни: онъ принялъ его въ самой грубой и внѣшней его формѣ, въ формѣ общественнаго быта и государственнаго закона. Галлы, Иберцы, Британцы и нѣкоторыя германскія семьи силою римскаго меча были заключены въ просвѣщеніе: кромѣ нѣкоторыхъ началъ безполезнаго и общественнаго художества они узнали отъ него и полюбили только выгоды нравльнаго гражданскаго быта и логику государственной полиціи, и вся ихъ скудная умственная дѣятельность была заключена въ темномъ стремленіи къ новому развитію права. Эта дѣятельность, убитая въ отношеніи къ жизни государственной и гражданской германскимъ завоеваніемъ, обратилась на единственное еще свободное по-

прише, — церковь, которая сама являлась имъ въ видѣ государства, единственного ими сознанаго проявленія человѣческой мысли.

Это стремленіе ясно не только въ развитіи церкви запада, но и въ ея ересяхъ, пелагіанизмѣ и адопціанизмѣ, которыя одни только и принадлежатъ ей, ибо всѣ прочія заняты ею у востока. Обѣ по своей сущности могли получить характеръ догматико-философскій (ибо Пелагіанизмъ имѣлъ предметомъ своимъ волю, т. е. самодѣятельность духа, и Адопціанизмъ заключалъ въ себѣ вопросы, пробудившіе на востокѣ расколы Несторія и Евтихія), но обѣ приняты на западѣ характеръ чисто-юридическій, отчасти доведенный до смѣшной крайности.

По этому главная задача Западнаго міра, главное его требованіе, выразившееся въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ были построеніе церкви въ государственную форму. Одинакова была важность соборовъ на востокѣ и на западѣ, но значеніе ихъ было различно. На востокѣ они были только выраженіемъ общаго мнѣнія. Рѣшенія ихъ кромѣ частныхъ положеній объ обрядѣ или порядкѣ церковномъ были изложеніемъ общихъ началъ вѣры въ строгой опредѣленности догматической логики или изложеніемъ общихъ преданій. Сознаніе всей общины, принимающей это изложеніе и признающей его полное согласіе съ преданіемъ и вѣрою уже существующею но до тѣхъ поръ неопредѣленною съ логическою ясностію, доставляло Собору всю его силу и неоспоримость для будущихъ вѣковъ. На западѣ тѣ-же соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на западѣ приговоромъ.

Разумѣется это различіе не можетъ быть доказано свидѣтельствами современниковъ, ибо оно было только въ зародышѣ мысли а не въ ясномъ сознаніи; но оно доказывается всѣмъ послѣдующимъ

развитіемъ, всѣми позднѣйшими писателями и всѣмъ богословскимъ міромъ Европы и даже многоученой Германіи, который и до сихъ поръ не можетъ иначе смотрѣть на соборы какъ съ старѣйшей Римской или юридической стороны. Отъ этого взгляда и происходятъ всѣ споры о формальной законности соборовъ и вся жаркая полемика объ ихъ правахъ.

Но случайность соборовъ, ихъ невозможность въ обыкновенное время и постоянная необходимость правленія для Церкви, признаваемой какъ государственное общество, должны были привести къ убѣжденію въ существованіи власти видимой и всегда присущей для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ видимой и духовной жизни церкви, а престолъ всемірной столицы и верховнаго Апостола казался самымъ естественнымъ хранителемъ этой необходимой власти. Такимъ образомъ самая сущность просвѣщенія, завѣщаннаго Римомъ всѣмъ своимъ западнымъ областямъ, должна была по необходимости обратить церковь въ духовное государство и облечь папъ почти безъ ихъ воли въ то царственное значеніе, котораго они достигли въ десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкѣ.

Разумѣется, папы старались ускорить развитіе этого всеобщаго стремленія. Ихъ влпуть нельзя не только по сплсхожденію, но и по справедливости, ибо они должны были раздѣлять всеобщее убѣжденіе и признавать обязанностію своею устроеніе всего міра, согласно съ нимъ. Сопротивленіе кое-какихъ епископовъ, общинъ, или правительствъ было только случайностью, споромъ о предѣлахъ, а не о началѣ власти и должно было уступить болѣе строгому и вѣрному развитію общей западной мысли въ лицѣ папъ.

Освобожденіе отъ Византіи, союзъ съ Франками и другія историческія происшествія (какъ напр: учрежденіе Калифата, обращеніе нѣкоторыхъ сѣверныхъ народовъ проповѣдниками, изъ Рима и великія личности на римскомъ престолѣ) ускорили неизбежное возвеличеніе епископовъ римскихъ, но оно было

во всякомъ случаѣ неизбежно при разрывѣ запада съ востокомъ. Причины разрыва были внутреннія, происходящія отъ различія умственной жизни и отъ взаимнаго недоброжелательства или презрѣнія между областями римскаго образованія и областями образованія эллинскаго, тѣ самыя, которыя въ прежніе вѣка раздѣлили имперію на двѣ половины. Поводъ къ разрыву данъ былъ Испанію.

Готы, повинувшись невольнo вліянію завоеваннаго пверо-римскаго народа и его духовенства, сохранившихъ нѣкоторые остатки прежняго просвѣщенія, отступили отъ аrianства. Это отступление разумѣется было не всеобщее и повлекло за собою раздоры и междоусобія, но торжество осталось за послѣдователями соборнаго ученія. Нестройная аристократія Готовъ, сохранявшая нѣкоторую военную и государственную дѣятельность, покуда еще боролась съ мелкими царствами Свевовъ, Аллановъ и Вандаловъ и съ Византіяцами, временно завладѣвшими югозападнымъ берегомъ Испаніи, потеряла силу свою и единство стремленій послѣ побѣды, тратя жизнь и природное мужество въ частныхъ междоусобіяхъ или кровавыхъ спорахъ о преемствѣ престола. Духовенство, пользуясь безопасностью аристократіи и ея подозрительною ревностью къ власти царской а еще болѣе рвешемъ новообращенныхъ послѣдователей вселенскаго ученія, овладѣли всѣми государственными правами, собирая частые соборы, на которые приглашало кого хотѣло, полагая на нихъ рѣшенія о дѣлахъ правительственныхъ, измѣняя законы гражданскіе и устанавливая новыя почти безъ согласія остальныхъ сословій. Государство приняло отчасти характеръ церковной республики. Таково было послѣдствіе западнаго стремленія, выразившагося съ особенною силою въ странѣ далекой отъ міра восточнаго, болѣе другихъ наиптаннымъ характеромъ римскимъ и завоеванной дружбною менѣ сильною чѣмъ Франки и менѣ дикою чѣмъ Лонгобарды. Готы повиновались охотно своимъ духовнымъ правителямъ, раздѣляя отчасти мысли завоеваннаго народа и болѣе другихъ Германцевъ уважая въ духовенствѣ высшее просвѣщеніе, съ которыми сами уже нѣсколько ознакомились во время своего

долгаго странствованія отъ Дуная до гибралтарскаго пролива, когда они въ областяхъ имперіи искали сперва убѣжища отъ мстительнаго меча Славянъ-Гунновъ, а потомъ осѣлости и привольныхъ жилищъ. Правда, по временамъ церковная власть возставала противъ излишнихъ правъ епископовъ, но почти всегда безуспѣшно, а восторжествовала она только въ послѣднюю эпоху Готскаго царства, когда самое торжество ея сдѣлалось гибельнымъ, породивъ скрытую вражду и наконецъ явную измѣну части духовенства, которой иго Аравитянъ показалось менѣе нестерпимымъ, чѣмъ своевластіе царей.

Это явно изъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ и изъ ожесточенія; съ которыми духовные лѣтописцы говорятъ о послѣднихъ, готскихъ правителяхъ.

Не отгадно было явленіе этой правительственной власти въ рукахъ духовенства. Преобладаніе идеи государственной, завѣщанной Римомъ, создало стремленіе къ облеченію церкви въ государственныя формы и къ подчиненію всего гражданскаго общества ея верховной власти: по успѣхъ долженъ былъ исказить церковь. Она приняла весь условный и принудительный характеръ государства въ томъ смыслѣ, какъ оно извѣстно было древности и какъ оно отчасти представляется даже до нашихъ дней. Римъ посылалъ христіанъ на костры потому, что они отвергали право верховной власти на опредѣленіе общественной религіи и ея боговъ. Готская Испанія подъ правленіемъ епископовъ должна была опредѣлить казни всѣмъ иновѣрцамъ, ибо они отвергали самое начало церковно-государственной власти. Явилась первая инквизиція, обращенная противъ аріанъ и многочисленныхъ Евреевъ, и эта инквизиція мало уступала въ угнетеніяхъ и жестокости позднѣйшимъ изобрѣтеніямъ доминиканцевъ и папъ.

Таковъ былъ выводъ, сдѣланный Готами изъ римскаго начала, и возстаповленіе инквизиціи въ позднѣйшее время и даже вся позднѣйшая исторія Испаніи доказываетъ, какъ упорна жизнь мысли

разъ принятой народомъ и какъ долго она можетъ противиться дѣйствію времени и государственныхъ переменъ. Семи вѣковое иго Аравитянъ тяготѣло надъ Пиренейскимъ полуостровомъ; и едва сокрушилось оно передъ усиліями Фердинанда и Изабеллы, какъ уже воскресла Испанія до арабійской эпохи. Только тѣ ошибки исправляются, которыя сознаны или доведены до своей крайней нецѣлостности, только тѣ изглаживаются безъ слѣда, въ которыхъ народъ или человѣкъ принесъ покаяніе.

Но вмѣстѣ съ мечемъ карающей власти поднятъ были противъ пловѣрцевъ и мечъ слова. Соборы, издавая кровавые законы противъ аріанъ, старались въ тоже время опровергать ихъ ученіе и опредѣлять со всевозможною точностью ученіе признаваемое своею мѣстною церковію. Это стремленіе принесло плоды гибельнѣе самой инквизиціи и ея ужасовъ.

Отъ полунпросвѣщеннаго духовенства, почти совершенно не знакомаго съ богатою словесностью восточной церкви, нельзя было ожидать глубокихъ богословскихъ познаній и тонкости въ логическихъ опредѣленіяхъ; отъ духовенства, глубоко зараженнаго развратомъ народа а еще болѣе кровавымъ развратомъ власти, нельзя было ожидать той свѣтлой простоты мысли, которая часто человѣку безграмотному открываетъ смыслъ и истину, недоступныя многоученому книжнику: наконецъ отъ людей, живущихъ исключительно внѣшнюю жизнь нельзя было ожидать ни яснаго пониманія писаній, опредѣляющихъ внутреннюю сущность духовнаго міра, ни даже строгаго вниманія къ нимъ. Въ отношеніяхъ между проявленіями личности въ Божествѣ рѣшеніе вселенскихъ соборовъ признавало зависимость двухъ лицъ, Сына и Духа, отъ перваго — Отца, опредѣляя отношеніе Сына къ Отцу словомъ *рожденіе*, а Духа словомъ *происхожденіе*.

Разумѣется мы не входимъ въ разборъ философской истины или даже смысла догматовъ; но логическій разборъ соборныхъ опредѣленій и ихъ выраженія необходимы для разумнѣнн великихъ историческихъ происшествій, точно также какъ разборъ аріанскаго или несторіанскаго раскола.

Такимъ образомъ опредѣлялось совершенное единство начала въ Божествѣ и, такъ сказать, внутренней образъ Божества, съ другой стороны явленіе божественнаго Духа или его схождение въ міръ приписывалось (хотя не соборнымъ рѣшеніемъ, на общимъ признаніемъ) Отцу и Сыну. Не многіе изъ святыхъ Отцевъ говоря о Духѣ Божіемъ, употребили выраженія, которыя въ тѣснѣйшемъ смыслѣ означали происхожденіе Духа отъ Отца и Сына.

Число этихъ церковныхъ писателей весьма ограничено: это доказано до очевидности, ибо большая часть авторитетовъ, приводимыхъ многими западными писателями до нашего времени, созданы безстыдною фальсификаціею текстовъ.

Тѣ, которые признавали по видимому двойственное происхожденіе Духа и, такъ сказать, двуначаліе въ Божествѣ, обращали единственно вниманіе на отношеніе Божества и Духа божественнаго къ міру твореній.

Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно допускали ложное толкованіе, изучая только внѣшнія вѣнія а не внутреннія опредѣленія Божества, признанныя соборами: но и этого доказать нельзя, а значительнѣйшіе явно говорили объ исхожденіи въ міръ (*ad extra*). Такъ напр. Августинъ, говоря: «*procedit a Patre et Filio, principaliter autem a Patre*», безспорно употребляетъ выраженіе равносильное выраженію «*quoad principium*» т. е. происходитъ отъ Отца и Сына, происходитъ же отъ Отца.

Какъ бы то ни было, но въ спорѣ между духовенствомъ испанскимъ и аріянами, желаніе возвелчить второе лице въ Божествѣ, отвергаемое Готами аріянами, заставило искать всѣхъ возможныхъ доказательствъ единосущности Сына и Отца и воспользоваться слабыми указаніями Отцевъ, говорившихъ о двойственномъ происхожденіи Духа. Грубыя и внѣшнія понятія богослововъ крайняго запада не достаточны были для различенія между внѣшнимъ проявленіемъ и внутрен-

нимъ дѣйствіемъ въ Божествѣ. Крайнее невѣжество того времени, доказанное многими свидѣтельствами, особенно же въ отношеніи къ греческой церковной словесности, усилило ошибку; обстоятельство рѣшительное въ этомъ дѣлѣ было оставлено безъ вниманія, именно то, что ученіе о происхожденіи Духа отъ Отца и Сына было названо богохульствомъ и передано Феодоритомъ въ спорѣ его съ Кирилломъ анаѳемѣ, одобренной и слѣдовательно утвержденной вселенскимъ соборомъ; и это презрѣніе къ рѣшенію соборному не можетъ быть приписано ничему кромѣ незнанія. Духовенство испанское, облеченное въ неслыханныя государственныя права и привыкшее рѣшать судьбу народа, не могло въ своемъ гордомъ самодовольствѣ быть остановлено сомнѣніями о законности своихъ приговоровъ и памятью о зависимости каждой частной мысли (личной или областной) отъ общей мысли всего христіанства. На Толедскомъ соборѣ въ 7-мъ столѣтіи послѣ Р. X. сдѣлано было извѣстное прибавленіе: «и отъ Сына» къ изложенію вѣры или символу никео-константинопольскому. Мало по малу это прибавленіе стало вкрадываться во все общины запада, особенно же южной Галліи. Побѣды Аравитянъ и паденіе царства вестъ-готскаго не остановили распространенія новаго исповѣданія. Ослабленіе восточной имперіи, до половины завоеванной Мусульманами, удаляло воспоминаніе объ ней, возрастающая сила запада въ первую эпоху Карловинговъ, т. е. при дѣдѣ и отцѣ Карла Великаго, увеличивали самоувѣренность и гордость германо-романскихъ областей: наконецъ бѣгство многихъ изъ испанскихъ духовныхъ людей въ южную Галлію, потомъ завоеванія Франковъ въ Испаніи и, такъ сказать, сліяніе двухъ народовъ: франкскаго и гото-романскаго ускорило принятіе символа толедскаго почти во всемъ западѣ. Невольное стремленіе всѣхъ было только выражено Испаніею прежде другихъ: оно должно было отозваться вездѣ, гдѣ лежали тѣ же начала готовья, хотя еще и не выразившіяся. На всемъ западѣ была та же чистовѣщная жизнь, та же неспособность оторваться отъ нея и углубиться во внутренній смыслъ философско-догматическихъ

опредѣленій: наконецъ двуначальность запада во всѣхъ отношеніяхъ, важность факта въ мірѣ, созданномъ случайнымъ условіемъ завоеванія, и преобладающее значеніе данныхъ въ римскомъ правѣ, единственной оснoвѣ всей западной мысли, заставляли невольно переносить ту же самую двуначальность земную въ мірѣ невидимый и признавать происхожденіе жизненнаго сознанія—*Духа* не отъ мысли одной, но отъ первобытной мысли—*Отца* и отъ перваго ея проявленія или факта—*Сына*. Это несознанное стремленіе увлекало всѣхъ.

Италія и самый Римъ имѣли менѣе римскаго характера, чѣмъ западныя области имперіи. Это положеніе, по видимому странное, объясняется довольно просто. Области ближайшія къ сильнымъ центрамъ эллинскаго мышленія находились подъ могущимъ вліяніемъ Греціи. Многостороннее и высшее просвѣщеніе Италіи въ сравненіи съ завоеванными странами Кельта или Иверда скрывали въ ней то одностороннее направленіе, которое должно было возникнуть изъ исключительно-государственнаго характера Рима. Эта односторонность, которая проявлялась рѣзко въ странахъ, получившихъ свое историческое значеніе отъ Римскаго завоеванія, была только въ зародышѣ и робко выступала въ своей родинѣ. Римъ, всегда стремившійся къ самостоятельности въ силу историческихъ воспоминаній и мѣстнаго эгоизма, съ самаго перенесенія столицы въ Византію находился безсознательно подъ онекою греческой мысли. Сѣверная Италія, нѣкогда затмившая самый Римъ въ послѣднее время западныхъ императоровъ, царствовавшихъ въ Равеннѣ, была тѣснѣе связана съ востокомъ, чѣмъ съ западомъ. Когда прибавленіе къ символу было отдано на судъ папѣ, онъ отвергъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что не слѣдуетъ нарушать постановленія собора, запретившаго всякое измѣненіе въ символѣ, вѣроятно же по той причинѣ, что предчувствовалъ и боялся разрыва съ востокомъ. Западные общины настаивали и грозились отторженіемъ отъ римскаго престола, ибо понятіе о правахъ его были еще шатки. Устрашенный, и можетъ быть отчасти убѣжденный папа допустилъ новое изовѣданіе, но не какъ обязательное. Его преемникъ,

нуждаясь въ греческой помощи, снова готовъ былъ рѣшительно отвергнуть переѣзду въ символѣ и, желая дать востоку явное доказательство своего православія, велѣлъ выставить въ главномъ римскомъ соборѣ никео-константинопольское исповѣданіе въ его неизмѣнной формѣ, но неудержимое стремленіе запада къ самостоятельности духовной должно было принести свои плоды.

Измѣненный символъ вошелъ въ общее употребленіе на западѣ не въ слѣдствіе соборнаго рѣшенія или торжественнаго признанія, но въ слѣдствіе общаго согласія, обратившагося въ обычай и одобреннаго римскимъ епископомъ. Дружескія сношенія и согласія съ востокомъ продолжались по видимому также какъ и прежде. Востокъ, полузадавленный Аравітянами и занятый тогда своимъ собственнымъ вопросомъ о свободѣ обряда или художественнаго выраженія мысли церковной (споромъ объ иконахъ), или не зналъ нововведенія западнаго или не обращалъ на него вниманія. Рѣшеніе седьмаго вселенскаго (2-го никейскаго) собора подало поводъ къ новымъ распрямъ. Сообщенное западнымъ общинамъ и одобренное епископомъ Римскимъ, оно было сначала отвергнуто духовенствомъ и епископами франкскими. Пополнительныя объясненія епископовъ греческихъ устраняли отчасти эти несогласія, но за всѣмъ тѣмъ рѣшеніе никейскаго собора не скоро еще было признано всѣмъ западомъ. Въ этомъ случаѣ какъ и во всѣхъ другихъ выражалось коренное различіе двухъ понятій о церкви. Востокъ греческій отстаивалъ свободу и святость свободнаго художественнаго выраженія въ обрядѣ и былъ правъ. Западъ римскій, обрадовавшись мыслию о правѣ и положительной пользѣ, видѣлъ въ иконахъ и слѣдовательно въ обрядѣ вообще положеніе законное, содержащее въ себѣ признаніе какой-то заключительной пользы. Онъ отвергалъ такое признаніе и былъ правъ: въ послѣдствіи онъ принялъ приговоръ соборный, но это принятіе было уже признакомъ развивающагося искаженія религіозной мысли. Между тѣмъ временное разногласіе, хотя отчасти и умягченное посредничествомъ папъ, усилило давно уже существующій но еще не обнаружившійся раздоръ.

Восточныя общины обращались къ западнымъ съ желаніемъ единенія и согласія, прося ихъ участвовать въ общемъ вопросѣ: по западнымъ, принимая на себя должность судей, не думая предлагать восточной своей братіи вопросы возникающіе изъ ихъ новой умственной жизни. Важное измѣненіе символа было обще принято и признано безъ всякаго сообщенія съ епископами тѣхъ странъ, отъ которыхъ по собственному сознанію всѣхъ западныхъ писателей, была почернута вся наука Христіанскаго міра. Такова была естественная гордость молодого просвѣщенія, опиравшагося на огромное развитіе вещественныхъ силъ. Папы, не скоро согласившіеся на измѣненіе символа, утвердили наконецъ церембну собственной властію своею. По характеру мысли они не могли не соглашаться съ остальнымъ западомъ: по притязаніямъ на первое мѣсто въ церковномъ правленіи они не могли подвергнуть приговора своего суду тѣхъ епископовъ, отъ которыхъ они наименѣе могли ожидать согласія на подчиненность. Такимъ образомъ разрывъ уже былъ дѣйствительно совершенъ, хотя современники и современныя лѣтописцы какъ будто еще не подозрѣвали его.

Новая имперія воздвигнута была на западѣ. Новый императорскій вѣнецъ положенъ былъ на голову Карла Великаго. Міръ западный выразилъ свою самостоятельность и свои гордые притязанія на наслѣдство міродержавцаго Рима. Папа, возраставшій силу Франковъ и призавшій ихъ въ Италію вѣнчавшій императора, благословившій его всею святынею Христіанства и всѣми воспоминаніями великой древности, признавшій его меченосцемъ христіанскаго міра и главою всѣхъ вѣнчаныхъ главъ, возросъ по необходимости въ глазахъ всего запада. Безъ сомнѣнія замѣтно въ Карлѣ Великомъ желаніе полагать предѣлы папской власти, произносить надъ нею судъ по обычаю императоровъ римскихъ и сохранять самостоятельную свободу епископовъ: послѣ него тоже самое направленіе замѣтно и въ его преемникахъ и въ самыхъ епископахъ, стремившихся къ увеличенію своей власти въ дѣлахъ гражданскихъ и государственныхъ (особенно при мягкодуш-

помъ Людовикѣ) но въ тоже время старавшихся удержать какую-то республиканскую форму церковнаго правленія. Всѣ эти усилія должны были остаться безъ успѣха. Общее мнѣніе, уступки сдѣланныя давно всѣмъ западомъ римскому епископу, историческое значеніе его престола и логическое развитіе мысли германо-римской о Христіанствѣ, должны были доставить папѣ окончательную побѣду и правительственное первенство въ Церкви. Нуженъ былъ только человекъ сильный духомъ и счастливый случай, который никогда не измѣняетъ такимъ людямъ, когда они вѣрно служатъ общей мысли. Около половины 9-го вѣка возшелъ па римскій престолъ Николай 1-й, властитель честолюбивый и коварный, но понимавшій всю важность своего историческаго поприща, одаренный смѣлостію, которая не боялась никакой борьбы и умомъ, который могъ преодолѣть всякія препятствія. Римъ уже чувствовалъ свое призваніе и изготавлялъ свои орудія, Собраны были всѣ свидѣтельства о правахъ и преимуществахъ, данныхъ императорами епископамъ древней столицы, всѣ рѣшенія частныхъ и помѣстныхъ или вселенскихъ соборовъ, подтверждающія ихъ притязанія; временному и случайному дано значеніе постоянного и всеобщаго; исключительному или спорному значеніе несомнѣннаго и правомѣрнаго; наконецъ для пополненія еще недостающихъ основъ и подпоръ будущаго церковно-государственнаго зданія, допущено и составлено множество подлоговъ въ видѣ данныхъ, епископскихъ приговоровъ или императорскихъ постановленій. Иное было сдѣлано въ слѣдствіе темныхъ преданій и слуховъ, иное въ слѣдствіе общаго мнѣнія о правахъ папскихъ, иное въ согласіи съ памятниками подлинными, но дурно понятыми, иное на перекоръ всѣмъ свидѣтельствамъ древнимъ: но все принято съ ровною вѣрою невѣжествомъ тогдашняго вѣка и всеобщимъ желаніемъ утвердить церковь, дать ей независимость и поручить ея духовной охранѣ правду и права человѣческія, нагло попираемыя мѣстными правительствами. Папы и духовенство Италіи, въ которой Греки и восточная церковь утратили всѣ свои владѣнія и силу, допускали и оче-

видно поощряли эту неслышную, но грозную работу церковных правовѣдовъ. Такъ въ числѣ множества другихъ подлоговъ было составлено пзвѣстное собраніе лже-исидоровыхъ декреталій, управлявшее всею западною Европою въ продолженіи многихъ столѣтій. Предшественники Николая приготовили оружіе, но не смѣли еще пользоваться имъ. Николай I-й не побоялся ни рѣшительной борьбы, ни опаснаго орудія. Развратъ дома Карловинговъ и слабодушіе епископовъ, соглашавшихся на нарушеніе церковныхъ правилъ, дали ему случай нанести на сохранившіеся еще остатки независимости высшаго духовенства въ земляхъ при-рейнскихъ и одержать полную побѣду, утвердившую на всегда папскую власть въ дѣлахъ духовныхъ на всемъ Западѣ, ибо позднѣйшія попытки епископовъ на самостоятельность и на восстановление своихъ прежнихъ правъ не заслуживаютъ никакого вниманія. Это уже слабыя возстанія области покоренной и утратившей начала жизни. Общее мнѣніе, обычай и логическое развитіе всѣхъ церковно-правительственныхъ началъ рѣшили навсегда споръ въ пользу папскаго престола. Упрочивая власть свою на западѣ, Николай I-й хотѣлъ ее распространить и на востокъ. Онъ воспользовался раздорами константинопольской епархіи, которая одна изъ всѣхъ первенствующихъ епархій не пала еще въ руки Аравитянъ, и незаконнымъ выборомъ Фотія на патриаршій престолъ при жизни законнаго патриарха Игнатія. Торжество и тутъ клонилось на сторону смѣлаго и хитраго папы. Восточные епископы признали судъ его: часть новообращенныхъ славянскихъ земель отошла отъ Константинополя къ Риму; императоры готовы были покориться римскому духовному владыкѣ: но Фотій перенесъ споръ изъ области сомнительныхъ юридическихъ вопросовъ, въ которыхъ ослабѣвшая Византія могла уступить побѣду могущественному Западу, въ область догматовъ, гдѣ никакая уступка не была возможна и все перемѣнилось: западныя нововведенія осуждены, древнее преданіе и выраженія символа удержаны, власть Рима отвергнута, славянскія области возвращены цареградской епархіи,

самостоятельность и независимость Востока сохранены; разрывъ восточной церкви и папскаго престола обнаруженъ и утвержденъ навсегда, ибо позднѣйшая ссора патріарха Керуларія съ преемниками Николая была уже неизбѣжнымъ слѣдствіемъ объявленнаго при Фотіѣ разногласія въ опредѣленіи догматовъ. Миръ церкви раздѣлился: духовное единство расторгнуто. Уцѣлѣвшій Востокъ укрѣпился приобрѣтеніемъ безконечной страны славянской. Западъ, замкнувшійся въ своей отдѣльности, быстро пошелъ путемъ своего неизбѣжнаго развитія.

Всякая отдѣльная община имѣла свой особенный характеръ: всѣ удерживались въ предѣлахъ общаго единства взаимнымъ противодѣйствіемъ и взаимною опекою.

Такъ были устранены начала іудейскія (несторьянство) въ Сиріи, гнозиса (савелліанство) въ Египтѣ, заклинательнаго, кушитства (Донатизмъ) въ Африкѣ и другія. Освободившись отъ противудѣйствія Востока, римское начало Запада должно было придти къ своимъ логическимъ выводамъ въ области догмата и обряда и въ области государственнаго и правительственнаго устроенія. Духовная община церкви исчезла въ государственномъ обществѣ церкви. Народъ — міряне исчезалъ въ правительствѣ—духовенствѣ, а духовенство въ своей постоянной главѣ, въ монархѣ—папѣ: языки народные, мѣстные должны были уступить мѣсто языку государственному, всеобщему — латинскому: папа, постоянный правитель въ силу права даннаго ему Божественнымъ основателемъ церкви и источникомъ истины Христомъ, долженъ былъ быть безошибочнымъ хранителемъ истины и догматическаго толкованія ея. Всѣ выводы эти были неизбѣжны. Николай I-й, основатель папства, еще не думалъ о введеніи одного церковнаго языка и о порабощеніи мѣстныхъ нарѣчій: и его первый преемникъ осуждалъ еще исключительныхъ поборниковъ писаній и молитвъ на языкахъ латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ и называлъ ихъ учениками не Христа а Пилата (въ посланіяхъ къ землямъ славянскимъ): но позднѣйшіе папы поняли необходимость обще-церковнаго слова и дали это значеніе искажен-

ной латыни. Николай, утверждая за папами право суда безспорного, еще не признавал за ними безошибочности въ дѣлахъ вѣры и говорилъ, что послѣдній мірянинъ въ спорѣ о догматахъ имѣетъ одинаковый голосъ съ первымъ изъ епископовъ (въ письмѣ къ Фотію). Позднѣйшіе папы признали свою непогрѣшимость и весь западъ покорился этому рѣшенію. Наконецъ римскій епископъ долженъ былъ не только освободиться отъ всякой свѣтской власти и отъ утвержденія мірскими правителями, но и отъ всякаго мѣстнаго вліянія. Избраніе папы должно было перейти къ совѣту свободному и отторгнутому отъ всего остальнаго міра. Оно сдѣлалось въ половинѣ XI-го вѣка дѣломъ кардиналовъ и позднѣе еще совершенно независимымъ отъ согласія императоровъ. Всѣ эти измѣненія совершились быстро силою принятыхъ уже началъ и не смотря на развратъ и слабость преемниковъ Николая I-го. Безсознательно и невольно совершилось дѣло, начатое его смѣлымъ духомъ.

Община естественная управляется преданіемъ и инстинктомъ духа въ ней живущаго, всегда оставаясь вѣрною себѣ не смотря на случайныя противурѣчія тѣсно-логическимъ выводамъ. Государство по необходимости управляется своею законною логикою, правитель самовластный подчиняется ей до неволѣ. Такимъ образомъ раціонализмъ или тѣсно-логическій анализъ сдѣлался характеромъ западной церкви, въ противоположность созерцательнаго разумѣнія, сохранившагося на Востокаѣ. Понятіе о правомѣрности, перенесенное въ церковь изъ римскаго права развилось и не могло не развиться въ видѣ полезности (утилитаризма). Молитва, обрядъ, таинство, доброе дѣло получили, въ отношеніяхъ чловѣка къ Божеству, характеръ заслуги и силы заклинательной, совершенно соответствующій кушитскому волхвованію.

Всякая мѣстная справедливость въ общемъ государствѣ христіанскомъ должна получить начало и утвержденіе отъ правды общей: папа, какъ глава всей церкви, долженъ былъ изъявить притязанія на судъ надъ государями и въ этомъ притязаніи былъ строгій логическій выводъ. Все это исполнилось;

но такъ какъ основаніе всей мысли римской было одностороннее, позднѣйшее противодѣйствіе было неизбежно также, какъ и временное торжество.

Раціонализмъ долженъ былъ кончиться отрицаніемъ протестантскимъ, ибо анализъ идетъ путемъ разложенія и отрицанія. Въ своемъ окончательномъ выводѣ протестантство должно перейти въ анализъ чисто-философскій со всѣми его послѣдствіями: въ своемъ религіозномъ періодѣ онъ долженъ былъ сохранить и сохранилъ характеръ правомѣрности или полезности, т. е. кушнтскаго заклинанія

Это же называется въ большей части случаевъ Пелагіиствомъ. Его нельзя не замѣтить и въ римскомъ католицизмѣ и въ его противникѣ протестантизмѣ, который дѣйствительно принялъ всѣ опредѣленія римскія и остался въ зависимости прямого отрицанія отъ Рима какъ Буддизмъ отъ Шиванзма.

Притязаніе на верховный судъ въ дѣлахъ свѣтскихъ должно было кончиться борьбою со свѣтскими властями и отрицаніемъ права духовной власти надъ свѣтскою, и эта борьба, начатая императорами германскими, кончена была всѣми государями запада.

Таково было позднѣйшее развитіе римскаго понятія, приложеннаго къ церкви: но въ первое время оно безспорно связало всѣ западные государства въ одно цѣлое государство или общество христіанское, въ такъ названное *Tota Christianitas*. Это приложеніе христіанства къ жизни, не смотря на свою односторонность, было ново въ мірѣ и подѣйствовало не бесполезно на внутреннее развитіе частныхъ державъ, хотя это дѣйствіе было недостаточно и слабо. Множество новыхъ задачъ было задано человѣчеству: всѣ они не разрѣшены по односторонности первоначальныхъ данныхъ, но стремленіемъ къ разрѣшенію ихъ волновалось и двигалось все человѣчество до нашего времени.

Другая великая власть, двигавшая западъ, власть Франковъ, Государственная не заключалась какъ папство въ идеѣ религіозной. По этому жизнь на

западъ. Франки и Галлы. измѣненія ея судьбы не представляютъ на первый взглядъ той строгой, логической послѣдовательности, которая такъ ясна въ исторіи римскаго престола; но и исторія Франковъ была также, какъ и всякая другая исторія, развитіемъ мысли; слѣдовательно и она должна была управляться и управлялась законами логической необходимости, болѣе или менѣе скрытой подъ покровомъ человѣческихъ случайностей.

Франки, завоевавъ Галлію, основали государство на правѣ сильного и на попятіи о дружинѣ. Въ этомъ отношеніи они поступили также какъ и всѣ другіе германскіе завоеватели запада (за исключеніемъ Угло-Саксовъ); но дружина франкская отличалась отъ всѣхъ дружинъ тѣмъ, что она была лично дружиною князей поморскихъ (Меровинговъ), а не вольницею или дружиною народною. Это отличіе дало имъ несравненно большую крѣпость и при союзѣ римскаго престола рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми соперниками. Въ составъ ихъ царства вошла кромѣ Галліи западная Германія, за исключеніемъ устьевъ Рейна, вся южная Германія и часть Славянскихъ земель до Адриатическаго моря и значительная часть средней Германіи, Тюрингія (которой имя, происходящее отъ слова *Тверичи* свидѣтельствуетъ о первоначальномъ или, что вѣроятнѣе, о временномъ славянскомъ заселеніи во время гунно-славянскаго разлива).

Къ слову Тюрингенъ и къ его производству отъ *Тверичей* прилагается тоже правило разумной критики о характерѣ народныхъ или поколѣнныхъ именъ, которое въ имени Анговъ указываетъ на Угличей.

Побѣды личной дружины франкской надъ дружинами народными очень понятны. Остается другой вопросъ: откуда произошла эта отличительная черта Франковъ и почему они составили не народную и личную дружину въ то время, когда всѣ другія семьи германскія представляли характеръ дружинъ народныхъ? Различіе было безспорно дѣломъ случая, ибо оно не имѣло корня въ какой нибудь особенности при-Рейнскихъ

германцевъ (какъ видно изъ сказаній римскихъ); но съ другой стороны возможность этого случая была обусловлена особенными обстоятельствами ихъ жизни. Народная стихія была слабѣе у Франковъ, чѣмъ у многихъ германскихъ племенъ (напр. Готовъ, Лангобардовъ и др.) потому, что, хотя всѣ ополченія германскія были отчасти сплавами разныхъ народовъ, но почти во всякой дружинѣ преобладалъ какой нибудь народъ, дающій ей имя и характеръ. У Франковъ же большее равенство между составными стихіями допускало большее вліяніе случайнаго преобладавія личности. Такая преобладающая личность явилась въ домѣ князей поморскихъ (Меровинговъ), безспорно отъ ихъ огромнаго обогащенія вслѣдствіе морскихъ разбоевъ (прекращенныхъ только счастливымъ соперничествомъ Саксовъ) и по всей вѣроятности также вслѣдствіе особенной торговой важности самаго Поморья и устьевъ Рейна, всегдашняго и теперешняго перепутья южной и сѣверной торговли.

Этотъ край, древнее наслѣдіе братьевъ и союзниковъ Венетовъ, Славянъ-Менябовъ и Морянъ купцовъ и мореходцевъ, давно уже перешелъ въ руки германцевъ Батавовъ и Франковъ, но нелѣпо бы было думать, что всѣ слѣды прошедшаго могли такъ скоро изгладиться, и что старые торговые пути могли быть такъ скоро забыты. Розысканіе германскаго ученаго о примѣчаніяхъ къ франкскимъ законамъ доказало, какъ долго и ясно сохранилась Бельто-Белгская стихія въ земляхъ при-Рейнскихъ послѣ четырехъ-вѣковаго порабоженія Римлянамъ и двухъ-вѣковаго подданства Франкамъ. Точно тоже или почти тоже должно было случиться и съ славянскою стихією, которой долгое сохраненіе доказывается именемъ Вильценбургъ, преданіями иѣстными о Славянскомъ лѣсѣ, о поклоненіи Бель-Богу и т. д. Въ самыхъ изслѣдованіяхъ объ глоссахъ можно бы указать на многія слова (напр: *боровъ*), которыя принадлежатъ славянскимъ нарѣчіямъ и даже имя *Батави* происходитъ отъ чисто-славянскаго корня (*батльть*, отъ чего *батва*, *батогъ* и т. д.) и означаетъ богатая пастбища приморскія: но не входя въ подробности, этого намека достаточно, чтобы понять на-

копленія богатствъ у Франковъ-Поморянь, занявшихъ область торговыхъ Славянъ-Поморскихъ.

Начало дома Меровингскаго неизвѣстно; но мифическія преданія, которыми онъ окруженъ съ колыбели (преданіе о происхожденіи отъ морскихъ боговъ), также какъ и многія черты позднѣйшія указываютъ по видимому на древнюю славу и какъ будто святость рода. Такимъ образомъ соединены были въ немъ два значенія царскаго и дружиннаго величія (*rex e nobilitate, dux ex virtute*). Къ этому должно прибавить безпрестанныя сношенія съ міромъ римскимъ, которому Франки были подручниками до своего освобожденія, и привычка къ государственной политикѣ, занятой у Римлянъ, но доведенной бездушными Франками до крайней степени обмана и безстыдной игры словомъ и клятвою (по свидѣтельству всѣхъ современниковъ и по всѣмъ позднѣйшимъ историческимъ событіямъ): при такихъ данныхъ легко могла и должна была составиться въ Поморьи сильная личная дружина, которая въ своемъ единствѣ нашла зародышъ будущихъ завоеваній. То Гунны, то Римляне, поочередно призванные какъ покровители и поочередно обманутые, помогали успенію дома Меровингскаго, который мало по малу распространялъ свои завоеванія безъ большой славы, но съ расчетомъ и большою осторожностью. Нужна была одна сильная личность для его возвышенія, и эта личность явилась въ Клодвигѣ. Онъ завоевалъ большую часть Галліи и германское побережье Рейна. Какъ начальникъ личной, а не народной дружины, онъ большую часть своихъ завоеваній оставилъ въ собственность себѣ и своему роду и слѣд. создалъ первое наследственное царство на западѣ, поставивъ себя несравненно выше и въ совершенную независимость отъ своей дружины.

Многіе приписывали отношенія Меровинговъ къ ихъ дружинѣ и явную подчиненность дружины богатству поземельныхъ владѣній, приобретенныхъ Клодвигомъ: это значитъ принять слѣдствіе за причину. Какая народная дружина допускала бы такое огромное обо-

гащеніе своего начальника и его рода? Но безъ сомнѣнія прежняя власть князей поморскихъ, уже и прежде признанная всею ихъ дружиною, усилилась ихъ завоеваніями, обращавшимися въ ихъ собственность.

Клодвигъ раздавалъ свои новыя владѣнія своимъ вѣрнымъ дружинникамъ, но онъ отдавалъ ихъ, какъ свою собственность, на условіяхъ личной службы ему и его роду, а не какъ собственность цѣлаго народа, отдаваемую членамъ дружинъ народныхъ (готской или лангобардской) на правахъ людей совершенно-свободныхъ. Въ этомъ различіи заключалась цѣлая новая государственная система, которой развитіе составляетъ большую часть западной исторіи. Въ одно время съ Клодвигомъ и даже прежде его въ Галлію врывались другія дружины изъ франкскаго же племени, иныя вольныя, т. е. ополченія народныя съ избранными начальниками, иныя личныя, или принадлежація наследственнымъ вождямъ (кажется родственникамъ Меровинговъ) или вождямъ, набравшимъ себѣ дружину, а не избраннымъ дружиною. Значительная часть сѣверной Галліи досталась въ руки этимъ случайнымъ союзникамъ Клодвига, но все таки его часть была несравненно значительнѣе, и борьба между независимыми дружинами и его дружиною была невозможна. Владѣльцы свободные, т. е. люди, составившіе ополченія народныя, были принуждены примкнуть къ новому, сильному средоточію, сохраняя только нѣкоторую часть изъ своей прежней вольности, напр: право отказываться отъ дальнихъ походовъ, въ которыхъ военные арендаторы королевской земли участвовали почти по неволѣ; но и это отличие должно было изглаживаться все болѣе и болѣе.

Отъ того-то мы и не находимъ во Франціи ничего похожаго на совершенно свободное владѣніе, которое долго еще существовало въ Германіи и называлось (быть можетъ въ слѣдствіе какаго нибудь языческаго мѣта) — *Sonnen-Lehn*.

Точно также исчезли и дружины набранныя временными начальниками; отъ нихъ остались слѣды только въ нѣкоторыхъ

преимуществахъ, сохраненныхъ потомками этихъ герцоговъ, сдѣлавшихся богатыми владѣльцами. Дружины родовыя, уже привыкшія къ повиновенію герцогамъ родовымъ, вошли еще легче въ составъ великой дружины, съ которой они бороться не могли. Клодвигу стоило только перерѣзать роды княжескіе (что онъ и сдѣлалъ съ удивительною скоростію и почти комическою безсовѣстностію) и объявить ихъ владѣнія своими, чтобы получить всѣ права законнаго наследника отъ страха или удивленія дикаго войска, которое (какъ извѣстно) цѣнило лукавство и измѣну наравнѣ съ блистательнѣйшимъ мужествомъ. Такова была основа Франкскаго царства въ Галліи; но дальнѣйшее развитіе этого царства зависѣло отъ самой почвы, на которой оно утвердилось.

Галлія еще до римскаго завоеванія не представляла населенія сплошнаго и одностихійнаго. Югъ былъ заселенъ помѣсью Славяно-Лигурскаго народа (какъ видно изъ именъ при-Альпійскихъ мѣстностей и городовъ Антиумъ, Вендіумъ и др.) съ позднѣйшими пришельцами Кельтами, заселенъ Иверцами (около Пиринеевъ), Славяно-Иверцами (какъ уже показано изъ именъ Бель-горы, Кологорья и др.), Кельто-Иверцами и сомнительнымъ племенемъ Васковъ (которыхъ языкъ, не смотря на рѣзкія особенности грамматическія, представляетъ корни чисто-Иранскіе, отчасти Славянскіе, отчасти Гаэлическіе съ примѣсью третьей стихіи, вѣроятно Иверской, т. е. Гаэлической уже измѣненной симитическими нарѣчіями). Западъ Галліи (или по крайнѣй мѣрѣ значительная часть его) былъ заселенъ Славянами Венедской вѣтви (которой сродство съ при-Альпійскими Славянами, *Лигурами*, доказано сходствомъ народныхъ именъ Вендовъ, Антовъ и др. и самымъ именемъ главной рѣки *Лигера*, Лигура). Нѣтъ сомнѣнія, что эти Славяне дальняго запада уже отчасти слились съ своими прежними утѣснителями, Кельто-Галлами, и можетъ быть приняли отъ нихъ также какъ и сами многое передали имъ изъ своего характера, вѣрованія и можетъ быть языка.

Вліяніє Славянъ на Кельтовъ, несомнѣнное уже а priori, подтверждается особенною святостью западнаго острова, на которомъ жили однѣ только жрицы и который носилъ имя *Сена* или *Зена* (теперешній *Сейнъ*), происходящее по видимому отъ слова *жена*, и святостью растеція *Самолузь*, очевидно *жимолость*.

Въ самой чисто-Кельтской Галліи были двѣ различныя стихіи: ранняя Кельто-Галльская, въ которой кажется преобладалъ характеръ родового класса, и позднѣйшая Кельто-Кимрская переселенцевъ VII-го и VI-го вѣка до Р. Х., въ которой по видимому преобладала религіозная іерархія друидовъ. Къ Кимрской стихіи, расселившейся по всей Галліи, принадлежала значительная часть сѣверныхъ жителей, еще позднѣйшихъ пришельцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Беолговъ (святыхъ или чистыхъ) или Брезговъ, прославившихся особеннымъ мужествомъ своимъ. Вообще Галлія, по собственному показанію Римлянъ, оказала имъ менѣ сопротивленія, чѣмъ другія области дикихъ или полу-дикихъ народовъ, вошедшихъ въ составъ имперіи. Ея борьба продолжалась недолго не смотря на многочисленность и даже мужество жителей, ея возмущенія были ничтожны; частыя измѣны въ самое время борьбы рассказаны (хотя очевидно не всѣ) побѣдителемъ-Кесаремъ: изъ всего этого ясно, что въ ней стихіи не слились и находились еще въ междоусобной враждѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и римское владычество не ровню налегло на побѣжденную страну и что вліяніе побѣдителей не вездѣ было одинаково. Южная Галлія, издавна покоренная и приготовленная къ просвѣщенію уже Греками-Массилійскими, пропиталась вполне римскою образованностью, римскими обычаями, словомъ и бытомъ римскимъ. Слѣды этой полной романизаціи, несокрушимой германскимъ нашествіемъ, опредѣлили всю судьбу края въ продолженіи среднихъ вѣковъ и неизгладимы до нашего времени. Цѣльнѣе сохранилось Славянское побережье Атлантическаго Океана, бѣдное и мало заселенное Римлянами и ихъ колоніями. До сихъ поръ, хотя оно утратило языкъ предковъ и слилось по видимому со всею остальною Франціею,

сохранивъ только старое и великое имя Вендовъ, оно еще отличается не только простотою нравовъ, но и особенною твердостью преданія, большою близостью сословіи между собою (доказанною во время революціи) и страннымъ соединеніемъ песокрушнаго мужества съ миролюбіемъ (доказаннымъ также во время революціи, ибо главное возмущеніе Вауденъ было слѣдствіемъ требованія ея жителей па войну). Арморика, мало прінявшая въ себя римскаго владычества, была снова возвращена къ чистотѣ кельтскаго начала новымъ палывомъ выходцевъ изъ Британіи. Почти тоже случилось, хотя нѣсколько позднѣе, съ при-Пиренейскою Аквитаніею; ибо переселеніе Басковъ или по крайнѣй мѣрѣ ихъ усиленное движеніе на сѣверъ вскорѣ послѣ паденія римскаго владычества и потомъ при началѣ сарацынской власти въ Испаніи не подлежитъ никакому сомнѣнію и дало краю особый характеръ, положивъ отчасти оплотъ противъ франкскаго напора и отдѣливъ во многихъ мѣстахъ села, занятыя Басками, отъ городовъ, куда скрылось и гдѣ снаслось прежнее полу-римское народонаселеніе. Остальная Франція также представляла въ составѣ своемъ и въ отношеніяхъ къ завоевателямъ Франкамъ великое разнообразіе. Часть, первоначально захваченная Бургундцами и въ послѣдствіи слившаяся съ областью Франкскою, не только была просвѣщеннѣе остальной Галліи и болѣе пропитана римскимъ началомъ, но сохранила эти особенности даже подъ новымъ игомъ, которое было тяжелѣе и враждебнѣе народу, чѣмъ власть Бургундцевъ, союза, составленнаго изъ Германцевъ-горожанъ при-Рейнскихъ, слѣдовъ: уже полу-просвѣщенныхъ, привыкшихъ къ идеѣ права и къ уздѣ ипсаннаго закона. Франки, завладѣвъ Бургундскимъ царствомъ, вступили по неволѣ въ тѣ же отношенія къ народу, въ которыхъ были и Бургундцы, или лучше сказать Бургундія примкнула къ дружинѣ меровингской, не потерпѣвъ значительнаго измѣненія въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Отъ того въ числѣ историческихъ лицъ, принадлежащихъ къ юго-западной Франціи во время первыхъ Меровинговъ, едвали Галло-Римляне не составляютъ большинства и отличаются

безспорнымъ превосходствомъ личной доблести даже въ дѣлѣ воинскомъ.

Стоитъ только вспомнить Муммола, величайшаго изъ всѣхъ современныхъ полководцевъ.

Сѣверная Галлія была покорена полнѣе и совершеннѣе; въ ней менѣе всего сохранилось римскаго начала и народной самостоятельности; среднія же области, особенно тѣ, которыя перехвачены горными цѣпями, подпала франкской власти не вдругъ. Многія округа, напр: въ Оверии и въ странахъ при-Луарскихъ примкнули къ Меровингамъ сперва какъ союзники (хотя разумѣется и невольные), потомъ какъ данники, были часто опустошаемы и грабимы и наконецъ захвачены въ общую массу Меровингскаго королевства безпрестанными набѣгами королевской дружины скорѣе чѣмъ правильнымъ и сплошнымъ завоеваніемъ. Дружина была разнородная, ибо въ нее вошло множество выходцевъ изъ разныхъ германскихъ племенъ, и сверхъ того множество Галло-Римлянъ, особенно въ первое столѣтіе Меровингской династіи: народъ не представлялъ никакого единства ни въ обычаяхъ, ни въ правахъ, ни въ языкѣ: во Франціи не могло возникнуть ничего цѣльнаго и органическаго. Она была страной чистыхъ отвлеченностей народа покореннаго вообще, т. е. безъ народнаго единства и завоевательной дружины вообще, т. е. людей не связанныхъ между собою ничѣмъ кромѣ дружинныхъ условій подъ зависимостью отъ одного рода дружиноначальниковъ. Тутъ уже была готовая система совершенно условнаго государства. Ей оставалось только развиться во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ: и она развилась сперва въ формѣ аллодіальной, потомъ въ феодальности, неизбежномъ послѣдствіи аллодіальности при наследственности дружиноначальника.

Клодвикъ послѣ завоеванія Галліи (или по крайпѣй мѣрѣ большей части ея) принялъ новое значеніе. Онъ получилъ отъ императоровъ восточныхъ званіе патриція, званіе по себѣ ничего не значащее, но почетное и лестное для герман-

скихъ дикарей. Византія, слишкомъ высоко цѣнившая свои силы и надѣясь со временемъ возвратить себѣ Галлію (какъ она дѣйствительно на нѣсколько лѣтъ покорила Африку и берега Испаніи), хотѣла можетъ быть сохранить тѣнь власти на западѣ и напоминать о себѣ народамъ нѣкогда принадлежавшимъ къ имперіи; быть можетъ она надѣялась въ Франкахъ найти союзниковъ противъ ближайшихъ Готовъ; во всякомъ случаѣ ей не должно было отказать Клодвигу въ ничтожной почести. Клодвигъ принялъ эту почесть съ величайшею радостью; онъ ее принялъ какъ званіе царское: онъ вѣнчался на патриціатъ. Желаніе Меровинга и его радость не должно приписывать единственно политическому расчету: въ нихъ ясны слѣды прежнихъ, еще не забытыхъ отношеній Рима къ Германцамъ, прежнихъ побѣдъ и прежняго подданства. Германецъ благоговѣлъ передъ имперіею даже тогда, когда разрушалъ ее и одѣвался съ дѣтскою гордостью въ римскіе чины, какъ будто облакаясь въ историческую святиню.

Такъ точно вестъ-готскіе цари называли себя *флавіями* и независимые цари дикихъ ордъ средней Азіи выпрашивали отъ китайскаго двора царскіе или княжескіе титулы въ то время, когда готовились разгромить или завоевать Китай. О такихъ мелкихъ побужденіяхъ не должно бы было и говорить, еслибы въ нихъ не было, кромѣ явнаго свидѣтельства о вліяніи Рима на душу побѣдителей его, и объясненіе многихъ фактовъ позднѣйшей исторіи. За всѣмъ тѣмъ, понимая дѣтскую сторону въ мысли Клодвига, критика историческая не можетъ не допустить, что въ немъ было сознаніе, хоть неявное, хоть инстинктивное новаго значенія, которое онъ прибрѣталъ черезъ патриціатъ и, такъ сказать, черезъ свое усыновленіе имперіей. Дѣйствительно Клодвигъ дѣлался въ глазахъ народа законнымъ преемникомъ прежнихъ правъ государства и какъ будто продолжителемъ римской эпохи; ему принадлежала новая сила, независящая отъ силы воинственной дружины, ему освоивались мысли чуждые его германскому происхожденію и быту: но силой этой не скоро сумѣлъ воспользоваться король Франковъ и мысль эта не скоро могла развиться въ его головѣ и въ его государствѣ.

Главнымъ представителемъ народа или по крайней мѣрѣ общества римскаго было духовенство: тоже духовенство было и главнымъ орудіемъ торжества Франковъ надъ ихъ аріанскими соперниками. Клодвигъ принялъ все духовенство въ свою дружину, сдѣлавъ епископовъ своими людьми (Левдами). Точно также поступилъ онъ и съ высшими родами въ городахъ и съ родовыми начальниками сельскихъ округовъ, когда они добровольно покорялись ему: такова причина почему первая эпоха Меровингской власти представляетъ намъ много римскихъ именъ: но многіе потомки Галло-Римлянъ, будучи разъ приняты въ германскую дружину, скоро примкнули къ ней всею душою своею и оторвались отъ угнетеннаго народа: духовенство по своему обыкновенному свойству, по своей всегдашней связи съ остальнымъ христіанствомъ по зависимости отъ римскаго епископа, по своему римскому просвѣщенію и по избранію изъ народной среды, составило въ самой дружинѣ стихію новую, государственную и отчасти народную. Въ позднѣйшее время, когда епископства стали домогаться потомки Германцевъ завоевателей, они по неволѣ подчинились общему характеру сословія и хотя внесли въ него нѣкоторое искаженіе, но придали ему также новую силу. Народъ въ Галліи былъ слабъ и почти ничтоженъ; онъ изстрадался въ законномъ угнетеніи. Такова была его судьба почти во всей римской имперіи; но такова она была по преимуществу въ Галліи, что доказывается частыми и жестокими возмущеніями Багодовъ передъ германскимъ завоеваніемъ. Населеніе страны было весьма рѣдко: города опустѣли; многіе исчезли безъ слѣда, поглощенные въ новыхъ и безконечныхъ лѣсахъ: поля обратились въ лѣсныя пустыни: таковы были явленія государственной ветхости Рима, ибо имперія пала не отъ ничтожнаго напора Германцевъ, всегда побѣждаемыхъ, но отъ собственнаго гніенія. Даже самое опустѣніе областей, приписываемое обыкновенно безпорядкамъ и неразумности финансовой системы, было только послѣдствіемъ общей безжизненности.

Это видно изъ исторіи сѣверной Африки, Персіи, Италіи, Испаніи и особенно Сициліи, опустѣвшихъ безъ войнъ и внѣшнихъ страданій; это же видно и изъ современнаго намъ вымиранія дикихъ племенъ въ Полинезіи. Таковъ законъ, связующій жизнь физическую народовъ съ ихъ жизнію духовною. Финансовая система римская была особенно гибельна потому, что она не хотѣла признавать опустѣнія областей и согласоваться съ нимъ. Она усиливала бѣдствіе, но не была его первоначальною причиною.

При такой слабости народной стихіи ея вліяніе должно было долго оставаться ничтожнымъ; но оно жило, оно дѣйствовало сохраненное духовенствомъ, готовя будущую жизнь и будущую исторію, готовя борьбу въ обществѣ и внося борьбу въ самое сердце королей французскихъ. По видимому вся страна принадлежала одной и той же религіи—христіанству; но христіанство въ своемъ совершенствѣ нѣкогда еще не было религіею нѣкакого народа: оно принимаетъ характеръ той области или того племени, которыми оно усвоено, и Галло-Франкская область заключала въ себѣ два жизненныхъ начала, двѣ религіи. Одна изъ нихъ, религія дружины, соединяла съ христіанствомъ безусловную вѣру въ право силы какъ дара Божіяго, въ безграничную свободу личности (ограниченную только отношеніями владѣнія), въ законы личнаго мщенія и личности и въ святость кровнаго превосходства; но безуміе этой вѣры было отчасти смягчено темными понятіями о законахъ правды внутренней и родоваго обычая. Другая религія, народа и духовенства, представляющаго съ сознаніемъ неясныя инстинкты народа, принимала себѣ наслѣдство Рима, т. е. законъ правды внѣшней, полное порабощеніе личности волѣ общества, т. е. его большинства, равенство передъ обязанностью и святость формы. Таковы были два вѣрованія, раздѣлявшія съ самаго начала весь составъ Меровингской Франціи: онѣ принадлежали отчасти всему западу, но нигдѣ не были такъ рѣзко опредѣлены какъ въ ней и только отъ сношеній съ нею получили свою опредѣленность въ другихъ странахъ. Эти вѣрованія не имѣли наукообразной формы; они

были только живыми зародышами, которыхъ развитіе представлялось исторіи. Каждое отдѣльное лице принадлежало отчасти къ обѣимъ религіямъ; король же, какъ глава всего общества, представлялъ въ себѣ самое полное ихъ сочетаніе. Религія дружины завоевательной была яснѣе, опредѣленнѣе и по видимому ближе къ торжеству; но тайная религія народа была разумнѣе, болѣе вѣрна логикѣ человѣческаго мышленія, логикѣ условнаго государства и логикѣ римскаго просвѣщенія, которое было единственнымъ началомъ просвѣщенія на западѣ: она должна была окончательно овладѣть исторіею.

Франки, въ изображеніи оставленномъ намъ всѣми современниками, представляются самымъ развратнымъ и, можно сказать, глупымъ народомъ, людьми, въ которыхъ трудно найти какую нибудь добродѣтель за исключеніемъ гостепріимства, въ которыхъ свирѣпость была доведена до крайности и которымъ клятвопреступленіе казалось наслажденіемъ и почти закономъ. Таковы были на нихъ слѣды римскаго вѣковаго ига и вѣковаго наемничества на римской службѣ. Родъ князей Поморскимъ (Мервинговъ) былъ достойнымъ представителемъ своего народа и своей дружины. Едва ли какая нибудь исторія равняется ужасамъ и особенно гнусностью съ ихъ исторіею. Христіанство долго не могло ни смягчить, ни облагородить ихъ дикаго права: они оставались равнодушными къ нему точно также какъ были по видимому равнодушными къ своимъ германскимъ богамъ: за всѣмъ тѣмъ духовенство и римскій престолъ ласкали этихъ развратныхъ дикарей, своихъ защитниковъ противъ аріанства другихъ племенъ германскихъ. Въ особенности же ласкали они королей, которые охраняли права церкви, права духовенства и отчасти можетъ быть права народа отъ беззаконныхъ и наглыхъ утѣсеній не только другихъ народовъ, но и своей собственной дружины; братоубійцевъ, сыноубійцевъ, кровосмѣсителей, клятвопреступниковъ, явныхъ и нераскаянныхъ нарушителей всякаго церковнаго постановленія, всякаго нравственнаго или духовнаго закона, величали духовенство и римскіе епископы своими защитниками, своими покровителями, своими любимыми чадами, своими стар-

шими сыновьями, боголюбивыми и благодатными королями, надеждою и радостью церкви. Таковы были ласкательства, расточаемыя самому Клодвигу, клотару, Хильперигу и даже Фредегондѣ. Союзники не измѣняли другъ другу и царство Франкское и власть римская шире и шире раскидывались на западѣ. Первые цари были заняты непрерывными борьбами съ сосѣдями, непрерывными междуособіями, непрерывнымъ подвигомъ военнымъ: они болѣе принадлежали своей воинственной дружинѣ, чѣмъ государству; но внѣшніе непріатели удалялись все болѣе или по крайнѣй мѣрѣ менѣ вызывали Франковъ на бой своимъ напоромъ. Вестъ-Готы, слабѣющіе мало по малу въ своей за-Пирпнейской области, не думали о возвратѣ земель, утраченныхъ ими въ Галліи; Лонгобарды, побѣжденные всякій разъ какъ переходили альпійскую преграду и всегда счастливые противъ франкскаго нашествія, жили съ своими сосѣдями въ отношеніяхъ почти мирныхъ, помышляя только о завоеваніяхъ противъ Византіи и полусвободнаго Рима; Саксы перебросили большую часть своихъ силъ въ завоеванную Британію; Славяне, отчасти подавленные Аварами, отчасти брошенные ими на востокъ, перестали грозить западу и съ трудомъ отставались отъ его завоеваній: наступило время сравнительнаго покоя извнѣ. То же самое было и внутри государства. Родъ Меровинговъ самъ себя истребилъ въ своихъ безпощадныхъ междуособіяхъ: короли истощенные развратомъ, оставляли мало законныхъ наслѣдниковъ. Потребность или выгоды единства были отчасти поняты народами и дружиною, и раздѣлъ государства допускался уже не столь охотно, а борьба между восточною, германскою Франціею (Австразіею) и западною, полу-романскою Франціею (Невстріею), борьба которая въ послѣдствіи разорвала пополамъ Франкскую державу, еще не разгоралась во всей силѣ. Значеніе короля упало и новыя начала выступали въ историческую жизнь. Съ одной стороны духовенство и чрезъ него древняя мысль и преданіе романское получили большій вѣсъ, участвуя въ дѣлахъ государства, и въ законодательныхъ постановленіяхъ посредствомъ Соборовъ (Concilia) и ихъ рѣшеній (placita); съ

другой стороны дружина, отвыкая мало по малу отъ короля, уже рѣдко ратующаго съ нею въ бранномъ полѣ, стала чувствовать свою самостоятельность или присвоивать себѣ самостоятельность, которая въ прежнее время ей не принадлежала. Послѣдній изъ королей не совсѣмъ недостойныхъ носить вѣнецъ Клодвиговъ, Дагобертъ (при которомъ, какъ извѣстно, происходила неудачная борьба съ Славянами и были перерѣзаны въ Баваріи Булгары, признанные народомъ за Славяны), былъ уже тѣснѣе связанъ съ народомъ, чѣмъ съ войскомъ. Не даромъ имя его хранится въ пѣсняхъ, положимъ глупыхъ, положимъ позднихъ, сопровождается прозвищемъ *доброга* и соединяется съ именемъ великаго духовнаго лица епископа *Элиія*; въ этихъ позднихъ пѣсняхъ отзывается древнѣйшее преданіе. Его эпоха замѣчательна; она представляетъ самое полное развитіе Меровингской державы и первую попытку къ возвышенію народной стихіи или къ подчиненію дружины силѣ государственной; но вскорѣ ослабла сила королей. Развратные Меровинги умирали рано: они оставляли дѣтей малолѣтныхъ и эти малолѣтные правители, истощенные развратомъ съ молодости, росли въ безсиліи духа и тѣла. Воспитаніемъ правили лица духовныя, дворъ принималъ характеръ духовнаго полу-народнаго двора, въ которомъ во епипыя упражненія замѣнены были церковною службою и въ которомъ только гнусное растлѣніе нравовъ напоминало о жизни мірской. Тихая упряжь воловъ, прежняя принадлежность языческихъ жрецовъ, перевозила Меровинга изъ монастыря въ монастырь; церковныя пѣсни сопровождали и встрѣчали его повсюду, народъ любилъ его безсильную святыню, угадывая можетъ быть ея будущее значеніе, когда она въ послѣдствіи ополчилась при Капетингахъ; по тогда она не могла еще вступить за права и мысль народа. Мечъ Клодвига выпалъ изъ рукъ его потомковъ; преданіе заклеимло ихъ именемъ царей лѣннивцевъ. Народъ и духовенство, которыхъ представителями стали эти короли, были сами слишкомъ слабы, чтобы своею силою замѣнить безсиліе своихъ владыкъ: сильная дружина освободилась вполнѣ.

Уже при первых Меровингахъ должности придворныя приняла названія латинскія. Начальникъ двора или дома королевскаго (въ смыслѣ дома какъ прислуги), слѣдовательно начальникъ вооруженной стражи, назывался *Maior Domus*. Этотъ человекъ сдѣлался естественнo начальникомъ войска, которое состояло по большей части изъ личной дружины Меровинговъ, когда королѣ сами перестали являться въ битву передъ своими полками. Но Германцы, побѣдители Галліи, еще не забыли своихъ прежнихъ обычаевъ. Они помнили древнее правило: *Царь по крови, вождь по духу*. (*Regem ex nobilitate, ducem ex virtute*) и по этому стали сами себѣ выбирать вождей не смотря на то, что только меньшая часть дружины имѣла дѣйствительное право на такой выборъ, особенно въ Невстріи. Нововыбранный вождь носилъ два названія, которыя отчасти встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ: онъ былъ герцогомъ для вольныхъ Франковъ или государственныхъ ленниковъ; онъ былъ *Maior Domus* для гораздо многочисленнѣйшихъ арендаторовъ или ленниковъ короля, которые не имѣли истиннаго права на выборъ вольныхъ герцоговъ. Последнее названіе болѣе извѣстно въ исторіи, писанной въ то время Невстрійскими или полу-римскими лѣтописцами. Такимъ образомъ при другихъ началахъ повторялся фактъ (извѣстный по Калифату, Японіи и даже древнему Египту) раздѣленія власти на дѣйствительную, военную и религіозную. Но на востокѣ власть военная была въ тоже время государственная, а во Франціи военное начальство было только начальство надъ властвующею дружиною, а власть государственная, бессильная противъ дружины, имѣла характеръ религіозный. Такова вся исторія послѣднихъ Меровинговъ. Какъ скоро дружиноначальство сдѣлалось избирательнымъ, мѣстные условія и различіе областей должны были потребовать дѣятельнаго выраженія. Такъ и случилось. Германская область (Австразія) стала въ соперничество съ полу-романскою *Невстріею*. Дѣйствительно Невстрійская дружина, особенно въ южной Франціи, уже приняла почти вполне характеръ, обычай и отчасти языкъ древней римской провинціи. Въ ней начинали изглаживаться слѣды германства

и по этому наступившая борьба, хотя происходила въ дружинѣ, получила значеніе борьбы между двумя народностями германской и романской. Духовенство оставалось нечуждымъ борьбѣ; оно, принадлежа, какъ уже сказано, побѣжденному народу, вошло уже отчасти въ дружину (ибо епископы были королевскими ленниками) и во многихъ мѣстахъ имѣло значительную силу, какъ по родовымъ связямъ и по дѣйствию на совѣсть народа и вождей, такъ и по огромнымъ богатствамъ, прибрѣтеннымъ отъ щедрости развратно набожныхъ королей. Но время великой силы еще не наступило для него. Не отъ него зависѣло рѣшеніе борьбы; и примѣръ маіоръ домуса (мера) изъ духовенства въ лицѣ *Леодегарія* (котораго римское преданіе причислило къ лику святыхъ, а исторія едва ли можетъ положить въ числѣ своихъ благородныхъ дѣятелей) не имѣлъ послѣдствій. Побѣда осталась и должна была остаться за Австразіею, болѣе вопиющею, болѣе цѣльною въ своемъ внутреннемъ составѣ и очевидно болѣе благородною по своему характеру. Меръ Австразійскій достигъ званія общаго мера всей Франкской державы, т. е. ея дружиннаго короля.

Преемство этихъ меровъ, сперва зависѣвшее отъ избранія, скоро сдѣлалось наследственнымъ вслѣдствіе огромныхъ богатствъ и великаго характера рода Пиппинова и еще болѣе въ слѣдствіе общаго стремленія къ единству государственному и къ успокоенію въ родовомъ преемствѣ: соперничество короля и мера было неизбѣжно, но паденіе бесплныхъ Меровинговъ было отсрочено союзомъ ихъ съ духовенствомъ и римскимъ престоломъ. Во первыхъ меръ былъ представителемъ дружины, а король представителемъ народа и началъ духовнаго и гражданскаго; во вторыхъ родъ Пиппиновъ, одержавшій верхъ надъ своими соперниками, принадлежалъ Австразіи, землѣ мало покорной Риму, не вполне христіанской и по своему германскому характеру враждебной всему римскому просвѣщенію и римской мысли. Духовенство и Римъ не могли отступить отъ своихъ любимыхъ чадъ, Мервинговъ, и благословить на ихъ мѣсто враговъ своихъ или по крайней мѣрѣ представителей враждебнаго начала, а меры не могли овладѣть престоломъ и

Борьба
Меровъ
съ духо-
венст-
вомъ.

принять званіе короля иначе какъ съ согласія и благословенія представителей римскаго начала. Такимъ образомъ соперничество между меромъ и королемъ обращалось въ соперничество между меромъ и папою, и это враждебное отношеніе ихъ другъ къ другу выразилось со стороны Пипина и его преемниковъ, въ угнетеніи духовенства, часто въ разграбленіи церковныхъ имуществъ и даже церквей, а со стороны духовенства въ приговоръ проклятія надъ мерами, приговоръ, который разумѣется не былъ высказанъ торжественно и всенародно, но памятенъ народу и переданъ потомству.

Это особенно замѣтно въ отношеніи къ Карлу Мартеллу, величайшему изъ людей того времени, побѣдителю Фризонцевъ язычниковъ на сѣверѣ и ислама на югѣ, спасителя Франціи, западной Европы и можетъ быть христіанства на западѣ. Послѣ всѣхъ его подвиговъ, вмѣсто вѣнца святости, которымъ западное духовенство такъ охотно награждало своихъ слугъ, преданіе, очевидно составленное духовенствомъ и сообщенное народу, опредѣлило ему мѣсто въ аду. Этотъ фактъ, давно извѣстный и всегда объясняемый изъ частныхъ случаевъ или личныхъ отношеній, есть только одно изъ выраженій неизбежной вражды между мерами и Римомъ; но до сихъ поръ ихъ соперничество и смыслъ ихъ борьбы не былъ еще понятъ или по крайней мѣрѣ объясненъ вполне.

Трудно было дружнному началу побѣдить начало духовное; ибо христіанство владѣло не только совѣстью народа, но и совѣстью самой дружины; трудно было римскому духовенству побѣдить дружину, въ которой заключалась единственная вещественная сила на западѣ. Торжество было невозможно и борьба должна была кончиться примиреніемъ на условныхъ положеніяхъ: но этотъ выводъ могъ быть понятъ только послѣ упорной и бесполезной борьбы. Пипинъ, Карлъ и его дѣти, не отрываясь отъ христіанства, стали въ немъ самомъ искать опоры противъ римскаго престола и нашли, что церковь Кельто-Британская, основанная отчасти на началахъ восточныхъ, и во всякомъ случаѣ основанная въ такое время,

когда односторонность римскаго запада еще не отозвалась въ устройствѣ церкви и въ опредѣленіи вѣры, была оторвана отъ общаго движенія запада бурей народовъ, нахлынувшихъ на имперію и перервавшихъ всякое сообщеніе между далекимъ сѣверомъ и южными областями. Въ ней самой не могли развиваться тѣ начала, которыя преобладали въ Галліи, Испаніи и Италіи, ибо Британскій островъ былъ менѣе романизованъ и болѣе другихъ областей сохранилъ самостоятельность стихіи народной. Этому служитъ яснымъ доказательствомъ процвѣтаніе поэзіи, сохраненіе друидизма и его переходъ въ мистическое и полу-языческое христіанство, котораго существованіе видно изъ преданій галлическихъ и не подлежитъ никакому разумному спору. Христіанство, перенесенное изъ Рима Августиномъ, посланникомъ Григорія Великаго и принятое Саксонцами, было уже глубоко проникнуто односторонностью римской или обще-западной мысли: оно не могло оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ къ духовенству Кельто-Британскому, уже восторжествовавшему надъ друидизмомъ, но нисколько не склонному подчиниться римской власти. Дѣйствительно между духовенствомъ пришлымъ и духовенствомъ туземнымъ загорѣлась жестокая вражда, ознаменованная со стороны Римско-Саксонской церкви ужаснѣйшими гоненіями и кровопролитіемъ, достойнымъ самыхъ свирѣпыхъ язычниковъ. За всѣмъ тѣмъ Кельтская церковь устояла: она сохранялась у непокоренныхъ галлическихъ племенъ въ гористыхъ областяхъ западной Британіи, была сильна своимъ пресвѣщеніемъ, вѣрностью древнему преданію и еще сильнѣе связью своею съ совершенно независимыми церквами, процвѣтавшими въ Ирландіи и юго-западной Шотландіи. Въ Ирландію христіанство было перенесено въ теченіи первыхъ вѣковъ послѣ Р. X. вѣроятно по тѣмъ старымъ океаническимъ путямъ, которые были посѣщаемы смѣлымъ парусомъ семитовъ финикійскихъ и никогда не были вполне забыты, даже во время паденія морской торговли при римскомъ міродержавствѣ. На это указываетъ множество преданій также какъ и на происхожденіе Кельто-Эринскаго христіанства съ востока, а не изъ западныхъ областей римскихъ.

Таковы рассказы о посѣщеніи Британскихъ острововъ апостолами, о прибытіи Іосифа Аримаѣйскаго или его потомковъ, о святомъ Граалѣ и др.

Но эти преданія, сами по себѣ сомнительныя, подтверждаются въ особенности явнымъ и сильнымъ стремленіемъ духовенства и народа кельтскаго къ удержанію обрядовъ восточной церкви, къ сношеніямъ съ ней и къ предпочтенію ея свидѣтельствъ передъ свидѣтельствами церкви западной. Здравая критика не можетъ даже при скудныхъ данныхъ, сохранившихся въ лѣтописяхъ, въ житіяхъ святыхъ и прочихъ письменныхъ памятникахъ, не узнать въ отношеніяхъ церкви Ирландской и ея дочери, церкви Скотовъ и Шиктовъ къ церквамъ Эллады и Азіи характера духовной зависимости или духовнаго сыновства. Подробности происшествія изгладились изъ человѣческой памяти; но происшествіе несомѣнно. Тщетны были успія Рима и римско-саксонскаго духовенства проникнуть въ область Кельтскую и подчинить себѣ ея независимую церковь. Высокое просвѣщеніе, чистота жизни, вѣрность основнымъ преданіямъ давали перевѣсъ кельтскому духовенству передъ его могущественными, но уже полу-свѣтскими противниками и въ этой борьбѣ, по видимому столь неровной, между слабымъ и бѣднымъ остаткомъ племени почти подавленнаго и огромнымъ западно-церковнымъ государствомъ сила духовнаго начала выразилась въ невольномъ почтеніи всего Запада къ своимъ строгимъ обличителямъ. Забытый и темный уголь міра, не замѣченный завоевательнымъ Римомъ, не замѣченный исторіей, но къ счастью еще также не захваченный разливомъ германскихъ дикарей, зеленый островъ Эрина прославился на всѣмъ западѣ какъ жилище чистаго христіанства, какъ *островъ святыхъ*. Борьба разгоралась болѣе и болѣе: духовные борцы кельтскаго племени, отчасти стѣсненные угнетеніями отъ Саксонцевъ въ предѣлахъ Британіи, отчасти гонимые жаждою обширнѣйшей дѣятельности и большаго поприща, стали переселяться въ области Кельто-Галльскія, еще не захваченныя Франками и вскорѣ въ область самихъ Франковъ. Тамъ

Духовная
борьба
Кельтовъ
съ Герма-
но-Рим-
скими па-
чалами.

воздвигали они строенія, монастыри и духовныя училища, разсадники знанія и вѣры, такъ боролись въ одно время и противъ уцѣлѣвшаго язычества и противъ возникающей односторонности западно-церковнаго государства. Около нихъ толпились ученики, къ нимъ принадлежалъ народъ и передъ ними преклопались даже ихъ враги по ученію, побѣжденные ихъ истинно христіанскимъ величіемъ. Эта эпоха славна для Кельтской и Ирландской церкви. Имена или біографіи великихъ дѣйствователей того времени на поприщѣ науки или духовной жизни доказываютъ, что въ области франкской они все принадлежали къ Кельтамъ или по происхожденію или по ученію. Пламенный Колумбанъ, основатель двухъ монастырей, важныхъ въ церковной исторіи (*Luxueil* и *Bobbio*), гремѣлъ словомъ противъ Рима, призывалъ народы къ чистому христіанству, переходилъ изъ страны въ страну, проповѣдуя и обличая, торжествуя въ гоненіяхъ, пробуждая ревность въ усыпленной и омраченной душѣ своихъ современниковъ и полагая трудами своими начала къ водворенію христіанства въ Германіи. Его ученики и преемники продолжали его дѣло и его апостольскую проповѣдь. Многіе погибли въ мученіяхъ; но кровь ихъ пролилась не бесплодно. Христіанство проникло въ лѣсистыя пустыни за-Рейпскія и имя Кельтской церкви увѣнчалось новымъ блескомъ. Такова была въ самомъ духовенствѣ стихія, на которую оперлись мужи дома Пиппинова въ борьбѣ противъ Рима и Меровинговъ.

Это явно изъ вражды папскаго престола противъ ирландскихъ проповѣдниковъ и изъ покровительства, оказаннаго имъ франкскими мерами.

Но временное торжество стихіи свободной въ западной церкви не могло быть продолжительнымъ. Миръ германо-римскій долженъ былъ подчиниться законамъ того просвѣщенія, на которомъ онъ возникъ. Успѣхи кельтскихъ проповѣдниковъ могли произвести въ немъ потрясеніе непродолжительное; вражда меровъ и угнетеніе церкви Карломъ Мартелломъ, мог-

ли произвести въ духовенствѣ временный безпорядокъ, усилить развратъ и даже испугать западный міръ возвратомъ къ прежней дикости. Все это могло случиться и случилось; но сила римскаго престола и церковно-государственнаго пачала должна была снова возтаты и развиться во всѣхъ своихъ логическихъ послѣдствіяхъ. Это было неизбѣжно.

Борьба кельтскаго духовенства противъ германо-римскаго началась въ островной Британіи. Тамъ продолжалась она съ наибольшимъ упорствомъ; тамъ пропзвела она самыя грустныя явленія; по тамъ же повела она за собою самыя утѣшительныя послѣдствія. Духовенство саксонское, сперва преслѣдовавшее своихъ соперниковъ съ свирѣпостью дикихъ звѣрей, убивавшее ихъ цѣлыми тысячами и вооружившее противъ нихъ кровожадную вражду язычниковъ, облагородилось и возвысилось духовными примѣрами кельтскихъ мучениковъ: оно приняло отъ нихъ науку, которой скудныя остатки сохранялись еще въ далекомъ уголѣ запада (это доказываютъ имена Англійскихъ ученыхъ, напр. Беды и Алькуина); оно приняло отъ нихъ святость жизни (въ этомъ свидѣлствуютъ безчисленныя черты изъ исторіи Англо-Саксовъ); оно приняло наконецъ и ту ревность проповѣди христіанской, которой отличались Колумба, апостоль Пиктовъ, Колумбанъ, апостоль сѣверной Швейцаріи, Галль, его преемникъ и множество другихъ. Саксонцы вступили въ поприще открытое Кельто-Ирландцами. Ихъ призывала на проповѣдь любовь къ вѣрѣ, которую они понимали какъ высшее сокровище человѣческаго духа; ихъ призывала въ Германію любовь къ братіямъ по крови и по языку. Множество саксонскихъ монаховъ явилось на святой подвигъ и быстрый успѣхъ увѣнчалъ дѣло, предпринятое чистою любовію. Имена этихъ проповѣдниковъ незабвенны; но первое мѣсто между ними принадлежитъ Вильфриду (болѣе извѣстному подъ именемъ Боппація) истинному апостолу Германіи. Меры не смѣли полагать имъ явныхъ преградъ въ ихъ великомъ дѣлѣ, хотя и старались замѣнять ихъ другими, болѣе покорными дѣятелями (это видно изъ многихъ случаевъ, и между прочимъ кажется изъ соперничества

Франкского Вульфрама против папского проповѣдника Вильброда въ землѣ Фризонской); но успѣхи духовныхъ лицъ, служившихъ римскому престолу, далеко превосходили успѣхъ кельто-Франкскихъ учителей. Это превосходство объясняется многими причинами, большимъ единствомъ въ дѣйствіи римскомъ, большимъ блескомъ наружнаго богослуженія, а особенно благорасположеніемъ Германцевъ къ проповѣдникамъ, не приносившимъ съ собою ничего кромѣ христіанскаго ученія и основавшимъ новыя независимыя общины церковныя, и враждою къ Франкамъ и къ проповѣдникамъ, происходившимъ изъ ихъ области и приносившимъ съ собою вмѣстѣ съ ученіемъ новую зависимость отъ Франкской дружины и какъ будто отягченіе ненавистнаго яга. Въ ново-христіанской землѣ началась опять борьба между преемниками Колумбана и Галла и слугами римскаго престола; но эта борьба была непродолжительна. Бонифацій и его сподвижники одержали скорую и совершенную побѣду. Быть можетъ употребляли они не всегда чистое оружіе, быть можетъ прибѣгали они иногда къ клеветамъ (какъ видно изъ нѣкоторыхъ разсказовъ, въ которыхъ кельтскіе проповѣдники, люди вообще жизни весьма строгой, обвинялись въ развратѣ), быть можетъ давали они чужому ученію ложное толкованіе (называя напр: прелюбодѣями духовныхъ жеватыхъ или дозволявшихъ бракъ духовнымъ людямъ); но очевидно, что торжество ихъ было неизбежно и что ихъ противники, несогласные другъ съ другомъ въ подробностяхъ ученія и поневолѣ подчиненные мірской власти своихъ покровителей, меровъ, не имѣли внутренней силы, достаточной для продолжительной борьбы. Успѣхъ римскихъ проповѣдниковъ и особенно Бонифація, умершаго мученикомъ, распространялъ христіанство по всѣмъ берегамъ Рейна и Везера, по всей южной и большей части средней Германіи. Римскій престолъ воспользовался обстоятельствами. Проповѣдниковъ своихъ и черезъ нихъ всѣхъ ихъ преемниковъ на епископствѣ привязалъ онъ къ себѣ особенною присягою, которая до тѣхъ поръ обозначала только отношенія римскаго престола къ епископамъ подгороднымъ; перемѣнилъ даже имена

Распространеніе христіанства въ Германіи,

ихъ, какъ будто даруя имъ новую жизнь (напр: Вильбродъ получилъ имя Клементя, а Вильфридъ Бонифація); основалъ епископства и связалъ ихъ (отчасти по требованію Бонифація) узами митрополитовъ, освобождая ихъ вполне отъ всякой власти и вліянія со стороны франко-галльскаго духовенства; наконецъ утвердилъ новую провинцію церковную или новую церковь, независимую отъ всѣхъ другихъ властей и совершенно подчиненную Риму: это дѣло было великое и сильно противодѣйствующее завладѣніямъ и неограниченнымъ требованіямъ дружины и ея короля мера.

Многіе историки обвиняли папъ, требовавшихъ присяги подданства, и новыхъ епископовъ, принесшихъ ее. Обвиненіе это нецѣпно. Смыслъ присяги былъ совершенно согласенъ съ законнымъ или обычнымъ отношеніемъ юныхъ церквей къ церквамъ родительницамъ (примѣръ такому отношенію находимъ въ донесеніи церквей галльскихъ къ мало-азійскимъ о своихъ мученикахъ): слѣдоват. и папы и Бонифацій были правы. Ложна и законопротивна только форма *присяги*, но этого не понимали ни современники, создавшія римскаго духа, ни историки, его бессознательные наслѣдники.

Духовнымъ завоеваніемъ Германіи было восстановлено равенство между папою и меромъ (религіозно государственнымъ началомъ и дружиною); но этого равенства не понимали меры. Смѣлый ударъ папы Захарія открылъ имъ глаза. Онъ поднялъ противъ Франковъ всю южную Германію и прислалъ своего легата съ благословеніемъ Петра въ народное ополченіе. Дѣти Карла Мартелла, Пининъ и Карломанъ, одержали блистательную побѣду, но поняли всю опасность борьбы. Они искали мира. Папа согласился. Посредникомъ былъ Бонифацій, сохранявшій всегда свою нравственную чистоту и отчужденіе отъ политическихъ смуть и козней мірскихъ. Вражда кончилась перемиріемъ. Новая церковь сохранила свою независимость, короли свое право, меры свою силу, и кельтская церковь принесена была въ жертву примиренію; но этимъ не могъ кончиться тайный споръ двухъ враждебныхъ властей.

Дружинный германскій король хотѣлъ и долженъ былъ стать на мѣсто короля народнаго и римскаго. Лангобарды тѣснили Римъ. Папы прибѣгли къ мечу Франковъ. Меры продали свою помощь на томъ условіи, чтобы папы продали своихъ духовныхъ чадъ Мервинговъ. Престоль папскій былъ спасенъ и новая династія сѣла на престоль франкскій, но принявъ благословеніе отъ папъ, она вступила въ ту же стезю, по которой шли первоначальные Мервинги и приняла въ себя ихъ двойственное значеніе. Начатое Пипиномъ было кончено сыномъ его, Карломъ Великимъ.

Карлъ по происхожденію рода своего и по началу власти былъ представителемъ дружины; но односторонность этого значенія была въ немъ умѣрена новымъ положеніемъ, въ которое сталъ отецъ его Пипинъ, приобрѣтшій уже посредствомъ союза съ римскимъ дворомъ право считать себя преемникомъ Клодвигова патриціата, т. е. царства на римскомъ правѣ, заключающаго въ себѣ идею духовно-народной державы. Задача, доставшаяся Карлу, была не только велика, но и неисполнима и его высокій геній истомился въ безплодныхъ усиліяхъ къ достиженію недостижимой цѣли. Царство Франковъ было на западѣ единственнымъ представителемъ христіанства, побѣжденнаго Маврами въ Испаніи, ничтожнаго въ неустроенной области островныхъ Англо-Саксовъ и подавленнаго другими стихіями и враждою съ римскимъ дворомъ въ лангобардской Италіи. Миръ, заключенный Пипиномъ и братомъ его съ папою Захаріей, погубивъ самостоятельность кельтской церкви, далъ на западѣ римскому католицизму не только полный перевѣсъ, но и исключительное существованіе и право считаться единственнымъ воплощеніемъ христіанской мысли. Съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ миръ, соединивъ Франковъ съ Римомъ, породилъ въ нихъ и въ ихъ владыкахъ и мало по малу въ народахъ, получившихъ черезъ нихъ и образованіе и умственную жизнь, мысль объ единствѣ христіанскаго міра какъ державы политической. Въ этомъ смыслѣ Карлъ Великій былъ меченосцемъ христіанства и борьба его съ народами иновѣрными получила значеніе не только борьбы политиче-

Карлъ
Великій.

ской, рѣшающей первенство Франковъ надъ другими германскими племенами, но и борьбы религіозной, подчиняющей побѣжденныхъ ученію западнаго христіанства. Смѣшеніе политическихъ интересовъ и особенно политической идеи съ идеею чисто-духовною въ державствѣ и дѣятельности Карла дало характеръ и направленіе всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ, крестовымъ походамъ, стремленію императоровъ германскихъ къ всемірному владычеству и т. д. Отъ того-то въ мысли германской Оттонъ связывается прямымъ (никогда не существовавшимъ) преемствомъ съ Карломъ Великимъ и поэзія народная представляла себѣ всю исторію Пиппинова сына рядомъ крестовыхъ походовъ, а его бароновъ и богатырей крестовыми палачами. Впрочемъ все это воззрѣніе на тождество церкви и государства и на принудительное право религіозно-духовной мысли, въ началѣ своемъ истекало по необходимости изъ римско-христіанской мысли. Развѣтіе же его было ускорено и отчасти измѣнено ходомъ историческихъ случайностей. Такъ напр: страшное усиліе магометанства, обусловленное единствомъ калифата, породило въ народахъ западныхъ потребность единства для сопротивленія враждебному единству; а съ другой стороны то внутреннее, незамѣченное но неизбѣжное раздвоеніе между идеею государственною и духовною, которое выразилось вездѣ, гдѣ эти двѣ идеи бывали паспльственно стягиваемы въ одну (въ магометанствѣ, въ чистомъ буддизмѣ, въ мѣшанномъ буддизмѣ Японіи и въ древнѣйшемъ Египтѣ и Эѳіопіи), получило особый характеръ на западѣ потому что вещественные дѣйствователи принадлежали одному племени германскому, а духовная сила истекала изъ другаго племени романскаго. Борьба идей, слившаяся съ борьбою племенъ, становилась тѣмъ упорнѣе и разумное разрѣшеніе или по крайнѣй мѣрѣ торжество одного какого нибудь начала тѣмъ невозможнѣй.

И такъ значеніе имперіи Карла Великаго соотвѣтствовало свѣтскому калифату и стремленіе присвоить себѣ всѣ права калифата духовнаго въ немъ выражалось по необходимости. Такого объясненіе его ревности къ обращенію невѣрныхъ,

ревности носившей на себѣ характеръ воинственной дикости и завлекшей его въ мѣры жестокости неизвинительной и не сообразной даже съ его впрочемъ не свирѣлымъ правомъ. Должно однакоже замѣтить, что эта жестокость обращена была по преимуществу противъ саксонскаго союза, издавна враждебнаго франкскому союзу, похитившаго у Франковъ, какъ я уже сказалъ, владычество надъ морями и прибыльное ремесло морскаго разбоя. Вражда народная, незамѣтно можетъ быть для самаго государя, имѣла по вѣроятности великое вліяніе на его поступки. Тѣ же самыя причины объясняютъ его воинственное проповѣдничество, объясняютъ также его постоянное занятіе церковными дѣлами и вмѣшательство въ споры церковныя и въ улучшение и возвеличеніе церковнаго обряда. Безполезно бы было входить въ подробности Карловой дѣятельности по этой части; но должно замѣтить, что его дѣйствія были всегда, вѣроятно безъ его вѣдома, подчинены расчету политическому. Такъ напр. живое участіе его въ спорѣ Адопціанистовъ и рѣшеніе его противъ Феликса и Элипаида было безъ сомнѣнія связано съ желаніемъ помѣшать развитію свободной церкви Мозарабской (т. е. христіанъ, признающихъ власть Аравитянъ въ Испаніи) и подчинить эту церковь общимъ законамъ, рѣшающимъ судьбу и ученіе остальной западной церкви; но въ другомъ случаѣ вліяніе Карла на дѣла церковныя отозвалось на всей судьбѣ христіанства въ слѣдующихъ вѣкахъ до нашего времени. Испанія, какъ уже сказано, измѣнила символъ, прибавивъ къ нему *Filioque*; это измѣненіе долго оставалось незамѣченнымъ, хотя по нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что оно было принято въ иныхъ церквахъ южной Франціи. Во всякомъ случаѣ, это принятіе было весьма ограничено и встрѣчало даже иногда явное сопротивленіе, какъ видно изъ Алькуина. Войны и побѣды Карла Великаго, бросивъ много стихій франкскихъ въ Испанію, имѣли также послѣдствіемъ значительное движеніе изъ Испаніи во Францію и особенно переселеніе многихъ духовныхъ лицъ. Вопросъ о символѣ возникъ съ новою силою, сдѣлався всеобщимъ вопросомъ Галло-Испанской церкви

и былъ перенесенъ на судъ папскаго престола. Папа былъ явно склоненъ къ ученію, выраженному измѣненнымъ символомъ. Причины этого направлеція, отчасти объясняныя выше, объясняются въ особенности тѣмъ, что второе лице божества, по ученію всѣхъ церквей и богослововъ, представляетъ по преимуществу характеръ факта въ самомъ божествѣ; и римская мысль, сдѣлавшаяся представительницею запада, должна была по своему чисто-практическому характеру стремиться къ расширенію его значенія и, такъ сказать, круга дѣйствія. Папа по своему западному характеру, склонялся по необходимости къ этому же ученію, но съ другой стороны историческая древность епископства римскаго и связи преданія объ единствѣ (мало уважаемомъ гордостью новыхъ германскихъ народовъ) удерживали его отъ согласія съ измѣненіемъ самовольнымъ, противнымъ постановленіямъ прежнихъ соборовъ, и въ особенности предлагаемымъ самымъ законопротивнымъ образомъ, т. е. безъ истребованія не только согласія, но даже мнѣнія древней братіи, восточной церкви и ея представителей. Двусмысленный отказъ папы и почти явный протестъ не устояли противъ рѣшительной воли его покровителя и владыки Карла. Измѣненный символъ былъ допущенъ хотя и не каноническимъ путемъ, вскорѣ утверждёнъ обычаемъ и признанъ несомнѣннымъ исповѣданіемъ вѣры на всѣмъ западѣ. Церковь была разорвана пополамъ.

Нѣкоторые историки въ рѣшеніи Карла видѣли желаніе помыслить Испанію, оскорбленную рѣшеніемъ объ адопціанизмѣ. Причина сомнительная и слишкомъ мелкая; причина же истинная не могла быть угадана западною критикою, невольною преемницею стремлений и страстей, волновавшихъ колыбель западныхъ племенъ. Она заключалась, какъ сказано, въ характерѣ римской мысли съ одной стороны, а съ другой—въ открытомъ но несомнѣнномъ стремленіи западныхъ церквей къ отдѣльной самостоятельности, и въ невольномъ желаніи Карла поставить христіанскій міръ, котораго онъ былъ представителемъ и главою, на степень неподсудимой державы.

Воля великаго меченосца рѣшила церковный вопросъ и опредѣлила все направленіе будущей исторіи; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что даже безъ этого факта, принадлежащаго къ историческимъ случайностямъ, рѣшеніе было бы тоже, хотя послѣдовало бы можетъ быть позже и инымъ образомъ, ибо въ Карлѣ выразился не произволь личности, но неодолимый ходъ мыслей и стремленій цѣлаго новаго германо-римскаго міра. Робкое сопротивленіе папъ, верѣшительныхъ хранителей преданій единства вопреки своимъ собственнымъ выгодамъ и желаніямъ; не могло долго устоять противъ общей воли и стремленія, тайно управляющаго развитіемъ папскаго престола. Ихъ сопротивленіе было смѣле и успѣшнѣе въ другомъ дѣлѣ, въ которомъ они не побоялись стать противъ мнѣнія Карла Великаго. Опредѣленіе втораго Никейскаго собора возстановило поклоненіе иконамъ и сообщено было по древнему обычаю римскому двору и всѣмъ западнымъ епархіямъ. Папа присталъ къ нему; сѣверная Италия возстала противъ него, также какъ и большая часть Галліи. Соборъ всѣхъ главныхъ епископовъ средней Европы на берегахъ Рейна отвергъ рѣшеніе востока, не смотря на объясненія, данныя патриархами. Карлъ согласился съ своими епископами; но папа не уступилъ. Въ епископахъ, не понявшихъ свободы обряда, спасенной въ Никее, выражалось желаніе сохранить духовность христіанства; въ папѣ кромѣ памяти объ единствѣ, такъ слабо сохраненномъ имъ въ вопросѣ о символѣ, выражалось другое стремленіе къ возведенію обряда въ значеніе принудительнаго закона, не совсѣмъ чуждое нѣкоторымъ учителямъ востока и сдѣлавшееся въ послѣдствіи преобладающимъ на западѣ. Конечно это направленіе не выказалось сначала съ опредѣлительною ясностью; но въ теченіи вѣковъ, когда Никейское рѣшеніе получило силу повсемѣстнаго закона, поклоненіе иконамъ и уваженіе къ обрядамъ приняли заклинательный характеръ древняго кушитства и оправдали такимъ образомъ епископовъ западныхъ, предвидѣвшихъ вредныя послѣдствія, но не могшихъ понять глубокаго смысла втораго Ни-

кейскаго собора; папскій престолъ, оставшійся вѣрнымъ своему ученію, не скоро побѣдилъ упорство галло-германской церкви, поддержанной сильною рукою Карла великаго, и вопросъ объ иконахъ оставался неразрѣшеннымъ еще около ста лѣтъ. Такимъ образомъ привычка разъединенія съ востокомъ присоединилась къ причинамъ разъединенія, опредѣленнаго уже измѣненіемъ символа и великій императоръ Франковъ явился хотя и не причиною, но безъ сомнѣнія главнымъ дѣйствующимъ въ разрывѣ церквей и слѣдов. въ разрывѣ всей жизни запада и востока.

Геній Карла повершилъ во всѣхъ отношеніяхъ дѣло Франковъ и ихъ рѣшительное торжество надъ другими западными народами. Послѣ долгой и упорной борьбы сокрушилъ онъ Саксонцевъ, единственныхъ соперниковъ франкской власти въ Германіи и уничтожилъ жизнь, которою Саксонцы (какъ уже сказано, племя германское съ примѣсью славянской стихіи) отличались отъ остальной своей германской братіи, втянувъ ихъ въ общее, чисто военное устройство Франкской державы. Соперничество Баварцевъ, само по себѣ ничтожное, на время получивши нѣкоторое значеніе отъ хитрой политики папскаго престола, потомъ побѣжденное Пипиномъ и братомъ его, было совершенно и навсегда уничтожено мечемъ Карла, лишившаго навсегда Баварію самостоятельности и даже тѣни независимости. Фризонцы приморскіе и при-Рейнскіе, ожесточенные и часто счастливые враги Карловыхъ предковъ, пали передъ его силою и сохранили только на берегахъ океана въ болотистыхъ убѣжищахъ своихъ нѣкоторую свободу и старую народную жизнь, указывающую во многихъ подробностяхъ (какъ уже сказано) на славянскую стихію, о которой память сохранилась въ преданіяхъ о Вендскомъ Лѣсѣ, о славянскомъ Белъ-Богѣ, о торговомъ бытѣ, о баснословной Ставорѣ (Святогорѣ), о святомъ значеніи пшеницы и о многомъ другомъ. Эти остатки мирной народной жизни предоставлено было уничтожить позднѣйшимъ вѣкамъ и дикому желѣзу рыцарей; но жесточайшіе и рѣшительные удары нанесены были мечемъ Карловинговъ. Далѣе на востокъ, куда еще не про-

никали ни торжествующія дружины Меровинговъ, ни стихія германская (крѣмъ временнаго переселенія народовъ), прогрѣмъло грозою и славою имя Франковъ подъ знаменами Пиппина сына. За предѣлами саксонской земли воинственные Датчане узнали его силу и покорились ей. Сосѣди ихъ Славяне вступили съ нимъ въ дружескіе союзы противъ своихъ враговъ Саксонцевъ, признавъ его верховное державство или вступили въ тѣже отношенія по неволѣ, претерпѣвъ нѣсколько частныхъ пораженій. Славяне при-Дунайскіе подверглись тойже участи, также какъ часть Славянъ Иллирійскихъ на югѣ и при-Карпатскихъ на сѣверѣ. Наконецъ слабые остатки прежней аварской силы, нѣкогда сосредоточивавшей и предводившей, потомъ угнетавшей Славянъ и сокрушенной ими, исчезли съ лица земли передъ ополченіемъ Франковъ, разрушившихъ на берегахъ Тиссы и Дуная ихъ военныя становища (или округа), гдѣ тучили въ роскошѣ и лѣни развратные потомки нѣкогда грознаго племени.

Послѣ походовъ Карла великаго гибнуть безъ слѣда и имя и народъ Аварскій, не оставивъ ни какого памятника, по которому бы можно опредѣлить его родовыя начала. Въ именахъ, въ названіи царскаго сана и въ другихъ примѣтахъ отзывается явная примѣсь средне-Азіійской (финно-Тюркской крови); съ другой стороны отсутствіе слѣдовъ ихъ имени на востокѣ, при-Кавказское ихъ жителство и слѣды ихъ на Кавказѣ, время ихъ движенія, соответствующее движенію другихъ кавказскихъ или при-кавказскихъ народовъ, сѣверянъ, Азъ-зиговъ (*Азиговъ, Адиге*) и др. и предшествовавшее движенію истинныхъ Средне-Азіатскихъ ордъ, наконецъ самое ихъ народное имя указываетъ, какъ кажется, несомнѣнно на остатокъ кавказскихъ Кельто-Кимвровъ, принявшихъ въ себя нѣсколько чуждыхъ ему стихій. Такимъ образомъ объяснилось бы весьма естественное средство, уже замѣченное нѣкоторыми путешественниками между горными Шотландцами и жителями нѣсколькихъ при-Дунайскихъ округовъ въ Венгріи, гдѣ сохранились безъ сомнѣнія обломки Аварскаго племени. Это средство проявляется безспорно въ весьма мелкихъ подробностяхъ, въ пляскѣ, въ народности

волынки, какъ любимаго музыкальнаго орудія, въ пестротѣ клѣтчатыхъ платій (тортановъ) и тому подобныхъ чертахъ; но значительныхъ признаковъ трудно ждать при такихъ ничтожныхъ остаткахъ и такой разностихійной смѣси народа.

Такимъ образомъ въ средней Европѣ Карлъ положилъ не только начало, но и прочное основаніе всей системѣ германоримскаго міра, захвативъ почти всѣ области, въ которыхъ въ послѣдствіи утвердились власть и населеніе германской вѣтви народовъ, и давъ ей тотъ не только вещественный, но и нравственный перевѣсъ надъ разрозненными Славянами, который подавлялъ современемъ самостоятельность Краинцевъ, Чеховъ, Моравцевъ и отчасти Ляховъ, и который вѣроятно со времени великаго франкскаго императора выражается тѣмъ, что его имя сдѣлалось наименованіемъ верховной, царской власти въ словѣ *Король*.

Таково самое вѣроятное происхожденіе этого слова, хотя можно бы также предположить, что слово *Карлъ* (*Н. Керль, А. Лорль, Черль и Карль*) было когда то общимъ у Славянъ и Германцевъ, но приняло въ каждомъ племени разный смыслъ, какъ напр: слово *кметъ* въ двухъ семьяхъ славянскихъ.

Въ южной Европѣ Византія, ослабѣвшая, снова поднятая сильнымъ умственнымъ движеніемъ, котораго представителями были императоры иконоборцы, и снова клонящаяся къ паденію, но всё таки предметъ соперничества и даже зависти для Карла великаго (что доказывается его желаніемъ вступить съ нею въ брачныя союзы и всѣмъ направленіемъ его церковной политики), не подверглась его нападеніямъ и отчасти даже воспользовалась его побѣдами, сокрушившими нѣкоторыхъ хотя и незначительныхъ, но враждебныхъ сосѣдей восточной имперіи. Но судьба Италіи перемѣнилась вполне. Лонгобарды, уже побѣжденные Пипиномъ, но все еще неутратившіе ни силы своей, ни надеждъ на полное владѣніе Италіею, навлекли на себя бурю франкской мести. Призванный

утѣсненнымъ епископомъ Рима, Карль разрушилъ Лонгобардское царство несравненно легче, чѣмъ сопротивленіе вольнолюбивыхъ Саксонцевъ и подчинилъ Италію франкской системѣ, хотя и не могъ уничтожить Лонгобардской стихіи, которая сохранилася еще на время въ видѣ мелкихъ княженій въ южной Италіи и вообще долго боролась съ стихіями франко-германскими. Папа, спасенный отъ угнетенія Лонгобардскаго, подпалъ новой, болѣе грозной власти; но временное уничиженіе папскаго престола заключало въ себѣ зародышъ будущаго торжества и величія; ибо въ глазахъ народовъ, мало обращающихъ вниманія на мелкіе факты въ жизни вѣщеносцевъ, было явно только одно то, что Карль получилъ императорское званіе, высшее изъ всѣхъ званій въ мірѣ политическомъ и уравнившее западъ съ востокомъ, въ городѣ Римѣ и отъ благословляющей руки апостольскаго преемника. Сверхъ того замкнутость и отдѣльность западнаго міра, окончательный выводъ изъ всей дѣятельности Карла, одни могли дать полное развитіе падству и возвысить епископовъ Римскихъ до значенія духовныхъ калифовъ въ христіанствѣ. Менѣе блестятельны были успѣхи Карла Великаго въ Испаніи, не смотря на нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ Маврами. За всѣмъ тѣмъ безспорно съ его времени сѣверная Испанія полнѣе примкнула къ общей системѣ франкской Европы. Сильный приливъ франкскихъ воинственныхъ принцевъ въ западную Пирнейскую область, основаніе или по крайней мѣрѣ утверженіе независимаго графства Барцелонскаго (корня Аррагонскаго королевства), блескъ побѣдъ, вѣщавшихъ имя христіанъ, гроза имперіи, напоминавшей силу древняго Рима и представляемой въ Испаніи самымъ сыномъ императора, добродушнымъ и слабымъ, но мужественнымъ Лудовигомъ, все вмѣстѣ связываетъ колыбель новой христіанской Испаніи съ царствованіемъ великаго создателя западной Европы, того человека, которому суждено было укрѣпить и привести въ нѣкоторую стройность ея могущественныя стихіи, стремившіяся къ своей зрѣлости и долженствовавшія вызвать великаго дѣятеля для осуществленія своихъ необходимыхъ результатовъ.

Вліяніє Карла и Франковъ на Испанію еще мало оцѣнено. Безпристрастная критика замѣтитъ всю ничтожность мѣстныхъ началъ свободы до Карла и быстрый ихъ подъемъ послѣ него, и отдавая полную справедливость мужеству и доблестямъ гото-романскаго населенія, пойметъ, что аристократическая стихія всегда, носившая въ Арагоніи и Каталоніи характеръ чуждый, была слѣдомъ франго-германскаго прилива. Испанцы въ своей безумной гордости старались скрыть услуги, оказанныя имъ болѣе сильными и счастливыми соседями; и высоко-комическое изобрѣтеніе лица Бернарда дя Карпіо, авибы задушившаго неуязвимаго Роланда (явно древняго и народнаго героя), перешедшее въ пѣсню народную, свидѣтельствуетъ о гениальной хвастливости Испанцевъ; но наука не должна ослѣпляться страстями народными. Впрочемъ должно признать, что уже въ самое время Карла великаго вражда народная существовала между спасенными Испанцами и ихъ спасителями Франками. Это доказывается преданіемъ и несомнѣнною повѣстію о пораженіи сторожеваго полка Карлова войска въ горахъ Пиренейскихъ тамошними горцами; эта вражда легко объясняется старымъ отношеніемъ Франковъ къ Готамъ, дикимъ характеромъ тогдашнихъ войскъ, равно угнетавшихъ друга и недруга; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она могла быть усилена и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время стихіи христіанская и магометанская въ Испаніи отчасти сливались другъ съ другомъ и слѣд. что нашествіе Франковъ, рѣзко отрывающихъ одну отъ другой, могло быть ненавистно многимъ, даже по видимому союзнымъ областямъ.

Даже и на дальнемъ сѣверѣ, за предѣлами своей великой имперіи, Карлъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на историческую судьбу другихъ народовъ. Такъ напр: федерація саксонская въ Британію (Эптархія) была въ послѣдствіи соединена въ одно царство умомъ и счастіемъ Эдберта, воспитаннаго при дворѣ императорскомъ и получившаго безъ сомнѣнія многія начала мысли, развившейся подъ системою Франковъ Карловинговъ. Впрочемъ должно однако же признать, что судьбы царства Саксонскаго носятъ на себѣ характеръ довольно самобытный, и что Франкская стихія получила въ землѣ Англо-Саксовъ

значительное вліяніе только въ послѣднее время туземныхъ царей, а окончательное преобладаніе только послѣ торжества Вильгельма Норманскаго и его франко-норманской дружины. По видимому полуостровъ Скандинавскій испыталъ еще менѣе Англій вліяніе Карла; но не такъ было на дѣлѣ. Съ одной стороны его побѣды надъ сѣверной Германіею и надъ Датчанами открыли христіанству болѣе свободный доступъ къ народамъ, до тѣхъ поръ отдѣленными отъ народовъ христіанскихъ преградой сильныхъ языческихъ племенъ, и въ этомъ отношеніи какъ Скандинавія, такъ и сѣверо-западные Славяне безъ сомнѣнія получили нѣкоторыя сѣмена новой умственной жизни съ начала 9-го вѣка, хотя этимъ сѣменамъ суждено было развиться гораздо позднѣе подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, счастливыхъ для Скандинавіи, гибельныхъ для Славянъ. Съ другой стороны эти самыя побѣды имѣли другое послѣдствіе, мало и едва ли даже до сихъ поръ замѣченное историческою наукою. Паденіе Саксонцевъ послѣ упорной и кровопролитной войны, можетъ быть единственной со временъ Римскаго владычества, не только уничтожило всѣ силы правственные и вещественныя сѣверной Германіи, но уничтожило единственный народъ, знакомый съ морями и хотя уже утратившій прежнюю склонность къ морскому разбою, по все еще готовый бороться съ опасностями океана и съ его виновными наѣздниками Скандинавами. Это обстоятельство, почти современное ослабленію восточной славянской стихіи, побужденной въ Скандинавіи мѣстною, почти чисто-германскою стихіею въ битвѣ при Бравалѣ и потрясенной въ самомъ поморіи вендскомъ, пѣкогда царствовавшемъ надъ Балтикою, объясняетъ быстрое и почти мгновенное развитіе норманскаго морскаго удалства въ самые первые годы послѣ Карла великаго, уже плакавшаго въ глубокой старости при видѣ смѣлыхъ сѣверныхъ парусовъ, грозившихъ Франкскимъ берегамъ.

Законы Карла великаго, имѣющіе цѣлю уничтоженіе балтійской торговли въ пользу адриатической и средиземной, остались вѣроят-

но также не безъ послѣдствій и могли имѣть вліяніе на ослабленіе мирнаго мореходства Поморянъ. Во великомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ объ его глубокомъ пониманіи отношеній между народами и предвѣдѣніи борьбы, предстоящей Германцамъ съ Славянами; быть можетъ они представляютъ также и доказательство вражды естественной въ душѣ Германца Карла къ потомкамъ мирнаго племени, нѣкогда почти поработеннаго дикими выходцами изъ Германіи, въ послѣдствіи жестоко отмстившаго имъ подъ предводительствомъ своего восточнаго казачества—Гуиновъ. Какъ бы то ни было, борьба Саксонцевъ въ Англіи противъ Датчанъ и огромное, хотя временное развитіе морскихъ силъ англійскихъ при преемникахъ Альфреда великаго, доказываютъ, что Саксонцы служили и продолжали бы служить Европѣ сильнымъ оплотомъ противъ скандинавскихъ погромовъ.

Военная дѣятельность Карла, вездѣ увѣнчанная побѣдою, опредѣляла почти всѣ границы будущаго германскаго развитія; но его дѣятельность законодательная, неуступавшая его подвигамъ военнымъ, была гораздо менѣе успѣшна и оставила менѣе слѣдовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что устроенныя имъ системы пограничныхъ графствъ и герцогствъ, входившія болѣе въ кругъ военныхъ, чѣмъ гражданскихъ распоряженій, пережили его, укрѣпили область германскую, приготовили ея торжество надъ Славянами и взмѣнили жизнь многихъ народовъ, введя чисто-дружинный бытъ на мѣсто прежняго, отчасти общиннаго быта.

Эти послѣдствія особенно замѣчательны въ восточной и сѣверо-восточной Германіи, хотя рѣзкое отдѣленіе сословія отъ сословія у Саксонцевъ и древнее запрещеніе браковъ между людьми разныхъ сословій доказываютъ уже прежнее завоеваніе и смѣсь двухъ системъ, дружиннаго и общиннаго и двухъ разнородныхъ началъ племенныхъ.

Точно также не безполезны были старанія Карла о водвореніи науки въ его темной и невѣжественной Франціи. Прозваные имъ ученые изъ британскихъ областей, преемники древнихъ школъ, никогда вполне не исчезавшихъ, и ученики

великаго Беды не только бросили нѣсколько лучей свѣта въ этотъ мракъ дикой и безсмысленной жизни, но положили основаніе новымъ школамъ, которыхъ развитіе имѣло сильное вліяніе на будущность наукъ въ западной Европѣ и опредѣляло отчасти ихъ направленіе. Но въ другихъ отношеніяхъ вся законодательная дѣятельность Карла осталась безплодною и не могла устоять противъ историческихъ началъ, которыми онъ думалъ управлять, но которыя потребовали своего собственного развитія, неотвратимаго никакимъ частнымъ величіемъ и никакими человѣческими усиліями. Такимъ образомъ великій императоръ, предвидя направленіе аллодіальности или государственной дружинности (хотя и личной по началу меровингскому) перейти въ феодальность или въ самостоятельную дружинность, въ которой прежнее равенство уступило мѣсто постепенной зависимости, и нижнія ступени дружинныхъ рядовъ совершенно отрывались отъ державной главы подчиненностью своею отъ посредствующихъ степеней, напрасно старался отстранить или хотя замедлить зло, запретить бѣднымъ дружинникамъ поступить въ ленныя обязательства къ другимъ болѣе могущимъ и богатымъ. Постоянныя войны, слишкомъ отяготительныя для немущихъ и внутреннее стремленіе личной дружины, (какова была франкская), не связанной ни какимъ народнымъ или разумнымъ единствомъ, приобрести самостоятельность и создать въ себѣ хоть призракъ жизненнаго начала посредствомъ іерархіи владѣнія, взяли верхъ надъ сильною волею царственнаго лица; развитіе феодальности начинается дѣйствительно съ царствованія ея перваго противника, увѣнчавшаго дѣло предковъ своихъ Пиппидовъ и Карла, представителей германскаго дружиннаго начала, которому они доставили торжество не только надъ римскимъ, но и надъ всякимъ народнымъ началомъ въ областяхъ западной Европы. Безсознательно окончивъ начатое великими мерами Австразіи, Карлъ тщетно боролся противъ послѣдствій подвига, совершеннаго его родомъ и имъ самимъ. Также тщетно желалъ онъ въ многихъ случаяхъ сохранить германскую народную стихію и остановить романизацію своего двора. Германское

начало, торжествовавшее въ родѣ Меровинговъ, было единственно дружиннымъ и народность во всѣхъ отношеніяхъ, (языкъ, нравахъ и пр.) была случайностью, съ которою оно ни сколько не связывалось. Между тѣмъ просвѣщеніе, поощряемое Карломъ и основанное на жизни, словесности и языкѣ древняго Рима, дѣйствовало постоянно противъ народности германской (въ областяхъ нѣкогда римскихъ) и стремилось къ быстрому романизированію завоевателей. Дѣйствительно уже при ближайшихъ преемникахъ Карла (внукахъ или правнукахъ его) языкъ новый, неорганически составленный изъ смѣшенія стихій галло-римской и нѣмецкой (съ преобладаніемъ первой) сталъ придворнымъ языкомъ и слѣдовательно языкомъ всей дружины, доказывая такимъ образомъ торжество романской стихіи въ одной области жизни тогда, какъ она была побѣждена въ другой.

За всѣмъ тѣмъ явныя свидѣтельства о нарѣчій, употребляемомъ при дворѣ самаго Карла, его старанія о сохраненіи не только языка нѣмецкаго и памятниковъ его древней поэзіи, но и нравовъ старо-германскихъ, все доказываетъ, что онъ самъ принадлежалъ еще вполнѣ за-рейнской области, въ которой возникла франкская дружина и связываетъ его славу съ Германіею а не Франціею, которая себѣ присвоиваетъ ее также несправедливо какъ и славу другаго непобѣдимаго полководца, явившагося тысячу лѣтъ позднѣе. Нельзя не замѣтить этого особеннаго отношенія Франціи къ величайшимъ дѣйствителямъ въ ея судьбѣ. Она была способнымъ орудіемъ величія, котораго произвести не могла вѣроятно вслѣдствіе мелкости и безсвязности своихъ внутреннихъ началъ. Въ отношеніи къ Карлу чувство народное выразилось отчасти въ позднѣйшемъ развитіи; ибо усвоеніе имперства германскаго въ родѣ Оттоновъ нельзя считать простою случайностью, слѣдствіемъ завоеванія Италіи; оно основывалось на преемствѣ преданія, связывающаго императорскій титулъ Великаго Карла съ народностью германскою. Несправедливо бы было однакоже совершенно отрывать Карла отъ Франціи, не смотря на его тѣснѣйшую связь съ Германіею. Въ его законодательствѣ многое относится собственно къ Франціи (что доказывается даже

словами изъ старо-галльскаго языка, сохраненными въ его кажитуляріяхъ и въ которыхъ страннымъ образомъ слышны часто чисто-славянскія созвучія, напр. *дусъ*, злой духъ, слѣд. духъ, мн. *дуси дьдичьє*—поминки по родителямъ и др.): кромѣ того сказки рыцарскія, конечно болѣе принадлежащія дворянству, чѣмъ городамъ или народу, и связывающія съ Карломъ цѣлый богатырскій циклъ доказываютъ, что Франція, или по крайнѣй мѣрѣ ея высшее сословіе, не теряли памяти о великомъ вождѣ. Впрочемъ должно замѣтить, что въ этихъ сказкахъ императоръ является не какъ лице народное, не какъ Владимиръ красно солнушко, а какъ глава христіанства и священная власть,

Другая борьба Карла противъ пачала, которому безсознательно служилъ опъ самъ и предки его, была точно также неуспѣшна. Это борьба противъ папства. Прежняя вражда между папами и мерами, присмиренная послѣ бунта баварскаго, подавившаго въ пользу папства слабыя зачатки свободной западной церкви и по видимому совершенно забытая послѣ того, какъ Пиппинъ получилъ вѣнецъ меровингской въ уплату за побѣду надъ Ломгобардами, приняла совершенно новый видъ. Первая борьба происходила между меромъ, представителемъ дружины, и королемъ, принявшимъ на себя значеніе римской государственности подъ преобладаніемъ церковнаго начала: новая борьба приняла значеніе болѣе широкое и важное. Пиппинъ и Карлъ (какъ преемникъ его) уже получили вслѣдствіе царскаго вѣнчанія тотъ двойственный характеръ, который принадлежалъ первымъ Меровингамъ: по завоеванію Италіи, паденію ломгобардскаго царства и вѣнчанію Карла императорскимъ вѣнцемъ (дѣло очевидно невольное со стороны папы, откупавшагося этой уступкою отъ справедливаго суда) поставили западнаго императора въ новыя отношенія къ папскому престолу. Свобода отъ далекой Византіи, смѣло отстаиваемая прежними епископами Рима, замѣнялась прямою и тяжелою зависимостью отъ близкаго и сильнаго владыки. Миръ не могъ быть продолжительнымъ. Два пачала встрѣтились въ лицѣ папы и императора съ равными притязаніями на всеобъемлющее

значеніе. Папа былъ уже не только не однимъ изъ епископовъ, но и не первымъ изъ епископовъ. Онъ самъ признавалъ себя и былъ признаваемъ общимъ мнѣніемъ (хотя еще неуясненнымъ) какъ верховный судія церкви и хранитель правды общей и христіанской. Онъ представлялъ въ христіанствѣ духовную сторону калифата. Съ другой стороны императоръ (таковъ былъ смыслъ его помазанія) былъ уже не просто какъ меръ друживоначальникъ германскій или какъ король народный глава пзвѣстной области по понятію, перешедшему изъ римскаго права, или какъ первые Меровинги, лица соединяющія оба значенія, онъ былъ уже главою христіанскаго міра, ибо востокъ былъ очевидно тернимъ по неволѣ и непризнаваемъ ни папою ни императоромъ, и слѣд. представлялъ въ христіанствѣ свѣтскую сторону калифата. Столкновение было неизбежно, ибо папа долженъ былъ какъ духовный глава присвоить себѣ верховный судъ, по необходимости завпсавшій отъ общей и высшей правды, которой онъ былъ хранителемъ, а императоръ; какъ глава хотя и свѣтская не области, а цѣлаго христіанскаго міра, получающаго свое значеніе и предѣлы не отъ случайностей народовъ и земель, а отъ самаго христіанства, долженъ былъ точно также себѣ присвоивать верховный судъ во всемъ и считать себя полномвѣстнымъ хранителемъ общей правды. Первые отношенія римскаго престола къ императору были очень невыгодны. Побѣды Карла, его огромная власть, его могучій геній, его неограниченное господство въ сѣверной и средней Италіи и въ Римѣ самомъ поставили папу въ прямую зависимость отъ него. Превжній союзникъ, освободитель отъ враговъ Лангобардовъ, сдѣлался владыкою. Папа и все духовенство итальянское покорились, протестуя рѣдко и робко: но Карлъ понималъ и предвидѣлъ будущую борьбу: онъ старался ее предупредить. Для этого искалъ онъ и дѣйствительно нашолъ самую твердую опору (если бы что нибудь могло устоять противъ логическаго развитія уже допущенныхъ началъ) въ церковной іерархіи и въ ея законахъ. Нельзя сказать, что бы его законодательство ввело въ церковныя учрежденія новыя начала или новыя постановленія; но

возстановленіе старыхъ положеній, отчасти ослабѣвшихъ и забытыхъ, отчасти утратившихъ свое прежнее значеніе, соединяло въ себѣ выгоды священной старины и вѣрно рассчитаннаго нововведенія. Таковъ смыслъ законодательныхъ правилъ Карла Великаго, опредѣлявшихъ взаимныя отношенія между епископами и возвысившихъ власть и санъ митрополитовъ или епископовъ верховныхъ надъ нѣсколькими епархіями. Власть Папская была ограничена и связана митрополитскими правами, ихъ сравнительною независимостію отъ Рима (ибо аппелляція на ихъ рѣшенія допускалась только съ большими ограниченіями) и особенно частымъ собираніемъ соборовъ областныхъ или помѣстныхъ. Эта мѣра оказалась очень дѣйствительною. Карлъ умеръ; царство его распалось; слабые преемники не умѣли охранять ни правъ своихъ противъ Рима, ни областей противъ дикихъ ирпшельцевъ съ сѣвера, ни власти противъ подданныхъ, и долго еще возвышенныя Карломъ митрополіи и соборы боролись противъ папскихъ иртызаній и епископы съ сильнымъ духомъ и знаніемъ (какъ наирим. Гинкмаръ Реймскій) не преклоняли главы своей передъ римскимъ судомъ: но престолъ, возвышенный Меровингами, пользовавшимся его союзомъ противъ народовъ иновѣрныхъ, еще болѣе, хотя и пехотя возвышенный Карловингами, получившими отъ него сперва королевскій, потомъ императорскій вѣнецъ, постановленный вѣкъ ряда всѣхъ другихъ престоловъ на западѣ, оторвавшись отъ патріарховъ востока, окруженный неприкосновенною святостію въ общественномъ мнѣніи и логически развивающій начала, которыми проникнуть былъ весь западный міръ, долженъ былъ восторжествовать надъ случайными препопами, не основанными ни на какомъ высокомъ понятіи; (ибо митрополіи имѣли и могли имѣть значеніе только при основахъ мысли восточной, а на западѣ не имѣли ни какаго смысла). Смѣлый Николай I-й сокрушалъ слабыхъ противниковъ, и римскій епископъ вступилъ въ свое великое историческое поприще.

Значеніе Карла въ исторіи новой Европы заключается въ слѣдующемъ. Имъ совершилось дѣло Франковъ меровейскихъ, Значеніе
Карла В.
въ исто-

рѣи новой Европы. которыхъ составъ, какъ дружины личной, а не народной, и слѣдов. основанной на устройствѣ чисто военномъ, былъ способенъ къ принятію въ себя всякой стихіи, но по своему германскому началу особенно склоненъ къ принятію стихіи германской. Отъ того то его торжество было собственно торжество всѣхъ нѣмецкихъ поколѣній и имъ опредѣлились почти во всей ширинѣ своей границы области, въ которой должна была развиться сила германскаго племени (за исключеніемъ британскихъ острововъ и полуострова скандинавскаго. Имъ также совершилось дѣло меровъ австразійскихъ, т. е. вторичное завоеваніе галло-романской Франціи (Невстріи), очевидно находившейся во время послѣднихъ Меровеяцевъ подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстнаго начала, противустоящаго не безъ успѣха началу германскому.

Это видно изъ многихъ именъ великихъ историческихъ личностей въ невстрійской Франціи до торжества рода Пиппинова. Память же о борьбѣ съ германскимъ (австразійскимъ) началомъ и о торжествѣ его сохранилась въ народныхъ сказкахъ о родѣ Аймоновомъ изъ Монтальбана (Бѣлогоріа) слѣд. изъ юго-восточной, нѣкогда полу-славянской Невстріи. Рено и братья его олицетворяютъ въ себѣ мягкость, полупросвѣщеніе, безпечность и разъединенность галло-романской стихіи, блистающей бесполезнымъ блескомъ личной доблести, но очевидно безсильной противъ плотной и могущей дружинности сѣвера. Въ Вивіанѣ и Можисѣ (или Малагизѣ), добрыхъ волшебникахъ и родственникахъ побѣжденнаго рода, высказывается память о римской наукѣ, которою Невстрія гордилась передъ темною Австразіею. Вѣрный дружинникъ Роландъ, равно прославленный въ Германіи и въ Пиринеяхъ (хотя вѣроятно лице историческое) есть чистое олицетвореніе самой личной дружины, равнодушной къ областнымъ раздѣленіямъ и неуклонно служащей своимъ грознымъ мечемъ своему ленному владыкѣ. Роландъ готовъ бы былъ дружитья съ невстрійцемъ Рено и часто даже является его родственникомъ, но сражается противъ него съ ожесточеніемъ по чувству долга. Быть можетъ въ его грубоватой добротѣ (также какъ и въ назначеніи его родины) можно замѣтить какой то далекій отзывъ

славянского племени и сходство съ великимъ идеаломъ русскихъ Славянъ, Ильею Муромцемъ, хотя Илья стоитъ гораздо выше его, также какъ и выше всѣхъ другихъ народныхъ олицетвореній, будучи полнымъ типомъ силы, управляемой единственно нравственною правдою и чуждой всякому эгоистическому или случайному побужденію; но въ лицѣ Роланда безспорно замѣтны слѣды германскаго происхожденія или по крайнѣй мѣрѣ германскихъ миеовъ. Такова его неуязвимость, связывающая его съ Сигфридомъ, и отдѣляющая его отъ кельтскихъ также какъ и славянскихъ богатырей (напр: круга Артурова или Владимірова), такова почти волшебная сила его меча и рога и пр. Явные признаки древности и народности въ Роландѣ-уличаютъ хвастовство Испаніи въ выдумкѣ его побѣдителя Бернарда ди Карпіо, ни чѣмъ не связаннаго ни съ какимъ преданіемъ или фактомъ историческимъ. Роландъ, это сама дружина франкскаго короля, германская по происхожденію, уже свыкшаяся и сжившаяся съ Невстріею и только случайно поставленная во враждебныя отношенія къ ней. Побѣжденный галло-римлянинъ Рено ищетъ и долженъ исать спасенія въ нѣдрахъ церкви и въ службѣ Богу: другъ его и благодѣтельный волшебникъ, Малагизъ, посвятитъ себя также Богу и умретъ святымъ или взойдетъ по инымъ преданіямъ на Римскій престолъ. Въ нихъ эта религіозная кончина не случайная приставка позднѣйшихъ вѣковъ или внѣшняго направленія Карловой дѣятельности, какъ проблеска религіознаго значенія въ Роландѣ, но отзывъ историческаго факта. Ихъ побѣдители, богатыри при-рейнскіе (майнцикіе), имѣютъ свой поэтическій циклъ, менѣе извѣстный и не столь чисто сохранный, и этотъ циклъ отличается особымъ характеромъ. Отграничая позднѣйшую примѣсь, часто соединяющую богатырей при-рейнскихъ (какъ напр. Дулина, Герарда и др.) съ представителями Невстріи монтальбанцами, можно замѣтить въ Австразійцахъ болѣе дикости и суровости, больше преобладанія грубой силы, характеръ чисто-германскій, быть кастеллановъ-завоевателей, гордыхъ богатствомъ и владѣніями, связь съ силами міра невидимаго, принадлежащаго германской миеологіи и презрѣніе къ галло-романскому міру. Къ этому кругу примыкаетъ, хотя случайной Датчанинъ Ожьеръ. Въ преданіяхъ о невстрійцахъ монтальбанцахъ при-рейнскіе австразійцы являются племенемъ лукавымъ, коварнымъ и лишенымъ всѣхъ добле-

стей, низкими обманщиками и льстецами, съ которыми императоръ связанъ своею случайною слабостью. Разумѣется, въ этомъ замѣтно выраженіе народной вражды; но впрочемъ не должно забывать, что Австразійцы, какъ представители чисто франкскаго племени, должны были соединять въ себѣ тѣ пороки, которыми было обезпечено это племя и по свидѣтельству исторіи и по свидѣтельству современныхъ писателей, свирѣпость и корыстолюбіе, которыхъ доказательство можно найти въ самыхъ героическихъ сказаніяхъ о при-рейнскихъ витязяхъ (семьи Дулиновой) съ тѣмъ бездушнымъ коварствомъ, которое внушило извѣстное слово: «Франки любятъ произносить клятвы потому, что наслаждаются клятвопреступленіемъ.» Иначе и быть не могло (какъ уже сказано) по историческому происхожденію и судьбѣ франкскаго союза. До сихъ поръ значеніе вражды между монтальбанцами и майнцьянами не понято критикою историческою. Эта недогадливость происходитъ отъ того, что вторичное завоеваніе Франціи при австразійскихъ мерахъ мало обратило на себя вниманія историковъ. Последнее торжество того же австразійскаго начала, (хотя уже много измѣненнаго), есть крестовый походъ противъ Альбигойцевъ.

Еще важнѣйшее, можетъ быть, по послѣдствіямъ своимъ, дѣло Карла великаго (начатое уже отцемъ его, но совершенное пмъ съ необычайною энергіею) есть обратное завоеваніе всей Германіи германо-франкскою дружиною. Нѣтъ сомнѣнія, что первые Меровинги уже проложили путь Карловингамъ; но хотя и нѣтъ на это положительныхъ доказательствъ въ темныхъ лѣтописяхъ меровеискаго времени, явно во первыхъ, что владычество Мервейцевъ было болѣе первенствомъ чѣмъ истиннымъ владычествомъ во многихъ частяхъ южной Германіи, гдѣ сохранялась еще нѣкоторая народная независимость, уничтоженная мечемъ Пиппина и дѣтей его, и во вторыхъ, что пользуясь внутренними раздорами франковъ, саксонцы распространялись далеко по всей сѣверной Германіи, основывая государство если и не на общинныхъ началахъ (какъ видно изъ рѣзкаго раздѣленія сословій), то по крайней мѣрѣ на началахъ дружины народной. Карлъ великій доставилъ полное и рѣши-

тельное торжество франкской системѣ дружины личной, обративъ завоевательницу запада, Германію, въ страну завоеванную и опредѣливъ такимъ образомъ всю будущую исторію Европы съ развитіемъ феодальности, униженія народнаго и окончательной личной разъединенности. Начало, котораго онъ былъ представителемъ, было безспорно сильнѣе побѣжденныхъ пмъ неясныхъ началъ (что въ послѣдствіи было доказано норманнами въ Англіи), и слѣд. торжество его было неизбѣжно; но нельзя не удивляться непобѣдимому генію, желѣзной волѣ и искусству державнаго полководца.

Менѣе важно, хотя вообще болѣе оцѣнено вліяніе Карла на исторію запада распространеніемъ области христіанской и основаніемъ политической или лучше сказать общественной идеи цѣлаго христіанства (*tota Christianitas*). Но должно замѣтить съ одной стороны, что успѣхъ Христіанства былъ неизбеженъ и что земли саксонцевъ и другихъ язычниковъ, по необходимости, вошли бы въ составъ христіанскаго міра даже безъ побѣдъ Карла, не смотря на вражду этихъ народовъ къ ученію, которое въ ихъ глазахъ сливалось съ ненавистною народностью франковъ, а съ другой стороны, что идея цѣлага христіанства по западному понятію получила гораздо болѣе и болѣе нормальное развитіе отъ основныхъ началъ самаго католицизма западнаго и папскаго престола, чѣмъ отъ случайнаго совокупленія всего христіанскаго міра подъ однимъ императорскимъ скипетромъ. Въ обоихъ случаяхъ подвигъ Карла имѣлъ значеніе второстепенное, ускоряя явленія, которыя сами по себѣ были необходимы: но это вліяніе принесло плоды неожиданныя для его современниковъ и незамѣченныя ихъ учеными потомками (цѣмцами). Система вооруженной проповѣди, чуждая христіанству, введенная первоначально франками, но получившая свое развитіе безъ сомнѣнія отъ Карла Великаго, съ одной стороны наполнила исторію Европы и всего міра ужасами, которые были бы позоромъ для людоедовъ (таковы завоеванія Испанцевъ въ Америкѣ и можетъ быть еще болѣе крестовые походы противъ славянъ сѣверныхъ и южныхъ), съ другой положила начало или приготовила зародыши

протестантству, ибо должно замѣтить, что оно вообще распространилось и укоренилось въ странахъ обращенныхъ въ христіанство насиліемъ. Конечно, самый католицизмъ римскій по своей односторонности долженъ былъ вызвать противоположную односторонность протестантства; но память о первоначальномъ насліи, хотя и заглаженная вѣками, не замѣтно сливалась съ жизнью народовъ, не призванныхъ но вкученныхъ въ христіанство, и дѣлала ихъ готовыми и способными сосудами для будущаго протеста и возстанія. Основаніе же государства, заключающаго въ себѣ всю цѣлость христіанскихъ народовъ (хотя это государство распалось почти немедленно послѣ смерти основателя), имѣло то послѣдствіе, что оно примѣшало новую и неразумную стихію къ идеѣ цѣлаго христіанства, вытекающей изъ римскихъ началъ католицизма, и заготовила призракъ всемірнаго обладанія, къ которому стремились преемники Карла по духу, императоры германскіе, и который (кромѣ чисто-мѣстныхъ причинъ) обратилъ на нихъ всѣ силы папства и облилъ кровію большую часть средней и южной Европы. Безъ сомнѣнія и въ отношеніи къ распространенію христіанской области и въ отношеніи къ одностороннему развитію идеи всехристіанской державы, Карлъ является великимъ историческимъ дѣйствователемъ; но такъ какъ эта идея въ своей односторонности разрѣшилась въ ничто борьбою папъ съ императорами, такъ какъ христіанство необходимо должно было распространиться по всей Европѣ и протестанство возникнуть изъ односторонности латинства, нельзя приписать Карлу въ развитіи всемірныхъ идей той важности, которую онъ имѣетъ безспорно въ отношеніи политической и общественной жизни западной Европы. Имъ заключается и утверждается въ ней полное торжество франкской системы (дружбы личной) и опредѣляется вся послѣдовавшая за нимъ феодальность, уничтожившая всякое понятіе о жизни общинной и до нашего времени слившаяся неразрывно съ бытомъ и даже умственнымъ развитіемъ всего запада по обѣ стороны атлантическаго океана.

Царствованіе Карла великаго составляетъ безъ сомнѣнія ве-

ликую эпоху въ исторіи міра. Имъ кончились вѣка нестройнаго хаоса, послѣдовавшаго на западѣ за ослабленіемъ римской державы; имъ кончилась политическая и государственная исторія новой, галло-германской Европы; съ нимъ связаны первыя начала возрождающаго просвѣщенія, подавленнаго и погибавшаго во время волненія народовъ; и онъ былъ достоинъ своего великаго историческаго значенія не по одной силѣ воли, неутомимой дѣятельности, военному гению, какому мало равныхъ явилось въ теченіи вѣковъ, и возвышенности помысловъ и цѣлей, но и по многимъ добродѣтелямъ, къ несчастію помраченнымъ нѣсколькими пороками (каковы развратъ нравовъ, а иногда и лишняя жестокость), быть можетъ неизбежными для Франка. Утѣшительное и поучительное явленіе въ исторіи міра, онъ дожилъ если не до глубокой старости, которой могъ надѣяться по желѣзному тѣлосложенію, то по крайней мѣрѣ до такихъ лѣтъ, въ которыхъ обыкновенно истощается человѣческая дѣятельность, и, совершивъ безконечно много, доказавъ своимъ примѣромъ въ борьбѣ противъ папства и начинающейся феодальности, какъ бессильна самая сильная личность и какъ мало можетъ человѣкъ противъ логической строгости историческихъ началъ. Онъ служитъ имъ даже тогда, когда борется противъ нихъ до тѣхъ поръ, покуда они сами не совершатъ своего поприща и не дойдутъ до крайняго развитія, обличающаго ихъ односторонность и слабость.

Карлъ умеръ: на его мѣсто вступилъ сынъ его, Людвигъ Преемникъ Карла Великаго. добродушный, котораго царствованіе было рядомъ униженій и несчастій. За всѣмъ тѣмъ Людвигъ не былъ недостоинъ престола. Его доброта, доходящая до слабости, его набожность, слишкомъ готовая покоряться духовнымъ властямъ, его пѣжность къ семьѣ, подчинявшая его волѣ честолюбивѣйшей жены и щадившая преступныхъ дѣтей, были соединены съ просвѣщеніемъ, съ благими и благородными стремленіями, съ любовью правды, съ мужествомъ и воинскими доблестями. Но имперія Карла возможна была только для его могущественнаго гения: она носила въ себѣ уже совершенно зрѣлыя сѣмена разрушенія. Главнымъ началомъ бѣдствій была взаимная враж-

да народовъ, подавленная силою франкской дружины, но всегда готовая снова вспыхнуть и разорвать на части искусственное здание государства; но это начало не могло еще развиваться, покуда самое государство сохраняло силу своей сосредоточенности. Эта сосредоточенность была первоначально потрясена другими стихіями. Первые года Лудвигова царствования были не безславны: военныя предпріятія вообще успѣшны, имперія довольно покойна. Раздоръ въ императорской семьѣ подалъ знакъ къ междоусобицѣ. Сыновья Лудвига ополчились противъ отца изъ властолюбія и зависти къ младшему брату отъ втораго брака; ихъ безправственная вражда нашла опору въ возникающемъ феодализмѣ.

Вообще должно замѣтить, что вся исторія запада наполнена возмущеніями сыновей противъ отцевъ, что эти возмущенія часто получали благословеніе церкви, пользовались сочувствіемъ народовъ и одобреніемъ дружины (дворянства). Критика историческая должна обратить особенное вниманіе на такой фактъ, въ которомъ явно высказывается ничтожность семейнаго начала въ западной Европѣ, низкая степень, на которой стояло нравственное чувство, и преобладаніе начала дружиннаго. Если иногда и высказывается въ обычаяхъ и въ законодательствѣ что либо противорѣчащее общему закону, то это противорѣчіе должно признать мнимымъ и объяснить тѣмъ только, что безземельный сынъ подчиняется власти отца не какъ отца, а какъ законнаго дружинноначальника или лучшего владѣльца. Важно не то, что дѣти возмущались, а то, что сочувствіе народовъ признавало за ними право возмущенія.

Лудвиговы дѣти явились на битву противъ отца съ сильною дружиною. Тщетна была надежда Карла Великаго подчинить ополченіе имперіи ея главѣ. Начала феодальности развивались не смотря на всѣ законы; герцоги и графы пограничныхъ областей владѣли огромною военною силою, которая была по необходимости поручена имъ для охраны государства. Эта сила почти не признавала надъ собою никакой власти, кромѣ ближайшихъ своихъ дружиноначальниковъ, а выгоды дружиноначальниковъ (графовъ и герцоговъ) были всегда на

сторонѣ возмущенія, которое ослабляло узы ихъ зависимости отъ государей и упрочивало или доставляло имъ права наслѣдственности. Не менѣе опасны свѣтскихъ властей были власти духовныя. Укрѣпленные и возвышенные Карломъ, который имъ покровительствовалъ для пользы просвѣщенія и для отпора Риму, они искали власти самостоятельной и независимости отъ государственнаго начала. Еще короли меровингскіе ввели епископовъ въ свою дружину, связывая ее такимъ образомъ съ народомъ, который не имѣлъ дѣйствительно никакихъ другихъ представителей, кромѣ духовенства: но такое слияніе высшихъ духовныхъ лицъ съ дружиною оторвало ихъ мало по малу отъ народа и дало имъ характеръ дружины, тѣмъ болѣе, что значительная часть епископскихъ престоловъ уже была занята потомками побѣжденных Галло-Римлянъ, по родственникамъ германскихъ вождей. Отъ того то видимъ мы такъ много епископовъ въ рядахъ мятежнаго войска Лудвиговыхъ дѣтей и этотъ союзъ былъ для нихъ весьма важенъ не только потому, что епископы владѣли огромными имѣніями, данными церкви пажностью прежнихъ королей, но еще болѣе потому, что полу-римская идея государственной власти теряла все свое значеніе и свою святость, когда противъ нея возставали епископы, представители римской церковной гражданской власти. Наконецъ народы охотно брались за оружіе противъ короля, представителя Франкскаго первенства и когда сыновья Лудвига возставали противъ отца, вмѣстѣ съ ними и подъ ихъ начальствомъ полупокоренные Саксонцы, Баварцы, не совсѣмъ забывшіе свое готское происхожденіе, итальянскіе Лангобарды и припирейскіе Васконцы шли противъ преемника Клодовига и Пиппина.

Кстати о Васконцахъ должно замѣтить, что это безспорно мѣшанное племя, котораго начала повидимому связаны съ кельто-Иверцами, почти незамѣтно въ первое время Франкской власти и очень важно въ послѣднее время Мервинговъ и при Карловингахъ. Такая перемѣна, кажется, объясняется сильнымъ переселеніемъ изъ

Испаніи послѣ Маврскаго завоеванія, опустѣніемъ пограничныхъ равнинъ, давшимъ большую важность непокореннымъ племенамъ горной твердыни и отчасти союзомъ галло-романскихъ жителей съ чуждыми и даже ненавистными Васконцами противъ еще болѣе ненавистныхъ утѣснителей, Германцевъ. Баски утрачиваютъ свою историческую важность по мѣрѣ романизаціи германской стихіи въ южной Франціи.

Побѣда дѣтей Лудвига была необходима при множествѣ началъ, содѣйствующихъ ихъ успѣху и при слабости самага Лудвига; но торжество ихъ было непродолжительно. Раздоръ между самыми побѣдителями, ихъ взаимная зависть, человѣческое чувство состраданія въ народахъ, не совсѣмъ еще забытое почтеніе къ императорскому сану, невольное уваженіе къ чистымъ добродѣтелямъ слабаго государя и особенно къ памяти его великаго отца, освободили Лудвига и снова возвели его на престолъ: но судьба имперіи была рѣшена: она не могла оставаться федераціею подъ главнымъ начальствомъ императорскаго престола, переходящаго въ наслѣдство по закону сеньоратства: она должна была распасться и распалась, образовавъ три главныя системы государственныя: Францію, Германію и Италію съ ихъ сомнительными украинами (бельголотарингскою, бургундо-провапсальскою и при-альпійскою). Мало доблестей гражданскихъ и еще меньше добродѣтелей человѣческихъ было въ ближайшихъ премникахъ Лудвига. Большая часть изъ нихъ замѣчательны по слабоумію, слабодушію или разврату; иные (какъ напр: императоръ Лотаръ, обѣщавшій сѣверной Германіи возстановленіе язычества какъ цѣну за союзъ противъ короля германскаго) соединяли въ себѣ почти всѣ пороки: но развитіе западной исторіи было необходимо и приняло бы тѣ же самыя формы даже при другихъ, болѣе благородныхъ властителяхъ. Распаденіе царства было неизбежно и его составныя части были опредѣлены предъидущею исторіею.

Эти части были галло-франкская, ломбардо-итальянская и германская: готто-испанская почти столько же чужда имперіи какъ и острова Англо-саксовъ.

Но во всѣхъ разьединившихся частяхъ исторія должна была развиваться одинаково, хотя разумѣется съ частными измѣненіями, обусловленными характеромъ мѣстныхъ стихій. Вездѣ религіею въ тѣсномъ смыслѣ было христіанство въ его римскомъ опредѣленіи: вездѣ общественный составъ основанъ на завоеваніи и опредѣленъ завоеваніемъ; и такъ къ догматическому римскому христіанству присоединялась религія дружины столько же увѣренной въ законности своихъ правъ, сколько и церковь: но дружина сама перемѣнила свой характеръ. Изъ личной дружины франковъ Меровеицевъ и первыхъ Карловинговъ при распаденіи Карловой семьи и державы возникла идея дружины самостоятельной, мало по малу распредѣляющей свою наследственную іерархію по владѣніямъ: позднѣе эта наследственность привела къ понятію о правахъ и преемствѣ крови чуждому ранней эпохѣ: эта религіозная вѣра въ права дружины принадлежала столько же побѣжденнымъ, сколько и побѣдителямъ; но въ побѣжденныхъ сверхъ того таилась и ждала развитія вѣра въ законность правъ порядка и правды по понятію римскому, завѣщанная въ Италіи и Галліи преждею исторіею, и переданная народамъ германскимъ духовенствомъ и римскою стороною императорскаго и королевскаго сана.

Должно впрочемъ замѣтить, что эти понятія о правомѣрности и полиціи римской не могли никогда такъ развиваться въ Германіи, гдѣ онѣ были прививкою, какъ въ Италіи и Франціи до позднѣйшей и почти современной намъ эпохи, въ которой Германія подверглась другимъ и новымъ вліяніямъ, ведущимъ свои начала отъ протестантства.

Сама дружина со временемъ распалась на свои составныя части или приняла въ себя чуждыя начала (напр. идею о правахъ крови); но личность, лежавшая въ основѣ дружины и совершенно согласная съ началами римскаго права, развивалась въ послѣдствіи во всѣхъ отрасляхъ жизни, права и науки. Такъ какъ она развивалась не изъ случайностей, но изъ са-

маго корня всѣхъ стихій, составлявшихъ основу западныхъ державъ, она получила въ душѣ народовъ всю силу и несомнѣнность релігіознаго убѣжденія. Впрочемъ личность, которая слѣдалась предметомъ вѣрующаго поклоненія на западѣ, не была тою высокою, очищенною человѣческою личностью, которая такъ сильно выходитъ изъ христіанскихъ началъ; она была личностью во всѣхъ ея случайностяхъ, личностью, равнымъ поклоненіемъ молодой Гомеровской Эмлады, или лучше сказать уже не личностью, а совокушностью случайностей, которыми судьба окружаетъ личность человѣка. Сила была предметомъ поклоненія, красота предметомъ истиннаго обожанія, власть святынею: по этому самому личность въ сопровожденіи безсилія, безобразія, скудости была предметомъ пренебреженія и угнетенія законнаго. Конечно христіанство не даромъ просвѣтило умы и сердца: лучшія струи чувства и мысли всегда протекали черезъ міръ, основанный на романо-германскихъ началахъ дружбы и правды вѣщней. Духовенство поднимало иногда робкій голосъ въ пользу угнетенныхъ; папство въ полномъ цвѣтеніи своихъ силъ вспоминало иногда про долгъ, завѣщанный первоначальнымъ ученіемъ іудейскихъ рыбаковъ; протестанство не забыло нищеты и страданій человѣческихъ; но эти частныя явленія, разногласящія съ общими основами западнаго міра, не могли измѣнить его логическаго развитія и дать истинной личности человѣка правъ, которыми пользовалась узаконенная случайность. Въ этомъ отношеніи нашъ вѣкъ вѣренъ всей предъидущей исторіи.

Освобожденіе отъ личнаго рабства кажется на первый взглядъ явленіемъ несогласнымъ съ изложенными нами положеніями. Въ немъ безспорно высказывается вліяніе христіанства уже и тѣмъ, что отпущенныя почитались дѣломъ душеспасительнымъ и искупленіемъ грѣховъ; но въ тоже время должно признать, что онѣ нисколько не имѣли цѣлю уравненія личности передъ обществомъ и никогда не достигали этой цѣли даже косвеннымъ путемъ. Общества продолжали свое развитіе, замѣняя только рабство пролетарствомъ, слегка уступая высшему, уже признанному началу, но не измѣняя своихъ

логических путей. Въ этомъ достаточнымъ убѣжденіемъ служатъ ужасы Америки и рабство негровъ. Освобожденіе рабовъ въ Европѣ было дѣломъ частнаго благодѣянія въ большомъ объемѣ, дѣломъ совѣсти, пробужденной христіанствомъ, а не общественнаго начала, сознающаго права личности. На это явленіе имѣли безспорное вліяніе въ иныхъ случаяхъ усиленіе государственности, основанной на римскомъ правѣ, въ другихъ вѣрно расчитанная выгода, или необходимость, сознавая въ борьбѣ властвующихъ стихій, искавшихъ себѣ опоры и союза въ стихіяхъ поработенныхъ, но никакого вліянія нельзя приписать идеѣ объ нравственномъ лицѣ человѣка. Впрочемъ уничтоженіе рабства не имѣетъ слишкомъ важнаго значенія въ большой части германской Европы. Рабство было не всеобщимъ явленіемъ: оно съ самаго начала соприкасалось съ вассальствомъ и сливалось съ нимъ посредствомъ безчисленнаго ряда незамѣтныхъ степеней, которыя разумѣется облегчили его уничтоженіе. Не должно забывать также и того, что *коллатусъ* византійскій далеко опередилъ западную эманципацію и безспорно истекалъ изъ болѣе чистыхъ и яснѣе сознанныхъ началъ.

Западъ Европы былъ по своимъ стихіямъ духовнымъ и общественнымъ еще болѣе чуждъ понятію о народѣ, чѣмъ понятію о личности. Славянскія общины (и можетъ быть то же должно сказать и о кельтскихъ) переселялись изъ области въ область, предпочитая ненаселенныя, обращая иногда населенныя въ пустыню, а иногда сливаясь съ туземцами или расселяясь между нихъ: но цѣль ихъ была пріобрѣтеніе земли плодородной, къ которой они приносили свой неутомимый трудъ, вызывающій спящее богатство, присужденное человѣку. Такъ было на востокѣ Европы и какіе бы ужасы ни сопровождали первое вторженіе незваныхъ хлѣбошцевъ, уже въ древнихъ поколѣніяхъ, слѣдовавшихъ за завоеваніемъ, историческая критика не находитъ ни вассаловъ, ни угнетеннаго народа, ни рабовъ кромѣ военноплѣнныхъ, часто отпускаемыхъ на свободу или принимаемыхъ въ нѣдра братской общины. Не такъ было на западѣ. Дружина германская, исторически воспитанная на оупу и грабежъ, выходила изъ своихъ лѣс-

ныхъ пустынь не для мирнаго труда, а для корысти и власти. Ей нужны были рабы или вассалы для ея прокормленія и лѣса для ея забавы. Пустынные земли обращались въ непроходимыя чащи, приволье для празднаго охотника, а населенныя въ обитель рабовъ, приволье для свирѣпаго господина. Народа не было: были одни вассалы и рабы. Не было земли для народа, земля какъ и трудъ земледѣльца были собственностію дружинника-завоевателя. Уцѣлѣли отчасти города: хотя и тѣ были по большей части такою же собственностію дружинначальника и его сподвижниковъ, но по крайнѣй мѣрѣ города сохранили еще какую то внутреннюю жизнь, особенно въ южной Франціи и Италиі, гдѣ сильны еще были остатки римскаго права и римскаго устройства. Сначала милость завоевателей была дѣломъ чистаго расчета потому, что имъ нужна была промышленность и торговля, которую находили они только въ городахъ, и которой сами создать не могли; отчасти была она предписана необходимостію дружинначальникамъ, или конунгамъ, которые въ остаткахъ римскаго быта находили нѣкоторую опору противъ произвола своей дружины; иногда была слѣдствіемъ уваженія къ святынямъ храмовъ или мощей, которыя хранились въ городскихъ соборахъ. Позднѣе, города окрѣпили собственною внутреннею силою своего промышленнаго общежитія, нашли сильную опору въ короляхъ, которымъ платили деньгами или военною службою за покровительство и достигли свободы. Но города не были друзьями сель. Сомкнувшись въ отдѣльныя и эгоистическія общества, они представляютъ исторической критикѣ тотъ же феодальный характеръ какъ и замки бароновъ. Вся западная Европа покрылась сѣтью мелкихъ феодальныхъ князьковъ и такихъ же феодальныхъ республикъ, подчиненныхъ другимъ высшимъ князьямъ или королямъ феодальнымъ. Внутреннее устройство городовъ было завѣщано Римомъ и римское право (сохранившееся или въ писанныхъ памятникахъ или въ обычаяхъ и преданіяхъ) было ихъ главною нормою; къ этому праву присоединились отчасти мѣстные обычаи и понятія, разные по разнымъ мѣстностямъ, но нигдѣ не перевѣсивавшія рим-

скаго вліянія и духа. Изъ городовъ развились въ послѣдствіи сѣмена права и порядка, которымъ суждено было вслѣдствіе ихъ высшей разумности подавить дружинную стихію, принесенную Германцами; но земля продолжала оставаться безъ народа во первыхъ потому, что городской житель (среднее сословіе) былъ чуждъ и часто даже болѣе враждебнымъ народу, чѣмъ самыя бароны, во вторыхъ потому, что идея народа не могла никогда развиться изъ права римскаго, для котораго существовали искони только лице и государство также какъ для права германскаго существовали только лице и дружина.

Эти двѣ черты опредѣляютъ всё развитіе западной Европы: въ ней не были никогда признаны ни права личности въ ея высшемъ значеніи, ни права народа, котораго самое существованіе сдѣлалось невозможнымъ.

Земля Англо-саксовъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе: но народная стихія была скоро подавлена норманскимъ завоеваніемъ и усиленіемъ римскаго права и отъ того то Англія до нашего времени не узнала и не могла узнать своей истинной силы и ея сокровенныхъ источниковъ.

Первая эпоха Карловичевъ управлялась еще простыми законами дружины. Стихія римская казалась подавленной, можетъ быть, болѣе чѣмъ въ эпоху Меровейцевъ и Лангобардовъ, особенно въ Италіи и даже въ самомъ Римѣ: но ея начала были живущи потому, что были разумны. Распаденіе западной имперіи, основанной Карломъ на полжизни челоуѣка, было, какъ сказано, по видимому слѣдствіемъ раздора между его войсками, а дѣйствительно слѣдствіемъ прежней исторической жизни и трехъ различныхъ почвъ, на которыя налегъ общій наплывъ франкской дружины. Долгія распри волновали три державы, уже дѣйствительно вполнѣ отдѣлившіяся одна отъ другой, но составлявшія еще какъ будто общую государственную систему. Въ продолженіи этихъ распрей возросла и окрѣпла сила римскаго престола и положила основаніе своего послѣдующаго владычества—какъ уже сказано. Между

тѣмъ императорское званіе и безсмысленный вѣнецъ переходили съ одной головы на другую, не доставляя своимъ временнымъ владѣльцамъ ни власти истинной ни даже почета (за исключеніемъ недолгаго царства Карла толстаго), но сохраняя въ народахъ и въ властителяхъ понятіе о верховной власти, выражающей полное развитіе римской стихіи въ ея государственномъ значеніи и въ ея тѣсномъ соединеніи съ единствомъ духовнаго міра на западѣ.

О тѣмъ-то всегда вѣнчаніе императора является какъ бы неотъемлемымъ правомъ общаго духовнаго пастыря всѣхъ западныхъ народовъ.

Италія не вполнѣ завоеванная Карломъ великимъ, дѣлилась на двѣ половины, на южную, греческую и лонгобардскую и на сѣверную, франкскую. На югѣ безпрестанныя и безсмысленныя войны мелкихъ владѣльцевъ или ссоры Грсковъ и Лонгобардовъ и набѣги африканскихъ магометанъ уничтожили всякую жизненную дѣятельность, хотя въ то же время заготавливали много сѣмянъ будущаго развитія: на сѣверѣ бывшая лонгобардскою, съ недавняго времени франкская, италія не принадлежала вполнѣ ни той ни другой системѣ, и слѣд: не могла развивать въ себѣ стихій, которыя не составляли еще органическаго цѣлаго и носили на себѣ характеръ частей случайности. Франція была почти въ томъ же положеніи какъ и сѣверная Италія. Невстрійское (романское) начало, побужденное австразійскимъ (германскимъ), должно было снова стремиться къ равновѣсію и даже къ преобладанію, котораго оно достигло въ послѣдствіи: но земля была осуждена на долгое ничтожество внутреннею борьбою, безъязычьемъ и безнародностію. Цѣльище была Германія. Не смотря на то, что она была странною завоеванною, что она была раздѣлена на различныя племена, довольно самостоятельныя (Саксонцевъ, Швабовъ, Франковъ, Байерцевъ и др.), что она заключала въ себѣ пачала вражды и междоусобій, что была сравнительно съ Франціей и Италіей землею дикою и необразованною и по-

лучила начало единства государственного извнѣ, она очевидно должна была занять первое мѣсто между государствами запада и быть преемницею державства Карла Великаго. Начало, завоевавшее ее, хотя и было въ формѣ чисто-дружинной, слѣд. какъ бы безнародной, происходило изъ нея же и по этому находилось во внутренней гармоніи съ ея духомъ. Языкъ завоевателей различался только діалектически съ языкомъ завоеванныхъ. Гордость отдѣльных семей была оскорблена побѣдою союза семей франкскихъ (что и повело къ борьбѣ), но гордость общаго племени была возвышена и напряжена. Такимъ образомъ, не смотря на дружинность и феодализмъ, уничтожающія возможность народнаго быта, нѣкоторыя силы народности сохранились и могли дѣйствовать въ языкѣ и чувствѣ одноплеменности. Возможно было слово: въ его возможности находилась возможность просвѣщенія, словесности и поэзіи. Наконецъ отношенія церкви къ Германіи какъ къ государству были особенно выгодны. Еще недавно въ дѣлѣ кельтской церкви боролась она съ мерами и принудила ихъ къ уступкѣ; но побѣдивъ и потомъ помирившись съ ними, она сдѣлалась союзницею ихъ преемника, императора Карла. Распри между властями духовною и государственною были прекращены, духовенство облагодѣтельствовано императорами. Тогда началась новая эпоха. Въ старо-христіанскихъ земляхъ духовенство, не чувствуя нужды въ сильномъ покровительствѣ, приняло участіе въ ссорахъ возникающаго феодализма съ государствомъ, становясь почти всегда и вездѣ (особенно при благодушномъ Лудвигѣ и во Франціи) въ рядахъ возмутителей. Не такъ было въ Германіи, землѣ новообращенной и съ двухъ сторонъ сжатой народами языческими. Тутъ нужна была духовенству сила государства; тутъ нужно было ему покровительство противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ; тутъ служило оно вѣрно и ревностно королямъ и императорамъ и имена многихъ епископовъ блестятъ на равнѣ съ именами самихъ государей въ исторіи созданія германскаго государства. Таковы причины, почему изъ трехъ отдѣльных имперій Германіи предупредила своимъ развитіемъ остальные и сдѣлалась преемницею франкскаго первенства.

Исторія до сихъ поръ рассказываетъ этотъ фактъ, но не потрудилась надъ его объясненіемъ.

Бѣдственны были для западной Европы первыя времена распаденія имперіи Карла великаго. Сила мусульманская, распавшаяся но еще не истощенная и временно даже получившая мѣстное напряженіе отъ возникшихъ новыхъ мѣстныхъ центровъ, налегала на югъ Италіи и грозила даже Франціи. Вырвавшееся на волю удалъство скандинавскихъ моряковъ, до тѣхъ поръ очевидно подавленное самостоятельностью саксонскихъ племенъ и вѣроятію преобладаніемъ чуждаго, менѣе воинственнаго начала въ самой Скандинавіи (до Бравальской битвы), бросало тысячи смѣлыхъ разбойническихъ судовъ на всѣ сѣверныя и западныя берега распавшаго царства. Гибельнѣе же всѣхъ внѣшнихъ бѣдствій было бѣдствіе безперерывныхъ внутреннихъ раздоровъ. Отъ этихъ то раздоровъ дѣлались возможными нашествія внѣшнихъ враговъ. Сила магометанъ-африканъ не была бы въ состояніи бороться съ ополченіемъ романскихъ народовъ (Франціи и Италіи), а смѣлые набѣдники моря, корабли норманскихъ разбойниковъ, были бы легко отражаемы правильною береговою стражею и самое гнѣздо ихъ, Данія, не могла бы укрыть ихъ отъ преслѣдованія. Всякій отпоръ внѣшнему врагу былъ невозможенъ при распаденіи имперской державы. Западная и особенно сѣверная Франція были опустошены. Норманны, вездѣ побѣдители, присоединяли къ своимъ немногочисленнымъ дружинамъ тысячи бѣглецовъ и раззоренныхъ жителей опустошенныхъ береговъ.

Отъ того то эти ничтожныя ополченія являются часто двадцати и сорока-тысячными войсками. На это обстоятельство, кажется, слишкомъ мало обращали вниманія. Безспорно главные вожди и, такъ сказать, сердцевица дружины были скандинавскія, но очевидно не вся дружина. Истина объясняется отчасти именами дворянскихъ родовъ въ Нормандіи и скорою утратою языка скандинавскаго въ земляхъ, завоеванныхъ Скандинавами.

Изъ грабителей норманны скоро сдѣлались завоевателями во Франціи; но не скоро еще могли они утвердиться въ новыхъ областяхъ. Между тѣмъ они проникали отдѣльными эскадрами далеко на югъ, долго гнѣздились около устьевъ Гаронны, грабили бѣдный сѣверъ Испаніи и являлись даже въ Средиземное море, ужасая мужествомъ и свирѣпостію области давно уже знакомыя съ мужествомъ и свирѣпостію. Самый замѣчательный изъ ихъ набѣговъ не по послѣдствіямъ, которыя были ничтожны, но по историческому намеку, былъ безъ сомнѣнія погромъ береговъ Испаніи и устьевъ *Taga*. Тутъ Мавры узнали и передали вѣкамъ имя желѣзныхъ витязей, — *Руссовъ*, имя, которому суждено было сдѣлаться такимъ великимъ въ послѣдующихъ судьбахъ міра.

Если сообразимъ начало морскихъ разбоевъ норманскихъ, колоніи ихъ бѣглецовъ на сѣверномъ берегу Германіи и на вендскомъ прибрежіи и начало Рюрикова княженія съ великою эпохою Бравалльской битвы, то по необходимости приходимъ къ тому заключенію, что разбои начались отъ побѣжденной и изгнанной стихіи, къ которой разумѣется примѣшивалось не мало и мѣстной, увлеченной вслѣдъ за нею. Тогда объяснится и имя *Варягъ*, являющееся въ многихъ нарѣчіяхъ германскихъ (простѣйшая форма едва ли не *варгъ*) въ смыслѣ изгнанника и слѣд: соответствующее итальянскому *bandito*, не понятое ни Греками, ни Несторомъ и случайно являющееся у западныхъ анналистовъ, которымъ тѣ же удалцы были увѣстны подъ другими именами. Съ другой стороны рассказъ о Бравалльской битвѣ, не смотря на противорѣчія въ разныхъ источникахъ, всегда согласенъ въ одномъ обстоятельствѣ. Побѣжденный царь Гаральдъ Гильдетандъ является какъ преемникъ Инглинговъ т. е. рода фреева (Ванскаго), преемникъ, правда, незаконный, но находящійся въ нѣкоторой связи съ ними и по крайнѣй мѣрѣ очевидно не выходящій изъ той же системы народной. Эта система опредѣляется двумя обстоятельствами: принадлежностію Инглинговъ къ роду Вассовъ съ одной стороны; а съ другой составомъ войскъ побѣжденного Гаральда изъ Вендовъ, Гунновъ и людей Гардарика. Итакъ побѣжденная стихія была стихіею славянской. Добросовѣстная

критика не допускаетъ тутъ никакого сомнѣнія. Вслѣдъ за пораженіемъ и бѣгствомъ побѣжденныхъ является на всѣхъ моряхъ и на берегахъ ближайшихъ къ Скандинавіи имя, котораго Скандинавія позднѣйшая уже не знаетъ, но которое по старой памяти дается ей финнами до нашихъ дней, имя *Русь*. Это имя принадлежитъ очевидно той же изгнанной-славянской стиги. Дѣйствительно имя *Русь* во многихъ мѣстахъ сопровождаетъ славянское племя: оно находится по всѣмъ примѣтамъ въ прямой связи съ вѣтвію Антовъ такъ на югѣ Франціи земля Русильонъ составляетъ оконечность полосы, въ которой корень *Антъ* служитъ основою многихъ городовъ именъ (напр. древній *Антиумъ*, Антибъ и др): такъ имя *Русиновъ* или *Руснаковъ* въ Карпатскихъ горахъ обозначаетъ ту самую мѣстность, которую писатели V-го и VI-го вѣка считаютъ жилищемъ Антовъ: такъ около устьевъ Волги, около Кавказа и Чернаго моря, слово *Русь* отзывается у писателей арабскихъ и византійцевъ, между тѣмъ какъ мѣстныя преданія Кавказа помнятъ богатырей Антовъ: такъ въ сказаніяхъ германскихъ о погибеліи рода Эрманарикова тѣже бѣдствія или таже измѣна приписываются двумъ братьямъ изъ племени Антовъ и двумъ братьямъ Росманамъ, т. е. изъ племени *Русь*; такъ наконецъ первая война между Гуннами и Готами приписывается Юриандомъ убіенію Гетами антекаго князя *Боксы*: пѣсни и преданія Кавказа рассказываютъ о томъ же убіеніи князя Боксы *Гутами* и о томъ, что по его имени рѣка Альтуда названа *Боксаюю*. Эти преданія возводятся до несомнѣнности греческою надписью на скалѣ на берегахъ Боксацы надъ прахомъ антекаго князя (имени нѣтъ) сына Давова (по моему чтенію Давидова). Теперь эта самая земля, которой Антокое имя несомнѣнно по надписи и преданію, называется жителями Кавказа *Урусъ* или *Урускія* (общая форма слова *Русь* на востокѣ). Такимъ образомъ тождество двухъ названій *Антъ* и *Русь* дѣлается яснымъ для добросовѣстной критики: объясняется присутствіе имени *Русь* въ стиги (славянской) изгнанной изъ Скандинавіи, прекращается споръ о происхожденіи Руси съ юга или съвера, причины почему южная Русь (въ которой жили Анты Кавказа и Карпатовъ) называлась у лѣтописцевъ Русью по преимуществу, дѣлаются понятными, отгрывается корень слова *Русакъ* (степной заяцъ, очевидно не

отъ шерсти) и начало государства русскаго (Рюрикова) является въ новомъ, болѣе разумномъ свѣтѣ. Самое имя *Русь* по сходству съ словами *ручей*, *рѣса* (болотная рѣка по мѣстному рязанскому нарѣчію) и по присутствію своему какъ корень въ словѣ *русло* (какъ *горло*, *жорло*, *мыдло* пор.) даетъ явный смыслъ *воды*, *воднаго*, народа прирѣчнаго или приморскаго, мореходнаго, какъ онъ и является въ исторіи 9-го 10-го и 11-го вѣка, поклоняющагося водамъ и живущаго въ водѣ также свободно какъ на сухомъ пути, какъ свидѣлствуютъ Византіицы 9-го вѣка объ Антахъ и Славянахъ вообще. Изъ этого разумѣется не слѣдуетъ заключать, что бы въ выходцахъ скандинавскихъ стихія славянская сохранилась въ чистотѣ или языкъ ихъ былъ языкомъ славянскимъ. Такое предположеніе было бы явною нелѣпностію послѣ десятивѣковаго пребывания и многовѣковаго властвованія этой славянской вѣтви въ Скандинавіи. Имя семейное, древнія преданія, нѣкоторые обычаи, сочувствіе и союзы съ славянскимъ материкомъ сохранялись: отъ языка могли и должны были сохраниться только обломки, вкрапленные въ мѣстное нарѣчіе, что уже и показано выше въ нѣкоторыхъ словахъ какъ *саркъ* (сорока) *міольниръ* (молнія) и др. Также нелѣпо было предполагать, что все норманны принадлежали изгнанной стихіи. Путь былъ открытъ, примѣръ указанъ. Потому же примѣру и въ тотъ же путь устремились все удалцы воинственной Скандинавіи и богатыри, сражавшіеся ожесточенно на родинѣ, дружились въ грабежѣ чужихъ береговъ.

Норманнамъ въ Германіи не такъ посчастливилось какъ во Франціи. Не смотря на близость родины и на первоначальный успѣхъ, они вскорѣ потерпѣли такое рѣшительное пораженіе, что имъ не приходило уже въ голову искать завоеваній и осѣдлости въ землѣ, населенной воинственнымъ народомъ. Неудача ихъ объясняется легко характеромъ побережья Балтики, фризонскаго племени и Саксовъ. Прибережная страна долго давала отпоръ всѣмъ силамъ феодализма въ его полномъ развитіи, а Саксы, сломленные Карломъ и подведенные подъ условія франкской системы (очевидно не безъ измѣны высшихъ родовъ, появившихъ выгоду дружиннаго устройства) сохраняли

еще всю свою энергію, доказанную въ послѣдствіи первенствомъ ихъ въ судьбахъ имперской Германіи. Тутъ Норманны не встрѣчали ни безсмысленныхъ плотвъ, ни нищихъ союзниковъ, какъ въ галло-романскомъ населеніи большей части Франціи, и были отбиты навсегда. Но Германія грозила другая, гораздо большая опасность. Славянскіе народы, давно уже успокоившіеся и отвыкшіе отъ наступательной войны, трагившіе силы своихъ мелкихъ и вообще мирныхъ общинъ, на частныя распри и междоусобія (болѣе похожія на семейныя ссоры чѣмъ на историческія происшествія) были отчасти пробуждены напоромъ Меровеицевъ, которымъ они дали довольно счастливый отпоръ, и наконецъ вызваны къ условіямъ совокупнаго дѣйствія и слѣд. госѣдарственной жизни завоевательнымъ духомъ новой западной имперіи. Мелкія общины стали сростаться въ союзы еще рыхлые, но уже выказывающіе нѣкоторый успѣхъ въ историческомъ развитіи.

Быть можетъ, каждый подобный успѣхъ сопровождается утратами лучшихъ человѣческихъ достояній, но такова до сихъ поръ вездѣ историческая необходимость и не должно забывать, что тамъ, гдѣ утрата невольна и происходитъ отъ внѣшнихъ причинъ, тамъ она не полна и можетъ быть вознаграждена будущими вѣками. Сѣмена гложуть и засыпаютъ, но не гибнутъ. Они гибнутъ тамъ, гдѣ порча происходитъ изнутри и обусловливается свободнымъ развитіемъ самаго народа.

За союзами послѣдовало возникновеніе сильныхъ центровъ. На сѣверѣ они приняли болѣе религіозный, на югѣ болѣе политическій характеръ. Въ этихъ центрахъ стали выказываться великія дотолѣ не предполагаемыя силы. Борьба, пачатая съ отчаяніемъ и съ постояннымъ неуспѣхомъ (это видно изъ продолжительнаго расширенія Карловой державы на востокъ, даже при его слабыхъ преемникахъ) стала ровнѣе. Отпоръ славянъ былъ часто удаченъ. Приобрѣталась опытность, духъ возмывшался; гордость народовъ пробуждалась; вѣсть о побѣдѣ переходила отъ общины къ общинѣ; слагались пѣсни торже-

ственные, важныя для современниковъ, не совсѣмъ безплодныя для потомства.

Такова пѣснь о Славоѣ, Забоѣ и Людекѣ (Людвигѣ побѣжденномъ Чехами). Сомнѣнія въ подлинности рукописи кажутся мнѣ вовсе неосновательными. Языкъ носить на себѣ характеръ древности, и многіе обычаи, не совсѣмъ похвальные (какъ напр. многоженство) едва ли бы нашли мѣсто въ подлогѣ. Впрочемъ этотъ вопросъ не имѣетъ большой исторической важности. Вообще должно замѣтить, что имперія Карла подѣйствовала на славянъ также какъ Римъ на германцевъ и отчасти на славянъ при-дунайскихъ (Гетовъ и Даковъ), также какъ Китай на племена средне-азійскія и также какъ въ глубочайшей древности напоръ Кушитовъ на иранскія семьи.

Самый сильный центръ возникъ у карпатскихъ горъ. Область богатая, издревле торговая и слѣд. не чуждая просвѣщенію, населенная народомъ мужественнымъ и отчасти даже воинственнымъ (ибо таковъ былъ характеръ Антовъ), испытанная многими тяжкими борьбами съ Аварами, которыхъ сила была сокрушена при-карпатскими славянами, еще прежде съ германскими дружинами во время переселенія народовъ и еще ранѣе съ тѣми же германцами во время маркоманскаго царства, и въ тоже время съ римлянами (ибо часть народовъ при-карпатскихъ входила въ составъ дакскаго союза, и безспорно побѣжденные остатки Даковъ удалились въ горы), крѣпкая по мѣстности, представляющей сильныя преграды нашествію врага, богатая плодами земли, ибо въ ея составъ входила неистощимая равнина Венгріи и Галиціи, наконецъ готовая къ новой высшей духовной жизни и принявшая ее зачатки отъ проповѣдниковъ восточныхъ, привнесшихъ съ вѣрою письменность, развитіе народнаго слова и разумѣется также развитіе общественной жизни.

Вообще трудно отмѣчать начало отдѣльныхъ народовъ славянскихъ: но пѣсни, свидѣтельствующія о приходѣ Чеховъ въ ихъ тепереннія жилища, доказываютъ, что по крайнѣй мѣрѣ часть ны-

нѣшняго народонаселенія въ Чехіи переселилась не въ весьма глубокой древности. Этаго населенія нельзя отнести къ эпохѣ гунгской, когда произошло послѣднее движеніе славянъ съ востока, ибо характеръ языка носитъ на себѣ признаки западно-славянскихъ вѣтвей, жившихъ издревлѣ въ Европѣ. По всей вѣроятности эти переселенцы были пришельцы съ береговъ Дуная и изъ Панноніи и Иллиріи, гдѣ они участвовали въ великой борьбѣ Даковъ и Паннонцевъ съ Римомъ отъ Августа до Трояна. Самое имя Чеховъ неизвѣстно древней исторіи; но было ли бы оно извѣстно и теперь, если бы не сами Славяне назвали его міру? Иноэсмцы знаютъ Чеховъ подъ именемъ Богемцевъ. То же самое могло быть и въ древности. При ясномъ разумѣніи движенія южныхъ славянъ на сѣверъ во время римской силы и ранѣе еще, во время пашествія *Влаховъ* (*Гаэлахъ*, Галловъ) на нижній Дунай, Иллирію и при-Карпатію, позволительно искать имя Чеховъ въ сильномъ народѣ *Чихиновъ* (Сигины) извѣстныхъ Геродоту и съ тѣхъ поръ забытыхъ исторію. Впрочемъ откуда ни пришли новые переселенцы, безспорно нашли они ни берегахъ Влтавы и истокахъ Лавы славянское население, поработенное нѣкогда галлами, а потомъ отчасти германцами, съ которыми они сроднились по своему коренному племенному родству.

Велико-моравскій центръ, образовавъ могущее царство, составлялъ важную эпоху въ жизни славянскихъ народовъ. Борьба съ германцами приняла новое значеніе. Распадающаяся германія слабѣла. Славяне крѣпли. Война оборонительная и почти безнадежная перешла въ наступательную. Побѣда, не смотря на мужество германскихъ государей (потомковъ Карла) и на временные успѣхи ихъ, клонилась въ пользу Славянъ.

Это видно изъ разсказовъ германскихъ лѣтописцевъ, несмотря на естественное пристрастіе ихъ къ своимъ землякамъ.

Блистательныя историческія имена стали появляться между славянскими вождями: таково въ особенности имя грозы германцевъ Святополка или Святовлада (ибо его называютъ Sven-

tibaldus). Предѣлы области славянской, долго сжимавшіеся отъ напора германцевъ, стали значительно расширяться. Усиѣхъ южныхъ братій отозвался и на сѣверѣ. Мало по малу общины сѣверныя стали освобождаться отъ ига чужеземнаго и отодвигать своихъ враговъ. Опасность, угрожавшая славянамъ стала угрожать Германіи, уже съ трудомъ отбивавшей ихъ напоръ. Прежнее презрѣніе замѣнилось чувствомъ равенства и уваженія.

Это доказывается ясно принятіемъ славянскихъ именъ (напр. сынъ императора Арнульфа, бывший нѣсколько времени герцогомъ Лотарингскимъ, назывался Святоплукомъ), союзами герцоговъ германскихъ съ князескими славянскими родами (одинъ изъ этихъ союзовъ положилъ начало роду Бабенберговъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи было столько императоровъ) и многими другими признаками въ современныхъ лѣтописцахъ и въ ихъ расказахъ объ отношеніи двухъ народовъ другъ къ другу.

Но этой счастливой эпохѣ не суждено было продлиться. Война, какъ постоянное наступленіе, какъ завоеваніе не была въ славянскомъ духѣ; самый центръ велико-моравскій не былъ еще довольно значителенъ для основанія великой державы, ибо славянскій народъ по своему характеру не способенъ обратиться въ дружину. Правда, этотъ центръ могъ найти еще точки опоры въ окружающихъ его племенахъ сербскомъ, хорватскомъ, ляхскомъ и даже велико-вендскомъ (въ послѣдствіи велико-русскомъ): разницы нарѣчій хотя уже существовали, но были еще незначительны и рѣдки (это видно изъ всѣхъ древнихъ памятниковъ, и составляетъ рѣзкую противоположность съ разрозненностью нарѣчій германскихъ), но такая опора была ненадежна. Южные Славяне принадлежали вполне всею жизнію своею системѣ византійской исторіи, сѣверные (Ляхи) стремились составить свой отдѣльный центръ, а восточные были еще совершенно чужды потребностямъ политической жизни, хотя и имѣли у себя довольно сильное развитіе семейно общественной жизни. Такимъ

образомъ можно сомнѣваться, были ли въ велико-моравскомъ центрѣ вещественные зародыши великой государственной силы. Еще болѣе можно сомнѣваться въ томъ, имѣлъ ли онъ въ себѣ нравственныя основы, достойныя того великаго дѣла, на которое онъ казался призваннымъ. Первые княжескія имена являются въ распряхъ и междоусобіяхъ, свидѣтельствующихъ не только о весьма слабомъ составѣ общественномъ, но и о неуваженіи къ началу семейному. Возстанія сына противъ отца, племянника противъ роднаго дяди, раздоры безнравственныя и безразсудныя, таковы первыя происшествія краткой лѣтописи великаго моравскаго царства. Введеніе христіанства сопровождается безпрестанными и кажется не совсѣмъ добросовѣстными переходами народныхъ начальниковъ отъ церкви греческой къ проповѣди латинской и обратно. (Впрочемъ эта шаткость вѣроятно зависѣла отъ неяснаго пониманія церковнаго ученія и слѣд. не можетъ быть предметомъ слишкомъ строгаго обвиненія, хотя и не можетъ быть извиненною вполне). Самыя отношенія этого перваго славянскаго центра къ Германіи были очевидно таковы, что продолжительная борьба была невозможна. Велико-моравскіе государи даже во время побѣдъ своихъ не могутъ оторваться отъ германской системы. Какая-то умственная и духовная зависимость видна въ томъ, что они безпрестанно норовяютъ принимать неразумное участіе во внутреннихъ дѣлахъ западнаго, германскаго міра, въ выборѣ и престолонаслѣдствѣ послѣднихъ Карловичевъ, въ ихъ семейныхъ спорахъ, въ ихъ походахъ по Германіи и Италіи, наконецъ во всей тревожной дѣятельности своихъ бурныхъ сосѣдей. Конечно, Святополкъ въ продолженіи нѣкотораго времени является едвали не рѣшителемъ судебъ германской имперіи и его воинская слава гремитъ по всей средней Европѣ; но за то всякая война дѣлаетъ его слова пленникомъ или по крайней мѣрѣ подручнымъ союзникомъ императора. Добросовѣстная критика не находитъ никакихъ признаковъ истинной самостоятельности въ исторіи моравскаго царства, а основаніе долговѣчнаго и историческаго славянскаго государства было невозможно безъ этой самостоя-

тельности, безъ полнаго и совершеннаго разрыва съ міромъ германскимъ, безъ развитія своихъ независимыхъ духовныхъ началъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми духовными началами, которыя были свойственны Германіи и которыя она проявляла и развивала въ теченія столькихъ вѣковъ. Таковы причины паденія великой Моравіи, а не случайное нападеніе весьма не сильной орды фянно-турецкихъ Уйгуровъ, какъ вообще полагаютъ.

Ложное мнѣніе историковъ происходитъ отъ многихъ причинъ. Германскіе писатели охотно преувеличиваютъ силу венгерскихъ полчищъ, что бы скрыть слабость и стыдъ германскаго міра, такъ долго страдавшаго отъ нихъ. Славянскіе находятъ менѣе стыда во внѣшнихъ причинахъ паденія, чѣмъ во внутреннихъ: и тѣ и другіе охотно останавливаются на вещественной сторонѣ исторіи и не чувствуютъ всей важности ея духовной стороны. Для историка безпристрастнаго и понимающаго логическій ходъ мысленнаго развитія ясно, что держава славянская, возстающая на самой границѣ огромнаго германо-романскаго міра, должна была ему подчиниться въ вещественномъ и политическомъ отношеніи, если она не умѣла сохранятьъ полной духовной свободы. Проповѣдь христіанская проникла въ Моравію съ двухъ сторонъ почти въ одно время: съ латинскаго запада и византійскаго востока; но значеніе ученія являлось въ двухъ различныхъ видахъ. Западная проповѣдь была іерархическая и отчасти политическая, восточная была народная и духовная. Западъ требовалъ покорности своимъ властямъ и своимъ началамъ: онъ былъ поработителемъ и въ замѣнъ непонимаемаго христіанства и общаемыхъ благъ загробныхъ налагалъ вещественное иго на новообращаемыя племена Славянъ. Востокъ приносилъ свѣтъ духовный, повиманіе вѣры и мысленную свободу, не требуя отъ новообращенныхъ ничего кромѣ ихъ собственнаго улучшенія. Таковъ явный выводъ изъ всей дѣятельности великихъ труженниковъ христіанства, Кирилла и Меѳодія, когда ее сравниваемъ съ дѣятельностью германскихъ проповѣдниковъ и изъ всего спора Меѳодія и учениковъ его съ высшимъ духовенствомъ

Мады-
ары.

германскимъ. Очевидно народъ былъ почти весь на сторонѣ византійскихъ учителей и побѣда должна была остаться за ними. Римскій дворъ предупредилъ опасность. Преемники Николая, не успѣвшаго кончить дѣло, приняли народно-славянскую проповѣдь, церковно-славянскій языкъ и самостоятельность славянскихъ епархій подъ свое покровительство или по хитрому расчету, предпочитающему уступку совершенному разрыву, или съ намѣреніемъ не допустить излишняго усиленія германскаго духовенства, котораго покорность была не совсѣмъ еще вѣрна, или можетъ быть по началамъ и побужденіямъ болѣе возвышеннымъ и христіанскимъ; ибо въ самомъ Римѣ не успѣлъ еще развиться папизмъ въ смыслѣ определенной и вполне сознательной системы. Его логическое развитіе было впереди. Но при всей склонности народа, отчасти и самыхъ правителей къ ученію византійскому и къ его народнымъ формамъ очевидно и латинская проповѣдь была не безъ послѣдователей. Границы языческаго міра давно уже не могли сохранять неприкосновенность язычества: христіанство проникло съ запада въ область славянскую гораздо прежде того времени, къ которому свидѣтельства письменныя относятъ начало обращенія. Люди уже обращенные проповѣдью западною и дѣти ихъ оставались вѣрными направленію ими принятому. Съ другой стороны высшіе и богатѣйшіе семьи и роды, въ которыхъ уже таились зародыши аристократіи, склонялись по бессознательному влеченію къ аристократическому направленію папизма. Западная церковь въ противоположность духовному и народному ученію востока являлась въ сопровожденіи цѣлаго политическаго устройства, соблазнительнаго для многихъ, и временно можетъ быть почти необходимаго для всѣхъ: наконецъ сношенія съ западомъ были постояннѣе и чаще; общеніе житейское влекло за собою и ученіе духовное тѣмъ болѣе, что самая церковь восточная не вполне еще сознавала отпаденіе запада. Такимъ образомъ даже въ великой Моравіи церковь латинская была весьма сильна, не смотря на рѣшительный перевѣсъ византійской. Еще сильнѣе было начало латинское въ западной половинѣ царства Свято-

полкова, въ Чехіи, управляемой древнимъ родомъ Премысловичей и присоединенной къ Моравіи не задолго до нашествія Уйгуровъ; а начало латинское въ церкви вездѣ сопровождалось латино-германскимъ началомъ въ жизни, началомъ враждебнымъ жизни славянской и убійственнымъ для нея, ибо (какъ уже сказано) всякая вѣра обнимаетъ весь духъ человѣка и общества, а не ограничивается какою нибудь долею мысленной области въ лицѣ или народѣ.

Великая Моравія была разъединена внутри себя. Ея внѣшняя дѣятельность вслѣдствіе историческихъ отношеній прежней эпохи была обращена на западъ; она не умѣла и не думала искать опоры и родной почвы на востокъ, а опора на западъ была ничтожна, почва ненадежна и даже враждебна.

Этому положенію служить исключеніемъ почти единственнымъ завоеваніе при-Карпатскаго Галича, котораго предѣлы очень неопредѣленны, и нѣкоторое расширеніе на юго-востокъ въ равнинахъ полу-пустынной Панноніи (теперешней Венгріи).

Держава не могла быть долговѣчною.

Дѣйствительно она не простояла и столѣтія. Основатель ея Моймиръ является въ первой четверти IX вѣка: послѣдній ея владыко—Моймиръ же исчезаетъ изъ исторіи вмѣстѣ съ своимъ царствомъ около 907-го года. Не слабая орда Уйгуровъ-Мадьяръ разрушила Моравію. Призванная на помощь императоромъ Арнульфомъ противъ грозы Святополкова оружія, не много послужила она своему неосторожному союзнику, претерпѣла сама нѣсколько пораженій и была бы снова принуждена или удалиться въ восточныя пустыни или ограничиться весьма небольшою областію около Дуная и Карпатовъ, когда умеръ Святополкъ. Царство, не имѣвшее внутренней жизни, держалось только духомъ великаго владыки. Послѣ него возникъ раздоръ семейный. Чехія отдѣлилась подъ начальствомъ двухъ Премысловичей, чтобы начать многовѣковую страдальческую борьбу противъ ига чуждыхъ началъ духовныхъ и вещественныхъ, безъ надежды на побѣду и безъ возможности

побѣды, но не безъ славы (ибо ей суждено было произвести Гуса, Жижку и Подибрада). Тогда уже Уйгуры-Мадьяры захватили почти безъ сопротивленія всю прѣйрасную страну при Дунаѣ и Тиссѣ, окрѣпили новымъ приливомъ родственныхъ племенъ, поразили ополченіе слабой Германіи и стерли царство Моравское съ лица земли.

Слабость Моравіи явна и доказана самымъ ея паденіемъ: но въ ней можетъ быть заключалась истинная опасность для Германіи. Если бы успокоенная на время владыками сильными и разумными, и продолжая святой трудъ Солунскихъ апостоловъ (Кирилла и Меѳодія) она пронесла проповѣдь свободнаго христіанства и церкви народной (разумѣется связанной съ великою церковью востока) на сѣверъ по берегамъ Лабы и Одера до Балтійскаго поморья, она могла бы возрасти въ державу великую, самобытную и грозную для западнаго міра. Повидимому это было возможно, хотя духовное двуначаліе не легко побѣждается: какъ бы то ни было, съ паденіемъ Моравіи опасность миновалась и Венгры, заступившіе мѣсто Моравцевъ, могли быть, и дѣйствительно были, бѣдствіемъ временнымъ, требовавшимъ отпора и слѣд. скрѣплявшимъ Германію, но не истинною опасностью для нея.

Въ общемъ обзорѣ всемірной исторіи Венгры почти не занимаютъ да и не заслуживаютъ мѣста. Ихъ значеніе чисто-вещественное не представляетъ ни развитія, ни даже зародыша какого нибудь духовнаго начала. Составляя часть христіанскаго міра, они не стали ни въ какомъ отношеніи выше своихъ средне-азійскихъ земляковъ Турокъ, съ которыми имъ предопредѣлено было въ послѣдствіи выдерживать долгую и не ровную борьбу. Дѣйствіе отрицательное на судьбу славянскихъ народовъ, таково по видимому единственное призваніе венгерскаго племени, единственной средне-азійской стихіи, врѣзавшейся глубоко въ сердце индо-европейскихъ племенъ. Впрочемъ болѣе внимательное и безпристрастное изученіе этого вопроса приводитъ къ иному заключенію. Венгерцы, т. е. коренные Мадьяры, очевидно въ продолженіи всей своей исторіи дѣйствовали далеко не одними собственными силами. По-

ловина ихъ ополченій состояла изъ Славянъ; многіе изъ ихъ лучшихъ полководцевъ были славянской крови. Изъ этого видно, что Венгерцы, поработители и враги Славянъ, имѣли отчасти значеніе первыхъ, грозныхъ Аваровъ: они отчасти сосредоточивали славянскую силу. Тоже самое должно сказать и о сосѣдяхъ, временныхъ завоевателяхъ Венгріи, Оттоманскихъ Туркахъ.

Извѣстно, что съ самаго усиленія Турокъ въ Европѣ гораздо болѣе половины ихъ правителей и военачальниковъ (исключая царствующій родъ) и именно самые побѣдоносные и прославленные были Славяне по происхожденію. Любопытна эта борьба окованныхъ Славянъ другъ противъ друга. Вспомнимъ Соколія и Цринія.

И такъ пашествіе Средне-Азійцевъ, не смотря на всѣ несказанные ужасы, сопровождавшіе его, не смотря на многоговѣковыя бѣдствія, которымъ оно подвергло Славянъ, было не совсемъ для нихъ бесполезно. Можно даже сказать болѣе. Царство Велико-Моравское не могло устоять долго вслѣдствіе своей внутренней духовной разбѣденности. Германія должна была окрѣпнуть и возвыситься. Грубая вещественная сила Мадьяра спасла часть Славянъ отъ германизациі такъ же какъ грубая сила Турка, уничтоживъ Византию, спасла другую часть Славянъ отъ эллинизациі. Сокровище духовное, возможность самобытной, духовной жизни, куплено вещественнымъ страданіемъ.

Очевидно, въ наше время Сербо-Хорватская область и даже Словаки и Русины Венгерскіе здоровѣе и цѣльнѣе области Чехо-Моравской, и не будь случайной охраны Мадьярской, при-Дунайскіе, отчасти при-Карпатскіе и Плирскіе Славяне подпали бы вѣроятно власти германской и безъ сомнѣнія подпали бы соблазну германскаго и германо-романскаго духовнаго начала.

Венгры или Угры, между которыми первое мѣсто занимало племя Мадьярское, безъ сомнѣнія выходцы средне-азійской

горной твердыни. Происхождение это доказывается ихъ языкомъ и засвидѣствовано ихъ именемъ. Финскія и турецкія начала, найденныя въ ихъ нарѣчіи учеными изслѣдователями, относятъ ихъ ясно къ переселенію финно-турецкихъ племенъ, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ Уйгуровъ (китайскіе *Уейо* или *Чешу*). Имя это сохранилось у Венгровъ въ чистотѣ и сдѣлалось ихъ собственнымъ, хотя оно принадлежало цѣлой системѣ или союзу народовъ, котораго они составляли весьма незначительную часть. Мѣсто ихъ исхода было въ сѣверной Россіи, въ землѣ, которая издавна была извѣстна подъ названіемъ Угрии, или Югрии или Югры. По ближайшему указанію свидѣтелей сдвали опровержимыхъ это мѣсто называлось землею Суздальскою. Прозваніе главнаго племени—Венгерскаго Маджаровъ—сохранилось и до сихъ поръ во множествѣ урочищъ и деревень низовой стороны, гдѣ большія и малыя Маджары, Маджаровки и т. п. встрѣчаются весьма часто и гдѣ Мещера сохранила свою самобытность и племенное имя. Отношеніе ихъ къ другимъ племенамъ того же края было различно. Къ нимъ примыкали колѣна финскія древняго переселенія, народы тихіе и не воинственные, хотя не лишенные мужества, какъ извѣстно изъ исторіи Финляндіи, дававшей лучшіе полки великому Густаву-Адольфу и до сихъ поръ отличающейся искусствомъ и безстрашіемъ своихъ стрѣлковъ, также какъ и изъ борьбы Черемисовъ (выходцевъ изъ Мери) и Мордвы съ разлитіемъ русской силы при Іоаннѣ IV и его преемникахъ.

Нѣкоторыя колѣна тѣхъ же Финновъ древней отрасли (т. е. ранѣе оторвавшейся отъ общаго финно-турецкаго корня) были даже не чужды промыслу войны наступательной. Финны пиратствовали на Балтикѣ и при-Уральцы дѣлали разбойничьи набѣги на сосѣдей. Впрочемъ это исключенія, объясняемыя обстоятельствами и вѣроятно закономъ возмездія.

Кромѣ Финновъ чистыхъ, къ Уграмъ на сѣверѣ примыкали другія еще болѣе имъ родственныя колѣна финно-турецкія

(Уйгурскаго переселенія), далеко проникнувшія по при-Волжью. Главное изъ нихъ было Уйгурское племя, властвовавшее въ то время въ землѣ древнихъ славянскихъ Болгаръ и принявшее свое имя и вѣроятно торговое направленіе отъ покореннаго народа. Тутъ же были еще и остатки стараго прирѣчнаго населенія славянскаго, остатки стараго гуннскаго казачества, уже перемѣшанные съ Уйгурскими пришельцами и подчиненные имъ, но не утратившіе шѣе вполне своего отдѣльнаго существованія.

Таковъ смыслъ китайскихъ свидѣтельствъ о преобладаніи дикихъ *Као-тзе* и *Туколо* въ области осѣдлыхъ народовъ на далекомъ сѣверо-западѣ и еще яснѣйшее ихъ свидѣтельство о томъ, что земля *Веннама* (Вендовъ-Славянтъ), нѣкогда подчиненная *Алан-ми* (Сарматамъ, Азо-Аланамъ) подняла власти *Чешу* (Уйгуровъ). Нѣтъ сомнѣнія, что стихія славянская уже была весьма слаба и несвободна въ при-Волжьи; но она не совсѣмъ еще исчезла. Царь болгарскій назывался еще царемъ славянскимъ (Саклабовъ). Не далеко отъ Болгаръ еще былъ (кажется по свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана) городъ Руссовъ (Анто-славянскій) *Хунай*, слѣд: въ томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣмецкіе лѣтописцы ставятъ городъ *Хунабъ*, описанный ими въ видѣ цѣлой огражденной страны: наконецъ, когда Русь Рюриковская мало по малу начинаетъ расширяться на сѣверо-востокъ, она беретъ силу города, которыхъ основаніе нельзя приписать сѣвернымъ Финнамъ, никогда не бывшимъ градостроителями. Въ такимъ городамъ должно приписать Кострому. Ея мѣстность не входима въ предѣлы первой языческой Руси—Рюриковской. Приписать же ея построеніе Руси христіанской нельзя потому, что самое имя ея принадлежитъ язычеству, что видно изъ народныхъ пѣсенъ, славящихъ вмѣстѣ *Кострому* и *Ярила*, боговъ языческихъ. Старыя торговыя мѣста, основанныя сѣверо-восточными Славянами были захвачены въ послѣдствіи государствомъ славяно-Русскимъ и введены въ его составъ, иныя съ сохраненіемъ, другія кажется съ перемѣною прежняго имени.

Отношенія Угровъ-Маджаровъ (или Мадьяровъ) къ сосѣдямъ были вѣроятно не совсѣмъ дружелюбны. Это можно заключить

въ характера самаго народа и изъ стремленія другихъ уйгурскихъ племенъ (напр. Болгарь) къ распространенію своей области. Мадыры были выдвинуты изъ своего сѣвернаго становища, земли Суздальской, или изъ земли лежащей на сѣверо-востокъ отъ нея.

Сомнѣнія о томъ, было ли уже тогда имя Суздаль и земля Суздальская, довольно нелѣпы въ наше время, хотя они могли имѣть свою разумность въ первую эпоху исторической критики. Конечно въ нашихъ лѣтописяхъ Суздаль является гораздо позднѣе Ростова; но онъ является какъ древній самостоятельный городъ, а не какъ пригородъ, на правахъ равенства, если не старшинства съ Ростовомъ. Позднѣйшее его появленіе объясняется легко или тѣмъ, что онъ отчасти утратилъ свою значительность, или еще вѣроятнѣе тѣмъ, что онъ вошелъ въ систему Рюриковской Руси послѣ Ростова. Имя его носить на себѣ характеръ древнихъ именъ безъ ясной этимологіи: лѣтонимъ же венгерскія, хотя и весьма недостоверныя, но все таки основанныя на преданіяхъ народныхъ, не имѣли никакой причины выдумать неизвѣстную землю Суздальскую, если бы имя этой земли не сохранялось въ народной памяти. Это имя дѣйствительно же было извѣстно на западѣ не однимъ Мадырамъ. Сказанія Скандинавовъ (весьма важныя въ отношеніи древняго Сѣвера) называютъ *Аттилу* (Этцеля) царемъ Суздальскимъ, (*Сузатль* по *Вилькина-Сага*). Критика, сбивая съ толку упрямой и дѣтской вѣрою въ уйгурство Гунновъ, не замѣтила этого обстоятельства, какъ и многихъ другихъ (напр: того, что Гунны не Алтайскіе *Гюнг-ну* а при-Аральскіе *Унао* китайскихъ лѣтописей и географовъ, *Гуна* Индѣйцевъ). Древніе народы или народы принявшіе свое знаніе отъ старожилловъ, часто не знаютъ новыхъ прославленныхъ именъ, а помнятъ старыя, забытыя или почти забытыя имена. Такъ Булгарская торговля не передала Арабамъ имени Новгорода, а дала имъ на удивленіе критиковъ имя *Алдоги* (Ладоги, *старой* Ладоги, вѣроятно матери новой Ладоги, новаго города, хотя и этотъ Новой-Городъ уже извѣстенъ Юрнанду подъ именемъ *Новаго* и древнѣйшимъ пѣснямъ Скандинавовъ подъ именемъ *Неотунъ*, родины Бога—*Нюрдра*). Такъ и лѣтопись мадыр-

ская не знаетъ ни Ростова, ни Владиміра, а знаетъ древнѣйшее имя Суздаля.

Изъ земли Суздальской двинулись Венгры на югъ в часть ихъ бродящей дружины, перешедъ Днѣпръ, проникла черезъ земли Полянъ и юго-восточныя области нынѣшней Россіи, взяла съ бою привольныя пастбища при Карпатахъ до Дуная. Другая часть, многочисленнѣйшая, спустилась на берега Дона и начала кочевать между имъ и Волгою въ состояніи полусвободномъ, полузависимомъ отъ Казаръ. Къ ней примкнули, по обычаю средне-азійскому, другія слабѣйшія орды или родовыя дружины, отдѣлившіяся отъ болѣе сильныхъ племенъ или союзовъ вслѣдствіе междоусобій или изъ желанія найти лучшее кочевье.

Такъ напр. отъ Казаровъ пристала къ Мадьярамъ часть *Кабаровъ*, которыхъ имя вѣроятно дало начало имени кавказской *Кабарды*.

Земля, временно занятая Мадьярами на востокъ отъ Дона, называлась *Лебедія*, разумѣется не отъ какого-то мадьярскаго князька Лебеда, гостившаго въ ней нѣсколько лѣтъ (какъ рассказываютъ мадьярскіе писатели), а отъ мѣстныхъ причинъ, не совсѣмъ доступныхъ критикѣ. Въ имени города *Лебедяни* на берегу Дона слышится отзывъ стараго областного названія; самое же названіе, по созвучію напоминающее и *Лыбедь* и *Лебедь* (любимый предметъ русскихъ пѣсенъ) и множество славянскихъ словъ и именъ, принадлежитъ безъ сомнѣнія древнѣйшей эпохѣ, когда славянскія племена были еще полными хозяевами междурѣчя Волги и Дона.

Вѣроятнѣйшее начало имени Лебедія заключается въ словѣ *Бѣлый* (изъ котораго слово Велеть, по перестановкѣ буквъ *Лебедь*, какъ *ладонь* отъ *долонь*, *бакалдина* отъ *колдобина* и другія). Въ продолженіи многихъ вѣковъ при-Волжіе и земли лежація между Волгою и Донемъ были населены народами, носившими прозвище

Великихъ или бѣлыхъ. Таковы *Саки, Гуны, Болгары древнѣйшіе*. Ихъ отдѣленія, переселявшіяся на юго-западъ, принимали часто прозвище *Малыхъ* или *Черныхъ*, оставляя своей родинѣ славу силы, блеска (бѣлизны). Такъ въ самой Руси имя Бѣло-Русси тождественно съ именемъ великой Руси въ противоположность Мало-Русси. Многовѣковое прозвище сдѣлалось принадлежностью области *Бѣлой* по преимуществу (*Бѣлди* или *Лѣбди*).

Не долго кочевали Мадьяры въ при-Донской *Лѣбди*. По стопамъ ихъ, или вѣроятнѣе по-Заволжью и вдоль скатовъ Урала, двигалась съ сѣвера другая, еще болѣе дикая кочевая дружина—Печенѣги.

Происхожденіе этого народа, вѣроятно разносоставнаго, составляетъ неразгаданную загадку, для разрѣшенія которой не осталось никакихъ данныхъ. Конечно совершенная гибель его уничтожаетъ важность его исторической дѣятельности, и отсутствіе всякихъ слѣдовъ доказываетъ, можетъ быть, рыхлость состава, въ которомъ не было ничего цѣльнаго и органическаго: но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что уясненіе вопросовъ объ этихъ мелкихъ дружинахъ, временно прогремѣвшихъ по восточной Европѣ, было бы не бесполезно для полнѣйшаго понятія о другихъ сильнѣйшихъ и уцѣлевшихъ дружинахъ и народахъ. Признаніе единства между *Канками* (Тюрко-Уйгурами) и Печенѣгами не основано ни на чемъ и не стоить возраженія: движеніе же Печенѣговъ (иначе *Бессовъ* или *Вессовъ*) по слѣдамъ Мадьяровъ наводитъ на мысль, что оно было однимъ изъ явленій, сопровождавшихъ переселеніе дружинъ или союзовъ народныхъ изъ сѣверной Угры на югъ. На сѣверѣ же находимъ мы и имя сильнаго Финнскаго племени *Веси*, совершенно соотвѣтствующее главной дружинѣ Печенѣговъ (*Бесси* или *Весси*) и многія созвучія самому названію *Печенѣговъ* (*Печора, Печенга* и др.). Быть можетъ въ позднѣйшихъ за-Волжскихъ *Бессерменахъ* сохранялось прежнее имя *Бессермаа*, которому Славяне прибавили только окончаніе *не* (*Турки—Турчане, Нѣмцы—Нѣмчины* и т. д.). Одичаніе чисто-финнской стихіи *Веси* въ продолжительномъ и боевомъ кочеваніи при смѣшеніи съ другими финно-турецкими ордами не представляетъ ничего невѣроятнаго.

Не выдержали Мадьяры удары Печенѣговъ: разбитые на голову, они бѣжали на югъ къ берегамъ Чернаго моря и кочевали нѣсколько времени по степямъ при-Днѣстровскимъ, признавая надъ собою власть Казаровъ (какъ видно изъ свѣдѣтельства ихъ собственныхъ лѣтописцевъ). Печенѣги, которымъ грозили другія восточныя орды, слѣдовали за ними по пятамъ. Прорѣзавъ съ запада область казарскую и занявъ низовье Днѣпра, они отдѣлили Мадьяровъ отъ казарскаго центра и откинули ихъ далѣе на западъ въ нынѣшнюю Молдавію. Нѣсколько лѣтъ удаляющіеся Угры вели не ровную борьбу съ сосѣдями, Болгарами, Печенѣгами, Сербами и даже Византіяцами, то находясь съ ними во временныхъ союзахъ, то въ жестокой и нещадной войнѣ, то дѣлая набѣги на ихъ земли, то терпя жестокаго наказанія въ своей собственной, особенно отъ Болгаръ и Печенѣговъ. Тѣснимые съ востока и юга; отбитые съ запада силою царства Велико-Моравскаго, они казались опредѣленными на погибель, не смотря на приглашенія и союзъ императора Арнульфа, когда умеръ Святополкъ. Междоусобія возгорѣлись въ Моравіи, оплотъ былъ прорванъ и вся теперешняя Венгрія сдѣлалась въ концѣ IX-го вѣка и началѣ X-го добычею Мадьярскихъ дикарей.

Первый ихъ налетъ былъ ужасенъ и едвали какой нибудь народъ превосходилъ ихъ въ свирѣпости, за исключеніемъ Аваровъ и Печенѣговъ. Славяне и Румыны (Волоки), жители роскошныхъ равнинъ древней Панноніи погибли или бѣжали, кто въ лѣсистыя горы, кто въ непроходимыя болота. Широко и привольно расположился кочующій Мадьяръ на неистощимомъ богатствѣ пажитныхъ долинъ и гладкихъ, травянистыхъ степей.

Это нашествіе Мадьяровъ на славянскую землю представляетъ въ маломъ видѣ повтореніе того, что происходило въ огромныхъ размѣрахъ слишкомъ за XX вѣковъ по всей средней Европѣ, когда Кельто-Кимрійцы и Германцы выдвинули отовсюду Вендо-Славянскія семьи и откинули ихъ или въ Альпійскія горы и Пиринейскія предгорія или въ приморскія болота на берегахъ Балтики и на устьяхъ Дуары и Рейна. Замѣненіе старыхъ славянскихъ именъ

большей части городковъ и урочищъ именами уйгурскаго нарѣчія не смотря на близость славянскихъ поселеній и на остатки народа, поступившаго въ рабство или тяжелое вассальство, объясняетъ полное исчезновеніе древне-славянскихъ названій на при-Волжіи и въ степяхъ восточной Россіи, гдѣ гибель старожиловъ была гораздо полнѣе и совершеннѣе. Отрицательныя доказательства, взятые изъ этого обстоятельства, на которыхъ такъ покойно и самодовольно отдыхаетъ старая критика, только съ легка встревоженная глубокомысленною догадкою Венелнна, не значатъ ничего передъ сравненіемъ группировки народныхъ и племенныхъ именъ и передъ безпристрастнымъ изученіемъ движенія этихъ группъ.

Ужасы, сопровождавшіе первое нашествіе Уйгурское, прекратились не вдругъ и даже не скоро; страданія Славянъ и Волоковъ были довольно продолжительны: борьба и сожительство съ дикарями дали характеръ дикости народамъ уже полуобразованнымъ и склоннымъ къ жизни мирной и кроткой; но время совершило свою умирительную работу. Венгры обратили свою жадность и воинственное корыстолюбіе на западъ. Побѣдители саморушившейся Моравіи, союзники неосторожной Германіи стали ее наказывать за безразсудное приглашеніе. Весь югъ, вся средняя полоса и даже часть сѣверной Германіи запылали и были залиты кровью. Сѣверная Италия, берега Рейна даже южная Франція страдала отъ неожиданныхъ и непостижимо быстрыхъ набѣговъ. Удачны толпы набѣдниковъ Уйгурскихъ, недавно выгнанныхъ изъ при-Волжіи, разбойничали на Ронѣ и даже въ Пиринейскихъ долинахъ. Западная Европа дрожала и молилась. Германія молилась и откупалась богатою данью.

Необыкновенные и едва вѣроятные успѣхи Мадыровъ, слабость отпора, оказаннаго имъ почти во всей западной Европѣ, общій страхъ, постоянная безнаказанность набѣговъ не смотря на то, что они совершались во всякое время года и въ странахъ весьма неудобныхъ для движенія конницы, все указываетъ на ничтожность тогдашнихъ государствъ Европейскихъ, на слабость и рыхлость ихъ состава и на обманчивость той

военной славы, которою хвастливость новыхъ лѣтописцевъ окружила своихъ предковъ въ первыя времена германской эпохи.

Въ противоположность этой хвастливой лжи можно поставить то гордое пренебреженіе, съ которымъ говорятъ писатели всѣхъ народовъ (не исключая и Русскихъ) о первой epochѣ земли Русской и о среднихъ временахъ Византіи. Очевидно, что Половцы, побѣдители Печенѣговъ, прогнавшихъ Венгровъ изъ при-Донской степи, были какъ народъ или какъ союзъ народовъ несравненно сильнѣе Мадьяровъ. Русь у нихъ была подъ бокомъ, открыта со всѣхъ сторонъ ихъ набѣгамъ, не защищена отъ нихъ никакими естественными или искусственными преградами, и за всѣмъ тѣмъ отпоръ они встрѣчали постоянный, почти всегда счастливый и сами почти погибли когда Мономахъ и его могущественный сынъ пронесли грозу своего оружія въ заводскія степи до Каспія и Урала. Что же касается до Византіи, отстоявшейся отъ враговъ истинно могучихъ, отъ всего напора сѣверныхъ племенъ и отъ восторженной силы Аравіи, то ея крѣпость кажется едва понятною въ сравненіи съ слабостью Германскихъ державъ западной Европы, дрожавшихъ передъ налетомъ немногочисленныхъ венгерскихъ удалцовъ.

Побѣды Венгровъ и побѣды ихъ предшественниковъ Норманновъ взаимно объясняютъ другъ друга. И тѣ и другія служатъ объясненіемъ еще раншихъ завоеваній Аравитянъ въ Испаніи и по берегамъ Средиземнаго моря. Всѣ вмѣстѣ указываютъ разумному читателю на мелочность началъ, управлявшихъ западною Европою и явленій, которыя составляютъ ея исторію отъ паденія римской имперіи до полного развитія папской и императорской власти. Нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ нашествія Мадьяровъ были одинаково ничтожны. Толпы, налетавшія на сѣверную Италію, на берега Рейна и на Францію, были конечно весьма малочисленны и обязаны своимъ уснѣхомъ только слабому сопротивленію туземцевъ; но Венгрія могла бросать и бросала ополченія довольно сильныя въ страны сопредѣльныя съ ней, и хотя стотысячное войско, уничтоженное на Лечѣ великимъ Оттономъ, было явленіемъ необы-

чайнымъ, за которымъ послѣдовало временное безсиліе, хотя многочисленныя дружины, пораженныя Птицеловомъ при Мерзебургѣ, были уже исключеніемъ изъ общахъ правилъ, нельзя однакоже не признать, что Мадыяры являлись не разъ въ Германію не шайками, а цѣлыми, довольно значительными ордами. Усиленіе Мадыяровъ въ короткое время и въ землѣ, куда он вошли врагами и раззорителями, показываетъ справедливость правила выше изложеннаго нами, что часто ничтожная дружина, бѣгущая предъ другою ничтожною дружиною (какъ Венгры передъ Печенѣгами) развиваетъ мгновенно неожиданныя силы въ своихъ новыхъ осѣдлостяхъ. Причины этого явленія были уже изложены. Въ первой же исторіи Венгріи нельзя не признать, что такъ называемыя ополченія Мадыярскія, нападавшія на среднюю и западную Европу, были составлены изъ разнородныхъ стихій, изъ которыхъ большая часть нисколько не принадлежала племени Мадыярскому. Развалины царства велико-Моравскаго, Румыны и въ особенности Славяне составляли въ войскѣ Мадыярскомъ едва ли не большую численную половину, точно также какъ тѣ же самыя стихіи составляли главную часть силы Аварской въ прежнія вѣка. Быть можетъ этому преобладанію народности Славянской должно приписать обстоятельство, весьма ясно выступающее изъ рассказовъ лѣтописцевъ и пропущенное безъ вниманія историками, именно то, что ближайшіе сосѣди Венгровъ, Славяне Богемскіе, закарпатскіе, днѣстровскіе и дунайскіе находились по большей части съ Мадыярами въ обычныхъ отношеніяхъ сосѣдства того времени, иногда въ дружбѣ, иногда во враждѣ, но никогда не были подвержены постояннымъ набѣгамъ, какъ области германскія.

Только тотъ, кто понимаетъ исторію Венгріи, какъ исторію земли безъ народности, можетъ понять происшествія нашего времени и смыслъ такъ называемой венгерской революціи. Она была не что иное какъ безразсудная попытка утвердить первенство и правительственную власть за народностью Мадыярскою и эту попытку начали не усатые потомки Арпада, а близорукая политика и слѣпая

ненависть къ славянамъ нѣмецкаго министра, долго пользовавшагося незаслуженною славой, и оправдавшаго весьма заслуженнымъ паденіемъ сватыню нравственныхъ законовъ въ исторіи.

Паденіе велико-Моравскаго царства было, какъ уже сказано, обусловлено внутреннимъ его раздвоеніемъ, раздвоеніемъ въ строго-религіозномъ отношеніи, ибо оно столько же принадлежало восточной, сколько и западной церкви и раздвоеніемъ въ отношеніи политическомъ, ибо въ немъ боролись начала аристократизма, или лучше сказать, дружинности германской, шедшія какъ зараза вслѣдъ за духовенствомъ римскимъ и начала чисто-славянскаго общины. Государство не могло устоять. Соблазнъ западнаго міра былъ слишкомъ силенъ и слишкомъ близокъ: чистая духовная идея и кроткая сила общины (идея также религіозная) не могла восторжествовать надъ нимъ. Цѣльность была невозможна и Велико-Моравіи не могло быть суждено быть представительницею восточно-славянскаго міра: но въ ней заключались духовныя силы и отчасти возможность пробудить духовныя силы славянъ отъ Карпатъ до Балтики; слѣдовательно Германіи могла предстоять опасная борьба, что и доказало въ послѣдующемъ времени могущество Польши, которой внутренняя жизнь была еще менѣ стройна и менѣ согласна съ характеромъ славянскимъ чѣмъ жизнь самой Велико-Моравіи. Случайныя побѣдители ея, Мадыры, исполнили надежду Арнульфа; они были бичемъ тяжелымъ для Германіи, но бичемъ кратковременнымъ, а ихъ успѣхъ спасъ ее отъ борьбы вѣроятно еще болѣе тяжелой и безъ сомнѣнія гораздо болѣе многолѣтней.

Отбившись на сѣверъ отъ Норманновъ, которые обратили свой опустошительный набѣгъ на Англію и Францію, избавившись съ помощію Венгровъ отъ грозы славянскаго на юго-западѣ, Германія отъ края до края почувствовала необходимость скрѣпить свой общественный составъ, чтобы положить конецъ общему бѣдствію, страшному разгулу Мадыровъ, отъ котораго берега Рейна и Нѣмецкаго моря были также мало безопасны какъ и области баварскія и франконскія. Къ общему

Возрожденіе Германіи.
Герихъ
Итицеловъ.
Чехія.

желанію народа или лучше сказать властвующей дружинѣ присоединялось еще болѣе разумное желаніе духовенства, понимавшаго всю нестройность тогдашняго быта общественнаго и стремившагося къ созданію крѣпкаго политическаго тѣла, въ которомъ можно бы было находить болѣе безопасности для сословіи безоружныхъ и лучшую точку опоры для распространенія христіанскаго ученія за предѣлами тогдашняго христіанскаго міра.

Эти два побужденія и можетъ быть привычка къ мысли о законности, невольно принимаемая всякимъ воспитанникомъ школъ, знакомыхъ съ римскою древностью, были причиною того сильнаго и благодѣтельнаго стремленія епископовъ къ утвержденію императорской власти, которое дало такое могущество дому саксонскому и первымъ Салійцамъ и часто полагало препону стремленію папъ къ политической власти. Вообще нельзя не замѣтить большой разницы между дѣйствіями высшаго духовенства германскаго и того же сословія во Франціи при послѣднихъ Карловингахъ и при первыхъ императорахъ саксонскаго дома. Духовенство во Франціи по видимому раздѣляло общее желаніе всѣхъ областей и сословіи разорвать на части несчастную державу; духовенство германское употребляло всѣ мѣры, чтобы укрѣпить императорскую власть и единство государства. Вѣроятная причина этого различія заключается въ томъ, что духовенство въ Галліи, уже давно развращенное богатствомъ и роскошью, раздѣляло стремленія всего остальнаго общества, съ которымъ сливалось и интересами и образомъ жизни, духовенство же недавно обращенной Германіи боролось съ остатками идолопоклонства, сохраняло нѣкоторые зачатки истинно христіанской жизни и апостольскаго рвенія и по этому самому еще не утратило отвлеченныхъ общечеловѣческихъ интересовъ. При томъ должно замѣтить, что духовенство германское было гораздо могущественнѣе и независимѣе и мелкія страсти, которыми волновались высшіе духовные сановники во Франціи, уступали мѣсто въ Германіи тому широкому объему мысли и видовъ, къ которому невольно привыкаетъ человѣкъ поставленный высоко и почти независимо въ іерархіи людскаго общества. Для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя Герман-

нія того времени и вѣковъ ближайшихъ къ нему представляетъ во многихъ явленіяхъ силу и величіе, которыхъ и слѣда нѣтъ въ тогдашней Франціи. Германія, не смотря на завоеваніе и послѣдовавшее за нимъ дружинное устройство, основана была на народѣ. Во Франціи онъ не существовалъ.

Общее стремленіе цѣлаго народа, если это стремленіе не пустая вспышка, а слѣдствіе искренней и глубоко сознаваемой потребности, всегда достигаетъ своей цѣли. Оно находитъ себѣ достойнаго представителя и производитъ великія историческія явленія. Германія избрала Конрада по совѣту его недруга: умирая вскорѣ послѣ избранія, онъ завѣщалъ власть свою семейному недругу Гейнриху Саксонскому. Въ этомъ завѣтѣ, въ которомъ отстранены были и личныя чувства и соперничество племенное франка къ саксонцу, выражается ясно вся важность эпохи и общая готовность жертвовать мелкими страстями требованіямъ всей Германіи. Птицеловъ понялъ свою задачу и исполнилъ ее. Мелочныя споры о томъ, завелъ ли онъ турниры, такъ или иначе укрѣплялъ онъ города и какіе именно, не значатъ ничего. Весь характеръ его дѣятельности указываетъ на то, что онъ военнымъ силамъ Германіи старался придать болѣе сосредоточенности и напряженности, а людскимъ жилищамъ болѣе крѣпости и внѣшней безопасности. Тихо приготавливалъ онъ Германію къ рѣшительной борьбѣ, удаляя сколько возможно часть борьбы. Мадьярамъ, сосредоточеннымъ и готовымъ къ бою, дѣлалъ онъ великія уступки; Славянь, сѣверо-восточныхъ своихъ сосѣдей, разединенныхъ и устроенныхъ мирными общинами а не дружинами военными, утѣснялъ онъ и безпрестанными нашествіями заставлялъ уступать часть своихъ родимыхъ полей или подчинять ее владычеству германскому. Птицеловъ дѣйствовалъ послѣдовательно: мелкими войнами укрѣплялъ онъ военный духъ подданныхъ, распространеніемъ власти своей на сѣверо-востокъ обезпечивалъ онъ всю Германію и увеличивалъ значеніе своей родной Саксоніи. Сперва побѣжденный Мадьярами, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ одержалъ надъ ними

побѣду и за выкупъ плѣннаго князя взялъ съ нихъ обѣщаніе не тревожить сѣверной Германіи своими ежегодными набѣгами.

Таково показаніе историковъ; но по видимому это обѣщаніе относилось и къ южнымъ германскимъ областямъ: по крайней мѣрѣ набѣги и на эти области въ это время перемежаются.

Отъ царства Велико-Моравскаго прежде его конечнаго паденія оторвалась его западная область, богатая и со всѣхъ сторонъ природою огражденная Чехія. Въ ней сохранялась нѣкоторая самобытность, слабая по преобладанію римскаго ученія и полу-германскаго быта, но не совсѣмъ еще чуждая славянскимъ началамъ. Гейнрихъ понималъ важность Чехіи для Германіи и необходимость удержать ее въ нѣкоторой подчиненности. Успѣхъ увѣнчалъ его начинанія и внутреннее разьединеніе Чехіи заставило ея князя сдѣлаться подручникомъ главы германскаго племени.

Таковъ былъ всегда исходъ борьбы чеховъ съ имперією и такова всегдашняя причина ихъ пораженія. Внутренняя жизнь племени чешскаго, жизнь славянская, никогда не могла себѣ создать приличную виѣшнюю форму и воплотиться въ крѣпкое и стройное общество потому, что сама рабствовала чуждому духовному началу, ибо, не говоря уже о соблазнѣ государственныхъ формъ германскихъ, самое христіанство, принятое Чехією, было не общечеловѣческое, но мѣстное, измѣненное духомъ германороманскимъ. Таже причина въ послѣдствіи уничтожила всѣ великіе зачатки Польши.

Оттонъ Великій. Преобладаніе Германіи. Е. о. причины. За Птицеловомъ слѣдовалъ на престолѣ сынъ его Оттонъ, не даромъ прозванный Великимъ. Онъ исполнилъ въ большихъ размѣрахъ все начатое отцемъ. Мадьяры были окончательно сломлены на Лехѣ въ кровавой и долго сомнительной битвѣ. Славяне Поморскіе и при-Одерскіе подавлены послѣ упорной и не безславной для нихъ борьбы; единство государства скрѣплено на многіе вѣка. Не легкое дѣло досталось великому

Оттону. Страсти мѣстныя и личныя, уступившія временно передъ общимъ требованіемъ соединенія, снова вроснулись, когда временный отдыхъ скрылъ всегдашнюю близость внѣшней опасности. Оттонъ сталъ выказывать требованія государя яснѣе чѣмъ Гейнрихъ, котораго дѣятельность была обращена болѣе на область саксонскую, чѣмъ на всю Германію: онъ встрѣтилъ сопротивленіе весьма сильное. Гордая независимость отдѣльных герцоговъ и графовъ и самолюбіе племенъ, оскорбляемое первенствомъ саксонцевъ, нашли представителей могущихъ духомъ, смѣлыхъ и искусныхъ въ дѣлѣ военномъ; самая семья Оттона, его родные братья, возстала противъ него. Борьба была кровава и упорна. Оттоновъ духъ былъ равенъ задачѣ, доставшейся ему на долю: опасность возвысила его и показывала во всемъ величій его внутреннія силы, его неутомимую дѣятельность и дальновидную прозорливость. Побѣда его была полная и онъ умѣлъ ею воспользоваться. Всѣ значительные лены отдалъ онъ своимъ ближайшимъ родственникамъ; всѣ враждебныя семьи удалилъ или ограничилъ ничтожными владѣніями и даже самую народности, франкскую, свевскую, (швабскую) и баерскую (безспорно готскую, какъ видно изъ всѣхъ раннихъ союзовъ и еще прежде изъ ихъ участія съ Ость-Готами въ военныхъ подвигахъ восточно-славянъ, т. е. гунновъ Аттилы) ослабилъ онъ перемѣщеніемъ ленныхъ границъ во многихъ случаяхъ. Разумѣется, всѣ эти средства были средства временныя; народности при рыхломъ составѣ государства германскаго, легко и свободно возстановляли свои границы; родственныя связи не ручались ни сколько за продолжительную вѣрность и подчиненность въ будущихъ поколѣніяхъ и мало обезпечивали даже современную покорность и любовь. Оттонъ испыталъ это, встрѣтилъ въ рядахъ враговъ родныхъ своихъ братьевъ и даже сына. Иначе и быть не могло. Семейность не лежала въ основѣ быта франко-германскаго (этотъ бытъ сдѣлался преобладающимъ вслѣдствіе завоеванія Германіи Меровеяцами и Карловингами): дружинность была его единственною основою. Всякій ратникъ, сознавшій въ себѣ или получившій отъ обстоятельствъ силу

быть дружиноначальникомъ, становился немедленно на мѣсто, слѣдующее ему въ общей феодальной іерархіи, еще шаткой въ подробностяхъ, но уже установившейся въ своихъ общихъ чертахъ, и призывалъ за собою всѣ права и обязанности дружиноначальника, какъ высшія и почти единственныя свои обязанности, за исключеніемъ кое какихъ законовъ плохо понятаго христіанства. Все это содержало для германца той эпохи истину несомнѣнную и слѣдовательно входило въ религію въ широкомъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ объясняются войны между родными братьями и дѣтей съ отцами, весьма обыкновенныя въ исторіи всѣхъ западныхъ государствъ и почти нормальныя въ исторіи норманской Англіи, въ которой феодальность была въ полномъ развитіи, явленіе отвратительное для насъ, весьма естественное для тогдашней Европы, но весьма рѣдкое, а въ своихъ крайностяхъ почти неизвѣстное средневѣковой Руси, сильно проникнутой характеромъ быта семейнаго. И такъ мѣры, принятыя Оттономъ, могли достигнуть только временной цѣли, но они дали его державѣ великую временную силу.

Успѣхъ его въ Германіи долженъ былъ имѣть и имѣлъ великія послѣдствія для исторіи всемірной. Причины, почему изъ трехъ частей Карловой имперіи (Франціи, Италіи и Германіи), Германія первая должна была достигнуть значенія историческаго, уже объяснены. Главная изъ нихъ безспорно та, что въ одной только Германіи общество политическое было основано на подпочвѣ народа и она отзывается безпрестанно во всѣхъ явленіяхъ исторіи. Эта же самая причина въ послѣдствіи помѣшала Германіи вполне поддаться системѣ государственности совершенно условной, а съ другой стороны различіе между народностями (швабскою, франкскою, саксонскою и баварскою) и приблизительное равенство ихъ силъ не позволило ни одной взять надъ другими рѣшительное первенство и основать государство цѣльное и органическое: но въ то время Германія въ сравненіи съ другими западными областями имѣла и огромный перевѣсъ силы и жизненнаго начала, дающія ей неоспоримое первенство. Всѣхъ слабѣе и

несчастіе была Італія. Разорванна на части преемниками Карловинговъ, остатками независимыхъ ломбардцевъ, византійцами, отчасти сарацинами и полуреспубликанскою вольницею римскаго народа, она не имѣла въ себѣ ни цѣльности народной, ни сильной и вполне преобладающей дружины, ни общихъ учреждений, ни общаго языка, (ибо разница нарѣчій была почти также велика какъ во Франціи), ни общихъ вещественныхъ интересовъ. Города и области, давно уже привыкшіе къ жизни отдѣльной, питали другъ къ другу взаимную ненависть, племена взаимное презрѣніе. Всѣ эти чувства перешли какъ бѣдственное наслѣдство отъ согнивавшаго Рима до нашихъ дней, разрушая и губя всѣ начала добра и жизни разумной. За всѣмъ тѣмъ въ Італіи сохранялась память объ единствѣ римскаго міра болѣе чѣмъ гдѣ либо и съ Італіею была связана идея этого единства. Значеніе папы было сознано во всемъ его величіи нѣсколькими римскими епископами (по преимуществу Николаемъ I-мъ) и такое сознаніе, основанное на общемъ, хотя еще и не ясномъ убѣжденіи запада, не могло пропасть безъ слѣда, не развившись вполне. По видимому папство должно была пасть навсегда, ибо едвали найдется въ лѣтописяхъ человѣческихъ другой примѣръ того глубокаго униженія, до котораго дошло это учрежденіе, высокое само по себѣ и изъясвившее притязаніе на всемірное духовное владычество. Развратники, люди заклейменные всѣми пороками и преступленіями, мальчишки безъ имени, безъ просвѣщенія и безъ заслугъ, смѣняли другъ друга на престолѣ вселенскаго епископства; ихъ возводила сила вооруженной толпы, которою правили или отъявленный разбойникъ или непотребная женщина, гордящаяся своею продажною красою; ихъ низводила обыкновенно насильственная смерть. Во время Оттона это униженіе дошло до крайности также какъ и всѣ бѣдствія Італіи. Двѣ знаменитыя развратницы, мать и дочь (Теодора и Маруцція) управляли выборомъ царя, ихъ мужья или любовники и родственники владѣли вѣчнымъ городомъ. Тоскана и Ломбардія были опустошаемы и угнетаемы то герцогами (иначе королями) Бургундіи, то

семьею владѣтелей Прованса, то мѣстными дружинниками, каковы были герцоги тосканскіе и маркграфы иврейскіе, нигдѣ не было безопасности для жизни и достоянія частныхъ людей, нигдѣ суда и права, нигдѣ защиты для невинныхъ, или наказанія для преступниковъ. Сама религія, униженная и оскверненная, казалась совершенно забытою. Германія поднималась съ силою и славою. Лучшіе люди въ Италіи обратились къ ней. Оттонъ былъ призванъ. Бракъ его со вдовою сомнительнаго короля Ломбардіи далъ ему тѣнь какихъ то болѣе чѣмъ сомнительныхъ правъ; но этотъ бракъ связалъ его по видимому съ туземнымъ населеніемъ и утѣшилъ мѣстное самолюбіе. Оттонъ вступилъ въ Италію съ войскомъ, закаленнымъ и привыкшимъ къ побѣдѣ; онъ являлся полузавоевателемъ, полузаконнымъ государемъ, привѣтствуемый всеми утѣшенными и встрѣчая сопротивленіе совершенно ничтожное въ безсиліи утѣснителей. Королевство сѣверной Италіи присоединилось къ королевству Германіи и это соединеніе повлекло за собою неизбѣжныя послѣдствія. Идея римскаго міра никогда не умирала на западѣ и особенно въ Италіи. Временно осуществленная Карломъ Великимъ, она получила большую силу и свѣжую жизнь. Римскій вѣнецъ долженъ былъ быть вѣнцемъ всемірнымъ какъ и римскій епископскій престолъ. Оттонъ, владѣтель Италіи, долженъ былъ принять императорское званіе. Такъ и было. Онъ дѣлался прямымъ преемникомъ Карла и Германія удерживала за собою по праву величіе, прибрѣтенное силою германской стихіи въ Австразіи. Императоръ былъ выше королей: его титулъ отрѣшалъ его отъ тѣсной мѣстности и народности. Онъ былъ главою цѣлаго двойственнаго міра, феодальнаго по своему германскому устройству, римскаго по своей политической идеѣ. Императоры германскіе владѣли только двумя третями Карловой державы, но они сохраняли на Францію притязанія, отъ которыхъ не разъ ей приходилось отбиваться силою, хотя въ то же время она всегда признавала превосходство римской имперіи надъ королевствомъ французскимъ.

Возобновленіе Карловой имперіи было необходимо потому,

что она представляла высшую идею того времени. Это возобновление должно было сдѣлаться удѣломъ Германіи вслѣдствіе внутренняго превосходства ея надъ другими областями запада. Вся исторія вѣковъ послѣдовавшихъ за вѣнчаніемъ Оттона была развитіемъ этого начала.

Нѣкоторые изъ ученыхъ нѣмцевъ въ наше время, жаркіе патріоты заднимъ числомъ, говорятъ съ горемъ о приобрѣтеніи Италіи Оттономъ какъ о причинѣ великихъ бѣдствій для ихъ отечества. Ошибка ихъ зависитъ отъ непониманія историческаго закона, управлявшаго западною Европою въ X-мъ вѣкѣ и отъ тѣснаго патріотическаго самолюбія. Достоинство императорское въ домѣ Саксонскомъ не только было неизбежнымъ послѣдствіемъ прошедшаго, но и оно же одно возвысило Германію до истинно-историческаго значенія въ мірѣ. Отдѣльная Германія не могла имѣть государственнаго величія. Ея внутреннее разъединеніе и равновѣсіе стихій, составляющихъ ее, не позволяли ей быть государствомъ. Предоставленная самой себѣ, она должна была распасться и дѣйствительно распалась, когда исторія уличила во лжи идею императорства. Она могла быть и дѣйствительно была великою только тогда, когда она носила въ себѣ эту великую идею, завѣщанную древностью, но разумѣется измѣненную понятіями христіанскими съ одной стороны и феодальными, слѣд. чисто-германскими съ другой. Цѣльной исторической Германіи не было; для нея не было даже провинціальной исторіи какъ для цѣлой Галліи, сдѣлавшейся потомъ Франціею. Разъединенію ея составныхъ частей могло помѣшать и долго мѣшало только одно: — императорскій вѣнецъ на головѣ ея государя. При немъ могли быть раздоры, усобицы бѣдствія вѣншія и внутреннія: разрыва быть не могло.

Торжество Оттона было торжествомъ отвлеченной идеи общей всему западу, но которой начало было въ Италіи а центръ въ Римѣ. Это идея имперіи римской, перешедшая, какъ уже сказано, въ форму всехристіанства (*Tota Christianitas*). Торжество идеи было въ то же время возвеличеніе ея единственнаго символа, ея древней столицы. Было время послѣ

Трояна, когда понятие о римской империи жило отдельно от воспоминания о городе и заключалось въ понятии о правѣ римскомъ (или лучше сказать о римскомъ правомѣрномъ мѣрѣ): но такое понятие было выводомъ изъ римской жизни, понятнымъ только внутреннему чувству гражданъ римскихъ: оно было недоступно германцу и слишкомъ отвлеченно для дикости среднихъ вѣковъ. Послѣдствіе вѣнчанія Оттонова было тоже что и вѣнчанія Карлова, возвышеніе римскаго престола. Это возвышеніе было еще рѣзче потому, что униженіе было глубже прежде саксонца чѣмъ прежде австрэйца и потому, что значеніе папства было уже ясно сознано послѣ побѣды Карла Великаго и опредѣлено Николаемъ I-мъ. Такимъ образомъ явленія, по видимому совершенно противоположныя, обуславливали другъ друга. Имперство сдѣлало возможнымъ папство, скрѣпляя вещественными узами тотъ мѣръ, въ которомъ оно должно было дѣйствовать.

Взаимная зависимость двухъ главныхъ явленій средне-вѣковой жизни ускользнула отъ вниманія историковъ: но она дѣлается явною при сравненіи папъ до Оттона и послѣ него. Можно сказать, что имперія западная создала папство: но не должно забывать, что они были одинаково необходимыя послѣдствія древнѣйшихъ началъ.

Начало
борьбы
импера-
торской
власти съ
папскою.
Премни-
ки Отто-
на.

Побѣда Оттона создала вдругъ двѣ державы, и приготовила ихъ неизбежную борьбу. Сначала держава свѣтская казалась преобладающею: держава духовная робкою, смиренною и почти ничтожною: но такія отношенія не могли продолжаться: они были ложны въ своихъ основаніяхъ. Въ общемъ мѣрѣ государственнаго христіанства значеніе свѣтскаго единоначальника могло быть и было оспорено многими мѣстными владѣльцами, значеніе духовной главы не имѣло соперниковъ. Въ воскресшемъ величій римской имперіи папа былъ тѣснѣе связанъ съ Римомъ чѣмъ императоръ: въ понятіяхъ о всехристіанствѣ власть первосвященника была разумнѣе чѣмъ власть имъ же вѣнчаннаго мірянина. Оба, императоръ и папа, должны были имѣть притязаніе на всемогущество: оба должны были счи-

тять себя единственными хранителями общей правды: но притязанія папы были законнѣе притязаній его соперника. Римскій епископъ былъ помазанникъ высшей, небесной правды, и по понятіямъ запада представитель самаго христіанства. Германецъ, удостоенный римскаго императорскаго вѣнца былъ, только случайностію, хранителемъ правды временной и слѣд. только второстепеннымъ лицомъ въ іерархіи всемірной.

Западные писатели нашего времени, осуждая гордость и высокомеріе папъ, теряютъ изъ вида самую основу средне-вѣковой жизни, — государство все-христіанское, безъ котораго ни одно явленіе цѣлыхъ двухъ столѣтій не имѣетъ смысла. Въ словахъ папы, говорящаго, что Богъ послалъ на землю двѣ власти, духовную и свѣтскую, то что свѣтская должна рабствовать передъ властью духовною, была истина глубокая и логика неоспоримая. Все христіанство или церковь, понятая какъ государство, обуславливаетъ богоуправленіе; выводъ дѣлается еще яснѣе тамъ, гдѣ логически развитыя ложныя данныя заключили самую церковь въ одно духовенствѣ, которое само исчезало въ лицѣ папы. Ошибка была въ самомъ понятіи о церкви. Она по своему внутреннему опредѣленію, ясно сознанныму на востокѣ, исключаетъ всякую случайность. По своему западному опредѣленію она вся погружена въ случайность, какъ всякое государство. Папа, вѣрный западному понятію, былъ всегда правъ противъ всѣхъ государей. Онъ долженъ былъ выйти побѣдителемъ изъ кровавой борьбы; но онъ не побѣдилъ и не могъ побѣдить потому, что самое опредѣленіе, вслѣдствіе котораго онъ дѣйствовалъ, заключало въ себѣ ложь, непонятую средними вѣками и не замѣченную ученостію нашего времени, — соединеніе случайнаго съ безусловнымъ. Внутренняя истина жизни обличила во лжи логику и обличила ее тѣмъ вѣриѣ, чѣмъ логика сама была строже и послѣдовательнѣе въ развитіи своихъ данныхъ. Отъ этого соединенія правоты въ логику, отправлявшейся отъ ложныхъ данныхъ и лжи сокрытой въ самыхъ данныхъ произошло то, что папство упало необыкновенно быстро въ то самое мгновеніе, когда оно достигло крайняго своего величія и тѣ же причины предоставили рѣшительный ударъ, сокрушившій власть римскаго епископа, не имѣ-

ратору, котораго власть основывалась также на идеѣ еще менѣе логической свѣтскаго калифата, но королю, представителю строгаго права государственнаго и нужды вещественной.

Таковы были въ близкомъ будущемъ послѣдствія Оттоновой дѣятельности. Для современниковъ она только возвеличила Германію и отчасти успокоила Италію.

Надѣвъ на свою голову императорскій вѣнецъ, Оттонъ обратилъ взгляды на востокъ. Тутъ опять и повторилось явленіе, сопровождавшее вѣнчаніе Карла Великаго и показало полную зависимость средне-вѣковыхъ понятій отъ преданія древней исторіи.

Эта зависимость, признаваемая всѣми, еще не вполне оцѣнена во всѣхъ своихъ нравственныхъ послѣдствіяхъ и въ отношеніяхъ къ средне-вѣковымъ идеаламъ жизни общественной.

Семисотлѣтній Царьградъ былъ представителемъ несомнѣннаго преемства римской имперіи. На западѣ она погибла безъ слѣда и память объ ней хранилась только въ духовной власти самого Рима. Грекъ былъ предметомъ презрѣнія для вѣнчаннаго Германца: Греція все была краемъ величественной исторіи и славныхъ воспомнаній. Для ученыхъ тогдашняго вѣка востокъ былъ собственною страной науки и искусства; для политическаго книжника Греція была хранильницею права государственнаго и гражданскаго. Западъ ненавидѣлъ и презиралъ ее, но во многомъ еще болѣе завидовалъ ей. Она сохраняла свои права надъ мыслию и воображеніемъ своихъ враговъ, не смотря на свое униженіе, не смотря на слабость, не смотря на церковный раздоръ запада и востока. Дѣйствительно когда сильныя державы, основанныя германцами, были неизвѣстны остальному міру, когда калифъ испанскій принималъ посланниковъ Оттона завоевателя точно также, какъ пословъ отъ мелкихъ славянскихъ князьковъ съ совершеннымъ равнодушіемъ, горькимъ для самолюбія нѣмецкихъ историковъ нашего времени, отъ Испаніи до средней

Азіи въ пѣсняхъ и сказкахъ у аравитянина и мавра, у персіянина и египтянина, у славянина и скандинава имя Царьграда и его владыки звучало какъ отголосокъ величавой древности, какъ символъ роскоши и могущества. Тщетнымъ казалось усвоеніе императорскаго титула, неполнымъ вѣнчаніе, если вѣнчаніе не было признано, и титулъ не былъ допущенъ византійскимъ императоромъ на правахъ полного равенства.

Этого вліянія нравственныхъ причинъ, по видимому, не понимаютъ тѣ поверхностные писатели, которые смѣются надъ Карломъ Великимъ и осуждаютъ Оттона за постоянное стремленіе къ сближенію съ Византією.

Оттонъ искалъ также какъ и Карлъ родственнаго союза съ полунаслѣдственными династіями Царяграда и не безъ труда достигъ своей цѣли; гордость греческая не охотно допускала иноземныхъ властителей къ чести такого союза и роскошное воспитаніе царицъ заставляло ихъ бояться житья въ странахъ варварскихъ. Обстоятельства помогли Оттону и сынъ его женился на царицѣ греческой. Этотъ бракъ, болѣе пріятный нѣсколько просвѣщенной Италіи чѣмъ полудикою Германіи, былъ не безъ вліянія на современную исторію и безспорно весьма много способствовалъ распространенію науки на западъ Европы.

Любовь Оттона III, сына гречанки, къ міру древнему, къ художествамъ, и къ идеаламъ ложно понимаемаго государственнаго строительства, свидѣтельствуетъ о великомъ вліяніи его матери, и таже любовь возвела на папскій престолъ ученѣйшаго и гениальнѣйшаго изъ его современниковъ, хитраго и безнравственнаго Герберта (Сильвестра), котораго дѣятельность оставила неизгладимые слѣды и который своими огромными замыслами и обширностью видовъ достойно продолжалъ дѣло начатое Николаемъ I-мъ и конченное Григоріемъ VIII-мъ и его преемниками. Преданіе и память народная видѣли въ немъ колдуна. Исторія видитъ въ этомъ великомъ дѣятелѣ любопытное соединеніе твердаго служенія правамъ римскаго пре-

стола съ полнымъ невѣріемъ въ эти права, пламеннаго стремленія къ порабощенію западнаго міра и удивительной хитрости и рѣдкаго постоянства въ достиженіи этой цѣли съ явнымъ и глубокимъ презрѣніемъ къ тому міру, который онъ хотѣлъ поработить. Лице слишкомъ темное для удивленія потомства, слишкомъ удивительное для строгаго осужденія.

Преемники Оттона, (Оттонъ II-й и III-й), умершіе въ лѣтахъ весьма молодыхъ, исчезаютъ въ блескъ предшественника; но они были не совсѣмъ недостойны своего высокаго сана. Дѣло, начатое Оттономъ, продолжали они не безъ успѣха и поддерживали величіе императорскаго титула. Вообще даже можно замѣтить, что Италия также какъ и Германія были покорѣе при нихъ, чѣмъ при Оттонѣ первомъ, ибо то повиновеніе, которое при немъ было только невольною данью его силъ и генію, было при нихъ уже слѣдствіемъ признанія ихъ государскихъ правъ. Идея римская въ ея византійской формѣ получила значеніе при дворѣ Оттона II-го и начала оскорблять чисто германскія понятія его феодальныхъ вассаловъ. Она сдѣлалась преобладающей при Оттонѣ III-мъ, котораго воспитаніе почти вполне зависѣло отъ матери гречанки. Этою идеею воспользовалась геніальная хитрость Герберта. Оттонъ въ его рукахъ сдѣлался невольнымъ орудіемъ папскаго властолюбія. Около молодаго императора строился міръ, подчиненный всей строгой формальности византійскаго двора, но весь этотъ міръ и его мнимый центръ императоръ должны были окончателно подпасть власти истиннаго центра — папы. Расчетъ былъ глубокій и хитрый. Сильвестръ (Гербертъ) понималъ, что сила его престола могла править міромъ уже готовымъ и цѣльнымъ, что общество раздробленное на мелкія и другъ отъ друга независимыя части не способно было къ полному повиновенію духовной главѣ (чему служила доказательствомъ Италия), но что этаго цѣльнаго міра не могла создать сила чисто духовная безъ помощи власти свѣтской. Готовя императоровъ въ вассалы своимъ преемникамъ, онъ употреблялъ все свое вліяніе на усиленіе

императора и имперія и только изрѣдка и подъ рукою дѣйствовалъ противъ ихъ выгодъ (какъ въ дѣлѣ Венгрія), приучая новообращенные народы къ мысли, что только Римъ одинъ можетъ освящать власть и окружать ее законнымъ почетомъ. Такимъ образомъ, какія бы ни были послѣдствія дѣятельности Сильвестра II-го (имя принятое Гербертомъ не безъ цѣли, ибо оно напоминало Сильвестра I-го и мнимую царственную Константина и было тонкою лестью для Оттона III-го), но союзъ его съ императоромъ служилъ весьма много къ возвышенію императорскаго званія. Смерть прекратила рано начинанія двухъ великихъ союзниковъ; но они оставили по себѣ глубокіе слѣды. Императорство достигло высочайшаго значенія, что доказывается исторіею Гейнриха II-го, не смотря на его личную слабость, и еще болѣе царствованіями Конрада Салійскаго и полновластнаго Гейнриха III-го; папство достигло высоты, съ которой оно уже болѣе не сходило до своего полного торжества при Гильдебрандтѣ и паденія при Бонифаціѣ.

Безспорно важнѣйшій слѣдъ союзной дѣятельности двухъ начальниковъ западнаго міра остался въ исторіи племени славянскаго. По всей западной украинѣ славянскихъ народовъ въ IX-мъ и X-мъ вѣкѣ происходило двоякое броженіе, броженіе мысли религиозной, недовольной своею вѣрою и стремящейся къ христіанству, и броженіе мысли политической, стремящейся къ образованію могучихъ государственныхъ центровъ. И то и другое движеніе проявилось въ равной силѣ у славянъ восточныхъ и причины этого новаго явленія требуютъ полнѣйшаго объясненія въ своемъ мѣстѣ; но теперь слѣдуетъ замѣтить, что на западной украинѣ встрѣчались двѣ формы христіанства, римская и восточная, почти въ равной силѣ. На югѣ отъ вліянія Болгаръ, принявшихъ просвѣщеніе духовное отъ Византіи, восточная форма получила сперва несомнѣнный перевѣсъ. Такъ значительнѣйшая часть великой моравской державы, теперешняя Венгрія, и самая Моравія примыкали если не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно къ восточнымъ патріархамъ. Далѣе на за-

Земли славянскія. Принятіе христіанства. Польшень.

падъ, въ Чехіи, не смотря на вражду къ безпокойнымъ сосѣдямъ Нѣмцамъ, вліяніе римскаго міра было сильнѣе. Соблазнъ сравнительно большаго просвѣщенія склонялъ Чеховъ къ подражанію Германцамъ.

Это можно угадать *a priori* и видѣть изъ суда Любуши, гдѣ Хрудошъ уже проситъ германскаго маіоратства.

Религіозная мысль и религіозная проповѣдь получали направление романо-германское; жизнь получала направление сообразное съ религіей, ибо она никогда не можетъ отъ нея отдѣляться. Далѣе на сѣверъ жестокая борьба съ воинственными грабителями саксами удерживала славянъ отъ христіанства и ожесточала ихъ идолопоклонство. Ляхи болѣе отдаленные отъ непріятеля и слѣд. нежесточенные противъ него, находились по торговымъ связямъ въ нѣкоторой зависимости отъ Германіи и получали постоянный приливъ стихій нѣмецкой черезъ всю западную и юго-западную границу, особенно черезъ чешскую грань, до того неопредѣленную, что она обратилась въ поговорку:

Между Чехи и Ляхи, что бы сказать неизвѣстно гдѣ.

Они приняли христіанство почти исключительно въ его римской формѣ. Первый изъ великихъ польскихъ державцевъ, достойный памяти по блеску своихъ подвиговъ и по обширности замысловъ, Болеславъ Храбрый вступилъ въ полную зависимость отъ западнаго міра. Ревностно распространялъ онъ вѣру христіанскую не безъ насилія и въ то же время, судя по русскимъ источникамъ, крайне былъ неблагоклоненъ къ ученію восточному. Задумавъ сдѣлать ничтожную еще Польшу могущею державою, въ чемъ онъ и успѣлъ, онъ просилъ для будущаго своего величія позволенія отъ императора германскаго и благословенія отъ папы. И то и другое получилъ онъ. Въ послѣдствіи окрѣпнувъ, онъ боролся съ имперіей и почти всегда счастливо: наводилъ страхъ и трепеть на всю Германію, опустошалъ ея поля, тысячами вводилъ въ плѣнъ ея жителей и лучшихъ воиновъ, стремился сознательно къ

созданію великой славянской державы, по клеймо однажды положенное на Польшу признаніемъ правъ императора и папы, просьбою о титулѣ и вѣнцѣ королевскомъ, просьбой о позволеніи воевать и завоевывать сѣверныхъ идолопоклонниковъ Славянъ и вступленіемъ въ вассальство уже неизгладивалось и не могло изгладиться. Нравственная подчиненность и не-самостоятельность, такъ сказать, нравственное неполноправіе народа и государства были допущены и признаны навсегда. Польша принадлежала западу во всемъ своемъ будущемъ развитіи, и достиженіе самобытной славянской нормы дѣлалось невозможнымъ. Борьба двухъ стпхій должна была со временемъ сгубить Польшу также, какъ она сгубила Велико-Моравію.

Одни только поверхностные наблюдатели могутъ смотрѣть съ пренебреженіемъ на эти по видимому мелкія явленія въ жизни народовъ, каковы просьба о признаніи титула или временное вступленіе въ вассальскія отношенія, или принятіе званія или прозвища (которое встрѣчается такъ часто въ отношеніяхъ средне-азійскихъ народовъ къ Китаю). Покорность передъ силою есть дѣло чисто временное, хотя и то не пропадаетъ безъ слѣда. Покорность передъ правомъ свободно признаннымъ оставляетъ слѣды неизгладимые: она вводитъ народъ въ систему другаго народа какъ вѣчно подчиненную планету; она порабощаетъ мысль и душу народную. Нравственные причины въ мірѣ историческомъ тоже, что невѣсомыя силы въ мірѣ физическомъ: онѣ ничего для слѣпца науки и почти все для ея разумнаго созерцателя.

Это дѣло подчиненія Польши романо-германскому міру, безъ сомнѣнія обусловленное причинами внутренними и можетъ быть неотвратимыми, все таки принадлежитъ, по крайнѣй мѣрѣ въ отношеніи къ его ясному и опредѣлительному выраженію, союзной дѣятельности императора и папы, Оттона III-го и Сильвестра II-го.

И такъ Германія вступила въ наслѣдство Карла Великаго. Генрихъ II, Кон-
Далеко не владѣя всѣмъ пространствомъ земли, нѣкогда по-радь Са-

лийскій и
Генрихъ
III. виновавшимся австразійскому вождю, Оттоны дѣйствовали на сѣверо-востокъ и востокъ на области, которыя при Карло-вингахъ еще не были захвачены въ предѣлы германскаго вліянія и одни только продолжали историческое значеніе запада, ибо разорванная и нестроенная Франція не имѣла ни внутреннихъ силъ, ни самобытной исторической жизни. Ея очередь еще не наступила и могла наступить только въ ту эпоху, когда ложь общихъ началъ, представляемыхъ имперіей и папствомъ, должна была вызвать отрицаніе, т. е. усиленіе началъ мѣстныхъ. Слабое царство Генриха II-го не уничтожило и даже не потрясло зданія, воздвигнутаго Оттономъ. Самое избраніе его безъ особенныхъ заслугъ, безъ славы воинской или государственной, единственно по близкому родству съ Оттономъ III-мъ, показываетъ какъ велико было значеніе императора и какъ сильна была привычка повиновенія царствующему дому. До возшествія на престолъ Генрихъ былъ мелкимъ владѣтелемъ, до того ничтожнымъ, что по рассказамъ современниковъ былъ когда то битъ батогами по приказанію своего родственника императора. Едва на престолъ онъ уже былъ первымъ изъ государей европейскихъ.

Историки не обратили должнаго вниманія на это обстоятельство, обличающее и дикость тогдашнихъ правовъ, которую нѣмецкій патриотизмъ скрываетъ слишкомъ охотно и всю историческую важность Оттонова царствованія, оцѣненную до сихъ поръ далеко не вполне. Само происшествіе можетъ быть сомнительно или даже вымышленно: все равно вымыселъ современный характеризуетъ эпоху не менѣе истины.

Силы императора были тогда весьма значительны. Земля саксонская до Птицелова уже далеко расширилась на счетъ сосѣднихъ славянъ: она еще далѣе расширилась при немъ и его преемникахъ и сдѣлалась безспорно первою изъ всѣхъ германскихъ областей. Съ другой стороны самыя права герцоговъ въ землѣ саксонской были особенно велики во первыхъ потому, что Карль, завоеватель саксовъ, долженъ былъ

дать своимъ намѣстникамъ въ землѣ завоеванныхъ саксовъ гораздо большую власть чѣмъ въ другихъ частяхъ государства и его преемники еще увеличили ее для сопротивленія славянамъ, во вторыхъ потому, что эти герцоги, распространяя область свою войною, правили въ новопріобрѣтенныхъ округахъ еще самовластиѣ, чѣмъ въ старой саксонской землѣ. По этимъ причинамъ Генрихъ Птицеловъ уже какъ герцогъ равнялся могущественнымъ государямъ. Силу свою онъ передалъ сыну, который разумѣется ее еще увеличилъ. Оттонъ отстранилъ отъ себя отчасти должность герцога, передавши ее одному изъ своихъ полководцевъ, который сдѣлался родоначальникомъ могущественнаго княжескаго дома, но онъ ничего неутратилъ изъ своихъ правъ, ибо назначенный имъ герцогъ былъ только прямымъ его намѣстникомъ. Тоже самое продолжалось и при его преемникахъ, которые были его прямыми наследниками по закону феодальному. Отношенія Саксоніи къ Генриху II-му гораздо менѣе ясны въ своей законной основѣ: кажется очевиднымъ только то, что Генрихъ сохранилъ въ качествѣ императора тѣ права, которые принадлежали Оттонамъ въ качествѣ герцоговъ. Безспорно Генрихъ былъ ближайшимъ родственникомъ Оттона III-го; но домъ салійскій, хотя и связанный съ нимъ также недалкимъ родствомъ, не имѣлъ надъ Саксоніею наследственныхъ правъ по обычаю феодальному, а между тѣмъ Конрадъ и Генрихъ III-й владѣли Саксоніею какъ собственно-стію. Изъ этого очевидно, что назначеніе намѣстника саксонскаго Оттономъ было не что иное какъ перенесеніе на Оттона императора правъ, которыя принадлежали Оттону герцогу или иначе прямое присоединеніе Саксоніи къ званію императорскому. Такимъ образомъ бѣясняется право Конрада и его сына на Саксонію не какъ на упраздненную лену, (ибо ни кто на нее не смѣлъ изъявить притязаній) но какъ на императорскую собственность, и послѣдовавшій бунтъ саксонцевъ противъ Генриха IV-го за злоупотребленіе его власти въ дѣлахъ гражданскихъ. И такъ нравственное могущество императора опиралось въ то время на значительную силу веще-

ственную. Неудачный въ борьбѣ съ Болеславомъ храбрымъ, который почти вездѣ былъ побѣдителемъ и не разъ громилъ оба берега Ельбы, слабый во внутреннемъ управленіи и особенно въ дѣлахъ Италіи, которая не любила грубоватаго нѣмца такъ, какъ любила полу-византійца Оттона, монашески богомольный, за что и признанъ святымъ и легко уступавшій требованіямъ духовенства, Генрихъ II-й передалъ императорскій титулъ нисколько не утратившимъ своего блеска преемнику своему Конраду салійскому. Конрадъ былъ вполне достоинъ Оттонова вѣнца и престола. Твердою рукою усмирять онъ Италію, крѣпко держалъ въ повиновеніи Римъ и его епископа, почти безспорно рѣшалъ дѣла бургундскаго королевства т. е. областей лежащихъ между Германіею и Италіею, жестоко казнилъ сѣверныхъ и за-Эльбскихъ славянъ за возмущеніе, Чехіею правилъ самовластнѣ своихъ предшественниковъ и снова принудилъ Польшу къ вассальству, отъ котораго освободилъ ее на время Болеславъ, слишкомъ неосторожно признавшій въ молодости феодальное главенство императора. Наконецъ сынъ Конрада Генрихъ III-й довелъ значеніе императора до высшей точки величія, которой оно не достигало ни прежде, ни послѣ него. На голову разбитый Чехами, неуспѣшный въ походѣ противъ венгровъ, которыхъ отношенія къ Германіи были полу-вассальскими, воинъ по видимому неискусный въ такомъ вѣкѣ, когда воинственные доблести цѣнились выше всѣхъ другихъ, человѣкъ нравственности не высокой, часто непослушный голосу правды, крутой и даже склонный къ жестокости, онъ не былъ любимъ и даже не былъ лично уважаемъ (какъ видно изъ словъ современныхъ лѣтописцевъ); но онъ былъ государемъ вполне. Его слушались и трепетали. Неправда, утвержденная его волею, встрѣчала менше сопротивленія, чѣмъ правда другихъ императоровъ. Очевидно идея имперіи развилась вполне и это развитіе было независимо отъ самой личности вѣлценосца.

Темный идеалъ, къ которому стремился X-й и XI-й вѣкъ, состоялъ въ соединеніи феодальныхъ учрежденій и императорскаго единства. Покрайней мѣрѣ таковъ былъ идеалъ ари-

стократической дружины. Но въ этомъ соединеніи было скрытое противорѣчіе, которое ярко выступало при всякой попыткѣ къ осуществленію его. Карлъ боролся противъ начинающейся феодальности. Оттонъ нарушалъ ее обычай: Генрихъ Ш-й безпрѣстанно поправлялъ ихъ, распоряжался ленами съ неимовѣрнымъ своеволіемъ и такова была сила императорской власти, что это своеволіе всегда оставалось ненаказаннымъ.

Впрочемъ должно замѣтить, что въ Италіи феодальность никогда (до норманновъ) не развивалась вполнѣ и что она сначала не пустила въ Германіи такихъ глубокихъ корней какъ во Франціи. Ей мѣшала жизнь народностей и большіе остатки аллодіальности, или лучше оказанія древнихъ помѣстныхъ правъ или родовитости, которую можно легко узнать подъ именемъ солнечныхъ ленъ (Sonnenehen).

Очевидно впереди была та борьба между іерархіей феодальной дружины и государственнымъ единствомъ, которая въ послѣдствіи произошла во всѣхъ странахъ Европы и положила конецъ феодальности и начало новой исторіи. Но высокое и священное значеніе императора, стоящаго выше всякой мѣстной ограниченности и признаннаго свѣтской главою всехристіанства, давало ему въ такой борьбѣ огромное преимущество передо-всѣми королями и владѣтелями. Торжество его было несомнѣнно, если бы ему не предстояло еще другой труднѣйшей борьбы, въ которой опъ палъ, увлекая съ собою своего противника: но то внутреннее противорѣчіе, которое, хотя и не сознаваемое, заставляло императоровъ поирать феодальный обычай, вооружило противъ нихъ почти всю феодальную дружину, какъ скоро было поднято новое и враждебное имъ знамя власти духовной.

Франція
при по-
слѣднихъ
Карловин-
гахъ.

Темнѣе и тяжеле были начала исторіи французской послѣ раздѣла дѣтей Людовика благодушнаго. Случайная ничтожность первыхъ королей изъ династіи Карла великаго не объ-

ясняетъ нисколько ничтожности самой земли и государства. Послѣдніе короли Карловинги во Франціи были очевидно достойны престола по мужеству, предприимчивости и дарованіямъ, а королевство гибло въ ихъ рукахъ, тогда какъ въ Германіи оно обращалось въ великую имперію. Франція не имѣла тѣхъ внутреннихъ силъ, которыя подняли Германію и по своему характеру не могла сдѣлаться подобно ей сосудомъ великой всемірной идеи. Вѣнецъ переходилъ безъ славы съ головы Карла лысаго на Карла толстаго или Карла простаго, съ одного слабоумца на другаго, все болѣе и болѣе утрачивая блескъ и значеніе. Иногда на той же слабой головѣ вѣнецъ императорскій (впрочемъ всегда связанный хоть съ минутнымъ владѣніемъ Италіею) соединялся съ вѣнцемъ королевскимъ, потѣшая наследственную гордость Карловинга, но нисколько не возбуждая сочувствія въ его подданныхъ. Власть королевскихъ чиновниковъ, герцоговъ или графовъ, при ослабленіи власти королевской, получила самостоятельность и то, что прежде было должностію, возлагаемою главою государства на подданнаго за службу и для службы, дѣлалось собственностію и наследственнымъ правомъ. Чиновники обратились во владѣльцевъ. Эту перемѣну приписываютъ Карлу лысому, и не смотря на то, что ее нельзя доказать письменными памятниками его законодательства, очевидно, что она при немъ обратилась въ законный обычай съ его добровольнаго или невольнаго согласія. Съ этой эпохи должно признавать полное развитіе феодальности во Франціи. Въ Германіи таже перемѣна наступила позже и не столь рѣзко. Ясно, что перемѣна была неизбежна и не менѣе ясно, почему она началась во Франціи и быстрѣе проникла во весь составъ общества. Всѣ завоеванія племени германскаго въ мірѣ римскомъ были дѣломъ дружинъ; но большая часть дружинъ были дружинами народными (это видно отчасти изъ законовъ бургундскихъ и лонгобардскихъ, и совершенно явно изъ законовъ вестъ-готскихъ, въ которыхъ нѣкоторыя положенія общинныя отмѣнены не ранѣе 80-ти лѣтъ послѣ завоеванія Испаніи), а дружина Меровійцевъ была дружиною лич-

ною богатаго и сильнаго княжескаго дома. Безъ сомнѣнія къ ней присоединилась и племенная дружина франковъ салійскихъ, но дружина личная была началомъ преобладающимъ и опредѣляющимъ весь характеръ общества. Аллодіальность была тою общою формою, которую принимали всѣ новыя германскія государства. Ту же форму приняла и Франція Меровеяцевъ, потому что одна эта форма была доступна понятію тогдашняго германца. Аллодіальное устройство заключало въ себѣ нѣкоторое равенство и прямую зависимость каждаго дружинника отъ дружиннаго государства или общаго дружиноначальника. Во Франціи воинственный характеръ дружины былъ гораздо явнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ западныхъ странахъ. Долго послѣ завоеванія Галліи удалыя шайки завоевателей еще сохраняли свою подвижность и всегдашнюю готовность бросаться на всѣ сосѣднія области, если только имъ представлялась надежда на поживу или на разгульное пасиліе, между тѣмъ, какъ лонгобарды и вестъ-готы повидному обрадовались найденной осѣлости. Нравственныхъ основъ жизни не зналъ и знать не могъ франкъ, трехвѣковой наемникъ и вооруженный слуга развратной имперіи. Онъ, какъ уже сказано, не принималъ ихъ даже когда принималъ христіанство. Двойственное значеніе французскаго короля-патриція и военачальника долго сохранялось по невозможности обратить Франка въ гражданина и разрѣшилась отдѣленіемъ значенія военнаго и его торжествомъ въ лицѣ королевскаго дворецкаго (мера). Меры сперва сдѣлались королями и патриціями, потомъ императорами, и прежняя двойственность сохранилась. Дружина не сливалась съ государствомъ и король снова сталъ ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе сталъ въ себѣ сознавать свое государственное призваніе; это замѣтно въ преемникахъ Карла великаго. Дружина должна была снова отдѣлиться отъ нихъ и слѣдов., теряя прежнее единство, выражаемое общимъ начальникомъ, должна была стремиться къ созданію внутри себя новой и самостоятельной организаціи. Эта необходимость, общая всему германскому міру, должна была прежде всего обнаружиться во Франціи. Въ ней

самое духовенство, долго служившее представителемъ стихій завоеванной, перешло въ дружину и раздѣляло всѣ стремленія и всѣ страсти дружины, хотя разумѣется въ нѣкоторыхъ лучшихъ духовныхъ лицахъ и въ монастыряхъ хранилось отчасти преданіе о римской государственности, выразившееся въ позднѣйшее время при Капетингахъ въ явномъ вліяніи Сюжера на исторію Франціи. Ничто не могло уже остановить паденія французскихъ Каролинговъ, ибо самое стремленіе, наслѣдованное ими отъ великаго родоначальника, заставляло ихъ напрягать свои силы къ цѣлямъ отдаленнымъ, ослабляло ихъ власть необходимыми уступками и возникающей и развивающейся феодальности. Между тѣмъ какъ Германія была поприщемъ опустошительныхъ набѣговъ мадьярской конницы, всѣ берега Франціи и даже ея внутреннія области были поприщемъ грабительства норманновъ, набѣдниковъ моря, на которомъ уже не развѣвались паруса саксонскія и вендо-славянскія. Ничтожны были дружины норманскія: это доказывается частымъ пораженіемъ ихъ въ схваткахъ съ мѣстными ополченіями (напр: при Рейнѣ и въ Бретаніи), не смотря на чудную храбрость; но отразить ихъ навсегда или наказать ихъ однимъ ударомъ было трудно потому самому, что они всегда являлись неожиданно и малыми отрядами. Охранять берега Франціи постоянною стражею было невозможно потому, что Франція утратила всякое единство государства и не имѣла, какъ Германія, хоть нѣкотораго единства народнаго. Накопецъ самыя дружины норманскія, по большей части бѣглецы изъ родины или малочисленныя шайки удалцовъ подъ начальствомъ какого нибудь пресловутаго ярла, жаднаго къ добычѣ и славѣ, или ярлова сына, не получившаго никакого удѣла послѣ смерти отца, очень хорошо понимая невозможность значительныхъ успѣховъ при своей числительной слабости, пользовались тѣми стихіями, которыя могли увеличить ихъ силу въ мѣстахъ избранныхъ ими для набѣговъ или для временной осѣлости. Бѣдность народа, угнетаемаго и грабимаго мѣстными владѣльцами, дѣлало его совершенно равнодушнымъ къ борьбѣ, которая происходила собственно

между пришлымъ и туземнымъ грабительствомъ. Отчаяніе и удалъ, мщеніе или желаніе корысти собирали около сотенъ норманскихъ тысячи и десятки тысячъ туземцевъ, готовыхъ дѣлать съ ними опасность въ надеждѣ раздѣлить съ ними и добычу. Таково объясненіе тѣхъ многочисленныхъ ополченій, о которыхъ упоминаютъ хроникки подъ общимъ именемъ норманновъ на устьяхъ и берегахъ Рейна, Луары и Гаронны. Норманны, соединившіе въ равной степени желѣзное мужество и постоянное двоедушіе (ибо по нравственнымъ своимъ достоинствамъ они едвали стояли выше Франковъ) умѣли цѣнить своихъ союзниковъ, не смотря на ихъ чуждую кровь, и принимали ихъ въ свои ряды какъ соратниковъ и братьевъ. Ничтожный вассалъ утѣшителя Франка дѣлался съ помощію норманновъ дружинникомъ или вождемъ дружины, человекомъ равнымъ прежнему своему владыкѣ или даже высшимъ въ анархической іерархіи того вѣка. Такова причина, почему норманны во Франціи, получивши осѣдность, утратили такъ скоро языкъ и обычай родины; такова причина почему прежде чѣмъ они получили эту осѣдность, они могли распоряжаться такими великими силами и почему ихъ набѣги были такъ неотразимы для безсильной Франціи Каролинговъ.

Этимъ же объясняются и частыя ихъ неудачи въ областяхъ, гдѣ ленный владѣлецъ и вассалъ были одной крови, или гдѣ они были связаны между собою не одною вещественною силою или гдѣ наконецъ не было ни феодальности ни аллодіальной системы, какъ напр: въ Бретани, или въ нѣкоторыхъ областяхъ фризонскаго и саксонскаго племени. Успѣхи ихъ въ Ирландіи объясняются совершеннымъ разъединеніемъ ея мелкихъ князьковъ, но и тутъ они не могли стать твердою ногою, ибо противъ нихъ постоянно возставало единство народной стихіи.

Погромы норманновъ были столько же гибельны для Франціи, какъ набѣги Мадьяровъ для Германіи; но они не возбудили въ ней (какъ то было въ Германіи) стремленія къ государственному единству потому, что въ ней самой не было

стихій единства народнаго. Напротивъ, они по видимому ускорили общее ея разложене, возвысивъ значеніе ополченій мѣстныхъ, необходимыхъ для охраненія областей, безпрестанно ожидавшихъ норманской грозы и усиливъ власть сильнѣйшихъ ленниковъ, около которыхъ по неволѣ толпились слабѣйшіе, промѣнивая охотно независимость на покровительство и защиту. Это стремленіе, совпадая съ обращеніемъ государственныхъ должностей въ право и званіе наследственное, дало полное развитіе феодальности и положило начало могущимъ, полу-независимымъ владѣніямъ великихъ ленниковъ позднѣйшаго времени. Но то же самое, отъ чего ускорилось разложене карловингской Франціи, служило зародышемъ новой Франціи Капетинговъ и косвенныя послѣдствія норманскихъ разбоевъ совпали съ прямыми послѣдствіями Мадьярскихъ налетовъ. Изъ борьбы съ удалыми наѣздниками моря, прославившись этою борьбою, возникъ домъ, который въ сѣверной Франціи пріобрѣлъ королевскую власть, а потомъ уже и королевскій вѣнецъ. Переходъ династіи Карла къ династіи Капета есть только повтореніе въ иномъ видѣ перехода династіи баснословнаго Мервея къ династіи Карла. Иныя были формы, начала тѣже. Потомки Клодвига подверглись вліянію римской государственной стихіи, которую они приняли подъ свое покровительство въ качествѣ патриціевъ, утратили свое значеніе германскихъ дружиноначальниковъ и были принуждены уступить свою власть, а потомъ и престолъ новымъ дружиноначальникамъ мерамъ, дому Карла. Потомки Карла великаго, принявъ императорскій титулъ, точно также приняли и значеніе королей по римскому понятію и сдѣлались начальниками стихіи, въ то время еще безсильной и не способной обузывать воинственную дикость германскаго начала. Достаточно поверхностнаго просмотра тогдашнихъ лѣтописцевъ, что бы видѣть склонность Каролинговъ къ наукѣ, къ духовенству, къ мирнымъ занятіямъ, завѣщаннымъ просвѣщеніемъ древняго міра и охотно принятымъ просвѣщеніемъ христіанскимъ. Это стремленіе, не чуждое всему дому Карла, выразилось съ особенною силою въ Каролингахъ

Франціи, никогда не терявшей вполне ни памяти, ни некоторых обычаев, ни учреждений до германской эпохи. Завоевание ее силою австрозийцев не уничтожило ни значения Невстрии, ни ее духовной жизни. Французский язык, скудный но почти чистый отпрыск латинского корня, был уже при внуках Людовика благодушного языком горожан, духовных, письменных чиновников, королевского двора и значительной части аллодиальных и феодальных землевладельцев; но феодальный воин, принимая эту чуждую стихию, оставался вследствие своего положения, особенно в северной Франции, в первом своем германском понятии и быту; Король же вследствие своего положения склонный подчиняться вполне идее государственной, которую он призван был осуществлять, отрывался по необходимости от почвы германской и мало по малу утрачивал способность управлять ею. Она возстала на него, воспользовалась всеми его несчастьями, особенно же его бесполезными усилиями ухватиться за императорский венец, вытребовала уступку за уступкою, лишила всех прав и всех коренных владений и наконец свергла его с престола. Замечательно по преимуществу в эту эпоху согласие действий высшего духовенства с военною аристократіею. Характер духовного сана, его просвященіе, его преданія были завещаны древним миром; но духовенство было принято в дружину и почти на положении военных дружинников еще первыми королями Франции и все милости, льготы и дары королевской набожности усиливали в нем стремление к соединению с дружиною, со всеми ее выгодами и страстями. Духовные возстали на королевскую власть за одно с аристократіею феодальною и ускоряли ее падение. Бесполезно бы было слѣдить за разрушеніем дома французскихъ Каролинговъ: быстрое но постепенное истощение силъ, ничтожество почти всехъ королей, бесплодные усилія многихъ, и наконецъ жалкая, но не безславная борьба послѣднихъ вѣнценосцевъ великаго рода, занимательныя для спеціалистовъ, или для самихъ Французовъ, не представляютъ ничего поучительнаго или достойнаго памяти для просвѣщен-

наго міра вообще. Въ общемъ своемъ итогъ судьбы Каролинговъ служатъ только повтореніемъ судьбы Мервейцевъ и развитіемъ той двойственности, которая лежала въ основѣ королевства французскаго.

Капетин- ги. Поли- тическое и прав- ственное преобла- даніе Франціи: Изъ всего предыдущаго ясна необходимость паденія прежней Франціи: трудно уразумѣть необходимость возникновенія новой. Начало династіи Капетовой не представляетъ дѣйстви- тельно ничего общаго съ началомъ династіи Карла и Пиппи- на. Въ возведеніи меровъ въ достоинство королевское прояв- лялось существенное единство франкской дружины и право, данное ей мечемъ, быть правительницею и владѣтельницею всей Галліи и значительной части Германіи. Вождь австраій- ской дружины, болѣе другихъ сохранившей свой первобытный характеръ, долженъ былъ занять мѣсто ослабѣвшихъ меро- вейцевъ (т. е. князей поморскихъ, положившихъ начало един- ству франковъ). Всякое существенное единство успѣло раз- рушиться во время упадка Карловой династіи. Германія отдѣ- ллась, а по лѣвой сторонѣ Рейна весь германскій характеръ исчезъ, оставивъ за собою только развитіе нестройной и раз- нообразной феодальности и скрытную борьбу началъ римскихъ и мѣстныхъ. Не было причины быть королевству французско- му и королю. Но была еще память объ единствѣ и жела- ніе не подпадать чужеземной власти, могущей обуздать свое- волю феодальности, какъ было видно въ общемъ ополченіи противъ Оттоновъ. Естественно возродилось въ сильнѣйшемъ изъ владѣтелей сѣверной Франціи мысль о присвоеніи себѣ королевскаго званія. Гуго Капетъ провозгласилъ себя королемъ съ согласія весьма немногихъ слабѣйшихъ владѣльцевъ и нѣкоторыхъ отдаленныхъ ленниковъ (какъ на пр: графъ Бар- целонскій), которымъ единство королевской власти было не опасно и могло быть полезнымъ; но онъ ни въ какомъ отно- шеніи не былъ королемъ Франціи. Его преемники создали себѣ королевство завоеваніемъ, но это завоеваніе уже не было похоже на завоеваніе германскихъ дружинъ.

Франція не существовала какъ государство послѣ паденія Карловинговъ: народной жизни она также не имѣла. Много-

исленные области, отдѣленные другъ отъ друга обычаями, законами, несоставляли государства: разносоставныя мѣшанцыя племена, говорящія безконечнымъ множествомъ различныхъ нарѣчій и не понимающихъ другъ друга, не составляли народа. Но раздѣленіе не было такъ рѣзко во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ явленіяхъ жизни. Дворянство, т. е. властвующее сословіе и города имѣли одинъ и тотъ же языкъ во всей сѣверной части Франціи (исключая совершенно отдѣльную Бретань). Преданія были общія; память о величій первыхъ Карловинговъ, богатырскія сказки, самое имя Франціи составляли еще нѣкоторую духовную связь между разрозненными частями. Гораздо сильнѣйшую связь составляли общія начала просвѣщенія и науки, сохраняемыя въ тишинѣ монашескихъ обителей, въ школахъ духовенства и въ сильномъ хотя неуважаемомъ и часто угнѣтаемомъ сословіи законниковъ и правовѣдовъ. Въ этихъ то общихъ началахъ нашли потомки Капета орудія для завоеванія своего королевства.

При послѣднихъ Карловингахъ норманны, завоевавъ значительную часть сѣверной Франціи, стали въ ней твердою ногою. Короли признали ихъ законными владѣтелями завоеванной области, и приняли ихъ вождя своимъ ленникомъ и герцогомъ, надѣясь можетъ быть найти въ этихъ новыхъ подданныхъ опору противъ непослушныхъ графовъ и герцоговъ средней Франціи: но союзъ продолжался недолго и вражда съ герцогомъ норманскимъ ускорила паденіе царскаго дома, мало по малу лишившагося всякой поземельной собственности. Герцоги норманскіе, скоро принявшіе всѣ обычаи и языкъ своего новаго отечества и ставшіе во главѣ сильной дружины, почти совершенно чуждой Скандинавіи не только по образу жизни, но даже и по происхожденію, вошли въ общее движеніе королевскихъ вассаловъ, уничтожавшихъ власть королевскую. Они содѣйствовали Капету, когда онъ возставалъ противъ послѣдняго Каролинга и присвоилъ себѣ королевскій титулъ. Первымъ дѣйствіемъ новаго короля былъ подкупъ духовенства значительною раздачею бенефцій и подкупъ свѣтскихъ ленниковъ узаконеніемъ наследственности лень, уже давно при-

знанной обычаемъ, но еще неутвержденной закономъ. Такимъ образомъ онъ приобрѣлъ многихъ союзниковъ, но за всѣмъ тѣмъ король Гуго умеръ едвали не менѣе сильный въ вещественномъ отношеніи чѣмъ былъ графъ Гуго до восшествія на престолъ королевскій. Власть новой династіи еще болѣе ослабла при его первыхъ преемникахъ: Робертѣ, Генрихѣ и Филиппѣ, не смотря на ихъ необыкновенное долготѣнее правленіе (продолжавшееся слишкомъ столѣтіе, 996—1108), не смотря также на ихъ военныя доблести, на многія нравственныя достоинства и на хитрость, съ которою они всячески старались увеличить свои владѣнія и богатства.

Такъ напр: Генрихъ взялъ себѣ жену изъ далекой, недавно устроившейся въ государство земли, Россіи, явно только потому, что получилъ приданое по тогдашнему понятію весьма значительное за дочью богатаго хозяина волжскаго и днѣпровскаго торговаго пути, Ярослава Владиміровича.

Два разнородныя начала составляли, какъ уже сказано, сущность королевской власти во Франціи; званіе конунга дало еще королю право начальства надъ французскою дружиною, и званіе патриція, давшее тому же королю законныя права по галло-римскому праву на повиновеніе городовъ и сельскихъ туземцевъ.

Разумѣется не слѣдуетъ приписывать слишкомъ великой важности самому титулу патриція. Онъ былъ отчасти случайностію, но въ то же время онъ былъ проявленіемъ отношеній, въ которыя вступалъ почти по необходимости дальновидный Меровець къ своимъ новымъ подданнымъ. Титулъ патриція и потомъ императора, данный Римомъ дѣтямъ Карла Мартелла, былъ еще важнѣе. Онъ заключалъ въ себѣ какъ бы усыновленіе древнимъ Римомъ германскаго вождя.

Долго первенствовало первое, германское начало: оно выразило свое превосходство въ побѣдѣ меровъ-дружинниковъ надъ королями, вступившими въ тѣснѣйшіе союзы съ рим-

скимъ міромъ. Тоже самое повторилось, хотя и не столь явно въ паденіи Каролинговъ, утратившихъ отчасти, по крайнѣй мѣрѣ въ первыхъ поколѣніяхъ послѣ Лудвига добродушнаго, качества воинственныхъ своихъ родоначальниковъ. Возведеніе на престолъ Капетова рода было опять дѣломъ дружины. Но прежняя цѣльная дружина уже не существовала. Время строгой аллодіальности прошло: она была замѣнена нестройною феодальностью, въ которой рыхлая іерархическая связь была всегда готова къ разрыву. Напрасно старались первые Капетинги укрѣпить ее и ввести въ феодальность строгій судъ и законную послѣдовательность. Суду рѣдко повиновались и расправа удавалась только тогда, когда король могъ опереться на силу герцоговъ норманскихъ; по эта опора, всегда ненадежная, скоро обратилась въ новую опасность, страшнѣе другихъ. Герцогъ норманскій сдѣлался королемъ англійскимъ; вассалъ сдѣлался гораздо сильнѣе своего леннаго начальника, и слѣд. совершенно независимъ. Точно также была независима вся южная Франція и Бретань; почти столько же Фландрія и вся сторона за-луарская и всѣ гористыя области средней Франціи. Властолюбивые вассалы расширяли свои владѣнія мечемъ. Вассалы разбойники, подобные Фулько де-Нера, смѣялись надъ королями и угрозили имъ самимъ. Короли истощались въ безплодныхъ усиліяхъ къ водворенію порядка или лучше сказать къ отысканію въ области германскихъ понятій и дружинныхъ учрежденій начала, на которомъ могъ бы утвердиться порядокъ или устроиться распадающееся государство. Франція приближалась къ совершенному паденію и король, утрачивая мало по малу свои владѣнія какъ послѣдніе Каролинги, былъ почти плѣнникомъ въ своемъ Парижѣ. Прежнія начала не могли возстановить его власти; но міръ перемѣнился и жизнь народовъ была уже не та, что при первыхъ Каролингахъ.

Воинственный міръ дикихъ завоевателей подчинился началамъ просвѣщенія. Духовныя силы боролись съ силами вещественными и побѣждали ихъ. Слово римскаго пастыря не разъ сгибало упрямою шею самыхъ гордыхъ дружинниковъ

и ихъ королей. Письмо и законъ дѣлались властію. Формальность римскаго суда примѣшивалась къ грубой простотѣ суда германскаго феодальнаго. Съ властію римскаго епископа и духовенства возрастала, какъ случайное и въ тоже время необходимое ея послѣдствіе, важность латинскаго слова всякой науки и всякаго образованія умственнаго и особенно нововозраждающейся науки римскаго права. За эти новыя начала стояло все духовенство съ сознаниемъ или безъ сознанія, всѣ города, которымъ феодализмъ была враждебна и отчасти всѣ нисшія сословія, которыя ждали лучшей участи отъ покровительства верховной власти, замѣняющей личный произволъ постоянными формами неизмѣннаго закона. Къ этимъ же новымъ началамъ обратились французскіе короли, искусно подводя феодальныя учрежденія подъ формальность законовъ писанныхъ, призывая къ жизни тѣ общественныя силы, которыя готовы были сразиться съ феодализмомъ и опутывая мало по малу всѣ области Франціи и всѣхъ ея дружинниковъ дворянъ желѣзною сѣткою судовъ и тяжобъ, основанныхъ то на обычаяхъ феодальномъ, то на правѣ римскомъ. Завоеванія были медленны, но постепенны: мечъ исполнялъ почти безъ труда приговоры пера и полное торжество увѣнчало кляузничество и ябеду, неутомимо веденныя въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

Этотъ союзъ ябедника и война уже видѣли мы въ исторіи самаго Рима и его завоеваній.

Такимъ то образомъ и такими путями создали Капетинги новую Францію; но какъ уже сказано, первая эпоха этой династіи, соответствующая по времени сильѣйшему развитію имперіи германской, была эпохою безплодныхъ успѣховъ со стороны королей, слабости и ничтожества государственнаго.

Франція въ это время едва бы заслуживала упоминанія какъ государство; но ея значеніе въ нравственномъ мірѣ было огромно. Самый поверхностный обзоръ ея исторіи съ самаго римскаго завоеванія до времени Капетинговъ показываетъ, что

въ ней не было ничего своего, живаго, идущаго отъ корня. Отъ языка до обычаевъ и учрежденій все было смѣсь, все было приносное, прививное, случайное или условное: но должно замѣтить, что условное и безжизненное (построенное) имѣеть въ исторіи міра большія преимущества передъ естественнымъ и живымъ (растущимъ или органическимъ).

Это было показано въ самой ранней эпохѣ человѣчества многолѣтнимъ торжествомъ и процвѣтаніемъ начала кушитскаго.

Условное, какъ созданіе разсудка (сознательное или бессознательное, плодъ глубокомысленнаго расчета или инстинктивной сдѣлки, все равно) легко приводится въ видъ стройности, легко совокупляетъ около себя вещественныя силы и прямо идетъ къ своей цѣли, всегда односторонней. Изобрѣтеніе одной мѣстности или одного народа, оно легко принимается и перенимается другими потому, что оно не носитъ на себѣ признаковъ и печати мѣстныхъ или народныхъ. Оно плодъ разсудка вездѣ одинакого, а не цѣльнаго организма, вездѣ различнаго. Его сила и соблазнъ въ его слабости и безжизненности. Это правило относится ко всѣмъ учрежденіямъ и обычаямъ, ко всѣмъ модамъ въ одеждѣ, ко всѣмъ искаженіямъ художества, но оно всего явнѣе въ отношеніи къ языку. Слово, звучный образъ внутренней души цѣлаго народа, проникнутый всѣми его чувствами, страстями, преданіями и вѣрою, принадлежитъ такъ неотъемлемо каждому народу, что другой не легко усвоиваетъ себѣ его и никогда вполне его усвоить не можетъ. Чѣмъ своеобразнѣе народъ, тѣмъ своеобразнѣе его слово: чѣмъ многостороннѣе народъ, тѣмъ богаче слово. Чѣмъ простѣе и ближе къ природѣ народъ, тѣмъ менѣе слово его поддается мысли другаго народа. Скуденъ и безцвѣтенъ языкъ мѣшанныхъ племенъ, тѣмъ скуднѣе и безцвѣтнѣе, чѣмъ болѣе онъ принадлежитъ одному какому нибудь сословію, чѣмъ болѣе далекъ онъ отъ селянина, живущаго подъ кровомъ божьяго неба и чѣмъ болѣе склеилась въ нѣдрахъ человѣческихъ ульевъ-городовъ. Но эта самая

скудость и безцвѣтность, самая эта условность, которая лежитъ въ его основѣ и создала его не какъ вдохновенное выраженіе духа, а какъ орудіе почти дѣловой бесѣды, даютъ ему великое преимущество передъ языками, кипящими всею духовною жизнію человѣка. Онъ легко обращается въ орудіе размѣна житейской и бытовой мысли между народами.

Такъ точно и орудіе размѣна торговаго, представленіе всего продажнаго, не взято изъ міра органическаго. Человѣческій инстинктъ, глубоко разумный въ своей бессознательности, возвелъ въ это достоинство мертвый металлъ, да перегнившую трипку.

Таковы были недостатки и преимущества французскаго языка и французскаго быта. Они должны были сдѣлаться достояніемъ всего западнаго міра. Норманны, завоеватели сѣверной Франціи, приняли ихъ отъ туземцевъ; норманны, разсѣявшіеся какъ завоеватели по всей южной Европѣ; разнесли ихъ вездѣ съ собою. Крестовыя ополченія, сборище всѣхъ народовъ, нуждались въ однихъ общихъ законахъ, въ одной умственной монетѣ. Языкъ французскій сдѣлался общимъ, а съ языкомъ вездѣ былъ усвоенъ и бытъ французскій.

Этотъ безконечно важный фактъ, отзывающійся во всей послѣдующей исторіи Европы до нашихъ дней, нигдѣ еще не былъ вполне оцѣненъ, и причины его не обратили на себя ничего вниманія.

Такимъ образомъ въ концѣ перваго тысячелѣтія послѣ Р. Х. Франція, почти не существующая какъ государство, стала въ иныхъ отношеніяхъ во главѣ всѣхъ народовъ, — точно также какъ за пять вѣковъ передъ тѣмъ, обстоятельства отчасти случайныя и союзъ Рима и духовенства съ личною дружиною приморскихъ князьковъ франковъ, принявшихъ Никейское исповѣданіе, отдали въ ихъ руки судьбу всей западной Европы.

Англія
подъ вла-
стію Ан-

Важнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ занимательнѣе ранняя исторія Англіи. Въ самую первую эпоху ея положены въ ос-

нову общества многія начала, которымъ она до сихъ поръ обязана своею силою и процвѣтаніемъ, а европейскій міръ самими утѣшительными своими явленіями. Для того, чтобы понять всю послѣдующую исторію Англіи, надобно со вниманіемъ рассмотреть ея жизнь до норманнскаго завоеванія, т. е. принять трудъ, вообще слишкомъ пренебрегаемый историками.

гло-Сак-
совъ. Ея
племен-
ныя ств-
хія.

Вообще первыя эпохи всѣхъ государствъ изучаются слишкомъ поверхностно и даже самые добросовѣстные писатели, отдѣливъ сомнительныя и баснословныя произшествія отъ истинныхъ, думаютъ, что они дѣло свое кончили, мало заботясь о томъ, поняли ли они или нѣтъ общую характеристику и жизнь народа въ его первой молодости. Всѣ эти рассказы напоминаютъ преподаваніе древней исторіи въ кадетскихъ корпусахъ въ первые годы нынѣшняго столѣтія, если вѣрить современникамъ. Дешево нанятый учитель (говорятъ, что директоръ пользовался частію его законнаго жалованья) диктовалъ ученикамъ древнюю исторію слѣдующимъ образомъ: «Раздѣлили ли вы тетради на красныя и черныя строки?» «Раздѣлили». «Пишите въ красной строкѣ: Исторія Египтянъ. Написали?» «Написали». «Пишите въ черной строкѣ: Исторія Египтянъ темна и баснословна. Написали?» «Написали». «Конецъ исторіи» - И такъ изучалась вся древность. Почти тѣмъ же довольствуются историки Англіи и много если слѣдуютъ и сличать свидѣтельства о томъ, жили ли и когда жилъ король Артуръ и поэтъ Мердвинъ или Мерлинъ, плутъ ли или фанатикъ былъ Дунстанъ и гдѣ именно происходило сраженіе Бруннабургское.

Британія была въ тѣхъ же или почти тѣхъ же отношеніяхъ къ Риму какъ и Галлія и Испанія. Элементы племенные были тѣ же какъ и въ Галліи и они были романизированы въ той же степени за исключеніемъ горныхъ областей Валлиса и можетъ быть сѣверо-западныхъ округовъ, теперешняго Кумберланда. Точно также выросли подъ римскою державою большіе и торговые города съ римскимъ великолѣпіемъ и роскошью и муниципальными учрежденіями; точно также какъ

и въ Галліи поля были обработаны съ нѣкоторымъ искусствомъ и тщаніемъ, богатые загородные дома красовались на берегахъ живыхъ водъ, окруженные рощами и нивами, украшенные изнутри изящною утварью и всѣми изобрѣтеніями древней нѣги: точно также были вызваны на свѣтъ нѣкоторыя богатства почвы, тонкія глины, металлы и даже каменный уголь для вытопки металловъ, (хотя древніе писатели молчатъ объ немъ). Быть можетъ степень просвѣщенія была нѣсколько ниже въ далекой Британіи, но значительной разницы не было и быть не могло. Прекращеніе власти римской въ Галліи и Британіи сопровождалось нѣсколькими различными обстоятельствами, оставшимися не совсѣмъ безъ послѣдствій. Галлія была вырвана варварами у Рима; отъ Британіи отказался самъ Римъ, вызвавъ оттуда войска свои и предоставивъ ее собственнымъ ея силамъ. Стихи населенія, оставшагося безъ римской защиты, были: сельскіе жители отчасти романизованные, гораздо болѣе романизованное и отчасти даже римское по происхожденію населеніе городовъ и почти чисто-кельтское населеніе горныхъ округовъ. Были ли всѣ эти слои проникнуты христіанствомъ? Этотъ вопросъ остается сомнительнымъ у всѣхъ историковъ и недавно онъ рѣшенъ отрицательно английскими писателями, основавшими свое отрицаніе на отсутствіи христіанскихъ памятниковъ въ ископаемыхъ остаткахъ римскаго владычества. Выводъ, основанный на такой данной, едва стоитъ опроверженія, ибо въ то время, къ которому относится прекращеніе римской власти въ Британіи, мало еще существовало храмовъ христіанскихъ по всей имперіи и тѣ въ развалинахъ не могутъ быть отличены отъ другихъ зданій; главные же памятники, оставшіеся отъ Рима въ Англіи, алтари съ вставными надписями, не могли принадлежать христіанамъ по своему характеру и несутъ дѣйствительно ту же печать язычества во всѣхъ областяхъ имперіи. Не только отрицаніе христіанства въ тогдашней Британіи, но и самое сомнѣніе въ немъ совершенно неразумны. Мы имѣемъ пѣсни бардовъ галльскихъ, безъ сомнѣнія современныя первой эпохѣ саксонскаго завоеванія, и какъ бы ни считали эти пѣсни интерполированными

или измѣненными, ни одинъ критикъ не можетъ сомнѣваться въ христіанствѣ болѣе или менѣе просвѣщенномъ ихъ слагателей. Мы имѣемъ Гильдаса и его свирѣпныя ругательства на князей галльскихъ, отстаивавшихъ свободу своего племени. Можетъ-ли кто нибудь сомнѣваться, что сочинитель былъ христіаниномъ и висаль о христіанахъ? Мы имѣемъ свидѣтельства о множествѣ церквей и монастырей британскихъ, о многочисленномъ гаэльскомъ духовенствѣ, о сотняхъ и тысячахъ монаховъ у Гаэлей въ то время, когда едва началось обращеніе Саксовъ, слѣдов. о христіанствѣ, какъ общей вѣрѣ всего міра британскаго, кромѣ нѣкоторыхъ, можетъ быть, далекихъ областей. Когда же совершилось обращеніе, о которомъ никто не пишетъ? когда началась проповѣдь, которой никто не запомнилъ? Наконецъ, вѣроятна ли ревность Палладія и Патрикія къ обращенію Ерна, если Британія еще коснѣла въ язычествѣ. Явно, что христіанство обняло уже всю римскую Британію прежде, чѣмъ она была оставлена Римлянами, проникнувъ въ нее обычными путями римскими и обняло уже почти всю область свободныхъ Кельтовъ, проникнувъ въ нее вольнымъ путемъ океана, не забытымъ потомками предприимчивыхъ Семитовъ, какъ уже было сказано прежде. Но строительная сила христіанства не могла проявиться ни у чистыхъ Кельтовъ (отчасти сливавшихся съ ними свои языческія воспоминанія), ни у романизованныхъ жителей римской провинціи. Печать древняго міра слишкомъ глубоко врѣзалась во всѣ мысли и учрежденія у однихъ, христіанство было слишкомъ поверхностно у другихъ, хотя оно долго еще приносило прекрасные плоды въ Ирландіи, доставило ей много золотыхъ дней, сдѣлавшихся теперь баснословными и можетъ быть развилось бы еще богаче, если бы могло избѣгнуть окончательнаго измѣненія отъ прикосновенія и духовнаго завоеванія западнаго міра.

Не вдругъ отстала отъ Рима, оставленная Римомъ Британія. Она сама еще пыталась вмѣшиваться въ дѣла имперіи и своимъ нестройнымъ безсиліемъ дать помощь обезсиленному и падающему великану (какъ видно въ рассказѣ о Констан-

тиѣ); но эти безплодныя попытки, свидѣтельствующія только о прочности внутреннихъ, мысленныхъ связей, еще болѣе истощали бывшую провинцію. Когда потокъ варваровъ затопилъ окончательно ближнюю Галлію, а дикіе пикты и скотты (неутратившіе своихъ языческихъ обычаевъ въ новомъ христіанствѣ) стали бурно врываться въ одинокую провинцію Британіи и грозить ей совершеннымъ разгромомъ, пришло время напряженія для всѣхъ стпхій ея населенія: но не всѣ были къ нему одиноково способны. Сельскіе жители, потомки туземцевъ, утратили отчасти свой языкъ и обычаи, утратили вполнѣ всѣ начала самостоятельности общественной или народной и были готовою добычею для всякаго вооруженнаго пришельца, или готовыми помощниками его въ грабежѣ въ Британіи точно также какъ въ Галліи и Испаніи. Жители городскіе, племя мѣшанное имѣло еще менѣе началъ народныхъ, но за то оно получило отъ Рима нѣкоторое просвѣщеніе, учрежденія городскія, правильно устроенный бытъ, понятіе о законности и гражданственности, слѣд: нѣкоторую сосредоточенность или способность къ ней. Города дѣйствительно заключали между собою союзы, вооружались и давали отпоръ, часто весьма счастливый, дикимъ насильникамъ; но отсутствіе всякой внутренней жизни уничтожало всякое единство, всякую силу, дѣлало успѣхи ничтожными, а неудачи неисправными. Тогда воспрянула снова подавленная сила горнаго Кельто-Кумрійца, исполненная поэзіи и восторга, рьяной храбрости и гордости народной, она въ скоромъ времени стала на первое мѣсто и сдѣлалась началомъ преобладающимъ въ Британіи. Для критики сколько нибудь просвѣщенной и перабтвующей передъ старыми педагогами явно, что еще гораздо прежде саксонскаго нашествія сѣверные непріатели были или вполнѣ отдвинуты въ свои предѣлы или на столько стѣснены, что уже не могли ни грозить истинною опасностью, ни быть великимъ бѣдствіемъ для своихъ южныхъ сосѣдей: но сила кельтская, никогда не умѣвшая обуздать себя и построиться въ стройное общество, еще болѣе утратила эту способность подъ желѣзною рукою Рима всесокрушавшаго и ничего не облагороживавшаго.

Въ этомъ великая разница полицейской образованности Рима и личнаго просвѣщенія Эллады и магометанской Аравіи.

Бывшая провинція покрылась сѣтью мелкихъ княженій, другъ-другу враждебныхъ, безпрестанно волнуемыхъ внутренними распрями, родовыми враждами и личными крамолами, бессильныхъ на добро и на утверженіе чего бы то ни было прочнаго и самостоятельнаго, и гибельныхъ для всей земли не менѣе непріятельскаго нашествія. Дикій горець уже не могъ быть правителемъ желаннымъ въ области не забывшей Рима. По времениамъ, быть можетъ даже и постоянно (ибо это дѣло не ясно) одинъ изъ князьковъ считался начальникомъ всѣхъ другихъ (кажется даже иногда съ притязаніями на императорскій титулъ); но почетъ не былъ сопровожденъ повиновеніемъ и не давалъ старшему князю возможности учредить въ землѣ своей порядокъ и устройство, о которыхъ быть можетъ и самъ онъ не мечталъ. Личная доблесть впрочемъ вообще не безъ свирѣпства, древность рода и богатое угощеніе воиновъ и особенно пѣвцевъ сытными яствами и крѣпкими медами, только вотъ чѣмъ могъ похвалиться этотъ императоръ или пендрагонъ или пенъ-тейрпъ, или глава кельтовъ. Его значеніе очевидно ничтожно во время саксонскаго нашествія и мы даже не видимъ его имени въ достовѣрныхъ разсказахъ о борьбѣ туземцевъ съ пришельцами.

О баснословномъ Артурѣ говорить нечего, а историческій Артуръ былъ кажется князькомъ въ горной области юго-западной Англіи.

Очевидно новые владѣльцы Британіи, кельтскіе горцы, не были въ ней любимы: ихъ сподвижники, нечуждые по крови населенію романизованной области, были совершенно чужды ему по своимъ обычаямъ и составляли охранную дружину, нестройную аристократію, отъ которой охотно избавилась бы охраняемая ими страна, а особенно города, еще полные римскими стихіями. Вѣроятно и духовенство, болѣе просвѣщенное, не благоволило ни къ дикимъ своимъ освободителямъ, ни

къ друидическимъ ученіямъ и символамъ, отъ которыхъ не освободились ни они сами, ни вѣроятно ихъ духовенство.

Стоитъ только прочесть легенды о нѣкоторыхъ кельтскихъ святихъ, чтобы замѣтить особый характеръ на нихъ запечатлѣнный и совершенно чуждый современному имъ духовенству римскихъ областей.

Все это ясно изъ жестокой діатрибы Гильдаса, которую не вполне понимаетъ критика, добровольно допустившая въ исторію какую то одностихійную Англію британскаго времени, никогда не существовавшую. Полуримскимъ городамъ не было и не могъ быть чуждъ двухъ-вѣковой обычай римской имперіи нанимать варваровъ для отраженія другихъ варваровъ и для службы внутри государства. Они готовы были обратиться къ ближайшему изъ германскихъ племенъ съ просьбой о вооруженной, разумѣется не безкорыстной помощи, въ надеждѣ найти защитниковъ менѣе для нихъ тяжелыхъ, чѣмъ ихъ незваные покровители Бритты. Такова простая исторія призванія Саксовъ.

Участвовалъ ли въ призваніи князекъ по имени Вортигернъ или Гвортигернъ, имя котораго мы находимъ въ князкахъ того времени, опредѣлить нельзя, но допустить можно, ибо преданіе много сохраняетъ такого, чего не упомнить документальная исторія. Очень можетъ быть, что слабый князекъ юго-восточной Британіи вздумалъ опереться на иноземную силу, плохо надѣясь на свою собственную; это могло быть тѣмъ скорѣе, что само преданіе приписываетъ Вортигерну нравы извѣженные и мирные, слѣдъ указываетъ на сходство съ нравами горожанъ, которыхъ мысли и совѣты онъ легко могъ принять. Какъ бы то ни было, очевидно что Кентскому князю не было крайней необходимости призывать на помощь кого бы то ни было противъ пиктовъ и скоттовъ, которыхъ набѣги едва ли до него могли доходить. Очевидно, что цѣль Вортигерна, если онъ дѣйствительно пригласилъ Саксовъ, была или охрана береговъ отъ морскаго разбоя или составленіе дружины

для защиты отъ другихъ, болѣе могущихъ князей. Сама же исторія слабаго Гвортигерна и его мужественнаго сына есть ни что иное какъ сплетеніе басенъ и переначенныхъ преданій. Такъ напр: самый рассказъ о томъ, какъ Саксы убили на пиру беззащитныхъ и загулявшихъ бриттовъ, представляетъ явно перенесеніе на сцену Кента бѣдственнаго происшествія, случившагося въ сѣверной части Британніи и засвидѣтельствованнаго поэтомъ, бывшимъ его жертвою. Пиръ и вѣпкій медъ и число жертвъ, одинакое въ обѣихъ случаяхъ, не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Прибавлена только измѣна, о которой современный страдалецъ не знаетъ. Да надобно же что нибудь предоставить воображенію, враждѣ и народному самолюбію позднѣйшихъ рассказчиковъ. Впрочемъ, что значеніе Гвортигерна въ призваніи Саксовъ было довольно ничтожно, видно изъ молчанія поэтовъ, которые не оставили бы его памяти безъ проклятій. Таковъ характеръ тогдашнихъ поэмъ Аневрина, Тамессина и другихъ звучныхъ предвѣстниковъ богатѣйшей изъ всѣхъ словесностей новой Европы. Вся исторія призванія заключается въ отношеніяхъ романзированной Британніи къ ея тогдашнимъ владѣльцамъ, горнымъ кельтскимъ племенамъ.

Романизованная стихія въ Британніи обратилась за помощью столько же противъ иноземцевъ, сколько и противъ своихъ дикихъ одноземцевъ, къ ближайшему племени германскому.

Такая мысль разумѣется не могла притти нероманизованнымъ бриттамъ и ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ исторіи народовъ необразованныхъ. Нѣчто похожее находимъ въ началѣ русскаго государства, но тамъ это странное явленіе объясняется весьма просто, какъ увидимъ позже, и свидѣтельствуетъ о весьма сильномъ развитіи городской и обще-гражданской стихій, котораго не было въ чистыхъ кельтахъ.

Ближайшее изъ всѣхъ племенъ воинственной Германіи для городовъ британскихъ были тогда саксы. Ихъ могучій союзъ, слитый изъ стихій неоднородныхъ, занималъ сперва небольшой участокъ берега германскаго, потомъ съ ослабленіемъ дру-

гихъ народовъ и союзовъ, выселившихся или выдвинутыхъ изъ своихъ жилищъ во время великаго движенія дружинъ германскихъ на югъ Европы, оцъ занялъ все низовье рѣкъ и все неславянское поморье Балтики и сѣвернаго моря и сталъ громокъ въ мѣръ. Мало участвовалъ оцъ въ войнахъ сухопутныхъ и лѣтописи сохранили память только объ одномъ несъма значительномъ и весьма неудачномъ походѣ саксонской дружины въ Италию вмѣстѣ съ лонгобардами: за то рожденные на берегу бурнаго моря и принявъ въ себя смѣлыхъ фризовъ и издавныхъ мореходцевъ, славянъ приморскихъ, саксы скоро перебили у франковъ выгодный промыселъ морскаго разбоя и сдѣлались грозой береговъ Галліи и Британіи: но эти разбой приняли новый характеръ. Коренное племя саксовъ, послѣднихъ выходцевъ изъ полуострова скандинавскаго, не приходило въ прямое соприкосновеніе съ Римомъ, но приняло въ свой союзъ мелкія приморскія племена, нѣкогда посѣщенные легіонами и кораблями всемірныхъ завоевателей во время ихъ великой славы при Друзѣ, Тиверіѣ и Германикѣ: оно осталось также неприкосновеннымъ въ эпоху того громаднаго столкновенія народовъ, когда восточное казачество славянъ, Гунны, отбросило на западъ Германцевъ, двигавшихся до тѣхъ поръ на юго-востокъ: за всѣмъ тѣмъ и они не остались чуждыми общему движенію. И имъ, увлеченнымъ пѣснями поэтовъ, разсказами о другихъ благословенныхъ краяхъ и примѣромъ сосѣдей, опостылила родина. И они стремились къ лучшимъ жилищамъ. Разбой обратились въ переселеніе. Таковъ выводъ изъ названія *Littus Saxonicum*, даннаго части сѣверныхъ береговъ Франціи и юго-восточной оконечности Англій. Въ отношеніи къ Англійи оцъ подтверждается неоспоримыми доказательствами.

Эти доказательства находятся по преимуществу въ ископаемыхъ остаткахъ городовъ кельтскихъ и въ монетахъ самаго мелкаго достоинства (*minimi*) употреблявшихся у новыхъ германскихъ горожанъ того края.

И такъ саксы не были племенемъ неизвѣстнымъ ли пригласившаго ихъ народа; по свычкѣ, по склонности къ осѣдлой жизни, по сравнительной мягкости нравовъ они не были имъ непріятны. Не догадывались только хозяева, что именно по этой склонности къ осѣдлости званые гости сдѣлаются незванными владѣльцами земли. Что вѣкоторыя изъ первыхъ переселившихся дружинъ служили туземцамъ въ ихъ войнахъ, несомнѣнно: что они помогли бриттамъ одержать при Стамфордѣ рѣшительную побѣду надъ пиктами и скоттами, весьма можно допустить. Яснымъ остается то, что горсть саксовъ (всего три корабля) не были нужны для спасенія жителей Британніи, которые въ послѣдствіи могли бороться, и часто съ успѣхомъ, противъ многочисленныхъ войскъ англосаксонскихъ царей: они были нужны юго-восточной Британніи (папболѣ романизованной) для того, чтобы съ помощью этого войска, немноготребовательнаго (ибо таково оно было сначала) и нанятаго на опредѣленныхъ условіяхъ, освободиться отъ тягостнаго покровительства своихъ горныхъ единоплеменцевъ-дикарей. Плата за службу была болѣе землею чѣмъ деньгами и это нравилось новой дружинѣ; понравились плодородныя пшвы Британніи трудолюбивому саксу, понравились ея вѣковыя дубовыя рощи, темныя, широколѣтныя, народу, котораго главное богатство состояло въ свинныхъ стадахъ. Генгистъ и Горса, первые дружиноначальники (если дѣйствительно они такъ назывались, что весьма сомнительно по смыслу имени, указывающаго или на знамена, или на названіе кораблей, коней морскихъ) стали насильно захватывать береговую область привольнаго Кента, не безъ боя и призывая на помощь своихъ единоплемянниковъ, которые охотно являлись на призывъ. Легка была борьба съ невоинственнымъ населеніемъ, легокъ успѣхъ: но самая легкость успѣха скоро усыпила энергію пришельцевъ и кентское королевство никогда не достигало значительныхъ размѣровъ. О столкновеніи его съ туземцами мало осталось ясныхъ воспоминаній и ни одного достовѣрнаго свидѣтельства (хотя кажется, что Генгистъ былъ выгнанъ лѣтъ на пять и скитался по берегамъ

Голландіи), такъ и слѣдовало быть, ибо Кентская сторона была готова къ покорности или къ мирному согласію. Скоро явились новые колонисты-завоеватели съ одинакимъ успѣхомъ и основали восточно и южно-саксонскія королевства; за ними скоро сильнѣйшіе, сперва на юго-западѣ, потомъ на сѣверо-востокѣ: но тутъ они уже встрѣчали мало доброжелателей и сильныхъ враговъ. Цердикъ, основатель вестъ-саксонскаго королевства, которое въ послѣдствіи дало единство Англіи, пришелъ въ столкновение съ горными племенами и долгая и кровавая борьба завязалась между соперниками, борьба ничтожная въ исторіи міра дѣйствительнаго, но памятная въ мірѣ поэзіи, ибо соперникъ Цердика былъ Артуръ. Князекъ, или глава нѣсколькихъ князьковъ на западѣ Англіи, часто истощавшій силы свои въ войнахъ съ другими сѣверными князьками (напр. съ Гюэлемъ), мало замѣченный современниками, даже поэтами, но по преданіямъ самъ поэтъ (ибо ему приписываютъ нѣсколько стиховъ, сохранившихся доселѣ), Артуръ сдѣлался со временемъ центромъ цѣлаго героическаго цикла и мифическимъ олицетвореніемъ упорныхъ надеждъ кельтскаго народа. Былъ-ли онъ сыномъ пен-тейрна *Утгера*? былъ ли его отецъ соперникомъ другаго пен-тейрна римской крови, Аврелія Амброзія? былъ ли онъ самъ пен-тейрномъ, сомнительно; послѣднее даже не вѣроятно, ибо въ современной нѣснѣ, гдѣ онъ представляемъ вождемъ въ битвѣ, въ которой прославился и палъ Герейнтъ (лице не забытое въ сагахъ), ему не приписывается никакого особаго званія. Все равно. Должны были быть въ этомъ человѣкѣ и блистательныя доблести и многое увлекательное для народной фантазіи, когда онъ могъ сдѣлаться въ послѣдствіи царемъ такого прекраснаго героическаго цикла и кумиромъ цѣлаго племени. Съ нимъ то боролись Цердикъ и его ближайшій преемникъ и конечно борьба была не безъ сильнаго напряженія и не безъ великихъ опасностей.

Отзывъ Гильдаса объ Артурѣ, что онъ кровожадецъ былъ снѣзжала, показываетъ ясно опять отношенія существовавшія между разными стихіями народнаго населенія.

Не много легче досталась задача и англамъ, пришельцамъ сѣверо-восточнаго берега. Гористыя области, пограничныя Шотландіи и отроги горъ, сходящихъ въ Англію, были краемъ негостепріимнымъ для непрощенныхъ гостей. Безпрерывныя битвы кипѣли въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ между завоевателями Берникии и Дейры съ мужественными кумрійцами (кимри), которыхъ главная сила была на берегахъ Клейда. Ановринъ, Талиессинъ и Аливаркъ-Генъ прославили своихъ соотечественниковъ или оплакали ихъ бѣдствія въ пѣсняхъ, которыя дышатъ вдохновеніемъ и страстію. Невольно сострадаетъ читатель этимъ пламеннымъ душамъ даже и тогда, когда сознаетъ неизбѣжность и законность ихъ гибели. Прекрасныя являются защитники родины, Уріенъ Ригедскій и Овенъ въ восторженной пѣсни кимрскихъ бардовъ и неоднократно ихъ побѣды надъ Фламьдвиномъ (пламеносоцеъ, прозвище данное англійскому вождю *Идль*) доказываютъ, какой тяжелый достался ему подвигъ. На сѣверѣ, также и въ Валлисѣ, не было романизованной стихіи или она была очень слаба. Многаго народа британскаго не было въ Британніи. Тамъ, гдѣ онъ былъ, на западномъ берегу и на границахъ Шотландіи, онъ уцѣлѣлъ или навсегда, какъ въ Валлисѣ, или надолго, какъ на берегахъ Клейда, гдѣ находимъ князька кимрскаго Евгенія еще въ X-мъ столѣтіи.

Безъ сомнѣнія по всей или почти всей Британніи были какъ будто острова чистыхъ газей, но они были незначительны и еще оказывали долгое сопротивленіе.

При томъ положеніи Британніи, которое очевидно изъ всѣхъ памятниковъ письменныхъ и ископаемыхъ, и которое нѣсколько не похоже на описанія позднѣйшихъ историковъ, понятно завоеваніе ея саксами. Горцы или пероманизованные бритты, составлявшіе въ продолженіи нѣкотораго времени послѣ ухода римлянъ нѣчто похожее на вооруженную аристократію, подъ начальствомъ родовыхъ династовъ въ прежней провинціи, были отодвинуты въ свои горы и саксонское племя заняло

все то пространство, которое оно занимает и въ наше время. Надобно дать себѣ ясный отчетъ въ прежнемъ и новомъ населеніи того края, чтобы вполне уразумѣть его внутреннюю жизнь и исторію.

До нашествія римлянъ всю область Великобританіи можно считать кельтскою, принадлежащею отчасти ры царскимъ кельто-кумрійцамъ (кимри) и отчасти болѣе оо кратическимъ кельто-беолгамъ (которыхъ имя у римлянъ сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ формѣ *Бульги*, что указываетъ на выказанное мною тождество формъ *Беолгъ*, *Булгары* и *Вола*). Сильное развитіе друидизма указываетъ, кажется, на преобладаніе стихій жреческой, хотя отсутствіе жестокости въ религиозныхъ обрядахъ обличаетъ весьма раннюю колонизацію съ востока. Въ преобладающей массѣ кельтской были примѣси иноплеменные, о которыхъ впрочемъ свидѣтельства вообще неясны: такъ говорится о выходцахъ изъ Германіи, но они могли принадлежать къ племени кимбрскому, и слѣд. къ тѣмъ же кельтамъ въ ихъ позднѣйшемъ переселеніи. Говорится о силарахъ, какъ выходцахъ изъ иверскаго острова и это показаніе подтверждается ихъ наружностью; но оно указываетъ только на сродство съ Иерномъ (Эриномъ), въ которомъ кельты по многимъ наружнымъ признакамъ кажутся принадлежащими къ племенамъ южнымъ и сохраняется много преданій, указывающихъ на долгія сношенія съ землею иверцевъ и на колонизацію семитическую. Ясные слѣды славянства въ именахъ мелкихъ приморскихъ общинъ Менавіевъ и Морановъ, торговыхъ колоній, пришедшихъ съ устьевъ Рейна и связанныхъ по древнимъ свидѣтельствамъ съ венедами прилуарскими. Самое имя вендовъ также не неизвѣстно въ Британіи: оно слышно въ *Виндоланъ* (Little Chestery) и *Виндобалъ* (But-Chester.) Имя гуцновъ звучитъ въ названіи *Гуннумъ* (теперешнемъ Halton Chester). Даже слышно славянское слово *блато* въ *blatum Bulgium* (Middleby). Такимъ образомъ объясняются нѣкоторыя указанія, найденныя мною въ цитатахъ малоизвѣстной англійской книги (кажется подъ заглавіемъ *Druidism in England*, 2 тома 4°) о сочувствіи Британіи и

кельтовъ съ торжествами великаго вождя Гунновъ. Такимъ же образомъ объясняется и то, что *Переддуръ* (имя упоминаемое современными бардами въ борьбѣ туземцевъ съ англами Фламндина или Иды) называется въ сказаніяхъ британскихъ и кельтскихъ сподвижникомъ Артура и княземъ вендскимъ. И такъ въ Англии память о славянствѣ сохранялась довольно долго, какъ и во всей западной Европѣ сохранялись долго слѣды ея первожителей, втѣсненныхъ въ горы и болота позднѣйшими пришельцами и ея древнѣйшихъ торговцевъ, смѣло ходившихъ по волнамъ Атлантики и сѣвернаго океана. Всѣ эти мелкія примѣси не измѣняли нисколько общаго и цѣльнаго кельтскаго характера всей земли. Римляне завоевали ее послѣ упорнаго сопротивленія во многихъ мѣстахъ и не легко было ихъ завоеваніе въ Британіи также какъ и въ Галліи. Племена наиболѣе непокорныя были избиты, обращены въ жестокое рабство, выселены, проданы въ дальнюю неволю: другихъ медленно сокрушало римское иго: всѣхъ, кромѣ горцевъ, соблазнило римское просвѣщеніе. Провинція покрылась городами и военными поселеніями, которыхъ составъ былъ также разнообразенъ, какъ составъ всей имперіи.

И такъ саксы, юты и англъ не застали никакого народа въ Британіи. Они вступили въ борьбу съ дружинами кельтскими и послѣ долгаго сопротивленія вытѣснили ихъ изъ романизованной области и вогнали въ горы. Кровопрлитень былъ бой многолѣтній, и невольное сочувствіе позднѣйшихъ вѣковъ къ трагической судьбѣ побѣжденныхъ свидѣтельствуется объ ихъ упорномъ мужествѣ и блистательныхъ подвигахъ: но они должны были пасть. Упорнѣе ихъ, терпѣливѣе и крѣпче сомкнуты были германскіе пришельцы. Ряды ихъ пополнялись безпрестанно новымъ приливомъ ихъ соотечественниковъ. Тысячи падали подъ мечемъ бриттовъ; но вѣтеръ южный и юго-восточный гналъ сотни саксонскихъ кораблей отъ фризскихъ и саксонскихъ береговъ къ бѣлому берегу Альбіона и тысячи свѣжихъ бойцевъ пополняли ослабѣвшую дружину, и временные побѣдители, кельты, снова отступали передъ напоромъ завоевателей: но завоеванія саксовъ,

сначала жестокиа, также какъ и завоеванія во многихъ съ ними схожихъ славянъ, были въ послѣдствіяхъ своихъ благотѣльны. Они очищали почву, испорченную Римомъ: они населяли народомъ безнародную землю. Саксы не были бродячею дружиною народною какъ готы или аланы, или личною какъ войны Мервейцевъ, уже до костей развращенные трехъ-вѣковымъ соприкосновеніемъ и наемничествомъ Римлянъ. Они были народною колоніею.

Отъ того-то такъ твердо хранили они общинные обычаи и придавали всегда такую важность своему вѣчу, *Виттена-Геломъ*.

Имъ, трудолюбивымъ и незнающимъ роскоши пахарямъ, не нуженъ былъ рабъ для корысти или для невольнаго труда: имъ не нужна была рука низкаго, иноплеменнаго наемника. Имъ нужна была земля, надъ которой самимъ бы можно было трудиться въ добромъ согласіи съ природою и съ гордымъ чувствомъ своей свободы. Разумѣется для этого прежніе жители сель должны были или бѣжать, или погибнуть, или поступить въ число земледѣльческихъ орудій-рабовъ. Но за то села и поля, населенныя рабами или полу-рабами, отпущенниками, работавшими на отсутствующихъ и немногочисленныхъ землевладѣльцевъ римской эпохи, бездушнымъ и безнравственнымъ сбродомъ изъ всѣхъ племенъ, получили новое, многочисленное, честное и свободное населеніе. Обращенные въ рабство прежніе жители, оставшіеся въ старыхъ жилищахъ и избѣгнувшіе меча, приняли мало-по-малу и языкъ побѣдителей, простодушныхъ и близкихъ къ нимъ по своему состоянію—и созрѣли для будущей свободы. Города не привлекали къ себѣ селянина саксонца или англа. Малые, они погибали и потомъ снова отстроивались остатками своихъ прежнихъ обывателей, составляя новыя общины въ неопредѣленной зависимости отъ завоевательнаго племени. Большіе, они долго сопротивлялись или совершенно отстаивались и заключали мирные договоры, обезпечивающіе ихъ свободу.

Такова была, между прочимъ, судьба Йорка и особенно Лондона, болѣе всѣхъ сохранившаго свои права.

Безъ сомнѣнія и за стѣны городскія проникала мало-помалу стихія саксонская; но этотъ приливъ былъ мирный и условный. Нравы, мысли, обычаи, законы и языкъ горожанъ измѣнялись медленно, принимая въ себя много доброй простоты отъ грубыхъ пришельцевъ, и передавая имъ въ то же время начала просвѣщенія и науки. Римское право преподавалось въ Йоркѣ еще въ концѣ 8 го вѣка; ученость и знаніе латинскаго языка, права каноническаго и философіи хранились въ монастыряхъ, и неспорченная душа саксонца умѣла имъ сочувствовать.

Эрикскіе кельты и ихъ духовенство имѣли въ этомъ отношеніи весьма полезное вліяніе на Англію и отчасти черезъ нее, отчасти прямо—на остальную Европу. Стоитъ только вспомнить Эригену и проповѣдниковъ слова евангельскаго въ Германіи, о которыхъ уже говорено.

Такимъ образомъ создавалась германская основа Англіи, та крѣпкая, здоровая и нравственная основа, на которой выросла великая держава для славы и пользы человѣчества и для храненія многихъ высокихъ и добрыхъ началъ, утраченныхъ романо-германскимъ міромъ.

(Впрочемъ, призапая главную составную часть новаго на-
родонаселенія германскимъ, не должно терять изъ вида и
другую стихію, вошедшую въ него. Достаточно назвать двухъ
боговъ, отъ поклоненія которымъ отрекались саксы при при-
нятіи христіанства въ самой Германіи, чтобы узнать эту сти-
хію. Эти боги черно-богъ и Сива (быть можетъ Жива, хотя
такое чтеніе сомнительно). Ихъ славянское происхожденіе не
подлежитъ сомнѣнію.

Славян-
ская сти-
хія въ по-
вомъ на-
селеніи
Англіи.

Кажется Эингардтъ называетъ бѣлбога у саксонцевъ въ Германіи. Вальтеръ-Скотъ въ Гарольдѣ представляетъ Чернобога богомъ волшебства.

Свидѣтельства современныя не называютъ того племени у котораго требовалось отреченіе отъ чернубога, но критикѣ, не трудно опредѣлить то, объ чемъ умалчиваютъ современники. Нѣтъ сомнѣнія, что у всѣхъ саксовъ могло быть вслѣдствіе заемнаго вѣрованія—поклоненіе богу чуженародному; по конечно начала этого вѣрованія должно искать не у германскихъ саксонцевъ. За ними остаются юты, варны и англы, давшіе имя свое Англіи. Имя ютовъ указываетъ на кимврское происхожденіе, какъ уже показано изъ сличенія Ютланда съ кимврскимъ полуостровомъ, Ютунгейма и миювъ, касающихся до него (напр. стѣны) съ сказаніями о преградѣ между азами, сарматами и кимврами на Кавказѣ и т. д.; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы юты были племя не германское, хотя кимры или кумри безспорно кельты. Германцы, завоевавшіе землю ютовъ-кельтовъ, приняли имя отъ завоеваннаго края, какъ маркоманы отъ краинцевъ, остъ-и вестъ-готы (гри-ютунги и тервинги) отъ полянъ и древлянъ, франки меравскіе (или Меровеицы) отъ мориновъ, вандалы отъ вендовъ, Пруссія и Помернъ отъ прежнихъ туземцевъ. У ютовъ искать примѣтъ славянства нечего. Иное дѣло варны и англы, которыхъ можно считать за одно. Славянскія названія урочищъ хранятся вездѣ, гдѣ были варны. Англы первоначально являются на славянскомъ поморіи Бальтики, потомъ переселяются (вѣроятно не всѣ) въ сосѣдство и въ союзъ тюринговъ, въ которыхъ славянская стихія крайне вѣроятна, по окончанію имени ихъ на *ингъ* (ичь: тюрингъ,—тверичь) и по ихъ раннему союзу съ Гуннами еще прежде усиленія этого мстительнаго казачества; потомъ снова являются они на берегахъ Бальтики и переселяются съ саксами въ Англію, которой и даютъ свое имя. Самое имя это англы (или по весьма обыкновенному закону перехода звуковъ), углы (угличи) носитъ на себѣ характеръ славянскій, названія по мѣстности, чуждый чисто-германскому міру. Съ ними и по всей вѣроятности отъ нихъ являются въ саксонскомъ союзѣ имена славянскихъ боговъ, которыхъ нельзя считать чистымъ религіознымъ займомъ, ибо такого рода фактъ нигдѣ не встрѣчается въ исторіи Европы

безъ племенной примѣси. Если дѣйствительно англѣ были отдѣленіемъ великаго славянскаго народа, должны бы встрѣчаться въ памятникахъ объ ихъ первомъ вторженіи въ землю, назначенную имъ судьбою, слѣды ихъ происхожденія. Дѣйствительно это указаніе находится и въ такой формѣ, которая не подлежитъ сомнѣнію для критика, ознакомившагося съ памятниками сѣвера и преданіями о движеніи вендскихъ (ванскихъ) племенъ изъ русскаго востока въ Скандинавію. Мы уже видѣли, что эта стихія мнѣйчески олицетворяется въ мудрыхъ ванахъ Фрейръ (Пріѣ) богъ при-донскомъ; Брагуръ (богъ заздравныхъ чашъ) и Нюрдръ изъ Неотуна (Новгорода).

Замѣчательно, что въ англійской заздравной чашѣ сохранилась славянская форма мѣстоименія вашъ (вашъ-гейль, wassayle).

Всѣ родословныя царей саксонскаго союза согласны въ одномъ. Родъ *Иды*, перваго царя англовъ, ведется, какъ и всѣ роды вождей саксонскихъ, отъ Водана; но онъ одинъ идетъ отъ Водена черезъ *Фрейре*, котораго находимъ подъ весьма важнымъ именемъ.

По саксонской лѣтописи *Ангевитъ* (окончаніе слова замѣчательно) и *Ингилъ*, по Гейнриху Гунтингдонскому *Ангевитъ* и *Ингилъ*, по Симеону Дургамскому *Ангевитъ* и *Ингилъ*, по Непнію *Ингилъ*. Тотъ же Фрейръ болѣе еще извѣстенъ подъ именемъ Геатъ. Ихъ тождество видно изъ имени Фрегеатеатъ и ихъ пріаписческаго характера, а можетъ быть еще болѣе изъ повѣсти о любви Фрейра къ *Гердръ* и Геата къ *Мадчилдъ*.

Та же самая форма встрѣчается въ Норвежской линіи Гаральда Гарфаера въ пменахъ *Ингилъ* и *Ингилъ-Фрейръ* и даетъ намъ объясненіе названія *Ингилловъ* (т. е. *Фрейровичей*) и вѣроятное происхожденіе слова *Инглъ* отъ имени народа *англовъ* или угличей. Во всякомъ случаѣ это прямое и исключительное происхожденіе *Иды* отъ Вана-Фрейра есть фактъ рѣшительный для человѣка знакомаго со смысломъ мнѣювъ

сѣверныхъ. Быть можетъ, что подъ именемъ *Фрейра* или *Ингни* видимъ мы котораго нибудь изъ тѣхъ боговъ, отъ которыхъ отрекались саксы, переходящіе въ христіанство.

Уже прежде говорено о вѣроятномъ тождествѣ *Фрейра-Прія* съ бѣлбогомъ (о которомъ говоритъ *Егингардтъ*) и *Беленомъ*. Разумѣется изъ всѣхъ этихъ примѣтъ критика не имѣетъ еще никакого права считать дружину *Иды* чисто славянскою (такое предположеніе было бы даже не вѣроятнымъ); но она должна ее признать сборищемъ или сплавомъ германскимъ около славянскаго ядра и понять возможность и смыслъ многихъ позднѣйшихъ явленій. Такъ напр: признаніе этой стихіи и пониманіе ея образовательнаго характера объясняютъ явленіе въ Англии суда присяжныхъ (ротниковъ; цѣловальниковъ), совершенно чуждаго стихіямъ римскимъ, германскимъ и кельтскимъ, и особенно основу этого суда, единогласность, совершенно непонятную и непонятую въ славянскаго міра и его безусловной простоты. Преобладаніе юга чисто саксонскаго, восторжествовавшаго въ династіи вестъ-сакскихъ королей, подавило стихію славянскую, числительно слабую; но слѣды умственнаго или духовнаго ея вліянія (какъ сказано) отзываются въ духовномъ построеніи англійской земли, смягчая дикость германскую (также какъ и по всему поморью Балтики и даже Германскаго моря), между тѣмъ какъ племенное различіе можетъ быть служило объясненіемъ не твердой привязанности сѣверныхъ областей къ ливіи *Эгберта* и готовности ихъ принимать къ себѣ новыхъ пришельцевъ датчанъ или норвежцевъ.

Замѣчательно-малое число рабовъ въ областяхъ сѣверныхъ сравнительно съ южными при послѣдней переписи народа саксонской эпохи было приписано вліянію новыхъ завоевателей датчанъ. Не оспаривая этой догадки можно замѣтить, что она не подтверждается законами датскихъ царей, и хотя и согласна съ обычаемъ норманновъ въ другихъ земляхъ, но тотъ же самый фактъ объясняется также легко особенностью славянскаго характера въ племени англовъ.

Саксы явились язычниками въ землѣ христіанской: но христіанство въ мірѣ римскаго образованія долго было почти безплоднымъ: объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ историческія данныя, объ этомъ свидѣтельствуютъ и всѣ современныя сказанія (напр. Сальвіанъ). Собственно провинція, т. е. земли населенныя романизованнымъ сбродомъ людей и города, — держалась какого-то христіанства догматически чистаго, но не проникнушаго нисколько въ общественныя нравы.

Христіанство въ Англіи.

Римское полицейское просвѣщеніе было слишкомъ грубо для духовнаго вѣрованія и нисколько не развило мысли и души человѣческой.

Другое христіанство было преобладающимъ въ областяхъ населенныхъ кельтскимъ племенемъ, т. е. въ горныхъ округахъ Валлиса и Кумбріи. Соединенное съ дикостью нравовъ, съ буйствомъ страстей, смѣшанное съ сильными остатками друидизма въ символахъ и мифахъ, оно представляло характеръ темнаго, полу-языческаго суевѣрія.

Это видно изъ легендъ кельтскихъ о святыхъ, изъ современной поэзіи бардовъ, изъ всѣхъ сказаній и преданій объ Артурѣ и его сподвижникахъ. Западная Азія, ея язычество и по преимуществу солнцепоклонство еще слышны во всемъ. Многие напоминаютъ Финикію вслѣдствіе общаго религіознаго настроенія при-кавказскихъ кельтовъ и иверцевъ съ полу-иверскою Финикією.

Между христіанствомъ романизованной провинціи и христіанствомъ горныхъ племенъ было такое же враждебное отношеніе, какъ и между образованіемъ ихъ и всѣмъ ихъ бытомъ. Правда, что нѣкоторое вліяніе римскаго четырехъ-вѣковаго владычества отозвалось и на горныхъ дикаряхъ, прямо ли или чрезъ посредство ихъ единоплеменниковъ горожанъ; (такъ напр: сильнѣйшіе князьки добивались званія императорскаго); но эта ничтожная примѣсь не измѣнила ни языка, ни обычаевъ горцевъ и гордый полу-римлянинъ городовъ, слыш-

комъ слабый, чтобы что нибудь создать, слишкомъ изнѣженный, чтобы даже отстоять что нибудь, смотрѣлъ на чистаго бритта, дикаря еще не утратившаго силъ своихъ, съ чувствомъ ненависти и презрѣнія. Въ обоихъ стихіяхъ вѣрованіе христіанское подверглось сильному искаженію; но должно сознаться, что оно было живѣе и плодотворнѣе у дикаря, чѣмъ у полупросвѣщеннаго его соотечественника. Не въ школахъ Гильдасовъ и Неннѣвъ выростали Колумбы и Колумбаны, горячіе проповѣдники слова, ревностные очистители обряда, блюстители ученія, обличители папъ, зажигатели церковнаго свѣтильника у себя и въ чужихъ земляхъ. Не изъ городовъ, не изъ романизованной области выходили неутомимые апостолы, которые разносили сѣмя духовнаго просвѣщенія по темнымъ пространствамъ средней Европы, въ полу-кельтской Швейцаріи, по германскимъ низовьямъ Рейна, по лѣсистымъ горамъ земли байерской, тюрингской и франконской и даже по фризскому поморью, страдая сначала отъ языческаго упорства, отъ страстей и отъ фанатической вражды народовъ, которыхъ они стремились просвѣтить, страдая впоследствии можетъ быть еще болѣе отъ гоненій и клеветы своихъ соперниковъ, проповѣдниковъ саксонскихъ, подчинившихъ свою христіанскую дѣятельность службѣ папскому престолу. Всѣ эти великіе двигатели просвѣщенія выходили изъ нероманизованной стороны, изъ чисто-кельтскаго Эрина, прозваннаго островомъ святыхъ, изъ церкви еще свободной отъ мѣстнаго характера запада и связанной крѣпкими узами съ просвѣщеніемъ востока. Но ни развращенные города, ни дикіе и враждебные кельты не могли передать христіанства саксонцамъ. Явилась проповѣдь другая. Великій епископъ Рима, Григорій, исполненный состраданія къ землѣ нѣкогда христіанской и снова обращенной въ язычество и къ самимъ завоевателямъ язычникамъ, въ которыхъ сохранялись многія добродѣтели неиспорченной природы, послалъ къ нимъ своихъ проповѣдниковъ, изъ которыхъ особенную славу заслужилъ какъ извѣстно Августинъ. Успѣхи проповѣдниковъ были весьма быстры: ученіе ихъ принималось охотно народомъ, очевидно не

крѣпко державшимся своей прежней вѣры: но сама проповѣдь христіанства, присланнаго Римомъ, обозначена была враждою къ мѣстному христіанству племени кельтскаго. Съ глубокимъ ужасомъ и съ невольнымъ отвращеніемъ встрѣчаемъ мы неоспоримыя свидѣтельства, что новое духовенство, просвѣщавшее саксовъ, часто вызывало ихъ на уничтоженіе прежняго духовенства въ горныхъ областяхъ и особенно на кровавое преслѣдованіе кельтскихъ монаховъ. Какое бы ни было ученіе этихъ несчастныхъ жертвъ, какъ бы ни были они оподозрѣны въ догматическихъ ошибкахъ (впрочемъ нисколько не доказанныхъ), жестокость ихъ враговъ указываетъ на глубокую порчу служителей западной церкви и на кровожадность, совершенно противную той вѣрѣ, которую они проповѣдали.

Разумѣется нѣтъ никакой причины обвинять Великаго Григорія въ дѣлахъ, совершенныхъ или допущенныхъ его миссіонерами и ихъ преемниками: но вражда двухъ церквей въ Англіи объясняетъ ихъ позднѣйшую борьбу въ Германіи и уличаетъ одностороннее направленіе, принятое уже въ началѣ 7-го вѣка западною половиною христіанскаго міра.

Мало гоненій встрѣтила евангельская проповѣдь въ землѣ англо-саксовъ и это замѣчаніе повторяется вездѣ, гдѣ она не вмѣшивалась въ дѣла политическія, или гдѣ ее сопровождала вражда народная или гроза чужеземнаго ига. Одно только жестокое испытаніе и выдержала она, когда на нее ополчился свирѣпый старикъ Пенда, лице политическое, въ своей дикости дѣйствовавшее въ тѣсномъ пространствѣ, но сосредоточивавшее въ своей рукѣ всю силу и въ душѣ своей всю энергію великихъ вождей народнаго движенія, сокрушившаго грани обветшавшаго Рима. Къ чести племени саксонскаго должно однако же прибавить, что грозный старикъ не былъ безусловнымъ или неразумнымъ гонителемъ. Въ его бурной душѣ жило чувство правды и онъ говорилъ: «Я убиваю не тѣхъ искреннихъ людей, которые поклоняются Христу, но тѣхъ лжецовъ, которые проповѣдуютъ Христово ученіе, а жи-

вугъ въ противность ему.» Со смертію Пенды торжество христіанства было повсемѣстно и оно принесло много прекрасныхъ плодовъ.

Англо-саксы приняли проповѣдь Евангелія съ глубокимъ и простодушнымъ убѣжденіемъ. Они не были, какъ многія другія германскія дружины и по преимуществу франки, поселившіеся на развалинахъ римскаго міра, вовлечены и такъ сказать соблазнены въ христіанство. Строго проповѣдывалось оно имъ, строгимъ голосомъ говорило оно съ ними. Безъ сомнѣнія оно не вполне овладѣло ихъ душою, оно не заковало ихъ дикихъ страстей: но безпристрастная критика не можетъ не отличить первой эпохи христіанской въ британскихъ островахъ отъ соотвѣтствующихъ ей эпохъ въ другихъ странахъ запада. Она представляетъ явленіе истинно утѣшительное. Между дѣянiями, обличающими еще свирѣпость и нѣкоторый развратъ, слышится безпрестанно кроткій голосъ вѣры, искреннее покаянiе очищаетъ сердца грубыхъ воителей, глубокое смиренiе сгибаетъ гордую шею царей и ведетъ ихъ въ монашескую келію или украшаетъ ихъ вѣнецъ лучшимъ вѣнцемъ добродѣтельнаго и праведнаго житiя.

На это обстоятельство еще слишкомъ мало обратили вниманіе, а между тѣмъ оно во многомъ объясняетъ позднѣйшую исторію Англіи.

Мало по малу самая вражда между проповѣдью римскою и мѣстнымъ христіанствомъ стала угасать, точно также какъ и ненависть сакса и кельта, которую, какъ кажется, въ послѣдствіи возобновили норманны. Хотя два духовныя начала, встрѣтившіяся на спорной почвѣ, никогда не примирились вполне, но ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга имѣло вліяніе благотворное и во многомъ ослабляло ихъ односторонность. Кельтское христіанство умягчилось: саксонское получило свободу. Для Рима нужно было въ послѣдствіи новое завоеваніе, которое совершено его оруженосцемъ Дунстаномъ: но свобода, едва подавленная, снова потребовала своихъ правъ и Виль-

гелмъ завоеватель бился подъ знаменемъ и съ благословенія папы. Но съмя разъ брошенное въ землю не пропало.

Эпоха саксонская вообще въ высшей степени замѣчательна и рѣзко отличается отъ всей исторіи остальной Европы. Земля ими покоренная получила въ нихъ народъ, языкъ и начала разумной и человѣческой жизни. Составъ государственный былъ слабъ, кажется слабѣе чѣмъ гдѣ либо: такъ и должно было быть; ибо общество было основано не дружиною, а народною колонизаціею (къ которой конечно примѣшивалось не мало и дружиннаго начала, но съ значеніемъ второстепеннымъ). Семьи или осьми-царствіе связывалось только по временамъ и то въ весьма рыхлый союзъ, всегда готовый распасться. Власть временнаго главы, *Бретвальда*, была и незначительна и почти всегда оспориваема; но учрежденія народныя были сильны. *Виттена* рѣшалъ всѣ важные вопросы и мы видимъ, что отъ его благоусмотрѣнія зависѣло почти все, что касалось до внутренней жизни англо-сакскаго племени.

Такъ напр. мы находимъ, что самый религиозный вопросъ при переходѣ въ христіанство рѣшается въ Виттенахъ во многихъ областяхъ и склонность самыхъ жрецовъ къ новой вѣрѣ (явно засвидѣтельствованная писателями, которыхъ риторическія украшенія не могутъ поколебать довѣренности исторической критики къ самой сущности ихъ рассказовъ) показываетъ, что нравственное и духовное убѣжденіе въ народѣ могло управлять его дѣйствіями и дѣлало его достойнымъ свободы.

Безпрестанныя междоусобія подрывали силы государства, доставляя поочередно то одной то другой области, то одному то другому корольку временное первенство надъ соперниками, уничтожая чувство государственной цѣльности и готовя путь для будущихъ завоевателей-иноземцевъ. Правда, что предѣлы саксонскіе все еще продолжали расширяться мало по малу по милости еще большаго разъединенія Кельтовъ, но успѣхи были медленны и въ иныя времена сами Кельты грозили уничтоженіемъ саксонской власти какъ при мужественномъ Ка-

Саксон-
ская геп-
тархія.

дваллонѣ въ 630-хъ годахъ. Правда, что всегда на которомъ нибудь изъ саксонскихъ престоловъ сидѣлъ какой нибудь правитель сильный разумомъ и волею и преобладалъ надъ другими, но эти неправильныя случайности не придавали силъ государству.

Это явленіе объясняется тѣмъ же закономъ, которымъ объяснено необыкновенное множество великихъ государей на престолѣ падающаго Рима. Тамъ, гдѣ нѣтъ твердыхъ положеній и хранительныхъ формъ, преобладаетъ личная доблесть и сила, но не на пользу общества въ его государственномъ значеніи.

Очевидно въ самой основѣ семицарствія (гептархіи) лежала коренная болѣзнь, которая должна была уничтожить его. Оно могло перейти и переходило то въ пяти,—то въ трехъ царствіе, то наконецъ въ единоедержавіе, по внутренней причины существовать навсегда въ немъ не было. Не было стремленія къ единству; не было чувства единства: не было достаточно народнаго характера, чтобъ отвергнуть всякое внѣшнее владычество, не было организациі довольно твердой и опредѣленной, чтобы всѣ могли или хотѣли стать за каждаго или каждый за всѣхъ. Общество, какъ собраніе людей болѣе или менѣе однокровныхъ другъ съ другомъ и живущихъ подъ условіями взаимной правды и любви, существовало въ Англіи тогда, когда оно не существовало нигдѣ въ остальной Европѣ, но общество, какъ государство, т. е. какъ организмъ имѣющій какой нибудь центръ (король или соборъ, все равно не существовало вовсе или существовало въ видѣ самомъ хаотическомъ. Равнодушіе къ государству есть преобладающая черта саксонской эпохи.

Мы встрѣтимъ позднѣе ту же самую черту въ другой землѣ: но земля спаслась отъ завоеванія сперва вслѣдствіе дикаго нрава и кочеваго быта однихъ завоевателей, а потомъ вслѣдствіе религіознаго разногласія съ другими.

Много добраго и прекраснаго было совершено во время семицарствія владыками саксонскими, такими каковъ былъ напр. Ина законодатель; много высокихъ человѣческихъ чувствъ являлось на престолахъ въ такихъ лицахъ какъ Освальды, Альфреды, Эдвины и другіе. Все это свидѣтельствуесть о человѣческомъ развитіи самаго народа; ибо никогда правители не могутъ возвышаться значительно надъ тѣмъ обществомъ, котораго судьба поручена ихъ правленію. Они сами созданіе общества: орудія ихъ и совѣтники—члены его и всѣ дѣйствія ихъ подчиняются его законамъ; все то, что противно этимъ законамъ, будь оно ко злу или къ добру, исчезаетъ безъ слѣда или гибнетъ еще въ зародышѣ вслѣдствіе положительнаго отпора или безчувственной апатіи массъ.

Отъ того-то всякая историческая критика, отдѣляющая правительства отъ народовъ въ исторіи человѣчества, впадаетъ въ бессмысленную ошибку. Личныя случайности народныхъ вождей имѣютъ безспорно свое значеніе: онѣ ускоряютъ или замедляютъ развитіе общихъ или частныхъ началъ въ государствѣ, производятъ временныя смущенія или потрясенія въ его нормальномъ ходѣ, но никогда не могутъ нарушить этого хода. Сила духовныхъ, нравственныхъ и умственныхъ его основъ прорѣзываетъ историческій путь для каждаго народа и для каждаго общества, возвышая или губя его и опредѣляя его судьбу до тѣхъ поръ, покуда не дастся ему другой высшій законъ, или покуда не встрѣтятся съ нимъ другія высшія или сильнѣйшія начала, олицетворенныя въ другомъ обществѣ или народѣ, которымъ принадлежатъ по справедливости историческое первенство и право на временное торжество. Такъ напр. идея правды въ Римѣ должна была побѣдить идею красоты эллинской, хотя въ послѣдствіи идея правды римской, (т. е. внѣшней) по своей односторонности уступила болѣе многосторонней идеѣ эллинской въ дальнѣйшемъ развитіи человѣческаго духа и въ истинно-разумномъ вліяніи на его нравственное возвышеніе.

Христіанство принято было, какъ уже сказано, въ землѣ англо-саксовъ въ формахъ весьма близкихъ къ своему пер-

воначальному характеру: оно дѣйствовало своею духовною проповѣдью и поэтическимъ образомъ на сердца неиспорченныя ни сосѣдствомъ римлянъ, ни преобладаніемъ дружиннаго устройства и облагороживало ихъ. Оно имѣло прямое вліяніе даже на отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ туземцамъ и къ ихъ единоплеменникамъ. Строгая жизнь ирландскихъ монастырей призывала многихъ къ переселенію въ ихъ мирныя нѣдра изъ бурной среды, въ которой волновались еще неукрошенные страсти недавнихъ язычниковъ. Духовныя сношенія связывали область англовъ съ землями новообращенныхъ кельтовъ (скотовъ и пиктовъ въ Шотландіи) и кумрійцевъ юго-западной Англіи. Часто осиротѣвшіе князьки искали убѣжища, восняганія и защиты у племенъ еще недавно враждебныхъ. Чувства человѣчества и благоволенія, чувства общенія умственного и духовнаго пробивались вездѣ, развивая тѣ духовныя силы, которыя въ послѣдствіи подняли Англію такъ высоко между европейскими народами; но имъ не дано было развиться вполнѣ, потому что самой землѣ предстоялъ кровавый и крутой переломъ.

Мелкія царства гибли мало по малу въ междоусобной борьбѣ. Первенство осталось за двумя областями, за полу-англійскою Меркіей и чисто-германскимъ Вестъ-Сексомъ.

Нѣмецкій патриотизмъ заднимъ числомъ нѣсколько разъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что судьба доставила окончательное торжество области, въ которой будто бы германская стихія была затемнена стихіями чуждыми. Взглядъ этотъ совершенно ложенъ. Безпрестанная борьба съ валлійцами и съ горцами западными имѣла разумѣется нѣкоторое вліяніе на вестъ-саксовъ: но это вліяніе было незначительно и почти вся остальная Англія была гораздо болѣе измѣнена примѣсью чуженародною въ самихъ завоевательныхъ дружинахъ и примѣсью отъ довольно сильнаго и сравнительно образованнаго населенія городовъ.

Споръ Меркіи и Вестъ-Секса кончился въ пользу послѣдняго, и видимая случайность была дѣйствительно не случай-

ностью. Въ ней проявился законъ, который такъ часто повторяется въ исторіи, по которому области наиболѣе окрѣпшія въ военной борьбѣ и наиболѣе принявшія дружинный бытъ первыя вырываются на историческое поприще. Въ Вестъ-саксонскомъ королевствѣ преемство людей сильныхъ духомъ было обезпечено самою опасностью, въ которой постоянно находилась область, шаткостью престолонаслѣдія и нѣкоторою дикою энергіею нравовъ. Эгбертъ и его ближайшіе преемники соединили въ одно цѣлое разрозненныя части осьми-царственного союза.

Безполезно разсматривать хронологію присоединенія каждой отдѣльной части. Это нужно только для спеціальныхъ исторій. Въ самомъ же дѣлѣ присоединенія не выступаетъ ни одно характеристическое обстоятельство.

Новое царство не имѣло уже той рыхлости, которую обозначенъ былъ весь союзъ, даже въ то время, когда онъ находился подъ главарствомъ *Бретвальдовъ*. Эти верховные вожди имѣли только одно значеніе—сосредоточивать до нѣкоторой степени силы осьмицарствія противъ свободныхъ туземцевъ и перестали являться въ лѣтописяхъ за долго до Эгберта и именно въ то время, когда кельты были окончательно вдвинуты въ свои родныя горы. Борьба коренныхъ жителей противъ пришельцевъ, давно уже невозможная, какъ по превосходству дружины саксонской, такъ и по тѣснѣйшему союзу англо-саксовъ въ сравненіи съ разъединенностью кельтовъ, сдѣлалась уже просто ничѣмъ инымъ какъ обороною горныхъ твердынь противъ осаждающаго непріятеля: но оборона была ведена съ рѣдкимъ упорствомъ, достойнымъ удивленія. Большую часть горъ успѣли отстоять потомки древнихъ бриттовъ не только противъ англо-саксовъ, но и противъ еще сильнѣйшихъ норманновъ и противъ еще сильнѣйшихъ вѣковъ. Уже съ самаго начала нашествія англо-саксовъ туземцы очевидно раздѣленные тѣмъ духомъ кланства, который еще недавно сталъ погасать въ горной Шотландіи, всегда готовые на про-

вавыя междоусобія, рѣдко соединялись (и то разумѣется не всѣ) подъ начальствомъ одного какого нибудь вождя, каковы были: Натанлеодъ и болѣе или менѣе сомнительные Амвросій, Пендрасонъ или Артуръ. Въ послѣдствіи эти союзы сдѣлались еще рѣже, хотя они отчасти еще проявляются при Кадваллонѣ и сынѣ его Кадвалладурѣ. Позже они исчезаютъ почти вовсе, между тѣмъ какъ единство непріятеля дѣлается постояннѣе и крѣпче.

Отъ того-то кельты и не могли воспользоваться страшными нашествіями скандинавовъ, хотя часто дѣйствовали съ ними за одно.

Но царство англо-саксовъ получило болѣе (видимое чѣмъ коренное) единство. Случайности военной борьбы и можетъ быть смутное пониманіе необходимости слиянія всѣхъ мелкихъ областей въ одно цѣлое доставили вестъ-сакской династіи власть надъ Англіею или по крайней мѣрѣ полное преобладаніе надъ слабѣйшими соперниками: но внутреннія сѣмена раздора не были уничтожены, память о независимости отдѣльныхъ областей, племенное и дружинное соперничество были еще живы и должны были принести горькіе плоды: наконецъ очевидное смѣшеніе общинности и дружиннаго строя не допускали правильнаго развитія общественныхъ силъ, а многочисленность населенія несвободнаго была постоянною причиною слабости и зародышемъ паденія. Великій основатель каролингской династіи не закрылъ еще глазъ и уже быстрыя суда сѣверныхъ хищниковъ грозили берегамъ Средиземнаго моря и побѣдоносный императоръ проливалъ слезы, предвидя бѣдствія своихъ потомковъ. Эгбертъ, основатель единства англо-саксонскаго, не сошелъ еще во гробъ а уже царство его видѣло первые набѣги своихъ будущихъ завоевателей.

Въ концѣ VIII-го вѣка появились на всѣхъ западныхъ моряхъ Земли Скандинавіи-страшные паруса Скандинавіи. Развитие ихъ грозной силы и нава- смѣлой предприимчивости не было медленнымъ дѣломъ времени Завоеванія Нар- и давняго обычая. Казалось, что огромное старое морское

ополченіе, окрѣпшее въ борьбѣ съ волнами Океана, было чѣмъ ^{манровъ.} то задержано въ своихъ родныхъ пристаняхъ и съ первымъ ^{въ Англіи} попутнымъ вѣтромъ полетѣло почти одновременно ко всѣмъ берегамъ. Такое явленіе было бы безпримѣрно въ исторіи и противно всѣмъ ея законамъ, если бы оно не объяснялось, какъ уже сказано, двумя происшествіями почти современными другъ другу въ самой Скандинавіи и въ средней Европѣ. Великіе дѣятели исторіи, невольное орудіе ея логики, часто служатъ цѣлямъ, которыя или чужды ихъ соображеніямъ или даже противны ихъ намѣреніямъ. Карлъ Великій своими безпрепятственными и широко объемлющими походами разбивалъ сѣмена феодальности, противъ которой хотѣлъ бороться. Карлъ, принимая императорскій вѣнецъ отъ папы, котораго тоже хотѣлъ удержать въ строгой подчиненности, ставилъ папство выше имперіи. Карлъ, разрушая силу саксонцевъ, до тѣхъ поръ владѣвшихъ сѣверными морями и нанося войною и торговыми законами сильный ударъ вендо-славянской морской торговлѣ, очищалъ путь морякамъ болѣе воинственнымъ, но до тѣхъ поръ еще слабымъ и—избавлялъ ихъ отъ соперничества, которое до тѣхъ поръ ихъ обуздывало.—Въ то же время въ самой Скандинавіи происходилъ великій переворотъ. Мы видѣли, что двѣ стихіи съ юго-востока проникли въ нее вѣроятно вѣка за два до Р. X.,—стихіа азо-сарматская и вендо-славянская (олицетворенныя въ Божествахъ Азахъ и Ванахъ) и сдѣлались въ одно время властительницами и просвѣтительницами всего края. Превосходство—ли численное или духовное или какая нибудь случайность доставила первенство вендамъ надъ ихъ союзниками, сказать невозможно. Вѣрно то, что потомки Фрейра, Инглинги, были въ продолженіи многихъ вѣковъ главою всѣхъ сѣверныхъ областей,

Собственно царствовали они въ Швеціи, но Данія была имъ безспорно подвластна (это видно изъ всѣхъ сказаній), а родословная Гаральда Гарфагра показываетъ его происхожденіе также отъ Ингвы-Фрейра, слѣд. отъ рода Инглинговъ. Выше было сказано, что выселеніе изъ Скандинавіи готовъ (заключающихъ въ себѣ монго-

бардовъ и сѣверныхъ бургундовъ) выселеніе несомнѣнное по ихъ собственнымъ сказаніямъ, по преданіямъ при-балтійскихъ пруссовъ, леттовъ и даже Литвы также какъ и по языку; и позднѣйшее выселеніе саксовъ были по всей вѣроятности слѣдствіемъ напора иноземныхъ стихій. Первенство же вендовъ объясняется тѣмъ, что азо-сарматы были оторваны отъ роднаго корня и братскаго вспоможенія, между тѣмъ какъ вендо-славянское начало, оставаясь въ безпрестанныхъ дружескихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ приволховскими братьями (Новгородомъ или Неотуномъ) долго могли почерпнуть новыя силы изъ страны одноплеменной. Отъ того самого мы и видимъ, что венды и гунны (славяне при-балтійскіе и русскіе) являются сильными дѣятелями въ междоусобіяхъ Скандинавіи. Впрочемъ можно, кажется, предполагать изъ сличенія памятниковъ, что южная часть ея, т. е. Данія и принадлежащія ей области, болѣе подчинялись или мѣстному началу *Водену* или сарматскому Тору, признавая только первенство Инглинговъ.

Но власть Инглинговъ была основана не твердо. Противъ нея нерѣдко возставали мелкіе, подвластные имъ корольки и часто даже удалцы, прославившіеся своими подвигами. Наконецъ она пала передъ смѣлымъ и свирѣпымъ Гаральдомъ Гильдетандомъ, который прекратилъ ихъ династію и похитилъ ихъ власть. Впрочемъ это похищеніе не переносило власти и первенства въ другую стихію. Тѣ же самыя силы, которыя въ продолженіи многихъ вѣковъ служили Инглигамъ, поддерживали потомъ державу ихъ губителя. Можно даже предполагать что Гаральдъ стремился дать восточному началу полнѣйшее преобладаніе или на немъ основать неограниченную власть своего дома и черезъ то самое вызвалъ сильное сопротивление другихъ мѣстныхъ стихій. Эти стихіи нашли себѣ предводителя въ Сигурдѣ Рингѣ, отцѣ славнаго Рагнара Лодброка. Между врагами закипѣлъ великій Бравальскій бой, прославленный и воспѣтый всѣми скальдами сѣвера. Борьба была очевидно не между лицами, не между династіями, принадлежащими къ одному и тому же началу. Такая борьба не настроила бы лиры всѣхъ поэтовъ: для нея не сошли бы боги

на землю: не возстали бы или не продлили бы вѣка своего далѣе предѣловъ жизни человѣческой древніе герои сѣвера. Для разумной критики не можетъ даже быть сомнѣнія. Поля Бравальскія видѣли конецъ цѣлой системы народной, цѣлой вѣковой жизни и торжество или освобожденіе другой, до тѣхъ поръ порабощенной или угнетенной. Войска побѣжденнаго Гаральда состояли по большей части изъ вендовъ и гунновъ, по сказанію сагъ и лѣтописцевъ, (т. е. изъ дружинъ славянскихъ); но они были безъ сомнѣнія только союзниками а не основою силы Гаральдовой. Послѣ его пораженія его побѣжденные сподвижники оставили родяну, въ которой владычествовали много вѣковъ и искали убѣжища на балтійскомъ Поморьѣ. Лишенные земли они искали владѣнія на моряхъ и сдѣлались смѣлыми хищниками. Силы саксовъ съ одной стороны уже были истощены переселеніями въ Англію и обратились тамъ на земледѣліе, на войну противъ кельтовъ и на междоусобія, съ другой были сокрушены меченосцемъ западнаго христіанства, Карломъ. Пустыня морская оставалась безъ хозяевъ. Ею овладѣли скандинавскіе бѣглецы. Примѣру побѣжденныхъ послѣдовали побѣдители, еще горячіе пыломъ недавней борьбы и въ началѣ IX-го вѣка уже корабли ихъ, переплывъ волны Океана, огибали южную оконечность Испаніи и громили берега Италиі и Франціи. Такимъ-то образомъ объясняется мгновенное развитіе морскихъ разбоевъ скандинавскихъ. Близкіе берега Англіи, разумѣется, были въ числѣ первыхъ странъ, посѣщенныхъ страшными гостями. На нихъ погибъ Ригнаръ, сынъ Сягурда, побѣдителя при Бравальѣ, идеаль морскаго витязя, гроза всей западной Европы, вдохновенный пѣвецъ, неасытный грабитель; кровожадный и неумолимый воинъ. Онъ погибъ, какъ извѣстно, смертію жестокою, но исполнѣ заслуженною (если только позволено казнить лице за обычаи его народа). Мщеніе за Лодброка было началомъ многолѣтнихъ бѣдствій для земли англо-саксовъ.

Что пѣснь, извѣстная подъ именемъ Лодброка, была сложена не имъ, едва ли кто можетъ сомнѣваться, но сходство самой его смер-

ти съ смертію Гунтера въ Нибелунгахъ наводитъ сомнѣніе на самое происшествіе, развѣ предположить, что Элла знакомый съ древнею эпопеею, позабавился жестокимъ подражаніемъ. Замѣчательно, что въ поэмѣ Гунтеръ, изъязвленный змѣями, умираетъ также съ пѣснію на устахъ.

Дѣти Лодброка подняли на Эллу и его область всю силу разбойничьихъ вольницъ сѣвера: хитрость соединили они съ отвагою, усыпили подозрѣнія, избрали удобное время и вполнѣ отместили за отца.

При этомъ случаѣ обнаруживается все лукавство норманновъ, черта отличительная почти всей ихъ позднѣйшей исторіи, пороги, въ которомъ они далеко превосходили византійцевъ, слишкомъ часто обвиняемыхъ въ немъ, но который не разъ доставлялъ имъ нежданые успѣхи. Этотъ глубокой развратъ души, явный во всѣхъ ихъ дѣлахъ, доказываетъ, что ремесло морскаго разбоя дѣйствовало на нравственный бытъ норманна также губительно, какъ римское наемничество и жизнь въ римскихъ областяхъ дѣйствовали на франка. Франкъ и норманнъ, великія явленія въ исторіи, равно замѣчательныя по энергіи воли и отвратительныя по духовному искаженію. Худшая сторона ихъ души дѣйствовала, можетъ быть, также долго, какъ и лучшая.

Гибель Эллы и страшное опустошеніе его царства, успѣхъ добытый легко и общавшій также легкіе успѣхи впереди, внушили дѣтямъ Рагнара мысль о завоеваніи всей страны и эту мысль они едва не осуществили. Борьба ихъ съ двумя предшественниками Альфреда и съ нимъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо она объясняетъ позднѣйшіе успѣхи Кнѣута и непонятное завоеваніе Вильгельма.

Исторія вообще довольно пристрастна къ военнымъ успѣхамъ: исторія, обработанная потомками германцевъ, особенно пристрастна къ подвигамъ ихъ предковъ, а норманны, кажется, пользовались едва ли не двойною мѣрою пристрастія въ сравненіи съ другими народами. Смѣшно бы было отка-

зывать въ блестящемъ мужествѣ этимъ предприимчивымъ наѣзникамъ моря, которые въ буряхъ Океана, страшнаго даже и теперешнему мореходству, не вооруженному силою паровъ, видѣли только удалую борьбу, которые на своихъ мелкихъ корабляхъ безъ компаса стремились вдаль отъ береговъ отыскивать сквозь туманы сѣвера и пловучія громады льдовъ новыхъ и неизвѣстныхъ земель, которые наконецъ открыли Америку прежде Колумба безъ помощи науки, которая устраняетъ препятствія, и безъ того вдохновенія религіознаго, которое пренебрегаетъ ими: но должно также вспомнить, что такая смѣлость мореплавателей не чужда была и другимъ народамъ, передъ мужествомъ которыхъ не сгибаются колѣна ни у одного историка, финикійцамъ, предупредившимъ Гаму и посѣщавшимъ постоянно западную оконечность Европы, отдаленную отъ нихъ бурями Атлантики; малайцамъ, населившимъ или завоевавшимъ острова разсѣянные на безконечномъ лонѣ Тихаго Океана, племени Тонга еще прежде малайцевъ и наконецъ даже кельтамъ Эрина, вѣроятно наслѣдовавшимъ нѣкоторыя преданія финикійцевъ и предварившимъ норманновъ (по свидѣтельству самихъ норманновъ) въ открытіи Америки. Всѣ эти явленія, которыя вѣроятно были еще обыкновеннѣе въ младенчествѣ рода человѣческаго, еще не посвятившаго своихъ силъ взаимному уничтоженію, принадлежатъ только къ тѣмъ признакамъ невѣроятной энергіи, происходящей отъ односторонности направленія, о которыхъ говорено при анализѣ первой исторической и до-исторической эпохи.

Таково зодчество Египтянъ, государственность Китая и храненіе слова и быта у славянъ.

Не мужество норманновъ дало имъ побѣду надъ англосаксами. Войско Гаральда было въ трое малочисленнѣе дружины Вильгельмовой и отставало побѣду почти цѣлый день и едва не вырвало ея изъ рукъ завоевателя. Точно также мы видимъ въ самомъ началѣ борьбы саксонцевъ противъ пер-

выхъ преемниковъ Лодброка, что горсть саксонцевъ (или англичанъ) въ чистомъ полѣ нерѣдко побѣждаетъ сильное войско пришельцевъ или по крайней мѣрѣ уступаетъ со славою только огромному превосходству силъ. Честь военной доблести принадлежитъ по всѣмъ вѣроятностямъ англо-саксамъ и по крайней мѣрѣ самая осторожная критика можетъ допустить только равенство. Правда, что большая опытность и большій навыкъ къ хитростямъ воинскимъ доставляли часто побѣду норманнамъ, иногда уже почти побѣжденнымъ: но такое ничтожное превосходство ничего не значило въ сравненіи съ выгодами представляемыми туземцамъ войною на родинѣ, гдѣ всякая потеря могла вознаградиться немедленно новымъ приливомъ силъ и гдѣ численное превосходство должно было всегда быть на ихъ сторонѣ. Успѣхи норманновъ въ въ Англіи очевидно зависѣли отъ внутренней слабости саксонскаго королевства. Ударъ ихъ былъ направленъ на сѣверныя области заселенныя англами и тутъ были первыя ихъ завоеванія, которыхъ они уже никогда не утрачивали. Альфредъ, побѣдитель Гудруна, не старался, очевидно не могъ ихъ изгнать потому, что не было народной стихіи враждебной норманнамъ, на помощь которой онъ могъ бы надѣяться. Альфредъ въ продолженіи многолѣтней борьбы съ Гастингсомъ не только никогда не находилъ союзниковъ, но постоянно находилъ враговъ въ сѣверо-восточныхъ англахъ. Такое явленіе не объясняется волию отсутствіемъ государственнаго чувства: оно свидѣтельствуетъ о равнодушіи племенномъ или даже о племенной враждѣ. Города не были и не могли быть за грабителей. Сочувствіе встрѣчали они очевидно въ сельскомъ населеніи.

Быть можетъ, они приобрѣтали это сочувствіе освобожденіемъ рабовъ, которое можно предположить по тому обстоятельству, что скандинавская часть Англіи во время Вильгельма представляла сравнительно съ саксонскою гораздо большее число свободныхъ сельскихъ обывателей; но мы не можемъ этого утверждать и не имѣемъ доказательствъ, чтобы тѣ же отношенія не существовали еще при преемникахъ *Иды*.

Слова сѣверныхъ лѣтописцевъ, на которыя критика не обращала никакого вниманія, даютъ кажется полнѣйшее объясненіе. Они говорятъ о завоеваніи пятой части Британніи своими соотечественниками въ то время, когда еще ни одинъ скандинавскій корабль не бороздилъ германскаго моря и когда еще только создавалось семицарствіе въ Англіи. Отношенія англовъ и ихъ вождя Иды къ Инглингамъ скандинавскимъ поясняетъ это недоразумѣніе. Англи принадлежали къ тому народному союзу, или лучше сказать къ той народной системѣ, которая обнимала весь сѣверъ Европы, связанная единствомъ торговыхъ выгодъ и отчасти единствомъ племеннымъ, опирающимся на могучую массу при-волховскихъ старожилловъ славянъ и балтійскихъ вендовъ, крайними своими колоніями, варнами и англами, захватывающая устья Рейна и часть Фризонскаго берега и преобладающая въ Швеціи, Норвегіи и Даніи.

Преданія о славянахъ и славянскомъ лѣсѣ долго жили въ Голландіи особенно подлѣ Утрехта (Вильценбурга).

Тѣмъ же самымъ объясняется и легкое завоеваніе сѣверной Англіи норманнами и легкость, съ которою завоеванные сживаются съ своими завоевателями. Инглингъ (англъ или угличъ) Ида увлекъ въ своей дружинѣ, кромѣ своего собственнаго племени, часть тѣхъ племенъ, которыя тогда составляли съ нимъ одну систему народную и эта дружина вступила въ союзъ съ саксонцами только случайно и безъ всякаго внутренняго сочувствія.

Впрочемъ не было между ними и вражды. Не говоря о признакахъ славянской примѣси въ саксахъ, можно видѣть изъ ихъ сожителства съ англами и варнами существованіе дружескихъ отношеній между этими разноплеменными сосѣдями.

Но первоначальное равнодушіе и даже дружелюбіе не могло существовать въ продолженіи долгаго времени. Оно должно

было перейти или въ тѣсный и полный союзъ, или въ раздоръ. Междоусобія и борьба мелкихъ королевствъ, кончившаяся торжествомъ вестъ-саксовъ дала ему это послѣднее направленіе. Дѣти Лодброка нашли уже сѣверо-восточную Англію враждебною южной, властвующей.

Это видно не только изъ ничтожности отпора на сѣверѣ и изъ позднѣйшихъ отношеній восточныхъ англовъ къ Альфреду, но и изъ того, что хотя вестъ-саксонскіе короли, лучше понимавшіе опасность, помогали Мерціи, Мерція никогда не хотѣла имъ оказать ни малѣйшей помощи.

Съ другой стороны хотя вожди новыхъ завоевательныхъ дружинъ и были въ своей родинѣ врагами англійской стихіи — Инглинговъ и изгнали ее изъ Скандинавіи, эта новая междоусобица была неизвѣстна давнишнимъ выходцамъ и у нихъ хранилась только память объ единомыслии и вѣковой дружбѣ, вѣроятно многіе одинокіе обычаи въ бытѣ частномъ и общемъ. Сверхъ того, какъ уже сказано, движеніе Иды и его дружинъ увлекло многія изъ тѣхъ началъ народныхъ, которыя при Сигурдѣ Рингѣ одержали верхъ надъ династіей Инглинговъ. Очевидно все помогало завоевателю; все грозило паденіемъ вестъ-саксонскому престолу.

Очевидно, критика, не обративъ вниманія на явную разноплеменность дружинъ саксонскихъ и на темныя, но весьма важныя показанія сагъ и лѣтописей скандинавскихъ, утратила возможность понять все движеніе исторіи англійской до самаго Вильгельма.

Альфредъ
Великій.

За всѣмъ тѣмъ вестъ-саксонское королевство устояло не только по случайности возведшей на престолъ великую душу Альфреда, но и потому, что дѣйствительно чисто-саксонская стихія была преобладающая и значительно сильнѣйшая во всемъ союзѣ. Временныя побѣды норманновъ послужили даже отчасти къ временному скрѣпленію державы, уничтоживъ всѣ мелкія и полу-независимыя королевства сѣверной и средней

Англии: но разумеется, они не только не могли искоренить внутренних начал раздора и будущего падения, но еще усилили их число и будущий круг их действия, вследствие которого в последствии новое племя, новая династия, новое жизненное начало должны были со временем овладеть судьбою Англии и стать на первом или самом видном месте в ее внутреннем организме с тем, чтобы не прежде многих веков уступить снова несокрушимой силе стихии саксонской. Мужествен был отпор королей саксонских, не недостойных преемников Эгберта: успех долго сомнителен. Наконец молодой Альфред утратил по видимому всю надежду на победы, все силы для сопротивления; он, с ранних лет закаленный в военной тревоге и прославившийся запальчивою отвагою, бегал теперь от борьбы, от врагов своих и даже от подданных, скрываясь в глуши лесов и непроходимых болот, без крова и часто почти без пищи. Несколько месяцев прошло и грабители хозяйничали в земле вест-саксов, губя и разоряя, нигде не основывая себя оседлости; но почти нигде не встречая сопротивления, хотя еще случались, частные стычки, в одной из которых пал последний из дедов Рагнара.

Замечательна разница в действиях скандинавов на север и юг Англии. Очевидно они не находят в южных областях тех союзных стихий, которые дали им на север возможность овладеть вполне землею и сделать ее своею.

Альфред в своем тяжком скитании безспорно получил уроки, которые подвигали на всю его жизнь. Он бегал не от недостатка в мужестве, не от вещественной невозможности противиться врагу, но вследствие отношений своих к подданным. Рано почерпнул он из источников просвещения не домашнего, в первом уже детстве несколько раз жил и путешествовал в областях прежнего римского мира и в самом Риме, которого величественные развалины неизгладимо врезались в его детскую память и бла-

городное сердце. Строгий и послѣдовательный въ требованіяхъ правды, страстный ко всякому умственному свѣту и привязавшійся всей силою своего молодого ума къ дознанному имъ превосходству другаго уже отжившаго просвѣщенія, онъ, какъ кажется, до нѣкоторой степени презиралъ жизнь и бытъ своего роднаго племени или по крайней мѣрѣ чуждался ихъ. Неумолимо держался онъ своихъ самосозданныхъ законовъ въ правдѣ гражданской, казня безъ милосердія ихъ нарушителей, и вводя насиліемъ своей власти и могущей личности новыя правила и формы, которыя не истекали естественно изъ жизни саксонскаго народа и можетъ быть отчасти противурѣчливы ей. Его молодая горячность дала началу его царствованія направленіе благодѣющаго деспотизма или благонамѣреннаго тиранства. Безнравственности такого направленія не сознавалъ онъ: онъ узналъ ее изъ народной холодности и народнаго безучастія въ минуту борьбы и опасности. Въ вестъ-саксомъ королевствѣ были силы болѣе чѣмъ достаточныя для отпора норманнамъ; но эти силы не хотѣли служить самовластному произволу Альфреда и онъ бѣжалъ.

Таковъ выводъ изъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ, хотя ни одно изъ нихъ не высказываетъ опредѣлительной причины бѣгству короля. Неудовольствіе было; а между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго обвиненія въ порокахъ объясняющихъ это неудовольствіе. Есть упреки въ излишней и терпливой строгости, но ни одного въ неправдѣ. Великая душа Альфреда была виновна только въ одномъ, — въ неумѣренной и нетерпливой любви къ добру: но и то не малая вина, когда власть, гордая сознаниемъ своей высокой нравственности осмѣливается казнить подчиненное ей общество насиліемъ добрыхъ началъ, которыхъ оно еще не уразумѣло. Въ этомъ насиліи выражается преступное самосознаніе власти, которая въ себѣ не признаетъ возможности ни личныхъ страстей, ни личныхъ ошибокъ, ни личнаго неразумія.

Въ бѣдствіи своемъ приобрѣлъ Альфредъ то, что утратилъ въ величій, любовь и довѣренность народа, и умѣлъ ихъ впол-

нѣ оправдать всею послѣдующею своею жизнію. Спеціальнымъ исторіямъ предоставлено рассказывать объ его побѣдахъ надъ норманнами, уже поселившимися въ Англии, и разумномъ пользованіи этими побѣдами, объ его многолѣтней борьбѣ съ норманномъ-пришельцемъ, славою царей морскихъ, Гастингсомъ, котораго историческая судьба какъ будто создала, чтобы испытать всю нравственную силу и военную доблесть Саксонскаго короля и который, побѣжденный, отступилъ отъ береговъ, охраненныхъ великою душою Альфреда, но завѣщалъ свое имя мѣстности гибельной для саксонцевъ. Общей исторіи нѣтъ дѣла до этихъ подробностей.

Упорство Гастингса въ его покушеніяхъ на Англію и всѣ рассказы объ его подвигахъ ведутъ къ заключенію, что морской витязь былъ движимъ не столько корыстью и желаніемъ завоеваній, сколько поэтическимъ славолюбіемъ, которое не было чуждо норманнамъ. Это славолюбіе въ немъ не было чувствомъ личнымъ, но чувствомъ племеннымъ. Скандинавъ ратовалъ за честь своего народа, побѣжденного саксами и уступившаго поле брани ихъ непобѣдимому королю. Дань—и онъ отступилъ-бы, признаніе въ страхѣ и уничтоженіе, и онъ счелъ-бы свой подвигъ совершеннымъ: но онъ не могъ и не хотѣлъ терпѣть гордаго сознанія силъ въ народѣ, съ которыми его единоплеменники вступили въ соперничество, и въ вождѣ этого народа. Въ этомъ объясненіи могущаго характера Гастингсова есть художественная истина, которая при вѣрной оцѣнкѣ данныхъ всегда совпадаетъ съ истинною человѣческою и историческою.

Дѣла и царствованіе одного какого нибудь государя не имѣютъ общаго, всемірнаго значенія, какъ бы ни былъ широкъ кругъ его дѣйствія. Все значатъ народы и мысли, ими управляющія или воплощаемыя въ нихъ: но безконечно важны тѣ державныя лица, которыя представляютъ въ себѣ высшее развитіе духа и воли своего народа въ полнотѣ или хоть въ одномъ направленіи, какъ сынъ Германіи, Карлъ Великій, или Лудвигъ XIV во Франціи, или Петръ въ Россіи. Къ такимъ

людямъ принадлежитъ Альфредъ. Кругъ его дѣйствія былъ сравнительно ничтоженъ и по видимому не отозвался внѣ Англїи; но въ немъ повторяются съ большею полнотою лучшіе изъ его царственныхъ предшественниковъ (каковы Ины, Цедваллы, Оффы, Эгберты и др.) и въ немъ проявляются тѣ разумныя и прекрасныя силы мысли и духа, которыя въ послѣдствіи дали его племени, хотя и побѣжденному временно, первое мѣсто въ исторіи новыхъ народовъ и даютъ ему въ наше время первенствующій голосъ въ дѣлахъ и судьбѣ всего міра. Многіе великіе дѣятели внушаютъ невольное удивленіе. Альфредъ внушаетъ благоговѣніе и глубокое сочувствіе и въ то же время добросовѣстная критика признаетъ его личныя достоинства не личною только доблестію, но и достояніемъ всего народѣ.

Это доказывается всею позднѣйшею исторіею Англїи также какъ и сличеніемъ Альфреда со многими изъ королей седмицарствія и съ ближайшими его преемниками.

Ни одно изъ благородныхъ стремленій души человѣческой не осталось чуждымъ его великой душѣ. Собиратель памятниковъ древне-Саксонскаго слова, самъ литераторъ и поэтъ, поклонникъ древняго міра, котораго превосходство онъ понималъ, поклонникъ науки, которой главный центръ въ Англїи Оксфордъ гордится преданіемъ, хотя и сомнительнымъ, связывающимъ его основаніе съ именемъ Альфреда, мыслию и сочувствіемъ обнималъ онъ почти весь тогда извѣстный міръ. Имъ отправленные путешественники проникали одинъ въ отдаленныя и темныя концы Балтики, другой въ едва доступную Индію, открывая то необъятное поприще, на которомъ прославились дальніе потомки тогдашнихъ англо-саксовъ. Имъ созданный флотъ боролся уже съ успѣхомъ противъ набѣдниковъ моря, норманновъ, и, доказывая прежнюю важность мореплаванія у саксовъ и значеніе его какъ силы обуздывавшей сѣверныхъ грабителей, предсказывалъ будущее величіе того флота, который въ наше время властвуетъ на всѣхъ мо-

рыхъ и имѣть такое огромное вліяніе на судьбу всего міра: имъ утвержденные, или приведенные въ болѣе правильное устройство суды присяжныхъ служатъ самою твердою опорой, самымъ незыблемымъ основаніемъ великой западной державы, примѣромъ и училищемъ правды для всѣхъ народовъ: имъ скрѣпленныя общины служили долго спокойствію и безопасности королевства и положили, вѣроятно, начало сельскому быту, гордости и благословенію Англіи.

Очевидно общины существовали въ ней издавна, но падающій бытъ общинный былъ снова укрѣпленъ Альфредомъ. Большая часть западныхъ историковъ говорятъ о взаимной отвѣтственности членовъ общины, какъ о мѣрѣ полезной въ отношеніи къ государственной крѣпости, но весьма стѣснительной для личностей. Таковъ взглядъ міра, отвыкшаго отъ общины и непонимающаго уже ея живой и органической цѣльности. Форма раздѣленія на численные порядки, сотни и тысячи, указываетъ отчасти на смѣшеніе устройства дружиннаго и общиннаго, но названіе тысяцкихъ въ земляхъ чисто общинныхъ отстраняетъ это сомнѣвіе: впрочемъ очевидно, что въ Англіи оба начала были перемѣшаны и слиты въ какое-то нестройное цѣлое.

Рѣдкая чистота нравовъ, правдолюбіе, обратившееся въ прозвище (потомство называло его *правдословъ*), ясность и нѣжность души и разумная богобоязненность, исполненная любви и благоговѣнія, соединялись въ Альфредѣ съ его высокими умственными качествами; но самая эта нравственная высота принадлежала не ему одному. Христіанство было для земли англо-саксовъ источникомъ живымъ и чистымъ, въ ней овладѣло оно всею полнотою народнаго духа: въ ней глубоко бросило оно плодотворныя сѣмена, которыя дали и даютъ до нашего времени неистощимые плоды. Остальной міръ, видя еще въ Англіи борьбу партій и вопросовъ религіозныхъ, не можетъ понять ни важности ни искренности ихъ и легкомысленно готовъ признать ихъ за маску другихъ, чисто—вещественныхъ интересовъ. Слепота понятная, но обличительная

не только для обществъ современныхъ намъ, но и для всего ихъ прошедшаго. Вообще должно сказать, что личность Альфреда представляетъ одно изъ утѣшительнѣйшихъ явленій во всемирной исторіи какъ по собственному его характеру такъ и по явной зависимости этого характера отъ народной стихіи, которой онъ былъ представителемъ.

Въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ прекрасная, но исключительная личность Лудвига благочестиваго, явленія прекраснаго безъ сомнѣнія, но рѣзко отдѣляющагося ото всей исторіи Франціи и представляющаго исключительное вліяніе ученія христіанскаго на человѣка одареннаго, высокими нравственными стремленіями почти независимо отъ среды его окружающей. Дѣйствительно, эта среда благоговѣла передъ нимъ, но не понимала его, не сочувствовала и не приняла отъ него никакого направленія. Въ тому же должно прибавить, что самое христіанство въ Лудвигѣ также какъ и его нравственная и внѣшняя жизнь носятъ на себѣ печать односторонности и служенія ложному началу, разумѣется вслѣдствіе лжи и односторонности всей эпохи его; между тѣмъ какъ вдали какой нибудь справедливый упрекъ можетъ пасть на память и дѣла великаго англо-сакса. Ему не суждено было дѣйствовать на обширномъ поприщѣ, двигать огромными массами народовъ, проявить свою энергію и разумъ въ тѣхъ колоссальныхъ размѣрахъ, которые предоставлены были германцу Карлу: но чистота и возвышенность нравственная, кротость и отсутствіе личныхъ страстей ставятъ его выше этого великана средне-вѣковой Европы и обличаютъ въ мірѣ, изъ котораго онъ возникъ и которымъ правилъ, зачатки духовной силы, которой развитіе продолжается до нашихъ дней.

Преемники Альфреда. Умственное развитіе Англіи. Достойные преемники заняли престолъ освободителя англо-саксовъ, Эдвардъ и Ательстанъ, къ несчастію обезчещенный страшнымъ дѣломъ братоубійства, но семилѣтнимъ, глубокимъ раскаяніемъ омывшій преступленіе, въ которое его ввергли и собственная подозрительность и ядъ придворной клеветы. Выше и выше возрастала держава островнаго королевства, блиста-

тельные побѣды Эдварда, въ военномъ дѣлѣ сравнявшагося съ отцемъ, торжество Ательстана надъ Анлафомъ, достойнымъ преемникомъ прежнихъ норманскихъ завоевателей и главою могущаго союза, въ которомъ кельты валлійскіе и шотландскіе стали за одно съ грозными скандинавами, дали Англій силу и временную цѣльность. Другія царства Европы обращали глаза къ этой неизвѣстной странѣ, мало по малу выходящей изъ своего вѣковаго мрака: но не одна слава побѣдопоснаго меча и непобѣдимаго мужества вѣнчала преемниковъ и землю Альфреда: ей принадлежала еще высшая слава—просвѣщенія. Кельтское духовейство первое принялось за обращеніе германскихъ народовъ подъ покровительствомъ Меровъ австразійскихъ: дѣло ихъ совершено было англо-саксонскими проповѣдниками подъ покровительствомъ панскаго престола. Съ одной стороны кельтскій Эрнъ назывался островомъ Святыхъ; съ другой семицарствіе саксонское прославлялось множествомъ боголюбивыхъ мужей и отшельниковъ, изъ которыхъ многіе принадлежали королевскимъ домамъ и посылки королевскій вѣнецъ. Такова была слава британскихъ острововъ въ области вѣры. Еще прежде, чѣмъ окрѣпла вестъ-сакская династія и взяла при Эгбертѣ рѣшительный перевѣсъ надъ своими соперниками, римское право преподавалось въ городахъ (разумѣется не безъ римской науки). Беда не только славился самъ своимъ латинскимъ краснорѣчіемъ и своею ученостью, но и окруженъ былъ учениками; которымъ передавалъ свои познанія и основывалъ школу, имѣвшую сильное вліяніе на Францію черезъ Алькуина, чловѣка души слабой, но высокаго просвѣщенія. Еще выше поднялось просвѣщеніе при Альфредѣ и послѣ него. Собираніемъ старыхъ пѣсень и сказаній своего народа, а еще болѣе собственными трудами на родномъ языкѣ онъ возвышалъ значеніе его и полагалъ начало цѣлой словесности, которой не суждено было развиваться, но которая не оставалась безъ вліянія на умственную жизнь Англій и соединялась съ живымъ движеніемъ народной поэзіи.

Существованіе такой народной поэзіи не подлежитъ сомнѣнію. Такъ напр. при Эдгарѣ ходили сатирическія пѣсни объ его развратной жизни.

Всѣмъ этимъ зачаткамъ, по видимому, пришлось погибнуть въ послѣдствіи при нашествіи новой, инкровной стихіи, захватившей на долго всю правительственную власть, но сѣмена, брошенная любовью вестъ-сакской династіи къ слову и просвѣщенію, не погибли. Богатство народныхъ пѣсень и поэтическія достоинства Чосера, опередившаго всѣ сколько нибудь замѣчательныя явленія новѣйшей словесности, доказываютъ ихъ животворную силу. Наконецъ около того же времени Англія въ лицѣ Эригены положила начало той философіи многотомной, мертвящей, но въ то же время крайне напряженной въ своей діалектической напряженности (sic), которую привыкли называть схоластикою, и которой Англія же въ лицѣ великаго Бекона...*)

Родомъ кельтъ, воспитанныкъ земля англо-саксовъ, прославившійся во Франціи, Эригена представляетъ лице весьма замѣчательное для своего времени по обширности задачи, которую онъ хотѣлъ разрѣшить, по новости и смѣлости своего предпріятія и по знакомству съ наукою эллинскою и восточно-церковною, котораго ни прежде его, ни въ эпоху близко слѣдовавшую за нимъ, не встрѣчаемъ ни въ комъ. Объять цѣлый міръ въ одну стройно-логическую систему, разрѣшить столько же нравственную, сколько и мысленную загадку его, такова была задача Эригены. Обвиненіе въ пантеизмъ, которое часто на него ввозили, имѣетъ безспорно много вѣроятности и всѣ оправданія писателей, взявшихъ защититъ его память, весьма неудовлетворительны: но самое обвиненіе содержитъ болѣе похвалу чѣмъ осужденіе мыслителя. Исключо-

---

(*) Авторъ не досказалъ начатой имъ мысли. Подобная недомолвка объясняется тѣмъ, что рукопись не была имъ самимъ пересмотрѣна. Ясно впрочемъ что, авторъ хотѣлъ сказать, что какъ схоластическая философія, такъ и новѣйшая философія получили свое начало въ Англіи: первая въ лицѣ Ск. Эригены, вторая въ лицѣ Бекона.

чительно логическое построение всего сущаго, извлеченіе, такъ сказать, не только его возможности, но даже и существованія изъ одной познавательной силы — разсудка не можетъ имѣть и не имѣло никогда другаго исхода. Это было доказано всѣми попытками позднѣйшей философіи и ея гениальныхъ представителей въ школѣ великаго Канта. Чѣмъ задача строже и шире, тѣмъ выводъ пантеистическій неизбѣжнѣе. Эригена самъ чувствуетъ свое направленіе и его законные выводы: но рожденный и воспитанный въ эпоху еще религіозную, страшась своей собственной свободы, онъ безъ лицемѣрія, но разумѣется и безъ послѣдовательности, даетъ своему ученію видимыя формы христіанства, совершенно чуждыя его характеру. Впрочемъ нельзя не удивляться въ одно время и обширности его умственныхъ требованій и тонкости діалектическихъ уловокъ, которыми онъ самъ себя обманывалъ. Лице его, не смотря на темноту, иногда запутанность и сухость его мысли, стоитъ какъ образъ испанскаго вождя передъ рядомъ схоластиковъ его послѣдователей, изъ которыхъ ни одинъ не достигаетъ его размѣровъ, хотя многіе (какъ Абельардъ, Ансельмъ и др.) превосходятъ его отдѣльными качествами, въ отношеніи къ остроумію, строгости въ опредѣленіяхъ или поэзіи чувства и выраженія. Никто изъ нихъ уже не задавалъ себѣ столь всеобъемлющей задачи; никто не требовалъ отъ мысли отвѣта на столь глубокіе вопросы; всѣ довольствовались діалектическимъ, болѣе или менѣе строгимъ построеніемъ заданныхъ напередъ формулъ, взятыхъ изъ міра христіанскаго, т. е. не изъ міра чистаго анализа, а изъ міра преданія, построеніемъ, въ которомъ предвзятая формула теряла свою чистоту и самостоятельность, а силлогизмъ терялъ свою независимость и строгость. Безспорно, Эригена подлежитъ обвиненію въ той же ошибкѣ: мысль у него далеко не независима, но она имѣетъ большія притязанія на свободу и, такъ сказать, предчувствуетъ высшій философскій или логическій міръ, въ послѣдствіи заманившій и обманувшій умственные силы Германіи. Таковъ онъ, не смотря на мистическую темноту и спутанность слова и мысли. Замѣчательный по своимъ умственнымъ

достоинствамъ Эригена замѣчательнъ и по преданіямъ объ его нравственной ничтожности. Въ немъ будто бы ожилъ софистъ древней до-христіанской эпохи, паразитъ и бездушникъ, не понимавшій взаимной отвѣтственности между пониманіемъ и жизнью. Онъ составляетъ какой то переходъ отъ древности къ новому міру и, какъ кажется, свидѣтельствуетъ о томъ, что нравы римской провинціи не вымирали въ Англіи во все время англо-сакскаго семицарствія и въ первую эпоху вестъ-сакскаго владычества.

Таково было умственное значеніе Англіи при ближайшихъ преемникахъ Альфреда: такова причина ихъ славы въ Европѣ. Возстановитель силы германской, мудрый родоначальникъ дома саксонскаго, Гейнрихъ птицеловъ искалъ цѣлѣсты для сына, будущаго освободителя Германіи отъ маджарскихъ набѣговъ и будущаго императора западнаго, Оттона, въ домѣ Ательстана. Сильнѣйшій изъ князьковъ Норвегіи и временный ея единоподержавникъ посылалъ сына своего Гакона для воспитанія при его дворѣ, и этотъ сынъ возведенъ былъ на престолъ помощію Ательстана и на престолѣ вполне оправдалъ предусмотрительность отца и попеченія воспитателя. Прекрасный собою, непобѣдимый въ единоборствѣ, всегда счастливый на войнѣ, слишкомъ рано погибшій Гаконъ былъ образцемъ царской доблести и много вѣковъ послѣ его смерти пѣвцы славили Гакона мужественнаго, а народы помнили Гакона добраго, и это лучшее изъ всѣхъ прозваній осталось за нимъ въ исторіи. Единственный наслѣдникъ каролинговъ во Франціи Лудвигъ былъ также воспитанъ при дворѣ Ательстана, и его помощію возведенъ на престолъ, котораго онъ былъ недолговѣчный, но не недостойный владѣлецъ: наконецъ въ Британіи, древней Арморикѣ, искони заселенной кельтами галльскими и снова послѣ паденія римской имперіи колонизованной кельтами британскими, отчасти бѣжавшими отъ саксовъ, временная тишина и процвѣтаніе были возстановлены воспитаникомъ Ательстана, Аленомъ. Таково было значеніе мелкой области не за долго едва не завоеванной горстью сѣверныхъ грабителей: таково общее уваженіе къ ея умственному пре-

восходству; ибо она очевидно не могла еще хвалиться большою силою вещественною: но ей грозила близкая и неотвратимая бѣда, внутреннее распаденіе, ускоренное однимъ изъ тѣхъ потрясеній въ духовномъ мірѣ, которыхъ важность вообще не вполне оцѣняется исторической критикою. Послѣ смерти Ательстана снова выказалась внутренняя слабость государства. Сѣверъ (Нортумбрія), уже покоренный англосаксонскими королями, управлялся постоянно князьками, кажется скандинавской крови, наслѣдственными или имѣющими притязаніе на наслѣдственность, а отчасти и на независимость. Часто возмущались эти князьки и всегда звали на помощь своихъ единокровцевъ, грабителей моря. Такъ возмущился Анлафъ при Ательстанѣ и составилъ противъ него могущественный союзъ, противъ котораго едва устояли мужество и искусство короля. Анлафъ бѣжалъ: послѣ смерти побѣдителя онъ возвратился и велъ такъ счастливо войну противъ его преемника, Эдмунда, что заключилъ мѣръ на правахъ почти полного равенства, съ условіемъ о взаимномъ наслѣдованіи двухъ королей другъ послѣ друга, такъ что пережившій долженъ былъ получить престолъ умершаго прежде него. Анлафъ умеръ первый: по возможность такого договора доказываетъ шаткость саксонской династіи и отсутствіе определенной народности въ государствѣ. Почти то же самое повторилось при Эдмундовомъ преемникѣ Эдредѣ: ибо хотя Эрикъ, его противникъ въ сѣверной Англій, бывший владѣтель Норвегіи, и является сначала просто намѣстникомъ англійскаго Короля, но попытка на независимость есть очевидно только продолженіе прежнихъ историческихъ происшествій. Вообще въ этой борьбѣ сѣвера съ югомъ, сѣверъ всегда дѣйствуетъ по видимому силою иноземныхъ союзовъ: но вожди не могли бы стремиться къ независимости безъ сочувствія народа или безъ его полного равнодушія къ царствующей династіи. Иноземный союзъ при явномъ превосходствѣ юга служилъ только къ уравненію сплывшихъ (sic) неравныхъ силъ. За Анлафа и Эрика вступается постоянно скандинавская стихія, и это можно бы легко объяснить изъ колонизаціи сѣвера

при дѣтяхъ Лодброка; но самая возможность и легкость колонизаціи, постоянное отчужденіе всей сѣверо-восточной области отъ вестъ сакскихъ королей, и самыя дѣйствія этихъ королей, всегда правившихъ ею какъ землею получужою черезъ инкрывныхъ и полновластныхъ намѣстниковъ, показываютъ, что подпочва народная, (старожилы покорившіеся скандинавамъ и скоро слившіеся съ ними) не имѣли ничего общаго съ Саксами, какъ уже сказано объ англахъ и варнахъ.

Коротки были царствованія саксонскихъ королей. Въ теченіи 14 тѣхъ лѣтъ послѣ смерти Ательстана промелькнули два царствованія и при третьемъ его преемникѣ, слабомъ Эдвинѣ, явилась новая причина разрушенія, быть можетъ еще сильнѣйшая чѣмъ раздвоеніе народнаго начала.

Островное положеніе Англіи и особенности ея исторической жизни дали ей духовное воспитаніе во многомъ различное отъ остальной Европы. Англо-саксы получили христіанство изъ Италіи: но они получили его въ то время, когда Римъ подавленный лонгобардскою властію и весь Западъ, недавно еще завоеванный германцами, изъ которыхъ большая часть принадлежала аріанству, не выразили своего особеннаго характера въ сферѣ религіи. Конечно уже и тогда особенное ихъ стремленіе къ перенесенію въ понятіе о вышнемъ мірѣ законовъ міра гражданскаго или юридическаго было замѣтно (разумѣется не современникамъ): но оно еще было въ зародышѣ и едва вступало въ первую эпоху своего развитія. Враждебно встрѣтилось христіанство новыхъ проповѣдниковъ съ болѣе восточнымъ характеромъ христіанства кельтскаго: но эта вражда не была непримиримою. Первоначальный раздоръ повелъ за собою постепенное сближеніе, и кельтъ и саксъ стали въ ряды одной и той же церкви. Общія были обряды, общія молитвы; общее ученіе — общее чувствованіе однихъ и тѣхъ же подвижниковъ духовныхъ. Правда, проповѣдники саксонскіе въ германіи противудѣйствовали проповѣдникамъ кельтскимъ, преслѣдовали ихъ съ ожесточеніемъ и называли ихъ учителями прелюбодѣянія (за ложное ли ученіе по языку богослововъ того времени или за дозволеніе

брака духовнымъ), но такое исключительное явленіе доказываетъ только существованіе въ англійской церкви стихія болѣе романизованной и враждебной свободѣ кельтскихъ общинъ: между тѣмъ саксонскіе духовные безпрестанно уходили въ ирландскіе монастыри искать совершеннѣйшаго иночества, называли Эринъ островомъ святыхъ и получали изъ него учителей и богослововъ. Такимъ образомъ по всей землѣ англо-саксовъ происходило умственное движеніе совершенно противоположное тому, которое происходило во всей западной европѣ. Стихія римская находила сильное и побѣдное противудѣйствіе въ свободѣ мысли народа не романизованнаго и духовная и церковная независимость возрастала въ народѣ саксонскомъ въ то самое время, когда идея церкви государственной или государства церковнаго усиливалась и развивалась въ Италіи, Франціи и Германіи. Такое состояніе было невозможно. Оно должно было или прекратиться въ покорности, или пополниться въ совершенномъ разрывѣ: по время и мысль не созрѣли для разрыва. Созданіе прежнихъ вѣковъ, въ началѣ своемъ бессильное и невинное, сдѣлалось орудіемъ для вѣка новаго. Монашество бенедиктинское, первая и удачная попытка сильной монастырской организаціи, твореніе западнаго духа, совершенно различное отъ аскетическаго иночества восточнаго міра, оставалось почти незамѣченнымъ въ продолженіе двухъ столѣтій: пора его дѣйствія еще не приходила. Конецъ VIII столѣтія и начало IX призывали его къ новой дѣятельности. Епископство Римское созрѣло. Свобода епархій и ихъ пастырей со дня на день слабѣла передъ престоломъ древней всемірной столицы: въ тиши готовились псевдо-Исидоровы декреталии: въ Захаріи и ему подобныхъ владыкахъ пробивались уже Николай и Гильдебрандты. Монашество бенедиктинское было призвано на службу папству и двинулось могущею, почти непобѣдимую дружиною подъ его знаменемъ. Вся западная европа охватила почти мгновенно обителями этой духовной дружины. Со дня на день возрастало число монастырей, ихъ богатство и нравственная и политическая ихъ сила. Новообращенная Германія и особенно

сѣверъ ея наполнились бенедиктинскими колоніями, которыхъ власть, права и вліяніе, независимыя отъ мѣстнаго духовенства, служили вездѣ орудіемъ римскаго владычества. Вышшею ихъ силою приготовлялось поле для ученія: самое ученіе росло и крѣпло въ ихъ тихихъ нѣдрахъ неутомимыми трудами и одностороннею ученостію отшельниковъ отъ міра, его незамѣтными завоевателями.

Бенедиктиство перешло въ Англію. На новой почвѣ въ обществѣ не прожившемъ этой жизни, которая создала мало по малу юридическій міръ западно-церковнаго государства, бенедиктинцы, его представители, встрѣтили сильное сопротивленіе въ духовенствѣ, воспитанномъ свободою кельтской церкви, въ народѣ не привыкшемъ къ вмѣшательству духовенства въ мірскія дѣла и въ общемъ настроеніи мыслу чуждой римской формальности и римской централизаціи. Съ другой стороны они нашли и ревностныхъ помощниковъ во всѣхъ тѣхъ духовныхъ стихіяхъ, которыя издавна получали свое воспитаніе изъ Рима, глубоко сочувствовали ему (какъ видно изъ союза проповѣдниковъ саксонскихъ въ Германіи съ папскою властію) и стремились болѣе или менѣе сознательно къ одной цѣли со всѣмъ западнымъ просвѣщеніемъ. Эти стихіи, всегда готовыя сомкнуться для совокупнаго дѣйствія въ форму церковныхъ дружинъ и подчинять свои стройныя и могущественныя движенія одному знамени и одному правленію, находили постоянное сочувствіе во всѣхъ склопностяхъ непросвѣщеннаго ума къ суевѣрію и къ вещественному пониманію. Вѣры или къ воплощенію ея въ видимые и осязаемые образы. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣли большое преимущество передъ началами свободы духовной, неспособными къ условной совокупности въ дѣйствіи и къ союзу съ грубо—вещественными требованіями темнаго суевѣрія. Эпоха мыслящаго отрицанія еще не наступала и протестантство должно было получить свое раціоналистское воспитаніе отъ юридическаго раціонализма папской эпохи. Церковная свобода, (т. е. равенство епископовъ и епархій въ отношеніи дисциплинарномъ и равенство всѣхъ вѣрующихъ въ отношеніи къ догмату) съ трудомъ

удержалась на востокъ, не смотря на то, что она стояла на твердой основѣ стародавняго просвѣщенія, освящена была всею гордою славою древней Эллады и всею новою славою учителей, выработавшихъ мыслию и многострадальною борьбою всю христіанскую догматику. Ей невозможно было устоять въ уединенномъ и темномъ углу западнаго міра, черпающемъ по неволѣ всю свою насущную умственную пищу изъ могучаго широкаго и блестящаго простора древней римской области и изъ ея жизни постепенно и стройно развивающейся въ направленіи къ одной цѣли неизбѣжно положенной ей вслѣдствіе односторонности ея основъ, т. е. юридическихъ началъ римскаго права и римской мысли перенесенныхъ въ вѣру. Побѣда римскаго направленія была неизбѣжна и съ нею вмѣстѣ побѣда дружины бенедиктинцевъ, знаменосцевъ папскаго престола: но эта побѣда была ускорена слабостью короля Эдвина, который случайно былъ въ то время представителемъ мѣстныхъ началъ и энергіею представителей начала завоевательнаго, Одоа и Дунстана.

Дунстанъ былъ предметомъ многихъ ученыхъ и критическихъ трудовъ, предпринятыхъ съ цѣлію раскрыть тайну его загадочной души: онъ былъ предметомъ многихъ драматическихъ поэмъ, въ которыхъ современное намъ художество ставило себѣ ту же задачу въ другомъ, болѣе осязательномъ видѣ. Многія изъ этихъ попытокъ были не безудачны въ отношеніи поэтическомъ и многія болѣе или менѣе вѣрны въ отношеніи психологич.: всѣ недостаточны и невѣрны въ томъ, что Дунстанъ постоянно отрывается отъ своей эпохи. Лице это принадлежитъ Англіи: около него изучаютъ и рисуютъ современную Англію. Забываютъ, что онъ знаменосецъ и вождь дружины не-англійской, мысли не мѣстной и что изъ-за него и въ немъ должны видѣться и жить всѣ тѣ умственные силы, которыя росли и крѣпли въ тогдашнемъ западномъ мірѣ: его темный и страстный фанатизмъ могъ принадлежать ему и землѣ, вскормившей его: его жестокость могла быть плодомъ бурной жизни и жестокихъ нравовъ тогдашней Англіи (хотя она въ этомъ отношеніи еще уступала и Германіи и Франціи), но его лукавство и

безсовѣстность, его наглая ложь и безпрестанные обманы принадлежали той религиозной школе, которая кончила его воспитаніе и которой онъ служилъ всею силою своего духа и своей воли. Эта школа была та самая, которая создавала декреталии Исидора и небывалыя дарственные императоровъ и королей, и понимать Дунстана, забывая Захарій, Николаевъ и Иоанновъ 8-го и 9-го вѣка, обещано же современнаго ему бездушника духовнаго правителя Запада*), значить толковать о какомъ нибудь Гаюкѣ или Мангу, не сказавъ ни слова о Чингисѣ и всѣхъ монголахъ. Ошибка критиковъ и поэтовъ состояла въ томъ; что ни кто еще не понялъ завоеванія Англіи бенедиктинскою дружиною. Нельзя не замѣтить, что русскіе лѣтописцы говорятъ объ отторженіи Англіи отъ востока въ 10-мъ вѣкѣ.***) Случайное ли это сказаніе или темное сознаніе современниковъ о значеніи Дунстана и его дѣла? Последнее вѣроятнѣе, хотя должно казаться менѣе вѣроятнымъ людямъ не вполне понимающимъ основныя мысли или инстинктовъ живущихъ въ массахъ общественныхъ или народныхъ.

Одонъ, старый воинъ норманской крови, дикій какъ тогдашняя война, вступившій въ ряды дружины духовной, послѣ молодости проведенной въ дружинахъ ратныхъ, среди хищничества и кровопролитія, былъ тогда епископомъ кантербурійскимъ и Примасомъ Англіи. Дунстанъ, съ раннихъ лѣтъ напавшій умъ своей ученостью возможно въ то время, потомъ вѣроятно вслѣдствіе той ненасытности ума и воли, которую видимъ во многихъ великихъ дѣятеляхъ исторіи, пріобрѣвши значительное совершенство въ образовательныхъ художествахъ или ремеслахъ близкихъ къ нимъ, потомъ вступивши съ успѣхомъ и блескомъ въ жизнь двора и правительственнаго общества, позже оставившій ее вслѣдствіе неудачъ

*) Иоанна XII (956—964). Прим. изд.

**) Видѣвше же Латини изнеможеніе греческое, пришедше изъ Рима удобно глаголеміи Угри къ своей прелести приложиша; такоже и ближняя ихъ язвы... приложиша къ своей прелести; и *Врѣтанійскій островъ, еще издавна крещенъ, но и того приложиша къ своей Прелести...* П. С. Р. Л. IX, 71. Прим. изд.

и вражды, пробужденной можетъ быть его правомъ, а можетъ быть и его умственнымъ превосходствомъ, и наконецъ вступившій въ духовенство послѣ сильнаго волненія страстей, управлялъ уже епископами, отказавшись отъ епископства, и былъ однимъ изъ любимыхъ совѣтниковъ недолговѣчнаго Эдвина. Оба приверженцы Рима, при восшествіи на престолъ Эдвина, увидѣли власть въ рукахъ враждебной имъ стихіи. Они не убоялись борьбы и смѣло напали на короля. Молодой, неопытный и можетъ быть слишкомъ склонный къ жизни вещественныхъ наслажденій, Эдвинъ (или Эдви) былъ женатъ на красавицѣ, женщицѣ страстно любимой, но близкой его родственницѣ по тогдашнимъ понятіямъ. Этою-то слабою стороною и воспользовались для нападенія ратники римскаго престола: сочувствіе и совѣсть многихъ почетнѣйшихъ саксонцевъ были съ ними за одно. Оскорбленіе за оскорбленіемъ посыпалось на короля и его несчастную жену. Ее лишили чести, назвавъ бракъ ея любодѣліемъ, а ее наложницею короля. Бракъ расторгли, ее изгнали, изуродовавъ ея лицо раскаленнымъ желѣзомъ: потомъ когда, выздоровѣвши отъ язвъ, она возвратилась съ прежнею красою, ей разрѣзали сухія жилы и уморили мучительною смертію. Эдвинъ пытался сопротивляться: но сопротивленіе безсилія сопровождается всегда неосторожными вспышками страсти. Онъ изгналъ Дунстана и, кажется, хотѣлъ избавиться отъ него посредствомъ убійства. Вскорѣ Дунстанъ; съ помощію своихъ единомышленниковъ, въ числѣ которыхъ былъ примасъ Одонъ, начальникъ всего англійскаго духовенства, и первые государственные сановники, возвратился съ удвоенными силами и вся сѣверная Англія взбунтовалась подъ предводительствомъ ревностныхъ служителей церковной реформы, которой знамя было поднято бенедиктинцами. Безсильный Эдвинъ уступилъ и отдалъ половину своего царства малолѣтнему брату своему, Дунстанову воспитаннику, Эдгару. Смерть короля вскорѣ отдала Эдгару и всю Англію.

Замѣчательно то обстоятельство, что противъ Эдвина возстала за духовныхъ реформаторовъ сѣверная Англія, именно та страна, которая безпрестанно вооружалась противъ вестъ-сакскихъ королей за свою независимость. Было ли это возмущеніе проявленіемъ того же стремленія къ независимости или слѣдствіемъ особеннаго сочувствія къ духовному ученію римскихъ проповѣдниковъ? Вѣроятно всего соединеніе обоихъ причинъ: наплывъ скандинавскихъ дикарей, колонизовавшихъ сѣверную Англію и принявшихъ крещеніе въ своей новой осѣлости, долженъ былъ въ этой области прервать прежнее движеніе мысли и сдѣлать край менѣе способнымъ къ свободѣ духовной и болѣе готовымъ къ принятію формальныхъ и юридическихъ началъ. Въ немъ должно было быть сочувствіе съ новою стихією, принесенною или укрѣпленною бенедиктинцами. Другое, весьма замѣчательное, обстоятельство въ исторіи саксонской Англіи есть слѣдующее: перевѣсъ силъ всегда былъ на сторонѣ ея южной части. Она дала государству единство: но сѣверная постоянно боролась противъ нея и никогда не признавала ея власти вполнѣ: когда же вельдствіе случайностей или союзовъ иноземныхъ власть переходила къ сѣверной Англіи или ея представителямъ, южная покорялась безропотно и безъ попытокъ на освобожденіе. Такое различіе не можетъ быть случайнымъ и должно быть приписано вліянію населенія скандинавскаго, менѣе общинаго чѣмъ саксонское; но за то гораздо болѣе дорожащаго государственною жизнію въ тѣсномъ смыслѣ и слѣдов. независимостью политическою.

Эдгаръ. Царствованіе Эдгара представляетъ минуту обманчиваго блеска въ эпохѣ англо-саксонской. Никогда, казалось, Англія не была такъ сильна и такъ тверда: никогда не казалась она болѣе способною противиться всякой опасности и всякому вѣшнему напору. Доходы были значительно болѣе противъ прежняго. Берега охранялись флотами, которыхъ числительная сила кажется невѣроятною. Короли и князья (напр. шотландскій, кумбрійскій, валлійскій и др.) составляли дворъ Эдгара: внутри была тишина, спокойствіе и повиновеніе безусловное, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти всесильнаго короля династія его погнбла или скиталась въ изгнаніи, опу-

Присоединеніе Англіи къ скандинавскимъ государ-ствамъ. Кануть Великій.

стоенная Англія покорялась желѣзной власти иноземца, а еще нѣсколько лѣтъ спустя саксонское племя навсегда подчинилось другому племени, которое оно превосходило всѣми нравственными качествами и даже доблестью воинскою, и отъ царствующаго Эдгара и его блеска оставалась только одна память, — уничтоженіе волковъ въ землѣ, нѣкогда признававшей его своимъ царемъ.

Все великое и прочное, на чемъ основывалось еще благосостояніе Англіи при Эдгарѣ, было ей дано предшествующими царями, Альфредомъ и его преемниками: правильное управленіе военной службы, устройство флота для охраненія береговъ, болѣе же всего правосудіе и образованность. Все внесенное при немъ — его наставниками — было обманомъ, который не могъ выдержать пытующей руки времени. Издавна, какъ уже сказано, скрывалась въ Англіи причина политическаго паденія, заключающаяся въ различіи сѣвернаго и южнаго населенія и въ ихъ внутреннемъ разъединеніи. Эта рана была усилена вторженіемъ на сѣверѣ чужеземнаго народнаго начала, энергическаго и многотребовательнаго. Вторженіе новаго религіознаго начала прибавило къ прежней ранѣ новую неисцѣлимую рану, которая сокрушила всѣ внутреннія силы общества. Правда, полное торжество Дунстана и его духовныхъ дружинъ дало по видимому необычайное единство всему царству, подчинивъ всю внѣшнюю его жизнь одному стройному и желѣзному единству: но начала побѣжденныя жили въ сердцахъ, въ совѣстяхъ и въ обычаяхъ. Внутренняя и духовная дѣятельность была перервана, но требованія ея существовали и обращались въ тайную вражду или по крайней мѣрѣ въ совершенное равнодушіе къ власти, которая перешла къ стихіи враждебной мѣстной свободѣ. Такъ вслѣдствіе временнаго торжества римскаго ученія сильнѣе выразился и выдвинулся впередъ іерархическій духъ, созидая обманчивый призракъ крѣпкаго единства государственнаго и въ то же время введеніемъ внутренняго разъединенія и мертвенности нанося рѣшительный ударъ обществу уже слабому по недостатку внѣшняго государственнаго устройства, по отсутствію

стремленія къ внѣшнему единству и по недоброжелательству воинственныхъ областей сѣвера къ династіи своихъ южныхъ правителей. Точно также было обманчиво все въ царствованіе Эдгара, покорность народа безъ любви и уваженія (какъ доказано множествомъ сатирическихъ народныхъ пѣсень объ его развратѣ), покорность народовъ подручныхъ ему, оказываемая болѣе случайной силѣ и случайному преобладанію (какъ видно изъ анекдота о Кеннстѣ саксонскомъ) чѣмъ признанному праву или превосходству первенствующаго народа надъ другими, и наконецъ полицейская правильность условнаго государственнаго строя, которой всѣ повиновались изъ равнодушной слабости, но которой необходимость не была никѣмъ сознаваема или продолженіе желаемо, (какъ видно изъ всѣхъ послѣдующихъ происшествій). Самъ Эдгаръ былъ царствующій обманъ. Воспитанникъ новаго духовенства, его ревностный покровитель, множитель монашескихъ обителей, любимецъ римскаго дружиннаго монашества, совершенно противоположнаго прежнему отшельническому иночеству кельтскихъ колумбанскихъ монастырей, созданіе мнимой религіозности и римскаго христіанства, роскошный и гордый король былъ предметомъ безчисленныхъ насмѣшливыхъ пѣсень и источникомъ соблазна для своего народа по необузданному разврату своего женолюбія.

За это Дунстанъ наказывалъ его легкими эпитіями, хотя Эдгаръ для удовлетворенія своихъ страстей не избѣгалъ ни насилія, ни нарушенія монастырскихъ обѣтовъ: союзъ между королемъ и монахами бывалъ нерѣдко признаваемъ въ письменныхъ документахъ.— Такъ въ одной хартіи они обязуются защищать короля отъ дьявола, а онъ обѣщается защищать ихъ отъ людей.

Театральная пышность отличала дворъ его и окружала его торжества: князьки и мелкіе владѣльцы сопровождали его въ путешествіяхъ, украшали его морскіе поѣзды и были гребцами на его лодкѣ. Онъ хвалился не только властію, которая ему досталась отъ доблести предшественниковъ и союза съ духо-

венствомъ римскимъ, но и тѣмъ, что покорилъ сосѣднія области, а между тѣмъ ни одной войны его не помнятъ лѣтописи кромѣ незначительнаго набѣга на Валлисъ. Онъ разбѣжалъ по королевству для суда и расправы, но этотъ призракъ правдолюбія служилъ только покровомъ для своеволія и и гордаго деспотизма, а голосъ народа и общеніе съ нимъ были ему болѣе чужды чѣмъ кому нибудь изъ саксонскихъ владыкъ. Онъ покровительствовалъ торговлѣ и ремесламъ и перезывалъ въ Англію цѣлыя колоніи иноземныхъ художниковъ и мастеровъ, развращая ихъ пороками своихъ подданныхъ (такъ говорятъ современники), но это покровительство было основано на той же любви къ блеску, которая составляла главную черту его характера и на пристрастіи ко всему иноземному, котораго нельзя не замѣтить во всѣхъ его дѣйствіяхъ и которое было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чужеземности началъ, создавшихъ и поддерживавшихъ его власть.

Такъ напр. рассказъ о томъ, какъ Эдгаръ вызвалъ Кеннета шотландскаго на единоборство безъ свидѣтелей только для доказательства мужества своего и такъ сказать рыцарской чести, показывая въ немъ не столько саксонца и несокрущимую стойкость его племени, сколько хвастливую храбрость норманнскихъ удалцевъ и французскихъ дуэлистовъ.

Дѣйствительно склонность къ принятію вліянія французскаго и франко-норманскаго, выказывается съ самаго царствования Эдгара до паденія саксовъ и вызывала по временамъ противудѣйствіе довольно сильное, но которое не могло быть всеобщимъ, ибо духъ саксонской земли былъ уже зараженъ въ духовенствѣ и высшихъ сословіяхъ. Такимъ образомъ временное возвеличеніе государства англо-саксонскаго посредствомъ введенія началъ ему чуждыхъ, при царѣ деспотѣ, освящавшемъ свой деспотизмъ союзомъ съ римскою іерархіею и въ то же время удалявшемся отъ народа и жизни народной, бросило сѣмена гибели близкой и неизбѣжной въ землю уже готовую и эти сѣмена принесли плодъ свой съ быстротою

непонятною для тѣхъ, которые судятъ о преуспѣяннн государствъ только по внѣшнимъ его примѣтамъ или призракамъ.

Саксонское завоеваніе дало Англнн народъ сперва сельскій, а потомъ послѣ покоренія городовъ и городской, ибо мало по малу городское населеніе, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій получая безпрестанный приливъ изъ сель, сдѣлалось почти вполне саксонскимъ. Села были устроены общинами, въ которыхъ общее владѣніе землею, какъ-то выгонами, лугами, а отчасти и пашнею было повсемѣстнымъ обычаемъ, а равенство членовъ и подсудность каждаго всѣмъ были закономъ: эти общины платили извѣстную повинность государству или его слугамъ (по положенію помѣстному) или наследственнымъ дружинникамъ (по праву вотчинному): но съ другой стороны при этомъ свободномъ населеніи было значительное число рабовъ, захваченныхъ во время завоеванія или обращенныхъ въ рабство вслѣдствіе дикихъ законовъ, наказывавшихъ многія преступленія лишеніемъ свободы и дававшимъ право гражданамъ отчуждать свою свободу и свободу дѣтей. Общины свободныя безъ постояннаго ополченія мало склонны были къ вооруженной защитѣ своей родины, предпочитая мирный свой трудъ—опасностямъ и лишеніямъ жизни ратной. Рабы были равнодушны къ землѣ, въ которой рабствовали и всегда готовы къ измѣнѣ.

Что число рабовъ превосходило число людей свободныхъ, въ томъ нельзя сомнѣваться; но историки, приписавшіе всѣхъ виллановъ и бордаріевъ за рабовъ, также не правы: иначе бы число свободныхъ было слишкомъ ничтожно. Они находились очевидно въ зависимости и не считались людьми совершенно свободными; но эта зависимость законная не имѣла ничего общаго съ обыкновеннымъ понятіемъ о рабствѣ. Она могла относиться столько же къ общинѣ или сотнѣ (по закону Альфреда), сколько и къ лицу высшаго сословія. Такъ свободные поселяне древней Руси не назывались *людьми вольными*, а это названіе часто соотвѣтствовало слову *гуллиге* и слѣд. было нисколько не завидно. Отъ того-то и владѣніе свободнымъ помѣстіемъ (Freehold) не давало свободы,

т. е. не отдѣляло лица отъ обязанностей, въ которыхъ оно родилось.

Но рядомъ съ общиннымъ устройствомъ довольно слабымъ было дружинное устройство или лучше сказать сильный дружинный бытъ, ибо дружина, не имѣла никогда въ Англіи правильнаго устройства какъ въ другихъ областяхъ западной Европы. Первые дружиноначальники не только тѣ, которые стали во главѣ цѣлыхъ колоній, но и тѣ, которые вели отряды подъ начальствомъ старшихъ вождей, и всѣ лучшіе воины, составлявшіе какъ бы отдѣльную и высшую аристократію въ дружинѣ, сдѣлались вслѣдствіе значительнаго надѣленія землею аристократіею землевладѣльческою, сильною богатствомъ, рабами, всѣмъ надъ единокровцами и властію болѣе или менѣе законною. Права на наследственное правленіе цѣлою областію или графствомъ (округомъ судебнымъ или военнымъ) или подраздѣленіемъ округа утверждались обычаемъ за потомкамъ первыхъ удалцевъ или вождей или за другими высшими дружинниками или за людьми, приобрѣвшими славу и извѣстность новыми подвигами, если только имъ удавалось захватить поземельную собственность, съ которою въ началѣ были соединены преимущества первыхъ владѣльцевъ. Права законныя, соединенныя съ большою вещественною силою при слабомъ государственномъ строѣ, влекли за собою безконечный рядъ дѣйствій незаконныхъ и злоупотребленій, которыхъ ничто остановить не могло. Свободныя общины вступали въ небольшую зависимость отъ сильныхъ сосѣдей: церкви и монастыри были ограблены насиліемъ или покупали покой признаніемъ правъ патронатства, часто не основаннаго ни на чемъ кромѣ страха съ одной стороны и дерзости съ другой. Вѣча областныя (или виттены или гемоты), составленныя по большей части изъ тѣхъ же богатыхъ землевладѣльцевъ (имѣющихъ болѣе средствъ и досуга для участія въ общественныхъ дѣлахъ) и слѣд. пристрастныя, а иногда слишкомъ слабыя для сопротивленія, не могли удержать разрастающагося зла.

Оно разумеется было не такъ значительно въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ число свободныхъ было гораздо значительнѣе въ слѣдствіе ли освобожденія рабовъ норманнами или преобладанія прежней общинности. Последнее вѣроятнѣе по относительно большому числу свободныхъ людей въ графствахъ, колонизованныхъ англами, передъ графствами, колонизованными саксами, хотя и тѣ и другія были потомъ подъ властію скандинавовъ. Такъ въ Эссексѣ число вполнѣ свободныхъ (не считая виллановъ и бордаріевъ) составляетъ $\frac{1}{20}$, а въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ графствахъ болѣе одной трети всѣхъ жителей.

Правительственныя должности, которыя были связаны съ огромными выгодами, разумеется всегда доставались въ руки тѣхъ же могущихъ домовъ и сила ихъ возрастала все болѣе и болѣе. Болѣе и болѣе приобрѣтали они независимости, и возстанія противъ королевской власти сдѣлались дѣломъ столь обыкновеннымъ, что казались почти законными поступками.

Это видно изъ легкаго наказанія виновныхъ и изъ весьма нерѣдкаго возврата ихъ къ прежнему сану и даже большимъ почестямъ.

Такъ въ послѣднее время саксонскаго царства дома Эдрика, Сиварда, Леофрика и особенно Годвина достигаютъ почти невѣроятнаго могущества и нѣкоторые вступаютъ въ успѣшную борьбу противъ королей.

Число вольныхъ общинъ уменьшалось со дня на день и начало общинное очевидно слабѣло все болѣе и болѣе, уступая какой-то нестройной и незаконной феодальности (которую въ другихъ земляхъ можно замѣтить при паденіи системы аллодіальной), феодальности не сомкнувшейся въ цѣльную систему, не составившей правильной дружинной лѣстницы, и по тому самому исполненной внутренняго волненія и безпрестанныхъ смуть, не способной къ добру и къ защитѣ государства и безпрестанно подрывающей его силу измѣнами и крамолами. Вообще саксонская эпоха при весьма богатомъ

развитіи закона гражданскаго, который переданъ былъ ею норманской Англіи, при сильной жизни умственной и религиозной, которой неугасимый свѣтильникъ она зажгла для будущихъ вѣковъ, отличается полнымъ отсутствіемъ политическаго смысла и какимъ-то удивительнымъ равнодушіемъ къ построению государства. Въ ней были силы для многовѣковаго существованія. Хитрый король могъ обуздать на время безпокойную аристократію посредствомъ ея же раздоровъ, возвышеніемъ повыхъ лицъ, ибо ея ряды не были замкнуты, какъ видно изъ многихъ примѣровъ и особенно изъ жизни Годвина, посредствомъ энергической администраціи и строгаго полицейскаго порядка въ союзѣ съ іерархическимъ духовенствомъ, какъ при Эдвинѣ и Дунстафѣ: ибо буйство аристократическое не было основано на какой нибудь общей вѣрѣ въ его законность. Мудрый и дальновидный король могъ дать прочность и неизбежность всему обществу возстановленіемъ и укрѣпленіемъ общины законами для постепеннаго освобожденія рабовъ (дѣло начатое Альфредомъ, но оставшееся безъ продолженія) и устройеніемъ законной силы, основанной на жизни народной: но историческое движеніе запада не давало времени для такого жизненнаго развитія, а движеніе мысли религиозной уничтожало его возможность. Для него нужна была цѣльность убѣжденій и цѣльность духовной жизни и ея свобода; а условно-юридическое строеніе западнаго христіанства не допускало ни того ни другаго. Оно уже внесло раздоръ въ островную область англо-саксовъ и, разорвавъ окончательно ея единство духовное, оставило только возможность условно-юридическаго развитія мысли и слѣд. самаго общества: но на этомъ пути уже первенствовали другіе народы и Англія должна была уступить ихъ влиянію и положительной власти, счастливая уже и тѣмъ, что никогда не могла утратить и своихъ живыхъ *), которыя послѣ долгой борьбы должны были создать ей неслыханное историческое величіе.

*) Вѣроятно пропущено: *началь.* прим. изд.

Прежде этаго окончательнаго паденія передъ завоевательною силою западно европейской образованности, королевство саксонское выдержало новый и сокрушительный ударъ отъ своихъ давнишнихъ враговъ, скандинавовъ. Со смертію Эдгара исчезла слава царства. Сынъ его Эдмундъ не долго пережилъ его. При немъ возсталъ партія народная, оскорбленная и угнетенная бенедиктинцами. Дунстанъ восторжествовалъ съ помощію двора, ему преданнаго, и посредствомъ мнимыхъ чудесъ: но скоро погибъ король, убитый мачихою, которую развратный отецъ его взялъ въ жены, умертвивъ ея мужа. На престолъ взошелъ малолѣтній сынъ бездушнѣйшей женщины подъ ея опекою. Она подняла опять народную партію и удалила Дунстана: но нравственная ея низость дала ему снова торжество. Онъ возвратился въ силѣ и чести и потомъ передалъ умирая свое мѣсто и вліяніе избранному имъ преемнику. Торжество этой иноземной партіи было гибельно для государства. Король, развратный красавецъ, любившій лести и пышность какъ Эдгаръ, но лишенный отцовскихъ способностей и энергій, постоянно заслуживавшій ненависть и никому не внушавшій страха, покровительствовавшій царскимъ служителямъ и не умѣвшій однакоже дать посредствомъ ихъ единство своей правительственной дѣятельности, приготовилъ свободный доступъ внутрь королевства первому смѣлому врагу. Въ Скандинавіи наступила тоже новая эпоха. Мелкіе князьки мало по малу стали терять свою независимость, побѣжденные болѣе могущими соперниками, и послѣ многихъ колебаній стали возникать три отдѣльные государства Швеція, Данія и Норвегія. Морскою разбой съ одной стороны усиливался вслѣдствіе множества изгнанниковъ и подвергался сильному противодействию въ самой своей колыбели, Скандинавіи, отъ зачинающагося христіанства, отъ измѣненія общественнаго мнѣнія (sic), обратившагося къ торговлѣ, и отъ расчета новыхъ королей, которымъ нельзя было дозволить вольный разгулъ на моряхъ своимъ изгнаннымъ соперникамъ, хотя они сами, короли, безпрестанно предпринимали набѣги, которыхъ дѣлю было столько же грабительство, сколько завоеваніе. Это вре-

ма изобилуетъ замѣчательными характерами. Таковы Гаральдъ Гарфагръ, собравшій Норвегію, потомокъ Инглинговъ, Гаконъ добрый, чистѣйшій идеаль сѣвернаго витязя, веселый, неустрашимый и беззлобный, предметъ уваженія и любви даже для враговъ, питомецъ Ательстапа; Гаральдъ Блатандъ, свирѣбный царь Даніи и основатель Юмбурга, Эрикъ шведскій, Олафъ сынъ Тригвы, блистательнѣйшій изъ витязей моря послѣ Рагнара, нѣкогда слуга въ дружинѣ св. Владиміра, потомъ любимецъ народной молвы, котораго подвигами восхищался весь сѣверъ, котораго смерти никто не хотѣлъ вѣрять; Свейнъ, убившій отца своего Гаральда рукою своего воспитателя Пальпатоке (первообраза Вильгельма Теля) и потомъ завоевавшій Англію, сынъ его Канутъ великій и св. Олафъ. Опять вспомнили удалцы сѣверные путь къ англійскимъ берегамъ, на которыхъ при Альфредѣ и его преемникахъ погибли ихъ лучшія дружины: начались набѣги почти безпрерывные. Слабый король не умѣлъ защищать своей державы; ненавидные народу совѣтники его—духовенство, предложили ему откупиться отъ набѣговъ, т. е. деньгами зазывать хищниковъ и со дня на день дружины скаandinavскія становились нагѣе и многочисленнѣе, земля бѣднѣе, выкупы тяжелѣе и огромнѣе. Главными лицами явились поэтическій Олафъ Тригвезонъ и Свейнъ. Перваго задобрили подарками и ласковымъ гостепріимствомъ, и обращенный въ христіанство, онъ перевезъ въ Норвегію проповѣдниковъ христіанства; ибо Англіи было суждено принимать живое участіе въ обращеніи всѣхъ германскихъ племенъ. Отъ Свейна, болѣе властолюбиваго и оскорбленнаго во время бѣдствій его молодости не спасали ни дары, ни выкуны. Его окончательно раздражила безумная жестокость слабодушнаго короля Этельреда, предписавшаго избиеніе всѣхъ Датчанъ въ южной Англіи, въ то время, когда Свейнъ оставлялъ ее въ покоѣ и удалился на время въ свою родину. Свейнъ отместилъ за оскорбленіе всѣхъ человѣческихъ законовъ завоеваніемъ всей Англіи и изгнаніемъ Этельреда. Народъ охотно принялъ мужественнаго проземца вмѣсто бездушнаго и ненавиднаго воспитанника бенедиктинцевъ. Скоро умерли оба вра-

га и торжествующій Свейнъ и Эгельредъ, пытавшійся вернуть себѣ королевство посредствомъ обѣщаній и рады, заключенной съ подданными. Тогда началась ожесточенная борьба между двумя достойными соперниками, Эдмундомъ Желѣзные Ребра и Канутомъ великимъ. Канутъ принужденъ былъ уступить противнику половину царства, завоеваннаго отцемъ, и такимъ образомъ, возобновился миръ, заключенный между Эдмундомъ I и Анлафомъ на тѣхъ же условіяхъ. Постоянныя измѣны то флота, то сухопутнаго войска были причиною успѣха Датчанъ: измѣна прекратила жизнь великаго воителя, Эдмунда, и Канутъ взошелъ безъ спора на англійскій престолъ. Дикій, страстный и безсовѣстный въ молодости, Канутъ выкупилъ свою славу въ потомствѣ мудростью и правдолюбіемъ остальной жизни, но крайней мѣрѣ въ отношеніи къ подданнымъ и друзьямъ, ибо въ отношеніи къ врагамъ онъ никогда не отказывался отъ лукавства, общей черты норманскаго характера. Три королевства, Данія, Норвегія и Англія повиновались Кануту. Три прозванія, великаго, благочестиваго и богатаго даны были ему современниками въ прославленіе его подвиговъ и власти, его усердія къ вѣрѣ и его неистощимой благотворительности. Правленіе его въ Англіи было счастливо и привлекло къ нему любовь народа. Мужество англійскихъ войскъ завоевывало ему другія страны (между прочимъ Норвегію, гдѣ дружина Годвина дала побѣду Кануту надъ с. Олавомъ), доказывая тѣмъ самымъ, что только равнодушіе или нелюбовь подданныхъ къ правительству дѣлало возможнымъ завоеваніе саксонскаго острова иноземцами. Хитрость Канута указала ему на всегдашнюю опасность отъ аристократіи богатой и не покорной. Многіе богатѣйшіе и любезнѣйшіе народу дружинники были или казнены или изгнаны (въ томъ числѣ одинъ Эдвигъ, извѣстный подъ именемъ короля простолюдиновъ); но всѣ эти мѣры относятся къ началу его царствованія и были заглажены счастіемъ послѣдовавшихъ годовъ. За всѣмъ тѣмъ иноземецъ-завоеватель, чуждый землѣ и народу и его внутренней жизни, могъ доставить государству только временное процвѣтаніе, основанное на условныхъ началахъ и

на мѣрахъ временныхъ. Онъ не могъ понять коренныхъ началъ земли, которую владѣлъ, не могъ имъ сочувствовать и подавно усилить ихъ развитіе. Новые аристократы и землевладѣльцы, созданные и обогащенные Канутомъ, готовили для его преемниковъ смуты, подобныя тѣмъ, которыя предшествовали его завоеванію. Власть деспотическая продолжала уничтожать остатки народной свободы и народо-правленія; духовенство, подъ покровительствомъ набожнаго короля, продолжало увеличивать свое значеніе и тѣснѣе связываться съ Римомъ—государство продолжало клониться къ упадку, не смотря на видимое преуспѣяніе. Едва кончилъ жизнь свою предприимчивый и мудрый король, уже сыновья его перессорились за наслѣдство и раздѣлили Англію. Аристократія разумѣется воспользовалась раздоромъ, чтобы помогать то одному, то другому сопернику и когда послѣ кратковременнаго царствованія прекратился въ Англіи царственный домъ Канута и призваны были снова на престолъ внуки Эдгара, Годвинъ уже былъ равносиленъ королю и многіе другіе землевладѣльцы почти ровнялись съ нимъ властію и богатствомъ.

Слабъ былъ духомъ преемникъ саксонскихъ королей, преданъ духовенству іерархическому по женской набожности, преданъ иноземному быту вслѣдствіе молодости, проведенной въ норманнской Франціи и способенъ только ускорить паденіе своей династіи и своей родины. Таковъ былъ Эдуардъ Исповѣдникъ, причтенный къ святымъ благодарностью римской власти, которой очъ покровительствовалъ и благодарностью народа, котораго онъ погубилъ, но который любилъ въ королѣ своемъ мягкость безсильной души и сострадательность къ бѣдствіямъ и нищетѣ подданныхъ своихъ.

Эдуардъ
Исповѣд-
никъ.
Франко-
норманн-
ское за-
воеваніе.

Трогательнъ, хотя едва ли достоинъ короля рассказъ о томъ, что онъ отмѣнилъ дененгельдъ (датскую подать) вслѣдствіе испуга при видѣ массы звонкой монеты, выплаченной ему всею Англіею и при мысли о слезахъ, потѣ и лишеніяхъ, которыми были добыты эти деньги. Эта черта, принадлежащая безспорно христіанскому духу, вообще носить на себѣ нѣкоторый особый отпечатокъ англо-

саксонской земли и напоминает многіе подобныя рассказы о прежнихъ ея короляхъ, раздававшихъ даже свою собственную трапезу и дорогіе приборы въ порывахъ состраданія; съ нею согласны и многіе законы Альфреда и его династіи и многія мѣры въ ихъ управленіи своимъ имуществомъ. Вообще благотворительность и милостыня были признаны какъ бы прямою ихъ обязанностью и едвали Кануть завоеватель не занялъ этихъ качествъ отъ народа завоеваннаго. Но крайней мѣрѣ не видать, чтобы они принадлежали его соотечественникамъ.

При Эдуардѣ проявляется движеніе новое въ землѣ англо-саксовъ: противодѣйствіе франко-норманнамъ. Это не вражда къ иноплеменнымъ. Ея никогда не было въ эпоху саксонскую. Это вражда къ иному началу жизни. Подданные Альфреда готовы были покориться дѣтямъ Лодброка, Эдмундъ готовъ признать Анлафа своимъ наслѣдникомъ и Свейнъ и Капутъ предпочтены Этельреду и его дѣтямъ; но датчанинъ и норвежець были близки къ германцу саксонскому: они не вносили съ собою никакихъ новыхъ стихій, не измѣняли общаго строя жизни и готовы были подчиниться тому строю, который находили уже вкорененнымъ и окрѣпшимъ. Они сами были только правительственною случайностью, къ которой англо-саксъ оставался равнодушнымъ. Не то было значеніе франко-норманновъ. Они вполне навитались общимъ западнымъ просвѣщеніемъ, болѣе стройнымъ, крѣпкимъ и богатымъ, чѣмъ просвѣщеніе тогдашней Англіи: они развивали обще-западную мысль во всей ея строгости, полнѣе даже чѣмъ тѣ народы, у которыхъ она возникла; это видно изъ ихъ совершеннѣйшей феодалности, изъ особенной связи съ Римомъ и даже изъ ябедничества, которымъ они всегда славились и которое осталось за ними до нашего времени. Противъ ихъ-то вліянія, противъ новаго быта, вводимаго ими, возсталъ народная партія въ Англіи. Во главѣ ея, вѣроятно не безъ личныхъ цѣлей, сталъ графъ Годвинъ, могущественнѣйшій изъ англо-саксонскихъ аристократовъ, хотя вышедшій изъ самаго низкаго сословія людей свободныхъ, человекъ смѣлый и хитрый, богатый сво-

ими огромными помѣстьями и еще богаче—любовью и почтениемъ Англій къ его цвѣтущимъ и мужественнымъ сыновьямъ, измѣнникъ прежнимъ королямъ, создателемъ датской династїи, гонитель законныхъ наслѣдниковъ престола и по всѣмъ вѣроятностямъ низкій убійца одного изъ нихъ, едва ли не лучшаго изъ всѣхъ, молодаго Альфреда, но искупляющій свои преступленія и гнусныя измѣны въ глазахъ народа тѣмъ, что заступался за его обычаи и объявлялъ себя врагомъ ненавистныхъ нововведеній. Онъ потребовалъ отъ короля изгнанія его многочисленныхъ любимцевъ-норманцевъ и требованіе свое поддерживалъ военною рукою. Король созвалъ общую Виттену: и она объявила себя противъ Годвина, хотя очевидно сочувствовала съ его направлениемъ. Годвинъ былъ временно изгнанъ, но снова возвращенъ былъ съ большей силою чѣмъ прежде и со славою защитника правъ народныхъ. Онъ скоро умеръ, по его могущество перешло еще въ большихъ размѣрахъ къ сыну его Гарольду, юному, прекрасному, благородному, славному мужествомъ и искусствомъ военнымъ, и ничѣмъ не запятаншему свою дѣятельную жизнь. Мало по малу Гарольдъ, нѣсколько разъ водившій народныя дружины и наказывавшій Валлійцевъ, нарушителей тишины и границъ саксонскаго царства, сталъ считаться будущимъ королемъ, хотя извѣстно было, что Эдуардъ назначалъ престолъ герцогу норманнскому Вильгельму. Наконецъ слабый потомокъ вестъ-саксонской династїи умеръ и часъ давно угрожавшей борьбы наступилъ; но ея историческій исходъ былъ неизбѣженъ. Съ обѣихъ сторонъ были равно достойные вожди, равно опытные и смѣлые, равно извѣстные личною силою и искусствомъ (качествами весьма важными въ этотъ дикій вѣкъ), равно прославленные своими побѣдами и любимые своими дружинами; но дѣло саксонской Англїи должно было погибнуть. Какъ будто для того, чтобы показать всю ея безпомощность и внутреннюю слабость, за нѣсколько дней до нашествія Вильгельмова явился на берегахъ Англїи съ своею страшною дружиною одинъ изъ тѣхъ грозныхъ великановъ скандинавскаго сѣвера, передъ которыми такъ долго трепетала западная Европа,

одинъ изъ тѣхъ набѣдниковъ моря, для которыхъ самъ океанъ не имѣлъ ужасовъ, одинъ изъ тѣхъ ненасытимыхъ бойцовъ, которымъ смерть ничего не внушала кромѣ улыбки и пѣсни,— Гарольдъ Гардрада. Его велъ на родину, тѣмъ самымъ обнажая ея политическое безсиліе, Тостигъ, братъ Гаральда, изгнанникъ, оскорбленный правосудіемъ короля-брата. Страшно было столкновеніе Сакса и Норманна. Никогда можетъ быть не было битвы болѣе напоминавшей вдохновенныя пѣсни Гомера и эпосъ древней Эллады. Громко раздавалась пѣсня Норманна и страшно сверкалъ въ лучахъ яснаго утра его тяжелый мечъ; въ грозномъ молчаніи наступалъ желѣзный англо-саксъ и неутомимо трудился его двуручный топоръ; всѣхъ впереди самъ король Гаральдъ съ одной стороны, а съ другой братъ его Тостигъ и великанъ Гардрада; наконецъ пал пришелецъ и измѣнникъ, призвавшій его и стягъ, сѣверныхъ дружинъ. На костяхъ сталъ Гарольдъ, взявъ побѣду мужествомъ, украшая ее великодушіемъ; но корабли Вильгельма уже пристали къ берегамъ Англіи и Гарольду пришлось спѣшить на югъ противъ новаго и опаснѣйшаго врага съ утомленною и ослабѣвшею дружиною.

Ему попрекаютъ въ торопливости: но Вильгельмъ сжегъ свои корабли и ему (sic) не упрекаютъ въ безразсудной отвагѣ. Оба дѣйствовали вѣроятно вслѣдствіе одного и того же болѣе или менѣе сознанаго убѣжденія въ неизбѣжной гибели саксонскаго царства. Неотвратимость приговора выражалъ Вильгельмъ, показывая всѣмъ упорство своей рѣшимости; неотвратимость приговора надѣялся Гарольдъ измѣнить быстротою своего рѣшенія. Великія историческія минуты приносятъ съ собою свое ясновидящее вдохновеніе какъ истинная поэзія. У Вильгельма было до 60-ти тысячъ войска отборнаго, храбраго, жаднаго къ добычѣ, составленнаго изъ всѣхъ удалцевъ Франціи, выславшей цвѣтъ своего воинственнаго рыцарства на зовъ славнаго герцога норманскаго и на завоеваніе Англіи. У Гарольда не было и двадцати тысячъ отчасти на скоро набранной дружины; но это были люди съ мужествомъ почти несокрушимымъ, съ порывомъ недавней побѣды, истинные

англо саксы и въ ихъ главѣ любимый король. Побѣда была возможна; и это было доказано самымъ ходомъ сраженія при Гастингсѣ; а при замедленіи неизбѣжно должны были разыграться всѣ начала раздора, которыя лежали уже въ глубинѣ саксонскаго общества, и всѣ они были въ союзѣ съ Вильгельмомъ. Аристократическія вражды и соперничества, нелюбіе областей другъ къ другу, всегдашняя склонность сѣверныхъ графствъ къ возстаніямъ, надежда рабовъ на свободу, еще большая надежда землевладѣльцевъ на составленіе отдѣльнаго, вполне властительнаго и сомкнутаго сословія на подобіе французской феодальности, болѣе же всего уже сильно развившееся стремленіе къ обще-европейскому быту, доказанное самымъ возстаніемъ народной партіи противъ него и проповѣдь духовенства латинскаго, которая подъ ничтожнымъ предлогомъ успѣла уже возмутить всѣ совѣсти противъ Гарольда, даже въ его войскѣ, которая благословляла подвигъ его противника и вручала ему знамя благословенное словомъ римскаго папстыря. Дѣло Дунстаново приходило къ концу. Походъ Вильгельма, предпринятый его личнымъ властолюбіемъ, былъ въ то же время родъ крестоваго похода, которому сочувствовала большая часть народа, противъ котораго онъ былъ направленъ. Торжество бенедиктинцевъ и ихъ партія при Эдгарѣ и его преемникахъ было полное: на нѣсколько времени Англія находилась подъ ихъ правленіемъ, но въ немъ Англія не нашла ни славы, ни спокойствія. Она была завоевана иноземцами и истерзана внутренними смутами. Партія противная Риму жила и крѣпла; духъ свободы церковной захватывалъ и проникалъ даже и ея противниковъ. Риму и западной Европѣ нужно было снова завоевать Англію и Вильгельмъ былъ ихъ оруженосцемъ, и въ нѣдрахъ земли, которую онъ шелъ завоевать, онъ находилъ готовыхъ и ревностныхъ союзниковъ. Борьба продолжительная была невозможна, и поле Гастингское рѣшило судьбу Англіи, такъ какъ она непременно должна была рѣшиться ранѣе или поздиѣе, но во всякомъ случаѣ въ непродолжительномъ времени.

Самая покорность Англии почти безъ сопротивленія послѣ одного сраженія доказываетъ неотразимо истину этого положенія.

Страшна была битва при Гастингсѣ, но не такого характера какъ сраженіе при берегахъ Гумбера. Не пѣли пѣсень богатырскихъ дружины Вильгельма, но становились на колѣна съ молитвою, полулицемѣры въ душѣ, но безъ всякаго сознанія своего лицемѣрія. Благословенія духовенства освящали ихъ будущій подвигъ и наводили невольное уныніе на ряды саксонцевъ. Темною тучею стояли Гарольдовы полки на верху укрѣпленнаго холма, готовясь къ рѣшительной и мало надежной брѣбѣ. И вотъ вспрыгнули пришельцы, и раздалась послѣ молитвы воинственная пѣсня Роланда, славы французскихъ Палладиновъ. Сошлись враги и началась битва: съ утра до поздняго вечера рвались пришельцы пробить крѣпкій строй саксонцевъ; градомъ сыпалась стрѣлы норманновъ, желѣзнымъ вихремъ налетала ихъ конница закованная въ тяжелыя латы; но щиты саксовъ отбивали стрѣлы непріятели и двуручный топоръ истреблялъ все, что приближалось въ мѣру его удара. Два раза клонилась побѣда на сторону саксонцевъ, но двѣ неосторожности дружины непослушной голосу короля и случайная смерть его рѣшили судьбу сраженія. Полное торжество увѣнчало франко-норманцевъ, но слава мужества поправу принадлежитъ побѣжденнымъ саксамъ, и войны слѣдующихъ вѣковъ доказали, что это мужество никогда не было утрачено ихъ долго угнетенными потомками и два раза отдавало почти всю Францію въ руки преемниковъ Вильгельма.

Паденіе Гарольда было паденіемъ царства. Очевидно, не внутреннія силы измѣнили народу; онъ ихъ сохранилъ надолго, на всегда: государство разошлось съ народомъ. Оно стало совершенно чуждымъ ему: таково значеніе легкаго завоеванія Норманскаго; таково послѣдствіе нестройнаго соединенія быта общиннаго, свойственнаго саксамъ а еще болѣе Англамъ, Варнамъ и Вильдамъ (Wiltshire) съ бытомъ дружиннымъ, — неизбежнымъ послѣдствіемъ завоеванія, особенно заморскаго; таково послѣдствіе розни постоянно существовавшей между сѣ-

вернымъ населеніемъ, въ которомъ сильную примѣсь составляли англо-славяне, приведенные Инглингомъ,—Идою и сплошнымъ саксонскимъ населеніемъ юга; таково особенно послѣдствіе духовнаго разъединенія введеннаго сперва встрѣчею римской проповѣди у саксовъ съ свободною церковью кельтовъ, и окончательно утвержденного завоеваніемъ Англіи бенедиктинцами при Дунстанѣ.

Сознавая все важное и гибельное значеніе Дунстанова дѣла и глубокую безнравственность средствъ, употребленныхъ имъ и его сподвижниками, и сравнительную чистоту свободного направленія кельтской церкви, нельзя въ то же время не признать необходимости успѣха въ этой борьбѣ могучей и логической стихіи, представляемой западною Европою надъ неполнымъ и неразвитымъ началомъ свободы духовной, представляемымъ малою группою британскихъ острововъ, отдѣленныхъ моремъ и всею шириною Европы отъ востока, гдѣ былъ его корень и откуда онъ могъ черпать силу просвѣщенія и мысли. Доказательствомъ этой необходимости служить то обстоятельство, что самая кельтская церковь, которая саксамъ давала духовную свободу, сама подпала владычеству римскаго направленія полнѣе и невозвратнѣе чѣмъ саксы. Особенность, отличающая въ этомъ случаѣ кельтовъ Эрина отъ саксовъ Англіи, происходитъ отъ двухъ причинъ: во первыхъ отъ того, что начало римское входило въ кельтскую землю медленно, соблазномъ мысли безъ примѣси насилія вещественнаго и слѣд. безъ ожесточенной борьбы; во вторыхъ, отъ того, что самый характеръ кельта, случайно сохранявшаго формы церкви первыхъ вѣковъ вслѣдствіе своего удаленія отъ историческаго движенія европейской мысли, былъ болѣе сроденъ чѣмъ характеръ саксонскій предаться обаянію вещественной и пышно-обрядовой вѣры, которую приносили римскіе проповѣдники.

Трудно опредѣлить участіе, какое принимали города въ защитѣ Англіи противъ франко-норманновъ. Города уже тогда имѣли важное значеніе въ государствѣ, ибо около ста лѣтъ послѣ Гарольда въ одномъ Лондонѣ считалось до 300 т. жп-

телей (число едва вѣроятное при населеніи всей Англіи, которое считается въ 2 милліона во время завоеванія). Правда, что въ Лондонѣ набралъ Гарольдъ часть своего войска, но такой наборъ еще не доказываетъ особеннаго сочувствія горожанъ къ дѣлу саксонскаго короля. Лондонъ и нѣкоторые другіе большіе города сохраняли свою независимость и муниципальное устройство, завѣщанное Римомъ, до конца саксонской эпохи, другіе — утратили свои права ранѣе, но не вдругъ и не безъ борьбы.

Населеніе ихъ происходило по большей части отъ римскихъ провинціаловъ и только въ послѣдствіи получило сильный приливъ саксонскій, который мало по малу измѣнилъ ихъ бытъ и народный составъ. По этому едва ли могла быть сильна привязанность горожанъ къ царственному дому саксовъ и къ ихъ самостоятельности народной. Общее равнодушіе къ политической независимости, которое замѣтно во всю саксонскую эпоху было вѣроятно еще сильнѣе въ стѣнахъ городскихъ, и стремленіе къ новому быту и иноземнымъ обычаямъ, противъ котораго при Эдуардѣ возставала народная партія, должно было найти въ нихъ сильный отзывъ и содѣйствовать легкому успѣху норманской дружины. Нѣтъ сомнѣнія, что и послѣ завоеванія города сохраняли многое, если не все изъ своихъ правъ, и что норманская династія оказывала имъ покровительство. По крайней мѣрѣ они со всѣмъ не являются во всей англійской исторіи въ той полной зависимости отъ баронства и даже правительства, въ которой они находились во Франціи. Англія не знаетъ освобожденія городскихъ общинъ, которое для Франціи началось со времени Людовика Толстаго, и освобожденіе англійскихъ общинъ послѣ борьбы Генриха III съ баронами и при Эдуардѣ I относится почти единственно къ населенію сельскому (или къ графствамъ). Вильгельмъ былъ столько хитеръ, что онъ не могъ отдать сильныхъ и богатыхъ торговыхъ городовъ своего новаго королевства въ руки дружины, которой повиновеніе было всегда сомнительно, какъ онъ самъ зналъ изъ своихъ отношеній къ своему феодалному государю.

Разумѣется это относится только къ значительнымъ городамъ; разумѣется также, что свобода всѣхъ городовъ, такъ же какъ и права сельскаго населенія, была сильно распространена и обезпечена во время споровъ баронства съ королевскою властію, когда обѣ партіи искали закупить союзъ городской силы. Городъ Лондонъ имѣлъ свою такъ сказать государственную жизнь съ самаго начала англійской исторіи; во Франціи же нѣчто похожее на внутренній бытъ англійскихъ городовъ находимъ мы только на югѣ, въ старейшей, искони полу-римской, Невстрин.

Эта особенная свобода и послѣдовавшее за нею процвѣтаніе городскаго населенія въ Англіи весьма важны въ ея умственной исторіи. Не полное и, такъ сказать, не коренное саксонство городовъ давало въ нихъ свободный доступъ романской стихіи въ бытъ и языкѣ. Города, принимая новое начало, дѣйствительно возстановляли только старину свою, быть можетъ не совсѣмъ забытую. Они романизовались несравненно скорѣе и полнѣе сель. Такова причина огромной примѣси словъ, т.е. понятій (ибо они нераздѣльны для историка), взятыхъ изъ языковъ романскихъ въ ново-англійскомъ языкѣ. Ее объяснить изъ одного вліянія дворянства и латинскаго духовенства было бы крайне неразумно, хотя въ это неразуміе впадаютъ всѣ историки не понимающіе римской провинціальности Англіи до саксонцевъ и англійски хъ городовъ при саксонцахъ. Все условное, все общежительное, все руководъльное (особенно утонченное) получило имя себѣ изъ языка латинскаго. Все живое, сельское, духовное, природное, такъ сказать божіе, взято изъ германскаго источника, и эти двѣ струи проходятъ по всей исторіи англійскаго слова. Характеръ автора или его эпохи опредѣляетъ относительное преобладаніе латинской и германской стихіи въ ихъ языкѣ. Счетъ словъ на любой страницѣ, происходящихъ отъ того или другаго корня, даетъ вѣрное познаніе направленія писателя; и съ другой стороны достаточно звать это направленія, чтобы опредѣлить напередъ какая лексическая стихія преобладаетъ въ его языкѣ.

Сильное и можно сказать преобладающее значеніе саксонской стихіи въ англійскомъ языкѣ показываетъ всю важность народнаго начала, особенно сельскаго во всей ея умственной исторіи. Ему должно приписать блескъ ея поэзіи, безспорно богатѣйшей въ новомъ мірѣ, ему—и ту свѣжесть слова, въ которомъ такъ сумрачна тѣнь лѣсовъ, такъ благоухаютъ луга, такъ золотятся нивы. Никогда не могъ англо-саксъ разлюбить вольную природу и рабски подчиниться мертвымъ законамъ городскаго общества и городской прихоти. Много прекрасныхъ садовъ и веселыхъ парковъ раскинулось теперь по Европѣ: они уже и въ дальней Сибири обхватываютъ зелеными поясами грубо-роскошные дома быстро нажившихся золотопромышленниковъ. Доброе слово благодарности Англіи и ея народной любви къ вольной красѣ Божьяго міра за все эти тихія и задумчивыя тѣни, за свѣжесть луговъ, за естественныя очертанія водъ. Все это отстояла Англія противъ стриженныхъ садовъ Франціи и Италіи. Римъ уже полюбилъ, если не выдумалъ это уродованіе природы и ея заковываніе въ безобразныя формы какой-то мнимой архитектуры. Китай, надъ которымъ смѣется гордость нашего просвѣщенія, весь въ этой чисто-китайской прихоти ХVII-го и отчасти ХVIII-го вѣка. Сама по себѣ она ничего,—одна изъ тѣхъ глупостей, которыми человѣчество такъ щедро украшаетъ свой историческій путь на землѣ; но корень ея глубоко скрытъ въ особенномъ направленіи человѣческаго духа, и это направленіе есть завѣтъ до-исторической древности. Въ Китаѣ и въ Европѣ оно есть ни что иное какъ отголосокъ тѣхъ условныхъ вѣрованій, той условной жизни, которая отрицаніемъ свободнаго духа устремили все физическія и умственныя силы человѣка къ одной цѣли, къ подчиненію видимаго міра правильному строю и условной симметріи. Торжество кушнества—храмы Египта и его чудная гидравлика и его вѣчныя пирамиды и его гробовые дворцы. Карриатура его—сады китайскіе и французскіе: но духъ и его настроеніе одинъ въ великомъ и смѣшномъ.

Ничего почти не дошло до насъ отъ поэзіи саксонскаго времени. Она была въ народѣ и не записана на дорогомъ пергаментѣ. Перемѣна языка погубила ее. Знаемъ мы только

то, что она существовала и что она не чуждалась жизни политической, славя или осмѣивая ея дѣятелей; знаемъ, что она имѣла и свои эпическія сказанія, въ которыхъ она сохранила память о борьбахъ вѣшнихъ (особенно съ скандинавскимъ сѣверомъ). Этому сохранились доказательства въ разсказахъ объ Гвидонѣ Варвикскомъ и о Бевисѣ Гамптонскомъ (перешедшемъ и въ Россію черезъ Италію); но самые разсказы въ ихъ поэтической формѣ погибли. За то ново-англійская поэзія просыпается не въ городахъ или замкахъ, въ которыхъ торговецъ и рыцарь лепетали какое-то варварское французское нарѣчіе, а въ глуши лѣса Шервудскаго съ Робинъ Гудомъ и его веселыми товарищами, и во всѣхъ лѣсахъ, гдѣ смѣлый стрѣлокъ саксонскій (перещеголявшій своихъ учителей норманцевъ въ стрѣльбѣ) борется съ угѣснительнымъ закономъ и съ угѣснительнымъ сословіемъ иноземныхъ влстителей.

Тяжело было это иноземное иго. Хитеръ былъ Вильгельмъ: Англія сначала много еще оставилъ онъ простора саксонскому быту: щадилъ его особенности и въ свою пользу даже вызывалъ его сердечную энергію, обращаясь въ часъ нужды къ чувству чести народной; но это продолжалось не долго. Народныя возмущенія подали поводъ или предлогъ къ строгости и къ жестокому наказаніямъ. Цѣлыя области были опустошены; села и города уничтожены и уступили мѣсто свое лѣсной пустынѣ, приволью для дикихъ звѣрей и широкому поприщу для охоты, къ которой франко-норманцы были также страстны какъ къ войнѣ и къ корысти. Эти возстанія не могли вести ни къ какой доброй цѣли, ни къ какой народной пользѣ, ибо самъ народъ не видалъ передъ собою ни пути разумнаго, ни предмета, къ которому онъ могъ бы наперечъ и направить свои силы. Онъ не имѣлъ искони любви къ условности политическаго быта и привычки къ самоуправленію въ смыслѣ государственномъ: онъ не стремился къ независимости и самостоятельности племенной; онъ не могъ склѣбнуться съ одного конца на другой по всей Англіи для дружнаго возстанія на иноземнаго насильника, а частныя возстанія были легко подавлены фео-

Англія при первыхъ норманскихъ короляхъ. Ея развитіе въ сравненіи съ Франціею и Германіею.

дальною дружиною, всегда готовою къ бою и всегда сосредото-
 ченною, когда дѣло шло объ ея правахъ на собственность
 и объ самомъ ея существованіи. Мужество не измѣняло сак-
 сонцу: представитель прежней его аристократіи, Геревардъ,
 баснословными подвигами внушалъ почтеніе и удивленіе сво-
 имъ норманскимъ врагамъ, долго отстаивалъ отъ нихъ силою
 руки и меча свою личную свободу и убѣжище выбранное имъ
 въ глуши лѣсовъ и болотъ и наконецъ принудилъ ихъ при-
 нять его въ свои ряды на правахъ полного равенства; но ча-
 стные подвиги не служили ни къ чему и отягощали только
 общую судьбу народа. Правильно и безъ остатка раздѣливъ
 Англію Вильгельмъ между своими дружинниками: къ раздѣлу
 допустилъ онъ только не многихъ изъ прежнихъ землевла-
 дѣльцевъ и то въ низшей степени или въ состояніи утѣсни-
 тельной подчиненности. Аристократію саксонскую уничтожилъ
 онъ совершенно. Феодалность, введенная имъ въ Англію на
 почвѣ новой, отличалась отъ феодалности всей остальной
 Европы совершенною строгостью и стройностью вполнѣ вы-
 держанной системы. Такое отличіе было послѣдствіемъ сама-
 го отношенія Англіи къ остальному Западу. Въ Европѣ рома-
 но-германской феодалность была плодомъ вѣковъ, дѣломъ
 медленно и неправильно выработаннымъ обстоятельствами и
 жизнію дружины, созидавшей себѣ лѣстницу чиновначалія, ко-
 торая замѣняла чуждыя ей идеи отечества и государства въ
 смыслѣ временъ древнихъ и новыхъ. Какъ всякое произведе-
 ніе жизни и неотвлеченной мысли она вездѣ была исполнена
 неправильностей и случайностей часто несогласныхъ съ ея
 духомъ и затрудняющихъ ея стройное движеніе. Въ завоеван-
 ную землю Вильгельмъ переносилъ готовую и выработанную
 уже систему и ничто не мѣшало ея совершенству въ прило-
 женіи.

То же самое находимъ мы и въ другихъ земляхъ, завоеванныхъ
 феодалными дружинами, особенно же въ королевствѣ Іерусалим-
 скомъ, котораго положенія были полнѣйшимъ образцемъ феодал-
 ности.

Но перенося готовое учрежденіе, герцогъ норманскій направлялъ его къ новой цѣли, которая была до тѣхъ поръ совершенно чужда самому учрежденію, къ основанію сильнаго государства. Сохраняя лѣстницу взаимной подчиненности, которая составляетъ необходимое условіе феодальной дружины, онъ связывалъ всѣхъ ея членовъ въ полнѣйшемъ единствѣ и въ прямой зависимости отъ ея главы, феодальнаго короля. Такова безспорно одна изъ главныхъ причинъ почему сила Англіи, несравненно болѣе сосредоточенная чѣмъ въ другихъ земляхъ, поставила ее на такую высокую степень между западными державами еще прежде чѣмъ высказалось ея умственное и духовное превосходство. Тотъ же самый расчетъ, который руководствовалъ Вильгельма въ этомъ отношеніи, не допускалъ его черезъ мѣру унижать туземцевъ. Правительство должно было ихъ охранять противъ феодальныхъ владѣльцевъ для того, чтобы они съ своей стороны служили ему опорой въ возможныхъ борьбахъ съ непокорною дружиною. Дѣйствительно состояніе туземцевъ при Вильгельмѣ и его ближайшихъ преемникахъ далеко не было такъ тяжело какъ оно стало послѣ войны Стефана, когда вся Англія съ конца въ конецъ покрылась укрѣпленными замками, притонами норманскаго своеволія, наводнилась анемными войсками изъ всѣхъ странъ западной Европы и была предана вполнѣ всякому насилію и всякому разбою, какія только могла злость сильнаго придумать противъ беззащитности слабого. За всѣмъ тѣмъ и въ это время еще часто партіи Стефана и его противника Генриха прибѣгали къ помощи народной и поддерживали въ немъ поневолѣ желаніе свободы и надежду на нее. Язва саксонской Англіи, многочисленность рабствующаго сословія, стала исчезать при норманнахъ, и мало по малу рабство личное сельскаго населенія исчезло вполнѣ, сливаясь съ общимъ вассальствомъ и наполняя основу будущей народной силы. Освобожденіе всѣхъ низшихъ сословій и возведеніе ихъ въ степень участниковъ въ дѣлѣ правительственномъ принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что при самомъ Вильгельмѣ, а еще болѣе при его мудромъ сынѣ Генрихѣ Книжникѣ (ибо такъ кажется слѣдуетъ

перевести *Взаи-слег*) женатомъ на саксонкѣ царскаго происхождения, народъ вообще пользовался правами, какихъ тогда не имѣлъ ни одинъ народъ въ западной Европѣ, если только можно говорить объ народахъ тамъ гдѣ ихъ почти не было (какъ напр. во Франціи). Царствованіе рыжаго тирана Вильгельма II было только мимоходящимъ бѣдствіемъ; по Генрихъ, восходя на престолъ, обѣщаль и довольно вѣрно сохранилъ обѣщаніе, что онъ не будетъ посягать на тѣ права, которыми пользовались всѣ его подданные во времена Эдуарда. Это обѣщаніе относилось очевидно только къ англосаксамъ. Тяжкое угнѣтеніе пало на нихъ, какъ сказано, въ эпоху борьбы рыцаря Стефана съ Матильдою и въ царствованіе Генриха II, не смотря на заступничество духовенства и Беккета; тяжело было имъ и при безумно воинственномъ Ричардѣ и при бездушномъ Іоаннѣ; но тутъ уже они нашли заступниковъ въ рядахъ аристократіи, взявшей мечемъ права, извѣстныя подъ названіемъ *Magna Charta*, а вскорѣ при Генрихѣ III великій Герцогъ Лейсестерскій положилъ прочное основаніе правамъ низшаго сословія и Эдуардъ поневолѣ утвердилъ ихъ, чтобы имѣть возможность вести свои страшныя войны противъ Валлеса, который онъ сокрушилъ, и Шотландіи, которую онъ на время покорилъ, какъ будто для того только, чтобъ вызвать на свѣтъ ея энергію въ лицѣ безсмертнаго мученика Валласа и счастливаго освободителя Брюса. Не королевская власть положила начало народной свободѣ въ Англіи, какъ она во Франціи служила освобожденію городской общины: нѣтъ; эта свобода съ одной стороны коренилась въ древности, съ другой она получила свое конечное утвержденіе отъ союза дружины, и отъ того-то Англія представляетъ на Западѣ почти единственный примѣръ земли, въ которой аристократія была и до сихъ поръ продолжаетъ быть связана искреннею любовью съ низшими сословіями.

Также какъ зло нравственное, когда проявляется въ формѣ исторической вражды и оскорбленія, сильнѣе дѣйствуетъ на виновнаго чѣмъ на страдальца, заражая его душу цѣлымъ рядомъ логически

развивающихся пороковъ и особенно порождая въ ней не угасимую злобу (какъ напр. въ нѣмцѣ противъ славянина и въ янки противъ краснокожаго), такъ и нравственное добро воздѣйствуетъ благотѣтельно на то лице или сословіе, которое дало ему историческое проявленіе: англійская аристократія, утвердивъ свободу народа, дѣйствительно связалась съ нимъ глубокою и сердечною любовію.

Причина, почему ходъ освобожденія сельской общины (или сельскаго населенія, ибо общинный характеръ совершенно утратился при норманцахъ) въ Англійю совершенно противоположенъ освобожденію городской общины во Франціи, очень проста. Дружина феодальная была во Франціи стихіею преобладающею. Король долженъ былъ опеволѣ искать противъ нея опоры въ городахъ. Король былъ безъ всякаго сравненія спльнѣе вассаловъ своихъ въ Англійю при систематическомъ устройствѣ ея Вильгельмомъ и при частомъ употребленіи наемныхъ войскъ (Брабансоновъ и другихъ) англійскими королями. Вассалы искали союза съ народомъ для равновѣсія. Къ этому должно прибавить и слѣдующія обстоятельства. Королевской родѣ не только вслѣдствіе своего происхожденія, но и вслѣдствіе значительныхъ владѣній во Франціи былъ совершенно чуждъ своимъ саксонскимъ подданнымъ. Потомки франко-норманскихъ дружинниковъ постояннымъ пребываніемъ своимъ между людьми саксонской крови и родственными связями съ прежнею саксонскою аристократіею были мало по малу пересозданы въ англчанъ. Выгоды и необходимость опоры въ борьбѣ съ королемъ, совпадая съ внутреннимъ влеченіемъ и бытовою привычкою, навели ихъ на прекрасное дѣло быть освободителями своихъ соотечественниковъ: а благодареніе предковъ, хотя и своскорыстное, вознаграждается еще до нашихъ дней изумительною силою потомковъ, если не по крови, то по сословію.

Духовенство вооружало Вильгельма для исполненія своихъ цѣлей: оно достигло ихъ. Духовенство саксонское было или изгнано или поработчено римскою властью; но это должно ра-

зумѣть о началахъ свободной церкви. Племенная же стихія саксонская сохранила свою важность въ духовной іерархіи, во сколько она сочувствовала съ Римомъ или служила ему. Эта стихія племенная, давшая въ скоромъ времени великаго примаса Англій въ Омѣ Беккетъ, служила сильнымъ покровительствомъ всякому народному началу и ручалась за его сохранность и цѣлость, готова его будущее значеніе въ политической жизни. Въ отношеніи къ королевской власти она скоро вступила въ ту борьбу, въ которую болѣе или менѣе вступало въ тоже время все духовенство западной Европы. Было, правда, непродолжительное время, въ которое рыжій Вильгельмъ смѣлъ сказать: (*) «Тотъ только и папа, кого я признаю, а въ дѣлахъ Англій духовныхъ также какъ и свѣтскихъ, хозяинъ я одинъ» и находилъ поддержку въ бездушномъ Фламбардѣ; (†) было время, что глава королевства и представители духовенства вмѣстѣ грабили духовное достояніе, оставляя многія епархіи вовсе не замѣщенными; но это не могло продлиться. Общій характеръ духовенства былъ измѣненъ завоеваніемъ франко-норманскимъ и свободная церковь была подавлена не только въ своихъ сановникахъ, но и въ убѣжденіяхъ правительственной аристократіи мірянъ. Смерть Беккета рѣшила побѣду въ пользу Рима. И за всѣмъ тѣмъ прежніе зародыши свободной мысли не должны были гибнуть. Точно также какъ прежніе проповѣдники западнаго направленія у саксонцевъ послѣ жестокой вражды противъ кельтской свободы духовной мало по малу сроднились съ нею и болѣе или менѣе стали подъ ея знамена, новые оруженосцы церковнаго государства заразились тою же свободою, которую

(*) Ансельму, желавшему признать Урбана II-го а не антипана Климента III-го *Прим. изд.*

(†) Епископъ Дургамскій Ральфъ Нассе Флаберъ или Фламбардъ, Норманецъ по происхожденію, былъ ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ Вильгельма. Объясненіе его прозвища даетъ Ансельмъ: «propter crudelitatem similem flammae comburenti praenomine Flambar dus» (Ер. IV. 2). *Прим. изд.*

усердно подавляли. Конечно, когда Иоаннъ вздумалъ отдать Англію въ полную подчиненность и въ вассальство римскому престолу, сопротивление дворянства и народа истекало изъ другихъ причинъ, но духъ свободы проявлялся въ многочисленности Лоллардовъ, которыхъ помощь доставила почти полный успѣхъ Йоркской партіи во время междоусобія двухъ Розъ, въ безпрестанныхъ попыткахъ опредѣлить яснѣе права Рима на повиновеніе и давъ и въ постоянномъ сопротивленіи народа духовенству всякій разъ, когда оно, по образцу другихъ странъ, старалось окружить себя признаками власти свѣтской и ограждать свои жилища укрѣпленными стѣнами.

Въ Шотландіи торжество Брюса, отлученнаго отъ церкви, имѣло также не малую важность, но вообще въ обѣихъ странахъ замѣчательна одна отличительная черта. Во Франціи и Германіи, за исключеніемъ древней области невестрійской, наполненной Альбигойцами, сопротивление Риму шло отъ правительства и имѣло значеніе спора о власти. Въ землѣ англосаксовъ и приселившихся къ нимъ датчанъ сопротивление шло отъ народа и даже духовенства и имѣло значеніе спора о самомъ ученіи. Оно имѣетъ не столько характеръ вещественнаго возстанія, сколько стремленія къ удержанію вѣры въ той области духа и мысли, которая ей принадлежитъ. Такъ напр. мы видимъ, что, не смотря на многія преслѣдованія, протестующіе мыслители подобные Окгаму находили защиту и убѣжище въ самыхъ стѣнахъ монастырскихъ обителей и удерживали за собою спокойствіе жизни и даже общественный почетъ.

Норманцы перенесли въ Англію глубокое презрѣніе къ простотѣ жизни саксонской и къ ихъ мнимой дикости: дѣйствительно бытъ европейскій отличался отъ англійскаго роскошью и утонченностью внѣшнихъ привычекъ; да иначе и бытъ не могло. Съ одной стороны преобладалъ бытъ придворный и аристократическій: съ другой бытъ народный. Самое это превосходство внѣшнее объясняетъ соблазнъ, вслѣдствіе котораго саксонская земля стремилась еще прежде Норманцевъ къ подражанію странамъ романскимъ.

Тоже самое въ позднѣйшую эпоху видимъ мы въ сильнѣйшей и самобытнѣйшей изъ земель славянскихъ.

Въ сущности же просвѣщеніе англо-саксонское было несравненно выше франко-норманскаго. Всякое начало слова и сознательной мысли шло отъ стпхін туземной. Еще прежде завоеванія, какъ уже сказано, словесность саксонская, писанная и неписанная, получила значительное развитіе: не рѣдки были духовные гимны и поэмы полу-ученыя и дидактическія, многочисленныя народныя пѣсни и сказки. Самая проза, обыкновенно появляющаяся послѣ поэзіи, считала не малое число произведеній, и всѣ эти творенія были на языкѣ англо-саксонскомъ (за весьма небольшимъ количествомъ латинскихъ сочиненій не только духовнаго содержанія но и писанныхъ духовенствомъ). Слово норманское не оставило и не имѣло памятниковъ кромѣ весьма немногихъ подражаній французскимъ современнымъ трубадурамъ или труверамъ, и объ нихъ едва ли стоитъ труда вспоминать. Эпическая сказка была однакоже не совсѣмъ чужда дружиному обществу: но не въ себѣ почерпнуло оно ея начало. Вражда противъ саксонскаго племени сблизала Норманцевъ завоевателей съ врагами саксовъ, кельтами, не смотря на то, что кельтскій Валлисъ несравненно болѣе страдалъ отъ новыхъ властителей Англіи чѣмъ отъ прежнихъ. Лѣнивое и сонное воображеніе пришельцевъ схватилось за поэтическія сказанія объ эпохѣ, когда горцы оспаривали у саксовъ владѣніе римскою провинціею, или какъ вообще говорится, защищали свободу родныя противъ германскихъ завоевателей. Эти сказанія, перестроенныя на новый ладъ въ подражаніе сказкамъ невстрійской и отчасти австралійской дружины объ Карлѣ Великомъ составили извѣстный цикль Артура и его круглаго стола и мало по малу сдѣлались обще-европейскимъ достояніемъ. Ладъ этихъ сказокъ безспорно уже обличаетъ ихъ передѣлку франко-норманскими переводчиками; но основной характеръ ихъ сохранился и принадлежитъ несравненно вышему поэтическому настроенію. Глубина страсти и пѣжность, какая-то особенная свѣжесть чувствъ, соединенная съ про-

стотою, тяжкая скорбь, слышная даже въ самыхъ затѣйли-
выхъ и почти веселыхъ разказахъ и постоянно ощущаемая
тѣнь трагической судьбы, грозящей этому фантастическому
міру, все это дано кельтскою душою языку французскому, а
не имъ создано и не изъ него почерпнуто. Наконецъ въ ска-
заніи объ Сангреаль примѣсь богословской мистики и древне
церковныхъ преданій, связывающихся съ еще древнѣйшими
преданіями о связи, пѣкогда существовавшей между туманною
областью кельто-кумрійца и жаркими берегами, на которыхъ
семитъ-финикіевъ строилъ свои торговыя столицы, указыва-
етъ на ту духовную стихію мѣстной свободной церкви, нѣ-
сколько искаженной друидизмомъ, которую не могла искоре-
нить ни словесная дружина Дунстана, ни желѣзная дружина
Вильгельма. За исключеніемъ этихъ займовъ сдѣланныхъ ску-
кою и праздностью замковъ и королевскаго двора у народной
поэзіи кельта область слова и мысли у норманскихъ завоева-
телей не представляетъ ничего кромѣ бесплодной пустыни.
Начало просвѣщенія принадлежало стихіи англо-саксонской:
по не совсѣмъ безъ художественнаго слѣда прошла эпоха за-
воевателей. Безмолвное просвѣщеніе римскаго запада (ибо мы
должны назвать безмолвнымъ то просвѣщеніе, которое по сво-
ему языку совершенно чуждо народамъ, а по содержанию ли-
шено всякой свободы) связывалось корнями съ тѣмъ просвѣ-
щеніемъ кушитскаго начала, которое лежало въ основѣ са-
маго Рима, его условной государственности и его не выска-
заннаго, но логически присущаго признанія необходимости
какъ высшаго міроваго закона. Односторонность этого про-
свѣщенія выражалась всегда и всегда старалась выражаться
въ великолѣпніи памятниковъ зодчества. Тоже самое повтори-
лось и въ Англіи. Англо-саксонской народъ пѣлъ и мыслилъ.
Норманецъ строился и глядя на великолѣпніе Йоркскаго собо-
ра, на строгую послѣдовательность архитектурной задачи въ
вестминстерской церкви, на смѣлыя и легкія стрѣлы многихъ
старыхъ храмовъ и монастырей, незлобивый потомокъ дол-
женъ сказать словоблаго дарности за добро, завѣщанное этою
эпохою, прощая зло невольное и безъ сомнѣнія неизбѣжное,

ибо на западѣ отдѣльная жизнь одного племени не могла устоять въ своей цѣльности и свободѣ.

Совершился великій переворотъ. Живой, подвижный, предприимчивый и гордый франко-норманъ на время подавилъ вещественною связностью своей дружины и своимъ вѣшнимъ просвѣщеніемъ тихую и неустроенную энергію англо-сакса, но въ то же время научилъ ее сосредоточиваться для практическаго направленія. Земля англо-саксовъ вступила Англіею въ исторію западной Европы, получивъ имя и нѣкоторыя начала общиннаго быта и общиннаго суда отъ небольшого племени славянскаго, силу постояннаго труда отъ германскихъ Саксовъ, живую стремительность дѣйствія и политическаго движенія отъ норманской Франціи. Великая историческая будущность, огромное развитіе могущества, блескъ славы, чудные подвиги, первенство передъ всѣми народами въ художествѣ слова и въ ясности мысли: таковы были для Англіи плоды норманскаго завоеванія; но за то ей предстояли вѣка тяжелой и кровавой борьбы, ложное направление мысли и неравенства въ состояніяхъ, которыхъ она до сихъ поръ преодолѣть не можетъ. Болѣе цѣльная и разумная чѣмъ вся западная Европа, она не имѣетъ той цѣльности и простоты, которыя были бы ей вѣроятнымъ достояніемъ, еслибы болѣе благоприятныя обстоятельства и сношеніе съ просвѣщеніемъ менѣе одностороннимъ, чѣмъ просвѣщеніе романо-германское, дозволили саксонскому началу уцѣлѣть и помогли ему достигнуть своего полнаго развитія.

Много бѣдствій и много тяжкихъ эпохъ страданія вещественнаго и уничтоженія духовнаго перенесла уже Англія, но она вышла изъ нихъ съ торжествомъ, и можетъ надѣяться на такое же торжество въ будущемъ, если только сохранитъ неприкосновеннымъ сокровище неизсякаемой силы, завѣщанное ей издавна кельтами и саксами, свободу духа и мысли религіозной и истекающія изъ нихъ свѣжесть чувства, важность помысловъ и ту сосредоточенность душевныхъ силъ, которая нелегко прельщается ложью, не долго поддается об-

ману и не позволяетъ человѣку утратить любовь къ истинѣ и надежду на ея пріобрѣтеніе.

Эпоха саксонская миновалась; но она оставила слѣды не въ одной Англій (ибо сѣверо-западная Франція получивъ свое населеніе отъ кельтовъ, бѣжавшихъ передъ саксонскимъ мечемъ) и даже не въ одной Европѣ (ибо мы имѣемъ преданіе о бѣгствѣ валлійскихъ кельтовъ за океанъ и вѣрное свидѣтельство о томъ, что ихъ единоплеменники ирландцы, удаляясь отъ бури, поднятой движеніемъ германскаго и скандинавскаго міра, удалились на далекій западъ, въ пустыни сѣверной Америки, и основали тамъ колоніи въ послѣдствіи, исчезнувшія, но безъ сомнѣнія измѣнившія во многомъ и племенной составъ и даже духовное настроеніе туземцевъ. *)

Показанія первыхъ скандинавскихъ мореплавателей, посѣтившихъ берега Винланда, неопровержимы и когда изгнанникъ съ славянскаго поморья, Йомсбургскій витязь, Біорнъ Асбрандсонъ, (**) князекъ маленькаго американскаго княжества, сказалъ своимъ соотечественникамъ, что на юго-западѣ живутъ ирландцы и что земля ихъ называется великая Ирландія, критика не имѣетъ ни права ни даже возможности опозорить слова, въ которыхъ не слышать ни хвастливости, ни сказочнаго вымысла. Замѣчательно то обстоятельство, отчасти случайное, что племя, посѣтившее берега Америки прежде всѣхъ другихъ, теперь почти цѣликомъ переселяется въ ея плодородный просторъ. Другое переселеніе кельтовъ во Францію снова сблизило ихъ съ землею *Вендовъ*, *Вендею*; возобновляя древнюю ихъ черезполосность, объ которой никогда память не исчезала, сохраняясь въ сказаніяхъ и пѣняхъ народныхъ. Такъ въ народномъ циклѣ Артура и его сподвижниковъ одно изъ самыхъ поэтическихъ

(*) Ср. *Antiquitates Americanae sive scriptores Rerum Ante Columbianarum in America* ed. Soc. Regia Antiquariorum Septent. Стр. 200 и слѣд. *Пр. изд.*

(**) Авторъ ошибся приписавъ Біорну Асбрандсону рассказъ, общенный ирландцемъ Біорномъ Гримолдсономъ спутникомъ Торхина Корсеахнѣя. Тамъ же стр. 162—5. *Пр. изд.*

и оригинальныхъ лицъ, первообразъ граціознаго Персеяла, называется *Передуромъ княземъ Вендскимъ* и посылтъ на себѣ весь характеръ сказочнаго русскаго героя Ивана Дурачка.

Наука не можетъ не представить слѣдующаго вопроса: почему Германія въ своемъ историческомъ развитіи представляетъ гораздо менѣе германскаго народнаго характера, чѣмъ Англія? Причины этого явленія очень просты: сѣверная Германія, которой стихіи были особенно чисты и безпримѣсны, была постоянно подавлена силами средней и южной полосы и завоевана ими, утрачивая подъ гнетомъ рыцарскихъ завоевателей простоту своей народнои жизни; западныя и южныя области, искаженныя и перешедшія въ форму быта дружиннаго снержа отъ вліянія Рима, потомъ отъ наплыва готскихъ, свевскихъ и бургундскихъ дружинъ, были окончательнѣо закованы въ эту форму завоеваніемъ франковъ поморскихъ (Меровеевъ) и устройствомъ государственности императорской; вражда и борьба народовъ, составляющихъ германскую имперію, заставляли каждую область замыкаться все болѣе и болѣе въ сосредоточенный строй военный и жертвовать народною свободою; аллодіальная система, соединившись съ огромною важноію должностей, истекающихъ отъ дворовъ королевскихъ и императорскихъ, рано перешла въ могучій феодальный организмъ. Вѣча, областныя и общія, скоро потеряли все свое значеніе и перешли въ сѣзды феодальныхъ владѣльцевъ не имѣя ничего общаго съ Виттенами саксовъ и англовъ: сочетаніе Германіи, Италіи и земель романскихъ ввело въ устройство Германіи и въ ея бытъ вещественный и умственный преобладаніе стихіи римской или романизованной; наконецъ, главная причина та, что христіанство было введено на Британскихъ островахъ въ его простотѣ и многосторонности первыхъ вѣковъ, а въ Германію перешло оно уже со всею односторонностію своего римскаго развитія. Таковы причины, убившія живую самобытность народнаго міра германскаго.

Изъ трехъ частей, на которыя распалась имперія Карла, первая получила историческую важность Германія; Франція

Италія
послѣ

въ значеніи государства скоро впаде въ ничтожество, изъ ко- Карла Великаго.
торого вышла только послѣ своего новаго сосредоточенія Ка-
петами, по за то имѣла весьма важное вліяніе на образован-
ность и особенно на общежительность всей Европы; Италия
въ отношеніи къ государственному устройству пала еще ниже,
но за то служила средоточіемъ мысли, давшей направленіе
всей исторіи Европы въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій.

Лонгобарды, завоеватели средней Италіи, отчасти проник-
шіе въ южную, не были пародомъ, какъ саксы, въ томъ смы-
слѣ, что они не имѣли притязанія быть единственными жите-
лями завоеванныхъ областей, вольными труженниками земли
взятой ихъ мечемъ; не были они и крѣпкою личною дружа-
ною, какъ франки поморскихъ князей; они составляли пле-
менную дружину, и первоначальныя отношенія ихъ къ Ита-
ліи были таковы же какъ и отношенія предшествовавшихъ
имъ остъ-готовъ. Владѣли они всею на правѣ наследствен-
ныхъ помѣщиковъ, получая половину или треть всѣхъ пло-
довъ земли, обрабатываемой не ихъ трудами, а трудами по-
бѣжденнаго племени. Держава ихъ была ограбленна и безъ
сомнѣнія слабѣ готской, но они уцѣлѣли потому, что для
восточной имперіи не возвращалась эпоха Юстиніана. Она
сама едва сохраняла свое ослабѣвшее существованіе противъ
натиска аваровъ и Персін а потомъ славянъ и сарациновъ.

Очевидно завоеваніе Италіи германскими племенами было необхо-
димостью; ибо мы не видимъ въ ней самой ни малѣйшей способно-
сти къ отпору. Развращенная своимъ прежнимъ величіемъ, которому
служилъ весь римскій міръ, она вслѣдствіе чисто общественнаго
просвѣщенія своего не развила въ своихъ жителяхъ личныхъ силъ
разума, какъ востокъ, и гнила внутреннимъ безсиліемъ, называю-
щимъ на себя иноземное иго. То же самое относится ко всему
западно-римскому міру; но Италия стояла еще ниже всѣхъ другихъ
областей по привычкамъ своимъ къ лѣнѣ и эпикурейской роскоши.

Лонгобарды въ отношеніи къ просвѣщенію и нравственно-
сти стояли ниже готовъ, къ которымъ они принадлежали по

началу племенному: они не имѣли ни многовѣковой славы, ни богатства поэтическихъ преданій, облагораживающихъ душу, ни знакомства съ образованностію востока, ни выгодъ долгаго (хотя отчасти насильственнаго) сожителства съ мирнымъ племенемъ славянъ, какъ сподвижники Теодорика. Они были дружиною готскаго начала, но съ огромною примѣсью другихъ германскихъ семей. Жизнь в отдѣльную и историческую получили они внутри Германіи во время того народнаго броженія, которое сдвигало всѣ племена съ мѣста на мѣсто, устремляя ихъ на юго-востокъ до тѣхъ норъ, покуда возстаніе восточныхъ славянъ не бросило ихъ на западъ. Въ этой бурной и военной жизни возрастала (долу-разбойничья дружина лонгобардовъ, кочуя подобно другимъ съ мѣста на мѣсто, но по недостатку силъ не устремляясь на дальнія предирія, а стараясь только по возможности расширять свою область на счетъ слабѣйшихъ мечемъ или коварствомъ. Такимъ образомъ приобрѣла она нѣкоторую важность, нѣкоторую славу мужества, а еще болѣе славу безпощадной жестокости. Рыхлый аристократическій союзъ лонгобардовъ замѣнилъ въ Италиі кратковременное владычество восточной имперіи. Дикіе пришельцы, отчасти язычники, но по большей части Аріяне были разумѣется равно ненавистны и народу и духовенству; но бессильный край не могъ сопротивляться и только съ помощью византійской имперіи спасъ еще на время независимость нѣкоторыхъ областей (какъ то Экзархата, Генуезскаго поморья, Рима и южныхъ провинцій), защищенныхъ или искусственными укрѣпленіями и водою или горами и непроходимыми лѣсами. Долго слабые лонгобарды не старались распространять своей власти, находя просторъ болѣе чѣмъ достаточный въ сѣверной и отчасти средней Италиі. Первымъ дѣломъ ихъ было разрушеніе или разграбленіе городовъ, которыхъ пользы они не понимали, и война противъ всякой образованности; но это не могло продолжаться. Образованность была уже допущена тѣмъ, что города не были разрушены, а что уцѣлѣлъ сельскій народъ, необходимый для лѣнливой дружины, не желающей питаться собственными трудами какъ славянныя и

саксъ. Первымъ признакомъ возрастающей образованности вслѣдствіе того юридическаго стремленія, которое принадлежало римской почвѣ, было законодательство. Первый кодексъ, основанный безспорно на прежнемъ не писанномъ обычаяхъ, заключаетъ въ себѣ законы, относящіеся единственно до владѣтельской дружины: о подчиненномъ народѣ почти нѣтъ и поминка; онъ существовалъ очевидно только какъ фактъ необходимый, но не имѣющій правомѣрнаго опредѣленія.

Это дало нѣкоторымъ близорукимъ критикамъ поводъ утверждать, что прежнее народонаселеніе было почти вовсе истреблено. На это достаточно отвѣчаютъ нарѣчія сѣверной Италіи, въ которыхъ германская стихія такъ слаба.

Позднѣйшіе памятники лонгобардскаго законодательства уже показываютъ отношенія болѣе правомѣрныя между племенами властвующимъ и подвластнымъ, также какъ и значительное смягченіе нравовъ. Общія же черты лонгобардской исторіи представляютъ довольно высокую степень нравственности, готовность принять пороки византійскаго и римскаго быта безъ того стремленія къ просвѣщенію, которое отличало Аравитянъ первыхъ династій и Саксовъ Альфредова времени. Точно также не замѣтно въ завоевателяхъ Италіи и той воинственной энергіи, которою отличались франки и многіе изъ королей вестъ-готскихъ. Распространеніе ихъ области было медленно и происходило болѣе отъ крайней слабости Византіи, чѣмъ отъ собственной ихъ силы; къ концу же ихъ независимаго существованія оно происходило уже отъ значительнаго сближенія съ туземными стихіями и въ то же время представляло ясныя признаки приближающагося распадѣнія.

Попытки отдѣленія южныхъ герцогствъ и стремленіе ихъ къ независимости, подавленные отчасти силою, отчасти хитростью, указываютъ уже на слабость общей государственной связи.

Иначе и быть не могло. Съ самаго начала лонгобардскаго владычества исторія ихъ представляетъ болѣе характеръ союза между князьями (герцогами) равноправными и мало зависящими отъ общаго вождя, чѣмъ характеръ крѣпко сплоченнаго и сосредоточеннаго общества. Зародыши раздоровъ существовали отъ первой минуты существованія самаго царства. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что сильное сближеніе съ прежними стихіями, смягчая нравы, приготовляло полнѣйшій переходъ къ эпохѣ новаго просвѣщенія, чѣмъ во Франціи и особенно значительное развитіе городской жизни, которая дѣйствительно въ скоромъ времени стала оказывать признаки болшей дѣятельности и процвѣтанія, чѣмъ во всемъ остальномъ западѣ, можетъ быть за исключеніемъ южной Франціи. Самые законы лонгобардскіе показываютъ (по крайней мѣрѣ въ первую эпоху) большую связность дружиннаго устройства, не въ общемъ государственномъ смыслѣ, а въ отношеніи къ взаимной отвѣтственности дружинниковъ внутри мелкихъ округовъ, чѣмъ въ другихъ земляхъ, завоеванныхъ германцами, за исключеніемъ Англіи.

У вестъ-готовъ испанскихъ эта отвѣтственность уже почти вполне отмѣнена около 60-ти лѣтъ послѣ полнаго ихъ переселенія за Пиренеи.

Эта самая связь дружинниковъ внутри округовъ должна была приготовить легкій переходъ къ быту муниципальному при переселеніи ихъ потомковъ внутрь городовъ; и дѣйствительно можно замѣтить еще прежде франкскаго завоеванія сильныя зачатки муниципальнаго устройства, въ которомъ критичѣ трудно отличить начало германское отъ начала древне-римскаго. Но царству лонгобардовъ невозможно было сохранить цѣльность и самостоятельность. Кромѣ явныхъ, внутреннихъ причинъ паденія была вѣшняя причина, которой сила должна была сокрушить власть лонгобардовъ, какъ она впоследствии сокрушила всѣ самостоятельныя государства Италіи. Это была обще-западная идея церковнаго государства, мало по-малу вырабатывающаяся въ папскомъ престолѣ.

Городъ Римъ, какъ уже сказано, за долго до паденія имперіи утратилъ свое владычество (собственно со времени Траяна, перваго изъ сознательныхъ государей всей имперіи, ибо Веспасіанъ еще не понималъ своего значенія): онъ еще нѣсколько времени сохранялъ призракъ почетнаго первенства, но и тотъ исчезалъ все болѣе и болѣе и разсѣялся наконецъ вовсе. Сама Италия никогда не имѣла провинціального устройства и слѣдовъ цѣльности административной (такова причина почему она никогда не давала императоровъ имперіи): разрозненность и безсвязность всѣхъ частей отличали ее отъ всѣхъ провинцій. Она не могла приготовить цѣльнаго государства; его создать не могъ и Римъ, который способенъ былъ къ значенію центра всемірнаго, но не способенъ былъ быть центромъ провинціальнымъ. Съ другой стороны Римъ, исполненный своихъ великихъ воспоминаній, возвеличенный первенствомъ въ іерархіи духовной и окруженный какимъ-то мистическимъ блескомъ въ глазахъ германцевъ, нѣкогда дрожавшихъ передъ его именемъ, не могъ пасть въ ничтожество. Онъ собиралъ въ себѣ и около себя новыя силы для будущаго своего призванія,—стать во главѣ всего западнаго христіанства. Слабый вещественными средствами онъ удерживался противъ напора лонгобардскаго помощію византійцевъ и между тѣмъ, мало по малу отрываясь отъ Византіи, старался въ самой Италиі вводить нѣкоторое устройство городоваго и областнаго и особенно искать себѣ союзниковъ и покровителей въ областяхъ Запада, завоеванныхъ германцами. Эти защитники нашлись ему въ пародѣ франковъ. Лонгобарды также какъ и готы были ревностными аріанами при вступленіи въ Италію: и такъ взаимная вражда ихъ съ Римомъ имѣла двойной характеръ, государственннй и духовный. Мало по малу Никейское исповѣданіе замѣнило аріанство; но вражда не угасла. Лонгобарды усиливались все болѣе и болѣе; а Римъ, чувствуя увеличивающуюся независимость Византіи и свое возрастающее значеніе въ мірѣ духовномъ, менѣе чѣмъ прежде могъ покориться чужому владычеству, тѣмъ болѣе, что это владычество по близости своего центра должно было тяжелѣе лечь на его

плеча чѣмъ власть дальвей Византіи, и что самый народъ лонгобардскій, хотя уже присоединившійся къ церкви, считалъ еще въ своихъ нѣдрахъ огромное число аріанъ (отъ которыхъ въ послѣдствіи произошли Патарены и Катары, принявшіе впрочемъ большую примѣсь манихейства, никогда неперезавшаго въ Италіи). Чѣмъ болѣе угрожала Риму сила лонгобардовъ, тѣмъ тѣснѣе старался онъ соединиться союзомъ съ франками; но франки сами были тогда раздвоенны. Преемники Клодвига по крови были уже въ то время только преемниками его патриціата, т. е. его значенія покровителя духовенства и начальника галло-римскаго населенія. Значеніе же начальника дружины перешло къ мерамъ. Король, съ которымъ духовенство было связано узамн много-вѣковаго покровительства, былъ безсиленъ и не могъ защитить папскаго престола. Меры не хотѣли спасать власть, которая была имъ враждебна и отчасти доказала имъ свою вражду въ дѣлахъ германскихъ. Папа купилъ необходимый союзъ, отдавъ всѣ права королевскія меру Пиппину. Пиппинъ спустился съ Альпійскихъ горъ въ равнины Ломбардіи и однимъ ударомъ сломилъ силу лонгобардовъ. Римъ былъ спасенъ; но лонгобарды еще не погибли. Осторожно скрывая свои замыслы, они выжидали времени болѣе благоприятнаго. Смерть Пиппина возвратила имъ надежду. Молодость Карла еще не выказала его будущаго величія, и имя его не внушало того страха, которымъ сопровождалось имя его непобѣдимаго отца. Лонгобарды снова попытались тронуться къ югу и захватить Римъ въ своемъ завоевательномъ движеніи. Эта попытка рѣшила участь лонгобардовъ. Бурею налетѣли франкскія дружины и рушилось царство слишкомъ слабое для сопротивленія и слишкомъ безосновное для будущаго возстанія. Отъ самаго Карла до Оттона I-го, возстановителя имперіи, сѣверная Италія была поприщемъ смуть, которыхъ смыслъ почти исчезаетъ даже для спеціальнаго историка, и не заслуживаетъ вниманія въ исторіи всемірной. Франкское начало пустило крѣпкіе корни въ почвѣ, на которой ничего прочваго оно не застало. Движеніе измѣнившее учрежденія аллодіальныя въ феодальныя, отозвалось и въ Италіи, но не могло получить развитія вслѣдствіе

крайней раздробленности области, не позволявшей никакого значительнаго сосредоточенія. Государя преемники и потомки Карла пользовались еще меньшимъ повиновеніемъ чѣмъ Карловинги французскіе, находясь въ безпрестанной борьбѣ не только съ непокорными ленниками, но и съ городами, которые въ послѣднее время лонгобардской независимости получили свое новое значеніе. Развратъ нравовъ въ это время смуть доходилъ до крайности, соединяя склонность къ изысканной утонченности и роскоши съ какою-то изысканною жестокостью, которая въ послѣдствіи породила въ сѣверной Италіи явленія едва ли не безпримѣрныя въ мірѣ, не смотря на то, что его лѣтописи богаты разсказами о хладнокровной злобѣ людской. Война не имѣла благородства, ибо никогда не имѣла высокой цѣли; побѣда не знала пощады, миръ не имѣлъ никакихъ нравственныхъ залоговъ. За всѣмъ тѣмъ, въ одномъ отношеніи Италія стояла выше другихъ западныхъ народовъ: аристократія не преобладала исключительно: она была тѣсно связана съ городами; это началось еще во время лонгобардовъ и не могло быть вполне измѣнено кратковременнымъ владычествомъ франковъ. Такимъ образомъ являлся призракъ народной жизни, но слишкомъ глубоко развращенной и слишкомъ разорванной въ самомъ своемъ историческомъ корнѣ, чтобы привести богатые плоды. За всѣмъ тѣмъ ей безъ сомнѣнія должно приписать раннее процвѣтаніе науки и искусства.

Тоже самое отчасти относится и къ южной Франціи, которой развитіе было въ послѣдствіи остановлено новымъ завоеваніемъ во время альбигойскихъ войнъ.

Тоже самое повторялось и въ лонгобардскихъ частяхъ южной Италіи. Онѣ никогда не были вполне завоеваны франкскою дружиною; но мало-по-малу внутреннею жизнью прикнули къ ея системѣ вслѣдствіе естественнаго стремленія аллодіевъ переходить въ феодалное сочлененіе при ослабленіи центральной власти.

Впрочемъ истинная эпоха феодальности, возведенной почти до наукообразной отвлеченности, начинается на югъ съ Норманнами.

Южные города собственно лонгобардской области никогда не достигали той важности, которую они получили на сѣверѣ; а всѣ стихіи жизни были еще мелче, еще разрозненнѣе вслѣдствіе характера гористой мѣстности и недостатка силъ въ какой нибудь изъ нихъ для одолѣнія другихъ. Въ обезсмысленномъ кипѣніи личныхъ страстей человѣкъ не могъ дойти ни до идеи отечества, ни до высшаго понятія о человѣчествѣ.

Нѣсколько счастливѣе было Византійское приморье (ибо все владѣніе византійское въ Италіи ограничивалось почти единственно приморьемъ). Безъ сомнѣнія и въ немъ жизнь личная также какъ и жизнь общественная стояла на весьма низкой степені; но сравнительно съ другими частями Италіи было менѣе смутъ, болѣе личной безопасности, болѣе просвѣщенія и сильнѣйшее развитіе торговли.

Такова вѣроятно причина почему нѣсколько позже города этого поморья ранѣе другихъ получили значительность въ мореплаваніи по Средиземному морю; еще позже они погибли, будучи подавлены сосредоточеніемъ власти въ рукахъ норманнской династіи, тогда какъ сѣверные развились вслѣдствіе своей независимости.

Особенное устройство городовое, не лишенное нѣкоторой свободы и нѣкоторой самостоятельности, замѣтно въ этихъ городахъ. Основы его безъ сомнѣнія римскія или туземныя. Византія мало имѣла вліянія на ихъ внутреннюю жизнь: въ своихъ восточныхъ областяхъ она скорѣе подавляла, чѣмъ возвышала самобытность городовыхъ учреждений; но она должна была ихъ допускать въ Италіи потому, что по неволѣ искала помощи въ туземцахъ, чтобы защитить владѣнія, недостаточно охраненныя постоянными войсками, которыхъ пересылка и содержаніе обходились дорого, а присутствіе всегда требовалось на границахъ восточныхъ и сѣверныхъ. Нельзя не замѣтить глубокаго антагонизма между началами просвѣщенія византій-

скаго и западнаго въ томъ обстоятельствѣ, что не смотря на постоянное сосѣдство византійскихъ владѣній съ лонгобардами, потомъ франками, а позже германцами и не смотря на огромное превосходство міра греческаго въ отношеніи къ знанію, вліяніе его на западъ менѣе замѣтно, чѣмъ вліяніе аравитянъ. Дряхлѣющее просвѣщеніе по видимому не могло уже ничего оплодотворить и едва охраняло свое собственное существованіе отъ завоеваній невѣжества.

Лонгобарды южные, хотя и подвластные франкской имперіи, получили большее значеніе со времени паденія королевства, вѣроятно вслѣдствіе прилива своихъ единокровныхъ, удалявшихся изъ областей, въ которыхъ чувствительнѣе было франкское завоеваніе. Они безпрестанно стремились расширить свою власть на счетъ византійцевъ и мало-по-малу стѣсняли ихъ владѣнія. Вообще власть Византіи въ Италиі не имѣла никакой надежной основы, на сѣверѣ она подвергалась сильнымъ нападеніямъ могучихъ государствъ, лонгобардскаго, потомъ франкскаго и германскаго, отъ которыхъ отстаивалась съ трудомъ, хотя иногда и наносила имъ пораженія посредствомъ превосходства своего на морѣ; на югѣ ей безпрестанно угрожали герцоги лонгобардскіе или туземные, менѣе сильные, но болѣе постоянные въ своемъ стремленіи и болѣе близкіе къ сочувствіямъ ея туземныхъ подданныхъ. Наконецъ еще далѣе на югѣ она должна была бороться съ врагами еще страшнѣйшими, африканскими сарацинами, воинственными, свирѣпыми, сильными многочисленностью постояннаго войска, составленнаго изъ рабовъ (изъ которыхъ самыми вѣрными и мужественными считались славяне), и сильными флотомъ, т. е. тѣмъ самымъ оружіемъ, которое одно еще спасало имперію. Отъ сарацинъ потерпѣла она самая жестокая пораженія въ Италиі: они отторгли отъ нея Сицилію послѣ кровавой борьбы далеко не безславной для грековъ, которые нѣсколько лѣтъ оспаривали у нихъ это богатое владѣніе, житницу Италиі и Греціи, и нѣсколько разъ почти совершенно вытѣснили изъ него своихъ неутомимыхъ враговъ, не смотря на ихъ мужество и безчисленные ополченія. Наконецъ Сицилія пала окончательно

въ руки магометанъ: ихъ разбойничьи корабли стали постояннымъ бичемъ береговъ южной Италиі; ихъ разбойничьи шайки стали грозить самому Риму и опустошать всю ломбардскую и византійскую область, а крѣпости, ими захваченныя и обращенныя въ неприступныя притоны, стали угрожать даже постояннымъ завоеваніемъ; но ихъ успѣхи были остановлены другими разбойниками изъ дальняго сѣвера. Норманны, бродившіе по всеѣмъ морямъ за добычею и славою военнаго подвига, прибыли изъ Франціи въ южную Италію. Нанятые византійцами для защиты отъ герцоговъ туземныхъ (*) и кажется обманутые ими, они имъ отомстили тѣмъ, что призвали на помощь новыя вольницы своихъ единоземцевъ и въ короткое время изгнали грековъ изъ всего поморья. Съ этимъ племенемъ, закаленнымъ въ боевой жизни, не могли бороться мелкіе бездушные князьки туземные: съ нимъ не могли бороться и болѣе воинственныя и сильныя сарацины. Рядомъ битвъ и подвиговъ почти баснословныхъ (*), соединенныхъ съ невѣроятнымъ постоянствомъ и терпѣніемъ и съ коварствомъ, отличавшимъ всѣхъ норманновъ, потомки норманца Танкреда Готевильскаго (de Hauteville) захватили всю южную Италію (*), вырвали Сицилію изъ рукъ африканскихъ магометанъ и основали могучее государство, имѣвшее значительное вліяніе на послѣдовавшую борьбу имперіи и папства. Имперія германская нашла въ нихъ неодолимую препону въ своемъ стремленіи распространиться на югъ; а имперія восточная нѣсколько времени трепетала передъ ихъ возрастающею силою и съ трудомъ остановила ихъ завоевательный порывъ по преимуществу помощію непоколебимой твердости саксонскихъ дружинъ, оставившихъ свою родяну, чтобы не покориться другимъ норманнамъ, завоевавшимъ ее.

(*) И отъ сарацинъ сицилійскихъ. *Прим. изд.*

(*) Напр. въ битвѣ при Эниѣ Рогеръ разбилъ 15,000 Сарацинъ съ семьями норманскихъ рыцарей *Прим. изд.*

(*) Послѣдній городъ, въ которомъ еще держались греки, Бары, былъ взятъ Робертомъ Гвискардомъ въ 1071 году. *Прим. изд.*

Мужество, не спасшее саксонской Англии на Гастингской равнинѣ, было главнымъ орудіемъ спасенія имперіи (*).

Въ этомъ-то уничтоженномъ состояніи Италіи особенно ясенъ законъ, связующій явленія историческія въ ихъ послѣдовательности,—прошедшее съ настоящимъ и настоящее съ будущимъ. Среди ея политическаго ничтожества и порабощенія всякой принятой власти живетъ одно—идея Рима, а идея Рима созидаетъ всю исторію среднихъ вѣковъ. Титулъ императора взять былъ Карломъ въ Италіи и съ Италіею казался онъ связаннымъ неразрывными узами. Французскіе Карловинги, забывая притязаніе на него, дряхлѣли въ бесплодныхъ усиліяхъ удержать за собою хоть ограниченную власть королевскую; германскіе погасли и возстановленное единство Германіи при Птицеловѣ не думало объ императорскомъ званіи. Ничтожные и минутные владѣтели сѣверной Италіи, едва схватившись за какую нибудь тѣнь власти, всегда спѣшили надѣть императорскій вѣнецъ на безсильную и безславную голову.

Конечно были и изъ нихъ люди не безъ энергіи и дарованій (какъ напр. Беренгаръ); но ихъ явленіе не измѣняло нисколько общаго хода историческаго и не клало никакихъ новыхъ основъ для скрѣпленія государства. Вообще можно замѣтить, что званіе императорское сгубило Карловинговъ. Оно создало какое-то условное единство, основанное на отвлеченномъ понятіи, и отняло у каждой мѣстности свою мѣстную энергію: или лучше сказать, унижая значеніе племенъ передъ государствомъ, обратило ихъ силы прогивъ самого государства: ибо каждое племя старалось обособить себя для удержанія своего значенія историческаго. Преемники же Карла, стремясь сначала достигнуть того величія, которое было завѣщано родоначальникомъ, не думали пользоваться для своихъ выгодъ этимъ племеннымъ стремленіемъ къ обособленію, а напротивъ того въ

(*) Въ битвѣ при Дурраццо (1081) участвовали значительные отряды англо-саксовъ. Хотя греки потерпѣли совершенное пораженіе, однако побѣда досталась такъ дорого норманнамъ, что они должны были остановиться въ своемъ наступательномъ движеніи. *Прим. изд.*

своемъ стремленіи къ государству отвлеченному разрывали свои связи съ дѣйствительно существующими государствами, т. е. съ ихъ мѣстными стихіями и, равнодушно допуская ихъ нестройное броженіе, окончательно гибли отъ борьбы съ силою, которою не хотѣли пользоваться и не думали управлять.

Но императорство было очевидно не способно обнять все приложеніе древне-римской идеи правомѣрнаго государства къ новой, христіанской эпохѣ: оно не содержало въ себѣ начала самоосвященія, котораго требовала мысль христіанская: ибо Западъ не понималъ еще невозможности совмѣщенія понятій христіанскихъ и понятій о государствѣ, т. е. вовлеченія христіанства въ государственную форму. Антагонизмъ этихъ понятій выказался позднѣе въ исторіи, а еще позднѣе въ сознательномъ мышленіи. Освящающее начало само стремилось выдѣлиться и стать въ независимость отъ всякаго внѣшняго вмѣшательства. Это стремленіе, хоть разумѣется еще безсознательно и не ясно, стало выражаться въ папѣхъ съ самаго того времени, какъ сношенія съ Востокомъ затруднились, какъ имперія менѣе могла имѣть вліянія на Римъ и какъ папа, духовный глава и почти свѣтскій правитель города, сдѣлался необходимымъ союзникомъ для Византіи, помогая ей удерживать остатки власти въ Италіи. Это время совпадаетъ съ эпохою Григорія Великаго и сомнѣнныхъ ему преемниковъ (*). Увеличеніе свѣтскихъ правъ папы было узаконено беззаконнымъ и несправедливымъ Фокою, и столбъ, который можно бы назвать позорнымъ, свидѣтельствуетъ донынѣ о гибельномъ благодѣяннн и постыдной благодарности. Но восходящее движеніе папства было, какъ уже сказано, обусловлено необходимымъ развитіемъ древне-римской мысли, привитой къ христіанству: оно не зависѣло ни отъ лицъ, ни отъ обстоятельствъ, а отъ сущности мысли и односторонности юридическаго образованія. Въ эпоху лонгобардовъ папство, подѣ без-

(*) Григорія II 715—731 г. и Григорія III—741., т. е. съ эпохою кончающеюся восшествіемъ на папскій престолъ папы Захарія въ 741 году. *Пр. ижд.*

престанною грозю гибели отъ ихъ вражды и при довольно частыхъ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ Византіи (особенно во время иконоборства), продолжало сильнѣе и сильнѣе дѣйствовать своими духовными оружіями на западъ и сосредоточивать около себя надежды и мысленныя силы древне-римскихъ стихій въ Италіи. Гроза лонгобардская не была уже дѣйствительно страшна этой власти вкорененной въ душахъ и убѣжденіяхъ, ибо сами лонгобарды вступили въ ту же мысленную область, изъ которой возникала идея папства; но побѣды Пипина отстранили даже возможность временнаго потрясенія и упрочили новое зданіе, давъ значительную власть свѣтскую духовному владыкѣ. Побѣды Карла довершили дѣло, начатое отцемъ, и послѣ смерти великаго императора папы быстро достигли высоты, которой никогда еще не достигали, и о которой вѣроятно не думали тѣ самые дѣятели, которые ее заготовили. Быть можетъ нѣкоторые предугадывали ее, какъ напр: хитрый и дальновидный Захарій; но ясно ее предвидѣть не могъ никто прежде догматическаго отдѣленія отъ востока. Почти въ одно время сокрушены были вещественныя препоны развитію римской мысли и духовныя узы, сдерживавшія ее посредствомъ соборнаго правленія все-церковныхъ дѣлъ и рѣшенія все-церковныхъ вопросовъ. Николай I-й и его преемники уже предвѣщали эпоху Гильдебрандтовъ.

Быть можетъ никакое правительство не падало такъ низко, какъ папство при послѣднихъ Карловингахъ въ Италіи; быть можетъ никакая идея не имѣла такихъ недостойныхъ и гнусныхъ представителей, какъ идея римскаго все-христіанства въ это смутное время. (*) Разбойники и непотребныя женщины даютъ тіару своимъ родственникамъ и любимцамъ; разбойники и любовники непотребныхъ женщинъ вѣнчаются ею. Насиліе и подкупъ распоряжаются всенародно папскимъ престоломъ, опираясь на согласіе или страхъ развратнаго народа, а иногда уступая его безсмысленнымъ страстямъ или погибая въ его кровавыхъ мятежахъ. По видимому самая мысль

(*) Оно начинается со смерти папы Формоза 896 г. *Пр. изд.*

должна была погибнуть; но она не могла погибнуть: она была мыслью всего западнаго міра, а не дѣломъ мѣстной гордости или мѣстнаго преданія. Весь западъ продолжалъ поклоняться людямъ, которыхъ окружало презрѣніе самыхъ близкихъ областей и повиноваться рѣшеніямъ людей, которымъ часто не хотѣлъ повиноваться ни одинъ изъ жителей города, котораго они были епископами и правителями. Римъ и черезъ него Италия продолжали содержать въ себѣ всю идею все-христианскаго государства въ лицѣ папы и въ титулѣ императора.

Древній Римъ погибъ прежде римской имперіи, которая сдѣлалась только воплощеніемъ римскаго права гражданскаго. Западъ перелилъ это право въ новое римское право церковное: по своей сущности оно должно было стать въ совершенную независимость отъ всякой мѣстной стихіи. Эту независимость окончательно узаконилъ Николай II-й (*); но на дѣлѣ она никогда не могла существовать иначе какъ при вооруженномъ вмѣшательствѣ другихъ державъ, или при глубокомъ убѣжденіи римлянъ, что всякое посягательство съ ихъ стороны на свободу епископскихъ или кардинальскихъ выборовъ повлечетъ за собою наказаніе. Память о прежней законности ихъ права на выборъ своихъ епископовъ существовала въ римлянахъ, во время паденія Карловингской династіи и безсмысленныхъ смуть, предшествовавшихъ возрожденію имперіи въ лицѣ Оттона I-го; они естественно возвратили себѣ это право, не справляясь о томъ, принадлежитъ ли оно уже имъ по закону или нѣтъ. Не было внѣшней силы для ихъ обузданія; не было внѣшней грозы для ихъ устрашенія. Такимъ образомъ явилось то странное противорѣчіе въ западной исторіи, что епископъ римскій часто повелѣвалъ всѣмъ романо-германскимъ міромъ и не могъ повелѣвать Римомъ. Римляне признавали право папы надъ всѣмъ христианствомъ, что признавалъ и весь западъ; но они признавали въ себѣ права надъ папою, чего кромѣ ихъ не признавалъ никто.

(*) На римскомъ соборѣ 1059 года. *Пр. изд.*

Ріензи, самъ того не сознавая, имѣлъ эту мысль; яснѣе выражалась она въ Арнольдѣ Брешианскомъ и въ Кресценціѣ при Оттонахъ: обвиненіе Кресценція въ томъ, будто бы онъ хотѣлъ Римъ передать византіяцамъ, было вѣроятно клеветою: но можетъ быть онъ имѣлъ безумную мысль посредствомъ Византіи освободить Римъ отъ германцевъ. Такая мечта, не смотря на свою безразсудность возможна. Вообще странное отношеніе Рима къ папству, или лучше сказать римской совѣсти къ папской власти не признано еще никѣмъ, а еще недавно оно выразилось въ историческихъ произшествіяхъ, напоминающихъ и Кресценція и Арнольда и Ріензи; но нашъ, вѣкъ сильно разрабатываетъ исторію и никогда не узнаетъ ни вѣянія ея духа, ни присутствія прошедшаго въ современномъ.

Такимъ образомъ выражалось съ жалкой исторію Италіи 9-го и 10-го столѣтій преемство исторической мысли, (которое есть ничто иное какъ общественное проявленіе мыслительныхъ началъ, живущихъ въ какомъ нибудь народѣ). Вслѣдствіе той самой широты требовавшей и внутренней гордости, которыя настоящему итальянцу представляли весь міръ, какъ одно великое государство, и Италію, какъ его несомнѣнное средоточіе, Италія отдѣльная никогда не была предметомъ особеннаго попеченія и цѣлью постоянной заботы. Въ ней люди мелкіе по значенію вещественному или силамъ душевнымъ жили, какъ вообще живетъ родъ человѣческой, со дня на день, безъ помысла; а люди сильные властію и духомъ жили своими помыслами и своими надеждами въ Италію, въ міръ, для котораго тѣсны были ея предѣлы, ибо онъ охватывалъ всю землю и все человѣчество.

Нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства между внутреннею жизнію Италіи и прежнею жизнію Евреевъ. Та же надежда призвать цѣлый міръ убѣжденіемъ или силою въ общую человѣческую семью; та же надежда первенствовать въ этой семьѣ и править ею: то же чувство кажущейся любви къ человѣчеству и гордости, враждебной человѣчеству. Разумѣется, христіанское чувство смягчало въ новомъ народѣ яркую и грубую односторонность древняго народа: но сходство внутренняго закона разительное.

Отъ того-то любовь къ отечеству никогда не получала въ Италіи того характера, который она имѣетъ въ другихъ странахъ, характера строительнаго, а довольствовалась мечтами: отъ того и мѣстные эгоизмы не находили никогда стремленія, которому должны бы были пожертвовать собою. Италія въ глазахъ лучшихъ изъ своихъ гражданъ казалась будущимъ средоточіемъ всемірнымъ: по никогда самостоятельнымъ членомъ въ великомъ обществѣ народовъ. Такое значеніе казалось ей не менѣе унижительнымъ чѣмъ рабство; и она сносила рабство терпѣливо потому, что всегда хотѣла господства, а не равенства. Надъ нею тяготѣло и тяготѣетъ до нашего времени гордое воспоминаніе древняго Рима, принявшее двѣ опредѣленныя формы—древнѣйшую, по менѣе разумную, имперію и новую, кажущуюся болѣе разумною даже въ наше время—панства. Временная свобода и самостоятельность нѣкоторыхъ частей Италіи являлась въ исторіи только выводомъ изъ борьбы этихъ двухъ формъ.

Очевидно, что точно также какъ идеалы имперіи и панства вытѣсняли изъ мысли италіянца идею объ отечествѣ, точно также самое панство должно было всегда быть враждебнымъ самобытности цѣльной Италіи: она имѣла бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вещественное подчиненіе папы той власти, которая представляла бы собою эту цѣльность, и поглощеніе его отдѣльной области и Рима—его капитолія. Съ другой стороны идея полной еократіи, которая была доступна до пѣкорой степени племенамъ германскимъ, допускавшимъ совѣсть и понятія нравственныя въ управленіе обществомъ, была совершенно чужда гражданскимъ понятіямъ, идущимъ отъ римскаго источника. При нихъ невозможно было полное преобладаніе церковно-правительственнаго начала, и отъ того въ Италіи никогда не созидался союзъ народовъ подъ панскою игомонією. Этому еще мѣшали взаимное недоброжелательство и зависть, отдѣлявшія не только область отъ области, но и каждый городъ ото всѣхъ другихъ городовъ внутри одной и той же области.

Эти враждебныя чувства были также историческимъ наслѣдствомъ отъ времени лонгобардскаго и отъ раздробленія, послѣдовавшаго за паденіемъ франкскаго единократнаго. Въ Италіи, долго раздѣленной между лонгобардами, византіяцами и мелкими полунезависимыми князьками, постоянная война была дѣломъ нѣсколькихъ вѣковъ и она бросила сѣмена ненависти, которыхъ послѣдующіе вѣка не могли искоренить; папство, будучи по своему римско-правительственному характеру враждебнымъ всякой свободной формѣ правленія, не могло положить основанія вольному союзу, а въ стремленіи каждой мѣстности къ свободѣ и самостоятельности находило непобѣдимую препону своимъ самодержавнымъ замысламъ. Въ исторіи Италіи является, правда, временный союзъ городовъ на сѣверѣ подъ покровительствомъ папы Александра: (*) но онъ былъ непродолжителенъ. Добросовѣстности не было ни въ городахъ, ни въ папѣ. Они были нужны другъ-другу противъ общаго врага императора; но въ то же время готовы были другъ-другомъ жертвовать для личныхъ выгодъ.

Вообще отношенія Италіи къ папскому престолу не совсѣмъ еще понятны историческою критикою: они отчасти тѣ же, которыя существовали и ясно выражались въ самомъ Римѣ. Италія была корнемъ папства; но понятіе о всевластности папской было не ея произведеніемъ, а произведеніемъ всего западнаго міра, только приведеннымъ въ систему внутри Италіи. Западъ видѣлъ въ папѣ представителя самаго Бога и покорялся ему: Италія видѣла въ немъ еще своего представителя и потому считала себя въ правѣ управлять его дѣйствіями и противиться имъ, когда они были противны ея волѣ. Въ папѣ Италія благоговѣла передъ собою. Отъ того и видно въ ней сочетаніе крайне-логическаго ученія о полновластіи папы (ультрамонтанизмъ) и крайнее пренебреженіе къ папѣ и постоянная готовность возставать противъ него. Но на внѣшнюю исторію дѣйствовало по преимуществу первое направленіе.

Оттокъ великій былъ призванъ въ Италію почти единоглас-

(*) 3-го противъ Фридриха Барбарссы въ 1168—77 годахъ. *Ир. изд.*

нымъ призваніемъ. Ее утомила безпрестанная смута; папу утомилъ его мятежный Римъ, всѣмъ нуженъ былъ покой подъ охраною сильной руки и тяжелаго меча: но мѣстное самолюбіе спасало себя, присвоивъ себѣ чужестранца посредствомъ брачнаго союза съ какою-то сомнительною наслѣдницею сомнительнаго владѣтеля туземнаго. Оттонъ съ радостію принялъ предлагаемую власть и предлагаемый титулъ, который передавалъ ему преемство Карла Великаго. Это преемство досталось человѣку, который былъ достоинъ его. Смуты Италіи улеглись подъ желѣзною рукою побѣдителя мадяровъ. Въ Германіи были люди, которые предчувствовали, какъ бѣдствененъ будетъ союзъ ея съ Италіею, и желали бы отклонить его: но большинство сочувствовало великому своему вождю и великой идеѣ имперіи и славы, которая въ Оттонѣ вѣчала всю Германію.

Можно смѣло сказать, что безъ союза съ Италіею Германія подверглась бы тѣмъ же смутамъ и распалась бы еще скорѣе. Вражда и зависть племенъ въ ней самой были такъ сильны, что внутренній миръ былъ невозможенъ и германецъ могъ болѣе уступить изъ своихъ мѣстныхъ требованій высокой идеѣ имперіи, чѣмъ сравнительно мелкому понятію королевства. Въ ней находилъ онъ поэтическое настроеніе, которое болѣе сообразно съ его духовною сущностію, чѣмъ сухіе расчеты простаго государственнаго быта. До нашего времени еще геройскій образъ Барбароссы находитъ отзывы въ душѣ его и мѣсто въ преданіяхъ; а этотъ государь былъ далеко не благодареніемъ для своей родины.

Титулъ императора возвысилъ короля германскаго и возвысилъ еще болѣе папу, возложившаго императорскій вѣнецъ на его. Германія возгордилась тѣмъ, что ея вождь сталъ выше всѣхъ владыкъ запада; Италія тѣмъ, что это возвышеніе получилъ онъ отъ нея. Изъ этого двойственнаго отношенія должны были со временемъ возникнуть недоразумѣнія, раздоры и глубокая вражда: но эти чувства не могли проявиться при Оттонѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Власть ихъ была

такъ сильна, что смуты народныя были невозможны. Къ тому же самое значеніе народа или племени было менѣе важно въ это время чѣмъ въ эпоху позднѣйшую. Правда, что Птицеловъ былъ королемъ по избранію и что избраніе составляло все право его рода: но въ то же время очевидно, что идея наследственности взяла вполне верхъ надъ идеею избранія, которое сохранялось болѣе какъ древняя форма чѣмъ настоящее право. Это явно изъ всѣхъ памятниковъ тогдашняго времени и доказывается выборомъ Гейнриха II помимо сильнѣйшихъ и достойнѣйшихъ соперниковъ. (*) Наиболѣе самостоятельная и сильная часть Германія, Саксонія, была сама средоточіемъ и корнемъ государства и давала королямъ огромный перевѣсъ надъ всѣми ихъ вассалами.

Она обратилась, какъ видно изъ исторіи Гейнриха III, чисто въ коронную землю и только въ послѣдствіи получила снова значеніе феодальной.

Области сохраняли нѣкоторую самостоятельность: выборъ герцоговъ или мѣстныхъ владѣльцевъ зависѣлъ отъ воли дружины аристократической болѣе, чѣмъ въ позднѣйшую эпоху: но за то утвержденіе ихъ вполне зависѣло отъ короля-императора. Общія же дѣла германскія были вполне въ воли его и императорскіе сеймы не имѣли никакого значенія. Очевидно, что при такихъ отношеніяхъ Италія ничѣмъ не была обижена противъ Германіи и ни въ чемъ ей по справедливости завидовать не могла. Такова одна изъ причинъ, почему въ ней и не было общей причины народной къ возстанію.

При усиленіи обще-германскихъ сѣздовъ и при восстановленіи начала избранія, положеніе Италіи унизилось въ сравненіи съ Германіею и очень понятны требованія ея, вполне соответствующія

(*) Эти соперники были маркграфъ Экгардъ Мейсенскій и герцогъ Германнъ Швабскій; самъ же Генрихъ былъ герцогомъ баварскимъ и троюроднымъ братомъ Оттона III-го. *Прим. изд.*

новымъ правамъ стороны за-альпійской: но законность этихъ требованій не могли допустить ни императоръ, ни гордость Германіи, признававшей за собою неотъемлемое превосходство и голосъ рѣшительный въ дѣлахъ имперіи. Равноправства Италіи она даже не понимала.

Другою, еще важнѣйшею причиною безпрекословнаго повиновенія Италіи было то, что она не нашла еще себѣ полного представителя. Идея папства не созрѣла. Императоры спасли самую независимость папы и его достоинство отъ Рима и его волненій. Твердо возстановили они прежнія права имперіи надъ римскимъ престоломъ, неуступчиво пользовались они ими; а спасенные папы покорялись не совсѣмъ неохотно, ожидая счастливѣйшаго для себя времени и готовясь въ тишинѣ къ будущему величію.

Разумѣется въ этой, повидному дальновидной, хитрости было, какъ во всѣхъ дѣлахъ историческихъ, менѣе хитрости чѣмъ безрасчетной простоты. Тяжело лежала на епископахъ Рима память о той страшной и унижительной годинѣ, которая предшествовала призванію Оттона: они боялись утратить покровителя и потому покорялись владыкѣ: а готовили свою будущую силу и будущее оружіе, потому что сами были орудіями общей идеи, которая не могла остановить своего развитія.

Древній міръ продолжалъ быть и для новыхъ народовъ единственнымъ источникомъ высшей законности. Историки западные, находя въ лѣтописяхъ, что вожди варваровъ, воюя противъ Рима и опустошая его предѣлы, въ то же время просили почетныхъ титуловъ и признанія правъ, основанныхъ на силѣ, приписываютъ обыкновенно такое противурѣчіе между дѣломъ и словомъ хитрости и расчету: это толкованіе ложно. Во всѣхъ варварахъ было глубокое благоговѣніе къ великой имперіи; а въ ихъ вождяхъ было чувство, что они начинаютъ новую эпоху и должны оторваться отъ своей старины, чтобы новое получило корень и законность. Они не имѣли, разумѣется,

яснаго понятія объ обществѣ народовъ, о которомъ такъ много говоритъ новая эпоха (нисколько не опредѣляя своей мысли); но они имѣли объ немъ смутное понятіе, какъ признаніи одного общаго права всѣми народами. По этому всѣ народы хотѣли свое право основать не на одной случайности силы военной и не на своихъ частныхъ понятіяхъ, но на признаніи и такъ сказать благословенія обще-почитаемаго авторитета — историческаго Рима. Въ этомъ былъ и разумъ и какая-то юридическая поэзія. Королю нуженъ былъ патриціатъ, а еще позднѣе имперія.

Должно замѣтить, что это стремленіе, разумѣется усиленное христіанствомъ, не зависѣло отъ него и выражалось не разъ у язычниковъ. Оно повторяется на далекомъ востокѣ въ отношеніяхъ среднеазійскихъ ордъ къ Китаю. Сила требовала признанія, т. е. юридическаго благословенія, также какъ воинъ не разъ требовалъ благословенія у жреца и въ случаѣ отказа вынуждалъ это благословеніе угрозою и силою меча. Магометанскій міръ не просилъ признанія у другихъ: онъ слишкомъ глубоко вѣрилъ въ свое начало, признавая его обще-человѣческимъ. Персія также: она имѣла свою исторію и свой полный кругъ жизни.

Таковы мысленные законы, которымъ повиновались и Карлъ Великій и великій Оттонъ: такова причина, почему кромѣ папскаго благословенія, они искали союза съ Византіею и если можно, союза брачнаго съ ея владыками. Быть можетъ, въ нихъ было еще и не ясное чувство зависимости отъ папской власти, наложившей на нихъ вѣнецъ и желаніе найти своему новому званію новую основу, болѣе прочную и дающую самостоятельность ихъ имперіи въ глазахъ ея подданныхъ и всѣхъ другихъ народовъ. Оттону удалось то, чего неудачно домогался Карлъ: но бракъ Оттона II съ Теофаніею, оставшіяся конечно не безъ послѣдствій въ движеніи просвѣщенія ерронейскаго, не имѣлъ тѣхъ историческихъ послѣдствій, которыхъ искалъ германскій императоръ, или по крайней мѣрѣ, не имѣлъ ихъ вполне.

Народы, заключенные въ логику понятій, завѣщанныхъ древнимъ міромъ и положившіе основу новому просвѣщенію, искали формъ болѣе полныхъ и способныхъ выразить весь объемъ ихъ вѣрованій. Они благоговѣли передъ идеею государства и широкаго права общественнаго и потому благоговѣли передъ имперією: но они чувствовали, что ей не достаетъ самостоятельной святости. Усыновленіе новой имперіи древнею могло быть дѣломъ важнымъ (и едва ли спокойное престолонаслѣдіе саксонскаго дома не зависѣло отъ него); но оно далеко не удовлетворяло тайному требованію западнаго міра. Папское благословеніе оставалось необходимостію. Самое родство съ греками не могло быть пріятнымъ римскому двору и потому, что оно давало императору нѣкоторую самостоятельность правъ и потому, что оно сблизало его съ христіанствомъ, не признающимъ притязаній Рима: а родственныи союзъ съ Грецією имѣлъ дѣйствительно важность, которой, кажется, не замѣчаютъ новѣйшіе историки. Теофанія въ скорое время приобрѣла могущественную партію, съ которою не безъ труда боролась западная партія подъ покровительствомъ Оттоповой вдовы. (*) Такого значенія Теофаніи нельзя приписать ея личнымъ качествамъ: оно принадлежало ей, какъ представительницѣ усыновленія новой имперіи старою и покровительницѣ другихъ началъ просвѣщенія высшаго, еще неизвѣстныхъ западному міру, но способныхъ увлечь его за собою или по крайней мѣрѣ измѣнить односторонность его развитія. Сочувствія находила партія Теофаніи болѣе въ Италіи чѣмъ въ Германіи и это сочувствіе было безспорно враждебно папскому двору. Этому находятя для безпристрастной критики два доказательства весьма ясныя, одно въ клеветѣ или преувеличенномъ обвиненіи Кресценція (главы анти-папскаго мнѣнія) въ желаніи измѣнить имперіи и передать Римъ Византійцамъ; другое въ огромномъ вліяніи столѣтняго пустынника (**) грека — Нила калабрскаго. Въ первомъ случаѣ видно намѣреніе посѣять вражду между

(*) Ср. *жизнеопис. Адалгейды Од. Клонійскаго. Гл 6—8*

(**) Род. 910 г. + 1005. *Пр. изд.*

императоромъ и Византією: въ другомъ невольное и глубокое почтеніе, внушаемое Западу достойными представителями Востока: ибо Ниль калабрскій представлялъ безъ сомнѣнія одно изъ самыхъ высокихъ и поэтическихъ лицъ своего вѣка и восходя по своему долголѣтію къ тому времени, когда еще раздѣленіе церквей было не создано, напоминалъ время высшаго, тогда уже утраченнаго единства. Кромѣ этихъ видимыхъ и вещественныхъ признаковъ византійскаго вліянія, легко можно отыскать слѣды его во всей жизни двухъ послѣднихъ Оттоновъ, особенно въ чисто-византійскихъ формахъ, данныхъ гениальнымъ Гербертомъ (Сильвестромъ) плану имперіи и ея сочлененія, охотно принятому Оттономъ III. За всѣмъ тѣмъ признавая всю важность вліянія мысли византійской на Италію и Германію Оттоновъ и еще большую важность, которой оно могло достигнуть, еслибы дни Оттона III продлились и система его перешла къ прямому наслѣднику; признавая опасность, которою оно могло угрожать римскому владычеству, нельзя также не признавать и того, что опасность могла быть только временная и что никакая пришлая стихія не могла на долго бороться съ логическимъ развитіемъ мѣстныхъ стихій, утвердившихся уже въ форму религіозную.

Судьба запада и путь его развитія могли бы измѣниться значительно только въ такомъ случаѣ, еслибы удалась попытка къ соединенію церковному между западомъ и востокомъ: но она не могли имѣть успѣха. Корень раздора, какъ сказано уже, таился въ самой глубинѣ всего мысленнаго образованія этихъ двухъ частей эллино-римскаго міра, изъ которыхъ одна знала только внѣшне-логическій и юридическій строй мысли, а другая проникала или стремилась проникнуть въ полноту разума и въ живые источники душевныхъ силъ. Превосходство же римской мысли, отчасти уже мало доступное западному просвѣщенію, скрывалось еще и позорилось безобразіемъ общественныхъ учрежденій Византіи и ея государственною слабостью.

Первое время управленія Италіи императорами германскими было особенно спокойно. Власть была въ рукѣ опытной и сильной: отдыхъ былъ всѣмъ нуженъ: попытки къ возстаніямъ мѣстнымъ, слѣдствія привычки къ самоуправству, были легко подавляемы. Оттонъ II любилъ Италію и не жалѣлъ германскихъ силъ для ея охраны: самъ же онъ былъ ей любезенъ какъ сынъ италіянки и какъ человѣкъ, которому мягкіе нравы юга болѣе нравились, чѣмъ дикій обычай сѣвера хотя въ южной мягкости часто и почти всегда гораздо болѣе истинной жестокости, чѣмъ суровости въ сѣверной. За всѣмъ тѣмъ ни Оттону первому, ни второму не удалось ни сарацынъ изгнать изъ южной Италіи, ни вытѣснить, хотя они и стѣснили византійцевъ, ни уничтожить независимость герцоговъ сполетскихъ, беневентскихъ, салернскихъ и другихъ, которые объявляли себя то вассалами германскаго императора, то мнимыми слугами и патриціями Византіи. Съ трудомъ спасся даже Оттонъ II въ неудачномъ походѣ отъ побѣдителей сарацынъ и грековъ и умеръ въ то время, когда готовилъ сильный походъ на югъ для завоеванія всей южной Италіи и изгнанія аравитянъ изъ Сициліи; не смотря на то, что весь сѣверъ до самаго Гамбурга былъ опустошенъ и завоеванъ возстаніемъ приморскихъ славянъ, съ смертью молодаго императора (683 г.) наступило время новыхъ смуть. Малолѣтній сынъ его не безъ труда получалъ наслѣдіе отцовское. Германскіе войска оставили Италію въ добычу ея собственному безначалію. Снова усилилась власть византійцевъ: снова стали своевольничать всѣ мелкіе князьки: снова сталъ Римъ и его буйная аристократія распорядиться папскимъ престоломъ и возводить на него всякое отребье человѣческое. При малолѣтнемъ государѣ, при женщинѣ правительницѣ въ эпохѣ, въ которой еще ничто не устоялось, а всѣ стихіи бродили и безплодно искали законныхъ взаимныхъ отношеній, иначе и быть не могло. Съ совершеннолѣтіемъ Оттона III наступила снова сравнительная тишина. Правда, что во все свое непродолжительное царствованіе онъ велъ безирестанную борьбу съ своеволіемъ римлянъ и не разъ долженъ былъ ихъ унимать

военною грозою съ опасностью собственной жизни: за то онъ распоряжался папскимъ престоломъ почти безусловно, назначая кого хотѣлъ во вселенскіе епископы. Но самая борьба происходила не отъ безсилія, какъ при позднѣйшихъ императорахъ, а отъ желанія примирить партіи раздварающія Римъ и пріобрѣсть любовь народа, который не зналъ своей собственной воли. Наконецъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ строгости и къ мѣрамъ неизвѣстной жестокости, казнивъ Кресцентія и папу, избраннаго его дружиною подъ именемъ римскаго народа (*). Такимъ образомъ укротилъ онъ временный мятежъ. Епископы, назначенные императоромъ, были люди достойные своего званія или по добродѣтели или по гению, какъ Гербертъ (Сильвестръ), долго смущавшій Францію своими происками, потомъ пріобрѣтшій безграничную довѣренность германской регентши, Адэльгейды, вдовы Оттона I, и безспорно стоявшій въ отношеніи къ знанію и умственной силѣ далеко выше своего времени. Это превосходство выразилось въ сказаніяхъ народа итальянскаго, оскорбленнаго самовластіемъ императора, назначившаго папу, такъ, что они представляютъ Сильвестра злымъ волшебникомъ и ученикомъ злыхъ духовъ, которымъ онъ продалъ душу свою въ школъ испанскихъ мавровъ.

Такое сказаніе о Сильвестрѣ объясняетъ и развязку сказки о сыновьяхъ Аймона, гдѣ Малагазъ волшебникъ кончаетъ жизнь свою въ званіи папы.

Смерть прекратила царствованіе Оттона III и союзъ императора съ папствомъ. Папъ Сильвестра остался неисполненнымъ, планъ глубоко расчитанный и стройно составленный, по которому императоръ являлся видною главою всего германско-итальянскаго міра съ властію почти неограниченною, между тѣмъ какъ папа становился истинною, хотя едва замѣтною душою, оживляющею и связывающею весь его орга-

(*) Юанна. XVI-го.

низмъ. За смертью Оттона послѣдовали новые безпорядки: Италия хотѣла воспользоваться правомъ выбора также какъ и каждое отдѣльное племя Германіи. Наслѣдственное право Генриха II восторжествовало на сѣверѣ, а сила имперіи на югѣ. Не смотря на слабость своего характера, на неудачныя войны съ Польшею, въ которыхъ онъ терпѣлъ безпрестанныя пораженія отъ Болеслава, и на частыя ссоры съ вассалами, Генрихъ распорядился римскимъ престоломъ почти также свободно какъ его предшественникъ и встрѣчалъ упорное сопротивленіе только въ городахъ Ломбардіи, которые продолжали возвышаться благосостояніемъ и богатствомъ вслѣдствіе очевиднаго превосходства просвѣщенія надъ остальнымъ западомъ и счастливаго положенія на перепутинъ восточной торговли. Между тѣмъ феодализмъ, которая уже вошла до нѣкоторой степени въ нравы итальянскіе съ самаго времени Фравкскаго владычества, продолжала усиливаться подъ правленіемъ германцевъ, тогда уже не понимавшихъ возможности другаго устройства и забывшихъ почти совершенно прежнюю аллодіальность, хотя слѣды ея еще оставались до послѣднихъ Гогенштауфеновъ. Богомольный Генрихъ, любимецъ духовенства (съ которымъ онъ впрочемъ часто ссорился по тому самому что безрестанно занимался его дѣлами), ограничилъ до нѣкоторой степени власть папскую тѣмъ, что утвердилъ (также какъ послѣ него Конрадъ) рѣшеніе помѣстнаго собора, (*) почти запретившаго апелляцію къ римскому двору противъ

(*) Concil. salgunstadiense can. XVI, XVIII Harduin VI, 1. 827. Собственно говоря Генрихъ не утверждалъ рѣшеній этого собора, но не протестовавъ противъ нихъ онъ тѣмъ самымъ какъ бы далъ имъ свою санкцію. Что же касается до утвержденія этихъ правилъ Конрадомъ, надо думать, что авторъ имѣлъ въ виду Трибурскій соборъ, собранный Конрадомъ II въ 1035 или 36 году, о которомъ Гилдесгеймская хроника говоритъ, что на немъ подтверждены были рѣшенія прежнихъ соборъ, но не извѣстно какихъ именно. Гилебрехтъ на противъ говоритъ что Трибурскій соборъ отмѣнилъ значеніе собора Зелигеншторскаго II т. 281 стр. *Пр. изд.*

мѣстныхъ епископовъ; но въ то же время глубокимъ, благоговѣйнымъ почтеніемъ, оказаннымъ папѣ, котораго онъ пригласилъ въ Германію, (*), возвысилъ его значеніе въ глазахъ подданныхъ, мало понимающихъ отвлеченности юридическія и ясно сознающихъ величіе сана, передъ которымъ императоръ преклонялся какъ передъ божественною святынею. Южная Италія снова поднала почти исключительной власти грековъ, которые подъ предводительствомъ искусныхъ полководцевъ и особенно непобѣдимаго Маніака, грозы восточныхъ сарацинъ, едва не вытѣснили африканцевъ изъ всей Сициліи и заставили мелкихъ итальянскихъ князьковъ покоряться управѣ византійскихъ Катанановъ. Имперія была стѣснена: но власть ея не слабѣла внутри ея границъ и даже уже тѣмъ оказывала свое возрастающее могущество, что несколько не падала при лично слабомъ государѣ, не внушавшемъ ни страха, ни даже большаго уваженія, хотя исторія должна отдать справедливость его частнымъ добродѣтелямъ. Послѣ бездѣтнаго Генриха новый выборъ Конрада, ближайшаго родственника саксонскому дому, доказалъ снова стремленіе къ наследственности въ Германіи и возвелъ на престолъ челоуѣка съ могущею волею, съ воинскими доблестями и съ дальновидностью въ дѣлѣ государственномъ. Италія протестовала снова; но опять протестовала съверная Италія (**), а не римскій дворъ, который еще чувствовалъ необходимость большой государственной силы для скрѣпленія все-христіанской системы (*tota christianitas*) и для охраненія ея самаго отъ насилій мѣстнаго населенія и отъ ересей усиливавшихся въ Ломбардіи. Ломбардія же протестовала потому, что признавала за собою такое же право на выборъ какъ и за Германію; но ни кто не хотѣлъ воспользоваться властью предлагаемою итальянцами (***). Имъ мало вѣ-

(*) Бенедикта VIII. въ 1020 год.

(**) Избраніемъ Вильгельма Аквитанскаго (*Пр. изд.*)

(***) Сначала корона предложена была королю Роберту, но за отказомъ его обратились къ герцогу Аквитанскому, который принялъ ее не для себя, а для малолѣтняго сына. *Пр. изд.*

рили, а Конрада боялись. При немъ императорская власть окрепла снова и вскорѣ достигла высшей степени своего развитія при Генрихѣ III, не смотря на многія его неудачи въ войнѣ противъ чеховъ и противъ венгровъ и на усиленіе въ южной Италіи новыхъ властителей — норманновъ, отчасти впрочемъ признававшихъ себя вассалами имперіи. Конрадъ и по преимуществу сынъ его распоряжались имперскими ленами совершенно произвольно, не справляясь ни съ волею народа, ни съ родственными отношеніями новыхъ ленниковъ къ прежнимъ. Точно также и еще своевольнѣе распоряжались они епископствами и отчасти папствомъ. Казалось имперія стала въ мірѣ западномъ такъ твердо и съ такимъ неоспоримымъ могуществомъ, возрастаніе ея было такъ послѣдовательно, что ей нечего было бояться никакого соперника, а между тѣмъ она дошла до той эпохи, когда соперникъ, собравшій силы свои въ тишинѣ и въ недосыгаемомъ святилищѣ совѣсти человѣческой, готовъ уже былъ нанести ей ударъ, которому она не могла противустать и отъ котораго она никогда не могла оправиться. Самая хитрость самодержавнаго Генриха, расширившаго епископскія области на счетъ свѣтскихъ ленниковъ, чтобы избавиться отъ опасности послѣдственныхъ леповъ, дала его сыну только ненадежныхъ союзниковъ, вскорѣ обратившихся въ опасныхъ враговъ по естественному стремленію ихъ къ усилению своего сословія и его іерархическаго значенія.

Развитіе
папства.

Между тѣмъ какъ власть папъ въ Римѣ была безпрестанно подвержена мятежамъ и своеволію знатнаго и развратнаго народа а еще болѣе развратной аристократіи и ея дружинъ, какъ самая жизнь ихъ подвергалась нерѣдко опасности и какъ императоры дѣлались по видимому самовластными хозяевами римскаго престола, угрожая ему тою же зависимостью, съ которой византійскіе императоры держали патріарховъ, значеніе папъ становилось все важнѣе и важнѣе на западѣ. Путь къ ихъ будущему величію былъ проложенъ въ народныхъ убѣжденіяхъ чувствомъ необходимости правительственнаго авторитета въ дѣлахъ духовныхъ, какъ скоро міръ духовный былъ

признавъ не міромъ всехранящей любви и благодати, но міромъ права виѣшняго, подчиненнаго тѣмъ же законамъ и тѣмъ же расчетливымъ соображеніямъ, какимъ подчиняются всѣ другія земныя явленія. Идея римская не могла не придти къ такому выводу, а она одна и правила всею духовною сущностью запада. Лже-Исидоровы Декреталіи были первымъ оружіемъ, которымъ вооружилось папское всевластіе, и оно сломило сопротивленіе мѣстныхъ владыкъ-епископовъ, свободу мѣстныхъ церквей, которую Карлъ Великій надѣялся обезпечить организаціею метрополій, и самонадѣянность государей, осмѣлившихся въ дѣлѣ духовномъ послушаться папскаго приговора. Къ готовому оружію присоединилось по расчету ли, или по естественному ходу развивающейся мысли, могучее войско—бenedиктинское монашество. Франція и Германія, особенно сѣверная, покрылись сѣтью ихъ обитателей, богатыхъ, ученыхъ, независимыхъ отъ мѣстнаго духовенства, ревностныхъ къ проповѣди, тѣсно связанныхъ между собою, крѣпко связанныхъ съ Римомъ: при Дунстанѣ завоевали они Англію; при императорахъ дома саксонскаго вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства въ земляхъ прибалтійскихъ славянъ раскинули они свои релігіозныя колоніи за прежніе предѣлы христіанскаго міра, и вездѣ, какъ знаменосцы строго построеннаго ученія, сопровождаемаго особеннымъ стремленіемъ къ великолѣпному обряду и къ какому-то обрядовому идолопоклонству, онѣ завладѣли мыслию и сочувствіемъ народа, готовя въ немъ безусловныхъ подданныхъ папскому престолу

Такъ напр. еще необращенныхъ славянъ привлекали бенедиктинцы къ наружнымъ обрядамъ христіанства, ставя на верху церквей, или нарѣзывая на ракахъ святыхъ изображеніе пѣтуха, священнаго животнаго и вѣроятно символа солнца и войны по языческому понятію. Очевидно въ нихъ уже высказываются всѣ начала и правила, которыя приведены были въ строгій порядокъ и ясно сознанную систему позднѣйшими іезуитами.

Заслуги бенедиктинцевъ неоспоримы: въ земляхъ славянскихъ они служили туземцамъ нѣкоторою, хотя весьма не-

достаточною защитою противъ неистоваго корыстолюбія мѣстнаго духовенства и противъ невыразимой жестокости саксонцевъ завоевателей; вездѣ по всей западной Европѣ распространяли они нѣкоторыя, хотя и весьма неясныя, и отчасти и ложныя понятія о вѣрѣ въ народѣ, о которомъ ни епископы, ни ихъ прямыя подручники не имѣли никакого попеченія, оставляя его въ совершенномъ невѣжествѣ. Вообще должно замѣтить, что вслѣдствіе завоеванія германскаго и франкскаго и отношенія туземцевъ къ завоевателямъ духовенство примкнуло къ дружинѣ и скоро отдѣлилось отъ народа, которому оно служило нѣсколько времени защитою и представителемъ. Этого, разумѣется, не было въ саксонской Англии и оттого въ ней успѣхи бенедиктинцевъ были особенно гибельны; но въ Германіи сильныя дружинники считали епископство почти такимъ же правомъ своего сословія, какъ и преемство военныхъ леновъ, и первые салійцы (также какъ и послѣдній изъ саксонскихъ императоровъ) должны были употреблять власть свою, чтобы сколько нибудь власть предѣлы этому беззаконному притязанію, котораго искоренить не могли ни они, ни позднѣйшіе папы. Очевидно противодѣйствіе обще-христіанской дружины, бенедиктинскаго монашества, было въ этомъ отношеніи полезно и почти необходимо; но очевидно также, что добромъ и зломъ своего усиленія оно служило идеѣ церковнаго государства.

Во Франціи по спорамъ о правахъ Герберта (*) (бывшаго потомъ папою) духовенство старалось положить предѣлы самовластію римскаго двора; но оно не было поддержано властію королевскою, тогда еще безсильною и искавшею союза съ Римомъ; нѣсколько позже оно вмѣстѣ съ королемъ покорилось рѣшенію римскаго епископа и его интердикту по дѣлу

(*) На Реймскую кафедру, на которую онъ былъ избранъ по изложеніи архіепископа Арнульфа, безъ согласія папъ. Ср. *Viscni Sigon. L. IV.* и относящіеся къ этому дѣлу соборы у Гардуина VI. I. *Пр. изд.*

о разводѣ короля Роберта: въ Германіи, обращенной проповѣдію Бонифація, поставившаго себя и своихъ преемниковъ въ прямыя отношенія къ Риму принятіемъ присяги въ покорности его суду (эту присягу прежде приносили только епископы собственно подгородные Риму, т. е. викарные), самыя преданія о независимости не существовали.

Такова причина почему въ ней и неизвѣстна была та система, лишенная всякой логической основы, но до нѣкоторой степени охраняющая мѣстную свободу, которую называютъ вольностями галликанской церкви (*libertés de l'Eglise gallicane*).

За границею прежняго христіанскаго міра славянскія земли, принимая христіанство, становились въ прямую зависимость отъ папскаго престола еще гораздо болѣе, чѣмъ отъ имперіи; ибо съ одной стороны связь завоеванія менѣе тверда, чѣмъ связь, основанная на релігіозныхъ вѣрованіяхъ, а вѣрованія эти были направлены въ духѣ чисто-римскомъ: во вторыхъ независимые славяне, — Польша и полу-независимые, Моравія и Чехія, были скорѣе враждебны къ императорамъ, чѣмъ склопны къ союзу съ нимъ и къ повиновенію. Польша считала себя болѣе обязанною королевскимъ титуломъ своихъ владыкъ духовному правителю всего христіанства, чѣмъ свѣтскому владѣтелю одной только части христіанскаго міра, хотя она собственно получила королевскій вѣнецъ отъ императора. Мадьярская корона Св. Стефана была даромъ папскаго двора и сіяла его благословеніемъ. Далѣе на сѣверѣ повозобращенная Скандинавія, чуждая имперіи, хотя и признающая ея высокое значеніе (вмѣстѣ со всѣмъ Западомъ) была уже живымъ членомъ церковнаго государства.

Это стремленіе скандинавовъ доказывается путешествіемъ Канута для поклоненія въ Римъ: дѣйствительно въ то время уже никакое обращеніе народное на Западѣ не могло основать церкви свободной, а непремѣнно усиливало римскій престолъ.

Испания, съ успѣхомъ завоевывала свою свободу, мало-помалу отодвигала аравитяцъ къ югу: норманны, вытѣсня грековъ изъ Италіи и сарацинъ изъ Сициліи, расширили область панскую и безпрестанно обращались къ нему, прося его пастырскаго благословенія. Созрѣвали огромныя силы, тѣмъ непреодолимѣйшія, что онѣ не основывались на вещественной случайности и на насиліи, всегда сопровождаемомъ враждою и раздраженіемъ. А между тѣмъ, какъ могущество престола римскаго росло невидимо и неосвязаемо для свѣтской власти, высшіе представители этой власти, императоры, раздражали неизвѣстную имъ силу не только строгимъ пользованіемъ своими правами на утвержденіе епископовъ римскихъ (это было необходимо для самыхъ панъ), не только злоупотребленіемъ этихъ правъ (ибо они присвоили себѣ непринadleжащее имъ право назначать панъ), но еще паглымъ злоупотребленіемъ своихъ правъ на утвержденіе всѣхъ епископовъ, продавая священныи санъ за деньги часто недостойнымъ, назначая епископовъ по прихоти, для награжденія за заслуги, для обогащенія преданныхъ имъ семействъ, наконецъ для достиженія всякихъ своекорыстныхъ и часто преступныхъ цѣлей. Негодование становилось сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ усиленія злоупотребленій и особенно по мѣрѣ возрастающаго сознанія собственныхъ силъ въ римскихъ владыкахъ. Жалобы становились чаще и чаще. Всѣ лучшіе члены духовенства глубоко чувствовали оскорбленіе своего достоинства. Чистѣйшіе изъ мірянъ сочувствовали имъ: совѣсть человѣческая просыналась и роптала, ибо христіанство, давно уже признанное, становилось яснѣе и требовательнѣе съ увеличивающимся просвѣщеніемъ. Разрывъ между двумя великими идеями былъ близокъ и Италія, ихъ общее средоточіе, должна была потребовать своей исторической жизни.

Ни одинъ изъ императоровъ прежнихъ (за исключеніемъ разумѣется основателя западной имперіи Карла) не былъ такъ самовластенъ какъ Генрихъ III и ни одинъ не встрѣчалъ такъ мало сопротивленія, не смотря на многія неудачи въ войнахъ съ другими народами (чехами и мадьярами), весьма важныя въ

общественномъ мнѣніи такого воинственнаго вѣка, и не смотря на крутой правъ и своеволие, которые удаляли всякое чувство любви личной къ нему. Паденіе императорской власти немедленно послѣ его смерти приписываютъ историки слабости и разврату его преемника и могучему характеру папъ, случайно возведенныхъ на престолъ въ концѣ XI вѣка. Такое объясненіе крайне односторонне. Нельзя отрицать значенія лицъ и случайностей историческихъ: но нельзя не чувствовать, какъ ничтожно ихъ дѣйствіе въ сравненіи съ необходимостью исторической, которая не имѣетъ ничего общаго съ фатализмомъ, ибо онъ одинаково безплоденъ для науки, въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся, въ грубомъ ли видѣ магомедаизма, въ простодушной-ли телеологіи историковъ христіанскихъ, слѣдящихъ за непонятными путями Провидѣнія и думающихъ усмотрѣть перстъ Божій въ дѣлахъ человѣческихъ, или въ мистической телеологіи ученыхъ философовъ Германіи, понимающихъ развитіе исторіи не какъ развитіе основныхъ мыслей, лежащихъ въ началѣ обществъ, но какъ стремленіе къ будущимъ идеямъ, бессознательно осуществляемое обществами людскими и движущее ихъ какою-то таинственною силою, которой точка отправления заключается не въ причинахъ явленій, но въ ихъ послѣдствіяхъ, наперекоръ логики и здравому смыслу.

Понятно, что люди энергическіе умомъ и волею протестовали словомъ, часто насмѣшливымъ, противъ всѣхъ этихъ историческихъ системъ. Такъ Наполеонъ говорилъ: «Богъ стоитъ за многочисленныя войска» (*Dieu est pour les gros bataillons*). То же самое говорятъ Фридрихъ II въ иныхъ словахъ; то же самое говорятъ или думаютъ всѣ великіе дѣятели общественные на поприщѣ войны или мира. — Глубоко поэтически сказалъ германецъ: *und in dem Heute wandelt schon das Morgen* и англичанинъ: *«and coming events cast their shadows afar»*. Настоящее время предчувствуетъ будущее, ибо будущее въ немъ заключается какъ плодъ въ зародышѣ: но нельзя сказать, что будущій плодъ обуславливаетъ развитіе зародыша, или чтобы послѣдствіе обуславливало свою причину: а таково ученіе историческое всей Гегелевой школы. Въ немъ слѣшаны два

пути,—синтеза, который есть законъ проявленія—и анализа, который есть законъ познанія, по преимуществу логическаго или разсудочнаго. Анализъ отъ существующаго восходитъ къ его причинамъ въ прошедшемъ. Таковъ путь критики исторической и историческаго изслѣдованія. Исторія въ своемъ проявленіи отъ существующаго какъ отъ причины идетъ къ будущему, т. е. къ слѣдствію. Это два пути совершенно противоположные и смѣшеніе ихъ произошло отъ забавнаго непониманія простоты человѣческаго слова. Глядя на башню человѣкъ говоритъ: «она стоитъ, слѣд. она выстроена», на человѣка убитаго ядромъ: «онъ убитъ ядромъ, слѣд. выстрѣлили», и многоученый міръ книжный пишетъ исторію по этой формулѣ, не понимая того, что неучелый пропускаетъ въ ней (и весьма сознательно) слово: «я знаю, что башня стоитъ;» «я знаю, что она выстроена» и т. д. Явленіе обусловливаетъ мое познаніе объ его причинѣ, или иначе свою причину въ моемъ познаніи, а не причину своего существованія въ ней самой. Фатализмъ магометанина, телеологія христіанскихъ писателей—все это признаніе въ невѣжествѣ или непониманіи. Телеологія Гегелевой школы—чистая нечѣстность, облакающая себя въ ученныя формы. Наука историческая старается понимать связь причинъ съ ихъ послѣдствіями, логику дѣйствительной исторіи и называетъ эту связь необходимостью, не входя въ гаданія и допуская, что въ самой этой исторической логикѣ могутъ проявиться пути Провидѣнія, не открывающаго своихъ тайнъ, но достигающаго своихъ цѣлей посредствомъ законной свободы и вольнаго дѣйствія человѣческаго разума.

Всякая односторонняя мысль при своемъ осуществленіи и полномъ торжествѣ проявляетъ яспѣе свою односторонность. Покуда она еще борется съ другими мыслями и направленіями, она не можетъ еще выразиться вполне и слѣд. быть осмотрѣнною со всѣхъ сторонъ полусознаніемъ человѣческимъ (ибо таково оно во всѣ времена, а особенно въ тѣ эпохи, когда человѣкъ болѣе дѣйствуетъ, чѣмъ мыслить аналитически). Она стремится впередъ къ своему осуществленію, увлекаетъ народы своею относительною правдою и высотой передъ другими мыслями и стремленіями частными и еще менѣе ея раз-

умными. Идея имперіи имѣла свою истину не только въ отношеніи историческомъ, какъ выводъ изъ понятій завѣщанныхъ римскимъ просвѣщеніемъ, но и въ отношеніи къ законному и разумному требованію широкой правды гражданской и внутренняго мира, къ которому должно стремиться человечество. Этою стороною оно имѣло явное превосходство передъ нестройнымъ желаніемъ обособленія въ отдѣльныхъ племенахъ и странахъ, и передъ тѣмъ смутнымъ броженіемъ началъ, которыя предшествовали ея явленію и вступали съ нею въ неравную борьбу. Она восторжествовала, и тогда только выказались ея слабыя стороны—личный произволъ, отнимающій у власти ея нравственное достоинство, характеръ случайности, позволяющій сомнѣваться въ законности правъ лица, принадлежащаго одному племени, на повиновеніе другихъ племенъ и отсутствіе внутренняго начала, освящающаго господство одного человѣка и повиновеніе всѣхъ. Все это—слабыя стороны, которыя могли и должны были выразиться со временемъ и подкопать шаткую власть государя, правящаго областію, составленною изъ разнородныхъ и отчасти враждебныхъ стихій: но онѣ выразились быстро, какъ скоро полное торжество дало полный разгулъ произволу, а съ другой стороны возвышалось новое начало съ притязаніями еще высшими и по видимому болѣе основанными на логику и разумъ. И такъ, не только борьба имперіи съ папствомъ была не мнѣна, но и торжество папства было несомнѣнно.

Во время этой борьбы и даже прежде ея обозначился особый характеръ христіанства западнаго: оно приняло въ себя всю рационально-юридическую особенность Рима не только въ отношеніи церковнаго общества, но и въ отношеніи къ его внутреннему пониманію. Выше уже показана разница взглядовъ восточнаго и западнаго, или эллинскаго и римскаго, на общій ихъ завѣтъ. Разница эта должна была выражаться яснѣе и яснѣе по мѣрѣ полнѣйшаго развитія каждаго изъ этихъ міровъ, разорвавшихъ свою древнюю связь христіанскаго братства. Тяжкія судьбы востока остановили его историческую жизнь и дѣятельность, обрекли его на долгое страданіе. За-

падъ возрасталъ и зрѣлъ. Яснѣе и яснѣе проявлялась логическая основа его мысленной жизни.

Христіанство было продолженіемъ и конечнымъ заключеніемъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и свободѣ духовной. Его торжество нанесло по видимому рѣшительный ударъ кушитскимъ религіямъ—поклоненію органической необходимости, съ какой бы формѣ она ни являлась и всѣмъ религіямъ основаннымъ на условномъ умствованіи или условной символизациі: но трудно было сохранить неприкосновенною его первоначальную строгость и чистоту въ волненіяхъ жизни государственной, утвержденной на условіяхъ вольныхъ или невольныхъ и въ движеніяхъ мысли, черпающей матеріалъ своихъ познаній изъ наукъ выработанныхъ міромъ, вполне принадлежавшимъ системѣ кушитской. Западные народы, появивъ самую церковь какъ государство вѣры, ввели прежнія начала въ самую пѣдѣра ученія, которое приняли отъ первыхъ проповѣдниковъ христіанства. Цѣльность свободного духа была разбита раціонализмомъ, но раціонализмомъ скрытымъ подъ формою юридической. Не человѣкъ-христіанинъ уже былъ точкою отправления общей мысли; не изъ согласія внутренняго всѣхъ христіанъ образовалась церковь—видимый и земной отдѣлъ церкви всемірной: нѣтъ, церковь земная получала самостоятельность и власть. Христіане являлись какъ подданные, покорные рѣшеніямъ этой власти. Представители церкви отдѣлялись естественно отъ ея подданныхъ и должны были получить названіе соответствующее своему новому значенію—церковниковъ, (Ecclesiastici) въ отличіе отъ народа (Laici). Иерархія могла замкнуться или въ видѣ постоянного собора чиновниковъ земной церкви, рѣшающихъ всѣ вопросы объ ея коренныхъ законахъ-догматахъ вѣры, или въ лицѣ правителя. Первые соборы, имѣвшіе на востокѣ значеніе съѣзда избранниковъ отъ всего христіанскаго міра, объявляющихъ общее убѣжденіе съ общаго согласія, имѣли въ глазахъ запада значеніе законодательныхъ собраній, неподчиненныхъ никакому суду народнаго мнѣнія: такова была первая эпоха. Расторженіе союза съ Востокомъ, убѣжденіе что явное разногласіе, происходящее

постоянно во всѣхъ соборныхъ совѣщаніяхъ и примяемое согласіемъ повидному условнымъ, было противно понятію о безусловной истинѣ рѣшей, наконецъ несомнѣнно признанное превосходство папскаго престола привели западную общину въ ея вторую эпоху, передавъ всю власть законодательную папѣ. Востокъ предполагалъ и предполагаетъ до сихъ поръ вдохновеніе свыше низпосылаемое всей церковной общинѣ, вслѣдствіе ея богоугодной жизни и ея свободной полноты. Западъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу, владыкѣ древнѣйшаго и почетнѣйшаго изъ западныхъ престоловъ, и облекъ его въ исключительную боговдохновенность, не имѣющую ничего общаго со всѣми другими жизненными явленіями въ немъ или въ церковномъ обществѣ. Онъ сдѣлался Божиимъ памѣстникомъ на землѣ, былъ признанъ въ этомъ качествѣ и такое опредѣленіе видной главы всей церкви опредѣлило весь характеръ римскаго католицизма.

Церковь стала внѣшностью для ея подданныхъ и внѣшностью даже для ея чиновниковъ (въ отношеніи къ ихъ человечеству), какъ всякое государство. Религія, идея вполне римская, какъ и самое слово, стала на мѣсто вѣры. Нравственный законъ получилъ значеніе обязанности, обуславливающей право, а не закона или нормы, нераздѣльной съ сущностью или внутреннимъ опредѣленіемъ духа. Дѣло получило значеніе подвига, а не плода естественнаго, возникающаго изъ глубины душевной: грѣхъ сдѣлался проступкомъ, а не порчею внутреннею, или ея признакомъ: отпаденіе отъ общины церковной наказаніемъ, а не послѣдствіемъ сознанаго разлада: обрядъ службою, а не естественнымъ выраженіемъ живаго единства, высказывающаго въ художественныхъ образахъ свою общую жизнь: вѣра сама внѣшнимъ знаніемъ, приобретаемымъ или низпосылаемымъ (пбо для науки эти два предположенія даютъ одинакіе выводы, оставляя вѣру въ категоріяхъ логическаго разсудка). Изъ этой теоріи, существовавшей издавна, но выказывающей себя все болѣе и болѣе, возникли, какъ законныя послѣдствія, понятія о правѣ и заслугѣ сверхъ права и объ

уплатѣ долга, накаплиющагося отъ нарушеніи обязанностей, излишкомъ заслугъ своихъ или чужихъ и пр. Жертва получила значеніе очистительной силы: молитва, совершаемая общенародно на языкѣ непонятномъ для народа, получила значеніе талисманическое или заклинательное съ силою принудительною для высшаго міра (*). Преданіе, отрываясь отъ писанія (которое есть ни что иное какъ записанное преданіе и вскорѣ было отпято отъ мірянъ), сдѣлалось въ полнотѣ своей привилегією іерархіи и уже не развитіемъ преданія древнѣйшаго (писанія), но его дополненіемъ.

Понятно, почему еще въ позднѣйшее время міряне утратили причащеніе подѣ двумя видами хлѣба и вина и должны были удовольствоваться причащеніемъ подѣ видомъ одного хлѣба. Нельзя сказать ясна ли была мысль у самыхъ іерарховъ, узаконившихъ это измѣненіе: ибо понятія развиваются въ исторіи часто безъ сознанія самихъ историческихъ дѣятелей: но для безпристрастной критики символическое значеніе этой перемѣны не подлежитъ сомнѣнію. Жизнь церкви въ іерархіи, а народъ (міряне) только плоть ея. Символь жизненности, кровь, не могъ уже принадлежать ему и долженъ былъ быть предоставленъ только пастырямъ (*эклезіастикамъ*). Едва ли еще кто нибудь обратилъ вниманіе на это важное олицетвореніе мысли: ея не высказывалъ Римъ, но понималъ. Это было доказано потоками крови въ гусситскихъ войнахъ.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе медленныхъ измѣненій и постепеннаго развитія, совершенныхъ всѣмъ западнымъ міромъ подѣ предводительствомъ Италіи, христіанство приняло въ себя почти всѣ стихіи древняго кушитства, условность въ ея государственной формѣ, заклинательный характеръ дѣла и молитвы и талисманизмъ внѣшняго образа. Таковъ былъ харак-

---

(*) Dupanloup въ одной проповѣди говорилъ, что молитва: une puissance irresistible et redoutable au ciel même... La prière égale et surpasse quelque fois la puissance de Dieu. Elle triomphe de sa volonté de sa colère de sa justice même. *Пр. изд.*

теръ западной церкви, когда ея глава почувствовалъ зрѣлость всѣхъ ея силъ и когда стихія италійская потребовала и получила первое и правительственное мѣсто между всѣми новыми народами, составляющими романо-германскую область или признавшими ея мысленное державство.

Другая земля, которой исторія готовила также блестящую, хотя и кратковременную будущность, Испанія, въ то время едва начинала возникать изъ праха. Почти вся подпала она власти ислама, кромѣ нѣкоторыхъ горныхъ отроговъ на сѣверѣ, которыми аравитяне пренебрегли въ первое время своихъ побѣдъ, обративъ силы свои на завоеваніе болѣе привѣтливыхъ долинъ южной Франціи и ея западнаго поморья. Мечъ Карла-Мартелла положилъ предѣлъ ихъ успѣхамъ, хотя и не обезсилилъ ихъ. Пиппинъ отгѣсвилъ ихъ въ Испанію. Карлъ Великій перекинулъ свое военное владычество за Пиренси и положилъ начало христіанскаго независимаго государства у подножія западныхъ Пиренеевъ и на берегахъ Средиземнаго моря (*). Въ этихъ войнахъ замѣтенъ особый характеръ отношеній между завоеванными готами (или готео-романами) и завоевателями сарацынами. Во время продолжительной осады Нарбонны Пиппиномъ сильное городское населеніе оставалось вѣрнымъ аравитянамъ и только тогда отворило ворота осаждающимъ франкамъ, когда они обѣщались сохранить всѣ ихъ вольности (*). Въ Пиренеяхъ часть народонаселенія, и не одни баски, но и потомки готовъ, пала на войско Карла Великаго, очевидно весьма мало радуясь своему освобожденію. Мелкіе владѣльцы готскаго или франкскаго племени (какъ напр. Эвдо, (*) потомокъ Клодовига) вступали нерѣдко въ дружескіе и даже родственные союзы съ полунезависимыми военачаль-

Испанія
послѣ за-
воеванія
Арабами.

(*) Устройствомъ испанской Марки въ 803—6 годахъ. *Пр. изд.*

(*) Chron. Moissiac. op. Ser. 7. fr., V. 69. Dato sacramento Gothis hui ibi erant, ut si civitatem partibus traderent Pipini regis Francorum, permitterent eos legem suam habere. *Пр. изд.*

(*) Онъ отдалъ свою дочь за эмира Мунуцу, успѣвшаго на короткое время сдѣлаться независимымъ въ сѣверной Испаніи. *Пр. изд.*

никами или правителями арабскими. Вообще еще ничто не обозначало вражды религиозной или национальной. Въ этомъ нельзя не замѣтить благороднаго и кроткаго характера первой эпохи магометанской: непобѣдимая въ битвѣ, безумно распространяющая мечемъ власть мысли, которою была вдохновляема она въ то же время имѣла характеръ человѣчности и правды, котораго не представляетъ предшествовавшая ей эпоха римская, ни современная ей и послѣдовавшая эпоха германская и германо-романская. Этотъ благородный характеръ не удержался и въ магометанскомъ мѣрѣ: его нѣтъ ни малѣйшаго слѣда въ грубыхъ и кровавыхъ туркахъ Османовой династии (хотя онъ преобладалъ еще у турокъ Сельджуковыхъ): онъ исчезалъ мало-по-малу даже у сарацынъ сирійскихъ, вѣроятно отъ прилива поземнаго, являлся неравными вспышками у могущихъ Фатимидовъ египетскихъ, и почти постоянно былъ помраченъ дикими страстями въ африканскомъ исламизмѣ, подвергнувшись сильному вліянію туземныхъ народовъ и жестокихъ обычаевъ, которыхъ начало ведется отъ Карагена, если не изъ древности еще болѣе глубокой. Арабскія сказки свидѣтельствуютъ о сравнительно жестокихъ правахъ Африки тѣмъ, что ее изображаютъ отечествомъ самыхъ злыхъ и челоуконенавистныхъ волшебниковъ, напоминающихъ всѣ мрачныя таинства кушитскаго заклинательства. За всѣмъ тѣмъ у свирѣпыхъ фанатиковъ Аглабитовъ, и подъ рукою Фатимидовъ Сицилія, теперь доведенная до жалкой нищеты просвѣщеннымъ христіанствомъ Неаполя, процвѣтала также какъ и въ эпоху своей эллипской свободы; торговля оживляла ея гавани, теперь опустѣлыя, и христіане, подручники мавровъ, вмѣстѣ съ маврами покрывали садами и искусно обдѣланными папьями тѣ плодородныя долины, въ которыхъ теперь рыщутъ голодъ, ленивое невѣжество и разбой и въ которыхъ рѣдкое народонаселеніе, доведенное до полускотства, живетъ, кажется, только для того, чтобы напоминать, что тутъ когда-то жили люди. Но нигдѣ тотъ характеръ человѣчности, который принадлежалъ раннему исламу, не выказывался такъ ясно какъ въ Испаніи; особенно съ половины VIII-го вѣка, когда бѣглый Оммаядъ пе-

рenessь на далекій Западъ блескъ военныхъ доблестей и славы, которыми отличались его предки вмѣстѣ съ ихъ любовью къ справедливости и съ тою восторженою любовью къ наукѣ и художеству, которыми памяты въ исторіи ихъ преемники, роскошныя Аббасиды. Христіане подѣ державою этихъ чело-вѣколюбивыхъ иновѣрцевъ пользовались въ отношеніи къ суду и обезпеченію лица и собственности одинакими правами съ своими побѣдителями, отчасти даже большими: ибо законъ, понимая всю невыгоду ихъ гражданскаго положенія, ограждалъ ихъ съ особенныхъ тщаніемъ и давалъ имъ покровителей и заступниковъ въ лицѣ судей-графовъ (*comites*) ихъ же вѣрованія и выбранныхъ изъ ихъ среды. Разумѣется, ничто ихъ не обезпечивало во время смуть народныхъ, но гдѣ же можно было найти такое обезпеченіе въ средніе вѣка: разумѣется они страдали иногда отъ противузаконныхъ насилій, которыхъ властители аравійскіе не всегда могли или хотѣли наказывать, чтобы не раздражить своихъ единовѣрцевъ и могущихъ вассаловъ; но эти исключенія были рѣдки. Безпристрастно сравнивая положеніе христіанъ подѣ рукою Омаядовъ, но за то свободныхъ отъ гнета феодальнаго, и отъ законнаго и беззаконнаго разбоя, который составлялъ общественную жизнь въ большей части Европы, нельзя не сказать, что ихъ состояніе въ вещественныхъ отношеніяхъ было счастливѣе, чѣмъ состояніе ихъ братьевъ въ такъ называемыхъ христіанскихъ державахъ, за исключеніемъ аристократической или феодальной дружины.

Стоитъ только вспомнить о правахъ баронскихъ (извѣстныхъ подѣ именемъ *droits du seigneur*—господскія права), чтобы въ этомъ убѣдиться.

Богатство, процвѣтаніе торговли и разнообразныя успѣхи общественныя были естественнымъ послѣдствіемъ такого нравственнаго правительственнаго правила и въ то же время явнымъ доказательствомъ правомѣрности въ общественныхъ отношеніяхъ, въ то время совершенно чуждой большей части за-

ладнаго міра. Понятно что въ подданныхъ мало было стремленія къ освобожденію, тамъ гдѣ въ повелителяхъ такъ мало было склонности къ угнѣтенію. Христіанскія державы и ихъ грубое устройство не находили союзниковъ въ гото-романскомъ населеніи областей, покоренныхъ аравитянами. За всѣмъ тѣмъ въ душѣ человѣка есть чувство законной гордости, не терпящей ига иноземнаго, а еще болѣе власти, основанной на иномъ религіозномъ убѣжденіи, ибо въ такомъ случаѣ самый корень власти утверждёнъ въ почвѣ, отвергаемой внутреннимъ духомъ человѣка, и она при всей правомѣрности своихъ формъ имѣетъ только характеръ вещественной силы. Большинство, наслаждающееся вещественными выгодами, оставалось равнодушнымъ къ этимъ высшимъ побужденіямъ: но люди лучшіе, движимые благородствомъ души, и беспокойные, движимые жаждою къ первенству и къ возможности стать въ ряды высшаго сословія, готовы были къ союзу съ независимыми христіанскими князьями и къ переходу въ ихъ области. Это стремленіе должно было усиливаться со дня на день, ибо чѣмъ болѣе крѣпчалъ міръ христіанскій, быстро возраставшій съ возшествія Карловинговъ, тѣмъ болѣе росло гордое сознаніе своихъ силъ въ душѣ рабствующихъ готовъ, и чѣмъ тяжеле становилась внѣшняя борьба ислама съ міромъ романо-германскимъ, тѣмъ строже становился онъ съ подданными, въ которыхъ онъ имѣлъ право предполагать тайныхъ враговъ.

На сѣверѣ Испаніи образовались два центра сопротивленія могоммедавамъ. Они часто дробились, подраздѣлялись и сливались другъ съ другомъ: но они рознились своимъ историческимъ началомъ и своимъ внутреннимъ духомъ. Одинъ на западѣ Пиренеевъ былъ чисто туземный. (*) Превосходно защищенный дикою и гористою мѣстностью, онъ служилъ убѣжищемъ мужественнѣйшимъ готамъ съ самаго начала завоеванія. Другой, на востокѣ тѣхъ же горъ, болѣе доступный нападеніямъ враговъ, хотя и весьма удобный къ защитѣ, былъ въ несколько времени почти весь въ рукахъ мавровъ и основанъ

(*) Королевство астурийское.

не силою туземцевъ, но франкскими дружинами при великомъ возстановителѣ западной имперіи, въ которомъ выразилась (какъ по необходимости она и должна была найти себѣ выраженіе) превосходная энергія германской стихіи надъ стихіями смѣшанными и не имѣвшими еще опредѣленной жизни. Карль положилъ начало могущимъ христіанскимъ графствамъ на югѣ отъ Пиренеевъ и на побережья Средиземнаго моря, и эти графства долго еще были въ полной зависимости отъ его преемниковъ, не разъ спасавшихъ ихъ своимъ мечемъ и въ то же время наказывавшихъ ихъ попытки къ отдѣльной самостоятельности. Конечно въ дальнѣйшей исторіи Испаніи и въ окончательной борьбѣ съ маврами первое мѣсто принадлежитъ центру туземному; но нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что его слабое младенчество было не разъ спасаемо болѣе могущимъ центромъ восточнымъ, оправшемся на франкскую державу и отвлекавшемъ силы аравитянъ отъ дружнаго удара на Астурію и Леонъ. Различіе внутреннее состояло въ томъ, что Астурія и Леонъ не имѣли вовсе или только въ незначительной степенн феодальный характеръ (котораго безъ сомнѣнія они не могли избѣгнуть влослѣдствіи, но который никогда въ нихъ не получалъ значительнаго развитія). Центръ восточный съ самаго начала получилъ если не полный характеръ феодализма, который только еще начиналъ возникать при Карлѣ и его ближайшихъ преемникахъ, то по крайней мѣрѣ его сильныя и скоро развившіеся зародыши. Дружина высшая была пришлая, хотя разумѣется значительно пополняема стихіею туземною и долго сохраняла печать своего происхождения. Сверхъ того, графы барцелонскіе и короли аррагонскіе (*), имѣя значительныя владѣнія на сѣверѣ отъ Пиренеевъ и по берегамъ Лапгедока и Прованса и находясь въ ленной зависимости то отъ короля французскаго, то отъ сильныхъ феодальныхъ владѣтелей южной Франціи, а иногда даже и отъ имперіи германской, принимали свои обычаи и по-

(*) Въ 1076 году значительная часть Наварры присоединена была къ Аррагоніи. *Пр. изд.*

нтія изъ области франко-германской и безпрестанно приглашали къ себѣ на службу иноземцевъ-союзниковъ или своихъ загорныхъ вассаловъ. Такимъ образомъ аристократическая дружина имѣла всегда значеніе силы нѣсколько чуждой самой землѣ: между тѣмъ король, хотя по крови членъ той же дружины, во мнѣ признаваемъ былъ сыномъ испанской земли и отъ того происходило въ Каталоніи то странное явленіе, что самъ государь не пользовался нѣкоторыми привилегіями своихъ подданныхъ, напр. платилъ въ городахъ пошлыны, отъ которыхъ было избавлено дворянство, и что съ другой стороны въ Аррагоніи народъ имѣлъ представителей и судей, которыхъ санъ былъ выше всѣхъ аристократическихъ сановниковъ и которымъ, въ иныхъ случаяхъ, подсуденъ былъ самъ король (напр. въ спорахъ съ дворянствомъ), хотя они не принадлежали по крови къ высшей аристократіи. Эти учрежденія исчезли современемъ, но онѣ ясно показываютъ различіе между полу-франкскою областью и чисто-испанскою, гдѣ всякій житель считался дворяниномъ.

Вообще значеніе короля въ Каталоніи и особенно Аррагоніи было гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ Кастиліи. Афонсо IV отвѣчалъ жентъ своей касталіянкѣ, которая ему совѣтовала наказать непокорныхъ подданныхъ: «королева, нашъ народъ свободенъ и не привычетъ къ кастильскому самодержавію». Конечно Кастилія не во всемъ сходствовала съ Астуріями; но начала были тѣже, и отношенія власти къ народу и сословіи между собою были гораздо менѣ сложны, чѣмъ въ восточныхъ королевствахъ. Это самое и помогло болѣе сосредоточенной силѣ Кастиліи занять высшее мѣсто въ испанской исторіи и по преимуществу въ изгнаніи властительныхъ мавровъ.

Не смотря на различіе стихій первоначальныхъ, всѣ народы западной Европы представляютъ замѣчательное сходство въ своемъ развитіи. Причина этого сходства уже объяснена въ очеркѣ англо-саксонской эпохи. Она заключалась въ превосходствѣ умственномъ и вещественномъ собственно германо-

романскаго центра, которое увлекало слабѣйшихъ къ невольному подражанію: но съ другой стороны разница основныхъ стихій имѣла сильное вліяніе на судьбу отдѣльныхъ народовъ и опредѣляла характеръ ихъ исторической дѣятельности. Такъ напр. выступая изъ предѣловъ Астуріи и Леона западный центръ Новой Испаніи получалъ характеръ отчасти феодальный, чуждый его колыбели и тѣмъ болѣе подчинялся ему, чѣмъ сильнѣе разрастался объемомъ и силою: давленія же судьбы Испаніи были снова во многомъ обусловлены прежнею готскою эпохою.

Тоже самое было и въ Англій.

Трудно было предвидѣть мрачную и свирѣпо-католическую Испанію въ то время, когда, не смотря на безпрерывную и упрямую борьбу съ маврами за-пиринейскіе христіане всегда готовы были вступать съ ними въ общеніе и союзы не политическіе только, но душевные, когда умирающіе цари поручали своихъ дѣтей дружбѣ сарацыновъ или принимали подъ свою опеку дѣтей властителей маврскихъ, когда владыки Леона или Арагона звали мавровъ на помощь другъ противъ друга или принимали участіе во внутреннихъ распряхъ магометанскаго міра почти не изъ выгоды а изъ дружбы и сердечной привязанности, когда мавры были вассалами христіанъ и христіане вассалами мавровъ, когда наконецъ лучший и самый народный герой исторіи и поэзіи народной, гроза магометанъ, слава христіанской Испаніи, которой предѣлы онъ распространилъ побѣднымъ мечемъ, Донъ Родриго Виварскій самъ искалъ убѣжища и дружбы у иновѣрныхъ враговъ и съ ними вмѣстѣ ратовалъ противъ единовѣрцевъ: но заглушшіе зародыши должны были со временемъ снова ожить и получить полное развитіе. Въ ту эпоху трудно было обозначить или распознать границы между областью христіанскою и магометанскою; но онѣ не могли еростись и сжиться вмѣстѣ: онѣ не могли разрѣшить свою распрю, какъ древнія религіи кушитскія или мѣшанной системы, въ безцвѣтномъ и

безхарактерномъ синкретизмѣ. Обѣ были слишкомъ опредѣленны и слишкомъ многотребовательны для такого примиренія. Не смотря на дружбу и взаимное движеніе своихъ историческихъ представителей, онѣ должны были биться и бились на смерть. Исламъ долженъ былъ погибнуть въ Испаніи вслѣдствіе своей внутренней слабости и удаленія отъ своей восточной родины, изъ которой только и могъ бы онъ получать приливъ новыхъ силъ всегда готовый и близкій его противникамъ. Не безславна была борьба для ислама. Безпристрастная исторія безспорно признаетъ въ его послѣдователяхъ высшія доблести и болѣе человѣческія начала чѣмъ во врагахъ, которымъ опредѣлена была окончательная побѣда, и никогда человѣкъ не вспомнитъ равнодушно о милостивыхъ правителяхъ Грапады и Андалузій, о политическихъ строителяхъ Альгамбры и о просвѣтителяхъ западной Европы.

Геніальной Гербертъ (Сильвестръ) былъ отчасти илль обязанъ превосходствомъ своимъ надъ современниками.

Кастилія было предназначено первенство въ исторіи Испаніи. Это первенство было слѣдствіемъ большей цѣльности ея внутренняго состава. Вольнолюбивый Аррагонъ и торговая Каталонія, основанныя на началахъ отчасти иноземныхъ (особенно въ отношеніи къ первенствующему сословію) получили болѣе искусственное построеніе и большую юридическую опредѣленность въ государственныхъ положеніяхъ, но за то имѣли гораздо менѣе въ себѣ того жизненнаго духа, которымъ сильны народы

Примѣръ Англіи, по видимому противурѣчацій этому общему закону, объясняется тѣмъ, что духовная жизнь народа была уже сильно развита прежде иноплеменнаго наплыва.

Отъ того-то вся поэзія, всѣ явленія мысли и чувства, принадлежація собственно испанскому характеру, возникли на почвѣ кастильской, свидѣтельствуя о высшемъ настроеніи и

меньшей условности того быта, который далъ имъ начало. Что бы ни значила Испанія для міра, значеніе свое получила она отъ центра западнаго, а не восточнаго, котораго вліяніе сравнительно ничтожно.

Готская или римско-готская стихія, втиснутая Маврами въ горныя тѣснины Астурія и Леона, выступила снова изъ нихъ окрѣпнувшая и освѣженная благородною борьбою, ничѣмъ не искаженная и достойная свободы. Едва начали ослабѣвать ея побѣдители, мало-по-малу подрываемые внутренними смутами и ослабляемые развратомъ роскоши (хотя должно признаться, что художественный духъ аравитянъ сильнѣе противустоялъ ей гибельному вліянію, чѣмъ грубая организація большей части другихъ народовъ) потомки побѣжденныхъ готовъ спустились съ горныхъ хребтовъ на завоеваніе утраченнаго отечества. Часто побѣждаемые численнымъ превосходствомъ непріятеля, отгоняемые назадъ къ горнымъ своимъ твердынямъ, которыя не всегда спасали ихъ отъ поражений, не разъ доведенные до края гибели великими полководцами маврскими (каковъ былъ напр. Альманзоръ) они снова начинали упорную борьбу и желѣзнымъ терпѣніемъ утомляя своихъ противниковъ подвигались все далѣе на югъ. Они вели войну наступательную; мавры оборонялись: они чувствовали за собою все болѣе и болѣе усиливающійся міръ христіанскій; мавры принадлежали къ міру, уже кончившему свое быстрое развитіе и клонящемуся мало-по-малу къ упадку; они каждый шагъ впередъ считали дорогимъ пріобрѣтеніемъ и укрѣпляя его за собою на вѣкъ; мавры не дорожили скудною землею, которую отбивали иногда у своихъ противниковъ и смотрѣли на нее не какъ на осѣдность но какъ на пограничный военный постъ, только и нужный для защиты другихъ лучшихъ областей; наконецъ они въ областяхъ подчиненныхъ непріятелю часто находили помощникомъ въ своихъ поработанныхъ братіяхъ; мавры у нихъ находили только непримиримыхъ враговъ. Все въ выгоды, кромѣ многочисленности, были на ихъ сторонѣ, а многочисленность не рѣшаетъ никогда горной войны, которой успѣхъ не можетъ зависѣть отъ одного счастливаго-

удара; безпрестанный же приливъ союзниковъ или изъ-за Пиринеевъ или изъ областей еще ненкорныхъ маврамъ мало-помалу уравнивалъ даже числительную силу противниковъ. Магометане лишились многихъ областей своихъ въ сѣверной Испаніи, и на востокъ Аррагонъ, спасенный успѣхами астурийскаго центра, а на западъ Португалія, созданная его примѣромъ, составили вмѣстѣ съ Кастилією цѣлую цѣпь христіанскихъ владѣній, которая должна была со временемъ сдвинуть пришедшую азіатскую стихію. Этотъ неизбѣжный успѣхъ былъ отсроченъ на нѣсколько вѣковъ безпрерывными раздорами самихъ христіанъ.

Общинное устройство не существовало уже при готяхъ, ибо его главныя постановленія были отмѣнены въ скоромъ времени послѣ ихъ вступленія въ Испанію: понятіе объ отечествѣ имъ было также весьма мало извѣстно. Военачальникъ — король, дружина — высшія сословія, кое-какія городовыя учрежденія, остатокъ римскаго времени, и все — подъ опекою жрецовъ — духовенства, сильнаго властію правительственною, огромнымъ богатствомъ и правомъ на военачальство, и составившаго родъ теократической республики, въ которой, какъ уже сказано, римскія государственныя понятія совершенно подавили древнее понятіе о всемірной церкви: такова была Испанія до мавровъ. Такова была она и въ послѣдствіи, ибо она сохранялась неизмѣнною въ западномъ центрѣ своемъ: перемѣна была только въ томъ, что видимая сила духовенства упала на время передъ преобладаніемъ требованій военныхъ, и никогда уже, даже въ послѣдствіи, не получила той независимости отъ остальнаго христіанскаго міра, которая была ею присвоена въ готскую эпоху. Удаленіе въ горныя области, бѣдность и необходимость поголовнаго ополченія изгладили такое различіе сословій. Весь непокоренный сѣверъ получилъ значеніе народа дворянскаго, котораго члены были равны между собою: но завоевательное движеніе на югъ снова измѣнило эти отношенія и дало начало новой феодальности, которой учрежденія и сочлененія были уже болѣе или менѣе невольнымъ подражаніемъ современнымъ учре-

жденіямъ другихъ романо-германскихъ областей, особенно-же Франціи.

Такое невольное подражаніе замѣтно даже у самыхъ мавровъ, особенно у пограничныхъ, которые въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ очевидно принимали многія начала совершенно европейскія.

Но расширеніе области независимой было еще болѣе освобожденіемъ; чѣмъ завоеваніемъ. Туземцы, покоряясь своимъ освободителямъ и вступая съ ними въ отношенія вассальства, сохраняли память о кровномъ единствѣ, а освобождающая дружина, осѣдая и укрѣпляясь въ своихъ феодальныхъ замкахъ, чувствовала себя только высшимъ сословіемъ въ народѣ единокровномъ и единовѣрномъ. Какая-то патриархальная феодальность безъ презрѣнія и угнѣтенія съ одной стороны, безъ вражды и злобы съ другой, таково было новое построеніе Испаніи. Къ общимъ феодальнымъ учрежденіямъ примѣшивались въ значительной степени нѣчто похожее на аллодіальность, или на русскія помѣстные положенія, ибо большая часть ново-пріобрѣтаемыхъ областей поступала въ полное распоряженіе королей и они, дробя ихъ, предавали по волѣ на временное, пожизненное, или наследственное пользованіе своимъ сподвижникамъ. Такова была причина почти самодержавной королевской власти въ кастильскомъ королевствѣ, ибо въ Арагонѣ она была ограничена закономъ, (*) по которому государственныя помѣстья могли бытъ переданы только высшимъ дружинникамъ (ноблесь, Рикось Гомбресь). Очевидно Испанія должна была быть свободною отъ тѣхъ безнравственныхъ и отвратительныхъ явленій, которыми начало завоеванія наполнило всю западную Европу, и отличалась передъ нею большимъ благородствомъ народнаго характера, Такъ и было.

(*) Изданнымъ въ 1265 году на сеймѣ въ Эксеѣ. Этотъ законъ подтвердилъ только то, что существовало и прежде какъ обычай. *Пр. изд.*

Та же самая причина устраняла и возможность революцій, хотя нисколько не полагала препопъ смутамъ и междуусобіямъ.

Тѣ же причины дали возможность языку народному получить быстрое развитіе и обогатили его превосходными произведеніями поэзіи, которыхъ не имѣли менѣе цѣльныя Аррагонъ и Каталонія. Вообще восточной центръ съ его искусственнымъ государственнымъ строеніемъ, съ дѣловымъ и торговымъ развитіемъ его жизни, представляетъ характеръ совершенно отличный отъ того восторженнаго настроенія Кастиліи, которое ей дало и первенство между новыми королевствами и возможность съ особеннымъ успѣхомъ бороться противъ мавровъ.

Невозможно не замѣтить сильнаго вліянія Аравіи на возставшихъ христіанъ и участія ея въ облагороженіи мыслей и нравовъ племени готто-романскаго; но это вліяніе многими историками цѣнится слишкомъ высоко, между тѣмъ какъ они оставляютъ безъ вниманія нравственное дѣйствіе франкскихъ областей на общественное построеніе Кастиліи.

Съ другой стороны постоянная борьба, напрягая силы духовныя и вещественныя Кастиліи, ожесточала ея нравы и полагала начало той свирѣпости и кровожадности, которая пятнваетъ Испанію до нашего времени; впрочемъ это нравственное зло было гораздо менѣе явно въ первыя столѣтія, когда благородная кротость Омміадовъ умягчала обычаи магометанъ и самую войну, чѣмъ въ послѣдствіи, когда стихія африканская усилилась въ южной Испаніи и прпрнесла съ собою жестокость и дикость, всегда отличавшую африканскія племена.

Городовое устройство въ Аррагонѣ и Каталоніи получило развитіе богатое и самостоятельное, уравновѣшивая силу феодальности и представляя въ себѣ стихію туземную, между тѣмъ какъ высшее сословіе было составлено по большей части изъ наплыва иноземнаго. Самое начало власти королевской

связано было, какъ уже сказано, тѣснѣе съ сословіями нижними чѣмъ съ феодальною аристократіею и слѣдовательно эта власть должна была покровительствовать тѣмъ стихіямъ, на которыхъ была основана. Вольности городовъ были въ позднѣйшее время торжественно утверждены закономъ: за ними признано было право составлять между собою союзы для огражденія себя отъ несправедливыхъ притязаній власти верховной или силы феодальной, но нѣтъ сомнѣнія, что законъ этотъ не вносилъ новыхъ правъ, а только утверждалъ или опредѣлялъ право обычное. Правда, что то же самое право было признано и за высшимъ дворянствомъ, но какъ право городское оно составляло отличительную черту Аррагона, между тѣмъ какъ союзы феодальныхъ дружинниковъ были не рѣдкостью во всемъ западѣ.

Довольно замѣчательно, что право конфедерацій было допущено закономъ только въ двухъ странахъ, раздѣленныхъ всѣмъ пространствомъ Европы, въ Аррагоніи (*) и Польшѣ. Точно также нельзя не замѣтить, что названіе втораго дворянскаго чина, стоявшаго далеко ниже перваго, инфанцонъ, котораго не можетъ удовлетворительно объяснить современная критика, находитъ кажется довольно легкое объясненіе въ названіи дѣтей боярскихъ и отроковъ, общемъ всему славянскому Сѣверу. Оно совершенно соответствуетъ слову инфанцонъ и обозначаетъ едва ли не тотъ же чинъ въ дворянской дружинѣ.

Кастилія не представляла ничего подобнаго этому устройенію восточно-испанской области. Вообще въ ней организація массъ или сословій не имѣла ничего опредѣленнаго. Общины, какъ уже сказано, уже не существовали въ готскую эпоху; идея государства была слаба и не имѣла никакого вліянія на жизнь народную: связь людей между собою была основана единственно на общности вѣры и крови. Изъ горъ Астуріи и Леона выступила дружина готовъ-христіанъ, чтобы сокру-

(*) Оно было облечено въ форму закона Альфонсомъ III въ 1287 году. (Пр. изд.)

шить владычество магометанъ-мавровъ и этотъ характеръ чисто-дружинный остался за кастильскимъ королевствомъ навсегда: но такъ какъ сама дружина была не сплавомъ случайнымъ, а вооруженнымъ проявленіемъ племеннаго и религіознаго единства, самая дружинность кастильская сохранила навсегда печать гордой исключительности и религіозной поэзіи. Лица покорялись общему устройству дружиннаго государства, но покорялись не вслѣдствіе организма, въ которомъ они были такъ сказать прирожденными членами, а по свободной личной волѣ. Потому и не было связи между ними, а каждое лице, въ какомъ бы чинѣ оно не находилось по временной случайности, считало себя въ прямой связи съ главою дружины—королемъ. Эта личная независимость возвышала всехъ нравственнее существо, придавая имъ блестящее мужество, непоколебимую твердость и какую-то поэтическую возторженность: но таже самая независимость устраняла возможность строгой государственности и истинно-человѣческой общительности. Свободная воля дѣлала гвидальго членомъ кастильскаго общества: свободная воля могла его вывести изъ общества, не дѣлая его преступникомъ и не лишая правъ на возвратъ. Это понятіе ясно высказывается въ правѣ *депатурализации*, которое было признано безспорнымъ до весьма поздняго времени и которое представляетъ черту, свойственную одной Испаніи: этому соответствуетъ и почтеніе къ ремеслу разбойниковъ. Постоянная борьба возвышая въ кастильцѣ крѣпость духа, въ то же время склоняла его къ звѣрской жестокости, которая позднѣе была причиною страшныхъ бѣдствій во многихъ областяхъ западной Европы и облила потоками крови новый свѣтъ, открытый высокимъ вдохновеніемъ безсмертнаго генуэзца, а личная и безсвязная свобода развивала хвастливую гордость, которая придала благородному характеру кастильца смѣшныя черты капитана Матамороса. Вѣчная война съ маврами была войною не народовъ только, но и религій: испанецъ привыкъ себя считать оруженосцемъ христіанства и всю жизнь свою браннымъ подвигомъ за Бога. Когда пала мавры, когда военное дѣло было совершено, под-

вигъ борьбы перенесъ онъ на уничтоженіе невѣрія въ пѣдрахъ самого христіанства и возобновилъ, но съ большею еще жестокостью, инквизиціонное направленіе готскаго законодательства, а завоевательное стремленіе многихъ вѣковъ облекъ въ образъ безоружной и въ то же время завоевательной дружины — іезуитовъ, которыхъ не могла создать никакая другая земля кромѣ Испаніи. Такова причина, почему церковное государство панскаго міра нашло въ ней свою сильнѣйшую и неизмѣннѣйшую опору. Король былъ начальникомъ дворянской дружины, высшимъ по званію, равнымъ по происхожденію съ своими ратными товарищами.

Это видно изъ присяжной формы: мы, которые каждый порознь равны тебѣ, а всѣ вмѣстѣ болѣе тебя, и проч.

Казалось бы, что при такомъ понятіи значеніе короля должно стоить на довольно низкой степени: но па дѣлѣ оно было весьма высоко и это противорѣчіе объясняется взглядомъ кореннаго испанца на себя и на всю свою общественную жизнь. Были писатели, которые видѣли въ глубокомъ почтеніи кастильцевъ къ королямъ какой-то отзвукъ арабскаго благоговѣнія передъ шейхомъ-патріархомъ племени своего. Здравая критика должна отвергнуть такое объясненіе, не смотря на многіе очевидные слѣды маврскаго вліянія на настроеніе испанской мысли. Ему слишкомъ ясно противорѣчатъ всѣ остальные отношенія общественныя и явная условность королевской власти. Отношенія кастильца къ королю были основаны на совершенно иномъ началѣ. Весь народъ (и по преимуществу высшее сословіе послѣ расширенія западнаго центра) былъ ополченіемъ христіанства противъ ислама: по этому все построеніе дружины, также и жизнь каждого дружинника почти во всѣхъ ея отношеніяхъ къ другимъ, была окружена какою-то религіозною торжественностью. Король, Богомъ возвышенный въ званіе начальника богохранительной дружины, являлся лицомъ освященнымъ особенною благодатью, какіе бы ни были его личные пороки. Это воззрѣніе, болѣе

или менѣе сознательное, дало тотъ особенно торжественный и религіозный характеръ королевскому сану, который принадлежитъ всей испанской исторіи и который выражается во всѣхъ высшихъ произведеніяхъ испанской поэзіи, особенно въ драмахъ, служа часто основаніемъ завязки, почти непонятной для читателя инопоземнаго.

Всякій, кто только изучалъ сколько пибудь эту богатую и своеобразную словесность, не могъ не быть пораженъ ея особенностями; но критика не вполне, кажется, разгадала ихъ историческую основу. Черты, безспорно преобладающія въ ней,—это религіозное настроеніе, весьма невысокое, но страстное, торжественность напыщенная, слѣдствіе гордаго понятія о призваніи всего испанскаго народа; убѣжденіе въ полнотѣ правъ личной свободы, которая въ Лопе де Вега и другихъ представляетъ разбой дѣломъ вольнаго мужества; и въ то же время какое-то фанатическое благоговѣніе передъ словомъ-«король,» несколько необязующее къ повиновенію. Въ этомъ замѣтна рѣзкая противоположность съ чувствомъ англо-сакса. Тамъ повиновеніе безусловное королю, во сколько онъ представитель закона, съ полнымъ правомъ на шутку, насмѣшку и личное зрѣнобреженіе. Въ Испаніи полное право на непокорность и обязанность благоговѣнія. Очевидно, для англо-сакса цѣль общества внутри самого общества, для испанца внѣ его: ее бы можно назвать дружиннымъ служеніемъ Богу; и такова причина, почему король-дружинначальникъ окруженъ какою-то особенною святостью. Но весь этотъ характеръ принадлежитъ болѣе цѣльной Кастиліи, а не разносоставному и искусственно построенному Арагону.

Понятіе о цародѣ, какъ объ избранной дружинѣ, отстаивающей величіе Бога противъ ложныхъ боговъ, давало каждому члену этого народа несомнѣнную вѣру въ его превосходство надъ другими народами, и развѣвало тѣ зародыши гордости, которые уже лежали въ понятіи о неограниченности личной свободы. Такова главная причина того отталкивающаго высокомерія, которое вооружило противъ Испаніи столькихъ и столь ожесточенныхъ враговъ. Ей могли бы простить

ея блестящія торжества, ея временное величіе, которое послѣ Карла V поставило ее на первомъ мѣстѣ между всѣми государствами запада; ей не прощали и не могли простить ея нестерпимой гордости, оскорбительной для всѣхъ людей и для всѣхъ народовъ и, разумѣется, связанной съ чувствомъ явнаго недружелюбія ко всѣмъ.

Эта глубокая ненависть выражается во всѣхъ происшествіяхъ борьбы Англии и Голландіи съ Испаніею, по болѣе всего въ страшной исторіи буканировъ. Нѣмецъ, англичанинъ, французъ и люди всѣхъ западно-европейскихъ племенъ сливаются въ одно общество морскихъ грабителей: этому легко найти объясненіе. Они нападаютъ по преимуществу на корабли и владѣнія Испаніи: это опять объясняется легко монополіею золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ; но стоить только прочесть кровавыя біографіи Монбаровъ, Моргановъ, Лорановъ и другихъ, чтобы почувствовать, какъ пробивается вездѣ, кромѣ алчности къ золоту и безгранично разыгравшейся кровожадности, струя болѣе глубокаго и можно сказать болѣе человѣческаго чувства, желаніе унижить гордость испанца, и не только ограбить и убить «дона», но затоптать въ грязь и его и все его оскорбительное тщеславіе. Дѣтское чувство имѣетъ въ себѣ много простодушнаго ясновидѣнія. Сколько разъ, читая про буканировъ, въ своихъ ребяческихъ мечтахъ желалъ я, почти съ надеждою, что желаніе это сбудется, чтобы явились откуда нибудь неумолимые мстители стереть съ лица земли этихъ отвратительныхъ кровопійцъ, но никогда не пожелалъ я побѣды испанцамъ!

Я былъ какъ будто лично оскорбленъ никогда невиданными донами и ненавидѣлъ ихъ за ихъ напыщенную гордость столько же, сколько за жестокость, въ которой они были достойными учителями самихъ буканировъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это чувство въ ребенкѣ, принадлежащемъ народу, никогда не приходившему въ столкновеніе съ Испаніею, было невольнымъ отголоскомъ чувства общаго въ XVI вѣкѣ и безсознательно переданнаго его писателями читающему потомству. Комическое лице испанскаго капитана-хвастуна было также литературнымъ мщеніемъ за тотъ же

народный порокъ въ его смѣшной формѣ гордости хвастливой, но, какъ уже прежде сказано, самый затѣливый умъ не могъ бы выдумать черты, рѣзче выражающей эту хвастливость, чѣмъ народная поэзія въ созданіи своего витязя Бернарда ди Карпіо, или лучше сказать въ его мнимой побѣдѣ надъ Роландомъ. Въ этой пошлой выдумкѣ выразилось все завистливое тщеславіе испанца.

Критика не можетъ сомнѣваться ни въ древности и великомъ значеніи Роланда, олицетворенной дружины первой франкской эпохи, ни въ томъ, что мнимая побѣда Бернарда есть простой и поздній пришивокъ къ сказанію, можетъ быть и древнему, о какомъ-то народномъ, но весьма не первостатейномъ витязѣ. Тотъ только можетъ этого не видать, кто совершенно лишенъ всякаго художественнаго чувства и не способенъ цѣнить и понимать типы, создаваемые народною фантазією. Испанцы не могли стерпеть славы Роланда, когда узнали объ ней, и выдумали его встрѣчу съ Бернардомъ, чтобы похвастаться побѣдою. Сама встрѣча носитъ на себѣ печать совершенной случайности и самыя пѣсни, въ которыхъ она рассказана, не имѣютъ нисколько эпического характера. Эта педантская и прозаическая хвастливость народныхъ стихотворцевъ напоминаетъ отчасти то чувство, которымъ создавался въ среднихъ вѣкахъ лица Франковъ, Брутовъ и другихъ, которымъ пропитаны первые польскіе историки, и котораго не чужды современные намъ нѣмецкіе ученые съ ихъ историческимъ патриотизмомъ и храбростью заднимъ числомъ.

Не безъ историческихъ послѣдствій былъ этотъ народный порокъ и нѣтъ сомнѣнія, что, возбудивъ душевную вражду другихъ народовъ, ожесточенныхъ перазумною и слишкомъ явною гордостью Испаніи, онъ ускорилъ ея паденіе съ той временной высоты, которая была ей дана воинственною энергією и счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Еще сильнѣйшая причина того сравнительнаго ничтожества, въ которое впалъ за-пиренейскій полуостровъ, заключалась въ его духовномъ развитіи. Ни въ одной изъ областей древняго римскаго міра не преобладалъ въ такой степени умственный характеръ Рима. Италія, какъ уже замѣчено, была

менѣе подчинена этому характеру, чѣмъ страны ею завоеванныя; въ ней онъ былъ отчасти подавленъ высшимъ просвѣщеніемъ, занятымъ отъ Эллады; въ земляхъ побѣжденных дикарей онъ выступалъ свободно, ибо составлялъ весь итогъ жалкаго полицейскаго просвѣщенія, принесеннаго римскими легіонами. Въ Галліи онъ былъ отчасти сглаженъ энергіею дикаго франкскаго наплыва, въ Британіи ему противудѣйствовала полу-свободная стихія туземная, а потому самостоятельность саксонскаго духа. Въ Испаніи онъ былъ принятъ почти въ полнотѣ своей вестъ-готами, племенемъ уже полупросвѣщеннымъ прежде своего перехода за Пиренеи, но просвѣщенномъ римскою мыслию во время своего скитанія по Италіи и Галліи передъ мстительной грозой восточнаго славянства. Сравнительная кротость вестъ-готскихъ правовъ и легкое сближеніе между побѣдителями и побѣжденными (послѣ уничтоженія аріанства) дали духовенству такой перевѣсъ, какого оно не имѣло нигдѣ.

Это быстрое смѣшеніе стихій, туземной и пришлой, дало также возможность ранняго развитія языка и поэзіи народной.

Но перевѣсъ духовенства былъ выраженіемъ перевѣса прежней римской жизни, особенно въ ея религіозномъ направленіи Темная, не озаренная ни разумомъ науки, ни разумнымъ пониманіемъ вѣры, она внесла, какъ мы сказали, въ религію идею государственной принудительности въ отношеніи общественномъ (начало инквизиціи) и идею силъ заклинательныхъ и кушитскаго раздвоенія въ отношеніи къ личному вѣрованію. Почти ни одна свѣтлая и христіанская мысль не проникла въ эту полуязыческую тьму, смѣсь юридическихъ понятій римскихъ и грубаго суевѣрія. Аравійское вліяніе, не смотря на свое просвѣтительное начало, усилило прежде зародившееся зло, прибавивъ къ нему рационалистическія формы, которыя исламизмъ получалъ отъ односторонности Аристотелевой школы.

Одна только эта школа и была понята западомъ, также какъ и Аравитянами, вслѣдствіе ея дѣйствительно большаго строгости и безцвѣтной разсудочности.

Такимъ образомъ всѣ эти стихіи слились въ одну чисто-заклинательную систему вѣры, принадлежащую къ иранскому преданію по предмету поклоненія, но въ то же время вполне принадлежащую даевнему кушитству по духу поклоненія. Таково было испанское христіанство. Въ глазахъ народа (и это воззрѣніе было передано всей западной Европѣ посредствомъ поэтическихъ сказаній и легендъ) маврскій міръ былъ міромъ черной магіи и губительнаго волшебства. Противъ него стоялъ міръ свѣтлыхъ духовъ и благодѣтельнаго волшебства—молитвы—въ области готто-романской. Заклинаніе въ разныхъ направленіяхъ составляло весь итогъ вѣрованія испанскаго.

Прежде арабскаго завоеванія разгулявшееся своеволие всевластнаго духовенства готово было создать церковную республику, совершенно отдѣльную отъ остальнаго христіанскаго міра, рѣшающую безусловно догматическіе вопросы и почти утратившую понятіе о церковномъ единствѣ первыхъ вѣковъ (это выразилось измѣненіемъ символа). Послѣ завоеванія временное ничтожество племени, съ трудомъ отстаивавшаго свои горныя твердыни, постоянною войною и отчасти пвеземною помощію, уничтожило эту начинавшуюся отдѣльность. Испанія вошла въ общій составъ западнаго христіанства подъ духовною державою римскаго престола. Были еще попытки на нѣкоторую самостоятельность, но онѣ должны были исчезнуть безъ слѣда по слабости земли, въ которой являлись и по слѣдъ логическаго начала римскаго, уже допущеннаго всѣми. Испанія подчинилась Риму вполне и идея панства завершила зданіе ея религіи; но идея панства, общая всему западу, имѣла различный смыслъ въ различныхъ областяхъ его. Для болѣе духовной Германіи, Англіи и можетъ быть для лучшихъ мыслителей Франціи, панство представляло высокую мысль духовнаго единства всего христіанскаго міра; вообще для Франціи оно представляло скудное и сухое понятіе объ

административномъ единствѣ въ церкви; для Италіи оно представляло символъ ея собственнаго величія и всемірнаго державства: для Испаніи оно представляло завершеніе всего закликательнаго міра. Папа былъ, такъ сказать, верховный заклинатель, вѣнчанный борецъ противъ духовъ злобы и невидимой вражды, хранитель всѣхъ таинственныхъ благодѣяній, испрашиваемыхъ для міра черезъ ангеловъ свѣта.

Разумѣется, эти различія никогда и нигдѣ не бывали высказываемы съ тою отчетливою ясностію, которая могла бы удовлетворить требованіямъ критики, понимающей исторію только въ положительныхъ документахъ, годныхъ къ представленію въ присутственныхъ мѣста; но они понятны для чувства истинно-человѣческаго или художественнаго. Они выражаются не въ отдѣльныхъ чертахъ, а въ общей—физиономіи. Вся поэзія Испаніи, во сколько она относится къ міру духовному, выражаетъ ея понятіе; но оно высказывается, можетъ быть, еще яснѣе въ ея живописи и особенно въ тѣхъ великихъ художникахъ, которые отличаются полнѣйшею самобытностью. Монашество испанское и шивантскій іюнгзъ совершенно тождественны, не смотря на разницу въ проявленіяхъ: они не представляютъ никакого сходства съ отшельничествомъ востока, за исключеніемъ нѣкоторыхъ явленій египетской или палестинской пустыни, еще отзывающихся особенностями древней жизни этихъ странъ. Даже въ дѣятельной формѣ дружиннаго монашества этотъ іюнгзъ испанскій сказанъ словами: «sit ut cadaver.»

Таковы были духовныя начала, внесенныя Испаніею въ мысленную жизнь Европы: они принесли гибельные плоды для всего запада (особенно въ Тридентскомъ соборѣ); они сгубили самую Испанію и до сихъ поръ уничтожаютъ въ ней возможность дальнѣйшаго развитія и здоровую цѣльность души, отнимая разумность и благородство у вѣры, кротость у слмы и внутреннюю связность у общества. Но въ то время, когда еще шла кровавая борьба за независимость и жизнь, когда

напряженные силы были направлены къ цѣли виѣшней, внутренняя ложь духовнаго начала еще не выражалась вполне и не выказывала своихъ вредныхъ послѣдствій, и темная старость Испаніи оглядывается съ утѣшеніемъ и отчасти справедливою гордостью на ея поэтическое дѣтство.

На дальнемъ сѣверѣ, въ дикой Скандинавіи возникало дру- Сѣверъ
гое царство, которому не предназначено было ни столько славы, Европы:
ни столь великаго вліянія на судьбу другихъ народовъ, но ко- Швеція.
торое въ позднѣйшее время нанесло сильный ударъ Испаніи Ея пле-
и ея союзникамъ и рядомъ блистательныхъ побѣдъ въ XVI и меншій
XVII столѣтіи стяжало великое имя мужествомъ и искус- стихъ и
ствомъ воинскимъ. Грозно было для всей Европы младенче- мною.
ство Швеціи, но исторія этого младенчества требуетъ особен-
наго разсмотрѣнія.

Критика историческая до сихъ поръ не поняла доисториче-
скую эпоху Скандинавіи, разсматривая ее какъ самостоятель-
ное и одностороннее цѣлое и отдѣляя ея изученіе отъ изуче-
нія другихъ обширнѣйшихъ странъ, съ которыми она нахо-
дилась въ неразрывной коренной связи. Сравненіе многочи-
сленныхъ данныхъ и многообразныхъ источниковъ должно
въ наше время разсѣять этотъ мракъ, котораго существова-
ніе происходило отъ незнанія и поддержано было слѣпымъ и
систематическимъ самолюбіемъ.

Филологическія изслѣдованія показываютъ, что иранское
населеніе сѣверной и средней Европы состояло изъ трехъ
вѣтвей общаго иранскаго корня, кельтской, германской и сла-
вянской, изъ которыхъ первая всѣхъ отдаленнѣе, послѣдняя
всѣхъ ближе къ восточно-иранцамъ, индусамъ, а вторая пред-
ставляетъ явное сродство съ средне-иранцами, мидо-персами.
Движеніе этихъ трехъ вѣтвей Ирана въ Европу было не одно-
временно и шло разными путями. Первые начали переселеніе свое
славяне и продолжали выселяться изъ своей прибалтійской
колыбели до IV-го вѣка послѣ Р. Х., когда послѣднія ихъ
семьи, гунны и сѣверяне, были выдвинуты изъ-за Каспія на-
жимомъ средне-азійскихъ племенъ; за ними двинулись че-

резь Кавказъ кельты, прорываясь сквозь рѣдкія населенія славянскія вендовъ и автовъ, отжимая ихъ на крайнемъ западѣ къ горамъ и морямъ, захватывая острова въ Атлантическомъ океанѣ, прорываясь за Пиренеи въ область Иберскую и вѣроятно смѣшиваясь съ иберцами въ предѣлахъ Эрина. Послѣднія и отсталыя семьи кельтскія, кимвры, долго воинствовавшія съ вендо-славянами въ степяхъ придонскихъ и съ мидо-сарматами въ ущеліяхъ Кавказа, переселились къ своимъ западнымъ братьямъ вѣковъ за шесть до Р. Х., гремя все по своему пути, оставляя на немъ въ Польшѣ, Чехіи и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи мелкія поселенія, погибшія во время послѣдовавшихъ переворотовъ и придавая кельтскому міру временное напряженіе силъ, которое два раза почти сгубило младенчество Рима и его уже міродержавную юность. Послѣдніе двинулись германцы, вѣроятно черезъ Малую Азію и Фракію, прорывая славянское племя, отжимая его къ Балтійскому морю и къ Альпамъ, расселяясь между Рейномъ и Эльбою, прорываясь колоніями до Одера и переходя черезъ узкіе проливы Сунда и Категатовъ въ Скандинавскій полуостровъ, гдѣ они вытѣснили къ сѣверу финновъ и лапповъ, ихъ братьевъ, старожиловъ европейскаго сѣвера. Тамъ получили они твердую привольную осѣдлость подъ именемъ готовъ, составлявшихъ повидимому восточную половину германскаго племени и бросившихъ много мелкихъ поселеній на южномъ берегу Балтики между сплошнаго поселенія славянъ и сопутствовавшихъ славянамъ литовцевъ. Страны на сѣверъ отъ Кавказа, опустѣлыя послѣ удаленія кельто-кимвровъ, были скоро заняты не мирными славянами, но воинственнымъ племенемъ сѣверныхъ мидійцевъ, азо-сарматовъ (родоначальниковъ язовъ, теперешнихъ осетовъ). Долго сражавшись съ кимрами въ ущеліяхъ Кавказа, раздѣлявшаго враговъ своимъ снѣговымъ хребтомъ, долинами, перехваченными стѣною, которой память и нѣкоторые слѣды существуютъ и донынѣ, сарматы радостно вырвалась на просторъ при-волжскихъ и при-донскихъ степей, вступая съ старожилами-славянами въ безперерывныя сношенія, то враждебныя, то дружелюбныя и родственныя. Такъ племя

средних иранцевъ, азовъ или арийцевъ въ южной Россіи снова сблизилось съ своими восточными братьями, вендами или ванами, съ которыми оно издревле уже или боролось или дружилось на востокъ, гдѣ общее ихъ поселеніе Аза-Вана занимало роскошныя долины и предгорья Гиммалаи, и гдѣ восточно-иранская семья саковъ (или даковъ), гетовъ и ванадовъ (или вендовъ) съ ихъ подраздѣленіями, антами (анд-гра), казарамъ (казасъ), древпчами (дербицесъ), сѣверянамъ и гуннами (*уна-о* китайцевъ) вела противъ средне-иранцевъ (мида-персовъ, китайскихъ *аланъ-ми*) ту вѣковую войну, которая составляетъ поэтическій циклъ ново-фарсійской поэзіи и извѣстенъ европейской учености (но не понятъ ею) подъ именемъ войны Ирана и Турана. Эвергія сравнительно малочисленныхъ сарматовъ увлекла вѣроятно съ собою нѣкоторые кавказскія (иберскія) семьи напр. зиговъ и часть славянъ и произвела мѣщанскіе народы (лзъ-зиговъ, россъ-алановъ отъ имени антской семьи Росъ, и другихъ); она долго уравнивала борьбу съ многочисленными вендо-славянами; она подвигала державу аланъ-азовъ все далѣе и далѣе на сѣверъ, къ самымъ берегамъ Балтики, получившей отъ нихъ временное имя моря Сарматскаго; она кидала ихъ во вся ственныя колоніи далѣе на западъ къ Дунаю и Чехію, но она не могла въ продолженіи вѣковъ, при условіяхъ жизни кочевой въ степяхъ, выдержать напора стихіи славянскій. Время покоя, славы и сильнѣйшаго развитія сарматскаго племени соответствуетъ двумъ послѣднимъ вѣкамъ до Р. Х. и первому послѣ Р. Х. Движеніе ихъ на сѣверъ сблизало ихъ все болѣе и болѣе съ славянами, примыкавшими къ ихъ завоевательной дружинѣ; оно не остановилось на берегахъ Балтики, оно перенесло ихъ вмѣстѣ съ ихъ союзниками вендами на корабляхъ этихъ ископныхъ мореходцевъ въ слабо населенную середину скандинавскаго полуострова, гдѣ они стали твердою ногою и положили начало новой жизни и внесли новую стихію въ исторію сѣвера.

Этотъ взглядъ на движеніе восточныхъ народовъ до далекаго сѣ-

вера не может быть подвергнута сомнѣнію человекомъ безпристрастно слѣдящимъ за всѣми его памятниками отъ Кашмира до Готландіи. Непрерывный рядъ аза-ванскихъ населеній, имя аланъ, данное китайцами жителямъ мидо-персидской области также какъ и сарматамъ, множество *Асардовъ* (Асагарта), *Аспуній*, *Альеръ-Вановъ*, множество поэтическихъ разсказовъ про борьбу ихъ съ богами просвѣщенными мидо-персами и наконецъ вся мифологія, всѣ преданія сѣвера приводятъ къ одному и тому же выводу. Слѣпота германской критики почти добровольна; она зависитъ отъ неразумнаго желанія объяснить явленія жизни скандинавской всѣмъ сказанія древнѣйшей поэзіи, перенесенной въ Скандинавію изъ области другой и далекой, не смотря на всѣ явные противорѣчія между объясненіемъ и фактомъ; она зависитъ вообще отъ бессмысленной системы искать вездѣ развитія аборигеновъ, какъ ни были бы ясны слѣды колонизаціи. Въ наше время эта система уже лишается большей части своихъ приверженцевъ; но наука еще не можетъ освободиться отъ лжи, получившей какое-то право гражданства въ силу книжнаго преданія. Очевидно было даже для писателей, еще принадлежавшихъ къ школѣ поклонниковъ аборигенства, что нѣкоторая часть мифовъ и мифическихъ сказаній древней Скандинавіи принесены въ нее изъ другихъ областей дальняго юго-востока; но они старались сколько возможно ограничить число этихъ пришлыхъ мифовъ на зло здравой критикѣ, и новые писатели не смѣютъ расширить кругъ, очерченный ихъ предшественниками. Такъ напр. имя йоттовъ, грозныхъ великановъ, враговъ ассаго олимпа, должно и до сихъ поръ считаться именемъ слабыхъ и вообще невинственныхъ финновъ, а стѣна, раздѣлявшая азовъ и йоттовъ, должна обратиться или въ туманы, или въ море, или въ низкій хребетъ финскихъ горъ. Нѣтъ сомнѣнія, что имя йоттовъ могло быть и было иногда приписываемо кзенамъ и финнамъ, недружелюбнымъ сосѣдямъ скандинавскихъ азовъ, въ такое время, когда смыслъ прежнихъ сказаній былъ уже забытъ; но слѣпа бы была критика, принимающая позднѣйшую ошибку за указаніе на первоначальный смыслъ мифическаго имени. Названіе Ютландіи, однозначущее съ названіемъ кимврскаго полуострова, объясняетъ очень просто всю загадку. Дикій и воинственный нравъ кимвровъ,

ихъ обитель на сѣверѣ, ихъ постоянная вражда и многовѣковая борьба съ сѣверо-мидійскимъ племенемъ, снѣговой хребетъ Кавказа и стѣна, перехватывающая его ушелія, все указываетъ съ совершенною ясностью на колыбель сказанія. Йотты и кимвры—одно и тоже. Принятіе нѣкоторыхъ Йотуновъ, кимврскихъ боговъ, въ скандинавскую мѣологію, не имѣетъ ничего противнаго вѣроятности, между тѣмъ какъ знакомство наше съ мѣологіею финскою и самыя отношенія племенъ другъ къ другу не позволяютъ даже и предполагать финскаго божества въ Тирѣ другихъ Йотунахъ Эдды. Финскіе отголоски слышны, кажется, въ нѣкоторыхъ темныхъ разсказахъ о странствованіяхъ боговъ и о Форніоттеровомъ потомствѣ, но все эти эпизодическіе разсказы не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ Йоттунгеймомъ. Борьба на кавказскомъ хребтѣ осталась незабвенною для аза-сармата, и безоглядочное мужество Тира указываетъ въ немъ божество тѣхъ галловъ и кимвровъ, которыхъ слава и гордость состояли въ томъ, чтобы бросаться безъ оборонительнаго оружія на стальную щетину римскихъ легионовъ. Синкретизмъ Эдды бросается въ глаза еще ярче чѣмъ синкретизмъ греческой мѣологіи. Всеобщій отецъ одинъ (дѣйствительно нѣсколько не отецъ большей части боговъ) не былъ первенствующимъ божествомъ въ системѣ азовъ-пришельцевъ. Въ центрѣ ихъ поселенія, Упсалѣ, *Торъ*, Азъ по преимуществу, занималъ первое мѣсто, имѣя по сторонамъ боговъ племенъ союзныхъ и отчасти подручныхъ, ванскаго *Прія* (Фрея) и готскаго *Одина* (Водена). (*) Числительное превосходство поклонниковъ *Одина* дало ему наконецъ-высшее мѣсто въ народномъ олимпѣ. Въ общемъ движеніи азовъ и вановъ первенство принадлежало воинственной стихіи сарматской и ее выражала непобѣдимая сила *Тора*. Вѣчный странствователь и врагъ йотовъ, съ своимъ молотомъ—молніею (*міольнеръ*), съ поясомъ силы обходить онъ, одичавшій *Митра*, весь міръ земной и небесный, спасая его отъ мрачныхъ духовъ злобы. Такъ, а не ина-

(*) In hoc templo (въ Упсалѣ) statuas trium deorum veneratur populus, ita ut Thor potentissimus eorum in medio solum habeat triclinium. Hinc et inde locum possident Wodan et Frieo. Ad Brem. de situ Dan. c. 233. *Пр. изд.*

че, долженъ былъ измѣниться на сѣверѣ свѣтлый образъ, созданный фантазіею иранскою подъ яснымъ небомъ кореннаго Иранистана. Сила благодушная, воинственность безъ жестокости, Торъ, нѣкогда творецъ (какъ видно изъ настоящей этимологіи его имени *Thur*—творить, какъ *Thür*—дверь и др.), потомъ хранитель міра высказываетъ свое закавказское происхожденіе своими атрибутами (козломъ—эмблемой молніи въ Грузіи, и оружіемъ, вполне соответствующимъ оружію Митры), а еще болѣе своею враждою противъ змѣи мидгардской, символа Ариманова. Эти два лица, противопоставленные другъ другу самымъ раннимъ дѣтствомъ человечества, Ираномъ и Кушемъ, остаются безсознательными врагами и въ безобразіи скандинавскаго синкретизма и продолжаютъ свое исконное единоборство, предоставляя Одину и волку—Фенриру, Фрею и Балью, а потомъ Суртуру раздѣляться какъ имъ угодно. Второе только мѣсто занимала во время переселенія стихія славянская. Ее выражаютъ непорочный Нюрдръ новгородскій (*us Neotun*), богъ мореплаванія, и Прій съ Прією, боги быта домашняго, и весь свѣтлый міръ мудрыхъ и привѣтливыхъ Вановъ. Сильные въ войнѣ, но не любящіе войны, они помирились охотно съ воинственными азами и дали въ залогъ міра веселаго бога пировъ и чаши заздравной, пѣвца Брагура (отъ *браги*, какъ *Квасиръ* отъ кваса), которому всегда посвящался первый кубокъ въ пиршествахъ сѣвера. Наконецъ туземная стихія готская, принявъ пришлыя стихіи и на время даже подчинившись имъ, какъ видно изъ первенства Тора въ Упсальѣ, создала на первое мѣсто своего представителя Водена, лице мрачное и таинственное, грознаго копьеносца, искателя мудрости, одноокаго какъ солнце, покрытаго обвислою шапкою какъ облачное небо, оторваннаго отъ старой религіи, которая еще слышна въ именахъ Велія и Вей и другихъ тому подобныхъ отголоскахъ, и окруженнаго символами, которыхъ смыслъ почти вовсе утраченъ, но которыхъ германское происхожденіе ясно для художественнаго чувства. Увы! иногда думается, что и германскій умъ, какъ Одинъ, окривѣлъ въ исканіи мудрости, и что для него, какъ для Одина, голова Мимера замолчитъ въ то время, когда ея отвѣты будутъ всего нужнѣе.

Всѣ сказанія древняго сѣвера заключаются собственно въ одномъ, въ сказаніи о домѣ Инглинговъ, т. е. потомковъ Ингля или Ингла.

Этого имени мы не находимъ въ родословной таблицѣ, но находимъ имя Ингви—прозвище Фрейра: очевидно это уже искаженная форма, которая первоначально была *Инглъ*.

Царственной домъ Инглинговъ начинается не завоеваніемъ, но какимъ-то мирнымъ преобладаніемъ пришельцевъ надъ туземцами. Тишина, спокойствіе и кроткая поэзія золотого вѣка, таково преддверіе самой бурной и кровавой изъ всѣхъ лѣтописей Европы. Нѣтъ слова о завоеваніи и о славѣ военной; нѣтъ слова о борьбѣ и сопротивленіи. Государство представляетъ характеръ не военный но религіозный; владѣтель является не дружиноначальникомъ, но первосвященникомъ всего народа, Упсала—общею верховною святынею. Все это указываетъ на явленіе колоніи племени съ сравнительно высшимъ просвѣщеніемъ въ землѣ еще непросвѣщенной, но и неиспорченной бытомъ воинскимъ. Въ главѣ всего общества становятся не азы, но мирные *мудрые* ваны и главный представитель ихъ Фрейръ. Этотъ религіозный союзъ около храмоваго центра соотвѣтствуетъ вполнѣ славянскому союзу около Арконскаго святилища и не имѣетъ ничего общаго съ бытомъ германскимъ. Въ такой еократической общинѣ, подъ вліяніемъ трехъ мало-по-малу сливавшихся племенъ, развилась странная религія, не имѣющая ни внутренней логической связи, ни систематической стройности нѣкоторыхъ древнихъ религій, ни красоты эллинскаго синкретизма, но поражающая даже современнаго намъ человѣка какою-то глубиною поэтическихъ предчувствій и духовныхъ требованій, облеченныхъ въ символы иногда величественные и грозные, иногда исполненные трогательной и истинно-человѣческой прелести.

Едвали какая нибудь мифологія представляетъ какой нибудь образъ равный по граціи и красотѣ основной идеи мифу юнаго Бальдера; ни

одна не представляет такого яснаго сознанія въ неудовлетворительности своего религіознаго синкретизма. Весь скандинавскій олимпъ, жертва будущаго всемірнаго переворота, не смотря на бранныя потѣхи жителей Вальгаллы, выражаетъ постоянное и мучительное стремленіе къ чему-то высшему, предугадываемому, по недостижимому. Таинственный ясень, символъ вселенной, вырастаетъ изъ таинственной и священной глубины и срываетъ главу свою въ таинственной и священной вышинѣ; подъ его сѣнію сидитъ грозный старецъ, воинственный, кровожадный и лукавый, вперяющій мысль въ неизбежное будущее, годящу бѣдствія и гибели для всего его рода, отдавшій одно изъ очей своихъ для пріобрѣтенія мудрости, безпрестанно допрашивающій судьбу, никогда не дающую отрадныхъ отвѣтовъ, и безрадостно владѣющій міромъ, обреченнымъ на сожженіе. Дальній востокъ съ его глубокомысленными вѣрованіями охватываетъ весь рядъ скандинавскихъ мифовъ, начиная его антропоморфическимъ символомъ убитаго Имера и завершая сграшнымъ образомъ заката боговъ. Нѣсколько разъ сравнивали Рагнарёкръ съ мессіянскимъ преданіемъ, яено сохраненнымъ въ зендекомъ ожиданіи Сезіоша и его побѣды надъ Ариманомъ и отзывающимся въ Индустанѣ въ будущемъ десятомъ аватарѣ Вишну. Сравненіе бесспорно справедливое, но въ тоже время неполное, ибо самое тождество сказаній ясно показываетъ совершенное различіе религій и народныхъ взглядовъ на свои вѣрованія. На востокъ побѣда, сопровождаемая гибелью вселенной, принадлежитъ доброму началу, очищающему міръ огнемъ. Гибель міра есть торжество боговъ, признающихъ за выраженіе нравственнаго добра. Въ Скандинавіи гибель міра есть дѣло злыхъ духовъ, вырывающихся на волю изъ временной неволи, и міръ возобновленный уже принадлежитъ новому поколѣнію боговъ свѣтлыхъ и мирныхъ, не похожихъ на бурныхъ владыкъ Азагейма и Ванагейма, изъ которыхъ не спасается ни одинъ, кромѣ непорочнаго Нюрдра. Въ этомъ мифѣ заключается очевидное осужденіе самой религій. Оно напоминаетъ такое же осужденіе боговъ, заключенное въ мифахъ о Прометѣѣ и будущемъ побѣдителя Зевса, но воображеніе эллинское, влюбившись въ человѣческую красоту своихъ олимпійцевъ, не довело до конца или затемнило первоначальное преданіе и рагнарёкръ Элады не получилъ полнаго образа и очертанія. Вообще должно замѣ-

тять, что стихія сказочная и пластическая отняли у мифологии эллинской всю глубину и весь таинственный смыслъ, которые въ ней скрывались въ ея первую до-эпическую эпоху. Это легко угадать можно изъ разсказовъ о Персеѣ, о копѣ Пегасѣ (днѣ и почѣ), о Прометѣѣ и его пророчествахъ и изъ всѣхъ мифовъ, которыхъ древность не подвержена сомнѣнію. Позднѣйшіе философы, обвиняя поэтовъ въ искаженіи религіи, были совершенно правы; они только одного не поняли, именно того, что поэты, выраженіе пластическаго воображенія народнаго, были невольными участниками въ дѣлѣ, совершенномъ всѣмъ народомъ во время его юношества, когда мысль, не дозрѣвшая до самосозерцанія, подчинялась вполне увлеченію художественной красоты. Здравая критика можетъ угадать погибшіе зародыши и ихъ характеръ; она можетъ напр. въ безтолковой сказкѣ о Гераклѣ (который по Иліадѣ и особенно Одиссеѣ есть ни что иное какъ злой, корыстолюбивый и неукротимый буянъ) угадать сказаніе объ освободителѣ человѣчества и его побѣжденныхъ покровителей (это видно изъ отношеній его, на одномъ концѣ свѣта, къ Прометею, подателю огня, а на другомъ концѣ—къ Атласу, учителю мудрости, котораго онъ избавляетъ отъ тяжести неба созданіемъ каменныхъ столбовъ); она можетъ угадать въ той же спутанной сказкѣ идею восточнаго аватара, человѣка—спасителя боговъ, которыхъ сила не могла бы безъ помощи человѣческой побѣдить гигантовъ; но никакая критика не можетъ уже возстановить разрушенное зданіе, которое никогда не было построено, или опредѣлить всѣ начала мысли и мифа, погибшихъ въ зародышѣ. Сикретизмъ эллинскій примирился съ своими безмысленными богами, облекши ихъ въ высокую художественную красоту; сикретизмъ скандинавскій никогда не доходилъ до примиренія и выражалъ свое самоотрицаніе въ пророчествѣ о будущей гибели боговъ. Въ подробностяхъ той страшной борьбы, которая должна положить конецъ міру азовъ и людей, можно еще ясно различить стихіи вошедшія въ составъ сказочной Вальгаллы. Каждая сохраняетъ свою отдѣльность и свои признаки; каждая въ роковой часъ неизбѣжной гибели, встрѣчается въ послѣдній разъ съ своимъ исконнымъ врагомъ. Одинъ вонзаетъ свое бесполезное копьѣ во всепожирающую пасть волка Фенрира: это готто-германскій мифъ, со-

зданіе сѣверной фантазіи; Торъ вступаетъ въ единоборство съ змѣемъ Мидгардскимъ, древнимъ своимъ противникомъ еще въ колыбели племени Азовъ, и оба гибнутъ, одинъ пораженный ударомъ молота — молніи, другой ядовитымъ дыханіемъ убитаго врага: это ясный отзывъ востока; глава вановъ, нѣкогда побѣдившій исполина Бэлія, но утратившій свой непобѣдимый мечъ, Фрейръ (Прій) идетъ безоружный противъ племеннаго меча Суртура, лица вовсе неизвѣстнаго въ прочихъ мифахъ скандинавскихъ, но котораго имя безъ окончація *уръ* соотвѣтствуетъ *чорту* (какъ Брагуръ-*брагль*, Квасиръ—*квасу*. Фрейръ-*Прію*): это мифъ славянской. Въ сказаніяхъ о Пріѣ, который по своему значенію долженъ бы быть тождественнымъ съ неизвѣстнымъ Бэліемъ (Бѣль-богомъ), но который является его врагомъ и побѣдителемъ, есть по видимому какое-то противорѣчіе: но такое противорѣчіе не рѣдко встрѣчается въ синкретизмѣ религіозномъ и не представляетъ никакого затрудненія здравой критикѣ. Ему Эллада представляетъ яркій примѣръ въ Зевсѣ-Иксіонѣ, своемъ собственномъ врагѣ. Жена Иксіона Дія, тождественная по имени съ сестрою Зевса—Діа, Юноною, есть въ то же время любовница Зевса: Иксіонъ влюбленъ въ Юнону и, сочетавшись съ ея призрачнымъ образомъ, производитъ Кентавровъ. Во время оно Зевсъ и Иксіонъ жили на небѣ какъ друзья и братья; и раздраженный Зевсъ наказываетъ Иксіона колесомъ, символомъ неба, звѣзднаго круга и года. Это явное раздвоеніе одного и того же лица, безъ сомнѣнія чествованнаго подъ двумя разными именами у двухъ враждебныхъ колѣнъ. Тоже самое вѣроятно скрывается и во враждѣ Пріа и Бэлія. Во всякомъ случаѣ антагонизмъ Одина и Волка, Тора и Змѣя, Фрейра и Суртура, выступающій съ особенною ясностью въ день всемірнаго разрушенія, подтверждаетъ вполне происхожденіе скандинавской религіи изъ трехъ разпонародныхъ религій, обозначенныхъ, какъ уже сказано, печатію тѣхъ народовъ, изъ которыхъ онѣ возникли. Побѣда злаго начала соединена съ его собственнымъ уничтоженіемъ и изъ развалинъ погибшаго міра невидимый богъ, тотъ безъимянный, могущій, который сильнѣе сильныхъ, вызываетъ міръ новый и свѣтлый, уже не гремѣщій громомъ оружія, какъ Азгардъ, но тихій и безбурный, жилище тихихъ и кроткихъ духовъ, почти вовсе забытыхъ въ прежнихъ мифахъ. Жи-

тели новаго неба уже не питаются, какъ азы, «силами земли, свѣжестью моря, медомъ пѣвцевъ,» они безсмертны сами по себѣ. Иранское преданіе о свободно-творящемъ, вѣчномъ духѣ выступаетъ явно и неоспоримо. Приливъ стихій кушитской исчезаетъ, какъ временное его искаженіе, но въ самомъ осужденіи, произносямомъ скандинавскою религіею надъ своими богами, есть примиреніе. Владыки новаго міра связаны съ прежними узами родства. Это удѣлѣвшій Нирдръ, это Одиновы дѣти Видаръ, убійца волка, и Вали, мститель за Бальдера, это дѣти Тора Магни и Модри, и воскресшій къ безсмертію свѣтлый образъ Бальдера, пзпачившее и лучшее созданіе сѣверной фантазіи. Тутъ опять особенно замѣчательно превосходство такъ сказать человѣческое, признанное за Ванами, которыхъ родоначальникъ не осужденъ на смерть, между тѣмъ какъ высшіе Азы и Одинъ погибаютъ. Болѣе внимательное изученіе всѣхъ мифовъ указываетъ не только на приливъ аза-ванской вѣры къ Единизму, но и на то, что самый антагонизмъ добра и зла внесенъ имъ же въ прежнее поклоненіе Одину, богу, не имѣвшему опредѣленнаго нравственнаго значенія. Локи, нѣкогда братъ и другъ Одиновъ, лице неизвѣстное чисто-одническимъ религіямъ германскихъ племенъ, былъ по всѣмъ вѣроятіямъ тождественъ съ Однимъ и сдѣлался его врагомъ только вслѣдствіе вліянія азо-сарматскаго Митраизма (стихій, выраженной Торомъ). Онъ былъ до тѣхъ поръ только явленіемъ губительнаго и злаго начала въ Одиѣ, и оторванъ отъ него какъ Тифоцъ отъ Озириса новыми религіозными понятіями, разорвавшими по поламъ цѣльность древняго Шиваизма (поклоненія органической необходимости). Самый Одинъ сохранялъ въ себѣ навсегда черты, указывающія на его тождество съ Локи, кровожадность и лукавство, не приписываемыя никому изъ боговъ кромѣ его. За всѣмъ тѣмъ нельзя не узнать въ Одиѣ или германскомъ Воданѣ вѣры иранской, утратившей свой характеръ отъ примѣси кушитской или въ древнѣйшей родинѣ германскаго племени, среднемъ Иранѣ, или, что вѣроятнѣе, въ самой Германіи, нѣсколько разъ пройденной и отчасти покоренной кельто-кумрійскими дружинами, глубоко проникнутыми духомъ религій семитскихъ. Нельзя однако не замѣтить, что имя Водана наводитъ нѣволью на подозрѣніе, что и онъ былъ займомъ, сдѣланнымъ германцами отъ славянъ. Тацать про него не слы-

халь, а для русскаго уха слова *Воденъ, Велий* и *Вей (Въяй)*, дѣти *Бури*, такъ понятны, что невозможно не задуматься и не предположить, что самое божество перешло на почву германскую изъ земли славянъ, водопоклонниковъ по преимуществу. Характеръ кушитскій Водана не опровергаетъ этого предположенія, ибо хотя земля славянская была по всѣмъ вѣроятностямъ родиною сказочнаго и такъ сказать семейнаго антропоморфизма, перешедшаго, какъ уже сказано, и въ греческій Олимпъ и въ Индустанъ съ стихіею вишнунтскою, нельзя не замѣтить, что космогоническое начало Куша достигло сильнаго развитія у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, особенно восточныхъ: это видно изъ чисто оргіастическаго поклоненія роду и рожаницъ, *Яриль* и *Костромъ* или *Ладу* и, кажется, *золотой Бабь*. Характеръ Кушитства, т. е. космогоническаго божества въ его двухъ органическихъ силахъ безъ нравственнаго значенія, явный въ Воденѣ, видѣнъ еще яснѣе въ *Фригль*, его подругѣ, особенно по самымъ древнимъ мѣтамъ. Въ ней соединены въ высокой степени черты, принадлежащія Шивѣ и Дургѣ, кровожадность и развратъ, къ которымъ сѣверный мѣсъ прибавилъ еще корыстолюбіе. Совершенно другое видно въ Торѣ: кромѣ нѣкоторой нравственной чистоты нельзя не замѣтить въ немъ отсутствія полярности определенной. Ему дана подруга, ибо о общій складъ мѣтеологии не могъ его оставить холостякомъ; но его жена такъ же незначительна, какъ подруга, данная позднѣйшимъ Индустаномъ и ѣкогда безплотному Брахмѣ. *Тору* принадлежитъ по преимуществу огненная стихія индо-сарматская, также какъ въ полномъ кругѣ скандинавскаго сипкретизма водяная стихія славянская принадлежитъ Ванамъ въ лицѣ Нюрдра, а быть семейный и общительный тѣмъ же Ванамъ въ Пріѣ (Прій и Прія или Фрей и Фрея) и Брагурѣ. Могущество и нравственное достоинство ирацскаго начала, и, быть можетъ, особенная энергія сарматскаго племени дали Тору первое мѣсто между богами. Это мѣсто сохранялъ онъ въ первое время даже въ Скандинавіи уже послѣ смѣшенія аза-ванской религіи съ туземнымъ поклоненіемъ Одину, какъ видно изъ порядка кумировъ въ древнемъ храмѣ упсальскомъ. Позднѣе народная вѣра взяла верхъ и поставила свое древнее божество выше Тора, собственно же ванская стихія занимала только второе, а потомъ третье мѣсто; за всѣмъ

тѣмъ общая выработка всей религіи принадлежитъ безспорно племени славянскому. Если даже не станемъ признавать связи Водена съ языкомъ и міромъ славянскимъ: если оставимъ безъ вниманія почти несомнѣнное вліяніе того же языка и міра на поклоненіе Тору, вліяніе доказываемое самымъ именемъ *Ткоръ* (соотвѣтствующимъ *Твору*—творцу, отъ глагольнаго корня *творить* какъ *дверь* и *Thür*, *звѣрь* и *Thier* и именемъ его молота *miðlnir*, молнія), и многими другими подробностями, остается одно неоспоримое доказательство въ свідѣтельствѣ всѣхъ древнихъ преданій Скандинавіи о томъ, что Фрейръ (Прій) былъ основателемъ богопоклоненія (въ его полномъ развитіи) на сѣверѣ. Это свідѣтельство не можетъ имѣть другаго смысла кромѣ образованія всего синкретизма религіознаго тѣмъ племенемъ, которое принесло съ собою поклоненіе Прію. Образовательное вліяніе славянъ, выражаемое въ самомъ прозвищѣ *мудрыхъ* Вановъ (не въ отношеніи къ ремесламъ и художествамъ, всегда приписываемымъ или іоттамъ или карламъ) должно по преимуществу дѣйствовать на міръ религіи. Тоже самое видѣли мы въ древней Элладѣ: она приняла множество боговъ съ сѣвера (Аполлона—Белена или Гелена гиперборейскаго, Артемиду—Гелену вендскую или иллирійскую, Афродиту также сѣверную, Лету—лѣто, Арея—ярого, которыхъ Гомеръ считаетъ покровителями Трои); она же отъ сѣвера приняла множество мѣовъ-загадокъ явно славянскихъ по словеской своей оболочкѣ. Такова загадка о винѣ-Вакхѣ (корень вѣроятно тотъ же что въ *Вахтрии*, — *вач* вѣщать), Вакхѣ сынѣ *Земли*—(Семеле) сгорѣвшей прежде его рожденія, объ *Ніобеѣ* (*небо*) матери безчисленныхъ чадъ, звѣздъ, убитыхъ солнцемъ и луною (холодное небо, *твердь* каменная, плачущая росами утренними и вечерними о дѣтяхъ, убитыхъ дѣтьми живаго и теплаго начала *лм-та*), о Персефонѣ — пшеницѣ (Прозерпина—прозябеніе) и вѣроятно о многихъ другихъ загадочно-мѣическихъ лицахъ, которыя еще не изслѣдованы этимологическою критикою. Это вліяніе народа по преимуществу мирнаго и осѣдлаго (которое видно и въ зачаткахъ англо-саксонской эпохи) очень понятно: оно вполне соотвѣтствуетъ характеру великорусскаго народнаго духа, для котораго еще и въ наше время вопросъ религіозный есть единственный достойный постояннаго и сильнаго вниманія. Люди, знающіе истинное на-

правление этого духа, не могут не быть поражены этою особенностью, замѣтною даже поверхностному наблюдателю.

Первая основа новаго общества, созданнаго аза-ванскимъ приливомъ въ Скандинавіи, была теократическая, но въ то же время не замкнутая предѣлами касты жреческой, которой нѣтъ ни малѣйшаго слѣда. Общество было болѣе образовательное чѣмъ завоевательное, вѣроятно потому что оно или имѣло съ самаго начала цѣли торговля или нашло слишкомъ бѣдный и непроходимый край, затрудняющій завоеваніе и ничѣмъ его не вознаграждающій, или наконецъ потому, что оно искало приволья пустопорожнихъ земель и только въ послѣдствіи пришло въ соприкосновеніе съ туземцами. Какъ бы то ни было, всѣ сказанія сѣвера возводятъ его исторію черезъ домъ инглинговъ къ законодателю религіозному, а не къ воинственному побѣдителю. Тотъ же характеръ видѣнъ и въ мифическихъ разказахъ о происхожденіи сословій. (*) Высшія являются послѣ низшихъ (въ противность большей части подобныхъ мифовъ), вступаютъ въ свое общественное званіе безъ борьбы и отличаются не столько еще силою тѣлесною и мужествомъ, сколько благородствомъ духа и знаніемъ божественныхъ тайнъ. Руны и пѣсни принадлежатъ имъ и имъ однимъ.

Они не признаны пришельцами (что можетъ легко быть объяснено особеннымъ ходомъ синкретизма религіознаго), но они имѣютъ съ самаго начала характеръ странствователей въ противоположность осѣлости низшихъ сословій.

Теократія, которой представителемъ былъ Ванъ Фрейръ (Прій), должна была носить на себѣ характеръ славянскаго племени, мирный и кроткій. Таковъ дѣйствительно смыслъ саги. Божество, олицетворяющее теократію, должно было являться болѣе въ служебномъ значеніи жреца-просвѣтителя

(*) Gejer. Urgesch. Schwed. 406 и слѣд. *Прим. изд.*

въ міръ божествъ, чѣмъ верховнаго владыки. Таковъ опять смыслъ саги. Кровавыя и человѣческія жертвоприношенія нисколько не опровергають этихъ ясныхъ выводовъ. Вліяніе религій кушитскихъ на духовный міръ иранскій было таково, что во многихъ случаяхъ самые мирные народы и самыя кроткія вѣрованія признавали необходимость выкупать невозмутимую тишину жизни кровью часто дорогою.

Это особенно замѣчательно въ религіяхъ, принявшихъ по преимуществу характеръ сладострастія и преобладанія женскаго начала въ органической двойственности космогоніи. Склонность къ сладострастію замѣтна въ остаткахъ древней оргіастической религіи сѣверо-восточныхъ славянъ. Сказанія же о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ не чужды балтійскому Поморію и въ глубочайшей древности извѣстны были Эмладѣ какъ характеристика поморія Евксинскаго, искони славянскаго, а тождество Венеры и Діаны сѣверной не подвержено сомнѣнію. Нельзя также вовсе отвергать свидѣтельство пѣмечныхъ лѣтописцевъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у славянъ приморья Балтійскаго, хотя эти свидѣтельства подвержены не совсѣмъ ничтожнымъ сомнѣніямъ.

Преданія сѣверныя признають первую эпоху мирную довольно продолжительною; но изъ нихъ же замѣтно, что этотъ міръ былъ соединенъ съ преобладаніемъ центральнаго религіознаго поселенія около Упсалы надъ остальною Скандинавіею. Самое названіе владыкъ *дроттмаръ* выражаетъ преимущество, зависящее отъ званія жреческаго. Въ послѣдствіи это названіе замѣнено словомъ *конунгъ*, но кажется они равнозначительны и по всей вѣроятности одно, корня германскаго (*дроттмаръ*), есть только переводъ другаго, корня славянскаго (*копязь*, *кпязь*, *конунгъ* или *конигъ*).

Уже выше показаны доводы, доказывающіе происхожденіе словъ: *копязь*, *конига* (книга) и *закопъ* отъ слова *копъ* (край, верхъ), которому соотвѣтствуетъ въполнѣ санскр. *кôна* и отчасти латинское *синеис*. Прибавимъ, что самое имя *конунгъ* есть выводное отъ

древнѣйшаго *конръ*. Это же названіе находимъ мы какъ имя *Рига* (иначе *Конръ*), родоначальника высшихъ сословій, но отличающагося по преимуществу знаніемъ рунъ, и по этому носящаго на себѣ болѣе религіозный характеръ, чѣмъ характеръ воинственной власти. Такое происхожденіе слова *конунъ* отъ *конязь* и корня *конъ* можетъ совершенно соглашаться и съ другимъ значеніемъ *конъ* въ смыслѣ рода: ибо слово, первоначально означавшее край, верхъ, могло быть перенесено на идею рода, какъ *столбъ* у насъ и *миля* у западныхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ мнимое замѣненіе Дроттнарства Конунгствомъ очень похоже на переводъ съ одного языка на другой, взявшій въ позднѣйшее время перепѣсъ, а соединеніе имени *конръ* (тотъ же *конязь*) съ знаніемъ рунъ явно свидѣтельствуетъ о жреческомъ значеніи первыхъ владыкъ, потомковъ Фрейра.

Самое имя *Ингль*, родоначальника династїи, котораго мы уже видѣли родоначальникомъ царственнаго дома у англовъ саксонскихъ, указываетъ на имя божества племеннаго, даващаго имя величайшей изъ морскихъ державъ, когда-либо дѣйствовавшихъ въ исторїи міра.

Форма *Ингль* скрывается въ романизованной формѣ *Англь*, явнѣе выдается въ германской формѣ *Энгль* и выступаетъ снова въ чисто-англійской *Ингль*; а что эта послѣдняя не есть форма новая, тому служитъ доказательствомъ итальянское *Inglese unghilterra*; но въ самой Англїи она вѣроятно была формою мѣстною, употребляемою по преимуществу въ коренномъ поселенїи англовъ, Вернигїи (вѣроятно отъ слова *вѣрники*).

Въ Инглѣ нельзя не узнать одного изъ прозвищъ Фрейра или Ирїа углицкаго; но это обстоятельство, будетъ ли оно или нѣтъ, признано критикою, не имѣетъ важности, ибо славянское происхожденіе всего поклоненїя Ванамъ остается несомнѣннымъ; оно можетъ имѣть только ту важность, что указываетъ не только на корень, но и на самую вѣтвь, отъ которой отдѣлилась колонїя, перешедшая въ Скандинавію,

именно на вѣтвь южную, кавказско-карпатскую, автовъ, съ которою слово *уличи* стоитъ въ связи несомнѣнной. Зависимость не политическая, но племенная, зараждающейся Швеціи отъ безконечной области славянской выступаетъ еще съ большею ясностью послѣ двухъ первыхъ (разумѣется сказочныхъ) преемниковъ Фрейра. *Сведеръ* даетъ обѣщаніе отправиться на востокъ, въ страну боговъ или Великій Свигіодъ.

И такъ самое имя *Свигіодъ* (отъ котораго Шведъ) полагалось преданіемъ на востокъ; вѣроятно оно въ корнѣ своемъ связано съ словами *святъ* и можетъ быть святъ. Святость сѣвера можно отчасти предполагать изъ словъ Тацита.

Во время странствованія женится Сведеръ на Ванѣ изъ земли Ванской и умирая оставляетъ преемникомъ *Ванланда*, котораго гробница считалась древнѣйшею изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Скандинавіи.

Очевидно ванскій или вендскій курганъ. Когда встрѣчается форма *Ванъ* и когда приходитъ на память, что эта форма извѣстна была глубочайшей древности и звучитъ во всѣхъ поэтическихъ преданіяхъ безконечнаго азійскаго востока, въ Китаѣ (*Та-Ванъ*, великіе Вань) и въ Индустанѣ (*Мага-Ванада*, великіе Ванады) невольно возникаетъ мысль, что дѣйствительно древнѣйшая форма имени *Вендъ* звучала на *a*, а не на *e*; впрочемъ шаткость гласныхъ могла бы объяснить одновременное существованіе многихъ различныхъ формъ; но нельзя не изумиться странному невниманію нѣмецкой критики къ самому слову *Ванъ*, въ то время какъ она имѣетъ ясныя свидѣтельства объ его извѣстности всему древнему міру на пространствѣ, котораго не достигала слава никакого другаго народнаго или мифическаго имени.

Слѣдовать за родословною Инглинговъ было бы бесполезно. Пѣснь или сага, мифъ и историческое преданіе такъ перемѣшаны въ ней, что разумная критика не можетъ даже искать

въ ней послѣдовательнаго разсказа и историческихъ подробностей. Ей слѣдуетъ довольствоваться пониманіемъ общихъ законовъ, по которымъ развилась жизнь Скандинавіи.

Впрочемъ не это-ли только и нужно во всякой исторіи? и самыя подробности не потому-ли только и полезны, что иногда помогаютъ разумѣнію общихъ законовъ? Можно безъ парадокса сказать, что народъ, отъ котораго уцѣлѣли пѣсни, болѣе извѣстенъ, чѣмъ тотъ, отъ котораго уцѣлѣла внѣшняя, хотя бы и подробная, исторія. Уничтожьте недавно открытую Зендавесту,—и Скандинавія въ своихъ сагахъ болѣе высказывается, чѣмъ Персея въ подробныхъ разсказахъ греческаго историка.

Мало-по-малу измѣняется характеръ скандинавскаго преданія. Ясные слѣды славянской колонизаціи исчезаютъ; послѣ Ванланда они еще выражаются можетъ быть пмевами одного изъ Инглинговъ, Отгара *Вендель-Крака* и сына его *Адильса*, котораго еще называютъ восточнымъ именемъ *Аттилы*,(*) и потомъ пропадаютъ вовсе. Жизнь принимаетъ иное направленіе.

Сказанія первобытныя представляютъ намъ три сословія рѣзко разграниченныя: рабовъ, вольныхъ и благородныхъ. Это раздѣленіе соответствуетъ тремъ колонизаціямъ самой Скандинавіи. Финская, пришедшая съ сѣвера, очевидно самая ранняя, безспорно захватывала нѣкогда все пространство между Балтикою и океаномъ.

Финны и особенно отрасль того же корня, лапы, еще на исторической памяти простирались довольно далеко на югъ.

Вторая, германская, готской вѣтви, перебралась черезъ узкіе проливы съ юга и далеко оттѣснила туземцевъ къ сѣверу, обращая часть ихъ въ рабство по всегдашнему обычаю германцевъ. Третья, аза-ванская (сармато-славянская, или смѣсь сарматовъ съ кавказскою вѣтвію антовъ славянъ) пришла съ моря, поселилась въ слабо-населенномъ поморьѣ около

(*) Ср. Gejer Urgesch, Schwed. 422. 7.

своего упсальскаго святилища и мало-по-малу, силою высшаго просвѣщенія славянскаго, поддержаннаго воинственною энергіею сарматовъ, подчинила себѣ древнѣйшія стихіи и опредѣлила все послѣдующее развитіе какъ въ отношеніи жизни мыслѣнной, такъ и въ отношеніи къ движенію общественному.

Отношенія послѣднихъ пришельцевъ къ прежнему населенію не были ознаменованы враждою (это видно изъ характера первоначальныхъ преданій); они были обусловлены высшимъ развитіемъ пришельцевъ передъ туземцами, и по этому самому должны были дать аза-ванамъ (сармато-славянамъ) значеніе правительствующей аристократіи; но она не исключала также и возможности вступленія прежней стихіи въ кругъ новой власти, слѣдовательно возможности сліянія, и это сліяніе не подлежитъ сомнѣнію.

Множество родовъ вели себя отъ форніоттерскаго начала и слѣдовательно отъ населенія не только туземнаго, но еще и предшествовавшаго германской колонизаціи. Преданія этихъ родовъ, изъ которыхъ многіе родились съ царственнымъ домомъ инглинговъ, указываютъ на происхожденіе сѣверное и сѣверо-восточное изъ области финской.

Тутъ встрѣчаются и имена иносказательныя, весьма характеристическія, какъ снѣгъ, морозъ (*снѣ*, *фростъ* и тому подобныя). Съ другой стороны введеніе въ мифологию Тира, божества принадлежащаго готамъ, слѣдовательно кимврамъ, показываетъ примѣсь стихіи не финской.

Вѣроятно эта примѣсь произошла издревле въ германскихъ племенахъ еще прежде Аза-Ванской колонизаціи. Характеромъ своимъ она отличается вполне отъ характера иранскаго. Сѣверная, финская примѣсь облачается опредѣлительною чертою какого то мрачнаго, безотраднаго и туманнаго волшебства. Кельтская представляетъ въ высшей степени черты безоглядной, воинственной отваги. Тиръ, какъ божество иноплеменное (и принятое, такъ сказать, не на правахъ полного, внутренняго равенства) лишень своей силы (что символизировано въ потерѣ правой руки), точно также какъ

Фрей добровольно пожертвовалъ мечемъ любви (въ чемъ опять символизированъ его характеръ фаллическій и переходъ въ мирное жречество). Потеря руки Тировой не должна по мифамъ имѣть для боговъ такихъ гибельныхъ послѣдствій, такъ утрата Фрейрова меча, и въ этомъ видно высшее положеніе Фрейра въ скандинавскомъ олимпѣ; но за всѣмъ тѣмъ Тиръ представлялъ для Скандинава поднѣйшій образъ военнаго мужества. То обстоятельство, что Тивъ, Тіу или Ціо (по всѣмъ вѣроятностямъ тотъ же Тиръ или *Эаръ* или *Иръ*) былъ предметомъ поклоненія у большей части, быть можетъ даже у всѣхъ, народовъ германскихъ, не опровергаетъ нисколько его кельтскаго происхожденія. Кельты насквозь и во всѣхъ направленіяхъ прорѣзали міръ германскій, какъ враги, какъ насильники, а потомъ какъ полумирные сосѣди, наконецъ побѣжденные и слившіеся въ многихъ мѣстахъ со германскою массою. Ихъ верховный богъ поступилъ въ общій синкретическій процессъ. Древнѣйшая же форма его имени была, какъ кажется, *Тіутъ* (*Тевтъ*, *Тевтатесъ*, извѣстный и Кесарю и Тациту).

Такимъ образомъ происходило смѣшеніе народныхъ стихій въ нижнихъ слояхъ обитателей Скандинавіи, сливая отчасти кельто-кимвра и даже финна съ гото-германскимъ колѣномъ подъ общимъ предводительствомъ стихій сармато-славянской, высшей по просвѣщенію и по непрерывной связи съ безпредѣльнымъ міромъ востока. Но въ тоже время происходило сліяніе и этой высшей стихіи со второстепенною германскою, сліяніе полное во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по крови, такъ и по религіи. Германскій Воденизмъ (или Единизмъ) получилъ скорый доступъ въ религіозное зданіе аза-ванскихъ вѣрованій, сперва на степени второстепенной (какъ видно изъ положенія кумировъ, оставшагося неизмѣннымъ въ урсальскомъ святилищѣ), потомъ на степени равенства съ высшимъ представителемъ сарматскаго племени, Торомъ, потомъ наконецъ на высшемъ мѣстѣ, какъ и слѣдовало быть по огромному числительному преобладанію германцевъ.

Родословная ярлей и королей отъ Водена, а не отъ Тора ничего не доказываетъ противъ ихъ сарматскаго происхожденія. Старшій и почетнѣйшій изъ всѣхъ родовъ велъ себя отъ Фрейра (или Ингви-Фрейра), свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о своемъ иноземномъ началѣ. Другіе же роды, созидая себѣ родословную, должны были ее связать съ богомъ туземнымъ Одиномъ по образцу высшихъ туземныхъ родовъ, ибо Торъ не могъ быть ихъ родоначальникомъ. Такое отношеніе Тора къ людямъ невозможно вслѣдствіе его мидо-иранскаго характера. Онъ навсегда долженъ былъ сохранить и сохранялъ признаки своего первоначальнаго, чисто духовнаго значенія. Подобно своему первообразу (или по крайней мѣрѣ древнѣйшему образцу) *Мих-Теру*, хранителю міра отъ вражды злыхъ духовъ, онъ навсегда долженъ былъ являться съ явными признаками своей первоначальной безсемейности. Очевидно, жена и какіе-то почти неизвѣстные или ясно символическіе дѣти приданы ему временемъ гораздо позднѣйшимъ. Нѣтъ никакой живой связи между ними. Уступка же перваго мѣста на Олимпѣ было тѣмъ естественнѣе Тору, что онъ былъ несомнѣнно, искони, подобно Митрѣ, только высшимъ изъ служебныхъ духовъ, а не верховнымъ богомъ. Туземный же богъ Воденъ мало-по-малу занялъ мѣсто этого верховнаго, невещественнаго, можетъ быть, безыменнаго бога, о которомъ память сохранилась въ прозвищѣ Альфатера.

Смѣшеніе двухъ стихій, германской и аза-ванской, имѣло особенно сильное вліяніе на высшія общественныя сословія. Собственно аза-ванская область (или центръ колонизаціи) примыкала къ упсальскому святилищу, но развѣтвленіе племени проходило сквозь всѣ другія, болѣе или менѣе независимыя области. Съ самаго начала видимъ мы сопоставленіе двухъ системъ, разобщенности, выражаемой мѣстными королями (князьками), которыхъ было множество, и единства, выражаемаго общимъ королемъ, въ тоже время первосвященникомъ.

Самый этотъ характеръ первосвященства уничтожаетъ сомнѣніе критиковъ, отвергающихъ такое единство въ началѣ древне-сканди-

навской исторіи. Тутъ король имѣлъ совсѣмъ иное значеніе чѣмъ сомнительные брейтвады англо-саксовъ. Онъ былъ разумною необходимостію, онъ былъ символомъ цѣлаго новаго просвѣщенія, властвовавшего не силою, а духомъ посредствомъ религіи. По этому самому король носилъ на себѣ отвѣтственность за бѣдствія, ниспосылаемыя богами, которыхъ онъ не умѣлъ умолить, и самъ падалъ какъ очистительная жертва въ случаѣ голода или повѣтрія или другаго какаго нибудь общественнаго несчастія.

Страны около Упсалы приняли, разумѣется мало-по-малу, видъ области нѣсколько образованной. Лѣса разрѣженные уступали мѣсто пашнямъ; берега пустынныхъ водъ оживлялись жилищемъ человѣка: но это измѣненіе недалеко проникло въ глубь негостепріимнаго сѣвера. Гото-германское колѣно, мѣшаясь съ пришельцами, селилось между ними и слѣдовательно не допускало явнаго отдѣленія области сармато-славянской отъ остальной Скандинавіи, по крайней мѣрѣ такого отдѣленія, которое бы ясно обозначилось для позднѣйшей критики въ языкѣ или обычаяхъ народа. За всѣмъ тѣмъ различіе стихій высказалось въ названіи *Готландъ*, старой области туземцевъ, в *Свитіода*, области пришельцевъ, и въ особенныхъ преимуществахъ Свитіода, сохранившихся даже въ позднѣйшее время въ отношеніи къ избранію королей. (*)

Происхожденіе слова *Свитіода* отъ корня *Свѣтъ* или ему подобнаго болѣе чѣмъ вѣроятно: страна свѣта, въ смыслѣ святыни. Какое-то сказаніе о сѣверѣ, какъ о жилищѣ боговъ, у Тацита можетъ быть относится къ особенному религіозному значенію Свитіода, ибо оно совершенно противно религіознымъ мѣтамъ германскимъ, постоянно представлявшимъ сѣверъ страню мрака, тумана и злыхъ духовъ.

Распространеніе мѣшаннаго племени, мало-по-малу составлявшаго аристократію всего скандинавскаго міра, должно было сперва возвысить значеніе жреческаго центра, а потомъ уничтожить его исключительную власть при умноженіи во всей

(*) Ср. Gejer Urgesch. Schwed. 362. 2. *Приж. изд.*

Скандинавіи родовъ и семей, которыя ни чѣмъ не уступали родамъ и семьямъ, живущимъ въ собственномъ Свитюдѣ, даже королевскому; но этой эпохѣ паденія или разъединенія предшествовала, какъ сказано, эпоха полнѣйшаго единства и преобладанія.

Вообще это преобладаніе имѣло характеръ мирный, но какъ бы ни была мирна' власть пришедшей стихіи и какъ бы ни было добровольно подчиненіе стихіи туземной, очевидно подчиненность не могла одинаково быть пріятною всѣмъ старожителямъ. Гордость племени мужественнаго и гордаго должна была сильно возмутиться во многихъ благородныхъ сердцахъ и въ родахъ, привыкшихъ къ полной независимости и безспорному первенству. Такова причина, почему въ II вѣкѣ до Р. Х. готы, т. е. значительное число вѣроятно высшихъ родовъ, переселились на югъ къ своимъ родственникамъ по крови, отдѣльнымъ племенамъ, жившимъ на берегу Балтійскаго моря между племенами славянскими, охватывавшими сѣверъ Германіи. Тутъ повторился въ большемъ видѣ фактъ перѣдкій въ исторіи, что немногочисленная, но крѣпко связанная дружина сдѣлалась центромъ началъ дотолѣ слабыхъ и разрозненныхъ и привела въ неудержимое движеніе массы, дотолѣ дремавшія въ спокойномъ довольствѣ или въ тугой апатіи.

Здравая критика не можетъ усомниться въ переселеніи готовъ съ сѣвера на югъ, а тѣмъ болѣе предположить ихъ переселеніе съ юга на сѣверъ. Въ собственной Германіи это имя является временнымъ гостемъ, не оставившемъ по себѣ слѣдовъ. Въ Скандинавіи оно живетъ и теперь на материкѣ и островахъ. Въ Германіи мы не видимъ ни малѣйшаго признака того дѣленія на восточную и западную отрасли, которое характеризуетъ готское племя. Въ Скандинавіи оно осталось навсегда. Въ преданіяхъ историческихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака движенія готовъ къ сѣверу, между тѣмъ какъ о переходѣ ихъ черезъ Балтику съ сѣвера сохранилась память и у самыхъ готовъ и у лангобардовъ, ихъ менѣе благородной вѣтви, и кажется у гепидовъ и у прибрежныхъ литовцевъ и латышей, которыхъ они или завоевали или утѣсняли въ продолженіи

нѣсколькихъ столѣтій. Что же касается до ихъ сказаній ииенческихъ, связывающихъ ихъ съ юго-востокомъ, то они принадлежатъ не народу, а религiи аза-ванской (по преимуществу же обожанiю Фрейра или Прiа), которую они приняли прежде переселенiя. Невозможно разумному критику въ этомъ ошибиться. Характеръ историческаго преданiя и ииенческой сказки совершенно различны. Языкъ готскiй, отъ котораго уцѣлѣлъ великолѣпный памятникъ, принадлежитъ по своимъ формамъ можетъ быть менѣе къ нарѣчiямъ собственно скандинавскимъ, чѣмъ къ германскимъ (и можетъ быть даже славяно-германскимъ); но это объясняется очень легко во первыхъ малочисленностью самой дружины, которая окрѣпла и сдѣлалась народомъ только вслѣдствiе нарощенiя изъ германскихъ племенъ, а во вторыхъ измѣненiемъ самыхъ нарѣчiй скандинавскихъ, подвергшихся сильному измѣненiю отъ влiянiя пришлой стихiи. Дѣйствительно нарѣчiя шведо-норвежскiя представляютъ безчисленные слѣды ославленiя. Какъ бы то ни было, отвергать пришествiе готской дружины въ Германiю изъ за моря Балтiйскаго, значило бы отвергать все воспоминанiя самихъ готовъ, лонгобардовъ и летголитовскихъ народовъ; это значило бы отвергнуть разомъ всю достовѣрность всякой народной памяти въ такой вѣкъ, когда наука наконецъ, начала понимать какъ вѣрна и упорна народная память и какъ дороги ея показанiя, часто оподозрѣнныя и осмѣянныя, почти всегда оправданныя глубокимъ изслѣдоващiемъ и сравненiемъ древнихъ памятниконъ.

Внутреннiя междоусобiя, въ которыхъ борьба происходила между племенемъ пришлымъ, первенствующимъ и племенемъ туземнымъ, упавшимъ съ первой на вторую ступень, были разумѣется весьма рѣдки по самому характеру преобладанiя аза-ванскаго, преобладанiя религiознаго; за всѣмъ тѣмъ память объ нихъ не совсемъ исчезла изъ преданiя и выражается въ прозвищѣ короля Эгиля *Туннадоми*, выдержавшаго многолѣтнюю войну противъ раба по имепи *Тунне* и купившаго побѣду великимъ трудомъ и опасными подвигами.

По всей вѣроятности это мнимое имя *Tunnis* есть ничто иное какъ искаженіе слова *Tiunnъ*, чему соотвѣтствуетъ и самое опредѣленіе этого раба какъ казначея—(*tiunnъ съ ключами*).

Какъ бы то ни было, преданіе содержитъ указаніе на борьбу неравныхъ сословій и слѣдовательно распри племенной, ибо судить объ ней нельзя какъ о возмущеніяхъ или войнахъ, перѣдвѣхъ на востокъ, въ которыхъ рабы часто возставали противъ владыкъ и свергали ихъ съ престола. Отношенія Восточныя не похожи на отношенія европейскія. Рабство восточное есть случайность, нисколько не уничтожающая равенства. Рабство въ Европѣ предполагаетъ по необходимости племенное различіе, или то что на западѣ считаютъ кровнымъ неблагородствомъ.

Въ этомъ случаѣ можетъ быть одна Россія составляетъ исключеніе, котораго въ Скандинавіи и предполагать нельзя. Впрочемъ можно еще допустить догадку не совсѣмъ вѣроятную, что бывшій казначей конунга воевалъ съ помощью войскъ иноземныхъ и наемныхъ.

Выселеніе Готовъ (т. е. именитѣйшихъ родовъ и ихъ дружины) упрочило преобладаніе аза-ванскаго (т. е. сармато-славянскаго) племени, но жизнь Скандинавіи была не безбурна, хотя по видимому она и не представляла въ началѣ своемъ тѣхъ безпрестанныхъ потрясеній и переворотовъ, которые потомъ въ продолженіи многихъ вѣковъ составляютъ ея исторію. Около начала нашего лѣтосчисленія произошло первое выселеніе изъ Скандинавіи, менѣе замѣтное въ своемъ началѣ, менѣе блестящее по военной славѣ, но еще болѣе важное по своимъ историческимъ послѣдствіямъ. Это было выселеніе саксовъ или англо-саксовъ.

Различіе времени между готскимъ и англо-саксонскимъ движеніемъ опредѣляется весьма легко однимъ простымъ наблюденіемъ надъ религіею того и другаго союза. Готы поклонники Одина, также какъ и саксы. Иначе и быть не могло;

ибо Одинъ былъ туземный богъ германо-скандинавскаго племени: но готы не знаютъ еще ничего объ Аза-Торѣ, ни о Занѣ Фрейрѣ. Синкретизмъ трехъ религій, слившихся въ одну, еще неутвердился или по крайней мѣрѣ необнялъ всей Скандинавіи и заключался еще въ предѣлахъ аза-ванской колоніи *Самтёда*.

По всей вѣроятности этотъ синкретизмъ только еще начинался, ибо выселеніе готовъ совершилось весьма скоро послѣ основанія аза-ванской колоніи. Должно замѣтить, что сарматская стихія очень недолго сохраняла отдѣльную самостоятельность и скоро была забыта. Такова причина, что Балтійское море (отъ литовскаго-ликорня, или отъ славянскаго слова *блато*, все равно) очень не долго слыло Сарматскимъ моремъ, между тѣмъ какъ оно было всегда извѣстнымъ подъ именемъ Вендскаго.

Выселеніе Саксовъ уже совершилось при синкретизмѣ, развившемся вполнѣ. Имена *Тора* и *Фрейра* также священны для нихъ, какъ и для вѣковъ, въ которыхъ окончательно сложилась скандинавская Эдда. Это извѣстно изъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ о формулахъ отреченія саксовъ отъ язычества и изъ родословіи и слѣдовательно не подвержено никакому сомнѣнію; но самый характеръ выселенія разнится во всѣхъ отношеніяхъ отъ характера готскаго движенія. Готы бѣжали; саксы выходили какъ добровольная колонія.

Быть можетъ, нѣкоторыя смуты въ жизни скандинавской имѣли вліяніе и на саксовъ; нельзя на это сомнѣніе отвѣчать ни положительно, ни отрицательно; но во всякомъ случаѣ можно утвердительно сказать, что они не были бѣглецами, изгнанцами изъ родины, или военною дружиною, брошившею отечество, чтобы избѣгнуть чужденароднаго ига или чужестранныя гнета.

Первоначальное ихъ появленіе въ Германіи не представляетъ ничего вопиющаго. Самое преобладаніе Одина и Фрейра въ ихъ родословіи и религии указываетъ, какъ кажется,

на то, что сарматская стихія не имѣла на нихъ значительнаго вліянія.

Впрочемъ я уже сказалъ о причинѣ, почему Торъ не могъ являться въ родословіяхъ, но великое значеніе Фрейра весьма замѣчательно.

Съ другой стороны скорое появленіе между саксовъ племень, носящихъ славянскія имена, доказываетъ великое сходство съ славянскою стихіею и дружескія отношенія къ ней, не смотря на случайно враждебныя столкновенія саксовъ съ славянами при-эльбскими. Расширеніе саксонскаго союза было по видимому не дѣломъ войны, по федераціи, захватившей мало-по-малу сѣверъ Германіи и по всей вѣроятности получившей особенную силу въ послѣдствіи отъ желанія отдѣльныхъ племенъ найти опору и защиту противъ насилія и завоеваній меровейскихъ франковъ. Разумѣется, сильный приливъ германскихъ народовъ, болѣе чѣмъ удесятирившихъ первоначальный объемъ саксонскаго союза, совершенно отняли у стихіи славянской, не получавшей никакого нарощенія, всю ея политическую важность, хотя и не изгладилъ слѣдовъ ея духовнаго вліянія, замѣтнаго, какъ уже сказано, въ религіи и законодательствѣ народовъ саксонскихъ и ихъ заморскихъ колоній.

Позднѣйшая вражда саксовъ и датчанъ не доказываетъ вражды издавней. Въ мифическихъ и полуученыхъ родословіяхъ они являются братьями, но въ послѣдствіи соперничество произвело вражду. Вообще же все сказанія показываютъ въ нихъ народъ приморскій и сѣверный. Что же касается до нарѣчій, которыя носятъ имя саксонскихъ, ихъ глубокое различіе съ нарѣчіями скандинавскими объясняется весьма просто тѣмъ обстоятельствомъ, что числительное превосходство въ союзѣ принадлежало не настоящимъ саксамъ, пришельцамъ изъ Скандинавіи, но стихіямъ чисто-германскимъ, представшимъ къ союзу и принявшимъ отъ него новое имя.

Послѣ удаленія готовъ, т. е. старшихъ родовъ и военной силы этого народа, пришла аза-ванская стихія получила не только перевѣсъ, но полное преобладаніе; вѣроятно саксонское выселеніе не имѣло никакихъ общественныхъ послѣдствій на жизнь скандинавскаго полуострова; она уже получила опредѣленный характеръ.

Сармато-славянская колонія, вслѣдствіе нравственнаго или умственнаго превосходства, т. е. большого просвѣщенія въ бытѣ и промышленности, получила неоспоримое первенство между племенами скандинавскими. Она была въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ ихъ несомнѣннымъ религіознымъ средоточіемъ. Но съ одной стороны она сама германизировалась, съ другой ея выходцы селились повсюду между туземцами, основывая дома наслѣдственныхъ благородныхъ ирлей, сдѣлавшихся главами гото-германскаго народа.

Одинъ сѣверъ, позднѣйшая Далекарлія, дикій, бѣдный и негостепріимный, едва ли принялъ въ себя иноземный приливъ; впрочемъ этотъ край еще долго былъ, кажется, жилищемъ финновъ и лапповъ.

Такимъ образомъ прежній упсальскій центръ, хотя еще неутратившій своего значенія, утратилъ права на безспорное преобладаніе и долженъ былъ мало-по-малу подвергнуться соперничеству другихъ, дотолѣ подчиненныхъ областей. Таково дѣйствительно свидѣтельство преданія. Возмущенія и междоусобія, о которыхъ сзвсѣмъ пѣтъ помина въ первую эпоху, повторяются безпрестанно въ эпоху ближайшую къ историческимъ временамъ. Безпрестанно рассказываются кровавые споры областныхъ (такъ сказать удѣльных) королей (фолькисъ конунговъ) между собою, войны ихъ противъ короля упсальскаго (эввальдсъ-конунга, старшаго по жреческому сану и слѣдовательно нѣсколько соответствующаго великому князю въ Россіи) или посяганія упсальскаго державца на владѣнія и жизнь своихъ подчиненныхъ или младшихъ соправителей. Сосредоточеніе государственной жизни исчезло.

Эту перемену относят ко времени сомнительнаго короля *Агне*; но тутъ еще дѣло идетъ о войнахъ съ иноплемениками или о раздорахъ семейныхъ. Дѣйствительныя же междуусобія, т. е. борьба энвальдсъ-конунговъ съ фолькисъ-конунгами относится ко времени позднѣйшему, къ Эгнмо или Олаву Венделькрака, ибо сказаніе объ Гуглейнѣ еще относится только къ распрямъ въ домѣ инглинговъ. Впрочемъ ясно, что Данія начала жизнь самобытную прежде, чѣмъ раздоры разрушили единство религіозно-племеннаго союза въ Швеціи.

Бѣгство готовъ было удаленіемъ отъ родины, мало-по-малу поддающейся подъ власть пришельцевъ аза-вановъ (сармато-славянъ); эмиграція саксовъ была отдѣленіемъ колоніи въ эпоху полнаго преобладанія инглинговъ.

Этимъ объясняется важность имени англовъ (энглей или ингли), не смотря на ихъ малочисленность и слѣды славянскаго начала во всемъ бытѣ и въ исторіи англо-саксовъ.

Но наконецъ самый домъ инглинговъ (славянскаго бога, Вана Ингви-Фрейра) сталъ клониться къ упадку. Жреческій центръ, Упсала, потерялъ свое исключительное значеніе. Области получили самостоятельность и стали жить отдѣльною жизнью, оспаривая или отвергая упсальское первенство. Нѣкогда царствовавшій домъ и нѣкогда преобладавшая страна уступили свои вѣковыя права не безъ упорнаго боя. Закатъ ихъ славы совершился въ кровавомъ туманѣ, въ которомъ историческая критика угадываетъ страшныя происшествія и могучія личности. Не смотря на возстаніе почти всеобщее, инглинги по временамъ достигаютъ силы и могущества, которыхъ они не имѣли въ эпоху своего безспорнаго владычества, но уже эта сила и это могущество основаны на личной доблести и на счастливомъ насиліи, а не на общемъ согласіи и не на признаніи духовнаго превосходства властвующей или центральной стихіи. Воинъ совершенно вытѣснилъ жреца. Инглинги пали, слабый остатокъ ихъ спасся въ Нор-

вѣги, основывая въ ней новую, отдѣльную династію, которой суждено было еще вписать въ исторію нѣсколько блистательныхъ подвиговъ военныхъ и наконецъ погибнуть безъ слѣда. Безполезно бы было отыскивать въ хаосѣ сагъ и сѣверныхъ сказаній настоящія имена послѣднихъ эвальдсъ-копунговъ изъ древняго рода жрецовъ Фрейровыхъ, или преемство ихъ владычества: но весьма важно то обстоятельство, что похититель ихъ власти, свирѣпый и многолѣтній владыка сѣвера, Гаральдъ-Гильдетандъ, является какъ бы продолженіемъ династіи, которую онъ дѣйствительно ниспровергъ.

Таково же было отчасти въ Римѣ отношеніе Веспасіана къ дому Кесарей.

Эпоха религіознаго владычества миновалась; наступило время силы вещественной, мало по малу возросшей въ мирѣ и потомъ освирипѣвшей въ войнѣ. Родъ Инглинговъ, возникшій въ какой то таинственной и торжественной тишинѣ, управлявшій въ продолженіи слишкомъ осьми вѣковъ судьбами сѣвера, скрѣпившій его медленнымъ развитіемъ религіознаго синкретизма, охватившій его сътыю благородныхъ домовъ, хранителей поэтическаго просвѣщенія, погибъ въ пламени и крови; но Скандинавія уже не могла оставаться незамѣченною въ исторіи міра. Долго накоплявшаяся сила духовная, которой явнымъ доказательствомъ служить религіозная восторженность первыхъ викинговъ и набѣдниковъ моря, одичала и получила новый характеръ; но она должна была и на новомъ поприщѣ выразиться несокрушимую энергією народнаго духа; ибо всякая сила вещественная въ историческомъ мірѣ есть только проявленіе силы духовной, и чѣмъ долѣе мирный бытъ хранилъ и воспитывалъ ее подъ своимъ тихимъ кровомъ, чѣмъ долѣе онъ сдерживалъ ее своими свободно посяемыми узамъ, тѣмъ крѣпче выступаетъ она на поприщѣ дѣятельности, тѣмъ грознѣе ея первые, неожиданные удары. Такова исторія Скандинавіи; таково объясненіе тѣхъ страшныхъ, кровавыхъ, но бесспорно высоко-поэтическихъ подвиговъ, которыми она ознаменовала свое вступленіе въ обще-европейскую жизнь.

Долго была она спеленана и какъ бы сдвлена узами, связывавшими ее съ славянскимъ востокомъ; долго составляла она только часть его широкой народной системы. Отъ него получила она если не население свое (ибо население ея было безъ сомнѣнiя корня германскаго), то по крайней мѣрѣ стихiю своего правительственнаго сословія; отъ него получила она религіозно-просвѣтительное начало, съ нимъ неразрывно связана она была своею торговлею (что явно изъ названiя шелка и изъ склада аравійскихъ монетъ), съ нимъ наконецъ составляла одно обширное общество народовъ, иногда возмущаемое междоусобiями, но отдѣльное отъ остальнаго міра и замкнутое единствомъ жизни, обычаевъ и общихъ выгодъ. Это опять доказывается постояннымъ участіемъ Свигтiода въ общественныхъ трезолненiяхъ Гардарика или Гольмгарда, постояннымъ вмѣшательствомъ Гардарика въ междоусобiяхъ Свигтiода и всѣми сагами о до-историческихъ герояхъ, которые по дѣятельности и подвигамъ, родственнымъ союзамъ, воспитанiю и часто даже происхожденiю принадлежатъ столько же сѣверной Руси, сколько и самой Скандинавіи.

Неразумно бы искать въ этой до-исторической жизни сѣверной Европы какихъ нибудь формальныхъ союзовъ, правильно построенныхъ федерацій или чего нибудь похожаго на государственную дѣятельность. Это былъ міръ отдѣльный отъ остальнаго, но отдѣленный безотчетно и безсознательно особенностями племенными и религіозными и географическими условiями. Историческая эпоха начинается распаденiемъ этого міра и явленiемъ центровъ мѣстныхъ и народныхъ, болѣе или менѣе свободныхъ отъ вліянія областей, съ которыми они жили *общеою жизнию въ продолженiи многихъ вѣковъ*. Для Скандинавіи это начало опредѣляется происшествiемъ, которое народная память окружила всѣмъ величiемъ древняго эпоса. Надежiе викинговъ уже заключало въ себѣ освобожденiе мѣстной стихiи, и притязанiе на отдѣльную самостоятельность, но ихъ побѣдитель, грозный и кровожадный Гаральдъ-Гильдетандъ, не понявъ вполне значенiя переворота имъ же совершеннаго, остался въ тѣхъ же или почти тѣхъ же отношенiяхъ къ міру

восточному, въ которыхъ находились его предшественники. Новое возстаніе копчило дѣло, начатое Гаральдомъ. Уже старъ и слѣпъ былъ король, гроза всего сѣвера, нѣкогда не насытимый ни корыстью ни опасностью боевою, когда поднялись противъ него подданные, долго тѣспимые и угнѣтаемые его желѣзною волею. Поэзія сѣвера въ продолженіи многихъ вѣковъ прославляла эту послѣднюю борьбу, и исторической критикѣ возможно только пониманіе ея общаго смысла съ устраненіемъ подробностей, созданныхъ или искаженныхъ вымысломъ скальдовъ. Поднимается весь сѣверный полуостровъ и вызываетъ на бой непобѣдимаго старца. Грозный слѣпецъ радуется битвѣ, которая увѣнчаетъ его жизнь или блистательнѣйшимъ торжествомъ или смертію достойною воина. Безчисленное мѣстное войско собирается со всѣхъ концовъ Скандинавіи. Имъ предводительствуетъ Сигурдъ Рингъ, славный славою своего сына, Рагнара Лодброка, любимца сѣверной поэзіи, перваго изъ тѣхъ морскихъ наѣздниковъ, которыхъ съ тѣхъ поръ сталъ высылать сѣверный міръ на опустошеніе береговъ всей Европы. Не менѣе безчисленны дружины Гаральда, но главная основа ихъ, венды и славяне, ясно указываютъ на самое значеніе борьбы, происходившей не между лицами, а между началами народными. На несмѣтныхъ корабляхъ стекаются враги къ берегамъ Браваллы; но рѣшительный бой долженъ происходить на сухомъ пути, а не на морѣ. Славные герои сѣвера являются на кровавый пиръ, и такіе которые едва ли не жили въ послѣдующей эпохѣ, и такіе, которые, безспорно, если и жили когда нибудь, то давно, по преданіямъ самаго сѣвера, уже кончили свой вѣкъ. На колесвицѣ выѣзжалъ слѣпой король но возница его не тотъ, кто обыкновенно правилъ его, конями, а одноглазый старикъ въ широко-полой шляпѣ, т. е. самъ Оденъ или Небо въ символѣ солнца и тучъ. Не съ добрымъ намѣреніемъ убилъ онъ царскаго возницу, не съ добрымъ намѣреніемъ править онъ царскою колесницею, которую устремляетъ въ самый пылъ боя. Онъ наконецъ измѣнилъ своему прежнему ученику и любимцу; онъ отыралъ врагу тайну его боевыхъ построеній и старый воинъ узнаетъ въ середнѣ

сраженія измѣну божества, на которое надѣялся и падаетъ отъ его неотразимой руки. Мѣстная стихія торжествуетъ, восточные союзники Гаральда гибнутъ или бѣгутъ; и великій переворотъ совершается въ жизни Скандинавіи. Таково сраженіе при Бравалль.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>-Стран.</i>
Первыя историческія свѣдѣнія о челоѣкѣ. Преданія Израиля.....	2
Израильская хронологія	5
Какому племени принадлежатъ первыя преданія челоѣчества.....	13
Первыя кушитскія государства: Вавилонъ, Египетъ, Южная Индія и Кашмиръ.....	23
Историческая дѣятельность кушитовъ. Жрецы. Касты.....	27
Паденіе власти жрецовъ.....	30
Иранцы. Борьба ихъ съ кушитами. Нинъ. Джемшидъ и Семирамида...	39
Общественная и умственная жизнь кушитовъ. Ихъ вліяніе на иран- цевъ. Астрономія. Письмена	52
Миграція семитовъ и праицевъ. Древняя торговля. Финикійцы.....	61
Миграція Авраама. Переселеніе евреевъ въ Египетъ. Гиксосы.....	67
Реакція кушитской стихіи въ Египтѣ.....	71
Индія. Внутреннее ея развитіе.....	75
Начало развитія Китая.....	89
Малая Азія. Троя и ея борьба съ Греціей.....	107
Вліяніе Египта и Финикіи на Грецію. Критъ и Фивы.....	117
Пелазги и Эллины	119
Внутренній характеръ эллинской жизни. Религія эллиновъ.....	125
Политическая жизнь Греціи. Эра Олимпіадъ.....	133
Египетъ послѣ освобожденія отъ Гиксовъ. Эпоха его величія и заво- еваній.	134
Паденіе египетской державы. Разложеніе египетской религіи.....	137
Израиль. Его исторія въ эпоху судей и царей.....	150
Упадокъ израиля. Эпоха пророковъ.....	163
Движенія народовъ на сѣверѣ. Киммерійцы. Скиѣты. Сарматы. Азы...	166
Индустанъ. Развитіе Вишнуизма. Буддаизмъ.....	171
Китай. Его процвѣтаніе. Лао-тсеу. Конфуцій.....	179
Паденіе Ассиріи. Освобожденіе Вавилона. Его значеніе	193
Навуходоносоръ. Паденіе Египта. Пльненіе царства іудейскаго	198
Земля малоазійскія. Мидія.....	212
Персія. Паденіе Мидіи.....	219
Киръ. Торжество Ирана надъ землями кушитскими.....	223
Внутренній характеръ персидской державы.....	227
Освобожденіе израильтянъ.....	230
Дарій. Его завоеванія. Походъ противъ скиѣтовъ	233
Столкновенія персовъ съ Греціей.....	238
Развитіе эллинской жизни. Спарта и Аѣны	243
Величіе Аѣнъ и начало упадка	249

II

Умственное развитие Эллады. Религія, искусства, философія.....	251
Паденіе Эллады. Македонія и Филиппы.....	260
Александръ. Его завоеванія и отношеніе къ покореннымъ.....	264
Преемники Александра. Египеть при Птоломахъ. Индо-бактрійское царство.....	269
Индія. Ея исторія. Характеристика ея развитія. Ея вліяніе въ чело- вѣчествѣ.....	284
Китай. Введеніе буддизма и другія западныя вліянія.....	300
Народы средней и сѣверной Азіи. Ихъ движенія.....	306
Древнѣйшая исторія Италіи.....	310
Троянскія колоніи въ Италіи. Альба.....	329
Начало Рима.....	332
Второй періодъ Рима.—Сабинская стихія.....	338
Патриціи и плебен.....	342
Вліяніе эллинское. Греки въ Италіи.....	346
Царствованіе Сервія Тарквиній гордый.....	350
Изгнаніе царей.....	351
Борьба съ этрусками.....	355
Борьба плебеевъ съ патриціями. Ея результаты.....	358
Война Рима съ сосѣдними племенами Лаціума.....	363
Движеніе кельтовъ на западъ. Вторженіе въ Италію.....	365
Раззореніе Рима галлами. Войны и покореніе Италіи.....	371
Характеръ Карвагена. Борьба его съ Римомъ.....	372
Завоеванія Рима на востокъ. Паденіе Македоніи, Греціи, царства си- рійскаго.....	381
Внутренній характеръ Рима послѣ его завоеваній. Гракхи.....	385
Движеніе на сѣверовостокъ. Походы кимвровъ и тевтоновъ Марій... ..	388
Митридатъ и Силла.....	392
Паденіе республики. Основа государственной силы Рима.....	394
Помпей и Юлій Цезарь.....	396
Завоеваніе Галліи. Походы въ Британію и Германію.....	397
Торжество Цезаря надъ Помпеемъ.....	400
Октавіанъ—Августъ. Начало имперіи.....	401
Религіозное состояніе Рима. Значеніе права.....	404
Религіозное состояніе Эллады. Философскія школы.....	408
Религіозное состояніе Израиля. Мессіаниззмъ.....	410
Состояніе міра при Августѣ.....	412
Явленіе Мессіи.....	—
Мѣсто принадлежащее христіанству въ историческомъ развитіи міра.....	413
Связь христіанской эпохи съ прежнею.....	416
Держава Августа. Его завоеванія; борьба съ германцами.....	417
Первые преемники Августа. Маркоманны. Покореніе Британіи.....	423
Паденіе Іудеи.....	424
Характеристика эпохи первыхъ кесарей.....	432
Движеніе народовъ въ сѣверовосточной Европѣ. Роксоланы и готы.....	437
Траянъ. Его значеніе.....	440
Преемники Траяна. Вторженіе германцевъ.....	443

III

Пробужденіе восточныхъ народовъ. Сарацины. Царство палмырское.	
Сассаниды.....	450
Римское государство въ III вѣкѣ. Его внутреннее состояніе. Характеръ философскихъ школъ.....	453
Борьба римскаго государства съ христіанствомъ.....	460
Китай и средняя Азія въ первые вѣка по Р. Х.....	463
Гуны; ихъ славянская стихія; ея борьба съ германцами.....	466
Эрманарикъ и Атилла.....	469
Освобожденіе славянскихъ племенъ.....	474
Распаденіе римской имперіи. Діоклетіанъ и Константинъ.....	477
Обращеніе Константина; свойство онаго.....	479
Церковныя распри. Аріанство; его послѣдствія.....	481
Юліанъ.....	484
Θеодосій; христіанство какъ государственная религія Рима.....	487
Разрушеніе римской имперіи на западѣ. Гуны и готы.....	490
Живучесть восточной имперіи и безсиліе западной; причины этого различія.....	449
Германцы—завоеватели запада. Θεодорикъ. Царство готовъ и лонгобардовъ въ Италіи.....	508
Бургунды, алеманны и франкы.....	513
Дружина меровинговъ.....	518
Хлодовикъ.....	519
Внутренній характеръ державы меровинговъ.....	521
Саксы. Завоеваніе Британніи. Христіанство въ Ирландіи.....	525
Саксы и англй завоеватели Британніи.....	532
Лонгобарды въ Италіи.....	540
Вестготы въ Испаніи. Измѣненіе символа вѣры.....	541
Завоеванія меровинговъ на востокъ.....	545
Общій характеръ развитія Франціи и западной Европы.....	548
Ходъ дѣлъ въ Византіи. Религіозные споры.....	551
Значеніе соборовъ.....	557
Юстиніанъ.....	558
Языческая и христіанская стихія въ Византіи.....	561
Авары и болгары. Ихъ отношеніе къ славянамъ.....	564
Маврикій, Фока и Ираклій. Призывъ славянъ за Дунай.....	570
Аравія; ея племенные и религіозныя стихіи.....	576
Мухаммедъ. Характеръ ислама.....	579
Персія. Манихейство. Хазрой и Ираклій.....	586
Завоеваніе Персіи исламомъ.....	592
Завоеваніе исламомъ Сиріи, Египта и сѣверной Африки.....	594
Халифатъ.....	597
Византія въ VIII в. Иконоборство.....	601
Царство хазарское.....	611
Царство болгарское на Дунаѣ.....	617
Обращеніе славянъ въ христіанство. Василій македонянинъ.....	625
Раздѣленіе церквей; разрывъ Запада съ Востокомъ.....	629
Событія въ Китаѣ.....	637

IV

Начало японскаго царства.....	650
Американскія государства. Тольтеки.....	653
Индустанъ; время его паденія.....	662
Мусульманскій міръ. Омміяды и Аббасиды.....	671
Распаденіе халифата.....	673
Персія. Газневиды. Завоеваніе Индіи мусульманами.....	681
Начало турецкихъ завоеваній. Сельджуки.....	684
Распространеніе иелама между хазарами и болгарамъ волжскими....	690
Волжская Болгарія и Русь.....	694
Христіанство и мусульманство. Причины временнаго преобладанія послѣдняго.....	697
Римскій епископъ и франки.....	701
Характеръ историческаго развитія западной Европы. Церковь западная въ сравненіи съ восточною.....	706
Государственная жизнь на западѣ. Франки и галлы.....	721
Борьба меровъ съ духовенствомъ.....	737
Духовная борьба кельтовъ съ гермапо-римскими началами.....	740
Распространеніе христіанства въ Германіи.....	743
Карль Великій.....	745
Значеніе Карла Великаго въ исторіи новой Европы.....	761
Преемники Карла Великаго.....	767
Мадьяры.....	787
Возрожденіе Германіи. Генрихъ Птицеловъ. Чехія.....	801
Начало борьбы императорской власти съ папскою. Преемники Оттона.....	811
Земли славянскія. Принятіе христіанства Польшею.....	815
Генрихъ II, Конрадъ Салійскій и Генрихъ III.....	818
Франція при послѣднихъ Карловингахъ.....	821
Капетинги. Политическое и нравственное преобладаніе Франціи.....	828
Англія подъ властью англо-саксовъ. Ея племенные стихіи.....	835
Славянская стихія въ новомъ населеніи Англіи.....	849
Христіанство въ Англіи.....	853
Саксонская гептархія.....	857
Земли скандинавскія. Завоеванія норманновъ въ Англіи.....	863
Альфредъ Великій.....	870
Преемники Альфреда. Умственное развитіе Англіи.....	876
Эдгаръ. Присоединеніе Англіи къ скандинавскимъ государствамъ. Кануть Великій.....	888
Эдуардъ Исповѣдникъ. Франко-норманское завоеваніе.....	899
Англія при первыхъ норманнскихъ короляхъ: Ея развитіе въ сравненіи съ Франціею и Германіею.....	909
Италія послѣ Карла Великаго.....	920
Развитіе папства.....	948
Испанія послѣ завоеванія арабами.....	959
Сѣверъ Европы: Швеція. Ея племенные стихіи и мѣры.....	991